

Дональд Маккуин Странница

, OCR, SpellCheck: shtuks <http://lib.rus.ec/>
«Странница»: Изд-во ЭКСМО-Пресс; М; 1998
ISBN 5-04-001821-5

Аннотация

Проведя пять столетий в анабиозном сне, группа добровольцев-исследователей проснулась в совершенно ином, незнакомом мире, живущем по своим законам. Но, как известно, в чужой монастырь... Так что процесс адаптации к мечам кочевников, интригам венценосных особ, пророчествам жрецов завершился достаточно быстро. Часть пришельцев-чужеземцев присоединяется к Сайле — Жрице Роз в ее поисках загадочных Врат, охраняемых душами погибших Учителей и... лазерными пушками.

Дональд Маккуин СТРАННИЦА

Посвящается тем, кто замкнул круг — Бетси, Элисон и Робину, — с любовью и гордостью. Моему другу Бретту Керролу, человеку, владеющему магией науки и знающему толк в обучении.

Пролог

Солнце стояло в зените, и на всем небе, сколько хватало глаз, не было ни облачка. В этой гористой местности его слепящий блеск был подобен каре небесной, безжалостной, как сама правда.

По тропе к вершине горы, тяжело дыша, карабкались трое. Тяжелые черные мантии, полы которых едва не волочились по земле, и надвинутые на лоб капюшоны сильно затрудняли их движения.

Внизу за камнями пряталась от ветра разрозненная группа других облаченных в черное людей. А еще ниже по склону виднелась черно-зеленая стена леса, исполняющего свой вечный танец под упрямую музыку стихии.

Невдалеке от группы ожидавших на земле стояли трое больших занавешенных носилок. Разрисованные яркими красками и украшенные цветами, они резко выделялись на

фоне сдержанных тонов горного пейзажа. Временами порывам ветра удавалось оторвать нежные яркие лепестки, и они, кружась в своей полупрозрачной прелести, падали на землю и терялись среди скал.

Наконец первый путник, тяжело вздохнув, взошел на вершину горы — почти плоскую, больше похожую на небольшое плато. Длина этого плато из конца в конец не превышала ста больших шагов, а ширина была вдвое меньше. На южной стороне стоял храм. Размером с хижину, он поражал взор утонченной резьбой по камню и точностью архитектурных пропорций.

Серая железная дверь была наглухо заперта. Ее гладкая металлическая поверхность вызывала невольный вопрос — защищает ли она кого-либо или что-либо? А может, за ней таится опасность?

Или и то, и другое?

Одетые в мантии откинули свои капюшоны и подняли лица к солнцу. Все они оказались женщинами в годах. Та, что шла первой, — почти старуха. Они осенили себя Тройным Знаком — сжав руку в кулак и коснувшись большим пальцем лба, рта, левого, а потом правого глаза. Затем, неловко поправив мантии, подошли ближе друг к другу, опять надели капюшоны и направились к порогу храма. Несмотря на внешнюю стройность процессии, в ней была заметна какая-то дисгармония. У двоих чувствовалось явное нежелание идти, и они все время стремились прикоснуться друг к другу. Третья двигалась решительно и спокойно.

Дойдя до порога, женщины преклонили колени и достали из-под мантий дары. Старшая положила на порог зернышко кукурузы и зернышко пшеницы. Ее товарка насыпала на тарелку соль из кожаного мешочка. Ее вторым подношением был слиток железа размером с палец. И, наконец, третья женщина, достав еще одну глубокую тарелку, наполнила ее водой из фляги. И еще она положила клубок шерсти. У нее одной не дрожали руки.

Дверь распахнулась, и на женщин обрушился грохот огромного невидимого барабана, удары которого они не только услышали, но и почувствовали. Звук усилился, совпадая с ударами сердец, подчиняя себе души женщин. Потом чуть стих, словно отойдя в тень.

Из недр каменных стен донесся сухой, как пепел, голос:

— Единственной ведомо, зачем ты пришла, Сестра-Мать!

Нервная дрожь превратила церемонный поклон старшей из женщин в судорожный кивок. Она попыталась заговорить, но смогла выдать лишь слабый плачущий звук.

Женщина, принеся в дар воду, откинула свой капюшон; бледные губы были плотно сжаты, глаза сузились от напряжения. Она произнесла:

— Мы пришли молить тебя о помощи.

Но сухой голос нараспев ответил:

— Жнея, говорить здесь будет Сестра-Мать, а не ты! Единственной ведомы твои мысли, и она молится, чтобы ты нашла дорогу назад.

Жнея подняла голову.

— Душой, сердцем и разумом я предана Церкви!

Опять загрохотал барабан. Сестра-Мать пала ниц на пороге-алтаре. Спутница последовала ее примеру, сжавшись в комочек, подобно плоду во чреве. И только Жнея не сдвинулась с места, с гримасой на лице и закрытыми глазами. Грохот оборвался. А голос продолжил с холодной шелестящей яростью:

— Ты осмелилась лгать Единственной! Но мне ясны твои планы. Сестра-Мать, слушай меня! Тебе требуется стойкость, как никогда ранее. Ты, Сборщица, слушай меня: твои люди — суть глаза и уши Сестры-Матери, они должны знать все! Те, что идут за Церковью, вечно новы и стары. Достаточно малы, чтобы спрятаться в любом месте, достаточно могущественны, чтобы уничтожать гигантов и их рабов. Грядущее принесет зло бедным. Все, что может спасти Церковь, есть редчайшее сокровище. Церковь должна создать его. Имея его, она поведет за собой. А без него умрет. И в любом случае Церковь не сможет остаться прежней.

Все еще не подымая глаз, Сестра-Мать взмолилась:

— Помоги мне! Укажи, что делать, кому довериться?

Из-за дверей проскрежетал смех.

— Церковь будет по-прежнему доверять своим врагам! — А затем голос жестко добавил: — Никто не сделает для Сестры-Матери то, что она сама должна для себя сделать. Единственная может лишь предупреждать. Нарождаются все новые и новые империи; бойся не только их мощи. Страшись растущей власти Сайлы из аббатства Ирисов, которой вы так долго опасались. Сила, способная разрушить Церковь, проявится с первыми признаками следующей весны. У тебя ровно один год, чтобы подготовиться. Цветок воссияет во славе белым и черным, всемогущей магией, создающей красоту и разрушения, войну и мир!

Дверь качнулась, наполовину закрывшись. Теряя самообладание, Сестра-Мать кинулась вперед:

— Скажи, должна ли Церковь поразить Сайлу? Одну из нас? В чем истинная ценность? Скажи мне, что же делать?

Дверь дюйм за дюймом продолжала закрываться:

— Единственная никогда не видит всего... Она не может до конца понять то, что видит... Однако мне есть еще что сказать тебе, Жнея: во многих перерождениях и трансах я пыталась разгадать эту тайну. И всегда в моих видениях была ты, и ты чего-то ждала... У самой грани, понимаешь? Без четких очертаний, а всего лишь твой дух. И мне открылась смерть. Знаешь, о чем это говорит, сестра?

Длинную паузу, в течение которой Жнея обдумывала свой ответ, заполнили рыдания Сестры-Матери.

— Вероятно, то, что мне нужно будет сражаться за Церковь. Она должна выжить. Насилие будет, как и было всегда. А что касается меня, то я не боюсь смерти во имя Церкви!

— Хорошо сказано. Может, тогда Церковь по крайней мере изменится? — голос был терпелив.

— Церковь вечна и неизменна!

— Ты наводишь тоску. — Дверь захлопнулась, но голос через нее прозвучал удивительно отчетливо: — Опасайся, Сестра-Мать, лжецов и неверующих. Но больше всего бойся вернейших из верных. Они лгут изощреннее.

Женщины покидали плато, а за ними с другого края из своего укрытия пристально следил небольшого роста человек, завернувшийся в плащ цвета окружающих скал. Спускаясь, Жнея повернулась и сняла свой капюшон, а потом снова надела его и исчезла из вида, последовав за спутницами.

Человек поспешил к маленькому храму. Перешагнув через дары, он вытащил короткий меч с широким лезвием и нерешительно постучал в дверь торцом рукояти.

Ответа не последовало.

Ухватившись за ручку, он резко потянул. Дверь легко отворилась. Рука с мечом, непроизвольно дернувшись, пронзила пустое пространство. Человек медленно вошел в комнату, глаза его были полны страха. На полу в маленьком каменном горшке тлел ладан, тонкие струйки дыма поднимались и обволакивали иссохшее и морщинистое лицо старой, очень старой женщины. Через мерцающую пелену она смотрела на него с презрением, которое не вязалось с ее голосом, тихим, как ласка.

— А-а, это ты! Храбрый воин. Единственная приветствует тебя.

Она показала на два куска материи рядом с кадилом. От этого движения вошедшего окутали клубы дыма, и он резко отшатнулся. Лицо женщины скривилось в улыбке сострадания.

— Возьми это с собой, — сказала она, а когда воин повиновался, продолжила: — Передай это Жнее. Скажи ей: «Единственная опечалилась, увидев, что ты одержишь и другие подобные победы. Некоторые из них будут столь же важны, как сегодняшняя».

Пришелец, сделав над собой усилие, кивнул.

— А теперь бей, — скомандовала она, — все будет, как предначертано!

Человек, задрожав, осенил себя Тройным Знаком.

— Бей, — крикнула она, — сейчас же, или по слову Вездесущего ты узнаешь и о своей смерти. Бей, трус, как тебе суждено!

Он так и сделал, и его отчаянный вопль перекрыл стон, вырвавшийся из уст предсказательницы.

Снова раздался бой барабана-сердца. Задыхаясь от волнения, маленький человек бросил свой меч и закрыл руками уши, но ритм все равно проникал в каждую клетку его существа, разрывая плоть. Спотыкаясь, всхлипывая, как побитый ребенок, он попятился из комнаты и, оказавшись на солнце, бросился прочь.

Чуть погодя маленький человек приблизился к украшенным голубым и зеленым носилкам Жнеи, стоявшим у сосен на склоне горы. Женщина увидела его через полупрозрачную занавеску и, оглядевшись вокруг, приказала носильщикам удалиться. Оставшись одна, Жнея жестом подозвала маленького человека. Как только он подошел и преклонил колени, спросила:

— Ну что, сделал?

— Да, Жнея, — ответил он, отведя глаза. Его тон вызвал у нее подозрения. Женщина отодвинула занавеску: — Она что-то сказала, не так ли?

Мужчина протянул ей взятое из храма. Лицо у Жнеи вытянулось, когда она увидела свой собственный пояс, пропавший год назад. Вторым оказался лоскут мантии с вышитой эмблемой Ириса — одного из Орденов Избранных. Жнея бросила все это на землю к подножию носилок. Недвижно, словно окаменев, выслушала она предсказание, откинувшись на спинку носилок и стала размышлять.

Эта эмблема, должно быть, принадлежала Сайле, когда та была ребенком. Сейчас она уже взрослая женщина, военная целительница. Значит, это — предупреждение. Всем известно, что предсказательница была другом свихнувшейся настоятельницы аббатства Ирисов с дальнего севера, известной своими истеричными видениями о Вратах. А Сайла — ее любимица. Кроме того, эти куски ткани доказывали, что для своих предсказаний прорицательница пользовалась личными вещами. Это был грех. То есть она была мошенницей. Никто из тех, кому открыто будущее, не станет спокойно ждать, пока его убьют.

И все-таки она абсолютно точно предсказывала многое на людской памяти. Ее слова о победах подтверждали, что она действительно что-то видела! Старая дура...

Внезапно Жнея резко выпрямилась. Конечно же! Победы! Предсказательнице было Видение: кто победит в грядущем противостоянии. И колдунья, не в силах вынести этого знания, сама захотела умереть!

Жнея выглянула из носилок и спросила мужчину:

— Ты уверен, что она умерла? Где твой меч?

Человек, все еще не вставая с колен, отпрянул, съежившись от страха.

— Да поможет мне Вездесущий, я это сделал! А потом услышал, как бьется ее мертвое сердце. Я бросил оружие, моей руке было больно. Больно, холодно, Жнея! Мой меч стал холоднее льда. Я и сейчас не могу согреться. Что мы наделали?

— Мы? — Жнея опустила между ними занавеску. — Ты совершил прегрешение на святой земле. Ты убил провидицу из провидиц! Молись, чтобы я продолжала благоволить к тебе и нашла епитимью, которая поможет тебе спасти душу. А сейчас убирайся!

Мужчина исчез.

Жнея задумчиво произнесла:

— Так она сказала — следующей весной? Через год... Немного времени. Если позволить этой дуре искать Врата, она приведет всех нас к расколу. Но если она что-нибудь найдет... — Думать об этом Жнее было невыносимо больно. Она уставилась в пространство, а потом сказала решительно:

— Провидица знала.

Жнея посмотрела на расшитые серебром и золотом носилки и улыбнулась. Потом

улыбка постепенно погасла, губы сжались над стиснутыми зубами, глаза сузились, дыхание участилось. Грудь вздымалась так, словно женщина боролась с демоном, едва удерживая его в себе.

— Сайла, — сказала она, и имя это слетело с ее губ, как капля яда. — Сайла!

Книга первая Путь ошибок

Глава 1

Отблески беспокойного огня, потрескивавшего в очаге, танцевали на стенах из необработанного камня. Не в силах осветить всю комнату, они вырезали в темноте блуждающий красноватый островок. Когда последнее полено развалилось в груды шипящих углей, в той части комнаты, куда свет не доставал, почувствовалось какое-то ответное движение.

В комнате стояло кожаное кресло, настолько потемневшее от времени, что стало чернее ночи. Опять послышался какой-то звук. В темноте проступила фигура, закутанная в черную мантию.

Из необъятного рукава лениво показалась рука. Она начала гладить мягкую шерсть ткани в каком-то задумчивом ритме, а потом решительно откинула капюшон. Вызывающе сверкнуло золото — массивный браслет и кольцо. В чертах лица читалась решительность и бескомпромиссность, едва ли не затмевающие красоту женщины. Волна черных как смоль волос блестящим водопадом растеклась по плечам.

Неспешно поднявшись, женщина направилась к очагу подбросить дров. Но по дороге насторожилась, прислушиваясь. В толстые деревянные ставни стучал дождь. В дымоходе постанывал ветер.

Она была уверена, что слышала что-то еще. Отдаленные крики? Стук копыт?

Этого не могло быть. Гэн Мондэрк не станет выводить войска из замка, не предупредив всех, кто в нем живет. Атакой это тоже быть не могло. Слышались бы крики сражающихся воинов и гром литавр.

По спине женщины пробежала дрожь, нахлынули воспоминания.

Много лет назад была такая же ночь, когда девочка почувствовала опасность, тяжелую жестокую силу, готовую обрушиться на ее дом. И дом этот был хижиной, а не замком.

Девочка носила другое имя, когда пришли воины и убили на ее глазах всю семью. Никому до нее не было дела, пока Церковь не избрала ее, спасши от смерти или рабства. Церковь дала ей имя и судьбу, что было ее правом и обязанностью.

Девочка выжила потому, что научилась прятать свои воспоминания. У Избранных нет воспоминаний — кроме тех, что связаны с Церковью. Иначе они исчезли бы. Навсегда. Таковы правила. Апокалипсис гласит: *«Дабы быть Избранным для служения Церкви, нужно отбросить и забыть все, что прошло и что было. Прошлое мертво. И сегодня, и завтра те, что зовутся Избранными, есть самые драгоценные из ее орудий, они — суть живое доказательство, что всем предназначено жить в мире с землей».*

Теперь девочка выросла, став — Сайлой, Жрицей Роз, военной целительницей, женой Класа на Бейла, верного друга Гэна Мондэрка.

Сквозь ветер и дождь Сайла снова слышала необычные звуки и, успокаивая себя, сказала, что бояться здесь нечего. Разве не сама она участвовала в создании этого святилища?

Святилище. Слово вызвало у нее привкус горечи.

Святилище, храм Гэна Мондэрка, созданный после того, как он объединил баронов Харбундая и сверг Алтанара, короля прежде непобедимой Олы. Теперь Гэн правил Тремя Территориями: Харбундаем, Олой и огромными землями своего полукочевого племени Людей Собаки, живущего к востоку от Гор Дьявола. Именно Гэн попросил Класа на Бейла

возглавить племя вместо него, тем самым лишив ее мужа.

Святилище.

А без Класа везде было одиноко.

Под дверью показался отблеск факела, зловещий символ, становившийся все ярче и ярче по мере приближения. И вот уже колеблющиеся отблески мерцают у самых ног Сайлы.

Это крыло замка было пустым — здесь собирались поселить новых девочек, предназначенных для обучения искусству военных целительниц. Если она закричит, никто не услышит.

Послышался торопливый неразборчивый мужской шепот. Потом — сдавленный смех, напугавший ее еще больше. Звук шагов затих вдали, а свет факела остался.

Засов двери медленно пополз вверх. Подпереть дверь было нечем. Толстые доски, из которых она была сбита, производили обманчивое впечатление надежности. По приказу короля Алтанара в его замке ни одну дверь, кроме его собственной, нельзя было запирать на засов от него и тех, кого называли блюстителями истины.

Сайла выпрямилась. Правая рука в рукаве ощутила успокоительное прикосновение маленького кинжала. Еще раз Сайла напомнила себе, что она — частица Церкви и потому свята. Каждый, кто преднамеренно убьет ее, неизбежно падет жертвой всякого, кто хранит верность Церкви.

Но были и те, для кого жажда власти затмевала страх смерти или вечного проклятия.

Они уже пытались убить ее. В тот раз ее спас Клас. Если ей придется сейчас драться, так тому и быть! Молить о пощаде она не будет.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала Сайла, и движение засова прекратилось. А потом он снова рванулся вверх, и дверь распахнулась настежь. Сделавший это человек стоял, нагнувшись вперед с поднятым выше головы факелом, так что лицо его оставалось в тени.

Сайле не нужно было его разглядывать.

— Клас! — голос, мгновения назад решительно отвергавший страх, предательски дрогнул. — Это ты! Что ты здесь делаешь? Все думают, что ты сейчас вместе со своим племенем! Дорога, снега... Это же так опасно!

Он вошел и прикрепил факел у очага. Легко подняв ее на руки, он захлопнул ногой дверь и понес ее дальше в комнату. Поцеловал; она пылко ответила, наполовину плача, наполовину смеясь, а потом отстранилась. Прервав поток ее невысказанных вопросов, Клас сказал:

— Нет, сегодня мы будем говорить лишь о любви. А завтра Церковь может забрать тебя обратно — ради тех проклятых поисков, что отнимают тебя у меня. Завтра поговорим обо всем, и о путях, и о снегах, обо всем. А сегодняшний вечер — наш! Мой. Он принадлежит мне, твоему мужу.

Его уверенность, право на обладание, потрясла ее. Никто так с ней не говорил, никто не называл своей. Она непроизвольно напряглась, и изнутри потянуло холодком.

Он зарылся лицом в ее волосы, лаская их губами.

— Я должен был прийти, увидеть тебя до отъезда. Моя жизнь — это лишь второй мой долг, пока ты не закончишь то, что должна сделать, и не сможешь вернуться ко мне. Я люблю тебя, Сайла. Моя Сайла!

Она изо всех сил прижалась к нему. Жилка у Класа на шее билась о ее кожу, в унисон участвовавшим ударам ее сердца.

— И я люблю тебя, Клас. Мой Клас!

Глава 2

Сайла поднялась, как всегда, рано. Сонно потянувшись, она накинула мантию на голое тело, распахнула оконные ставни, бросила взгляд на серый ломкий рассвет и только после этого проснулась по-настоящему. Перед ее взором лежали мрачные дали Внутреннего Моря, на горизонте окаймленные горами Китового Побережья. Заснеженные вершины гор

закрывали тяжелые облака.

Ее взгляд привлекло легкое трепетание вод. По направлению к пристани Олы шло, поблескивая веслами, небольшое судно. Из-за штиля паруса свернули. Сайла нахмурилась. Такое судно нельзя было спутать ни с каким другим. Корабли Скэнов были печально знамениты всюду — их команды либо грабили, если чувствовали, что смогут уйти безнаказанно, либо торговали, если положение складывалось не в их пользу. Они странствовали и нападали всюду, куда море позволяло им добраться. Некоторые капитаны покупали рабов, чтобы те гребли, в надежде, что удастся в случае нападения оторваться от Скэнов, но мало кому это удавалось.

С тех пор как прошлым летом Гэн Мондэрк победил их, ни один Скэн не появлялся в Оле.

Сайла поежилась, и дело было не только в холодной утренней сырости.

Гэн Мондэрк... Прошрое лето... Иногда ей казалось, что это было тысячу лет назад.

Клас на Бейл был тогда главным военным наставником Людей Собаки, а Гэн Мондэрк — его учеником, ночным дозорным. Фалдар Ян попытался отобрать власть Вождя Войны у отца Гэна. В поединке Гэн убил Фалдара Яна. Его предали, — и происшедшее стало выглядеть так, будто Гэн нарушил кодекс чести племени. Мондэрк был вынужден бежать, и вместе с ним в изгнание отправился и Клас. Преемником Фалдара стал его сын, Бей. Он погиб при подозрительных обстоятельствах, оставив на посту Вождя Войны человека по имени Ликат. Ликат попытался объединить Людей Собаки с людьми короля Алтанара, стараясь победить народ Харбундая. Когда Люди Собаки поняли, что во главе армии Харбундая встал Гэн, они отвергли Ликата. Теперь Вождем Войны по требованию Гэна стал Клас, а сам Гэн занялся объединением Трех Территорий.

Последнее напомнило Сайле о необычных чужеземцах, которые тоже оказались втянутыми в судьбу Гэна.

Что стало бы с ней, Гэном и Класом без этих странных людей? Такая удача может повлечь и неменьшее невезение.

Не повезло, подумала Сайла, как раз другим, а не Гэну.

Ведь это ей пришлось прожить без Класа всю осень и зиму, готовясь к поискам, в которых из-за Гэна не мог принять участие Клас. И кто знает, сколько времени ей придется провести без него в пути?

Гэн. Во всех его испытаниях с ним была жена Нила. Он чувствовал ее поддержку, она заботилась о нем. У него есть сын. Их сын.

Сайле стало грустно.

Она напомнила себе, что именно из-за причастности к судьбе Гэна ее увлекла навязчивая идея, связанная с одним из величайших секретов Церкви — мифическими Вратами.

Впрочем, это была не навязчивая идея. Что-то действительно звало ее. Она не знала точно, что именно будет искать, и даже не была уверена в их существовании. Она знала лишь, что должна идти.

Обернувшись, Сайла посмотрела на своего мужа. Он спал.

Одна рука протянулась поперек кровати — там только что лежала она. Сайла скинула мантию и забралась под свесившееся с кровати покрывало. Клас повернулся на бок, она прижалась к его спине, наслаждаясь игрой мускулов, ощущавшихся при движении.

Ее наполнило чувство полноты и завершенности. Мы же едины, подумала она, удивляясь и радуясь своей неожиданной страстности.

А может, это было безрассудство?

Им необходимо было о многом поговорить. Но он лежал такой расслабленный, что у Сайлы не хватило духу его побеспокоить. Ее мысли переходили с одного предмета на другой. Как, должно быть, досталось ему при переходе через горный перевал ранней весной! Как это опасно... И утром уже надо возвращаться.

Когда Клас уйдет, время будет измеряться сроком, оставшимся до его возвращения.

Она посмотрела на шрам, рассекавший его плечо. Шрам напоминал вспаханную борозду. Как только она могла так безоглядно влюбиться в человека, чья жизнь была непрерывным сражением? И как она сможет оторваться от него?

Власть. Если только Врата существуют, в них заключена власть! И осознание того, что она так в ней нуждается, вызвало у Сайлы чувство стыда. И чего же ей не хватает? Почему власть нужна ей больше, чем любовь Класа?

Разве Учителей вела за собой жажда власти? В истории Церкви сказано, что много поколений назад несколько иерархов Церкви, называвших себя Учителями, объявили о том, что они нашли секрет Врат. Они предложили поделиться им с каждым, кто приемлет Церковь, в обмен на равенство полов. По преданию, мужчины истребили их. И это все, что знали о Вратах.

Сайла заставила себя разжать кулаки. Она подумала о том, что ее с детства воспитывали строго хранить секреты Учителей.

Класу этого никогда не понять.

Ведь он же воин. Он умеет драться и убивать. Знает, что такое риск, и каково, когда тебя пытаются.

А о том, как быть чьей-то собственностью, он не знает ничего.

Она является Избранной, а Избранные принадлежат Церкви, они — ее собственность.

Сайла считала, что это жестоко; женщины Церкви все время боролись за независимость. Без мужской защиты не принадлежащая Церкви женщина была не более чем домашняя утварь, предназначенная лишь для того, чтобы рожать детей.

Я стану свободной! Нет такой истины, такой правды, которая позволяла бы одному человеку владеть другим.

Эти слова прозвучали у нее в голове так громко, что она испугалась, что произнесла их вслух.

Успокоившись, Сайла сказала себе, что добьется этого. Никто и никогда уже не сможет ей угрожать, если она будет наделена властью Врат. И все женщины займут достойное место.

Клас пошевелился, чуть повернувшись. Нахмурился, потом опять расслабился. Она запустила свои пальцы в его короткие жесткие волосы. Новая стрижка. Ее тронуло осознание того, что он сделал ее специально для этой поездки к ней.

Он неожиданно повернул к ней лицо и схватил ее за руку так быстро, что Сайла не успела ее отдернуть.

— Да ты все это время не спал!

Он рассмеялся:

— Да как я мог спать, когда ты так громко думаешь!

Это была шутка, но совпадение произвело сильное впечатление. Она попыталась оттолкнуть его, когда он навис над ней, облокотившись на локоть. С таким же успехом можно было бы пытаться оттолкнуть стену.

— Отстань, отстань, — она притворно возмутилась. — Смотри, солнце уже почти совсем взошло. Нам надо многое успеть сделать, и...

Он сомкнул свои руки у нее на талии и перекатился на спину, легко подняв ее. Покрывало, в которое она была завернута, образовало над ними подобие темной палатки. Она притворилась, что в ней клоочет гнев, хотя в действительности в ней бушевала радость бытия. В конце концов, рассмеявшись, Сайла накрыла его лицо руками, закрыв черную квадратную татуировку над шрамом на щеке.

Голос его становился все настойчивее.

— Пусть солнце встает себе. Есть только одна вещь на свете, которую мы должны сейчас сделать. — И он медленно наклонил ее к себе, словно увешанную плодами ветвь, зарывшись лицом в ее груди.

У нее перехватило дыхание. Больше она уже не думала о том, что предстоит днем. В этом моменте было все.

* * *

Через несколько часов сплошные облака разбились на множество белых клубов, разбежавшихся по небу, словно толстые лохматые щенки. Яркие лучи солнца согрели наезженную дорогу к пристани, выбивая снопы света из пенистых волн маленькой гавани, защищенной каменными молами.

В дороге Сайла держала Класа за руку. Увидев, как он нахмурился, она спросила, что его беспокоит.

Клас колебался, что было совсем на него не похоже.

— Конвей и Тейт... Они на пристани. Ты сказала, никто не пойдет приветствовать этих налетчиков, рейдеров племени Скэнов, а они явились. Жаль, что вместе с тобой в путешествие отправятся не воины людей Собаки, а эти чужеземцы.

Она была так удивлена, что остановилась, тут же отняв свою руку, и повернулась к нему лицом:

— Чужеземцы? Но они же сражались вместе с тобой и Гэном! С того дня, как ты уехал, они делали все, чтобы мои поиски стали и их главным делом. Они научились ездить верхом и хорошо владеть мечом. К тому же у них есть оружие-молния; уже само это делает их бесценными помощниками!

— Оружие-молния... Именно это меня и беспокоит! — он упрямо выставил челюсть. — Это так неестественно — убивать человека, находящегося от тебя так далеко, что ты даже не можешь его рассмотреть. Эта штука, которую они называют «вайпом», длинная трубка, что стреляет маленькими медными стрелами, — препаскуднейшая вещь. Под ней еще одна трубка потолще — бабах, и одним выстрелом убито с дюжину людей. Я благодарен им за помощь, мне они нравятся. Но... — он с трудом подбирал слова, а потом выпалил: — Видела бы ты их во время нападения людей из племени Дьяволов. Ну, помнишь, когда мы с Гэном их спасли? Они действовали так, слово впервые видели настоящую драку. Помимо Тейт и, я думаю, Конвея, так оно и было. Они не просто чужеземцы, они какие-то странные!

Он остановился и посмотрел на горы Китового Побережья так, словно именно они были виноваты в его сомнениях.

Сайла хотела было с ним поспорить, но не стала. Когда он в таком настроении, ему ничего не докажешь.

В действительности никаких неприятностей от этих чужеземцев не было. Никто не имел ни малейшего понятия, откуда они появились. Даже торговцы — эти люди без роду без племени, которые болтались всюду, никогда о них не слыхали. Больше того, чужеземцы утверждали, что они путешествовали между горами Дьявола и их родными землями, но до нападения Дьяволов никто их не замечал. Это было неправдоподобно.

Вряд ли хоть кто-нибудь, кто хоть раз видел женщину по имени Доннаси Тейт, забудет ее. Не только тем, что она была чернокожей — она произвела такое впечатление на Гэна и других воинов, что смогла стать одним из командиров армии. В преданиях старины говорилось, что некоторые из гигантов, правивших миром до его начала, были черными. Или желтыми, как торговцы племени Найонов из-за Великого Моря. Сайлу, конечно, интриговало, что никто и никогда не видел чернокожих — ни гигантов, ни обычных людей.

И еще дело было в человеке по имени Джонс.

В стычке с Дьяволами, о которой говорил Клас, уцелело восемь чужеземцев. Один из них, по имени Фолконер, погиб потом в замке Олы, когда там еще правил Алтанар. Джонс же предал их всех. Танцующий-под-Луной. Он знал, что бароны Джалайла собирались похитить ее и жену Гэна Нилу, но ничего не сделал, чтобы это предотвратить. Рука Сайлы в непроизвольном жесте опустилась к животу, и ее поглотила волна скорби и утраты. Она незаметно наклонилась вперед, будто пытаясь вернуть назад время и все-таки укрыть ребенка, который умер в ней из-за предательства Джонса.

Клас взглянул на нее, словно окаменев.

— Ты что, все еще о них думаешь? О Джонсе? Именно из-за него я не до конца доверяю всем им. Даже Тейт, хотя мы и проливали вместе кровь.

Сайла попыталась было заговорить, но он жестом оборвал ее.

— Тебе не изменить моего мнения, — он протянул руку, погладил ее по щеке, и она изумилась, как при подобной суровости можно проявлять такую нежность. — И я не в силах изменить твоего мнения, моя Жрица. Ты же знаешь, мне не удержать тебя силой. А это значит, мне нужно доверять твоим суждениям.

Она накрыла его руку своей. Он глубоко вздохнул:

— Я бы не сказал, что мне нравятся твои суждения. Не смотри на меня так!

— Как оружие чужеземцев? — Она перевернула его руку, поцеловала ладонь.

— Вот именно! — Он рассмеялся, прижав ее к себе.

Снова взяв его за руку, она повела Класа к пристани. Чувствуя его растущие подозрения, она решила не поддаваться и не терять веру в новых друзей. Они — честные люди и приносят много пользы. Человек по имени Луис Леклерк, о котором все говорили, что он понимает в инструментах столько же, сколько воины понимают в своем оружии, был в этом смысле идеальным примером, ведь он же создал черный зловонный порошок, с помощью которого были разрушены ворота замка Алтанара! Без этого и ее жизни пришел бы конец. Три женщины из иноземцев — Кейт Бернхард, Сью Анспач и Дженет Картер — боятся сражаться, как Тейт, и почти ничего не знают о целительстве или Церкви. Она улыбнулась про себя. Зато они умеют читать и пишут! Они настолько осмелели, что научили грамоте молодых Избранных, и, что самое удивительное, дали детям показать свои способности Гэну. Эти женщины убедили вождя, что грамота позволит ему более эффективно управлять воинами, и он приказал им обучить всех Избранных. Однако пока что цифры и буквы были показаны только самым приближенным мужчинам и женщинам Церкви.

На этот раз Сайла улыбнулась уже в открытую, устыдившись своей боязни даже думать о слове учить.

Три женщины-иноземки носили одежду Церкви и делали, что могли, для всеобщего блага, сказала себе Сайла, тайком осенив себя Тройным Знаком, чтобы отвести беду. Для пущей безопасности.

Одежда. Она навела ее на мысль о Конвее. Он один заметно страдал от утраты даже малейшей вещицы из тех, что принес с собой с родины. Кое в чем его можно было понять: у них были изумительные вещи — например, куртка, которая не пропускала воду, подобно утиным перьям, и при этом человек в ней не парился; сапоги из материала, который совершенно не изнашивался и был сух даже тогда, когда кожа хлюпала на каждом шагу. Но, в конце концов, это — всего лишь одежда. В уродливых коричневых и зеленых пятнах и совсем без орнамента. Прекрасно сделана, но ни малейшего понятия об узорах, украшениях и впечатлении. И зачем мужчине беспокоиться о подобной чепухе?

Клас в самом деле прав: они действительно странные!

* * *

На пристани Конвей сказал Тейт:

— Меня не тянет разговаривать с этим капитаном. У него грязный язык.

Тейт кивнула.

— Понимаю. Я была знакома с таким полковником, — непроходимый тупица. Так и не научился различать, что круто, а что попросту грубо.

Конвей в притворном удивлении вытянул лицо:

— Что, бывают и несведущие морские пехотинцы? И это говоришь ты?

— Ну конечно. Это проявлялось в деле. При обычной жизни в армии это было бы незаметно.

— А ты, конечно, никогда не выйдешь в отставку? — улыбнулся Конвей. — Представляю, что сказала бы ваше руководство, узнай оно, что их промывание мозгов переживет даже пять столетий временной отставки в условиях криогенного сна?

— Они бы сказали, что если что-то от меня останется, пусть лучше всего это будет корпоративный дух! Это въедается, как пятна на камуфляже.

Оба смолкли, и Конвей почувствовал в молчании Тейт ту же горечь и пустоту, что и у него.

Они были живы, а их мир исчез.

Политическая решимость в том мире выродилась в постоянно растущий терроризм. Все прибывавшее население само доводило себя до сумасшествия. Экспансия человека разрушала леса, загрязняла реки, моря. Климат стал так же безумен, как человек-разрушитель. И никто не знал, отчего в конце концов поползла по земному шару война. Каждая нация, этническая группа и просто объединения людей требовали себе пространства — любой ценой. Нейтральность рассматривалась как скрытая поддержка того или иного врага. Каждый буквально из кожи лез, чтобы погубить другого — газом, микробами, радиацией.

Члены экологическо-религиозной группы, называвшие себя Вильямситами, предвидели подобный катаклизм. Используя самые совершенные биологические методы, они создали по всему миру сеть экохрамов, чтобы повторно заселить все, что останется от Земли, ее обитателями — в храмах создавались генетические фонды животных, насекомых и растений. Одновременно по всему пространству, которое раньше называлось Соединенными Штатами, прошел призыв добровольцев «заснуть» криогенным сном. Их миссия заключалась в том, чтобы через какое-то время «воскреснуть» и восстановить свою разрушенную страну. Конвей, Тейт и более тысячи других добровольцев были заморожены в специально оборудованной пещере в Каскадных горах на северо-западном побережье Тихого океана.

И забыты.

И в то время, как пережившие Апокалипсис покидали свои отравленные ядами и радиацией, зараженные множеством болезней города и гибли в дикарских войнах, в пещерах столетиями теплилась жизнь. Поддерживаемые практически вечными ядерными установками под контролем роботов замороженные смельчаки ждали своего часа. Не мертвые, но совершенно забытые. Только через пятьсот лет их, дрейфовавших по океану времени, разбудило землетрясение, которое разрушило пещеру и случайно запустило механизм, возродивший добровольцев к активной жизни.

Не всех. Из более тысячи участников проекта в живых осталось всего двенадцать человек.

Потом их стало семеро.

Из миллиардов образованных людей — четыре женщины и трое мужчин. Технократы, пытающиеся выжить в среде, где ковка стали является высшим достижением технологии...

Без своего оружия они были бы беспомощны и бесполезны, как дети. Горькая ирония судьбы. Пережить Апокалипсис и цениться лишь за умение убивать.

Если только не существовало других «пещер», все еще ожидавших от мертвого мира сигнала к началу обновления.

Врата? Врата Сайлы? А что, если там?..

Мысли Конвея перебил хриплый крик капитана судна. Взглянув на деревянную пиратскую галеру с парусами и веслами, Конвей еще раз почувствовал, насколько чуждо ему все окружающее — раньше это море бороздили корабли из стали, с ядерными установками. А теперь за спиной на холме стоял каменный замок Олы, нависая над редкими крестьянскими хижинами — и это там, где когда-то жили тысячи! Некоторые из камней стен замка отличались от прочих белизной и полировкой. Это был мрамор — материал, почти недоступный нынешним обитателям Харбундая. Они понемногу добывали его из развалин сооружений, которые, по их мнению, принадлежали гигантам, и строились их рабами. Такие места они называли «проклятыми» и посылали туда рабов, как на каторгу, ибо боялись этих

мест, как самой смерти.

Конвей посмотрел через Внутреннее Море в сторону гор Китового Побережья и подумал, как же все это когда-то называлось — Адирондакс, Смокис, Рокис?

Америка.

Прекрасная страна. Великолепная страна. Страна, в которой было множество вещей, прекрасных вещей.

Не стоит думать об этом. Все, что он знал и любил, ушло. Тот мир отнял его жену, его ребенка. Их гибель явилась результатом чьего-то политического заявления.

Наверное, где-то есть крест или плита с его именем.

Памятник.

На юге насмешливо светились Стеклянные Скалы — постоянное жестокое напоминание о том, на что способен человек. Это ядерный взрыв невообразимой силы оплавил землю, оставив блестящий шрам. И через несколько веков единственными признаками жизни на этой оскверненной земле были редкие больные растения.

Конвей вновь услышал искушающий шепот: а стоит ли еще чего-то ждать, на что-то надеяться? Еще немного, и дикари отправят его в другой мир, где он соединится с теми, кто его любил.

Нет!

Разочарование, утраты, гнев нескольких месяцев его «новой» жизни переплавились в решимость. Сила этой решимости преодолет все.

Он будет бороться! Здесь его дом. Бывал ли он здесь «тогда» или нет — неважно, судьба занесла его именно сюда. Он принял условия игры. И не просто принял — он бросает судьбе вызов, он померяется силами со всем, с чем столкнет его жизнь. Пока он на этой земле, Мэтт Конвей будет жить!

Глава 3

Тейт смотрела на приближавшихся Сайлу и Класа. И замок, и город, раскинувшийся вокруг, бурлили слухами о его неожиданном ночном приезде. Она улыбнулась, подумав, какой жизнерадостной и сияющей выглядит сегодня Сайла. Одетая в обычную черную ниспадающую мантию, она как будто плыла по пристани, сколоченной из грубо обработанных деревянных балок. Слева у нее на груди горел кроваво-красный цветок, указывающий на титул Жрицы Роз. Цветущая красота притягивала к Сайле взоры, но что-то неумовимо отгораживало ее ото всех, кроме Класа. Даже моряки прятали свои похотливые взгляды и спешили отвести глаза.

Махнув Класу рукой, Тейт задумалась о том, насколько его присутствие сдерживало эти грязные взгляды, и решила, что именно он невольно заставил многих потупить глаза. Простой клинок с деревянной ручкой в незамысловатых ножнах на правом боку. Штаны и куртка из оленьей кожи без всяких украшений. Черная квадратная татуировка на щеке, закрывающая давний шрам, и стальное ожерелье с белыми неровными бусинами, мерцавшими в каждом кольце — они говорили о нем все. Бусины казались не более зловещими, чем вишневые косточки, но только до тех пор, пока любопытствующий не понимал, что это фаланги человеческих мизинцев. Каждая из них принадлежала воину, убитому Класом в бою. Молчаливые дюжины крошечных трофеев, белеющие на холодном металле, говорили о Класе на Бейле все, что люди хотели бы о нем узнать.

Тейт сравнивала свой яркий костюм со строгой простотой приближающейся пары. Она знала, что выглядит сногшибательно. Высокие сапоги, брюки из хорошо выделанной оленьей кожи, заправленные в голенища, эффектно сочетались со свободной ярко-красной шерстяной блузой. Боевой клинок Людей Собаки, напоминавший по форме наконечник копья, покоился в украшенных кожаных ножнах; левая рука Тейт привычно лежала на рукоятке. Справа висел пистолет. Патроны тускло мерцали в патронташах, надетых крест-накрест.

Тейт снова подумала о подруге, с долей горечи ощущая, что и любит Сайлу, и завидует ей. Она не осуждала ее и не испытывала страсти к Класу. Единственное, чего бы ей хотелось — теплоты и дружеского участия.

Клас прервал эти размышления, подняв ее в воздух и обняв так, что у Тейт затрещали все кости. Она заранее решила до конца стойко вытерпеть процедуру приветствия, но, не удержавшись, громко вскрикнула, почти заглушив его слова:

— Я знаю тебя, моя кровная сестричка. — Поставив ее на ноги, он чуть отступил. — Я скучал по тебе. Ты могла бы помочь мне в объединении Людей Собаки после всего, что натворил Фалдар Ян.

— Я знаю тебя, Клас на Бейл. Мне тоже тебя не хватало. Но, думаю, те, кто поддерживал Фалдара Яна и Ликата, уже во всем раскаялись, — ответила Тейт.

— Это так, но многие тогда сопротивлялись Фалдару и его воинам. Начались споры, оскорбления, погибли люди. За этот месяц у нас было больше поединков, чем я помню за всю свою жизнь. Но сейчас это уже в прошлом, и жизнь понемногу входит в мирное русло. — Он повернулся к спутнику Тейт. — Я знаю тебя, Мэтт Конвей. Я говорил с Гэном этой ночью; он сказал, что твою помощь трудно переоценить.

Они обменялись приветствиями, и Конвей вкратце рассказал о том, что они с Тейт узнали от путешественников и торговцев о южных землях. Клас внимательно слушал его, изредка задавая вопросы. Наконец он произнес:

— Скажу прямо: во время этого путешествия вы будете находиться всего в нескольких днях езды от границ Неизведанного. Даже торговцы называют земли между нами и Косом Пустошами. Однако они не пусты, там есть хищники — люди и животные. Большую часть территории к западу от гор контролирует Кос. Кос — мрачная и неизвестная страна, там пропало много неосторожных путников. А сейчас еще и торговцы рассказывают о войске,двигающемся с востока.

— Не только они. Мы точно знаем, что паломники Церкви тоже встревожены, — добавил Конвей.

Тейт отвернулась, не принимая участия в разгорающейся дискуссии. Несмотря на важность обсуждаемых вопросов и личную заинтересованность, она чувствовала странную рассеянность. Непонятная усталость овладевала ею.

Она наконец-то начала догадываться о том, что же все-таки заставило Конвея бороться за свободу Оланов. Главной причиной была Ти, рабыня, которая привела его в лагерь противников Алтанара. Тейт помнила, как он был потрясен тем, что, став свободной, Ти отвергла его любовь. Конвею никогда не понять того, что было ясно любой женщине.

Как подарок от своего племени, Ти должна была родить королю ребенка. Ти отказалась. За дерзость ее отдали на потеху блюстителям истины. Блюстителями называли дворцовую стражу Алтанара; палачи и изуверы, все до одного. Так прошло несколько лет. Бедная Ти уже не могла любить, даже в награду за спасение.

Если кто и мог помочь ей, то лишь она сама. Говорили, что она присоединилась к команде какого-то корабля, избрав жизнь морского торговца.

Тейт бродила по пристани, глядя, как капитан корабля руководит приготовлениями к разгрузке. Это был коренастый, мускулистый человек небольшого роста, резко отдававший команды. Матросов насчитывалось человек тридцать. Многие были обнажены по пояс, демонстрируя темно-красные и голубые татуировки и многочисленные шрамы.

Наблюдения Тейт прервал громкий окрик капитана.

Небольшой мальчонка буквально вылетел из трюма и, перепрыгнув груды мехов, помчался по палубе. Ему было лет двенадцать. Худой, со слишком большой для тщедушного тела головой, он невольно вызывал участие. Его уши были плотно прижаты к черепу, как будто это помогало быстрее бежать. В тонких чертах лица читалось нечеловеческое напряжение, глаза сверкали, как маленькие маячки. Замызганные шорты и куртка были крайне изношены, представляя собой жалкую пародию на одежду. Мальчишку пробирала дрожь, и Тейт знала, что не от холода. Невольно она сама застыла, как в ожидании удара.

— Что, хозяин? — спросил он.

Капитан поднял руку. Мальчик снова задрожал и попробовал увернуться, но капитан быстро ударил его другой рукой. Тот покачнулся, но устоял на ногах.

— Принеси-ка мне выпить, — лениво процедил капитан.

Мальчик бросился в трюм. У люка он замер, словно зверек, который стоит, оглядываясь, прежде чем спрятаться в норку. Раньше ребенок не подавал вида, что заметил присутствие Тейт, но сейчас его глаза были устремлены прямо на нее. Тяжесть непроницаемого взгляда окончательно сокрушила Тейт.

Ошеломленная, она еще несколько мгновений вглядывалась в открытый люк трюма и, пошатываясь, направилась к Конвею. Она оттащила его в сторону, не замечая, как поражены Сайла и Клас этой грубой выходкой. Тейт решила поделиться своим открытием.

— Этот мальчик... — сказала она, растягивая слова. — Мне надо поговорить с ним.

Услышав ее, Сайла ответила, пока Конвей собирался с мыслями:

— Если ты имеешь в виду кого-нибудь с этого корабля, не советую. Скэны продавали и покупали здесь рабов во времена правления Алтанара. Именно поэтому пристань сегодня так пустынна. Они скверные люди. К тому же я как раз говорила Конвею, что нам всем пора уходить.

— Ты не понимаешь. — Доннаси обращалась к Сайле, но смотрела на Конвея. Дрожа от возбуждения, она потащила его к кораблю. Несколько раз глубоко вздохнув, она обрела наконец некоторое подобие спокойствия и решительно заявила: — Я должна поговорить с ним, Мэтт. Ты знаешь почему. Ты понимаешь. — Это была мольба.

— Что понимаю? Какой мальчик?

Тейт яростно прошипела:

— Мальчик. На корабле. Которого ударил капитан.

— Я его не видел. А где он сейчас? Я не думаю...

Мальчуган снова появился на палубе, неся в большой кружке выпивку для капитана. Тейт отвернулась, наблюдая за ребенком краем глаза, и понизила голос. Хитрая улыбка растянула уголки ее рта.

— Он черный, Мэтт. Мать или отец. Бабушка или дедушка в крайнем случае. Я хочу узнать, откуда он.

Конвей изучающе взглянул на ребенка и, вздохнув, ответил:

— Доннаси, по-моему, это не так. Он немного темнее меня, но намного светлее, чем многие другие. Ты слишком много внимания уделяешь подобным вещам.

Тейт поморщилась.

У нее зашумело в голове, удары крови заглушили хриплые крики, доносившиеся с корабля.

Знакомый образ Конвея расплывался, теряя очертания.

Лицо ее друга сменяло белое невыразительное ничто.

Ее сознание заволакивало туманом.

Привычные голоса просачивались в пустоту. Ненавистные голоса, оставлявшие невидимые неизлечимые раны.

Слова жгли ее горло, слова, которые ей хотелось выкрикнуть ему, чтобы заставить Конвея почувствовать ее презрение. Позор. Хуже того, пусть он узнает, что такое настоящее одиночество. Пусть узнает, на что похожа жизнь, отравленная грязными улыбками, перешептыванием, ухмылками за спиной.

Пусть он узнает, как это больно.

Тогда он хоть немного поймет, почему этому малышу нужна ее помощь. Именно ее. Никто другой не в силах до конца понять его. Никто не сможет понять и ее потребность узнать свои корни. Свою родину.

Глава 4

Рассвирепев, Тейт придвинулась к Конвею.

— Ты хочешь сказать, что я не чувствую своей крови? Или тебя это не волнует? Дело в этом, не правда ли? Здесь в каждом так перемешаны все расы, что осталась только одна — белая. Нет черных? Невелика потеря! Вы-то живете, ваш вид. Вы...

Схватив ее за локоть так сильно, что последнее слово Тейт растаяло в крике боли, Конвей прошипел:

— Заткнись. — Команда была грубой и крайне оскорбительной. — Мы уже говорили об этом. Возможно, где-то остались места, где черные не окончательно ассимилировались. Если так, мы можем наткнуться на них во время нашего путешествия с Сайлой. — Тейт решила закончить этот спор, ярость на ее лице угасла. Конвей также смягчился. — Видишь, я не собираюсь обманывать тебя и говорить, что понимаю твои чувства. Никто не может этого понять. Но я догадываюсь, что тебе плохо. — Он взял ее за руки, стараясь утешить.

Тейт пробормотала:

— Они относятся ко мне, как к наваждению. Хотят узнать, настоящая ли я. Пытаются стереть краску. По крайней мере там, откуда мы пришли... — Она помолчала, упрямо подняв подбородок. — Они сводят меня с ума, Мэтт, но я еще не ослепла. И не отупела.

Выпрямившись, она снова направилась к кораблю. Скрип оснастки парусника напоминал насмешливый хохот. Казалось, что возвышавшийся бушприт, изображающий нападающего морского льва, раскачивается с каким-то злобным весельем. Поднявшись повыше, Тейт разглядела частокор поднятых весел и деревянный барьерчик, скрывавший скамейки гребцов. Он был весь изрезан топорами и стрелами. Два трюма были открыты, и установленные над ними подъемные стрелы извлекали тюки с мехами. Над палубой не было никакого навеса, и Тейт с содроганием подумала о гребцах, которым приходилось переносить суровые зимние штормы на этих открытых всем ветрам скамейках.

Жестокие условия жизни порождали жестокость у выживших.

Тейт схватилась за верхний край борта. Корабль слегка покачнулся, мягко толкнув ее в ответ.

Она окликнула капитана:

— Эй! Я бы хотела спросить кое о чем.

Болтовня моряков стихла. Она собралась с духом:

— Могу я поговорить с мальчиком с вашего корабля? Он вам кому-нибудь родственник?

Матросы захохотали, а капитан подошел поближе, встав напротив.

— Мне говорили, что в стране Гэна Мондэрка живут странные люди. Я слышал о тебе. Ты — черная ведьма. С волшебным оружием. Которая командует мужчинами. — Он подмигнул. — Но меня не пугают базарные сплетни. Мальчик стоил мне шкуры белого медведя. Он не продается.

— Откуда он? — Тейт слышала за спиной взволнованный шепот друзей, но не могла остановиться. Она боролась за того, кто хоть немного напомнил ее род, за человека, который был похож на нее. Какой-то частью сознания она понимала, что в мальчике и в самом деле почти не было негритянских черт.

И все же она была уверена.

Подозвав мальчика, капитан положил руку на его плечо. Тот посмотрел на Тейт.

Она почувствовала, как легкое сомнение понемногу подтачивает ее убежденность.

Капитан шагнул вперед. Тейт отступила, сразу же пожалев об этом, — она попала в ловушку. Тот хотел, чтобы она отступила. Одержав маленькую психологическую победу, он занял положение, с которого можно было ее разглядывать. Жесткие, оценивающие глаза ощупывали ее тело, словно оно было выставлено на продажу, — только гордость не давала Тейт убежать. Наконец, будто бы с невинным любопытством, капитан спросил:

— А ты действительно женщина?

Оскорбление заставило Класа и Конвея выступить вперед, но Тейт жестом попросила их успокоиться.

— Ты сказал, что слышал обо мне. Тогда ты должен знать, кто я, или ты лжешь. Я никогда не слышала о тебе, но знаю, кто ты такой. Ты тварь. Не мужчина и даже не человек.

В ответ капитан поднял мальчика перед собой и начал раскачивать. Мускулы напряглись на его руках. Он держал его за шею, и, когда ребенок открыл рот, раздался лишь невнятный хрип.

Тейт собралась с силами для атаки, но заметила, что капитан держит мальчика за шею указательными пальцами, обхватив большими за голову. Стоит ей пошевелиться, тот просто повернет запястья и сломает ребенку шею. Доннаси поняла, что Скэн пытается поставить ее на место, ожидая, что она будет умолять, а он в ответ просто убьет мальчишку.

Закусив губу, Тейт ждала.

Устав от неудавшейся игры, капитан отбросил мальчика в сторону. Тот плашмя упал на палубу, но быстро собрался и присел, озираясь по сторонам. В его взгляде на хозяина не было покорности.

— Так ты думаешь, что я не мужчина? Проведи со мной ночь, и завтра сможешь поговорить с мальчиком о чем хочешь. Конечно, если ты достаточно женщина, чтобы удовлетворить меня.

Она плюнула, выпрямившись в полный рост. Плевок пролетел, сверкая на солнце, словно серебряная монета, и угодил капитану прямо в лицо. Скосив глаза, пораженный капитан взглянул на пенистую каплю на своем носу, взревел и, вытирая лицо, спрыгнул на пристань.

Тейт отскочила назад. Конвей похолодел, заметив, что она выхватила меч, а не пистолет, и закричал:

— Застрели его! Застрели!

Женщина не обратила на него внимания.

— Мы будем драться на мальчика, — сказала Тейт своему врагу.

— Идет. — Не тратя времени на слова, он начал наступление.

Конвей не знал, что и делать. Она умышленно спровоцировала дуэль и выбрала оружие, дававшее сопернику явное преимущество. У него мелькнула мысль — не поддалась ли Тейт чему-то вроде неосознанного стремления к смерти.

Тейт описала круг и оказалась между капитаном и кораблем. Конвей видел ее сквозь толпу высыпавших на пристань моряков. Мальчик сидел там же, на палубе, весь напрягшись от волнения, как тугая пружина. Какое-то еле заметное движение, отражающее скрытую мысль, мелькнуло по его сосредоточенному лицу. Что бы это ни было, Конвей мог поклясться: происходящее каким-то странным образом забавляет мальчика.

Мэтт поднял пистолет, прицеливаясь в капитана, но вставший перед ним Клас силой опустил оружие вниз. Лицо его было полно страдания, но голос спокоен.

— Она моя кровная сестра, Мэтт Конвей. Наша честь едина. Она вызвала капитана, и я не дам тебе драться вместо нее.

Почувствовав опасность, Скэн замер, бросая подозрительные взгляды то на Тейт, то на ее друзей.

Конвей пытался высвободиться.

— Нет. Ты опозоришь ее, меня, мой народ. Ее жизнь станет бессмысленной. Дай ей возможность драться честно.

Какое-то время они застыли в напряженных позах, — Конвей безрезультатно пытался пересилить Класа. Наконец, опустив руку, Мэтт сказал:

— Слово чести! Если она умрет, я найду способ с тобой рассчитаться, слышишь?

— Слышу. — Печаль сквозила в этих словах. Клас отпустил оружие и отвернулся.

Капитан ринулся в атаку, прорываясь сквозь оборону Тейт. Та пригибалась, уклоняясь от размашистых ударов. Самый мощный из них разрубил бы ее пополам, — было ясно, что Скэн хочет ее убить. Присев, она с быстротой молнии рубанула мечом вверх. Пораженный капитан вскрикнул от боли — кончик клинка распорол ему левый рукав и руку от плеча до локтя.

Конвей широко улыбнулся, но Клас заметил:

— Рана выглядит серьезней, чем на самом деле. Ей нужно быть осторожной.

С искаженным от ярости лицом капитан стал теснить Тейт к берегу. Конвею, Класу и Сайле пришлось торопливо отойти, освобождая дорогу. Моряки заорали, требуя смерти «черной ведьмы».

Резко отпрыгнув в сторону, Тейт избежала длинного колющего удара. Описав полный круг, она с силой опустила меч на выставленную руку капитана. Тот подставил кровоточащее левое плечо. Лишенный силы удар резанул по его правому запястью, но этого было достаточно, чтобы он выронил меч. Капитан неуклюже ударил Тейт израненной левой рукой, мощный толчок отбросил ее в сторону. Пока она восстанавливала равновесие, капитан подобрал свое оружие.

Усталость обжигала легкие Тейт, словно огонь. На подгибающихся ногах она рванулась к своему противнику, почти теряя равновесие под тяжестью меча. Глаза застилала жгучие слезы, и Тейт быстро смахнула их.

Увернувшись и подняв исполосованную левую руку, капитан крикнул:

— Подожди! — как будто моля о пощаде.

Тейт удивленно прищурилась. Капитан оставался в своей нелепой позе.

— Убей его. — Голос Класа был похож на удар хлыста. — Ударь. Ударь.

До противника оставалось лишь полтора шага, но Тейт остановилась и опустила меч.

Движением, лишь немного более сильным, чем судорога, капитан метнул свой клинок.

У Тейт не было ни единого шанса увернуться. Тяжелая металлическая рукоятка ударила ее по лицу, и она инстинктивно подняла к нему руки.

Скэн ударил ее в живот, а потом, когда Тейт сложилась вдвое от боли, коленом в лицо. С печальным звоном выпавший из ее рук меч проскользнул между досками и ушел под воду.

Капитан не спешил. Убедившись, что сил у Тейт хватает лишь на то, чтобы держаться на ногах, он лениво подобрал свой меч.

Клас снова положил руку на пистолет Конвея.

Капитан нанес удар плашмя. Застонав, Тейт покачнулась. Вновь ударив с другой стороны, он вернул ее в вертикальное положение, не давая упасть с пристани.

Еще раз. И еще.

Тейт не падала.

Наконец Скэн ударил ее прямо в лицо правой рукой, все еще сжимающей рукоятку меча. От удара Тейт развернуло в сторону, и она рухнула на пристань лицом вниз. Голова ее свесилась с края причала, а руки упали в воду; колеблющаяся поверхность моря искажила их очертания. Маленькие рыбки яростно бросились на расплывающееся кровавое облако, но, не обнаружив ничего существенного, разочарованно расплылись.

Помахав мечом своей команде, капитан крикнул через плечо:

— Прикончить ее сейчас или отдать вам?

Клас с нажимом произнес:

— Ты избил ее. Теперь ты либо пощадишь, либо убьешь ее. И ничего другого.

Разгоряченный победой, капитан повернулся к нему:

— Мы сделаем с ней, что захотим.

Отпустив руку Конвея, Клас проговорил:

— Конвей, я давно не видел оружие-молнию в действии. Если это бесстыдство будет продолжаться, убей его.

Столь строгое соблюдение боевого этикета чуть не вызвало у Конвея истерический смех. Он просто кивнул, сдерживаясь, чтобы не закричать, что убьет капитана, если тот еще раз прикоснется к Тейт.

Она приходила в сознание постепенно, мысли появлялись и покидали мозг, словно волны, скользившие перед ее рассеянным взглядом. Боль нарастала с каждой секундой.

Ей не хотелось умирать. Завтрашний день — все завтрашние дни — ждали ее. Было очень глупо потерять их здесь, на грязной пристани.

Нужно было во что бы то ни стало продолжить поединок, но живот превратился в комок ноющей боли, отнимавшей все силы.

Ей нужно было время. Хоть чуть-чуть. Хоть минуту — совсем немного, по сравнению с целой жизнью. Тейт прислушивалась к каждому удару своего сердца. Драгоценные удары.

Почему он не заканчивает свое дело?

Движение. Под водой. Она заметила его лишь боковым зрением. Что-то в глубине, плывущее не в такт с волнами.

Приближается к ней.

Светлое пятно, увеличивающееся в размерах.

Лицо. Тейт почувствовала ужас.

Она готова была закричать при виде закрытых глаз, надутых щек и развевающихся волос.

Мальчик вынырнул прямо под ней, причем так близко, что она могла поцеловать его, могла разглядеть его замечательные светло-зеленые глаза. Яростно дрожа, он протянул ей руку под водой. С мечом. Собрав все свои силы, Тейт вцепилась в рукоятку.

Мальчик пристально смотрел на нее, медленно погружаясь в воду. Тейт почувствовала, что он разбудил какие-то скрытые силы, дремавшие в ее разбитом теле.

— Отдай ее нам! — закричал один из моряков.

Капитану был незнаком щелчок заряжаемого пистолета, но он настороженно повернул голову к Конвею.

Сжав зубы, Тейт перекатилась на спину и вонзила меч прямо в низ живота Скэна.

Капитан неуклюже дернулся, согнулся и с громким воплем схватился за промежность. Превозмогая боль, он сделал несколько неуверенных шагов, разворачиваясь к Конвею. Лишь тогда тот увидел меч в руке Доннаси и большое пятно, расползающееся по ногам побежденного, сразу поняв, что рана смертельна и Скэну осталось жить считанные минуты.

Подхватив Тейт под руки, Конвей и Клас бросились прочь от пристани, а пораженная команда, лишившись вожака, беспомощно столпилась у тела своего командира. С вершины холма послышались крики — поединок заметили и мчались на помощь. Вскочив на палубу, моряки начали поднимать паруса. Один из них перепрыгнул через лежащего капитана, но, прикинув на глаз расстояние до спускающейся толпы, подхватил поднятую в умоляющем жесте руку и поволок капитана на корабль.

А четверка уже покидала пристань, выходя на дорогу. Конвей держал Доннаси за ноги, Клас поддерживал за плечи. Быстро осмотрев Тейт, Сайла с облегчением сказала:

— Похоже, переломов нет. Она поправится.

Они быстро поднимались в гору, не оглядываясь на отплывавший корабль. Спешившая на пристань толпа сбавила шаг.

— Хорошо, что тебе не пришлось использовать оружие, — утрюмо произнес Клас.

— А надо бы, — ответил Конвей. — Не вижу смысла в том, чтобы кто-то умирал ради чести.

— Не видишь? — казалось, что Клас одновременно и опечален, и удивлен. — Все умирают, Мэтт Конвей. Умереть во имя своей чести, чести своей семьи или друзей — значит умереть с толком; человек выигрывает хотя бы часть своей последней битвы, оставляя после себя добрую память. Любая другая смерть — просто смерть, кроме бесчестия, конечно. На наш взгляд, самая страшная трагедия — это умереть обесчещенным. Но я еще не знал, что ваш кодекс чести требует смерти любого, убившего друга, даже если для этого приходится рисковать собственной жизнью. Ваши обычаи более суровы, чем я думал. — Он внезапно рассмеялся. — Все мы не свободны в своих поступках, не так ли?

— Достаточно, — резко прервала его Сайла. — Тейт может очнуться, и я не хочу, чтобы она слушала эти ваши бредни о войне и битвах. Особенно о вашей чести, этой твари с тысячей лиц, которая живет лишь для того, чтобы убивать.

Мужчины шли молча, понуриив головы. Сайла склонилась к Тейт, осматривая ее раны, чтобы никто не видел слез — целительницам не полагалось плакать.

Толпа встречала их как героев, и никто не заметил фигурку, выскользнувшую из воды там, где заканчивалась пристань и начинался берег. Пригнувшись к земле, мальчик мгновенным броском пересек песчаную полосу и нырнул в спасительные заросли. По дороге к холму он перебежал от укрытия к укрытию, появляясь лишь на мгновение ока. Его трясло, и было слышно, как зубы выбивают дрожь. Лицо его посинело от непереносимого холода, но он улыбался.

Глава 5

Свет и тени играли на тщательно прибранной аллее. Прогуливающаяся по ней миниатюрная женщина была целиком поглощена созерцанием их бесконечной баталии.

Ее обычную мантию служительницы Церкви украшали изображения бордовой и белой фиалок, вышитые на левом плече. Мантия была новой, о чем говорили яркие цвета и слегка переливающийся материал. Жрица робко подняла руку, любясь расшитым краем рукава.

Внезапно из листвы соседнего дерева вынырнули две малиновки и пересекли аллею прямо перед ней; женщина почти почувствовала их прикосновение. Испугавшись от неожиданности, она резко остановилась, пытаясь проследить их полет, но толстые стволы помешали. Деревья были старые, и время постепенно искривило их стройные ряды. Каждое из них спилили чуть выше человеческого роста, оставшиеся ветви горизонтально протянулись между соседними деревьями. Множество переплетающихся между собой зеленых побегов образовывало густой колышущийся свод. Кое-где сквозь ветви проглядывали длинные белые полосы на стволах. Приглядевшись, можно было заметить, что кора в этих местах аккуратно снята.

Священная ивовая роща. Теряя каждую весну строго определенное количество коры, древние деревья неумоимо возобновляли свой покров и поставляли Церкви сырье для одного из самых действенных препаратов. Принятая внутрь настойка ивовой коры была замечательным болеутоляющим, а смешанная с маслом исцеляла раны и ожоги.

Подобно всем остальным священным рощам и садам, эта была расположена в нескольких часах езды от людских поселений. Иногда целительницам надо побыть вдали от своих подопечных. Когда бы военные целительницы ни упоминали своих сестер целительниц, они всегда отдавали должное нечеловеческому мужеству, которое последние проявляли перед лицом болезней. По племенам периодически прокатывались страшные эпидемии, уносящие огромное количество людей. Только целительницы не боялись встречаться лицом к лицу с любой напастью, с ошеломляющим спокойствием приводя больных в свои дома исцеления. Однако между собой военные целительницы осуждали почти кощунственную готовность своих Сестер экспериментировать с непроверенными средствами на людях, используя, например, экстракт ивовой коры для исцеления болезней сердца. Никто не решался открыто их осуждать, хотя когда состояние больного становилось все хуже и хуже, можно было усомниться в доброй воле целительниц.

Оглядевшись, Ланта вспомнила, что ее приход сюда не был связан со служением Церкви. Она улыбнулась своим мыслям. Новопровозглашенная Жрица Фиалок Ланта — гордая, застенчивая, счастливая и напуганная — пришла сюда не за целебными растениями, а чтобы услышать эту мягкую тишину, почувствовать густой запах земли, увидеть, как все здесь заново раскрывается навстречу жизни. Развесистые деревья создавали свой неповторимый мир. Она вновь дотронулась до вышитых фиалок, вспоминая волнения того момента, когда Гэн Мондэрк говорил настоятельнице обители Фиалок, что Жрица Ланта заслужила благодарность Мурдата, Правителя Трех Территорий. Он ходатайствовал о ее повышении.

Она непроизвольно откинула голову, но почти сразу же приняла прежнее положение, оглядываясь вокруг. Жрица не хотела, чтобы кто-нибудь увидел ее нескромный восторг по поводу нового назначения.

Она заметила деревянную скамью — самое подходящее место для того, чтобы в

одиночестве предаться размышлениям. Если для обычного человека сиденье было просто велико, то для Ланты оно казалось гигантским. Подобрав под себя ноги, она вжалась в спинку; теперь ее очертания почти сливались с толстыми кедровыми досками.

Даже радость от получения нового звания не смогла полностью развеять ощущение бесцельности существования, овладевшее ею в последние недели. Начало весны наполнило ее какой-то неудовлетворенностью, о причинах которой она никак не могла догадаться. Приступы апатии, перемежавшиеся периодами бурной деятельности, раздражали окружающих и сбивали ее с толку.

До сих пор Ланта не хотела пользоваться медитацией для того, чтобы сосредоточиться на этой проблеме. Все Жрицы изучали технику песнопений, вызывавших состояние транса. Возникающая в результате умиротворенность была настолько приятна, что Церковь предостерегала от использования этого метода. Ходили зловещие слухи о Жрицах, поработанных возможностью в любой момент забыться в спокойных волнах внутреннего счастья.

Была и еще одна причина бояться транса, этого вероломного друга.

Ланта была провидицей, и в тот момент, когда она заставляла себя закончить медитацию, в ее сознание проникали иногда чудесные, иногда ужасные вещи, ранее сокрытые завесой времени. Затем приходили послания, то искрящиеся счастьем, то глубоко трагичные.

Некоторые называли ее благословленной. Настоятельница звала ее «наш дар» и яростно сражалась за то, чтобы оставить в обители, отклоняя все предложения Дома Церкви призвать Ланту туда. Иногда Жрице казалось, что лучше быть проклятой в Преисподней, чем существовать в атмосфере всеобщего молчаливого опасения.

Сейчас ей необходимо было сделать выбор. Входя в транс, она рисковала душевным здоровьем. Но все же Ланта считала, что это единственный способ узнать причину своей нервозности.

Сменив несколько положений, она наконец удобно устроилась на скамье. Сложив руки, свободно свесив миниатюрные ноги с высокого сиденья, она отключилась от восприятия внешнего мира, погрузившись в спокойное море собственных переживаний. Ее черты постепенно смягчались, пока полностью не расслабились. Как ни странно, ее лицо не было бесстрастным. Наблюдатель сказал бы, что она не ушла от мира, а презрела его. Пульс спокойно бился на висках и шее. Ее спокойствие было каким-то настороженным, словно сон маленькой птички, всегда готовой взлететь в случае опасности.

Правая рука Ланты плавно опустилась на скамью. Пальцы на ней были согнуты, словно лепестки увядающего цветка.

Сознание сопротивлялось ее усилиям. Ее мысли носились от образа к образу, ни на чем не останавливаясь и не давая сосредоточиться.

Кто-то еще находился в роще.

Встревожен, как и она. Воздух трепетал в такт чьим-то чужим напряженным мыслям.

Ланта открыла глаза. В первую секунду, пока зрение еще не сфокусировалось, ее удивила ярко-изумрудная зелень, неуместная среди салатových побегов ив. Вглядевшись, Жрица узнала подкладку мантии настоятельницы Фиалок. С ней был незнакомый мужчина.

Тщательно отмеряя шаги и напряженно держа костлявую спину, старая женщина не спеша подходила к Лайте с улыбкой, всегда вызывавшей у нее ассоциацию с раскрашенной маской. Позади настоятельницы виднелись бегущие по небу дождевые облака, обрамленные ивовыми ветвями. Картина напомнила Жрице гобелен в обители. Настоятельница любила стоять перед ним при обсуждении дисциплинарных вопросов. Он иллюстрировал следующие строки из Завета Апокалипсиса:

«Жизнь есть огонь, поглощающий каждого из нас, и только огонь очищает нас и возрождает к новой жизни. Зло может таиться в любой вещи, но пламя очистит и освободит ее дух.»

Гобелен оставлял мрачное впечатление — большую его часть занимали крутящиеся

клубы дыма и обуглившиеся останки деревьев и зданий. Кое-где виднелись ярко-красные и желтые языки пламени, уничтожавшие то, что уцелело.

Ланте не нравился гобелен. Она не любила цитаты, хотя никогда и не признавалась в этом, зная, что ее ждет по меньшей мере осуждение сестер.

Жрица поднялась, чтобы приветствовать подходящих.

Не отвечая на приветствие, настоятельница проговорила:

— Это вестник, от Сестры-Матери ко мне. Ты должна выслушать его.

Ланта внутренне содрогнулась. Чем она могла привлечь внимание Сестры-Матери?

И вестник? Некоторые слова заставляют людей волноваться. Будучи узкой, ограниченной группой, вестники были для большинства людей единственным способом общения на больших расстояниях: ведь письменность считалась нечестивым искусством. Они были дороги. И неприкосновенны. Если на вестника каким-то образом оказывали давление, либо ему предлагалась взятка, то провинившееся племя лишалось возможности пользоваться их услугами до тех пор, пока виновные не были наказаны и вестники не были удовлетворены. Обычно они никогда не разглашали переданные им сообщения, но сразу же распространяли сведения о преступивших этот закон. Это была жестокая месть. Потеряв возможность общаться с соседями, обидевшее их племя становилось слепым, немым и глухим. Не имея возможности заключать военные союзы, оно оставалось в изоляции, и требовалось немного времени, чтобы такое племя пало.

Вестников не любили, но уважали. Мужчина удостоил Ланту злобной улыбкой, которую тщательно скрыл от повернувшейся настоятельницы, что отнюдь не улучшило мнение Жрицы Фиалок об этих людях.

Приподняв мантию, старшая и по возрасту и по рангу женщина заняла скамью, обмахиваясь краем мантии. Быстрая смена цветов — ярко-зеленой подкладки и фиолетовой внешней отделки — напоминала трепетание крыльев бабочки. По команде «Говори» посланник начал. Как и полагалось, он имитировал голос своего «клиента». Ланта была потрясена старческим, надтреснутым голосом и женской интонацией произносимых слов. Она боялась оглянуться, опасаясь увидеть там саму Сестру-Мать.

— Ты услышишь мои слова через год после смерти Единственной, провидицы из провидиц. На правах нашей возлюбленной Сестры, ты, настоятельница обители Фиалок Олы, имеешь честь послать Жрицу Ланту в Дом Церкви. Мы проверим, может ли она занять место нашей усопшей Единственной. Ощути нашу радость от предвкушения прибытия Ланты, сравнимую, как мы знаем, лишь с твоей радостью оттого, что на нее пал наш выбор.

Скрипя зубами, настоятельница произнесла:

— Мы гордимся тобой, дитя мое. Единственная из нас, Избранная. Наш дар, о котором теперь узнает и сама Сестра-Мать. Ты принесешь славу обители.

Ланта пробормотала полагающиеся слова благодарности. Та продолжала:

— Мы отменим все твои обязанности. Готовься к дороге. Я думаю, что тебе следует помолиться в уединении. Гордыня может овладеть тобой.

— Да, настоятельница. — Скрывая неловкость, Ланта воспользовалась катехизисом: — Мы все Избранники Сестры-Матери. Она наше прошлое и будущее.

Поднимаясь и оставляя ее, настоятельница похлопала свою воспитанницу по голове. Массивный, двухпальцевый золотой перстень с аметистом больно стукнул по макушке. Ланта почти хихикнула — даже символ высокой церковной власти таил в себе скрытые опасности.

Настоятельница добавила:

— У посланника есть еще дополнительные сообщения для нас, касающиеся всей Церкви Олы. Мы проведем общее собрание после ужина.

Ланта быстро попрощалась с уходящими. Дом Церкви. Сестра-Мать. Причина ее собственной общей слабости.

У нее не было будущего на Трех Территориях. Причем не было никогда. Во времена короля Алтанара здесь разворачивались репрессии, интриги и ответная борьба в защиту

Церкви. Это добавляло жизни остроты и переживаний, но не смысла. Сейчас, когда власть над Тремя Территориями сосредоточилась в руках Гэна, мир дает Церкви возможность расти и лучше служить людям. Настоятельница Фиалок всегда стремилась захватить побольше власти. Она могла оказаться способна на союз с некоторыми баронами, тайно желавшими возвращения Алтанара.

Ланта поспешно осенила себя Тройным Знаком, защищаясь от гнева Вездесущего за нечестивость. Или невежливость.

При Гэне установился мир, и это было очень важно. Жрица Фиалок Ланта приложила бы все усилия для того, чтобы он сохранился. Однако настоятельница будет продолжать ее использовать. Если Ланта будет успешно выполнять возложенные на нее поручения, она может надеяться на занятие места настоятельницы Фиалок в отдаленном будущем. Если старая интриганка не перехитрит собственную смерть.

Ланта совершила один Тройной Знак, уныло подумав, что нуждается в сильнодействующем средстве, чтобы избавиться от подобных мыслей. Может быть, ей поможет продолжительная молитва после ужина.

Она уселась на скамью, вновь откинувшись на спинку и обхватив себя за плечи.

Чужое сознание, встревоженное и возбужденное. Оно все еще здесь.

Первые несколько слов незнакомый голос произнес так тихо, что Ланта испугалась, что это уже Видение. Ее передернуло, как от холода. Однако, когда голос раздался снова, она поняла, что он принадлежит человеку.

— Не оборачивайся, Жрица Ланта. Я не хочу, чтобы меня увидела ты либо кто-то иной. Наша встреча должна остаться тайной.

Женщина. Вперив взгляд прямо перед собой, Ланта спросила:

— Кто ты? И почему ты так уверена, что за нами не наблюдают?

Прошелестевший смех был похож на звук, который раздается, когда мышь пробегает по высохшей траве.

— Это моя работа... вернее, мой образ жизни — оставаться невидимкой. Фиалка всегда пышнее расцветает там, где ее никто не может увидеть. Я должна передать послание от хранительницы твоего Ордена.

— От хранительницы? Лично? У тебя есть дозволение моей настоятельницы? Ты еще один вестник? — Поток вопросов, которые начала источать Ланта, был довольно грубо прерван.

— Этот чванливый дурак? Ты оскорбляешь меня. Я ехала с ним наперегонки. Начавшиеся снегопады вынудили нас сделать остановку, но я выбралась первой. Я буду говорить только с тобой. Слушай. Церкви грозит опасность, страшнее которой не было со времен уничтожения Учителей. Огромная армия собирается на востоке. С каждой победой она становится все сильнее и сильнее. Она распространяется, захватывая все новые территории и проповедуя культ Луны. Для того чтобы спастись, Церковь не должна упускать ни одного удобного случая, не пренебрегать никаким оружием. Ты все поняла?

— Да. — Ланта с трудом узнала свой голос.

Невидимая рассказчица продолжала:

— Наша хранительница, наставница наших душ, обеспокоена действиями Жрицы Роз Сайлы. Ее поиски легендарных Врат можно рассматривать как святотатство. Врата лишь слух, детская сказка, и ничего более. Это действительно так, но почему хранительница Ордена Ирисов не запретила эту бесполезную трату времени? Хранительница Ордена Фиалок подозревает заговор. Она опасается, что Сестра-Мать откажется от переговоров с человеком по имени Каталлон, вождем новых сил. Церковь должна заманить это зло в ловушку и лишь затем уничтожить его.

Ланта судорожно сглотнула, борясь с подступающей тошнотой.

Раскол Церкви.

Рассказчица смолкла в ожидании вопросов.

Наконец Ланта заставила себя задать вопрос, который ее больше всего интересовал:

— Так чего же хочет хранительница?

— Да... — Неожданное облегчение, которое услышала Ланта в глубоком вздохе, удивило ее, но не успела она еще задуматься над его причинами, как голос продолжил: — Мне говорили, что ты так же послушна, как и... одарена. — Собеседница сделала паузу между последними двумя словами, гнетущая тишина которой заставила волосы на шее Ланты вздыбиться. Затем голос продолжил: — Ранее ты помогла Сайле, Жрица. Она доверяет тебе. Согласно распоряжениям Сестры-Матери ты отправишься в Дом Церкви. Сопровождай Сайлу. Все, что она знает либо узнает о Вратах, должно стать известно тебе. Хранительница Ордена Фиалок должна обладать этим знанием, как и заблудшие, вставшие на путь интриг сестры из Ордена Ирисов.

Прекрасно сознавая бесполезность вопроса, Ланта спросила с деланным подозрением:

— Но я даже не знаю, с кем разговариваю.

Над головой Ланты откуда-то сзади появился кулак. Рукав мантии слегка поднялся вверх, обнажив запястье, на котором был надет плетеный золотой браслет, каждая ячейка которого крепко держала несколько маленьких аметистов сферической формы. Такое украшение имели право носить лишь высшие Жрицы Ордена Фиалок, и Ланта была уверена, что оно было показано ей не случайно. Кулак, видный ей лишь краем глаза, раскрылся, и из него выпал какой-то предмет. Он стал описывать круги всего лишь в дюймах от ее носа, удерживаемый на массивной золотой цепи. Его движение замедлилось, и Ланта судорожно глотнула воздух, узнав предмет. Ее собеседница тихо усмехнулась:

— Ты слышала о Камне Истины? Так смотри и укрепляйся в вере. Вглядись внимательно, дитя мое, и узнай, кому служишь. Узри наше сердце.

Это был крупный необработанный аметист неправильной формы, имевший лишь одну отполированную поверхность. Ланта никогда не слышала о том, чтобы он покидал Дом Церкви, поскольку считался главным талисманом Ордена. Как только тот перестал раскачиваться, она сосредоточила все свое внимание на его безупречной шлифовке. Взгляд Жрицы погрузился в камень, и вскоре, проникая все глубже и глубже, она обнаружила, что какое-то невидимое течение подхватило ее и уносит к сверкающей мистической точке в центре аметиста. Это было совершенно невероятно, но полностью совпадало с тем, что Ланта знала из преданий об этой реликвии. Часть ее сознания, еще способная к сопротивлению, говорила, что это лишь игра света в кристалле. В центре она наконец увидела, или скорее даже почувствовала, крест, святейший и в то же время самый запретный символ всей Церкви. Мужчины воспользовались им для убийства Единого в Двух лицах и были навечно опозорены своей кровожадностью. Ни одной женщине не позволялось даже упоминать это имя или крест. Само существование Камня Истины создавало серьезную угрозу для всей обители Фиалок.

Она моргнула.

Камень, цепь и рука пропали. Не успела Ланта повернуться, как невидимая собеседница предостерегающе зашипела на нее. Жрица снова опустила на скамью со словами:

— То, что ты от меня требуешь, невозможно. Как я смогу убедить Сайлу разрешить мне сопровождать ее? Или как я смогу передать донесение для хранительницы? Или она хочет, чтобы я воспользовалась для этого Видением? Но я не могу...

— Следуй данным тебе указаниям. Все остальное приложится. Никогда никому не рассказывай о нашей встрече. А теперь слова самой хранительницы: «Если ты не выполнишь нашего поручения, Фиалки найдут способ изгнать тебя из своих рядов. Ты будешь жить, но лишь для того, чтобы служить уроком тем, кто пренебрегает нуждами Церкви. Твоя жизнь превратится в нескончаемую молитву о прощении». Я достаточно ясно выражаюсь?

— Да. — Ланта с трудом узнала свой голос.

На все, чему ее учили о святости и единстве Церкви — ее матери и семье — легла тень сомнения.

Всего лишь одно слово пробралось в ее сознание и осталось в мыслях, придавая всему

зловещий оттенок.

Предательство.

Глава 6

Стоя рядом с лошастью, Сайла с улыбкой наблюдала за тем, как ее маленькая спутница осторожно спускалась на землю. Сложный маневр завершился прыжком, который можно было принять и за падение. Когда миниатюрное личико повернулось к Сайле, та попыталась спрятать улыбку, но Ланта заметила ее старания и ответила залившимся смехом.

Сайла извинялась, как могла.

— Я знаю, Ланта, это нехорошо, но удержаться от смеха было невозможно. Никогда раньше не видела, чтобы кто-нибудь так слезал с лошади.

Ланта приняла оскорбленный вид, выпрямившись в полный рост. При этом ее голова оказалась на несколько дюймов ниже подбородка Сайлы.

— Маленькая стрела побеждает большого тигра.

Не скрывая недовольства, Сайла огляделась вокруг.

— Не надо шуток насчет тигров. Помощь слишком далека, и такой юмор может быть опасен.

Ланта беспечно отмахнулась.

— Их скорее встретишь среди зарослей кустарника, чем в старом лесу. — Она указала на бесконечные стволы массивных деревьев. Женщины спешили на ровном участке дороги, уходящей далеко на юг. Мохнатые ветви переплетались между собой, образуя густой зеленый свод; солнечный свет, проходя через него, превращался в бледное мерцание. Воздух был так насыщен резким запахом смолы и перепрелой хвои, что казался жидким. Когда лошади заржали, то звук как бы застыл на месте, окруженный со всех сторон тишиной.

Нависающий густой лес на самом деле лишь подчеркивал гнетущее состояние, овладевшее Сайлой. Ланта была не лучшей спутницей, хотя в этот день никто из служителей Церкви не мог быть спокоен. Вестник встревожил всех. Церковь учила своих Жриц подмечать неосознанные движения и манеры, с помощью которых можно узнать о самых тайных мыслях любого человека. Кроме того, они хорошо научились скрывать собственные чувства. Сайла чувствовала себя неуютно, так как беспокойство Ланты было совершенно явным.

Конечно, если та не притворялась расстроенной, преследуя какие-то свои цели. Эта мысль настораживала больше всего.

Ощущение того, что разворачивается какая-то странная и непонятная игра, чувствовалось при встрече с самого начала. Сайла решила форсировать события.

— Ты меня удивляешь. Когда я заговорила о тиграх, то ты просто отмахнулась, как будто они не представляют ни малейшей опасности. Однако тебя нельзя было назвать спокойной, когда ты настаивала на встрече.

Пришел черед Ланты обеспокоиться.

— Я действительно выглядела озабоченной? Это мог заметить кто-то еще?

— Кто мог заметить? Мы же были одни. — Сайла еще раз бросила быстрый взгляд вокруг. — Так же, как и здесь. А почему такая секретность? Это из-за того, что тебя вызвали в Дом Церкви?

— Ты только представь себе, что теперь люди будут из вежливости называть меня «та, которая видит». — Судорожная улыбка исказила ее черты.

Темп их странной игры убыстрялся.

— Если ты уже готова к путешествию, то можешь отправляться с нами. Так будет безопаснее.

Ланта быстро кивнула. Ее темно-зеленые глаза, напоминающие окружавший женщин лес, в упор смотрели на Сайлу.

— Вестник рассказал настоятельнице Фиалок о кочевниках и их предводителе,

Каталлоне. — Ланта набрала побольше воздуха. Когда она заговорила, ее взгляд скользнул мимо Сайлы, к дальним деревьям. — Вестник сказал, что никто из его гильдии не собирается путешествовать поблизости от кочевых племен, и потому охотно рассказал все, что о них знает. Он говорил о том, что несколько лет назад в Дом Церкви пришел торговец, рассказавший о молодом государстве кочевников, образовавшемся на востоке и юге. Сестра-Мать предоставила моей настоятельнице честь наставить их на путь истины и исцеления. Было послано пять Жриц, три целительницы и две военные целительницы. Наши сестры были приняты с почетом и отправили вестника, поведавшего нам об этом. Когда пришло время, Сестра-Мать, как обычно, послала им замену. Сестры прибыли одновременно с началом военных действий. Несколько месяцев они скакали на восток, пока наконец не встретили пять Жриц из первой группы, которые отказались вернуться в Дом Церкви. Не указывая причины, они просили покинуть эти места и никогда не возвращаться. Сестра-Мать послала еще одну экспедицию. К тому времени, как торговец принес вести о них, прошло уже два долгих месяца. — Ланта как-то неловко подняла руку, не глядя на поводья. Она сжала их так, что побелели костяшки пальцев. — Вождь кочевников, Каталлон, передал через торговца ящик для Сестры-Матери. Подарок, как он сказал. Сестра-Мать открыла его в присутствии советниц и хранительниц всех Орденов — Фиалок, Ирисов, Лилий, Незабудок — и всех остальных. Там была соль. Они решили, что это символ, как наше весеннее подношение Единственной. Затем Сестра-Мать высыпала ее на стол. В ящике оказалась голова. Хорошо сохранившаяся. Одной из нас.

В первое мгновение Сайла была настолько оглушена словами Ланты, что даже не могла отреагировать. Все еще не веря, она прошептала:

— Нет, нет. — Возмездие было неизбежно. Это знал каждый.

Ланта продолжала:

— И еще там была записка. Зажатая между ее зубами. В ней говорилось, что две сестры из первой группы еще живы и что Церковь обречена. Каталлон уничтожит ее. — Она остановилась. — Танцующие-под-Луной, Сайла. Каталлон уничтожает всех, кто пытается сопротивляться, и присоединяет к себе всех, кто поддерживает и принимает культ Луны. Записка гласила: «Там, где проходит Каталлон, живут лишь его последователи». — Яркорозовый кончик языка Ланты подрагивал, резко контрастируя с пересохшими бескровными губами.

— Что происходит? Почему это скрывают от всех?

— Страх. Дом Церкви парализован. Одни советуют Сестре-Матери попытаться установить хоть какое-то подобие мира с Каталлоном, рассчитывая, что наше мастерство в исцелении ран и болезней постепенно сделают нас незаменимыми. Другие требуют любой ценой оказать врагу сопротивление. Церковь раскололась.

— Раскололась? Раскололась? Церковь едина, сейчас и всегда! Мы можем бороться друг с другом, но мы — одно целое.

— Нет. Ставки слишком высоки. Если Церковь выберет неверный путь, она умрет.

— Почему я ничего не слышала об этом?

— Танцующие-под-Луной знают о расколе в Церкви. Сестра-Мать наложила запрет на любые разговоры на эту тему вне Дома Церкви. Однако даже сейчас Жрицы обеих партий разъезжают повсюду и требуют правителей поддержать ту или иную сторону. Танцующие-под-Луной охотятся за ними.

Сайла заколебалась. Не ловушка ли это? С целью отпугнуть ее от поисков? Или заставить принять одну из сторон? Ланта была Фиалкой, точно так же, как и Жрицы, посланные к Каталлону. Довольно очевидно, что Фиалки хотят заполучить силу Врат.

На какое-то мгновение Сайла испугалась маленькой женщины и ее неведомой силы. Однако это быстро прошло. Ланта была другом. Сестрой. Она внимательно вгляделась в крошечное личико в надежде, что это прогонит прочь ее страхи.

Не отводя взгляда, Ланта произнесла:

— Я не знаю больше никого, способного на то, что сейчас сделала ты.

— Сделала? Что же я сделала?

— Выдержала мой взгляд. Ты никогда его не боялась. Ты доверишься мне.

— Не думай обо мне так хорошо. — Сайла улыбнулась. — Я знаю, что тебе необходимо войти в состояние транса, чтобы получить Видение.

— Все это знают. Но они не смотрят мне в глаза. Избегают дотрагиваться до меня. Ты можешь себе представить, что происходит, когда я касаюсь кого-то? — Рискнув, Ланта неожиданно резко протянула руку.

Сайла замешкалась, но не из-за боязни прикоснуться к своей спутнице, а захваченная борьбой эмоций, раздиравшей ее подругу.

Она взяла руку Ланты. Маленькая женщина отдернула ее. Несколько мгновений она вглядывалась в возвышавшуюся над ней Сайлу. Ее голос дрожал.

— Когда-то давно я солгала Алтанару о том, что я увидела в твоём будущем. Я спасла тебе жизнь. Сейчас я прошу ответной услуги. Я доверяю тебе всей душой.

Сайла кивнула. Ее пульс участился. Беседа снова круто сменила тему, и Жрица растерялась. Слишком много предметов разговора, слишком много неясностей.

Тем временем Ланта продолжала:

— Хранительница Ордена Фиалок поручила мне сопровождать тебя в твоих поисках. Я предлагаю тебе свои услуги и обязуюсь делать все, чтобы помочь найти Врата.

Сайла с облегчением вздохнула.

— И это все? Плата за то, что ты сделала для меня? Хранительница мало разбирается в сделках, мой друг. Я согласна просто из удовольствия разделить твою компанию.

Резкий смех Ланты разорвал тишину леса.

— Моя настоятельница разбивает себе колени в постоянных молитвах о том, чтобы я была избрана Единственной и дала ей возможность приблизиться к власти в Церкви. В то же время, если ты найдешь Врата, то все, что ты о них узнаешь, должен узнать и Орден Фиалок. В первую очередь.

Сайла вспыхнула.

— Я ищу Врата для всей Церкви, для всех женщин. Мои поиски будут тайными. Никто не вправе решать, как использовать то, что я найду. Я могу решить твою проблему: не иди со мной.

Ланта в мольбе протянула к ней руки. Горькое, вымученное высокомерие ушло, уступив место безнадежному отчаянию.

— Я должна. Я должна сообщать о тебе. Или стать отступницей. Ты единственный человек, который никогда не считал меня ведьмой. Пожалуйста, пожалуйста, не говори им. Хотя если ты сделаешь это или откажешься взять меня с собой, я пойму тебя. Я надеюсь, что я достаточно сильная для этого. Я знаю, что поступила правильно, предупредив тебя. Я только хочу...

Обняв, Сайла крепко прижала ее к себе. Их тела соприкоснулись, и Сайла не смогла найти слов, чтобы описать свои ощущения. Не то чтобы это были страх или опасение. В большей степени предчувствие чего-то, что может угрожать. Оно было сродни тому странному выражению в глазах зверя, который смотрит на огонь.

Ланта не была огнем. Она была человеком, другом, который, как она сказала, доверил ей свою жизнь.

Сайла помогла ей поставить ногу в стремя и сесть в седло. Затем вскочила на свою лошадь и присоединилась к Ланте, направляющейся назад в Олу. Всю дорогу Сайла размышляла.

Церковь воюет сама с собой! Непостижимо!

Жрицы Роз ее исканиям пытаются помешать и тщательно следят за ней. Орден Фиалок. Жадные, плетущие зловещие заговоры умы, ждущие ее первой ошибки. Неужели все они? Есть ли среди них неизвестные друзья? Кто же?

Ланта.

В ее мысли проникло легкое сомнение. Сайла представила его извивающимся,

постепенно растущим, словно гусеницы, что живут в полых стеблях тыквы. Хотя они поедают растение вдали от цветка, со временем оно теряет способность питать свои плоды. Только начавший формироваться плод гниет, превращаясь в скользкую гнилую массу задолго до того, как кто-нибудь догадается о болезни.

Сайла почувствовала раздражение.

Если бесстыдный подарок Каталлона сопровождала записка, то не написала ли ее другая Жрица? Фиалка. Почему Ланта не упомянула об этом? Был ли раскол Церкви настолько глубок, что убийство стало лишь еще одним оружием. Мог ли Орден Фиалок требовать мирного соглашения, тайно ища альянса?

Ланта. Что может заставить жертву сильнее поверить тебе, чем «признание» собственной слабости и затем мольба о понимании и милости?

Все эти эмоциональные проявления внутренних страданий — не фальшивы ли они?

Где же правда? И сказала ли Ланта хоть часть ее?

А как насчет Тейт и Конвея? Почему они все время так уклончиво отвечают на любые ее вопросы?

К кому она сможет прийти за поддержкой во время своих поисков, в час, когда ею овладеют сомнения, когда ее силы будут на исходе?

Кому она вообще может доверять?

Глава 7

— Разобьем лагерь на западном склоне.

Алтанар дернул за уздечку, заставив коня сойти с тропы, а затем резко остановил его. Джонс встал прямо за ним, его лошадь даже слегка подтолкнула коня бывшего короля. Животное ступило на покрывавший склон зеленый ковер, кое-где украшенный можжевельником. В тянущейся на восток бесконечной степи, полной опасности, они никого не заметили. На западе круто поднимались Горы Дьявола. Джонс заканчивал осматривать расстилающиеся под ними земли, когда крупная сорока, тяжело размахивая белыми крыльями, испещренными черными полосами, тяжело улетела прочь. Как бы следуя мерам предосторожности, предпринимаемым Джонсом, она быстро скрылась среди разлапистых елей.

Джонс расслабился. Ему нравилось здесь. Воздух, насыщенный запахом можжевельника и резким ароматом каменистой почвы, придавал сил. Такой чистый! Взор проникал всюду, охватывая бесконечные просторы и белые шапки горных вершин, которые, становясь все мельче и мельче, постепенно превращались в цепь холмов, окаймлявшую даль горизонта. Эта земля тянулась, пока не начиналось то, что эти дикари называли Великим морем. Именно отсюда он и отправился когда-то, неся людям спасение, в котором они так нуждаются и которое он может им предложить.

Только он понимал. Это было его единственной мыслью.

Алтанар продолжал жаловаться.

— Какой здесь колючий ветер. В нем чувствуется снег. Мы не должны были забираться так далеко вверх по течению Матери Рек, прежде чем повернуть на юг. Нам надо сейчас же вернуться и попробовать найти безопасный путь назад, на запад. — Он посильнее закутался в тюленью парку, выглядывая из глубины капюшона, словно загнанный в нору барсук. Было заметно, что когда-то роскошная меховая одежда испытала все тяготы продолжительного путешествия. В местах, где локти терлись о бока, мех совсем вылез. Парка была грязной, шов на одном плече разошелся. И затейливо вышитые сапоги, начинавшиеся как раз там, где заканчивалась верхняя одежда, являли собой жалкое зрелище, усугублявшееся глубокими натертыми стремянами полосами.

Джонс сделал большой глоток из своей фляги. Гладкая пластмассовая поверхность резко контрастировала с колючей курткой из бело-коричневой шкуры и серыми домоткаными брюками. Когда он распахнул куртку, доставая носовой платок, показался

серый амулет на серебряной цепочке. Авангард отряда — семь из четырнадцати хорошо вооруженных людей — подъехал и занял место рядом с ним. На них была такая же грубая одежда, что придавало им первобытный вид. У большинства куртки, покрытые подозрительными пятнами, были сшиты не по размеру, а дыры залатаны на скорую руку. Воины все еще носили обрывки своей когда-то белой формы, выдававшие в них блюстителей истины. Сейчас материал был изодран в клочья и настолько испачкан, что наводил на мысль о попытке избавиться от позорного прошлого.

Один из мужчин заметил случайно показавшиеся у Джонса диск и вздрогнул. Его рука поднялась вверх, и он дотронулся до лба согнутым указательным пальцем. Это было первое движение Тройного Знака. Он побледнел, заметив пристальный взгляд Джонса. Воин быстро опустил руку к брови, как будто хотел почесать ее.

Джонс моргнул и попытался изобразить участие. Поскольку все уже было в прошлом, он бросил быстрый взгляд на Алтанара. Этот дурак ничего не видел. Еще бы. С того времени как они покинули Олу, лишь на день опередив отряд Гэна Мондэрка, ему становилось все хуже и хуже. Хотя бывший король продолжал изредка рывкать свои идиотские распоряжения. Дурак. Люди понимают, кто их настоящий вождь.

Но все же имя Алтанара объединяло этих отщепенцев. Отсюда можно было извлечь урок, и Джонс сказал себе: если придется зависеть от желания людей отдать за тебя свои жизни, сперва позаботься о том, чтобы они были либо полностью скомпрометированы в глазах других людей, либо целиком преданы тебе.

Преданность — удел дураков.

Борьба за собственные интересы есть первичный и основной инстинкт человека, а его естественным проявлением является предательство. Нормальный человек понимает, что окружающие ничем от него не отличаются; они хотят, чтобы их купили, и предадут, если это будет выгодно. Такой человек защищает своего вождя, потому что знает, что все будут против него в случае падения хозяина. Такой человек ничего не знает о тех, кто всегда наблюдает за ним, готовый немедленно сообщить кому следует, если его преданность пошатнется.

Это были идеальные, вечные отношения.

Защитники Алтанара никуда не могли уйти от своего хозяина. По крайней мере, до сих пор.

В один прекрасный день их будут сотни, нет, тысячи. Они будут носить доспехи с золотой отделкой и...

Толчок справа прервал поток мыслей Джонса.

Говорил Алтанар.

— Ты слушаешь меня? Я сказал, что возле моря климат мягче.

— И в каждом лесу есть глаза, разыскивающие нас.

— А здесь это невозможно?

Джонс вздохнул. Всего лишь несколько месяцев назад сарказм Алтанара был резким и ядовитым. Сейчас это было раздраженное нытье старой женщины, жалующейся на остывший чай. Джонс позаботился о том, чтобы его ответ выглядел убедительно.

— Здесь нас тоже могут заметить. Однако это менее вероятно, и к тому же мы не так зависим от больших дорог. Издалека нас можно принять за обычных охотников.

Алтанар согласился с его доводами. Он сильно пришпорил лошадь, которая, испугавшись, почти выкинула его из седла резким прыжком. В ответ хозяин ударил ее кнутовищем по голове. Лошадь была одним из тех выдрессированных животных, которых они украли у Людей Реки, но унижения, причиненные ей Алтанаром, заставили ее забыть о дрессировке. Встав на дыбы, она грациозно изогнула спину. На неестественно прямых ногах животное совершило несколько головокружительных прыжков, заставив Алтанара хвататься за нее разве что не зубами. Раздался его испуганный крик.

Джонсу никогда бы даже в голову не пришло спасти его. Он не был искусным наездником, и любой намек на ярость со стороны лошади повергал его в панику. Он

неосознанно поднес руку к голове. Ледяные пальцы, забравшиеся под меховую шапку, дотронулись до горячего, пульсирующего кругового шрама.

Отметка Сайлы. Именно здесь она вскрыла его плоть, извлекая осколки черепа, разбитого камнем варвара. Обнажила его мозг.

Она. В его голове. Ухмыляющиеся, нечестивые глаза, следящие за его мыслями, наблюдающие, как ужас и агония играют на таких уязвимых серых складках и ямочках. Мягкие, знающие руки; пробующие на вес, трогающие его мысли, играющие с его мечтами. Его тайнами.

Он представил ее под обрушивающимися, рвущими копытами коня Алтанара.

Охранник скакал на помощь. Бывший король отблагодарил его, прыгнув к нему и выбив из седла. С глухим звуком они вместе рухнули на землю, но Алтанар оказался наверху. Он сразу же вскочил, трясаясь от запоздалого испуга и яростно жестикулируя.

— Прикончить ее! Она пыталась меня убить.

Кое-кто из приближающихся всадников потянулся к висящим за спиной лукам, но ни один не исполнил приказ. Тем временем лошадь успокоилась, то ли наконец осознав, что свободна, то ли почувствовав ярость Алтанара.

На мгновение Джонс задумался о том, почему охрана замешкалась. Он понял причину, увидев, что упавший спаситель поднялся и молча показывает на пытающихся сбежать лошадей. Включая его самого и Алтанара, отряд насчитывал шестнадцать человек с двадцатью лошадьми. Четыре из них были необходимы для перевозки поклажи. Потерять животное означало, что кто-то должен будет идти пешком до тех пор, пока не найдет себе другого коня.

Это маленькое происшествие и его анализ доставили Джонсу удовольствие. Оно показывало, что люди Алтанара уже начинают взвешивать его авторитет на весах собственных интересов.

Крик одного из отправившихся в погоню за убежавшими лошадьми прервал его размышления. Джонс решил, что им крупно повезло, раз удалось так быстро поймать животных, и тут же почувствовал, как по спине пробегает неприятный холодок. Это было смутное, неопределенное предчувствие. Он быстро огляделся, но промолчал, увидев, что никто не встревожен.

Однако он прислушался, и как только Алтанар взгромоздился на реквизированную лошадь, внимательно осмотрел местность. Ни единого движения. Ни единого звука.

Даже от тех, кто усакал на поиски.

После того как они немного проехали, Джонс спросил о них у находившегося рядом защитника.

Тот пожал плечами в ответ.

— Лошадь может хорошо спрятаться среди этих холмов. Возможно, они нескоро к нам присоединятся.

— Я хочу выслать вперед разведчиков. — Алтанар присоединился к ним на своей новой лошади.

— А по флангам? — спросил охранник.

— Нет. Они замедлят наше движение. И не беспокойся об опасности сзади. Если бы Люди Реки преследовали нас, мы бы уже знали об этом. Сосредоточимся на том, что ждет нас впереди.

Джонс и Алтанар продолжали двигаться посреди растянувшейся колонны.

Про себя бывший пастор подумал, что они просто плывут по течению. Джонс понимал, что у него нет шансов улучшить свое положение, не расширив свою власть над людьми. Однако, как только он начинал завоевывать ее, Церковь или местные вожди начинали за ним охотиться, пытаясь уничтожить либо заставить бежать. Поклоняющиеся Луне обеспечили бы эту небольшую группу всем необходимым. Другой проблемой было убежище. На них нападали все, кто встречался на дороге.

Любая попытка спланировать что-либо была обречена на неудачу.

Но он должен иметь сильную, хорошо охраняемую крепость. Тогда он сможет расти.

Но где? Как?

Внезапно к нему снова вернулось необъяснимое ощущение ледящего холода, на этот раз настолько сильное, что он испуганно вскрикнул. Алтанар изумленно посмотрел на него, и Джонс изобразил слабую и невразумительную улыбку. Бывший король отвел взгляд. Джонс сосредоточился, пытаясь увидеть или услышать что-нибудь подозрительное. Ничего.

И тут заросли ожили.

Целые кусты выскакивали на дорогу с пронзительными криками. Из одного из них вылетела стрела; ее свист становился все громче и громче, пока он не почувствовал жужжание вибрирующего оперения, коснувшегося его уха. Всадник, ехавший позади него, испустил громкий крик. Этот звук вывел Джонса из оцепенения. Он повернулся и увидел, что стрела торчит прямо из глазницы жертвы. Второй глаз с ужасом взирал на яркое оперение, хотя смерть уже замутила его.

Все было кончено в несколько мгновений. Воины, лица которых были раскрашены под черепа с черными глазницами и кровавой дьявольской улыбкой, окружили их, стаскивая с лошадей ошеломленных охранников. Один из них с криками корчился на земле, раненный ударом копья. Джонс подумал, что он напоминает муху, прихлопнутую скверным ребенком. Варвар занес массивную дубину над головой павшего, и наступила тишина, от которой на побелевшем лице Джонса выступил пот.

— Больше не убивать! Они нужны мне живыми! — Голос был обращен к нападавшим.

Джонс взглянул на Алтанара. Его спутник глупо улыбался; казалось, что нападение было для него мелким происшествием, а убитые — печальным, но недостойным особого внимания явлением. Он изредка кивал приближающемуся варвару, отдающему приказы уже менее чем в десяти ярдах от них, заранее согласный со всем, что тот скажет.

Не говоря ни слова, всадник рассматривал их, одновременно срывая остатки маскировки. Люди Гор, Дьяволы, кровные враги родного племени Гэна Мондэрка, Людей Собаки. У некоторых были содалы, копьеподобные мечи для боя верхом. Все были вооружены ма, короткими и тяжелыми мечами, приспособленными для ближнего боя.

Джонс отметил еще одно: их немытые тела и грязная одежда невыносимо воняли.

Медленно, почти лениво, варвар в свою очередь развязывал полоски, скреплявшие вместе две половины его импровизированной брони. Снаружи она представляла собой толстый чехол из крепко переплетенных ивовых ветвей. Выбравшийся из-под него мужчина оказался тощим, но мускулистым. Раскрашенное в мертвенно-бледный цвет лицо повернулось к Алтанару. В налитых кровью глазах воина, обрамленных широкими черными кругами, еще горел огонь битвы. Его голос дрожал от плохо скрываемой ярости.

— Я знаю тебя, король Алтанар. Меня зовут Лис Одиннадцатый. Я — охотник за людьми. Мы согласились помочь тебе в войне с Собаками, и они разбили нас. Мы голодали всю эту зиму. Видел ли ты когда-нибудь смерть ребенка, сосущего грудь матери, у которой от голода нет молока? Я мечтал о твоей смерти. Она будет медленной. Мои мертвые будут слышать, как ты к ним приходишь.

Алтанар оглянулся, ища глазами спасения. Остатки его отряда сбились в кучу. Все со страхом смотрели на победителей. Бывший король неуклюжими движениями ощупал свою шею, достав массивный бриллиант, называемый Знаком короля. Он протянул его перед собой. Выставленная рука дрожала, вызывая игру света на отшлифованных поверхностях. Общий вздох пронесся вокруг Джонса, словно легкий ветерок. Он наконец-то увидел всех участников засады, приготовленной Лисом, которые сгрудились вокруг, выйдя из укрытий.

Алтанар хвастливо выставял драгоценность.

— На него вы купите еду, одежду, лошадей — даже безопасное место для лагеря и охоты. Вы сможете снова стать сильными, защитить себя от врагов. Вскоре вы даже сможете снова ударить по Мондэрку. Только отпустите меня.

Лис обвел взглядом остальных пленных.

— А эти?

— Они служат мне. Если они должны быть принесены в жертву за меня, пусть так и будет.

— Твой красивый камешек уже принадлежит мне, — задумчиво проговорил Лис. — Единственная вещь, которую я хотел бы получить от тебя, — это твоя боль. Эти твари пытали людей, работая для тебя. Сейчас я хочу, чтобы они попрактиковались на Танцующем-под-Луной, на Джонсе. А ты будешь смотреть. Предвкушать. Затем придет и твой черед. — Он повернулся к столпившимся блюстителям истины. — Вы будете жить до тех пор, пока живы эти двое. Постарайтесь, чтобы Джонс, а затем Алтанар протянули как можно дольше... — Он пожал плечами. — Возможно, я убью вас быстро. А если вы меня хорошенько развлечете, то могу даже отпустить вас.

Джонсу послышался какой-то шум. Повернувшись, он увидел Алтанара, сползающего с лошади. Его глаза закатились, обнажив белки, и он мешком упал на землю.

Лис наблюдал за ним с холодной усмешкой.

— Надеюсь, что подобные слабости не помешают вам проявить все свое мастерство. Иначе вам недолго осталось ходить по этой земле.

Глава 8

Джонс лежал на спине, его голова упиралась в дерево. Черты мертвенно-бледного лица были искажены. Пустые немигающие глаза бессмысленно глядели вниз, по-видимому, совершенно не интересуясь окружающим миром. В довершение ко всему он плакал. Мокрые щетинки на щеках искрились, отражая солнечные лучи.

Его кожа горела под путами, крепко связывающими лодыжки. Рук, стянутых за спиной, он уже не чувствовал. Тонкая, сплетенная из сухожилий веревка впивалась в шею. Вздутые артерии яростно пульсировали по обе стороны от вставшей на их пути неожиданной преграды.

Восходящее солнце расплывалось, проходя через стоящие в глазах слезы и порождая крутящуюся вереницу образов, которые могли быть его воспоминаниями. Джонс подумал, что это могло быть и приближающимся безумием.

Огни. Яркие вспыхивающие, отдаленные, подобные расцветающей утренней заре, сеющие смертельные опаляющие поцелуи. Обгоревшие, горящие тела. Выжженная земля, простирающаяся до самого горизонта; крутящийся столб дыма, уходящий далеко в небо. Кровь. Отрезанные конечности. Зияющие раны. Язвы, образованные микробами, известными лишь ученым-медикам. Молящиеся. Просящие спасения и прощения; просящие воздуха, пригодного для дыхания; просящие у Бога Войны победы другу и мщения врагу.

Кто-то засмеялся. Он поднял глаза, устремив их туда, откуда раздался звук. Три маленьких мальчика и девочка в рваной кожаной одежде непроизвольно отшатнулись под его взглядом, однако остались на месте. Наконец старший спросил:

— Ты умираешь? — Когда Джонс не ответил, мальчик нахмурил брови, пытаясь повторить выражение его лица. Он решился пнуть пленника в бок. — Ты все еще страдаешь?

Девочка захихикала.

Джонс закрыл глаза.

После трехдневного перехода, во время которого всех захваченных пленников пешими волокли за лошадьми, Лис наконец решил, что племя достаточно запутало следы и может себе позволить насладиться неким подобием послеобеденного шоу. Блюстители раздели Джонса и подвесили его к ветке за запястья. Привязав за ноги к прочному и толстому суку, они растягивали его до тех пор, пока не стали выворачиваться бедра. Обнаженный, идиотски раскачивающийся, он не обращал внимания на растягивающиеся мускулы и трещащие суставы, умоляя своих палачей прикрыть его наготу. Они смеялись. И вывели вперед детей с завязанными глазами. Каждого из них один раз проводили под ним, разрешая трижды взмахнуть в его сторону крепким длинным шестом. Джонс ужаснулся, узнав, как много боли он может вынести, не теряя сознания.

Прошел день, прежде чем он снова стал различать окружающие его предметы. Люди Гор были терпеливы; они еще немного подождали, давая возможность восстановить силы. Сегодня, он знал это, они снова будут развлекаться. И плакал, потому что до сих пор был жив.

Лысый мальчик пнул его сильнее.

— Моя мама сказала, что ты слабак. Она сказала, что с тобой не повеселишься.

Такое неуважение к его страданиям заставило Джонса собраться с последними силами.

— Я надеюсь, когда-нибудь они будут пытаться и ее тоже. — В ответ мальчик поднял лысую голову, оценивая возможные выгоды этого события. Младший оказался более сентиментальным. Он из всех своих сил ткнул в Джонса кулачком и наклонился, крича ему в лицо: — Никто не собирается мучить нашу маму!

Джонс изо всех сил попробовал пошевелиться. Вдруг девочка заговорила, возбужденно тыча в его сторону пальцем:

— Посмотрите! Посмотрите на эту штуку у него на голове! Видите, какая красная? Она двигается!

Пораженные мальчишки уставились на синевато-багровый круговой шрам. Старший из них проговорил:

— Ты боишься прикоснуться к нему. — Девочка взвизгнула и отскочила. Младший парировал: — Так же, как и ты.

Получив вызов, тот тяжело сглотнул. Сжав зубы, Джонс попробовал изогнуться. Пена показалась на его губах. Грубые, грязные пальцы причиняли ему большие моральные страдания, чем нагота во время пытки. Он в бешенстве заорал, ошеломленно наблюдая, как мальчик поднялся над ним с округлившимися от удивления ртом и глазами. С воем рухнув на землю, его мучитель на четвереньках отполз назад; затем вскочил на ноги и, не оглядываясь, рванул прочь. Поморщившись от боли, причиненной впившейся в шею веревкой, Джонс повернулся на другую сторону, увидев Лиса, методично шлепающего троих детей.

— Всем было сказано держаться от него подальше. Идите к своим отцам. Скажите им прийти в мою палатку.

Когда дети убежали, Лис повернулся к Джонсу.

— Если кто-нибудь будет беспокоить тебя, позови на помощь.

Джонс усмехнулся.

— Для того, чтобы остаться в живых? И вы смогли бы пытать меня дольше? Ты думаешь, что я такой же непроходимый дурак, как и ты?

— Будь осторожен; ты еще жив.

— Я буду говорить то, что хочу. Почему я должен тебя бояться?

Лис ухмыльнулся.

— Потому, что ты не можешь освободиться. Ты будешь страдать до тех пор, пока мне нравится наблюдать за твоими мучениями. — Он жестом приказал Джонсу замолчать в ответ на его попытку возразить. — Конечно, ты ничем не заслужил эти пытки. Пойми, что твоя боль ничего для меня не значит. Просто это отвлекает моих людей от их проблем. И вызывает страх у Алтанара. Ты помогаешь мне мучить его. Пока не будешь использован до конца.

Он ушел. Джонс попытался проследить за ним глазами и вдалеке заметил прислонившегося к дереву блюстителя. Внимательно следя за Лисом, мужчина не проявлял к Джонсу никакого интереса, пока вождь Людей Гор не скрылся за деревьями. После этого он поспешил к Джонсу, предложив ему глотнуть из фляги с неумело выгравированными звездами. Расплескав большую часть воды, Джонс жадно глотнул. Он яростно запротестовал, когда благодетель убрал флягу, но успокоился, увидев у него в руках кусок сушеного мяса. Пережевывая пищу, Джонс с ненавистью смотрел на блюстителя.

Тот сочувственно проговорил:

— На твоём месте я чувствовал бы себя так же. Но ты же понимаешь, в каком

положении я нахожусь?

— Еще мяса. Воды.

Подав требуемое, блюститель продолжил:

— Мне действительно жаль, что тебе приходится испытывать все эти страдания. Алтанар... — Он скривился. — С ним я бы поразмялся. Он заслуживает этого.

— Если ты и вправду раскаиваешься, помоги мне освободиться.

Воин помотал головой, и Джонс отрывисто рассмеялся. При его движении веревка еще глубже вонзилась в шею. Вытирая истертую шею пленника листьями, мужчина продолжал говорить успокаивающим тоном, одновременно развязывая переплетение сухожилий:

— Лис найдет любого из нас, куда бы мы ни спрятались. У нас нет ни единого шанса. Неужели ты думаешь, что я не думал о побеге? Как только покончат с тобой и Алтанаром, следующими будем мы. Он ни за что не отпустит нас.

— Как все мрачно.

— Да, причем больше для тебя, чем для меня. — Блюститель снова закрепил веревку у него на шее. Не обращая внимания на вскрик Джонса, он выпрямился и продолжил: — Когда придет мой черед, я уйду быстро. Позже ты задумаешься об этом.

— Я стар. Мое сердце...

— Я знаю, что делаю, Танцующий-под-Луной. Твое сердце протянет еще долго.

— Нет! Ты не можешь. Я никогда не причинял тебе вреда. Почему же...

— Я хочу жить как можно дольше, вот почему. Пока я жив, я могу надеяться.

— Тогда дай надежду нам обоим. Они не будут преследовать нас. У них есть Алтанар. Они ненавидят только его. — Джонс осознал реальную мудрость этого логического заключения лишь после того, как произнес эти слова. В порыве энтузиазма он дернулся вперед и вновь ощутил на шее веревку. Не обращая на нее внимания, он продолжал: — Ты мог бы украсть лошадей. Еду. Подкрасться ко мне в темноте...

Грубо перебив Джонса, блюститель ответил:

— Они связывают нас на ночь. В любом случае, завтра ты уже не сможешь сидеть на лошади. Или идти.

В лесу, где воздух совершенно неподвижен в пасмурный день, иногда случаются моменты, когда сквозь просвет в облаках пробивается и припадает к земле луч солнца. Этого быстрого прикосновения тепла достаточно, чтобы заставить землю вздохнуть... Только осиновые листья замечают это нежное дыхание. Звук, слетевший с губ Джонса, был настолько же мягок, как и их шелест, однако звучащий в нем ужас был достоин грома. Когда несчастный выдавил из себя слова, они отскакивали друг от друга:

— Что ты сказал?

— Это Лис. Он сказал, что мы должны еще немного попугать Алтанара. — Он развернулся, собираясь уходить. — Мне жаль тебя. Правда.

— Подожди. Подожди! — Джонс завизжал. — Это Алтанар! Не я! Не надо больше. Пожалуйста, пожалуйста.

Воин остановился.

— Если это поможет тебе перенести будущие страдания, помни: они сделают с нами то же, что мы делаем с тобой.

— Ты врешь. Ты сказал, что уйдешь быстро. Ты не хочешь страдать. Только я. Один лишь я. Почему я?

— Мне надо идти.

— Вернись! — просил Джонс, пытаясь удержать блюстителя в поле зрения и продолжая жалобно кричать, даже когда тот исчез за деревьями. Когда воин вернулся, несчастный облегченно зарыдал. Он умоляюще произнес: — Сделай это для меня. Сделай то, что ты собираешься сделать с собой.

— Это невозможно. Они узнают.

— Они не узнают. Мы оба понимаем, что это лишь вопрос времени, когда... когда я... — Слово не могло сорваться с его губ. Он сглотнул. — Ты знаешь. Я имею в виду, что

ты мог... ошибиться. В чем-то. Не мучай меня больше.

— Все должно выглядеть как обычно. — Блюститель снова присел на корточки рядом с ним и ткнул вытянутыми пальцами в плечо. — Ты должен мне помочь. Бороться за жизнь. Если они узнают, что я собираюсь помочь тебе, то убьют меня, а ты будешь жить еще много недель. И каждый день будет страшнее, чем предыдущий. Смотри, не выдай меня. Я прекращу твои страдания при первом же удобном случае.

Джонс был слишком измучен, чтобы вразумительно ответить. Он продолжал бормотать слова благодарности еще долгое время после того, как его новый друг ушел. Несчастный был так доволен, что это отразилось даже на его чувствах; он пренебрежительно думал о Лисе и готовящемся им развлечении.

Они пришли за ним, как только на землю пала ночь, и через несколько минут Джонс потонул в океане боли. Он потерял чувство времени. Открывая глаза, он одинаково поражался как солнечному свету, так и ночной тьме. Временами его сознание отрицало эти ужасные страдания, и он смеялся в лицо столпившимся перед ним людям. Иногда он пытался перехитрить своих мучителей, пряча подступающую агонию и давая им возможность довести себя до предела, за которым уже никто не сможет причинить ему зла.

В его жизни осталось лишь две вещи: боль и блюститель, омывающий только что самым им нанесенные раны и исцеляющий их словами:

— При первом удобном случае. В следующий раз. Мы их надуем.

А затем Джонс очнулся в состоянии полной умиротворенности, всей кожей ощущая мерцание серебрящегося лунного света. В первое мгновение он испугался, что это была смерть. Затем почувствовал, что пришел в сознание впервые за долгое время. Это было еще ужаснее; может быть, Люди Гор выходили его до такого состояния, чтобы развлекаться снова?

К нему постепенно стали возвращаться обрывки забытого сна. Он видел, как карабкается на отвесную стену какой-то скалы, покрывшись испариной в бессмысленной попытке убежать. Острые камни рвали плоть крепко сжатых пальцев. Внизу было неистово ревущее чудовище, голод, рухнувшие надежды. Наверху была скала, уходящая в небо. Ее поверхность струилась под исходящими от пылающего солнца волнами тепла. Когда на него упала тень, он испугался и взглянул вверх. Две чешуйчатые твари спускались к нему. Лишенные глаз, они ощупывали его красными, истекающими слюной языками, свешивающимися между грозящих клыков.

Он знал, что должен напасть первым. Повиснув на кончиках пальцев одной руки, он схватился с ближайшей тварью, подтащив ее к себе и вонзив зубы в ее горло. Та яростно забилась и закричала. Он уже почти спрыгнул вниз, решив по крайней мере разделить смерть с чудовищем, как вдруг заметил, что оно уменьшается. И снова что-то внутри него, что-то более глубокое, чем инстинкт, сказала ему, что нужно делать. Засунув отвратительную тварь в рот, он плотно закрыл его, давясь грубой кожей, и проглотил ее до того, как она успела вырваться. Сила наполнила его, словно воздух, распирающий легкие уходящего под воду пловца. Затем он сгреб и второе чудовище, поступив с ним таким же образом.

Вдруг, не заметив никакого движения, он оказался на вершине утеса, лежа лицом вниз на площадке, размеры которой были едва достаточны, чтобы удержаться. Приподнявшись, он огляделся вокруг. Вокруг ничего не было. Его окружала пустота.

Назад в сон, где он был один в своей сказочной башне. Недостигаемый. Неуязвимый.

Как Бог.

Во сне он спустился назад к своему телу в лагерь Горных Людей. К телу, которое теперь стало убежищем нового, зрелого Духа.

Сейчас, полностью придя в себя и слившись с телом, Джонс наслаждался овладевшей им странной умиротворенностью. Он освободился. Очистился. Боль всех возможных видов и оттенков охватила его тело; сознание презрительно оттринуло ее.

Запрокинув голову, он смотрел прямо в центр сияющего круга Луны, чувствуя, как ее абсолютный холод прикасается к нему, словно ища поклонения. Обратив наконец внимание

на себя, Джонс увидел, что лежит раздетый и несвязанный где-то на открытом пространстве. Он с трудом повернул голову в сторону и заметил смутные очертания какой-то фигуры между деревьями. Лежа на земле, он сделал глубокий вздох и произнес:

— Лис. Подойди сюда.

Он прошипел эти слова, не переводя дыхания. Сумрачная фигура вздрогнула. Джонс повторил приказ. Лис подошел. Его глаза были расширены от ужаса.

— Как долго я пролежал здесь? — Джонс выговаривая слова негромко, но уверенно.

— Ты до сих пор жив?

— Как долго?

— Два полных дня. Мы бросили тебя тут умирать.

— Почему?

— Дух оставил тебя. Что бы ни делали блюстители, ты лишь бессмысленно смотрел на них остановившимся взглядом. Потом ты стал разговаривать на никому из нас не известном языке. Я знал, что ты мог разговаривать с духами из Преисподней. Я сказал им, что мы должны разрешить душе войти обратно, потому что, если ты умрешь без нее, она будет нас преследовать.

Джонс чувствовал дыхание безумного страха, охватившего Лиса. Это придало ему сил. Он приказал воину помочь ему стать на ноги. Тот отвечал дрожащим голосом:

— Ты никогда не встанешь. Твой дух вернулся, и теперь ты можешь спокойно умереть.

— Тогда что же ты тут делаешь, когда все остальные спят? Что привело тебя ко мне?

Лис вздрогнул.

— Не знаю. Я должен был прийти сюда. Посмотреть.

— Ты пришел ко мне. Ты первый, кто увидел, как лечит вера. Моя вера. А сейчас помоги мне подняться.

Это был постепенный процесс, они делали перерывы для того, чтобы обожженная кожа вытянулась, а изувеченные мускулы и суставы привыкли к весу и движениям. Все это время Лис прерывисто дышал, повторяя одну и ту же фразу:

— Ты не можешь сделать это. Ты не можешь сделать это.

К тому времени как Джонс наконец-то полностью поднялся и стоял, опираясь на ствол дерева, солнце уже взошло. Ему показалось, что он прикрыл глаза всего на мгновение, однако, открыв их, он увидел, что весь лагерь собрался вокруг него. Он замотал вокруг талии кусок кожи, прикрыв свою наготу. Шум толпы представлял из себя низкое бормотание, в котором чувствовался страх. Джонс делал вид, что не обращает внимания.

Свет играл на его теле.

В его теле.

Джонс поднял руку, и по рядам собравшихся пробежала волна возбуждения. Он указал на полную Луну, до сих пор еще сиявшую в светлеющем небе, бросая вызов более яркому солнцу.

— Посмотрите на Луну. — Слова были нечеткими. Раны на языке наполняли его рот болью. — Мой дух путешествовал. Он говорил со своей Матерью, Луной. Она послала меня назад, чтобы Солнце могло согреть мою душу. — Некоторые слушатели упали на колени. Попробовав улыбнуться, Джонс почувствовал, как открываются новые раны на изувеченном лице. Он продолжал: — Вы бросили меня умирать. Луна подарила мне жизнь.

То тут, то там слышались приглушенные рыдания, сдерживаемые лишь желанием не привлекать к себе внимание толпы. Джонс продолжил:

— Среди вас я словно Луна, которая рождается, растет, стареет, умирает и возвращается. Среди людей я то же, что змея среди животных. Моя старая кожа спала, и я заново родился к новой жизни. — Он не задумывался над словами. Шепот, звучащий в его мозгу, рвался на волю. Он указал на большое скопление валунов, лежащих в отдалении. — Я пойду туда. Ты и ты, — он указал на двух воинов, — понесете меня.

Оставшиеся восемь блюстителей и Алтанар стояли неподалеку в кольце горных воинов. Они держали в руках дубины, с нетерпением ожидая приказа перебить мучителей

изможденного призрака, отныне повелевающего ими. Джонсу хотелось рассмеяться: они думали, что убийство блюстителей сможет его успокоить.

Им придется многому научиться.

Он указал на кольцо охранников.

— Следуйте за мной, — приказал он и продолжил: — Лис. Рядом со мной.

Когда они пришли на место, Лис поддерживал Джонса, который, прислушиваясь, ходил от камня к камню. Наконец он указал на один из них.

— Откатите его в сторону, — приказал он, и толпа мужчин бросилась выполнять приказ. С такой же быстротой они отскочили назад, обнаружив под валуном копошащийся клубок гремучих змей, устроивших там гнездо.

Джонс снова заговорил:

— Они знают, что я тот единственный, который умер и вернулся вновь. А теперь смотрите. — Он ступил на край ямы, где обеспокоенные рептилии уже метались в поисках выхода. Одна из них проползла по его голой ноге. Чешуйчатый живот больно царапнул изувеченную плоть. Это ощущение вызвало у него мимолетный образ знакомого человека, в ужасе содрогающегося при одном только виде змеи. Почему он вызывал у него такое презрение?

Джонс на мгновение запнулся. Силы, настолько первобытные, что он не мог определить их природу, боролись в нем. Затем он быстро подошел к клубку, пытаясь сдержать довольный, самоуверенный смех.

Джонс поднял двух больших шипящих змей и показал их всем. Он обернул их вокруг плеч, а затем обвил вокруг шеи. Острые сверкающие язычки коснулись его щек, когда он поцеловал их лбы. Затем он вытянул руки, ранее спокойно опущенные вниз. Массивные тела, почти такие же по толщине, как их опора, обвились спиралью по всей длине рук. Поблескивая глазами, они изучали парализованную толпу с высокомерным презрением.

— Блюстители, — проговорил он шепотом. — Они хорошо служили мне. Приведите их.

Раздались крики и шум драки, но вскоре все они были построены перед ним. Они все еще были в надеваемых на ночь кожаных путах. Змеи устроились на ладонях у Джонса, холодно разглядывая трясущихся пленников, пока их хозяин прогуливался взад и вперед перед строем несчастных.

Он остановился. Один из двух воинов, стоявших перед ним, был тот дурак, который уже делал Тройной Знак в его присутствии. Вторым был бывший доброжелатель Джонса. Сделав выбор, Жрец произнес:

— Великая честь начать новый Танец-под-Луной принадлежит вам!

Прежде чем воины успели шевельнуться, Джонс простер к ним руки. Змеи молниеносно выпрыгнули вперед.

Задышавшись, дико крича, блюстители вырывались из своих пут, уворачиваясь от охранников. Яд вошел им прямо в горло и достиг мозга за несколько секунд. Они скончались в конвульсиях, издавая дикие крики боли.

Джонс наблюдал. Он чувствовал барьер, растущий между ним и корчившимися на земле людьми; он почти мог дотронуться до нее, этой клубящейся дымки, сокрытой от всех остальных. Затем она стала таять, и Джонс понял, что это была их жизненная сила, переходящая к нему.

Экстаз.

Он разговаривал с толпой, стоя над распростертыми телами:

— Души этих двоих, умерших по моему велению, будут ждать в раю своего перерождения, такого же, какое вы видели. Их души придут по моему зову, чтобы служить мне до тех пор, пока я не должен буду снова вернуться к своей Матери, Луне. Когда я соберу их там, и они станут еще лучше, чем были раньше. Тот, кто будет сопротивляться мне, умрет и останется мертвым навечно.

Он бросил на Лиса взгляд, острый и твердый, как сталь. У побелевшего от страха воина

хватило силы только показать свое смирение. Далеко позади толпы Джонс заметил Алтанара, связанного, словно свинья на рынке. Он задумался над тем, какое можно будет найти применение бывшему королю.

Волна боли вдруг пробежала по его телу, это было воспоминание и об огне, и о ноже, и о дубинке, которое все еще хранило его пострадавшее тело. Он почувствовал, что его качает. Отступив назад, он оперся на камень.

Это было предупреждение. Он понял его. Тот, кто хочет добиться своей цели, должен быть терпимым. Новое должно произрастать на старом.

Глава 9

За долгие месяцы отсутствия Класа Сайла пристрастилась к неспешным уединенным прогулкам, помогающим ей прятаться от навязчивых компаний доброжелателей. На одной из таких прогулок, забредя на прибрежную крепостную стену Олы, она встретила Гэна.

Погруженный в свои мысли, он пристально всматривался в воды Внутреннего Моря. Рычание Шары, почувствовавшего приближение женщины, заставило его очнуться. Гэн тепло приветствовал Жрицу, и вскоре они уже сидели рядом, делясь своими мыслями, планами на будущее и тревогами с откровенностью старых друзей.

Сайла никогда до конца не представляла себе степень негодования и даже враждебности, бурливших под покровом видимого спокойствия правления Гэна. Враги не дремали ни в Оле, ни за пределами Трех Территорий, вынуждая его Волков вести беспокойную кочевую жизнь. Тайные наветы, шпионаж, недовольство были, похоже, неискоренимы.

Печален рассказ человека, осознавшего, что зло — это неотъемлемая часть жизни и его не победить в открытом бою.

На короткое время Сайла даже забыла, как юн ее собеседник. Пережитый им горький опыт разочарований заставлял сжиматься сердце.

И еще Гэн поведал ей по секрету, что очарован морем.

— Я могу сидеть на берегу часами. Взгляду мешают лишь горы Китового Побережья. Там, за хребтом, чудится свобода. Почему я ощущаю себя здесь пленником? Горы окружили меня и словно следят за каждым шагом. Они как западня. Это, наверное, звучит глупо, но соответствует моим ощущениям. А море, как и степи, — это простор, путь на свободу.

— Кажется, я тебя понимаю, — сказала Сайла, — но, честно говоря, будь у меня выбор, предпочла бы твердую почву под ногами. Вспомни, как мучается от морской болезни твой пес. Не говоря уже про коня.

Гэн рассмеялся.

— Знаешь, это ведь моя страшная тайна. Иногда я вижу корабль, рассекающий носом волны... Или целую эскадру кораблей с воинами, вооруженными луками и абордажными крючьями... Вижу, как воины Собак нападают и совершают обходные маневры, только не на лошадях, а в лодках... Это захватывающее зрелище.

Сохраняя молчание, Сайла ждала, когда Гэн посмотрит на нее. Его слабая робкая улыбка просила об участии. Гэн негромко спросил:

— Ты ничего этого не видишь?

— Абсолютно ничего, — выпалила Сайла.

Дружно рассмеявшись такому несходству восприятий и тем не менее получая удовольствие от общения друг с другом, они провели остаток дня в болтовне и воспоминаниях.

Постепенно наблюдение за морем превратилось в одно из самых любимых занятий Жрицы. И в шторм, и в безветрие оно отвлекало ее на время от нескончаемых сомнений и тревог.

Вернувшись в Олу, Клас привел с собой боевых лошадей и собак. Первые несколько дней ей нравилось наблюдать, как Конвей занимается с ними. Но нынешним утром

нахлынувшая тоска привела ее на крепостные стены.

Как раз в это время в порт вошел богатый торговый корабль. Штормило, и сильные порывы ветра укладывали щегольское судно почти на бок, так что вместо торжественного прибытия получилось довольно жалкое зрелище. Под напором бесполезного уже ветра раскачивались из стороны в сторону две мачты. Матросы прыгали по палубе с проворностью ласок, хватаясь за канаты и выступающие части корабля. Благодаря их проворству корабль стал на якорь без видимых повреждений. Мачта приняла наконец вертикальное положение, и судно угомонилось, слегка покачиваясь на волнах у деревянного причала. Оно напомнило огромного борова, чешущего о плетень саднящий бок.

С корабля опустили сходни, и из невысокой рубки на корму вышла женщина. Сайла напряженно выпрямилась, вцепившись в край скамьи.

Отливающие серебром седые волосы резко выделялись на черном плаще, отделанном тканями голубого и зеленого тонов. Сойдя на землю, женщина подняла капюшон с подкладкой тех же цветов.

— Жнея, — словно выдохнула Сайла.

Она не слыхала прежде, чтобы Жнея покидала Дом Церкви. И не встречалась с официальной представительницей Церкви столь высокого ранга. Жнея выбирала будущих настоятелей и руководила их деятельностью.

Сайла поспешила ей навстречу, но была остановлена властным жестом. В одно мгновение женщина преобразилась. Под раздутым от ветра плащом почти не различалась человеческая фигура. Поднятая рука скрывала лицо. И лишь взгляд глубоко посаженных глаз прожигал насквозь из темноты надвинутого капюшона.

Откинув капюшон, женщина открыла волевое резко очерченное лицо с легкими следами прожитых лет. Широкая улыбка сопровождала слова, заставившие Сайлу вспыхнуть от удовольствия.

— Ты, конечно же, Сайла. Все отмечают твою красоту. И хорошую работу. А ты еще и быстрая. Замечательное совпадение — наша встреча здесь. Будем считать это хорошим предзнаменованием. Оно говорит о будущем сближении. Я надеюсь на это. Наша чудесная сестра, твоя настоятельница, всегда поминала о тебе в Доме Церкви. Поминала с любовью.

Услышав глубокое контральто Жнеи, так напоминающее по тембру голос настоятельницы Ирисов, Сайла вздрогнула.

— Да, я — Сайла, Жнея. Прости, что тебя никто не встречает. Нас не предупредили...

— И меня тоже, сестра. Все объясню позже. Я мечтаю о горячей ванне. Нос и легкие, измученные зловонием немытых мужчин и гнилого трюма, жаждут запаха трав и духов. Уши болят от скрипа мачт и скрежета всех этих снастей. Не говоря уже о дивных образчиках матросского языка. Я слышала, дорогая сестра, что простая веревка, обильно политая человеческой бранью, не годится даже на то, чтобы повесить на ней негодяя, зарезавшего своих родителей. Спаси меня, умоляю.

Сдержав непочтительный смех, Сайла взяла Жнею за руку.

— Ну конечно же, Жнея. Пойдем.

— Меня зовут Одил. Держи меня крепче и объясни, почему ваша земля ходит под ногами ходуном, как жалкая лодчонка. Спаси нас от земли, что раскачивается вверх и вниз. Ой! Да эта скала сама ползет на нас! Расскажи мне о Гэне Мондэрке. Я должна поговорить с ним, когда снова приму человеческий облик.

Заинтригованный Гэн встретился со Жнеей в комнате приемов за столом, расписанным стилизованными белыми и черными изображениями лососей. Резные ножки его по форме напоминали тех же рыб, выпрыгивающих из воды. На сплетенных из кожаной тесьмы сиденьях низких кресел лежали подушки.

На длинной скамье, предназначенной сразу для четверых, сидела жена Гэна Нила с юным принцем Колдаром на Бейлом Мондэрком; рядом с ней — Сайла. Жнея расположилась напротив них в другом конце комнаты. Взглянув на гостью, Колдар потянулся к ней. Одил улыбнулась, взяла мальчика на руки, и через мгновение он уже играл

висящим на золотой цепи и украшенным камнями золотым серпом, знаком ее ранга.

Извинившись, Нила вышла из комнаты и вернулась с изысканными лакомствами: лесными орешками в меду, сладкими пирожками с ягодным джемом и сухими квадратными пластинками, изготовленными из семян подсолнуха, яблочной мякоти и меда. Обнаружив джем, Колдар потерял интерес к золотым игрушкам, и Ниле пришлось спасать плащ Жнеи от липких ладошек мгновенно перепачкавшегося мальчугана. Сладости запивали несколькими видами чая из трав. Каждый подавался в отдельном керамическом кувшине. На подносе из начищенной, отливающей атласом меди с желтовато-зелеными ручками, на маленькой жаровне на древесном угле, в котелке кипела вода. Здесь же нарядным хороводом пристроились керамические кувшины и чашки. Костяные ручки стальных чайных ложек украшала искусная резьба в виде причудливых фигурок животных.

Гэн поспешил извиниться за вычурность посуды и мебели, объяснив, что вся обстановка осталась от свергнутого Алтанара. В хитроватом взгляде Жнеи сквозило явное недоверие. Циничную реакцию высокой гостьи подтвердили ее слова:

— Да нет, смотрится неплохо. Дает понять подданным, что их правители — люди другого сорта. И помогает держать их в послушании, — она отпила из своей чашки и продолжила: — Отдавая дань твоей молодости, Гэн Мондэрк, буду с тобой откровенна. Старые люди вроде меня иногда любят походить вокруг да около. Юность нетерпелива, у нее нет времени для бесполезных маневров. Так вот, если говорить прямо, мы обеспокоены судьбой нашей сестры, Сайлы.

Потянувшись, Нила взяла Сайлу за руку. Лицо Гэна посуровело, голос прозвучал глухо:

— Ее хотели отлучить от Церкви?

— Истинная правда. Но проблема не только в этом.

— Да?

Абсолютно бесстрастный тон не обманул Сайлу. Она знала, как терпеливо и незаметно, словно волк, умеет ждать и наблюдать этот человек.

— Мерзость, называемая культом Луны, разрастается. Это хуже войны, хуже чумы. Уже были атаки на Церковь. Попирается священный запрет посягать на наши жизни.

Солнце село, и в комнате сгустились сумерки. Нила зажгла свечи. Одил встала и принялась расхаживать по комнате. Мерцающий свет усиливал впечатление ее отстраненности, отчужденности от других. Она продолжала:

— И еще. Как друг Церкви, прошу вас поклясться сохранить в тайне все сказанное здесь.

— Нет, — Гэн наклонился вперед, положив сжатые в кулак руки на стол. — Я оставляю за собой право выбора, Жнея. Никогда не связываю себя слепой клятвой.

Последовала короткая пауза. Сайла не была уверена в том, что Гэн представляет, какой оглушительный эффект произвели его слова. Жнея не привыкла к возражениям. И тем более не ожидала их от этого простого короля-воина. Сайла ощущала, как напряженно работает мозг старой женщины в поисках нужных аргументов.

Неожиданно для всех Жнея признала свое поражение.

— Согласна, я не права. Взаимная помощь предполагает полное взаимное доверие и искренность. Отлично. С самого начала в королевстве Кос никого не пускали в Пустоши, они создали зазор между собой и другими людьми. Правители Коса скрытны и очень интересуются тобой, Гэн Мондэрк. Ты создал на Трех Территориях могучую армию из своих Волков. Это пугает Кос.

— Бедный Кос, — сухо прервал ее Гэн. — Ему нечего опасаться. До Коса отсюда две луны быстрой езды. У меня к нему нет никакого интереса, разве что мы сможем наладить торговлю.

— Кос очень богат. Это всегда заставляет беспокоиться. Попытки Сайлы отыскать легендарные Врата создают особую проблему. Кос постоянно воюет с Хентами на юге. Теперь он опасается набегов кочевников с востока, со стороны Гор Дьявола. Кочевники поклоняются Луне и поэтому опасаются, что секрет Врат даст Церкви преимущество в

борьбе двух религий. Их лидера зовут Каталлон. Он обещал уважать границы владений Коса, если те воспрепятствуют поискам Врат.

— Меня не остановят ни Коссиары, ни кочевники. Я отыщу Врата, — голос Сайлы прозвучал нарочито спокойно.

Одил проигнорировала ее слова и обратилась к Гэну:

— Сайла уедет со мной, а затем, после должной подготовки, вернется со свитой целительниц, военных целительниц и управляющих. Она будет настоятельницей Ирисов на Трех Территориях.

— Настоятельницей Ирисов? Что ж, это большая честь. Я всегда был против твоих поисков, Сайла, и не скрываю этого, — Гэн улыбнулся Сайле и, словно не заметив встречной улыбки Жнеи, продолжил: — Как не скрываю и то, что буду поддерживать тебя в любом твоём решении.

Во взгляде Одил появился холодный стальной оттенок. Она властно подняла подбородок и набросила на голову капюшон, словно отгораживаясь от остальных.

— Ты выступаешь против Церкви?

— Я выступаю против принуждения, Жнея. Мои друзья сами решают свою судьбу. Сайла была рядом со мной, Класом на Бейлом, Нилой и Тейт, когда ошибка любого могла стоить жизни всем остальным. Я сделаю для Церкви все, что смогу. Но Церковь не будет указывать, что мне делать для Сайлы.

Столь абсолютную тишину Сайла слышала лишь однажды, когда, убегая от Людей Гор, оказалась под угрожающе нависавшей глыбой снега, ощущая таившуюся в ней мощь гор. Конфликт Гэна со Жнеей заставил ее вспомнить то молчаливое противостояние земного притяжения и неустанной работы холода.

В то время судьба Гэна привела их на грань жизни и смерти. Теперь настал ее черед.

Какое у нее право рисковать жизнями других?

Нила попыталась разрядить возникшую напряженность:

— Пожалуйста, Жнея, постарайся понять: то, что ищет Сайла, важно и для всех нас. У наших женщин здесь больше свободы, они достигли...

Прозвучавшие в ответ слова разорвали воздух ударами хлыста.

— Церкви известно, что вы губите Избранных. Приглашаете чужестранок — женщин не из Церкви — обучать этих невинных детей. У вас шепчут друг другу запрещенное слово «учить». В Апокалипсисе сказано: *«Мудрость ограничивает знания людей. Знания — самая разрушительная из всех сил»*. Церковь стоит на страже мудрости и знания. Церковь, а не ты, Гэн Мондэрк.

Жнея поставила чашку и, резко запахнув плащ и сбросив капюшон, решительно направилась к двери. От этого движения заколебались язычки горевших свечей. Безупречно уложенные седые волосы разметались. Голос задрожал от переполнявших ее эмоций.

— Я немедленно возвращаюсь назад. Жрица Роз Сайла, если ты намерена продолжать свои идиотские поиски без благословения Церкви, то Жрицей ты не останешься.

У Сайлы перехватило горло. Она сжала его рукой, пытаясь говорить.

— Я ищу во имя Церкви, во имя всех женщин. Как же?..

Этот вопрос повис в воздухе.

— Церковь рассматривает эти поиски, в лучшем случае, как обманчивую надежду. А в худшем — как гордыню и амбиции. Предыдущая настоятельница Ирисов рассказала в Доме Церкви о твоём так называемом предназначении. Попытка отыскать Врата уже навлекла на нас гнев кочевников. В случае провала у врагов будет повод заявить, что у Церкви нет ничего, кроме легенд и сказок. Если же ты найдешь Врата — если они действительно существуют, — то освободишь неведомые силы; Церковь будет разрушена и уже никогда не станет такой, какой была и есть сейчас. Так предсказала Единственная. — Слабым движением руки Одил словно попыталась восстановить прежний контакт с Сайлой. Но последовавшие слова опровергли это впечатление. — Своей самонадеянностью ты навлекаешь на всех нас страшную беду. И тем не менее предупреждаю: тебе не позволят

разрушить Церковь. Во имя любви, если понадобится, Церковь будет ненавидеть. Во имя жизни — убивать. Ты не должна разрушить Церковь.

Грохот захлопнувшейся за Жнеей дверью эхом отозвался в оборвавшемся сердце Сайлы.

Глава 10

На следующее утро, сидя в одиночестве в своей комнате, Сайла машинально чертила кончиком пальца какие-то невидимые фигуры на полированной поверхности стола. Время от времени она отпивала из кружки горячий чай. После очередного глотка ее нос недовольно сморщился. Сполоснув кружку горячей водой, Сайла заварила свежую порцию чая.

Разум подсказывал ей, что не следует подчиняться Жнее. Поиски того стоят. Они ведутся ради женщин, для которых Церковь — единственное пристанище. Разве может она навредить Церкви? Даже если тайна Врат попадет в ее руки, разве это означает неизбежное зло?

Означает, с точки зрения мужчин. Для них является злом все, что угрожает их безраздельному владычеству.

Тогда почему же, совладав наконец со страхом, вызванным гневом Жнеи, она тут же мысленно обратилась к Класу, к мужчине?

Его появление изменило жизнь Сайлы. Она обнаружила нежность за оболочкой железной воли, открыла личность, спрятанную от чужих взоров черной татуировкой, увидела и робость, и всепобеждающее желание. Сайла, его жена, узнала о себе то, о чем прежде и не подозревала; о своих чувствах, о плоти, о страсти.

Ногти сжатых в кулаки пальцев угольками обжигали ладони.

В чем же ее вина, за что она должна так страдать?

Завитки пара скользили по ее щеке, словно чье-то легкое теплое дыхание.

Класа? Но пар ласкал ноздри запахом малины, а дыхание мужа обладало завораживающей терпкостью. Иногда перед сном ритмичное дыхание Класа и его запах наполняли ее таким ощущением счастья, что, казалось, не нужно больше ничего на свете.

Ничего.

Сайла подняла кружку, сделав большой глоток.

На самом деле ей нужно очень многое.

Ее дыхание углубилось, по пояснице разлилось тепло, телу стало тесно и неловко под сковывающей тканью платья, а в крови возникло знакомое томление.

Сайла вскочила на ноги и, резко размахнувшись, швырнула беззащитную кружку. Расплескивая остатки чая, кружка разлетелась вдребезги, ударившись о каменную стену за очагом. Мокрые осколки и брызги с шипением падали на догоравшие угли.

Огонь в очаге требовал пищи, и Сайла вытряхнула на угли немного щепок из корзины. Глядя на язычки пламени, перебежавшие с тоненьких палочек на толстые поленья и постепенно успокаиваясь, она почувствовала, как острый приступ одиночества переходит в уже привычную тупую боль. Спустя некоторое время чей-то осторожный стук в дверь заставил ее очнуться от дум.

Открыв дверь, Сайла увидела на пороге Жнею.

Боясь выдать дрожь в голосе, она жестом пригласила гостью войти. Высокая женщина прошла в комнату, затем обернулась. Грустно улыбаясь, она сказала:

— Я наговорила много лишнего сегодня. Нас учили читать по лицам и жестам собеседников, не выдавая при этом своих эмоций. Сожалею, что угрожала тебе. — Сайла уже открыла рот для ответа, но Одил опередила ее. — И тем не менее все сказанное — правда. Поиски могут оказаться последним ударом по тому клину, который расколел Церковь навсегда. А может все закончиться и еще хуже. Ты не представляешь себе могущества культа Луны. Я снова настаиваю на прекращении поисков.

— Не могу, Жнея. Я словно сошла с ума. Что-то движет мной, — эти слова придали ей

сил, и, подняв голову, Сайла посмотрела Одил прямо в глаза. — Я никому не говорила этого, даже Класу. Меня выбрали. Судьба испытывает и формирует каждого из нас, и я знаю, что мои достижения будут испытанием и указанием для Церкви. Я должна принести этот дар всем моим сестрам. Мне предназначено искать.

— Ты собираешься дать огонь в руки ребенка и называешь это даром? А разрушение вековых традиций — достижением? Неужели ты так слепа, что называешь самонадеянность избранностью? Не понимаешь, что находишься в плену своих амбиций? Ты выступаешь против всех нас.

— Да нет же, нет! — Это был словно крик о помощи. — Все, что я делаю, — это для всех нас. Мне нужны все вы!

Желание убедить собеседницу придало смелости, и, шагнув вперед, Сайла положила руку на плечо Одил.

Взгляд, встретивший этот дерзкий жест, обжег ее. Сайла отдернула руку, и та безвольно повисла вдоль тела. Только после этого Жнея продолжила:

— Мы должны контролировать каждое движение, каждое слово, имеющее отношение к Церкви.

— Я буду искать.

В последовавшей долгой паузе черты лица Жнеи поначалу исказились от гнева, а затем понемногу смягчились. За тяжелой печатью осуждения проявилось мудрое смирение. Одил вздохнула и взяла Сайлу за подбородок.

— Ценю твое упорство, дорогая Сайла, и мне жаль, что не могу его одобрить. Я отправлюсь назад на первом же попутном корабле и позабочусь о том, чтобы Церковь не оказывала тебе никакой помощи. Гарантирую, что ты не займешь в Церкви положения выше Жрицы Роз. Но я всегда буду молиться о твоей безопасности. А теперь, как ты знаешь, я обязана спросить третий раз: ты отказываешься повиноваться мне?

Сайла почувствовала, как ледяной холод пробежал по телу. Ритуал трех отказов, один из самых старых — некоторые говорили, древнейший — в Церкви, обычно предварял отлучение. Бесстрастное напоминание о неотвратимости расплаты поколебало решимость. Но все же она нашла в себе силы ответить:

— Отказываюсь, Жнея. Спасибо тебе за твои молитвы. Знаю, ты поступаешь так, как должна поступать.

Одил указала на жаровню.

— Мне предстоит долгая дорога в порт, и этот мокрый ветер снова будет хлестать меня, как кнут. Может, ты нальешь мне чашку чая, чтобы немного скрасить мое возвращение.

Сайла засуетилась, налила в котелок свежей воды и добавила в жаровню углей. Жнея настойчиво предложила свою помощь, достала кружки для себя и Сайлы. Усыпленная вернувшейся приветливостью госты, Сайла не заметила, как из глубокого кармана появился кожаный мешочек, и в ее кружке оказался желтоватый порошок.

Все это время Одил не закрывала рот, убаюкивая Жрицу славными рассказами обо всем и ни о чем. Пока Сайла посмеивалась, Жнея спокойно разлила чай по кружкам.

Они медленно пили чай, разговаривая на отвлеченные темы. Сайла чувствовала, что Жнея не хочет продолжать их прежний спор. Время текло быстро, и они решили выпить еще по кружке.

Одил настояла на том, что она сама вымоет посуду и нальет свежего чая. И вновь вернулась к душевной беседе.

— Мой отец раскапывал проклятые места. — Сайла понимала причину проявившегося в ее голосе волнения. Проклятые Богом места — это все, что осталось от времен, когда рабы жили вместе с гигантами, управляющими миром, а затем разрушили его. Прежде верили древним сказкам о том, что проклятые места могут заразить неизлечимыми болезнями, разъедающими плоть до костей. Теперь работа там уже не считалась опасной, но все же осталась уделом рабов или мусорщиков. Или бродячих торговцев.

— Отец за долги продал нашу ферму торговцу. Мы родом из Коса. В Косе разорившийся человек мог наняться только на раскопку проклятых мест. Не очень приятно осознавать, что твой отец единственный свободный человек в поселке, населенном рабами. Но надо было кормить и одевать нас, — извинившись, Жнея подошла к окну. Вернувшись к столу, она продолжила рассказ. — На следующий день после Сожжения матери я отправилась в аббатство и больше никогда не видела ни моего отца, ни остальной семьи. Кажется, мне было десять лет. Сестры приняли меня. Церковь стала моим миром, моей душой, дала мне жизнь. Теперь я с радостью отдаю ее Церкви.

— Мы обе узнали всю горечь жизни, — произнесла Сайла.

Одил ответила жесткой, почти безжалостной улыбкой:

— Женщины связаны общей горькой судьбой. Ты пытаешься изменить это. Я же уверена, что все должно оставаться по-прежнему. Нам всем жизнь преподает уроки, одним полегче, другим сложнее.

Приступ острой боли в желудке, ножом полоснув изнутри, не позволил Сайле ответить. Жнея схватила ее за запястье.

— Что с тобой?

— Ничего, — удалось выдать Сайле.

Боль усиливалась. Голова гудела, словно ее разрывала огромная опухоль. Во рту пересохло, и рука сама потянулась к кружке.

Жнея перехватила ее руку.

— Хватит чая. Тебе сейчас нужна чистая вода. — Она поспешно наполнила кружку водой из большого кувшина, стоявшего у очага.

Сайла выпила. Через несколько секунд ей стало лучше. Гораздо лучше. Странно, боль не оставила ее, но, казалось... Что? Непонятно. Она не могла подобрать нужного слова. Все уже казалось неважным. Все было чудесно. Спокойно.

Нежные пальцы Жнеи коснулись ее горла, проверяя пульс, тронули лицо, кончики пальцев, уши.

— Что ты чувствуешь, Сайла? Скажи мне.

Сайлу поразило тепло этого прикосновения. Или это ее руки такие холодные? Нош у нее как лед. И нос тоже.

— Холодно.

Сайла не понимала, почему эти слова, такие важные, оставляют Жнею равнодушной. Одил поднесла к губам Сайлы кружку, приказывая выпить.

Некоторое время Жнея оставалась за столом, затем вдруг отошла к окну и стала к нему спиной.

— Иди ко мне, — сказала она. — Немедленно.

Приказ.

В сознании Сайлы замелькали бессвязные фрагменты. Избранные... Резкие команды... За промедление или — ужасная мысль — за неповиновение — наказание... Сайла с трудом поднялась со стула.

Первый же шаг отнял последние силы. Она качнулась, отпрянула назад, ударившись о каменную стену, и, выбросив в стороны руки в попытке сохранить равновесие, закричала о помощи. У нее вырвался лишь слабый стон. Затуманенный непослушный взгляд отыскал наконец Жнею. Высокая женщина виднелась, казалось, где-то далеко-далеко, холодная и неприступная, словно гора Отец Снегов.

С победной улыбкой она оглядела упавшую на пол Сайлу.

Глава 11

Очнувшись, Сайла обнаружила, что лежит ничком на полу возле очага. Она понятия не имела, как долго пробыла в таком положении. Тусклое мерцание углей больно резало глаза. Поморгав, Сайла прогнала слезы, набегавшие скорее от страха, чем от боли, и повернула

голову. Свет от крохотного огонька освещавшей комнату свечи словно иглами пронзил мозг. Она застонала и закрыла глаза. Напрягая все силы, попыталась подняться на четвереньки, но вскоре рухнула на пол, перевернувшись на спину.

В окаймленном рамой окна небе в безумном водовороте мелькали звезды. Вдруг они остановились, и теперь уже сама Сайла сорвалась и закружилась в безбрежном пространстве ночи. Утратив всякую опору, парализованная страхом, она летела, увлекаемая свивавшимися в кольца потоками света. Она молчала, смирившись со своей беспомощностью.

Затем все закончилось. Она остановилась. Звезды вернулись на место. Мир заполнила тишина — настороженная и пугающая.

Где-то в самом верху грозно маячила темнота, в густой глубине которой терялись даже звезды. Послышался голос:

— Ну вот и пришел твой конец, дура несчастная. Будь ты хоть тысячу раз права, тебе не разрушить мою Церковь.

Щурясь от разрывавшего глаза света, Сайла попыталась вытереть слезы. Но руки ей не подчинялись.

Ее охватила апатия. Ну и ладно.

Ей все равно. Она купается в безмятежном тепле.

Спокойствие. Она уже переживала когда-то это чувство.

За столом. Когда пила чай со Жнеей.

Сейчас она потеряла связь со всем на свете. Одна.

Борись. Тебе ведь больно, тебя тошнит. Это твои настоящие чувства.

Нет. Все хорошо.

Я беспомощна. Эта мысль словно эхо отдавалась вокруг.

Неважно. Все беспомощны.

Закусив губы, Сайла попыталась сосредоточиться. С удивлением она ощутила соленый вкус крови. Сознание несколько прояснилось.

Жнея.

Сайла села и тяжело привалилась к стене. Холодное равнодушие камня лишало последних сил. Неясная ускользавшая мысль требовала жаловаться, протестовать. Но на что жаловаться? И кому? Здесь только Жнея, а Жнея — это власть.

Все хорошо.

Она вновь теряла контроль над собой.

Борись!

Что-то завладело ее сознанием, темное и злобное, поднявшееся из самых глубин.

Все хорошо.

Схватив за волосы, Жнея приподняла ее голову. Звук пощечины отдаленно напоминал треск сломанной ветки. Медленной неудержимой волной вернулась боль, она накатывала и отступала, принося с собой беспорядочно переплетенные обрывки мыслей и ощущений. Сайла знала, что надо кричать. Но на это не хватало сил. Опершись о пол руками, она попыталась сфокусировать внимание на лице Одил, маячившем совсем рядом за пеленой боли.

— Ну вот, уже лучше, — сказала старая женщина. — У тебя не должно быть ни воли, ни сил, чтобы сесть. И глаза в порядке: ни страха, ни узнавания. Моя дорогая Сайла, если бы ты знала, как противно смотреть в такие глаза.

Сайла перевела взгляд на золотой серп, висящий на груди Жнеи. Многочисленные перекрещивающиеся бороздки на его поверхности мириадами зеркальных граней отражали мерцание свечи. Невыносимое, ослеплявшее зрелище для воспаленных глаз. Но Жнея приказывала смотреть. Смотреть.

Следуя приказу Жнеи, веки Сайлы отяжелели. Захотелось спать.

Нет, спать нельзя. Бежать. Бежать от этих давящих команд, произносимых спокойным голосом, от разрушающего волю сияния серпа.

Лицо Жнеи вдруг снова оказалось прямо перед ней. Сайла уловила в прозвучавших

словах нотки восхищения.

— Ты очень сильная. Спротивляешься и моим снадобьям, и этой маленькой игрушке. Но все уже кончено. Теперь твой мозг — пустой сосуд, который я могу заполнять, чем пожелаю. Говорят, это не такое уж неприятное состояние. Я тебе почти завидую.

Сайла попыталась выдавить из своего горла хоть какой-нибудь звук, чтобы Жнея почувствовала всю ее ярость, всю решимость вернуть контроль над собой. Руки ее сжимались и разжимались, ногти царапали каменный пол.

Жнея отступила на полшага.

— Невероятно. Ты видишь? Слышишь? Я никогда...

Она оборвала фразу, на лице вновь появилась решимость.

— Встань. Встань, Сайла!

Сerp расплылся перед глазами, мерцал, манил. Сайла поднялась.

Последовали другие команды. Сайла прошла по комнате, села, поднялась снова.

Жнея торжествовала, не сомневаясь в своей победе.

— Если бы у меня было время поработать над тобой, ты бы стала ценнейшим достоянием Церкви. Ты чересчур упряма, Сайла. Сейчас я — Церковь. Все, чему тебя учили, что тебе внушали, сосредоточено во мне. Я — Мать. Я — Церковь.

Одил повторяла последние слова вновь и вновь, медленно раскачивая серпом перед неподвижными невидящими глазами Сайлы.

Наконец она отступила от Сайлы и отошла к окну.

— Ты нужна Церкви, Сайла. Мы вернемся на корабле в Кос, в Дом Церкви, где займемся твоими поисками. Вместе. Церковь поможет тебе. Помнишь свой катехизис? Присягу?

— Да, я присягала Матери, я — целительница.

— Правильно. А кто есть Мать? Кого ты видишь при слове «Мать»?

— Жнея. Одил. Тебя.

— А Церковь? Кто есть Церковь?

— Ты. Мать.

Поведение Сайлы полностью удовлетворило старую женщину.

— Отлично. А то я вдруг забеспокоилась. Seriously забеспокоилась. Никто еще так не сопротивлялся моим снадобьям. Никто из живущих, — она перешла на деловой тон. — Обычно в это время ты навещаешь черную женщину, Тейт; сделаем это и сейчас. Запомни, ты осталась в точности такой, как прежде, только теперь служишь Церкви через меня. Новый путь твоих поисков — секрет Церкви. Следует хранить его. Понимаешь?

Сайла кивнула и вышла из комнаты вслед за Жней, покорная и опустошенная.

Доннаси, вся в припарках от пояса до макушки, лежала на кровати, вытянувшись на спине. Услышав, что к ней пришли, Тейт осторожно, чтобы не растревожить раны, подняла руку и сняла повязки с лица. Жнея отослала служанку, девушку из Избранных, за дверь и подошла к кровати.

Наклонившись, глядя Тейт прямо в лицо, Одил произнесла:

— Я знаю тебя, Доннаси Тейт. Сайла рассказывала о тебе.

На сильно изувеченном лице появилось нечто, напоминающее улыбку. Это движение стоило Тейт больших усилий. Один глаз полностью закрывала большая опухоль, второй превратился в узкую щелочку. Крупные израненные губы распухли, как поломанные пальцы. Темная кожа блестела от пота и жидкости, стекавшей с примочек, от нее шел густой запах трав. Здоровый глаз поблескивал, отражая свет, словно догорающая свечка.

Запинаясь, Тейт заговорила, едва ворочая языком:

— Я знаю тебя, Жнея. Здесь был Гэн. Сказал, что ты хочешь остановить поиски Врат.

Вслушиваясь в искаженные непослушным языком слова, Одил старалась прочесть сигналы, которые посылали мимика и жесты Тейт. Черная кожа и непривычные черты осложняли задачу, а множество страшных повреждений делали ее почти неразрешимой.

Тем не менее Одил уверенно отмечала признаки возмущения и самонадеянности.

Должно быть, этот выскочка Гэн уже похвастался своей победой.

Ничего. Скоро он узнает свое место.

Однако было здесь и еще что-то. Страх. Чего может бояться Тейт?

Врата важны для нее, как и для Сайлы? Или Тейт известно нечто большее?

Чужеземцы. Таинственные и замкнутые. Они так и не открыли, зачем здесь появились. Утверждают, что родом из мест, где есть Церковь, но настоящих отношений с Церковью не наладили.

Тейт продолжала говорить:

—.. ж-ждем Конвея, нашего друга. Он отправится с Сайлой. Мы хотим помочь ей.

В это мгновение дверь открыла юная Избранная:

— Мэтт Конвей, Доннаси. Он уже идет.

— Как раз вовремя, — Тейт оторвала голову от подушки, осторожно поворачиваясь по сторонам, явно кого-то разыскивая. — Сайла? — голос прозвучал тревожно, даже жалостно. — Почему тебя не слышно? Ты здесь?

Быстро подойдя к кровати, Сайла взяла подругу за руки. Одил отошла в сторону, едва скрывая досаду: она не поняла, что Тейт почти ослепла. Стараясь разглядеть скрытое от обычных глаз, проглядела главное. Надо быть внимательнее. Обменявшись с вошедшим Конвоем обязательными приветствиями, Жнея продолжала наблюдать со стороны, как друзья развлекали Тейт.

Все в их поведении говорило о полном единстве. Конвей своими широкими плечами почти заслонил Сайлу и Тейт от посторонних глаз. Одил не сомневалась в случайности его позы. Едва ли он вообще достаточно умен.

Сайла и Конвей заботливо склонились над кроватью Тейт. Их голоса, полные тепла и участия, звучали, однако, слишком тихо, чтобы можно было разобрать слова. Одил слышала лишь то, что говорила Тейт. С заботой, с недоумением.

— Милая, с тобой все в порядке? — Ее темные пальцы обхватили запястье подруги. — Ты как-то странно говоришь. Что случилось?

Ответное бормотание Сайлы не ослабило напряженного беспокойства Тейт. Она продолжала крепко держать Сайлу.

Все это раздражало Одил. Черная женщина интуитивно почувствовала, что с Сайлой что-то произошло. Мужчина, похоже, глуп, но также предан Сайле. Исчезновение подруги приведет их в ярость. Может быть погоня.

Главное, добраться до Дома Церкви. Там Сайла будет под надежной охраной.

Нельзя забывать, однако, что они пришли откуда-то издалека и выжили по дороге в Олу. И в их руках чудодейственное оружие.

Конвей повернулся и, улыбаясь во весь рот, направился к Одил. Она ждала, внутренне забавляясь: хитрец из него никудышный, все мысли можно прочитать на лице.

— Знаю, ты возражаешь против поисков Врат, — слова его сопровождались простодушной улыбкой. — Полагаю, главная причина в том, что Церковь опасается за Сайлу. Мы, Тейт и я, собираемся сопровождать ее и надеемся защитить в случае необходимости. Гэн одобряет это решение, хотя и заинтересован в нашем мощном оружии.

Дело принимало забавный оборот. Он решил доверить ей их секреты. Одил даже задрожала от удовольствия, представив, как будет рассказывать эту историю в Доме Церкви.

Конвей продолжал:

— Попутно можно попробовать убить двух зайцев. Все равно кто-то должен разведать Пустоши, чтобы выбрать лучший маршрут в Кос. Открыв торговый путь между Олой и Косом, мы приблизим создание более тесного союза. Церковь должна приветствовать эти шаги, особенно после последних сообщений о нападениях кочевников.

— Это не просто нападения, молодой человек. Огромные массы двинулись на восток. Можете не сомневаться, Церковь проявит должный интерес к вашим словам. А что думает Гэн о вашем плане?

— Он ничего не знает, — некоторая робость лишь увеличивала его привлекательность.

На мгновение Одил даже пожалела, что своим наивным неведением он столь опасно изменил свои позиции в этой игре. — Как только Тейт поправится, мы очень быстро подготовимся к путешествию. Клас на Бейл пригнал для меня и Тейт боевых лошадей — боевых лошадей Людей Собаки, лучших в мире — и по паре псов для каждого. Но я не могу ждать, пока Тейт присоединится ко мне. Каждый день уезжаю на холмы, подальше от заселенных мест, и тренируюсь с животными.

— Ты уезжаешь туда один?

В улыбке Конвея появилось что-то мальчишеское.

— Да, но не чувствую себя одиноким. Лошади и собаки составляют иногда более приятную компанию, чем некоторые из людей.

— Могу подтвердить это на собственном опыте.

Конвей рассмеялся. Хороший смех, подумала Одил, здоровый, до краев полный жизни. Какая жалость.

Глава 12

Конвей на мгновение отпустил поводья. Как только ремни коснулись шеи коня, черные как смоль уши животного подались вперед. От легкого нажима каблуков и коленей Конвея животное наугад устремилось между громадами деревьев. Конь и всадник действовали слаженно, с растущим чувством единения. В случае опасности это могло бы спасти их жизни.

Две огромные собаки позади повторили рывок человека и коня. Длинноногие, косматые, они молча бежали вприпрыжку по лесу. Белесо-серая Микка весила, должно быть, не меньше ста тридцати фунтов. Карда был иссиня-черного окраса и выглядел более неуклюжим, чем его подруга. Конвей считал, что он тянул уже фунтов на сто пятьдесят и, если судить по шлепающему шагу и по вялым, непомерно большим ушам, ему суждено было вырасти еще.

Вспоминая Шару, боевого пса Гэна, Конвей усмехнулся при виде претенциозной важности Карды. Вот и сейчас, встретив на своем пути сухую ветку, молодой пес смело, не сбавляя скорости, приблизился к ней, с неистовой фацией взмыл в воздух и задел корягу задней лапой. Он приземлился и побежал дальше, но уже с каким-то взволнованным видом и заискивающе поглядывая на своего хозяина.

Тем не менее от шедшего рысью коня он не отставал.

Спустя несколько минут они выехали из леса на обширное пастбище, и Конвей пустил коня галопом.

Результат вековых усилий в селекции и выучке — лошадь Людей Собаки была словно рождена для открытой местности. Стоило Конвею прищипорить коня, как тот сразу же вытянул шею, словно пытаясь ухватить зубами время. Пригнув уши, выкатив от возбуждения глаза, он со всех ног ринулся вперед и, бешено стуча копытами, помчался во весь опор так стремительно, что, казалось, вот-вот взмоет в воздух.

Нагнувшись вперед, почти касаясь подбородком волнистой гривы, Конвей сжал поводья. Брошенный через плечо взгляд убедил его, что Карда и Микка неслись позади, сверкая белыми клыками и высунув языки.

Запах коня смешивался с острым запахом елей, доносившимся с возвышающихся гор, и примятой луговой травы. Теплый солнечный свет, в который окунулся всадник, вдруг сделался столь ослепительным, что от него заболели глаза, и Конвей воскликнул от радости при виде несметного числа оттенков распускавшейся зелени, коричневого цвета земли и ярких красок ранних полевых цветов.

В этом был какой-то парадокс. Конвей явно наслаждался жизнью. И одновременно с этим никак не мог избавиться от печали, жившей в его душе.

Причиной тому была Ти. Он переносил ее отсутствие с какой-то болью, которой не знал раньше. Она спасла его. Спасла ему не только жизнь, но и ту его часть, что делала его

полностью живым человеком.

Потом она ушла от него, потому что была рабыней, женщиной, которой пользовались все, кто пожелает, и которая не могла поверить, что кто-то может любить ее.

Было и еще одно воспоминание, которое не покидало Конвея в одиночестве. Берл Фолконер, полковник Армии США, который покончил с собой, боясь, что в состоянии бреда может раскрыть Алтанару тайну их происхождения и их оружия. Фолконер знал — они все знали — что в этом мире люди, которые заявят, что они пришли из пятисотлетнего прошлого, будут объявлены колдунами и убиты. Больше всего Фолконер опасался, что может проговориться об их оружии. Если бы Алтанар, или кто-либо вроде него, узнал бы, как с ним обращаться, всех «чужеземцев» тотчас бы убили.

Самое ужасное, что именно старый мир убил Фолконера, причем точно так, как ему привиделось во сне. Бактериологическая война — так это называлось. Пугающее название. В сопоставлении с действительностью слова были безобидные. Искусственно созданные вирусы заболеваний, генетически измененные для того, чтобы убивать людей и оставить в живых животных. Вирусы, которые поражали только определенные группы крови. Твари, которые покушались на жизнь одной расы и не действовали на другие.

Адские изобретения, которые мутировали так, что возвращались и нападали на своих создателей.

Какая-то ничтожная блоха занесла в кровь Фолконера что-то, вызывающее лишь пустяковый зуд у этих выносливых людей, которые наверняка являлись его собственными потомками.

Конвей не переставал спрашивать себя, обладает ли он мужеством Фолконера. Вопрос этот был столь же искушающим, сколь пугающим.

Лошадь вскинула голову и пошла боком. Стоило Конвею коснуться ее, как она тут же остепенилась. Все же, когда они стали спускаться с холма, она продолжала подергивать ушами, напрягая слух. Собаки тоже вели себя настороженно.

Вскоре Конвей разглядел сквозь деревья водопад. Чуть позже они спустились с возвышенности и выехали на болотистую равнину. Конь осмотрительно выбирал участки посуше. Собаки жались к нему. Если бы Конвей подал им знак удалиться жестом, голосом или с помощью серебряного свистка, который он надел на цепочку и носил на шее, они тотчас бы повиновались. Но по своей воле они предпочитали не выпускать хозяина из виду.

Выйдя из леса, Конвей застыл в благоговейном восторге. Высота серебристого каскада была небольшой, зато объем низвергавшейся воды был огромен. Она падала в бассейн округлой формы и дико вспенивалась. Вызываемый этим грохот разносился во все стороны, пронзал землю и отдавался дрожью во всем теле. Уходивший вдаль водный поток жадно набрасывался на каменистые берега.

Конвей спешил и, позвав к себе собак, потеревил их за косматые уши и взьерошил жесткую шерсть на спине. Те радостно завияли хвостами. Он ступил в холодную прибрежную воду и, зачерпнув немного, брызнул себе в лицо, затем специально для собак швырнул в реку валявшийся поблизости сук. Они внимательно проследили за движением палки и уставились на него неверящими глазами. Он мог поклясться, что такая забава их ошеломила. И тут он впервые осознал, что собой представляли эти животные. Товарищи, даже друзья, они не были обычными домашними животными. «Если ты хочешь, чтобы мы поплыли за палкой и принесли ее тебе обратно, мы это сделаем, — как будто говорили их взгляды, — но подобные пустячные игры лучше оставь для простых собак».

Конвей низко поклонился.

— Прошу прощения, ошибся, сэр. И вы, мадам. Давайте будем терпимы друг к другу, а?

Он погладил их по голове. Они опять завияли хвостами. Все было прощено.

Утолив жажду, Конвей двинулся вниз по течению. Изрезанная форма берега вынуждала то пробираться сквозь заросли, то идти по отмели. Последнее больше всего понравилось коню, который важно шлепал по покрытой рябью заболоченной местности и

звонко клацал копытами о скрытые под водой камни.

Как-то они заметили громадного лосося, его серебристая спина разрезала своим блестящим плавником поверхность воды. Это было мимолетным и безмолвным свидетельством, что вскоре тысячи рыб устремятся вверх по течению к месту нереста. Поэтому Конвей не удивился, когда обнаружил на берегу огромные, почти человеческие, следы с пальцами ног, обращенными внутрь. Отпечатанные на покрытом илом песке, они вызвали у него озноб.

Мысль о близости медведя все еще тревожила Конвея, когда он неожиданно услышал какой-то звук. Собаки вели себя беспокойно. Через каждые пару шагов то та, то другая останавливалась и пристально смотрела по сторонам. Сначала Конвей не обратил на звук внимания, посчитав его пением птицы, но по мере того как они продвигались, отдельные нотки сливались в единую мелодию, наигрываемую на флейте. Отзываясь на малейшее дуновение ветерка, музыка то усиливалась, то затихала, создавая какой-то жуткий потусторонний эффект. Видя замешательство собак, Конвей улыбнулся. Они то и дело вертели головами, а затем глядели на него, как бы ожидая указаний.

Конвей не спеша стал пробираться вперед, пока не понял, что оказался на краю рощи ухоженных старых ив. В ту же минуту он заметил какое-то движение сзади, со стороны берега реки. Спешившись, чтобы лучше было видно, он разглядел среди толстых стволов фигуру в черной одежде. Она бесцельно блуждала среди деревьев, что объясняло призрачные искажения музыки. Зачарованный Конвей застыл на месте. Внезапно маленькая фигура остановилась. Повернувшись лицом к нему, она откинула назад капюшон и уставилась на него широко раскрытыми темными глазами. Затем, сжав флейту обеими руками, выставила ее перед собой, словно отражая удар.

Чувствуя себя неловко, Конвей помахал ей рукой.

— Я знаю тебя, Жрица Ланта. Мне не хотелось тебя пугать.

Она робко улыбнулась.

— Я знаю тебя, Мэтт Конвей. И никого другого здесь не ждала.

Он интуитивно понимал, что ему не следует входить в рощу, и попятился назад, объясняя свое появление. Ланта шагнула ему навстречу, выходя за пределы рощи. Когда Мэтт похвалил ее игру, она покраснела и тут же завела разговор о роще, указывая на видневшийся неподалеку родник с примыкавшим к нему небольшим домом исцеления. Оба строения находились за ивами, подтверждая представление Конвея о священном месте.

В молчаливом согласии они отступили к реке. Собаки остались позади. Похоже, их что-то тревожило. Они нигде не находили признаков медведя. Может, они еще слишком молоды для такой работы, подумалось Конвею, но не успел он поразмыслить над этим, как заговорила Ланта.

— Я прихожу сюда очень часто. Это самое спокойное место. Здесь можно прогуливаться. Быть собой.

— И играть на флейте.

Прикрываясь инструментом, она опять залилась румянцем. Конвей потянулся за флейтой, и Ланта отпустила ее. Флейта была сделана из орехового дерева, а отверстия обрамлены серебром. Мундштук представлял собой вставку овальной формы, сделанную из слоновой кости. По всей длине инструмента извивалась кольцами инкрустированная тонкая серебряная нить, а самый кончик его был великолепно отделан крошечными аметистами. Они образовали ободок, переливавшийся темно-лиловыми оттенками.

Возвращая флейту, Конвей сказал:

— Она так же прекрасна, как и музыка, которую ты играешь на ней. Должно быть, это очень успокаивает — гулять в одиночестве по этой аллее, слышать только свои собственные мысли, свою музыку. Мне бы тоже так хотелось.

Она улыбнулась. Последовала сдержанная пауза. Конвей думал о ее песне, мелодично легкой, шепчаще грустной.

— Какое интересное совпадение, — произнесла она. — Я мысленно представляла тебя,

скачущего на коне в сопровождении собак. Вы вместе — одна сплоченная дружная команда. Как бы я хотела того же.

Держась рядом, они пошли вдоль берега. Река в этом месте была широкой, текла плавно. Конвей запустил в реку камешек, и тот запрыгал по водной глади.

— Быть провидицей, должно быть, страшно тяжело, — произнес он.

— Мы не говорим об этом.

Не обращая внимания на ее непреклонность, он сказал:

— Ну и ладно. Наверное, ничего не получается.

— Что? — Сверкая глазами, она остановилась. — Ты сомневаешься?

Видя ее бешенство, он украдкой ухмыльнулся.

— Мне только подумалось, что если бы ты знала будущее, то знала бы, что я заговорю о Видении, и предупредила бы меня не делать этого. Или же ушла бы куда-нибудь сегодня. Или сделала как-нибудь по-другому. Мы бы избежали всего этого.

Он чуть было не засмеялся снова, видя, как черты ее лица исказились гневом, а потом неверием, но все же сдержался.

— Ты шутишь, — сказала она. — Насчет Видения. Никто так не делает.

— А надо бы делать. Чрезмерная серьезность так же ужасна, как и легкомыслие. Это мы знаем. Скажи-ка, а что оно собой представляет? Ты видишь какие-то события или что-то другое?

Слегка еще потрясенная, Ланта быстро ответила:

— Слова. Я вижу слова в ярком пламени. Они мне и говорят.

— Поэтому тебе разрешили научиться читать?

Она кивнула головой.

— Жрицам разрешают. Меня же этому учили особенно серьезно.

— А ты умеешь контролировать это? То есть можешь избежать Видения?

— Да. Я могу почти всегда вызвать его. Есть способ. Я не люблю им пользоваться. Хотя иногда оно возникает само собой. — Она вздрогнула и на миг закрыла глаза. Выражение лица оставалось намеренно спокойным. Затем сказала: — А ты не боишься Видения? Ты обладаешь этим даром?

— Я лично — нет. Я не боюсь его и рад, что у меня его нет. Наверное, это налагает слишком большую ответственность. Впрочем, если бы я им обладал, то стал бы самым богатым мошенником, какого ты когда-либо видела.

Ланта весело рассмеялась, и на какое-то мгновение окутывавший ее покров отрешенности исчез. Однако тут же снова возник, хотя она и похлопывала его игриво по плечу флейтой.

— Меня еще никто не расспрашивал о Видении, — сказала она. — Боятся. Наверное, ты смеешься над проклятием так же легко, как и над благословением.

— Смеяться над проклятиями особенно важно. Это отбирает у них силы.

Ею мгновенно овладело беспокойство. Глаза округлились, и она торопливо осенила себя Тройным Знаком.

— Будь осторожен, Мэтт Конвей. Это силы...

Он хотел было ответить шуткой, но тревога ее была слишком сильной, слишком неподдельной для этого. Тогда он сказал:

— Единственные силы, которых я боюсь по-настоящему, исходят от других людей. Если меня постигает неудача, то волшебство тут ни при чем.

Ланта долго не сводила с него пристального взгляда, потом резко отвела глаза, повернулась и направилась обратно в ту сторону, откуда они пришли. Конвей последовал за ней, ожидая, что она снова заговорит. Она это сделала только тогда, когда они оказались на краю рощи. Вглядываясь в противоположный берег, она сказала:

— Скажу тебе вот что, Мэтт Конвей. Не как ясновидящая. А как простой человек. Как женщина. Я наблюдала за тобой с тех пор, как Алтанар впервые привез тебя в Олу. Ты приехал туда совершенно беззаботным. Сейчас же ты добиваешься цели, хотя не знаешь, что

она собой представляет. Ты охотишься в тумане рока.

— Ты очень самоуверена.

— Конечно. Каждая женщина знает, как пользоваться зеркалом.

Ланта вошла в рощу, затем обернулась к нему. Тонкие черты лица ее были непроницаемы, как камень. Быстрым движением она набросила капюшон и как будто полностью исчезла. Затем стала удаляться прочь грациозно-неторопливой, замедленной походкой. Последнее, что он увидел, была лишенная очертаний черная фигура, растворившаяся среди искривленных стволов деревьев.

Ее нежная вибрирующая музыка сопровождала Конвея, ехавшего обратно вверх по течению реки, постепенно замирая, пока не стихли последние ноты.

* * *

На другом берегу, за деревьями, восседая на лошадях, за продвижением Конвея наблюдали Жнея и бородатый мужчина в железно-кожаных доспехах.

— Ты собираешься его отпустить? — спросила женщина.

Мужчина ответил:

— Мои воины — в засаде, Жнея. — Он взмахнул рукой.

В ответ на противоположном берегу между Конвеем и водопадом зашевелились заросли.

Повернувшись к Жнее спиной, мужчина сказал:

— Теперь можем ехать.

— Еще рано.

— Сейчас они убьют его. Ты не хочешь...

Она набросилась на него с бранью, хотя выражение лица у нее было спокойным, безмятежным.

— Никогда, слышишь, барон, никогда не позволяй себе говорить мне, чего я хочу. Это слишком невежливо. А может быть, и опасно, ты ведь меня знаешь. Я не какая-нибудь запуганная оланская цыпочка. Я приехала сюда, чтобы увидеть смерть Мэтта Конвея. И я увижу ее.

Глава 13

Именно странное поведение Микки вывело Конвея из задумчивости. Он ехал вдоль относительно прямого русла реки, а белая собака рыскала далеко впереди. Карда находился на полпути между нею и Конвеем. Вдруг Микка развернулась и помчалась назад, вниз по течению. Она с такой силой отталкивалась от земли, что позади нее взлетали камешки. Карда присоединился к ее отступлению, когда она поравнялась с ним. Вместе они добежали до Конвея и заняли позицию по обе стороны от него. К тому времени конь уже потрясал головой и тяжело храпел.

Первая стрела была пущена из чаши, с тыла. Не долетев до них, она упала, лязгнув железным наконечником о камень и выбив искры. Микка проворно отскочила в сторону, когда вторая летела в нее. Стрела звякнула о камне у самой кромки воды.

Конвей привстал на стременах и повернулся в том направлении, откуда вылетали стрелы. Он поднял руки над головой и соединил указательные и большие пальцы в общеизвестном знаке солнца, символе мира.

— Не стреляйте! — крикнул он. — Кто вы?

Из зарослей молча выехал какой-то человек в доспехах с коротким, сильно изогнутым луком. В той же руке он сжимал стрелу. Сверху, у излучины реки, показались еще двое.

Первый установил стрелу в лук и натянул тетиву.

— Нет! — Конвей повернулся к нему лицом. — Что ты делаешь? Я не...

Не успел он закончить или увернуться, как услышал пронзительно шипящий звук,

какой бывает, когда жарят мясо на сильно нагретой сковороде. Что-то дернуло его за куртку и обожгло бок.

Он посмотрел на порванную одежду и увидел, как она окрашивается в ярко-красный цвет. Рана находилась как раз в том месте, где должен был лежать пистолет. Если бы он был при нем...

В голове у Конвея раздался раскат грома. Все его разочарование и безысходность, неуверенность и нерешительность, угнетенность и подавленность слились воедино в этом мгновении, в этом вызове.

Ветер ударил в лицо Конвею. Отпрянув в сторону, Мэтт заметил стрелу, промелькнувшую там, где он находился мгновение назад.

Растущий страх в глазах лучника был подобен сигнальному огню маяка. Вытащив нож, висевший у него на бедре, Конвей выпрямился в седле. Лезвие длиной в фут было сделано из сложного металлического сплава, неизвестного на земле вот уже полтысячи лет. Толщиной в целых четверть дюйма, оно было изогнуто на конце. Ослепительно ярко сверкнули внутренний изгиб и лезвие. Пятидюймовая ручка лежала в руке как влитая. Этим оружием он брился каждое утро. И никогда не пользовался им в гневе.

Нападавший швырнул лук и привстал в стременах с мечом в руке. Конвей приблизился, и его противник стремительно бросился в атаку, нанося сокрушительный удар сбоку. Конвей откинулся назад, прижимаясь к спине коня. От просвистевшего меча померкло в глазах. Ответный удар Конвея был настолько силен, что он чуть было не выронил нож.

Тормозя, его боевой конь встал на дыбы.

Лучник схватился рукой за бедро, чуть ниже места, где кончались доспехи. Меж пальцев фонтаном брызнула алая кровь.

Собаки одновременно бросились на всадника. Удар их тяжелых тел сбросил его с седла. Эхо отчаянного предсмертного крика лучника уже затихало где-то за рекой, когда Конвей отозвал собак. Он спрятал нож, подобрал меч убитого. К нему галопом скакали два других всадника; из-под ног лошадей вылетали искры, выбиваемые подкованными копытами.

Конвей свистом командовал собакам прижать одного из них к реке и криком послал своего коня в атаку. Тот по-своему понял его и пронзительно заржал. Пригнувшись к шее коня, Конвей выставил вперед меч.

Доспехи отвели в сторону острие меча Конвея. В ответ он получил сокрушительный удар в грудь. Ошеломленный, он сгорбился в седле, с ужасом глядя на рассеченную куртку, спереди мокрую от крови от груди до пояса. Меч опустился в его слабеющей, не оправившейся от удара руке. Мэтт не был уверен, что у него хватит сил снова выпрямиться.

Его выручил конь. Боевому помощнику командовали атаковать — он был обучен этому. Развернувшись, он ринулся на врагов. Конь противника явно не был столь же тренирован и не мог противостоять такой ярости. Обороняясь, он встал на дыбы, лишив своего седока возможности сражаться.

Конь противника рухнул на землю, сбрасывая всадника, и Конвей нашел силы, чтобы нагнуться пониже и вонзить меч. Сквозь красную пелену, застилавшую ему глаза, он отразил удар и вонзил клинок снова. На земле лежало подергивавшееся в судорогах тело. Конвей поспешил на помощь собакам.

Последний из нападавших загнал свою лошадь в реку по самое брюхо. Такой маневр позволил ему уйти от собак и тем самым избежать схватки. Конвей собрал все силы, чтобы настигнуть его. Глянув еще раз на свирепых псов, беглец вложил свое оружие в ножны, поднял вверх руки и изобразил знак мира.

У Конвея кружилась голова. Он с трудом спустился с коня. Ледяная вода, доходившая до колен, освежила, но лишь на мгновение. Мэтт уже жалел, что не сидит в седле.

Прислонившись к лошади, Конвей приказал собакам вернуться на берег и вести себя смирно, и тут же его внимание привлек какой-то шум вниз по течению. Ланта. Бежит. Слишком поздно, подумал он. К тому времени, как она появится здесь, этот вояка умрет, как

и его дружки. Но сначала он ответит на мои вопросы.

Часть сознания подсказывала ему, что то, что он замыслил, было варварским, непростительным поступком. Другая же часть, которую он слышал более отчетливо, говорила, что он имеет право на любую месть.

— Кто послал тебя? Зачем? — Слова прозвенели, как металл. Повторились эхом. Как-то странно.

— Барон Стиларм, подданный короля Олы Алтанара.

— Это невозможно. Стиларм сбежал на юг, в Пустоши, что между этим краем и страной Кос. Один из их патрулей взял в плен его и его людей.

— Он жив. Многие из нас остались с ним. Мы теперь разбойники.

— Зачем вы пытались меня убить? — Беглеца, казалось, то прибавало течением к берегу, то уносило опять в реку. Игра солнца на воде, решил Конвей. Однако не мешает быть настороже в случае какого-либо подвоха. Он сунул руку в стремя только затем, чтобы на что-то опереться. Грудь болела все сильнее; там чувствовалась какая-то тупая давящая боль. Неужели Ланта ему померещилась? Он посмотрел вниз по течению. Она находилась все еще там. Теперь ближе. Отлично. Он глянул вниз. Вода вокруг ног обагрилась кровью. Ланта, наверное, расстроится.

— ...Врата. — продолжал говорить человек. — Барон приказал убить тебя и Черную Молнию, потому что ты у нее основная опора. Вот и все, что я знаю.

— Брось меч. Сойди с коня. Иди сюда. — Слова теперь звучали как-то вяло, невнятно. Куда девалось металлическое эхо?

Беглец вытянул шею и, казалось, буравил взглядом Конвея, хотя слова его звучали успокаивающе, пока конь постепенно продвигался к берегу.

— Ты ведь меня не убьешь? Я бросаю свой меч. Я твой пленник. — Он обнажил оружие и с боевым кличем ринулся вперед.

В ответ конь Конвея встал на дыбы. Не успев отпустить стремя, Конвей едва устоял на ногах. Краем глаза он заметил, как мимо него мелькнули собаки. Обрушившись сверху, меч всадника поразил коня Конвея. Мэтт из всех оставшихся сил метнул свой меч, прежде чем его придавило и отбросило в сторону.

Невыносимая тяжесть увлекла его вниз, в ледяную черную воду. У него не хватало сил ни дышать, ни кричать.

Каждое движение причиняло боль. А он должен был двигаться. Он тонул.

Полностью погрузился в воду.

Все вокруг покраснело. Померкло.

Пустота.

* * *

Ланта пронеслась мимо пришедших в замешательство грозных собак, будто их вообще не существовало. Еще не придя в себя, они позволили ей вытянуть из-под мертвеца их кашлявшего и захлебывавшегося хозяина и дотащить его до берега.

С трудом переставляя лапы, Карда приблизился к трупу и обнюхал его. Он зарычал и припал к земле, когда нахлынувшая волна увлекла за собой мертвеца в реку. Выступавший из горла меч ярко блестел на солнце, пока вода не скрыла его, а потом тело перевернуло лицом вниз. Ланта нагнулась над Конвеем.

Дыхание его едва прослушивалось. Пульс на шее бился неровно.

Вытащив его кинжал, она разрезала грубую шерстяную рубашку, обнажив раны. Стрела вонзилась глубоко, но не задела ни один из жизненно важных органов. Рана на груди выглядела ужасно. Разорванная плоть напоминала раскрывшиеся для поцелуя губы сластолюбца, и в месте, где удар клинка был наиболее силен, виднелись два перебитых ребра.

Веки у Конвея вздрогнули, глаза открылись. Взгляд был удивленным, ничего не

понимающим. Ланта больше поразились своей реакции, чем его внезапному приходу в сознание. Обострение боли. Облегчение. Ей захотелось ругать и ругать его, пока он не сдастся. Не получится. Внятно и ясно, как при обычном разговоре, он произнес:

— Сначала перевяжи коня. — И закатил глаза. Рука ее скользнула, чтобы прикрыть веками пугающую пустоту белков.

У нее не было под рукой ни иголки, ни нитки, чтобы защитить его от «порождений грязи» и «невидимых». Намочив рубашку в реке, Ланта перевязала раны.

Для лечения требовалось большее. Если она отправится за лекарствами одна, то возникает серьезная опасность. Небольшие черные медведи не справятся с собаками, а вот серебристый медведь нападет без всяких колебаний. К тому же в этих лесах водятся волки. И тигры.

Захватив с собой меч, Ланта устремилась к примыкавшим к берегу лесным зарослям. Она быстро отыскала то, что хотела, и вскоре вырубил две одинаковые жерди для носилок. Одежда и ремни двух убитых воинов послужили подстилкой между жердями и связующими веревками между носилками и конем Конвея. Стараясь изо всех сил, обливаясь потом от изнеможения и боли в нежных руках, покрывшихся кровоточащими волдырями, она сумела взвалить Конвея на носилки.

Она стала взбираться на седло. Конь, будто понимая сложившуюся ситуацию, терпеливо ожидал. Он вел себя послушно, как старый, умудренный опытом воин. Собаки расположились по обе стороны от своего хозяина и во время пути часто приближались к нему, обнюхивая повязки.

Добравшись до роши, Ланта обмыла раны родниковой водой. В доме целительниц нашла мазь — хвойная смола, настоянная на экстракте ивовой коры и чесночного масла. Как только она вскрыла запечатанный пчелиным воском горшочек, собаки тут же сбежали, чихая и тыкаясь носами в грязь. Ланте же нравился острый запах; она обильно смазала мазью больного. От лекарства ему стало легче. Иногда оно помогало при заражениях. Повязки заменили разорванную рубашку, которую она не церемонясь выбросила в мусорную яму.

Ланта взглянула на коня. Его лопатка и передняя нога отсвечивали алым, огромные карие глаза глядели с осуждением. Вздохнув, она отвела его к роднику, где быстро промыла рану и обработала ее той же целебной мазью.

Покончив с этим, она опять проверила у Конвея пульс и обрадовалась тому, что он бьется сильнее. Кровотечение прекратилось, и дыхание стало легче, но лицо было все еще бледным.

Ланта решила не покидать Конвея, пока он не выздоровеет. Иногда его била дрожь, и он приходил в возбуждение. Жрица была довольна, что предусмотрительно привязала его. Вскоре Мэтт попытался закричать; цвет лица его изменился, оно исказилось в страхе, затем в гневе. Он был так слаб, что раздалось лишь какое-то бормотание. Ланта нагнулась над ним, прислушиваясь.

Он говорил четко, но как-то неправильно. Некоторые слова она вообще никогда раньше не слышала; они являли собой полную бессмыслицу. Что могло означать «счетчик гейгера»? Может, он подсчитывал гейгеры у себя на родине? А что означает эта фраза: «Все! Быстро! В бомбоубежище!» — Что такое «бомба»? При чем тут какое-то «убежище» для «бомбы»?

Но главное: почему он говорил с таким странным акцентом? Многие вообще нельзя было разобрать.

Конвей замолчал так же внезапно, как и забормотал. Ланта оцепенела, когда увидела слезы, выступившие из-под его плотно сжатых век. Безмолвное горе вызывало беспокойство.

Что же заставило его покинуть свои земли, подумала она. Видимо, что-то очень серьезное, чему он не мог воспротивиться. Приказы?

Она внимательно посмотрела на его лицо. Широко поставленные глаза; они делали Конвея краше, особенно когда искрились весельем. Она вспомнила, как Мэтт подтрунивал над ней насчет Видения. Как какой-нибудь озорник-мальчишка. Хотя в своих насмешках над неведомыми силами он зашел слишком далеко.

И все же он казался привлекательным. Вероятно, его долгое скитание вместе с другими странниками объяснялось каким-то конфликтом, которые иногда возникают между мужчиной и женщиной. Ланта представила себе костлявую ворчливую бабенку, которая сделала его жизнь невыносимой.

По крайней мере рабыня Ти обращалась с ним хорошо. Пока не ушла от него.

Некоторые люди никогда не знают, когда им хорошо.

Ланте стало жаль, что она знает так мало о его народе, о его происхождении, которое он со своими друзьями так тщательно скрывал. В нем чувствовалась какая-то врожденная, естественная доброта и предупредительность, с которыми она раньше не сталкивалась. Некоторые утверждали, что это делает его подобным женщине. Если бы они видели то, что произошло утром, то поняли бы его лучше. Как это произошло с ней.

Как же могло так случиться, что, чувствуя, будто знает его хорошо, она, го правде говоря, почти ничего о нем не знала? Удивительное противоречие.

Она убрала его волосы со лба, где выступившая испарина придала им дополнительный блеск и приклеила ко лбу, затем поправила повязки. Дыхание у него было тихое. Мышцы расслаблены. Она понюхала оставшийся на кончиках ее пальцев пот. Резкий запах был плохим признаком, но затхлый густой оттенок поверг ее в состояние ужаса. Это был запах, который, усиливаясь с каждым днем, исходил от пораженных болезнью пациентов тогда, когда смерть заключала их в свои объятия.

Сайла была эгоистична и невнимательна, особенно когда позволила ему принять участие в своих поисках Врат. И утреннее нападение — доказательство этому.

Внезапно глаза Ланты вспыхнули необычным огнем. Она поспешно взобралась на ошеломленного коня и стала что было сил понукать его. Кричать она не могла. Каждую целительницу учили не оплакивать своих подопечных; добро умирает так же быстро, как и зло.

Прямо над головой Ланты села на ветку маленькая, будто комочек, птичка. Красногрудая, с темной шейкой, она подняла головку и уставилась на Ланту сверкающим глазом, увенчанном подобно большой брови бледной полосой. В ее незамысловатой песенке слышались одиночество, легкая грусть и невероятное блаженство.

Из глаз Ланты побежали слезы.

Глава 14

Во внутреннем дворе Жнея резко натянула поводья, и еле ковылявшая лошадь остановилась. Как только всадница соскользнула на землю, лошадь содрогнулась, расставляя ноги и изможденно опустив голову. Из конюшни выбежал изумленный мальчуган. Жнея свирепо взглянула на него, хотела было что-то сказать, но развернулась и вошла в строение, в котором находилось жилище Сайлы. Мальчик глазел, пока она окончательно не исчезла из вида, прежде чем повернулся к лошади. Та была вся взмылена. Вспухшие вены на животе и морде учащенно пульсировали.

Заслышав голос Жнеи, паренек подскочил, точно кролик.

— Не стой там, подлый бездельник! Чтоб к тому времени, когда я вернусь со Жрицей Роз Сайлой, здесь стояли две свежие лошади, не то живого места не останется на твоей никудышной спине. Бегом!

Долетевшие слова повисли в воздухе. Как только ошеломленный мальчик вышел из состояния оцепенения, он бросился в конюшню, зовя конюха.

Настежь распахнув дверь, Жнея шагнула в комнату Сайлы.

Пустота.

Высокая, бледная женщина застыла на месте. Медленно, с трудом она повернула голову, не веря своим глазам.

Сайлы не было.

Запрокинув голову и раскрыв рот в изумлении, Жнея чуть было не закричала от ярости.

Сначала Конвей. Теперь это. Вот ее заслуженная награда за столь тщательно разработанный план, за все ее поездки и смелые действия. Ушла. Как? Куда?

Схватив стул, она с размаху швырнула его. Пролетев через всю комнату и врезавшись в кедровый комод, он разлетелся вдребезги. Из выбитых дверок комода с грохотом посыпалась посуда. В разрушении было хоть какое-то успокоение. Жнея подобрала с пола кочергу и замахнулась ею, словно дубинкой. Затем медленно, с трудом переводя дыхание, опустила и оперлась на нее.

Думай, приказала она себе. Даже если Ланта сохранит Конвею жизнь и они смогут найти помощь, есть еще время разыскать Сайлу.

Жнея сбежала по лестнице и вышла во двор. Мальчик уже вел двух оседланных лошадей. Но стоило женщине показаться в дверях, он остановился как вкопанный. Словно чувствуя его состояние, животные беспокойно скидывали головы.

Не обращая на это внимания, Жнея бросилась к ребенку, схватив его за ворот рубашки.

— Сайла! — гаркнула она, вкладывая в это единственное слово режущее слух требование. Затем отпустила его и заговорила тихо. Любезно: — Ты видел, как уходила Жрица Роз Сайла?

Стоя с открытым ртом, мальчик кивнул головой.

— Давно? В какую сторону? Кто-нибудь был с ней?

Покрываясь потом, мальчик что-то пробормотал. Жнея дрожала от желания выбить из него хоть одно вразумительное слово.

— Что, напугала тебя? — спросила она ласковым голосом. — Мне стало страшно за нее. Еще одна глупая женщина. Ты ведь знаешь, какие мы легко ранимые и беспомощные. Пожалуйста, помоги мне. Расскажи, что ты видел.

Не успев прийти в себя, парнишка произнес:

— Она ушла как раз перед твоим приездом. Вон по той дороге. Одна. Как обычно.

Жнея выпрямилась и закрыла глаза. Как обычно. Проклиная себя, она мысленно повторила эти слова. Что она сказала Сайле? «Веди себя так, обычно». И что Сайла делала каждый день? Посещала Тейт.

Схватив вожжи, Жнея вскочила в седло. Шерстяные шорты под мантией были все еще сырыми после поездки. От холодного и влажного прикосновения она заскрежетала зубами и, вскочив на стоявшего поодаль свободного коня, хлопнула его по крупу.

* * *

Дверь в комнату Тейт была открыта. Сайла стояла к ней спиной. В прихожей стояла девочка из Избранных. Один жест рукой — и ребенка как ветром сдуло.

Хриплым голосом Тейт говорила!

— Не понимаю. Никогда тебя такой не видела. Ты все еще расстроена тем, что сказала тебе эта старуха? Глупая. Ты и эта старая настоятельница Ирисов, вы ведь не спасовали перед Алтанаром. Так сделай же так, чтобы женщины Трех Территорий имели права и чтобы все маленькие Избранницы научились читать. Сделай гораздо больше, чем старая Жнея. Подскажи ей, как я, что делать. Ты должна. — Ее дыхание прерывалось от напряжения.

Жнея не отрывала глаз от Сайлы. Стоя у нее за спиной, она с волнением и удивлением наблюдала, как гладкие черные волосы Сайлы качнулись и затрепетали, когда та попыталась сопротивляться контролю, установленному над ее разумом. В конце концов ответ оказался приемлемым, хотя и вымученным.

— Жнея — это Церковь, а Церкви следует подчиняться. Я поклялась Матери-Целительнице.

В шепот Тейт прозвучала тревога.

— Уже второй раз ты твердишь мне это чертово «покаялась». Я уже говорила тебе, что это не ответ. Что с тобой случилось?

— А, вот ты где. — Жнея стремительно вошла в комнату и схватила Сайлу за

безжизненную руку. Повернувшись и чуть ступив вперед, она заглянула Сайле в лицо. Вялые, мертвенно-бледные черты. Сухие, потрескавшиеся губы. Признаки жизни остались лишь в глазах, в которых светилось безумие. Бегающие, с расширенными зрачками, они совершенно не сочетались с обликом женщины.

Какая стойкость, какая сила. Жнеей овладела досада, что не с кем разделить восхищение. Она обратилась к Тейт:

— Бедняжка. Она ужасно переутомилась. Ты не против, если я отвезу ее к себе домой? Ей нужен отдых; немного горячего супа. Может быть, даже массаж.

Тейт прищурилась, чтобы лучше видеть, и сухо произнесла:

— Я знаю тебя, Жнея. Ты говоришь, ей нужна помощь?

— Помощь. — Чуть слышно повторила Сайла. Для Жнеи это слово прогремело, как гром среди ясного неба. Такого не могло быть.

Лицо Тейт исказилось еще больше.

— Что? Ты что-то сказала, Сайла?

— Она так слаба, — вставила Жнея. — Она согласилась с тобой.

— Согласилась с чем? Я спросила ее...

— И она ответила тебе. Если бы ты могла видеть лучше, то заметила бы, как плохо она выглядит.

— А мне и не надо видеть. Плохо потому, что причина ее проблем — ты. Сайла, если хочешь идти домой, то иди. А если не хочешь, останься со мной.

Тейт закашлялась. Жнея встала лицом к Сайле, повернувшись спиной к лежавшей в постели женщине. Положив руки Сайле на плечи, она сказала:

— Тейт права. Тебе решать. Посмотри на меня. Смотри на меня и скажи нам, что ты должна сделать.

Не обращая внимания на шорох постельного белья, исходивший от ворочавшейся позади нее негодующей Тейт, Жнея сверлила взглядом неистово бегающие глаза Сайлы. Мало-помалу они успокоились. Как посаженные в клетку и бьющиеся в ней до полного изнеможения птицы, думала Жнея. Как только Сайла обмякла, отдавшись всецело во власть лежавших на ее плечах рук Жнеи, та произнесла:

— Скажи нам, Сайла. Скажи открыто.

Капельки пота покатались по лицу Сайлы, приглаживая волосы на лбу и на висках. Почти незаметно она отпрянула от Жнеи, заставив старуху напрячься изо всех сил, чтобы удержать ее в своих объятиях. Слова Сайлы звучали как стон.

— Я поклялась Матери-Целительнице. Я повинуюсь. — Потом, закрыв глаза, повторила: — Помощь.

Тейт была вне себя от этой сцены. Повернувшись лицом к раненой женщине, Жнея сказала:

— Я забираю Сайлу домой. Как ее подруга, как целительница, я знаю, что для нее лучше.

— Подруга, — произнесла Сайла. Она резко повернулась к Тейт. — Подруга.

— Позови Избранную, — простонала Тейт. — Она поможет тебе отвезти Сайлу в дом исцеления.

— Отличная мысль. Да. Но в этом нет нужды. Во всяком случае, Избранной здесь, кажется, нет. — Говоря это, Жнея опять схватила Сайлу за руку и потащила ее к двери.

Сайла упиралась.

— Помощь друга, — прошептала она.

— Сейчас. — Тейт высвободила из-под одеяла перевязанную руку. — Мы ждем Избранную.

Жнея внимательно посмотрела на Тейт, глаза которой застилали слезы. Когда Тейт попыталась смахнуть их пальцем, ее рука дрожала.

— Ничего мы не ждем. — Слова Жнеи звучали как музыка. — Предстоят дела поважнее, и ты мне не помешаешь. Сайла — моя. Моя, чтобы командовать; моя, чтобы

использовать в нужных мне целях. Она отыщет Врата. Ради меня. Ради великой славы Церкви.

Подойдя ближе к Тейт, Жнея ухмыльнулась так, что раненая женщина, отпрянув к дальнему краю кровати, съежилась от страха. Быть может, Конвей и выживет благодаря неспособности идиотов. Тейт в состоянии лишь огрызаться, но не спастись. Жнея вытащила из широкого рукава маленький кинжал и спокойным ласковым голосом сказала:

— Завет Апокалипсиса гласит: *«Мы должны противостоять злу»*. Я буду молиться о твоей заблудшей душе.

— Взгляни-ка лучше, старая карга, прежде чем нападать, — сказала Тейт. — Взгляни, что у меня под одеялом.

У правого бока Тейт вырос островерхий бугорок. Резкое движение — и из-под одеяла выглянул иссиня-черный металлический предмет. На конце его зияло отверстие, которое, будто злобещий глаз, смотрело в упор на Жнею.

— Брось кинжал и убирайся вон, — приказала Тейт.

Жнея ухмыльнулась.

— Это одно из твоих оружий, пускающих молнии? Что-то не впечатляет. Попробуй, убей меня, и тогда вся Церковь отомстит тебе за это. Ты ведь знаешь об этом.

Тейт ответила улыбкой. Синяки и ссадины превратили ее лицо в уродливую маску.

— Ты обязательно умрешь. Может, просто прострелить тебе руку? Или две? Тогда что? Ты захочешь рассказать людям о том, что ты сделала с Сайлой? Ну так как — может быть, сперва смерть, потом бесчестье? Выбирай.

С чувством собственного достоинства Жнея спрятала кинжал в рукав. Скрестив руки на груди, она направилась назад к двери. Сайла смотрела на нее бессмысленным взглядом.

Тейт с трудом приподнялась на локте.

— Получай. — Попытка крикнуть вызвала у нее приступ кашля. Пистолет дрогнул, словно яблоко на конце ветки, качнувшейся под порывом ветра.

Схватив Сайлу за талию, Жнея потащила ее к двери.

— Ты даже не в силах позвать на помощь. Стреляй, если сможешь.

Задышавшись, Тейт заставила себя сесть и выставила пистолет, сжимая его обеими руками.

— Сайла, — позвала она. — Сайла! Сопровствляйся!

Слезы безысходности ослепили Тейт. До нее донеслись звуки борьбы. Приглушенные, страшные звуки. Тейт смахнула плечом слезы. На какое-то мгновение перед ней мелькнуло лицо Сайлы. Безжизненное, мокрое от пота.

Тейт отвернула пистолет от этого лица и сгустила курок.

В каменных стенах комнаты выстрел прогремел, как гром. Пуля с пронзительным визгом ударила рикошетом, отлетела в стенку и по-волчьи взвыла. Раздался чей-то вскрик.

Потом воцарилась тишина.

Наконец Тейт набралась мужества и позвала:

— Сайла! Сайла, ты там? Ради Бога, отзовись. Ну пожалуйста!

Послышатся плач. Душераздирающее рыдание.

— Здесь, друг мой. — Плач не стихал. Тейт попробовала встать, но упала навзничь.

К ней подошла Сайла. Обливаясь слезами, они обнялись.

— Что случилось? Я чувствую в себе какую-то опустошенность. Будто умерла. Но я ведь жива. Я знаю, что ты вернула меня к жизни, но не понимаю как. Что же со мной случилось?

— Все в порядке, — успокоила ее Тейт. — С нами все в порядке. Где она — Жнея?

— Ее нет. Только кровь. Кровь? Жнея? Что я сделала, Доннаси? Бог мой! Что же я сделала?

Глава 15

— Говорю тебе, он здесь. Мальчик жив и находится в Оле. — Маленький дворик

погрузился в туманное зарево заката, подчеркивавшее морщинки в уголках глаз Тейт, выдавая ее озабоченность. У рта легли решительные складки.

Стараясь не спорить с подругой, Сайла пыталась демонстрировать спокойствие, которого давно уже не испытывала. Сидя на низкой скамеечке напротив подруги, она слегка отвернулась в сторону, чтобы не усугубить раздражение Тейт.

Тейт поправлялась. Оба глаза стали видеть, как прежде; голос вернулся, хотя еще немного похрипывал. Раны затягивались, не давая никаких видимых осложнений. Если не считать ее души. Именно внутреннее беспокойство Тейт вызывало у Сайлы тревогу.

Причиной был тот поединок на пристани. Сайла видела похожее состояние у людей после схватки не на жизнь, а на смерть. У многих такое обжигало память, как фермеры выжигают клеймо на боках скота. С той поры некоторые из них жаждали снова пережить подобное безумное потрясение или же их преследовало то, что они совершили. Изредка встречались те, кто начинал ненавидеть всех и вся. Или становился провидцем.

Сайла не могла точно определить, что именно изменилось в Тейт, но она боялась этой перемены. Со дня схватки внимание Тейт неотступно преследовала одна тема. Потерявшийся мальчик возникал во всех ее разговорах. Даже происшествие со Жнеей не произвело на нее особого впечатления.

Это волновало Сайлу больше, чем она признавалась самой себе. Одно дело — поверхностный интерес к религии, проявляемый Тейт и остальными чужестранцами. Другое — умышленно ранить одно из высших лиц Церкви, Жнею. Это считалось большим грехом. Местные обитатели имели свое мнение об инциденте. Ни одна из них не обвинила бы Жнею; ни одна не согласилась бы с тем, что Тейт имела право вмешиваться, тем более применять силу. Удачное бегство Жнеи до некоторой степени охладило страсти в Трех Территориях. Но совершенно непонятно, что произойдет, если она поедет в Кос и в Дом Церкви и изложит свою версию событий.

Зато они с Конвеем выздоравливали. Конвей. Еще одна проблема, еще один повод для беспокойства. Сайла отчетливо представила его с перевязанной рукой на груди. В том, как он ее держал, было что-то величественное. Это все, что мне нужно, с грустью подумала она; мужчина, который ищет сражения, а не бежит от него. Самое худшее, что все, от Гэна до рядового Волка, были единодушны в том, что Конвею невероятно повезло. Везучесть — непрочная основа для воина.

Тейт пребывала в мрачном молчании. Стараясь не показаться назойливой, Сайла с восхищением отозвалась о дворике. Впервые ее привел сюда Конвей. Обнесенный стеной и создающий уединение дворик представлял собой гостеприимное убежище с прудом и водопадом.

Внезапно откуда-то появилась колибри. Быстрая, проворная, крайне уверенная в своем воздушном мастерстве, она радовала глаз. Ярко-зеленое оперение делало ее похожей на мокрый, сорванный дождем листочек. Как только она повернулась клювом к солнцу, на груди у нее, контрастируя, сверкнуло изумительное аметистовое ожерелье. Она перелетала с цветка на цветок, то пряча свое ослепительное сокровище, то демонстрируя его снова, будто в игре, от которой рябило в глазах.

Молчание нарушила Тейт, заговорив на свою излюбленную тему.

— Знаю, вы с Конвеем считаете, что я сумасшедшая, но я уверена: мальчик приходил ко мне, когда я была прикована к кровати. Согласна, я часто видела сны. Но я точно знаю: как-то раз я проснулась ночью, а он стоял рядом и смотрел на меня. Он стоял до тех пор, пока я не выдержала и закрыла глаза, а когда открыла их снова, его уже не было.

— Конечно-конечно, однако ты пойми, почему мне трудно поверить в то, что рассказываешь. Замок ведь охраняется и днем и ночью, как внутри, так и снаружи. Никто — я имею в виду никто, кроме тебя — не видел мальчика с того самого первого дня. Я хочу верить тебе... — Голос Сайлы замер в извинении.

— Но не можешь. — Пресекая попытку Сайлы ответить, Тейт продолжила: — Он обязательно придет. Просто сейчас боится — вот и все.

Кивнув головой чересчур поспешно, Сайла сказала:

— Обязательно. Он ведь такой маленький, и все так странно. Он хотел бы, чтобы его приняли радушно.

— Радужно? Но я же боролась за него.

— И за меня. Что произошло бы со мной, если б не твоя вера в меня?

— Все было бы в порядке. Просто эта старая карга околдовала тебя.

— Она хотела увезти меня с собой. Она воздействовала на мое сознание. Мне приходилось делать то, что она говорила. Говорить то, что она заставляла говорить. Никак не могу выбросить ее из головы. — Внезапно Сайле стало плохо. С ней такое случалось и раньше. Стоило ей вспомнить Жнею, вторгающуюся в ее мечты, контролирующую ее мысли, как тут же возникало чувство тошноты. Странно, но в это же время она ощутила бурный прилив сил. Словно ее разум и тело воздвигали внутренние барьеры. И все же хорошо, что на этот раз возле нее оказалась Тейт. Опираясь на подругу, Сайла сказала: — Как видишь, я понимаю. Со всеми нами что-то происходит, что-то такое, что мы не в силах объяснить.

Тейт пришла в изумление.

— Да-да. Со мной тоже. То есть я представляю себе; он не милое дитя. Хотя в этом что-то есть.

— Это как Врата. Люди ненавидят меня за то, что я все время их разыскиваю, думают, что я сошла с ума. Но только я готова согласиться с ними, как тут же слышу голос настоятельницы Ирисов, которая укрепляет меня в мысли, говорит, что я не должна сдаваться. И я хочу продолжать искать.

Качая головой, Тейт ласково улыбнулась.

— Ну и парочка мы с тобой. Две чудачки.

— Чудачки? Как точно сказано! — Сайла крепко обняла ее.

Тейт нежно оттолкнула ее и вернулась на свою скамейку, обеспокоенная, что недоговоренное в мыслях отразится у нее на лице. Она не могла объяснить Сайле, что мальчик был связующим звеном с миром, в котором это «точно сказанное слово» умерло больше пятисот лет назад.

С миром, который забросил ее сюда, ее, совершенно не приспособленную к окружающим условиям.

От чувства собственной неполноценности ей стало стыдно. Никто из выживших не обладал практическими знаниями и опытом, чтобы воссоздать алгебру, систему дифференциального исчисления, геометрию. Кому это было нужно, когда компьютеры так эффективно хранили и выдавали всю эту информацию? Из всех только Леклерк имел некоторые технические навыки. И все они понимали, что если Леклерк будет «изобретать» слишком много и слишком быстро, то его обвинят в колдовстве. Он уже воспроизвел дымный порох и коксовые печи; все от мала до велика уважали его. Но когда он проходил мимо, матери прятали своих детей, украдкой осеяли себя Тройным Знаком и бормотали молитвы.

Именно сюда попала и Доннаси Тейт, неудачница экстракласса. Дважды неудачница. С учетом навязчивой идеи.

Сайла прервала грустные размышления Тейт.

— А что, если мальчик считает себя виновным в том, что случилось? Может, он боится, что ты тоже его обвиняешь.

— Я уже думала об этом. Как жаль, что я не могу поговорить с ним хоть минутку, утешить его.

— Потерпи. Не очень расстраивайся. — Слова прозвучали как-то неуклюже, с оттенком скрытого сомнения.

Вдруг Тейт оцепенела, резко прижав к груди сжатые кулаки. Устремленные мимо Сайлы глаза лихорадочно заблестели. Сайла была не настолько глупа, чтобы двигаться. Страх призывал ее обернуться, но другая, еще большая сила приказывала не мешать Тейт.

— Не двигайся, — сказала Тейт.

Напряжение отпустило Тейт, и Сайла поняла, что критический момент миновал. Помня предостережение Тейт, она медленно повернулась.

Мальчик встретил ее пристальным взглядом. Последние стелющиеся по земле лучи солнца придавали его глазам необыкновенную яркость.

Тейт почти задыхалась от волнения.

— Не убегай! Мы не причиним тебе зла. Я не дам тебя в обиду. Я хочу поговорить с тобой. — Она шагнула в сторону от Сайлы и протянула руки в умоляющем жесте. — Как ты сюда попал?

— Там есть одно место, через которое можно перелезть. Совсем нетрудно. — Его стремительный жест напомнил Сайле юркость колибри. Рубашка и штанишки, выглядевшие еще потрепаннее, чем раньше, лохмотьями висели на костлявом тельце. — Ты сердишься? Тебе досталось от хозяина куда больше, чем мне. Твои друзья видели. Они будут бить меня, возврати меня к нему.

— Никогда. Ты свободен. И мне нужна твоя помощь.

— Я? — Не веря своим ушам, мальчик попятился назад. Тейт наклонилась, безуспешно пытаясь сократить расстояние между ними. Сайла посторонилась. От этого движения он пригнулся и весь напрягся. Хотя черты его лица выказывали все признаки опасения, а поза выражала готовность бежать, Сайле показалось, что он не чувствует страха.

Продолжая говорить успокаивающим голосом, Тейт продвигалась вперед. Внимательно глядя на подругу, Сайла снова почувствовала — эта картина противоречит тому, что происходит на самом деле. Она не могла избавиться от ощущения, что мальчик подкрадывается к Тейт. Эта мысль действовала ей на нервы, и она обругала себя. Какое зло могло таиться в маленьком исхудалом ребенке? Ведь он был воплощением беспомощности.

Тейт удалось коснуться его головы и погладить его по спутанным волосам. Взгляд его переметнулся к Сайле. Тейт заметила это.

— Сайла — моя хорошая подруга. Она любит тебя так же, как и я.

Мальчик недоверчиво качнул головой.

— Никто из твоих друзей меня не любит. Я просто раб. Они любят тебя, а не меня.

— Теперь это не так, — возразила Тейт. — С сегодняшнего дня никогда больше не называй себя рабом. Ты свободен. Все мои друзья обязательно полюбят тебя.

— Нет. Пообещай, что ты не дашь меня в обиду.

— Конечно же, обещаю, потому что они не хотят тебя обидеть. Они только хотят помочь тебе. Мы все этого хотим.

Он снова взглянул на Сайлу.

— Ты будешь помогать мне?

Это прозвучало скорее как вызов, а не как вопрос. Сайла вся сжалась, как будто ее обдало промозглым ветром. Мышцы на руках напряглись. Осторожно подбирая слова, она сказала:

— Друг моего друга всегда получит от меня помощь.

Одобрительно кивнув головой, мальчик опять обернулся к Тейт.

— Мне хотелось увидеть тебя. Ты вела себя храбро. Мой хозяин хотел убить тебя. Я видел, как он убивал людей.

Тейт опустила руку ему на плечо, и он пугливо отпрянул в сторону.

— Меня зовут Тейт, — сказала она, — а это — Сайла. Она целительница, Жрица Роз.

Он опустил голову.

— Избранная, — произнес он, и Сайла окаменела, почувствовав в его словах оттенок презрения.

— Так и есть, — Сайла хотела было продолжить, но он отвернулся от нее с холодным равнодушием, словно освобождаясь от работы, снова обратившись к Тейт.

— А ты — Доннаси Тейт, одна из Шести Чужеземцев Гэна Мондэрка. Они называют тебя Черной Молнией. А Мэтта Конвея зовут Белым Громом.

— Да. — Тейт слегка это ошеломило, но она быстро овладела собой. — Откуда ты так

много знаешь о нас?

— Пожилые женщины всегда накормят голодного мальчика. Если же ты станешь слушать их глупую болтовню, то они накормят еще лучше. И будут болтать больше.

— А ты смысленый, — рассмеялась Тейт. — Но сегодня говорить будешь ты. Как твое имя?

— Которое? Хозяева давали мне не одно имя, поэтому зовут по-разному. — Губы на его худом, заостренном лице были пухлые и чувственные. Они растянулись в бессмысленную улыбку.

— То, которое дали первым.

— Додой.

Тейт вздрогнула. Она подняла руку и положила ее на плечо Додоя. На это раз он ничего не предпринял, чтобы увернуться от нее. Голос Тейт оставался спокойным.

— Звучит знакомо. А ты был в замке, когда я болела?

Он неприятно-визгливо захохотал.

— Я думал, стража убьет меня сегодня, когда пробирался сюда. В самом замке? — Он снова залился смехом.

Повернувшись к Сайле, Тейт сказала:

— Мне надо его покормить и переодеть. — Она увела его, даже не взглянув, идет ли следом Сайла.

Додой же посмотрел. Хотя рука Тейт лежала у него на плече, он обернулся и бросил взгляд из-под нее. Лицо его было холодно-безжизненным, глаза походили на запертые двери. Однако Сайла знала: это было предупреждением о том, что отныне он входит в ее жизнь.

Глава 16

Перемены, произошедшие в характерах Кейт Бернхард, Сью Анспач и Дженет Картер, восхитили Тейт. Теперь они носили церковные мантии с непринужденностью. Ее подруги, несомненно, нашли свое место в новом мире.

Все в их манерах говорило об удовлетворенности; для Картер это даже немного походило на чудо. Тейт улыбнулась, вспомнив вспыльчивую Картер в роли детской учительницы. И все же она любила ее так же, как и Анспач. Бернхард была агрономом и целиком посвятила себя земледелию. Она уже успела прославиться среди местных жителей своим опытом, у нее бывали даже приезжие. Ее уважали за то, что она обучала фермеров. А готовность учиться у них и передавать знания везде, где она появлялась, заставили даже полюбить ее.

Когда они уселись в зале замка, предназначенном для заседаний, Тейт охватила грусть. Ей хотелось, чтобы эти три женщины поняли ее.

Даже в их собственном мире они оставались женщинами, к которым было неприменимо понятие «женщина-воин». Тейт чувствовала, что сама уже покинула их круг. Утрата былой близости со своими подругами печалила ее, но пути назад не было.

Доннаси Тейт тоже смирилась с новым миром, только для нее он больше походил на войну. По иронии судьбы они стремились к одной цели. Эти трое, живя в мире, где женщины искали и требовали равенства, придали своей работе в новой жизни более практический характер. Их влияние распространилось на все земли Гэна во многом потому, что они были связующим звеном между ним и женами его воинов. Они руководили работой ткацких, гончарных и кожевенных женских мастерских. И уже многие жительницы городов и сел открывали подобные предприятия.

Было время, когда и Тейт занималась этим, вместе с Сайлой. Они жили в Джалайле и создавали отряды бойцов, которых теперь называли Волками. Ей было больно смотреть, как эта троица присваивает себе ее обязанности в работе с женами воинов. Во всяком случае, ей удалось избежать конфронтации в деле с мальчиками-сиротами.

Тейт присутствовала там в тот день, когда эти трое представили требования о

снабжении продуктами, обеспечении жильем и попечительским персоналом; Гэн одобрил все. Кроме размещения мальчиков-сирот. Гэн заявил, что они будут находиться на попечении Трех Территорий до шестнадцатилетнего возраста, после чего будут служить в армии до двадцати четырех лет. Затем им будет предоставлено право самостоятельного выбора жизненного пути.

Несмотря на гнев, вызванный деспотичным и неразумным отношением Гэна, Тейт получила истинное наслаждение, когда Дженет Картер вышла из себя. Как в старые добрые времена.

Чуть позже, оставшись вчетвером, они пошушукались насчет фашистских ублюдков и империалистических происков. Все это было бесцельно. Мальчиков следовало воспитывать воинами.

Программа, составленная Гэном, предусматривала радикальные социальные перемены. Рабство или мгновенная смерть являлись обычным уделом взятых в плен детей мужского пола. Война с Алтанаром породила проблему отпущенных на волю или брошенных несовершеннолетних рабов и неусыновленных детей. Предложенное Гэном решение не отличалось изяществом, хотя в целом отвечало потребностям детей и его новому положению.

В тот день вопрос был улажен. Кейт, Сью и Дженет походили на закормленных канарейками кошек. Хотя с чем-то было покончено.

Когда в сопровождении Сайлы и Ланты вошел Конвей, они беспокойно заерзали на стульях, приводя в порядок безукоризненно сидевшие платья. Конвей кисло улыбнулся им, но, как только взгляд его упал на Тейт, громко захохотал, сморщившись от боли и заохав. Когда боль утихла, он сказал:

— Ах, Доннаси, как приятно узнать, что ты здесь. Я боялся, что буду самым безобразным в этом зале, но теперь можно расслабиться.

Притворяясь рассерженной, Тейт погрозила ему кулаком.

— Если бы ты был достаточно здоров, я бы тебя малость помяла. В том месте, где у тебя еще не все мозги вышибли. Так кто же тебя разукрасил?

Как только Сайла с Лантой заняли свои места, в разговор вмешалась Картер. Ее напряженный четкий голос выстреливал слова быстрее, чем обычно.

— У нас, Сайла, есть для тебя сногшибательная новость. На самом деле, даже для всех нас. С той поры, как ты поведала нам о том, как настоятельница Ирисов всю жизнь изучала проблему Врат, мы пришли к выводу, что она оставила об этом записи.

Картер замолчала, и Анспач сунула руку в огромный карман платья, достала из него пергаментный свиток и развернула его.

Бернхард нетерпеливо потянулась к нему.

— Он хранился под каминной плитой. Дженет простукивала, и мы слышали глухой звук...

— ...И нашли вот это, — закончила Анспач. Оглядываясь по сторонам, краснея от смущения, она добавила: — Да-да, мы искали тайники. Это была идея Дженет.

Ее перебила Картер:

— Нет. Нам всем пришла в голову эта мысль.

Тейт тихо засмеялась. Услышав, Картер попробовала было вспылить, но потом тоже улыбнулась и сказала:

— Ведем себя, как малые дети. Так вот, мы его нашли. Все это так захватывающе! Анспач сказала: «Подумайте! Где в фильмах всегда прячут? Мы глянули, и бинго!»

— В фильмах? — переспросила Сайла.

— Бинго? — переспросила Ланта.

Анспач встряхнула сверток так, что тот зашуршал, и поспешно сказала:

— Послушайте, что в нем написано:

«На основании многочисленных бесед, проведенных мною на протяжении долгих лет, я пришла к выводу, что Врата действительно потеряны для Церкви. В отличие от других, я не

верю, что их существование или назначение является секретом. Это — тайна. Возможно, придуманная. Хотя я считаю, что нет. Быть может, мои доводы покажутся глупыми, но я полагаю, что наши любимые и уважаемые Учителя погибли не напрасно. Существует множество различных версий об их необнаруженном святилище. В этих историях есть много общего. Разумеется, я полностью отвергаю все суеверные глупости о рычащих железных чудовищах, которые охраняют святилище и убивают незваных гостей одним взглядом. Равно как и не признаю существование духов грома и молнии».

Анспач сделала паузу и оторвала глаза от документа.

— Здесь нарисована звездочка и есть примечание на полях, в котором говорится:

«Я склонна пересмотреть последнее замечание. Эти люди появились среди нас с оружием, которое, несомненно, обладает мощностью грома и молнии. В этом кроется нечто выходящее за пределы моего понимания. Эти люди многого не желают объяснить.

Я доверяю им полностью, хотя в них есть что-то, чего я боюсь больше, чем любого их оружия».

Раскрасневшаяся Анспач не отрывала глаз от пергамента.

— Итак, читаем дальше.

«Тщательно и втайне я обдумала каждый слух и каждую историю о Вратах, которые попали в поле моего внимания. Участвовала во многих посвященных этой теме Церковных собраниях, некоторые из них были тайными, только для редких избранных. Во всех рассказах удивительно повторяются три особенности. Утверждение о скрытом в горах городе (в этом месте в повествовании обычно появляются железные чудовища). Описание города, как места, где гиганты заявляли, что тьма навсегда исчезнет — фраза необычная, хотя народные предания всех известных мне культур утверждают, что гиганты по своему желанию превращали ночь в день. Местонахождение. Недалеко от Дома Церкви, через уничтожающую пустыню и пожирающую реку, на юге страны, где солнце может убить, и место, где солнце никогда не светит».

Все взгляды устремились на Сайлу. Ее лицо сияло.

— Моя настоятельница. Она словно вернулась ко мне из Далекой Земли. — С грациозной легкостью Сайла вскочила со стула и бросилась поочередно обнимать женщин. Приблизившись к Конвею и вспомнив о ранах, она поцеловала его в щеку более сдержанно. Кружась и шелестя платьем, она вернулась на свое место и села. — Друзья мои, я найду их. Дорогие мои, любимые. Я их обязательно найду.

Все одобрительно зашумели, потом обступили ее, охваченные восторгом и осыпая поздравлениями.

* * *

Подпрыгнув в последний раз, Додой опустился на пол сырого темного коридора, находившегося за стеной. Попытки подсмотреть через слишком высокое отверстие лишили его сил. Он ударил кулаком по холодному камню, жалея, что это не бледное лицо одной из трех дур, которые так неожиданно сообщили такие ценные сведения. Если бы у них хватило ума хоть как-то намекнуть, что у них есть действительно важные новости, то он принес бы что-нибудь подставить себе под ноги. Все, чем он теперь обладал, — это лишь разрозненные кусочки и обрывки того, о чем писала старая настоятельница.

Он был рад, что она умерла. Поделом ей.

И все же он кое-что знал. Что-то находилось неподалеку от Дома Церкви. Что-то рядом с пустыней. Какое-то место, где совершенно отсутствовала вода; это было ему знакомо. Всплыло смутное воспоминание о том, как в раннем детстве ему было жарко и хотелось пить. А что же говорилось о реке? Может, плохо расслышал, хотя уверен, что в послании старой ведьмы говорилось: «Город, в котором не будет тьмы».

Никакой факел, чтобы освещать себе путь, ему не был нужен.

На стенах висели металлические светильники, а сеть тайных коридоров служила ему

местом для игр. Сквозь щели в стене время от времени просачивался тусклый свет, и это все, что ему требовалось. Некоторые люди подозревали о существовании тайного лабиринта, но он был единственный, кто нашел проход в него. Холод и сырость поначалу раздражали, но потом он был рад. Даже если кто-то еще обнаружил бы скрытую галерею и вошел туда, ему пришлось бы двигаться осторожно, отгоняя от себя таких отвратительных тварей, как пауки.

А значит, пауки были его друзьями. Так же как и холодный, липкий от сырости камень и затхлый воздух. Раб понимал: тот, кто помогает получить то, что он хочет, и есть его друг. Пока эта помощь оказывается.

Он опять вспомнил о послании настоятельницы и снова нахмурился. Он услышал слишком мало. Однако, если использовать то, что понял как следует, они расскажут ему и остальное.

Водя пальцами по каменной кладке, он вскоре отыскал подходящее сухое место, прислонился спиной к стене и задумался. Немного спустя он уже тихо мурлыкал что-то себе под нос.

Он должен контролировать Тейт, а все они должны продолжать верить, будто он боится.

С Тейт было легко.

С остальными же... Они не были друзьями.

Глава 17

Конвей ожидал в зале заседаний, сидя за сколоченным из толстых досок столом. Справа от него в южной и западной стенах, сложенных из гранита, были сделанные в форме высоких арок смотровые щели. Длинные узкие полосы послеполуденного солнца падали через них и освещали внутреннее помещение, где лучи расплывались по полу теплыми лужами. То и дело ярко вспыхивали кристаллические вкрапления в камне. Свет оживлял краски на великолепной скатерти, вышитой Людьми Собаки, которая покрывала стол. Ослепительно желтый круг на ней, увенчанный желтой фигурой в виде крылатой буквы «V» на ярко-красном фоне, представлял собой родовой герб Гэна Мондэрка.

Подвинув расшитый бисером вещевой мешок, в котором лежали ботинки, Конвей удивился тому, что Гэн оставил без изменения одну из черт культуры Оланов — носить в помещении комнатную обувь. Гэн Мондэрк неумолимо требовал, чтобы санитарное состояние и чистоплотность каждого подчиненного соответствовали нормам Людей Собаки. Пользу этих нововведений Оланы только начинали понимать.

Конвей оценивающе вдохнул насыщенный запахами трав воздух. До введения частых уборок, окуривания благовониями и ароматными свечами замок всегда напоминал Конвею неприятно холодный, сырой, зловонный подвал. Алтанар и его предшественники страшно запустили свое жилище со всеми его произведениями искусства и сокровищами, а мылом почти не интересовались.

В отличие от Оланов и Людей Гор, в племени Гэна чистота считалась неотъемлемой частью религии. Так или иначе, они поняли, что чистота помогает бороться с «порождениями грязи» и «невидимыми». Конвей вспомнил об аккуратности военных целительниц, врачевавших его раны.

Была еще проблема со спиртом. Церковь знала, как его производить. И когда Гэн обнаружил его запах, он учинил небольшой скандал. После этого потрясенные Избранные сторонились Мондэрка не один день. В конце концов Ланта взяла на себя смелость объяснить ему, что тайное снадобье, называемое ею «прозрачная чистота», используется как эффективное наружное средство в лечебных целях и оказывает губительное действие при приеме внутрь.

Гэн согласился с таким рациональным, хотя и спорным, подходом.

К тому же пожелал получить галлон «прозрачной чистоты», выдержанной в дубовом бочонке.

Появление Сайлы, держащей пергаментный свиток, вывело Конвея из задумчивости. Приветственно махнув им Конвею, Сайла подошла к столу, села напротив и внимательно посмотрела на его грудь.

— Как раны? Заживают? Сегодня утром я говорила с Тейт. Она готова.

Он слегка стукнул себя в грудь.

— Отлично. Все время занимаюсь — упражнения с мечом, верховая езда. Между нами: было бы неплохо отложить отъезд на пару недель. Приношу извинения за нас обоих. — Конвей боялся, что она почувствует в его голосе противоречие — страстное желание и неуверенность.

Никак не отреагировав, Сайла развернула сверток.

— Самое главное, чтобы ты выздоровел. Отправишься вслед за нами через пару дней. Поэтому хочу, чтобы ты взглянул на вот это. Это самая лучшая карта, которую составил Алтанар, — сказала она. — Результат усилий шпионов, торговцев, неосторожно сказанных слов вестников и людей из Церкви.

— Церкви?

— Да. Целительниц и военных целительниц. Когда-то Кос являлся оплотом Церкви. Но случилась эпидемия чумы. В этом обвинили Церковь и надолго запретили ее. Сейчас там три аббатства: Роз, Фиалок и Лилий. Сестры находятся под пристальным наблюдением, содержатся в строгой изоляции, но тем не менее с ними обращаются хорошо. По отношению к Церкви Кос щедр на дары.

— Откуда ты все это знаешь? Почему я до сих пор не слышал об этом?

— Поиски — часть моих самых ранних воспоминаний. — Сайла положила руки на стол и напряженно подалась вперед. — По ночам я просыпалась в поту от приснившейся невыносимой жары. Меня мучила страшная жажда, но не было сил кричать. Я видела покрытые снегом горы, глубокие ущелья, которые, казалось, раскалывали мир на части. И всякий раз я понимала, сама не знаю почему, но во сне я занималась поисками так называемых Врат. Когда я рассказала об этом настоятельнице (в то время она, конечно, еще не была настоятельницей), она взяла с меня клятву, что я никому больше об этом не скажу. Всю оставшуюся свою жизнь она помогала мне получать сведения о мире за пределами Олы. — Опустив голову, Сайла внезапно умолкла. Воцарилась гнетущая тишина. Конвей хотел было нарушить ее, но почувствовал, что ему нечего сказать.

Наконец Сайла продолжила:

— Легенды гласят, что до Великой Чистки Учителя в Косе процветали. Мы можем найти там разгадку. Теперь же каждый, кто торгует с Косом, скажет, что страна погрязла в интригах. Это общество каст и привилегий, богатства и угнетения. Рабство — опора экономики, жестокость — основа управления обществом.

Опустив руку на плотный пергамент, она медленно провела пальцем на юг, через голубую ленту Матери Рек, через равнину между высокой горной грядой и морем. Картограф пометил перевалы и реки, тропы и мосты. Две горные вершины были окрашены в красный цвет и увенчаны струйками дыма. Черные завитушки на склонах, по-видимому, являли собой потоки лавы. В месте, где, по воспоминаниям Конвея, должна располагаться гора Маунт-Худ, художник нарисовал четкий, покрытый снегом конус. Это вселяло слабую надежду, что карта была хоть отчасти точна. Потом Конвей заметил, как из-под двигавшейся руки Сайлы возникло изображение кита недалеко от морского берега. Он проглатывал корабль вместе с командой в десять человек.

Конвей подумал, как сейчас выглядит Маунт-Худ. Независимо от того, как она теперь называется.

У него уже было некоторое представление о Пустошах. Никаких поселений, равных по величине Оле или даже Джалайлу. Всего лишь горсточка населенных пунктов да форт в центре для защиты от возможного нападения. Гористая местность была родиной племен, походивших во многом, кроме кровожадности, на Людей Гор, живших в Горах Дьявола между Олой и землями Людей Собаки.

От горы Сайла провела пальцем к морю и остановилась, отчертив треть пути между Олой и глубоким заливом Коса.

— Коссиары охраняют и дальние северные рубежи, и восточные, где из-за Гор Дьявола поднимается утренняя заря. Никому не известно, как далеко они продвинулись на юг. Патрули заставляют силой платить дань, грабят одиночек.

— Мы с Тейт слышали о Косе разные истории, — сказал Конвей, — проклятое место, которое, похоже, не имеет пределов, странные животные. Говорят, даже Скэны их опасаются. Торговцы вынуждены останавливаться и торговать у его границ. Вестники всегда едут с завязанными глазами и в сопровождении охраны. Морские торговцы рассказывали нам, что могут сойти на берег только на каком-нибудь острове, поскольку на своей территории Коссиары убивают любого, кто не имеет надлежащей татуировки или приветствует не так, как у них принято.

— Мы обойдем Кос, пройдя через Горы Дьявола, вот здесь. — Она показала на место, помеченное «Страж Перевала», и взглянула на Конвея. — Мы уже обсуждали это раньше, помнишь?

— Верно, эта местность расположена к северу от караванного пути между Косом и восточной стороной гор, и все ее называют Сушью. Я беседовал с одним торговцем, и он сказал, что Страж Перевала — труднопроходимое место.

Не отрывая глаз от карты, Сайла спросила:

— Он рассказал тебе что-то еще?

В ее вопросе Конвею послышалось веселье.

— Он сказал еще, что есть только одна подходящая дорога, которая ведет на юг от Матери Рек до Коса. Помимо нее есть еще две-три тропы, но на них нет постоянных дворов. По его словам, лучший способ выжить в Пустошах — просто затеряться; если ты затерялся, то патрули Коссиаров могут не обнаружить тебя.

— Он считает, что патрули — это единственная реальная опасность? — Сайла вызывающе улыбнулась.

— Не только. Он говорил также о тиграх, медведях, волках и местных жителях, которые запросто могут выдать тебя Коссиарам за награду. Если им не покажется, что у тебя есть чем поживиться. В таком случае они просто убьют и ограбят.

Сайла свернула карту.

— Ты не упомянул Церковь, которая тоже представляет опасность.

Кровь ударила ему в лицо.

— Мне показалось, об этом не стоит говорить.

Она с раздражением покачала головой.

— Нет. Больше так никогда не делай. Мне необходимы твои суждения, Мэтт Конвей. Твои мысли и мнения. То, что ты думаешь на самом деле. Конечно, Жнея представит свою версию того, что произошло здесь, и большинство ей поверит. Из-за раскола в Церкви моя неприкосновенность пошатнулась. Благодаря Одил она стала совсем иллюзорной. — Сайла взяла Мэтта за руку. — Для нас самая большая опасность — это предательство. Теперь ты понимаешь, почему я должна быть уверена, что ты говоришь искренне? Чего бы это ни стоило?

Конвей стиснул ее руку.

— Прости. Этого больше не повторится. — Он помолчал, затем резко задал вопрос, которого боялся: — А что будем делать с Тейт? Не столько с Тейт, сколько с этим мальчишкой, Додоем? Она только о нем и думает. Ты же разбираешься в людях, понимаешь женскую душу; что делать?

— Положись на нее. Мы сейчас не можем привлечь ее к себе. Мы можем только оттолкнуть ее. Наберись терпения, друг мой. Отнесись с сочувствием.

В ответ Конвей уклончиво хмыкнул. Не высказывая всех своих мыслей до конца, он продолжил:

— Она ведь знала, что мы встречаемся в последний раз, чтобы поработать с картой. И

знаешь, почему она не пришла? Она собиралась вести Додоя на базар. Ему нужна обувь. Я боюсь за нее, Сайла. Она заиклилась.

Сайла недовольно наморщила лоб.

— Мне непонятно это слово — заиклилась. Оно звучит очень неприятно. Я тоже о ней беспокоюсь. Мы должны дать ей время. Она навсегда останется нашей Доннаси, мы это знаем.

— Да, конечно. Послушай, она собиралась пойти со мной в конюшню, чтобы в последний раз проверить снаряжение и отобрать лошадей с собаками. Не хочешь присоединиться ко мне?

Улыбнувшись еще раз, она положила карту на стол, обошла кругом и взяла Мэтта под руку. Покидая серые каменные стены комнаты, оба болтали, как школьники.

Конвей с тревогой думал, действительно ли она была такой обеспокоенной, как казалась. Что касается его, он чувствовал себя подавленным и пристыженным. Вспомнились слова Сайлы: «Я должна быть уверена, что ты говоришь искренне». А он притворился, будто уверен, что с Тейт все будет в порядке.

Первый обман раскрылся менее чем через минуту. Раскрылся легко.

Когда Сайла с Конвеем вышли во двор, Тейт уже спешила им навстречу.

— Извините, опоздала, — проговорила она, задыхаясь. — Додою надо было купить ботинки получше. Старые жали.

— А мне показалось, они были новые, — заметила Сайла.

Тейт поморщилась.

— Разве это не ужасно? Торговец никак не мог подобрать подходящие. Додою это страшно не понравилось.

— А где он теперь?

— В конюшне. Он подождет нас, пока мы будем объезжать лошадей, а потом поможет в последний раз проверить снаряжение. Он был так возбужден, когда говорил со мной. Он такой милый, когда волнуется. В нем столько жизни.

Конвея это удивило.

— Ты не сказала ему, что тебе от него нужно?

— Ни слова. Если бы я сказала это сейчас, он бы подумал, что я использую его.

Сайла еле сдержалась, чтобы не сказать ей, именно это она и делает.

Проезжая по городу, Сайла вначале участвовала в разговоре. Спустя какое-то время она уже мысленно бродила далеко за пределами кирпично-каменных крепостных стен. Она позволила Тейт и Конвею обогнать себя.

Проезжая через Восточные ворота, она расслабилась и, чуть наклонившись набок, провела пальцами по отполированным медным пластинам тяжелой двери. Какой-то колеблющийся образ усмехнулся в ответ. Лицо было искаженное и неузнаваемое.

Она услышала шепот Жнеи.

— Я есть Церковь. При слове Мать кого ты представляешь? Ответь, Сайла. Ответь Матери.

Нет, это был другой голос. Любящий.

Я никому не буду принадлежать.

Слова эти прогремели.

Открыв глаза, Сайла обнаружила, что находится за воротами, и бросилась догонять Тейт и Конвея.

Ничего не произошло, говорила она себе. Ничего я не слышала. Просто померещилось.

Вскоре они добрались до конюшен. Тейт всю дорогу только и говорила о Додое. Сайла рискнула поймать взгляд Конвея и закатить глаза, получив в ответ мимолетную участливую улыбку.

У боевых лошадей не было имен. Люди Собаки, которые разводили и обучали их, никогда не давали им прозвища, считая это плохой приметой. Конь Сайлы не был боевым. За великолепную медно-красную масть его звали Рыжик.

Из дверей украдкой, словно амбарный кот, показался Додой. Он поспешно направился к Тейт. Даже когда она стала теребить ему волосы, он продолжал смотреть на Сайлу и Конвея. Когда же те поздоровались с ним, он молча кивнул в ответ, тупо на них уставившись.

Здрав голову, он сказал Тейт:

— Солдаты говорят, что надвигается гроза. Может, не поедem и подождем, пока она пройдет? Не то промокнем насквозь. А что, если я заболeю? Сайла ведь только военная целительница; она, наверное, не знает, что делать, если я по-настоящему заболeю.

Еще как знаю, мрачно подумала Сайла, загадочно улыбаясь. Все так же улыбаясь, она мысленно послала Додой проклятия.

Мальчик продолжал.

— А что, если ветром сломает дерево? И оно кого-нибудь поранит? Нам что, придется опять вернуться сюда? А?

Тейт терпеливо стала объяснять и утешать ребенка. Сайла и Конвей оседлали коней и тронулись в путь, предоставляя ей возможность следовать за ними тогда, когда она будет готова. Отъехав на безопасное расстояние, Конвей сказал:

— Он скоро меня доведет... Тейт никак не может втолковать Додой, что мы его не обидим.

Сайла одобритeльно кивнула головой.

— Порой так хочется задать ему трепку. Ты видишь, из-за него она отделилась от нас. Мы — здесь. А она — там, позади, вместе с ним. В случае опасности она сразу же бросится оберегать малого.

— Тейт слишком умна, чтобы забыть о главном. Она самый надежный товарищ, какого можно только желать.

Сайла почувствовала в этой фразе скрытую иронию. Конвей не вынесет, если она снова начнет открыто критиковать Тейт. Она решила попробовать другой способ.

— Она узнала что-нибудь о том, где он родился?

— Только то, что на юге. — Конвей нахмурился, и она замерла в терпеливом ожидании. Лицо его выражало сомнение и беспокойство. Затем его прорвало. — Она заявляет, что не хочет ускорять процесс их сближения. Одного она не замечает — как он манипулирует ею.

— Подождите! — Крик Тейт заставил Конвея выпрямиться в седле. Лицо его вспыхнуло. Глаза обратились к Сайле, которая тихо сказала:

— И я так считаю, Мэтт Конвей. Будь начеку.

Глава 18

По телу Рыжика пробежала быстрая дрожь. Сайла повернула его голову по ветру и погладила коня по шее. Ее заинтересовало, что значила эта дрожь: реакцию животного на погоду или какое-то предчувствие.

На склоне, примерно в четверти мили от поля, где они стояли, Мать Рек впадала в море. Окрашенная весенними водами, несущая на своих волнах массу мусора, от веток до стволов, она летела мимо в дикой, устрашающей спешке.

К западу река текла почти прямо, и видно было, как она исчезает в пелене тумана. Он опустился на широкий каньон, почти целиком скрыв под собой великую реку.

Подобно этим веткам, вода поглощает любую добычу, имевшую неосторожность оказаться у нее на пути, мрачно подумала Сайла.

Она поглубже закуталась в мантию из шкурок выдры.

Ветер гнал туман вверх по течению и, казалось, вырывал куски с поверхности потока, превращая их в волны. Затем с детской жестокостью он неистово трепал гребень волны. Разглядывая фонтаны белых капель, Сайла вспомнила о казнях, проводимых облаченными в белое блюститeлями Алтанара.

Еще один признак нездорового состояния ума, подумала она, взглянув на миниатюрную Ланту. Внимание другой Жрицы было приковано к ожидавшему их неказистому парому.

У Ланты было достаточно причин для опасений. По форме паром напоминал кирпич, лишь нос и корма едва поднимались над бортами. Похоже, его приводили в движение два паруса, сейчас свернутые вокруг укосин. Они угрожающе дрожали, а тонкие мачты скрипели надвигающейся взад-вперед палубе. От особенно сильного порыва ветра судно неуклюже закачалось, до предела натянув толстые цепи, которыми было привязано к деревьям.

Оглядевшись вокруг, Сайла увидела улыбающегося Конвея. Брызги на его лице напоминали капельки пота.

— Вот здесь начинается настоящее приключение, — сказал он.

— Как же ты назовешь предыдущие дни и реки, по которым мы плыли? — отреагировала Тейт. — Праздником? Моя одежда не просыхает с того дня, как мы отправились в путешествие. Когда-нибудь эта погода поменяется?

— То были просто реки, — Конвей старался говорить небрежно, — а дальше нас ждет неизвестность.

Ланта твердо произнесла:

— Если только мы до нее доберемся. Это ведь не прогулка в поисках красивых пейзажей. Все намного опаснее, чем ты себе можешь представить.

Отъехав на некоторое расстояние, Конвей снова улыбнулся. Отозвавшись на его свист, все собаки взбежали на крутой подъем, к тому месту, где лес граничил с полем. Пара коричневых псов Тейт стояла близко друг от друга, они никогда не разлучались без приказа. Черный пес Конвея Карда, повернувшись, рассматривал обратный след. Микка, чья белесосерая шерсть удивительным образом сливалась с туманом, углубилась в высокую траву. Конвей подозвал своих собак. Они подбежали, и он в который раз затрепетал, почувствовав сверхъестественную силу их выразительного молчания, которое манило его присоединиться к ним. Было ясно, что он был вожаком, он отдавал команды.

Тейт подъехала к Конвею. Он обратился к ней, не отрывая взгляда от собак:

— Что бы подумали наши друзья из прошлого, увидев эту сцену? Представляю себе эту парочку в мире, где только супружеской паре с лицензией на двух детей разрешалось иметь одну домашнюю собачку, весом не более тридцати фунтов.

— Я знала парня, который разводил собак. — Его удивление вызвало улыбку у Тейт. — Он со своей семьей владел правами на разведение животных. Ему не раз предлагали большие деньги, но он отказывался. А лошади? Подумать только — десять лет ждать только для того, чтобы попасть в список на розыгрыш ежегодной национальной лотереи развлечений? Помнишь? И если тебя не оказывалось в «тысяче счастливиц» в твой год, то не оставалось ничего другого, как снова встать в очередь и ждать следующие десять лет.

Конвей посерьезнел, вспомнив огромные очереди, в которых люди стояли, чтобы получить свой паек мяса, хлеба, сахара, масла. Миллионы людей в набитых битком, прогнивших, отравленных городах.

— Ты слышишь меня? — Голос Тейт вернул Конвея на землю, он резко повернулся.

— Ни единого слова. Замечтался, наверное. — Они стояли одни, остальные уже направились к хижине паромщика.

Тейт свистнула Танно и Ошу, затем промолвила:

— Я спросила тебя, задумывался ли ты когда-нибудь над тем, почему эти поселения такие маленькие и изолированные друг от друга. Они враждуют друг с другом, и это кое-что проясняет. Мы знаем, что вначале их было совсем немного. Все же у них было пять веков для того, чтобы отстроиться. Кажется, я знаю, в чем причина. Ты видел, как они боятся болезней?

— Чума, — ответил Конвей, и Тейт молча кивнула. Он продолжил. — Думаю, ты права. То, что выпустили на свободу ученые, должно было мутировать с бешеной скоростью. Вполне возможно, что они заложили эту возможность изначально. Чтобы победить

прививки.

— Логично. — Это слово слетело с ее уст, как приговор. Вдруг она громко рассмеялась. — Ну и что? Микробы, стрелы, еще что-то. Давай-ка отличимся, Мэтт. Ты со мной?

Они подъехали друг к другу и взялись за руки. Некоторое время молчали. Затем отпустили руки и с ликующим криком галопом рванули вперед.

Сайла и Ланта смотрели на них, смущенно покачивая головами.

Когда Конвей и Тейт поравнялись с женщинами, Сайла торговалась с паромщиком. Он оказался несговорчивым человеком и не соглашался до тех пор, пока Сайла не предложила ему сумму, от которой просто невозможно было отказаться.

— Возможно, мы все приплывём на дно реки, — проворчал он, надевая стеганое пальто и широкую, длинную, по самые лодыжки, юбку. На ней были огромные, размером с ладонь пуговицы. Они озадачили Конвея, но вскоре он понял, что такие пуговицы можно расстегнуть онемелыми руками, если владелец юбки вдруг окажется в воде. Пончо паромщика, надетое поверх пальто, опускалось ниже талии. Оно было сделано из узких полосок полупрозрачного материала. Тот, кто смастерил его, хитроумно соединил горизонтальные полосы материала внахлест, чтобы оно как можно меньше пропускало воду. Заметив интерес Конвея, паромщик снизошел до объяснений. — Это тюленьи кишки. Мы торгуем зерном с Китобоями, которые живут вниз по течению, чтобы получить этот материал. Защищает от дождя и ветра, как ничто другое. С таким пальто под этим пончо я не испугаюсь, даже если непогоду принесет из Преисподней. — Он резко взглянул на Жрицу. — Прошу прощения.

Сайла сказала:

— Ты знаешь эту реку слишком хорошо, чтобы позволить ей забрать нас в Преисподнюю. Ты просто хочешь поднять цену за переезд.

— А ты упрямая, не то что другая.

— Другая? — Сайла задала вопрос, и все замерли.

Паромщик нервно вздрогнул.

— Другая Жрица. Шесть или семь дней назад она пришла сюда с первыми лучами солнца. Пряталась под таким же капюшоном. Боялась даже посмотреть на воду, пока мы не достигли того берега. С ней не было столько возни, как с вами. Заплатила столько, сколько я сказал, даже не торгуясь. Была очень напугана, будто думала, что если люди не убьют ее, то это сделает река.

— Она была одна?

Паромщик заговорщически улыбнулся.

— Она хотела, чтобы я так думал. Но когда я вернулся назад, то мне пришлось отправиться на поиски нашей коровы. Понимаете, щеколда на воротах...

— Только факты, пожалуйста, — перебил его Конвей, и Тейт издала сдавленный возглас. Это был отрывок из диалога, который являлся неотъемлемой частью каждого телекурса 101 (обычно он назывался «Вступления и лозунги») в любом университете.

Услышав его в столь напряженный момент, Тейт едва не хихикнула. Паромщик на мгновение обиженно замолчал, продолжив:

— Она пришла с полудюжиной мужчин. Я видел их следы в том месте, где они сошли с дороги и пошли в обход. К моей хижине она подъехала одна, остальные пошли на запад.

— Откуда ты знаешь, что это были мужчины? И что они были вместе с ней? — спросила Сайла.

— Слухи. Один человек, который проходил мимо, рассказал мне о шести мужчинах, которых он видел в гостинице за ночь до того, как эта женщина появилась здесь. Двое были богатыми, он называл их баронами. Я не очень-то верю в это, но, по словам этого человека, они все время отдавали приказы, а остальные прыгали вокруг них. В любом случае, Жрица тоже остановилась в гостинице. Они не переговаривались друг с другом. Она держалась чуть позади них. Думаю, соединились на дороге; в лесу их ждали семь лошадей.

— Ты очень нам помог. Возможно, когда-нибудь я смогу отблагодарить тебя, — произнесла Сайла.

Он посмотрел вдаль, потом, как будто стесняясь, повернулся к Сайле и, немного поколебавшись, вымолвил:

— Если бы я знал что-то еще, смогли бы вы сохранить это в тайне? И ваши друзья тоже?

— Конечно. Именно потому они мои друзья.

— Там был еще один всадник. Мужчина или женщина, сказать не могу. Я спрашивал у людей, но никто не видел его. Я нашел еще одни следы в месте, откуда можно было видеть все, о чем я вам рассказывал. Я не могу гарантировать, что все так и было, я не следопыт, но факты говорят сами за себя.

— Кто-то наблюдал за наблюдателями? — Тон Тейт выражал сомнение. — Но зачем?

— Поглядеть со стороны, с каким вниманием вы меня слушаете, и можно подумать, что вы в этом лучше меня разберетесь. — Паромщик одарил Тейт широкой улыбкой.

— Другой всадник никогда не появлялся возле твоего парома? — продолжала Тейт.

— Он остался на этой стороне реки. — Заметив, что его не понимают, он продолжил: — Отсюда до следующего парома два дня пути. А переплыть Мать Рек невозможно. Если бы он украл лодку или заплатил за перевозку кому-то другому, я бы наверняка знал. Я думаю, вы ничего не хотите сказать мне обо всем этом?

— Тут нечего говорить. Мы просто путешественники, и наш путь лежит к югу, — ответила Сайла.

Направляясь к двери, паромщик сказал:

— О да, я верю вам, Жрица Роз. Пойдемте со мной, и вы увидите, как я запрягаю команду уток, которая перевезет нас на тот берег.

Смеясь собственной шутке, он направился к парому. Однако, проверяя, как привязаны лошади, он стал вполне серьезным. Его помощник отвязывал цепи. И сам паромщик, ловко и сильно правящий румпелем, и его помощник, натягивающий и ослабляющий паруса, показывали чудеса своего ремесла. Но все же несколько раз паром опасно накренило, а порывы ветра то и дело окатывали палубу фонтанами брызг.

Причаливая к берегу, паромщик показал все свое искусство. Уверенной рукой он преодолел водоворот. Двое мужчин на берегу кинулись подхватывать брошенные с парома швартовы. Подведя судно ближе, они заменили веревки цепями, точь-в-точь такими, какими паром крепился на северном берегу.

Собаки с радостью выпрыгнули на землю, однако, чтобы стащить на берег насмерть перепуганных лошадей, Конвею и команде потребовалось несколько минут. С боевыми лошадьми было чуть полегче, чем с вьючными, пребывавшими в неопишемом смятении. Заново распределяя и привязывая грузы, Конвей обратил внимание на то, как тихо, почти незаметно вели себя обитатели нескольких ближайших хижин, выглядывающие из дверей своих жилищ. Даже дети исчезали восвояси, стоило только на них взглянуть. Единственной примечательной вещью в этой деревушке были прислоненные к каждой хижине лодки. Они были сделаны из дерева и кожи, а вручную разрисованные паруса, по-видимому, из холста. Одна незаконченная лодка стояла на козлах. Необтянутая конструкция шпангоутов и стрингеров напоминала скелет рыбы. По свернутым парусам, огромным крюкам и шпунтам корпуса можно было догадаться, что хозяин собирается идти за крупной рыбой.

Как только путешественники вышли из пределов слышимости, Тейт спросила:

— Что вы думаете насчет этой Жрицы, о которой рассказывал паромщик? Она принадлежит к какой-то из группировок?

— Вне всяких сомнений, — ответила Ланта. А Сайла добавила: — Это еще раз говорит, что враги Гэна намного активнее, чем мы думаем. Те два человека были баронами, я уверена в этом.

— Мы должны возвращаться в Олу, за нами гонятся бароны, а мы все здесь только ради Врат Сайлы, — пробурчал Додой.

— Прекрати. Все будет хорошо, — одернула его Тейт.

Он открыл было рот, чтобы продолжить, но окрик сзади опередил его. Путешественники обернулись назад и увидели, как в их сторону мчится паромщик на расседланной лошади. Отдышавшись, он заговорил:

— Я прискакал так быстро, как только мог. У меня кое-что для вас есть. Один из помощников сказал, что пару ночей назад вверх по течению украли лодку. — Он показал на затянутые туманом утесы. — Этот же человек видел там всадника, позавчера. Ничего не делал. Просто наблюдал. Целый день. Появился там снова этим утром, но уже ушел.

— Ты думаешь, что это он украл лодку? — спросила Сайла.

Скептицизм, с которым она произнесла вопрос, заставил паромщика покраснеть.

— Можешь надеяться, что нет. Кто бы он ни был, он украл лодку и стащил ее к воде. Большую лодку. Вся семья была в это время в доме в десяти футах от этого места. Никто ничего не слышал. Если это ни о чем тебе не говорит, значит, я вообще зря тебя побеспокоил.

И прежде чем кто-либо успел открыть рот, паромщик резко развернул лошадь и, прищипорив ее, унесся туда, откуда только что прискакал. Некоторое время все молчали.

Конвей удивился собственной реакции. Он немного испугался, но испуг был почти неуловим, подавленный жгучим нетерпением. Стараясь не подать виду, он с трудом расслабил напряженные мышцы, что наполнило его тело приятным, почти чувственным теплом.

Он посмотрел на остальных. Возбужденный Додой перебирал в руках поводья, заставляя лошадь нетерпеливо бить копытом. Тейт беспокойно наблюдала за мальчиком.

Ланта изучала скалы так, будто ее дар мог проникнуть сквозь покрытый туманом лес. Затем, будто потревоженная каким-то звуком, она резко обернулась и перехватила взгляд Конвея. Он вспомнил, что имеет дело с провидицей, которая наперед знает все, что произойдет лишь завтра, и почувствовал, как волосы встали дыбом. Ланта одарила Конвея короткой усмешкой и тут же отвернулась, оставив его теряться в догадках среди множества тайных сигналов, которые все время посылала ему. Мэтт знал, что его счастье заключено в ней, но всякий раз, когда казалось, это станет явным, что-то его останавливало. Почему она постоянно держится в стороне? Ее поведение смущало Конвея и сбивало с толку, как будто его остановили в тот момент, когда он пытался заглянуть под маску.

Однако времени на раздумья уже не было. Он повернулся к Сайле, сказав:

— Я с собаками поеду вперед, а Тейт пусть проследит за грузом.

Пока каждый готовился занять свою новую позицию, Ланта подошла к Сайле и прошептала:

— Ты думаешь, он способен поехать вперед в разведку? Ты не должна принимать его за Класа.

Сайла сдавленно усмехнулась.

— Я ни одного мужчину не могу сравнить с Класом. Конвей и Тейт должны учиться. Собаки предупредят их об опасности.

— Буду молиться, чтобы так оно и было.

Прошло довольно много времени, прежде чем Сайла осмелилась вновь взглянуть на Ланту. Когда она внимательно посмотрела на нее и не увидела ничего особенного, ее лицо приняло расстроенное выражение. Она сказала это таким тоном... Нет, ничего особенного. Что-то скрытое. Да, какое-то скрытое чувство. Ланта заботится о Конвее не просто как о спутнике по путешествию.

Глава 19

Тейт наблюдала за тем, как Додой разводит костер. Видно было, что парню не по душе это занятие, однако впрямую отказаться он не решался. Это была его обычная манера. Внутри него, казалось, уже не было маленького мальчика. Детские игры и забавы не

прельщали его. По-настоящему развлечь Додоя могло лишь что-то грубое, недетское.

Прошло уже восемь дней, как они пересекли реку, и Тейт была уверена, что почувствовала в нем перемены к лучшему.

Вокруг тоже многое изменилось. Первые два дня дорога была достаточно широкой, чтобы на ней могли развезаться две крестьянские повозки. Грязная и неровная, она извивалась по равнинам и холмам. Весело поющие, свистящие и без конца болтающие тучи скворцов закрывали небо, извещали о том, что весна окончательно вступает в свои права. Тысячи их голосов сливались в один рев, заглушая почти все остальные звуки. Однако их сменили массивные стаи гусей и уток. Птицы пикировали вниз, опускались на поля, выискивая пищу в свежей, проснувшейся ото сна земле. Иногда к ним присоединялись небольшие стайки голубей. Орлы и ястребы патрулировали небо, набрасываясь на больных и неосторожных.

На уже засеянных полях дети дергали веревки, приводя в движение огородные пугала, или просто махали длинными тонкими жердями, отгоняя нарушителей. Они невольно замирали на минуту, провожая взглядом проезжающих, и в их глазах читались несмелые, застенчивые мечты о далеких странствиях.

Дорога исчезла с раздражающей внезапностью. Она нырнула в лес на краю последней фермы и пропала, как потерянная стрела, превратившись в узкую тропинку, протискивающуюся сквозь огромные ели. В последующие пять дней им не встретились ни одна живая душа. Вчера они заметили заросшие одуванчиками следы костра. Они даже спешились, чтобы осмотреть поляну, относясь к происходящему, как к великому открытию. Сегодня картина не изменилась, кругом тянулся бесконечный, почти непроходимый лес. Скучая по солнцу, Тейт при первом удобном случае прилегла на солнцепеке.

Сайла присоединилась к ней, расстелив на влажную землю кожаное покрывало. Она протянула Тейт деревянную миску с густой жидкостью.

— Это суп, который мы никогда еще не пробовали: утка с яблоками и немного картофеля.

Тейт неуверенно взяла миску, думая о том, что большинство ее экспериментов с едой оказывались успешными. Ей нередко приходилось есть что-то, что пытались выдать за еду, и это были не самые приятные моменты в ее жизни. Запах этого супа, однако, заставил ее глаза удивленно расшириться.

— Здесь же... Здесь же апельсин! Я уж и не помню, когда пробовала его в последний раз!

Сайла улыбнулась, заметив ее реакцию.

— Я была удивлена не меньше тебя. Небольшой подарок от жен воинов, которые собирали сухой паек. Интересно, откуда они его взяли? Ведь совсем немного этого порошка попадает в Олу или Харбундай.

— Эти дамы становятся настоящими торговцами. — Тейт сделала большой глоток и продолжила: — Кто бы ни варил этот суп, мое сердце принадлежит ему навеки, — сказала она и поставила миску назад.

Сайла покачала головой.

— Доешь. У Ланты еще на всех хватит. Я отнесу немного Конвею, он кормит и чистит лошадей.

— Ой! — Тейт вдруг резко поднялась, выглядела она очень взволнованной. — Я должна была помочь ему расседлать их. Он уже сделал это?

— Он сказал, что хочет, чтобы у тебя было немного времени заняться собой. Он не держит зла, правда.

Тейт ответила:

— В следующий раз я позабочусь об этом. Ты знаешь, а ведь он сам себе нравится, он становится настоящим следопытом.

Сайла, отворачиваясь, усмехнулась. Когда Тейт стала настаивать, прося ее объяснить, в чем дело, она осторожно оглянулась вокруг.

— Я лишь подумала — очень хорошо, что у него есть оружие-молния. Ты видела, как он обращается с луком?

— Нет, а что?

— Это просто ужасно. Он очень старается, но безуспешно. Стрелы летят куда угодно, но только не в цель. Волки прозвали его Убийцей Облаков.

Обе женщины засмеялись, и Тейт призналась, что она сама использовала лук только раз в жизни.

— В тот раз, когда за мной и Класом погнался медведь, помнишь? Нам тогда крупно повезло.

— Это мне тогда повезло, ведь мой муж и моя подруга остались в живых. — Осмотревшись вокруг, Сайла посерьезнела. — Я сегодня целый день думала об остатках лагеря, что мы встретили вчера. Они очень похожи на остатки лагеря, который мы разбили, убегая от Бея Яна и Ликата, когда Гэн убил Фалдара Яна. Тот же ручеек, те же запахи. Стоит задуматься, и за каждым деревом начнут мерещиться враги.

— А где Додой, я не вижу его? — Тейт поднялась, тихонько позвав мальчика.

Он появился сзади, из-за кустов.

— Уже время еды?

— Не совсем. Ты собрал достаточно дров?

Мальчик кивнул, взгляд его остановился на остатках супа. Тейт села на прежнее место, предложив ему суп.

— Сайла принесла его. Приятный сюрприз, не правда ли?

Он осушил миску, протягивая ее Сайле.

Сайла промолвила:

— Ты можешь помыть ее, когда будешь готовиться к обеду.

Направляясь к ближайшему ручью, он сказал:

— Вы всегда говорите, что я плоховато мою посуду. Похоже, я знаю, почему не люблю это занятие, как все остальные. Когда я был еще по-настоящему маленьким, какая-то женщина сказала мне, что у нас нет достаточно воды, чтобы быть такими же чистыми, как другие люди. Единственным местом, где мы могли взять воду, была река. Она боялась ее. Она сказала что-то вроде того, что река причинит мне боль.

Тейт задумалась:

— Вспомни, Додой, это важно, что именно она сказала? Она говорила, что ты утонешь?

— Этого она не говорила.

— Она сказала, что река съест тебя, пожрет?

Медленно, как будто что-то сильно его заботило, Додой опустился на подстилку, теребя в руках свой мешок. Он достал из мешка сверло для добывания огня и дощечку, пристроил несложный аппарат и начал крутить дощечку, добывая огонь. Потом продолжил:

— Я не уверен. Какое слово ты произнесла последним?

— Пожирать? Это слово?

— Думаю, да. Это значит съедать, так?

В нетерпении Тейт посмотрела на Сайлу.

— Ты слышала? Это же слово употребила настоятельница Ирисов, описывая реку. Точно. Здесь есть какая-то связь, должна быть.

Сайла улыбнулась.

— Если бы сама не увидела и не услышала, ни за что бы не поверила.

От дощечки Додоя начала подниматься вверх струйка дыма. Он соорудил вокруг нее небольшую горку веточек. Поглощенный работой, он не замечал ни радости Тейт, ни холодного недоверия во взгляде Сайлы.

— Все готово. Теперь мы можем есть, — сказала Ланта.

Тейт произнесла:

— Мне не терпится рассказать об этом остальным. У него остались детские воспоминания о стране пустынь. Это, должно быть, где-то около Дома Церкви. Когда он

снова увидит эту землю, он вспомнит больше. Он может быть нашим проводником, это прекрасно.

— Прекрасно, — согласилась Сайла.

Конвей соорудил навес так, чтобы Ланта могла готовить и чтобы все могли есть под этим навесом. Сайла увидела, что ее миска все еще на том месте, где Додой ее оставил. Идя за ней, она не переставала думать об этом слове «пожирать».

Вдруг озноб прервал ее мысли. А что, если он — начинающий Провидец? Ходили истории о таких людях, которые и сами не знали, что обладают даром, пока опытный и знающий наблюдатель не замечал в них этого таланта. Такую силу нужно воспитывать, контролировать, иначе она станет дикой и может натворить немало бед.

Обед прошел, как обычно. Весь день они ехали в странной смеси скуки и напряжения. Так что теперь, после горячего супа, все наслаждались легким, расслабляющим разговором, пока не опустилась ночь.

Сайла поражалась, как Конвею удастся так мало спать. Казалось, ночные дежурства совсем его не утомляли. Однако он избегал любого проявления прямого контроля, и Сайла ценила это. Теперь, когда обед закончился, он напомнил Додою, что мыть посуду — его обязанность. Мальчик послушно собрал тарелки и пошел к ручью. Тейт поднялась, чтобы помочь ему.

Конвея позабавила эта сцена, и он встал, чтобы оповестить всех, что уходит на ночное дежурство.

Его интересовало, понимали ли они двойной смысл его ожидания. На этот раз он одновременно чувствовал себя воином и боялся упасть в глазах своих товарищей.

Гэн, Клас и другие сделали из него отличного воина, может быть, он не очень хорошо владел луком и стрелами, но зато он отлично дрался мурдатом.

Кроме того, с ним была снайперская винтовка.

Достав винтовку, он погладил водонепроницаемый чехол, в который она была уложена. Он помнит каждое слово из лекции Фолконера. «Не пытайся регулировать этот прицел, он работает от солнечных батарей. И никогда не отсоединяй прицел, чтобы рассмотреть местность. Винтовка автоматическая, и тебе никогда в жизни не поставить его на место. Просто направь перекрестие прицела на цель и нажми на эту кнопку. Встречая цель, лазер определяет расстояние, вводит данные в компьютер и передает в прицел увеличенную картинку. С помощью этой небольшой кнопки ты должен ввести поправку на ветер. Остается просто нажать на курок — и цель поражена в девяноста восьми с половиной случаях из ста. В пуле три четверти унции меди, начиненной обедненным ураном. Не заботься о том, попал ты или нет, целясь в середину мишени, и тебе не придется стрелять дважды».

Достав из деревянных ножен мурдат, Конвей взмахнул им в воздухе. Баланс и формы оружия радовали глаз. Обмотанная кожей акулы рукоять его была не только очень красива, но и не выскальзывала из руки, если мурдат был мокрый. На деревянных ножнах был изображен встающий на задние лапы медведь, готовый отразить любую атаку. Это говорило о гордости ремесленника, сделавшего этот мурдат.

«Вайп» был откровенным орудием убийства.

А винтовка лгала. Она лежала у его ног, гладкая, глянцевитая, шедевр форм и изыска. Казалось, отделка из орехового дерева и голубая сталь так и просятся в руки. Панель солнечных батарей и оптика поражали техническим изыщством. И все же это было не что иное, как орудие смерти. Фолконер использовал эту винтовку лишь однажды. С расстояния не меньше полумили. Человек завертелся волчком и рухнул на землю. Всего один выстрел.

Конвей представил себе, что берет ее в руки, и почувствовал, как по позвоночнику пробежали мурашки. Наверное, это из-за сырой ночи, подумал он, заворачиваясь в одеяло Людей Собаки, защищавшее от воды.

Карда и Микка бежали впереди него, вниз по склону.

Через несколько часов легкое касание лапы мгновенно пробудило его ото сна. Конвей

безмолвно всматривался в темноту. Он научил себя спать сидя, опершись на дерево. Микка всегда располагалась со стороны пистолета. Медленно, бесшумно Конвей достал из чехла «вайп». Он был уже заряжен, оставалось только снять предохранитель. Приготовив оружие, он приник к шестикратному оптическому прицелу, переключив его в режим ночного видения.

Неподалеку слышался шелест. Несколько лошадей шагали по тропинке, неуверенно ступая по мокрой земле. Прямо под Конвеем кашлянул мужчина. Всадники хранили молчание, которое заставило его заволноваться.

Конвей пытался разгадать причины их визита. Они скрывались от кого-то? Если нет, то зачем было изнурять себя ночным маршем? Он решил пока не будить остальных. Для него же один вопрос порождает десяток других, каждый из которых был так же неразрешим, как и предыдущий. После многих неудачных попыток заснуть Конвей вспомнил о технике расслабления, которой научила его Сайла. Он беззвучно затянул песнопение и постепенно начал уходить в себя, погружаясь в сон. Ему приснилась поляна, усеянная зеленой, ароматной травой. Человек — он сам — лежал на солнце и спал, а другой — он же — стоял на страже, охраняя сон первого.

Он проснулся, когда Карда тихонько зарычал. Через мгновение Конвей был уже готов к любой неожиданности. Может быть, лошади привлекли? Конвей заставил себя замереть, всматриваясь в темноту и пытаясь глядеть уголком глаза. Однако спросонья глаза слезились, и он рискнул бесконечно медленным жестом протереть их. «Вайп» в его руках был бесполезен против невидимого противника.

Конвей положил руку на голову собаки, пытаясь определить, в каком направлении находится опасность. Однако похоже, что собака тоже была сбита с толку. Медленно, будто легкие дуновения ветерка, напряжение покидало животное. Конвей послал его на разведку.

До возвращения Карды о сне не могло быть и речи. Вернувшийся пес был спокоен.

Микка отодвинулась от Конвея. В последний раз приняв шис, Карда растянулся на небольшом бугорке, и Конвей сморил сон.

Он снова проснулся уже на рассвете, потревоженный каким-то посторонним звуком. Он раздался из лагеря. Оказалось, что Сайла и Ланта просто вышли из шатра, приступив к утреннему ритуалу. Он быстро и легко поднялся, потянувшись, разгоняя по телу застоявшуюся кровь перед тем, как пойти и обследовать тропу.

На ней отпечатались множество свежих следов. Хотелось бы ему разбираться в них лучше. Подумав, Конвей пришел к выводу, что здесь ночью проехали четверо всадников, а может быть, и шестеро.

То никаких признаков жизни целыми днями, то всадники и дикие звери. Достойный повод, чтобы быть еще более осторожными.

И в свете дня его опасения оставались достаточно серьезными. Как ночному дозорному, ему следовало еще многому научиться.

Возвращаясь в лагерь, Конвей решил пройти через ручей, чтобы помыться. Он не торопился — всадники были уже далеко, а дикие звери — всего лишь неприятный эпизод. Мэтт уже представлял себе, как над ним будут подшучивать, когда он признается в своих ночных приключениях.

Ручей находился с той стороны, в которую указал ночью Карда, и Конвей подумал, что, может быть, собакам заодно удастся разыскать что-нибудь, объясняющее ночное происшествие. Однако не было ничего, кроме уже знакомых следов.

Он отошел примерно на тридцать ярдов от своего наблюдательного пункта и пришел на берег ручья. Порыв утреннего ветра погнал песчинки с берега реки в лес.

Карда и Микка бросились вперед, приняв хиваясь и рыча над отпечатками ног. Человеческих ног.

Глава 20

— Это была женщина. — Конвей примерил свою ногу к отпечатку. Его спутницы нагнулись, чтобы лучше оценить разницу. Додой примостился напротив, почти наступая на следы. Тейт мягко оттолкнула его в сторону, и он присел на корточки, обиженно надувшись, словно маленькая сердитая обезьяна. — Боюсь, мы не сможем сказать, давно ли она прошла здесь, — произнесла Сайла, — но все же не раньше последнего дождя — здешний песок легко размывается водой.

— Пожалуй, я могу определить точнее, — сообщил Конвей.

— Каким образом? — Тейт наклонилась, чтобы взглядеться получше.

Конвей показал на края углублений.

— Смотри, какие они четкие. А ведь этот плотный песок осыпается сразу, как только теряет влагу. Значит, следы не успели высохнуть. Теперь взгляни на форму следа. Она шла осторожно, почти на цыпочках. А вот здесь обе ноги вместе — может быть, она проверяла, не дует ли ветер к тому месту, где, по ее мнению, находился я. Теперь я буду предусмотрительнее. Собаки знали, что здесь кто-то был.

Как будто одобряя его слова, Тайно и Ошу опасно потянулись из-за спины Тейт, снова обнюхивая следы. Они явно предпочитали держаться поближе к хозяйке, шерсть у них на загривках стояла дыбом. Не отрывая взгляда со следов, Тейт рассеянно погладила их мохнатые головы. Карда и Микка, уже закончившие осматривать и обнюхивать следы, сидели неподалеку.

Сайла посмотрела на них.

— Странно, что твои собаки не подняли тревогу.

— Никто из нас не дремал. Они предупредили меня, хотя ветер дул с вершины холма, и они не могли как следует принюхаться.

— Как же тогда ты можешь быть уверен, что следы свежие? А может быть, тебе это приснилось? — вмешался Додой.

Тейт схватила мальчика за плечо.

— Додой, не груби! — сказала она, глядя на Конвея. — Мэтт знает, что делает.

Однако Додой ничуть не смутился.

— Он не настоящий воин, как Гэн Мондэрк или Клас на Бейл! Он недостойн нас, да к тому же ничего не знает!

Сайла хотела вмешаться, но удержалась. Конвей снова заговорил с Тейт:

— Он прав, я не следопыт. Однако я все же выучился кое-каким штукам. Если бы ты не была так занята своим маленьким другом, я бы научил и тебя.

В течение долгой секунды они награждали друг друга свирепыми взглядами. Собаки нервно переступали с лапы на лапу. Наступившую тишину нарушало лишь робкое поскуливание Микки. Первой не выдержала Тейт. Схватив Додоя за плечо, она подтолкнула его к вершине холма, где расположился лагерь, со словами:

— Нам надо поговорить. — Собаки последовали за ней, то и дело оглядываясь, словно пытаясь понять причину повисшего в воздухе напряжения.

Сайла показала на удаляющуюся группу.

— Сочувствую собакам. Они считают, что должны защищать нас. Всех нас. А их хозяева начинают грызться между собой. Как мы объясним им это?

— Как я объясню это ей? — парировал Конвей.

Сайла и Ланта взглянули туда, где маленькая фигурка торопливо продвигалась вперед рядом с Тейт.

— Возможно, если бы ты каждое утро посвящал немного времени созерцанию, как мы... — проговорила Ланта.

— То научился бы его любить? — криво усмехнулся Конвей.

Просто научился бы не так сильно его ненавидеть, — продолжила Ланта, серьезно кивнув головой. Конвей хотел было возразить, но она приподняла руку. — Со временем у тебя получится. Он чувствует в тебе соперника. Если ему удастся сделать тебя своим врагом,

то он украдет у тебя дружбу Тейт. Будь осторожен.

С этими словами Ланта зашагала прочь. Конвей неуклюже повернулся к Сайле.

— Может быть, она права?

— Возможно. По крайней мере, я так считаю. — Сайла двинулась по направлению к лагерю.

— погоди! — окликнул ее Конвей — Раз уж сегодня у нас день откровений, может, ты скажешь, что может ждать нас за Вратами?

Резко остановившись, Жрица испуганно посмотрела на него, потом попыталась отделаться смущенным жестом.

— Ну же, у тебя наверняка есть идея! — настаивал Конвей.

— Нет, правда, я не знаю.

— Тогда какого черта? — он рубанул рукой воздух — Я слышал многое об Учителях и их предполагаемой мощи, но ни слова о том, какого рода была эта мощь. Если уж они были такими сильными, то как люди нашли способ... способ...

— Уничтожить их? — Сайла почти выкрикнула эти слова. — Нас терпят только потому, что мы даем жизнь. Учителя же бросили вызов господству мужчин. У нас есть только одна защита — мораль, и если ее не будет, мы погибнем. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. К твоему сведению, моя настоятельница утверждает, что только некоторые Учителя знали, где находятся Врата. Их имена тщательно скрывались. Но когда убийцы не могут найти того, кого ищут, то убивают всех. А еще говорят, кто-то из них сыграл жестокую шутку со своими палачами, сказав, что только Учителям дано снова открыть Врата. Когда потомки убийц узнали об этом, они навеки проклинали своих отцов.

Конвей остановился, и Сайла снова повернулась к нему. Он стоял ниже по склону, так что они смогли взглянуть друг другу в глаза. Конвей посмотрел на нее так, словно взгляд его проникал сквозь тело в самый центр ее существа.

— Ты ищешь эту силу? — спросил он.

— Конечно. — Помолчав, она добавила: — Не для себя. Мне она была ни к чему, это люди заставили меня хотеть ее. Сила пугает меня. Я вижу, она страшит и тебя тоже. Но подумай о равноправии. Равноправии для таких, как я. Я благодарна Церкви за спасение моей жизни. Но я принадлежу ей, пойми.

— А получив силу, ты обретишь себя?

— Не только я! — Она взмахнула рукой. — Мощь Учителей поможет всем женщинам. Всем людям.

— Сила может испортить тебя.

— Никогда! Ты обижаешь меня.

— Я просто прошу тебя задуматься о том, что ты собираешься совершить. Я верю тебе, ведь я твой друг. Именно поэтому я предупреждаю — ты ходишь по лезвию ножа. Эта сила не смогла защитить Учителей, но ее с лихвой хватило, чтобы погубить их. Учителя предпочли умереть, но не раскрыли ее секрета. Ты и в самом деле уверена в своих способностях? Будешь ли ты хранить ее подобающим образом? Сможешь ли отвергнуть ее, если возникнет опасность, что она попадет в злые руки?

Сайла повернулась и решительно зашагала вверх по склону. Да как он смел усомниться? Вся ее жизнь была посвящена поиску Врат. Кто он вообще такой, чтобы оспаривать решения аббатства Ирисов?

Зачем он будит в ней тревоги, скрываемые с такой тщательностью?

Кто он такой, чтобы заставлять ее плакать?

Конвей схватил ее за руку, но она выдернула рукав с такой силой, что чуть не упала. Мэтт вовремя поддержал ее. Сайла снова обернулась, но выражение лица Конвея отбило у нее охоту ссориться.

— Ты умеешь завоевывать и владеть, — заговорил он, — меня же жизнь научила терять. Сайла, я больше не хочу лишаться друзей. Я вижу, как Тейт медленно ускользает от меня. А теперь между мной и тобой встали Врата. Поймешь ли ты, если я скажу, что

опасаюсь смерти друзей меньше, чем их потери? Действительно ли это имеет смысл?

Сайла вытерла глаза платком. Потом взяла Конвея за подбородок и, улыбнувшись, прошептала:

— Какой же ты бестолковый мужчина. Хотя я все больше убеждаюсь, что «мужчина» и «неприятности» это одно и то же. — Они улыбнулись, и оба почувствовали, как близки друг другу. Сайла продолжила: — Наверное, тебе приходится трудно здесь, среди чужих. Если бы ты мог вернуться в свой мир, покинуть нас, я не стала бы тебя осуждать. Видишь, я тоже беспокоюсь о своих друзьях.

Конвей рассмеялся коротким смехом человека, много пережившего на своем веку.

— Благодарю, но, пожалуй, я предпочту остаться здесь. Ведь я тоже кое-кого ищу, Сайла. самого себя. Пока я тебе полезен, можешь на меня рассчитывать. — Он пожал плечами.

Тейт крикнула, что еда готова, и они поспешили в лагерь.

Увязывая тюки, Ланта исподтишка поглядывала на них. Она так затянула веревку, что лошадь сдавленно всхрапнула.

Наполняя деревянную миску кашей, Ланта снова взглянула на Сайлу и Конвея. Потом накинула на голову капюшон и некоторое время наблюдала за поднимающимся вверх паром, вдыхая запахи измельченных орехов, зерен пшеницы и овса. Она добавила в кашу меда, попробовала, и опять ее взгляд остановился на приближающихся Мэтте и Сайле.

Во время трапезы никто не пытался заговорить или хотя бы вздохнуть. Сайла была слишком опытна, чтобы позволить вспыхнуть внутренним конфликтам.

Ланта вдруг поймала себя на том, что ревнует свою подругу совершенно незаслуженно. Мало того, все ее выводы строились на ложном предположении. Сайла не проявляла никаких признаков влюбленности. По крайней мере, сейчас она относилась к Конвею как к своему другу. Красивый, плечистый, с хорошо развитой мускулатурой, Мэтт совсем не походил на Класа на Бейла. Он никогда не займет место Класа в ее сердце.

Ситуация осложнялась тем, что Конвея окружал романтический ореол. Все знали, что он так и не смог оправиться от потери Ти и примкнул к Сайле, чтобы убежать от своих переживаний. Неизбывная печаль в его глазах оставляла отпечаток в сердце каждого, кто внимательно смотрел в них. Он даже двигался как человек, который пытается отыскать свой путь среди неудач и жизненных перипетий. Мэтт не был болен или слаб. Наоборот, в его движениях чувствовалась сила и уверенность, в седле он сидел как влитой. Чтобы заметить внутренний разлад в душе Конвея, нужно было смотреть внимательнее и чувствовать глубже.

В этом и заключалась ловушка. Его эмоции были скрыты; так спокойная речная гладь скрывает под своей поверхностью темные глубины. Хороший рыбак помнит все секреты реки, ибо это знание — часть его профессиональной гордости. Никакая женщина не устоит перед соблазном раскрыть тайну мужчины, похожего на Конвея.

Хуже всего для Ланты было сознание собственного бессилия — что бы она ни сказала, ситуация могла только ухудшиться. И Конвей, и Сайла не чувствовали того, что вот-вот могло на них обрушиться.

Что-то острое и неприятное вклинилось в мысли Ланты. Ей внезапно представился шип прекрасной розы, пришло ощущение внезапной боли и обиды. Было жаль Сайлу, которая вела себя так неосторожно, и одновременно ее мучила злость: Конвей достаточно опытный человек и должен понимать, какую опасность представляет для замужней женщины. Он никогда не совершил бы ничего порочащего честь намеренно, но легче от этого не становилось.

Нужно было что-то делать.

Ланта выскребла остатки каши со дна миски и облизала ложку. Продолжая водить языком по шершавой поверхности, она задумчиво смотрела на своих друзей. Со стороны она напоминала маленького котенка, умиротворенно моющего свою изящную лапку.

Глава 21

Обед подходил к концу, когда Конвей сказал:

— Нам придется сегодня же выбрать другую дорогу.

Все удивленно посмотрели на него.

Мэтт продолжал:

— Я не хотел об этом говорить, но все же вы должны знать: ночью здесь проехали какие-то всадники. — Его спутники заговорили все сразу. Он попытался их успокоить и в конце концов добился тишины. — Женщина, оставившая следы на песке, не представляет реальной угрозы. Что действительно меня волнует, так это человек, о котором упомянул паромщик, и та группа, которую он преследовал. Все-таки интересно, кто здесь за кем шпионит.

— Если они действительно охотятся за нами, — вступила Сайла, — то им достаточно лишь пойти по нашему следу. Что ты предлагаешь?

— Если мы не сбились с пути, то возле следующей переправы должна быть деревня. До нее осталось меньше дневного перехода. Я поеду вперед, вы немного отстанете. Если все будет в порядке, я подожду вас в деревне.

Ланта с трудом подавила нахлынувшие эмоции. Ввязаться в опасное мероприятие — лучший способ произвести впечатление на Сайлу. Вскоре она откроет и другие достоинства Мэтта, а потом будет уже поздно.

— Мы потеряем почти полдня, — сказала Ланта.

— И все же он прав, — задумчиво проговорила Сайла. — Однако не стоит идти в одиночку. Я пойду с тобой. Тейт, вы с Лантой будете сопровождать лошадей.

— Нет! — не выдержала Ланта и быстро продолжила: — Сайла, они могут охотиться только за тобой. Никто из нас их больше не интересуется. Я — представитель Церкви, и я не ищу Врата.

— Но ты мой друг и моя спутница.

— Все равно я настаиваю, чтобы ты находилась хотя бы в относительной безопасности. Оставайся с Тейт, а я пойду с Конвеем.

Тейт начала злиться. Чтобы предотвратить вспышку ее гнева, Сайла сжала плечо девушки.

— Если мне вообще требуется защита, то мне нужна осторожность Мэтта и твоя надежная поддержка. Останься со мной.

Выдавив из себя улыбку, Тейт позвала Додоя и двинулась с ним вверх по течению.

Пока Конвей и Ланта седлали лошадей, Сайла заворачивала одеяла Мэтта в специальную ткань, изготовленную жителями Китового Побережья. Она скорчила гримасу и раздраженно фыркнула:

— Интересно, сколько надо времени, чтобы эти тряпки перестали вонять дохлой рыбой. Конечно, они очень прочны и прекрасно защищают от воды, но, Боже мой, какой запах!

— Без них пришлось бы использовать для укрытия одеяла Людей Собаки, а ты знаешь, сколько они весят, — заметил Конвей.

Сайлу это не убедило.

— Иногда мне кажется, что мужчинам нос нужен только для того, чтобы отделять друг от друга глаза.

— Ни одна женщина тебе не поверит. Зачем тогда нужны все эти изысканные духи? Для мужчин.

Чтобы унять дрожь в руках, Ланта натянула поводья и вонзила пятки в бока своей лошади. Та окончательно проснулась и, продемонстрировав несколько резвых прыжков, толкнула лошадь Конвея, от которой сразу же получила чувствительный пинок. Последовавшие взбрыкивания и недовольное ржание заставили Карду и Микку зарычать и принять боевую стойку. Пока утихала суматоха, Ланта была весьма довольна собой.

Спускаясь с холма, Конвей свернул к следам на песке, спешил и показал их собакам. Те понюхали их еще раз. Поднявшиеся торчком уши демонстрировали старания Карды и Микки понять, что от них требуется.

Обращаясь к Ланте, Мэтт произнес:

— Надеюсь, они запомнят запах, хотя это и не входило в их подготовку. — Заметив удивление спутницы, Конвей пояснил: — Конечно, среди собак есть и ищейки, но их меньшинство. Остальные относятся к типу, который Гэн называет «глазастые псы», — они больше полагаются на зрение. — Карда смотрел на хозяина, будто понимая каждое слово. Конвей рассмеялся, и огромный пес привстал на задние лапы, положив передние Мэтту на бедро. Карда был настолько велик, что без особых усилий держал голову на уровне локтя хозяина. Конвей посмотрел на раскрытую пасть, и ему показалось, что со спины лошади зубы пса выглядят даже большими, чем на самом деле. Он потрепал Карду за уши, тоже отличающиеся внушительными размерами, и погладил Микку, которая была хоть и поменьше, но требовала к своей персоне равного внимания.

— Они действительно тебя любят, — сказала Ланта. — И выполняют все, что ты потребуешь. Они найдут эту женщину.

— Хотелось бы верить.

На долгое время воцарилось молчание.

Дорога оставалась все такой же, как на протяжении многих дней, — узкая тропка, петляющая между деревьями. По лесу плыл утренний туман, и легкий ветерок разгонял его сонное спокойствие. Иногда дымка стлалась над самой тропой, скрывая очертания окружающих предметов, иногда подымалась вверх и сочилась сквозь зеленые кроны. Хвоя покрывалась тончайшей пленкой влаги, и два всадника двигались сквозь серебристое сияние застывших без движения деревьев. Невдалеке от них, бесшумные и невидимые, как призраки, рыскали две большие собаки. Иногда они выныривали из тумана прямо перед лошадиными мордами и, убедившись, что их услуги не нужны, исчезали снова.

Конвей отметил, что по дороге недавно проезжали, — земля была утоптана, кое-где попадались сломанные ветки. Огромное количество улиток погибло под лошадиными копытами. Он не мог точно определить число всадников, и отсутствие навыков раздражало его. На его месте Гэн или Клас без труда сказали бы, сколько людей здесь прошло, каков был их вес и физическое состояние. Они читали следы, как цивилизованный человек читает книгу.

Чего стоила тут его цивилизованность?

Конвей обвел взглядом окружающий лес. В его далеком мире люди платили большие деньги специальным компаниям, чтобы те сохранили жалкие остатки нетронутых земель. Доступ к таким территориям строго контролировался, ведь все остальные «леса» уже давно превратились в стерильные плантации.

Если бы они проявляли больше заботы о природе и ограничили рост населения, превративший Землю в кричащий суеющийся муравейник, кто знает, может быть, удалось бы избежать непрекращающихся мелких и бессмысленных войн, которые переросли в неотвратимую ужасную катастрофу?

Неторопливое течение мыслей прервал тревожный крик дятла, напомнивший, что в этом мире исподтишка пущенные стрелы не менее смертельны, чем нервно-паралитические газы в его родном.

Несколько минут спустя они заметили на тропе конский навоз. Как давно он здесь появился, Конвей не знал. Впрочем, собаки были спокойны, и когда на следующей развилке цепочка следов свернула в сторону, Мэтт вздохнул с облегчением. Тем не менее он отложил свои философские размышления и сосредоточился на тропе.

Солнце только начало клониться к западу, когда дорога пошла вверх. Вскоре всадникам пришлось спешиться. Они медленно продвигались по крутому склону, ведя спотыкающихся лошадей под уздцы. Наконец они достигли вершины, и восхищенным взглядам открылась необъятная ярко-зеленая равнина, простирающаяся вокруг на тысячи ярдов. Только

несколько одиноких деревьев росло посреди огромного изумрудного моря. На востоке крутой обрыв делал дорогу непроходимой для лошадей.

Конвей решил было объехать препятствие с запада, но вскоре отказался от этой идеи — тропа не делала бы такой большой крюк, не будь в этом надобности.

— Разве такое бывает? — спросила Ланта — Всего тридцать или сорок деревьев на всей равнине. Ужасно. Они выглядят такими одинокими.

— Пожалуй, ты права, — ответил Конвей. — Наверное, здесь когда-то был пожар. Пепел — неплохое удобрение. Однако что бы здесь ни случилось, мы на ложном пути. Придется потратить много дней, чтобы исправить нашу ошибку. А эта дорога ведет на юг. Интересно, что за люди ею пользуются?

— Церковь платит своим подданным, чтобы они содержали дороги в порядке. Время от времени здесь проезжают вестники и заодно расчищают путь. Не бесплатно, конечно. А иногда правители заставляют работать своих людей. Хорошие дороги — хорошая торговля. Возможно, эта тропа содержится самими торговцами или контрабандистами.

Конвей размял ноющие мышцы.

— Вот мы и наказаны за приверженность нехоженным путям. Я понятия не имею об этой долине. — Он искоса взглянул на Ланту, ожидая ее реакции. Чертыхаясь про себя, Мэтт попытался вспомнить, кто предложил маршрут, по которому они продвигались уже несколько дней. Во всяком случае, о равнине не было сказано ни слова. Или советчик просто намеревался задержать путешественников и подвергнуть их жизни опасности?

Если так, это наверняка результат раскола Церкви.

Сейчас Сайла и Ланта близки, как настоящие сестры, но не заставят ли их религиозные группировки относиться друг к другу, как к врагам? Конвей уже видел, как люди делили себя на истинно верующих и проклятых. Они уничтожали друг друга.

Неужели ему придется увидеть это снова?

Он пристальнее посмотрел на Ланту.

Провидица. Жрица Фиалок. Целительница. Она была миниатюрной, но не чувствовала по этому поводу никаких неудобств. Наоборот, в ней было что-то такое, что заставляло Конвея подумать об упругости закаленной стали.

Глядя на Ланту, Конвей подумал, что ему не нравится смотреть ей в глаза. Притягивающие. Прекрасные — даже это слово не было слишком сильным. Темно-зеленого цвета, они казались еще темнее, чем были на самом деле. Особенно когда она вдруг начинала смотреть таким пустым, отрешенным взглядом. Ему хотелось узнать, о чем же думает Ланта в такие минуты. Было бы чудесно сказать ей что-то такое, чтобы она улыбнулась. Ее улыбка похожа на солнце, бросающее свои лучи на цветы. Он удивился тому, насколько четко его память сохранила этот образ.

Что, если церковная междоусобица сделает ее врагом Сайлы? Его врагом? Если она нападет на Сайлу или Тейт, сможет ли он остановить ее? Убить?

Он невольно вздохнул, в ответ получив от Ланты вопросительный взгляд. Скрывая смущение, Конвей отстегнул фляжку и отпил большой глоток.

Они стояли на вершине гряды, где тропа выходила из леса. Каменная осыпь полого спускалась к зарослям ежевики. Там, где нагромождение камней обрывалось, тропа сужалась до еле заметной дорожки между кустами.

Свистом погнав собак вперед, Конвей медленно последовал за ними. Казалось, что молодая поросль тянется к нему, настолько она была переполнена жизненной энергией. Кончики веток казались прозрачными, а земля почти черной. Толстые одревеневшие стволы, и живые, и уже мертвые, стояли, переплетаясь друг с другом. Выжившие в этой схватке тянули листья к свету. Конвей срубал побеги, мешавшие идти. Когда над ними засияло солнце, узкий туннель между зеленых стен вдруг заиграл переливающимися зелеными и золотыми отблесками. Конвей осторожно вытащил ноги из стремян и встал на седло. Стоя на спине лошади, он едва доставал до верхнего края зарослей.

Некоторое время ничего не происходило. Вскоре оказалось, что тропа, проложенная

человеком, была не единственной в зеленом море. Звери, большие и малые, проложили через заросли свои тропы, пересекавшие их путь, словно ручьи, впадающие в реку. Конвею нравилась новизна этого места. За каждым изгибом и поворотом скрывалось что-то удивительное. Собаки вырвались далеко вперед, и до приближения людей мелкие животные спешили вернуться к своим обычным занятиям. Первый кролик, выскочивший из-под ноги Конвея, вызвал у Ланты удивленное и радостное восклицание. Чуть позже еще один выскочил из зарослей, припустив по тропинке прямо перед ними. Белый хвостик возбужденно дергался из стороны в сторону, пока кролик снова не скрылся в кустах. Некоторые из поперечных троп были намного больше: их явно проложили не кролики. Проезжая около одного из этих проходов, Конвей взглянул на Ланту и увидел, что она озабочена не меньше него. Им не надо было напоминать о тиграх или медведях.

Когда прямо перед ними на тропу выскочил громадный кабан, первой мыслью Конвея было: ну вот, наконец-то. Конечно, его беспокоил вид ревущего зверя — тот был добрых три фута в холке и весил не меньше трехсот фунтов. Впечатляет, ничего не скажешь, но все же это просто свинья.

Кабан помотал головой. Конвей никогда не видел таких блестящих изогнутых клыков. Зверь открывал и закрывал пасть. Раздававшийся при этом звук напоминал щелканье ножниц. Кабан предупреждающе затопал по земле, щетина на его шее поднялась дыбом. Конвей обратил внимание на копыта. Они были карикатурно маленькими. Но чистыми. Даже скорее блестящими. И шерсть животного не была грязной, как у обычной свиньи, она блестела здоровьем и силой.

Конвей повторил себе, что это свинья. Всего лишь свинья.

Кабан снова затопал копытами. Щелкнул зубами. Из пасти потекла слюна. Злобные глазки расширились и выпучились. Где-то далеко-далеко впереди залаяла собака.

Осторожно сжимая бока лошади коленями, Конвей дал знак к отступлению. Одновременно он достал «вайп», пытаясь прицелиться получше. Лошадь начала отступать, ступая с какой-то болезненной медлительностью.

Глава 22

На долю мгновения показалось, что все идет хорошо.

Конвей слышал за собой нервное всхрапывание лошади Ланты, тоже отступавшей назад. Влажный воздух над узкой тропинкой наполнился запахом лошадиного пота.

Кабан продолжал стоять в угрожающей позе.

Один поросенок из выводка, спрятанного в низкорослом кустарнике, не выдержал и пронзительно завизжал от ужаса прямо под носом у лошади Конвея. Та отпрянула от неожиданности.

Кабан же явно готовился к нападению. Свиноматка подстегнула его истеричным визгом, а затем бросилась наутек со всем выводком.

Лошадь Конвея сначала взвилась на дыбы, затем подняла переднюю ногу и начала бить о землю копытом с металлической подковой. Еле сдерживая ярость, кабан пританцовывал на месте. Проклиная все на свете, Конвей безуспешно попробовал прицелиться.

Неподалеку залаяли собаки, спешившие на помощь.

Казалось, кабан понял, что означает этот звук. Отбросив предосторожность, зверь попытался обойти лошадь сзади и ударить в самое уязвимое место — заднюю ногу.

Это ему почти удалось. Лошадь метнулась с тропинки. Пойманная в ловушку зарослями, она как будто попала в путы. Конвей не смог совладать с быстротой и резкостью ее броска. Его выбросило из седла и ударило лицом о спутанный, словно проволока, колючий кустарник. Он в страхе смотрел, как вепрь рыл мордой землю, рвя ее на куски и мешая в кашу. Стараясь не обращать внимание на раздирающие тело колючки, Мэтт вытащил из ножен мурдат.

Кабана больше не интересовал ни Конвей, ни его лошадь. Оставив их позади, он

рванулся вперед, нацеливаясь на испуганную лошадь Ланты, и одним ударом выбил Ланту из седла. В панике лошадь попыталась перепрыгнуть через кабана, угодив прямо в коня Конвея. Сила столкновения отбросила лошадей по разные стороны тропинки.

Они шумно дышали, пытаясь встать на ноги. Конь Конвея получил сильный удар копытом между глаз. Через мгновение нога лошади угодила в голову Конвея.

Мощный удар отшвырнул его еще дальше в заросли; колючки изорвали в клочья одежду и почти до мяса расцарапали кожу. Он очнулся, стоя на коленях лицом к тропе, опираясь о землю левой рукой. Мурдат бессильно свешивался в правой; сейчас он служил скорее опорой, нежели оружием.

Его конь лежал на земле, из раны на его голове лилась кровь.

Ланта пронзительно закричала.

Конвей неуклюже пополз вперед. Его трясло после падения, но рядом с Лантой угрожающе пританцовывал кабан, и это придало Мэтту силы. Кабан уже был готов напасть, но Конвей успел бросить ему хриплый вызов. Угрожающе хрюкая, вепрь развернулся к нему, соглашаясь вступить в схватку с новым противником. Конвей понимал, что не сумеет достать свой револьвер — зверь располосует его прежде, чем он дотянется до кобуры.

И в это мгновение Конвея осенила мысль.

Мурдат! Схватка не на жизнь, а на смерть. Мэтт Конвей. Не машина. Человек. С куском стали в руках.

Идиотизм.

Он опустился на колени, крепко сжимая клинок в вытянутых руках.

Животное тщательно прицелилось, намереваясь ударить на дюйм выше его глаз. Удар отбросил Конвея, как игрушку, но он продолжал сжимать мурдат. Клинок разорвал кабана шкуру и пробил мясо до самой кости. Вепрь остановился, скорее от удивления, чем от боли, и чуть отступил, мотая головой. Затем, разъяренный, он снова бросился в атаку. Раздалось чудовищное клацание челюстей. Кровь и слюна, смешавшись, непрерывным ручьем стекали по морде.

Конвей успел снова выставить клинок так, что тот пришелся зверю прямо под горло. Скользя по кости, меч едва не вылетел из рук. На мгновение все замерло. Это мгновение, казалось, никогда не кончится — два противника друг напротив друга, глаза в глаза, на расстоянии всего лишь вытянутой руки. Конвей был поражен, осознав, что невероятный шум, царивший вокруг, исходил не только от зверя. Во всяком случае, не четвероногого. Он сам выл, орал и визжал, столкнувшись лицом к лицу со смертью. В нем кипела опаляющая бешеная ярость. Вся жизнь сконцентрировалась в одном мгновении, в одном испытании силы и воли.

Израненный, едва живой человек, задыхаясь, хрипел в изуродованную морду разъяренного, с налитыми кровью глазами зверя.

Завизжав, кабан ринулся вперед, выставив клыки, намереваясь разрубить ими все вокруг себя. Чудовищный напор толкал Конвея назад. Клинок проникал все глубже, и это немного придерживало животное.

Конвей почувствовал, что теряет силы. От макушки до кончиков пальцев мышцы одеревенели от усталости.

Кабан все не отступал, не понимая, что сейчас убивает не противника, а самого себя.

Резко рванувшись в сторону, он вырвал клинок из рук Конвея. Вепря занесло, и неожиданно силы оставили животное. Заваливаясь на бок, он неуклюже бил копытом, пытаясь встать.

Собаки уже примчались и набросились на кабана рычащей, рвущей сворой. Конвею показалось, что он услышал лай Микки. Пот и кровь застилали глаза, и он с трудом различал, что происходит вокруг. Мэтт попытался вытереть рукой лицо, чтобы увидеть хоть что-нибудь. Окровавленные Карда и Микка окончательно повалили кабана. Рукоятка клинка все еще торчала из его груди. Лезвие было опасно не только для вепря, но и для собак.

Пытаясь подняться, Конвей упал вперед, но, собрав остаток сил, всем весом навалился

на клинок.

Вепрь взревел, по его туше пробежала судорога. Агония смерти подстегнула Микку. Закрыв глаза, Конвей вцепился в клинок, будто он связывал его с жизнью. Он все еще крепко сжимал его, когда узнал голос Ланты.

— Вставай, пойдем, — говорила она. — Все уже позади. Я вылечу тебя, Мэтт Конвей. Все будет хорошо. Я восхищаюсь тобой.

Чудесные слова. Чудесный голос.

Он почувствовал, как сознание покидает его. Он был слишком измучен, чтобы спросить себя, почему он все-таки противился слабому, угасающему внутреннему голосу, который шептал ему:

— Спи. Верь. Подчинись.

Он был почти уверен, что это внутренний голос.

Глава 23

Открыв глаза, Конвей болезненно вздрогнул.

Слабый, серый свет. Холод.

Что это за тусклое, неприветливое место?

Море.

Он силился понять. Что произошло?

Дождь. Неприятный запах рыбацкой лодки. И движение. Медленное покачивающееся движение. Ему нужна была твердая почва. Мэтт чувствовал себя совершенно разбитым.

Голова раскалывалась.

Конь. Собаки.

Кабан.

Память обрушилась на него. Конвей сел, скрежеща зубами от нахлынувшей боли.

Содранная кожа, глубокие шрамы, как от удара ножом, вздутые бордовые полосы. Голова забинтована большим куском материи, закрепленным двумя кожаными ремешками. Ноги не в лучшем состоянии. Правая — забинтована. Осторожно приподняв ее, Конвей вгляделся в рваную глубокую рану, наверняка след кабаньего клыка. Мэтт понятия не имел, как и когда получил ее.

Полупрозрачная материя, служившая навесом и одной из стен его убежища, пахла рыбой. Похоже, он находился в гроте между тремя массивными валунами. Входом служила большая дыра в тряпичной стене. Выходя, ему пришлось бы буквально проползать сквозь нее.

Пока он размышлял об этом, в отверстии появилась голова Ланты. Конвей невольно улыбнулся, увидев, как она удивилась, обнаружив, что он сидит. По ее болезненной гримасе Мэтт понял, что его лицо так же изранено, как и тело.

Ланта попыталась улыбнуться в ответ и поспешила внутрь. Оказавшись в гроте, она взяла массивную деревянную миску. Капли дождя блестели на вогнутых стенках, аверху поднимался пар. Конвей вдохнул запах, и его желудок заурчал, как разбуженная собака.

Говорить было трудно. Наконец это ему удалось.

— Ты в порядке? Микка! Где Микка? А мой конь?

Ланта ответила ему:

— Не беспокойся. Сайла кормит Микку и твоего коня. Они понемногу поправляются. Но тебе нельзя сидеть. Раны могут открыться. — Тут он вспомнил, что под одеялом совершенно гол, и неловко закутался в него, вздрагивая от прикосновения к израненной коже.

Нахмурившись, Ланта поспешила к нему, поставила миску на пол и отвела его руки в стороны.

— Смотри. Я же тебе говорила, — упрекала она. — Раны опять начали кровоточить. — Она потянулась к одеялу, и Мэтт отпрянул. Испугавшись, Ланта замерла на минуту, потом

громко рассмеялась: — Стесняешься? Сейчас? Кто же, по-твоему, купал тебя и обрабатывал раны? Я — целительница, и посвятила свою жизнь этому делу.

— И тем не менее я очень беспокоюсь за тебя.

Они заметили Сайлу, когда та была уже в гроте и поднималась на ноги, отряхивая свое одеяние. За ней протиснулась Тейт, начавшая говорить еще до того, как очутилась внутри.

— Хотела бы я, чтобы ты увидел себя, когда мы нашли вас с Лантой возле кабана. Ты выглядел так, как будто кто-то пытался выстрогать тебе новое тело. А шишка на голове наливалась, как баклажан. Вдобавок нам пришлось сражаться с твоим конем. Он был слаб, как козел, но все еще пытался защищать тебя. Бедные животные слишком долго наблюдали, как ты лежишь в грязи. — Шутка не могла скрыть ее глубокого облегчения. Она дотронулась до его щеки, затем поцеловала в лоб.

Ланта зачерпнула ложкой немного тушеного мяса с овощами и протянула Конвею, приказав: «Ешь!». Он с удовольствием подчинился.

Между глотками ему удалось спросить.

— Как долго я был без сознания?

Указав вверх, Сайла прочертила в воздухе дугу.

— Довольно долго. Двое суток. После того, как мы тебя нашли. Я беспокоюсь о твоём коне. И Микка будет хромать еще несколько дней; у нее тяжелая травма плеча.

— Мой конь? Что с ним случилось?

— Я думаю, что рана на голове скоро заживет. Но он хромает. Ланта накладывает ему компрессы с целебной мазью.

Конвей посмотрел на маленькую Жрицу, не отводящую глаз от миски, и с огорчением заметил, как ужасно были изранены ее руки. Некоторые порезы были так же глубоки и уродливы, как его собственные. Он сказал:

— Ланта, я еще не спрашивал о тебе. С тобой все в порядке? Ты в силах делать все это?

Залившись краской, Ланта пробормотала, что все в порядке. Но Конвей продолжал:

— Я благодарен тебе. За всех нас. Я должен пойти взглянуть на своих животных. Ты понимаешь.

Ланта открыла рот, чтобы возразить ему, но приход Додоя помешал ей. Не успев оказаться внутри, он скорчил гримасу:

— Фу! Ну и вонь!

— Не говори так. Это специальная одежда, — урезонила его Тейт. Она заставила его рассмотреть материю, похожую на стеганое одеяло. — Никто не знает, как люди с Китового Побережья делают это, но история гласит, что первый кусочек сделал мальчик. Он был маленьким и слабым, и отец не любил его. Но однажды он сделал открытие, как из мидий и других морских обитателей делать этот материал. Никто не может разорвать его. Видишь, он доказал своему отцу, что необязательно быть большим, чтобы стать полезным.

Додой сказал:

— Это не просто одежда с запахом. Все эти вещи, которые на него надели, тоже воняют. Он что, умирает?

— Извини, приятель — Конвей взял у Ланты миску и осушил ее. — Может быть, в следующий раз. А сейчас я пойду проверю, как там Микка и мой конь. Ланта, я займусь их лечением, если ты мне покажешь, что нужно делать.

Женщины пытались спорить, советуя ему остаться в постели, но Мэтт попросил их выйти, чтобы переодеться. Это оказалось труднее, чем он ожидал, но ему все-таки удалось.

Карда ждал его снаружи. Не успел Конвей подняться на ноги, как он радостно облизал лицо хозяина. Мэтт пытался протестовать, но это не помогло. Пес был абсолютно неуправляем и скакал вокруг него, как огромный щенок. Наконец, когда они успокоились, Ланта проводила их к расщелине, где уже заждались раненые животные. По пути она рассказала, как они с Сайлой разбили лагерь.

— В сотне ярдов отсюда есть ручей и небольшой водопад на холме. Мы хорошо укрыты и находимся далеко от дороги. Дождь уже уничтожил наши следы. Сайла считает,

что тебе не следует садиться в седло в ближайшие день-два. Животным тоже нужно отдохнуть.

При появлении Конвея конь тихонько заржал, а Микка, хромая, подбежала к нему и начала вертеться вокруг. Карда наблюдал за ними, помахивая хвостом. Рана на голове коня была самой тяжелой. Не опираясь на распухшую ногу и как-то странно наклонив набок голову, конь очень осторожно пошевелился. Ланта объяснила, что удар задел не только голову, но и мускулы шеи. Она с огорчением заметила:

— У меня почти не осталось целебной мази. Я буду вынуждена тратить меньше на него, чтобы осталось для тебя и Микки.

— Используй все на него. Я в порядке.

— Это невозможно. Это глупо. — Слова были четкими, резкими. — Если ты не думаешь о себе, подумай о нас. Коль для тебя понадобится все оставшееся лекарство, так тому и быть. Здесь не может быть споров.

Отвернувшись от Конвея, все еще возбужденная спором, Ланта занялась Миккой. Раны собаки были ужасными, но, обработав их, целительница произнесла:

— Гноя нет. Не угрожают внутренним органам и не повлияют на подвижность. — Ланта действовала быстро и вскоре уже осматривала переднюю ногу коня. Тот повернул голову, его светящиеся глаза излучали боль.

Говоря мягким, успокаивающим голосом, она тщательно осмотрела кожу над копытом.

— Опухоль немного осталась, но жар спал. Я боялась, что будет жаркий ветер, но, кажется, здесь все нормально.

— Жаркий ветер? Это ты о лодыжке?

Увидев удивление Ланты, Конвей почувствовал себя неловко. Ему захотелось вернуть произнесенные слова обратно, чтобы скрыть свое невежество.

Она сказала:

— Мы называем это жарким ветром. Знаешь, когда у них появляется опухоль или растяжение сухожилия. Как ты это называешь? Ваши люди говорят «лодыжка» вместо «волосы за копытом»?

— М-м-м. Нет. Не все. Мы называем это ветряная опухоль. Да. Чаще всего жарким ветром, но иногда ветряной опухолью. — Он вспотел и почувствовал жгучую боль в ранах.

Ланта повернулась к коню.

— А сейчас давай посмотрим, что с плечом. — Она подошла к животному спереди и схватила двумя руками за ногу возле колена, поднимая ее вверх. Прогнувшись, конь вскинул голову. Она немедленно отпустила ногу, потрепав его по шее. — Плохо дело. Я задела его лопатку. Попытаемся исправить положение. — Глядя коня по шее, она жестами попросила Конвея принести целебную мазь.

Заглянув в банку и увидев, что бальзама осталось совсем немного, он зачерпнул ладонью солидную порцию. Ланта взяла половину, сердито ответив:

— Остальное — для тебя.

Конвей понял, что спорить бесполезно.

— А мы не можем сами сделать целебный бальзам?

Она задумалась.

— Я видела ивы возле ручья. И дикий чеснок. Но у меня нет всего, что нужно для приготовления бальзама.

— У нас есть кабан; ты ведь используешь свиное сало, так?

— От дикого кабана? Его будет немного. К тому же он далеко отсюда.

— Я принесу его. Он еще свежий.

Она исподлобья взглянула на него.

— Свежее мясо. Я так устала от... — Покачав головой, она поставила банку. — Нет. Сейчас это для тебя слишком тяжело. Я возьму Тейт. Мы сделаем это сами.

— Я с этим справлюсь. — Мэтт перестал гладить Микку. Собака подняла лапу, чтобы уйти, но потом улеглась с покорным вздохом. Ланта промолвила:

— Хорошо. Мы с этим справимся. Вместе. — Она повернулась, прекращая спор, и Конвей поспешил за ней.

Разделка туши была непростым занятием. Конвей хотел сначала отделить постное мясо, но Ланта криком остановила его. Ему пришлось следовать ее указаниям. Она приказала ему сделать круговые надрезы возле колен на всех четырех ногах. Затем круг вокруг шеи, чуть ближе к лопаткам. От него надрез шел вдоль всей туши. Небольшие разрезы соединяли круги на ногах и линию на туше. Затем она показала ему, как с помощью небольшого ножа отделить шкуру. Конвей спросил, зачем нужна шкура, если ее нельзя выдубить. Ланта коротко ответила:

— Увидишь.

Она заставила Конвея вскрыть брюхо кабана. Отделив печень, он положил ее на приготовленную тряпку. Своим коротким ножом Ланта отделила сало возле почек. Как она и говорила, его было немного. Ланта тщательно осмотрела его, держа на просвет.

— Выглядит здоровым. Весенний дикий кабан. Постный. — Она положила сало на тряпку, позади печени.

Когда они упаковали и погрузили на коня все мясо, Ланта попросила Конвея собрать требуху и отнести подальше, объяснив:

— Дикie звери быстро подчистят остатки, но у нас нет времени. Любой, кто будет нас искать и найдет остатки разрубленного животного, обязательно приглядится к этому месту. Мы не должны ничего оставлять возле тропы.

Начал капать дождь. Они поднимались на холм, и Конвей отметил про себя, что дождь поможет спрятать следы их деяний. Ланта благосклонно улыбнулась ему той улыбкой, которой одаривают учителя своих учеников-тугодумов, когда те делают успехи. Он не знал, гордиться ли этим или сердиться.

Глава 24

Вернувшись в лагерь, они застали Сайлу и Тейт весьма раздраженными.

— Куда, к чертям, вы запропалились? — спросила Тейт.

Конвей покачнулся в седле.

— Ланте нужен жир для целебного бальзама. Всем нам нужно свежее мясо. Я пошел за ним. Она не позволила мне идти одному.

— Я думаю, что вы оба должны были остаться здесь, — отрезала Сайла.

— И позволить мясу пропасть впустую? — мягко спросил Конвей.

Она одарила его улыбкой поощрения и раздражения одновременно.

— Я не сказала, что не рада тому, что вы ходили туда. Я сказала, что вы не должны были этого делать.

Ланта заметно расслабилась.

— Из мяса я приготовлю бульон. А пока он будет вариться, смогу сделать бальзам.

Сайла согласилась.

— Все мясо, которое останется, я закопчу. — Она помолчала, пристально глядя на Конвея. — Я хочу, чтобы ты отдохнул.

За кажущейся строгостью Тейт заметила в ее голосе заботу, предложив:

— Я подежурю сегодня ночью. Отдохни немного.

Конвей хотел возразить, но тело с ним не согласилось. Едва успев растянуться на кровати, он тут же заснул.

Утром следующего дня, когда Сайла и Тейт сооружали жаровню, Ланта попросила Конвея вырубить четыре кола в три фута длиной и заострить их. Когда он закончил с этим, у нее уже горели два костра. Один был маленький, другой побольше, и расстояние между ними составляло всего несколько футов. Она показала ему, где вбить колья в землю. Они образовали прямоугольник, внутри которого находился большой костер. Затем она вырезала из шкуры длинные полоски, чтобы с их помощью привязать к столбам основную часть

шкуры кабана. Провисая посередине, она походила на кровавый волосатый гамак. Конвей с откровенным ужасом наблюдал за тем, как она льет в него воду и добавляет овощи. Когда же она начала резать кусками мясо и бросать туда же, он не выдержал.

— Ты собираешься готовить таким образом?

Ланта беззаботно продолжала свое занятие.

— Как ты заметил, собственно шкура нам не нужна. Небольшой огонь не дает ей прогореть, мясо медленно томится, и весь подкожный жир идет в рагу. Тебе понравится.

Конвей шумно сглотнул, волосы его встали дыбом. Порыв ветра окутал его дымом, и он отпрянул в сторону так резко, что заныли все раны. В спешке Конвей не обратил на это внимания.

Ланта уже закрепила металлический горшок над маленьким костром, от которого осталась небольшая горка углей.

Она сказала:

— Этот костер должен быть небольшим, иначе он разрушит силу компонентов целебного бальзама. Тепло — враг многих лекарств.

Оставив Конвея присматривать за рагу, Ланта вскоре вернулась с кожаной сумкой, из которой извлекла связку довольно грязных прутьев и низкий керамический кувшин с деревянной пробкой. Конвею было поручено отрезать несколько кусочков от прутьев, которые, как выяснилось, были ивовыми ветками. В какой-то момент он ощутил странную противоречивость своей работы — лезвие, сделанное в эпоху технического прогресса, помогало готовить лекарства в бронзовом веке. Действия Ланты вновь привлекли его внимание. В кувшине был чеснок. Она растерла его в небольшой ступке. После этого обрезки ивовых прутьев и чеснок вместе со свиным салом были положены в горшок.

Конвею почудилось, что, перед тем как Ланта вновь заглянула в сумку, в ее чертах промелькнула неуверенность. В этот раз она вытащила коробку размером с ладонь и высотой в два пальца. В ней был мучнистый порошок. Аккуратно отмерив порошок, она добавляла его в смесь. Заметив любопытство Конвея, она объяснила:

— Валериана. Некоторые называют ее всеисцеляющая. Она расслабит мускулы.

— Разве я выгляжу очень напряженным?

Засмеявшись, она покраснела.

— Не ты. Бедная Микка. И конь.

Теперь была его очередь смеяться.

— Таким образом, я расслаблюсь, потому что мои животные переутомлены, не так ли? Отлично.

Она скорчила гримасу и продолжила помешивать в горшке. Затем принялась, попробовала топленый жир на вкус. Конвей молча наблюдал за ней, по-прежнему не замечая боли и жжения в ранах. Он начал клевать носом; очнувшись, Мэтт почувствовал головокружение. Оно быстро прошло, оставив чувство полубморочной тошноты и горячий румянец на щеках, которые исчезли, как только он встал на ноги.

Ланта поставила растопленный жир в горшке возле углей и встала.

— Ему нужно немного настояться. Пойдем посмотрим, чем заняты Сайла и Тейт.

Конвей взял ее за руки, заставив повернуться лицом к себе. Ланта удивилась, почти испугалась. Чтобы успокоить ее, он быстро заговорил:

— Я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделала. — Она продолжала молча смотреть на него. Ланта казалась встревоженной.

Он заторопился. — Только что ты сказала «конь». Я хочу, чтобы у него было имя.

Жрица покачала головой, но в ее реакции чувствовалось заметное облегчение.

— Люди Собаки считают, что это плохая примета.

— Знаю. Но сейчас он со мной, а не с ними. Я хочу, чтобы ты дала ему имя.

— Я?

— Ты вылечила ему плечо и эти новые раны. Я хочу, чтобы у него было имя, и ты заслужила право дать его. Пожалуйста.

Протестуя, Ланта спешно направилась через холм к Сайле и Тейт. Конвей последовал за ней, не сдаваясь. Наконец она остановилась возле огромного валуна. Щеки ее зарделись.

— Я уже давно дала ему имя. Ты не будешь сердиться?

— Я очень рад. Скажи мне.

— Вихрь.

Конвей повторял, вслушиваясь в звучание. Ланта с беспокойством смотрела на него.

— Тебе не нравится?

— Хорошее имя. Почему? Что заставило тебя подумать об этом?

Румянец стал ярче.

— Я не знаю. Но оно подходит ему. Он такой черный и сильный. Когда он скачет, стук его копыт звучит, как раскаты грома. Иногда кажется, что он может обогнать ветер.

Он долго и пристально смотрел на нее, то ли с улыбкой, то ли серьезно.

— Это более поэтично, чем я бы мог себе представить. Может быть, потому, что он мне очень нравится. Спасибо, Ланта. Он будет Вихрем.

Ланта пробормотала слова благодарности, а затем Мэтту опять пришлось догонять ее.

Некоторое время спустя они уже разглядывали результаты труда Сайлы и Тейт. Двухслойная кладка камней, нижний отсек — для костра, верхний — коптильня. Тейт сказала:

— Мы можем готовить здесь до тех пор, пока ветер не подует с запада. Запах пищи распространится в долину и привлечет внимание всадников, которые могут прочесывать тропу.

Сайла добавила:

— Куски, которые будут коптиться, пока вымачиваются. У меня мало соли для рассола, так что придется сделать его острым.

Конвей взглянул на Тейт, она ответила ему понимающей усмешкой. Он повернулся к Сайле.

— Ты добавила туда перец, да?

— И очень много. — Она рассмеялась. — Это сохранит мясо.

— Где эта отравка?

Она указала на водонепроницаемую корзину. Конвей осторожно поднял крышку и понюхал содержимое. Задыхнувшись, он отступил назад и опустил крышку на место.

— Убийца, — выдохнул он.

Сайла игриво опустила палец в жидкость и попробовала. Часто поморгав, она вздохнула.

— О-о-о, хорошо. Просто отлично. — Ее глаза сверкали. Конвей знал, что не столько от слез, сколько от резкого запаха.

— Это слишком остро даже для тебя. А остальных этот перец просто изжарит.

— Может быть, — согласилась Тейт. — Но уже поздно.

Сайла продолжила объяснения.

— На берегах реки растет мята. Я нашла немного чабреца. Здесь не только перец. Тебе понравится это блюдо.

— Не сомневаюсь, — сарказм Конвея вызвал приступ всеобщего смеха.

Ланта заторопилась.

— Мы должны вернуться к моим кострам. Я не хочу, чтобы бальзам испортился.

Когда они подошли, Додой мешал угли в костре. Ланта объяснила, что она готовит. Мальчик отошел, даже не оглядываясь.

— Я вообще не понимаю его, — сказала Ланта. — Он избегает нас.

— Не трать время попусту. — Конвей почувствовал навалившуюся усталость. Он проводил мальчика безразличным взглядом.

Ланта еще раз попробовала бальзам. Довольная результатом, она процедила смесь через чистую марлю в керамический горшок. Выпрямившись, она посмотрела на Конвея. На ее лице промелькнула обеспокоенность. Подняв его голову, она вгляделась в глазное яблоко.

Вторая рука потянулась к его запястью.

— Лихорадка, — заключила она и после небольшой паузы добавила: — Частый пульс. Слишком частый. Ты должен лечь в постель.

— Я просто устал. — Она потянула его за руку, и Конвей споткнулся. — Может быть, небольшое головокружение.

Разрешив ему подойти к костру и взять горшок с бальзамом, Ланта подтолкнула Мэтта в сторону грота. Тот почти не сопротивлялся.

Зайдя внутрь, Конвей без колебания подошел к кровати и упал на одеяло. Ланта развела небольшой костер в очаге неподалеку. Раздвинув тряпичную крышу, она соорудила выходное отверстие для струящегося дыма. Водя горшок взад и вперед над огнем, она одновременно помешивала смесь пальцем, проверяя температуру. Внезапно каменная комната наполнилась резким запахом чеснока.

— Раздевайся, — приказала Ланта. Вопросительно взглянув ей в лицо, Конвей понял, что дальнейшие споры бесполезны. Она не поворачивалась, пока он не произнес:

— Я готов. — Ланта улыбнулась, увидев, что одеяло натянуто до самых плеч, и хладнокровно сдвинула его до талии.

Ее руки, увлажненные теплым бальзамом, двигались с такой мягкостью, что навели Конвею мысли о крыльях птиц или скользящем касании бриза. Раздражающий зуд рваных ран перестал его беспокоить. Она попросила его повернуться, но Конвей уже почти заснул, и всякое движение было ему ненавистно.

Ти точно так же умела разогреть его тело, снимая напряжение уверенными руками. Конвей подумал, знала ли Ланта хоть одного мужчину. Вероятно, нет. Она была слишком поглощена работой. Во всяком случае, кто бы захотел иметь дело с провидицей, которая точно знает, о чем ты думаешь и что намереваешься делать еще до того, как ты это сделаешь?

Эта мысль заставила его улыбнуться.

Ее руки медленно, размеренно массировали мышцы от основания шеи по обеим сторонам позвоночника. Ее вес давил на него, на его ребра. И ритм его дыхания подчинился ритму ее движений.

Сквозь аромат бальзама пробивался слабый, неуловимый цветочный запах, который дразнил его. Конвей не мог точно определить его происхождение. Что-то, что она носила на себе; он был уверен в этом. Аромат бальзама, должно быть, перебил более слабый запах, но все равно он ощущал его. У Конвея было странное чувство, будто бы этот тонкий аромат проник в его мозг, рождая видения.

Все его тело было послушно движениям Ланты.

Она что-то напевает? Он попытался вслушаться. Его мозг не мог сконцентрироваться.

Это не просто пение. Не песня. Повторение мелодии. Снова и снова.

* * *

Открыв глаза, Конвей почувствовал себя виноватым, что проспал так долго. Пробивающиеся сквозь матерчатую крышу солнечные лучи нагревали жилище. Он лежал на боку лицом к стенке грота. В ней пролежала глубокая трещина, внутри которой виднелась черная базальтовая порода. Осторожно перевернувшись на спину, Конвей удивился, что ему стало намного легче. Возле него лежал Карда. Выразительные темные глаза собаки светились, а массивный хвост бил по земле. Конвей потянулся, чтобы почесать его за ухом, и пес счастливо засуетился, высунув язык.

Заметив движение угловым зрением, Конвей повернулся. Карда залаял. Вместе посмотрев на вход, они увидели Додоя. Они не двигались и молчали, пока Додой не сел на землю. Подтянув колени к лицу, он обхватил их руками, производя впечатление человека, которого засунули в мешок, оставив снаружи только голову.

Конвей провел рукой по лицу. Начинала пробиваться борода.

Когда стало очевидно, что Конвей чего-то ждет от него, Додой заговорил:

— После того как Ланта рассказала о твоей болезни, Сайла никогда сюда не зайдет. Тейт тоже. Она сказала Сайле, что нужно оставить Ланту выхаживать тебя. Сайла ответила, что им нужен ты и твое стреляющее молниями оружие. — Мальчик замолчал, часто моргая. И, увидев, что Конвей не собирается отвечать, продолжил: — Они испугались. Иногда я тоже тебя боюсь. Ты большой, а я очень маленький. Люди не всегда знают, кто друг, а кто враг. Если я узнаю что-нибудь еще, что тебе нужно знать, и скажу тебе, ты будешь моим другом?

— Додой, я не собираю сплетни о своих друзьях, — ответил Конвей. — Если бы ты это знал, то, может быть, и у тебя бы были друзья. Тебе лучше уйти.

Спрятавшись за колени, Додой произнес:

— Видишь, как легко ты простил Сайлу и Тейт. Но до сих пор зол на меня. Я знаю, что понимаю не все, потому что я ребенок, но мне все равно, им нужен ты. Я боюсь, потому что если я не скажу тебе, что знаю, ты не сможешь спасти их.

— Спасти их?

— Есть опасность, о которой они не подозревают. Ты тоже об этом не догадываешься. А я слишком слаб, чтобы что-нибудь предпринять.

Конвей повернулся к мальчику спиной. К горлу подступала тошнота. Мысли расплылись, он был не в состоянии их контролировать.

Взгляд остановился на расщелине в каменной стене. Незначительный изъём в чем-то основательном. Тем не менее внешние воды будут спускаться вниз и заполнять его. Затем ветер переменится. Вода замедлит свой бег и замерзнет. Лед начнет расширяться в трещине. Гора разрушится. Не сразу. Не из-за кабана. Беззвучно. Медленно. Мучительно. Понемногу.

Ненавидя себя, Конвей потянулся за одеждой в ногах и сказал:

— Если ты хочешь мне что-то сказать, Додой, то говори и уходи. Я хочу одеться.

Додой несколько раз глубоко вздохнул и промолвил:

— Я слышал чьи-то песнопения два дня назад, когда ты заболел и попал сюда. Я слышал.

Два дня назад. Так вот сколько времени он спал.

— Песнопения? Они обычны для всех служительниц Церкви. Это помогает им расслабиться и думать более ясно. Это все, что ты хотел мне сказать? — Конвей помнил колыбельные напевы Ланты во время лечения. Он сказал: — Я думаю, ты слышал Ланту. Она напевала, когда была здесь внутри.

Додой опустил руки.

— Сайла тоже была здесь? А Тейт?

— Нет. Одна Ланта. Она лечила меня.

Медленно, почти незаметно на худом заостренном лице Додоя появилась многозначительная усмешка.

— Лечила, — с обвинительной интонацией повторил он, делая ударение на каждом слоге. — Она не напевала. Я же слышал. Это было песнопение.

— Даже если так, то что? Если она думает, что ей это поможет...

Продвигаясь к выходу, Додой сказал:

— Я буду твоим другом, даже если ты не хочешь быть моим. Я помогу тебе. Предупрежу. — Он вышел, оставив вход незапертым. — Есть особое песнопение. Для провидиц, чтобы вызвать Видение. Она ничего не говорит другим, даже тебе. Когда она лечила тебя, Мэтт Конвей, ты ведь очень устал? Спал? Почему твой друг хочет видеть тебя? Или, может быть, ты должен подумать, чей друг хочет это сделать?

Додой исчез во входном отверстии. Конвей успел заметить сияющую, торжествующую усмешку на лице мальчика, похожую на блеск кинжала в ножнах.

Конвей и Карда лежали без движений до тех пор, пока Мэтт не попытался сменить положение. Когда ему это удалось, пес чуть отодвинулся, оставаясь лежать мордой к двери, но опершись массивным телом на хозяина. Уверенный, что без его ведома хозяин не

пошевелится, Карда улегся, положив морду на лапы. Он смотрел в том направлении, куда ушел Додой.

Глава 25

Сайла натянула через голову платье. Ткань с шелестом скользнула вдоль тела, и она вздрогнула от первого холодного прикосновения шерсти. Но сбереженное тепло, окружавшее ее в уютной постели, вскоре вновь вступило в свои права. В темноте Сайла наклонилась и провела кончиками пальцев по плотным переплетениям одеяла, вытканного женщинами племени Собаки, пытаясь представить осязаемые образы. Одеяла людей Класа. Станут ли они ее людьми?

Сайла с удивлением отметила, что никогда не думала о том, где они будут жить, когда она вернется после завершения своих поисков.

Не было смысла даже думать об этом. Ее ждет могущество, власть, а вместе с ними и ответственность. Никто не способен представить будущее, уготовленное властью. У власти своя судьба, а люди — всего лишь гонимые случайным ветром песчинки. Она не в силах ничего изменить, и Клас все поймет.

Сайла нахмурилась, выпрямившись. Ее воображение рисовало разноцветные шатры из одеял в лагере Людей Собаки, которые складывались в яркие, пестрые круги, оживлявшие степи. Как будто она снова вдыхала терпкий животный запах разгоряченных лошадей, аромат трав, дым костров. В глубине души звучал бой барабанов возума и пала. Но прежде всего ей вспоминались дети, свободные и счастливые, их веселая возня и пронзительный смех. Они играли, как и положено детям.

Как играла она до набега разбойников, похитивших ее и ее детство.

Как никогда не сможет играть ее первый ребенок. Ребенок, который умер у нее в чреве, погиб в темницах Алтанара.

Почему? Почему?

Потому что она была предметом торга, ее использовали, продавали, выменивали.

Вещью, которую Жнея готова была безжалостно растоптать.

На западе звезды ярко сияли на ночном небе. На востоке они мерцали перед тем, как погаснуть. Опустившись у ручья на колени, прежде чем начать ритуальное омовение, Сайла на мгновение замерла, смакуя острый привкус влажного воздуха. Перекатываясь по камням в своем тесном русле, поток приветствовал ее веселым журчанием.

Достав мыльницу и полотенце из глубокого кармана платья, Сайла разложила их на земле — полотенце слева, мыльницу справа. Склонив голову, она осенила себя Тройным Знаком аббатства Ирисов. Пальцы сложились, изображая листья и стебель ириса; указательный палец согнут, его накрывает большой палец, а остальные три пальца расходятся в стороны. Костяшкой большого пальца Сайла коснулась лба, затем середины груди. Потом она коснулась глаз, сначала правого, затем левого. Перед молитвой Сайла сложила руки так, что указательные пальцы почти что касались кончика носа.

— Дай мне силу увидеть истину и следовать ей с открытым сердцем и чистым разумом. Дай мне силу увидеть зло и избежать его. Дай мне силу увидеть во всем чудо и славу Вездесущего и всегда быть благодарной за то, что Он посылает нам солнце, напоминая нам о Едином в Двух Лицах.

Сайла подняла с земли мыльницу. Это была украшенная резьбой шкатулка из красного кедра, которая принадлежала настоятельнице Ирисов, когда она была девочкой. Шкатулка разнималась на две половинки; в нижнюю укладывали мыло и накрывали верхней. Закрывалась шкатулка с помощью кожаного ремешка с серебряной пряжкой, искусно отлитой в виде маленькой головки жабы. Язык жабы служил язычком застежки, и, открывая ее, Сайла всегда вспоминала давние поучения настоятельницы о том, что жаба — умнейшая из тварей: имея самый быстрый в мире язык, она использует его лишь для добывания пищи.

Сайла энергично вымыла лицо, наслаждаясь покалыванием ледяной воды. Закончив,

она так же энергично растерла его полотенцем, положила мыльницу в карман и выбрала место, чтобы поприветствовать наступающий день.

Как и в предыдущие утренние ритуалы в этом лагере, Сайла взошла на плоскую скалу на самом краю крутого спуска в ежевичную долину. Не успела она подумать о том, где может быть Ланта, как среди черных вершин Гор Дьявола показался край солнца. Сайла развела руки в стороны, удерживая их параллельно земле.

Мужчины считали эту позу непристойной, полагая, что женщина слишком уж выставляет напоказ свое тело. Сами женщины называли ее приветствием солнца.

Но в глубине души они посмеивались, так как всем известно, что это — запрещенный мужчинами крест.

Сегодня восход был прекрасен. Закрыв глаза, Сайла ощущала свет и первое, еще робкое тепло на прохладном лице.

— Темнота уходит, — нараспев произнесла она, — приходит свет, приходит жизнь.

Повернувшись, чтобы идти в лагерь, Сайла заметила поднимавшуюся к ней по склону горы Ланту. Когда миниатюрная женщина поравнялась с ней, Сайла сказала:

— Я и не слышала, когда ты сегодня встала.

— Мне хотелось выйти пораньше, — ответила Ланта. — Вчера я присмотрела чуть выше одно место. Подъем туда не очень тяжелый, а вид просто грандиозный. Мне бы хотелось взять тебя с собой.

— Понимаю. Нам редко удастся побыть одним. Особенно тебе. Почти все время рядом с тобой Конвей.

Ланта нарочито небрежно махнула рукой:

— Да и тебе без конца приходится быть с ним. Кроме того, ты гораздо больше занимаешься с Вихрем и Миккой.

Сайла уже собиралась напомнить ей о разделении обязанностей, как услышала какие-то звуки. Она резко остановилась и откинула капюшон, вслушиваясь. Ланта попыталась выяснить у нее, в чем дело, но Сайла решительным жестом призвала ее к молчанию. Женщины замерли, напоминая тревожно принимающих оленей.

— Вот опять, — наконец сказала Сайла. — Слышала?

— Очень слабо. Это лось ревет?

Ответив неопределенной гримасой, Сайла вновь направилась к лагерю.

— Скорее горный лев. Стой: сейчас слышишь? — Они снова замерли. Словно издеваясь, ветер шелестел ветвями и иглами пихт, лес как будто посмеивался над ними. Листья ежевики терлись друг о друга зубчатыми краями с шумом стремительного ручья.

Ланта прервала молчание:

— Такой ветер, что ничего...

— Наверное, мне показалось, — солгала Сайла. — У нас всех нервы на пределе. А все потому, что сидим и ничего не делаем. Хорошо, что сегодня мы выступаем. — Но ведь были какие-то звуки. Она тщетно осматривалась по сторонам, пытаясь что-нибудь заметить.

— Не скажу, что я с легким сердцем снимаюсь с лагеря. Конвею придется очень не просто.

Сайла постаралась отоптать одолевавшие ее мысли о странных звуках. Она похлопала Ланту по плечу.

— Он должен научиться терпеть. Я наблюдала за ним. Он боец, но что-то в нем меня тревожит. Не знаю, что ему пришлось испытать на пути к Оле, но до конца положиться на него нельзя. Взять хотя бы его лихорадку. Не так уж страшно он был ранен в той схватке с кабаном; и поправлялся точно так, как мы предполагали. А потом, безо всяких причин, снова заболел. Заболел страшно, опасно. Ты когда-нибудь видела, чтобы болезнь свалила человека так быстро и так серьезно?

Похоже, Ланте ее слова не понравились.

— Видела и не раз. Хотя бы во время чумы. Он очень сильный и уже почти поправился. И пациент он очень терпеливый.

Сайла ответила с озабоченной серьезностью, кивая в сторону лагеря.

— Сейчас, кажется, его беспокоит желудок.

Конвей вышел из-под своего навеса и, осторожно переставляя ноги, направлялся к костру, где Тейт варила овсянку. Женщин встретил взгляд Додоя, который перемешивал палочкой угли. Не проронив ни слова, он вернулся к своему занятию.

Завтрак прошел спокойно, и все приступили к своим обязанностям, сворачивая лагерь и навьючивая лошадей.

Тейт была рада предстоящему походу. Тем более что из-за болезни Конвея только она могла идти во главе группы. Свистом подозвав собак, она велела Додоя оставаться с Конвеем и поскакала вперед.

Даже когда ей приходилось пробираться вслед за Танно и Ошу по узкой тропе в ежевике, Тейт не покидало чувство уверенности. Она не сомневалась, что со зверем вроде кабана у нее будет гораздо меньше проблем, чем у Конвея. Того спасла просто сила, на ее стороне боевые навыки и ловкость.

Доннаси вспомнила свою схватку с капитаном Скэнов. Она едва не погибла, но и убедилась, что в бою может противостоять лучшим из лучших. Ее главное оружие — не сила. У большинства мужчин мускулы крепче. Но до сих пор не было случая или особой необходимости обучить известным ей приемам ближнего боя Конвея или еще кого-нибудь.

Тейт не знала, почему так произошло. Она вовсе не держала свои навыки в секрете. Но мысль о том, что она так ни с кем ими не поделилась, оставляла какое-то чувство вины.

Тейт встряхнула головой, прогоняя прочь глупые сомнения.

Умение мыслить — вот ее главное оружие. Постоянно думать и на шаг опережать противника — в этом главный принцип выживания. И, конечно, лучший способ помочь Сайле. Вслух же она сказала:

— Пошел на службу королю — изволь ему служить. — Это была фраза, которая умерла вместе с ее миром, веков пять назад, не меньше, но заключенная в ней философия работала и в этом мире. И неважно, согласны с ней остальные или нет. Важно, что она, Тейт, сама так считала. Она была профессионалом — раз подрядилась помогать Сайле, то пойдет с ней до конца.

Хотя были вещи, которые она не могла заставить себя сделать.

Отвлечшись от мыслей, Тейт увидела, что они подъехали к месту, где была битва. Поле боя можно было узнать по искромсанному и растоптанному тростнику, хотя дожди уже залечивали нанесенные природе раны. Новые побеги и листья тянулись к свету, заполняя образовавшиеся прорехи. Там, где тростник был уничтожен или поврежден, лишённые опоры верхние ярусы зарослей провисали вниз. Агрессивные побеги виноградной лозы, обвиваясь друг вокруг друга, карабкались вверх к солнцу. Они цеплялись за одежду Тейт, хватая ее за рукава, как назойливые нищие. Выхватив меч, Тейт расправилась с самыми нахальными из них.

Далеко впереди на изгибе тропы показался Танно, проверявший, на месте ли хозяйка, Тейт так обрадовалась, что улыбнулась во весь рот. Собака завиляла хвостом и вернулась к своим обязанностям.

Тропа вела в основном на юг и запад. К тому моменту, когда на краю заросшей виноградной лозой долины перед Тейт показались первые деревья, было уже позднее утро. Солнце на короткое время вышло из-за облаков, а затем вновь скрылось за тяжелыми тучами, заполонившими все небо. Пошел моросящий дождь, и на мгновение Тейт заколебалась, надеть ли ей вытканное женщинами Собак пончо или обернуться в стеганую накидку жителей Китового Побережья. Накидка была легче и не пропускала воду, но от нее шел такой запах, что Доннаси предпочла пончо. Шерсть впитывала воду и тяжелела, но все-таки пончо было красивее. К тому же вытканное на зеленом фоне черные и коричневые змеи улучшали маскировку.

Тейт показалось странным, что ей в голову пришла мысль о маскировке: ничто вокруг не предвещало опасности.

Доннаси свистнула собакам и, когда они появились в поле зрения, внимательно осмотрела их. Кроме явного удовольствия от долгих пробежек, в поведении животных не было ничего примечательного. Только когда из зарослей ежевичника показались остальные члены группы, собаки затеяли веселую возню, приветствуя друг друга.

Сайла предложила перекусить, прежде чем продолжать путь. Они никогда не готовили днем горячую пищу, не желая тратить время и рисковать, что их обнаружат по дыму костра. Каждый доставал себе что-нибудь из мешков на вьючных лошадях. Сайла выбрала сушеное мясо, обильно полив его острым уксусом. Тейт и Конвей отобрали себе разных сушеных фруктов. Ланта насыпала большую чашку пакки — смеси орехов, поджаренного зерна и кусочков нарезанных сушеных фруктов.

Быстро покончив с едой, они тронулись в путь, держась рядом и разговаривая. Сайла предложила переложить разведку маршрута целиком на собак с тем, чтобы Тейт оставалась в основной группе. Доннаси согласилась. Однако, несмотря на царившее вокруг видимое спокойствие, каждый из них непроизвольно оглянулся и посмотрел на исчезающие за высокими пихтами заросли ежевичника.

Тропа понемногу спускалась вниз, по-прежнему на юго-запад. Однако вскоре впереди между деревьями показался отвесный каменный склон горы. Тропа свернула влево, направляясь между возникшим препятствием и еще более высокими горами на востоке.

Конвей начал было извиняться за то, что они так и не вышли на деревню, которую рассчитывали найти, но Сайла прервала его:

— Мы ведь понимали, что можем сбиться с пути, стараясь идти по самым безлюдным местам. Хотя вряд ли мы перепутали тропу или выбрали не то направление. Скорее всего нам неверно описали маршрут. Но, думаю, все будет в порядке.

Тейт и Ланта хором поддержали Сайлу, и почти сразу они выехали из леса на покрытый галькой берег необыкновенно красивого треугольного озера. Один из его углов упирался в каменистый утес, который угрожающе вырисовывался на фоне неба. До него было не менее четверти мили.

Высоко в небе, покачиваясь из стороны в сторону, парил орел. До путников донесся его пронзительный крик. Не останавливаясь, Сайла приподнялась на стременах и, запрокинув голову, рассматривала прекрасную птицу.

Развернувшись, орел закричал вновь и полетел параллельно утесу. Он настолько приблизился к скале, что казалось, вот-вот коснется ее кончиком крыла. Сайла подумала, что, когда они с Лантой приветствовали утро, она скорее всего слышала крики птицы.

Вскоре они добрались до южного края озера. Зеленая буйная поросль понемногу затягивала обезображенную огнем землю. Сайла прикинула, что после пожара прошло года четыре. Выжженные места казались открытыми растревоженными ранами. Вид их был настолько страшен, что Сайле почудилось, что она ощущает запах горящего дерева, а рядом все еще бушует пожар.

Стремительно бросившись вперед, Карда и Микка прервали ее мысли. Карда занял позицию в нескольких ярдах перед лошадью Конвея. Увидев мчавшуюся к Тейт Ошу, все осадил своих лошадей. Остановившись перед хозяйкой, собака оглянулась и зарычала. Затем она снова посмотрела на Тейт, ожидая указаний.

Танно остался где-то впереди, не показываясь им на глаза и не подавая голос.

— Веди нас, Тейт, — сказала Сайла. — Пусть твоя собака покажет нам, что ее так встревожило.

Тейт кивнула и что-то сказала собаке. Та мгновенно пустилась назад по своим следам длинными упругими прыжками, и лошадям, чтобы не отставать, пришлось перейти на рысь. Обращаясь к Сайле, Тейт сказала:

— Танно, наверное, завалил еще одного кабана или другого зверя, оказавшегося на тропе. Если бы там были люди, думаю, Ошу была бы возбуждена сильнее.

— Будем надеяться, — ответила Сайла.

Неуверенность спутницы обеспокоила Тейт. Обернувшись, она жестом велела Додою

держаться подальше сзади.

Они проскакали совсем немного, когда Ошу свернула с тропы вправо. Обернувшись, собака убедилась, что ее не выпускают из виду, и помчалась дальше.

— Что все это значит? — недоумевала Тейт. — Они что, решили загнать оленя? На них это не похоже.

— Карда и Микка выглядят какими-то неуверенными, — вмешался Конвей. — Если бы это была погоня, их нельзя было бы остановить.

Ошу вела их вверх по холму к каменной стене утеса. Они были еще далеко от его основания, но земля вокруг уже была усеяна огромными глыбами, веками падавшими с утеса. Миновав пожарище, всадники вновь скакали по лесу. Деревья стояли редко, но их тень, казалось, смягчала гнетущее молчаливое напряжение. Объехав огромный валун величиной с дом, они увидели впереди Тайно. Собака лежала, терпеливо поджидая группу и поочередно поворачивая голову то в направлении скалы, то к приближавшимся всадникам. Увидев Тейт, пес вильнул хвостом и снова перевел взгляд на что-то, еще не видимое всадникам, закрытое от них очередным огромным валуном.

Группа миновала препятствие, и все остановились, пораженные открывшимся зрелищем. Первое, о чем подумала Сайла, — звуки, которые услышала рано утром. Прежде она пыталась убедить себя, что это были звуки дикой природы, хотя в глубине души и не принимала это объяснение. А теперь у нее не оставалось никаких сомнений.

Под легкими дуновениями ветра, как в каком-то непристойном танце, медленно кружилась облаченная в черный плащ служительница Церкви, повешенная на веревке, свисавшей с ветки дерева.

Глава 26

Дым тлеющего костра мягким саваном окутывал тело. Оно поворачивалось, открывая в глубине капюшона искаженное удушьем лицо. Порыв ветра накрыл тело облаком дыма. В ужасе Сайла подумала, что сама природа пытается скрыть это страшное и дикое преступление. Она услышала, как за ее спиной Ланту начало тошнить.

Тейт оцепенела, Конвей побелел от ужаса.

Сайла заставила себя подъехать ближе.

Справа на груди плаща женщины были вышиты три фиалки — знак хранительницы Ордена Фиалок. Медленно, как в кошмарном сне, Сайла протянула руку к веревке. Намертво затянутый узел впивался в шею. Тот, кто сделал это, умел завязывать узлы, выдавливавшие из человека дыхание, кровь, а напоследок, и страдания. И делалось все это не из милосердия. Нет.

Так вешали людей блюстители истины Алтанара. Это они вязали такие узлы. Они не убивали, срубая головы. У Алтанара и его слуг за прекращение страданий люди должны были расплатиться жизнью. И приходило это облегчение очень, очень не скоро.

Пальцы Сайлы легли на узел, но Конвей резко оттолкнул ее в сторону. Сверкнул меч. Вместо резкого удара раздался тяжелый, хлюпающий звук, и веревка оборвалась. Сайла не успела спешиться, как Конвей перерезал узел. Какая-то часть ее сознания отметила, как умело он нащупывал пульс. Это было бесполезно, Конвей знал, но таков был порядок. По той же причине Сайла должна была посмотреть, как он отрицательно покачал головой.

Заметив, что Ланта подошла ближе, Конвей поспешно надвинул на лицо капюшон.

Увидев вышитую эмблему, Ланта вздрогнула.

— Одна из нас, — хрипло прошептала она.

Сначала Сайла подумала, что Ланте снова стало плохо. Она судорожно сглотнула и пристально вгляделась в лицо мертвой. Потом опять опустила капюшон.

— Трудно сказать, — сказала она Сайле, — лицо так обезображено. Кажется, раньше я ее не встречала.

— Что же она делала здесь одна? — спросила Тейт. — Хранительница — это ведь

высокий сан, да? Почему же она путешествовала без сопровождающих? И даже без проводника? И что делала в этой глуши?

— Трудно объяснить, — согласилась Сайла. — Разве что у нее были разногласия с Орденом, или ей надо было держать свое путешествие в тайне.

Конвей указал на запястье монахини.

— Разбойники, — сказал он. — Запястье расцарапали, когда с него сдирали браслет. Посмотрите, как разодраны пальцы на ее правой руке. Готов поспорить, там были кольца. — Непослушными пальцами он вывернул глубокие карманы плаща. — Ничего, — сказал он. — Все забрали. Я осмотрю лагерь, может, удастся найти ее лошадь.

— Я помогу тебе, — сказала Ланта, потом повернулась к Сайле. — Мы должны сложить погребальный костер. Если ты не хочешь задерживаться, я останусь здесь и сделаю все сама. Она из моего Ордена.

— Мы сожжем ее как полагается, — ответила Сайла. — Огонь очищает.

— Огонь очистит всех нас, — сказала Ланта. Все осенили себя Тройным Знаком. Ланта поспешила вслед за Конвеем.

Помогая Тейт нести тело, Сайла почувствовала, что у нее, как всегда в подобных ситуациях, начала кружиться голова. Она часто размышляла об окончательном освобождении. Рука хранительницы волочилась по земле, оставляя на мягкой лесной земле неглубокую борозду. Сайле показалась, что мертвая насмехается над ними, будто говоря: они могут поднять ее и нести, куда угодно, но по-настоящему она подвластна теперь лишь одной силе — притяжению земли. Она познала вечность, и все преходящее, земное, не имело для нее значения.

Разыскивая место для костра, Сайла обнаружила подходящую нишу в скалах. Вместе с Тейт они нарубили веток с поваленного дерева, настелили их крест-накрест в несколько слоев, положили на них хранительницу и накрыли еще полудюжиной слоев. Когда все было готово, обе женщины взмокли от пота, а тело сестры казалось темным пятном среди веток.

Тут Тейт заметила, что с ними не было Додоя. Она бросила на землю топор и побежала за карабином, который прислонила к дереву.

— Мэтт! Ты где? Додой с вами? — прокричала она дважды, беспокоясь все сильнее и сильнее. Вдали показались Конвей, Ланта и две собаки.

— С нами его нет, — крикнул ей в ответ Конвей.

Тейт подбежала к лошади, вскочила в седло и свистнула Танно и Ошу. Собаки уже бежали к ней. Несмотря на уговоры остальных подождать, она поскакала назад через лес, громко окликая Додоя.

* * *

Додой с интересом наблюдал за происходящим со своей площадки в скалах над озером. Слева от него вставала отвесная скала, а сзади подымался вполне проходимый, хотя и довольно крутой склон, который вел на запад, на вершину небольшой горы. Ниже рос редкий лес, нашедший себе приют на скалах. Справа от него склон горы сначала плавно спускался вниз, а затем резко обрывался. Там была тропа, по которой им предстояло идти. Прорывавшийся на тропу ветер теребил деревья, заставляя плясать ветви.

И люди внизу тоже плясали, подумал Додой, улыбаясь. Ему было хорошо видно. Достаточно хорошо, чтобы увидеть, как вскочившая в седло Тейт едва не переехала Ланту. Маленькая целительница споткнулась, упала и покатила по земле. Додой зажал рот руками. Внизу вряд ли могли услышать его смех, но рисковать не хотелось.

Однажды он нашел на корабле у Скэнов деревянную коробку без дна и крышки. Он вынес ее на палубу и напустил в нее тараканов. А потом совал туда горящую палочку, и они начинали потешно разбегаться во все стороны. Люди внизу были на них страшно похожи. Особенно Ланта. Черная. Ноги и руки дергаются. Вылитый жук.

Здесь было даже интереснее. Тараканы могли лишь удирать и тихо шелестели на бегу.

А люди орали. Но доносившиеся до него голоса были тихи и неразборчивы. Ему захотелось узнать, о чем они там говорят.

Так им и надо. Особенно Тейт. Слишком она много командует. Кричит, чтобы он ехал позади всех. А что там можно увидеть? Машет на него рукой, как на глупую собаку. А увидела эту висящую на дереве дуру — вообще про него забыла.

Ну зачем так беспокоиться о мертвеце? Если бы она действительно его любила, то подошла бы, сказала, чтобы он не боялся этого уродливого багрового лица, которое смотрело на него гадкими, выпученными глазами.

Он вздрогнул, сел и уперся руками в бока.

Вместо того чтобы подойти к нему, когда он действительно зажался в ее поддержке, что она сделала? Побежала к мертвой! Дура! Чем она могла ей помочь?

Он снова подумал о тараканах. Когда какой-нибудь из них выбирался на край и хотел вылезти из коробки, он сталкивал его вниз горящим прутиком.

Вот бы было интересно пострелять по Сайле и остальным из лука! Только мимо, а то они начнут отстреливаться. И, конечно, убивать тоже никого нельзя. Тогда остальные оставят его. Одного. Может быть, даже без лошади, и ему придется идти пешком.

Никто его не любит. Даже Тейт, что бы она ни говорила. Ее интересует только, откуда он взялся. Думает о выкупе или о чем-то вроде этого. Говорит, он похож на кого-то из ее семьи. Наверное, за дурака его принимает. Она же черная. Ни у кого больше нет такой кожи.

Но он знал, что был откуда-то с юга Олы. Даже с юга Коса. Так сказал человек, который продал его капитану Скэнов. Там, где он родился, никакого океана не было, и сначала вид воды пугал его. Когда его силой заставили подняться на корабль, он так перепугался, что орал во все горло и обмочил штаны.

Додой невольно сжался, вспомнив, как капитан объяснял ему, что не стоит делать подобные вещи.

Его рука коснулась шрамов на ягодицах. Потом он улыбнулся, вспомнив, как орал капитан, когда Тейт всадила ему в промежность меч.

Расквитаться с обидчиком может каждый. Особенно если он терпелив. И не дурак.

Тейт внизу доскакала уже до ежевичника.

Все-таки она помогла ему бежать с корабля.

Остальные спешили за ней. Собаки Конвея уже ее догнали.

Обидно будет, если они заберутся в заросли. Он ничего не увидит, кроме дрожащих листьев. А это совсем неинтересно. Ну а если с кем-нибудь что-то случится, остальные сядут в кружок и будут ждать, пока он отойдет. Как тогда, когда этот дурак Конвей сцепился со свиньей.

Он скажет, что испугался мертвой старухи и потому убежал. Тейт поверит. И остальных успокоит.

Он встал и набрал в легкие воздуха, готовясь крикнуть.

Тут что-то прижало ему руки к бокам, ударило в грудь. Ноги оторвало от земли. Грубая, как древесная кора, рука зажала ему рот. Кто-то затащил его за скалу, развернул кругом. К нему склонилось широкое бородатое лицо. Глаза были будто из синего стекла. Из нечесаной бороды послышался голос:

— Ни звука, крысеныш, ни звука!

Появившийся в руках незнакомца нож скользнул по шее Додоя. Было больно, словно тысячи moskitov набросились все разом.

Додой завизжал.

Бородач засмеялся спокойным раскатистым смехом и убрал нож.

— Вижу, ты понятлив. Повернись. Руки за спину.

Додой немедленно подчинился. Привычными проворными движениями незнакомец до боли крепко связал руки за спиной. Затем взял его одной рукой за волосы, другой сзади за ремень и поднял. Додой думал, что волосы вот-вот вырвутся из головы, а ремень перережет его пополам. Он сжал зубы: ни звука.

Бородач швырнул его на коня. Додой безуспешно попытался дотянуться до стремян. Руки были связаны, и он держался только с помощью колен.

Разбойник вскочил на лошадь Додоя. Взяв за поводья ту, на которую усадил мальчишку, он сказал:

— Тебе досталось почетное место, крысеныш. Последним, кто сидел в этом седле, была важная старуха из Ордена Фиалок. — Увидев реакцию Додоя, он снова разразился тем же раскатистым смехом.

Додой заплакал.

— Хорошо! Очень хорошо. Это полезно! Хочешь жить, крысеныш?

— Да! Да. Я сделаю все, что скажешь. Обещаю.

Волоча лошадь за собой, разбойник ответил:

— Словам твоим я верю не больше, чем тому, что смогу сохранить снежинку на языке. Делай, что скажу, и надейся, что это тебе поможет.

— Хорошо! Я все сделаю, — Додой хотел сказать еще что-то, но разбойник рывкнул, чтобы он замолчал.

Слезы все текли по лицу Додоя. Он проклинал всех. Дураки. Тараканы. Если бы они оставили его одного, ничего бы не случилось. Чем им было плохо в Оле? Все эта ведьма, Сайла. И Тейт, дура Тейт, и ее идиотские приказы.

И что теперь? Этот человек его продаст.

Он их ненавидел. Всех. Глупые собаки, и те нашли бы его быстрее.

Ланта, Конвей, Тейт — все они шли за Сайлой. Это она виновата. Они виноваты. Что бы с ними ни случилось, они этого заслужили.

Глава 27

Конвей свистом подзвал собак, а Тейт в одиночку нырнула в заросли ежевичника. Ему казалось маловероятным, что Додой так далеко вернулся назад по тропе, тем более один осмелился вновь углубиться в заросли. Оправившись от шока после пропажи мальчика, Конвей быстро решил, что лучший способ отыскать Додоя — это положиться на собак.

Карда и Микка остановились перед Вихрем и сели в ожидании новых команд. Конвей указал рукой в противоположном от ежевичника направлении:

— Карда. Микка. Искать. Додой.

После его жеста «вперед» собаки решительно побежали в указанном направлении.

Вскоре они свернули с тропы на запад и стали взбираться на гору. Конвей позвал Тейт. Ответа не последовало. На краю зарослей показались Сайла и Ланта и, помахав руками, поскакали ему навстречу. Ожидая их, Конвей в последний раз позвал Тейт и направился вслед за собаками.

Трое всадников ехали медленно, высматривая на земле следы копыт. Время от времени раздавалось восклицание того, кто замечал что-нибудь подозрительное. Тогда они собирались вместе и обсуждали находку. И каждый раз след в конце концов признавался ложным. Во время одного из таких обсуждений Конвей поднял голову и с удивлением увидел, что к нему во весь опор несется Микка.

До сих пор Конвей был почти уверен, что пропажа Додоя — это результат бездумной и эгоистичной детской шалости. Но сейчас он начал в этом сомневаться. Если мальчик так близко, то, конечно, слышал отчаянные крики Тейт. Несмотря на всю свою неприязнь к мальчику, Конвею не верилось, что Додой был способен так издеваться над Доннаси.

Огромные валуны все чаще возникали у них на пути, заметно замедляя движение. Микка, явно переоценивая способность лошади пробираться по узеньким тропкам и карабкаться по опасным нагромождениям камней, три раза подряд заводила Конвея в непроходимые для коня места. Раздраженный и слегка отчаявшийся, он как раз выезжал из очередного тупика, когда к нему, обогнав двух целительниц, подскакала перепачканная Тейт.

— Почему ты повернул назад? — спросила она. — Ты что, не собираешься помогать

мне?

Конвей выдержал ее взгляд:

— Моя лошадь не умеет летать, Доннаси. А в этом овраге в нескольких ярдах отсюда непроходимый тупик. Я буду продолжать поиски. Если ты, конечно, позволишь мне проехать.

Тейт освободила тропу.

— Так почему ты не зовешь его, не успокаиваешь? Собаки его не любят. Они перепугают мальчика до смерти, эти зверюги...

Конвей ударил каблуками по ребрам Вихря, и остаток тирады Тейт утонул в цокоте копыт. Поджав хвост в явном замешательстве, Микка побежала разведывать путь. Конвей не знал, как объяснить собаке, что ее единственная задача — идти по следу лошади Додоя, и тогда все будет в порядке. Микка же стремилась отыскать самый прямой — по собачьим меркам — путь к Карде.

Расстроенная и напуганная Тейт скакала так близко от Конвея, что ее лошадь все время натывалась на Вихря. В свою очередь, Вихрь нервничал и пытался оторваться от раздражавших его преследователей. С каждым шагом лошади шея Конвея все больше наливалась кровью.

— Добром это не кончится, — шепнула Сайле Ланта. — Мы чем-нибудь можем помочь?

Сайла покачала головой.

— Как только Тейт отыщет мальчика, все уладится само собой.

— Она должна оставить Конвея в покое, — продолжала Ланта. — Посмотри, она сейчас выведет его из себя.

Впереди раздался приглушенный крик Конвея — Вихрь, решивший сам избавиться от назойливого преследования лошади Тейт, поднялся на дыбы и развернулся. Тейт запоздало натянула поводья, пытаясь удержать свою лошадь, которая уворачивалась от взметнувшихся в воздух копыт. Собаки Тейт решили, что их хозяйке угрожает опасность, и бросились на Конвея. Тейт отчаянным криком успела вернуть их назад, и они лишь свирепо поглядывали на предполагаемого обидчика.

Все это произошло за несколько мгновений, но тем не менее атмосфера резко изменилась. Напряженная ситуация превратилась в явно угрожающую.

Полным сарказма голосом Конвей предложил Тейт хотя бы слегка следовать той хвальной дисциплине, которую она якобы олицетворяет.

— Начни с себя, — бросил он через плечо, направляя все еще нервно вздрагивавшего Вихря вслед за Миккой. Затем добавил: — А если получится, можешь поработать со своей лошадью, своими собаками и этим малым тоже.

— Сначала найди свою собаку, — ответила Тейт. — Или хотя бы уступи дорогу, чтобы я ее сама нашла.

Взгляд, который Тейт украдкой бросила в сторону Ланты и Сайлы, выдавал, что она сознает свою неправоту. Однако по решительному развороту плеч безошибочно можно было судить, что ни за что в этом не признается. Нервно постукивая пальцами по рукоятке хлыста, она подождала Сайлу и Ланту и затем тронулась вслед за Конвеем, соблюдая безопасное расстояние.

Мужчину, который держал Додоя, они увидели все одновременно.

Он стоял на плоской площадке на вершине скалы, выдававшейся перед горой, словно алтарь. Позади него был пологий спуск на землю, однако спереди взобраться на скалу было невозможно. Кроме того, со скалы был отличный обзор, исключавший возможность незаметного обхода с флангов. В нескольких шагах за незнакомцем виднелось нагромождение валунов, при необходимости обеспечивавших ему безопасный отход в гору. Одетый в темную куртку с длинными рукавами и в облегающие штаны, он стоял, широко расставив ноги, спокойный и решительный. На спине у него был закреплен меч, длинный клинок которого доходил до ягодиц, а рукоятка защищала левое плечо. Справа виднелся

повешенный через плечо лук и ошетилившийся стрелами колчан.

Карда укрылся за скалой на фланге, из-за которой виднелись лишь его глаза и прижатые к макушке уши. Не поворачиваясь, он скосил глаза на Конвея и снова все его внимание устремилось на стоявшего мужчину. Микка спряталась за деревом, поочередно поглядывая то на Конвея, то на незнакомца.

Мужчина держал перед собой Додоя, глядя на них поверх его головы. Левой рукой он обхватил Додоя за талию. Нож в правой руке был у самого горла мальчика. На бледной коже Додоя отчетливо виднелось пятно крови. Когда мальчик попытался вырваться и позвать их, лезвие ножа дернулось, послав опасный отблеск прямо в глаза Тейт. Шок вывел Доннаси из состояния транса. Она закричала незнакомцу:

— Отпусти его! Черт! Ты же его ранил. Отпусти его!

Незнакомец невозмутимо обратился к Конвею:

— Предлагаю обмен. На Жрицу Розы Сайлу из Ирисов. Ее на мальчика.

— Нет. — Не опуская головы, Конвей снял «вайп» с предохранителя и передернул затвор. — Отпусти его.

— Спроси у других. У Черной Молнии, что рядом с тобой. Она говорит, что мальчик ее. Мы ведь оба знаем, что это беглый раб. По закону я должен доставить обоих к настоящему хозяину. Вместо этого я предлагаю обменять того, кто нужен этой Тейт, на чужого вам человека — Жрицу Роз Сайлу.

Сайла выехала вперед, остановившись рядом с Конвеем. Он отметил, что она приблизилась слева, непроизвольно стараясь держаться подальше от правой руки незнакомца, в которой может оказаться меч. В голосе ее сквозило презрение.

— Я знаю тебя, блюститель. И перед кем ты теперь виляешь хвостом, после того как свергли Алтанара? Может, ты хочешь разыскать своего жалкого короля и отдать меня ему?

Впервые незнакомец вышел из себя. Лицо налилось кровью, глаза расширились. Потребовалось несколько мгновений, чтобы он снова взял себя в руки.

— Я служу тому, кто мне платит. Золото — вот мой хозяин.

— Ты убил хранительницу. Твоя жизнь кончена. Зачем я тебе?

Незнакомец покачал головой. Обращаясь к Конвею, он сказал:

— Я веду дела с мужчинами. Итак, мальчика за женщину.

То ли намеренно, то ли по мгновенной оплошности, незнакомец позволил Додою выскользнуть. Снова прижав мальчика к себе, на короткое время он отвел нож от его горла. Освободившись от страшного лезвия, Додой закричал:

— Отдайте ему Сайлу! Доннаси! Мама! Пусть он меня отпустит.

Блюститель вернул нож на прежнее место. Додой замолчал.

Тейт разрыдалась. Когда Конвей повернулся к ней, она лишь покачала головой, отказываясь встретить его взгляд.

— Если я пойду... — начала Сайла.

Конвей направил своего коня на лошадь Сайлы, едва не сбросив женщину из седла.

— Если этот тип попытается увести Додоя, я разнесу его на куски.

Услышав эти слова, к ним подъехала Тейт. Она положила руку на плечо Сайле и, глядя на Додоя, сказала:

— Не стреляй, Конвей. Он зарежет его, как пить дать.

Незнакомец кивнул, выражая свое согласие.

— Я видел, как Фолкконер показывал ваше оружие-молнию Алтанару. Не пытайся меня убить, я все равно успею прирезать парня.

— Просто отпусти его к нам. И уходи, мы не будем тебя преследовать.

Мужчина рассмеялся, сверкая белыми зубами сквозь бороду.

— Все не так просто, Конвей. Я знаю — Церковь не успокоится, пока ее сестры не вдохнут дым костра, на котором меня спалят. Если я не получу Жрицу Роз, мне придется прихватить с собой пацана для своей защиты. А это значит, что и твоя черная подружка не уgomонится, пока не выпустит из меня кишки. Так что без Жрицы мне в любом случае не

жить. — Драматичным жестом он поднял Додоя за воротник, покачивая им, словно продаваемым на рынке кроликом. — Покупайте, а то больше никогда его не увидите.

Тейт затряслась всем телом. Она вцепилась обеими руками в седло.

— Я найду тебя. Выслежу тебя и убью. И не из мести, а ради удовольствия увидеть, как ты будешь подыхать.

— Не сомневаюсь, что ты попробуешь это сделать, — невозмутимо отозвался незнакомец.

— Доннаси, моя славная, славная подруга. Мне так жаль. Все было так хорошо, — сказала Сайла. Она потянулась к Тейт, пытаясь накрыть ее руки ладонью.

Тейт вздрогнула от прикосновения. Глаза ее сузились, губы сжались. Она процедила сквозь зубы:

— Я не хочу слушать все это. Думать об этом не хочу. Твои чудесные планы, эти замечательные приключения. Посмотри, что...

— Замолчи! — заорал на нее Конвей. — Разве она виновата! Ты лишь испортишь все еще больше!

Блюстителю вновь расхохотался. Успокоившись, он обратился к Сайле:

— Ну что, Жрица, видишь, какую любовь и уважение ты заслужила своей добротой? Эта черная — твоя подруга? Подумай, что вас ждет впереди. Каждый раз, когда она на тебя посмотрит, перед глазами у нее будет холодный труп ее крошки. Или она будет представлять, как он раскапывает место, проклятое Богом, не зная толком, жив он или мертв. Я убиваю, чтобы выжить. Она же хочет убить меня ради удовольствия. Так кто из нас лучше? Подумай об этом. Подумай о том, как она будет спать рядом с тобой. — Он вложил кинжал в ножны, обхватил крепче мальчика и сделал осторожный шаг назад.

Мрачно наблюдая за незнакомцем, Конвей был вынужден признать, что подстрелить его удастся лишь тогда, когда он потеряет бдительность. Он перехватил «вайп» поудобней, готовясь к решительному выстрелу.

Тейт громко застонала, глядя, как блюститель осторожно, шаг за шагом, отступает. Она вскинула свое оружие и тут же опустила его. Зубы ее впелись в нижнюю губу, непослушные слезы потекли по щекам.

Додой отчаянно кричал, умоляя Тейт о помощи. Его пронзительный истерический крик окончательно лишил Доннаси самообладания. Она выкрикнула имя мальчика. Танно и Ошу подползли к ее лошади, сбитые с толку и разъяренные. Карда и Микка, не отрывая глаз от блюстителя, припали к земле, готовые броситься в атаку. Негромкая команда Конвея успокоила собак.

Додой завизжал.

Спрыгнув с лошади, Тейт бросилась к скале. Не отступая ни на шаг, рядом бежали Танно и Ошу. Блюститель тут же остановился, и отчаянный крик Додоя заставил Доннаси замереть на месте.

— Из-за тебя он меня снова порезал. Из-за тебя он меня схватил, а теперь мучает меня. Спаси меня! Спаси!

Тейт вздрагивала от каждого слова, как от удара. Она упала на колени, вытянув вперед руки. Беспомощный крик, словно само страдание, вырвался из ее горла.

Блюститель снова стал отступать, понемногу приближаясь к пологому спуску, где смог бы надежно укрыться среди скал и деревьев. Напоследок он решил еще раз поиздеваться:

— Конвей, я оставляю вам лошадь старой Жрицы и лошадь парня.

Он повернулся к ним вполборота.

Конвей сначала услышал свист и лишь затем увидел стрелу. Ее полет был для его сознания чем-то ускользающим, словно загадка, ответ на которую он знал, но не мог вспомнить. А затем, будто по какому-то страшному волшебству, сзади из плеча блюстителя выросло белое древко. Незнакомец застыл на месте. В полном замешательстве он сделал несколько неуверенных шагов. На лице застыла маска изумления.

Вторая стрела вонзилась под первой, на этот раз ближе к позвоночнику. Блюститель

рухнул на колени, руки беспомощно упали вниз.

Додой ни разу не оглянулся. Почувствовав, что его уже не держат, он бросился к пологому краю скалы и прыгнул на землю.

Тейт уже ждала его, подхватив на руки. Додой кричал, чтобы она бежала, колотя ее по спине кулаком. Прикрывая мальчика своим телом, она укрывалась за большим валуном. Словно очнувшись, бросились в укрытия и остальные, не зная, с кем теперь они имеют дело — с благодетелем или новым разбойником.

Блюститель на вершине скалы продолжает раскачиваться взад и вперед.

— Такое впечатление, что он кается, — подумал вслух Конвей.

— Так оно и есть, — ответила Сайла.

Блюститель рухнул на землю, и какое-то время тишину нарушал лишь шелест леса. Затем Сайла повернулась к горе и закричала:

— Эй! Кто ты? Я Жрица Розы Сайла из аббатства Ирисов. — Ответом было молчание. Когда Сайла закричала снова, в голосе был вопрос. — Эй?

Конвей осторожно приблизился к телу. Белоснежные перья на белом древке покачивались под дуновениями ветерка. Прикрывая глаза от солнца ладонью, Конвей посмотрел вверх на гору.

— Ты блюститель?

В ответ раздался смех. Не презрительный и насмешливый, а полный искреннего веселья. Путники нервно переглянулись. Подобное добродушие их избавителя лишь нагнетало напряженность.

Услышав отдаленный цокот копыт по камням, они поняли, что остались одни.

Сайла поднялась на скалу. Вместе с Лантой она перетасила тело убитого к краю площадки на вершине скалы. Почуввав кровь, Рыжик задрожал, беспокойно переступая с ноги на ногу.

К ним подъехал Конвей.

— Что вы делаете?

— Его надо предать огню, как подобает.

— Да бросьте его. Другие звери позаботятся о нем.

Сайла остановила на нем горящий взгляд.

— Как тебе не стыдно. Он не зверь. И это наша обязанность.

Конвей постарался выдержать ее взгляд, сколько мог, затем, что-то бормоча себе под нос, наклонился и поднял тело. Сайла успокоила Рыжика, и Конвей перебросил тело убитого через спину лошади и привязал его.

Молча они возвратились к телу хранительницы. Когда Сайла попросила Конвея положить блюстителя на тот же погребальный костер, он лишь неодобрительно поворчал, но сделал, как ему велели. Но, закончив, он сразу же ушел, сказав, что надо принести еще дров. Ланта бесцельно бродила по лагерю хранительницы. Она представляла ее скитания в этой глуши. Как настигла ее смерть? Убийца подкрался ночью? Или он ехал ей навстречу открыто, пряча свои намерения за приветливой улыбкой?

Спина Ланты взмокла от пота. Пульс стучал у нее в висках, в горле. Она села на землю, прислонившись спиной к скале. Ее рука наткнулась на какой-то камень, и она раздраженно отбросила его в сторону. И в тот же момент она громко всхлипнула, увидев, как в луче солнца вспыхнул пурпурным цветом Камень Истины, волоча за собой золотую цепь.

Со всем проворством, на которое только была способна, Ланта схватила бесценную святыню и спрятала ее во внутренний карман мантии на груди. Камень исключал все вопросы. Женщина в роще Олы. Хранительница.

Камень Истины. Как? Почему? Образы — бессвязные, разрозненные — замелькали перед ее внутренним взором.

— Ланта? — Кто-то тряс ее. Было больно. Она зажмурилась, жалобно застонала. Руки стали нежнее, пальцы постукивали по ее вискам, массировали запястья. Когда Ланта открыла глаза, она наткнулась на встревоженный взгляд голубых глаз Сайлы. Сайла спросила: — Что

случилось? Тебе плохо?

— Думаю о нашей сестре, — сказала Ланта, пытаясь спрятаться за полуправдой. — Со мной все в порядке. — Проклиная собственную неискренность, она продолжала: — Почему такой важный человек, как хранительница, оказался здесь? Ты можешь это как-то объяснить.

Сайла покачала головой, скорее от удивления, чем в знак отрицания. Она протянула Ланте руку, и та с благодарностью ее приняла. Стоя на ногах и сжимая Камень, Ланта чувствовала себя в большей безопасности. Но когда Сайла произнесла:

— Пора, — она едва не упала вновь. Призвав все свои силы, Ланта встала рядом с Сайлой, и они направились к погребальному костру.

Сайла высекла искры и подожгла паклю. Вместе с Лантой они начали читать молитву о быстром вознесении в Верхний Мир, не останавливаясь до тех пор, пока пепел Жрицы, смешавшись с пеплом ее убийцы, стал уже неотличим от остатков костра, огонь которого поглотил тела обоих.

Медленно поднявшись, Сайла произнесла:

— Надо разбить лагерь где-нибудь в другом месте, даже если из-за этого нам придется выступать ночью. Мы должны забыть все, что здесь произошло. Все. — Ее голос дрожал от скорби и невысказанного страха за то, что это окажется для них непосильной задачей.

Глава 28

Джонс последовал за Лисом. Прижимаясь к земле, они проползли последние несколько ярдов к поросшему можжевельником гребню горы. На этой высоте воздух был прохладен. Садившееся солнце почти не грело, а острый, свежий запах шалфея и можжевельника, казалось, предвещал, что сгущавшиеся сумерки принесут еще большую прохладу. словно в дразнящем контрасте вечернее небо по всему горизонту было покрыто толстобрюхими облаками, окрашенными в теплые розовые и оранжевые тона.

Воин-горец проворно полз по склону. Под повязкой на голове едва покачивались вставленные веточки и пучки травы. Джонс, одетый, как и Лис, в кожаную рубаху и штаны, подождал, пока его спутник доберется до вершины, и пополз вслед за ним. Лис обернулся на раздавшийся сзади шум, и Джонсу пришлось отвести взгляд, чтобы не рассмеяться. Воин выглядел, как оживший свирепый куст.

Не останавливаясь, Джонс приложил палец к запястью, чтобы проверить свой пульс, продолжая думать о том, что может ждать его впереди. Удары были ровными и уверенными. Гордость заполнила сердце пастора. Не многим в истории — и в прежнем его мире, и в нынешнем — приходилось принимать решения, подобные тем, что ему доводится принимать едва ли не каждый день.

Джонс вновь подумал о Лисе. Вот кого приходится вести за собой. Классический дикарь; суеверный, полностью подчиненный групповым интересам. Человек, для которого не существует страданий, амбиций, соблазнов. Неотъемлемая часть окружавшего его мира, с навыками человека и коварством зверя. Увидеть все это несложно. Но кто, кроме Джонса, разглядит здесь идеальный материал для работы? Никто. Как никто другой не сможет управлять такой первозданной силой.

Лис знаком велел ему двигаться вперед, и Джонс пополз по каменистой почве и колючей поросли, довольно шумно имитируя движения змеи. Он проигнорировал встревоженные жесты Лиса, призывавшие соблюдать тишину. Лис должен понять, что лидер не должен вести себя подобно букашке на лугу. В сознании Джонса, будоража кровь, промелькнули яркие образы неотвратимого возмездия.

Он был уже почти у самого гребня горы, так что, потянувшись, мог бы взглянуть через него. Предвкушая ожидавшее его зрелище, он подавил торопившее его любопытство и преодолел последние несколько дюймов, чтобы уже ничто не смогло отвлечь его внимание.

Отчет Лиса об увиденном накануне был весьма подробен, так что развернувшаяся перед глазами Джонса картина не оказалась для него сюрпризом. Важно было разглядеть все

как следует, оценить масштабы происходившего. Это должно прийти до него единым ярким образом, все сразу, наполнить его своим размахом.

Закрыв глаза, Джонс почувствовал, как земля поплыла под его ладонями и неуклюжими пальцами. Опустив подбородок на руки, он заглянул в будущее. Взглянул на ту силу, которая вынесет его к славе в этом новом мире.

Кочевники заполнили все огромное пространство долины между зубчатыми горами. Их лагеря были разбиты не рядом друг с другом — между некоторыми было не меньше мили. В пурпурно-серых сумерках костры только начинали разгораться. Огромные повозки на высоких колесах маячили в мягком полумраке подобно застывшим животным. Над куполообразными шатрами виднелись похожие на блюдечки крышки, закрывавшие от дождя отверстия дымоходов. Некоторые шатры подсвечивались горевшими внутри кострами, мерцая, словно угольки, разбросанные по долине. Отблески огромного количества костров сливались в общее мерцание. Этот колеблющийся полупрозрачный покров огней приносил в общую картину ощущение чего-то нереального, мистического. Джонс на мгновение зажмурился, затем открыл глаза, словно надеясь, что все увиденное исчезнет.

Развернувшаяся перед глазами картина и притягивала, и пугала. Он задрожал. Успокаивающая рука Лиса легла ему на плечо. Эта была страшная бесцеремонность, и ослепленный мгновенной яростью Джонс подумал о гремучих змеях, толстые тела которых изогнулись в предвкушении жертвы, примеряясь...

Он посмотрел на Лиса с умиротворяющей улыбкой.

Солнце опустилось за горизонт, и темноту разрывали лишь отблески костров снизу и свет звезд сверху. Джонс смотрел на все это с благоговением, как на предзнаменование, говорящее об извечной борьбе неба и земли.

От лагерей отделились сторожевые отряды кочевников с факелами в руках. Лис фыркнул. Вплотную приблизив рот к уху Джонса, он сказал:

— Факелы только сбивают ночное зрение. А что еще хуже, они выдают, где ты находишься. Мои воины пойдут за ними по следу, как волки идут за ягненком прямо к стаду. Эти люди глупы, как бараны.

Прежде чем Джонс успел ответить, Лис жестом призвал его к молчанию. Через несколько мгновений пастор и сам услышал приближение лошадей. Указывая в сторону доносившегося шума, Лис дважды поднял руку с растопыренными пальцами. Джонс занервничал, собираясь ретироваться, но Лис, покачивав головой, остановил его.

Двумя неплотными колоннами отряд кочевников проскакал ярдах в пятнадцати от притаившейся на гребне пары. Разведчики остановились прямо под ними, чтобы зажечь свои факелы, и у Джонса было достаточно времени рассмотреть их. Командиром отряда был высокий смуглый мужчина с длинными волосами, собранными в хвост, который свисал сзади почти до пояса. Еще у двоих были такие же прически, а четверо были обриты наголо.

Бритоголовые носили шляпы, которые теперь, когда палящее солнце им уже не угрожало, они сдвинули на спину. Джонс заметил у двоих обритых разведчиков шрамы от старых ран. Особенно страшными они были у одного из них, так что рука Джонса непроизвольно потянулась к его собственной ране.

Все кочевники были одеты в рубахи с длинными рукавами и в штаны из ткани, на которые привязывались кожаные накладки, защищавшие ноги от хлеставшего кустарника. Обуты все были в сапоги, но у одних они доходили до колен, у других — едва закрывали лодыжки. Вооружены все были одинаково. Прежде всего в глаза бросалось копьё. Джонс прикинул, что длина его не меньше восьми футов. Разящий конец завершается острым железным наконечником. С другого конца древко было обернуто кожей. В пути копьё крепилось в специальном трубчатом гнезде сзади на седле справа от всадника. Острие было направлено назад под таким углом, чтобы приблизившийся сзади всадник не мог случайно на него напороться. Кроме того, у всех воинов были луки и стрелы. Когда командир отряда достал из кожаных с медными вставками ножен меч и указал им, отдавая приказы, в сторону лагеря, Джонс увидел, что меч довольно короткий, длиной с человеческую руку от запястья

до подмышки, и имеет толстое массивное лезвие.

Вспоминая воинов Людей Собаки, которые преследовали его и Алтанара к югу от Олы, Джонс подумал о том, как эти силы выглядели бы в схватке друг с другом. Лошади у кочевников были крупнее, и оружие их указывало на другую военную стратегию, другую философию. Люди Собаки полагались прежде всего на быстроту и неуловимость. Здесь же была тяжелая кавалерия. Луки и стрелы были длиннее, рассчитанные на стрельбу с большого расстояния. Такая стрельба дезорганизует противника. Затем следует атака конницы с копьями. А уж в самом конце в ход пускают эти мясницкие мечи, которыми рубят и колотят, как палицами.

Пока Джонс так размышлял и сравнивал, ничего не подозревавшие кочевники разожгли факелы сильнее, и отряд усакал быстрой рысью вниз по склону горы.

В лагере факелы разделились, каждый из них, казалось, блуждал среди шатров и потухал, словно искра, когда всадник наконец добирался к себе домой.

Лагерь понемногу успокаивался, словно тишина медленно накрывала его своим покровом.

Затем, заставляя содрогаться все вокруг, долину заполнил рев рожков. Джонс громко вздохнул.

Лис рассказывал о звучащих в ночи рожках, рассказывал он и о ночном песнопении, растекавшемся из каждого лагеря по долине вместе с медным эхом рожков. Но он не смог передать поразительное впечатление от всего этого.

Успокоившись, Джонс произнес:

— Песнь безлунной ночи. Никогда не слышал более величественного обряда. — Когда он говорил, примерно в центре каждого лагеря вновь ожили костры. В их далеком свете были видны костровые, поддерживавшие огонь. Джонс продолжал:

— Какое удовольствие отправлять все эти ритуалы в такой огромной массе людей. Людей, обладающих несметными богатствами.

Лис попытался возразить:

— Мы ведь выполняем все эти ритуалы в точности, как ты велишь.

— Конечно, конечно. — Джонс умиротворяюще похлопал его по плечу. — Но ты же видишь, насколько более впечатляюще это выглядит здесь. Сотни, тысячи людей, и все подчиняются одним командам.

— Какое имеет значение, сколько людей верит, если вера настоящая. Разве мы хуже Танцующих-под-Луной тем, что нас мало и мы бедны?

Джонс вздохнул, решив молчать, чтобы не выдать свое раздражение.

Оба немного сдвинулись, почувствовав вдруг, что уже долго находятся в неизменном положении.

Вскоре до них донеслись новые звуки. Далеко на востоке завыл волк. С юга последовал отчетливый леденящий кровь ответ. Внизу в долине, где-то совсем рядом с погруженными в темноту шатрами, запричитал койот. Несколько других койотов подхватили его песню, и в ответ им залаяли собаки кочевников. Немного спустя одна из собак отчаянно завизжала. Тут же донесся визг других животных — похоже, там завязалась нешуточная схватка. Затем визг вдруг прекратился, донеслись крики людей, которым, передразнивая, вторили койоты.

В долине снова стало тихо.

Джонс пополз вниз, указав знаками Лису следовать за ним. Когда они уже могли встать, не опасаясь, что их силуэты будут заметны на фоне ночного неба, Джонс просунул руку сзади под ремень своего спутника. Он шел позади, позволяя более искушенному в ночных вылазках воину вести его к разбитому ими лагерю.

При всем опыте Лиса возвращение в темноте заняло у них в два раза больше времени, чем они затратили на тот же путь днем. Добравшись наконец до узкой расщелины между двумя склонившимися к земле деревьями, они были не в силах уснуть, охваченные общим пониманием значимости увиденного.

Джонс заговорил, когда Лис начал разводить небольшой костерок в углублении в

земле.

— Ты был не прав, когда говорил об их разведчиках и факелах, — сказал он. — Они не дураки, Лис. Дураки не могут совершать такие походы, побеждая всех на своем пути. Ты видел уверенность в своих силах. Они осматривают новое для них место. Они знают, что за ними наблюдают, и показывают наблюдающим, что им все нипочем. Они словно говорят: «Атакуйте, если посмеете».

— Я и буду атаковать. Люди Гор свирепы, как тигры. Шаг на нашу территорию — это шаг к смерти.

— Никто не спорит, — спокойно согласился Джонс. — Но, собравшись вместе, люди загоняют и убивают тигра. Не потому, что они сильнее или они лучшие охотники. Просто их слишком много для тигра.

В прозвучавшем в темноте голосе Лиса слышна была уязвленная гордость:

— Так почему же ты подвергаешь меня и моих людей опасности, наблюдая здесь за кочевниками? Если они такие сильные, зачем мы вышли им навстречу?

Джонс долго перемешивал костер срезанным свежим прутом, пока тот не загорелся. В слабом свете пламени черты лица пастора обострились. Потушив ногой огонек, Джонс поднялся и, направив обуглившийся конец прута на спутника, сказал:

— Мы должны победить их, а затем управлять ими. Вы — мое оружие. Нападайте на их сторожевые отряды. Разбейте тех, кто пустится за вами в погоню. Пробежитесь в их лагеря и перережьте сотни спящих. Убивайте и убивайте. Их лидер, этот Каталлон, должен понять, что следует не за теми пророками. Вы приведете его в замешательство, в панику. А я принесу ему утешение. Он познает победу, которую пока даже представить не может. Мы сотворим ему это.

— Сотворим? Что-то, что поразит Каталлона? После того, как убьем его людей?

Откинув назад голову, Джонс захохотал. Металлические нотки в смехе заставили Лиса невольно отпрянуть. Пастор вновь заговорил скрипучим голосом:

— Совершенно верно. Будь со мной, служи мне, отдай мне свое сердце и мастерство, и я отдам под твою команду воинов Каталлона. Поверь. — Пастор приблизил свое лицо вплотную к лицу Лиса. Мокрая от пота кожа, освещенная тлеющим костром, отливала цветом свежей крови. Когда Лис заглянул в глядящие на него глаза, он увидел отраженные там угольки, которые направляли прожигающий насквозь свет откуда-то из глубины, из самого черепа Джонса.

Лис замер, дрожа всем телом.

— Я верю тебе. И подчиняюсь. Жрец Луны. Рожденный вновь, чтобы править всеми людьми.

Сын. Этот человек отвечал ему, как истинный сын. От волнения у Джонса перехватило в горле.

Жрец Луны. Лис так его назвал. Жрец Луны. Олицетворение религии.

Так оно и есть.

Глава 29

Колонна продвигалась осторожно. Казалось, что по высохшему лесу среди деревьев, извиваясь, пробирается огромное чудовище, составленное из людей и лошадей. Фланговые прочесывали склоны гор, двигаясь параллельно протекавшей по долине быстрой реке, а головной отряд из двадцати воинов шаг за шагом продвигался вперед. Двадцать всадников скакали в арьергарде. Еще одна группа, разбившись на пары, прочесывала лес между фланговыми и основным отрядом, передвигаясь по сложному маршруту от одного возможного укрытия врагов к другому.

Примерно в миле от того места, где всадники тщательно прокладывали свой путь среди деревьев, долина резко изгибалась на север. Земля в этом месте была искорежена, перекошена, словно каким-то страшным мучительным спазмом, но когда и как это

произошло, не помнил и не знал никто. Срываясь вниз, река здесь образовывала водопад, который накрывал гранитную стену пенящимися кружевными складками. Лучи высокого утреннего солнца превращали шумный поток в слепящее серебро. Нежные трепетные радуги казались неуместными среди буйства падающей воды и вздымаемого ветра.

Высоко над каньоном в тени дерева стоял Джонс, наблюдая за продвижением кочевников. Стоявший позади и немного повыше Лис заметил:

— Все происходит, как ты и предполагал. Этот человек ведет их к нашему лагерю.

Джонс пожал плечами:

— Я не предполагал. Я знал. Никто из блюстителей не способен пройти мимо их постов. Как только он дезертировал, я не сомневался, что он попадется и выдаст все, что знает. — Он сменил тему. — Командир колонны знает свое дело. Хорошо, что ты отсоветовал устраивать засаду в долине.

— Мы научили их быть осторожными.

— Вы — необыкновенные воины. Всего трое убитых за три недели набегов. И отрядам Каталлона досталось лишь тело одного из них. Должно быть, они считают, что вы — призраки.

— Надеюсь. Но, я думаю, нам пора уходить. Командир колонны постарается выдвинуться на удобную для атаки позицию до наступления темноты.

Джонс и Лис направились к оставленным неподалеку за гребнем горы лошадям. По дороге они проходили мимо следивших за колонной воинов. Некоторые из них были бывшими блюстителями, другие — Горными воинами Лиса. Несмотря на сказанные слова, Джонса поражало, как быстро блюстители осваивают боевые навыки. Но все же что-то безошибочно выдавало в них дезертиров. У воинов Лиса была поразительная способность появляться, как из небытия, в самом неожиданном месте. А самое главное, они постоянно наблюдали, выслеживали, и все это было для них просто и естественно. Порой рядом с ними Джонсу было не по себе, он вспоминал тигра, с которым выжившие обитатели криогенных капсул столкнулись в первый день после выхода из пещеры. Ему знаком был страх — да, даже ужас — в мире с отравляющим газом, ядерными бомбами, терроризмом. В этом новом мире он увидел смерть в тот краткий миг, когда его взгляд встретился с глазами зверя. До сих пор у него сбивалось дыхание, когда он вспоминал полосатую кошку, смотревшую на него, просто как на пищу.

Его восприятие жизни теперь не то, что прежде. Другие могут судить обо всем, как люди. Жрец Луны должен оценивать события с другой, более высокой точки зрения.

В этом его задача, его суть.

Горные воины были беспощадными людьми, но всего лишь людьми. К тому же грязными. По крайней мере, сейчас они начали мыться. Джонса передернуло от воспоминания о царившей здесь антисанитарии, пока он не убедил их, что, купаясь, они не станут более уязвимыми для «невидимых» других племен. С подобными вещами ему приходилось сталкиваться на каждом шагу — ритуалы и молитвы неизвестного происхождения, обычаи, назначение которых было непонятно, но все это поддерживалось непреложным авторитетом традиций. Горные люди, которых они встречали во время своего путешествия на юг, не были такими свирепыми, как племя Лиса. Почему? И почему у них есть священный огонь, а у той ветви, к которой принадлежит Лис, его нет?

Эти и другие вопросы занимали мысли Джонса по дороге к лагерю, расположенному на плато рядом с водопадом. Когда они пришли, солнце уже было на полпути от зенита к вершинам самых высоких гор на западе. Когда Джонс спешил, потирая внутренние части бедер, которые, казалось, никогда не привыкнут к спине лошади, к нему подскочил блюститель, спрыгивая из седла прямо на ходу. По инерции его лошадь прошла иноходью еще несколько шагов. Всадник подбежал к Джонсу и стал докладывать:

— Разведчики кочевников уже у самого плато, они возбуждены, о чем-то спорят. Наш командир боится, что они пойдут в атаку сразу же, как заметят лагерь.

Угроза стихийной атаки передовых отрядов колонны была действительно реальной.

Если это случится, могут возникнуть проблемы. Даже таких покорных его последователей, как эти, может отрезвить смерть их женщин и детей.

До сих пор все его прогнозы сбывались. И дальше все должно идти по плану.

Но это не означает, что можно пренебрегать мелочами. Джонс бросил всаднику:

— Возвращайся к своему командиру. Скажи ему, чтобы выполнял все мои приказы. — Затем он повернулся к Лису: — Иди и проследи, чтобы все было в порядке.

Лагерь, казалось, жил нормальной жизнью. Дети играли. Сидевшие вокруг костра воины точили оружие. Несколько женщин сдирали шкуру и разделявали тушу буйвола. Куски мяса они складывали на маленький стол, где другие женщины натирали их солью, а затем опускали, еще раз пересыпая солью, в большой глиняный кувшин.

Внимание Джонса привлекли ритмичные удары металла о металл. Какой-то мужчина делал миску, положив лист меди на круглую деревянную заготовку и обстукивая ее молотком. На земле рядом с мастером тускло тлели угли, и через некоторое время он погрузил в них начерно выгнутую миску. Ухватив ее щипцами, он поворачивал, пока она не легла, как ему хотелось.

Джонс знал, что тепловая обработка повышает эластичность меди. Без такого прокаливания металл будет оставаться хрупким и, вместо того чтобы принимать нужную форму, может треснуть от ударов молотка.

Люди Гор объясняли все это по-своему. Они говорили, что металл рождается из огня, и огонь придает ему силы. А холод молотка может убить его.

Джонс вздохнул и отвернулся. Неожиданно вид маленьких конусообразных шатров поверг его в уныние. Первобытные, тесные, из зловонной кожи, размалеванной символами их суеверий. Джонс присел на корточки и через низкий, расположенный у самой земли вход, забрался в свой шатер. Когда он распрямился, голова почти доставала до места, где соединялись шесты. Джонс опустил на колени, решив лечь на кровать, но затем передумал. Тюфяк был набит жесткой травой и сосновым лапником. Пахнет чудесно, но разве это ложе для человека, назначение которого — вести всех людей к спасению?

Из прямоугольных корзин, сплетенных из ивовых прутьев, на него смотрели гремучие змеи. Настойчивые глаза, острые, как кристаллики обсидиана, следили за каждым его движением. Время от времени змеи стремительно выбрасывали гибкие раздвоенные язычки. Только Жрец Луны мог, не опасаясь, опускать руку в корзину, извлекая тварей из смертоносного клубка.

Для чего? Чтобы внушать благоговейный страх менее чем двум сотням дикарей — мужчинам, женщинам, детям, которые искренне верят, что флейты из человеческих костей гораздо лучше деревянных? Чтобы добиться повиновения от банды оказавшихся не у дел головорезов?

Джонс вытянулся на кровати, погрузившись в исходившие от нее запахи. Он решил отдалиться одолевавшим его мыслям, позволив унести его, куда им вздумается.

Отряд кочевников будет разбит. Но как это решит его проблемы? Он ведь не намеревается провести остаток жизни, скрываясь в лесу; священник с большой дороги, который проповедует убеждения Танцующих-под-Луной и в то же время прячется от Каталлона и ему подобных?

Уж лучше он раздражит змей, а затем сунет голову к ним в корзину.

Джонс представил, как эти твари на него набрасываются. Будет больно. Да, да, ужасно больно. Он будет стонать. Страх будет гнать его прочь. Но он примет свою смерть стойко. Ранки окрасятся в красно-черный цвет, глаза вылезут из орбит. Ядовитый зуб вонзится в один из них...

Вполне достойный конец. Смерть, отрицающая ту всемогущую силу, которая дала ему власть и над этими тварями.

Все еще погруженный в меланхолию, Джонс подобрался на коленях к выходу и вновь осмотрел лагерь. Сердито орал ребенок, блеяли козы; какая-то женщина звала свою дочь разжигать костер для приготовления пищи. Другая устанавливала большой кувшин, который

по красоте не уступал фарфоровому, в специальный чехол, сплетенный из прутьев. Чехол предохранял кувшин от ударов и делал его более устойчивым.

На краю лагеря сидел мужчина, его проворные пальцы бегали по натянутой коже барабана. Тихие низкие звуки смешивались с шелестом листьев. Рядом с ним какой-то юноша плющил молотком конец длинной круглой медной заготовки. Просунув тонкий конец заготовки в отверстие стальной пластины, он протаскивал всю ее щипцами. Полученную тонкую длинную полоску он обернул себе вокруг запястья.

Этим и ограничиваются все их амбиции, отметил про себя Джонс. Дьяволы темны и невежественны. Все, как один. И как они могут помочь такому, как он, человеку в выполнении его предназначения?

Жгучие слезы наполнили глаза Джонса.

А затем он увидел все, в мельчайших подробностях.

Джонс захохотал. Радость вырывалась наружу разрывавшими легкие воплями, исступленной победной песнью.

Он остановился перевести дыхание, и на него снова обрушилась тишина лагеря, отфильтрованная кожаными стенами шатра. Дрожащий голос неуверенно выводил песню. Это был гимн Танцующих-под-Луной, молящий о защите от безумия.

С отеческой улыбкой на лице Джонс вышел из лагеря. Смеркалось. Далеко на востоке показался Лис, возвращавшийся со своими дозорными в лагерь. За спиной Лиса, примерно в часе быстрой ходьбы, заканчивалась долина и поднимались склоны плато. Джонс живо представлял полные ненависти глаза разведчиков Летучей Орды, стремительно приближавшихся к лагерю.

Выводившая песню женщина отвела взгляд. Джонс подошел к ней и схватил за плечо.

— Посмотри на меня. — Едва живая от страха, она повернулась и заставила себя посмотреть в глаза Джонса, который продолжал тихим голосом: — Я понимаю твой страх. Но ты не пытайся понять меня или то, что я делаю. Я недоступен твоему пониманию. Верь мне. Подчиняйся. И я приведу тебя в мир, о котором ты даже не мечтала. — Он говорил, пристально глядя в глаза женщине, пока та не задрожала. Веки ее трепетали. Когда Джонс спросил, верит ли она ему, женщина с трудом выдавила «да». Джонс отпустил ее, и она пошла, спотыкаясь и покачиваясь, словно одурманенная наркотиками.

Джонс закричал, давая выход своей радости:

— Все, кто слышат меня! Все! Отыщите Алтанара. Мне нужен мой шут. Приведите его. Сегодня вечером Алтанар будет забавлять нас всех.

Протянув вперед руки, Джонс медленно поворачивался, обращая свою проповедь ко всем сразу.

— Возрадуйтесь, люди мои, — сказал он собравшимся вокруг него. — Сегодня ночью мы начинаем наш поход к славе.

Глава 30

Лис крепче вцепился в толстую ветку, на которой сидел, и потянулся в темноте. Земля под ним была не видна, но он знал, что она очень далеко.

Лис медленно и глубоко вздохнул, приюхиваясь к каждому дуновению ветерка, который мог рассказать ему о многом.

Из долины поднимался теплый воздух, принося с собой всю историю дневных событий. Лис вдыхал запах помятых ногами сосновых иголок, песчаную пыль, вздымаемую копытами, зловоние лошадиного помета и мочи. Но отчетливее всего он ощущал соленый горьковатый запах мужчин, идущих на опасное дело; напуганных, возбужденных мужчин. На охоте от них исходит похожий запах, хотя не такой едкий. Если, конечно, они не преследуют раненого степного медведя или тигра — тогда смертельный риск обостряет запах до предела.

Затем, словно в качестве извинения, донесся новый запах. Мягкий, какой-то

неуместный, хрустяще чистый запах воздуха, прошедшего сквозь туман над водопадом. Но от этого запаха не было никакого толку, и Лис раздраженно потряс головой, чтобы избавиться от него.

Прошло немало времени, прежде чем сохранявшие полное молчание воины кочевников показались на краю плато. Последние донесения разведчиков раскрыли план их атаки. Две группы, человек по сорок каждая, вскоре после наступления темноты выступили к их лагерю, обходя его с флангов. У них не было ни луков, ни факелов — только мечи. Было ясно, что их главная задача — не позволить никому убежать.

Более сотни воинов они оставили для лобовой атаки на лагерь. Разведчики донесли, что основные силы кочевников движутся двумя цепями, друг от друга шагов на пятьдесят. И только во втором ряду воины идут с факелами.

Справа от Лиса коротко тьякнул койот. Несколько мгновений спустя слева отозвался олень.

Мысленно похвалив врагов за отличные имитации, Лис весь сосредоточился на происходящем внизу.

Это была самая хитрая засада из всех, что ему приходилось устраивать. Она должна быть безупречной. От этой мысли у него пересохло во рту. Для Жреца Луны все должно быть безупречным. Ничто и никогда так не пугало Лиса, как этот тощий израненный человек. Он заглядывал внутрь людей.

Миссионеры Церкви рассказывали о муках Преисподней. Джонс на себе испытал эти муки. Лис сам видел.

Джонс умер.

А его место занял Жрец Луны.

Лис вздрогнул.

Когда раздалось уханье совы, первая цепь кочевников проходила прямо под ним. Практически в абсолютной тишине они выравнивали свой строй. Гордясь собой, Лис улыбнулся. Когда он сам исследовал местность, то определил, что скорее всего именно здесь соберется отряд атакующих перед последним броском к лагерю Дьяволов.

Не имея возможности ни видеть, ни слышать врагов — дисциплинированные воины не проронили ни слова — Лис потянул носом воздух в надежде узнать что-нибудь еще.

Смазанное жиром оружие. Смазанная жиром кожа. Легкий запах воска — навощенная тетива луков. Еще какой-то запах. Острый. Знакомый. Абсолютно неуместный. Лис все еще пытался вспомнить, когда цепь кочевников снова выступила вперед. Движение началось с левого фланга, так что каждый воин был чуть позади от находившегося слева товарища, и отряд стал бесшумно просачиваться среди деревьев.

Небольшие костры освещали несколько шатров. В ямах для приготовления пищи догорали последние угли.

Лис потянулся, нащупав рукой веревку, которая протянулась от него до лагеря. Как только он дернул за нее, закричал ребенок. Продвигавшаяся вперед цепь остановилась. Лис представлял себе врага стремительным потоком, несущимся по высохшему устью ручья — вот он на мгновение задержался у преграды, но лишь за тем, чтобы с новой силой ринуться вперед.

Слева раздался пронзительный вопль — воин закричал, как пума. Крик подхватила вся цепь, и все разом бросились в атаку.

Первыми загорелись освещенные шатры — они рухнули, когда кочевники обрубали поддерживающие их веревки. Воины протыкали мечами их кожаные стены в поисках спящих жертв.

В ярком свете пожара Лис наблюдал за атакой. На него произвела впечатление ее методичность. Шансов на спасение не оставляли никому. Вслед за первой налетела вторая волна атакующих. Некоторые воины бросали факелы на поверженные шатры и принимались работать мечами. Почти что подсознательно Лис отметил, что неопознанный им запах стал еще сильнее.

И только теперь атакующие стали замечать, что среди них появились раненные стрелами. И до них стало доходить, что из горящих шатров почему-то не доносятся крики агонии и ужаса, никто не выбегает оттуда на выставленные им навстречу мечи. Кричали лишь свои раненные воины.

Самые наблюдательные заметили, что стрелы летят сверху вниз. Обнаруженные воины Дьяволов с боевыми кличами продолжали поливать врагов с ветвей смертельным дождем.

Лис сбросил привязанную рядом с ним веревку и соскользнул на землю. Повсюду в лесу Люди Гор последовали его примеру. Они разбивались на пары, держась в темноте, в то время как их враги отчетливо вырисовывались на фоне горящих шатров. Осознав свою уязвимость, кочевники попытались укрыться в лесу.

Это было ошибкой — раздался крик тех, кто первым бросился отступить и нашел свою смерть.

Лис действовал в одиночку. Кого успеет, он убьет сам, здесь ему помогать не надо. Припадая к земле, он перебежал от одного дерева к другому. Первый попавшийся ему кочевник был совсем юн, по виду не старше шестнадцати. Из плеча у него торчала стрела. Казалось, расширившиеся от ужаса и боли глаза светились в темноте. Лис прижался к дереву, слился с ним. Когда парень оказался рядом, Дьявол взмахнул своим ма, направляя его по горизонтальной дуге. Прежде чем рухнуть на землю, обезглавленное тело пробежало еще два шага.

Ошеломленные, разрозненные кочевники уже хотели лишь прорваться к долине, где оставили лошадей, и бежать. Ослепленные заревом, они с трудом ориентировались в лесу, вся их отвага была сведена на нет неожиданной атакой. Многие просто удирали, спасая свою шкуру.

На их пути Лис собирал свой кровавый урожай. Он уже потерял счет упавших к его ногам, запоминая лишь тех, кто пытался оказать ему сопротивление. Бойня практически заканчивалась, когда он наткнулся сразу на троих воинов. Двое из них поддерживали идущего в центре, хотя Лис сразу заметил, что раненый не выпускал из рук оружия. Троица двигалась не суетясь, без паники.

Уверовав в собственную безопасность, они позабыли об осторожности. Чтобы одолеть их, надо было делать ставку на быстроту и неожиданность. С боевым кличем Лис выпрыгнул вперед.

Двое на флангах отскочили в стороны, оставив раненого одного, но тот чувствовал себя вполне уверенно. Отразив обрушившийся на него ма, он нанес ответный удар, и его меч со свистом рассек воздух там, откуда едва успел отскочить Лис, почувствовавший, что он попал в серьезную переделку. Перед ним были опытные, умелые воины, а не жалкие беглецы. Их уловка с «раненым» едва не сработала. Лис отпрянул, подумывая, не позволить ли троиче обратиться восвояси.

Но он уже не мог остановиться. Кровь закипала в нем, и хотя Лис видел, как враги обходят его по сторонам, до предела осложняя защиту, он целиком отдался обжигающему возбуждению настоящей схватки.

Он сказал:

— Я — Лис Одиннадцатый, охотник за людьми из племени Людей Гор.

Ему ответил кочевник в центре:

— Мы — Люди Длинного Неба. Мое имя — Бэн Синий. А это мои друзья — Хабаб Зеленый и Даликор Синий.

— Я запомню, — сказал Лис. — Ваши люди узнают от меня, что умерли вы достойно.

— Думаю, ты ошибаешься, — ответил Бэн. Он сделал ложный выпад, затем ударил мечом наотмашь. Лис легко отразил удар и тут же пнул ногой Даликора, который бросился на него одновременно с атакой Бэна. Развернувшись на другой ноге, Лис рубанул Даликора по шее и отскочил в сторону, вновь занимая оборонительную позицию, в то время как меч Хабаба, не причинив ему вреда, вонзился в дерево, прикрывавшее его бок. Обогнув ствол, Лис хладнокровно нанес Хабабу ответный удар.

В следующий момент Лис почувствовал, что ноги у него подкашиваются и он падает. Он так и не заметил, как Бэн бросил в него тяжелую металлическую флягу, толком не почувствовал, как она попала ему в висок. Он понимал лишь, что теряет ориентацию. Инстинктивно он присел, подняв перед собой ма. Дважды Бэн ударил изо всех сил, и оба раза Лису удалось отразить удар. Но при второй попытке меч, скользя, вонзился в предплечье Лиса. Дойдя до кости, лезвие повернулось, срезая мясо, словно рыбье филе.

Лис уронил ма на землю и рухнул навзничь.

Следующий удар Бэн направил на его незащищенный живот. Лис слышал хриплое рычание врага, который вонзал меч, наваливаясь всем своим весом, вкладывая всю силу. Лис попытался закричать, но горло его, казалось, окаменело.

Не удержавшись на ногах, Бэн рухнул на Лиса, и тому показалось, что по телу прошелся огонь.

Но все же он был еще жив.

Бэн скатился с его тела. Лис попробовал пошевелиться. Он почувствовал, как кто-то похлопал его мечом по бедру. Затем перед глазами смутно вырисовалась фигура воина. Раздался голос:

— Не шевелись. Ты только сильнее разбередишь рану.

— Алтанар?

— Тише! Я убил этого кочевника вовсе не для того, чтобы дать тебе меня прикончить. Ты же знаешь, что со мной сделает Джонс, если узнает, что я просто дотронулся до оружия. — Алтанар опустился на колени, ощупывая края раны Лиса. Затем он согнул раненую ногу в колене, поднял ее. Лис непроизвольно застонал. Сердито зашипев, Алтанар сказал: — Потерпи немного. Я должен вытащить меч. Будет больно. Я слышал, что твои друзья, Собаки, умеют не подпускать к себе боль. Знаешь, как они это делают?

— Колдовство. Люди Гор принимают боль открыто. Ты оскорбляешь меня.

От раздавшего в ответ металлического смеха Алтанара по коже Лиса побежали мурашки.

— Я знаю, что такое боль. И оскорбление. Знаю.

Шок от боли при извлечении меча пронзил мозг Лиса ярчайшей вспышкой, прояснив его сознание до небывалого, пугающего предела. Несколько раз глубоко вздохнув, раненый смог заговорить:

— Почему ты искал меня?

Алтанар заговорил, как заправский лекарь:

— Крови много, но струей не бьет. Значит, вена не повреждена. И рука, похоже, в порядке. Тебя быстро поставят на ноги.

— Ты мне не ответил.

Алтанар раскачивался на пятках. В свете догоравшего пожарища его нахмуренные брови выглядели, как шрамы. Лис не обращал внимания на звуки схваток, вслушиваясь в задумчивый голос Алтанара.

— Я полагал, что сегодня выйдет удачный случай убить тебя. Но когда увидел, как этот парень собирается тебя прикончить, ничего не мог с собой поделать. — Алтанар снял с Лиса ремень и наложил его как жгут на раненую ногу. При этом он продолжал говорить: — Я знаю, что ты начал кое-что подозревать. Мы живем в пасти тигра. Вместе. Возможно, наступит время, когда мы поможем друг другу удержать ее открытой.

Лису показалось, что он буквально ощущает запах безумия Алтанара. Он сказал:

— Похоже, ты спас мне жизнь. Я спасу твою. Я не расскажу Жрецу Луны о нашем разговоре. Но если я обнаружу тебя за спиной, то убью. Держись так, чтобы я тебя всегда видел, и мы оба сможем служить тигру, держась подальше от его зубов. Ты меня понял?

— Отлично. — Алтанар взял ножны и стал приспособливать их, как рычаг для затягивания жгута. Засмеявшись еще раз, он стал изо всех сил поворачивать ножны.

Глава 31

При свете умирающего костра Люди Гор в спешке покидали лагерь. Пока взрослые увязывали тюки, навьючивали лошадей и занимались с ранеными, дети бродили среди павших, собирая с них свою дань. Джонса удивляла та радость, с какой они приветствовали находку особенно искусно сделанного оружия. Украшения и необычная одежда вызывали меньше эмоций. Надо будет сказать Лису, чтобы он приставил к ним человека, решил он. В том мире, который он собирался создать, с молодежью надо будет работать особыми методами. Не дело, если какой-нибудь разъяренный раненый идиот поранит кого-то из них. Больше того, никто даже не узнает, что стащили маленькие негодники.

Обнаруживая еще живого кочевника, они звали на помощь старших. Осмотр таких раненых выполнялся старшими женщинами. Джонс приказал, чтобы тех, у кого был шанс выжить, относили к центру, связывали и хорошенько присматривали за ними. Если женщины решали, что человек не сможет поправиться, такого просто приканчивали.

Те женщины, которых приставили к этому занятию, постоянно жаловались. Даже сейчас, после того как Джонс уже давно отказался менять свое решение, одна из них появилась перед ним, пока он шел через развалины.

— Почему ты так поступил? Как мы отплатим за свои беды, если даже не можем заставить этих людей мучиться?

Джонс натянуто улыбнулся.

— Мы потеряли убитыми двоих. Шестеро ранены. Пятеро из них вскоре совсем поправятся. Больше сотни наших врагов мертво. Многие из тех, кто бежал, тоже умрут. Мы захватили больше семидесяти лошадей и большую добычу. Разве это не победа?

Старуха сплюнула.

— Победа. Поражение. Мы потеряли сыновей и мужей, или отцов. Наш обычай — пленники платят за все горе. Опасно менять старые обычаи.

— В следующий раз. Я обещаю. Эти пленники имеют для меня большую ценность. Обращайтесь с ними, как я сказал.

— Ты заставил наших женщин перевязывать раненых врагов. Кочевники подумают, что мы слабы.

Джонс наклонился к ней.

— Ты считаешь меня слабым?

Она быстро отскочила назад.

— Не я. — Она сделала неопределенный жест одной рукой, махнув куда-то через плечо, другой рукой подняла изображение Луны, висевшее на груди. — Другие. Я... Мы думали...

Джонс оставил ее бессвязно бормотать. Под грубым навесом из еловых веток, прикрывавшим раненых, он обнаружил Лиса. Тот лежал на спине между двумя другими воинами, пострадавшими так тяжело, что не могли двигаться. Запах свежесрезанной ели почти перекрывал осязаемый туман, слагавшийся из запахов растений, пота и тяжелого дыхания. Джонс посмотрел на соседей Лиса, потом, обращаясь к нему, произнес:

— Ты сможешь ехать на носилках?

— А что остается делать? — Воин приподнялся на локтях и скривился от боли. — Я слышал, что ты запретил женщинам развлекаться с пленными. Говорят, ты даже заставил их лечить.

Свалившись обратно на свое место, Лис выжидающе смотрел на него. Мускул на его челюсти начал подергиваться. Джонс позволил тишине сгуститься, потом ответил:

— Я сказал тебе: «Служи мне преданно и верно, и я отдам войско Каталлона под твою команду». — Лис быстро кивнул, но Джонс почувствовал его подозрительность. Бедный Лис не умеет лицемерить. — У нас нет сил, чтобы завоевывать по всем правилам, значит, мы должны захватить власть каким-то другим способом, — продолжал Джонс. — Ты и твои воины крепко насолили Каталлону этой ночью. Он будет вас уважать. Теперь мы пощадим тех, кого захватили. Он обрадуется, получив их назад живыми. Когда он узнает, что я хочу

побеседовать с ним о мире, он удивится. Он пожелает увидеть нас.

Лис хрипло рассмеялся.

— Как только ты окажешься в его руках, он расправится с тобой, как с беспомощным теленком.

— Со мной? — Джонс резко выпрямился. Его лицо пылало, слова скрежетали, словно камни. — Еще не пришло мое время воссоединиться с моей Матерью, Луной. Я покину землю по ее зову. Ни одному человеку не дано определить это время. Я — Жрец Луны.

Лис попытался подняться на ноги, чтобы вымолить прощение. Вытянув раненую ногу, он полз вперед на локтях. Раненые, лежавшие рядом, тихо бормотали в ужасе перед яростью Джонса. Лис, неуклюже вывернув голову, чтобы взглянуть ему в лицо, попытался дотянуться до его руки.

— Я не подумал. Жрец Луны, я знаю. Ведь это я видел, как ты умер и вернулся. Я видел. Я верю.

Джонс сжал его руку.

— То, что ты думаешь обо мне, — хорошо. Я уже говорил тебе, что должен буду умереть. Однако не раньше, чем выполню свое предназначение здесь. Могущество приходит ко мне, сила, которую тебе не понять. А сейчас расскажи мне, что же с тобой произошло.

Лис взмахнул перевязанной рукой, указав на свою ногу.

— Один из них неплохо дрался, — произнес он сухо.

Небрежно усмехнувшись, Джонс сказал:

— По крайней мере, мы захватили пленников. Нам необходима информация. Нам повезло, среди них оказался сын мелкого вождя. Он называет себя Варналалом Красным. Он из племени Длинного Неба. Когда ты будешь готов к переходу?

— Как только сожгут мертвых.

— Хорошо. — Джонс отправился к погребальному костру. Он приказал воину, чтобы к нему привели пленника, способного держаться на лошади. Когда тот вернулся, ведя за собой лошадь со всадником, Джонс стоял перед пылающей горой.

— Это тот человек, которого я приказал привести?

От резкого вопроса воин выпрямился. Он быстро ответил:

— У него сломано плечо. И он ранен в ногу. Я привязал его к седлу, чтобы он не упал.

— Он проживет достаточно долго, чтобы попасть к Каталлону?

— Думаю, да. Если только его не настигнут звери.

Джонс прервал его.

— В таком случае пошлите двоих. Каталлон должен во что бы то ни стало получить мое послание. — Он взял поводья, подтянул лошадь поближе к себе и вцепился в колено пленника. Человек на лошади дернулся и вскрикнул. Потом посмотрел вниз на Джонса, тот сказал:

— Передай Каталлону и его военным вождям — их раненые здесь, они перевязаны, они нуждаются в помощи. В знак моей доброй воли я дарую жизнь всем пленникам. Скоро я пришлю Варналала в лагерь Каталлона, чтобы он все подготовил для переговоров. Передай ему. — Джонс помолчал, потом снова сжал колено, вырвав из пленника вопль боли. — Передай, что я достаточно воевал с ним. Я дам ему силу и славу, чтобы радовать свое сердце и жечь врагов. Я хочу быть ему другом.

Он отступил назад, отпустив человека и лошадь. Потом поднял руку и указал на восток, в свете костра эта поза выглядела величественно. Рев пламени звучал подтверждением его слов, в этом Джонс был уверен.

Пленник отвернулся от огня и уставился на Джонса, будто пытаясь отыскать во всем окружающем что-то рациональное. Потом издал какой-то глухой грудной звук и развернул лошадь здоровой рукой. Явно ожидая, когда стрела вонзится ему в спину и послышится жестокий смех его мучителей, он пригнулся к седлу и исчез в ночи.

Поджав губы, Джонс печально покачал головой.

— Пошлите еще двоих. Этот идиот скорее всего свалится с края плато. Проследите,

чтобы остальные несли такие же послания. И быстро. Каталлон наверняка снаряжает еще один отряд. И нам уже не удастся заманить его в ловушку так легко.

Джонс наблюдал за тем, как Алтанар выючит пару лошадей. Интересно, узнает ли кто-нибудь в Оле прежнего короля, подумал он.

Одетый в грязное тряпье, босой, в драной шерстяной шапке, которая была на несколько размеров больше, чем нужно, Алтанар сутился, как сумасшедший, пытаясь подчиняться командам и самого Джонса, и сгорбленного хромого старика — личного слуги Джонса. Любой приказ одного из них тотчас вызывал совершенно противоположный приказ другого. Ничто не делалось как надо. Или вовремя. Слуга поносил свою потрепанную жертву с нескрываемым удовольствием.

Когда весь немногочисленный багаж Джонса был надежно закреплен на лошадях, он махнул молодому воину, который стал в лагере главным до выздоровления Лиса. Серия свистков, больше похожих на птичьи трели, была сигналом к выступлению.

Варналал произвел на Джонса лучшее впечатление, чем тот ожидал. Молодой, расстроенный своим пленением, но не сломленный, он спокойно рассказывал о жизни у Каталлона.

— Нас там девять племен, — говорил он, — и еще люди из пяти или шести других. Мы — Люди Длинного Неба — самые сильные. За нашими землями нет ничего, только дом солнца и леса, где живут рабы.

— Рабы? Если они рабы, то они должны жить с кем-то, не так ли?

Варналал покачал головой.

— Там живут непойманные рабы.

Джонс улыбнулся.

— Человек не может быть рабом, пока он не принадлежит кому-то. Или она.

— Они принадлежат нам. Просто мы никогда не можем переловить всех.

— А, понимаю. Они ждут, пока вы придете, а потом сами сдаются вам?

— Нет. Они дерутся. Но не по правилам. Они живут в этих своих лесах, настоящим людям там трудно ездить верхом. Как... — Молодой воин посмотрел на Людей Гор, ехавших рядом, потом снова на Джонса. В его взгляде был замечен страх.

И вызов. Джонс почувствовал это. Этот человек настоящий подарок. Молодой. Сильный. Рожденный повелевать.

Это надо иметь в виду.

Влиятельные люди пригодятся в лагере Каталлона.

Джонс решил продолжить беседу насчет рабов.

— Ты говоришь о рабах так, будто они были частью вашего прошлого. Почему?

— Так и есть. — Зубы Варналала блеснули в короткой улыбке. — Мы покинули наши земли двенадцать лет назад. Я едва помню те места. Именно тогда Каталлон появился среди нас. В Летучей Орде тогда было всего три племени — мы, Степные, его собственное племя и Кузнецы, они жили севернее. Мы воевали четыре года. Потом пришла чума и многие умерли во всех трех племенах. Наш новый вождь говорил с Каталлоном, и они решили, что все племена вместе уйдут от чумы, чтобы найти себе новое место для жизни. Когда на нас напали другие племена, мы сообща бились с ними. С тех пор мы идем к заходящему солнцу, к земле, которая, как говорят легенды, лежит у самого моря.

Джонс спросил:

— А как эта земля называется в ваших легендах?

— Каталлон говорил, что это земля меда и молока.

Ответ испугал Джонса. Он так резко натянул поводья, что лошадь под ним затанцевала. Варналал тоже остановился.

— Ты тоже слышал это название? — спросил он с выражением полнейшей невинности.

— Точно, — Джонс усмехнулся. — Я даже скажу, что видел океан и купался в нем.

— Правда? — Варналал даже не пытался скрыть своего потрясения. — Все мы, любой в Летучей Орде, мечтаем об этом. Он действительно соленый? Его воду можно пить?

Правда, что его дальний берег невозможно увидеть? У нас говорят, что он, должно быть, похож на нашу страну, Длинное Небо, там человек весь день может скакать верхом, но его все еще будет видно. Так или нет?

— Ты сам все увидишь.

Помолчав, Варналар произнес:

— Человек вроде тебя не должен давать подобных обещаний. Такие вещи известны только нашей Матери, Луне.

— В таком случае они известны и мне. — Джонс произнес эти слова глубоким, звучным голосом, позволив им раскатиться в ночи. — Верь в меня. Если я скажу тебе, так и будет. Ты должен запомнить, все должны, что я — Жрец Луны. Я говорю тебе: я вижу, как ты пробуешь на вкус Великий океан. Услышь и поверь.

Еще долго Варналар смотрел широко открытыми глазами во тьму, поглотившую Джонса.

Голос, донесшийся с самой земли, привлек его внимание. Он посмотрел вниз и увидел лежавшего на носилках Лиса. Тот сказал:

— Сейчас ты спрашиваешь себя, тот ли это Жрец Луны, за которого он себя выдает. Я скажу да, но мои слова бесполезны для тебя. Он заставил нас поверить. Он заставит поверить и тебя.

— Может быть. А может быть, он просто сумасшедший.

— Подожди. И ты увидишь.

Варналар задумчиво сказал:

— В лагере Каталлона есть женщины, называющие себя целительницами. Они также называли себя Церковью. Наши Жрецы и Жрецы Луны обратили их в свою веру. У нас есть Люди Поющей Земли с далекого севера наших старых земель, они тоже умеют лечить людей. Они знают духов — тайны погоды и времен года, и еще многое другое. Все они будут в ярости, когда узнают, что этот человек называет себя Жрецом Луны и говорит, что обладает большим, чем они, могуществом. Они вызовут его на поединок.

Улыбка придала голосу Лиса выражение:

— Это будет интересно.

— Если Джонс будет побежден, Каталлон расправится с его последователями.

— Никто не сможет расправиться с нами. Жрец Луны — святой человек. Родной сын Луны.

— Ты не боишься?

— Конечно, нет. Никогда. Но я должен знать. А ты?

Варналар, силуэт которого был виден на фоне звезд, выпрямился в седле. Подбородок поднялся.

— Летучая Орда знает. Мы поклоняемся Луне, и у нас есть Каталлон. Мы идем, куда пожелаем, и мы завоевываем. Этот Джонс очень странный. Думаю, он сумасшедший. И, возможно, все, кто идет с ним, такие же сумасшедшие.

Смех Лиса был больше похож на шелест, словно ветерок всколыхнул омытые дождем листья.

— Все вожди сумасшедшие, Варналар. Но ты пойдешь за Жрецом Луны.

Глава 32

— Завтра ночью, — произнес Алтанар, и Лис вопросительно взглянул на него с кучи мехов, на которых отдыхал рядом со своим навесом. Алтанар указал на темнеющее небо и пояснил:

— Жрец Луны сказал, что нужно установить отношения с Каталлоном, и Варналар готовится отбыть завтра ночью.

— Ты зовешь его Жрец Луны, как и все мы. Вот уж никогда не думал, что увижу, как ты согласишься.

— О, я верю, — сказал Алтанар, криво улыбаясь. — Не уверен, что мы верим в одно и то же, но я верю.

— Ты готов поклясться жизнью, что он — Жрец Луны?

— Да.

Все еще недовольный, но так и не найдя способ снова подступиться к этому вопросу, Лис задумался. Он пошевелился, кряхтя, когда приходилось опираться на локоть раненой руки. Бедро вроде бы доставляло меньше неудобств.

— Ты извиваешься вокруг истины, словно змея в траве.

— Ты никогда не согласишься тому, кто не принадлежит твоему племени.

— Никогда. Жрецу Луны. И только.

— А что с людьми Каталлона? Он хочет, чтобы ты вел их.

— Это они должны поверить мне.

Алтанар перевел разговор на другую тему.

— Полагаю, что именно я буду стоять за твоей спиной. Для такого ветерана битв ты мало узнал об осторожности. Это напомнило еще кое о чем: будь внимателен, сравнивая кого-то со змеей. Что, если услышит Жрец Луны. Ты забыл о его любимцах?

Лис содрогнулся.

— Никто о них не забывает. — Он огляделся. Потом, поколебавшись, все же продолжил. — Это не змеи. Один из моих людей рассмотрел их. — Когда Алтанар уставился на него в молчаливом недоумении, Лис закричал:

— Лошадь! Помнишь, он приказал нам принести кролика, а потом свинью? А потом лошадь?

— А, животные. Конечно помню. Он не позволил змеям убить их?

— Ты что, не слушаешь? Я же говорю, это не змеи. Мы в горах знаем, на что похожа смерть от укуса гремучей змеи.

Нахмурившись, Алтанар присел рядом с Лисом. Однако тот остался сидеть рядом с углом навеса, чтобы никто не смог подойти незамеченным.

— С тех пор как мы оторвались от патрулей Каталлона, он все время бывает в том маленьком каньоне. Он не разрешает мне ходить туда. Что он делает?

— Кто знает? Он забрал кузнеца и его сына, и нашего лучшего мастера по дереву. Никто их больше не видел с тех пор, как мы оказались здесь. Жрец Луны и сам появляется только, чтобы поесть и потребовать еще дров. И воска. Пчелиного воска! Он всех нас доведет до могилы. Дровосеки шумят. И кузнец, когда стучит молотом.

— Варналал сказал, что он сошел с ума.

Оскалившись, Лис свирепо ответил:

— Я знаю. Варналалу бы лучше попридержать язык. Кто-нибудь может отрезать его и положить в карман.

В памяти Алтанара вспыхнул собственный разговор с Варналалом. Он слишком много говорил. Жрец Луны — сын Богини; он все знает. Но если это так, почему же он позволяет самому верному своему стороннику питать такие болезненные сомнения? Лис страдал от них, иногда даже не понимая самого себя. Разговаривая о Джонсе с другими, он спрашивал. Глядя на Жреца Луны, он восхищался.

— Что же, по-твоему, убило животных? — спросил Алтанар.

— Я их не видел. Оружие-молния?

— Не было шума. И где туши?

Взмахнув рукой, Лис сказал.

— Жрец Луны приказал бросить их в долину. Разве ты не слышал потом волков?

Алтанар не мог услышать и понять всего того, что было очевидным для Людей Гор. Это раздражало его, потому он не обратил внимания на вопрос.

— Посмотрим, что мне удастся узнать. Возможно, от лошади что-то осталось.

Подтянув Алтанара поближе к себе, Лис прошептал:

— Люди говорят, что животные были разрезаны на кусочки. Даже лошадь.

Алтанар внезапно уставился на что-то, расположенное перед ним. Лис попытался повернуться, чтобы определить, что же это такое, но шкура, из которой была сделана задняя стена, закрывала ему обзор. Когда он повернулся обратно, Алтанар уже почти скрылся за деревьями. Лис устроился поудобнее, зная, что приближается Жрец Луны. Что ему надо?

Только через пять дней непрерывного пути Людям Гор и их новым союзникам, блюстителям, удалось вырваться за пределы той местности, на которую посылал свои патрули Каталлон. Постоянные засады, которые они каждую ночь оставляли за своей спиной, в конце концов убедили воинов Летучей Орды прекратить преследование. В результате всех этих событий в лагере царила атмосфера шаткого перемирия.

Но Джонс во время своих редких посещений буквально излучал уверенность. Сейчас, стоя перед Лисом, он прямо-таки сиял. На нем была мягкая замшевая куртка, практически ставшая его униформой. Она была сшита так, чтобы сниматься через голову; шнуровка на шее позволяла плотно стянуть ворот. На груди Джонса висел медальон кованого серебра, изображающий Луну. Вокруг головы была обмотана полоска ткани, раскрашенная так, чтобы изображать гремучую змею. Пара погремущек с хвоста змеи свисала на спину. При каждом движении Джонса они сухо трещали. Он заговорил:

— Завтра Варналар отправится домой, чтобы подготовить все для моей встречи с Каталлоном. Как только он привезет гарантии неприкосновенности, я еду.

Лис перебил его:

— Я поеду с тобой.

— Нет. Ты должен присмотреть...

— Я поеду с тобой, — снова повторил Лис, и Джонс недоверчиво посмотрел на него. Лис побледнел, его губы ярко выделялись на фоне побелевшего лица. Он продолжил: — Я один из тех, кто пытал тебя. Я не знал, кем ты был... Теперь я знаю. Как ты можешь отказать мне в возможности быть рядом, особенно в такие опасные времена?

— Я собираюсь уехать в течение семи дней. Ты сможешь к тому времени ехать верхом?

— Смогу, — ответил Лис, растирая левой рукой распухшую правую.

Джонс спокойно снял повязки с обеих ран. Невозмутимо наблюдая за Лисом, потыкал в каждую. Глаза Лиса вспыхнули, но на его лице ничего не отразилось, жаловаться он тоже не стал.

Когда Джонс закончил, Лис сказал:

— Возможно, ты веришь этому Каталлону, Жрец Луны, но не я. Варналар — хороший человек, и он не лжет, но он из Летучей Орды. Как мы узнаем, что Каталлон не лжет нам?

— А он солжет. Он сообщит, что можно спокойно приезжать на переговоры, но на самом деле он захочет убить нас.

Лис глупо моргнул, открыв рот. Когда он наконец подыскал подходящие слова, они вылетели напряженным, обиженным писком.

— Бесчестно просить меня идти на смерть, как овца под нож. Если ты прикажешь, я ворвусь в лагерь Летучей Орды и буду драться, пока меня не убьют. Но это совсем другое дело... — Он сплюнул. — Ты говоришь об обычной резне.

Джонс зашелся смехом. Когда приступ прошел, он нагнулся и похлопал Лиса по плечу. Его лицо застыло, став серьезным так же быстро, как прежде веселым. Щелочки глаз смотрели прямо на Лиса.

— Нас подвергнут испытанию. Мы не умрем. Не умрем, если ты будешь делать в точности то, что я тебе скажу. Слушай меня, и ты будешь жить.

— Всегда, Жрец Луны. И во всем. — Лис снова вспомнил тот проклятый разговор с Варналаром. Он отвернул свой предательский взгляд от проницательных глаз Жреца Луны.

Поднимаясь, Джонс произнес:

— Преданность никогда не забывается. Награда превзойдет все твои мечты. — Он распростер руки, будто пытаясь охватить весь лагерь. — Короли будут служить мне. Принцы будут драться за честь служить тебе. Их женщины будут просить твоей защиты. До тех пор, пока ты будешь слушаться меня.

Лис облилиз губы. Снова повернулся к Жрецу Луны. Безопасно. То, что он чувствовал в глубине сердца, было красноречивей, чем любые слова.

Варналал вернулся в лагерь Людей Гор, принеся за собой яростную весеннюю бурю.

Лагерь был расположен на конце длинного, изогнутого озера, приютившегося в широкой низине. В тех местах, где тень закрывала солнечный свет, окрестные луга еще не освободились от остатков снега. Отправившись навстречу воину Летучей Орды, Джонс и Лис проехали мимо мальчишек, насыпавших в торбы зерно для лошадей. Животных держали внутри небольшого загона из кольев, чтобы до них не добрались хищники. Там было немного естественной пищи, но природа никогда не смогла бы прокормить такой табун на таком маленьком пространстве. Мешки с зерном уже почти опустели, и лошади начинали тощать.

Варналал ехал параллельно небольшому ручейку, вытекавшему из озера. Белый флаг, позволивший ему беспрепятственно миновать дозоры Людей Гор, был беспечно перекинут через круп лошади. Когда он приветственно улыбнулся, зубы сверкнули из-под тени широкополой шляпы белыми прямоугольниками.

Джонс остановился на сухом месте за пару шагов от болотца, дававшего начало ручью. Варналал быстро подъехал к ним, хотя его лошадь была явно измучена. Он приветствовал Джонса и Лиса так, будто вернулся к старым друзьям. Потом сказал:

— Каталлон шлет вам свое приветствие. Он намерен простить вам это нападение, так как вы тоже поклоняетесь Луне. Однако он требует компенсации за убитых.

В ответ Джонс спросил:

— Он знает о том, что с нашей стороны тоже были жертвы?

Варналал посмотрел в сторону.

— Не стоит поднимать этот вопрос. Мне пришлось сказать ему, что вы потеряли только шестерых. — Он сменил тему разговора. — Лис. Ты уже совсем поправился.

— Не совсем. Я...

— Болтовня потом. — Неудовольствие Джонса сквозило в каждом его слове. — Что еще он хотел передать мне?

— Что он желает пригласить вас к себе, и что он обрадован твоим предложением поставить свое могущество на службу Летучей Орде. Мне поручено провести всех вас к нему.

— Всех? — брови Джонса высоко поднялись.

Варналал энергично кивнул.

— Каталлон сказал, что он догадывается, насколько вы все голодны и измотаны. Поскольку вы предлагаете ему мир и поддержку, он хочет проявить гостеприимство. Пока вы будете обсуждать, как вам лучше сотрудничать, Летучая Орда примет ваших людей.

— Хорошо. — Джонс улыбнулся Лису. — Я говорил тебе, что Каталлон почитит нашу силу своим уважением, не так ли? Видишь, я был прав. — Он снова повернулся к Варналалу. — Ты устал. Твоя лошадь того и гляди упадет. Иди поешь и отдохни. Потом поговорим.

Доставив свое послание и получив на него столь положительный ответ, Варналал отдался во власть усталости. Глаза его закрылись, плечи обмякли.

— Я могу поговорить и сейчас, если вы хотите, — сказал он, явно надеясь, что это необязательно. Джонс отослал его, сделав Лису знак остаться.

Как только Варналал отъехал достаточно далеко и не мог ничего услышать, Джонс развернул свою лошадь, оказавшись с Лисом лицом к лицу. Он все еще улыбался, и от этого Лису стало не по себе.

Джонс произнес:

— Дураки. Оба. Варналал вернулся, чтобы убаюкать нас, словно младенцев в колыбели. Сплошные улыбки и идиотская невинность. «...Он предлагает вам свое гостеприимство». Каталлон — великодушный противник. Варналала я могу простить. Оскорбление Каталлона нет. Если бы ты был завоевателем и я бы предложил

присоединиться к тебе, чтобы сделать тебя сильным, как никогда, разве не поинтересовался бы ты, как я собираюсь этого достичь? И почему Каталлон не дал мне ни малейшего намека на то, что за «компенсацию» он имеет в виду? Как мы можем разговаривать, если я не знаю его условий? И он ни разу не назвал меня Жрецом Луны. Ни разу!

Лис напряженно спросил:

— Мы нападём на него?

Джонс хрипло засмеялся.

— В своем роде. Мы вернемся вместе с Варналом, как и договаривались. Но мы поставим свои условия. — Он ударил поводьями по шее лошади, одновременно прищипывая ее. От испуга животное метнулось вперед, и Джонс сумел снова подчинить его лишь через несколько шагов. Он галопом унесся к молодой поросли, скрывавшей его шатер, крикнув через плечо, что планы они обсудят с восходом солнца.

Лис внимательно наблюдал за этим примером неумелой езды, потом направился к своему навесу. Спешившись, он прохромал внутрь, присел и раздул угли в очаге. Когда вода в котелке закипела, он бросил в нее пригоршню высушенных кусочков мяса. Вскоре навес наполнился ароматом курятины и трав. Движения Лиса были скорее повторением давно ставших привычными действий, его мысли были явно далеко отсюда.

Собрав пальцем последние крошки со стенок кастрюли, он вылизал ее и направился к озеру, чтобы вымыть. Закончив, Лис окунул в воду лицо, сморщив нос от холода и от непонятной настойчивости Джонса в вопросах чистоты.

Завернувшись в меха, лежавшие рядом с навесом, он откинулся на спину. Вверху, прямо над головой, ослепительно яркий свет солнца дробился в сосновых ветвях, превращаясь в хаотический набор пятен и лучей. Такой теперь стала и его собственная жизнь, подумал Лис: все постоянно меняется, пропадает и снова появляется.

Планы внутри других планов. Каталлон. Джонс. Алтанар.

Возможно, даже Варналал. Все, что они делают, может на самом деле не иметь ничего общего с тем, чего они хотят.

Жрец Луны имеет право на хитрость. Может быть, даже на обман. Он строит свой мир, святой мир.

Но он не из их племени. Лис Одиннадцатый отвечает за этих Людей Гор. За их души и жизни. Жрец Луны может потребовать и то и другое, но будет ли он чувствовать дух племени?

Почему он стремится поклоняться ему, даже сомневаясь в нем?

Почему он, зная, что Джонс — Жрец Луны, надеется, что если Каталлон убьет их всех, то он проживет достаточно долго, чтобы увидеть, как Джонс умрет первым?

Глава 33

Сквозь дым, поднимавшийся от костра Алтанара, Джонс наблюдал, как собирается отряд. Он сидел на пятках, держа над огнем насаженный на раздвоенную палочку кусок хлеба. Алтанар стоял неподалеку, озабоченный, боясь отвести взгляд от своего хозяина, который, впрочем, совершенно не обращал на него внимания.

Мысли Джонса сновали от одного вопроса к другому, словно мышь среди рассыпанного зерна. Непрерывные споры о приготовлениях к отъезду все еще звенели у него в ушах. В конце концов удалось убедить Лиса в том, что не стоит брать эскорт больше, чем из десяти человек. Каталлон хочет захватить весь их отряд. И силы у него будут соответствующие. Чтобы оказаться в Летучей Орде, придется применить смекалку, но уж никак не силу.

Джонс лениво погладил полотняные мешки, лежащие на груди под рубахой. Под тканью бугрились свернувшиеся в кольца мускулистые тела. Змеи уютно устроились; с одной стороны, их согревало тепло его тела, с другой — жар от костра. Каждая переваривала по птенцу, которых он скормил им пару дней назад. К тому моменту, как они доберутся до

Каталлона, змеи снова проголодаются и станут агрессивными. Занятные создания. Такие прекрасные и отталкивающие. Такие невинные, такие смертоносные.

Джонс с отсутствующим видом откусил кусок хлеба. Змеи произведут впечатление на Каталлона. Однако это не будет иметь решающего значения. Джонс слегка повернулся влево, бросив взгляд на плетеную корзину, в которой лежал ящик с фарфоровым кувшином.

О значимости этого кувшина знали все. Лис четко дал понять: любой, кто причинит вред грузу, проживет достаточно долго, чтобы пожалеть об этом. В этом была доля иронии: люди знали, что их жизнь зависит от способности защитить груз, но они никогда не смогут понять, что же они защищали.

Печально то, что они никогда не смогут оценить всю красоту таких вещей, как этот кувшин. Как женщине удалось подобрать его, а потом не дать ему разбиться, было выше понимания Джонса. Очень тонкая работа, стенки не толще четверти дюйма и выполнены с почти механической точностью. Он сравнил кувшин со своей ступней и решил, что тот около восемнадцати дюймов в диаметре и двадцать два высотой.

Как не прекрасен был фарфор, но остальным снаряжением Джонс гордился еще больше. Все было придумано им самим. Глядя на танцующие языки пламени, он бессознательно выпятил нижнюю губу. Кузнец и мастер по дереву, которые, собственно, и сделали всю работу, знали, что им грозит за одно лишь упоминание виденного. Неважно, главное то, что они помнили. В свое время им захочется рассказать. Так было всегда. Маленькие, слабые людишки никогда не смогут нанести сильному последний удар. Но его всегда предает трещина в доспехах.

Терпение, остановил он себя. Вспомни змей. Наноси удар только когда это необходимо, бей насмерть.

Первые прямые лучи солнца превратили дым перед лицом Джонса в пылающий туман. Почти скрытая за ним, к Джонсу приблизилась чья-то фигура. По хромоте он узнал Лиса. Джонс протянул левую руку вверх и назад. Подскочивший Алтанар вложил в нее кружку с горячим травяным чаем. Джонс приветствовал Лиса, протянув ему чашку горячего чая.

— Хочешь выпить?

Лис покачал головой.

— Лагерь поднялся, Жрец Луны.

— Вьючные лошади готовы?

— Все идет по плану.

Джонс склонил голову набок, глядя на Лиса, словно птица, разглядывающая лист.

— Ты произнес «план», как будто он тебе не нравится. Объясни.

— Я не говорил этого. — Взгляд Лиса, казалось, не мог оторваться от того места, где под вздувшейся одеждой скрывались мешки со змеями.

— Не ври, — сказал Джонс. — В этом нет необходимости, и это оскорбительно. В чем дело?

Решимость на лице Лиса переборола неохоту.

— Наши люди запугали патрули Каталлона чуть ли не до потери сознания. Варналат зол. Он говорит больше, чем стоило бы. Воины кочевников заявляют, что они больны. Лошади вдруг все «захромали». Мы можем нападать на Каталлона до тех пор, пока он сам не придет к нам с миром. Зачем нам вообще ехать к нему? Ты подвергаешь себя опасности.

Джонс вздохнул.

— Ты не понимаешь, ведь так? Каталлон должен думать, что я его покорный слуга. Он должен полностью доверять мне. И тебе. Как еще мы можем победить его? Мне не нужен его шатер; мне нужна верность и вера всех его людей. Если я уничтожу Каталлона, я стану простым узурпатором. Я должен сделать так, чтобы его люди сами уничтожили его и возвели меня на его место. И ты должен мне в этом помочь.

— Как пожелаешь, Жрец Луны. Мы верим.

— Я знаю. Иди и готовь всех к отправлению.

Джонс снова присел перед огнем и зажарил еще один ломоть хлеба. Усмехнулся,

наблюдая, как грубый хлеб приобретает приятный коричневый оттенок. Право, Лис — очень занятный тип. Рано или поздно, как только он почувствует вкус настоящей власти, он начнет считать мечи. И строить планы. С этим придется смириться. А пока надо его использовать. В конце концов именно для этого все они и предназначены.

Джонс прикрикнул на Алтанара:

— Забирайся на свою лошадь. И приведи мне мою. Ты что, опять заснул?

— Нет, Жрец Луны! Ни за что. Смотри, я уже бегу. — Удивительно, подумал Джонс, даже голос изменился. Вместо высокомерия — подбострастие, каждое слово — мольба. Этот звук действовал Джонсу на нервы, он схватил головню и швырнул ее в Алтанара. Тот взвыл, хоть палка и пролетела в добрых десяти футах от него.

* * *

Они двигались на восток, медленно спускаясь с высот. Шел уже третий день. Лис как раз говорил, что пора устроить привал, когда вернулся дозорный с сообщением о ловушке Каталлона.

Это был молодой, но уже покрытый шрамами воин. Его глаза были так широко раскрыты, что зрачки, казалось, плавали в глубине белков. На лице его отражалась смесь усталости, гордости и ожидания битвы.

— Много людей, обычная засада из двух отрядов. Сайг Двадцатый наблюдал за ними. Три сотни воинов скрыты за каменистой грядой, идущей вдоль дороги. Илк Десятый сказал, что отряд, который перекрывает дорогу, состоит из ста пятидесяти воинов. Сам я осмотрел местность к северу от дороги, там нас поджидают еще полсотни человек.

Лис напрягся.

— В точности то место. План.

Молодой воин помрачнел. Его проверяли, и озабоченность сменила предыдущий энтузиазм.

— Они находятся там, где вы и ожидали; по эту сторону последней цепи холмов, отделяющей нас от долины, где стоит лагерь Летучей Орды. Засада находится примерно в дне медленной езды от лагеря; при нашей скорости мы встретимся с заградительным отрядом через полдня. Кочевники скоро увидят наш отряд с высоты. Когда мы столкнемся с ними, ударный отряд бросится на нас из-за гряды. Часть из них явно должна зайти сзади, чтобы перекрыть нам дорогу к отступлению. Отряд на севере должен перекрыть нам путь в том направлении.

— Хорошо. — Лис повернулся к Джонсу. — Все, как ожидалось, Жрец Луны. Каталлон думает, что поймал нас. Снова. — Его губы скривились в гордой улыбке.

Скрюченные, напряженные пальцы Джонса смяли вожжи, свернули их кольцами, а потом выпустили. Разведчик все припишет предвидению Лиса. Конечно, Лис ожидал этой засады Каталлона, где она будет, как она будет организована и все остальное. Он и Каталлон — одного поля ягоды: недалекие убийцы. Тактики. Детские игрушки. Он закричал на воина:

— Как мы узнаем, не видели ли они тебя, не выследили ли досюда? И почему ты не вымылся?

Лис ответил за него:

— Он сейчас вымоется, Жрец Луны. Он хотел сообщить нам новости как можно скорее.

На лице молодого воина появилась мольба.

— Мы никогда не приведем врага к своему лагерю. Мы скорее умрем. Так или иначе, воины Летучей Орды — простые солдаты. Они, в отличие от нас, не знают, как жить в лесах.

Джонс слегка смягчился, но не смог удержаться от укола.

— Надеюсь, они не так хороши, как люди Собаки. Особенно Гэн Мондэрк и его друг по имени Клас на Бейл.

Лис рядом с ним вздрогнул, словно от боли, его лицо застало безжизненной маской.

— Я еще встречусь с этой парочкой. Они умрут.

Ярость его ответа остановила Джонса. Он попытался разрядить ситуацию.

— Я знаю, Лис, я знаю. Единственное, о чем я попрошу: сохрани для меня эту ведьму из Церкви, Сайлу. Она задолжала мне развлечение.

Разведчик уже готов был сбежать. Улыбаясь, Джонс сказал ему:

— Лис выбрал тебя разведчиком за твои способности и храбрость. Но все же я беспокоюсь о своих последователях. Разве не нарушу я свои обязанности, если не стану задавать тебе такие вопросы.

Тот буквально расцвел.

— Понимаю, Жрец Луны. Клянусь жизнью, воины Летучей Орды даже не подозревали, что мы наблюдаем за ними. Четверо все еще в засаде.

— Ты все сделал правильно. Теперь иди.

По взмаху руки Лиса воин развернулся и унесся галопом вдаль. Джонс недовольно сморщился, когда они проехали через облако пыли, поднятое его лошадьё. Однако его спутник не обратил на густую завесу ни малейшего внимания. Джонс вздохнул, удивляясь, как могло племя выжить, ничуть не беспокоясь о чистом белье, да и моясь от случая к случаю. Они принимали военных целительниц, посылаемых иногда Церковью, но решительно отвергали обычных целительниц, лечивших болезни. У Людей Гор имелся свой, жестокий обычай. Старухи, занимавшиеся больными, делали это принудительно. Это были вдовы, без особых навыков и уже вышедшие из детородного возраста, и с точки зрения племени они не только не имели ценности, но были совершенно бесполезны. Будет больной жить или умрет, будет сиделка жить или тоже умрет — все это решалось в домах болезни, расположенных далеко за пределами укрепленных деревень Людей Гор. Когда человек заболел, семья отправляла его к старухам в дом болезни, пела песнь смерти и горевала, на этом все кончалось. Если кто-то выживал, устраивался праздник. Потом жизнь снова шла своим чередом.

Теперь гимны Луне сменили старые песни. Их сочинил Джонс. В бытность священником он немного познакомился с теорией музыки и был приятно удивлен, обнаружив в Людах Гор некоторую склонность к гармонии. Ему было по-настоящему жаль, что не хватило времени написать хорошую песню о жертвах сражения с Летучей Ордой. Он решил вспомнить их всех во время следующей кремации. Все племя возвысит голос, чтобы ускорить их путь в Дальние Земли.

Джонс снова громко рассмеялся. Поглощенный своими мыслями, он не заметил косой взгляд Лиса. Если бы заметил, то объяснил бы с радостью, что сочиняем новые гимны, прославляющие собственное могущество. Глянув через плечо, Джонс увидел человека, присматривающего за его вьючными лошадьми.

Как весело будет посмотреть на них, когда они поймут, с чем имеют дело.

Лис произнес:

— Жрец Луны, я вижу, у тебя много мыслей на уме, но я должен спросить: ты доволен нашим планом? Не хочешь ли ты изменить его?

— Нет. План превосходен. Никаких изменений. — Вопрос разрушил хорошее настроение Джонса. Лис уехал, не сказав больше ни слова.

Длинные черные тени протянулись от гор на западе. Колонна продолжала идти прочь от заходящего солнца, молча ощущая, как его тепло перестает согревать спины. На севере сгущающиеся сумерки разорвал вой волчьей стаи. Другая стая эхом отозвалась на юге.

Лис приказал остановиться и наблюдал за установкой лагеря, разъезжая между шатрами и выкрикивая приказы. Начали бить малые барабаны, вскоре к ним присоединились звуки, издаваемые металлическими струнами арф, и пение флейт. Загорелись костры. Запах приготовляемой еды заполнил еще не достроенные жилища.

Некоторое время Джонс наблюдал, как его слуга и Алтанар устанавливают его собственный шатер. Устав от этого зрелища, он решил проехаться через лагерь в одиночку. Подошел дозорный, доложивший о засаде. Когда Джонс остановился, он сказал:

— Лис просил передать, что кочевники поставили дозорных. На утесе к северу, на следующем гребне к западу и на обрыве дальше к югу. В каждом месте по пять человек. Те, в засаде, спят на своих местах.

Не отвечая, Джонс поехал дальше. Все идет, как и должно. Воины, отрываясь от своих занятий, поднимали на него глаза, когда он проезжал мимо. Они кивали; многие улыбались. Дети махали ему. Джонс заметил, как пристально матери наблюдают за ним, какой у них нахохленный вид.

Женщины.

Его разум горел, растревоженный ревом пламени у кузнеца.

Женщины. Беспомощные. Собственность. Смотрят. Они кладут свои грязные руки на головы своих бесполезных ублюдков и наблюдают за ним. Дикие, предупреждающие глаза, которые смотрят со всех сторон, смотрят на него.

Пытаются заглянуть в него. В душу Жреца Луны.

Как Сайла. Хотят коснуться его мозга, хотят завладеть каждой его мыслью, каждым секретом. Она сделала это. Ведьма. Проклятая ведьма.

Ярость забурила в нем.

Женщины. Он подвергает их детей опасности. Они наблюдают.

Ярость пропала.

Жрец Луны узнал страх.

Глава 34

Джонс задрожал во тьме. Он повернулся, чтобы найти положение поудобнее, и, хотя он был уверен, что двигался совершенно беззвучно, один из людей Лиса обернулся к нему. В холодном свете неполной Луны он увидел, как тот поднял палец к разрисованному лицу, призывая к тишине.

К покрывшейся плотью дыре в черепе Джонса прихлынуло тепло. Какое-то отродье будет ему указывать. Этот мальчишка — глупец. Джонс даже сам не слышал, как пошевелился; разве его мог услышать кто-то другой? Это высокомерие, фальшивая...

Плеча Джонса коснулась рука. Крик, скрывавшийся у него в глотке с того самого момента, как они выехали из лагеря, попытался снова вырваться на свободу. Он смог сдержать его, только зажав рот предплечьем.

Лис крепче взялся за его плечо и осторожно потянул, показывая Джонсу, что тот должен следовать за ним. Сдвинув мешки со змеями на спину, Джонс, последовав примеру Лиса, опустился на живот. Твари явно заметили смену ситуации. Джонс почувствовал, как они завопили, одна даже лениво приглушенно затрещала.

Дюйм за дюймом продвигаясь вперед, Лис и Джонс ползли между деревьями, пока перед ними не открылся лагерь дозорных из Летучей Орды. Как и сообщил разведчик, их было пять человек. Трое спали, двое наблюдали за кострами в лагере Дьяволов, расположившемся на юго-западе. Один из спящих тихо похрапывал. Джонс прикинул, что от него до тройки примерно две длины его тела, а до остальных двоих еще раза в два больше. Те, что не спали, переговаривались между собой. Между ними и остальными тремя тускло светились угли костра.

Вдали послышалось уханье филина, раскатившееся по его охотничьим владениям. Двое воинов Лиса поднялись за спинами болтающих кочевников, они были словно кошки на охоте, бесшумные, внезапные. Два меча ударили одновременно. Одурачивающая волна чистейшего экстаза чуть не поглотила Джонса, когда клинки, словно серебряные лепестки, прошелестели в лунном свете. Головы отделились от тел и с шумом упали в заросли кустарника. Потом, будто подумав сначала, из шей ударили струи крови. Только сейчас тела начали падать.

Еще одна группа воинов появилась рядом со спящими. Клинки снова взлетели в лунном свете, нанося колющие удары.

Тут же нападавшие снова исчезли, растворившись в темноте.

Джонс смотрел на мертвые тела, поражаясь ужасной разнице между царившим только что теплом человеческой дружбы и холодной неподвижностью. Лис произнес:

— Путь открыт, Жрец Луны. — Слова были мягкими. Звук, который издают хищники. Лис в своей стихии.

Джонс еще раз содрогнулся, обругав про себя холод. Он снова вспомнил глаза женщин.

Лис показал во тьму.

— Летучая Орда кое-чему научилась. Сегодня никаких костров. — Он указал подбородком на лагерь дозорных. — Эти глупцы не научились. Но там, на гребне, и в долине их друзья ждут, когда мои люди утром въедут в их ловушку.

Сглотнув, Джонс сказал:

— Принесите тела.

Лис спросил:

— Какие тела? Никто из наших...

— Людей Летучей Орды. Посадите их на лошадей.

Джонс мог явственно слышать недоверие Лиса. Когда тот ответил, оно сменилось покорностью.

— Придется задержаться. Мы должны обмотать копыта их лошадей, как мы сделали с нашими.

— Тогда поторопитесь.

Несмотря на задержку, их небольшой отряд неплохо продвинулся за остаток ночи. Когда над горами на востоке загорелись первые лучи солнца, Лис дал сигнал остановиться. Долина перед ними расступалась, открывая глазу панораму лагеря Каталлона.

От костров поднимался дым. Люди бродили между нагромождением рассыпанных в беспорядке шатров и палаток. Стада скота и табуны лошадей встречали новый день мычанием и ржанием, катаясь в грязи. Пели петухи. Цыплята пищали. Какое-то движение привлекло внимание Джонса. Приглядевшись, он увидел койота, уносящего добычу подальше от палаток. За вором оставался след из выющихся в воздухе перьев. Еще долго после того, как он исчез из виду, оставшиеся в живых куры продолжали истерично кудахтать.

Джонс приказал:

— Поднимите белый флаг. Мы будем въезжать медленно. — Поднялся длинный шест с прямоугольной белой тряпкой на конце. Когда Джонс снова повернулся лицом к ближайшему лагерю кочевников, несколько человек уже смотрели в их сторону. Когда отряд двинулся, люди начали разбегаться. Через несколько секунд их встревоженные крики донеслись до всадников. Вскоре послышались звуки рогов и барабанов, созывающих всю Летучую Орду. Всадники за спиной Джонса, ехавшие по двое, ближе придвинулись друг к другу. Он оглянулся назад, и сердце защемило от выражения решимости на их лицах. По крайней мере, двое буквально светились, с радостью ожидая жизни или смерти.

Джонс запомнил их лица.

Лис сказал:

— Большой шатер, за которым стоит шесть фургонов, принадлежит Каталлону. Сейчас он кажется черным, но, когда солнце станет поярче, ты увидишь, что на самом деле он красный. Говорят, что он покрашен кровью. Фургоны предназначены для его жен и детей. Он никогда не спит с одной и той же женщиной две ночи подряд.

Все это были старые сплетни. Джонс понимал, что Лис разговаривает, чтобы успокоить нервы. Поэтому он позволил ему продолжать. Особенно интересной была та часть, где рассказывалось о приготовлениях ко сну. Кто-то может подумать, что это имеет отношение к гармонии дома. Но Джонс был абсолютно уверен, что они отражали состояние власти и агрессивности в лагере. Эта мысль помогла ему сохранить спокойствие при виде того, как все больше воинов Летучей Орды направлялось в их сторону. Сначала они просто шумели. Потом один испустил боевой крик. Через мгновение утренний воздух заполнился

пронзительными воплями.

Лис начал выкрикивать приказы своим людям. Те образовали плотное кольцо, заключив в него Джонса, выючных лошадей и тела убитых воинов. Белый флаг реял высоко в воздухе.

Наибольший интерес вызывал Джонс. В тюрбане и с большим диском, символом принадлежности культу Луны, поднятым высоко над головой, он выглядел экзотично. Поднявшись в стремени, он медленно повернулся, демонстрируя диск всем окружающим. Он пытался заглянуть в глаза как можно большему количеству воинов, взгляд его был вызывающим и высокомерным. Там, куда он смотрел, наступала тишина, стоявшая, пока он не отводил взгляд. Потом слышался низкий шум сбитой с толку толпы.

Народу все прибывало.

Во главе небольшой группы всадников подъехал мужчина с разлетающимися по ветру серебряными волосами, он был верхом на белом коне. На груди его висел лунный диск добрых десяти дюймов в диаметре. На всадниках, следовавших за ним, тоже были диски, но поменьше. К удивлению Джонса, на лбах у лошадей висели такие же. Толпа расступилась перед вновь прибывшими, как расступается вода перед лодкой.

Джонс посмотрел на предводителя. Это был худощавый пожилой человек. Ветер и солнце покрыли его лицо сеткой морщин. Одет он был в одежды темно-голубого цвета. Поверх них был накинута плащ из шкур, мягкий, словно пена, он ниспадал от украшенной драгоценными камнями застежки на шее, покрывая плечи мужчины и круп его лошади. Он въехал в круг, образованный воинами Дьяволов, и остановил свою лошадь в тот момент, когда она, казалось, уже готова была столкнуться с лошадью Джонса.

Всадник произнес:

— Я Жрец Танцующих-под-Луной в Летучей Орде. Вы те, кто убил их, те, кто убил наших людей.

Джонс молчал.

Жрец сплюнул.

— Вы убили наших людей, а теперь пришли к нам и принесли с собой их тела? Вы хотите скрыться за белым флагом?

Джонс снова отказался отвечать. Жрец залился краской, он возвысил голос:

— Вы сгорите вместе с ними!

Толпа, окружавшая кольцо воинов вокруг Джонса, взорвалась криками одобрения. Всей воли Джонса едва хватило, чтобы спокойно смотреть в глаза окружившим их людям, но в этом была его единственная надежда на спасение. Лис отдавал команды своим людям.

Жрец поднял свою длинную руку, указал на Джонса, потом круговым движением обвел весь отряд. Другой рукой он начертил круг у себя над головой.

Толпа взвыла. Блеснули обнаженные мечи.

По лицу Джонса катился пот. Все еще стоя в стремени, он теперь не осмеливался сесть, однако его колени слабели с каждым ударом сердца. Сейчас он уже с трудом сдерживал дрожь. Воин за его спиной начал молиться. Жрецу Луны.

Джонс взмахнул диском, зажатым в протянутой руке. Тень улыбки, скользнувшая по суровому лицу другого Жреца, источала презрение и триумф.

Перекрывая гомон, над толпой разнесся звук рога, требуя внимания. Все притихли, повернувшись в сторону его источника. Джонсу достаточно было взглянуть на приближающегося человека, чтобы понять — это сам Каталлон. Даже если бы он и не понял этого с самого начала, поведение толпы не оставляло сомнения; там, где люди расступились, пропуская Жреца, они собирались вокруг Каталлона, двигаясь вместе с ним. Только четверка всадников, расчищавших дорогу, позволяла ему свободно ехать.

На Каталлоне была алая куртка и желтые штаны, на голове он носил высокую шерстяную шляпу с широкими загнутыми полями. На какое-то безумное мгновение Джонсу вспомнился рисунок мексиканского вакеро из старой детской книжки по истории. Но стоило ему приглядеться к лицу Каталлона, как наваждение рассеялось. Там была мрачная ярость,

однако к этому Джонс был готов. Кроме того, в нем было странное обаяние.

Джонс опустил в седло. Инстинкт подсказывал ему, что с таким почетом могут встречать только Каталлона.

Всадники раздвинули толпу, освободив для Каталлона место рядом со Жрецом.

Джонс прочистил горло. Затем произнес:

— Я приветствую Каталлона. Я предлагаю ему объединить наши силы.

— Ты знаешь меня?

— Я не знаю тебя в лицо. Но я чувствую. Ты — Каталлон.

— А если я скажу, что я — Вождь Войны, пришедший, чтобы поддержать Виппарда в его решении разорвать вас на куски?

— Я бы назвал это ложью.

По толпе прокатился вздох. Краем глаза Джонс заметил, как снова поднялись мечи.

Каталлон произнес:

— Ты не храбр, ты глуп. Ты привез с собой тела моих воинов на их собственных лошадях. Наших лошадях. Ты должен знать, что сейчас мои воины избивают твоих людей. Ты хочешь купить свободу себе и этой кучке убийц? Думаешь, я возьму такого труса в плен?

Подбородок Лиса поднялся. Глаза сверкнули.

Джонс произнес:

— Никакой бойни не будет, Каталлон. Еще до рассвета мои воины разогнали ваших лошадей. Остальные наши люди уже давно отступили обратно в горы. Никто не войдет в ловушку. Сейчас твои воины идут назад в свой лагерь. Некоторым наверняка удастся поймать лошадей. Они должны появиться довольно скоро.

Лицо Каталлона потемнело.

— Лживый Жрец, сегодня ты умрешь. И если ты лжешь мне, то твоя смерть будет весьма мучительной.

— Я не умру. Я не умру сегодня, как не умру и в любой другой день, определенный человеком. Еще не время. Хотя я всего лишь человек, но мое время вернуться к Матери еще не пришло.

— Ты в этом уверен, не так ли? — Каталлон ухмыльнулся. — Посмотрим.

Жрец, которого звали Виппард, наклонился вперед.

— Может, твоя Мать и не хочет, чтобы ты вернулся домой, глупец, но мы все же пошлем тебя к ней сегодня ночью, когда Мать всех нас явит нам свой лик. Обещаю, ты будешь молить обеих матерей отпустить тебя домой, где бы он ни находился.

Не обращая внимания на Виппарда, Джонс заговорил с Каталлоном.

— Я бы не пришел к столь могучему владыке, как Каталлон, с таким ничтожным предложением, как моя личная помощь. И возможности бежать от тебя я тоже не ищу. Мы ищем мира и единства с Летучей Ордой. — Он остановился, медленно отвернувшись от Каталлона, чтобы оглядеть толпу. Потом, возвысив голос, произнес: — Я пришел к Каталлону, чтобы предложить ему мощь Луны. Я делаю это потому, что так приказала мне моя Мать, Луна. Она послала меня.

— Нечестивец! — Виппард пришпорил свою лошадь, бросив ее вперед. Ухватив его поводья, Каталлон едва не был вырван из седла. Один из всадников загородил Джонса своей лошадью от Виппарда. Порядок быстро восстановился, Каталлон отбросил шляпу, и она повисла у него за спиной, держась на ремешке. Тревожный шум толпы никак не отразился на его поведении.

— Твои воины опозорили самых лучших из наших воинов, — произнес он. — Ты предвидел все наши ловушки. Теперь ты говоришь о силе Луны. Если ты сможешь показать мне, что ты имеешь в виду, если ты сможешь поделиться этой силой с моим Вождем Войны и его генералами, то я, возможно, оставлю тебя в живых. Но если ты еще раз скажешь, что являешься сыном Луны, я не берусь сказать точно, что сделают с тобой наши Жрецы.

— Я разделю с Каталлоном все, что имею. Но я не отрекусь от своего наследства. Если этот Виппард думает, что значит для моей Матери больше, чем я, позволь ему бросить ей

вызов. Сегодня, когда она явится нам во всем величии своей красоты, проверь нас. Посмотри, сможет ли он или его Жрецы превзойти могущество, данное мне.

— Состязание. Между Жрецами? — Каталлон расхохотался. — Кто может отказаться от такого? — Толпа засмеялась вместе с ним. Каталлон закричал: — Приготовьте погребальный костер для наших воинов. Относитесь к ним, как настоящим людям, достойным меча. Сегодня ночью этот хвастливый Жрец будет состязаться с нашим Виппардом. Все вы будете им судьями. Если этот чужеземец не покажет нам того, что обещает, — он поднял большой и указательный пальцы, сомкнув их в кольцо, — он продолжит развлекать нас. И все, кто пришел с ним, последуют за ним. — Он опустил в свое седло и обернулся к Джонсу. — Кто бы ты ни был, следуй за мной. Как тебя звать?

Джонс видел в нем ум и обаяние. И еще легчайший проблеск нерешительности, искорку страха, испытываемого человеком, который не знает точно, с чем же он столкнулся.

— Жрец Луны, — произнес Джонс. — Я — Жрец Луны.

Глава 35

Лис злобно смотрел на толпу, окружившую Людей Гор. Его люди сидели кружком, в центре которого горел небольшой костер из сушеных коровьих лепешек. Каждый из сидящих следил за тем, что делалось за спиной у товарища напротив. Все делали вид, что не замечают время от времени звучащие оскорбления и враждебные взгляды.

Лишь раз они нарушили подобное относительно безопасное расположение, проверяя выучных лошадей с поклажей Джонса. Все животные были привязаны к частоколу и, кроме того, на всякий случай стреножены.

Лис обратился к своим людям:

— Если эти отбросы из Летучей Орды относятся к нам, как к «настоящим людям, достойным меча», то как же они относятся к ненастоящим?

— Если Жрец Луны не использует какое-нибудь очень сильное волшебство, то скоро мы все об этом узнаем, — беззаботно ответил один из них. Точно так же он мог говорить о погоде.

Лис хмыкнул:

— Лучше бы Жрец Луны не заставлял нас смывать раскраску смерти. Я не должен идти к Матери-Луне с чистым лицом. И моя рука все еще не окрепла после раны. Если они придут за нами, то толпа окажется справа от меня.

— Сколько, ты думаешь, мы протянем?

— Во всяком случае, не так долго, как если бы они взяли нас живыми.

Один из воинов спросил:

— Сколько еще осталось до рассвета?

Другой ответил ему:

— Ты хотел спросить не о рассвете. Ты, наверное, имел в виду восход Луны. Ты боишься, что Жрец Луны проиграет.

Первый воин опустил голову, бесцельно ковыряясь в грязи. Тот, чья вера была крепче, наградил его презрительным фырканьем и повернулся к Лису.

— Жрец Луны рассказывал тебе о новой силе, дарованной ему Матерью? О том, как именно он побьет этого Жреца из Орды?

— Он никогда никому не рассказывал, как ему удастся управлять змеями, не так ли? Мне он позволил наблюдать за собой лишь потому, что ему нужен был свидетель. Но когда придет время, он всем покажет.

— Надеюсь, — прошептал человек, сидевший рядом с ним.

Лис резко повернулся к нему. Сказал едва слышно:

— Довольно. Если Жрец Луны проиграет, то только потому, что его Мать призовет его домой. Даже он не может знать всего. Если такое случится, то наша честь велит нам следовать за ним.

Лис снова отвернулся к окружающей толпе. Однажды ему показалось, что он увидел Варналала, но он не был в этом уверен. Он не винил того за нежелание приближаться к ним. А быть связанным с судьбой Джонса — не большое утешение.

* * *

Перед тем как следовать за Каталлоном и Виппардом, охранники заставили Джонса спешиться. Четыре человека сопровождали его. Джонс не пожалел времени, чтобы повернуться к каждому из них по очереди и пристально посмотреть в глаза. Они выражали угрозу, но он выдержал взгляд каждого. Когда стражи наконец заключили его в кольцо и двинулись вперед, Джонс упивался их настороженностью.

Змеи в мешках постоянно шевелились, будто почувствовав, что мир вокруг их теплого убежища круто переменился. Когда они просто были голодны, их движения были короткими и нервными. Теперь все было совершенно по-другому. Медленно, но непрестанно они скользили по груди Джонса. Он был рад, что свободная рубашка скрывает их шевеление, но сам наслаждался их прикосновениями, их силой, доверенной ему.

Возвышавшийся впереди шатер Каталлона привлек к себе внимание Джонса. Шерстяная материя была, как и говорил Лис, пурпурно-красного цвета венозной крови. Порывы ветра заставляли ее шевелиться, делая похожей на бьющееся сердце. Растяжки были сделаны из кожи. Наружные шесты по высоте превосходили всадника, каждый из них оканчивался копьем. Больше на шатре не было никаких украшений, ни флажков, ни эмблем.

Эскорт Джонса остановился у небольшого навеса перед главным входом.

Дальше Джонс пошел один. Свет давали дюжины свечей, расставленных на треугольных подставках, и клапаны в потолке. Однако сейчас, холодным утром, лишь немногие из них были открыты. Через те, которые находились на восточной стороне, проникали прямые солнечные лучи. В них вился дым от свечей.

Висящие гобелены с изображениями охотничьих сцен разгораживали шатер на несколько комнат. Около дальней стены находилось возвышение с тронem. Каталлон указал на разрез в стене справа от Джонса. Виппард уже скрылся в нем. Джонс еще не успел двинуться, чтобы выполнить приказ Каталлона, как от стены рядом со входом отделился охранник, не замеченный им ранее. Он протянул руку к груди Джонса, и тот оттолкнул его. Охранник тут же выхватил меч.

Каталлон закричал:

— Нет! Не убивай его! — Потом спросил: — Что ты там прячешь?

Джонс произнес:

— Создания духа. Они были посланы мне как символ моего бытия.

Разгневанное лицо Виппарда появилось из разреза, служившего выходом.

— Животные? Поклонение Луне не требует никаких созданий духа.

— Я говорю о себе, — холодно оборвал его Джонс. — Мое могущество принадлежит только мне.

Обернувшись к Каталлону, Виппард произнес:

— Я не желаю находиться в одной комнате с этим мошенником и его вонючей рубахой, набитой дерьмом.

— Сядь в соседней комнате и слушай через стену, если это нравится тебе больше, — сказал Каталлон. Он пристально смотрел на Джонса. — Ты сказал, что эти создания символизируют твое бытие? Мы знаем людей, называющих себя Народом Медведя, Тигра, и еще много других. Ты это имеешь в виду?

— В своем роде. Я намеревался показать тебе.

— Это та сила, которую, как ты утверждаешь, ты получил от Матери? — улыбка Каталлона стала угрожающей.

Джонс спокойно ответил:

— Малая ее часть.

Каталлон жестом приказал Джонсу следовать за Виппардом, сам он шел сзади.

Вторая комната явно предназначалась для избранных. Тут были стулья, сделанные из деревянных рам с кожаными сиденьями и спинками. Небольшие подушечки, лежащие рядом с каждым из них, позволяли сидевшим устраиваться поудобнее. Виппард уже занял свое место. И, как заметил Джонс, выбор его был не случаен. Очевидно, что Каталлон сидел на самом большом стуле. Виппард сидел к востоку от него, спиной к солнцу. Пока Джонс наблюдал за ним, тот с помощью длинного шеста откинул клапан у себя над головой. Скоро солнечный луч будет светить прямо на стул, повернутый к западу. Это будет весьма неудобно.

Каталлон произнес:

— Ты доставил мне неприятности. Ты бросил вызов нашим Жрецам. Ни одно из этих действий не было ни разумным, ни необходимым.

— Я хотел бы, чтобы наша встреча произошла при лучших обстоятельствах.

— Ты мог приехать сюда вместе со своими людьми и присоединиться к Летучей Орде.

— Кого еще ты принимал столь радушно?

— Важно то, что вы убили многих наших людей. Теперь мой народ требует возмещения.

— А мы требуем задуматься. Мы знаем, что вы продолжаете двигаться на запад. Мы находимся между вами и морем. Вы уничтожаете всех на своем пути и поглощаете тех, кто сдается. Мы должны были дать вам понять, что не хотим быть уничтоженными, поэтому мы хотим сдаться вам, но на наших собственных условиях.

— Условия? Требования? Ты сидишь в моем шатре, окруженный тысячами моих людей, и говоришь эти слова? Мне? — Несмотря на ураган ярости, бушевавший прямо перед ним, сердце Джонса воспарило. Лишь необычный человек может командовать такой огромной ордой кочевников. Джонса поразила целеустремленность, яростная непримиримость, которую излучал Каталлон. Для него любое поражение будет лишь временным. Сколько бы он ни жил, все его помыслы будут лишь о следующей битве. И о той, которая после нее. Каждое завоевание было лишь ступенькой на пути к новому.

Джонс надеялся, что голос не выдаст его радости.

— Я понимаю тебя, Каталлон. Я знаю, чего ты хочешь. Ты слышал истории о Великом Океане, о мягком климате по ту сторону гор. Ты желаешь править там. Я могу осуществить это желание.

Виппард издевательски улыбнулся.

— Лжец. Каталлону нужно больше воинов, больше пищи и воды. Ему необходимо знание горных проходов и земель по ту сторону гор, ему необходимо...

Каталлон свирепо взглянул на него, и Виппард прекратил перечислять слабые места Летучей Орды. После неуклюжего вступления он продолжал:

— Нам необходимо духовное руководство культа Луны. Только через веру можем мы возвысить свои души и жизни.

Джонс наклонился вперед.

— Был ли твой отец вождем твоего племени, Каталлон?

Тот испуганно уставился на него, потом разразился смехом.

— Ты собирался служить высокородному вождю? Но не здесь, Жрец. Я не знал своего отца. Моя мать умерла при родах. Меня воспитала ее сестра, сделавшая меня своим рабом. Чтобы выжить, я научился сам брать то, что хотел. Я не являюсь избранным вождем. Я правлю, поскольку сам избрал для себя такой путь.

Джонс сплел пальцы, положив руки поверх змей. Их хищное простодушие вливалось в него прямо сквозь ткань.

— Ты пришел в мир нагим и одиноким. Ты поднялся над рожденными править. Говорю тебе, не насмехайся надо мной лишь потому, что я кажусь слабым и бесполезным. Ты можешь убить меня с такой же легкостью, с какой могла бы убить тебя твоя тетка. Но моя потеря будет для тебя невозполнимой.

Каталлон отвернулся и хлопнул в ладоши. В комнату вбежала женщина. На ней была длинная желто-коричневая юбка и блуза чуть потемнее. Каталлон сказал:

— Мясa. Пивa. Хлебa. — Он взмахнул рукой, и женщина исчезла.

Снова повернувшись к Джонсу, Каталлон начал молча разглядывать Жреца Луны. Сначала Джонс смотрел прямо на него, потом отвернулся. Виппард улыбнулся, наслаждаясь неудобным положением противника. Джонс сосредоточился на том, что предстояло сделать этой ночью.

Чем яснее он представлял себе грядущие события, тем увереннее становился.

Два раба внесли стол с едой. У каждого из них вокруг шеи и запястий были надеты тонкие стальные обручи. Кольца, приделанные к полоскам, служили для привязи. Оба раба были обнажены по пояс. Когда они повернулись к Джонсу спиной, он увидел, что спина одного из них обезображена вспухшими красными рубцами, оставленными кнутом. Рука Джонса скользнула к его тюрбану. Он представил себе свою собственную изуродованную, униженную плоть. Перед его мысленным взором проплыл образ Сайлы.

Каталлон наблюдал; когда рабы вышли, он кивнул.

— В Летучей Орде жесткая дисциплина, — произнес он, потом взял зазубренный нож и отрезал ломоть мясa. Мясo исходило красным соком, а его аромат чуть не лишил Джонсa рассудка. Он схватил нож еще до того, как Виппард успел потянуться к нему, отрезал кусок и, последовав примеру Каталлона, положил его на хлеб. Пиво было налито каждому в отдельную кружку, пена наверху выглядела, словно желтые сливки. На мгновение Джонс позабыл обо всех своих трудностях.

Каталлон как раз допивал последнюю кружку, когда из первой комнаты послышался звон колокольчика. В ответ Каталлон прокричал какой-то приказ. Вошел охранник. Он сказал:

— Часть из тех, кто был в засаде — около двадцати человек, им удалось поймать лошадей — вернулись. Пришел Вождь Войны.

Каталлон еще раз хлопнул в ладоши, приказав убрать остатки пиршества. Бросив быстрый взгляд на Джонсa и Виппарда, он в ожидании откинулся в кресле.

Человек, влетевший в комнату, был меньше похож на Вождя Войны, чем любой другой, когда-либо виденный Джонсом. Ростом он был ниже пяти с половиной футов, и почти такой же в ширину. Маленькая головка, венчавшая массивное приземистое тело, выглядела жестокой шуткой природы. Даже множество шрамов, пересекавших ее бритую кожу во всех направлениях, и угрожающее выражение единственного уцелевшего глаза не могли разрушить иллюзию того, что это существо было собрано из обрезков, оставшихся от разных людей. Потом в Джонсе все же возобладал более аналитический взгляд на вещи. Руки воина, хоть и короткие, вздувались могучими мускулами. Бедра, больше напоминавшие бочонки, и вздутые икры переходили в относительно небольшие ступни и почти изящные лодыжки. Пятна пота на кожаной рубахе отмечали те места, где раньше были надеты доспехи. Джонс представил, как тот срывал их с себя по пути сюда.

Единственный глаз воина дико метался, потом остановился на Джонсе. Без всякого предупреждения он выхватил из чехла боевой топор и бросился на него.

Ошеломленный Джонс видел, как медленно, словно в кошмарном сне, опускается на него изогнутое лезвие.

Слишком поторопившись, Вождь Войны споткнулся. На его грубом лице отразилось удивление, смешанное с раздражением. Он постарался сохранить равновесие, пытаясь направить неожиданно перекосившуюся рукоять топора в нужную сторону. Это усилие еще больше закрутило его к центру. Вождь пошатнулся, вывернулся и оказался прямо лицом к лицу с Джонсом. Топор просвистел рядом с ухом Джонсa и врезался в массивную спинку стула.

Раздавшийся звук был по-своему мелодичен, чистый стук дерева, потом тихий звон металла, словно вдалеке ударили в колокол. Чувствуя, как опустошается мочевой пузырь, Джонс одновременно вслушивался в этот звук, понимая, что он запомнит его до конца своих

дней, как запомнит и зловонное дыхание Вождя, и его красный, мокрый открытый рот, пока он пытался освободить оружие.

Джонс посмотрел вниз и увидел змей. Он не помнил, чтобы выпускал их, и все же они были на свободе, тело каждой сжимала его рука.

Воин заметил их на мгновение позже. Его глаза вылезли из орбит. Когда он закричал, капли слюны брызнули на Джонса.

Яростно гремевшие змеи одновременно впились в него. И еще раз. И еще. Они кусали напрягшееся, вздувшееся горло, лицо, грудь. Яд буквально вливался в раны. Одна укусила его за руку, на сгибе около локтя, тут Вождь запоздало отшатнулся назад, выпустив топор.

Он катался по утопанному земляному полу, безумно крича и дергая ногами. Каталлон и Виппард отупело смотрели на него, как и стражники, вбежавшие в комнату, остальные столпились в дверях.

Вождь сумел сесть. Кожа его приобрела бело-голубой оттенок. Потухающий глаз снова уставился на Джонса. Парализованный Джонс сел и уставился на него, шипящие и гремящие змеи обвернулись вокруг его вытянутых рук.

Вождь снова взглянул на него, потянувшись к Джонсу. На таком расстоянии было видно, что он хочет вновь завладеть топором. Каталлон и Виппард за его спиной наблюдали, не в силах сдвинуться с места.

Оправившись, Джонс запихнул змей обратно в мешки. Подняв лунный диск правой рукой, он протянул его в сторону воина. Потом произнес глубоким голосом:

— Я прощаю. Как и я, ты восстанешь из мертвых, когда придет мое время, и присоединишься ко мне в вечной жизни рядом с моей Матерью, Луной.

С искаженным лицом, открывая и закрывая рот, Вождь снова потянулся к Джонсу, пытаясь достать свой топор. Его рука коснулась колена Джонса. Тот склонился вперед, положив руку под подбородок умирающего. Джонс был приятно удивлен тем, как много сил потерял этот человек; теперь он был словно младенец. Джонс произнес:

— Приди ко мне, сын мой. Я утешу тебя. Верь в меня и ступай, готовый снова подняться по моему зову. Я, Жрец Луны, говорю тебе.

Вождь в конвульсиях свалился ему под ноги. Все видели, как он стряхивает с себя последние остатки жизни.

Джонс откинулся на своем стуле. Он старался не обращать внимания на теплую лужу, разливавшуюся под ним. Чтобы усилить воздействие своей речи, он обратился к Каталлону:

— Луна умирает, чтобы возродиться снова. Так и я. Змея сбрасывает кожу и живет обновленной. Так и я. Но змея — это лишь символ. Многие скрыто во мне, могущество, которое ты даже не можешь себе представить. Оно превращает змеиный яд в утреннюю росу. Я предлагаю это могущество тебе. Но если ты причинишь вред моим людям, если ты причинишь вред мне, ты потеряешь его навеки. Вместо этого ты получишь проклятье Жреца Луны и пронесешь его до самой смерти и до седьмого колена.

Медленно и уверенно Джонс повернулся к Виппарду.

— В своем высокомерии ты хочешь состязаться со Жрецом Луны. Что ж, попробуй.

Глава 36

— Поторопитесь, идиоты, — закричал Джонс.

Лис побледнел. Его очень беспокоило взвинченное состояние Джонса. Таким он не видел его с самого перерождения. Джонс беспрерывно мерил шагами огороженную площадку, на которой должна была состояться его встреча с Виппардом.

Тела мертвых воинов Летучей Орды лежали на верхушке погребального костра в дальней части площади. За веревочной изгородью стояло массивное кресло, обращенное к устройству, над которым сейчас работал Лис и его люди. По бокам от него стояли четырнадцать меньших кресел. Каталлон, Виппард и другие знатные люди из племен Летучей Орды будут наблюдать оттуда за состязанием.

Огромная толпа, уже собравшаяся по ту сторону веревок, не добавляла Лису уверенности. Он лишь раз видел подобное скопление народа, когда произошла Битва. Так в его народе называли сражение, в котором Гэн Мондэрк наголову разбил Олу.

Кроме всего, устройство Джонса раньше видел только он сам, кузнец и мастер по дереву. Сборка шла медленно и неуверенно. Толпа чувствовала их смущение. Люди хрипло кричали и обсуждали, какой именно смерти предост Виппард весь отряд, как только разоблачит фальшивого Жреца.

Но, несмотря ни на что, работа продолжалась.

Основой всему устройству служил приземистый стол, высотой по колено человеку. Вдоль его крышки располагалась большая деревянная рама. К ней крепился кусок тонкой кожи площадью добрых пять квадратных футов. По обеим сторонам было нарисовано по четыре колонки, из семи квадратиков каждая. В крайнем левом столбце каждый квадратик был разделен диагональной линией, проведенной из нижнего левого угла в верхний правый. Верхний треугольник был покрашен белым, нижний — черным. В следующем столбце все квадратики были белыми, их делила черная линия. Третья часть была зеркальным отражением первой; диагональ проходила из верхнего левого угла к нижнему правому, а черный находился над белым. Последний столбец представлял собой черные квадраты, разделенные белыми линиями.

Над каждым столбцом находилось изображение соответствующей фазы Луны. Оно крепилось к раме металлическим зажимом, проходившим в специальное отверстие.

Пока мастера крепили раму к скобам, Лис заметил, что кожа пропитана пчелиным воском. Это напомнило ему, как в их собственном племени люди варили кожу в масле, чтобы потом изготовить из нее доспехи, называемые бармалами.

В уже начавшей обретать форму конструкции было что-то неуловимо тревожное. Лис отлично понимал, что символизируют двадцать восемь квадратиков, изображавшие лунный цикл. Лунные диски, которые сейчас распаковывали его люди, явно имели религиозное значение. Но к чему весь этот разговор о могуществе, о даре от Матери-Луны? Лис поймал себя на том, что закусил губу. Его раздражало, что он поддался всеобщему беспокойству, и злость Лиса теперь обратилась на Джонса.

Жрец Луны. Он обещал многое и многим.

Лис взглянул на восток. Обрисовавшиеся силуэты гор возвещали скорый восход Луны. Рождение могущества Жреца Луны. Или холодный безжалостный свет, который осветит им дорогу в Дальние Земли.

Красновато-коричневая середина каждого лунного диска была изготовлена из прочной керамики и имела около трех футов в поперечнике. В центре имелось большое отверстие, а вдоль внешней кромки шли глубокие вырезы. Кроме того, были еще длинные граненые куски полированной меди, сужавшиеся от широкого тупого конца к маленькому скругленному. Джонс наблюдал, как воины вставляют их в вырезы на кромке, закрепляя потом медными штифтами. Выступавшие примерно на шесть дюймов толстые концы изображали вместе с диском полную Луну с красными лучами.

На каждой стороне экрана из воцеленной кожи разместилось по диску. Два воина насаживали их на оси, выступавшие из треугольного основания. Закрепленные на своем месте диски могли свободно вращаться.

Воцеленная шкура полностью отделяла один диск от другого, а сам диск почти полностью закрывал рисунки на ней.

Лис не видел во всем этом никакого смысла.

К каждому основанию был прикреплен небольшой стальной прут. На конце этих прутьев находилась щеточка из тонкой медной проволоки. Когда диск вращался, она касалась медных лучей. Лис заметил, что щеточки на передней стороне касались лучей в верхнем левом и нижнем правом углах. С обратной стороны экрана все было наоборот.

Почему?

На каждой оси располагался небольшой шкив, перекинутый через него кожаный

ремень уходил к большим колесам, стоявшим несколькими футами дальше. Они были закреплены на толстой балке, находившейся под столом. На колесах были рукоятки. На каждом конце балки располагалось по сиденью. Очевидно, что на каждом из них должен был сидеть человек и вращать колесо, которое, в свою очередь, будет вращать шкив вместе с осью и диском.

Опять же, зачем?

Продолжавшаяся сборка отвлекла внимание Лиса. Два больших деревянных столба вставили в отверстия, прорезанные в столе, и закрепили на месте. Они выступали над крышкой стола примерно на дюйм и располагались по бокам от рамы, обтянутой кожей. Столяр разукрасил их резными изображениями гремучих змей, обвивавшихся вокруг каждого столба. Одна из них тянулась до самого верха, почти касаясь декоративной шишечки на конце столба, ее голова со зловещими глазами была повернута к зрителям. Вторая доходила только до половины, в ее пасти была зажата вещь, которую Лис мог назвать только парой медных гребней. Зубья одного гребня были направлены навстречу зубьям другого, сами гребни располагались параллельно земле. Они настолько близко подходили к медным лунным лучам, что Лису пришлось встать на цыпочки и заглянуть сверху, чтобы убедиться в отсутствии контакта.

Клин, вбитый между столом и балкой, натягивал ремень.

Джонс приказал испытать устройство.

Оба диска завертелись в промежутке между гребенками. Медные кисточки тихо зашуршали. От осей доносился зловещий шепот.

Потом послышался новый звук. Устрашающее трескучее шипение. Джонс заметил озадаченное выражение на лице Лиса и улыбнулся. Эта улыбка испугала Лиса даже больше, чем сам звук.

Джонс лично присоединил штифтами по одному медному стержню к каждой паре гребней. Они вставлялись в горизонтальные отверстия, проделанные в столбах. Несколькими дюймами ниже из такого же отверстия выходила короткая медная цепочка. Джонс присоединил к ней еще один кусок цепочки, который крепился к кольцу на крышке стола.

Воины достали неуклюжую тяжелую конструкцию. Взглянув на нее, Лис скривился, теперь он понял, почему Джонс собрал в лагере всю медь, какую только смог найти. Этот последний элемент был похож на ступеньки от лестницы, но не толще лезвия ножа и без крепления. Совершенно невозможно. А для щита эта штука была слишком неуклюжей.

В толпе заорали. Лицо Лиса загорелось.

Джонс положил поверх крышки маленького столика еще несколько слоев вощенной кожи. На них покоился верх медной конструкции, выступавший из передней части алтаря и доходивший почти до самого лунного диска. Длинные деревянные стержни проходили через отверстия в коже и меди, закрепляя все устройство на столе. Центральная часть висела в воздухе. Нижний выступ был похож на площадку для молитвы и лежал на земле.

Джонс прикрепил к правой гребенке медный провод. С другой стороны он проходил через отверстие в металлической пластине, лежавшей на столе.

Джонс снова приказал крутить колеса. На этот раз их громохание показалось Лису еще более хриплым. Снова послышалось то самое влажное шипение.

Неожиданно Лис обнаружил, что весь вспотел. И сильно. Вполне естественно прийти в замешательство при виде нового устройства Джонса, да еще такого секретного. Но почему оно его?.. Лис вынужден был произнести это слою: пугает.

— Жрец Луны, мы готовы, — сказал один из воинов.

Лис резко отодвинулся от того, что скрывалось в этой штуке, стоящей перед ним. Воины сняли шкуру с груза, навьюченного на последнюю лошадь. Под ней находилась корзина из ивовых прутьев, в которой лежал любимый кувшин жены Оттера Пятого. Один из воинов достал его из корзины, другой взял пару отполированных медных горшков. Большой из них Джонс закрепил на пластине, заменявшей крышку стола. В этот горшок поместили фарфоровый кувшин, а в кувшин — меньший горшок. Горшки были всего на пару дюймов

короче кувшина и так точно подходили по размеру, что практически скрывали его между собой.

Лису оставалось только преклонить голову перед искусством кузнеца. Горшки получились без единого шва и с абсолютно плоскими доньшками.

Кусок белого полотна, прикрепленный к краю стола, свешиваясь до самой земли, закрывал медные ступени. Лис оценил эту мысль; ткань придавала всей конструкции видимость надежности.

Из груды вещей Джонс достал медную дубинку с большим плоским диском на конце. Подойдя ближе, Лис разглядел, что это на самом деле литая статуэтка. На круглой подставке стояла вытянутая фигурка мужчины, его руки были прижаты к бокам, ноги напряжены, кулаки сжаты. Вся поза выражала агонию.

Лицо не оставляло в этом никакого сомнения.

Белые кварцевые глаза были ужасающе выпучены, черты лица искажены. Рот широко раскрыт в бесконечном неслышном крике, обнажившем костяные зубы.

Статуэтка стояла во внутреннем медном горшке. Ее страшная голова и плечи торчали над краем кувшина.

Прозвучали боевые рога. Над дальними утесами появился серебристый краешек Луны. Каталлон со свитой направились к своим креслам.

В наступившей тишине Лису почудилось неслышное движение готовящегося к прыжку леопарда. Он понимал, что этот момент станет кульминацией его жизни. Он не стоял с врагом лицом к лицу, сталь против стали. Он смотрел в лицо самой судьбе.

Или вере.

Джонс наблюдал за прибытием Каталлона с непоколебимой уверенностью. Он никогда еще он не чувствовал себя настолько живым, никогда не чувствовал свое тело так хорошо. Казалось, будто каждый волосок поет.

Ему предназначено судьбой принести этим людям свет истины. И даже больше. Крестовый поход любви. Всем людям, которые будут пленены праведностью.

Виппард обратился к толпе:

— Каталлон дает этому богохульному Жрецу возможность постоять за себя. Вы выберете смерть для него. Вам отдадут его сторонников как расплату за наших убитых воинов. Когда мы уничтожим все его племя, выжившие достанутся вам на потеху.

— Убейте его сейчас! Он убил нашего Вождя Войны! — Требование прозвучало на дальнем конце толпы, и его тут же подхватили голоса.

Глядя прямо перед собой, Каталлон нахмурился. Джонс поднял руки, призывая к тишине. Однако этот жест только накалил обстановку.

Каталлон встал. Вся Летучая Орда затаила дыхание. Каталлон произнес:

— Сегодня мой Вождь Войны осрамил меня прямо в моем шатре. Он обнажил оружие. Он напал на этого человека. Никто не мог победить Вождя Войны. Этот человек убил его. — Мрачная ярость забушевала, словно зимний вихрь. Однако Каталлон усмирил ее единственным жестом. — Большинство из вас слышало, что Вождя Войны убили звери духа. Это правда. Гремучие змеи. Они жалят по приказу этого человека. И он заявляет, что обладает намного большим могуществом. Он предлагает поставить его на службу Летучей Орде. Мы испытаем его.

Когда Каталлон снова занял свое место, Виппард дал сигнал одному из своих Жрецов. Тот оказался искусным жонглером. Он удерживал в воздухе четыре мяча и при этом выделял акробатические трюки. Джонс кисло отметил, что мячи были раскрашены таким образом, чтобы изображать фазы Луны. Потом Жрец заставил исчезнуть и вновь появиться большой лунный диск, сопроводив это соответствующими религиозными комментариями в адрес Джонса, презрительно наблюдавшего за представлением.

Второй Жрец-фокусник был соперником посерьезнее. Он положил лунный диск в коробку, из которой он исчез и появился в другой. Потом он извлек из воздуха яйцо. Подойдя к небольшой корзинке, Жрец развернул кусок холста примерно в фут шириной и

четырёх футов длиной. Он разложил материю так, чтобы она выстилала корзину изнутри, концы свободно свисали наружу. Яйцо положили на холст, и доброволец завернул концы ткани внутрь. По приказу Жреца он с силой опустил свой кулак на получившийся сверток.

Толпа зашумела. Джонс понял, что этот фокус они видят в первый раз. Виппард явно решил превзойти своего противника.

Взявшись за холст, Жрец развернул его, чтобы показать, что тот чист. Потом он поднял корзину, перевернул ее и вытряхнул живого пищавшего цыпленка. Тот забегал, хлопая крыльями, словно сумасшедший, пока не скрылся в тени, отбрасываемой погребальным костром. Толпа взорвалась смехом.

Когда молодой Жрец ушел, заговорил Виппард:

— Кто, кроме Жрецов Летучей Орды, может превратить яйцо во взрослую птицу? Этот мошенник утверждает, что обладает большим могуществом. Оценим его.

Рев, бывший ему ответом, заставил маленький отряд Джонса пошатнуться. Кое-кто потянулся за оружием. И все смотрели на Джонса.

Он гордо встал перед Каталлоном.

— Оскорбительные фокусы. Детские игры. Он позорит Танцующих-под-Луной. — Джонс бросил на сидящего Жреца грозный взгляд. — Цыплята? — Слово сочилось презрением.

Обернувшись к Каталлону, Джонс продолжил:

— Нельзя ли вывести ко мне матерей и жен пяти погибших воинов? И пусть мне принесут жидкость, которую вы используете, чтобы разводить огонь.

Каталлон приказал выполнить оба пожелания.

Джонс махнул своим воинам. Двое подбежали к сиденьям устройства. Снова повернувшись к Каталлону, Джонс выпрямился и возвысил голос.

— Осмелится ли Виппард состязаться со мной? Он сказал, что вы должны оценить меня. Это верно. Я должен быть достоин Каталлона, я должен быть достоин Летучей Орды. Я должен быть достоин Луны. Кто не согласен со мной? — Тишина. Зачарованная тишина. Джонс продолжил: — Я вызываю Виппарда прикоснуться к могуществу моей Матери. Сначала вы увидите, как она пощадит меня — ее сына, потом одного из вас — невинного.

На этот раз послышался шорох.

Джонс подошел к своей конструкции. Встав слева от нее, он сказал:

— Вот мой алтарь. — Потом раскрутил передний диск, протирая медные лучи тряпичей. Повторил ту же операцию со вторым диском. Губы его двигались в непрерывной молчаливой молитве.

Повернувшись к алтарю спиной, Джонс извлек из внутреннего кармана своего плаща керамическую флейту. С ее помощью он поместил медную цепочку во внутренний медный горшок. Сделав это, Джонс повернулся лицом к Луне и исполнил короткую печальную мелодию. Когда он закончил, двое воинов завертели колеса.

Раскрутившиеся диски издавали густое самодовольное гудение. Шипение превратилось в угрожающий треск.

Джонс еще раз подошел к куче вещей, возвратившись с куском меди в форме серпа. С помощью втулки он прикреплялся к его флейте. Помахав флейтой перед толпой, Джонс приложил один конец серпа к медной крышке алтаря. Потом медленно поднес другой конец к фигурке, стоящей во внутреннем горшке.

Неожиданно через сужающийся промежуток ударила широкая голубая искра.

Все собравшиеся отшатнулись. Женщины закричали. Шелест мечей, извлекаемых из ножен, прокатился словно дождь.

Чтобы восстановить спокойствие, потребовалось вмешательство самого Каталлона.

Когда Джонс снова предстал перед Каталлоном, воин, посланный за женщинами, привел двоих помоложе, очевидно жен, и одну, которая, похоже, была матерью. Помахивая своим серебряным лунным символом, Джонс подошел к старшей. Ее лицо являло собой морщинистую массу ненависти.

— Твои звуки не запугают меня. Ты убил моего сына. Надеюсь, Виппард освежает тебя живьем. — Она плюнула на Джонса.

Он закрыл глаза. Содрогнулся. Убедившись, что снова владеет собой, Джонс опять посмотрел на нее. Пенистая слюна стекала по его рубахе.

— Твой сын вечно будет рядом со мной. Он простил меня, потому что понял: я дам ему вечную жизнь на Луне, у моей Матери. Как я дам ее и тебе, когда завершится твоя жизнь в этом мире. — Он взмахнул рукой со словами: — Иди со мной. Я должен благословить тебя на моем алтаре.

Женщина зарычала на него:

— Не прикасайся ко мне. Я сама убью тебя.

— Иди, — приказал Каталлон. — Жди его. — Джонсу он сказал: — Если старуха пострадает, я отдам тебя Виппарду. Понятно?

Женщина стояла перед алтарем, испуганные глаза метались из стороны в сторону. Джонс заставил ее преклонить колени на нижней медной ступеньке и еще раз протер диски.

После того как колеса немного покрутились, он спросил:

— Ты видишь что-нибудь внутри кувшина?

Женщина напряглась, но все же заглянула внутрь.

— Нет.

Джонс протянул флейту к Луне.

— Говорю тебе, я призвал в него силу моей Матери, Луны.

Женщина побледнела.

Джонс приказал воинам, крутившим колеса, остановиться.

Встав на колени рядом с женщиной, он повернулся к алтарю, убедившись перед этим, что виден большинству зрителей. Медленно и спокойно он потянулся к статуэтке.

— Прошу твоего благословения, Мать, — нараспев проговорил он. — Я подтвердил свою веру. Молю тебя, прояви свою любовь.

Он сжал статуэтку и достал ее из кувшина. Ничего не произошло.

Толпа завопила, выкрикивая угрозы и проклятья. Джонс невозмутимо вернул статуэтку на место.

Он снова вернулся к алтарю, очищая его и молясь. Колеса завертелись. Когда они остановились, Джонс подошел к дрожащей и рыдающей старухе. Взяв ее за запястье, он поднес ее руку к статуэтке. Когда старуха вывернулась, умоляюще глядя на Каталлона, тот лишь произнес:

— Делай, как говорит Жрец.

Джонс выпустил ее. Женщина осторожно прикоснулась к металлической голове. Набравшись уверенности, она сжала ее, подняла, взмахнула над головой.

— Ничего! — выкрикнула старуха. — Никакой магии! Я ненавижу его, а со мной ничего не случилось. У него нет силы. Сегодня мы пошлем его в Преисподнюю.

Нахмурясь и трепеща, Джонс повторил предыдущую демонстрацию с серпом. Ничего не произошло.

Даже Каталлону с трудом удалось утихомирить толпу. Виппард со своими Жрецами завывал от смеха.

Джонс сосредоточился. Он поднял статуэтку с земли, где ее уронила старуха. С безразличным видом стер с нее слюну и вернул на старое место в кувшин. Снова повторил весь ритуал с молитвой. Воины, крутившие колеса, истекали потом. Белки их глаз ярко блестели.

Повернувшись к Летучей Орде, Джонс заговорил. Голос его был неуверенным, жестикуляция чрезмерна.

— Металлический человек — это Человек-Который-Есть-Смерть. Он поражает лживых и злых, тех, кому я не даю своего благословения. Узрите. И поверьте. — Он указал на Виппарда. — Я благословил женщину. Она делала то же, что и я, и она жива. Я предлагаю тебе сделать то же самое, но я не могу благословить тебя. Ты запятнал Луну. Раскайся,

Виппард. Раскайся, согласишься служить мне, и моя Мать пощадит тебя.

Виппард уверенно встал. Ветерок развеивал его длинные седые волосы. Подойдя к Джонсу, он глумливо усмехнулся:

— Думаешь запугать меня своей жалкой игрушкой? Думаешь, я не знаю, что в первый раз ты просто поджег что-то? Мы, Жрецы Летучей Орды, поняли, как использовать страх и ловкость рук еще много поколений назад. Ты ошибся.

Он смело шагнул к алтарю. Джонсу пришлось поспешить за ним.

Изобразив повиновение, Виппард встал перед алтарем на колени, с наигранным страхом глядя на вращающиеся диски. Заглянув в кувшин, он отшатнулся в припадке напускного ужаса. Толпа ободряюще зашумела. Подыгрывая ей, Жрец принял драматическую позу, протянув руку к кувшину.

— Остановись! — Джонс простер руки в мольбе. — Не прикасайся. Прошу тебя, собрат Жрец, не печаль меня. Позволь мне и моим друзьям покинуть это место, не обагрив рук твоей кровью. Возьми мою жизнь, если должен. Пожалуйста, отпусти моих друзей. Но главное, не прикасайся к Человеку.

Виппард мягко сказал:

— Прибереги свои слезы. Они тебе еще понадобятся.

Он сомкнул пальцы.

Жадная голубая искра вылетела навстречу приближающейся руке. Громовой треск расколол ночь.

Виппард конвульсивно отдернулся назад и рухнул на землю, будто его кости внезапно расплавились. От обгорелого пальца поднималась тоненькая струйка дыма.

По толпе прокатился удивленный вздох, и все стихло, будто умерло.

Джонс спокойно подошел к Каталлону, седевшему с открытым ртом. Когда стражники попытались остановить его, он лишь отмахнулся своей флейтой. Возвысив голос, Джонс обратился к толпе:

— Я — Жрец Луны. Я послан Летучей Орде и Каталлону. Услышьте меня. Узрите. И поверьте.

Глава 37

Сайла заслонила рукой глаза от полуденного солнца. Рядом с ней ссутулился в седле Конвей.

— Мне это не нравится, — сказала Сайла, продолжая смотреть вдаль. — Там совсем нет людей.

— Пять домов, Сайла. — ответил Конвей. — Везде живность, значит, есть и люди. Если тебе станет от этого легче, я могу послать вперед собак, и мы подождем тут, пока они все осмотрят.

Именно это ей и хотелось сделать. И хотя до скопления домов была еще добрая миля, к тому моменту, как собаки добегут туда, все обнюхают и вернутся, они и сами успеют добраться до места. Возможно, она слишком осторожна. Сайла постаралась успокоиться; она чувствовала, что слишком волнуется.

Но она ничего не могла с этим поделать. Необъяснимая смерть человека, убившего Хранительницу и похитившего Додоя, не давала ей покоя. Белая стрела ясно показывала, что был еще второй блюститель, убивший первого. Почему один головорез сделал что-то, что помогло ей справиться со вторым?

Нерешительность и вопросы, на которые нет ответов, подобны ранам, истощающим силы. Что бы она ни собиралась делать, она ловила себя на мысли о том, что сейчас делает Клас. Когда же она делала что-то, Клас, казалось, все время наблюдал за ней через плечо. Его присутствие было добрым и заботливым, но Сайла никак не могла избавиться от впечатления, что ее оценивают.

Но это было лучше, чем сны о Жнее. Бывали времена, когда она вытесняла образ Класа

из одиноких просторов ночи. Жнея презрительно улыбалась. Она заманивала Сайлу в будущее, заполненное видениями Врат, превращавшихся в издевательски смеющиеся рты, и символов Церкви, становящихся лицами, полными ненависти.

Иногда Сайла просыпалась, холод и тишина леса проникали в кровь и кости, усиливая ее беспокойство. Она думала, уж не подводит ли ее рассудок.

Иногда это случалось в разгар дня. Как сейчас.

Конвей, конечно, прав. Люди, живущие в тех хижинах, могут уйти на общую охоту или рыбалку. Разбойники непременно сожгли бы дома и вырезали скот.

Конвей заговорил:

— Когда проедем половину пути, отправим собак вперед. В случае чего, они предупредят нас, и мы не потеряем много времени.

Сайла согласилась. Время становилось все более важным. Они и так уже потеряли его достаточно, чтобы Жрица начала беспокоиться. Из-за рассказов о жаре и суши в той местности, где стоит Дом Церкви, она хотела добраться туда, пока погода будет сравнительно мягкой. Она уже потеряла счет тем милям, которые пришлось пройти в обратном направлении к началу пути, конец которого терялся в глуши. К тому же, казалось, на каждом ручье сейчас половодье. На каждой тропе были завалы из деревьев, или оползни, или обманчивые развилки, выводившие к бесполезным кроличьим стежкам.

Каждое утро, обратившись лицом к солнцу, она выполняла необходимый ритуал. Однако потом она произносила свои собственные слова. Церковь учила, что импровизированной молитве не хватает силы канонической. Какой-то уголок ее сознания всегда отвергал эту мысль, и теперь, поглощенная сомнениями, она обнаружила в этом успокоение. Иногда, описав свою проблему, Сайла вдруг со стыдом понимала, насколько плохо ей это удалось. Никто не должен жаловаться на Вездесущего. Каждый раз, когда после такой молитвы она не становилась калекой и не испытывала никаких других признаков недовольства высших сил, Сайла чувствовала себя немного ближе к невидимому слушателю.

Конвей послал своих собак вперед. Микка вскоре вернулась. Она села рядом со следом, не сводя глаз с Конвея. Когда он остановил лошадь, Микка обернулась и посмотрела через плечо, потом снова на Конвея. Он похвалил ее и обернулся к Сайле:

— Они что-то нашли. Скажи Тейт, что я отправился вперед. — Взяв в правую руку «вайп», он махнул Микке и поехал следом за ней.

Когда собака замедлила бег и остановилась, Конвей спешил. Некоторое время он перебегал от укрытия к укрытию, потом прополз оставшиеся несколько ярдов до того места, где за деревом на краю картофельного поля залег Карда. Нежная полупрозрачная зелень молодых побегов резко выделялась на фоне темно-зеленых окружающих зарослей. Лежа ничком, Конвей вглядывался в поселок.

Дома были сделаны из бревен, щели заделаны грязью и мхом. Все они были одинаковы по форме и размерам, над каждым торчала каменная печная труба. Каждый дом имел пять окон — два спереди, по одному с каждого бока, и одно сзади — и одну дверь. Шкуры, закрывавшие окна, пропускали немного света, и Конвей заметил, что некоторые из них сейчас сняты, видимо, чтобы комнаты лучше проветривались в теплый весенний день. Все дощатые ставни были открыты и закреплены кожаными петлями.

И ни одного человека.

Около каждого дома размещались одинаковые крытые загоны для скота и амбары. Из хлева, расположенного примерно посередине, доносилось хрюканье, где-то блеяли козы. Везде лежала скотина, безмятежно пережевывавшая жвачку. Несмотря на растущее беспокойство, Конвей не мог не обратить внимания на размеры животных. Карда был почти такого же роста, как и ближайший бык, хотя, конечно, намного легче. Черная мускулистая зверюга втягивала ноздрями ветер, дувший прямо от убежища Конвея. Потом поднялась на ноги, выпучила глаза и покачала парой преострых рогов. Из ближнего дома вышла наседка. За ней высыпал выводок цыплят.

Конвей уже было собрался обползти Карду, когда тот повернул морду и посмотрел

через плечо направо. Казалось, что его вдруг заинтересовали заросли ольхи.

Конвей услышал, как сзади приближаются остальные члены группы.

— Следите, — приказал он собакам.

Не вставая, он быстро отполз назад, пока целиком не скрылся в лесу. Поднявшись на ноги, Конвей едва успел помахать остальным, чтобы остановить их. Потом рассказал о своих наблюдениях, предложив взять с собой собак и вдвоем с Тейт обойти это место лесом.

Сайла возразила:

— Церковь не нуждается в скрытности. Если там есть люди, скрывающиеся от нас, нечего бояться. Мы с Лантой въедем в деревню и объявим, что принадлежим к Церкви.

— Слишком рискованно, — ответила Тейт. — Всего десять дней назад мы нашли мертвую хранительницу.

— Конвей и Тейт должны были часто сталкиваться с подобными ситуациями во время своих путешествий, — рассудила Ланта.

Сайле показалось, что во взглядах, которыми обменялись двое чужеземцев, промелькнуло что-то подозрительно напоминающее вину, но когда Конвей посмотрел ей в глаза, она не заметила ничего необычного. Спешившись, Тейт приказала Додою оставаться рядом со Жрицами. Тот кивнул.

Вид, с которым Конвей и Тейт исчезли в лесу, произвел на Сайлу сильное впечатление. Они приобрели некоторую уверенность.

Сайла усмехнулась про себя. Какие они неуклюжие по сравнению с Класом.

Веселость исчезла. Образ Класа не желал оставлять ее в покое. Его лицо, его глаза, тоска. Только неимоверным усилием воли ей удалось изгнать непонятную пустоту, затопившую сознание.

Конвей и Тейт двигались вперед. Пока один сидел в укрытии, другой перебежал на пару ярдов вперед. Карда и Микка шли перед ними. Танно и Ошу прикрывали тыл.

Когда впереди показались возглавлявшие процессию собаки, возвращавшиеся бегом через лес, Конвей и Тейт заправили «вайпы» патронами. Разойдясь в стороны, они начали медленно продвигаться дальше. Собаки расположились спереди и с боков.

Их поведение озадачило Конвея. Слишком уж они расслаблены. Какое-то странное чувство говорило ему, что они получают удовольствие от новой игры.

Он взглянул на свои руки. Они были так сильно сжаты, что кожа на тыльной стороне ладоней блестела. Конвей слегка расслабил пальцы, чтобы восстановить приток крови.

Впереди заплакал ребенок. Внезапно звук оборвался. Конвей жестом приказал собакам приблизиться и краем глаза заметил, что Тейт делает то же самое. Прижавшись к толстому дереву, он крикнул:

— Жители деревни! Мы путешественники — две Сестры, мужчина, женщина и мальчик. Мы хотим купить продовольствия.

Слабый шелест нарушил тишину леса. Тейт сложила ладони рупором. Ее остановил крик:

— Уходите! — Звонящий страх лишил голос уверенности.

— Мы не причиним вреда, — сказала Тейт. — Нам нужна свежая пища. Мы голодаем. Мы заплатим за нее.

— Оставьте нас. Вы приведете их назад.

Конвей и Тейт обменялись взглядами.

— Их? — тихо произнесла она, потом сказала громко: — Мы идем. С миром.

В лесу пробарабанили шаги. Тот же голос ответил:

— Оставьте нас в покое, и я скажу им, что никогда не видел вас. Уходите. Пожалуйста.

— Не делайте глупостей, ладно? Никаких неприятностей, — прокричала в ответ Тейт.

Не будь с ними собак, Конвей и Тейт могли бы спокойно пройти мимо замаскированного убежища мальчишки. Он вжался в углубление кленового ствола, вход в которое был закрыт кучей травы и веток. Собаки скалились на него сквозь этот завал. Четыре толстых хвоста радостно виляли. Мальчик поднял сломанный меч, огрызок клинка сходил

в кособокое острие с выщербленными лезвиями. Тем не менее он твердой рукой просунул его через импровизированную преграду, его маленькие яркие глаза непоколебимо светились. Все лицо его выражало странную смесь истощения, страха и уверенности.

Конвей присел на корточки и серьезно сказал:

— Собаки изо всех сил пытаются показать, что ты им нравишься.

Мальчик посмотрел на него:

— Они меня не укусят?

Конвей покачал головой. Мальчик обернулся к Тейт, она добавила:

— Слово чести.

Мальчик задумался.

— А остальных?

— Твоих родителей? Позови их. Мы только хотим закупить продовольствия.

Мальчик моргнул, через мгновение он обернулся и крикнул в сторону леса.

— Это не разбойники. И не Коссиары. Возвращайтесь.

Тейт назвала свое имя и спросила:

— Кто ты? Сколько тебе лет?

— Тарабел, — произнес мальчик, прикоснувшись двумя пальцами ко лбу. — Мне двенадцать лет. — Он снова моргнул и громко сглотнул. — Нет никаких родителей.

Послышался шум. Конвей с Тейт обернулись и увидели, как из леса один за другим выходят дети. Их было семеро, включая младенца. Тарабел оказался самым старшим. На девочках были грубые халаты, на мальчиках кожаные штаны и домотканые рубахи. Некоторые носили енотовые плащи, спадавшие до колен. Невинные лица оборачивались к Тейт и Конвею с удивлением. И с обвинением.

Слова Тейт прозвучали неуверенно.

— Нет взрослых?

— Некоторые из нас успели спрятаться. Тетя Минли была с нами. Теперь она... И все остальные... — Он отвернулся. — Пришли разбойники. Они искали вас.

— Нас? Кто нас искал? — спросила Тейт. Взяв ее за руку, маленькая девочка со светлыми волосами пристально разглядывала Доннаси. Тейт вздрогнула от прикосновения. Она улыбнулась ребенку и снова повернулась к Тарабелу, тот сказал:

— Разбойники. Те, кто... Кто забрал остальных. — Он взглянул на других детей, потом умоляюще посмотрел на взрослых.

Тейт все поняла.

— Пошли обратно в деревню. Мы должны вас всех накормить. Да и купание не повредит.

Маленькая блондинка улыбнулась, сжимая руку Тейт. Та снова улыбнулась ей, на этот раз приглашая за собой. Прикоснувшись двумя пальцами ко лбу, как раньше делал Тарабел, девочка произнесла:

— Меня зовут Нандамир. А кто ты? Что случилось с твоей кожей?

— Я Тейт. И я такого цвета потому, что я волшебная. Пошли, я вам всем расскажу об этом.

Дети повернулись в сторону деревни, и Конвей протянул руку Тарабелу. Мальчик отпрянул. Ободряюще улыбаясь, Конвей сказал:

— Эй, я тебя не трону. Пошли.

Тарабел ответил:

— Я сам. — Последнее слово больше было похоже на рычание. Опираясь на локти, он выпрямился и оттолкнулся от дерева. Колени его подогнулись, и он упал лицом вниз.

Тейт вскрикнула:

— О, нет, Мэтт. Взгляни на его ногу.

Правое бедро распирало ткань штанов изнутри. От влажного пятна на ноге мальчика поднимался отвратительный запах. Конвей подхватил его, не обращая внимания на жалкий меч.

— Карда, — скомандовал он, — найди Сайлу.

Карда исчез за деревьями. Конвей поспешил за ним, неся на руках Тарабела.

Нандамир отбросила белую челку.

— Тарабел умрет, — сказала она. Тейт оцепенела. Она смотрела на крошечную девочку и качала головой, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее.

— Да, так и будет, — настаивала Нандамир. — Как и все остальные. Он думает, мы не знаем, а мы знаем. Все умрут. Теперь плохие люди вернутся. Мы тоже умрем. Тарабел иногда говорил, что это больно. Тейт, пожалуйста, когда они сделают это со мной, пусть мне не будет больно.

Глава 38

Конвей в задумчивости сидел в дверях одного из домов, а дети играли с собаками, не обращая внимания на челюсти, которые могли бы запросто перемолоть их ручки. Они шумели и путались под ногами. Карда и Микка косились на своего хозяина, глупо свесив набок языки.

— Убийцы. Ужас битв. — Он презрительно фыркнул и протянул руку, чтобы выволить хвост Карды из крепкой хватки ползунка. Пока ребенок просто держался за него, сохраняя равновесие, Конвей не имел ничего против, но зачем же пробовать его на вкус.

Карда завилал хвостом. Малыш опрокинулся назад и грузно приземлился. Со звериной ловкостью он снова поднялся на ноги.

Выпрямился и стал настороженно оглядываться. Однако это продолжалось всего мгновение. Вскоре он снова смеялся и тянулся за хвостом.

Происшествие обнажило все темное, что скрывалось под внешней веселостью. Сердце Конвея сжалось, когда он вспомнил о других временах, других детях. Они мертвы уже не одно столетие, но тогда у них была такая же привычка неожиданно осматриваться вокруг слишком взрослыми, слишком испуганными глазами.

Беленькая Нандамир бросила Микке палку. Собака, чья гордость не позволяла проделывать подобные трюки для своего хозяина, поймала палку прямо в воздухе. Восторженный визг девочки почти перекрыл вопль боли Тарабела. Конвей посмотрел на дом, в котором три женщины разместились вместе с мальчиком.

Наружу вышла Ланта и жестом подозвала его к себе. Позвав собак, Конвей покинул детей, которые тут же хором начали жаловаться. Ланта протянула ему бурдюк из козлиной кожи.

— Наполни его, пожалуйста. Быстрее.

Конвей бросился к ручью.

Вода была кристально чистой. Мелкая рыбешка и водомерки разбежались во все стороны, когда Конвей опустил бурдюк в воду, наполнявшую оправленный в камень бассейн. Ниже по течению берега ручья заросли травой, переливавшейся всеми оттенками изумрудного. Конвей нетерпеливо встряхнул бурдюк, чтобы побыстрее избавиться от остатков воздуха.

Что-то на другой стороне пруда привлекло его внимание, что-то, не вписывающееся в окружающую обстановку. Через переплетающиеся заросли Конвей сумел разглядеть штуку, похожую на небольшой домик величиной примерно с человеческое туловище и открытую с одной стороны. Алтарь, перевернутый и отброшенный с дороги. Три отполированных водой агата чем-то напоминали о Церкви. Внутри находилась грубо изготовленная стилизованная фигурка Жрицы в черной мантии, теперь сломанная. Деревянная шея расщеплена в том месте, где раньше была голова. Одной руки не хватает.

Вернувшись в хижину, Конвей вылил воду из бурдюка в подвешенный над очагом котел. Ланта бросила туда тряпки. Конвей сказал, что она разорвала отличную блузу. Ланта покачала головой.

— Надеть ее все равно некому. Нам надо много бинтов. Пришлось вскрыть рану. В нее

попали порождения грязи.

Конвей подошел к кровати мальчика. Это была грубая деревянная рама с натянутыми на нее кожаными ремнями. Матрас зашуршал, когда Тарабел поднял голову.

— Они хотят заставить меня спать. Мы — единственные мужчины здесь, да и я с Додоем всего лишь дети. Когда разбойники вернутся, тебе понадобится помощь.

В темном углу зашевелился Додой. Конвей сказал Тарабелу:

— Чтобы путешествовать, ты должен сначала поправиться. Позволь целительницам помочь тебе.

— Я не могу.

— Ты уже показал свою храбрость, Тарабел.

— Я не был храбрым. Я говорил тете Минли, что нам надо прятаться. Она хотела пойти посмотреть, что стало с остальными. Я не мог отпустить ее одну. Мы нашли всех. Разбойники поймали нас. Они требовали, чтобы мы рассказали, когда вы тут останавливались и сколько пробыли. Они не поверили, что вас тут не было. Она умерла. — Тарабел облизал губы. Казалось, пересохший язык оставляет на них царапины. Взгляд его блуждал, голос приобрел мечтательное выражение. — Человек, державший меня, был не очень осторожен. Я укусил его. И сбежал. Они стреляли в меня. Когда им не удалось найти меня, они начали смеяться. Говорили, что я сгорю в Преисподней, раз я помогал фальшивой Церкви. Что они имели в виду? Они нас поэтому убивали?

Рядом с Конвеем появилась Сайла.

— Церковь излечивает, Тарабел. Пожалуйста, позволь нам вылечить тебя.

Веки Тарабела скользнули вниз. Дыхание его выровнялось. Конвей с улыбкой повернулся к Сайле, но тут мальчик вздрогнул и полностью пришел в себя. Вид его глаз, сперва вспыхнувших молодым огнем, а потом медленно потухших, сводил Конвея с ума. Это было все равно, как наблюдать за пламенем, пожирающим самое себя.

— Ты разбудишь меня, если они придут? — спросил Тарабел.

— Обещаю.

Сморщившись от усилия, Тарабел поднял голову.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — произнес он. Его голос заставил горло Конвея болезненно сжаться.

Сайла подала жидкость в деревянной чашке. Конвей хорошо рассмотрел ее темно-коричневую, маслянистую поверхность, почувствовал сырой запах. Его мысли перескочили туда, где невидимые насекомые шуршали под опавшими листьями, а почва никогда не просыхала.

Подошла Ланта, чтобы протереть губы и лоб Тарабела влажной тряпкой. Тот погрузился в тяжелую дремоту.

— Что вы ему дали? — спросил ее Конвей.

— Грибы. Очень сильные. Опасные.

— Опасные?

— Мы используем их только тогда, когда другого выбора нет.

— Он так плох?

Ланта отвернулась. Конвей протянул руку, чтобы ободряюще похлопать ее по плечу. Быстрота, с которой она отстранилась, испугала его.

Сайла со своим целебным набором вернулась к кровати. Ланта поставила на огонь другой котел, добавив в него полосок домотканой материи. Когда она перемешала куски ткани в воде, Конвей увидел на дне маленькие ножи. Отведя глаза от этого неприятного зрелища, он заметил, как Ланта опускает в воду зазубренное лезвие.

Она покраснела. На мгновение Конвею показалось, что она собиралась наклониться к нему, но потом отвергла эту мысль. Ланта сказала:

— Если необходимо спасти жизнь, ногой придется пожертвовать. Вы ведь тоже так делаете в своей стране?

Он кивнул.

Ланта приготовила подушку из чистой ткани и свежей соломы и подложила под раненую ногу мальчика. Из своего мешка Сайла достала большой кусок обсидиана. Точным ударом ножа она отколола от него тонкую пластинку, похожую на лист. Потом обратилась к Тейт и Конвею:

— Вы нам поможете?

— Что нам надо делать? — ответила за обоих Тейт.

— Соберите детей на улице. Когда мы начнем молитву Защиты от Невидимых, они должны присоединиться к ней.

— Я это сделаю. — Тейт жестом подозвала Додоя. Тот не заставил себя ждать.

Сайла и Ланта вымылись. Потом Сайла двумя руками подняла над головой острый как бритва осколок обсидиана и начала нараспев читать молитву. К ней присоединилась Ланта.

С обратной стороны двери стояла на коленях Тейт. Она напряженно слушала и потом повторяла слова Сайлы, чуть-чуть отставая от нее. Неожиданно окружившая ее аура глубокой сосредоточенности поразила Конвея. Он уже был готов поклясться, что видел все облики Тейт, и вот перед ним женщина, о существовании которой он даже не подозревал.

Все увеличивающаяся громкость заклинаний Сайлы отвлекла его внимание. Снаружи чистые голоса детей вздымались и опадали в невинном восхищении и надежде. Тейт управляла ими.

Точные надрезы, сделанные Сайлой, вскрыли рану. По комнате разнесся отвратительный запах. Ланта указала Конвею на тряпки, чтобы он вытирал кровь, пока сама она освобождала обломок стрелы со стальным наконечником. Достав стрелу, она бросила ее в огонь, та противно зашипела. Услышав звук, Тейт заставила детей петь громче.

Сайла потребовала подать нож, лежавший на раскаленных углях. Им она прижгла кровеносные сосуды. Вонь стала сильнее, да и шипение было на редкость противное, но кровотечение прекратилось.

Тарабел побледнел. Жилка на его виске забилась, потом ее биение вдруг стихло, превратившись в слабую вибрацию.

Руки Ланты метнулись к своему мешку, потом появились вновь, теперь она держала мешочек поменьше, из мягкой кожи. Развязав его, она достала глиняную трубку, закрытую с обоих концов деревянными пробками. Держа трубку вертикально, она откупорила ее с одного конца. Потом достала из мешка небольшую коробочку, запечатанную воском. Содрав с нее обертку, Ланта достала короткую палочку, один конец которой был завернут в кожу. Он идеально подходил к трубке. Другим предметом, лежавшим в коробочке, была деревянная пробка, плотно закрывавшая свободный конец трубки. Из ее середины торчало полое птичье перо. Конвей с трудом подавил удивленное восклицание. Эта штука явно предназначалась для инъекций.

Склонившись над мальчиком, Ланта воткнула перо в артерию. Потом надавила на поршень. Жидкость, которая уже находилась в трубке, теперь смешалась с кровью Тарабела. Румянец снова вернулся на его щеки. Пульс стабилизировался.

Вскоре закончилась перевязка и окончательная очистка раны, все, что могло гореть, было сожжено. Тейт с детьми ждали снаружи, пока все трое не вышли к ней. Жрицы терпеливо объяснили, что Тарабелу необходимы тишина и покой. Тейт увела детей, чтобы они вернулись к своим играм. Сайла попросила прощения и отошла.

Когда они остались одни, Конвей спросил Ланту об уколе. Он назвал приспособление иглой. Ланта поправила его, устройство называлось хайпом. В нем содержался сурм.

— Я могу сказать, что этот сурм сделан из растения, называемого наперстянкой. Все сурмы — это секреты Церкви. Иногда мне кажется, что Церковь не должна все хранить в тайне, но это помогает ей удерживать свои позиции. Без этих секретов она потеряет возможность влиять на людей. Понимаешь?

— Полностью, — ответил он. — А теперь я собираюсь взять своих собак и осмотреть окрестности. Я вернусь, самое позднее, завтра к середине утра.

— Стой. — Слово сорвалось с губ еще до того, как она подумала о нем.

Конвей остановился на пороге. Теперь он повернулся, скорее из любопытства, чем подчинившись ее приказу.

— Это действительно необходимо? Разве ты не можешь просто послать собак? Что, если ты наткнешься на разбойников? Или они заметят тебя? Это небезопасно. — Она услышала дрожь в собственном голосе и оборвала поток вопросов. С пылающим лицом она отвернулась к Тарабелу.

Когда она снова посмотрела на Конвея, его хорошее настроение пропало. Ее сердце упало, стоило ей увидеть его сузившиеся глаза, посуровевший рот. Он произнес:

— Я ценю твое участие, Жрица. Я не один из ваших супервоинов, но и не полный ноль. — Он резко повернулся и вышел.

«Почему? — спросила она себя. — Почему он не может понять? Разве на мне лежат злые чары и потому все, что я делаю или говорю, выходит наоборот? Он волнует меня, и я отступаю, потому что так хочу ощутить его прикосновение, и оно пугает меня. А он ненавидит меня за это, ничего не понимая.

Если я могу заглянуть в глубину своего сердца и увидеть любовь, которой я не хотела — и не хочу — почему он не может увидеть того, что это сердце пытается высказать каждый раз, когда я смотрю на него?

Я знаю, что остальные смотрят на меня и все видят. Но он, единственный из всех, остается слепым.

Неужели так будет всегда?»

Глава 39

Слушая мелодию верховой езды, Конвей беседовал с самим собой. Мягкое трение кожи о кожу, позвякивание металла, равномерное дыхание лошади подчеркивали тяжелую поступь ее копыт. Однако острее всего он ощущал озабоченность Ланты. В летящих движениях ветвей ему виделась грация ее взволнованных жестов.

Он уже достаточно опытен, что бы они о нем ни думали.

Облака растянулись по небу, когда он подъехал к пересечению дорог. Резким свистом он подозвал собак, и они некоторое время изучали местность. Дорога вела сначала на юг, потом поворачивала на восток, совсем не туда, куда хотела повести их Сайла.

Он вернулся по своим следам к развилке дорог и двинулся в другом направлении. Проехав около сотни ярдов, он увидел маленький ручей и решил немного отдохнуть, прежде чем вернуться в деревню. За холмом еле различимый с дороги крошечный водопад брызгами омывал камни.

Созвав собак, он направил Вихря за водопад. Остановившись рядом со старой огромной елью, он еще раз похвалил свой выбор. В прогалине между деревьями открывался замечательный вид. Тонкие струящиеся облака плыли с запада. Маленькая речка в долине разбивалась о зубчатые горы, выходя на широкое открытое пространство. В водных глубинах, как темное привидение, рыскал массивный лосось. Покрытые булыжником берега разделяли лес и полосу бледно-зеленого кустарника. Походившие на высоких людей серовато-белесые бревна валялись на неровной поверхности берегов.

Конвей закрепил стропы торбы за ушами Вихря и насыпал ему меру зерна. Для себя и для собак в запасе была жареная оленина. Собаки на лету хватали свои порции.

Они с надеждой следили за неторопливой едой Конвея и сдались лишь тогда, когда он облизал пальцы и показал им пустые руки. Карда поднялся и вытянулся на задних лапах так, что достал до бока Конвея, повалившись на землю, когда он его оттолкнул. Микка наблюдала за ними, лежа на животе и положив морду на лапы.

Животные предупредили его: все трое вдруг встревожились, пригнувшись к воздуху. Затем он услышал это. Резкий низкий звук трубы. Невозможно было понять, откуда он доносился.

Вокруг в ветвях продолжали прыгать, кружиться и порхать гаечки. Деревья

непринужденно шелестели.

Исчезая, звук незримо продолжал висеть в воздухе.

А затем он опять вернулся, снизу со стороны реки. Тону недоставало баса военного горна, но в нем слышалась та же настойчивость. Он напомнил Конвею об убитой хранильнице и о женщине, которая ждала с детьми его возвращения в деревню.

Разбойники говорили, что вернутся.

Карда и Микка повернулись на север за секунду до того, как он тоже услышал приближающийся к ним стук копыт. Конвей приказал собакам молчать.

Всадник проскакал мимо так быстро, что можно было рассмотреть лишь некоторые детали. Военная маска была сделана таким образом, что забрало не полностью закрывало лицо. Подстриженная черная борода, кожаный жилет, вертикальные металлические пластины. Узкий, похожий на шарф, вымпел, развевающийся позади него в потоке ветра.

Что-то знакомое. Конвей знал, что должен узнать его. Он ударил кулаком по стволу дерева и начал сыпать проклятиями. Здесь было что-то очень-очень важное. Цокот копыт удалялся.

Конвей поднялся и поспешил к перекрестку, чтобы убедиться, что незнакомец поехал по узкой дороге, а не по той, которая вела в деревню. Он был уверен, что между появлением всадника и звуком трубы есть какая-то связь. Мэтт осторожно вернулся к месту наблюдения.

Бегущая фигура разбила полосу кустарника, обозначавшую переход от берега горной реки к лесу. Конвей подумал, что человек хромот, но это нельзя было утверждать наверняка из-за разделяющего их расстояния. Блеск позади фигурки наверняка был стрелой. Сверкнув, она погрузилась в реку.

Человек бежал к большому бревну, которое прибило к берегу как раз под стремниной. Запутанный клубок корней был почти под водой, перпендикулярно течению. Человек спрятался там. Конвей мысленно одобрил столь разумную тактику. Человек был надежно прикрыт от стрел, и его можно было достать, лишь подойдя совсем близко. Даже находясь на бревне, попасть в него было сложно.

Появились двенадцать преследователей. Летящие из кустов стрелы указывали, что остальные прятались там. Круг нападающих неумолимо сужался.

Одна из стрел обороняющегося попала в цель. Затем другая. Опять прозвучал звук трубы. Спустя минуту из зарослей кустарника выехал мужчина верхом на лошади. Конвей узнал в нем всадника, промчавшегося мимо его укрытия. В его руке поблескивал меч.

Люди ринулись вперед. Один из них — жертва последней стрелы — упал, и его смыло волной с бревна. Упершись спиной в сучковатую опору, одинокий беглец оказывал яростное сопротивление. Расстояние поглощало крики, слышались удары клинка о клинок. В воображении Конвея эти звуки торжествующе усиливались, переходя в стоны. Двое атакующих споткнулись и неуклюже отскочили в разные стороны. Третий повалился, корчась от боли. Пара людей упали в реку, где были подхвачены быстрым течением.

В конце концов беглец был повержен. Люди принялись безжалостно его колотить. Их остановил всадник. Он показал свой меч. Тотчас рванувшись, пленник в полубессознательном состоянии попытался бежать на ослабевших ногах. Два человека схватили его за руки, а третий приставил острие меча к его спине. Они повели его к всаднику. Они сдерживались, пока мужчина шел вперед, но затем принялись бить его в лицо кулаками. Голова жертвы откидывалась назад. Он падал, затем снова вставал.

Конвей поспешил прочь, приказав собакам следовать за ним. Ничто из происходящего не касалось его. Он дал слово помочь Сайле в поисках. Вмешательство в данную ситуацию поставило бы их поход под угрозу.

Ему показалось, что он слышал крик.

Не выдержав, он поскакал обратно. Пленник лежал на земле. Один из людей обливал его речной водой, остальные сидели вокруг, наблюдая за происходящим. Всадник наклонился вперед, тыкая в лежащего человека острием своего меча. Конвей инстинктивно схватил снайперскую винтовку.

Доставая ее из тюленьей кожи, он действовал с неоправданной уверенностью в себе. Оружие само очутилось в руках, поднялось к плечу, как будто это была его собственная — оружия — воля. Спешившись, Конвей устроился за деревом и собрался с силами.

Конвей пристально всмотрелся во всадника. Теперь, увидев его ближе, он начал узнавать детали, которые до того безуспешно пытался вспомнить. Горделивый вымпел ниспадал по спине. Черные и белые вертикальные полосы. Цвета, символизирующие Джалайл, — баронство, ставшее теперь одной из Трех Территорий, которыми управлял Гэн Мондэрок.

Один из тех знатных негодяев, кто до сих пор поддерживал свергнутого Алтанара.

Конвей окинул взглядом остальных нападавших. У некоторых были белые стрелы с белым оперением. Блюстители.

Прицел, как будто по собственному желанию, вернулся назад к всаднику. Странное чувство заполнило Конвея. Кровь застучала в висках; его руки стали тяжелыми, наливаясь растущей силой. Это было не так, как тогда в реке. Это был выбор: борьба или смерть. Это была месть, оправдание, доказательство истины. Это был эмоциональный взрыв, темнота и испуг.

Прозвучал выстрел, величественный, как далекий гром. Конвей осознал, что если бы не отдача винтовки, он не узнал бы звука выстрела.

В какой-то момент он подумал, что промахнулся. Его жертва сильно дернулась, вскинув обе руки, будто желая опустить их на человека возле бревна. Конвею показалось, что он видит дымку вокруг головы всадника. Вероятно, заходящее солнце светило сквозь волосы.

Смерть всадника пришла одновременно с первым эхом. Выпрямившись, прижав руки к телу, он стал клониться набок. Набирая скорость, тело скользило, пока не рухнуло наземь.

Оставшиеся бросились врассыпную. Один из преследователей с поднятым мечом рванулся к пленнику. Конвей выстрелил не сразу, но достаточно быстро, чтобы остановить удар. Пленник уклонился и все-таки смог прорваться к реке.

Конвей поражал цели, наблюдая за тем, как люди разбегались подобно насекомым. Теплый ствол дерева с любовной лаской прижимался к его щеке.

Оружие оживало от его прикосновений, его мыслей.

Каждый раз, останавливая взгляд, он убивал человека, каждое движение пальца на спусковом крючке приносило смерть.

Он громко прокричал свое имя, извещая всех о своей силе.

А потом стало не в кого стрелять.

На берегу валялись восемь тел и брошенное оружие.

На ближней отмели бывший пленник выполз из воды и исчез среди деревьев.

Конвей верхом последовал за собаками по берегу реки туда, где лежал мужчина. Его раны были очень глубоки. В нескольких местах новые порезы пересекали старые шрамы. Мужчина смотрел на Конвея заплывшими, с трудом открывающимися глазами. В нем было какое-то мрачное спокойствие. Конвей размышлял. Мужчина изучал его, вкладывая в это все оставшиеся силы. Даже когда Конвей бинтовал раны беглеца, глаза того следили за каждым движением его рук.

Вдруг, как будто по собственной воле, он потерял сознание. Конвей закинул раненого на Вихря.

Давно сгустилась темнота, когда Тейт со своими собаками перехватила Конвея за деревней. По дороге к дому, где спали Сайла и Ланта, Конвей рассказал ей о мужчине, лежащем без сознания позади него. Услышав голоса, служительницы Церкви проснулись. Пока Конвей вновь пересказывал свою историю, Сайла и Ланта поспешили одеться. Они вышли наружу как раз, когда он отвязал мужчину от седла. Вчетвером они внесли его в дом.

Во время осмотра пациента Сайла попросила Конвея описать всадника. Когда он выполнил ее просьбу, она коротко кивнула, сказав:

— Ты хорошо справился. — Ее слова обладали свойством будоражить неприятные

воспоминания.

Сайла изучала пациента. Даже в теперешнем состоянии в нем чувствовалась потаенная сила. Мозоли свидетельствовали о часах тренировок с луком и стрелами. Ладони, как ни странно, были мягкими. Она осмотрела его руки более тщательно и, исходя из расположения мозолей и загара, заключила, что он, вероятно, носил перчатки без пальцев. Любопытно. Его волосы, вымытые и зачесанные назад, сияли, как крылья ворона при свечах. Зашивая последнюю открытую рану, Сайла была поражена, насколько усилился его пульс. Голубая вена на шее пульсировала в том же ритме, что двигалась ее светящаяся игла из моржовой кости.

Откинув волосы, Сайла поискала взглядом Конвея. Он сидел напротив на полу, спиной к стене.

— Он не сказал тебе, почему за ним гнались? — спросила она.

Конвей покачал головой.

— Мы еще не говорили.

— Завтра мы должны уйти. Отступники — это безнадежные люди, преследуемые истинной Церковью. Их единственная надежда выжить — избегать встречи с нами и просить защиты у фальшивой Церкви.

— Уходите. Сейчас. — Раненый с трудом произнес эти слова разбитыми губами, и неправильное произношение придало сказанному зловеший оттенок.

Сайла и Ланта обернулись в его сторону. Он уже спокойно храпел.

Сайла задумалась.

— Следует ли нам рисковать, беря его с собой?

Конвей поднялся.

— Волокуша.

Тейт кивнула.

— Верно. Мы можем идти. Одна лошадь для него, одна для Тарабела. Младшие дети тоже могут ехать верхом.

— Давайте так и сделаем, — Сайла повернулась, прекращая разговор. Она не хотела показывать довольную улыбку. Приняв решение пойти вместе, они пошли на некоторые жертвы. Если что-то и могло устранить разобщенность, вызванную появлением Додоя, так это совместные действия. Она мысленно сказала: «Спасибо, настоятельница, мой друг, мой учитель. Твои уроки никогда не подводили меня. Если твоя недостойная ученица вспоминала их. Несчастье для характера, словно огонь для стали».

Она подошла к одеялам, подняла их и закуталась, когда вдруг почувствовала чье-то присутствие. Уставшая, раздраженная, она перехватила пристальный взгляд Додоя. Тот улыбался, обнажая свои маленькие блестящие зубы. Он заговорил шепотом, разделяя свою злобу только с ней одной:

— Они всегда заставляют тебя делать то, что хотят. Ты думаешь, что это твоя идея. Тебя просто использовали. Так всегда было и всегда будет.

Шокированная, взбешенная, она приподнялась, чтобы ответить ему. Лицо его стало отсутствующе-невинным. Он повернулся к ней спиной. Некоторое время она раздумывала. Что бы Сайла ни сказала, он просто будет это отрицать. Она окажется в глупом положении.

Она слышала звякающее, визжащее, эхо его голоса: «...просто использовали. Так всегда было и всегда будет».

Вспышка перед глазами свидетельствовала об усталости. Порочный, злобный ребенок; бессмысленные слова. Безвредные.

Глава 40

Светало медленно, словно утро запуталось в густых волокнах тумана, паутиной оплетавшего дерева и дома. Сайла вышла наружу. Прижавшись к грубым бревнам дома, она обхватила себя руками, вцепившись пальцами в ткань мантии. Из-за холодной мороси ей

хотелось вернуться в дом и накинуть что-нибудь потеплее. Но надо было дожидаться возвращения Тейт из ночного дозора.

Туман и сырая земля приглушили приближающийся стук копыт. Появление Тейт, больше похожей на привидение, заставило Сайлу вздрогнуть. Заметив неожиданное движение, Тейт с кошачьей ловкостью вскинула «вайп».

Сайла нарушила тишину.

— Ты провела тяжелую ночь. Сможешь сегодня отправиться в путь?

Закинув «вайп» за плечо, Тейт спешила. Белки ее глаз были покрыты красными прожилками. Она говорила так, будто каждое слово давалось с трудом.

— Делать нечего, Сайла. Я слыхала тот рог, о котором говорил Конвей. Как раз перед рассветом. Кто бы там ни был, они быстро нас найдут.

— Заходи, я приготовлю тебе чаю.

— Эта несчастная лошадь промокла и устала не меньше, чем я. Ее надо покормить. Я пойду.

Сайла слегка рассердилась:

— Как же, сперва заботимся о лошади. Ты прямо как мой муж.

— Рада это слышать. Именно он учил меня. — Тейт подмигнула. Ее тихий смех отдавал хрипотцой, но лицо на мгновение ожило, как раз такой Сайле и хотелось бы запомнить Доннаси.

Войдя в дом, Сайла подумала, что все измотаны до предела и необходимо восстановить силы. Но еще важнее бежать отсюда.

Она взглянула на лежавшего на полу раненого. Возможно, он не вынесет тряски на лошади, но делать нечего. У него был шанс воина.

Дети — совсем другое дело. Сайла посмотрела в угол, где Ланта лежала рядом со спящими детьми. Словно щенята, собравшиеся в грязную, но разрывающую сердце нежностью кучу. Потом она перевела взгляд на Додоя. Он — один из них, сказала себе Сайла; не его вина, что мальчик стал таким. Тяжелая жизнь портит характер.

Ланта открыла глаза, тут же поднявшись с грациозной быстротой.

— Что-то не так?

— Нет. Все в порядке.

Дети заворчали и забормотали, прижимаясь друг к другу, словно сопротивляясь приходу нового дня. Сайла повернулась к ним. Черты лица каждого просыпавшегося ребенка были мягкими. Молодость, еще не отошедшая ото сна. Однако, как только сознание возвращалось полностью, глаза начинали тревожно бегать по комнате. Мускулы напрягались. Лица застывали в ожидании.

Невыразимый гнев закипел в крови Сайлы, ей едва удалось справиться с ним.

Готовясь к отъезду, Сайла и Ланта собрали для своих подопечных всю найденную в домах одежду. Теперь она аккуратными кипами лежала вдоль стены. Обе обратили внимание на полное отсутствие отделки и украшений. На халатах у девочек рукава и воротники были обшиты узкими полосками домотканой материи. Единственной деталью, украшавшей одежду мужчин, были пояса. Они тоже были домотканые, а узор — наконечник стрелы, круг, квадрат, молния или алмаз — указывал на принадлежность к какой-то семье.

На каждом ребенке был теперь плащ из меха енота. Внутри у плащей были кожаные завязки, удерживавшие их на плечах. Спереди они застегивались с помощью маленьких пуговиц и сыромятных петель. По бокам располагались прорези для рук, а внутренняя поверхность была вошеной и не промокала. К тому же внутри располагались мешочки для еды и разных мелких предметов.

Пытаясь скрыть неудовольствие, Сайла отвернулась от стены. Она идиотка.

Теперь ей вдруг стало понятно единообразие грубой ткани и покроя одежды. Рубашки состояли из двух кусков, переднего и заднего, которые соединялись по бокам, то же самое и с рукавами. Покрой штанов был прост настолько, насколько это вообще было возможно: ни ширинок, ни карманов.

Домашняя утварь была исключительно из дерева, кости или рога. Осматривая кухню, Сайла наткнулась на пару обсидиановых и кремневых ножей, и только один стальной. Он стерся до самой рукоятки. Среди горшков нашелся лишь один медный.

Обычно люди всегда стараются торговать, даже самые бедные. Эта группа явно избегала всяких контактов с внешним миром. Они знали, как изготавливать два вида ткани: один для рубашки, другой для цветных лент. Если у этих людей и были какие-то иные навыки, они тщательно их скрывали.

Только отчаяние может привести к такой последовательной самоизоляции.

Одевшись, дети разбились на две галдящие группки. В своих мохнатых плащах они напоминали Сайле маленьких проворных зверьков. Отводя их к ручью вместе с Лантой, она не могла припомнить, когда чувствовала себя такой веселой и беззаботной.

Дети были хорошо обучены церемониям. Все, кроме самых маленьких, с серьезным видом сняли накидки, склонились к воде, чтобы умыться, потом обратили лица туда, где, если бы не было тумана, находилось солнце. Ледяная вода размягчила их лица, когда Сайла и Ланта завершили ритуальную молитву, осенившись Тройным Знаком, дети по-своему повторили ее. Раскрытой ладонью, повернув ее наружу, они касались по очереди обоих плеч, лба и, наконец, живота. Это был очень странный и неуклюжий ритуал. Сайла спросила, почему они так делают.

Нандамир ответила:

— Чтобы показать всем, что наши руки пусты. У нас нет оружия, у нас нечего красть.

Жрицы переглянулись, потом Сайла спросила:

— Разве все, кто приходит сюда, хотят воевать или грабить, дорогая?

— Да. — Голубые глаза, казалось, не допускали другой возможности.

Ланта сказала:

— Но не мы. Мы только хотим вам помочь.

Заговорил тонкий, длинный мальчик:

— Вы украдете нас.

Сайла отшатнулась:

— Вас? Украдем?

— Они всегда говорили, что кто-нибудь это сделает. Но не Церковь. Нам можно остаться с вами? Вы нас не бьете. Пока.

Додой, стоявший на краю группы, засмеялся. Они обернулись к нему. С высоты своего роста он насмешливо улыбался.

— Они не держат рабов. Они отведут вас в Церковь и бросят там.

Еще до того, как женщины успели его прервать, один из детей спросил:

— Где эта Церковь?

Додой только этого и ждал. Он противно расхохотался.

— Они не знают.

Сайла сказала:

— Иди к Тейт. Прямо сейчас. Больше ни слова. Убирайся.

Продолжая ухмыляться, Додой убежал. Когда Сайла снова посмотрела на детей, некоторые из них готовы были заплакать. Ланта поглаживала их по головам, успокаивая.

— Вы отправляетесь с нами только потому, что плохие люди, обидевшие Тарабела, могут вернуться, — произнесла Сайла. — Так или иначе, одни вы тут жить не сможете. Что, если придет медведь? Или тигр? Додой прав, мы хотим отвести вас в Церковь. Но потому, что хотим, чтобы у вас был дом, мы не хотим просто избавиться от вас. И мы ничего не крадем. Особенно детей.

Жрицы отвели детей обратно к хижинам. Конвей и Тейт навьючивали лошадей. Тарабел и раненый воин лежали на волокуше. Молодое тело Тарабела уже начало справляться с раной. Воину вроде тоже стало лучше. Однако до сих пор он не проронил ни слова.

Остальные тоже молчали. Конвей открыл загон для скота, и отряд двинулся. Ланта

больше не могла этого выносить. Она подошла к Сайле.

— Я наблюдала за Конвеем. Он слишком спокоен. Потрясен.

Сайла ответила.

— После боя все люди ведут себя по-разному. Ты знаешь, что говорится в Завете Апокалипсиса: *«Целитель должен прежде обратиться к разуму, ибо именно разум порождает самые страшные болезни, и он же от них страдает. Человек может убить своего врага и остаться при этом цел, но разум его затаится и нанесет свой удар после»*. Настоятельница Ирисов говорила об этом так: «Думай о войне, как о гвозде, чистый металл, прямой и прочный, единственное, для чего ему нужна голова — чтобы остановить молоток. Но раз согнувшись, гвоздь будет хуже, чем бесполезным». Тогда я рассмеялась. А она — нет. Потом я поняла, почему.

Ланта задумчиво сказала:

— Думаешь, кто-то из нас должен с ним поговорить, узнать, что его беспокоит?

— Я бы хотела, но думаю, что мне надо позаботиться о Тарабеле и чужеземце. Может быть, ты?.. — Она оставила вопрос висеть в воздухе.

— Ну, если ты так думаешь. Я не военная целительница.

— Вряд ли это что-то меняет, — сказала Сайла и отвернулась, чтобы скрыть выражение своего лица.

Ланта, в свою очередь, слишком нервничала, чтобы смотреть на кого-нибудь, кроме Конвея. Она произнесла его имя, стоя прямо у него за спиной, и Конвей издал какой-то короткий испуганный вскрик. Ланта отступила.

— Ты все время молчишь. С тобой все в порядке?

— Да. Все нормально. — Улыбка медленно расплзалась по его лицу. — Просто задумался.

Ободренная его дружелюбием, Ланта продолжила:

— Не знаю. Ты стал задумчивым после того происшествия у реки.

— Может быть, так и есть.

— Это, должно быть, ужасно.

— Не так уж плохо.

Она увидела, как напряглось его лицо. Жилка за ухом хаотически забилась. Он солгал. Разве он не понимает, зачем она пришла?

Она сказала:

— Ты все сделал правильно. Но это все равно неприятно.

— Не так уж плохо. Извини, мне надо идти. Проверить волокушу.

В ее горле застрял комок льда. Никто, даже те, кто явно боялся ее, никто не отвергал ее с таким отвращением. Она остановилась, наблюдая, как Конвей делает вид, что осматривает волокушу.

Лед растаял. Теперь его место занял яростный жар.

Тейт, шедшая во главе отряда, напряглась при виде Ошу, возвращавшейся по тропе назад. Отступив в тень, собака повернулась в ту сторону, откуда прибежала, и залегла. Шерсть у нее на загривке стояла дыбом. Тейт побежала к остальным.

— Кто-то идет!

Ланта торопливо спрятала детей в тени деревьев. Сайла увела лошадей, тащивших Тарабела и раненого. Конвей с собаками расположился за деревом, стоявшим выше по склону холма. Тейт, свистом подзвав своих собак, заняла позицию слева. Они появились через пару секунд, все время оглядываясь. Подобравшись поближе к Тейт, собаки расположились за поваленным деревом. Его могучий ствол теперь стал чем-то вроде питомника; нижняя его часть совершенно прогнила и смешалась с почвой, через него пробивалась молодая поросль. Собаки выглядывали через щели в изгороди, образованной новыми стволами.

Перед ними показался мужчина, низкий и плотный, одетый в облегающую куртку, пятнистые штаны из домотканой материи и кожаную шапку. Она закрывала только макушку,

оставляя уши свободными, но зато сзади свисал кусок кожи, защищавший шею. В руках у него был очень короткий, толстый и сильно изогнутый лук. От оружия исходило ощущение невероятной мощи, а одного взгляда на руки его обладателя было достаточно, чтобы понять, что это могучий воин. Под его подбородком проходил неровный шрам, будто когда-то ему пытались перерезать горло.

Он нес в руке белую тряпку, но, казалось, был слишком беззаботен для сложившейся ситуации. Остановившись, воин поднял голову и втянул воздух. Яркие быстрые глаза шарили по лесу. Потом мужчина вдруг просто исчез с тропы.

Взглянув на Тейт, Конвей указал на тропу. Тейт кивнула в ответ, пытаясь сказать, что тоже никого не видит.

Неожиданно белый флаг вновь появился прямо посреди тропы, теперь он свисал с длинной палки, торчавшей из-за дерева.

Тейт громко сказала:

— Мы путешественники, и не хотим неприятностей. Но будем защищаться, если потребуется.

Ей ответил гулкий голос:

— Мы знаем, кто вы такие.

На слове «мы» Тейт и Конвей нервно оглядели подступающий лес.

Тейт сказала:

— Дайте нам пройти.

— Но не с детьми.

— Вы работоторговцы?

Последовала томительная тишина. В ответе прозвучало потрясение.

— Вы работоторговцы. Это дети Малых. Нашего племени.

Тейт наполовину высунулась из-за дерева.

— Это ложь. Они были брошены.

— Не брошены. Жертвы. Вы уводите их.

В голосе Тейт звучали раздражение и недоверие.

— Если вы докажете, что принадлежите к Малым, мы вернем их вам.

— Да, мы из Малых! — закричал один из детей, и его поддержал хор голосов.

Сайла решила, что пора брать ситуацию в свои руки. Она вышла вперед, подняв руки над головой и сомкнув указательные и большие пальцы в знаке мира, Ланта с детьми шли за ней.

— Выходи и поговори с нами. Наша единственная цель — благополучие этих детей.

Ответом ей была тишина. Потом приземистая фигура снова появилась на тропе. Мальчик, только сейчас разглядевший воина, закричал:

— Бизал! Это Бизал! — Несмотря на все попытки Ланты успокоить их, дети взволнованно зашумели.

Приложив руку к горлу, мужчина усмехнулся. Глаза его все время следили за Сайлой.

— Это все шрам, Жрица. Немногие знают меня в лицо. Пришлось привыкнуть к тому, что люди узнают меня по горлу.

— Я знаю тебя, Бизал. — Она представилась сама и представила остальной отряд, рассказала обо всем происшедшем, добавив: — Эти дети находятся под защитой Церкви.

Бизал кивнул, затем развел руками.

— У меня тут двадцать человек. Я видел ваше волшебное оружие. Но все равно, если придется, мы отберем детей. — Подтверждая свои слова, он, подняв сжатый кулак, шагнул вперед. Или он совершенно не заметил, как мгновенно насторожились собаки, или был настолько храбр, что не придавал этому значения. — Малые всегда были жертвами: Коссиаров, работоторговцев, разбойников с гор, Людей Реки. Все считали нас животными. Но больше этого не будет. Теперь мы деремся.

Сайла холодно сказала:

— Это звучит, как угроза. Я хочу знать, что ждет этих детей.

Все еще возбужденный, но уже начавший успокаиваться, Бизал ответил:

— Защита. Когда-нибудь они тоже станут драться.

Конвей произнес:

— Прямо как у Гэна.

Бизал неожиданно кивнул:

— Торговец рассказывал нам о Мондэрке. Я не настолько честолобив, но в остальном не так уж сильно отличаюсь от него. Мой народ будет свободным.

Сайла сказала:

— В таком случае забирай этих детей. Когда я доберусь до Дома Церкви, должна ли я передать им, чтобы они прислали вам целительниц?

— Да. Но только самых сильных. Нам приходится много путешествовать. — Горькая улыбка раздвинула его губы.

Тейт тихо спросила:

— Ты точно не хочешь, чтобы мы доставили детей в Дом Церкви? Там они будут в безопасности.

— Они нигде не будут в безопасности. — Бизал посмотрел в ее сторону, казалось, прося прощения. — Разбойников намного больше, чем убил ваш воин. Рассказывают, что сама Церковь желает смерти Жрице Роз. На вас охотится Кос. Не думаю, что вам удастся увидеть Дом Церкви.

— Весьма ободряюще. Спасибо. — С сардонической усмешкой Конвей вышел из своего укрытия.

Бизал повернулся к нему.

— Это правда.

— Ты можешь помочь.

— Нет. Мы слишком слабы. Мы сами еще не способны защищаться как следует. Нужды моего народа важнее.

Конвей встал рядом с Сайлой, к ним присоединилась Тейт.

Бизал продолжил:

— Разбойники ушли на запад. Они соберут новые силы и будут вас преследовать. Мы уже несколько дней не видели патрулей Коса.

Конвей настаивал:

— Разве вы не можете показать нам дорогу? Мы же не просим вас сражаться.

Бизал нахмурился:

— Жрица, я желаю тебе удачи в твоём путешествии.

Конвей издевательски усмехнулся.

— Ты и двадцать твоих невидимок, окруживших нас.

Впервые за все это время Бизал по-настоящему улыбнулся.

Отличие было разительным. Всего на мгновение, но он стал моложе и даже красивее.

— Малые тоже кое-что умеют. И мы все время учимся. Каждый человек любит иногда прихвастнуть. Ваши собаки знают, что мы тут, но даже они не могут точно определить, где же мы, а все из-за направления ветра.

Он поднес ко рту свисток, висевший на ремешке. Прозвучало два коротких свистка, затем один длинный. Ему тут же начали отвечать, звуки доносились то с одной стороны, то с другой. Смешиваясь, налагаясь друг на друга, они пугали и путали. Сайла попыталась сосчитать их, но на четвертом или на пятом сбилась.

Конвей повернулся к Бизалу.

— Мои поздравления.

Тейт ухмыльнулась и подмигнула ему.

— И мои. Но готова поспорить, их только девятнадцать.

Бизал рассмеялся, залившись краской гордости.

Сайла начала прощаться. Тейт наклонилась, чтобы обнять Нандамир. Окончилось это тем, что они вытирали друг другу слезы. Тарабел, слабый и испуганный, настороженно

наблюдал за Сайлой, пока она не склонилась над ним и не поцеловала его в лоб.

— С тобой все будет хорошо. Следи, чтобы рана была чистой. Расти сильным. Ты еще понадобишься Бизалу.

В ответ на его улыбку глаза у Сайлы подозрительно заблестели, и она поспешно отошла.

Двигаясь по тропе, она вдруг подумала, что этот спасенный мальчик — самое ценное в ее работе. Она рождает надежду. Радость. Неожиданно она услышала голос настоятельницы Ирисов, припоминая один из ночных разговоров. Та говорила: «Один из слухов о Вратах гласит, что за ними должно скрываться счастье. Почти все то, что обещали Учителя, имеет отношение к могуществу. Но существует и другая сторона. Представь себе силу, способную сделать людей счастливыми». Интересно, что же она имела в виду.

С того вечера прошло уже много времени. Сайла ехала рядом с Тейт, не отрывавшей от нее долгого изучающего взгляда. Жрице даже стало немного не по себе. Наконец Тейт неловко и напряженно произнесла:

— Ты сделала Тарабела счастливым. Я хочу того же для Додоя. Вы все думаете, что единственная моя цель — чтобы он привел меня к другим черным людям. Это так. Но я хочу, чтобы он улыбался, как Тарабел. Я хочу увидеть, как человек, которому он доверяет, скажет ему, что все будет в порядке.

Впереди Конвей повернул коня, направляясь к ним.

Тейт напряглась и пригнулась к седлу. Очень мягко она сказала:

— Я хочу сделать это для Додоя. И для себя. Всего один раз. Даже если для этого придется солгать.

Глава 41

— Там наверху всадники, — сказал Конвей, указывая на юг. — В доспехах, вооруженные. Под белым флагом. Там есть и другие, но те прячутся. Все верхом, все в доспехах. Я успел насчитать двенадцать.

Сайла кивнула, посмотрев в сторону, куда указывал Конвей. Ланта спросила:

— Они видели тебя? Мы сможем их обойти?

— У них посты по всей долине, вряд ли нам удастся избежать встречи. Они знают, что мы приближаемся, иначе не сидели бы там с белым флагом. Я мог бы просто подойти и спросить, что им угодно.

Путешествие подошло к своей самой опасной точке.

Сайла не смогла бы точно объяснить, как она это поняла (и улыбнулась про себя, подумав, что уже начинает овладевать искусством Ланты), но абсолютно точно знала: что бы она ни сделала сегодня до заката, это определит судьбу ее миссии. Взглянув на Конвея, она попросила:

— Мэтт, ты не мог бы забрать с собой остальных и оставить меня одну? Мне необходимо побыть наедине с собой.

Конвей нахмурился.

— Это ненадолго, ведь так? Я не хочу ехать туда в темноте, и не хочу, чтобы они пришли за нами ночью.

Она протянула руку, коснувшись кончиков его пальцев.

— Все, что мне нужно — немного побыть одной.

Конвей отошел, пожав плечами.

Мысли Сайлы путались, она никак не могла сосредоточиться. Слова песнопения медленно текли, будто цепляясь за крючья и шипы напряжения. Она погружалась в успокоительные, очищающие разум звуки. Медленно и неохотно напряжение уходило. Ритмы тела, которые она сейчас контролировала, разрушали неровные всплески, порожденные беспокойством.

Перед ее внутренним взором предстало место успокоения, место, где росли огромные

деревья, где солнечные лучи ласкали землю. Она стояла в центре всего этого великолепия.

И был голос. Всю свою жизнь ты лишь следовала.

И это было так. Сайла действовала, но не осмеливалась говорить. Она позволяла себе лишь почтение и тщательно взвешенные порции советов.

Ты ищешь. Кто же будет вести вперед?

Она была женщиной, ее положение предопределено.

Опора. Прибежище. Подруга.

Последовательница.

Женщина.

Это слово просвистело в ее мозгу, сбивая с толку, шок чуть не вывел ее из транса. Песнопение было спасением. Слова гудели сначала беспокойно, потом все тише и тише. Они снова вернули ей покой.

Из восстановившейся тишины послышался звук, будто шумели деревья или шептал ручей. Другой голос. Голос настоятельницы Ирисов. Слов было не разобрать, но оставалось чувство безмятежности. Помощи.

Воспоминания. Долгие приглушенные разговоры в комнатах настоятельницы, когда рассвет неожиданно загорался за окнами, а ночь пролетала, словно один час.

Столько уроков. Замыслов.

Военная целительница. Она восстанавливала то, что ломали мужчины. Она штопала то, что они рвали в клочья.

Внезапно она узнала ответ, такой простой, такой ясный.

Такой опасный.

То, что не в силах изменить, прими. Тростник гнется под ветром, но побеждает землю, побеждает воду. И завоевывает для себя место.

Женщина создает.

Что-то зашевелилось в глубине ее существа. Ощущение не было приятным, но и не раздражало. Это было похоже на чье-то присутствие. В глубине всевозрастающего головокружительного помутнения рассудка она вспомнила предостережение Тейт:

— Ты не знаешь, как остановиться.

Это было так. Даже слишком.

Сайла больше не может следовать. Сайла ведет.

Снова голос, каждое слово — словно удар хлыста.

Выход из транса всегда вызывал у Сайлы тревогу. Постоянно оставался страх, что сознание возвратится не полностью, оставив ее наполовину в состоянии самоуглубления. Свет и звуки манили ее, как поверхность манит ныряльщика. На этот раз пробуждение было мгновенным, она вдруг неожиданно увидела своих товарищей, отдыхающих под деревьями. Поднялась и подошла к ним.

— Мы идем вперед, — произнесла Сайла.

Все обернулись на скрип кожи — это раненый воин приподнялся на локтях над волокушей. Пока они изумленно глядели на него, тот сказал:

— Коссиары. Не доверяйте им. — Лоб его был покрыт бисером пота, но глаза оставались ясными. — Через несколько дней я снова смогу драться. Остерегайтесь Коссиаров, а с теми, кто напал на меня, мы справимся.

Тейт сказала:

— Когда Конвей нашел тебя, ты не был в этом так уверен.

Воин посмотрел на Конвея.

— Никто не доверяет Коссиарам. Они захватят вас в плен.

— А тебя нет? — невозмутимо спросила Сайла.

— Только пока я не поправлюсь. А это ненадолго.

— Ты — мой пациент, а я принадлежу Церкви. Никто не причинит тебе вреда.

Он покраснел.

— Налатан Сохна ничего не боится. — Потом он обратился к Конвею: — Дай мне меч.

И оставьте меня.

Сайла вытянула руку, от нее до воина был добрый десяток шагов.

— Возьми его сам.

Мускулы Налатана напряглись. Конвей приподнялся, намереваясь помочь ему. Сайла что-то прошипела, и он снова сел на свое место. Борьба, казалось, продолжалась бесконечно. Из-под бинтов начала сочиться кровь. Тейт умоляюще посмотрела на Сайлу, но та и не взглянула на нее.

Налатан рухнул обратно на волокушу.

— Воды. — В этом слове звучала боль поражения. Конвей подбежал к воину. Тот бросал на Сайлу яростные взгляды, пока пил из фляжки, потом вернул ее, отрывисто поблагодарив.

Сайла спокойно встретила его холодную злость.

— Ты изучал тайны самолечения, Налатан. Но я знаю, когда ты сможешь путешествовать, драться или выжить в одиночку. — Он было открыл рот, но Сайла уже была на ногах, властным жестом она потребовала тишины. — Нет! У меня есть другие дела, кроме как бороться с твоей гордостью.

Остальным она сказала:

— Мы с Конвеем поедем первыми. За нами Ланта с Налатаном. Доннаси, вы с Додоем будете охранять тылы. Собаки пусть держатся сзади и подальше, вдруг кто-нибудь будет ехать за нами.

Сайла отошла, и Тейт скосила глаза на Конвея. Тот улыбнулся, встряхнув рукой, словно у него горели пальцы.

— Это Жрица Роз Сайла или Леди Стальная Рука?

Посмеиваясь, Тейт сказала:

— Леди взяла верх. Теперь все будет так: «Пятки вместе, носки на сорок пять градусов, а когда я скажу „Смотреть направо“, глаза должны щелкнуть».

— Прямо как дома, а?

Тейт ухмыльнулась:

— Уж постарайся выдержать.

Заходящее солнце вырвалось из плена облаков, как раз когда отряд выехал из леса. Тропа шла через заросший кустарником луг. Посередине стояла лошадь без седока, меланхоличная и расслабленная. Она подняла голову и приветственно заржала. Лошадь Сайлы заржала в ответ. Вихрь прижал уши и вытянул шею. Конвей натянул поводья и свистом позвал собак.

Из-за кустов вышел мужчина. Мягкий свет заходящего солнца играл на металлических доспехах и шлеме. Подняв белый флаг, он помахал им и прислонился к лошади, ожидая их.

Сайла чуть не улыбнулась, глядя на его тщательно демонстрируемое высокомерие. На голове у воина был шлем, украшенный лошадиным хвостом. Кожаная рубаха расстегнута, под ней блестела и переливалась кольчуга. Вытертые места на кожаных штанах указывали, где крепились поножи. Сайла остановилась, не доехав до воина на корпус лошади, Конвей расположился слева и чуть сзади. Краем глаза Сайла заметила, как он знаком приказал собакам укрыться в кустах.

Воин тоже это заметил и произнес:

— Никто не побеспокоит вас. Я нахожусь здесь, чтобы предложить вам помощь. — Говорил он медленно, голос его то падал, то опять поднимался. Легкий акцент можно было приписать этому мелодичному звучанию.

Однако Сайла без труда чувствовала обман в его речах. Выцветшие голубые глаза слишком широко открыты, квадратная челюсть чересчур напряжена. И хотя правая рука, так естественно опиравшаяся о пояс, была далеко от меча, напряженная поза воина ясно говорила, что тот готов броситься в сторону. Вправо, подумала она.

Конвей осматривал окрестности.

Сайла произнесла:

— Кос не очень-то любезно принимает чужеземцев.

Самообладание воина поколебалось, когда вместо единственного здорового взрослого мужчины в группе к нему обратилась женщина. Глядя то на нее, то на Конвея, он не замечал Тейт, пока та не оказалась прямо у Сайлы за спиной. Глаза его выпучились, челюсть отвисла. Когда он снова заговорил, тон его был намного менее самоуверенным, хотя слова явно были заучены наизусть.

— Капитан знал о твоём приходе уже много лун, Жрица Роз Сайла. Мой дозор лишь один из многих, посланных навстречу, чтобы пригласить тебя в Кос. Капитан ждет тебя.

Сайлу это не удивило. Жнея проходила через Кос. Единственным сюрпризом могла быть какая-нибудь подстроенная ею гадость. Сайла выпрямилась.

— У меня есть свои планы. Капитан ничего для меня не значит. Тем не менее этой ночью мы разобьем лагерь вместе с вами. — Она представила остальных членов отряда. Закончив, едко спросила: — А у тебя есть имя?

Зардевшись, воин ответил:

— Прошу прощения. Меня зовут Гатро. Мое звание — Копье. Я командую пятнадцатью всадниками. И снова я приглашаю вас в безопасную Гавань, где Капитан желал бы говорить с вами.

— И снова я вынуждена отказаться.

— Возможно, я сумею уговорить вас. — Подняв руку над головой, он резко опустил ее. Из кустов выехали трое — два Коссиара и третий, ехавший между ними со связанными за спиной руками.

Все они остановились в нескольких ярдах перед Сайлой. Коссиары отдали салют, прикоснувшись сжатыми кулаками к губам. Оборванный мужчина смотрел с ненавистью. И страхом.

Гатро беззаботно махнул рукой.

— Мы поймали двоих таких. Они сказали, что в их банде было больше пятидесяти человек. Но мы не можем им доверять полностью; они ведь не только убийцы, насильники и воры, они — лжецы. Они рассказывали, что ты убила одного из их вожаков и еще нескольких с помощью грома и молнии. Подонки. Не могут даже достойно принять поражение в честном бою.

Сайла взглянула на Конвея, и он ответил за нее:

— Я убил их. Громом и молнией.

Гатро вздохнул:

— Как скажешь. Но должен предупредить: все знают — Капитану не нравятся разные магические штучки. Но у нас есть еще важные дела. Вы не последуете со мной к дружески настроенному Капитану?

Сайла видела то, что было незаметно другим. Расширенные зрачки. Агрессивно поднятый подбородок. И еще один явный знак — быстро и почти незаметно он чуть наклонился вперед, весь в ожидании.

Гатро устроил ловушку. В этом она была уверена. Но где она? Как она работает?

Периферическое зрение подсказывало один из возможных ответов. Пленный всадник тоже пытался скрыть возрастающее напряжение. Воины наблюдали за ним. Не за своим предводителем, даже не за ней.

Все это говорило ей, что всадники имеют право напасть, если они откажутся от предложения. Капитан же потом скажет, что предлагал помощь, даже защиту той, что искала Врата. Он может отказаться от ответственности за ее смерть.

То, что не в силах изменить, прими.

— Я передумала. Я принимаю твоё предложение.

Гатро был доволен. На долгое мгновение Сайла испугалась, что неправильно прочитала его мысли, потом ее озарило: он поставил не одну, а две ловушки. Она попала в меньшую. Готовясь к его ответу, Жрица подвинулась поближе к Конвею.

— Вы наши гости, и в знак дружбы мы просим доверить нам ваше оружие, — произнес

Гатро.

Тейт ответила за всех:

— Мы настроены не настолько дружелюбно, Копье, и вряд ли это изменится. Мы оставим оружие при себе. А вы не слишком приближайтесь.

Сайла была готова к любой его реакции, кроме той, которая последовала. Гатро просто смотрел, словно громом пораженный. Он несколько раз нервно открывал и закрывал рот, прежде чем сумел вымолвить:

— Ты покрашена? Таков ваш обычай?

— Это моя кожа, идиот, и эти слова — последнее, что я хочу об этом слышать. Это ваш Капитан приказал держать нас тут вечно? У нас есть раненый. Веди нас в лагерь.

Рука Гатро уже почти поднялась в салюте, когда он одернул себя. Он превратил это движение в неуклюжий взмах. Потом напустил на себя суровость и сказал Сайле:

— Мне разрешено отобрать у вас оружие, если я заподозрю какие-либо... неприятности.

— Даю слово, мы будем использовать его только для самозащиты. И для защиты наших друзей, — ответил Конвей.

— Защиты? — На лице Гатро заиграли желваки. Он встал в стремени и вытащил из-за пояса короткий прямой медный горн. Приложив его к губам, он выдул короткий клич, три высокие ноты. Затихающее эхо слилось с шелестом ветвей, когда его отряд выбрался из своего укрытия в кустах. Появились они весьма эффектно: резко останавливаясь, кони вставали на дыбы. Разбившись на три группы по пять всадников, воины выстроились перед своим Копьем.

Молодой офицер гордо произнес:

— Вот ваша защита. Мы делаем это безо всяких фокусов.

— У нас нет фокусов. У нас есть оружие, — сказал Конвей.

— Гром и молния? — презрительно ухмыльнулся Гатро.

Покачивая головой, Конвей ответил:

— Сейчас это неважно. Мы хотим проявить свое дружелюбие. Может, мы и сработаемся?

Речь, и так похожая на пение, стала еще мягче.

— Да. — Обратившись к Сайле, Гатро сказал: — Жрица, пожалуйста, следуй за мной. Наш лагерь тут, недалеко.

Сайле доставило удовольствие, что Коссиары действительно оставили их маленький отряд в покое. Она не сомневалась, что где-то в лесу оставлен дозор, но это было сделано с почтительностью.

Тем не менее, когда умерли последние языки пламени походного костерка, Налатан позвал их из темноты. Все, кроме спящего Додоя, присоединились к нему, устроившись около волокуши, служившей теперь Налатану постелью. Сила и уверенность, звучавшие в его голосе, пугали.

— Жрица Роз, что ты знаешь о братствах монахов-воинов, охраняющих Дом Церкви?

— Только то, что они существуют. И что они — отважные люди.

— Ты должна знать больше. Мы — добровольцы. Мы оставили свои дома. Братство стало нашей семьей. Наши укрепленные деревни — это тренировочные лагеря, мы сами себя обеспечиваем. Враги Церкви — наша добыча.

— А как же жены? Дети?

— Это зависит от братства. В некоторых деревнях живут семьями. Некоторые — только для мужчин; жены остаются в родной деревне, там они растят детей.

— А ты из какого братства? — вмешался Конвей.

Лицо Налатана исказилось, но ответил он достаточно спокойно:

— У нас было семейное поселение, но, кроме того, было место для учебы, посещаемое только мужчинами. Часть времени мы живем... жили там. — Неожданная резкость в его голосе и чувства, кипевшие в словах, потрясли слушавших. Когда он продолжил, стало ясно,

что этот человек обладает железным самообладанием. — Год назад к Главе нашего братства явилась Жрица, именовавшая себя Жнеей. Она рассказала о твоём путешествии и о том, что ты будешь за него изгнана. Наш Глава сказал, что это самый отважный поступок, о каком он когда-либо слышал: женщина, лишённая защиты Церкви, осмелилась бросить всем вызов. Жнея потребовала, чтобы мы остановили тебя. Мы отказались.

Сайла спросила:

— Год назад? Мы...

— Жнея заявила, что Дом Церкви ожидал твоего появления много лет. Та, кого она называла Единственной, рассказала ей о твоём приходе. Она называла твоё имя. Она также называла тебя Цветком, той, кого приведут к славе могучие маги — белый и чёрный. — На секунду он прикрыл глаза, потом продолжил: — Через две недели после того, как наш Глава отказал ей, колодец у нас в деревне был отравлен. Из шестидесяти пяти жителей выжило десять. Умирая, наш Глава просил меня позаботиться об успехе Цветка. Ещё он сказал мне, что я должен завоевать для нашего братства славу, чтобы люди во все времена пели песни о нашем воинском искусстве. Только тогда я могу умереть.

Конвей улыбнулся ему:

— В таком случае я особенно рад, что встретил тебя, Налатан.

Раненый воин скривился:

— Я поклялся нашему Главе, что увижу, как достигнет своей цели Цветок. Чтобы прославиться, как непревзойденный воин, я поклялся убить белого мага. Тебя, Конвей. Моего спасителя. Ты слышишь, как Вездесущий смеется над своей шуткой?

Книга вторая Путь смятения

Глава 42

— Ей-Богу, я чую запах морской воды. — Уверенный тон Тейт заранее отметал все возражения.

Конвей рассмеялся и помешал палкой догоравшие угли вечернего костра.

— Может, ты и права. Западный ветер. Гатро говорил, что завтра с высокого места мы уже увидим Гавань.

— Если будет нормальная погода. — Тейт зябко передернула плечами. — Где же, черт возьми, весна?

— Меня самого это беспокоит. Помнишь тот видеодиск, который мы смотрели в пещере? Там говорилось, что несколько лет подряд было холодное лето — последствия ядерной зимы. Может, произошли глобальные изменения климата, появились новые циклы? И сейчас маятник качнулся в сторону холода?

— Я стараюсь не думать об этом. Все вокруг напоминает мне, что мы погубили мир.

Конвей беспомощно развел руками:

— Месяцами скакать, чтобы преодолеть расстояние, которое на машине проезжали за пару часов. Все автомагистрали разворотили, выковыривая оттуда стальную арматуру.

— Все, что мы когда-то строили, теперь вредно и опасно, и в лучшем случае может служить сырьём. Обидно. Не знаешь, сколько мы сегодня проехали?

— Как обычно. Миль двадцать, может, немного больше. Конечно, мы столько б не тащились, если бы не мои болезни. Не знаю, что за гадость я подцепил в том ежевичнике, но задержала она нас здорово.

— Успокойся. Сайла никогда не верила, что это болезнь. Как только она убедила Коссиаров, что причиной остановки была необходимость отдохнуть, все напасти кончились. — Немного помолчав, Тейт спросила: — Тебе что, уже все надоело, Мэтт? Хочется послать все к черту? — Она поднялась так стремительно, что Конвей не успел

ничего ответить. Тейт наклонилось вперед, на ее напряженном, отчасти агрессивном лице плясали отблески костра. — Скажи мне правду. Из тебя слова не вытянуть с тех пор, как к нам присоединились воины Гатро и твой приятель Налатан.

— Я был очень занят с собаками. С Вихрем и Налатаном.

Тейт уперлась кулаками в бока и, забавно копируя простонародный говор, обрушилась на Конвея:

— Ты был так занят и ни с кем не виделся. С тобой осталась только я, твоя мамочка. Так что выкладывай мне все как на духу, сынок!

Выдавив из себя слабую улыбку, Конвей сказал:

— Я боюсь, Доннаси. Я не знаю, кто я такой.

— Конкретней, Мэтт. Это не тот мир, где можно сидеть в баре и заниматься психологическими изысками. — Взглянув поверх костра, она увидела, как Конвей болезненно вздрогнул. Тейт коснулась рукой его щеки, стараясь смягчить свою вину. — Прости, Мэтт. Я не хотела.

— Все в порядке. Знаешь, в тот день, когда ты схватилась с капитаном Скэнов, мне казалось, что в этом мире я наконец обрел почву под ногами. И до сих пор так считаю, хотя некоторые вещи опять не дают мне покоя.

Тейт отвела руку.

— А если я спрошу, что все это значит, ты мне ответишь?

— Попытаюсь. Я ведь уличный регулировщик. Взгляни на меня. Я сидел за пультом и нажимал кнопки. Транспортные потоки. Цемент мешками из Бойсе. Тонны грибов в Майами. Теперь меня занесло сюда. И все, что я могу здесь делать — это драться. Ну ладно, если это драка за правое дело, можно потерпеть. Внести свою лепту. Но кто мне скажет, ради чего все это?

Продолжая внимательно смотреть на Конвея, Тейт сказала:

— Я слушаю, Мэтт.

— Нутром чую, что Врата Сайлы должны помочь людям. Так что участие в их поисках для меня тоже важно. Конечно, я не Гэн и не Клас, но я умею пользоваться оружием, что делает меня мужчиной, на которого можно положиться. И я горд этим. Но все же я ее опять теряю.

— Теряешь? Что ты теряешь?

— Почву под ногами. А на самом деле себя. Я уже не нахожу в себе той опоры, того стержня, что помогает терпеть и идти вперед.

— Все равно не понимаю, что ты хочешь сказать.

— В тот день, когда я спас Налатана, мне достаточно было убить одного разбойника. Ну, двух от силы. А я убивал всех, кто попадался мне на глаза, Доннаси. И поступал так, потому что мне это нравилось.

— Чепуха. Не надо путать боевой пыл с желанием убивать.

— Я стрелял в них из засады.

— Знаешь, все это очень не просто. Единственное, что я могу тебя сразу сказать — ты не маньяк-убийца. — Не обращая внимания на то, что Конвей пытался ей возразить, она продолжала: — Думаю, все было так, как ты говоришь. Но это всего лишь один случай. И стрелял ты в отпетых мерзавцев. А твои переживания лишний раз доказывают, что с психикой у тебя все в порядке.

— А что, если это станет для меня нормой?

— Вот тогда и будешь переживать и есть себя поедом. И не думай, что тебе так просто удастся убедить меня или кого-нибудь еще, что ты злодей.

— Вижу, ты стараешься особо глубоко не копать.

— Копаю столько, сколько нужно.

Конвей обошел костер и положил руку на плечи Тейт. Она старалась сохранять невозмутимый вид.

— Я уже тебе порядком надоел, да?

Тейт фыркнула.

— Но мне надо было выговориться.

— Конечно. На то и друзья, чтобы к ним обращаться за помощью.

— Не всегда это так просто. Но я все равно рад, что ты здесь. — Его улыбка стала какой-то напряженной. — Надеюсь, Налатан не будет возражать, если ты уделишь мне немного времени?

— Ты что-то хочешь этим сказать?

— Будто ты сама не видишь, что он ходит за тобой, как тень.

Тейт отступила в сторону.

— Мы уже целый месяц вместе в пути. Как можно в этом случае не оказываться время от времени рядом? Надо уж совсем отгородиться от людей, как некоторые, не будем указывать на них пальцем.

Конвей сделал вид, что о чем-то задумался.

— Вообще-то, он выглядит довольно прилично, если не обращать внимания на шрамы. Ты ничего не заметила, когда он моется по утрам перед молитвой? Такой жуткий рубец справа на спине? Закручивается, как старое шоссе на границе с округом Колумбия. Словно трещина после землетрясения.

Тейт хлопнула его по плечу.

— Шрамы у него от работарговцев. Он был еще совсем пацаном. Когда он дрался с одним, второй подкрался сзади. — Доннаси замолчала и опасливо прищурилась на Конвея. — Паршивец, ты же смеешься надо мной.

— Имею право. Парочка из вас, что надо.

— У меня нет времени на эти глупости.

— Когда-нибудь тебе должен кто-то приглянуться.

Покачав головой, Тейт обняла себя за плечи:

— Может быть, потом, после того как я отвезу Додоя к его людям и разыщу своих. Тогда посмотрим.

Они еще немного поболтали на отвлеченные темы. Тейт поняла, что Конвей и прежде, когда весь ушел в себя, нуждался в таких дружеских беседах. Его длительное молчание было отчасти и ее виной. Поглощенная своими заботами, она не обращала внимания на друга, который в это время страдал. Может быть, она и не смогла бы помочь Конвею. Но он бы, по крайней мере, знал, что кто-то о нем помнит.

Одиночество.

От этого слова веяло ледяным холодом.

Конвей подозвал собак и, извинившись, сказал, что ему пора заступать на «дежурство». Тейт лишь кивнула, погруженная в свои мысли и воспоминания.

Никто не понимал, что творилось в ее душе. Одиночество — это разлука с друзьями, с любимыми. Это мучительные страдания.

Одиночество — это когда нет нас, когда жизнь превращается в унылое существование. Это боль, не утихающая ни на мгновение. Само это слово было холодным и бездушным.

Конечно, ее окружали друзья. Додой без нее бы пропал, а кто был ей ближе Сайлы. Да и Ланта — славная женщина. А Налатан — замечательный компаньон на время путешествия. Хотя и скрытный. Отвечает на все вопросы без заминки, а поди скажи, что у него на душе.

Конвей прав в одном: слишком уж много внимания уделяет ей Налатан. Нерастраченное тепло, своевольное и неудержимое, разлилось по телу. В первое мгновение оно напугало Тейт. Что-то было в нем от врага, который наблюдает и делает пробные выпады, проверяя ее силу. Подивившись своим фантазиям, она улыбнулась в темноту.

Интригующий — вот подходящее слово для Налатана. Она чувствовала его желание оставаться в тени. Наверное, и он делает свои выводы из ее отказа рассказать о себе. Чем больше она молчит, тем меньше приходится врать.

А эти его проклятия и угрозы убить Конвея.

Мужчины. Все дураки, как один. Особенно Конвей и Налатан. Вежливы друг с другом.

И не просто вежливы, а дружелюбны. Но всегда и повсюду следят друг за другом. Сайла и Ланта первыми заметили это. Налатан следит за глазами и руками Конвея. А как только Конвей оказывается в пределах досягаемости меча Налатана, он весь подбирается, опускает подбородок, а большой палец правой руки скользит к поясу, где висит пистолет.

— Словно две старые глупые собаки, — подумала вслух Тейт, помешивая прутиком красные угли, мерцавшие догоравшими огоньками.

— Что там натворили собаки? — Прозвучавший в темноте тихий голос Налатана испугал Тейт, и она не смогла сдержать возглас удивления. По плечам и спине пробежали мурашки. Ошу и Танно совсем расслабились. Они, конечно же, видели, как Налатан подкрадывался к ней, когда она была погружена в свои мысли.

— По-моему, ты рисковал. А если бы собаки тебя не узнали?

— Я не шел по ветру, они не могли меня почуять. А ты, похоже, сильно задумалась. — Слова, как обычно, текли медленно, и Тейт не покидало чувство, что Налатан обдумывает каждое предложение, прежде чем произнести его вслух. Голос шел из глубины груди, такой мощный, что временами слышалось сопровождавшее его рокотание.

Тейт вспомнила, как он хрипел, когда был ранен. Сочный зычный голос восстановился последним, словно он был ему особо и не нужен.

Налатан присел на корточки у костра напротив Тейт. Мерцавшие огоньки теплыми бликами отражались на его куртке. Внимание Доннаси привлекли аккуратно зашитые места, где были прорехи от ударов. В свете дня они были не так заметны, как сейчас.

Темные бездонные глаза, поблескивая, смотрели на нее из-под мохнатых бровей, пересекавших широкий лоб. Густые лоснившиеся волосы были похожи на шлем; сужаясь, они закрывали шею, оставляя уши открытыми.

Тейт опустила глаза и стала помешивать угли.

Молча Налатан протянул ей немного сушеного мяса. Покачив головой, она отказалась. Тогда он аккуратно оторвал два куска и, протянув их, указал на собак. На этот раз Тейт приняла их. Ей даже захотелось похвалить монаха, что понимает — кормить собак должна только хозяйка.

Заговорив наконец, Налатан повторил ее последние слова:

— Ты сказала, что я не должен подбираться к тебе так скрытно «в следующий раз». Надеюсь, сейчас ты меня не прогоняешь.

— Конечно, нет. — Тейт слегка поежилась. Ну зачем она с ним так резко.

— Я ждал, пока уйдет Конвей. Сайла и Ланта разговаривают с Гатро. Он рассказывает им о священных землях Гавани. — В последних словах был явный сарказм, но, прежде чем Тейт успела ему это заметить, Налатан продолжил: — Я хотел поговорить с тобой с глазу на глаз.

— О чем?

— О том, как нам выжить.

— Об этом нужно говорить со всеми.

Слегка прищурившись в ответ на ее вспышку, он спросил:

— Ты заметила, что Гатро старается не встречаться с местными жителями?

— Да. Он сказал, что это приказ Капитана.

— Он сказал правду. Коссиара могут казнить за то, что он просто поздоровается со странником. А рабов ты заметила?

— Конечно, заметила. И если кто-то...

— Обожди. — Голос Налатана оставался спокойным, но в нем все сильнее слышались властные нотки. — А ты заметила, что почти у всех на ногах цепи?

— Я видела, что у некоторых цепи от запястий до пояса и на ногах цепи тоже. И кто ты такой, чтобы затыкать мне рот, когда я возмущаюсь всем этим?

— Тот, кто хочет, чтобы твоя голова оставалась у тебя на плечах. Послушай, Кос живет за счет рабов. Слухи о готовящемся бунте разрастаются кругом, как весенняя трава.

— Отлично. А чем я могу помочь?

Тяжело вздохнув, Налатан пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Когда мы доберемся до Гавани, нам придется жить на Острове купцов. Гнусное место, законами там и не пахнет. Рано или поздно мы непременно поможем там какому-нибудь бедному обиженному рабу бежать.

Тейт сплонула в костер, слюна мерзко зашипела на углях, подымаясь красноватым облачком пара.

— Если я что-нибудь смогу сделать, чтобы помочь рабам, меня никто не остановит.

— Коссиары подойдут своих людей, чтобы заманить нас в ловушку.

— Да откуда ты это знаешь?

— Знаю. Ты мне поможешь? Я видел, как ты смотрела на работавших в поле рабов, когда мы проезжали мимо. Другие их просто жалеют, а тебя их вид убивает. Помочь ты им сможешь, только если будешь помогать мне.

— Но почему я? Если меня это больше всех трогает, то не стоит направлять меня в первые ряды. Там место человеку более хладнокровному.

— Ты не сможешь скрыть свои чувства. Ложных рабов будут направлять именно к тебе. Не делай и не говори ничего, что может вызвать подозрения. Направляй их ко мне. Если они настоящие, я увижу это.

— Ты не собираешься предупредить других?

— Нет. Они могут мне не поверить. Лучше тебе это сделать.

— Ты им не доверяешь?

Широкая лучезарная улыбка осветила его лицо. Тейт была так поражена мгновенным преображением сурового конспиратора в добродушного рубаху-парня, что не сразу восприняла его ответ:

— Я им доверяю, как самому себе, но хочу, чтобы именно ты была моим партнером.

Глава 43

Рыжик пробирался сквозь туман с покорным недовольством. Всем своим видом он показывал Сайле, что понятия не имеет, куда ведет тропа, не видит ничего в двух шагах и не в состоянии предотвратить возможную опасность — короче, слагает с себя всякую ответственность.

Сайле нечего было возразить.

Могучие деревья смыкали кроны над узкой тропой. В их переплетавшихся ветвях была какая-то неуловимая угроза. Листья захватывали клочья тумана, превращая их в массивные капли, и время от времени растревоженные скачущими всадниками деревья охлаждали возмутителей спокойствия потоками воды. Ощущение необычности усиливалось зеленовато-бежевым цветом стволов, с которых слущивалась кора, источавшая острый маслянистый запах.

Эвкалиптовое масло входило в лечебный арсенал Сайлы. Пробираясь сквозь мрачный туман в узком коридоре между шершавыми неохватными стволами, она не могла понять, как ей раньше нравился этот запах.

Тропа вывела на один из лугов, которые неотступно преследовали Сайлу в ее видениях. На открытом месте, где высокая трава доходила лошади до живота, ветер сразу же унес навязчивый запах эвкалиптов. На смену ему пришел чудесный аромат трав и полевых цветов.

Мысли унесли Сайлу в прошлое, в степи Людей Собаки, где она встретила Класа. Там никогда не пахло влажной травой, а по утрам степь источала тонкий аромат.

Но туда пути не было, слишком далеко они углубились на юг. С каждым днем в ней крепла решимость окончательно стать лидером группы. Так было проще. Сайла понимала, что для остальных путешествие было возможностью проверить или найти себя, утвердиться в этой жизни. Смахнув каплю, нахально упавшую ей на кончик носа, Сайла улыбнулась, вспомнив упорные попытки Налатана скрыть, что ему нравится Тейт. Похоже, он уже ничего

не может с собой поделаться. Не менее очевидно было отсутствие ответного интереса у Тейт.

Сайла задумалась. Сегодня утром она уже не была так в этом уверена. Тейт смотрит на Налатана как-то по-иному. С большим... вниманием, что ли? Хотя строить какие-то предположения о Тейт — неблагоприятное занятие. Слепая преданность Додою делает ее поведение непредсказуемым.

А Конвей сегодня за завтраком был, пожалуй, более компанейским, чем обычно. Даже его собаки повеселели. Может, он разобрался с какой-то мучившей его проблемой?

Но, похоже, это не сблизило его с Лантой. Сайла бросила взгляд направо, где, глубоко надвинув капюшон, в сотворенном собственными руками одиночестве ехала маленькая Жрица. Туман был отличной декорацией для ее образа, метафорой таинственного покроя. Жестокая ирония, подумала Сайла, искренне желая помочь подруге. Уделом Ланты было хранить пугающие секреты; она оказалась не способна раскрыть душу мужчине, которого любила. Иногда в трагикомедии взаимоотношений мужчины и женщины лишь те, кто сумеет разрушить безупречно правильную дружбу, могут рассчитывать на более глубокие чувства. Сайла была уверена, что отчасти проблема связана с попытками Конвея стать воином, но все остальное оставалось для нее тайной.

Конвей держался рядом с Налатаном. Еще одна загадочная парочка. После того как Налатан пригрозил убить Конвея, их водой не разлить. О чем они говорят? О битвах. Налатан, словно стараясь убедить, что он самый опасный противник на свете, рассказывал восхищенному Конвею, как наносить удары, отражать их, как делать ложные выпады. От этих разговоров Сайла готова была завывать. В свою очередь, Конвей разрешил Налатану проехать на Вихре. Для Сайлы это оказалось полной неожиданностью. Как и для Вихря. Целый день Налатан был в центре внимания и вел себя, как он сам выражался, «вполне прилично для фермера». Но все равно Вихрь выносил его с трудом.

Почти бесшумно подъехала Тейт. Обменявшись молчаливыми, почти заговорщическими улыбками, женщины продолжали скакать бок о бок. Сайла невольно стала думать о Тейт — о ее дружбе, о ее неоценимой помощи в поисках, в который раз приходя к мысли, что ей необыкновенно повезло с подругой. Переполненная благодарностью, она повернулась к черной женщине.

— Я думала о тебе, Доннаси. И знаешь, почему?

Тейт начала шутливо обороняться:

— Если ты о том подгоревшем мясе вчера за ужином, то я здесь ни при чем. Вчера была не моя очередь готовить.

Сайла весело рассмеялась:

— Да нет, я хочу поговорить о вещах поважнее. Думаю, ты единственная женщина, которая в состоянии понять, почему я так рада, что решила отправиться в Кос.

Тейт терпеливо молчала, ожидая разъяснений. Сайла продолжала:

— Я сама поняла это только сегодня утром. До меня вдруг дошло, откуда во мне такая одержимость. Я ведь давно решила отправиться на поиски Врат, давно добивалась этого. Но все здесь гораздо важнее. Я могу показаться слишком самонадеянной, но дело вовсе не в этом. Я поняла, что нахожусь в центре чего-то гораздо более грандиозного, чем могла себе представить. Доннаси, я слышу, как мир по ту сторону Врат зовет меня.

— Почему ты полагаешь, что я в состоянии понять это? Это ведь твои поиски, не мои.

— Потому что ты воин в такой же степени, как и женщина. Ты понимаешь, что такое борьба и власть. И влияние, где-то даже господство. Да, именно это слово отражает то, к чему ты стремишься. Не ради выгоды, а ради порядка и спокойствия в окружающем тебя мире.

Словно испытывая неудобство, Тейт поерзала в седле. Было видно, что она не может полностью согласиться со словами подруги.

— Мне не очень просто совладать с моей лошадью. И, конечно, хотелось чувствовать себя в седле спокойнее. Но при чем тут господство?

Слишком увлеченная своими доводами, чтобы ощутить глубину недовольства Тейт,

Сайла весело отмахнулась:

— Можно спорить о выборе точных слов, но, по существу, я права. У нас есть цели. И ничто нас не остановит на пути к ним. А если этот мир нас чем-то не устраивает, его придется менять.

Поглощенная мечтами о будущем, Сайла даже не заметила, как Тейт усакала прочь, а ее место заняла Ланта.

Путники поднялись на вершину гребня, где уже ничто не закрывало грандиозный вид на огромный залив, глубоко вдававшийся в сушу. У узкого входа в него на дальнем берегу возвышалась огромная отвесная скала. Ближний берег был еще покрыт туманом, но и там смутно вырисовывался такой же могучий утес.

Побережье залива было причудливо и живописно. По изрезанной береговой линии были разбросаны многочисленные фиорды и устья впадающих рек.

На дальнем берегу густой лес спускался по склонам гор к самой воде. Местами яркая зелень разрывалась трещинами от землетрясений и белыми пятнами скал. В лучах солнца в заливе нежился остров. С того места, где стояла Сайла, земля походила на лоскутное одеяло из деревьев и лугов, окруженное серо-зелеными водами.

У самой воды на берегу довольно большой бухточки стоял город, не окруженный крепостными стенами. У пристани роились многочисленные рыбацкие лодки. Еще больше лодок было в море, некоторые стояли на якоре, другие, подняв паруса, рассекали воду, оставляя за собой белый пенящийся след. В своем прекрасном величественном покое город напоминал Сайле драгоценность.

Отдельно от города на небольшом мысе возвышался каменный форт, всем своим видом выражая господство над соседними поселениями. Перешеек пересекали три стены — от воды до воды. За ними был вырыт ров, перед которым была возведена еще одна стена, что превращало укрепление в рукотворный остров.

Внутри форта стоял замок правителя Коса, Капитана. Гатро рассказывал о голубой черепице на крыше здания. И теперь она гордо сверкала у них перед глазами, вызывая яркая, как оперение сойки.

Замок состоял из трех частей. Широкое здание, направленное с запада на восток, соединяло два более узких крыла, вытянувшихся с севера на юг. Сайла подумала, что замок напоминает букву «Н».

Она тут же прогнала эту мысль прочь. Произнеси подобное вслух, и могут решить, что ты пытаешься научить кого-то читать.

Продолжая рассматривать замок, Сайла заметила внутренний дворик, окруженный зданием с голубой крышей. С противоположной стороны замка, прямо за южной стеной форта, виднелся прямоугольный бассейн.

Ее созерцание было прервано громким вздохом Ланты.

На западе у входа в залив ветер наконец открыл перед ними все, что было скрыто прежде. словно стряхнув с себя остатки тумана, перед ними поднялись поражающие своими размерами и в то же время продуманными пропорциями громады, в которых Сайла сразу же признала знаменитые творения гигантов.

Ворота.

Легенда гласила, что огромная монолитная серая колонна в северной части прохода была сваей. Ее установили гиганты, чтобы навесить на нее ворота и закрывать выход в море из залива. Южная сторона сваи была шершавой и выщербленной. Согласно легенде, здесь крепились петли. У ее основания росли деревья, и их ветви и молодые побеги проникали в трещины и выбоины когда-то гладкой поверхности. Пронзительно чистые, как снежинки в солнечных лучах, кружили над колонной чайки. Белые полосы на фоне серых стен указывали места, где садились птицы.

Громкий стон заставил Сайлу обернуться.

В глазах Тейт, которая смотрела на залив, было такое глубокое страдание, что Сайле стало не по себе. Мучительный стон вырывался изо рта Доннаси помимо ее воли. За ее

спиной, мрачный и побледневший, стоял Конвей.

Глава 44

— Помните, вам ни с кем нельзя заводить разговор, — сказал Гатро. Лицо воина было суровым, монотонный голос звучал внушительно. — И не проявляйте интереса к тому, что увидите.

— Может, нам ехать с закрытыми глазами? — Это была Тейт. Еще на вершине гребня было заметно, что нервы ее на пределе. Казалось, что даже воздух вокруг нее наэлектризован раздражением.

Налатан поспешил на выручку Гатро:

— Он хочет сказать, чтобы мы слишком не пилились.

Нахмурившись, Гатро кивнул:

— Капитан ждет вас, как самых высоких гостей. Но, в случае чего, у меня есть полномочия доставить вас с завязанными глазами.

— Да пошел ты со своими полномочиями. — Тейт явно вышла из себя. Танно и Ошу угрожающе ощетинились. Ладонь Гатро легла на рукоятку меча. Было видно, как всполошились воины его отряда. Краем глаза Тейт заметила, как Конвей небрежно опустил руку на свой «вайп».

Сайла направила Рыжика между Тейт и Гатро. Глядя в лицо подруги, она сказала:

— Доннаси, что бы тебя ни расстроило, или поделись с нами, или просто держи себя в руках.

Потребовалось некоторое время, чтобы Тейт успокоилась. Глядя поверх плеча Сайлы, она сказала:

— Прошу прощения, Копье.

Улыбка Гатро говорила о том, что он принимает извинения.

— Вы же знаете, что меня наградят за то, что я привел вас к Капитану. Только самые богатые купцы удостоиваются такой чести, причем никого из них не принимают в замке. Я хочу, чтобы все было в порядке.

Улыбка Тейт была несколько более напряженной, чем обычно.

— Положись на меня. Я похлопочу, чтобы тебе повесили медаль величиной с крышку от люка.

Скорее сбитый с толку, чем успокоенный, Гатро дал знак своим воинам выступить. Они прошли последние несколько ярдов по старой узкой тропе, а затем свернули на более широкую дорогу, на которой могли разминуться две повозки. Они проезжали мимо полей, засаженных овощами и засеянных пшеницей и кукурузой, и пастбищ с огромными стадами коров и овец.

Слегка отстав от Сайлы, Тейт стала дожидаться Конвея и Налатана. Когда мужчины поравнялись с ней, она попросила Налатана на некоторое время оставить их с Конвеем наедине. Грозный воин не возражал, но Конвей был уверен, что заметил на лице удалявшегося Налатана нечто, похожее на страдание. Он хотел пройтись по этому поводу, но сдержался, увидев, что Тейт не до шуток.

Некоторое время Тейт ехала молча. Конвей изучал многочисленные и весьма разнообразные здания, рядом с которыми они проезжали. Как раз напротив была гончарная фабрика с двухэтажным основным корпусом и одноэтажными пристройками. На открытых площадках в пристройках виднелись три кирпичные печи для обжига, над которыми волнами подымался горячий воздух. Вдоль стен стояли стопки готовой посуды, сверкая яркой голубизной и зеленью, сочными коричневыми и охряными цветами.

Наконец Тейт прорвало:

— Сан-Франциско, Мэтт! Такое чудесное место. Да как они могли? Миллионы людей, небоскребы, музеи...

— Заткнись! — Конвей схватил ее за плечо и изо всех сил встряхнул. Откинувшись

назад в седле, Тейт тяжело дышала. Он продолжал быстро, но негромко: — Не вижу особой разницы между Сан-Франциско и Сизтлом. Почему там тебя так не проняло?

— Семья. — Доннаси перевела дыхание. — Здесь жили мои дядя и тетка, там, ближе к границе округа. — Не поднимая глаз, она указала рукой. — Представь себе пожары, разрушения. Землетрясение. Помнишь, как все боялись «большого землетрясения»? Сколько же «больших» трясло их в последние пять столетий, а, Мэтт? И кто переживал по этому поводу? — Ее дыхание участилось, она готова была разрыдаться.

— Тише, успокойся. Не трави себе душу.

Доннаси кивнула.

— Со мной все в порядке. Продолжаю идти по самому краешку, но пока держусь. Да хоть что-нибудь изменилось в этом мире? Кого здесь ни возьми, тот же набор: жадность, похоть, ненависть и самая гнусная подлость. Как в старые добрые времена.

— Кроме того, гордость, честь, самоотверженность. Даже любовь, Доннаси.

Тейт бросила на него короткий подозрительный взгляд. Конвей продолжал:

— Ты ведь знаешь, что я во многом разделяю твои чувства.

Но я покривлю душой, если соглашусь, что все в этом мире мне не нравится.

— Какая разница, покривишь или нет. Я же вижу, как ты мучаешься, стараясь приспособиться к этому бардаку. Похоже, нас с тобой все это волнует гораздо сильнее, чем наших друзей на севере.

— Думаю, здесь нас частенько будут сопровождать подобные компании. — Он кивнул в сторону скакавшего впереди отряда.

— Обычные меры безопасности. Чего им нас опасаться?

— Это мы с тобой так считаем. А местная публика может думать иначе.

Разговаривая, Тейт и Конвей оказались на улицах города. Они пришпорили лошадей и присоединились к остальной группе.

Неуемное любопытство городских жителей уже откровенно давило. Всадники сбились в кучу. Боевые лошади нервничали и, покусывая друг друга, прокладывали себе дорогу. Огромные собаки растерянно трусили, переводя взгляды с опускающихся в опасной близости лошадиных копыт на плотные ряды людей.

В отличие от Олы с ее геометрической строгостью застройки, Гавань раскинулась в полном беспорядке. Улицы и переулки повторяли все изгибы местности. А может, их и прокладывали, как кому в голову взбредет. При строительстве жилых домов и деловых зданий здесь использовали самый разный материал: кирпич, куски бетона, камни, дерево, черепицу. Окна в домах представляли собой невообразимую мозаику из всего, что удавалось найти. Когда везло, вставляли куски чистого стекла, затем в ход шел любой прозрачный материал, хоть как-то пропускавший свет. Наиболее престижным строительным материалом были доски. Конвей заметил Тейт, что явно просматриваются приемы кораблестроения; просмоленные швы, каркасы, которые обиваются досками.

Группа свернула на дорогу, шедшую параллельно берегу. У основания горы земля была усеяна огромными камнями, границу прилива отмечали кучи плавника и выброшенного морем мусора. Держась берега, группа направлялась прямо к форту на полуострове. Взволнованный предстоящим посещением форта, Гатро повторял:

— К замку относится то, что покрыто голубой черепицей, а остальное — форт.

В ярдах ста от поворота к форту Сайла обратилась к Ланте:

— Какие здесь спокойные люди. Никакой враждебности, смотрят на нас и все.

— Ты заметила рабочую артель, когда мы проезжали по городу? — спросила Ланта.

— Нет, — Сайла была явно удивлена. — Где?

— В одном из переулков. Они разбежались, когда мы подъехали совсем близко. За ними погнался взрослый мужчина. У него была трость с кривым набалдашником. Он их бил этой штукой.

— Ты сказала взрослый. Так что, рабочие были детьми?

Ланта кивнула. Было видно, что ей не по себе.

— Не старше Додоя. С метелками и корзинами. С длинными волосами, одеты в халаты. Я не поняла, мальчики это или девочки. А может, и те, и другие.

— Не говори об этом больше никому. Пока.

Стена форта — устрашающая каменная громада — возвышалась не менее чем на двадцать футов. По всей длине в ней зияли узкие щели бойниц для лучников, первый ряд которых начинался на уровне глаз, а второй — футов на пятнадцать выше. Зубчатый верх стены также позволял укрываться защитникам. Кроме того, лучники могли вести стрельбу и с выступавших башен. На флангах стена поворачивала и исчезала из виду. Сайла вспомнила, как все это выглядело с вершины горы: море облизывало стены замка с трех сторон, словно ребенок кусочек льда.

Неожиданно в унисон с ее мыслями прозвучали слова Тейт:

— Придется помучиться, чтобы расколоть этот орешек, — сказала она, разглядывая стену, прежде чем они въехали в похожий на туннель проход, начинавшийся сразу за разводным мостом. Проход перекрывался двойной дверью, которая подвешивалась сверху и подымалась к потолку с помощью системы блоков.

Слова Сайлы эхом отзывались в темноте туннеля:

— Не уверена, что его вообще можно расколоть.

— Непроступных крепостей нет, — возразила ей Тейт. — Надо только помнить, что любую оборону легче сломить изнутри.

В этих словах было столько цинизма, что Сайла удивилась. Она уже приготовилась отвечать, как они вновь оказались в ослепительно ярких лучах солнца. Группа выехала на другую открытую площадку — большой прямоугольный участок, усеянный камнями и кусками бетона. По краям стояли каменные постройки. Тейт показала Сайле, что немногочисленные окна были слишком узкими, чтобы через них мог пролезть человек. Она добавила:

— Я уверена, Сайла, что никто никогда не атаковал это место. Посмотри на стены — ни следа от огня. А дранка на крыше такая старая, что уже начала гнить. За этими стенами их уже очень долго никто не беспокоил.

Гатро подвел их к другим воротам. Запах раскаленного солнцем кирпича и камня на мгновение вернул мысли Сайлы в Олу, но она прогнала эти воспоминания — сейчас ее интересовало только настоящее и будущее. Она стала отыскивать особенности, которые отличали бы это место от города ее детства. Во-первых, это форт, а не город. Кроме того, запах камня не смешивался здесь со зловонием мусора и немых человеческих тел, как в Оле.

Несмотря на царившую безупречную чистоту, Сайле было не по себе. Она ощущала, что за ней наблюдают, словно накрывая невидимой сетью. Ощущение было очень сильным, будто ее до мозга костей пронизывал влажным холодом ветер с моря.

Выехав из давящей полутьмы тоннеля на освещенную солнцем площадку, Сайла испытала необыкновенное облегчение.

В нескольких ярдах перед ними возвышалась еще одна стена, на этот раз скорее декоративная, чем оборонительная. Она была ненамного выше группы людей, стоявших перед деревянными дверьми. Верхняя часть стены причудливо изгибалась, изображая штормящее море. Под вздымавшимися волнами были высечены акулы со сверкающими полированным серебром зубами.

Навощенные деревянные двери позади встречавших были приоткрыты. В просвете виднелись цветы и цветущие кусты на внутреннем дворе, и Сайла почувствовала, как неудержимо притягивает ее эта красота.

Она успела еще раз окинуть взглядом замок. Больше всего ее поразили переходы между крыльями замка. Это были пугающие своим хрупким изяществом подвесные мостики, пересекавшие открытое пространство с беззащитной грацией. Сайла понадеялась, что ей не придется ходить по ним.

Она не отрывала глаз от ожидавших людей. На ногах у них было что-то вроде ботинок,

но гетры достигали колен. Полосы на гетрах были около двух дюймов в ширину и поражали яркостью красок, как и широкие, ниспадавшие свободными складками блузы. Белая ткань рубаш была расшита фантастическим хитросплетением символов и рисунков. Штаны из черной ткани заправлялись в гетры. Мужчины были вооружены двумя мечами, по одному на каждом бедре. Оружие было коротким и тонким, с внушительным, защищавшим руку эфесом.

Все девять встречавших были среднего роста и телосложения. Все были с усами, но без бороды. Один из них выступил вперед. Он обратился к Сайле, нарочито игнорируя ее компаньонов.

— Жрица Роз, самая почетная из гостей. От имени Капитана я приветствую тебя в Косе. Теперь все люди до конца своих дней будут завидовать тебе, как завидуют они тем, кому посчастливилось видеть чудеса нашей земли. Тебе будут оказаны небывалые почести. Ты и твои друзья будете жить в замке. Так сказал мой хозяин, Капитан. Прежде такого никогда не было.

Никто не улыбнулся.

Подняв глаза, Сайла взглянула поверх украшенной изображениями акул стены. Вдали с высоты зубчатого вала восточной стены форта на нее смотрела Жнея.

Глава 45

Больше всего Конвея поразила в замке царившая здесь полутьма. Несмотря на яркий солнечный день, в комнате напротив главного входа в огромном камине горел огонь, который поддерживал находившийся рядом слуга. Конвей прикинул, что на таком огне можно целиком жарить на вертеле тушу быка.

Потолок был невысок, не более семи футов. Свет поступал из двух источников. Во-первых, из узких вертикальных бойниц для лучников, которые начинались у потолка и заканчивались примерно на уровне груди. У каждой бойницы была деревянная подставка и ставни, которые довольно хитро управлялись с помощью ножного рычага. Лучник мог выпустить стрелу и тут же опустить ставни, защищаясь от удара копья или стрелы, выпущенной в ответ. Скупой свет проходил и через вентиляционные щели под потолком.

Низкий потолок в сочетании с сумеречным светом и мощными каменными столбами, поддерживающими массивные деревянные балки, создавал довольно гнетущую атмосферу.

Когда глаза Конвея привыкли к темноте, он заметил, что стены увешаны яркими знаменами. Некоторые из них были разорваны и имели многочисленные прорехи — жалкие свидетельства былой славы. Конвей решил, что это трофеи, оставленные в назидание прошлым и нынешним противникам.

Группу сопровождал представитель Капитана, встречавший их у входа в замок. На шее у него на белом шнурке висел какой-то странный предмет. Вскоре они увидели, что это свисток. Мужчина поднес его к губам, и по замку разнеслась трель — высокая нота сменилась еще более высокой, а затем тональность опустилась до прежнего уровня. Стоявшая рядом с Конвеем Тейт подавила возглас удивления.

— Боцманская дудка, — ухитрилась прошептать она Конвею на ухо.

Мужчина взглянул в их сторону. Конвей и Тейт отпрянули друг от друга, словно школьники, которых учитель заметил за разговорами на уроке. Мужчина объявил:

— Мой титул — Бос. Я отвечаю за все в этом форте, включая людей, которые здесь служат. — В подтверждение его слов, семь человек, задержавшиеся на ступеньках, вошли в комнату и присоединились к Босу. Их примеру последовали еще несколько человек, находившиеся, по-видимому, сразу за дверьми главной комнаты. Они образовали два ряда перед Босом. Путаницы при построении не было, что указывало на обыденность процедуры. Бос продолжал: — Всех служащих у нас набирают из двух слоев подданных, которых вы называете знатью. На внутренних землях Коссиарами управляет Совет. Здесь в Гавани высшая знать называется Командой. Служащие здесь носят старинные титулы Команды. Я

не буду знакомить вас с каждым из них. Но некоторых вы должны знать обязательно. Вот это — Пушки. Под его началом все вооруженные силы Коса. Рядом с ним — Кладовые. Он главный советник Капитана по снабжению и другим нуждам Коса. А это — Эммей. Он отвечает за законность и порядок. Остальные ведут дела в форте под началом Капитана.

Бос замолчал в ожидании, и Сайла начала представлять своих спутников. Она держалась очень напряженно, и ее друзья обменялись обеспокоенными взглядами. Однако, когда Сайла закончила, Тейт не могла себя больше сдерживать. Она спросила:

— У вас действительно есть пушки?

Мужчина с одноименным титулом недоуменно нахмурился:

— Что значит есть? Это я — Пушки. Конечно, это не имя. У нас отказываются от имени, когда получают такое звание.

Тейт молча кивнула. Видно было, что она так ничего и не поняла.

Снова заговорил Бос:

— Капитан распорядился приготовить для вас комнату. Он подумал, что вы захотите остаться вместе, поэтому комната одна, но она большая, и там есть раздвижные перегородки из дерева и кожи.

Сайла поблагодарила его, и Бос отпустил своих подчиненных. Затем он повел гостей за собой через внутренний дворик. Дворик во многом напоминал английский парк. В центре — насыпная горка, обсаженная белыми рододендронами. В южной части дворика виднелся фонтан, перед ним была врыта высокая колонна со ступеньками, которые вели к находившейся на вершине круглой наблюдательной площадке.

Тейт подтолкнула локтем Конвея.

— Слушай, что с Сайлой? Что на нее нашло?

— Понятия не имею. Она поменялась буквально в одну минуту. Наверное, что-то заметила, а остальные упустили это из виду.

Позади них раздался голос Додоя:

— Да, заметила. Когда говорил тот человек со смешным именем, она посмотрела на крышу перед замком. Что-то напугало ее. Почему люди здесь так смешно разговаривают? То пищат, то режут. Как дураки какие-то.

Игнорируя его вопрос, Тейт спросила:

— Что же она там увидела? Что там было?

— Откуда я знаю? Она смотрела, не я.

Конвей сжал зубы. Увеличив шаг, он постарался оторваться от Тейт с мальчиком.

Они пересекли дворик и оказались на мощенной кирпичом дорожке, над которой двумя этажами выше нависали деревянные балконы. Конвей напомнил о подвесных переходах между крыльями зданий. Все единодушно выразили надежду, что им не придется вступить на них. Тейт наклонилась и потрепала Ошу и Танно.

— Ну, крошки, держитесь, — сказала она. — Нас могут ждать непреодолимые препятствия. Если хотите знать правду, то ваша мамочка даже не совсем уверена в себе. — Шутка получилась не очень веселой, на что указывал раздавшийся вежливый смех.

Недалеко от места, где восточная часть замка соединялась с крылом, вытянувшимся с севера на юг, Бос остановился и указал на массивную деревянную дверь.

— Капитан велел мне проследить, чтобы вы не испытывали неудобств. Он приглашает вас к себе после того, как вы отдохнете. Если хотите разделить с ним трапезу, то она начнется примерно в два дюйма.

Рука Сайлы замерла на полпути к двери.

— Дюйма?

— Два дюйма. Такое время. — Бос как будто объяснял что-то ребенку.

— Не понимаю.

— Дюймы. На трубке времени.

Сайла недоуменно покачала головой.

Приподнявшиеся брови Боса выражали удивление. Он пытался сдерживаться, но в его

словах сквозило презрительное превосходство.

— В трубку времени наливается вода, а внизу есть отверстие, через которое она вытекает. Уровень воды показывает время. В сутках двадцать четыре дюйма. У нас у всех есть такие трубки.

— А у нас нет. — Конвей вышел на полшага вперед, знаком велел собакам оставаться на месте. — Понимаете, мы слишком свободны, чтобы действовать в зависимости от того, сколько из чего-то вылилось воды. Но мы не желаем показаться невежливыми, а потому не могли бы вы прислать нам одну из таких штуковин.

— Это моя обязанность. — Тон Боса выдавал его истинное отношение к таким обязанностям. Обогнув все еще неподвижно висевшую в воздухе руку Сайлы, он отворил дверь. Звук боцманской дудки застал его гостей врасплох. Но находившиеся в комнате дети были к нему готовы.

Лица детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет застыли, глаза смотрели с пристальным вниманием. Самый высокий из них, стоявший в конце шеренги мальчик обратился к Сайле:

— Мы в твоём распоряжении, Жрица Роз. Ждем приказаний.

Сайла повернулась к Босу, в голосе ее послышались угрожающие нотки:

— Что эти дети здесь делают?

— Это рабы. Ваши слуги, — ответил Бос.

Напряженно выпрямившись, Сайла пересчитала детей.

— Все четырнадцать?

На самоуверенном лице мальчика появилось явное смущение. Глаза перебегали от Сайлы к Босу. Тот, заикаясь, стал объяснять:

— По два человека для каждого из вас. Кроме мальчика. Четверо убирают комнату. Что-нибудь не так?

— Дело не в тебе. Где вы спите?

— Пятеро здесь. За дверью, на дорожке. Пятеро в казарме. Мы будем меняться.

— Возвращайтесь в казарму. Все.

Изумленный мальчик повернулся к Босу:

— Что нам делать?

Сайла еще раз оборвала его. Ее напряженный голос, казалось, вот-вот сорвется.

— Делайте, как я сказала. — Совладав с собой, она продолжила более спокойным тоном: — Вы не сделали ничего плохого. Вас не накажут. Но вы должны уйти отсюда.

Мальчик вновь посмотрел на Боса. Тот кивнул, даже не пытаясь спрятать презрительную ухмылку. Дети стремглав бросились бежать, подошвы их сандалий застучали по кирпичной дорожке.

Когда дети покинули комнату, Сайла повернулась к Босу. Смерив его леденящим взглядом голубых глаз, она отчеканила:

— Больше нам рабов не присылать.

Улыбнувшись, Бос небрежно махнул рукой:

— Как вам угодно.

Сайла наклонилось вперед; видно было, что она вне себя от злости.

— Я что, непонятно выражаюсь? Вы приняли мои приказы за простой каприз? Я не говорила, как мне угодно. Я сказала, как должно быть.

На мгновение побледневшее лицо Боса застыло в полном недоумении. Затем оно стало покрываться безобразными пятнами с трудом сдерживаемой ярости.

— Конечно, Жрица Розы, я все слышал. Я учту ваши указания. Вы будете обедать с Капитаном?

— Да. Пришлите нам, пожалуйста, трубку времени.

— Это моя обязанность. — Дверь за ним с грохотом захлопнулась.

— Ва-ау! — Излюбленный клич Тейт разорвал наступившую тишину. — Представление было что надо!

Подняв дрожащую руку ко лбу, Сайла опустилась в массивное дубовое кресло. Ланта тут же оказалась рядом, подставляя плечо под застывшую в воздухе руку. Несколько мгновений Сайла была полностью погружена в себя, затем произнесла без всякого вступления:

— Здесь Жнея. Я видела ее. На крыше, сразу перед тем, как мы вошли в замок.

Тейт взглянула на Додоя, который, казалось, ничего не слышал. Налатан недоуменно произнес:

— Но ты же говорила, что она вернулась в Дом Церкви?

Ланта молчала. Ее рука скользнула к груди и снова опустилась вниз, Конвей снял с плеча «вайп».

— Думаю, здесь каждому есть о чем поговорить со Жнеей.

Сайла остановила его решительным жестом:

— Она — Церковь. Ей нельзя причинять зло.

Конвей положил «вайп» на стол рядом с дубовым креслом.

— Она пыталась убить троих из нас. И она сможет продолжать в том же духе, пока ты не признаешь наше право отплатить ей по заслугам.

Вытянув руку, Сайла поглаживала холодную сталь «вайпа», ее пальцы скользили по стволу почти с чувственной неторопливостью. Не отрывая глаз от оружия, она сказала:

— Да, она поступила ужасно, она достойна презрения. Но я не могу использовать ее методы.

Конвея этот ответ не удовлетворил:

— Если мы упустим ее, потому что у тебя недостает духу разобраться с ней надлежащим образом, тогда зачем вообще мы все это затеяли? Если не сражаться ради победы, тогда зачем вообще сражаться?

— А ты сам можешь ответить на этот вопрос?

— Смогу ли я отдать жизнь ради нашего общего дела? Думаю, да. Хотя ни один человек не может дать точный ответ, пока не наступит то самое решающее мгновение. Я вовсе не претендую на роль святого мученика. Но и жертвой быть не хочу. И тот момент, когда первый превращается во второго, я должен определить сам.

— Спасибо за откровенность. Тейт? Налатан?

Тейт пожала плечами:

— Как говорят в подобных случаях: согласна с предыдущим оратором.

Налатан обнажил зубы в холодной улыбке. То, как он подбирал слова, выдавало, что в глубине души разговор его забавляет.

— Глава братства сказал, что я должен помочь тебе открыть тайну Врат. Я дал клятву. И если я ее нарушу, то не смерть, а жизнь будет для меня наказанием.

Оторвав взгляд от «вайпа», Сайла положила руку на плечо Ланте.

— Тебя я не буду спрашивать. У тебя свои обязанности перед Церковью. Обещай мне только одно: что бы ни случилось, ты позаботишься о своей безопасности.

— Если только это будет не в ущерб вам.

Сайла обняла ее.

Через несколько минут они уже оживленно беседовали, изучая комнату, выдвигали раздвижные стенки, пробовали мягкость постелей, передвигали мебель.

Все, кроме Ланты. Стараясь не привлекать внимания, она укрылась за одной из перегородок.

Доверие со стороны Сайлы оказалось для нее слишком тяжелым грузом. У тебя свои обязанности перед Церковью. Слова эти продолжали звучать в ушах. Она зажмурилась с такой силой, что мускулы на лбу напряглись до предела. Спрятанный на груди Камень Истины жег ее, как непогасший уголек.

Глава 46

Бос появился как раз в тот момент, когда из трубки времени вытекали последние капли воды, показывая, что прошел еще час. Додой отчаянно ныл, не желая оставаться с собаками, и Бос смерил его взглядом, полным неприкрытой ненависти. Сами же собаки забились в угол, стараясь держаться подальше от мальчика. Печальные темные глаза Додоя провожали покидавших его взрослых.

Бос повел группу на третий этаж центральной части замка. Пытаясь завязать беседу, Ланта спросила у него, сколько лет форту.

— Несколько поколений, — буркнул в ответ Коссиар, но, не заметив на лице Ланты ничего, кроме невинного любопытства, он стал более разговорчивым. — В Косе особо почитаются два Сиа. Вы знаете, что означает это слово, Сиа?

Ланта кинула:

— Основатель или первый вождь. Обычно эти понятия не разделяют, потому что легенды такие древние, что уже нельзя выяснить, кем был человек на самом деле.

— Только не в Косе. В нашей истории все точно. Первый Сиа пришел к людям побережья. Его звали Шкипер. Он был рожден морем, которое зачало его от восточного ветра. Когда Шкипер пришел в Кос, люди здесь жили в полном невежестве. Он показал им, как строить, как использовать море. Сменялись поколения. Людей Шкипера становилось все больше и больше. Они исследовали земли на востоке, где обнаружили людей, работавших на фермах. Как звали их Сиа, уже никто не помнит. Он основал первый Совет, показал местным жителям, как осушать и орошать землю, научил разводить животных. Эти два народа объединились, создали Кос, построили Гавань, избрали Капитана.

— Избрали?

Слегка сбившись, Бос продолжил свое повествование с нарочитым энтузиазмом в голосе:

— В течение нескольких поколений Капитан избирался. Но постоянные атаки врагов Коса, засухи, чума — все это указывало на необходимость введения более решительного, твердого руководства.

Неожиданно вмешался Конвей:

— И прежде всего на необходимость стабильности и преемственности.

Бос застыл на месте, затем, повернувшись к Конвею, удивленно произнес:

— Совершенно верно. Стабильность и преемственность — основные принципы Коса. Откуда ты знаешь нашу историю?

Криво усмехнувшись, Конвей сказал:

— Я ее не знаю. Просто ваши доводы показались мне знакомыми. В жизни всякое приходилось слышать.

Не зная, как реагировать на слова и поведение Конвея, Бос снова обратился к Ланте:

— С того времени, как титул Капитана стал передаваться по наследству, Кос достиг невиданного ни в одной стране процветания. Наши корабли заплывали на юг гораздо дальше страны диких Хентов. На севере наши воины доходили до берегов Матери Рек, на юге — до побережья Длинного моря, а на востоке переходили через Горы Дьявола. Мы — самые счастливые люди. Наша земля священна.

Раздался спокойный голос Сайлы:

— Почему ваш Капитан так жаждет иметь со мной дело? Я ведь ничего не смогу предложить взамен на его услуги.

Сбоку на шее у Боса вздулась вена. Он сделал вид, что не слышал вопроса, и молча прошел остаток пути на верхний этаж.

Группа остановилась вслед за Босом в конце центральной части замка, вытянувшейся с востока на запад. Вдоль всего здания шел коридор. Южные стены слева от них были украшены раскрытыми акульими челюстями. Этот молчаливый угрожающий узор производил гнетущее впечатление. Слабый свет проникал справа от гостей через шесть дверей, которые вели на балконы. Треугольные зубы акул недвусмысленно поблескивали в приглушенном свете.

У каждой из балконной дверей стояли вооруженные стражники. Слева от вошедших были только три двери, каждая из которых охранялась парой воинов.

Бос повел гостей по длинному коридору. У первой двери с южной стороны он остановился и поднял руку, призывая к тишине.

— Вы попросите Капитана о безопасном проезде. Это формальность, и он, конечно, даст вам разрешение. Это будет означать, что вам позволено оставаться в Косе.

— А если он не согласится? — спросила Тейт.

— Тогда вы должны будете покинуть эти земли, — с явным удовольствием произнес Бос.

Раздался голос Конвея:

— А Жнея?

Резко повернувшись, чтобы скрыть изменившееся выражение лица, Бос жестом пригласил гостей в комнату. За дверью они повернули направо. Как и коридор, комната вытянулась по всей длине замка. В западном ее конце, слишком далеко, чтобы можно было различить черты лица, в кресле сидел человек.

То, что они увидели, впечатляло. Тейт что-то тихо изумленно промычала. Конвей прошептал: «Ого», а Сайла и Ланта осмотрели комнату молча.

Позади невысокого постамента свет проникал в комнату через окно, ширина которого была раза в три больше его высоты. Стекло было составлено случайным образом из кусочков различных размеров — были фрагменты не больше глаза, были и величиной с поднос. Эта необычная мозаика переливалась, подобно крыльям огромной стрекозы, самыми невероятными оттенками роскошной радуги. Когда Бос повел группу за собой, все, не отрывая глаз, следили за переливчатой игрой цвета на стыках фрагментов и там, где толщина стекла едва-едва менялась. Это было чистое стекло, химически окрашенное в фиолетово-синие цвета, интенсивность которых менялась с каждым движением наблюдавшего. Конвей и Тейт знали, что изготавливали его много веков назад.

В комнате не было мебели. По обе стороны окна видны были два камина. Сложенные из камня, они внушительно выдавались вперед, образуя массивную раму для трона. На каминных решетках тлели угли. Сайле подумалось, что человек на троне сидит в теплой бухточке, а перед ним простиралась холодная, влажная, пахнувшая морем пустота. Мягкие подошвы башмаков Боса тихо шаркали по навощенному деревянному полу. Сайла и ее спутники были в сапогах, и стены комнаты старательно отражали гулкие звуки их шагов.

У самого постамента, на котором стоял трон, все взошли на толстый плетеный мат. Капитан смотрел на них с высоты не менее трех футов.

Гладко выбритый, темноволосый, одетый в блузу и штаны зеленого цвета, он бесстрастно наблюдал за приближением группы. Это был мужчина лет тридцати, с полными губами, выступающими скулами и квадратным подбородком. Сайла ожидала увидеть седобородого старца, а этот человек источал жизненную энергию.

Его поза обеспокоила Сайлу. Внешне расслабленный, он развалился сидел на троне, положив локоть на подлокотник и кулаком подперев подбородок. Вторая рука свободно свисала вдоль трона, ноги скрещены. На губах Капитана играла слабая миролюбивая улыбка.

Но эта расслабленность была притворной.

Сайлу учили наблюдать и анализировать увиденное. Но еще большее внимание уделялось тому, что сестры называли «проникновением». Она никогда не слышала точного определения этого понятия, хотя знала, что у одних это качество развито сильнее, чем у других. Сайла ощущала действие этого «проникновения», слушая вводную речь Боса.

Капитан оценивал. Взвешивал. Сверкнули темные глаза, и Сайле было ясно, что в одно мгновение он изучил оружие-молнию так, как иному не удастся изучить его, держа в руках и разглядывая со всех сторон. Взгляд Капитана скользнул дальше и уже выворачивал наизнанку, оценивал ее костюм. Как и то, что было под ним. Сайла ощутила себя уязвимой, беспомощной, словно этот быстрый взгляд раздевал ее. Затем изучающий взгляд перешел на Ланту. Сайла ощутила острый приступ гнева: практически раздев ее, мужчина потерял к ней

всякий интерес.

Бос продолжал свою речь:

— ...были перехвачены Копьем Гатро, который передал им приглашение Капитана.

Поняв, что Бос закончил, Сайла, слегка разволновавшись, быстро попросила о безопасном проезде. Разрешение было дано небрежным взмахом руки.

— Я восхищаюсь мужеству, с которым ты ведешь свои поиски, Жрица Роз. Но я не меньше восхищаюсь твоей способностью окружать себя такими преданными друзьями. Глядя на них, я узнаю о тебе больше, чем могут рассказать все слухи и легенды.

Темные глубокие глаза спокойно встретили ее взгляд. Она произнесла:

— Во время поисков я нажила себе не только друзей, но и врагов. Я видела здесь Жнею.

Капитан улыбнулся, но от этой улыбки становилось не по себе.

— Это не имеет значения. В Косе тебе не угрожает опасность.

Сайла встряхнула головой.

— Я не боюсь ее.

— Конечно, боишься. Она лишь потому не убила тебя, пытаясь в то же время убить и Мэтта Конвея, что ты знаешь то, чего ей знать не дано. Ее цель — любым путем вывести тебя из игры. И ничего на свете ты так не боишься, как ее.

Стараясь прогнать прочь леденящий образ Жнеи, замаячивший в ее сознании, Сайла сказала, глядя в глаза Капитану:

— Я отдаю должное ее... способностям, но не боюсь ее.

Во взгляде Капитана, которым он окинул группу, было недвусмысленное предостережение:

— Одил никому не принесет вреда. Но и ее никто не должен трогать. Если кто-нибудь посмеет, убиты будут все. Без всяких вопросов, без жалости и разбирательства. Все слышали?

— Никто не будет рисковать жизнью других, — ответила Сайла.

— Конечно. — Капитан зазвонил в маленький колокольчик. Дверь за постаментом распахнулась, и вошла Жнея. Она с радушной улыбкой приветствовала Капитана, но когда она повернулась к Сайле с товарищами, улыбка налилась ядом. Она смерила взглядом Конвея и Налатана:

— Мне рассказали, что именно благодаря вам Сайла добралась сюда. Надеюсь, я найду убедительный способ доказать вам вашу ошибку.

— Только не на земле Коса, — ответил ей Конвей. — А если я тебя встречу за ее пределами, ты уже вряд ли сможешь что-то кому-либо доказать.

Осенив себя Тройным Знаком, Налатан сказал:

— Ты знаешь о моей клятве. Не попадайся у меня на пути, Жнея.

Одил отбросила назад капюшон. В рассеянном свете, прошедшем через разноцветное окно, седые волосы отливали патиной древнего шлема. Глаза ее сверкали.

— Глава встал у меня на пути, когда отказался мне подчиниться. Ты видел, чем это для него окончилось.

— Достаточно, Одил. — Голос Капитана звучал негромко, но в нем ощущалась неоспоримая властность. Налатан дрожал, изо всех сил пытаясь сдержать ярость. Конвей заметил, как обе руки Боса незаметно скользнули к рукояткам мечей. У ведущих в коридор дверей неожиданно возникли вооруженные стражники. Казалось, Капитан не замечает этого, не сводя глаз со Жнеи. Он сказал:

— Жнея, вы обе со Жрицей Роз находитесь здесь потому, что поиски Врат раскололи Церковь. Я намереваюсь решить, как мне поступить с вами, пока вы на моих землях, чтобы сослужить наилучшую службу и Церкви, и Косу. Не вынуждайте меня основывать мои суждения на проявлениях этой жалкой вражды.

Ему ответила Сайла:

— Мои поиски ведут меня на земли Дома Церкви. С каждым днем, каждым часом,

которые я здесь теряю, усиливается гибельная жара в Суши. Да и кочевники могут вмешаться в наши планы.

— Справедливые замечания. А последнее — в самую точку. — Капитан кивнул Босу, и тот поспешил в коридор. Мгновение спустя через ближайшую дверь вошли два стражника, волоча под руки раненого мужчину. Голова его беспомощно свисала. Видневшаяся часть лба была покрыта ссадинами и грязью. Одет он был в изорванные фуфайку и штаны. Многочисленные прорехи открывали синяки и кровоподтеки. Через все плечо шел безобразный шрам.

— Я должна позаботиться о нем, — сказала Сайла, — он болен.

— Об уходе за ним уже распорядились. Это кочевник из племени Людей Длинного Неба. Он сказал, что либо все вы отречетесь от Церкви и будете поклоняться серебряному диску Танцующих-под-Луной, либо будете истреблены.

Пленник поднял голову. Лицо его было окровавленной обезображенной маской. Едва слышно он произнес:

— Мы придем. Сдавайтесь или умрете.

— Наглец, — бросил Капитан, махнув рукой. Стражники выволокли пленника из комнаты. Обращаясь к Сайле, Капитан продолжал: — Это разведчик. Остальные удрали — они неуловимы. Его отряд изучал маршрут от Гор Дьявола до Гавани вдоль реки Охотника-Уток. Другие отряды нападали на поселения фермеров еще дальше на юге. Ущипнут то здесь, то там, выискивая слабые места. Я чувствую, как они накапливают силы по ту сторону гор, словно летний ураган. На пути к Дому Церкви вы рискуете нарваться на них. Ладно, хватит о серьезных вещах. Приглашаю вас к столу, а то я совсем позабыл об обязанностях хозяина.

Капитан поднялся, и всех поразило, как он высок. Но по-настоящему гости смогли оценить его рост, когда он оказался рядом с ними на полу. Конвей и Налатан, в каждом из которых было не менее шести футов, едва доставали ему до подбородка. Походка его была упругой и уверенной. Он повел их за собой в западное крыло замка в роскошную трапезную.

Десятки людей уже сидели на лавках за массивными столами на козлах. Помогая Сайле занять место, Капитан объяснил:

— В основном здесь люди из замка; Команда, как объяснил вам Бос. Но есть и гости Команды из Совета. Пришли на вас посмотреть. Наверное, ты уже заметила, что мебель здесь довольно неуклюжа. Одного из моих предков убил ударом стула во время праздничного обеда собственный кузен. Так что пришлось установить мебель, которую никто не сможет поднять, чтобы опустить другому на голову.

Жнея сидела за столом прямо напротив Сайлы. Капитан наклонился к пожилой женщине. Они говорили слишком тихо, чтобы можно было подслушать.

Они чересчур милуются друг с другом, подумала Сайла, стараясь принять безмятежный вид. Кокетливые ужимки Жнеи делали наблюдаемую сцену особенно мерзкой. Это уже было на грани приличия. Женщина годилась ему в матери, и при этом явно пыталась заигрывать.

Рядом с Сайлой раздался голос Тейт:

— Есть ты собираешься?

Перед ней возникла миска с дымящимся супом. Сайла была вне себя от негодования. Разыгранная Жней сцена обольщения могла кому угодно испортить настроение.

Поданный в фарфоровой миске суп оказался острым и вкусным варевом из мидий со сливками и большим количеством лука. За спинами обедавших молча скользили слуги в ярких желтых одеждах. Когда сгустились сумерки, они зажгли висевшие на стенах медные светильники. Подали салат, хрустящий и свежий. Хлеб приносили круглыми большими буханками, которые ломали на куски. Главным блюдом стала зажаренная целиком огромная бычья нога. От нее на соседнем столе отрезали исходившие паром куски и раскладывали на фарфоровые тарелки. Несмотря на кажущуюся хрупкость, посуда была легкой и прочной.

Под видимой угодливостью слуг, проворно выполнявших свои обязанности, явно ощущалось скрытое коварство. Сайла вспомнила выражение «спрятать на ровном месте».

Она чувствовала опасность, но не могла разглядеть ее. Неприятный холодок пробежал по коже, когда она поняла, что вся их группа находится под пристальным наблюдением рабов. Ни один даже самый пустячный жест не упускался из виду. Вскоре Сайла увидела, что все нити тайной слежки сходятся к одной женщине. Она играла свою роль с таким безупречным мастерством, что Сайла даже не сразу обратила на нее внимание. Слуги в желтых одеяниях кружили вокруг нее, словно пчелы вокруг матки.

Наконец Капитан закончил беседовать со Жнеей и, повернувшись к Сайле, попросил ее поделиться впечатлениями о путешествии. В это время рядом с Сайлой оказалась главная служанка с тарелкой. С невесомой легкостью падающего листа внутренняя часть запястья женщины скользнула по ее плечу. Затем, когда служанка убирала стакан, ее пальцы, словно легкое дыхание, коснулись тыльной стороны ладони Сайлы.

После обеда Сайла выходила из трапезной рядом с Капитаном, что было явно не по душе шедшей следом Жнее. Сайла рассеянно поднесла руку к горлу. Шнурок, которым затягивался ее капюшон, исчез.

Глава 47

Ровная поверхность южной стены замка нарушалась парой расширяющихся книзу треугольных порталов. Они были всего несколько футов шириной в основании и около десяти футов в высоту. Открывая вход в крепость со стороны залива, они выводили к прямоугольной бухте, где обычно причаливали небольшие суда. Сейчас здесь находилось шесть кораблей. Четыре из них были обычными корпусными кораблями со съемными мачтами. Два оставшихся — катамараны-проа с поднятыми аутриггерами. Привязанные на ночь, они покачивались у причала, будто стремясь вырваться на простор и танцевать на волнах.

За стеной крепости, которую отделяла от открытого океана узкая полоска скал, из моря неслась огромная волна. От покачивания темной воды переливалась серебристая лунная дорожка. Вода и ветер неслись параллельно полуострову, так что каждая волна с шумом налетала на землю. Ее шипящий звук врывается в сознание. Погруженная в грохот и шум, Ланта стояла снаружи стены в нескольких ярдах от лодочного причала. Тихую и неподвижную, ее можно было принять за выбоину в каменной поверхности.

Мэтт Конвей сидел рядом с ней за ужином. Изредка он обращался к ней, кидая обрывки фраз. Так кормят надоедливых птиц...

Ланта пыталась найти в себе силы, чтобы возненавидеть его.

Одна часть ее берегла воспоминания о его словах, как сокровище. Другая хотела плюнуть на них и на его снисходительность.

Ланта сжала кулаки, заставляя себя ненавидеть его.

Потому что она его любила.

Признавшись себе в этом, Ланта ощутила потрясение и прислонилась к успокаивающей тверди стены. Пока она размышляла, холод и влага проникли через одежду в тело, и сейчас ее суставы зашлись болью из-за длительной неподвижности. Горло сжалось, вызвав тихий стон боли. Заглушённый непрекращающимся шумом волн, он не был услышан даже ею самой.

Она повернулась, собираясь уйти.

Ее чуть коснулась скользнувшая фигура, черная на черном фоне. Ланта услышала свой громкий крик, понимая, что за грохотом волн его никто не заметит.

Фигура наклонилась, придвигая ее к стене.

— Жрица, это я — Капитан. Я пришел, чтобы поговорить, — его глубокий бас легко перекрыл шум моря. Удивительно мягко он взял ее за руку и повел к порталам. Они прошли через деревянный проход.

За ним должен был наблюдать страж, который обычно спрашивал, кто идет. Ланта отметила, что они преодолели его незамеченными.

Присев на борт одной из маленьких лодок, Капитан жестом предложил Ланте присоединиться к нему. Она выбрала другую лодку. Они находились достаточно близко, чтобы слышать друг друга, но все же между ней и этим странным, большим человеком оставалась дистанция.

Капитан заговорил:

— Жрица, мне не совсем понятно твое место в появившейся на моей земле головоломке. Будешь ли ты говорить со мной откровенно?

— Поверишь ли ты, если я скажу «да»? — выпалила Ланта, не успев подумать и пугаясь собственной смелости.

Капитан засмеялся, откинув голову, и Ланта заметила вокруг какое-то движение. Из темных углов на порядочном расстоянии выходили воины. Это позабавило ее. Зачем такому гиганту защита?

— Нет, Жрица, — сказал он. — Я тебе не поверю. Я научился не верить ничьим словам. Честно говоря, это касается и меня самого. Разница между мной и остальными заключается в том, что я меняю мнение. Все остальные просто лгут. — Он засмеялся, довольный удачной шуткой. — Сейчас, когда мы понимаем друг друга, ответь мне, почему ты поддерживаешь Сайлу?

— Потому, что я ее друг.

— Одил говорит — ты надеешься, что Сайла сделает тебя провидицей из провидиц.

Ланта постаралась, чтобы слова звучали спокойно:

— Жнея ошибается.

— В любом случае, если Сайла достигнет успеха, она будет относиться к тебе должным образом. Как друг.

— Она всегда будет относиться ко мне, как к другу. Не более и не менее. А ты? Зачем тебе вмешиваться в поиски того, чего, может быть, даже не существует? Того, из-за чего произошел раскол Церкви, из-за чего Жнея пыталась совершить убийство?

Ланта почувствовала перемену его настроения еще до того, как услышала скрип причала, когда Капитан поднялся и лодка закачалась сильнее. Он ответил:

— Ступай осторожнее. Ты на зыбкой почве. Если только твой дар?..

— У меня не было Видения. Мои силы принадлежат Церкви, и я не использую их для себя.

— Это факты, известные всем. Мне необходимо узнать правду.

— Факты и есть правда.

Смех Капитана был громовым.

— Даже цифры не всегда правдивы. Мы все используем факты в личных целях. Все лгут. За исключением меня. Как я уже говорил, я просто меняю мнение.

— Единственная забота Сайлы — это Церковь. Если ты поможешь ей, то можешь не получить ничего, кроме ненависти Жнеи.

Возникла пауза, и Ланта поняла, что он обдумывает свой ответ. Он был несколько необычным.

— Мои предки во многом несут ответственность за Чистку. Кос был очень важен для Учителей, которых уважали мои предки. И все-таки они убили Учителей. Власть и зависть. Я уже почувствовал вкус власти, маленькая Жрица, и понимаю, почему люди совершают такие поступки. У Учителей было что-то, что было нужно моим предкам и что они не могли ни получить, ни контролировать. Я хочу иметь это. Если придется, я готов поделиться. До тех пор, пока не смогу завладеть всем полностью.

— Ты имеешь в виду, что получил бы это у Сайлы, если бы мог.

— Ради власти все воруют. Но я могу предложить Сайле защиту от Жнеи и ее врагов.

Ланте показалось, что задрожал сам Камень Истины на ее груди. Ее наполнило нелепое чувство обиды, требовавшее убить этого человека. Она нагнулась, стараясь спрятать свои руки и глаза.

— Почему ты говоришь это мне? Почему не самой Сайле?

— О, я скажу и ей. Но, как говорится, не стоит забывать и о друзьях. Я скажу ей то же, что и тебе. Я уверен, что она расскажет тебе обо всем, что я сообщу. Я думаю, что она ничего не станет утаивать. Я видел, насколько вы близки. Но я хочу, чтобы ты услышала это именно от меня. Ты понимаешь?

— Предложишь ли ты ей союз, о котором говорил?

— Не сейчас. И я надеюсь, что ты тоже не станешь этого делать. Давай посмотрим, придет ли ей в голову эта идея? Но если тебе покажется, что об этом необходимо упомянуть, то пожалуйста; это не секрет.

— У меня нет секретов от Сайлы. — Волна, прошедшая через портал, качнула лодки, и, закрипев, те словно попытались оторваться от причала. Ланте хотелось закричать им, чтобы они прекратили издевательски скрипеть.

— У меня когда-то был такой друг, — сказал Капитан, — единственный. Какого никогда больше не будет. — Он поднялся, сразу став темной массой. Сзади заволновались воины. — Если ты запомнишь что-нибудь из сказанного мною, то лучше всего вот что: такой друг — самая большая ценность в жизни. Такая дружба преодолеет все. — В мелодичной речи людей Коса последнее слово прозвучало почти жалобно.

Спустя мгновение Капитана поглотила ночь. Эскорт последовал за ним, их быстрые, неясные тени пропали, как мираж. Снова оставшись одна, Ланта начала приводить в порядок свои мысли.

Внезапно она поняла, что ту же реакцию она видела у Сайлы за ужином. Капитан явно произвел впечатление и на нее.

Это было потрясением, еще более сильным потому, что Сайла не осознавала влияния этого человека. Ланта прикусила нижнюю губу, думая и вспоминая. Она закрыла глаза, мысленно проигрывая поведение Сайлы за ужином. Вспомнив все, она и успокоилась, и встревожилась. Ланта была уверена, что возникшая симпатия была чисто политической.

Конечно, это говорило о человеческих качествах Сайлы. Вопрос в том, как на все повлияют ее амбиции.

Ланта ненавидела копаться в таких вещах. Сайла была ее подругой, а друзей не обвиняют в излишнем честолюбии.

Одно внимание Капитана заставляло человека заглянуть в себя. Ланта встряхнула головой, отбрасывая гнетущие мысли. Неприятно в чем-то подозревать друзей, но самоанализ и того хуже.

Одно дело стоять на берегу моря, погруженной в романтическую грусть, и ожидать скорого разрешения проблем и бед. И совсем иное — противостоять жестокой реальности. Капитан заставил ее задуматься о чудовищности собственной лжи. Она попала в неприятную историю, отказавшись исполнять приказания хранительницы аббатства Фиалок и предать Сайлу. Ее волновало, что не хватило смелости рассказать обо всем сразу. Но в любом случае, она сделает выбор, руководствуясь своими представлениями о добре и зле.

Она хотела этого.

Выбравшись из лодки, Ланта направилась в форт. Мерцающие огоньки освещали улицы. Поддерживающие их канделябры находились за пределами светового круга и казались тенями. Выкованные из бронзы, они изображали акул, которые стояли на хвостах, держа лампы во рту. Лампы висели на цепях. Их мягкий, зыбкий свет создавал настоящие островки в проходах. Масло, которое горело в лампах, пахло травами; Ланта узнала чабрец, лавр, колючую сухость шалфея. Она подняла подбородок, глубоко вдохнула, успокаиваясь, замедлив шаги.

В конце длинного прохода, в темноте возле ступенек на следующий этаж, Ланте почудилось какое-то движение. Она продолжала идти, убеждая себя, что все это ей показалось от усталости.

И вновь движение. Там явно кто-то притаился.

Никого вокруг, все двери прочно закрыты. Обычно всюду были воины. Сейчас же она одна.

Кто это подстроил?

Если она побежит, то окажется на середине лестницы еще до того, как ждущий в темноте поймет, что его обнаружили. Дрожа от нервного напряжения, она сделала еще шаг. И еще один.

— Ланта.

— Что? Что, кто здесь? — Пустые, глупые слова. Они вырвались у нее. Она знала кто: Конвей. Ее лицо запылало. Почему он так поступил с ней? Почему он заставил ее почувствовать себя глупой, перепуганной душой? — Эй? — Услышав собственный голос, она захотела отрезать себе язык.

— Я ждал тебя, — сказал он. — Мне надо поговорить, и ты единственная, с кем я хочу говорить об этом. Пожалуйста, удели мне немного времени.

— Конечно. — Ланта совладала с собой.

Он ждал ее. Ее.

Глава 48

Взяв Ланту за руку, Конвей вывел ее на внутренний двор. Она вся затрепетала от этого ничего не значащего прикосновения. Они молча шли по тропинке мимо розовых кустов, достававших Ланте до плеч. Мягко светящиеся в темноте желтые и белые цветы распустившихся роз ее воспаленное сознание превращало в смеющиеся лица добрых духов. Несмотря на красоту, представившаяся картина вызвала ощущение приятного холода, пробежавшего по спине. Благоухающий воздух принял Ланту в свои объятия, и она задумалась над контрастом между кружащими вокруг невидимыми клубами нежных ароматов и раздающимся в отдалении грохотом прибора.

Конвей начал первым.

— Меня кое-что тревожит. У Сайлы могут возникнуть большие проблемы. С путешествием, понимаешь? Я имею в виду личные отношения.

Слова застревали в горле, но Ланта старалась ободрить собеседника:

— Сайла понимает, что из этого может получиться. К тому же она любит Класа еще с тех пор, как бежала от Людей Собаки.

— Я говорю не об этом. — Он остановился, оказавшись с ней лицом к лицу. — Когда я буду разговаривать с Сайлой, то скажу ей. Если она еще сама этого не поняла.

— Если бы Сайла что-нибудь заметила, то сказала бы мне. — Не в силах терпеть уклончивые высказывания, Ланте хотелось потребовать, чтобы он ясно все объяснил.

Конвей продолжал:

— Конечно, я могу и ошибаться. Я имею в виду, что Налатан никогда ничего не говорил об этом, по крайней мере вслух.

Сердце глухо стукнуло, и у Ланты перехватило дыхание. Когда она произнесла:

— Налатан? — ее голос предательски задрожал.

— Он явно интересуется Тейт. Та говорит, что у нее нет на это времени. Но лично я не верю. Иногда люди боятся сказать то, что чувствуют на самом деле. Больше всего меня тревожит реакция Додоя.

Ланта была в полубессознательном состоянии. Казалось, что она расплывается, покидает эту странную сцену. Слова вылетали сами собой.

— Да. Додой по-своему любит ее.

Конвей продолжал.

— Я не хочу никого задеть. Как видишь, приходится быть осторожным.

Ланта подумала, что сцена становится невыносимой. То, что так прекрасно начиналось, превратилось в грубую комедию.

— Что с тобой? — Конвей взял ее за плечи. Он выглядел обеспокоенным, почти встревоженным. — Такое ощущение, что ты сейчас заплачешь. Или засмеешься. — Его хватка ослабла, и он медленно отступил назад.

У Ланты подогнулись колени. Руки Конвея отпустили ее плечи.

— Ничего, ничего. Мне уже лучше. — Она повернулась, направляясь к двери, Конвей пошел следом. Ланта продолжала: — Если ты вмешаешься, то наверняка будешь выглядеть как человек, лезущий не в свое дело. — Она засмеялась, тут же пожалев об этом. Любой громкий звук резал слух.

Она бы хотела видеть его умирающим. Она хотела видеть его израненным и сломленным, тогда она могла бы лечить его, заботиться о нем, возвращая ему здоровье, возвращая его к себе. Она хотела бы ударить его. Обнять его с жадностью, которая заставила ее покраснеть. Если бы она могла покинуть это место и этих людей и больше никогда не встречать их!

Карда и Микка уже вскочили на ноги, размахивая длинными хвостами при виде хозяина. Карда гавкнул. Эхо побежало по длинному коридору, многократно отражаясь от стен и усиливаясь. Подойдя к ним, Конвей потеревил торчащие уши и слегка взъерошил шерсть. Псы в восторге запрыгали вокруг, чуть не свалив его с ног.

Конвей повернулся к Ланте, и она увидела, что свет масляной лампы странным образом смягчил его черты, скрывая глаза загадочной полутенью. В нем было что-то невыразимо печальное. Наблюдая, как играют собаки, он заговорил:

— Завидую я этим животным. Говорят, они не так умны, как мы. Тебе не кажется, что это скорее простодушие, чем отсутствие ума? Мы запутываем друг друга и выдаем себя за других. Мы говорим, но не слушаем. Мы смотрим, но не видим. Эти двое по крайней мере не стесняются быть самими собой. Никаких вопросов. Никаких взаимных обвинений. Только преданность. Любовь. Я думаю, они испытывают это: любовь. — Он помолчал. — А тебе как кажется?

Ланта вскинула голову, уклоняясь от беспредметной дискуссии.

— Я никогда не думала об этом. На самом деле они просто животные.

— А разве мы нет? — Он рассмеялся. Ланта боялась, что его веселье так же больно ранит, как и ее. Мэтт повернулся, подав собакам знак следовать за ним. — Наверное, ты права. Я все слишком усложняю. Спасибо за помощь. Приятных сновидений. Я собираюсь прогуляться с этой парочкой, чтобы немного размяться.

— Спокойной ночи, — откликнулась Ланта, и, повернувшись вполоборота, он помахал ей рукой.

* * *

Выйдя из замка, Конвей направился к склону ближайшего вала. Тускло светили факелы. Дойдя до обрыва, за которым расстилались воды залива, он повернул, взбираясь на гребень вала. Обратная сторона вала была пологой. Сделанный на вершине окоп позволял воинам оборонять берег. Установленные в основании вала факелы выполняли двойную функцию. Они не давали неприятелю тайно подобраться к замку. Кроме того, попытка их затушить предупредила бы защитников об угрозе нападения.

Не обращаясь непосредственно к охранникам, Конвей предупредил о своем присутствии и целях прогулки тем, что окликнул собак. Сперва он немного пробежался со своими подопечными, а затем отпустил их поиграть друг с другом.

Конвей услышал сзади голос Налатана.

— Если я отправлюсь на север, туда, где живут Люди Собаки, они поделятся со мной одним из таких животных?

— Они сказали нам, что раньше никому их не давали.

Налатан задумался.

— Лишь один раз они подарили кому-то этих собак, и причем получила их женщина. Она действительно сильно отличается от всех остальных.

— Можно сказать и так, — сухо ответил Конвей.

Не обращая внимания, Налатан продолжал:

— Я не имею в виду явные отличия — странное оружие, которым пользуетесь лишь вы, или цвет кожи, или привязанность к этому Додою. Вы оба создаете вокруг себя ощущение тайны. Нельзя сказать, что меня это беспокоит. Тем не менее в вас есть что-то иное: не думаю, что вы сами осознаете причины, двигающие вашими поступками.

Конвей тихо рассмеялся.

— Это слишком сложно, мой друг.

— О, я прекрасно понимаю, как самоуверенно я сейчас выгляжу. Но вас обоих окружает нечто, что не свойственно всем остальным. Я могу почти прикоснуться к этому, но сказать, что это такое, не могу.

Конвей почувствовал себя неудобно.

— Послушай, давай поговорим о чем-нибудь другом. Как ты думаешь, долго мы еще останемся здесь?

Налатан сплюнул в темноту.

— Кос придумывает ложь за ложью. Они в этом понаторели. Капитан ни за что не отпустит нас до тех пор, пока это не будет ему выгодно.

— А почему он нас задерживает?

— Недовольство среди рабов, и еще угроза со стороны кочевников. Призвав большинство свободных Коссиаров в регулярную армию, они с трудом, но все же могли контролировать ситуацию; сейчас кочевники предпринимают набеги с востока. Капитан ищет союзников.

— Но зачем он при этом вмешивается в дела Церкви? У нее нет армии.

— На самом деле верующих больше, чем ты думаешь. В пустыне несколько укрепленных поселений Малых. С каждой луной они становятся все сильнее и сильнее. Даже Хенты уважают Церковь. Если Капитан подчинит себе Церковь, то заполучит в свое распоряжение армию верующих и, прикрываясь верой, словно маской, будет с каждым днем увеличивать свое могущество.

Обдумав слова Налатана, Конвей заметил:

— На месте Капитана я был бы больше заинтересован в союзе с Гэном и Класом на Бейлом. Кто, кроме них, собирается предотвратить нападение кочевников на Дом Церкви?

— Его будут защищать братства.

— Сколько у них воинов?

— Около трех сотен. — Видя явное разочарование Конвея, Налатан продолжал: — Помни, что защита Церкви — это суть всей нашей жизни. Каждая гора, каждый камень, каждая травинка будут нашими союзниками. Кочевники уже проверяли нас раньше. Так же, как и Хенты. Были даже «визиты» из Коса.

— Ты думаешь, Капитан держит нас здесь потому, что считает шпионами?

— Я дам тебе только один совет. Никому здесь не доверяй.

— Доверять? — Конвей вспомнил недавний разговор с Лантой. — Я не могу понять даже своих друзей.

— У вас разногласия с Тейт?

— Я пытался обсудить кое-что с Лантой. Она прогнала меня. Причем безо всякой причины.

— Она ведь деликатная женщина. Должно быть, ты сказал что-нибудь не то.

В ответ на последнее замечание Конвей свистнул собак. Они медленно подошли к ним, уставшие, но довольные, и тяжело опустились на землю. Только тогда он снова заговорил:

— На самом деле я спрашивал у нее совета. Я считал, что ей будет приятно узнать, как я уважаю ее мнение.

— Совета о чем?

— Ничего существенного.

— Тогда понятно. Она ожидала, что ей доверятся, а не удостоят внимания. Женщины все такие. Они знают, что не так умны, как мы, поэтому пытаются наверстать это сообразительностью. Они могут быть необычайно наблюдательны.

И снова Конвей сделал длинную паузу, размышляя, как различны этот человек и вспыльчивая Тейт. Вздохнув, он заметил:

— Ты стоишь на пороге волнующего приключения, мой друг.

— Еще одна загадка. — Налатан сердито фыркнул, нагнувшись, чтобы почесать Микку за ухом. Она запыхтела и стала вилять хвостом.

Конвей снова заговорил:

— Я отправляюсь спать. А ты?

Налатан выпрямился.

— Я останусь тут еще ненадолго. Хочу подумать о некоторых вещах.

— Если одну из них зовут Доннаси, то советую обдумывать ее с самого начала. Это мой совет для тебя.

Налатан смотрел, как его друг приближается к черной разинутой пасти крепостной двери. Из двух длинных амбразур, расположенных прямо над мостом, струился слабый свет. Эта картина напоминала большие раскосые глаза. Кто-то сильнее разжег в них фонарь или лампу. Они на мгновение ярко вспыхнули, как будто приближение Конвея привлекло жадное внимание дремавшего чудовища. Появился проход, поглотивший человека вместе с собаками.

* * *

Жнея отошла от узкого окна. В свете фонаря, который держал Капитан, ее глаза заблестели.

— Безмозглые дураки. Они ничего не знают.

— Не лги мне, Одил. Я следил за тобой. Ты плетешь интриги.

— Твои наблюдения делают тебе честь. Покойная провидица была из аббатства Фиалок. Вскоре после ее смерти аббатство отправило доверенное лицо для того, чтобы связаться с неким неизвестным. Я знаю, что она отправилась на север, и думаю, что, связавшись с Сайлой, она заключила с ней союз.

— Это лицо заключило союз с провидицей и ее бешеной троицей? Да, чуть не забыл, еще мальчишка, — съязвил Капитан.

— Я сказала, что она сделала это, и причем это был ее единственный благоразумный поступок, — резко ответила Жнея. — Будучи полной дурой, она взяла в качестве опознавательного знака нечто исключительно ценное. Мне нужна эта вещь. И она у меня будет. Если Коссиары захватят ее или найдут талисман, они должны передать ее либо его мне. Я собираюсь стать новой Сестрой-Матерью, и талисман поможет мне укрепить свой авторитет. Приняв чин Сестры-Матери, я буду содействовать примирению с кочевниками и Танцующими-под-Луной. Дом Церкви неприступен. Разве ради возможности в любой момент воспользоваться такой крепостью не стоит заключить союз?

— Если бы я был в этом уверен... — Тон Капитана был красноречивее его слов.

— Мы могли бы заключить соглашение. Разумеется, тайное, для обоюдной безопасности. Я бы даже согласилась включить в него пару слов об усилиях, предпринимаемых Церковью для восстановления порядка среди рабов Коса.

Капитан отступил, прищулив один глаз и искоса разглядывая собеседницу.

— Осторожней, Жнея. Я буду очень огорчен, если узнаю, что ты шпионишь за нами.

— В Косе нет шпионов. Это всем известно. Однако существует власть слов, как и возможность смотреть и слушать. Человек слушает и смотрит. И видит признаки недовольства. Везде.

— Тебя ввели в заблуждение.

— Как скажешь. Любые сведения неизбежно извращаются. Однако представь, как горячо откликнутся рабы на зов Церкви, если что-нибудь ужасное — например, слухи о чуме — придут в Кос. Разве для Капитана не будет естественным предоставлять лечение только послушным работникам?

Все еще раздраженный, Капитан резко ответил:

— Меня интересуют реальные проблемы, а не предположения. Угроза кочевников сейчас важнее всего. Сила Врат может быть достойным ответом со стороны Коса. Я ничего не буду предпринимать для того, чтобы бороться с Сайлой, но буду очень стараться, чтобы она поделилась всеми открытиями, которые будут полезны моей стране. Мне нужно собрать воедино все части головоломки, и только после этого я примкну к какой-то фракции.

Жнея собралась уходить.

— Надеюсь, ты не приготовил для меня определенного места в ней, Капитан. Я должна распоряжаться судьбой Сайлы и всех ее открытий. Она язва на теле Церкви. *Чуму всегда предают огню*. Так сказано в Завете Апокалипсиса. Задумывай для Сайлы все, что угодно. Но не для меня.

— Слишком поздно. — Она остановилась, повернувшись к нему лицом. Его улыбка предвещала опасность. — Такая догадливая женщина, как ты, Жнея, должна была понять, что твое место уже определено. Оно здесь, рядом со мной.

Она попыталась превратить все в шутку и, улыбаясь, погрозила ему пальцем. То ли игриво, то ли прогоняя прочь.

Если бы она знала, что он сейчас произнесет, то не делала бы этого.

— А сейчас слушай: ты пробудешь в Косе столько, сколько я сочту нужным. Ты уже никогда в жизни не выйдешь из моего поля зрения или из поля зрения моих людей. Никогда.

Глава 49

Когда на следующее утро Тейт и Конвей прогуливались по крепостному двору, они заметили приближающегося Капитана. Бос и два воина нервно переминались неподалеку, оставленные командиром.

После обмена приветствиями Капитан начал беседу:

— Не покажется ли вам неуместным с моей стороны, если я спрошу, почему вы оба принимаете такое горячее участие в поисках Сайлы? — Несмотря на ровную интонацию вопроса, было заметно, что Коссиар очень заинтересован в ответе.

Ответила Тейт:

— Мы обещали помочь ей. Выиграть или проиграть.

— Я думал, вы связаны племенными или религиозными узами. Значит, вы просто друзья?

— Мы думаем, что этого достаточно, — заметил Конвей.

Капитан улыбнулся, закрываясь рукой.

— Давайте без недомолвок. Я думаю, что моя оценка дружбы должна быть объективной. Много лет назад я пожертвовал очень многим для того, чтобы занять это место. И говорить о друзьях... — Он указал на что-то за их спинами. Обернувшись, Тейт и Конвей заметили подошедшего Налатана. Доннаси поразила, увидев, как тот с улыбкой поприветствовал их, а затем, почти не меняя выражения лица, сумел изобразить холодную нейтральность, здороваясь с Капитаном.

Тейт внезапно осознала, насколько Налатан одинок и какой опасности он подвергается. Решение Сайлы путешествовать через Кос подвергало риску их всех, но для монаха это было равносильно самоубийству. Ее взгляд скользнул по руке Налатана, покоящейся на рукоятке коссиарского меча, который он носил вместо своего потерянного оружия. Она быстро отвела взгляд, решив, что определенно не хочет, чтобы он достал клинок из ножен.

Капитан обратился к Налатану:

— Я не нравлюсь тебе. Почему?

Явно удивленный его прямоотой, тот замешкался с ответом. Он покраснел.

— По многим причинам. Когда купцы вступают на территорию Коса, они должны либо торговать по вашим правилам, либо уходить ни с чем. Мое братство послало человека в Горы Дьявола для того, чтобы набрать людей для защиты Дома Церкви, ради нашего святого

дела, и Коссиары атаковали нас. Кос никогда не помогал нам в наших битвах. Многие путешественники, приехав в Кос, уже не могли выбраться отсюда. К тому же Кос, не предоставляя никаких объяснений, запрещает путешествовать по своей территории искателям Врат.

— Все то, что ты сказал, правда. Мы ожидаем получить выгоду от торговли. Что ж в этом плохого? А вы позволяете набирать рекрутов на территориях, принадлежащих Дому Церкви? Если две группы кочевников ссорятся, разве вы спешите на помощь одной из них? Позволяете ли вы моим войскам разыскивать на вашей территории тех, кто бежал от нашего правосудия и нарушил наши обычаи?

— Кос заканчивается на гребне Гор Дьявола. Что же касается коссиарских обычаев, то мы кое-что об этом знаем.

— Территориальные права мы должны обсудить с вашими вождями. Я уже неоднократно настаивал на проведении таких переговоров.

— Ты забыл упомянуть рабов. — Слова Налатана звучали как приговор.

Настал черед Капитана покраснеть, однако его интонация оставалась спокойной.

— Наша экономика — это наше внутреннее дело. А что касается условий жизни наших рабов, то большинству из них живется здесь лучше, чем у себя на родине.

Тейт вмешалась в разговор прежде, чем Налатан успел отреагировать на последнюю реплику.

— Мы ненавидим рабство, как бы ты его ни защищал.

— Говорят, что ненависть — удел невежд.

Тейт больше не могла изображать хладнокровие.

— Я могу быть невежественна во многих вопросах, но только не в проблеме рабства. Я лучше умру. Захватив с собой как можно больше врагов.

Капитан улыбнулся.

— Никто не собирается тебя поработать, даю слово. В любом случае рабы могут только работать. Ты же, несомненно, боец, несмотря на то, что в то же время являешься — и это также несомненно — женщиной. Наши женщины не воюют, а наши воины не рабы. Как видишь, мы бы не знали, что с тобой делать. Так что я тебя уверяю, чем бы ты ни занималась здесь, в Косе, ты была бы свободной. И очень богатой.

Сперва Тейт удивилась, услышав в его устах такое неуклюжее сравнение. Однако вскоре передумала. Этот человек ничего не делал бесцельно. Он был откровенен с Налатаном, так как был уверен, что тот лучше отреагирует на такое обращение. Капитан понимал, что она и Конвей ставят дружбу выше богатства. Тем не менее она была почти уверена в том, что он сделал ей предложение. Тейт решила форсировать беседу.

— Мы идем туда, куда нас ведет Сайла. Даже если бы мы и смогли жить в стране, где процветает рабство, я не вижу для этого никаких причин.

— Все же может случиться так, что мы будем сотрудничать.

— Мое братство запрещает подобное «сотрудничество», — ответил Налатан, угрюмо посмотрев на Тейт.

— Братство освобождает от обета при необходимости совершения действий, идущих на пользу братству и Церкви.

Налатан с удивлением посмотрел на него.

— Ты знаешь наш устав?

— Кос древнее, чем любое из трех братств. Мы многое знаем о вас. — Капитан снова повернулся к Тейт. — Я думаю, что мы еще вернемся к этому разговору.

Он отошел в сторону. Налатан первым нарушил установившуюся после его ухода гнетущую тишину.

— Это прозвучало так, как будто ты заинтересовалась его предложением, Доннаси.

— Мне просто было интересно, что он предлагает и чего хочет взамен. Он коварен. Видел, что он сделал? Подразнил меня приманкой, заставил проглотить ее, а затем оставил подумать обо всем этом. Он плохой человек.

Налатан был все так же угрюм.

— Он Коссиар.

Конвей решил вмешаться в беседу.

— Почему ты так его ненавидишь? Это похоже на какие-то личные счеты.

Налатан попытался уйти от ответа. Однако Конвей и Тейт продолжали расспросы. Наконец он сказал:

— Я могу лишь повторить то, что слышал. Вряд ли беглые рабы стали бы восхвалять бывших хозяев.

— Расскажи наконец что-нибудь, — настаивала Тейт. — Хватит намеков.

— Жертвоприношения. Жертвоприношения перед битвой. Жертвоприношения морю. Они убивают рабов.

Конвей опомнился первым:

— Но этого не может быть! Сайла говорила, что они поддерживают официальную Церковь, а она запрещает человеческие жертвы.

— Это обычай. Древняя религия. Так мне сказали.

Тейт казалось, что их голоса доносятся откуда-то издалека. Она посмотрела вокруг: сочная зелень, яркие краски цветов — еще несколько мгновений назад все это казалось таким невыразимо прекрасным. И вдруг они стали ей отвратительны. Сквозь тщательно ухоженные заросли сочилось ощущение упадка. Впечатляющие раньше своей мощью стены стали угнетающими. Теперь давили на нее. Даже фонтан изменился; звук падающих брызг превратился из звонкого смеха в утомительный перестук холодного дождя. Мир, когда-то насыщенный опасностью и загадочными интригами, теперь был лишь мерзкой тюрьмой.

Голос Сайлы прервал ее размышления. Тейт не заметила, как та подошла.

— Бос сказал, что Капитан хотел бы видеть нас на церемонии. Около Ворот.

— Зачем? — Вопрос Тейт был резким, она еще не смогла отойти от охватившего ее уныния. Сайла изумленно уставилась на нее.

Ланта, стоявшая позади Жрицы Роз, ответила за нее:

— Бос сказал, что это поможет нам лучше понять Кос. Это все, что мы знаем. Что-нибудь случилось?

Конвей подтолкнул Налатана, и тот повторил историю о человеческих жертвоприношениях. Сайла решительно покачала головой:

— Все, о чем ты говоришь, лишь слухи. Мы спросим у Капитана; если твоя история действительно правдива, то он это признает.

— Мы знаем, что они держат рабов, — возразила Тейт. — Те, которых мы видели работающими на полях по дороге сюда, отнюдь не выглядели счастливыми. Дети, которых они к нам приставили, были запуганы до невозможности. Лично я верю Налатану.

Сайла взяла Тейт за руки.

— Нет никого, кто бы ненавидел рабство больше, чем я. Противостояние с Капитаном ничем нам не поможет. Разве мы достаточно сильны для того, чтобы победить? — Ланта смущенно покачала головой. Это почти неосознанное движение развеселило Конвея, а затем улыбнулись и остальные. Сайла продолжила: — Поэтому Церковь поступает так, как обычно. Мы работаем, чтобы улучшить ситуацию. Работаем спокойно, кропотливо, используя лишь одно оружие — правду. Согласны?

Остальные нехотя согласились. Они прошли в свою комнату, где их с нетерпением ожидал Додой. Собаки радостно приветствовали Конвея и Тейт, давая понять, как сильно они хотят выйти наружу и пробежаться.

Стоявшие в ближней конюшне боевые кони так же радовались, вставая на дыбы и тряся гривами. Вскоре из ворот замка выехал внушительный отряд. Конвей и Тейт, поблескивая оружием, держались по бокам от Сайлы. Сверкающие экипировкой кони, казалось, знали, что на них сейчас смотрят. Они ступали, высоко поднимая ноги, как никогда гордые и сильные. Собаки, еще более важные, бежали каждая возле своего хозяина. Налатан ехал прямо за Сайлой. Ланта, занимавшая место чуть сзади и справа, вместе с Додоем замыкала

процессию. Бос вместе с командой воинов встретил их на выезде и возглавил отряд, указывая дорогу.

Когда они проезжали через город, Тейт заинтриговало поведение его обитателей. Многие из них высыпали на улицы, явно заинтересованные проезжающей процессией, но нигде не было заметно признаков оживления. Они молчаливо стояли, механически поворачивая головы по мере продвижения группы.

Выехав из города по дороге, идущей на запад, Бос на первой же развилке свернул, все больше удаляясь от моря. Они окольным путем пробрались к склону, с которого можно было разглядеть кусок бетона, называемый Воротами. К югу, скрывая то, что раньше было западными окраинами Сан-Франциско, вздымались огромные песчаные дюны. Солнце, уже прошедшее свою верхнюю точку, окрасило их западные склоны в мягкий золотой цвет, подчеркивая глубину все удлинявшихся черных теней.

Сейчас они были гораздо ближе к Воротам, в какой-нибудь сотне ярдов. Можно было получше рассмотреть детали. Тейт оттянула Конвея в сторону. Она исподтишка указала вперед:

— Теперь все выглядит совсем по-другому. Здесь был пролет, небольшой мост, ведущий к опоре. Сейчас же это все лежит на уровне бывшего шоссе. Возможно ли, чтобы эти люди сделали такое?

— Мне кажется, здесь поработало землетрясение. Они могли лишь растащить конструкции, но не перестроить их. Как ты и сказала, старой дороги совсем не видно, но та, которая уходит в лес, действительно впечатляет.

— Дело рук рабов. — Тейт словно выплюнула слова.

Люди столпились на гребне, молча карабкаясь на отполированный выступ. Смотровая площадка была расположена немного ниже вершины Ворот, примерно на пятьдесят ярдов; их разделяла глубокая узкая пропасть. Разворачивающаяся внизу толпа напомнила Тейт сгрудившийся скот.

На дороге, проходящей через лесистую местность и заканчивающейся у Ворот, появился мужчина. От скрывающего лицо серебряного шлема до сапог весь он ослепительно сверкал на солнце. Его амуниция состояла из отполированных до зеркального блеска пластин, туго связанных между собой кроваво-красной тесьмой. Добравшись до самого края бетонного блока, он вступил на выступающий в море мыс. Открыв лежащий в его правой руке маленький мешочек, он извлек серебряную цепочку, примерно шести футов длиной. На ее конце болтался прямоугольный предмет, сделанный из золота. Мужчина медленно взмахнул цепочкой, и она описала круг.

Ланта высказалась первой:

— Что это за шум? Мне он не нравится. — Сидя на лошади, она ссутулилась и подалась вперед.

— Это ревун, — ответил Конвей. — Ветер заставляет вибрировать край пластины. Очень просто.

Сайла с яростью посмотрела на Боса.

— Зов Бога. Позор! Церковь запрещает подобные вещи. Завет Апокалипсиса повелевает: *«Все дерзающие обращаться к Богу, иному чем Вездесущий, должны быть истреблены. Эта же участь должна постигнуть и тех, кто обращается к идолам, ложным Богам, ложным пророкам, и всех богохульников»*. Этот человек может быть отлучен.

— Капитан использует голос наших отцов, — равнодушно ответил Бос. — Люди любят старые обряды. Церковь поколение за поколением прощала Капитанов, так как они неизменно поддерживают Церковь.

Глухой звук Зова Бога все нарастал, то поднимаясь, то падая.

Сайла сжала поводья так, что побелели костяшки пальцев.

Тейт, поглощенная полугипнотическим завыванием Зова Бога, не замечала приближения огромной машины до тех пор, пока та не оказалась на площадке, двигаясь по направлению к Капитану. Доннаси была настолько поражена, что, не подумав, воскликнула:

— Катапульта!

— Стенобой, — поправил ее Бос, его интонация внезапно стала злобной. — Когда люди Шкипера объединяли земли, они использовали стенобой. Сейчас мы не позволяем возводить в Косе стены, поэтому осталась лишь одна такая машина. Как ты ее назвала?

Попавшись на своей несдержанности, Тейт взглядом умоляла Конвея помочь ей. Тот превратил свой вопрос в ультиматум, произнеся его ледяным тоном:

— Что здесь делает оружие? Ты сказал, что это будет религиозная церемония.

Медленно отведя от Тейт подозрительный взгляд, Бос повернулся к Конвею.

— Все будет понятно. Смотри. — Он показал на людей, которые, выстроившись в колонну, шли через кусты, ранее скрывавшие Капитана, а затем стенобой. Они следовали за машиной, которую толкали мужчины, навалившиеся на длинный шест, выступавший из задней части лафета. Весь механизм катился на колесах диаметром выше человеческого роста.

Капитан продолжал раскручивать Зов Бога. К производимому им звуку добавилось скрипение продвигающегося вперед стенобоя, вместе они создавали мрачную, порывистую мелодию.

За стенобоем двигалась пестро разряженная толпа. Богатые ниспадающие плащи и мантии отливали всеми цветами радуги.

Тем не менее люди продвигались как-то нерешительно, в их поступи чувствовалась подавленность. Толпа обошла остановившуюся машину, сбившись в кучу между ней и сверкающим кругом бешено вращающегося Зова Бога.

Бос выбрал этот момент для того, чтобы сказать, что группа Сайлы должна спуститься поближе к Капитану. Они остановились примерно в двадцати пяти ярдах от него.

Конвей поближе наклонился к Тейт:

— Что происходит?

— Я думаю, это требует.

Конвей безмолвно вытаращился на нее, и Тейт представила себе, что ее ответ прозвучат весьма пугающе. Она улыбнулась:

— Если я ничего не путаю, именно так называется катапульта, работающая с противовесом на конце движущегося рычага. Очень простое устройство. Единственное, чего я не могу понять, так это почему она взведена? Видишь этого парня позади, вон того, с кувалдой? Его задача сводится лишь к тому, чтобы выбить этот штырь на пусковом механизме и ага. Большой камень опускается вперед, длинный рычаг поднимается, и вылетает снаряд. Правда, здесь у нас его-то как раз и нет.

Рев Зова Бога стал постепенно стихать. Вращение цепи замедлилось. Тейт посмотрела вдаль на бухту. Пока они увлеклись происходящим на пляже, появилась настоящая флотилия лодок. Большинство составляли катамараны-проа. Можно было увидеть несколько вариантов конструкции, включая пару больших тримаранов. В армаде хватало и однокорпусных судов. Одним из последних шел корабль, намного превышавший по размеру все остальные. Его отличали два ряда весел по обоим бортам. Остальные суда уступали ему место. На кормовом флагштоке развевался узкий голубой вымпел с желтой полосой посередине.

Капитан положил Зов Бога назад в мешочек. Держа его обеими руками, он протянул его одному из стоявших в толпе позади него. Избранный вышел вперед и принял устройство.

Восклицание Сайлы соединило в себе боль, неверие, позор. Одной рукой она поспешила прикрыть округлившийся рот. Остальные возмущенно зашумели.

Маленький мешочек взяла Жнея. Она сразу же вновь смешалась с толпой. Черная фигура вскоре исчезла среди окруживших ее ярких цветов.

К стенобою подходила следующая группа людей. Восемь воинов — по четыре спереди и сзади — несли на жердях большой ящик.

— Могу поспорить, что это какое-то подношение.

Тейт согласилась с Конвеем.

— А идущие сзади люди, должно быть, его преподносят. Они похожи на бедных

арендаторов. Сейчас, по всей видимости, в море полетит их урожай.

Странно одетое сборище заняло место справа от стены. Восемь носильщиков опустили свой груз.

Группа новоприбывших съежилась. Среди них было примерно поровну мужчин и женщин, а также дети всех возрастов, начиная от грудных младенцев и заканчивая уже почти взрослыми юношами. Мужчины стояли, склонив головы, исподлобья разглядывая окружающих. Плотно сжатые руки были сложены на животе.

При приближении Капитана разношерстная группа отпрянула.

Тейт снова вгляделась в море. Сейчас там скопились уже дюжины лодок; шныряя туда-сюда, они разрезали водную гладь. Теплый воздух раздувал тугие разноцветные паруса. Казалось, что даже темные воды залива принимают участие во всеобщем возбуждении, превращая падающие солнечные лучи в мириады сверкающих алмазов.

Громовой возглас Капитана достиг расположившейся на склоне группы, вернув внимание Тейт к происходящей прямо перед ней сцене. Его слова, искаженные расстоянием и ветром, уже нельзя было различить. В предельно официальном тоне не было даже намека на выразительность. Тем не менее стоявшая за стеной неряшливая толпа съежилась, словно от удара.

Бос описал на лошади полный круг и оказался прямо перед возглавляемой Сайлой группой. Отряд воинов сомкнулся за ним, повернувшись к продолжающейся церемонии спиной. Такой поворот событий заставил Тейт занервничать. Она проверила, заряжено ли ружье, и краем глаза заметила, что Конвей сделал то же самое. По слабому металлическому звуку, донесшемуся сзади, можно было предположить, что Налатан обнажил свой меч.

Прочистив горло, Бос проговорил:

— Сегодня вы осуждали рабство, и Капитан уверял вас, что мы беспристрастны и справедливы. Все эти рабы, толкущиеся у стенобоя, принадлежали одному человеку. Один из них убил хозяина и всю его семью, а также двух домашних рабов, угрожавших раскрыть их планы. Проявляя милосердие, Капитан дарит им их жизни. Дети останутся вместе с матерями.

— И отцами? — тихо спросила Сайла.

— Они будут проданы в другие руки. Такие люди подают детям плохой пример. Им найдут других отцов.

Суть его слов ошеломила Тейт. Конвей крепко сжал ее руку.

— Держись, — говорил он, не отводя глаз от Боса. — У меня такое ощущение, что с ними могли бы поступить еще хуже, и мы ничего не можем тут поделать. Ничего.

Наступившее внизу оживление привлекло их. Носильщики сняли с ящика крышку. Пошарили внутри. Затем достали какой-то почти круглый предмет, завернутый в ярко-красное покрывало. Это был неудобный груз. Воины с трудом засунули его в сетчатую корзину стенобоя. Закончив с этим, все, кроме одного, отошли к остальным воинам.

Человек с кувалдой подошел к пусковому устройству.

Капитан сделал рукой знак остававшемуся около корзины воину, который в ответ стянул с нее красное покрывало. Достав, он взмахнул им, словно знаменем.

В корзине оказался мужчина. Он был настолько плотно связан, что мог лишь крутить головой. Кляп из грубых веревок растягивал его лицо в маниакальном оскале. Дикие, перепуганные глаза. Он пытался говорить. Кляп превращал его слова в вопли помешанного.

Бос заговорил.

— Отравитель.

С толпящихся в отдалении лодок доносились крики и гудки. Плавники акул тут и там разрезали водную гладь.

Капитан поднял руку и задержал ее в воздухе.

— Не делайте этого. Нет. Нет, — бормотала Тейт.

Конвей сжал ее ладонь.

Капитан опустил руку. Пленник закричал. Воин взмахнул молотом, и пусковой

механизм высвободился. Массивный булыжник тяжело плюхнулся на рычаг, заставив более длинное плечо взвиться в воздух. Вскоре оно остановилось с угрожающим треском. Рычаг метнул свою ношу.

Среди зрителей воцарилась гнетущая тишина. Незаметный ранее ветер тихо вздыхал среди растущей на склоне травы и кустарников.

Затем, полоснув, словно нож, донесся отчаянный крик несчастного, с бешеной скоростью приближающегося к водной глади. Ветер немного поиграл со звуком, потом смолк.

Сверток спикировал в колышущиеся воды залива. И упал. Упал.

Обращаясь к Конвею, Тейт проговорила сквозь зубы:

— Можешь отпустить мою руку. Я не наделаю глупостей. Но я увижу его труп. Я плюну на его тело, пусть даже это будет последнее, что я совершу в этой жизни.

Сайла повернулась к ним. Всегда прекрасное лицо теперь внушало страх своим суровым спокойствием.

— Терпение. И память. Не забывать и не спешить.

Сайла снова посмотрела на Капитана. Он возвращался с края площадки. Остановившись, снял серебряный шлем, доспехи, затем сапоги и краги, оставшись полностью одетым в багряное. Лицо было примерно такого же цвета. Сайла слышала позади себя прерывистое дыхание Тейт, ее хриплую, усталую реплику:

— Его словно освежали живьем.

Налатан усмехнулся:

— Всего лишь еще одна коссиарская ложь. Красный у них цвет печали.

Как будто услышав, Капитан повернулся и посмотрел вверх, глазами ища Сайлу. Избегая этого взгляда, Сайла прищурилась, но не смогла отвести глаз от его лица. Оно притягивало на расстоянии. Как она ни пыталась, ей так и не удалось обнаружить ни следа ненависти, ни малейшего признака триумфа. Если в них была печаль, то это была благородная печаль. Если в нем и была холодность, то это был холод неизбежности. Несмотря на то что он делал, в его застывших чертах проглядывала человечность.

Но было ли это предупреждением? Болью? Мольбой?

Сайла прищипнула Рыжика, грубо отворачиваясь от преследующих ее, требующих ответа глаз. Она поиграла поводьями. Страх накатывался на нее волна за волной, сметая все ее благоразумие.

Она боялась не положения Капитана и не человека, занимавшего это положение.

Она боялась женщины, которая могла посмотреть на этого человека и увидеть то, что может произойти.

Глава 50

Зеленовато-голубая вода залива блестела в лучах вечернего солнца. Искрясь, светящиеся волны несли свой груз лодок и кораблей. Картина никак не вязалась с мрачными мыслями, что были на уме у Сайлы и ее отряда.

Бос и его солдаты расчистили для них проход в толпе возвращающихся зрителей. Наклонившись к Сайле, Ланта произнесла:

— Помнишь, как радовалась толпа, когда блюстители Алтанара секли кого-нибудь в Оле? Здесь я ожидала увидеть такую же бездумную кровожадность. Эти люди радовались при виде казни, но в них чувствовалось какое-то беспокойство, а ведь казненный убил целую семью. Я не понимаю.

Сайла подняла голову.

— Я собираюсь получить кое-какие ответы. — Подчиняясь ее команде, Рыжик рванулся вперед и обогнал семейство, идущее по обочине дороги. — Здравствуйте! — обратилась она к удивленным людям. — Можно задать вам один вопрос?

Дернувшись, будто его ужалила змея, отец семейства одной рукой прижал к себе жену.

Другой он обхватил маленького сына. Оба родителя одновременно позвали остальных троих детей. Словно послушные цыплята, две девочки и еще один мальчик бросились догонять родителей. На Сайлу уставилась пара широко раскрытых глаз.

Еще до того, как Сайла смогла произнести еще одно слово, ее и семью окружил отряд Боса. Отец бормотал, обращаясь к жожаку:

— Никто с ней не говорил. Мы позвали детей. Никто ей не сказал ни слова. Ни одного. — Мелодичность коссарской речи делала его слова похожими на испуганный вой.

Бос медленно поднял руку, демонстративно положив ее на рукоять меча, и сказал:

— Я знаю, что было сказано. И что не было. Благодарите Бога за то, что я оказался поблизости. — Кивком головы он отпустил людей, и те поспешили убраться подальше. Мальчик в зеленом чуть отстал, рассматривая Сайлу. Мать схватила его за воротник и потащила за собой.

— Вы не сможете все время держать свой народ в изоляции, — сказала Сайла.

— Еще как сможем. У нас есть все, что нам необходимо. Если нам нужно что-то еще, мы это покупаем. Мы используем вас, не..., чужеземцев. Когда это нас устраивает. — Он прищипнул лошадь и взмахом приказал солдатам следовать за собой.

Когда эскорт снова занял свое место впереди, Тейт спросила:

— Все заметили его небольшую оговорку?

— Он хотел назвать нас не... кем-то, — ответила Ланта.

Глядя на Тейт, Налатан произнес:

— Слово, которым они называют всех остальных, включая нас, нелюди.

Они уже въехали в Гавань, и копыта застучали по утрамбованной земле улицы. Печальная музыка заставила всадников поднять головы и оглядеться. Бос отдал эскрту приказ. Замыкающий солдат продвинулся вперед, передний притормозил. Заключив Сайлу с отрядом в еще более тесное кольцо, они, ускорив шаг, двинулись вперед.

Поющих стало больше, голоса теперь доносились со всех сторон. Тейт посмотрела на Сайлу. Та благоговейно произнесла:

— Гармонично. Где же они?

Конвей услышал ее вопрос.

— Они везде. Женщины. И дети. Это так красиво. И печально.

Из расположенного рядом дома донесся рассерженный голос.

Свисток и удар кнута врезались в непрерывную минорную мелодию. Вопль боли, последовавший за ними, влился в песнь невидимого хора. Чистым звуком он повис в воздухе.

Снова щелкнул кнут. Звук прервался, По всему городу песня вдруг заколебалась и стихла.

Завыл Карда.

Конвей остановил лошадь и вызывающе посмотрел на солдат. Вой его собаки дважды разорвал тишину города. Взглянув на хозяина, пес, казалось, сообщил ему о своем удовлетворении проделанным.

Оставшуюся часть дорога до форта группа проскакала в задумчивом молчании.

Поставив лошадей в стойло и загнав собак в общую спальню, они выбрались во двор. Резкая линия между светом и тенью разграничивала площадку, неумолимо отрезая от дневного времени кусочек за кусочком. Пока взрослые обсуждали между собой проблемы, связанные с отъездом, Додой нашел себе товарища. Это был мальчик меньше и младше Додоя, он играл с волчком. Вскоре Додой тоже научился, как надо закручивать волчок с помощью бечевки и потом запускать его. Детский смех совершенно не сочетался со взрослым разговором.

— Чтобы заслужить признание Капитана, — говорила Сайла, — Жнея не только унизила сама, она унизила достоинство Церкви. Я собираюсь сообщить ему, что мы отбудем через два дня.

— Почему бы не завтра утром? — спросила Тейт. — Чем быстрее, тем лучше, не так

ли, Сайла?

— Припасы, — ответил ей Налатан. — Никто нам ничего не продаст, пока мы не выберемся из Коса. И мне нужен хороший кузнец; я уже замучился с этим уродливым мечом. Мне может понадобиться даже больше, чем два дня.

— Я хочу выбраться отсюда. — Мускул на челюсти Тейт начал подергиваться. — Ты можешь обойтись и этим мечом.

Налатан упрямо покачал головой.

— Без моего оружия в следующей драке я буду не так хорош, как раньше. Я останусь здесь, пока не достану все, что необходимо.

— Нам будет тебя не хватать. — Тейт бросила на него пронзительный взгляд и отвернулась.

До того как кто-нибудь смог ответить, прозвучал странный пронзительный звук свистка Боса. Додой увидел его на балконе третьего этажа и, крикнув, указал остальным. Когда отзвучали трубные звуки, Бос прокричал им:

— Услышьте! Капитан требует, чтобы его гости поднялись в кают-компанию. — Он скрылся за дверью.

Сайла от удивления моргнула.

— Что он имел в виду? «Кают-компания»?

Бросив на Конвея нервный взгляд, Тейт произнесла:

— Думаю, я знаю, что он имел в виду. Кажется, нам надо подняться в ту комнату, где мы были вчера.

Сайла кивнула.

— Очень странные выражения. Какой этикет позволяет хозяевам что-то требовать от своих гостей?

Конвей улыбнулся Тейт.

— Все интереснее и интереснее, — пробормотал он, когда Тейт поторопила Додоя.

Обратившись к Конвею, она сказала:

— Ты узнаешь старый флотский жаргон? Кают-компания — это место, куда допускаются только офицеры. Кем бы ни был этот Шкипер, он хорошо запомнился. Наверное, был неплохой человек.

Конвей изобразил потрясение.

— Из морской пехоты, это ведь что-то вроде святого. Святой Шкипер. Того и гляди, зазвонят колокола в Доме Церкви.

Тейт ткнула его под ребра и была вознаграждена болезненным воплем. Когда они догнали остальных, на ее лице все еще виднелось лукавство.

Капитан, широко расставив ноги, возвышался в многоцветье солнечных лучей. На нем были те же облегающие алые одежды. Казалось, он плывет по воздуху, словно одинокий язык пламени.

В дальнем конце комнаты Конвей заметил Боса, Гатро и взвод солдат.

Рабы внесли стулья и расставили их полукругом около возвышения. Перед тем как уйти, каждый из них останавливался перед Капитаном и обнажал грудь, а потом спешил к двери. Подбежав к ней, каждый раб снова поворачивался к Капитану, становился на четвереньки и медленно выползал из комнаты. Только выбравшись наружу, рабы поднимались на ноги и убегали прочь.

Все молчаливо ожидали, пока по коридору не отгремели последние шаги.

Неожиданно смех Додоя нарушил тишину. Указав на дверь, он произнес:

— Это смешно. Что, если бы снаружи кто-нибудь стоял и тыкал их в зад копьем? Почему они так делают?

Капитан терпеливо ответил:

— Раб обнажает передо мной грудь, чтобы показать, что его жизнь принадлежит мне. Перед тем как уйти, они опускаются на пол потому, что благодарят меня за то, что я позволил им жить.

Додой нахмурился.

— Я был рабом. Мне это не нравится.

— Потерять свободу действительно страшно.

— У тебя много рабов? Ты и нас собираешься сделать рабами?

Капитан рассмеялся глубоким, довольным смехом.

— Ни за что. И никто другой не сделает, если только в моих силах будет этому помешать. Вы — мои гости. — Тут он снова посерьезнел. — Сегодня вы приблизились к моим подданным, к одной семье. Гатро уже давно предупреждал вас; если бы они с вами заговорили, солдаты должны были об этом доложить. Я обязан наказать любого, кто заговорит с вами. Ни один из нас не желает этого.

— Сегодня вы казнили человека, — произнесла Сайла.

— Отравителя, убившего целую семью? Он заслужил смерть.

— Но заслужил ли он быть рабом?

На лбу Капитана выступили капельки пота. В них растворились остатки краски, и лоб теперь отливал розовым, словно засохшая кровь. Скрипучим голосом он произнес:

— Судьба определяет, кому быть свободным, а кому нет. Даже ваша маленькая провидица не в силах увидеть все возможные завтра. Этого человека казнили не за то, что он хотел стать свободным. Его наказали за убийство невинных людей.

— А если бы он убил только своего хозяина, а других не тронул?

Дрожа, изо всех сил сжав кулаки, Капитан боролся с собой. Вздувшиеся мускулы натянули алую ткань одежды. Он закрыл глаза, медленно поднял голову, сжал зубы.

Он выглядел словно ожившая смерть. Сайла склонилась вперед, готовая кинуться на помощь. Ланта удержала ее, но и сама она была готова ринуться вперед.

Капитан заревел, это был наполовину крик ярости, наполовину вопль боли. Бос, Гатро и солдаты ринулись к нему.

Наконец Капитан затих. Опустив подбородок на грудь, он мрачно глядел на своих гостей из-под арки бровей, сомкнувшихся в гримасе боли. Взмахом руки он отослал своих людей назад. Его тяжелое дыхание скрежетало в мертвой тишине комнаты. Преодолевая боль, он повернул голову и посмотрел на них всех по очереди. Движение было безжизненное и какое-то нечеловеческое. Потом снова повернулся к Сайле.

— Ты. — Произнес он недоверчиво, словно обвиняя ее.

Но в этом слове звучало нечто большее.

Звук был настолько мягким и тихим, что Сайла даже не знала, действительно ли он произнес слово, или она прочла его в этом всепроникающем взгляде.

Совершенно не к месту она вдруг вспомнила, как заделывала дыру в черепе, как убирала осколки кости, отгибала разорванную мембрану и, наконец, обнажала живой, пульсирующий мозг.

Но вот Капитан заговорил, и видение рассеялось:

— Я не могу освободить моих подданных от их законов и не могу сложить с себя свои обязанности. Чтобы защитить всех нас, я решил оставить женщин, принадлежащих Церкви, в этом замке. Они будут неприкосновенны, как всегда была неприкосновенна Церковь. — Произнося эти слова, он выпрямился, цвет лица и самообладание уже вернулись к нему. — Остальные направляются на Остров купцов. Жрицы могут перемещаться туда или оставаться здесь, но они не должны покидать пределы острова или форта.

Легким движением Конвей стряхнул «вайп» с плеча и подхватил его. Направив ствол на то место, где горло Капитана переходило в челюсть, он произнес:

— Мы не желаем быть пленниками.

Тейт и Налатан развернулись к подбегавшим солдатам. «Вайп» Тейт злобно щелкнул, когда она дослала патрон и сняла оружие с предохранителя. Меч Налатана покачивался из стороны в сторону.

— Стойте! — Сайла оттолкнула ствол «вайпа» в сторону. Конвей, глядя Капитану прямо в глаза, попытался воспротивиться, но потом смирился. Шаги охранников

замедлились, затем стихли. Конвей позволил Сайле окончательно отвести оружие в сторону.

— Мы пришли в Кос, чтобы завязать дружбу, — сказала она. — Я видела, как Жнея позорит Церковь, посещая ваши языческие обряды. Теперь из-за моего естественного и, возможно, глупого порыва ты пытаешься разделить нас и превратить в пленников. Отпусти нас. Если ты этого не сделаешь, мне не удастся удержать моих друзей. Мы будем драться за свою свободу.

Капитан повернулся, показав им свою ничем не защищенную спину. Он подошел к трону и сел. Когда он вновь посмотрел на них, на его лице было выражение невероятной усталости. Раньше его голос напоминал звон металла, теперь он был сухой, словно звук, который издает сломанная ветка, трущаяся о камень.

— Даже ребенок говорит о свободе так, словно она материальна, словно это лишь дело цвета кожи, будто бы она черная, а мы — белые. — Сосредоточившись на своей речи, он не заметил, как напряглись руки Тейт. Обращаясь к Сайле, он продолжал: — Казненный сегодня был не одинок; умерли и другие рабы. Не с такими церемониями, но они мертвы точно так же, как и он. Если я не проявлю силу, если я не смогу остановить происходящее, то начнется восстание, и прольется море крови. Я должен восстановить равновесие и постепенно уничтожить рабство. Но если я буду действовать чересчур поспешно, я разрушу все наше общество. Пустоши на севере весьма плодородны, и они готовы к заселению. Но делать это надо постепенно. Мне нужно время.

Сайла кивнула.

— Ты ничего не сказал о том, чтобы считать нас пленниками.

— Не пленниками. Запретными. Это наш обычай, он применяется ко всем не... чужеземцам. Кроме того, Горы Дьявола стали прибежищем многих беглых рабов. Они не боятся эдикта Церкви. Не боятся умирать. Я не могу выделить эскорт, чтобы сопровождать вас.

— Наши проблемы тебя не касаются. Я ищу Врата. Мы отправимся туда, куда заведут нас эти поиски.

— Ты. — Еще раз прозвучало это слово, такое мягкое и ласковое, так точно направленное в самый центр ее существа.

— Бос! — Капитан пролаял это имя. — Отошли остальных. Отправляйся к дальней стене. Никакой опасности нет.

Когда солдаты ушли, Капитан обратился к Сайле:

— Ты отошлешь своих друзей? Я хочу кое-что тебе сказать. Наедине.

— И не думай об этом. — Конвей снова поднял «вайп». Капитан следил за Сайлой. Мускул на его челюсти начал дрожать, но он не отводил взгляда.

Сайла коснулась руки Конвея. Потом проговорила так, чтобы остальным тоже было слышно:

— Пожалуйста. Я верю ему.

Когда ее спутники отошли на другой конец комнаты, Капитан сошел со своего возвышения. Даже так он все еще возвышался над Сайлой, словно башня.

— Ты разрываешь мою гордость, словно тигрица, а я лишь восхищаюсь тобой. Разве ты не понимаешь, что я хочу задержать тебя здесь не из одних только политических соображений? — Увидев, что она хочет возразить, Капитан властно поднял руку и продолжил: — Есть еще одна важная причина, по которой ты должна остаться. Всего лишь чуть дольше.

Сайла устало ждала продолжения.

Капитан наклонился еще ближе.

— Я должен показать тебе. — Он поднял голову и кивнул Босу, потом отвернулся. Почему-то Сайле показалось, что его возвращение к трону было скорее отступлением.

Услыхав шаги, Сайла обернулась. Из средней двери длинной комнаты вышла четверка девушек во главе с Босом. На той, которая шла сразу за ним, были развевающиеся одежды с длинными рукавами, изготовленные из цельного куска ткани. Они были расшиты зелеными

треугольниками на белом фоне, самые нижние были самыми большими и, постепенно уменьшаясь, рисунок превращался на шее в простые точки. Когда она шла, то казалось, что вперед движется колонна переливающегося льда и воды. На голове у нее была высокая прическа.

Она была прекрасна. И беременна.

На остальных были похожие платья, но не такие длинные.

Обернувшись к Капитану, Сайла в немом вопросе подняла брови.

Капитан произнес:

— Моя жена, Ясмалея. Как видишь, она ждет ребенка. Очень скоро. Есть кое-какие трудности. — К этому времени женщина уже была рядом с Сайлой. Бросив на нее косой взгляд и натянуто улыбнувшись, Ясмалея посмотрела на мужа. Медленно и неуклюже она опустилась на колени и нагнулась, поставив ладони на пол. Фыркая и отдуваясь, она склонила голову и коснулась лбом пола. Сайла было двинулась, чтобы помочь ей, но ее остановило предупреждающее шипение Боса. Ясмалея завершила поклонение и поднялась, раскрасневшись. Ее лоб и верхнюю губу покрывала тонкая пленка пота.

Кивнув жене, Капитан обратился к Сайле:

— Жнея говорила мне, что ты знаешь тайны матери и ребенка. Ты нужна моей жене. Она была избрана выносить моего сына и наследника, как до нее была избрана ее сестра. Сестра умерла при родах. Ребенок тоже умер. К счастью, это была девочка.

Сумея справиться с собой, Сайла раздумывала о том, чего от нее требовали. Акушерство входило в ее обучение, но в нем не было никаких тайн. Все, что было известно одной целительнице, становилось известно и остальным. Таков был первый закон Церкви. Исподволь обвинить сестру по Церкви в занятиях магией — это было похоже на Жнею. Уже одно это было смертельно опасно. Но еще хуже было то, что теперь Капитан в случае неудачи будет винить одну лишь Сайлу; он решит, что его подвела магия, но не Церковь.

Жнея разрушила защиту своей противницы.

Сайла обдумала, как ей лучше возразить, потом передумала. Отрицание своих способностей воспримут лишь как попытку уклониться от выполнения просьбы, это ни к чему не приведет. Посмотрев на девушку, Сайла убедилась в правильности своей первоначальной оценки. Та была здорова. Даже более чем. Но теперь ее руки были сцеплены на разбухшем животе, а огромные голубые глаза смотрели на мужа с таким благоговейным страхом, что по коже Сайлы поползли мурашки.

Она снова услышала слова:

«То, что не в силах изменить, прими...»

— У меня нет никаких тайн. У меня есть только знания и опыт. Ясмалея будет моей пациенткой, а я буду ей другом. Ее ребенок, будь то мальчик или девочка, получат всевозможную заботу.

Капитан наклонился вперед.

— Бос, расскажи ей про наш обычай.

Он продолжал смотреть ей прямо в глаза, когда сзади донесся вкрадчивый голос Боса:

— Та, что вынашивает сына Капитана, избирается Командой. Если ей не удастся родить мальчика, Команда выбирает следующую. Дети должны быть здоровы во всех отношениях. Два несоответствующих ребенка могут стать причиной низложения Капитана.

— Несоответствующих? Низложения? Что это значит? — требовательно спросила Сайла.

— Несоответствующий значит несоответствующий, Жрица, — произнес Бос. — Дай нам нужного ребенка. Молись об этом Вездесущему, и молись о том, чтобы эта женщина осталась жива.

Когда Сайла обернулась к Капитану, он уже ушел. Она снова повернулась, на этот раз в поисках Боса. Он, ухмыляясь, поджидал ее.

— Могучая Жрица, чьи приказы — не пустой звук. У этой женщины нет ни единого шанса. Ее ребенок никогда не вдохнет воздух. А о низложении ты узнаешь сама. —

Растолкав остальных троих женщин, он пошел прочь, презрительно фыркая и весело помахав рукой спутникам Сайлы.

Сайла взяла Ясмалею за подбородок и заглянула в заплаканные голубые глаза. Та сказала:

— Ему следовало рассказать тебе о нашей ведьме-повитухе.

Сайла удивленно спросила:

— Повитуха, не принадлежащая к Церкви? У вас есть такая? Я могу с ней поговорить?

Ясмалея отвернулась, посмотрела на небо, со свистом выдохнула:

— Она вместе с семьей была отравлена. Ты видела, как казнили раба, сделавшего это. — Ясмалея неожиданно обернулась и обхватила плечи Сайлы. — Все говорят, что мой ребенок проклят. Жнея говорила, что ты владеешь магией.

Сайла попыталась отринуть это богохульное обвинение, задать сразу тысячу вопросов. Но тут Ясмалея, громко всхлипывая, упала прямо в ее объятия:

— Жрица, ведьма сказала, что я умру. Я не хочу умирать, я не хочу, чтобы умер мой ребенок. Если ты не спасешь нас, ты тоже умрешь.

Глава 51

Стоя около дока и успокаивая лошадей, Конвей, Тейт и Налатан переглядывались с наблюдавшими за ними зеваками. Хозяйева лодки, доставившей их на остров, уже отчалили. Трое пассажиров дружно согласились между собой, что в команде лодки были самые жалкие представители народа Коссиаров, каких им только доводилось видеть. И все же те явно презирали жителей острова. Но не могли скрыть под презрением страх.

Додой спрятался за спиной Тейт и нервно озирался вокруг. Она положила руку ему на голову. Обратившись к своим попутчикам, она сказала:

— К вопросу о поспешных выводах. — А когда те обернулись за объяснениями, кивнула в сторону людей на берегу. — Все утро я думала, как плохо будет Сайле и Ланте, но вы только посмотрите на это скопище головорезов, с которыми нам теперь придется иметь дело.

— Глава моего братства говорил, что на каждый приставший здесь торговый корабль приходится десять пиратских. И хуже всех Скэны.

— Мы знаем Скэнов. Уже встречались с ними, — ответила Тейт.

— Я хочу вернуться в замок, — умолял Додой. — Это все плохие люди. Они украдут меня. Я боюсь.

Тейт присела рядом с ним.

— Не отходи от нас, слышишь? Никто тебя не обидит.

— Пошли, — проговорил Конвей. — Я уже устал развлекать зевак. И к тому же проголодался.

Тейт рассмеялась.

— Я думала, что прогулка на этой лодке навсегда отобьет у тебя аппетит.

— Не оstri. — Конвей соорудил кислую мину и двинулся прочь от дока. Каждый из взрослых вел своего коня и еще одного с поклажей. Додой вел Рыжика Сайлы. Собаки бежали рядом со своими хозяевами.

Зеваки смотрели, как они приближаются, и обменивались замечаниями, время от времени указывая пальцами. Тейт была гвоздем программы. Конвей начал было притормаживать, чтобы быть поближе к ней, но тут заметил, что рядом с Тейт оказался Налатан. Конвей с трудом подавил улыбку, глядя на разительное отличие живости Налатана и наигранного безразличия Тейт.

Взяв на себя инициативу, Конвей обратился к поджидающим их людям:

— Мы ищем место, где можно остановиться, и стойло для наших лошадей. — Мужчина, к которому он обращался, сидел на объемистой бочке, прислонившись к кипе шкур. На нем были домотканые шерстяные штаны, собранные у лодыжек, и стеганая рубаха.

Когда-то она была красива. Но теперь выцвела и обносилась. Как и у всех остальных, на шее этого мужчины болтался небольшой амулет — медная ладонь, подвешенная на грязной ленте. Самым необычным предметом его одежды был кожаный ремень шириной добрых четыре дюйма, который шел наискось от левого плеча до правого бедра. Массивная квадратная пряжка была сделана из меди. На ней висели ножны, сделанные из кожи и меди, из них торчали костяные рукоятки ножей. Если лезвия по длине не уступают ножнам, то это скорее даже короткие мечи, решил Конвей.

Мужчина неторопливо повернулся к Тейт и осмотрел ее с ног до головы.

— Слыхали о ней. Кому из вас она принадлежит?

Тейт произнесла:

— Не позволяй своему рту брать верх над мозгами, идиот. Я не в том настроении, чтобы болтать со всякой мразью. — Ее слова удивили даже Конвея. В руке она держала пистолет.

Мужчина покраснел. Не вставая с бочонка, он выпрямился и угрожающе сказал:

— Помни свое место, женщина.

Гром выстрела заставил всех попадать друг на друга. В небо с воплями взвились чайки. Пуля Тейт пробила бочонок прямо между коленями сидевшего. До краев заполненный жидкостью, бочонок мог сделать только одно — с грохотом разлететься на куски. Сила, направленная вниз и в стороны, не произвела особых разрушений, но та ее часть, которая была направлена вверх, выбила крышку бочонка и подняла сидевшего на ней человека в воздух. Неожиданно взлетев, тот нелепо замахал руками и, описав короткую дугу, зарылся лицом в гальку. Пока он поднимался на ноги, пистолет Тейт был направлен прямо на него. Какую бы угрозу он ни хотел произнести, теперь она была безнадежно испорчена всем его видом: пританцовывая на месте, он обеими руками держался за ягодицы, а лицо было покрыто царапинами и синяками. Необходимость выплевывать мелкие камешки и мусор еще больше унизила его. Дико размахивая руками, он пытался назад, пока пара его друзей не пришли в себя и не увели его прочь.

Пораженные демонстрацией пистолета, остальные мужчины все же не были напуганы. Один из них произнес:

— Женская глупость! Ты нажила себе врагов. Ни один из нас не забудет этого.

— Посмотрим, посмотрим, — ответила Тейт. Ствол пистолета смотрел говорившему в живот. Он отступил назад.

Вскочив в седло и подозревая собак, Конвей обратился к Налатану:

— Дорога идет вдоль берега. Кажется, на западе я видел признаки жилья. Поехали направо.

— Вариант ничем не хуже любого другого, — ответил Налатан. Тейт кивком выразила свое согласие. Подсадив Додоя в седло, она приказала Танно и Ошу охранять их с флангов. Медленно и неохотно собаки отошли от своей хозяйки и заняли указанные места.

Сидевшие возле дока мужчины наблюдали за их отбытием уже без всяких комментариев.

— По-моему, ты несколько перегнула палку, — обратился Конвей к Тейт.

— Совсем нет. Я уже устала слышать, как женщинам — имея в виду меня — постоянно затыкают рот. Мне не нравится, когда какая-нибудь тупоумная жаба предполагает, что я кому-то «принадлежу». И вообще я чувствую, что надо кое-кому кое-что показать. Слух об этом Мистере Гостеприимство, которого мы оставили у себя за спиной, разнесется по всему острову. И до Капитана он тоже дойдет. Я хочу, чтобы он понял: мы можем кусаться, когда это необходимо.

— Мне всегда было интересно посмотреть на ваше оружие-молнию, — заговорил Налатан. — Впечатляюще. И очень громко. Как вам удастся засунуть гром в такую маленькую штуку?

— Это длинная история. — Тейт вяло махнула рукой. Скосив глаза на Конвея, она наклонилась к нему и прошептала: — Ты понимаешь, я впервые выстрелила из этой

чертовой штуки. Я даже не думала, что она работает.

Налатан увидел это, хотя и не расслышал слов. Вид у него был оскорбленный. Взглянув на него, Конвей широко улыбнулся.

— Разве она не чудо? Эта девушка постоянно думает. — Отвратительная приторность этих слов, казалось, осталась у Конвея на языке.

Секундой позже все трое чуть не вскрикнули от неожиданности, увидев посреди леса скопление невысоких треугольных строений. Их заполняли ящики, мешки и корзины. По дорожкам парами ходили охранники. На платформах, скрытых в ветвях, сидели лучники.

— Ты можешь в это поверить? — произнесла Тейт. — Посмотри, тот мешок; из него что-то сыпется. Готова поспорить, что это соль. А там — меха! И сера. — Она принялась. Ее глаза широко раскрылись. — Я чувствую запах апельсинов. Апельсинов. И миндаля: это точно миндаль.

Налатан был более сдержан.

— Все, что делается в любой стране, от Найона и ваших северных земель до самого Хента и даже южнее, и восточнее земель кочевников, всем этим торгует Кос. Любой корабль, который везет товары для Коса, должен останавливаться на этом острове.

— Как ты обо всем этом узнал? — спросила Тейт. — Ваши люди торгуют с Косом? — Они как раз проезжали мимо последнего склада.

— Нет. В Горах Дьявола есть их фабрики, но мы никогда не имели с ними никаких дел. Все, что мы знаем о Косе, мы узнали от бежавших.

— Рабов?

— И свободных тоже. — Налатан чувствовал себя немного неловко, но все же продолжил: — Большей частью это были поклоняющиеся Луне. — Мне не хотелось говорить об этом Сайле и Ланте, но культ Луны все больше распространяется в Косе, особенно на востоке. Многие мелкие землевладельцы и ремесленники чувствуют, что крупные купцы и фермеры кормятся на их несчастьях. Танцующие-под-Луной обещают, что все имущество будет общим. Отчаявшиеся люди верят в отчаянные слова.

Некоторое время они ехали молча, а потом дорога резко повернула, и лес кончился. На раскинувшемся перед ними лугу паслось необъятное стадо овец. Дорога вела прямо к скоплению домов. Дома были всевозможных форм и размеров, казалось, что их слепили на скорую руку и без всяких чертежей. Окна представляли собой грубые прямоугольные отверстия, затянутые полупрозрачной кожей. Косо висевшая на одинокой петле дверь хлопала на ветру. Казалось, все печные трубы желают только одного — вырваться из стен дома и угрожающе нависнуть над грубой крышей. Мусор, перетертый в однородную зловонную массу, до краев заполнял оставленные на дороге колеи.

И никаких следов людей.

Залаяла собака. Где-то вдалеке ей ответила другая.

Боевые псы насторожились и закрутили головами, стараясь определить источник шума.

Отряд вошел в неестественно тихое селение. Когда они приблизились к первым строениям, из леса послышался какой-то громяющий звук. Проезжая мимо одного из домов, Тейт подняла руку. Над дверью на веревке висели глиняные бутылки. До путешественников донесся запах кислого пива. Прищурившись, Тейт заметила окна на втором этаже.

— Это, должно быть, таверна, — произнесла она со стоном, зажимая нос. — Будем здесь устраниваться.

— Это шум голосов, что ли? Надо проверить, — сказал Конвей.

Направившись в сторону, откуда доносился звук, Конвей вдруг почувствовал в нем какой-то страстный призыв. Он заметил, как Тейт пододвинулась поближе к Додю. Мальчишка тоже волновался, однако он отстранился от Тейт. Стараясь не подавать вида, Додой придерживал свою лошадь и отставал от остальных с той же скоростью, с какой приближалась к нему Тейт. В результате расстояние между ними не сокращалось. Все это время его маленькая узкая головка поворачивалась из стороны в сторону, словно у собак,

когда они пытались расслышать лай получше. Конвею казалось, что Додой читает этот странный звук, будто может узнать из него что-то недоступное всем остальным.

Прошло еще несколько минут, и они увидели, откуда идет шум. Пред ними был холм, склон которого полого спускался к морю, образуя природный амфитеатр. Около сотни человек, одетых в самые разные костюмы, сидели между деревьями на опушке леса, наблюдая за происходившим на берегу поединком. Один из воинов опирался на темный щит, конец которого зарывался в песок. В левой руке он сжимал длинный узкий меч. Кровавая рана на левой стороне головы стояла ему одного глаза. Целый глаз уже потускнел, но все еще пристально следил за противником, который постоянно пытался зайти с левой стороны.

У его противника было два небольших круглых щита, привязанные к рукам. В левой он держал короткий нож с чашеобразной гардой, защищавшей ладонь. Правой он раскручивал небольшой топорик на цепочке. Тот со свистом рассекал воздух, подлетая к раненому то с одной стороны, то с другой.

Раненый уклонялся от топора. Мечом он парировал удары ножа.

Вот он пошатнулся. Несколько раз казалось, что сейчас удар топора прервет его сопротивление. И каждый раз он едва избегал удара. Потом он упал. Стоя на коленях, он обеими руками ухватился за щит, меч упал на песок. Топор на конце цепи пропел победную песнь и нырнул к незащищенной склонившейся голове. В последний момент раненый упал, заслонив голову щитом. Топорик врезался в песок и застрял в нем. Натяжение цепи ослабло. Когда воин выдернул топор, она неуклюже свернулась в воздухе.

Тут раненый вскочил на ноги и швырнул в глаза противнику горсть песка. Еще до того, как кто-нибудь смог разобраться в происходящем, длинный клинок отразил удар ножа, проник между щитами-близнецами и погрузился в живот человека с топором. Из песка вдруг возник узкий темный щит — на этот раз его сжимала уверенная рука. Его кромка ударила противника в подбородок, сбив на колени. Меч вырвался на волю, с него сбегали красные ручейки. Одноглазый рванулся вперед. Клинок снова погрузился в тело противника, его острие вышло из спины.

Топорик до предела натянул цепь. Онемевшие пальцы не смогли его удержать. Крутясь и сверкая, топорик пролетел над берегом и упал на песок.

Выдернув меч из тела, одноглазый приготовился нанести новый удар.

Ошеломленная тишина сменилась удивленным гулом.

Воин с топором опустил руки и недоверчиво посмотрел на такие, казалось бы, небольшие отверстия, разорвавшие его кожу ниже ребер.

К тому моменту, как он в последний раз покачнулся и рухнул на спину, его противник с мечом уже зашел по колено в море.

Он не видел смерти своего соперника, промывая свои раны.

Раздался радостный вопль. Вскоре к нему присоединились остальные. Все зрители вскочили на ноги и ринулись к берегу: одни, чтобы осмотреть мертвеца, другие, чтобы поздравить выжившего. Они спокойно радовались победе, пока кто-то не рассмотрел на холме силуэты всадников. Прозвучал крик, и все стихло. Потом раздался вопрос:

— Кто вы и по какому праву вы здесь?

— Нас послали сюда, — ответил Конвей. — Так приказал Капитан.

— Моряки. — По тону было ясно, что это далеко не комплимент. Из толпы выступил мужчина с седой бородой. На нем был длинный кожаный фартук, закрывавший его от колен до груди, и круглая кожаная шапочка. — Вам запрещено появляться на этой стороне острова. Вы знаете правила. И что с тем, посередине? Ты обгорел?

Тейт глухо зарычала, и Конвею пришлось придержать ее руку, когда та начала снимать с плеча «вайп». Вырвавшись, она злобно взглянула на Конвея и ответила:

— Никаких ожогов, старик. Я такая, какая есть.

Удовлетворенно качая головой, мужчина двинулся к ним, одновременно продолжая разговор. Остальные пошли за ним.

— Мы слышали о вас. Черная Молния. Белый Гром. Вы оба — хранители Цветка,

Жрицы, которой боится Церковь. А ты, должно быть, Налатан, монах-воин. А этот уродец — ребенок, которого Черная Молния украла у Скэнов.

— Додоя никто не крал. Я сражалась за него. И победила. — Бородач уже был прямо перед ними, и Тейт наклонилась, чтобы посмотреть ему прямо в лицо. Собаки выдвинулись вперед и теперь стояли у передних ног лошади.

Борода зашевелилась. Возможно, ее обладатель улыбнулся:

— Колдовство. Ни одна женщина не может победить бойца Скэна. Колдовство. Не считается. Нечестно.

— Все было честно. — Тейт разъярялась все сильнее.

Мужчина удивлялся, но все еще не верил. Он покачал головой:

— Меня это не касается. Здесь Скэнов не любят. Скормить бы их всех крабам. Дурные люди.

Все услышали, как Тейт заскрипела зубами. Она заставила коня шагнуть вперед и положила руку на меч. Услыхав его звон, собаки зарычали. Бородач бросил на них быстрый взгляд, потом снова уставился на Тейт. Та произнесла:

— Я проткнула ту жирную свинью. Без всякой магии.

— Мы слышали, что твой меч упал в море. Ты была мертва. Море пробудило тебя и вложило меч в твою руку. Ты поднялась в воздух и ударила его. Все это видели. — Неожиданно он остановился. Склонив голову набок, он глянул на Тейт. — Кажется, недавно я слышал какой-то шум. Поединок только начинался. Вы двое? Оружие-молния?

— Около дюжины ваших людей встречало нас около дока. Один из них оскорбил нас.

— Как он выглядел?

Тейт описала встретившегося им мужчину. Услыхав о медной ладони, бородач прервал ее:

— Он мертв?

— Нет.

Мужчина покачал головой. Сплюнул.

— Очень плохо. Не мы. Моряки. — Он полуобернулся к толпе и указал на одного из зрителей. — Слышишь, Эллум. Возьми двадцать пять человек. Отведи моряков на их часть острова. — Снова повернувшись к Тейт, он ткнул себя в грудь указательным пальцем. — Зовут Хелстаром. Кузнец на острове.

Конвей решил воспользоваться приветствием Племени Собаки, которому научился у Гэна и Класа:

— Я знаю тебя, Хелстар. Я — Мэтт Конвей.

Тейт последовала его примеру. У Налатана было свое собственное приветствие. Он нагнулся, потом мгновенно распрямился, совершив быстрый поклон, затем произнес:

— Мы встретились, как друзья. Меня зовут Налатан из братства Первой Звезды, я не слуга человеку.

Пока Тейт и Конвей удивленно наблюдали за Налатаном, Хелстар сказал:

— Пойдем. Поединок закончился. Поедим и выпьем.

Слегка отстав от Хелстара, Конвей произнес:

— Раньше ты никогда так не представлялся. Откуда взялись все эти манеры? И что такое Первая Звезда? Ты никогда об этом не говорил. Ты начинаешь меня раздражать, ты и твои секреты.

Налатан ухмыльнулся:

— А какие секреты скрываешь ты? Так или иначе, это приветствие — наш обычай. До сих пор не было нужды пользоваться им или упоминать название моего братства. Все это не так уж важно. Что меня действительно озадачивает, так это толпа. Они ведь не моряки, но тогда кто же?

Конвей фыркнул:

— Скоро мы это выясним. — Он натянул поводья, позволяя Тейт и Налатану возможность ехать рядом. Потом, собираясь получше рассмотреть толпу, взглянул через

плечо. Краешком глаза он уловил какое-то движение. Это возбудило его любопытство. Когда он полностью обернулся, то увидел, как Додой роется в своем седельном мешке. В стороне от дороги, вдалеке от толпы, мальчик укладывал в нее небольшой топорик на цепи.

Глава 52

Тейт была права.

Полуразвалившееся здание, от которого несло, как от грязной таверны, именно ею и являлось. Вонь внутри была просто невыносимой. Поэтому Тейт и ее друзья сидели позади строения, оперевшись локтями на стол из толстой древесины, попивая удивительно хорошее пиво. На деревянной тарелке лежали ломти свежего хлеба. Вдобавок у них был бочонок бледного масла, помещенный в большую кадку с холодной водой.

Огромная толпа, в которой были и застенчивые женщины, не показывавшиеся на глаза, пока им не разрешали выйти на улицу, окружала стол на почтительном расстоянии, довольствуясь созерцанием того, как эти удивительные чужаки пьют и едят с одним из них.

Вокруг носились ребятишки, крича и дерясь, делая все, что в их силах, чтобы привлечь внимание. Додой смотрел на них с вежливым пренебрежением.

Хелстар похлопал Конвея по плечу.

— Я спросил, не сказали ли они вам что-нибудь об острове.

Конвей ответил:

— Только то, что здесь живут все чужеземцы. Откуда вы?

Вместо ответа Хелстар повернулся к толпе, подмигивая и делая гримасы. Все оглушительно рассмеялись. Хелстар обвел своих людей рукой.

— Тут все из Коса. Преступники. Несколько фальшивомонетчиков, пара пиратов. Немногие из них доживают до того, чтобы их сюда сослали. Несколько убийц. Несостоятельные должники. Немного задир — однако это должно войти у них в привычку, чтобы их сослали на остров. В большинстве своем тут воры. Обычные воры.

— В таком случае чужеземцы здесь только матросы? Это действительно остров-тюрьма?

— Ну, не совсем. Тут есть еще купцы и их банды, дальше на север и на запад. Они живут там. Коссиары живут тут. Мы торгуем с нелюдью. Я — кузнец, вон тот — дубильщик. Тот кожевник, вот еще один. Женщины готовят, обшивают, ткут полотно. А вот там — плотник. И так далее.

— То есть преступники с Коса могут тут работать, да? — спросила Тейт.

Хелстар выпрямился, подняв одновременно подбородок и кружку пива.

— Лучшие из них. Если нам нравится человек, то мы его радушно принимаем. Должен иметь ремесло, хороший характер. Мы не можем иметь тут всяких, у нас семьи, маленькие дети. Должны думать о них.

— Вы отвергаете кое-кого? — мягко произнес Налатан.

— Конечно. Дурных людей. Тех, кто воровал у друзей, кто побил своих соседей, убил кого-то без веской причины. Мы не принимаем их. Они уходят.

— Куда? — переспросила Тейт.

— На стенобой. В рабство. Большинство Капитан продает. Если же мы принимаем их, то они живут здесь. Это лучше, чем рабство. Лучше, чем стенобой. Хо! — Прочертив в воздухе дугу, его кулак обрушился на стол так, что вся посуда подпрыгнула. Толпа в восторге заулюлюкала.

— Все то добро, мимо которого мы проезжали, принадлежит купцам? — спросил Конвей.

— Да. Торгашей всего шесть, и у каждого есть хон. Ты знаешь, кто это такой?

Конвей покачал головой. Хелстар продолжил:

— Хон — это парень вроде Копья. Если купец захочет что-то сделать, то именно хон проследит за тем, чтобы это было сделано. Хоны самые главные в бандах.

— А что это такое, эти банды? — спросила Тейт.

Хелстар скривился:

— У каждого купца есть банда. Человек двадцать, не больше. Сторожат его дом и товары. Каждый — безжалостный убийца; намного хуже, чем моряки.

— Ого, — возглас Тейт выдал обеспокоенность, которая, впрочем, и без того ясно читалась на лицах ее спутников.

Хелстар заметил это; он коротко и жестко хохотнул:

— Драку видели? Человек из банды, с топором. Захотел женщину Луро. А победил Луро. Он наш человек. — Внезапно перегнувшись через стол, он доверительно зашептал: — Здесь много монет, да и товара побольше, чем Капитан сможет употребить. Ваше оружие-молния, а? Мы с вами вместе, а? Сожжем банды, заберем добро, заставим моряков присоединиться к нам. Вверх по реке есть порт. Свободный. Много Малых. Они стараются не высовываться, но они там есть. Рабы. Вольная жизнь.

— Мы подумаем об этом, — ответила Тейт. — А у тебя и впрямь есть парочка хороших идей.

Опустошив свою кружку одним большим глотком, он грохнул ею по столу.

— Вот поэтому-то я здесь. Вор. Крутой вор, даже Команду ограбил.

— Сколько людей в Команде? — поинтересовался Налатан.

— Не знаю, может, сотня наберется.

— Это они управляют Косом?

— Да. Все воины принадлежат Капитану, но у них есть семьи, живущие на земле Команды. Одно уравнивает другое; все боятся друг друга.

— Похоже, нам стоит повидаться с этими купцами, — сказал Конвей. — Интересно, а что будет, если Капитан обнаружит, что мы остановились у вас, а не у купцов?

Вся толпа разразилась диким хохотом, Хелстар смеялся вместе со всеми.

— Они вам ничего не сказали, да? — он давился от смеха. — Овцы к волкам! Никто из чужеземцев не живет у купцов. Они же никому не позволяют даже зайти в свои роскошные дома, а что уж говорить о том, чтобы там пожить! Моряки вас не примут, если, конечно, вы не захотите заняться пиратством. А даже если и так, то когда патруль схватит их при попытке вывезти вас с острова — оп, и всех вас отправляют напрямик на стенобой — большой праздник, народное гулянье! Останетесь с нами? Оглянитесь — тут каждый уже подсчитывает ваши денежки и думает, за сколько вас можно продать работорговцам. Так что если вы остаетесь с нами, то помогайте нам.

Тейт очаровательно улыбнулась:

— Ну а если мы скажем, что поможем вам, откуда нам знать, что вам можно верить? А вдруг кто-нибудь из ваших попытается ограбить или продать нас?

Хелстар отодвинулся от стола, его огромные голубые глаза даже округлились от такого прилюдного оскорбления. Он снова ткнул себя в грудь указательным пальцем:

— Слово. Мы дадим слово. Друзья не грабят друзей. И не продают.

— По-моему, мы должны разбить лагерь где-нибудь в сторонке, пока все не выясним, — сказал Конвей.

Хелстар охотно согласился. Когда все поднялись, он подошел к ним вплотную и прошептал:

— Место выбирайте осторожно. Моряки разозлятся, если вы им помешаете. Могут ночью наведаться.

Слегка задев Хелстара, Тейт проскользнула мимо:

— Посмотри-ка сюда. — Она погладила морду своего коня, угостив его кусочком хлеба. — Ты когда-нибудь видел, что остается от человека, если им займется боевой конь Людей Собаки? — Она вскочила в седло, и лошадь, встав на дыбы, замолотила копытами в воздухе. Пустое пространство вокруг нее мгновенно расширилось. Вскинув руки над головой, Хелстар отскочил назад. Когда ее конь, успокоившись, снова встал на четыре ноги, Тейт сказала: — И пусть об этом помнят и моряки, и купцы, и вообще все на этой чертовой

скале.

Хелстар уверил ее, что скоро все узнают о ее словах, и замер, когда Налатан опустил ему руку на плечо. Улыбнувшись, он сказал:

— Так ты, говоришь, кузнец, да? Я, пожалуй, пройду с тобой к кузнице. Мне нужна пара вещичек, которые ты наверняка сможешь сделать.

Хелстар улыбнулся, облизнув губы:

— А как ты найдешь своих друзей? Может, будет лучше, если ты пойдешь с ним, а ко мне заглянешь завтра?

— У меня будет достаточно времени, чтобы найти их. — Оставив Хелстара, он повернулся к Тейт и взял за уздечку ее лошадь. — Оглядывайтесь по сторонам, за вами могут следить. Я разыщу вас попозже.

Она нахмурилась:

— Ты что, сумасшедший? Неужели ты думаешь, что мы оставим тебя здесь одного? Даже и не помышляй об этом. Ты поедешь с нами.

— Хелстар здесь за главного, а я подброшу ему работенки, так что он не последует за вами вместе со своими друзьями. И не волнуйся, со мной все будет в порядке.

— Мне это не нравится.

— Но так будет лучше. Иди.

— Не приказывай мне.

Налатан залился краской, но это было единственное, что указывало на всплеск эмоций; выражение его лица не изменилось. Ровным голосом он произнес:

— Пожалуйста, иди. Если они увидят, что ты чем-то обеспокоена, они станут смелее. Неужели ты не понимаешь?

Тейт вырвала у него поводья:

— Ты, твердолобый... мужик. Ты ведь не уступишь, верно? — Она развернула испуганную лошадь, потом начала поглаживать ее по шее, бормоча извинения. Взгляд, которым она одарила Налатана, не оставлял ни тени сомнения в том, кого она считала виновным.

Подобрав поводья выючных лошадей, Конвей подмигнул Налатану и последовал за Тейт. Додой поспешил занять свое место рядом с ней.

С тех пор как они покинули Олу, Конвей и Тейт набрались опыта в таких делах, и сейчас они практически машинально разыскивали место, откуда можно было просматривать все подступы и которое обеспечивало бы защиту в случае нападения. Они миновали пару таких местечек на побережье: обзор был великолепен, но вот шум моря вполне мог заглушить приближение нападающих. В конце концов они остановились в рощице, расположенной на небольшом холме. Здесь на месте бывшего пожара росли вперемежку молодые деревца манзаниты и кипарисы; густая поросль делала конную атаку практически невозможной. Немного поработав мечами, они получили вдобавок и отличный обзор. Зайдя в глубь рощи, Конвей и Тейт поставили две палатки; Конвей оставил Тейт копать яму для костра, взял собак и отправился ставить силки на кроликов.

Он возвратился со стороны моря как раз вовремя, чтобы увидеть, как Налатан взбирается вверх по склону холма.

Ведя Налатана к лагерю, Конвей спросил о деревне. Налатан покачал головой, как будто был опечален.

— Дураки, все до единого. Лжецы и воры. Их шайка пошла следом за мной из деревни. Шестеро мужчин, с треском прущих через кусты и при этом думающих, что крадутся тайком.

Они были около лагеря, так что Тейт, услышав последние слова Налатана, вскочила на ноги. Сжав кулаки, выставив подбородок, она затряслась со злости.

— А ты хочешь, чтобы они сюда заявились, и ты снова смог славно подраться? Вместе с нами ребенок, беззащитный ребенок. Плохо уже то, что ты ставишь под угрозу наши жизни, не подумав о нашем мнении, но вдобавок ты подвергаешь опасности мальчика,

который полностью зависит от нас. Если эти головорезы нагрянут сегодня ночью, я этого тебе никогда не прощу.

На шее Налатана задергалась мышца, подбородок его окаменел. Очень медленно он произнес:

— Никого не будет.

— Ты не можешь это утверждать, ты не знаешь. Ты сам сказал, что за тобой следили.

— Они не придут. Хелстар никому не позволит убить меня, пока не получит деньги за оружие и доспехи.

Злость Тейт угасла, превратившись в вину, так что Конвей поспешил заполнить паузу.

— Хелстар делает что-то для тебя?

Налатан был рад сменить тему.

— Да. Хороший меч и ножи. Я купил еще кольчугу. Он отличный кузнец. Он расстегнул верхнюю рубаху, показав кольчугу, одетую поверх нижней стеганой рубашки.

— Что ж, это не так плохо, как я думала, — сказала Тейт. Конвей притворно кашлянул, идя за палатку. Тейт, пытающаяся извиниться, не произнося извинений, являла собой поразительное зрелище. Оставив их выяснять отношения, он двинулся вниз по холму к воде.

Пляж был покрыт темным песком и камнями, не больше кулака каждый. Краем глаза Конвей заметил что-то серебристое. Когда он повернул туда голову, то ничего не увидел. Потом это повторилось снова. И снова. Его голова вращалась как флюгер, и хотя он знал, что там что-то есть, он не мог определить, что же это. Его терпение было уже на исходе, когда наконец он посмотрел прямо вниз, где небольшая струйка воды выплеснулась из дыры во влажном песке. Заметив одну, он сразу же увидел их всех. Маленькие струйки били вверх, словно дождь наоборот.

— Венерки! — воскликнул он, уже предвкушая их солоновато-йодистый вкус. Упав на колени, он принялся раскапывать одну из них. Холодная вода упорно заполняла ямку, как только он ее выкапывал, так что ему пришлось работать на ощупь. Каждый камешек казался венеркой до тех пор, пока он не вытаскивал его. Наконец он достал то, что действительно оказалось венеркой. Толстой, больше его ладони. Радостно гикнув, он принялся расширять дыру.

Набрать пару десятков моллюсков не заняло много времени. Большинство венерок были больше трех дюймов длиной. Используя рубашку, как мешок, он прополоскал добычу и направился в лагерь.

Солнце было уже низко, когда он добрался до вершины холма, где располагался лагерь. На западе горела первая ночная звезда. Пламя облаков выгорало, оставляя на небе нежный серый пепел.

Смотря на север, Конвей видел, как зеленые и золотые холмы теряли цвет и форму, поддаваясь наступлению ночи. Огромность мира, в который он попал, внезапно показалась слишком большой, чтобы ее можно было выдержать. Этот дикий мир был чужд ему. Логически думающая часть его мозга пыталась убедить его, заставить понять, что он был побежден. Его разум хотел, чтобы он наконец признал, что слишком умен для того, чтобы продолжать уже проигранную битву.

Он вспомнил, как спас Налатана. Хороший человек. Конвей заговорил в сгущающуюся темноту:

— Если бы не я, он бы погиб. Если человек спасает хорошего человека, пусть даже одного, не значит ли это, что у него есть цель в жизни?

Он неохотно припомнил и безжизненные тела, результат его смертельной потехи с верной винтовкой.

Это было зло.

— Они были дурными людьми. А Налатан — хороший парень. — Он чувствовал полное смятение. — Это никогда не повторится. Истерия. Вот что это было — истерия. Я совершил ошибку.

Он взглянул на небо, как будто стараясь найти ответ среди едва заметных контуров

клубящихся облаков. Но ответа не было.

Он сам его сказал:

— Я буду тем человеком, который разорвет этот порочный круг. Я здесь, в этом мире и этом времени, чтобы сделать это. И пусть я буду ошибаться — не так сильно, как в прошлый раз, — но я буду творить добро. Это в моих силах.

Он поднял свой груз и, глубоко вздохнув, снова двинулся к лагерю. Он представлял одобрительные взгляды Налатана и Тейт, когда они увидят, что он им несет.

Тейт, его самый близкий друг. Она любит Налатана. Возможно, осознание этого займет у нее некоторое время, но она поймет.

Налатан, друг. Он влюблен в Тейт.

На мгновение Конвей почувствовал удовлетворение самим собой, почувствовал себя на своем месте. В безопасности. Легко и свободно.

Друзья.

Пока он не убьет Налатана. Или не умрет сам, защищая свою жизнь.

Печально. Но зачем думать о чем-то столь ужасном и далеком?

Отведя ветку в сторону, он услышал какой-то звук. Это остановило его. Скорее недоумевающий, чем настороженный, он подумал, что же это может быть.

Пели птицы. Где-то далеко лаял тюлень.

Звук повторился, когда он продолжил свой путь. Слабо. Пронзительная, резкая нота. Это было в его голове; в ушах звенело. Сердце бешено билось. Болезнь предъявляла на него свои права. Мерцающие огненные цвета слепили. Прислонившись к дереву, он смотрел, как они сливаются в сюрреалистические образы.

Он представлял себе дуэль с Налатаном, уклонялся от удара, торжествовал при виде окровавленной плоти.

Он страстно желал этого испытания.

Образы померкли, и реальность обрушилась на него, принеся груз вопросов.

Раньше он никогда не испытывал жажды насилия. Или он перенял это у людей своей культуры, людей, разрушивших мир? Или он стал таким же дикарем, убивающим, чтобы заменить недостаток логики?

Он вяло дошел до лагеря. Уронив венерок к ногам Тейт, он проковылял к палатке, которую делил с Налатаном. На их озабоченные вопросы он ответил, что прогулка и копание утомили его.

Его разбудили, когда все было приготовлено. Тейт объяснила, что она добавила покрошенных венерок и немного копченой грудинки к смеси для супа из высушенной кукурузы. Подымающийся от деревянных тарелок пар был слишком аппетитным, чтобы Конвей оставался в унынии. Между кашей, чаем из корней одуванчика и ненавязчивым вниманием со стороны друзей его тревоги отступили. Он ел, смеялся, вместе с Тейт разучивал песню, которую Налатан называл песней пламени. В ней говорилось о человеке, который освещал свой путь, она была очень печальная. Умиротворенные собаки сгрудились около хозяев. Додой крепко спал, свернувшись в плотный, теплый клубок.

Костер потух, когда Тейт и Налатан пошли к своим палаткам. Конвей с собаками стояли первую стражу.

Глава 53

С выбранной наблюдательной позиции хорошо просматривались три из четырех направлений, по которым можно было приблизиться к лагерю. Конвей смотрел, главным образом, на восток в сторону деревни. На западе, за холмом, пряталось сонно бормочущее море. Каждый, кто попробовал бы подобраться к лагерю с этой стороны, имел мало шансов быть незамеченным — на вершине холма четко вырисовывался любой силуэт. К тому же склоны холма покрывали густые заросли кустарника, преодолеть которые было непросто.

Вокруг было спокойно, поэтому он вздрогнул от неожиданности, когда рядом

буквально из воздуха возник Налатан. В способности монаха-воина бесшумно пробираться сквозь любые заросли было что-то мистическое.

— Дурацкая шутка, — вспыхнул Конвей. Слова прозвучали слишком раздраженно, и это рассердило его еще сильнее. — Тебе повезло, что собаки сейчас не со мной. А если б они решили, что ты ко мне подкрадываешься? — добавил он, понизив голос.

— Я подожду, пока ты их отошлешь. Не хочу иметь дело с этими дьяволами.

— А меня, значит, можно не бояться? — все так же раздраженно выпалил Конвей и тут же пожалел, что не может взять эти слова обратно.

Налатан подошел ближе и спросил почти сочувственно:

— Что с тобой? Не мог же я в самом деле так тебя напугать.

— Все в порядке.

— Похоже, ты себя неважно чувствуешь. Не думай, что раз Ланте с Сайлой удалось скрыть твой недуг от воинов Гатро, то и со мной этот номер пройдет. Ланта рассказала, что с тобой что-то случилось во время драки с кабаном. Правда, больше я из нее ничего не вытянул.

Конвей мрачно посмотрел на него:

— Только не надо рассказывать, что приперся сюда в такую рань, чтобы меня жалеть. Насколько мне известно, бессонницей ты не страдаешь. Значит, у тебя есть что сказать. Если думаешь, что я болен, говори прямо.

— Мы знаем, как успокоить разум и помочь телу. Я помогу тебе избавиться от того, что тебя тревожит.

Конвей заметил, как старательно Налатан избегал слова «болезнь». Похоже, это была единственная вещь, которой он вообще боялся. И то, что он сейчас заговорил об этом, было нешуточным проявлением дружеских чувств. Конвею стало стыдно за свое прежнее поведение, и он поборол раздражение.

— Мы поболтаем об этом в любое время. Почему ты не перейдешь к тому, что у тебя действительно на уме?

В темноте он скорее почувствовал, чем услышал, как переминается с ноги на ногу Налатан, мучительно подбирая слова:

— Почему она все время злится на меня? Я пытаюсь ей угодить. Она ведь знает — должна знать — я охраняю ее с того момента, как смог носить меч. Я просто сказал ей, что если когда-нибудь женюсь, то уйду из братства. Это ведь был обычный разговор, и я старался вести себя очень осторожно. Почему она меня отвергает? Чем я ее обидел?

При других обстоятельствах эти слова показались бы Конвею забавными, но он был слишком обеспокоен возвратившимся головокружением. Он потрогал лоб, и на пальцах остались капельки холодного пота. Черт возьми, надо держать себя в руках! Наконец он ответил:

— Во-первых, ты обращаешься с ней, как с женщиной...

— Она и есть женщина! Не смейся надо мной!

— Да не перебивай ты! Помолчи и послушай. Доннаси не такая, как остальные. Ты должен относиться к ней, как к мужчине.

Налатан нахмурился:

— Сдается мне, ты ее оскорбляешь. Мне это очень не нравится.

— Не прерывай меня. Доннаси — воин. Такой же воин, как и ты. И у нее такая же цель. Думаю, ты ей просто нравишься, поэтому она ведет себя немного грубовато.

— Ну вот опять.

— Что опять?

— Сказал, что она больше похожа на мужчину. И что не хочет глядеть на мужчин. Она ведь не из тех полуженщин-полумужчин, я бы заметил.

— Конечно, нет, — пробормотал Конвей и, чтобы его снова не прервали, быстро добавил: — Дело в том, что ты смущаешь ее. Это ее раздражает.

— Да уж, лучше не придумай. Чем больше я ей нравлюсь, тем злее она становится и

тем больше меня ненавидит. Ну спасибо, уважил. Человек может всю жизнь прожить и не встретить такого друга, как ты. Если ему повезет, конечно.

Смех Конвея прервал новый приступ тошноты. Дышать стало трудно. Налатан уловил перемену и встревоженно протянул к нему руку. В это время две собаки бесшумно проскользнули сквозь кусты. Не обращая внимания на Налатана, Карда подскочил к Конвею и толкнул его носом. Затем, тихонько поскуливая, пес отскочил, пробежал несколько шагов на восток и стал смотреть в том направлении. К нему присоединилась Микка, также глядевшая на восток. Их тревожное ворчание было почти неслышным.

— Кто-то идет со стороны деревни. Похоже, Хелстар решил добиться своего без излишних усилий, — эти слова дались Конвею с большим трудом — грудь как будто сдавило клещами.

Налатан вскочил на ноги и пригнулся к земле.

— Я разбужу Тейт и пришлю ее к тебе. Сам проверю южные подступы — они могут попытаться окружить нас.

— Возьми Тейт с собой. Ее собаки тебе пригодятся больше, чем мне.

Налатан оскалил белоснежные зубы:

— Если это действительно Хелстар, значит, он нарушил свое обещание. Хоть ты и утверждаешь, что Тейт настоящий воин, ей все же лучше не видеть, что я с ним сделаю.

Оставшись один, Конвей почувствовал, что силы покидают его все быстрее. С трудом переводя дыхание, он добрался до Карды и Микки. Возвратился звон в ушах, который раньше лишь раздражал его, а сейчас мог стать причиной серьезных неприятностей. Звуки сильно исказились, и теперь Конвей не был уверен, стоит ли в полной мере доверять собственным ушам. Он напомнил себе, что рот нужно держать закрытым, а дышать размеренно и осторожно. Собаки выдвинулись навстречу возможной опасности. Конвей был уверен, что они чуют людей. О разных врагах собаки предупреждали по-разному. При приближении больших животных они напрягались, как пружины, и как будто настраивались на битву. Когда от них требовалось найти дичь, они брались за это со всем рвением. При встрече с людьми собаки становились предельно осторожными. Конвей считал, что животные понимали, кто из противников представляет наибольшую опасность.

Конвей расположился между собаками так, чтобы они приняли часть его веса на себя, и попробовал снять «вайп» с предохранителя. Это удалось ему только со второй попытки — в первый раз мокрый от пота палец беспомощно скользнул по металлу. Тихий щелчок предохранителя показался ему оглушительным.

И опять собаки предупредили его об опасности. Они молча остановили его, зажав с обеих сторон своими телами. Справа от Конвея рос небольшой куст. Конвей добрался до него бочком, опираясь на Микку, и присел на корточки. Преимущества его позиции будут сведены на нет, если кто-то заметит его с собаками на фоне звездного неба. Даже сейчас он не чувствовал себя в безопасности — по изменившейся форме куста опытный следопыт мог легко определить, что за ним скрывается человек. Хотя припавших к земле собак они вряд ли заметят.

Где-то ниже по склону находились люди. Конвей понятия не имел, сколько их может быть. Когда он подумал, что Налатан и Тейт, возможно, уже убиты, его охватила паника. Но страх скоро прошел. Конвей не мог поверить, что кто-то смог перехитрить эту парочку, а потом справиться с ними и их боевыми псами так, чтобы они не смогли хоть как-то предупредить его.

Несмотря на это, он решил открыть огонь, если кто-нибудь осмелится подойти слишком близко.

Рука, лежавшая на спине Карды, почувствовала, как шерсть собаки вдруг встала дыбом. Исходивший от пса запах аммиака защекотал его ноздри, по коже поползли мурашки. Это вызвало еще один приступ головокружения. Конвей с трудом справился с нахлынувшей слабостью.

А потом они появились. Бесчисленные фигуры, с пронзительными криками

возникавшие из зарослей кустарника, на мгновение создали впечатление, что весь склон сдвинулся с места и неумолимо продвигается к нему навстречу. Конвей встретил их выстрелом из «бупа». За глухим гулом пуска практически сразу последовал оглушительный грохот разорвавшегося снаряда. Конвей готов был поклясться, что еще видел висевший в воздухе оранжевый шар взрыва, когда до него донеслись первые крики боли и ярости. Он выпустил еще один снаряд. Заметно поредевшие цепи нападавших были уже очень близко. Почти не целясь, он разрядил в них «вайп», вспышки огня которого выхватывали из темноты отточенные клинки.

Спущенные на врага собаки рванулись вперед. Скрываемые темнотой, они стремительно пронеслись по склону и врезались в ряды атакующих. Боевые псы действовали так быстро, что нападавшие успевали заметить лишь тень приближавшейся опасности, прежде чем огромные собаки настигали их. Конвей слышал яростное рычание, крики ужаса и боли.

Конвей выхватил меч. Как он и ожидал, главный удар врага был нацелен на куст, где никого уже не было. Первый взмах его меча сразил наповал ближайшего человека. Продолжая обрушивать на врага смертоносный клинок, Конвей отступил и позвал Налатана. Число противников увеличивалось, теперь он мог только отражать удары, сыплющиеся со всех сторон. Собак он не видел, но точно знал, что они делают: Карда выбирал жертву и с разбега бросался на нее, а Микка пользовалась любой брешью, возникавшей в обороне противника. Если им не удавалось убить врага, они стремительно отскакивали, чтобы не попасть под ответный удар уцелевшего или его товарища. Развернувшись, псы выбирали новые жертвы.

Судя по доносившимся до Конвея крикам, действовали они эффективно, но врагов все еще было слишком много.

И тут желудок Конвея взорвался болью. Он выронил «вайп», упал на колени, и его буквально вывернуло наизнанку. Меч нападавшего просвистел там, где еще мгновение назад находилась его голова. Только страх смерти снова поднял Конвея на ноги. Он взмахнул мечом, почти потерял равновесие, подавшись вперед, и еще один человек упал, вскрикнув о помощи. На призыв откликнулся только Карда, и запоздалая мольба потонула в шуме битвы.

— Он здесь! — донесся крик с вершины холма.

Их становилось все больше. Нападали уже сзади.

— Держись, Мэтт, мы здесь! — раздался голос Тейт. Отзвук выстрела ее «вайпа» больно отдался в ушах.

Конвей отразил еще один удар, а затем стал медленно падать на спину. Он на удивление отчетливо услышал звук, с которым его меч ударился о землю, — звук окончательного и горького поражения.

А потом он почувствовал мягкую прохладную землю, спешившую облегчить его боль. Трава была такая нежная, сладкая. Конвей судорожно вцепился в нее, как будто только она связывала его с такой далекой и беспокойной жизнью.

Яркая ослепительная вспышка подсказала ему, что его бой закончен.

С бесчувственных разжатых пальцев посыпалась на траву земля.

Глава 54

Тейт молча смотрела на бледное лицо своего лучшего друга. Огненные блики костра плясали на щеках Конвея, наполняя черты обманчивой живостью. Слезы застилали глаза и искажали все вокруг, несколько раз ей даже показалось, что он пошевелился. И каждый раз наклонялась и тихо произносила: «Конвей?» Огромные собаки лежали рядом с телом хозяина, в их взглядах были преданность и мольба. Они позволили Тейт обработать их раны, но наотрез отказались отойти от Конвея.

Возле костра были еще люди. Собравшись полукругом, они стояли поодаль тихо и неподвижно, как тени. Их черные плащи сливались с ночной темнотой.

Стоящий рядом с Тейт Налатан изо всех сил старался выглядеть бодрым.

— Он дышит спокойнее. Пульс на шее и запястье стал сильнее.

Тейт не ответила, и монах попробовал подойти с другой стороны.

— Разве ты не понимаешь, как он теперь знаменит? Он продержался долго, и не только благодаря оружию-молнии: на мечях — один против многих — он убил двоих. Еще двое больше никогда не выйдут в бой. Собаки убили четверых, но ты ведь знаешь, что это для них не предел. А если сложить все, меч, собаки и оружие-молнии отправили на тот свет одиннадцать человек, чтобы они рассказали там, наверху, кто такой Мэтт Конвей. Великий воин, Доннаси Тейт. Теперь тебе есть чем гордиться, тебе и твоему народу.

Не поднимая глаз, Тейт ответила:

— Меня это не волнует. Я просто хочу, чтобы мой друг очнулся и поговорил со мной. — Когда она повернулась к Налатану, ее лицо было искажено беспокойством, и она не заметила, что снова обидела монаха. Уходя, тот пробормотал: — Как она не понимает, что я отдал бы все, лишь бы услышать хоть половину такого о себе?

Как только Налатан отошел, рядом с Тейт оказался Додой. Маленькая костлявая фигурка двигалась неуклюже, но бесшумно. Мальчик потянулся к Тейт, а она задумчиво обняла его за плечи. Глядя на Конвея, Додой произнес:

— Если бы эти люди поспешили, они бы спасли его.

— Они не знали о нападении. А когда узнали, пришли так быстро, как только смогли.

— Кто они такие?

— Не знаю. Налатан услышал их и обратился за помощью. Если бы он стал что-нибудь выяснять, Конвей сейчас был бы мертв.

— И все-таки Налатан совершил большую ошибку.

— Я думаю, он поступил правильно. Тем более вокруг была такая суматоха.

— Надо вернуться в замок. Там было тепло и безопасно. А здесь холодно. Я не люблю, когда холодно. А эти люди меня пугают.

— Малыш, они помогли нам спасти Мэтта. Может быть даже, они спасли всех нас.

Внезапно Конвей дернулся. У него затряслись руки, пальцы, и веки дрожали. Поначалу он забормотал что-то невнятное. Но вскоре речь стала связной, голос звучал мягко, спокойно, словно он обращался к ребенку.

— А вот так вот делают крылья, моя радость. Сверху воздух движется быстрее, видишь? — Он неестественно улыбнулся, словно привидение. — Когда ты вырастешь, мы улетим куда-нибудь на планере. Ты научишься летать, как все прекрасные птицы. Тебе это понравится, правда?

Тейт не знала, как ей поступить — ответить, успокоить его? На мгновение Конвей затих. Потом без предупреждения резко сел и выкрикнул:

— Бактерии! Датчик показывает, там бактерии! Очистить территорию, всем в укрытие! Быстрее!

Тейт бросилась к нему и попыталась его уложить. С невероятной силой он отшвырнул ее в сторону. Потом его тело снова расслабилось.

Вытирая слюну с губ Конвея, Тейт ровным голосом обратилась к мальчику:

— Додой, возьми этот котелок и быстро принеси мне немного воды.

Вскоре Додой вернулся с котелком в одной руке и пучком листьев в другой.

— Я знаю эту траву. Ее использовали моряки. Они набивали ей специальную трубку и вдыхали дым. — Он вытянул вперед губы и сделал вид, что вдыхает дым, а потом со свистом выпустил воздух.

Тейт подозрительно покосилась на листья, но все же взяла их. Понюхав зелье, она пригляделась повнимательнее и не поверила своим глазам:

— Это же марихуана! Откуда она у тебя?

Додой уловил грозные нотки в ее голосе и ответил уклончиво:

— Она растет недалеко отсюда. Если воспользоваться ей только один раз, это не принесет ему особого вреда. — Он огляделся по сторонам, а когда их глаза снова

встретились, в его взгляде была самоуверенность вперемешку с хитростью. — Когда пираты глотали дым, им становилось лучше. Я видел, как старательно вы пытались скрыть от Гатро и его бойцов, что Мэтт болен. А если эти люди поймут, что он не просто ранен... — Додой не решился окончить фразу.

Тейт обернулась слишком быстро, чтобы он успел скрыть злорадную улыбку. Она убедила себя, что мальчик просто обеспокоен состоянием Конвея, однако решила, что предупредить его не помешает:

— Мэтт не единственный, кто пострадает. Если они и не убьют нас всех, то не подпустят к себе ближе, чем на милю. В этом нет ничего смешного.

Уязвленный мальчишка скрылся в темноте.

У Тейт не было курительной трубки, поэтому она нагребла угольев из костра в другой котелок и бросила туда листья. От них начал подыматься едкий дымок. Она приподняла Конвею голову и подула — струйки дыма наклонились в его сторону, и он вдохнул. Вскоре его сон стал спокойнее.

Налатан, который подошел поближе, чтобы послушать, о чем говорили Тейт с Додоем, и посмотреть, как она управляется с Конвеем, теперь направился в сторону ожидавших людей. Навстречу ему из темноты выступил крепкий мужчина с густой черной бородой и спросил:

— Твой друг умирает? Теперь, когда огонь освещает его, нетрудно заметить, что ранения легкие. — Он придвинулся ближе — Он ведь не болен, правда?

— С ним все в порядке. Просто управление молниями отняло много сил.

Бородатый мужчина посмотрел на Конвея с сомнением. В конце концов он задал еще один вопрос:

— Ты объяснил женщине, кто мы такие?

Налатан покачал головой:

— Не было времени. Так ты говоришь, что знаешь ее?

— Мы познакомились в Оле. А как ты оказался с ними?

— Я поклялся помочь Цветку найти Врата.

— Жрице Роз Сайле? — прервал его мужчина — Ее я тоже знаю. И маленькую Ланту. Мне надо поговорить с Тейт. — Он попытался обойти Налатана, но монах-воин снова преградил путь. Бородач нахмурился, но потом улыбнулся.

— Думаешь, мы пришли бы предупредить о нападении и предложили помощь, если бы не были друзьями?

Человек говорил искренне, но у Налатана нашлись свои доводы.

— Вы пришли слишком поздно, чтобы предупредить. А Конвей почти остановил атаку, прежде чем вы их отбросили. Если ты действительно старый друг Тейт, я не буду тебя задерживать. Но помни, я буду стоять за твоей спиной. Ведь мне ты не приходишься старым товарищем, правда? Мы поняли друг друга?

Мужчина рассмеялся и прошел мимо Налатана.

— Да. — Он все еще улыбался, когда подошел ближе к костру и остановился напротив Тейт. Отблески огня играли на его лице. — Я знаю тебя, Доннаси Тейт.

Поначалу она склонила голову набок, словно прислушиваясь к чему-то очень далекому. Потом резко повернулась, увидев пришедшего, замерла от удивления и радости.

— Вал? Вал! Какими судьбами? — Она подбежала, чтобы обнять его.

Когда она подтолкнула Вала к монаху, тот безуспешно попытался выглядеть невозмутимым.

— Налатан, познакомься, — сказала Тейт, взяв бородача за руку, словно это могло помочь мужчинам сблизиться. — Мы помогли Валу и Гэну Мондэрку свергнуть короля Алтанара. — Потом она обратилась к Валу: — Что ты здесь делаешь? Как ты узнал, что мы здесь? Я и не думала, что это вы помогли нам вечером.

— Мы шли, чтобы предупредить, что на вас собираются напасть моряки.

— Разве это были не люди из деревни?

Вал взмахнул рукой, будто отгоняя назойливых мух.

— Нападавшие были моряками. Пиратами, если выражаться точнее. Возможно, жители деревни присоединились к ним, не знаю. Никому из них нельзя доверять. В этой местности нужны четыре человека, чтобы просто поздороваться: двое говорят, а остальные прикрывают их с тыла. Как бы то ни было, купец, с которым я веду дела, сообщил, что вы сегодня прибываете, и посоветовал на всякий случай подготовиться выступить на подмогу.

Все трое присели. Тейт расположилась так, чтобы видеть Конвея. Она повернулась к Валу.

— Бедная Сайла. Все это так неприятно. Ты ее видел, говорил с ней?

— Не представлялось случая. Но я уверен, что, не прими вы предложения Гатро, быть бы вам сейчас в лапах у какого-нибудь патруля кочевников. О них каждый день доносят шины Коссиаров. Перебежчики из Олы получили приказ Капитана схватить вас при первом же удобном случае. Жнея уже отправила вестника в Дом Церкви передать, что вы отвергли гостеприимство Капитана и предложение охранять вас в пути.

— По крайней мере, теперь там знают, что она лжет.

Вал рассмеялся:

— Как только Жнея вас увидела, она отправила еще одного вестника с объяснениями, что была дезинформирована. Ее не так просто загнать в угол.

Тейт поправила волосы на голове Конвея.

— А откуда у простого моряка такие сведения?

— Борбор, купец из нашего племени. Он из Форов, с Китового Побережья. А у всех купцов есть шпионы. — Он плюнул в огонь. На раскаленных углях появилось маленькое черное пятнышко, которое быстро исчезло. — Ола была слишком жестока, ее жестокость даже превзошла здешнюю. Алтанар истязал людей просто потому, что любил наблюдать, как они страдают. Здесь тоже много страданий и несчастий. Но Кос — это настоящее зло. Там никогда не было правды.

На некоторое время воцарилась тишина. Потом Вал произнес уже с энтузиазмом:

— Но хватит об этом. Теперь вы в надежных руках. Скоро рассветет, и мы доставим нашего друга Конвея к купцам, где сможем залечить его раны. Должно быть, он ранен в голову?

Тейт уловила подозрение в его голосе и поняла, что он пытается разузнать, не болен ли Конвей. Не глядя на Налатана, она ответила:

— У него серьезный ушиб за ухом.

Вал заметно успокоился.

— У меня такое было. Целыми днями я ходил и слушал музыку, которую никто больше не мог услышать. С ним все будет в порядке. Она о нем позаботится.

Тейт выпрямилась.

— Разве Капитан послал сюда всех остальных? Тогда где же они?

— Я говорю не о Сайле и Ланте. Я имею в виду свою кузину, Ти. Сейчас она в море на рыболовном судне, но скоро возвратится.

— Она здесь? — Тейт постаралась скрыть тревогу.

— Так точно. Ти, которую он любил и которая сбежала от него. Она все еще не верит, что после того, что с ней сделал Алтанар, какой-нибудь мужчина может хотеть ее. Глупо. Женские штучки. Никакого смысла. Он здесь и она здесь, сами разберутся. Как раз тогда, когда все кажется слишком сложным, что-нибудь происходит, и все оказывается очень простым.

В воображении Тейт Конвей, Ти и Ланта представлялись пылинками, кружащимися в полоске света.

— Простым? — Это прозвучало презрительно. — Мой дорогой Вал, хотела бы я, чтобы все было так просто, как тебе кажется.

Неожиданное покашливание Налатана прервало ее фразу. Прежде чем Тейт смогла продолжить, он напомнил, что утро не за горами, а днем им понадобятся свежие головы. Вал

согласился.

Тейт осталась с Конвеем, остальные ушли, кто устраиваться на ночлег, кто заступать в дозор. Прикладывая к легким ранам Мэтта смоченную ткань, она прошептала:

— Что же мы будем делать с Лантой, приятель? Когда ты увидишь свою старую любовь, наверняка загорись снова. Улучшит ли это наши дела?

Утро погрузило лагерь в густой туман. Протерев заспанные глаза, Тейт отогнула край палатки, защищавшей Конвея от холода. Он неподвижно лежал на грубых носилках, которые смастерили люди Вала, используя полотнище шатра и два молодых деревца.

Из леса, росшего ниже по склону, доносились тяжелые удары топора — Вал со своими бойцами готовили погребальный костер для погибших товарищей.

Тейт перевела взгляд на Карду и Микку. Прошлой ночью она была в ужасе, когда заметила, как они вылизывают на шерсти пятна засохшей крови. Не своей крови. Она насильно выскребла им шкуры. Теперь она могла поклясться, что собаки смотрят на нее не так, как раньше. В глубоких черных глазах появилось какое-то новое выражение. Рассудок говорил ей, что это всего лишь игра воображения. Но по спине пробежал неприятный холодок. Собаки перестали ее разглядывать и с достоинством отвернулись. Однако они все же виляли хвостами, когда Тейт поглаживала массивные головы.

Она отметила, что по сравнению с Кардой Танно и Ошу кажутся еще подростками. Их невинность ей даже нравилась. Тем не менее вчера, когда пришло время действовать, они не отставали от собак Конвея. А ведь это была не простая тренировка. Это было посвящение. «Посвящение кровью». Отвратительная фраза.

К ней подошел Налатан.

— Погребальный костер горел хорошо. Мы выполнили свой долг. Теперь пора уходить. Хотя, возможно, уже слишком поздно.

Его тон насторожил Тейт.

— Слишком поздно для чего?

Вместо ответа он повернулся и показал на соседний холм. На его вершине расположилось множество людей с луками. Они скрылись в зарослях, когда поняли, что Налатан смотрит в их сторону.

— Моряки, — криво усмехнулся он.

Вал подоспел вовремя, чтобы услышать последние слова. Он вызывающе улыбнулся:

— Если бы они настигли тебя в море, монах, ты заговорил бы по-другому. Там мой народ непобедим.

Тейт обратилась к обоим:

— У нас здесь боль... раненый, между прочим. Когда мы обеспечим его безопасность, спорьте сколько угодно.

Мужчины вздрогнули. Вал подозвал носильщиков.

Корабль удерживался на месте кормовым якорем и двумя канатами, протянутыми от носа к деревьям, растущим на берегу. Тейт с неохотой отдала свою лошадь на попечение Налатана. Затем она двинулась вброд к подъемнику, который свисал с грузового крана. Ее собаки, недовольно ворча, последовали за ней. Море было спокойным, но холодным. Вода едва доходила Тейт до пояса, но собакам приходилось труднее. Они стояли, порывая на каждую маленькую волну, шлепавшую их по бокам. По выразительным мордам, с которых капала соленая вода, можно было понять степень их недовольства. Сначала Ошу, а потом и Танно поднялись в воздух и опустились на палубу. Микка и Карда сопровождали людей, несущих Конвея, но когда один из моряков попытался помочь Тейт привязать Микку к подъемнику, собака доходчиво объяснила бедняге его ошибку. Наконец Тейт затянула петлю, и бешено размахивавшую лапами Микку подняли на борт.

Карда отказался отойти от Конвея. Когда Тейт потянулась к нему, он угрожающе зарычал, обнажив огромные острые зубы.

— Ну хорошо, дружище, — проговорила она и отбросила постромки, которые медленно поплыли к кораблю. Потом все тем же умиротворяющим тоном обратилась к

носильщикам: — Привязывайте носилки. Подымайте Конвея. Быстрее! Если этот песик сообразит, к чему идет дело, вам придется плыть очень, очень быстро.

Как только канат натянулся, Карда все понял. С бешеным ревом, поднимая тучи брызг, он пронесся мимо Тейт. Последний прыжок поднял его высоко в воздух, к качающимся носилкам. Он промахнулся, и зубы с лязгом сомкнулись в воздухе. Карда с позором обрушился в воду и расвирипел еще больше. С лаем и рычанием он атаковал корабль, кусаясь и царапая обшивку когтями.

Тейт заставила себя подойти к нему. Некоторое время пес не замечал ее, и буйство продолжалось. Потом он оставил корабль в покое и повернулся. Посмотрел на нее. Тейт почувствовала всю растерянность, страх и гнев собаки. Она протянула руку — Карда сначала зарычал, но потом жалобно заскулил.

— Я знаю, знаю. — Тейт стала понемногу продвигаться вперед. Рука нащупала постромки. — Я провела тебя, бедный пес. Все люди такие, Карда, они делают то, что, по их мнению, тебе поможет. Ну давай, наденем на тебя эту петлю. Небольшой полет, и ты снова с хозяином. Ты ведь веришь мне?

Карда позволил ей приблизиться. Когда Тейт подала сигнал морякам, те сбросили вниз веревочную лестницу.

— Мы поднимем собаку, когда ты будешь на борту. Не раньше.

Карда остался стоять в воде, его била дрожь. Когда наконец начался подъем, он не смотрел вниз. Глаза собаки были прикованы к месту, где он в последний раз видел Конвея. Когда показались носилки, Карда дернулся, как будто мог долететь к Мэтту по воздуху. На палубе он продолжал дрожать, пока Тейт отвязывала петлю. Потом поспешил к Конвею, понюхал его, лизнул и спокойно улегся рядом.

Стоя на берегу, Налатан сказал:

— Нам всем нужно учиться у него. Вот что такое настоящая верность. — Он тряхнул рукой, сжимавшей поводья лошадей. — Эта троица не сильно от него отличается. Рыжик меня на дух не переносит, а боевые кони готовы растоптать любого. Так что путешествие к купцам обещает быть интересным.

Вал обернулся к нему.

— Трое моих людей, которых я оставляю с тобой, хорошо знают остров. Держитесь берега. Как только я отвезу Тейт и Конвея, я вернусь и разыщу тебя.

Спутники Налатана отвязали канаты. На корме потянули за якорную цепь, и корабль сдвинулся в сторону открытого моря. Благодаря слаженной работе матросов, которые, как могло показаться неопытному взгляду, просто бестолково бегали по палубе, швартовы вскоре были смотаны, а якорная цепь выбрана. Тейт со страхом наблюдала, как быстро они удалялись от берега, оставляя за кормой кремовые пенящиеся буруны.

Облокотясь на поручни, Тейт смотрела вдаль, когда вдруг почувствовала холодное влажное прикосновение. Рядом с ней стоял Карда. Он лизнул ее руку и вильнул хвостом. Присев на корточки, Тейт обхватила его голову, покачала ее из стороны в сторону и произнесла дрогнувшим голосом:

— Извинения приняты. — Она посмотрела вокруг, убедилась, что за ними никто не наблюдает, и добавила: — Налатан был прав — ты огромный, уродливый, но преданный пес.

Осторожно подавшись назад, Карда освободился. Потом привстал на задние лапы и, прежде чем Тейт успела среагировать, лизнул ее в щеку. Хихикнув, она оттолкнула его в сторону. Пес вернулся к Конвею и улегся возле носилок, напротив Микки, явно удовлетворенный состоявшимся примирением.

Набежавшая волна встряхнула судно. Тейт посмотрела вперед, туда, где под небольшим навесом прятался от ветра Додой. Она позвала мальчишку. Услышав свое имя, тот обернулся. Зеленоватая волна, перехлестнув через планшир, окатила его с ног до головы. Додой поднялся и жалобно посмотрел на Тейт. Она стала пробираться к своему маленькому другу. Танно и Ошу в замешательстве вскочили на ноги и последовали за хозяйкой. Тейт велела держаться по бокам. Из-за усиливающейся качки собаки постоянно спотыкались, с

трудом продвигаясь по палубе.

Додой увернулся от нее и побежал на корму, где, действуя с профессиональной сноровкой, затесался среди матросов. Только однажды он обернулся, чтобы знаком приказать Тейт держаться подальше.

Тейт вернулась назад. Она была так поглощена своими мыслями, что не заметила, как Танно и Ошу улеглись рядом.

Глава 55

Прошло два дня, прежде чем Конвей полностью пришел в себя. Ланта прибыла в поселение купцов через час после того, как Вал пришвартовался к берегу. С того момента она не отходила от Конвея. К счастью, опасные приступы болезни больше не повторялись.

Ланта была первой, кого он увидел, придя в сознание. Он улыбнулся, узнав ее. Несколько ложек бульона вернули его щекам слабый румянец. Когда он снова уснул, черты его были спокойными, руки — расслабленными.

Ланту клонило в сон. Она сидела возле него, положив голову ему на руку. Слезы облегчения катились по ее щекам.

Проснувшись, Конвей попытался высвободить руку так, чтобы не разбудить ее. Ланта сонно ухватила за нее, бормоча что-то во сне, пока вдруг не осознала, где находится. Смутившись, она быстро подскочила, начала суетливо поправлять одежду, волосы. Когда же, зардевшись, она наконец поднялась, Конвей добродушно рассмеялся. Да, это был смех, хотя и очень тихий. Слова давались с трудом:

— Как я попал сюда? Где мы?

Ланта поднесла к его губам кружку со свежей водой и, когда он начал пить, ответила:

— Я приплыла на одной из галер Капитана. Тебя привезли сюда на корабле Вала. — Она улыбнулась его неподдельному удивлению. — Да, того самого Вала. Из Олы. Он торгует шкурами, камнями, слоновой костью. Вал сказал, что здесь будет продавать шерсть и пряжу, а назад повезет хлопок.

— Тейт. Налатан. Собаки. Вихрь, — промолвил Конвей.

— С ними все в порядке. Они здесь, у купцов. — Мэтт отпил еще немного, слушая рассказ Ланты о том, что ей удалось узнать. В конце она сказала: — Ты сейчас в доме исцеления у купцов. Может быть, сегодня я осмотрюсь здесь повнимательнее. Тейт говорила, что дома у купцов очень большие и красивые.

— Они не просто красивые, они шикарные. — Обернувшись, Конвей и Ланта увидели Тейт, которая стояла, опершись на косяк двери. Собаки замерли у ее ног. Она преобразилась, не пожалев на это времени. Желтая блузка удачно гармонировала с мягким кожаным жилетом. Широкие шерстяные шаровары, которые можно было принять за юбку, украшал абстрактный узор из лошадиных голов — бежевых на коричневом фоне. Она повернулась, словно демонстрируя роскошный наряд. Ее новые невысокие черные ботинки были тщательно вычищены. Перевязанные тесьмой безупречно уложенные волосы сияли чистотой.

В футах от кровати Конвея Карда приветственно замахал хвостом. Микка не выдержала, подбежала к Тейт и, когда та потрепала ее за ушами, вернулась на свой наблюдательный пост.

Ланта зааплодировала.

— Ты великолепно выглядишь! Чудесная одежда. Я и забыла, что ты можешь так прекрасно выглядеть. О, что за глупость я говорю. Я имела в виду походы и эту одинаковую походную одежду.

Она могла потратить остаток дня на неуклюжие извинения, но Тейт остановила ее:

— Да сама знаю, как я выглядела. Встретить в лесу — не отличишь от зверя. — Она подошла к Конвею, поцеловала в лоб и улыбнулась ему.

Он ответил с гримасой разочарования:

— Поцелуй в лоб? И все? Ты что, уже стала мне сестрой?

Покосившись на Ланту, Тейт в притворной ярости вытаращила глаза и выдала ему сполна:

— Вот когда окрепнешь, я вернусь, чтобы поцеловать тебя в губы. Я подарю тебе один из своих Особых Ночных Поцелуев, и тут, парень, тебе придет конец. Весь тот супчик, которой влила в тебя Ланта, с ужасным шипением паром повалит у тебя из ушей. Прощай, Конвей. — Затем она взяла его руки в свои и заговорила серьезно: — С тех пор, как мы с Лантой приехали сюда, нам было не с кем словом перекинуться, кроме нескольких слуг. Налатан отправился обратно сушей вместе с лошадьми. Как только он сюда доберется, он уговорит Вала вернуться с ним в деревню Хелстара. Торговец сейчас в море с остальными. Дело в том, что корабль из Найона уже держит сюда курс — все пытаются опередить других и заключить с ним договор.

— Здесь нет бандитов? — спросил Конвей.

— Наемники. Сборище головорезов. Но Вал говорит, что на них можно положиться. Наверняка. Мы держим по ночам в комнате собак. «Вайп» тоже у меня всегда под рукой. — Она с мягкой улыбкой повернулась к Ланте. — Я хоть спала. Вот она не сомкнула глаза. Ты ее должник. Никто и никогда так еще не заботился о тебе. — Затем, как обычно, без всякого перехода Тейт снова затараторила: — Ты должен посмотреть, что это за дом. Обшит панелями, изысканная мебель, несколько ванных комнат. Здесь даже есть горячая вода. Невольно начинаешь думать о тех временах, когда здесь еще был округ Марин, помнишь?

— Когда это было? — вопрос Ланты вернул Тейт и Конвея в их нынешнюю реальность. Первым заговорил Конвей:

— Это просто фантазии. Да, когда возвращаются Налатан с Валом?

— Они обещали быть сегодня ночью, — ответила Ланта.

Конвей попытался перевернуться на бок. Женщины поспешили к нему на помощь, но он остановил их.

— Сам справлюсь, — процедил он сквозь стиснутые зубы. Усевшись на кровати, он указал на свои брюки: — Я себя достаточно хорошо чувствую, чтобы иметь право на стыдливость. Выйдите, пожалуйста.

Тейт хмыкнула:

— С удовольствием, поверь мне. Мы будем снаружи, там, по крайней мере, есть на что посмотреть.

Ланта смутилась и безропотно позволила под руку выпроводить себя из комнаты. Ее одолевали одновременно и веселье и страх. Все, что говорила Тейт, было смешным, а то, как она это делала, — тем более. Конвея перекривило, будто от уксуса, когда она его отбрила. Ей приходилось видеть, как сурово наказывали женщин, недостаточно почтительно отвечавших на подобный вопрос. Ни одна женщина не говорила с мужчинами так, как Тейт. Причем это ее обычная манера. И казалось, что мужчинам это нравится. Во всяком случае, они с этим мирились.

Все было так странно.

— Что ты узнала об Ясмалее? С ней что-то произошло? — спросила Тейт.

Ланта вздрогнула.

— Она простудилась. Когда я уезжала, еще болела. Трудно что-нибудь сказать, пока она одолеет «невидимых». Мы можем только ждать. С ней трудно работать. Капризна, как ребенок.

— А чем занимается Капитан? И наш добрый друг Бос?

— Я не знаю. Я их видела во внутреннем дворе, они о чем-то беседовали со Жнеей. Это все.

— Славная троица, — заметила Тейт, отпустив наконец руку Ланты. Они вышли на мощеную дорожку. Вода в заливе отсвечивала голубизной. Одинокие лодки проплывали по ослепительно яркой поверхности, слишком далеко, чтобы их рассмотреть. Ближе волны серебрились вдоль линии побережья. Деревья на берегу были срублены, чтобы не закрывали

обзор. Цветущие кусты росли между завитыми виноградной лозой пнями. То там, то тут среди жужжащих пчел порхали с цветка на цветок бабочки.

Тейт попыталась продолжить разговор:

— Будь я на месте Ясмалеи, я была бы очень осторожной.

— Я уверена, что она ведет себя осмотрительно. Она действительно хочет иметь ребенка.

Тейт бросила на нее насмешливый взгляд:

— У тебя золотое сердце, в самом деле. Ты смотришь на Ясмалею как на женщину, которая хочет родить ребенка и соответственно заботится о себе. Я же вижу ее пешкой в довольно опасной игре. Ведьма Жнея использует ее, чтобы навредить Сайле. И тебе.

Побелев, Ланта отпрянула:

— Никогда не говори так. Если ты назовешь кого-нибудь из Церкви «ведьмой», тебя могут сжечь. Никогда не произноси этого слова, даже в шутку.

— Разжигать огонь под людьми, которых не любишь, — дело серьезное, не так ли? Но я запомню. Все дело в том, что если вы с Сайлой справитесь, и Ясмалея родит здорового ребенка, то Жнея будет иметь бледный вид. — Она кивнула головой, словно подтверждая сказанное. — Нашей Одил придется проглотить довольно горькую пилюлю.

— Боюсь, что у меня такие же дурные предчувствия. — Подняв глаза, Ланта рассмеялась над тем, как Тейт забавно изобразила возмущение и гнев.

— Ты ведь можешь впасть в транс и заглянуть в будущее. Я знаю, я знаю: запрещено. Но, может быть, чуть-чуть можно?

Увидев, как исчезает веселость с лица Ланты, Тейт состроила гримасу:

— Так и знала. Всегда ухитрюсь поспорить с хорошими людьми.

— Ты такая же хорошая, как и любой из нас. Опять ты меня дразнишь.

— Я? Да я серьезна, как никогда в жизни. — Тейт замолчала, посмотрев мимо Ланты, потом воскликнула: — А вот и Мистер Непорочная Стыдливость, вымытый, побритый и одетый, как послушный мальчик.

Конвей отсалютовал им.

— Все работает, но жутко болит. Кто бы ни выстирал мою одежду, все равно ему спасибо. А где ты достала этот костюмчик, что на тебе, Доннаси?

— Один из слуг принес его мне. Я дала ему за это несколько монет. Здесь есть городок, называемый Рэтхоул.¹ Впечатляет, не правда ли? Там моряки покупают и продают, и веселятся, как могут только моряки. Я думаю смотаться туда сегодня под вечер.

— Одна? — Конвей почти выкрикнул это слово. — Ты что, с ума сошла?

Тейт размахивала «вайпом».

— Кто собирается покутить со мной?

— Точнее, кто собирается прикрывать твою задницу?

Ланта перебила их:

— Я слышала, ты уже раз проучила одного из моряков, там — на пристани. А теперь они еще злее, когда столько потеряли в схватке с Мэттом.

Конвей ухватился за новую тему:

— Моряки? Не жители деревни?

— В основном моряки, — ответила Тейт. — Среди тех, кого ты уложил, были только двое деревенских.

Конвей начал вспоминать:

— Я убегал. Двое меня догнали. Тут кто-то закричал. С вершины холма. Потом, помню, я упал.

Тейт рассказала о Вале и Налатане, затем продолжила:

— Ты и твои собаки уложили одиннадцать налетчиков. Налатан решил, что ты ему

¹ Рэтхоул — крысиная дыра (англ.).

подходишь. Он так и сказал: подходишь. Услышать от него такое дорогого стоит. Как ты себя чувствуешь?

Он посмотрел на бинты.

— Вроде ничего не болит. Я не мог и подумать. Просто шум. Движение. — Его передернуло, затем весь шок, все переживания выплеснулись в одном слове: — Одиннадцать?

Ответила Ланта:

— Отчаянная схватка, Мэтт Конвей. Надолго запомнится.

— Думаю, ты права.

Тейт придвинулась ближе к Ланте.

— Ланта появилась здесь сразу же следом за тобой. Они с помощью зеркала просигналили с этого места на пост наблюдения.

Сигнал был принят. В плохую погоду или в темноте они пользуются фонарями.

Он слабо улыбнулся, а Тейт продолжила:

— Что меня действительно беспокоит, так это то, что она поспит всего пару часов, а выглядит как новенькая. Хорошенькая, как всегда. Хоть вой от зависти.

Ланта обернулась к Конвею. Он наблюдал за ней, и его улыбка становилась все шире. Ему нравилось смотреть на нее. Это было написано на его лице, ощущалось в том, как он ласкал ее глазами. Но почему он так смотрел? Может, он думал о чем-то? Или это любовь? Последнее слово крутилось у нее в голове. Она думала о пробуждении рядом с ним, о его теплом прикосновении и запахе.

Что Тейт говорила о проникновении в будущее? «Чуть-чуть заглянуть».

Она изо всех сил хотела помочь ему. Но он сам не знал, чего хочет. Ничто не могло быть более опасным.

Что, если она действительно поможет? Разве может быть дьявольским желание спасти человеческую жизнь? И кто узнает? Видение не всегда приходит. Будет ли грехом попытка, если она ничего не увидит?

Никто не узнает.

— Корабли! Должно быть, купцы возвращаются в порт, — закричала Тейт, желая поделиться радостной новостью.

В сопровождении слуги они поехали на берег. Покачиваясь в седле у опушки леса, Конвей, чтобы скоротать время, расспрашивал юношу проводника, не из Форов ли тот.

— Я — Коссиар, приписанный к купцу Борбору. — Парень явно этим гордился. — Борбор — это первый из всех Форов. Знаешь, что Вал — это его кузен. А другие...

Тейт боком направила свою лошадь к слуге, едва не выбив его из седла.

— Прости. Глупое животное. Наверное, хочет пить. Скажи мне, почему здесь работают свободные Коссиары? Я думала, что остров предназначен только для преступников и пленных.

— Каждый купец должен иметь трех Коссиаров для работы в доме. Мы работаем в течение трех лет, ежегодно один возвращается к себе, и на его место приходит новичок. Купцы хорошо платят. Мы следим за ними по указанию Капитана, так что мы тоже работаем для Коса. — На важном лице было нескрываемое самодовольство.

— Это большая ответственность, — сказал Конвей.

— Мы докладываем обо все происходящем. Бос говорит, что подозревать нужно всякого, «потому что все ненавидят Кос».

Конвей и Тейт обменялись понимающими взглядами поверх головы этого наивного шпиона. В последовавшей тишине Тейт поняла, что мужчина был не столько наивен, сколько чрезвычайно уверен в себе. С его точки зрения, Бос был прав. Кос полностью контролировал всю местную жизнь, и было естественным распространить это на остальной мир.

Мысли Тейт возвратились к странной сдержанности жителей Гавани. Она вспомнила цепкие неприязненные взгляды рабов на полях. Ты видишь меньше, чем думаешь, мой друг шпион, думала она про себя.

Шесть кораблей приближались к острову. Четыре из них были простыми ладьями, один — тримараном и последний — катамараном. Далеко за ними, на фоне видневшегося полуострова, прокладывал свой путь корабль побольше. Конвей сказал:

— Тот последний, должно быть, принадлежит Найону. Ты когда-либо видела что-нибудь красочней этих кораблей?

Тейт не могла скрыть восхищения:

— Да, они знают толк в цвете. — Она крикнула, обращаясь к слуге: — Какой из них Борбора?

— Ведущий, — крикнул в ответ юноша.

Корабль был двухмачтовым, спереди с небольшим кивером; он тяжело причаливал к берегу. Паруса были раскрашены яркими бьющими в глаза цветами — кроваво-красным и желтым, как нарцисс. Корпус тоже был ярко-красным. Судно стремительно двигалось по голубому морю, рассекая серебристые волны с безумной веселостью огня.

Ближайший к нему корабль был черным, его паруса были красными в белые сужающиеся сверху вертикальные полосы. Остальные суда были белыми, но паруса пестрели немыслимой гаммой цветов. На одном из кораблей они были с голубыми, зелеными и черными полосками. Паруса другого были разрисованы оранжевыми и голубыми кругами, а у следующего украшением служили беспорядочно перемешанные вертикальные полосы всех мыслимых оттенков. На черном парусе на тримаране был изображен застывший в прыжке оранжевый тигр.

Находясь еще под впечатлением от этой великолепной процессии, все трое бурно приветствовали Борбора, как будто знали его раньше.

В ожидании купцов группа мужчин уже спустила на воду маленький катамаран, а двое из них запрыгнули на борт. Остальные поспешили назад, чтобы помочь накрывать на стол. Из больших корзин доставали еду и выпивку, накрывая ее прозрачной газовой тканью, чтобы защитить от мух. Запахи горячего мяса, овощей, сыров и свежего хлеба смешались с резким привкусом соленой воды и пряным ароматом диких растений. Рабочие выкрикивали приказы, перебрасываясь шуточками.

Спешившись, Конвей направился к берегу, Ланта последовала за ним. Тейт поспешила следом. Нервничая, она наблюдала, как два человека пересаживаются с большого корабля в подоспевшее маленькое суденышко. Одна из фигур была громоздкой и неторопливой. Другая была маленькой и быстрой. Тейт узнала Ти, и ее сердце екнуло. Пытаясь прийти в себя, она засуетилась, думая, что ей предпринять.

Конвей выглядел оживленным и практически оправившимся от болезни. Он склонился над Лантой, почти прикасаясь к ней; они разговаривали, смеялись. Она не сводила с него глаз, улыбка ее излучала любовь.

В приближавшейся лодке спиной к берегу сидела Ти.

Тейт сказала:

— Здесь готовятся их встречать. Неудобно мешать им.

Слуга обернулся на ее слова:

— Это для вас. Я думал, вы знаете об этом. Борбор хочет познакомиться с вами.

— Нас должны были предупредить, — Тейт почти что зарычала на мужчину. — Почему ты не сказал ни слова? Мы одеты неподобающим образом. Оставайся здесь. Скажи своему господину, что мы вернемся чуть позже.

Слуга был в шоке, отскочив от Тейт, он побежал прочь.

Конвей и Ланта застыли в немом удивлении. Затем Мэтт нарушил молчание.

— Это было довольно грубо, Тейт.

Она как будто не слышала.

— Он должен был нас уведомить об этом.

Когда она обернулась, ее друзья уже направились к своим лошадям. Зная, что она лишь отсрочила нежелательную встречу, и понимая, каким ударом это будет для Ланты, Тейт поспешила за ними, втайне надеясь на то, что они не обернутся. Когда она догнала их, Ланта

встретила ее такой счастливой улыбкой, что у Тейт сжалось сердце.

Маленькая лодка как раз уткнулась носом в берег, когда Конвей и Ланта подошли к опушке, где были привязаны лошади.

Громоздкая фигура выпрыгнула из шлюпки на песок. Подав руку, она помогла сойти на берег второму пассажиру. Прибывшие были одеты в черные кожаные блузы и брюки. У маленькой фигурки наряд был отделан на запястьях и лодыжках цветастой материей. Посередине блузы проходила широкая вертикальная полоса, на которой переливались на солнце пуговицы из морских раковин.

Конвей и Ланта повернулись лицом к морю, держа в руках поводья.

Ти смотрела прямо на Конвея. Она замерла, не веря своим глазам.

Глаза их встретились. Конвей неуверенно шагнул вперед.

Шумно засуетившись, излучая неподдельную радость, грузный мужчина в черном одеянии побежал им навстречу:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! Я — Борбор. Мне так приятно встретить вас. — Он сгреб руки Конвея, начал их с энтузиазмом трясти. Повернувшись к Ти, толстяк закричал: — Ну что ты теперь скажешь? Поняла уже, зачем я затащил тебя на эту рыбацкую шхуну? Здесь твои друзья — Конвей и Тейт, они добрались сюда из Олы. Еще пару дней, и он окончательно выздоровеет. Станет сильным, как прежде. Да что с ней творится — слова не может вымолвить от удивления. Никогда не думал, что увижу такое.

Не замечаемая никем, кроме Тейт, Ланта понемножку отступала, пока не почувствовала, что может повернуться и бежать от этого кошмара. Ведя за собой лошадь, она опустила голову, шаркая враз отяжелевшими ногами. Тейт понимала, что надо догнать подругу. Но ноги словно приросли к земле, трусливо отказываясь подчиняться ей. Ланта остановилась и сквозь слезы взглянула на Тейт.

— Ты все знала. И позволила мне на что-то надеяться. Почему ты так жестока со мной, Доннаси? — Странный огонь промелькнул в ее глазах и исчез. Казалось, она смотрит внутрь себя, будто стараясь сдержать бушующую в ней энергию. — Все мы готовы поразвлечься, когда выпадает такая возможность, не правда ли? Я должна была догадаться об этом. Но так посмеяться могут над каждым. Может быть, ты подумаешь об этом.

Когда Тейт открыла рот и протянула вперед руку, маленькая фигурка резко отпрянула, изо рта у Ланты вырвался жалобный звук, похожий на писк замученного котенка. Тейт замерла, шокированная реакцией подруги.

Ланта опять поникла головой, возобновив свое шаркающее отступление. Тейт подумала, что Ланта выглядела старой, очень старой, далекой от всех радостей жизни.

Глава 56

Конвей ликовал, сидя за столом напротив Ти. В его глазах плясал задорный огонек. Он непрерывно громко говорил.

Спокойная улыбка Ти была скорее данью вежливости. Она слушала с рассеянным вниманием человека, который хочет рассказать что-то очень важное, но не знает, как это сделать.

Случайно ее взгляд наткнулся на Тейт, сидевшую рядом с Конвеем. Та выглядела опустошенной.

Поначалу Тейт притворилась, что не замечает этого взгляда. Обремененная тяжестью обиды Ланты, измученная ее обвинениями — они были несправедливыми, но неизбежными, — Тейт не хотела иметь ничего общего с Ти. Она знала, что не Ти виновна в том, что Конвей ею увлекся, равно как и то, что Ти ненамеренно причинила Ланте страдания. Несмотря на все это, в душе Тейт нарастало возмущение.

Прервав болтовню Конвея, Ти обратилась к Тейт:

— Я бы хотела спросить тебя: как тебе понравился Кос?

— Знала бы, что это за место, ноги бы моей тут не было. Конвей рассказал тебе, что

произошло с Сайлой?

— Ты можешь уехать из Коса. Капитан не будет возражать.

— Сайла — наш друг. Мы уйдем вместе с ней. — Тейт не пыталась скрыть своей неприязни.

— Я знала, что ты так ответишь. — Улыбка Ти была искренней и теплой. — Но тебе не нужно было выказывать свои эмоции.

— Мы познакомились с одним из твоих домашних слуг Коссиаров, — все так же резко сказала Тейт.

— Тогда я покажу вам еще двоих. Вон второй, нарезает говядину. А третий — возле бочонка с пивом, там можно узнать самые свежие новости. Те, которые мы хотим от них услышать.

Тейт кивнула.

— А остальным тоже можно доверять?

— Вполне.

— Тогда хорошо. Кос, однако, смердит. Как и любое место, где терпят рабство. Я не думаю, что люди должны торговать с ними. — Оживившись, Тейт наклонилась над столом, размахивая своим коротким ножом. — И еще вот что, все Коссиары какие-то странные. Ведут себя так, будто ищут нору, где можно спрятаться.

— Почему ты так говоришь?

Конвей не хотел, чтобы ему испортили радость счастливой встречи. Он вмешался в разговор.

— Тейт говорит о реакции толпы, которую мы видели после казни. Это было мерзкое судилище.

Ти, казалось, его не слышала. Тейт продолжила:

— Он прав. В воздухе что-то витает. Думаю, что ожидают бунта рабов.

— Да бросьте вы, это все слишком серьезно. Я хочу еще вот этого мяса. И немного пива. Ти, пойдем со мной. — Конвей не хотел продолжения этого разговора. Он обошел вокруг стола и взял девушку под локоть. Поднявшись без возражений, Ти продолжала смотреть на Тейт до тех пор, пока не вынуждена была повернуться, чтобы пойти за Конвеем. После этого все ее внимание сосредоточилось на Конвее. Случайный наблюдатель улыбнулся бы, увидев, с каким обожанием эта привлекательная стройная молодая женщина смотрит на своего влюбленного спутника. Тейт оставалось лишь грустно признать столь радикальную смену его интереса.

Она вышла из-за стола и направилась к длинной скамье. Если она и видела в своей жизни лучший пример неразделенной любви, то не могла припомнить. Тейт подумала о том, что как бы мало она ни знала Ти, вряд ли можно заподозрить в ней женщину, забавлявшуюся тем, что мучает мужчину. Особенно влюбленного мужчину. Кроме того, нельзя сбрасывать со счета мужество Ти. Ти была игрушкой для блюстителей Алтанара в Оле и отплатила им сполна, помогая заговорщикам, которые в конечном итоге свергли короля.

Однако никто не ставил под сомнение и хитрость Ти.

Тейт призадумалась над тем, могла ли жесткость Ти зайти так далеко, чтобы она без зазрения совести манипулировала другими людьми.

На одном из концов стола раздался громкий крик. Очнувшись от своих размышлений, Тейт услышала, что крик подхватили и все остальные.

К группе пировавших приближались Налатан и Вал. Взгляд Налатана сразу же отыскал Тейт. Он помахал ей. На руках у него у самых бицепсов были прикреплены ножны с ножами. Поверх одежды поблескивали звенья кольчуги. Налатан выпрыгнул из седла и вытащил свой новый меч. Он взмахнул им над головой, описав в воздухе звенящий круг. В левой руке он держал необычный металлический прут или посох, толщиной с палец и длиной примерно в четыре фута. В его центре была наклепана металлическая накладка конической формы. Диаметр основания конуса был с две ладони, острие — сильно вытянутое и заточенное. Эта накладка предназначалась для того, чтобы не допустить захват прута противником и чтобы

отражать удары клинков нападавших. Но и это было не все — концы прута представляли собой металлические шары размером с небольшое яблоко.

Под одобрительные возгласы мужчин улыбающийся Налатан показал серию рубящих ударов, выпадов и блоков. Он подпрыгивал, переворачивался, падал, все время надежно защищаясь посохом и рассекая перед собой воздух длинным, искривленным лезвием.

Глядя на него, Тейт подумала, что лучшего олицетворения безмозглой, дикой военщины и придумать нельзя. Глупое нагромождение мускулов.

Один из наблюдавших поднял над головой большой круглый предмет. Туго натянутая на обруч полупрозрачная ткань поблескивала на солнце. Быстрые уверенные пальцы пробежали по поверхности инструмента. Барабан ожил. Удивительно низкие ноты звучали при ударах по центру круга. Резкие отрывистые звуки вырывались из-под пальцев на краях. Заглушив голоса зрителей, барабан заставил их замолчать, требуя внимания и тишины.

Это относилось ко всем, кроме Налатана. Он командовал, был дирижером. Одна нога ударила о землю. Лезвие меча звякнуло о железный посох, задавая ритм. Барабанщик, которого толкнули к краю круга, очерченного мечом Налатана, подхватил этот ритм. Его пальцы отбивали будоражившие кровь ритмичные пассажи.

Налатан отвечал ему с нарастающей энергией.

Мужчины вокруг затаили бессловесную песнь. Пронизывающие первобытные звуки приносили ощущение тайны.

Налатан начал двигаться еще быстрее. Круг зрителей сужался, заставляя Тейт приближаться к центру. Глаза Налатана были пустыми, лицо напряжено. Он тяжело и порывисто дышал.

Странное, вибрирующее ощущение поднялось в Тейт, напрягая все ее мускулы, требовавшие движения. Она отказывалась принимать эту неугомонную, звавшую к борьбе женщину внутри себя. Кровь горячо закипела в ее жилах, кожа заблестела от выступившего пота. Она стала частью этого танца, соучастницей всех ощущений. И фантазий.

Тейт снова попыталась сказать себе, что так нельзя. Она обхватила виски влажными ладонями.

Меч и посох скрещивались и шептали что-то, выписывая немыслимые кривые. Сквозь их блеск глаза Налатана искали встречи с ее глазами. На кратчайший миг их взгляды встретились. Чувство неудержимой радости поглотило ее — от спины до кончиков холодных пальцев.

Все остальные видели танец войны Налатана; Тейт знала, что он танцует для нее.

Она видела стремительную животную силу, выраженную в грации и контролируемой мощи. Она видела ум, способный ограничить свободу и сдерживать всепоглощающую страсть. Танец был выражением совершенства.

Втянутая в сети, которые плел перед ней Налатан, Тейт почувствовала, как почва уходит у нее из-под ног. Горло сжало тисками. Она вдруг с тревогой осознала свою уязвимость, и если б в горле у нее не перехватило, она бы до сих пор кричала вместе со всеми.

Зачем? Чтобы ободрять его, не восхищаясь им? Чтобы заставить его остановиться, закрыв глаза на то, что этот танец воплощает для него риск и смерть?

После того как Налатан завершил свой танец, все замолчали. В наступившей тишине каждый смог услышать не менее трех ударов своего сердца. Затем, подобно снежной лавине в горах, покатился гул одобрений. Несколько мужчин подбежали к Налатану и начали беспорядочно тащить и подталкивать его к столу. Покрытый потом, раскрасневшийся от усилий и возбуждения, он поднялся на цыпочки, глядя поверх голов. Его глаза снова искали Тейт. Увидев ее, он поднял меч и помахал ей. Их взгляды снова встретились, на этот раз надолго, достаточно для того, чтобы она успела разглядеть в его глазах и надежду, и вопрос, и огонь.

Подойдя к столу, Налатан что-то сказал своим спутникам и направился к морю. Сняв кольчугу и куртку, он положил их на землю, придавив их сверху оружием. Затем он вбежал в

воду и нырнул. Когда он закончил купаться, на берегу его встретил мужчина с большой охапкой травы и листьев. Налатан обтер зеленую мокрое тело, затем отправился обратно к столу.

Он взглянул на Тейт с усмешкой. Она кивнула, помахала ему в ответ, заставляя себя сдерживать улыбку. Она должна быть доброжелательной. Не больше.

Когда Конвей дотронулся до ее плеча, Тейт вскрикнула от неожиданности. Обернувшись, она увидела его добрую улыбку. Она лишь смогла сказать:

— Ты напугал меня, — и тут же ей захотелось прикусить язык.

— Я заметил. По-моему, этот парень превзошел себя, ты так не считаешь?

— Эксгибиционист. Это оружие делал Хелстар?

Конвей пожал плечами.

— Спроси его. Он как раз идет сюда.

Повернувшись, Тейт увидела рядом с Конвеем Ти. Девушка явно о чем-то задумалась. Тейт почувствовала, что она взвешивает и обдумывает все, что связано и с Конвеем, и с Налатаном.

Налатан жадно терзал кусок хлеба с внушительным ломтем мяса. Его лицо до сих пор было красным, кожа блестела. Когда он подошел ближе, Тейт вся сжалась, но была приятно удивлена, что от него исходит атлетический запах чистоты. Преобладающим был запах моря, но чувствовался также букет ароматов мяты и тимьяна — очевидно, листья этих растений были в той охапке зелени, которой он обтирался.

— Я должен извиниться за свое поведение, — сказал он. — Но я не мог удержаться, держа в руках свое привычное оружие. Мечи Коссиаров неуклюжи и отвратительны.

Тейт спросила:

— Неужели Хелстар все это выковал для тебя так быстро?

Налатан улыбнулся.

— Ножи уже были готовы; главное было найти того, кто бы сделал ножны и кожаные ремешки. Несколько учеников сделали посох и щит для руки. У него был уже подходящий клинок, так что ему не потребовалось много времени, чтобы закончить работу.

К ним подошла Ти.

— А что из себя представляет ваше племя? И где оно сейчас?

Прежде чем ответить, Налатан перевел дыхание.

— Нет у меня никакого племени. Я, конечно, родился в одном из них, но в мое шестое лето я стал монахом. Наше братство живет в горах, недалеко от деревень, которые снабжают большинство монастырей. Мы не служим никакому хозяину. Мы живем для того, чтобы защищать Церковь.

— Почему тогда вы помогаете Сайле? Твое братство как-нибудь определилось, на чьей оно стороне в расколе Церкви?

Налатан рассказал о своем нынешнем положении. Конвей добавил:

— Для нас очень важно забрать отсюда Сайлу в полном здравии. Врата стали для нас такой же миссией, как и для нее.

Ти переводила взгляд с одного на другого, в ее маленькой фигурке скрывалась энергия, способная в любой момент бросить вызов.

— Я тоже здесь работаю для Церкви. — Она криво усмехнулась. — Церковь просто еще не осознает этого.

Конвей хлопнул ладонью по лбу.

— Так и думал, что этот Борбор со своей верной командой не тот, за кого он себя выдает. Это рабы, верно? Как в Оле. Ты работаешь с рабами.

Перестав улыбаться, Ти сказала:

— Ты очень наблюдателен, но если тебя что-то насторожило, это, вероятно, насторожит и агентов Капитана. Мне нужно переговорить с Валом и Борбором.

Прежде чем она ушла, Конвей взял ее руку в свою.

— Я ничего не видел. Просто я знаю тебя и обо всем догадался. Что ты уже успела

сделать?

— Мы спасли шесть рабов. Вал отвез их на Китовое Побережье. И привез обратно сто мечей. — Она взмахнула рукой, указывая на запад и юг. — Мечи сейчас там, готовы обрушиться на рабовладельцев. У Вала есть место, где можно спрятать двадцать беглецов — за ложной перемычкой в трюме этого судна.

— Я горжусь тобой, — не удержалась Тейт. — То, что ты делаешь, — просто замечательно.

Ти ответила сдержанной улыбкой.

— Это хорошо, что ты так думаешь. Я прошу тебя помочь нам.

Глава 57

Прошла неделя после того, как Ланта вернулась с Острова купцов, когда Сайла решила наконец объясниться с Капитаном:

— Ты поручил мне свою жену, своего нерожденного ребенка, но не позволяешь выходить за стены форта. По-моему, ты сам себе противоречишь.

Капитан чувствовал себя довольно неуютно:

— Одна из моих наипервейших обязанностей — это защищать людей Коса от... от...

— Заразы, ты хочешь сказать. — Сайла буквально прошипела эти слова. Ее размашистый жест рукой едва не задел стоявшую рядом Ланту. — Мы что, настолько грязны? Больны? Или у нас такой мерзкий вид?

— Что ты, напротив. — Серый день позади Капитана приглушил краски окна-мозаики. Желтая блуза и зеленые брюки правителя навевали мысль о холодном и дождливом весеннем утре. Обычно успокаивающий, острый запах кедровой древесины казался зловонным.

— Ясмалее нужно повидаться с матерью, сестрами, побывать дома. Мы можем защитить ее тело. Но за ее душевное состояние отвечаешь ты. Если навредить ей сейчас, то потом уже дело не поправишь. Пострадаем за это мы, но вина будет твоя, ты знаешь это.

— Я — Капитан! — Он поднялся на ноги, положил руки на украшенный драгоценностями ремень на поясе. Тяжело дыша, двинулся вперед. Ланта слегка коснулась плеча Сайлы. Сайла убеждала себя проявить стойкость; если она должна спасти Ясмалею и тем самым продолжить поиски Врат, то ей необходима информация. Семья Ясмалеи могла ее предоставить.

— Я мог бы замучить тебя, — сказал Капитан.

— Я — Церковь.

Он недобро рассмеялся.

— По меньшей мере половина Церкви пела бы мне благодарение. Откуда я знаю, может, у провидицы Ланты уже было Видение, из которого вы узнали о смерти Ясмалеи? Может, ты уже готовишься к побегу?

— Ты оскорбляешь меня. Я собираюсь покинуть своих друзей? Если ты действительно так считаешь, то нам с тобой не о чем говорить.

Вмешалась Ланта:

— Твои обвинения в мой адрес несправедливы. А обвинения в адрес Сайлы просто непростительны. Твоя Ясмалея заслуживает внимания Сайлы. Ты — нет. — Сайла ощущала, как дрожит плечо ее подруги.

Скорее озадаченный, чем разозленный, Капитан наблюдал за вспышкой Ланты. Вскоре во взгляде появилось то, что можно было расценить, как сдержанное одобрение. Он тяжело опустился в кресло и покачал головой. Обращаясь к Сайле, он мягко кивнул в сторону Ланты:

— Ты не представляешь, что бы я отдал за такую преданность мне. Или за то, чтобы испытать такую верность и любовь, которую ты питаешь к своим друзьям. — Выражение его лица изменилось. Улыбка стала шире, но в ней появилось больше горечи. — Я все делал правильно; использование твоей верности друзьям для обеспечения должного внимания

Ясмалее дало хорошие плоды.

— Это наша обязанность. Мы сделаем все, что от нас зависит.

Капитан пожал плечами.

— Я, со своей стороны, тоже. Бос организует все для надлежащего эскорта. — Он обратился к Ланте. — Ты сказала «твоя Ясмалея», говоря о ней. Конечно, она принадлежит мне. Однако сейчас важнее всего, что она вынашивает ребенка. Здесь нет никакой романтической привязанности. В этих стенах и так ходит достаточно слухов; давайте не будем создавать повода для новых.

— Я поняла, — Ланта вышла вслед за Сайлой.

За дверью их встретило шуршание черных одеяний двух темных фигур, отпрянувших к стене с акульими пастями. Сайла не осознала этой немой угрозы. Ее мысли занимала Ясмалея.

Девушка была здорова, как мул. Но, к сожалению, не намного умнее. И слишком упряма. Хотя ее наивная очаровательность по-прежнему трогала. С тех пор, как она оправилась после простуды, похоже, ее детская тоска по дому успешно излечивалась праздностью, изысканной едой и питьем.

Сайла нашла свою пациентку лежащей в гамаке во внутреннем дворике. Взглянув на Сайлу, Ясмалея протянула ей фарфоровую чашку, движения ее были болезненно медленными. Покрасневшие глаза часто мигали.

— Ревеня с земляникой не хотите? — предложила Ясмалея. Сайла отрицательно покачала головой. Чашка наклонилась, содержимое полилось на землю. — Я так устала. Ты, правда, не хочешь попробовать? Очень полезно для крови. Смотри, какой густой красный цвет.

Сайлу передернуло. Церковь всегда боролась с такого рода высказываниями. Конечно, земляника и ремень были полезны для крови. Как и лук, и яблоки. Они вообще полезны для здоровья. Цвет здесь ни при чем. Мысли Сайлы вновь обратились к Капитану и Жнее, участвовавшими — вместе — в этом языческом ритуале. Маленькая дурочка Ясмалея и все вокруг нее верили в то, «что подобное излечивает подобное».

Пришло время для прогулки Ясмалеи. Опять борьба, подумала Сайла. Она закрыла глаза, мысленно готовясь к этому. Когда же она открыла их, взгляд остановился на другом конце дворика. словно тень от тучи пробежала по внутренней стене. Сайла безучастно смотрела на нее. Свет был лишь на одном из высоких балконов. Ее глаза заметили серебряный блеск волос Жнеи, когда та повернулась, чтобы войти внутрь.

* * *

Капитан сидел на своем троне. Жнея пересекала комнату уверенными, твердыми шагами. Она выдернула нить из рукава мантии и крутила ее между пальцами.

Остановившись у подножия трона, она склонила голову в поклоне. Он был слишком непродолжителен в сравнении с неумеренными приветствиями, обычно оказываемыми Капитану. По его лицу промелькнуло недовольство.

— Она во дворе со своей подопечной. Мы можем поговорить, — сказала Жнея.

— Все идет по плану. Точнее, так, как ты предсказывала. Ты замечательно знаешь Сайлу.

— Я знаю, что ей нужно и что она хочет видеть и слышать. А все остальное предстоит сделать тебе.

Он рассмеялся.

— Приятная работа. Она достаточно красива. Было бы стыдно упустить такую возможность.

Аристократические черты Жнеи ожесточились, уголки тонких губ опустились вниз.

— Все должно идти строго по плану.

— А разве я предлагаю что-нибудь менять? Ты, конечно, бесценный союзник, но не

очень вежливо с твоей стороны так реагировать на любое мое замечание. Или толковать по-своему мои слова. Разве я тебя хоть раз обманул?

— Нет. Ты был безупречно честен. Однако меня кое-что беспокоит. Я опасаясь, что ты слишком увлечешься этой игрой. Сайла — неглупая женщина. Заговор против рабовладельцев вполне реален и очень опасен.

В его взгляде появилось сожаление.

— Дорогая Жнея, посмотри на меня; за моей спиной — поколения заговоров, интриг и восстаний. Мои предки для достижения господства использовали землетрясения и приливные волны, потому мы такие же безжалостные, как сама природа. Наше могущество помогло Церкви достичь величайшей славы. Мы разрушали ее, когда это нам стало нужно. Ты говоришь, что эта Жрица и ее назойливые друзья представляют собой величайшую, ужасную опасность. Хорошо, давай посмотрим. Двое из них владеют шумным оружием; они убивают непонятным нам способом. Еще один — это монах, храбрый, грубый воин, который помогает первым двум. Величайшая цель его жизни — умереть со славой. Одна из них — женщина, которая притворяется, что может заглянуть в будущее, но отказывается это сделать. Лидер этой грозной банды грезит о секрете, который исчез несколько поколений назад. Если она просто запутавшийся фанатик, то это отлично, она просто развлечет меня. Мужчины используют женщин. Церковь использует веру. Капитан использует всех вас.

— Поэтому Кос и процветает, — сухо заметила Жнея.

— Верно. — Злоба заставила женщину отвести взгляд в сторону. Капитан продолжил:

— Ты рассуждаешь об истине, о моральном праве и честности. Во имя Церкви ты втоптываешь себя в грязь. Во имя чести ты предаешь. Эта Сайла для меня не больше, чем глоток холодной воды для утоления жажды. Она будет моей, этот Цветок Церкви. Я буду обладать убивающей магией, которой владеют ее соратники. Ты так гордишься тем, что видишь и читаешь жесты людей. Послушай: с рождения меня учили держать все внутри себя. Чувства? Реакция? Ты видишь лишь то, что Капитан хочет, чтобы ты видела. Ребенком меня били за крик, вырывавшийся от боли, голода или злобы. Били даже за явное проявление удовольствия. Поэтому для меня твоя магическая проницательность — всего лишь отточенная техника.

На побелевшей верхней губе Жнеи выступили блестящие капельки пота.

— Да, я горжусь тем, что умею «читать» людей. Но тебе удалось обмануть меня. К сожалению, это правда.

— Тебя может спасти лишь честность. Наш договор должен основываться на доверии; Кос и Церковь должны быть едины. Пусть Сайла считает тебя своим злейшим врагом. С другой стороны, она уже думает, что я — один из тех, кто может понять ее и даже помочь.

— А Ясмалея? Как обвинение в ее смерти заставит Сайлу сблизиться с тобой?

На этот раз Капитану не удалось скрыть за непроницаемой маской лицемерный оскал.

— Все можно повернуть в свою пользу, если только как следует подумать. Ясмалея глупа. К сожалению, мне потребовалось несколько дней, чтобы понять это. Ее прелести затуманили мне мозг. Сын Капитана должен иметь умную мать, поэтому когда ты сказала, что акушерка предрекает смерть Ясмалеи во время родов, я решил этим воспользоваться. Когда Ясмалея умрет, а я буду в безутешной печали, многие из моих недругов себя выдадут. Бос позаботится о том, чтобы Сайлу назвали ведьмой; вся вина будет возложена на нее. Мои враги будут мной разоблачены, а Сайла будет вынуждена обратиться ко мне за защитой. Вместе с друзьями. Они будут служить мне верой и правдой. А сейчас скажи, разве это не лучше, чем с помощью нескольких топорных пыток вытащить из нее разрозненные обрывки информации?

— Ясмалея и ребенок могут выжить.

— Твои попытки недооценивать мои возможности начинают действовать мне на нервы. Если рождение ребенка не прикончит эту бесполезную стерву, то можно придумать что-нибудь другое. Тем не менее ты сказала, что роды она не переживет. Это лучший вариант.

От его внезапной вспышки ярости Жнея отпрянула назад, словно ее ударили кулаком в

грудь.

Лицо ее запылало, тепло потекло вниз по горлу под высокий воротник платья. Она осторожно попыталась вернуть инициативу.

— Ходят слухи, что моряки едва не захватили одно из оружий-молний. Может, мы уделяем Сайле чересчур много внимания?

— Сайла и все ее силы перейдут к нам. Я действую очень тонкими методами, но они дают наилучшие результаты.

Жнея положила ладонь на край помоста.

— Тонкими? Да твоя похоть прет из тебя наружу. Ты рискуешь потерять людей и оружие, способное одолеть любую армию, потому что хочешь ее тела. Она не стоит наших целей.

Капитан поднялся и шагнул навстречу. Стремительно опустившись на колени, он наклонился вплотную к лицу Жнеи.

— У меня будет все, чего бы я ни захотел. Повинуйся!

Искаженное злобой лицо Капитана покрылось красными пятнами. В какое-то мгновение воображение Жнеи нарисовало свирепого дьявола, затаившегося в этом теле. Неудержимая дикая ярость напрочь одолела его хваленое самообладание. Исходившее от него безумие наполняло комнату густой вонью прокисшего молока.

Перепуганная до глубины души Жнея не тратила времени на прощание. Она быстро отступила, неуклюже развернулась и побежала к двери, ведущей в коридор. За дверью она была в безопасности. Мерцающие голодные овалы акульих ртов были лишь символами, не более того.

Глава 58

Ленивым движением руки Ясмалея распахнула веер. Кусочки цветного стекла, вставленные в деревянные лопасти, отбрасывали солнечные зайчики. Бледная, с закрытыми глазами, она расслабленно сидела в украшенном богатым орнаментом кресле, которое несли восемь сильных рабов. На них были влажные от пота рубашки из грубой ткани и набедренные повязки; пот покрывал их лица, стекал тонкими ручейками по спинам и заставлял их стертые ступни скользить в мокрых сандалиях. В своем кресле с навесом от солнца, овеваемая потоками прохладного воздуха, Ясмалея оставалась чистой и свежей.

Сайла и Ланта ехали рядом на лошадях. Когда Ясмалея театрально вздохнула и выронила веер, Сайла возвела взор к небу и скорчила гримасу. Ланта отвернулась и тихонько хихикнула.

Сайла не удивилась, что сия трагедия произошла, как только рабы свернули с дороги.

В конце мощеной тропы стоял красивый особняк. Почти все пространство между оградой и домом занимали цветущие раскидистые деревья и кустарники. Перед оградой простирался обширный луг, на котором паслось несколько коров. С крыши и из многочисленных окон дома раздавались приветственные крики. Героическим усилием воли Ясмалея заставила себя взмахнуть рукой. Этот подвиг полностью истощил ее силы: рука упала обратно на грудь; закатив глаза и склонив голову набок, изможденная женщина откинулась в широком кресле.

Рев со стороны дома усилился.

— Надеюсь, нам не придется иметь дело со всеми ее родственниками, или, может, среди них не все такие тупицы? — прошептала Ланта сквозь стиснутые зубы.

Сайла промолчала, но ее жалобный взгляд был достаточно красноречив.

У ворот их встретила женщина постарше. Она была одета в спускавшуюся до самой земли мерцающую голубую мантию, простую и в то же время элегантную. Приветливо улыбаясь двум Жрицам, она взяла вялую руку Ясмалеи между большим и указательным пальцами и сильно ущипнула. Силы немедленно возвратились в изможденное тело. Несмотря на внушительных размеров живот, Ясмалея с невообразимой прытью выскочила из

своего портшеза, заставив Сайлу и Ланту открыть рты от удивления. Потеряв свою ношу, бедные рабы пронеслись вперед еще на несколько метров и остановились, тяжело дыша.

Ясмалея прыгала вокруг молодых Жриц, потирая руку и громкими воплями выражая свое негодование. Все так же мило улыбаясь, женщина начала медленно, шаг за шагом подкрадываться к ней. Сложив пальцы в виде клешни, она стала похожа на маленького толстого краба. Взвизгнув, Ясмалея отскочила назад.

Сайла с трудом оторвала взгляд от захватывающих боевых действий. Повернувшись к Ланте, она спросила:

— Интересно, во что мы вляпались на этот раз?

Несмотря на вопли Ясмалеи, пожилая женщина каким-то образом услышала девушку. Оставив в покое свою жертву, она подошла к Жрицам:

— Ага, значит, ты — Сайла, а ты — провидица Ланта, — произнесла она, внимательно рассматривая обеих. — Я признаю неизбежность того, что для Ясмалеи придется прибегнуть к помощи военной целительницы. Я ее мать. Меня зовут Джеслея.

— Я знаю тебя, Джеслея, — приветствовала ее Сайла. — Я — Сайла, Жрица Роз из аббатства Ирисов. Это моя подруга, Ланта, Жрица Фиалок.

Джеслея нахмурила брови:

— Конечно, ты меня знаешь. Ведь я только что объяснила, кто я такая. Скажи мне, все нелюди такие дураки? Раньше я не встречала таких, как вы.

— Капитан боится за Ясмалею, и поэтому попросил нас помочь. — Сайла пропустила эту тираду мимо ушей. — Женщины вашей семьи давно испытывают трудности при родах?

— Трудности — да. — Джеслея кивнула головой. — Но до недавнего времени ни одна из нас не погибла. Я же потеряла дочь, а вместе с ней и внучку.

— Мы знаем. Как это произошло?

Лицо Джеслеи на мгновение потемнело, руки вцепились в мягкую ткань платья, но в следующую же секунду женщина овладела собой.

— Моя дочь была полностью здорова, — тихо начала она, — она была сильна, как Ясмалея, и так же прекрасна. Но в то же время она не была такой неженкой. Беременность была легкой, но за последние недели ребенок вырос. Очень сильно вырос. Повитуха перепробовала все свои средства...

Ясмалея отважилась сделать несколько осторожных шагов в сторону матери.

— Я гораздо сильнее сестры. — Она повернулась к Сайле и Ланте. — Моя сестра всегда была любимицей. Теперь я ношу ребенка, а они все ревнуют. Мой сын станет следующим Капитаном, а я — главной женщиной Коса. — Она посмотрела на Джеслею. — Вы всегда любили ее сильнее! Все вы! — И вдруг с плачем бросилась на шею матери, прося прощения и обвиняя свою беременность в том, что все встало с ног на голову.

Прижимая к груди и поглаживая вздрагивающую от рыданий дочь, старая женщина произнесла:

— Успокойся, дитя, все хорошо. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. — Но скорее это были слова упрека, а не чувства. Ясмалея сделала шаг назад и положила руки на плечи матери. Сдерживая слезы, она продолжила: — Я на самом деле хорошо себя чувствую, мама. Сайла сказала, что я слишком много ем и пью, но она ведь «нечеловек» и никогда раньше не была в Косе. Мне просто надо поддерживать силы. Да, все будет хорошо. Ведь я почти не потолстела, правда? Смотри! — Она подпрыгнула. Тяжеленный живот подскочил вместе с ней, несколько мгновений повисел в воздухе и вернулся к хозяйке. На лице Ясмалеи появилась довольная улыбка, как будто она только что совершила самый сложный акробатический трюк.

Сайла воздержалась от комментариев и поинтересовалась:

— А как звали ее сестру?

Джеслея гордо вскинула голову:

— Ни один человек из нашего племени не станет произносить вслух имя женщины, погибшей при родах. Она позор для всей семьи. Высшая цель женщины — дети, и мы

должны исполнять свое предназначение. Разве этот обычай не известен нелюдям? — В вопросе прозвучала скрытая надежда, и это не укрылось от Сайлы. Она сочувственно протянула руку.

— У нас есть похожий обычай, но в тех местах, откуда мы прибыли, время не стоит на месте. Все меняется.

— Женщина должна служить своему повелителю, это — ее долг, — вмешалась Ясмалея.

— Моя дочь так горда своим новым положением, что потеряла к нам всякий интерес, — вздохнула Джеслея. — С тех пор, как Бос доверил ей высокую честь вынашивать этого чертова детеныша, она стала такой образцовой женщиной, что еще немного — и меня вытошнит.

Встав между матерью и особняком, Ясмалея испуганно прошептала:

— Тс-с-с! А что, если тебя услышит слуга? Или раб? Даже я не смогу ничего сделать.

Джеслея в ужасе зажала рот руками:

— Если кто-нибудь поинтересуется, то под словом «чертов» я имела в виду «чертовски большой». Босу это понравится.

— А твои родные: муж, отец... Ну... Они крупные мужчины? — продолжала расспрашивать Сайла.

— Еще какие. В нашей семье все мужчины крупные. Мы надрываемся при родах — зато у них потом есть повод для гордости.

— Ма-а-ма!

Не обратив внимания на негодующий вопль Ясмалеи, Ланта объяснила:

— Мне необходимо знать: может быть, случай с вашей дочерью все же не единственный? А как насчет близких родственников?

— Никогда. Нам всегда сопутствовала удача. Бос потому и выбрал моих дочерей, что сын должен производить впечатление на окружающих. — Она посмотрела в сторону дочери.

Та с оскорбленным видом рассматривала свои ногти. Потом повернулась к дому и крикнула рабу принести воды, но мгновение спустя передумала:

— Нет, фруктового сока! И побольше изюма!

Стиснув зубы, Джеслея продолжила:

— Многие считают, что повитуха моей дочери была отравлена вместе со всей своей семьей, когда весть о неудачных родах достигла ушей Капитана. Говорят, за это казнили невинного раба.

— А за что ее убили? — Ланте с трудом удалось скрыть волнение и страх.

— Капитан не любит, когда его разочаровывают.

Когда к ним приблизилась рабыня в бесформенном желтом халате, наступила напряженная тишина. Женщина несла кувшин, четыре кубка и полную миску изюма. Она расставила еду и поспешно ретировалась. Гости и хозяйка расселись на траве вокруг подноса. Ясмалея набросилась на изюм. Разливая сок по стаканам, Джеслея проговорила:

— Я пыталась объяснить дочери, что стать матерью ребенка Капитана это не только честь. Выносить и родить крупного мальчика очень трудно.

— Мой сын приведет весь Кос к небывалому могуществу, — произнесла дочь, гордо подняв голову.

Джеслея посмотрела на дочь так, как будто увидела в ее стакане лягушку. Медленно повернувшись к Сайле, она сказала:

— Это была лучшая повитуха в Гавани, а может, и во всем Косе. — На ее глаза снова навернулись слезы. — Почему она не спасла мою девочку? Мне передали, что Жнея, женщина от Церкви, высокая, с серебристыми волосами, разговаривала с ней. Теперь Церковь утверждает, что Ясмалея тоже умрет. Но я знаю, ты владеешь магией. Может, твое колдовство сильнее заклинаний Жнеи и ворожбы повитухи? — Во взгляде Джеслеи сквозила мольба. Схватив дочь за руку, она горячо произнесла:

— Послушай. Что бы ни говорили тебе Жнея или повитуха, рассказывай все этим

женщинам. Они единственные, кто еще может тебя спасти.

Мягко, но решительно высвободив руки, Ясмалея отправила в рот очередную горсть изюма. Удовлетворенно чавкая, она промямлила:

— Старуха была обманщицей. За то, что она не смогла спасти мою сестру, Капитан сослал бы ее куда-нибудь подальше, если бы раб не успел всех их отравить. Этот раб — бунтовщик и вор. Зачем Капитану убивать всю семью? Он казнил бы только повитуху. Вы что, верите всем этим рассказам?

Джеслея, кажется, сдалась:

— Ты просто слишком глупа, чтобы бояться. Глупа до невозможности.

В ответ раздался счастливый смех:

— У меня хватает ума сделать так, чтобы Капитан думал, что я боюсь. Тем более он будет благодарен, когда я подарю ему здорового сына.

Сайла и Ланта обменялись взглядами.

— А ты разговаривала со Жнеей о повитухе? — спросила Сайла у Ясмалеи.

— Никогда. Но они разговаривали друг с другом, я знаю. Секретничали, как иногда вы с Лантой.

Сайла взглядом предупредила подругу не выказывать свои чувства. В это время Ясмалея заворочалась, подыскивая позу поудобнее, а потом вылила себе в стакан остатки сока. Изюм давно закончился.

Внезапно Сайла поднялась:

— Вставай, Ясмалея, нам надо срочно осмотреть тебя.

— Опять? Вы ведь уже занимались этим четыре или пять дней назад.

— Пять. И теперь снова повторим это. — Она обратилась к Джеслее: — В доме есть подходящая комната?

— Конечно. Пойдем. — К матери возвратилось ее обычное спокойствие. Тронутая необычайным рвением Сайлы, она поднялась и двинулась вперед со своеобразной грацией. — Ведь у тебя уже есть какое-то предположение, это видно невооруженным взглядом. Я очень рада. Ведь кто-то должен думать — не Ясмалея же? Ну да горбатого могила исправит. — Она на секунду остановилась и, повернувшись к Сайле, шепотом спросила:

— А на ней нет никаких заклятий, как на моей бедной старшей девочке?

— Церковь не признает колдовство и ведьм. Это просто сказки.

Джеслея побледнела.

— Ты просто не знаешь, с чем имеешь дело, — сказала она взволнованно. — Церковь не единственный источник правды — ведь она оказалась не в силах спасти мою первую дочь.

— На этот раз мы приложим все усилия. Если тут и замешана ведьма, ей не удастся провести нас.

Сайла пожалела, что пообещала так много: перед глазами встал образ Жнеи в порыве торжествующего злого смеха. Чтобы прогнать его, потребовалась вся воля.

Наконец они вошли в дом. Сайле еще не приходилось встречать такой своеобразной архитектуры. Массивные деревянные колонны поддерживали поперечные балки, которые, в свою очередь, служили опорой высокой крыше. Внутри дома вообще не было стенок, которые могли бы служить дополнительной поддержкой, поэтому крылья были снабжены двойным количеством колонн. Как внутри, так и снаружи дом был отделан легкими деревянными панелями, но на внутренних стенках они были полированными.

Сайла была удивлена — вся конструкция показалась ей непрактичной: ведь одной искры достаточно для того, чтобы все сгорело дотла. Решив не теряться в догадках, она поинтересовалась у старой женщины о предназначении такой необычной конструкции.

— Да, такой дом, конечно, уязвим для огня, — ответила Джеслея, — но зато предохраняет от землетрясений. Иногда колонны сильно шатаются, но никогда не падают.

Но вот они вошли в небольшую светлую комнату. В одной из стен был встроен маленький камин, в стене напротив — окно, чем-то напоминающее одно из окон

апартаментов Капитана. Стол, стоявший в середине комнатки, был завален швейными выкройками, шкафы, располагавшиеся по периметру, — одеждой, нитками и материей.

Несмотря на протесты, Ясмалея вскоре была раздета и лежала на столе. Она все еще продолжала возмущаться, когда молодые Жрицы занимались осмотром. Однако это были только цветочки. Когда Сайла приказала предоставить ей некоторое количество мочи, только удивительные способности Джеслеи к убеждению помогли добиться желаемого результата.

Когда Жрицы закончили, Джеслея по сигналу Сайлы быстро вытащила поспешно одевающуюся дочь за дверь, посулив ей мятного чаю с медом. Девушки остались одни. Оглянувшись по сторонам, Сайла прошептала:

— Ну, что скажешь?

Ланта была неумолима:

— Все, как говорила Джеслея: ребенок растет не по дням, а по часам. Еще слишком много вод. Из меня плохая целительница.

— Нет, целительница из тебя прекрасная. Но, похоже, мы встретились с чем-то очень необычным. Ты правильно описала все симптомы. Аббатство Ирисов упоминало о подобном случае. Сахарная болезнь.

— Но Джеслея — хорошая мать. Если бы в семье была сахарная болезнь, она не отходила бы от детей ни на шаг.

Сайла кивнула:

— В известном нам случае все закончилось трагично. Болезнь проявилась только во время беременности. Мы догадались об этом слишком поздно, когда мать и ребенок уже были мертвы. Поэтому никто не был уверен до конца.

— Значит, даже если мы правильно установили диагноз, та женщина могла умереть от другой болезни. И сестра Ясмалеи могла. И сама Ясмалея, возможно, тоже. — Ланта задумчиво посмотрела в сторону.

— Об этом мы побеспокоимся позже, — произнесла Сайла. А для начала... — Закрыв глаза и содрогнувшись от отвращения, она быстро сунула руку в горшок и обмакнула указательный палец в жидкость. Затем, не раскрывая глаз, поднесла его к языку и попробовала.

За окном прокричала чайка.

Ланта протянула подруге обрывок ткани. Сплюнув на него, Сайла вытерла язык и зубы. Потом набрала в рот воды из стакана и выплюнула в окно. Сполоснув руки и собравшись с силами, она наконец заговорила. Слишком самоуверенно, решила Ланта. Но свои замечания оставила при себе.

— Сахарная болезнь, никаких сомнений, — вздохнула Сайла.

— Ты уверена?

Глаза Сайлы сверкнули.

— Сомневаешься? — она указала пальцем на горшок. — Попробуй.

Ланта покачала головой:

— Что мы будем делать?

— Рисковать. Я чувствую, здесь не обошлось без Жнеи. Она без колебаний пойдет на убийство повитухи. — Жрица Роз рассмеялась. — Было время, когда я даже не могла себе такого представить. В любом случае, повитуха мертва. Теперь Жнея внушит Капитану, что я обязана спасти Ясмалею. И если я не справлюсь, то тем самым подпишу себе смертный приговор.

Ланта пожала плечами:

— Каким образом она могла устроить это убийство? Она не может покинуть крепость. Я думаю, здесь замешан сам Капитан.

Сайла припомнила их первую трапезу и рабыню, которая пользовалась заметным уважением со стороны своих собратьев. Она задумалась. Каким-то образом Одил нашла способ использовать Церковь как оружие здесь, в Косе. Значит, тут полно шпионов, а также людей, которые выполняют ее поручения.

— В таком случае, мы должны довести это до сведения Капитана.

— Нас просто обвинят в неудаче. А пострадают наши друзья, — вздохнула Ланта. Ее захлестнули эмоции, и в их невообразимой круговерти родилась истина: Сайла не понимала, насколько ее представления о Капитане далеки от правды. Пришедшая вместе с этим открытием грусть овладела Лантой и вытеснила остальные чувства: по крайней мере в области безрассудных страстей она с некоторых пор стала авторитетом.

Тем не менее нужно было искать выход.

— Капитан погряз в преступлениях, — начала она. — Одил нельзя доверять, это очевидно. И не пытайся защищать Капитана. Твой разум затуманен. Ты уже сделала Капитана союзником. Союзником кого? Церкви? Или своим собственным? Помни о нашей цели. Она не имеет ничего общего с их интригами. Желания только намечают путь, но не определяют судьбу.

Сайла отмахнулась от ее слов, да она их почти и не слышала:

— Вы все видите только его внешнюю оболочку и не можете понять сущности. Церковь многим ему обязана. И я верю, что он принесет нам еще много пользы. Только Одил — наш настоящий враг. И чтобы победить, у нас есть единственный шанс — спасти мать и ребенка, прежде чем тот вырастет слишком сильно.

— О, я знаю, о чем ты думаешь. — Ланта испуганно отшатнулась. — Ты хочешь извлечь ребенка до срока. Это может быть очень рискованно.

— В твоей сумке есть то, что нам потребуется? Я имею в виду черноту.

— Да. Но я еще ни разу ее не использовала. Мне страшно, Сайла. Мы можем убить Ясмалею.

— Любая Жрица из аббатства Ирисов знает, что сахарная болезнь вызывает чрезмерный рост плода. Если мы заставим ребенка родиться сейчас, то еще можем спасти их обоих; а если подождать положенного срока — все будет потеряно. — Она обхватила Ланту за плечи и притянула к себе. — Но мы с тобой еще повоюем. И, я верю, победим. Наша война — война за жизнь, а поэтому она самая праведная. Спасти жизнь — наш долг и дело чести. Мы продолжаем борьбу, а значит, живем.

Глава 59

Облаченный в новую одежду: черный кожаный жилет поверх черной же рубахи из хлопка, черные штаны и сапоги, Конвей с энтузиазмом разглагольствовал перед Тейт и Налатаном, не замечая их озабоченности:

— Рабы, которых мы хотим освободить, — это одни из лучших мастеров в Косе, — рассуждал он, прохаживаясь из угла в угол по маленькой комнатенке, как пойманный в клетку зверь. — Их потеря будет серьезным уроном для Коса и большим выигрышем как для Форов, так и для экономики Трех Территорий.

— Потеря двадцати рабов не столько навредит Косу, сколько сделает его более раздражительным, — скептически ответил Налатан. — Ведь даже собрать их всех вместе будет очень трудно, не говоря уже о том, чтобы вывести к морю!

— Но Ти говорит, что рабы уже предупреждены — они могут собраться в считанные минуты, — не сдавался Конвей.

— Двадцать рабов, хранящих один и тот же секрет, — заметил Налатан, — это значит десять раз по двадцать шансов быть преданным. Каждый день эти люди терпят побои, а иногда кое-что и похуже. Для некоторых всего день без побоев — это уже роскошь, мечта. Многие ломались по куда менее веским причинам.

— Эти люди предпочтут скорее умереть, чем жить дальше как рабы. У них достаточно отвага, чтобы рискнуть.

Налатан побагровел. Для такого вспыльчивого человека, как он, намек в этих словах был подобен брошенной в лицо перчатке. Сбросив с плеча руку Тейт, он вскочил на ногу.

— Налатан! — крик Тейт словно клинок прорезал воздух. Она напряглась, увидев,

насколько уязвлена гордость мужчины, но поспешила скрыть свою тревогу. Налатан снова сел в кресло. Сделав вид, что ничего не заметил, Конвей продолжил мерить комнатку ногами.

— Мы не получали новостей ни от Сайлы, ни от Ланты в течение половины луны. Что с ними случится, если твое предприятие провалится? А что будет, если узнают, что ты тут замешан? — пытаюсь разрядить обстановку, спросила Тейт.

— Несомненно, такая опасность существует. Но ведь мы же освобождаем рабов!

— Мы здесь не для того, чтобы освобождать рабов, Мэтт, — она покачала головой. — Мы здесь потому, что согласились помогать Сайле. Тебе не кажется, что ты, по крайней мере, должен сообщить ей, что замышляешь эту авантюру?

— Это значит, что вы не заинтересованы в спасении? — опуская плечи, проговорил Конвей — весь его энтузиазм угас.

— Ты знаешь, что я чувствую, когда речь заходит о рабстве, — в голосе Тейт чувствовался гнев, — но мы же обещали Сайле!

— И у тебя есть собственные планы, о которых ты не упомянула, — добавил Конвей.

— Все, что я делаю, посвящено нашей общей цели, о себе же побеспокоюсь, когда будет время, — возразила она.

Промолчав, Конвей вышел. Повернув направо, он направился в зал. Толстые свечи горели в подсвечниках, самая дальняя освещала еще одну дверь; беззаботные тени плясали на полированных деревянных стенах и двери. Войдя в следующую комнату, он немного повеселел: за длинным столом, освещаемым множеством свечей, лицом к нему сидела Ти. Вал, сидевший напротив, уловил направление взгляда Ти и, обернувшись через плечо, взмахом руки приветствовал Мэтта.

Обогнув стол и сев рядом с Ти, Конвей понуро сообщил:

— Они не соглашаются.

На лице Ти промелькнули огорчение и гнев.

— Я надеялась на лучшее, — нахмурившись, произнесла она.

— Должен сказать, что у них есть причины держаться в стороне. Я не мог заставить себя повторить им то, что сказали мне вы: «Если ты не борешься с рабством, то ты миришься с ним». Я согласен с этим, но все равно не мог им этого сказать.

— Ты хороший человек, и я рад твоей помощи, — с непроницаемым лицом Вал встал из-за стола, — но думаю, что вы оба ошибаетесь. — Затем, кивнув на прощание, он вышел, оставив Ти с Мэттом наедине.

Оба некоторое время сидели неподвижно. В конце концов Конвей оперся локтями о стол.

— Каждый хочет указывать мне, как именно надо поступать, — проговорил он, сжав кулаки. — У моих собак и то больше свободы.

Ти встала и, проскользнув ему за спину, начала массировать его плечи. Конвей продолжал:

— Врата, которые ищет Сайла, — это ее цель. Я должен быть самим собой, и я хочу делить мои мечты и желания только с тобой.

— Мы уже говорили об этом, очень давно. — Ти отступила на шаг.

Отклонившись на стуле, он попытался найти ее руки, но Ти спрятала их за спину, отступив еще на полшага. На ее лице отразилась боль. Положив руки на стол, Конвей вздохнул:

— Неужели ты не веришь, что если один человек чего-то хочет, то он может заставить это сбыться и для другого человека тоже?

— Ты говоришь в общем, а я говорю о нас. Обо мне. Я останусь такой, какая я есть. — Ти вздохнула. — Навсегда.

— Помнишь, как это впервые случилось с нами? — произнес Конвей хриплым голосом, уставившись на отделку стола сквозь прищуренные веки. — Мы были в замке Алтанара, в моей комнате. Ты стояла у меня за спиной, положив руки мне на плечи и нерешительно

поглаживая их. Ты боялась. Ты знала, что была нужна мне. Ты хотела меня тогда, Ти. Я знаю, что это так. Я думаю, что ты по-прежнему любишь меня. Моя же любовь к тебе никогда не угасала.

— Ты тоже был мне очень нужен, — в отличие от его агрессивного тона, голос женщины звучал сдержанно и печально. — Ты заставил меня понять, что я тоже человек, а не вещь. Я буду помнить это всю жизнь. Но как ты можешь просить меня остаться с тобой, зная, что это не вернется?

Он плавно встал и, обернувшись, обнял ее прежде, чем она успела увернуться. Она напряглась, пытаясь высвободиться из объятий Мэтта, но он был слишком возбужден, чтобы заметить это.

— Эта искра никогда не погаснет, Ти. Мы сможем вернуть это, я буду настолько добр к тебе, что ты просто не сможешь не полюбить меня. Каждая минута нашей жизни будет неповторимой.

Его руки скользнули вниз по спине и прижали к себе. Упершись руками в грудь Конвея, Ти вырвалась из тесных объятий.

— Пожалуйста, не делай этого. — Ти побледнела. — Я не та женщина, которая нужна тебе.

— Но ты можешь стать ей! Ты сделала меня чем-то большим, чем я был. Позволь мне помочь тебе.

Как-то неловко отступив на шаг, Ти тряхнула головой так, что это могло означать только одно: «НЕТ!». От резкого движения пламя свечей заколебалось. Отбежав к двери, она сказала:

— Вал назвал тебя хорошим человеком, но он был не прав. Я никогда не встречала лучшего, чем ты, Мэтт Конвей. Какой бы я ни была, но я не слепа! — Дверь за ней закрылась.

Конвей еще долго смотрел на дверной проем, словно сила его тоски могла возратить туда ее тело, ее голос, ее аромат. Потом он выпрямился, потеряв глаза. Лизнув большой и указательный пальцы, он одну за другой задумчиво гасил свечи, изредка снова смачивая пальцы. В тусклом свете последнего колеблющегося язычка пламени он улыбнулся:

— Она любит меня.

Тихое шипение гаснущего фитиля могло быть согласием. Или насмешкой.

* * *

Налатан так долго молчал, что Тейт задумалась, уж не уснул ли он. Дыхание его было спокойное и размеренное. Немного повернув голову, она принялась рассматривать его при слабом свете уходящего дня. На нем не было доспехов и оружия, кроме меча, с которым, казалось, он теперь никогда не расставался. Прислонившись к дубу, он отдыхал, положив руки на колени, его плечо едва не касалось плеча Тейт.

Она слабо улыбнулась, посмеиваясь над собой. Взглянув на его профиль и отметив его характерные черты, она поймала себя на мысли, что никогда раньше она не считала сломанный нос знаком особенного отличия.

Впрочем, думая о Налатане, она часто отступала от своих обычных мерок.

— Ты слышала? — наконец он нарушил тишину.

— Что слышала?

— Лай тюленя. Ты молчала — я подумал, что ты тоже прислушиваешься. Ты уснула?

— Нет. Я думала, что это ты уснул.

— Я думал, — сказал он посмеиваясь.

— Расскажешь, о чем?

— Кое-что расскажу. Мне жаль Конвея. И самого себя. У него большие проблемы.

— С Ти?

Черты лица Налатана были практически неразличимы в сумерках. Он кивнул:

— Если бы мы смогли помешать ему встречаться с ней, может быть, он наконец-то понял бы, что многим из нас сначала кажется, что они нашли свою единственную настоящую любовь, а потом, расставшись на некоторое время, меняют свое мнение, хорошенько все обдумав.

Никогда раньше он не говорил ей такие отвратительные вещи. Тейт спросила:

— Кто это такие «мы», а? Ты что, бросил какую-нибудь бедную девочку, которая доверилась тебе?

— Нет, никогда. Правда, была одна, но мы согласились, что нам лучше расстаться, и передумала она, а не я.

— Понятно. — То, с каким сарказмом это было сказано, заставило его немного смутиться. Налатан поежился. Его куртка задела за сучья, и запах дуба и кожи пробудил воспоминания Тейт о давно минувшем времени. Она сидела в офицерском клубе, потягивая охлажденное шардонне. За тем же столом напротив сидел мужчина, и она не могла оторвать взгляда от его рук, представляя, как они нежно касаются ее тела, как она отвечает на их прикосновения...

Обвиняющий тон Налатана вернул ее к действительности.

— ...и дразнила их, — говорил он.

Покопавшись в памяти, она вспомнила кое-что из только что сказанного.

— Чтобы я соблазняла мужчин? Будь уверен, все было честно. Они и так всегда пытаются приставать к девушке!

Он хмыкнул, и Тейт, выпрямившись, толкнула его в плечо.

— Ты сказал, что я сделала что-то не так?

Притворившись, будто он съежился от страха, Налатан громко рассмеялся:

— Кто, я? Мне еще дорога жизнь.

Она села обратно.

— Вот и не забывай об этом.

Уютная тишина снова окружила их. Тейт смотрела, как на небе загораются звезды, когда Налатан заговорил снова:

— Ты рассмешила меня. Ничего из того, о чем мы говорили, еще ни разу со мной не случилось. Это и есть главная причина, по которой я жалею Мэтта Конвея. Вот здесь уже не до смеха. Он думает, что он любит Ти, а она уверена, что она не может никого полюбить. Ланта боится признаться в своей любви Конвею. Он знает, как выглядит огонь, но ничего не знает о тепле. Интересно, сможет ли он когда-нибудь узнать между ними разницу?

Чувствуя себя неловко от такого серьезного разговора, Тейт попыталась отвлечь Налатана:

— Это странная тема для монаха...

Налатан с невозмутимым видом неспешно поднялся и, протянув руку, предложил:

— Давай пройдемся. Мне нужно походить.

— Нужно? — Она поднялась, стараясь сказать это как можно более ненавязчиво.

Черный силуэт на фоне звезд кивнул:

— Когда я был послушником, нас обучали в аудиториях. Это значит, что мы сидели и думали. Я всегда засыпал, а мой мастер бил меня до тех пор, пока я наконец не понял, что мне нужно двигаться для того, чтобы сосредоточиться.

— Я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь тебя бил. И выжил после этого.

— Я люблю его, и он меня тоже. Потому-то он меня и бил, — мягко ответил Налатан.

— Глупости! — Тейт фыркнула. — Никто не обижает тех, кого он любит.

— Когда ты запрещаешь делать что-нибудь Додою, то он обижается. Делает ли ты это любя или со злым умыслом?

— Но ведь он же ребенок. Это не одно и то же, ты намеренно искажаешь смысл!

— Ты отказываешь ребенку, потому что ты знаешь то, чего он знать не может. Разве не поступила бы ты так же и с невежей — взрослым?

Раздраженная, Тейт остановилась, заставив Налатана повернуться лицом к ней.

— А если я попытаюсь сделать что-нибудь, что, по-твоему, может мне навредить, неужели ты побьешь меня, чтобы я этого не делала?

— Побить тебя? Нет. Но если бы я любил тебя, я пошел бы на все, чтобы спасти тебя. Зачем ты спрашиваешь? Ты хочешь сделать какую-нибудь глупость?

Внезапно Тейт показалось, что он стал ближе, но она не помнила, шагнул ли он к ней на самом деле. Теплота возбуждающей волной прошла по ее телу. Ощущение присутствия Налатана, казалось, подпитывало ее.

— Мы ведем по меньшей мере два разговора, и мы оба говорим слишком много и слишком мало, и, вполне вероятно, вовсе не то, что мы думаем на самом деле, — сказал он.

Она взяла его под руку, желая показать, что она не боится прикоснуться к нему и что их разговор вовсе не вышел за рамки простой болтовни. Доннаси Тейт контролировала себя, контролировала все, происходящее вокруг нее. Доннаси Тейт сама назначала свидания самым привлекательным, самым упрямым мужчинам. Сейчас было важно убедиться, что его чувства не были оскорблены.

— Мы просто выслушали друг друга, вот и все, — сказала она.

— Как тебе угодно. Иногда я сверх меры агрессивен. — Он остановился, усмехнувшись какой-то своей мысли. Потом добавил: — А иначе мы могли бы никогда не встретиться.

— О чем это ты?

— Мой первоначальный план заключался в том, чтобы следовать за вами, охраняя на расстоянии, до тех пор, пока Сайла не найдет Врата. Потом я бы бросил вызов Конвей и убил его.

То, с какой непоколебимой уверенностью это было сказано, заставило волосы на голове Тейт встать дыбом.

— Если ты так хорош, то почему ему пришлось спасать твою шкуру в тот день у реки? — спросила она раздраженно.

— Они схватили меня, потому что я опрометчиво думал, что смогу убить некоторых из них и скрыться в темноте. Они же приготовились атаковать вас! Что же, я был прав, но наполовину: моя лошадь получила удар мечом, так что отступление не получилось. Впрочем, я убил больше, чем намеревался: я был вынужден. Убежать от них я бы не смог.

— Но это глупо! — выдохнула Тейт. — Ты что, воображаешь себя целой армией в одном лице?

— Меня учили убивать с девяти лет. — Остановившись, Налатан повернулся к ней. — Не сражаться, Доннаси. Ты — боец, как и Конвей, и Сайла, и Ланта. Я восхищаюсь вами. Но я убиваю. Ты понимаешь разницу? Люди играют, чтобы победить. Воюют, чтобы победить. Я поклялся защищать Церковь, и я уничтожаю тех, кто ей угрожает. Мне разрешено защищать обиженных и немощных, бороться со злом в любых его проявлениях. У меня нет выбора. Моя жизнь и мое мастерство посвящены Церкви.

— Тебя воспитала Церковь?

— Нет, мой мастер. Каждый из нашего братства — послушное его воле оружие. Конвей — благородный человек, он может принять вызов. Но так как он спас мне жизнь, то может и отклонить.

Ошеломленная, Тейт дотронулась до его руки:

— А он знает это?

— Конечно.

— А что будет, если ты победишь?

— Я в любом случае буду победителем. Он не станет пользоваться громовым оружием.

— Но он спас тебе жизнь! Вы — друзья! «Он не будет пользоваться громовым оружием!» Как ты сможешь жить после этого: убийства друга только для того, чтобы исполнить идиотскую клятву?

— Я не уверен, что смогу. Он мне нравится. Так что, когда это все будет сделано, вполне возможно, что я обрею себе голову и брошусь в атаку на кочевников.

— Ты сумасшедший!

— Я понимаю, почему ты это говоришь. Я раздумывал над тем, чтобы позволить ему победить. Я не готов умереть, но я должен был рассмотреть такую возможность. Это заставляет человека заглянуть себе в душу и попытаться точно определить такие вещи, как честь и достоинство. Больше всего Конвей боится вовсе не умереть, а жить без радости. Если бы ты избавила его от меня, он почувствовал бы такой стыд, что это заставило бы его искать смерти. Такие люди всегда совершают поступки, о которых потом жалеют.

— У тебя есть на все ответы, да?

— Для тебя что-нибудь изменится, если я скажу, что я сожалею о своей клятве? — тихо спросил он.

— Я остановлю тебя. Как-нибудь, но остановлю.

— А сможешь ли ты остановить Конвея? Он будет рад поединку: в глубине своей души он знает, что проиграет. В минуту безумного тщеславия и боли я поклялся убить чужака. Не можешь ли ты, женщина одного с ним племени, заставить его освободить меня от клятвы?

— Может быть, может быть, — надежда неуверенно пробилась через ее отчаяние. — Завтра Ты попробует его убедить.

— Она должна будет постараться, но ты права. Влюбленный человек позволит себя уговорить.

Сильная рука подняла подбородок Тейт. Инстинктивно она едва не отпрянула, но что-то сдержало. Обычный самоконтроль изменил Доннаси. Она смотрела на него так, как если бы это прикосновение лишило ее всех чувств, оставив способность видеть и осязать только его. Налатан не произнес ни слова. Ветер гнал клочья тумана по лесу, и листья вздрагивали при его резких порывах. Его лицо едва не касалось ее собственного, она чувствовала его тепло, ощущала его мужественность. Другая рука медленно коснулась ее виска, нежно провела по брови. Пальцы Налатана скользнули по щеке, обрисовали губы, очертили линию подбородка. Прикосновение этой руки, заглубившей от постоянного обращения с оружием, было подобно касанию крылышка бабочки.

Она приказала себе отодвинуться и прекратить это. Бесшумный, словно рысь, он исчез. Околдованная этим внезапным исчезновением, она тщетно протянула вперед руку. Вторая взлетела к лицу, как будто стараясь задержать там след его тепла.

Он оказался так далеко, что Тейт едва могла различить его контур на фоне звезд.

— Я, — она сглотнула и попыталась сказать это снова, — я хочу вернуться назад.

— Хорошо, — это было сказано твердо и жестко. И, как его руки, нежно и мягко.

Взявшись за руки, они молча направились к дому Борбора. Налатан шагал уверенно, несмотря на темноту. Она подчинялась его руке, позволив вести себя, как в танце.

Голова Тейт раскалывалась от желания вернуться в прошлое, к тому согласию с собой и той простоте, которые сейчас были разбиты вдребезги вместе с самыми заветными мечтами.

Одно прикосновение. Назойливый и презрительный голос раздавался откуда-то изнутри, издевался над ней. Одно прикосновение, и ты превратилась в тоскующее по ласке существо. Посмотри на себя! Слабовольная. Покинутая. Женщина.

Она расправила плечи, подняла голову. Да, женщина, сказала она себе. Заботы, мечты и все такое. И ты горда этим. И от этого нельзя избавиться.

Время быть честной с собой, девочка, продолжала она.

Он хочет убить Конвея, и она должна его остановить.

Что бы ни случилось, Налатан должен жить.

Та простота, с которой совершилось это превращение, вызвала у нее отвращение, снова высвободив мерзкий голос, заставлявший проснуться невыносимое чувство вины. Она кусала губы, пока слезы не прекратились.

Вина осталась, липким, грязным пятном касаясь каждой ее мысли.

Но это ничего не меняло.

Она хотела, чтобы Налатан остался жив, чтобы был рядом с ней. Она хотела его.

Глава 60

Ланта ступила на берег Острова купцов, желая только одного: чтобы земля разверзлась и поглотила ее.

Необходимо, чтобы ее друзья узнали о новостях в Гавани, но, честно говоря, она ужасно боялась встречи с ними. Было неприятно вспоминать о споре с Сайлой из-за того, кто должен ехать. И решающим аргументом стало то, что Ясмалея вышла из себя и сказала, что поедет «помощница целительницы». Еще одно унижение.

Сайла — военная целительница, думала Ланта, прокладывая путь по густо сплетенным нитям морских водорослей. Я должна быть единственной, кто примет роды.

Мертвая рыба валялась на берегу, ее глазницы были пустыми — чайки выклевали глаза.

Ланта ненавидела чаек. Белоснежно-белые, грациозные, покрытые великолепными узорами, парящие между морем и небом, они постоянно кричали, дрались и сорили вокруг. Как сама жизнь: белокрылый фасад красоты, скрывающий жестокость и грязь.

Позади нее люди прыгали с лодки в воду, чтобы втащить лодку на берег.

В доме ее приветствовал сам Борбор. Извинившись, он объяснил, что ее друзья ушли в Рэтхоул с Ти и Валом. Он добавил, что Вал хотел нанять дополнительных людей в команду, а Рэтхоул был единственным местом, где это можно было сделать.

Борбор предложил Ланте подождать их возвращения в доме, но она отказалась, сославшись на то, что Капитан дал ей совсем немного времени. Борбор все понял и послал за лошадьми.

После небогатой на события дорога человек, руководивший эскортом Ланты, остановился на окраине Рэтхоула — городка с небольшим количеством домов.

— Мы не можем идти дальше, Жрица, — сказал он. — Правила купцов. Согласно им в городе в любой момент может находиться лишь определенное число мужчин, и сейчас это число набрано. Мы будем наблюдать с этого места. Если кто-нибудь попытается обидеть тебя до того, как ты доедешь до таверны, мы сшибем его с ног. Торговцы смогут оспорить это только потом. Давай, действуй так, как будто ты — хозяйка этого города.

Звук доставаемого из ножен меча был обнадеживающим. Она чувствовала, что на нее смотрят из каждого окна, из-за каждой двери. Вокруг таверны было очень много оседланных коней, так что ей пришлось расчищать себе дорогу до кожаной двери. Когда это было сделано, Ланта двинулась так быстро, как ей позволяло достоинство, и почти ворвалась в шумную комнату.

Было темно. После солнечного дня она была не в состоянии узнать кого-либо. Грубая, тяжелая рука опустилась ей на плечо и потянулась к шее. Ее прижали к чьему-то вонючему телу. Ее голова едва достигала середины грудной клетки человека позади нее.

— Спаси меня, Жрица. — Дыхание, исходящее от говорившего, смердело больше, чем тело. Запах просачивался сквозь ее волосы, ее всю трясло. Ланта попыталась вырваться. Его хватка усилилась. Голос продолжал:

— Я плохой человек. Мне нужен кто-нибудь, кто будет хорошо ко мне относиться. И тогда я опять смогу быть хорошим. Пойдем наверх, помоги мне.

Прислонившись к нему, она немного ослабила давление на плечо, что позволило Ланте повернуться и выскользнуть. Мужчина среагировал быстро — обе руки потянулись за ней. Однако Ланта была проворнее. Достав свой кинжал, она наставила его на противника. Не осознав, что происходит, он напоролся на лезвие рукой.

Остановившись, он отдернул руку назад. Неверие придало его лицу на некоторое время комическое выражение, пока он не осмотрел рану и не осознал, что она кровоточит. Его медленно, но неумолимо заполняла ярость. Он зарычал и сделал выпад. Девушка легко увернулась, проскользнув под его руками. Далее эта сцена стала центром внимания присутствующих. Ланту хватали руками, она пыталась освободиться, но они не выпускали ее из круга. Они трясли ее как тряпку перед быком, издеваясь над ним, подзадоривая. Мужчина

сжал губы и, усмехаясь, ринулся вперед.

Налатан и Ти пробились сквозь стену кричащих лиц. Меч Налатана был обнажен и нацелен на нападавшего мужчину.

— Отрезвись, Мэйлор, мой друг и друг женщин Церкви, — сказала Ти.

Мэйлор положил руку на рукоятку своего меча:

— Эта сука ранила меня. Уйди с моей дороги. Никому не позволено ранить меня. — Он обнажил оружие.

Его слова все еще звучали в ушах Ланты, когда она увидела, как кончик меча Налатана исчез между зубами открытого рта Мэйлора. Лохматая голова откинулась назад, длинные пряди повисли как мокрые веревки. Меч застыл.

— Ты ведешь себя как мужчина, который хочет умереть. У тебя есть время, равное трем ударам сердца. Да или нет, — каким-то нехорошим бесцветным голосом произнес Налатан.

Хлюпающий звук вырвался между зубов Мэйлора. Его глаза дико вращались. Налатан отступил назад. С меча капала слюна на штаны Мэйлора. Налатан с неприязнью посмотрел на меч и, спрятав его в ножны, сказал с преувеличенной серьезностью:

— Ты чуть не одурачил меня, Мэйлор. Я думал, что ты готов переселиться в следующий мир. Я мог допустить непростительную ошибку.

Затем Налатан повернулся к Ланте:

— С тобой все в порядке?

Протиснувшийся в круг Конвей повторил вопрос. Взглянув на него, Ланта кивнула головой. Затем оглянулась. Тейт стояла спиной к стене посередине лестницы, ведущей на второй этаж. Сжимая в руке «вайп», она возвышалась над толпой. Додой съезжился позади нее.

Ланта приветственно улыбнулась ей, успев восхититься, как разумно Тейт выбрала позицию. С этого места она полностью контролировала комнату.

Конвей заслонил ей обзор, направляясь к выходу, чтобы проложить путь наружу. Прервав ход ее мыслей, он привлек внимание к себе. Ланта взглянула ему в глаза. Такие прекрасные, темно-голубые, такие живые.

Почему он не мог прийти ей на помощь вместо Налатана?

— Ланта, пойдем отсюда, — обняла ее подошедшая Ти. — Вал может сам завершить наши дела. Это место не для тебя.

Теперь, когда ее глаза адаптировались к темноте и были в состоянии что-то различить, Ланта была шокирована присутствием в комнате других женщин. Потрепанные, грязные, они стояли в стороне от мужчин, все еще заинтересованные ею и ее друзьями. Взглянув вверх, она увидела таких же женщин и на балконе. В это время голый мужчина открыл грязную дверь позади одной из них и, проворчав что-то непонятное, схватил женщину и потащил за собой. Выражение глаз той женщины Ланта не смогла забыть никогда.

Жрица вдруг вспомнила, как одним тихим вечером она наблюдала за действиями паука. Сверчок тихонечко полз в темноте. Быстро преодолев разделявший их промежуток, паук очутился на нем. Сверчок умер покорно, как будто такая его судьба была чем-то естественным. Безнадежное непротивление той женщины на балконе не отличалось ничем.

На пыльной улице к ним присоединилась Тейт. Додой все еще льнул к ее ногам. Когда Ланта взглянула на нее, Тейт усмехнулась: «Чудесные люди, но слишком непосредственные».

Ланта заставила себя рассмеяться, лишь сейчас почувствовав, как начали расслабляться напряженные мышцы. Как только Тейт отослала Додоя за пределы слышимости, Ланта коротко рассказала ей о событиях в Гавани, не упомянув о сахарной болезни Ясмалеи. Тейт обещала пересказать все Конвею и Налатану. Единственный вопрос, заданный ею молодой Жрице, касался того, верит ли она в то, что Капитан действительно намеревается освободить их, если Сайла спасет Ясмалею и ребенка.

— Сайла верит ему. Она говорит, что Жнея — вот наша главная опасность, —

уклонилась Ланта от прямого ответа.

— Сайла заблуждается, — присоединилась к разговору Ти. — Капитан такой же зверь, как и Алтанар. Только рабы имеют желание и дальше стоять на своем. Большинство из них все еще помнят свободу. Люди Коса никогда не знали ее — они ее боятся. А сейчас они боятся еще и рабов.

— Культ Луны, — сказала Ланта. — Хотя я и поддерживаю рабов в их стремлении быть свободными, я не могу одобрить культ Луны. Это зло.

— Нам все равно. Однако, если задета Церковь, то тебе бы лучше привлечь людей, которые обеспечат поддержку и лидерство, — согласилась с ней Ти. — Танцующие-под-Луной существуют, и рабы стекаются в их ряды.

— Могу ли я сейчас работать с вами? Я имею в виду с рабами. — От смущения Ланта начала заикаться. — Я — целительница. Я буду очень полезна, если возникнут какие-либо проблемы.

— Если возникнут проблемы, нам будет нужна военная целительница, — снисходительно улыбнулась Ти. — Еще слишком рано для восстания. А сейчас мы собираем здоровых, умных мужчин, потеря которых очень повредит Косу.

— А женщин? — вмешалась Тейт.

Ти бросила на нее сердитый взгляд:

— Нет. Я не хочу этого. Здесь не позволено обучать рабынь. Они даже свою работу называют «сделанная руками раба». Можете вы представить, как утомительна работа ткачихи, производящей материал, называемый «свет луны»? У вас глаза на лоб полезут. Ладно, это работа для рабов. Рабы-мужчины лишь руководят ею, а ткнут непосредственно рабыни. Потеря рабынь в Косе — всего лишь мелкое неудобство. — Ти указала головой в сторону таверны. — Даже рабы жалеют женщин, работающих там.

— По крайней мере, они сделали свой выбор, — заметила Тейт. — Отвратительный, конечно, но зато их собственный.

— Их послали сюда. Они — Коссиарки. — Ти с жалостью посмотрела на нее. — Бесплодные. Ежегодно Капитан посылает своих воинов на облаву. Они привозят этих женщин сюда, где они могут заработать немного и доносить на клиентов. Все знают, что они — шпионки, как и те слуги, что работают на купцов.

— А разве не могут мужчина и женщина любить друг друга, не заводя детей? — поинтересовалась Ланта.

— Не в Косе, — улыбка Ти стала злобной. — Нет детей — нет мужа. Лучшее, что может случиться с рабыней, — это быть собственностью мужа бесплодной жены. Если он любит свою жену. Говорят, что рабынь оплодотворяют их хозяева. Жена хозяина обычно претендует на ребенка, как на своего собственного. Посмотрите, насколько это повышает статус рабынь. Наиболее удачливые из них даже живут всю свою жизнь в семьях, наблюдая, как растут их дети. Конечно, рабыни должны быть достаточно умны, чтобы ничем и никогда не выдать своих материнских чувств.

— И нет никакого выхода? — обреченно спросила Тейт.

— Но он должен быть. Мы найдем его, — уверенно сказала Ланта, глядя ей в глаза. Затем, обращаясь к Ти, добавила: — Я хочу помочь.

Ти взглянула на Тейт, удивленно подняв брови. В ее взгляде был безмолвный вызов, понятный всем трем женщинам. Несколько секунд все молчали. Наконец, первой заговорила Тейт:

— Сейчас я нужна Сайле. Когда же прояснится вопрос с Вратами, посмотрим.

— Конвей чувствует, что он может помочь и мне, и Жрице Роз, — заметила Ти.

— Если ты точно знаешь, что чувствует Конвей, не следует использовать его в качестве инструмента, — вышла из себя Тейт. — Не осмелишься же ты сказать мне, что он чувствует. У тебя недостаточно власти, чтобы управлять его чувствами.

— Я бы использовала и Вездесущего, если бы знала как, и никогда бы не думала о Его чувствах, — побагровела Ти. Повернувшись к Ланте, она спросила: — Не хочешь

прогуляться со мной? Нам нужно поговорить.

Ланта стояла в растерянности: Тейт продолжала кипятиться.

Ти, холодно сдерживая себя, терпеливо ждала. Не желая никого обижать, она мучительно размышляла, как ей поступить в этой ситуации. Тейт сама разрешила этот вопрос:

— Я беру Додоя и возвращаюсь к Борбору. Что бы ты ни решила, Ланта, я всегда помогу тебе. Но пойми: я — воин Сайлы.

— Очень любезно с твоей стороны. — Ланта немного успокоилась.

Ти повела Ланту вниз по улице, затем они свернули в какой-то переулок и присели друг напротив друга на большое бревно.

— Мы, наверное, — самые непохожие женщины в Косе. А, может быть, и в целом мире, — начала Ти.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовалась Ланта.

— Потому что мы любим одного мужчину.

Не успев скрыть свою реакцию, Ланта густо покраснела. Ти тихо рассмеялась:

— Почему мы должны ходить вокруг да около, Ланта? Ты многое слышала обо мне. Мужчины... Когда они счастливы, они орут о своих секретах, как молодые телята. Когда они в отчаянии, то плачутся каждому, кто готов их выслушать. И все это время они хвастаются своим «железным» молчанием. Фу! — Она посмотрела Ланте в глаза, положив свои руки на ее маленькие плечи. — Посмотри мне в глаза. Мне нужен Мэтт Конвей больше, чем воздух. Но я боюсь. Я слишком изломана. Я могу погубить его. Поэтому я бросаю тебе вызов. Борись за мной за его сердце! Если ты выиграешь, я оставлю его. Я отдам его тебе. Люби его за нас двоих. Дай ему радость, которую мы обе желаем ему, — в голосе девушки чувствовалась ожесточенность.

Схватив Ти за отворот воротника блузы, Ланта яростно выкрикнула:

— Кто ты такая, чтобы решать за меня? Ты думаешь, я буду счастлива, если ты проиграешь? А он? Как ты смеешь так говорить?

— Гордячка! Я открыла тебе свое сердце, а чем ты мне ответила? Мэтт лишь думает, что любит меня. Глупый, он просто не замечает, что любит и тебя тоже или что ты любишь его.

После такого откровенного признания Ланта еще некоторое время молча сидела, опустив руки. Постепенно злость уходила из ее измученной души.

— Присоединяйся, Ланта. Помогите мне, — снова заговорила Ти. — Конвею просто необходимо знать, что он — не просто мужчина, владеющий громовым оружием. Его будущее должно быть прекрасным, а жена — великолепной. Между нами говоря, мы поможем ему найти себя. И одну из нас.

— Ты хочешь, чтобы он помог тебе вывести рабов из Коса. Но если его схватят, то все мы умрем. И Врата, которые мы так долго искали, так и не будут найдены, — приподнялась с бревна Ланта.

Положив руки на плечи Ланты, Ти мягким движением заставила ее снова сесть:

— Ланта, пойми, Врата — мечта Сайлы. Может быть, они существуют, а может, и нет. А Мэтт Конвей — это реальность. Как ты. Как я. Трое людей, которые могут помочь друг другу. Если Врата на самом деле существуют, может ли их открытие дать нам что-нибудь? Если же их нет, то сможешь ли ты жить, осознавая, что принесла в жертву жизнь, которой Конвей, ты или я могли бы насладиться? И все из-за того, что ты боялась завладеть им. Если Капитан застанет нас за освобождением рабов, то, конечно, мы умрем. И уж если мне доведется умереть, то лучше я умру сейчас молодой, рядом с любимым мужчиной, чем в старости одна, застывшая и неудовлетворенная.

Когда Ти закончила, Ланта кивнула головой, выражая свое согласие.

Глава 61

С высоты второго этажа Сайла в смущении наблюдала за тем, как Ланта в сопровождении Додоя пересекает двор. Мальчик выглядел веселым: улыбаясь, он разглядывал все вокруг, радуясь счастливому возвращению. Ланта, увидев Сайлу в проеме окна, нахмурила брови и почти незаметно кивнула головой в сторону Додоя. Ответный кивок Сайлы был таким же осмотровительным. Оставив свой пост, она начала спускаться по лестнице. Встретились девушки под навесом во дворе.

— Тейт умоляла меня взять его с собой. — Ланта указала на игравшего с рыбкой в декоративном пруду Додоя. — Она говорит, что обстановка на Острове оказывает на него дурное влияние.

— Да, эти моряки и бандиты. Да еще и изгнанные из Коса преступники. Додой мог их всех развратить.

Ланта рассмеялась. Успокоившись, она рассказала о результатах поездки. Описав работу Конвея, она передала слова Ти о влиянии Танцующих-под-Луной среди рабов, закончив предположением:

— Ти думает, что восстание будет успешным, если его хорошо спланировать. Рабы намереваются создать собственное племя и поселиться на Пустошах. Малые настроены не дружелюбно, но и не враждебно.

Некоторое время Сайла молчала. Ланта знала, что она анализирует услышанное. Теперь Сайла делала это автоматически. Размышляя над изменениями, произошедшими с подругой, Ланта была поражена, сколь значительными они были. Прежняя Сайла никогда не забывала обратить внимание на происходящее вокруг нее. Та женщина всегда действовала определенно. Эта женщина разительно отличалась от той. Теперь она не только обдумывала, но и просчитывала действия на несколько шагов вперед. Новая Сайла планировала альтернативные пути, учитывая возможные препятствия и сопротивление. Она была лидером. Она выслушивала советы, но сама делала выводы. В ее приказах не было слышно и нотки женской покорности, тем более намек на равноправие в принятии решений.

Наконец Сайла произнесла:

— С одной стороны, восстание рабов, даже если им удастся сбежать и не разрушить Кос до основания, подточит нацию. Колония беглых рабов возле северной границы будет серьезной угрозой, по меньшей мере, в течение жизни двух поколений, если не больше. Появится форпост Танцующих-под-Луной по эту сторону Гор Дьявола. С другой стороны, нам необходимо восстание рабов для уничтожения рабовладения в Косе, потому что нам нужен сильный Кос, который в конце концов предотвратит распространение культа Луны.

Ланта молча слушала, терпеливо ожидая момента, чтобы высказать свои соображения:

— Почти каждую ночь Ти бывает на большой земле. Я знаю, что она разрешит мне пойти с ней: я могу лечить болезни, говорить с рабами, заставить их увидеть преимущества правды истинной Церкви перед суевериями культа Луны. Я не нужна тебе для Ясмалеи: она даже не хочет видеть меня. Я думаю, мы должны помочь рабам.

Пока Ланта говорила, в Сайле медленно закипала злость; ей вдруг непреодолимо захотелось ударить подругу: как она могла быть настолько слепа? Наверное, это любовь привела Ланту к таким заблуждениям. Но в то же время под напором ее аргументов где-то глубоко внутри у Сайлы затеплился крошечный огонек сомнения. Не воля ли Церкви направила ее сюда, в Кос? Голос, настоятельно требующий, чтобы она нашла Врата, был таинственно спокоен. Может, это знак?

Могла ли она считать себя настоящим приверженцем Церкви, не помогая угнетенным, тогда как не принадлежащие к Церкви люди, такие как Ти и Конвей, были готовы рискнуть ради этого жизнью? И если она не сможет помешать попыткам Жнеи воспользоваться расколом Церкви, будет ли это сделано во имя высших целей или ее собственных, личных?

— Помоги, если сможешь. — Сайла повернулась к подруге спиной. — Но пожалуйста, будь осторожна. Если кто-нибудь из вас пострадает, я себе этого никогда не прощу.

— Я знала, что ты поймешь меня, — с благодарностью в голосе сказала Ланта.

Ирония в словах Ланты не укрылась от Сайлы — она усмехнулась. Сайла знала, что не

сможет ничего сделать, чтобы остановить ее. Любовь отвергает приказы, игнорирует мольбу.

Внезапно совсем рядом прозвучал еще один голос. Повернув голову, Сайла увидела Капитана, стоявшего всего в нескольких ярдах от нее. Некоторое время, насмешливо улыбаясь, он смотрел на девушку. Сайла поздоровалась, и его улыбка стала еще шире.

— Ты даже не слышала, как я приблизился. Ты слишком много думаешь, Сайла. У тебя будет плохая репутация.

— Меня это не пугает, — колко ответила она. — Я с толком распоряжаюсь своей головой.

— Не спорю, мыслит она хорошо, к тому же очень тебе идет. — Подойдя к ней, он взял ее за руку. — Я бы не хотел, чтобы ты ее лишилась.

— У меня нет намерений потерять ее. Думаю, она понадобится для Ясмалеи. С роженицей все в порядке — мы с Лантой думаем, что у нее родится здоровый ребенок.

Не обращая внимания на попытку сменить тему разговора, Капитан, глядя куда-то поверх ее головы, заметил:

— Я, видимо, испугал твою маленькую подругу. — Обернувшись, Сайла увидела спешно убегающую Ланту. Капитан продолжил: — Она, как и все остальные, думает, что я хищный и жестокий. Все так думают. Разве Жрица и военная целительница не понимают, что первейшая цена власти — это потеря нормального человеческого общения?

Сайла возмутилась: это было заявление в его стиле. Поборов желание произнести какую-нибудь колкость, она сказала:

— Я видела людей, обладавших властью, из-за которой страдали они сами и заставляли страдать других. Я познала власть, держа жизнь других в своих руках и опасаясь, что моей силы будет недостаточно, чтобы спасти ее. Ни одна женщина не посочувствует тебе. Попробуй побыть женщиной только один день или хотя бы час. Познай эту боль — быть совершенно бессильной.

Схватившись за сердце, Капитан пошатнулся от показной боли, чем вызвал у Сайлы натянутую улыбку. Затем, прервав это театральное представление, уже серьезно сказал:

— Я не хочу лгать тебе, поверь, но я вынужден. Правда, ты все равно видишь меня насквозь. Видишь ли, я никогда не отдам свою власть. Я приложил слишком много сил для того, чтобы стать тем, кто я есть сейчас, и все потому, что лучше других подхожу для этого поста. Никогда раньше я не осознавал, как это тяжело — думать обо всех и не иметь шансов подумать о ком-нибудь одном. — Он замолчал и, зажмурив усталые глаза, провел по ним рукой. — Только имеет ли это какой-либо смысл?

Внезапно Сайле захотелось куда-нибудь улизнуть, чтобы осмыслить свое собственное понимание власти. Врата. Одиночество. Она хотела тщательно обдумать услышанное.

— Вероятно, в твоих словах больше смысла для меня, нежели для тебя самого. Я могу посочувствовать тебе — ты же не смеешь сочувствовать себе самому.

— Точно! — Капитан с энтузиазмом ударил кулаком в ладонь. Потом, подозрительно оглядевшись по сторонам, сказал: — Пойдем, — и подвел ее к пруду у южной стены, к берегу которого был привязан маленький ял. Усадив девушку около мачты, он отвязал швартовы и оттолкнулся веслом. Туннель, по которому они плыли, вел прямо к морю. Как только сверху снова показалось небо, Капитан поднял парус. Гибкий и стройный мужчина легко и уверенно управлял лодкой. Несмотря на свое богатырское сложение, он передвигался, даже не раскачивая ее.

День, казалось, был словно создан для прогулки: воздух был кристально чист, лучи солнца ласкали кожу, согревая ее своим теплом, легкий бриз нежно касался волос, развеивая их. Парус, наполнившись ветром, раздулся, как кот после сытного обеда. Ял плавно пересекал залив. Стоя на мостике возле румпеля, Капитан подозвал к себе Сайлу.

Как только она устроилась рядом, он направил лодку к берегу. Сайла осматривалась вокруг, когда ее глаза различили две лодки, отчаливающие от берега напротив Острова купцов. Одна была двухместной, другая — одноместной. Последняя шла под парусом, но сложенные за отгородкой весла указывали на то, что она может передвигаться и в

безветренную погоду.

— Мои телохранители, — бросил Капитан. — Хорошие люди. Готовы умереть за меня. Они и не догадываются, как я их ненавижу.

— Как ты можешь? Они же любят тебя.

— Они любят Капитана, а не меня. — Нахмурившись, он покачал головой. — Я не ненавижу их самих. Я ненавижу то, что они делают, ненавижу то, что я есть. Самый могущественный человек в Косе и, может быть, во всем мире. Попавший в ловушку. — Его лицо омрачилось, но только на секунду: он уже продолжал: — Я понимаю, что ты должна чувствовать в такой ситуации. Тем не менее я — образ, а не человек. Все, что я делаю, каждое мое движение либо определены традицией или правилами дипломатического этикета, либо требуют решения, которое повлияет на жизнь всей нации. Как человек я не существую.

— Но ведь ты хотел занять это место. И сейчас хочешь на нем удержаться.

— Да, ради этого я могу даже убить, — произнес он таким бесцветным голосом, что Сайла в шоке отпрянула. — Когда Капитан умирает, наши традиции разрешают первенцу занять его место. Однако любой брат может оспаривать это право. У каждого мужчины есть дубинка и нож. Любой сын члена Команды тоже может претендовать на это место. Достаточно родиться в один год со мной. Это просто соревнование, понимаешь? — Он горько усмехнулся. — Мой брат мог вызвать меня на бой, невзирая на разницу в возрасте, но только членам Команды моего возраста была разрешена эта привилегия.

— Твой брат вызвал тебя?

— У моего отца было четверо сыновей. Я был младшим.

— Значит, ты вызывал их? — Руки Сайлы, похолодев, ослабели.

— Трех братьев. И двух членов Команды.

Сайла не замечала ветра, завывающего в парусах, не чувствовала покачивания лодки, не слышала криков чаек. Перед глазами стояла страшная картина: огонь, мечи и кровь. Семья, без лиц, без слов и смеха. И снова кровь. Стоящий рядом мужчина убил троих братьев. Из-за власти. Она посмотрела ему в глаза, но Капитан, избегая ее взгляда, смотрел на море, сосредоточившись на управлении лодкой.

— Теперь, во всяком случае, ты понимаешь выбор Ясмалеи. Мой сын должен вырасти большим и умным. Для того, чтобы руководить. Как и я, он познает все тонкости искусства управления; он научится читать, писать, считать.

— И убивать, — не смогла удержаться Сайла.

Его слова просвистели над ней, словно хлыст:

— Клас на Бейл. Разве на руках твоего мужа нет крови?

Сайла была слишком потрясена, чтобы ответить: судорожно хватая воздух, она уставилась в одну точку на горизонте. Ярость Капитана постепенно проходила. Сверив курс, он посмотрел вдаль:

— Перед смертью отец оставил мне наказ: занять место Капитана. «Ты нужен нашим людям, — сказал он мне. — Команда — это гнездо интриганов и заговорщиков. Никто из них не будет искренним с тобой, так что ты сам должен быть всегда честен по отношению к себе, не ожидая честности взамен. Ни благодарности, ни доброты, ни почтения. Ты должен спасти Кос, невзирая ни на что». Таким образом я покончил с братьями. И у меня будет замечательный сын. — Теперь его голос стал частью шепота морских волн. — Я хочу, чтобы ты поняла: ты олицетворяешь собой то, о чем я даже не осмеливаюсь мечтать. Ты горяча, умна, у тебя есть друзья, которые признают твое лидерство и при всем этом любят тебя. Мы — лидеры. У нас обоих есть предназначение. У меня есть власть — я могу стереть всех вас в пыль, могу собрать сведения о вас со всего мира. Но ты выше, чем я когда-либо был. Я хотел бы видеть тебя своим другом.

Внезапно Сайла все поняла. Этот человек беспокоился о своем еще не рожденном сыне. По-своему он заботился о Ясмалее. Человек, обученный отвергать все человеческое в себе, естественно, даже не мог допустить и мысли о том, что можно заботиться о ком-то другом.

Но он понял, что та, прежняя жизнь отнюдь не единственная и правильная — он почувствовал желание иметь друга. Под слоем черствости и жестокости этот человек внутренне боролся за право быть свободным, право заботиться о ком-то, право выразить себя.

Как хорошо она погашала жизнь, покорную власти и желаниям других. Вся ее жизнь — это уловки и хитрые маневры. Он же правил страной железной хваткой, осознавая, что его сила — это его тюрьма. Такого человека можно убедить, можно заставить повести людей на правое дело. И если не доводами морали, то доводами практическими. Он может стать свободным, нужно только сорвать с него эту нечеловеческую маску.

— Теперь я твой друг, — произнесла Сайла, глядя ему в глаза.

Капитан отшатнулся назад, будто получил удар в грудь:

— Нет, — с тревогой в голосе ответил он, — ты никогда не должна произносить эти слова. Я уже подверг тебя опасности, взяв с собой сюда. Когда мы вернемся, ты всем будешь говорить, что я сделал это для того, чтобы обсудить с тобой вопрос о Жрицах Церкви, которые будут растить моего сына. Ты скажешь, что я не доверяю Жнее и хочу сам позаботиться о мальчике, подозревая, что она попытается завладеть им. Помни, Сайла, что мы ни о чем больше не говорили. Отец предостерегал меня, что мой форт — самое опасное место, какое я когда-либо видел. Ни ты, ни твои друзья здесь не помогут. Мои шпионы все видят и слышат, и они преданно обо всем меня информируют, надеюсь... Один Всемогущий знает, как вероломно они отчитываются перед кем-то другим. Никому не доверяй. Никому не верь. В первую очередь защищай себя. Если ты действительно мой друг, отрицай это, с кем бы ты ни говорила.

На этом он прервал беседу и, изменив курс, направил лодку в крутой водоворот, приподнявший корму в небо. Брызги воды капельками расплавленного серебра рассыпались вокруг. Оставив Капитана, Сайла села на доски лицом к носовой части, прислонившись к мачте спиной. Покачивание лодки, дуновение ветра, запахи воды и дерева стали неотделимой ее частью. Солнце ласкало ее своим теплом, наполняя сознание безмятежным спокойствием. Только сейчас напряженные мышцы расслабились, давая уставшему телу короткий отдых.

«Капитан блестяще перечислил сходства и различия между нами, не подозревая, что это тоже был признак человеческого чувства, заботы, — думала Сайла, улыбаясь. — Кроме того, он увидел то, что сближает нас, делая похожими: одиночество. Странно, он ищет друзей и одновременно отвергает дружбу с любым, кто ее предлагает».

Противоречие, ставшее результатом эмоциональной изоляции, искажающей человеческие представления обо всем и обо всех. Это тяжесть в груди, невыносимая боль. Боль, которая отгораживает даже от самых близких и дорогих друзей. Одиночество, разделяемое ею с Капитаном, было своего рода способом принятия решений. Кто понимал это одиночество лучше, чем Избранная, ставшая Жрицей Роз, Цветком Церкви?

Глава 62

Додой повернул голову, гадая, чем может быть так обеспокоена Ланта. «Робкая маленькая Ланта», — думал он, наблюдая за тем, как она пересекает двор и направляется к дому, такая крошечная и незащищенная. С уходом Конвея она стала еще мрачнее, чем обычно.

Как бы то ни было, это уже не имеет значения. Оба они искали пути для сближения, но в конце концов остались на разных берегах. Взрослые всегда ведут себя глупо.

Додой думал о женщине, с которой жил капитан Скэнов. Определенно, она была ведьмой. Скэн бил его только для того, чтобы подчинить себе. Женщине же нравилось издеваться над ним. Съежившись, Додой вспомнил, как он кусал себе кулаки, чтобы не закричать, когда она полосовала ремнем его ноги. Она любила слушать, как он кричит. Когда она увидела, что он вытирает слезы, то чуть не откусила ему палец. Он до сих пор слышит ее голос, видит свою кровь, капающую с ее толстых, мокрых губ. «Тебе больше нравится, когда

тебя кусают? Или когда тебя избивают ремнем, а? Отвечай!» — Ремень опять хлестанул по ногам, и в тот момент он закричал. Он не знал, остановил ли ее крик, или она просто физически устала терзать его.

В одном он был уверен — женщины по природе хитрее и подлее мужчин. Они хорошо умеют это скрывать, но он-то все знает.

Тем более ему было удивительно видеть мужчин, которые тратят время на поиски женщин, как будто их жизнь закончится, если они не найдут себе пару. Додой провел многие часы, думая об этом, и решил, что не будет иметь с женщинами никаких отношений.

За исключением одной, которая так любит размахивать ремнем.

Он поежился. Послеобеденные облака затянули небо над двориком. Холодок начал пробираться до костей.

Он пошел вслед за Лантой в дом. Скрюченный от холода, заглянул в щель едва приоткрытой двери. Ланта была чем-то занята.

Дымок, поднимавшийся от жаровни, обогревающей комнату, убедил его войти.

Толкнув скрипучую дверь, Додой оказался в комнате. Ланта вспорхнула, как перепелка. Ей потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

— Ты напугал меня. — наконец проговорила она, пытаясь отдышаться. — Тебе говорили, что нужно стучать перед тем, как войти?

— Я забыл, — извиняющимся тоном произнес Додой.

Вода в котелке, стоящем на углях в жаровне, начинала закипать. На столе уже была приготовлена пустая чашка.

— Ты возвращаешься на Остров? — поинтересовался мальчик, указывая взглядом на дорожную сумку Ланты. Сумка была открыта.

— Кто тебе об этом сказал? — ее глаза удивленно округлились.

— Никто. Ты не нравишься Ясмале, поэтому ты отсюда уезжаешь. Куда тебе еще ехать? А мальчик говорил, что они убьют нас, если мы попытаемся встретиться с людьми, которые живут за стенами замка.

— Какой мальчик?

— Ну, мальчик, с которым я играл. Он живет здесь с мамой и папой. Здесь больше нет детей, кроме него и меня. Он делает все, что я ему говорю, иначе я не буду с ним играть. Он глупый.

— Неужели здесь больше нет детей, кроме вас?

— Да, ты просто никогда не замечала: ведь тебе все равно. Вы в этом сами виновата. И Сайла, конечно, тоже.

— Объясни, пожалуйста, что та имеешь в виду. — Перестав упаковывать вещи, Ланта пристально посмотрела на него.

— Капитан заставил выслать отсюда всех детей рабов, потому что Сайла не хотела видеть их здесь. Здесь не живут дети Команды, за исключением того мальчика. Он сказал, что его семья будет в опасности за стенами форта. Дело в том, что несколько членов Команды готовили покушение на Капитана, а отец того мальчика донес на них.

— Бедный ребенок. Он, наверное, совершенно одинок. Ему нужен друг.

— Я хорошо к нему отношусь, потому что он мне рассказывает много интересного. Он слышит то, что говорят взрослые. Он еще маленький, поэтому они уверены, что он ничего не понимает. — Додой исподлобья взглянул на Ланту, пытаясь определить, какой эффект произвели его слова.

— Друг — это самое драгоценное, что есть на свете. — Ланта закрыла глаза и некоторое время молчала.

Додой был уверен, что за этим жестом что-то кроется — у него появилась идея.

— Ты возвращаешься на Остров, чтобы быть вместе с твоим другом Конвеем? — спросил он. Ланта замерла.

«Эти слова испугали ее», — подумал Додой, но было что-то еще. Он не мог быть в этом уверен, пока она не заговорила:

— Да. И к другим моим друзьям: Тейт, Налатану, Валу и Ти.

— Ти? Но она тебе не друг.

— Не говори так!

Додой с удовлетворением заметил, что она разозлилась.

— Все, чего она хочет, — это освободить рабов, — с притворным сочувствием произнес он.

Ланта быстро успокоилась и даже улыбнулась:

— О, да. Это доброе дело, ты сам знаешь.

Конечно, он это знал. «Она, наверное, думает, что я глупец, — размышлял Додой — Когда я сказал, что Ти вовсе не друг Ланты, она разозлилась. Так что же ее так расстроило? Конвей!» Он проклинал себя за то, что не заметил этого раньше. Конвей преследовал Ти, как мужчина преследует женщину, но Ти было все равно. Ланта хотела быть рядом с Конвеем, но он не обращал на нее внимания.

— Я думаю, что Конвей очень нравится Ти, — намеренно спокойно произнес Додой.

— Он хороший человек. — Покраснев, девушка с удвоенным усердием стала рыться в своей сумке.

— Он с ней все время разговаривал там, на Острове.

Ланта медленно выпрямилась. Додой подумал, что в этот момент она как никогда была похожа на мышку, маленькую больную мышку.

— Они проводили много времени вместе? — бесцветным голосом, уставившись прямо перед собой, спросила она.

— Почти все.

— И о чем же они беседовали?

— Обо всем понемножку. — Додой тщательно взвешивал слова: достаточно было одной ошибки, чтобы все испортить. Одно неосторожное слово — и она будет взбешена. Хуже этого, закончится эта веселая игра. — Они много говорили об Оле. Я думаю, они хотят вернуться туда.

— Если бы я могла, я бы никуда не уезжала.

— Извини, — пробормотал Додой. Затем, посмотрев на нее самым невинным взглядом, добавил: — Ты хорошая. Ты редко кричишь на меня, всегда говоришь мне, что делать. Плохо, что ты не использовала свой дар провидицы, когда мы были в Оле. Ты бы обо всем узнала и смогла бы там остаться.

— Я никогда не делаю этого, Додой, — ее нижняя губа задрожала. — Дар Провидения принадлежит Церкви. Это ужасный грех — использовать его в своих целях.

Додой вдруг вспомнил окровавленные губы женщины Капитана, вспомнил, как опух его палец. Целую неделю он плакал и почти не спал из-за жуткой боли.

— Откуда ты знаешь, что другие провидицы не используют его? Ты такая добрая — всему веришь, — проговорил, прогнав мрачные воспоминания.

— Они не могут так поступать. Это плохо.

— Кто знает? — Додой развел руками. — Если я уйду и закрою дверь, кто будет знать, чем ты тут занимаешься? Другие провидицы могут закрыть двери. Я думаю, что они пользуются своим даром. Не для себя, конечно, потому что Вездесущий видит каждого, как ты не устаешь повторять мне. Но разве Он не сказал, что мы должны помогать друг другу чем только можем?

Ланта улыбнулась, но в этой улыбке чувствовалось столько горечи, что Додой в какой-то момент испугался, что сказал слишком много. Однако ее слова успокоили его:

— Додой говорит словами Священного Писания? Я присутствую при свершении чуда?

— Я ничего не знаю о Церкви. Я просто ребенок, освобожденный раб. — Он решил сменить тему: — Но если Конвей попадет в беду, разве не будет Сайле труднее искать Врата? И если она не найдет их, разве не станет Жнея самой могущественной в Церкви?

— Уходи, Додой. Сейчас же. — Осенив себя Тройным Знаком, Ланта взглянула в окно.

Засунув руку в карман, Додой достал охапку листьев, которые Тейт называла

марихуаной. Моряки заверяли его, что в замке эти листья будут очень дорого стоить, потому что марихуана была запрещена. Он насыпал треть в чайник, добавив туда же изрядную долю чайных листьев. Сделав это, он спохватился. А вдруг с ней что-нибудь случится? Моряки говорили, что курение этих листьев или добавление их в еду не приносит никакого вреда, но никто ничего не говорил о кипячении. А что, если она умрет? Если он сейчас перевернет чайник, все обойдется и никто ничего не узнает. Додой уже протянул к нему руку, когда Ланта неожиданно обернулась. Его сердце екнуло. Отдернув руку, Додой сделал шаг назад. Мило улыбаясь, она взяла чайник и, наклонив его над чашкой, спросила:

— Ты хочешь чаю, да?

Слишком испуганный, чтобы что-то ответить, он молча повел головой из стороны в сторону. Наполнив чашку, она немного отхлебнула. Потом, смакуя напиток во рту, отодвинула ее от себя:

— Крепкий. Вероятно, здесь совершенно другой чай. — Склонив голову набок, она начала водить чашкой по кругу. Жидкость едва не выплескивалась на стол. Воздух над ним наполнился благовонным паром. Отхлебнув еще глоток, она помедлила, потом, запрокинув голову, выпила все содержимое залпом.

Додой, сам не желая того, застонал. Ланта вопросительно взглянула на него:

— С тобой все в порядке? У меня осталось немного чая, если тебе нехорошо.

— Нет! — громко крикнул он, затем уже тише проговорил: — Нет. Все в порядке. Я просто хочу спать. Я пойду, хорошо?

Пятясь к двери, он не переставал внимательно наблюдать за Лантой, но она казалась вполне здоровой. Быстрым движением он задвинул ширму, отгородившись от остальной комнаты, и расстелил постель. Накрывшись одеялом с головой, он свернулся калачиком, как крошечный зверек в пещере. Окруженный темнотой, он внимательно вслушивался, ища признаки беды. «Если Ланте будет плохо, нужно будет вылить остатки содержимого чайника в дыру в полу, только потом идти за помощью», — думал он. Потом, высунув голову из-под одеяла, стал прислушиваться. За перегородкой напевала Ланта. Песня была необычной, звук то увеличивался, то затихал.

Ланта была удивлена тем, что ее глаза, казалось, смотрели независимо друг от друга, то приближая, то отдаляя вещи в комнате. Она не могла ни на чем сконцентрировать взгляд. Странно.

«Стресс», — решила она. Но тут же подумала, что для этого нет причин. Почему она должна беспокоиться о Конвее? Врата? Сайла? Глупая Сайла. Эти слова рассмешили ее. Глупая Сайла. Ничто на свете не было так смешно. Смех рождался где-то глубоко внутри. Она сжала губы, но он начал вырываться через нос. Глупая Сайла. Слова пульсировали у нее в голове. Они расплывались, становились жидкими, колыхались в сознании водянистой бессмысленной музыкой.

Чьи-то рыдания. Слезы на щеках. Откуда они взялись? Почему она сидит в углу? Жизнь стала смертельно пугающей, неимоверно грустной — мир должен плакать вместе с ней. Стресс. Настоятельница говорила, что духовный стресс может убить человека.

Ланта попыталась встать. Она не хотела умирать.

Транс.

Что-то здесь было не так. Транс лишь усугублял потерю контроля. Значит, это не он. Тогда что же с ней?

Нужные слова не приходили в голову. Глаза закрывались, погружая ее в море спокойствия, но она чувствовала, что тело сопротивляется. Мозг пульсировал, работая в неровном ритме. Она увидела свое прибежище — маленькое Церковное святилище с холодными непреступными стенами. Каменные валуны покидали их, оставляя на своем месте зияющие черные дыры, катились к ней по полу, подпрыгивая в безумной пляске, стремительно сжимая ее в холодном кольце.

Голос — ее собственный? — звал Мэтта.

Додой наблюдал за ней сквозь отверстие в перегородке. Он был шокирован: он видел,

как сначала она била поклоны, падая подобно мокрой тряпке, затем колотила по земле руками, а потом затихла. Умерла?

Нет, Ланта была жива. Темные, словно камень, широко открытые глаза пристально смотрели на него, преследовали.

Отступая, он искал дверь. Наконец, нащупав ее, распахнул настежь. Если он побежит за помощью, ему будут задавать вопросы. Подумают, что он шпионил. А если найдут марихуану?.. Оставив дверь открытой, он бросился прочь. Если Ланта умрет, то решат, что это был несчастный случай. Он не хотел причинить ей вред, правда, он просто хотел помочь. Если он ничего не скажет, никто и не узнает правды.

Спрятавшись под листьями рододендронов, Додой отдышался. Он был уверен, что здесь в такой темноте его долго никто не увидит. Внезапно он почувствовал на себе чей-то взгляд. С замирающим сердцем он раздвинул листья и выглянул наружу. Никого.

Опускание не проходило. Он чувствовал мысли — о нем кто-то думал. Его жалели.

Додой начал бить по поврежденному пальцу до тех пор, пока боль не заполнила все его существо, вытеснив остальные ощущения.

* * *

Это видение было не похоже на то, что Ланта видела прежде.

Картины были такие реальные, что она, казалось, ощущала их.

Дома, похожие на горящие горы, обжигающие все вокруг. Солнце сходит с ума, заходясь в приступе ярости, разрушает их своим светом. Видение пропало, оставив огненный след. Но сразу же на его место всплыло другое: какие-то строения, невысокие, похожие друг на друга. «Дома для рабов», — догадалась Ланта. Рабов, которые обслуживают гигантов. Она знает, что видит проклятое место, но не понимает, откуда она это знает. Странно одетые рабы выходят из зданий, испуганно глядят на небо. Вдруг один вскрикивает и падает на землю. Громко кричит и бьется в конвульсиях. Другой пытается бежать, но падает точно так же, как первый. Много людей — огромное количество — как будто в каждом доме живет целое племя, начинают разбегаться. Они натыкаются друг на друга, спотыкаются. Люди рассыпаются по земле, но земля — это невероятная серая гора, совершенно плоская, как каменная река с каменными берегами.

Другая сцена.

Взрыв. Яркий резкий свет, выжигающий глаза. Что-то странное висит в воздухе над землей и горит, издавая оглушительный шум. Всюду клубится дым, покрытые сажей облака поглощают солнечный свет, и среди белого дня наступают сумерки. Станный, жужжащий механизм, как будто подвешенный к сверкающему диску. Ланта видит выглядывающие из него лица.

Конвей.

Полная темнота. Потом, впечатываясь в темноту, появляются слова. Впервые в жизни Ланта рада им, потому что они вычеркивают из ее сознания сводящие с ума видения.

Не овладев щитами Врат, никто не сможет овладеть их силой.

Ланта мысленно закричала, где-то в глубине истерзанного мозга слова отозвались жалобным эхом. «Я?! Почему я?»

Она воспользовалась своим даром — и будет наказана. Конвей придет и будет ненавидеть Церковь и Ланту. Подарив ему знание о будущем, она потеряет его.

Она боролась с трансом, временами впадая в забытие. Тяжелая, липкая, как смола, тишина окружала ее. Очнувшись, она, пошатываясь и спотыкаясь о выбоины каменного пола, приблизилась к окну. Ланта уверяла себя, что стены вокруг нее реальны, а звезды за окном не были созданы дьяволом, как ей представлялось в воображении. Повернувшись, она подошла к кровати. Скрюченными руками отвернув одеяло на постели, она плотно укрылась им.

Видение. Оно было таким же, как то, что описывалось в Заветах Апокалипсиса.

Гиганты неопишущей мощью подавляли горделивых рабов.

Несмотря на теплое одеяло, ее лихорадило.

Люди, которые убивали Учителей, обвиняли их в высокомерии и в том, что они подвергли опасности все человечество.

Врата... Не овладев щитами Врат...

Конвей... Придет и будет ненавидеть Ланту...

Глава 63

Ланта выпрыгнула из баркаса на берег и побежала от нагоняющей ее волны. Коссиар быстрыми размашистыми движениями греб обратно. Выплыв на глубину, он поставил выдвижной киль и, сплюнув в воду, направился к месту, где станет на якорь и будет рыбачить, ожидая ее зова. Проводив матроса взглядом, Ланта повернулась обратно к берегу и увидела приближающуюся Ти.

— Что привело тебя обратно, Ланта? Конвей?

— Я вернулась, чтобы работать вместе с вами, нести слово Церкви рабам.

— Конвей и Тейт собирают припасы, а Налатан где-то на материке с людьми Вала готовит последнее укрытие для беглецов. — Взяв Ланту под руку, Ти направилась в сторону дома Борбора. — Здесь есть проклятое место вверх по течению. Рабы копали там шахты, но после землетрясения его почти полностью затопило. Там, куда еще можно добраться, мы прячем рабов. Ни один из Коссиаров и шагу не ступит в этих местах.

— Вы никогда раньше не работали так много.

— Ты слышала что-нибудь в замке? — Ти внезапно остановилась, пристально посмотрев на нее.

Ланта пожалела, что не может рассказать ей о трансе предыдущей ночью, о Видении, в котором был Мэтт Конвей. Жаль, что она не может поделиться этой тайной ни с кем.

— Ходят разные слухи: говорят, участились патрулирования, репрессии. Правда, они нас не затрагивают, но Ясмалея постоянно в курсе дел и все новости передает нам.

— Беглецы начали собираться. Двенадцать из двадцати уже спрятаны в шахтах. Остальных тайком переправляют из одного безопасного места в другое. Патрули перевернули с ног на голову всю округу, разыскивая их. И почему еще Капитан не взбесился?

— Никто не скажет ему то, что, по их мнению, может его взволновать. По-моему, Команда просто-напросто не слишком обо всем беспокоится. Потеря двадцати рабов, пусть даже двадцати квалифицированных рабов, не нанесет серьезного ущерба Косу.

Ти по-прежнему сомневалась, но слова Ланты немного ее успокоили.

— Вполне возможно, что все происходит так быстро, что Коссиары попросту не успевают реагировать, — проговорила она. — Надеюсь, что это так. Рабы покинут проклятое место в первую же безлунную ночь. Мы собираемся спрятать их в потайных отделениях лодки Вала, и как только стражи границы пропустят ее, они будут на свободе. — Внезапно оживившись, она широко улыбнулась. — Двое рабов раньше жили неподалеку от гор, и они слышали рассказы о нескольких новых Сиа Танцующих-под-Луной на востоке. Еще они говорят, что кочевники Каталлона нагледят день ото дня, совершая нападения на фермы и деревни. Они даже попытались ворваться в город. Единственное, что спасло Коссиаров, это их сигнал зеркалами, по которому подоспел военный отряд. А то кочевники вполне могли бы преуспеть.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Между Гаванью и Горами Дьявола у Коссиаров есть система зеркал, расположенных на башнях. Эти башни очень высоки, и сделаны они из камня или дерева, без окон. Их легко защищать, и там все время находятся воины. Обычно каждую башню можно увидеть с двух других: зеркала отражают солнечный свет. Ночью сигналият фонарями или факелами. Говорят, сигнал, посланный с Гор Дьявола, можно увидеть в Гавани через пару минут. Но

недостаток такой системы в том, что ненастная погода ее приводит в негодность.

— Если будут даны сигналы Капитану о рабах, то сможет ли кто-нибудь из ваших людей прочесть сообщение? — поинтересовалась Ланта, когда они уже подходили к дому. — Не заметил ли кто, что патрули стали более активными, чем обычно, когда ваши рабы начали пробираться к Гавани?

— Мы узнали бы, если бы Капитан что-нибудь заподозрил. Наши воины наблюдают за его лодками и воинами. У нас все под контролем, — ответила Ти снисходительным тоном.

Ланта рассердилась, но решила держать свои чувства при себе. Гораздо сильнее ее взволновало то, с какой быстротой нервозность Ти сменилась самодовольством. Это явно указывало на стресс. Ланта вздрогнула: она-то понимала, что это такое. Неплохо было бы узнать, не совпадают ли их объекты внимания и тревог.

Ти провела Ланту в летнюю часть дома Борбора. Торговец построил на южной стороне открытую террасу. Вид оттуда был великолепный: на западе возвышались пользующиеся дурной славой Ворота, а прямоком через канал был виден материк. На юге виднелось огромное проклятое место. Холмы, покрытые дубами, и буйная зелень в долинах скрывали большинство следов древнего разрушения, но изредка попадавшие на глаза гладкие блестящие глыбы бетона служили немым свидетельством о гневе гигантов, разрушивших прежний мир. Ланта содрогнулась. Внезапно ей показалось, что ее сознание каким-то образом переплелось с образом Конвея, взирающего на этот невообразимый хаос. Странное чувство завладело на миг ее мыслями, но почти сразу в смятении угасло.

— Я скажу Конвею, что тебя не стоит отпускать на материк, — прервала молчание Ти, не отводя своего взгляда от берега, видневшегося вдаль.

— Ты не сделаешь этого! — ошеломленная, Ланта повернулась к ней.

Сев на кресло из бамбука, Ти махнула Ланте, чтобы та присоединилась. Жрица отказалась, сердито потрянув головой. Ти продолжала:

— Когда я предложила Церкви послать кого-нибудь, чтобы противодействовать культу Луны, то думала, что это будет опытный в тайной миссионерской работе человек. Я восхищаюсь тобой, но ты слишком доверчива.

— Ты или доверяешь, или никто с тобой не имеет никаких дел.

— Мы очень осторожны и говорим с человеком только тогда, когда уверены, что он предпочтет смерть рабству. Такие никогда не предадут.

— Ты вовсе не так уверена в своих людях, как говоришь, — Ланта присела на краешек кресла, — иначе не спрашивала бы меня, не слышала ли я что-нибудь в крепости. Моя обязанность и моя жизнь заключаются в том, чтобы нести всем и каждому слово Церкви. Так или иначе, ты знаешь закон: Капитан должен уничтожать любого, причинившего мне вред...

— Церковь расколота, — грубо перебила ее Ти. — Только три вещи удерживают Капитана от того, чтобы бросить вас всех в темницы и назвать следующей Сестрой-Матерью самого себя. Во-первых, эта безумная Ясмалея и ее ребенок. Во-вторых, вероятность того, что Сайла найдет Врата и изменит таким образом саму Церковь. В-третьих, это что-то, называемое Камнем Истины. Твой Орден — Орден Фиалок — является ключом к планам Жнеи управлять Церковью. Мне сказали, что Камень Истины — это какой-то талисман. Никто не может управлять сектой Фиалок без него, и в то же время никто не может его найти. Какая глупость! Как Церковь может быть могущественной и справедливой, если маленький камень определяет, кому ею управлять?

Ти внезапно замолчала и наклонилась вперед. Протянув руку к Ланте, но не касаясь ее, она извинилась:

— Я не хотела сказать это так резко: ты вся побелела, как снег. Иногда я просто не могу сдержать себя, прости.

Ланта покачала головой, используя паузу, чтобы собраться с мыслями.

— Ты сказала правду: я не доверяю Капитану, и мы можем только надеяться, что он разрешит нам убраться после того, как мы вернем ему здорового ребенка и жену. Он должен так поступить, а иначе Сайла не найдет Врата.

— У него есть свои собственные планы, — проговорила Ти задумчиво. — Он, должно быть, думает, что Жнея сможет завладеть Камнем Истины. Но зачем тебя-то удерживать? Как ты сама сказала, Сайла не может найти Врата здесь. И зачем обременять тебя этой идиоткой Ясмалеей? Это подвергает тебя опасности, и, вероятно, никто тебе не позавидует, если с малышом и матерью будет что-нибудь неладно. Если бы Капитан думал, что Ясмалея и малыш действительно угрожают ему, он убил бы их обоих.

— Нет! — Ланту едва не стошнило.

— Ты по-прежнему веришь, что в каждом есть что-то хорошее. — Ти засмеялась. — Капитан хочет владеть Косом и участвовать в управлении Церковью и той силой, которую Врата скрывают от мира. Для него твоя жизнь значит меньше, чем капелька воды. А значимость моей жизни еще меньше. Я не хочу, чтобы ты рисковала, занимаясь своими проповедями. После восстания рабов ты сможешь поговорить с любым из них. А сейчас — нет!

— Ты не имеешь права останавливать меня. Если все твои доводы верны, то моя жизнь вскоре закончится, и я обязана провести отпущенное мне время в работе на благо Церкви.

— Мне не нужны никакие права! Ты не сможешь отправиться туда, если Конвей и Вал не возьмут тебя с собой, а я уж позабочусь, чтобы они этого не делали.

Ланта вскочила с кресла и подошла к перилам на краю террасы. Повернувшись спиной к заливу, она указала пальцем на Ти.

— Это все из-за Конвея. Ты не хочешь, чтобы я поговорила с ним наедине, да?

Ти сжала ручки кресла так, что побелели костяшки пальцев. Начиная со щек, краска начала медленно заливать ее лицо. Где-то далеко без усталости пела птица — ее чистые трели подчеркивали мертвую тишину, повисшую между двумя женщинами.

Мысли Ланты вернулись к тому моменту, когда она поддалась искушению... К Конвею, который теперь ее возненавидит... Ее решимость поколебалась. Она заставила себя выпрямиться.

— Я не знаю, как с тобой бороться, Ти. Я даже не хочу этого.

Увидев, что Ти не отвечает, Ланта расценила молчание как знак того, что разговор окончен. Она развернулась и бросилась вниз по лестнице, хватаясь за перила, чтобы не упасть: слезы застилали ей глаза. Она не могла знать, что Ти шла к ней с открытой душой.

Глава 64

Ланта была не в том состоянии, чтобы вызвать свою лодку и тотчас же вернуться в Гавань.

Она зашла в дом исцеления, где когда-то ухаживала за Конвеем. Это было тихое место, спрятанное от чужих глаз. Она села, отставив в сторону единственное в комнате кресло. Ее пальцы плавно скользили по покрытым пылью кожаным лямкам кровати, оставляя за собой причудливый рисунок из маленьких треугольников. Оперевшись на одну из лямок, Ланта улыбнулась: натянувшись, кожаная полоска закрипела, выражая свое неудовольствие. Когда раненый Конвей поворачивался, то заставлял всю конструкцию возмущаться куда более громко. А ведь раньше он был болен и нуждался в ней. Тогда он принадлежал ей. Она вылечила его, и сейчас она должна смириться с его утратой.

Впрочем, он никогда не принадлежал ей по-настоящему. Она называла его своим, прижимала его к своей груди, мечтая о ярких днях смеха и жарких ночах, полных огня и возбуждающей страсти.

Сломанному мужчине она была нужна, выздоровевший же хотел Ти.

Услышав, как что-то твердое стучит по деревянным ступенькам лестницы, ведущей в здание, Ланта схватилась за нож и повернулась лицом к возможной опасности. В последний раз клацнув когтями по деревянному полу, Карда остановился в открытой двери, одной ногой уже переступив порог. Рядом с ним появилась и Микка. Менее осторожная, она зашла в комнату, но все равно остановилась вне досягаемости Ланты.

Конвей не видел Ланты до тех пор, пока не зашел внутрь. Резко остановившись, он даже хрюкнул от удивления. Ланта прыснула, заразив его своим смехом.

— Что ты здесь делаешь? — успокоившись, спросил он. — Я думал, что ты находишься в этой каменной громаде Капитана.

— Так, забираю кое-какие припасы, — ложь легко пришла на ум. — Я забыла кое-что, что может понадобиться Ясмалее.

— Я тоже. У беглецов не должно возникнуть потребности в бинтах и мазях, но на всякий случай не повредит иметь это на борту.

Внезапно образ Конвея возник внутри этой невообразимой летающей вещи, свисающей с сияющего диска. В это мгновение она увидела, что он убегал. Всюду были смерть и разрушения, они заполняли все вокруг, простираясь до самого горизонта. Он убегал, но она не чувствовала в его душе трусости. Смирение — да, может быть, отчаяние. Да, это было. Не отравляющая мозг трусость, заставляющая людей с воплями убегать от опасности.

Это было невозможно. Она знала из Видения, что он видел сцены, слишком ужасные для того, чтобы пережить их, и, несмотря на это (а может, из-за этого?), он жаждал чего-то, совершенно отличного от бегства.

Что же он мог искать?

— ...не слишком-то беспокоитесь, — голос Конвея пробудил ее от раздумий. — Ты и Сайла много говорите о свободе, но вы не желаете бороться за нее так, как это делает Ти. Даже Тейт! Однажды она это сделает, как сделала ради Додоя!

Внезапно черты его лица заострились.

— Ты когда-нибудь говорила с Тейт о том, чтобы помочь нам, помочь Ти? — подозрительно спросил он. — Впрочем, ты никогда не ладила с Ти. Я видел, как ты смотрела на нее в той таверне. Она уживается с теми людьми, поэтому ты считаешь, что она одна из них, не так ли?

Ланта была так возмущена, что едва сдерживала свое негодование. Сколько еще оскорблений ей суждено было вынести? Сначала ей дали задание следить за одной из Жриц ее собственного аббатства Фиалок, что лишало ее моральной чистоты. Затем Ясмалея выбрала военную целительницу в качестве своей акушерки, сомневаясь в ее, Ланты, компетентности. В довершение всего он, Мэтт Конвей, намекнул на свой интерес к ней только для того, чтобы пренебречь ей. Хуже того, он придумывал причины, чтобы обвинить ее в своем отказе. Как он мог так бессердечно ранить ее?

— Ты оскорбляешь меня! Ти мне очень нравится: она помогла мне, пытаясь остановить того мужчину в таверне. Мы друзья!

— Ты не обменялась с ней и парой слов с тех пор, как мы попали сюда. — Конвей презрительно усмехнулся. — Во всяком случае, ты ей не нужна. У нее своих проблем хватает.

— Конечно, она хотела поговорить со мной, да и Налатан — тоже. Это он встретил толпу и остановил их, когда они приставали ко мне. Я благодарна им обоим. Но где был ты? Ты даже не сказал ни слова!

— Я был на улице. Если бы я был внутри, я бы сделал что-нибудь. — На мгновение его лицо перекосилось мимолетным чувством боли.

Девушка была довольна. Пусть знает! Он ранил ее, накинувшись словно коршун. За что? Но в то же время она была огорчена: чувство обиды восторжествовало. Как воин, нападающий на ослабленного противника, она снова бросилась в атаку, ненавидя свои же слова:

— Налатан не колебался, он действовал так же отважно, как и Тейт. А Ти была просто великолепна. Как ты можешь говорить, что я замышляю что-то против них, что я отвергаю Ти? Я прибыла сюда сегодня с единственной целью — поговорить с ней о нашем общем деле, участвуя в котором я могу принести слово Церкви тем рабам, которых она пытается освободить.

Уязвленный критикой Ланты и ее неожиданно горячей самозащитой, Конвей ухватился

за последние слова.

— Вот видишь! Ты лгала мне, ты здесь вовсе не за припасами. Что за сказку ты наплела про Ти? Разве ты снизойдешь до нее? Она же недостаточно чиста для тебя после того, как блюстители истины использовали ее. Вот что я тебе скажу: забудь то, что случилось с ней. Несмотря на это она женщина, а не холодная испуганная святая. Более женственная, чем ты когда-либо будешь.

Боль захлестнула мозг Ланты. Сдержанность, достоинство, способность думать — все это исчезло из ее мыслей. Желание причинить ему как можно больше боли овладело ею — едкие, пламенные, восхитительные слова срывались с ее языка:

— Я пришла сюда в надежде принести рабам слово Церкви, но это, как я сейчас понимаю, невозможно. Все вы проповедуете свободу, но вы слишком чванливы и горды, чтобы обременять себя верой и моралью. В Заветах Апокалипсиса говорится: *«Ни одну душу нельзя спасти ножом целителя: любое тело можно принудить, разум же надо убедить»*. Вы спасаете тела, но не обращаете внимания на души.

— Значит, ты против спасения рабов «во плоти»?! Я хочу знать в точности, что вы с Сайлой замышляете. Вы и этот жеребец Капитан. — Мэтт жестом показал собакам, нервничающим все больше и больше, выйти и сторожить снаружи. Закрыв за ними дверь, он снова повернулся к Ланте:

— Ты притворялась такой доброй, такой любящей. Ты соблазняла меня. Ты знаешь, что это так. И я почти поверил тебе. Насколько же ты лжива!

Ланта поднялась. Это было именно то слово, которое она хотела услышать.

— Да, я солгала тебе о цели моего прибытия сюда, признаюсь. Но когда ты сознаешься в собственной лжи, Мэтт Конвей? Ты забыл, что я провидица. Я знаю тебя, знаю, что ты не рассказал правду о себе. Я знаю о странных смертях в твоей земле, о разрушениях. Ты убежал. Так же, как и сейчас со мной. Ты испугался моих чувств и потому ищешь любой предлог, чтобы сбежать. Снова. Ты всегда так делаешь!

Конвей схватил Ланту за плечи, пальцы впились в кожу, как когти.

— Ты применила эту твою штуку ко мне? Что ты видела? — страх был смешан с презрением в его голосе.

— Отпусти меня! — Она извивалась в его объятиях, толкала в грудь руками, пытаясь вырваться из мертвой хватки. Увидев, что ничего не может сделать, она подняла взгляд со своих рук на его безумные глаза. То, что должно было испугать ее, произвело обратное действие. Сначала он разбил ей сердце. А теперь угрожает сломать ей кости. Ярость переполнила девушку. Она пиналась, билась и вырывалась, но все было напрасно.

— Расскажи мне, что ты увидела, — прохрипел он. — Наше оружие, ты узнала о нашем оружии, как приводить его в действие, сколько у нас боеприпасов. Ты тоже увидела это, да?

— Нет. Я видела тебя, настоящего тебя, который опоздал, когда опасность угрожала мне в той вонючей таверне, которая тебе так нравится. Я видела, как ты убежал, в то время как другие умирали.

Его глаза закатились, так что остались только блестящие белки. Пузырящаяся пена появилась на губах, но хватка не ослабевала. По мере того, как сознание возвращалось к нему, Ланта все сильнее убеждалась, что смотрит в глаза сумасшедшего.

— Испугался твоих чувств? Что ж. Я отвечу на них. Прямо сейчас.

Его руки переместились с плеч на грудь, разорвав по пути воротник ее мантии. Мозг Ланты взбунтовался, отказываясь принять происходящее. Даже когда ужас парализовал ее, часть сознания ошеломленно заметила, как вздулись на его шее жилы, напряженные мускулы рук выпятились жгутами. Его дыхание отдавало горечью.

Она ударила коленом ему в пах. Боль исказила его лицо, хватка ослабла, так что Ланта смогла вырваться. Она отшатнулась к стене, поддерживая свою мантию, прикрывая те места, где его грубые руки разорвали ей одежду. Хуже, чем физическая боль, было ощущение краха всей ее жизни и мечтаний.

Конвей превозмог боль и выпрямился во весь рост. Посеревший, с ничего не

выражающим лицом, он молча двигался к ней с холодной решимостью, заставившей Ланту оцепенеть.

Она сдалась:

— Делай, что хочешь. — Она опустила руки, ничуть не заботясь о том, что грудь обнажилась. Услышав ее голос, Конвей остановился, насторожившись, словно животное: было видно, что он колеблется. Ланта почувствовала странное, противоречивое чувство триумфа. Она продолжала: — Я не ровня тебе по силе. Но и ты не можешь контролировать свою слабость. Я обвиняла тебя в трусости. Нет, ты — не трус, Мэтт Конвей. В тебе сидит демон, существо, порожденное хаосом. Он извращает все, что ты видишь и делаешь. Ты собираешься изнасиловать меня. Ты будешь обвинять в этом меня, говорить себе, что ты сделал это потому, что ты ненавидишь меня. Лгун! Лгун! Ты любишь меня. Как и я любила тебя однажды. Мужчина, которого я вижу, — не тот человек, которого я могла бы полюбить. Ты силой возьмешь то, что я могла бы дать тебе добровольно. Скажи своему демону, что он ничего не выиграет. Я плюю на него, я отрицаю его победу. Ты слишком слаб, чтобы осознать свою истинную душу. Я же сильна, чтобы оценить зло, сидящее в тебе. Я жалею тебя.

Конвей моргнул. Ярость его утихла. Глаза, казалось, запали.

— Ты жалеешь?.. Ты осмелилась сказать это мне? Тому, кто знает, кто ты такая на самом деле, тому, кто презирает тебя?

Медленно, неуклюже, как будто подчиняясь малопонятным командам, Конвей поднял руки и с быстротой молнии бросился на девушку.

Ланта смотрела в мертвое, безучастное лицо, приближающееся к ней. Ее руки инстинктивно поднялись к шее, встретившись с чем-то маленьким, гладким и в то же время шершавым.

Камень Истины!

Он спасет ее. Она схватила талисман и усилием воли отправила свой разум в глубины его пурпурного лабиринта. Ритм заклинания тихим шепотом охватил ее тело, а затем, обратившись в грохот, смел чувствующее мыслящее существо, которое было Лантой. На ее месте осталась женщина, которую настоящая Ланта пожалела бы: «Глупышка, надеющаяся на любовь»...

Сознание покинуло ее.

Его пальцы конвульсивно сомкнулись на ее шее, в точности как он и намеревался, но с совершенно противоположной целью — чтобы не дать ей упасть. Трясаясь от неистовой ярости, он держал ее. Грубые пальцы сильно вдавились в ямку у основания шеи. Секундное надавливание... Синяя жилка пульсировала на ее виске. Между медленными, практически незаметными ударами проходило столько времени, что он невольно задержал дыхание, опасаясь, не умерла ли она. Уловив следующую пульсацию, его глаза сузились, и его снова затрясло.

— Еще один обман! И этому нет конца. Я не верю! — Он встряхнул ее. Глаза открылись — невидящие, бессмысленные. На мгновение они расширились, всматриваясь в него.

Конвей вспомнил убитых в битве людей, с глазами, смотрящими сквозь этот мир.

— Ты специально делаешь это! — заорал он, не слыша своего собственного голоса, скрежещущего, как битое стекло. — Ты стараешься запугать меня. Ты прячешься, как ты всегда это делала. Ненавижу это! Ненавижу! Ты лжешь. Ты заставила меня поверить, а потом так изменилась. Спряталась от меня.

Он двинулся к кровати. Сапоги тихо шаркали по неровному полу; Ланта была словно маленькое белое перышко в его руках.

Он поднял ее и положил на постель. Кожаные лямки скрипнули отзвуком зловещего смеха. Конвей взялся за разорванные края мантии Ланты.

— Это все ты виновата. Ты использовала меня... всех нас... Как бы то ни было, ты заслуживаешь это.

Суставы пальцев хрустнули, когда он сжал ткань в руках. Качаясь, словно пьяный, Конвей неразборчиво пробормотал:

— Как же я тебя ненавижу. Это все твоя вина. Ты уничтожила меня. Разрушила. Я должен... убить тебя. Должен. Ненавижу!

Он обмяк, уронив руки. Затем нежно поправил разметанные по простыне волосы Ланты. Спотыкаясь, добрался до двери и, приоткрыв ее, остановился.

Снаружи Карда отчаянно бросился на дверь, просунув через узкую щель темный мокрый нос.

Не обращая внимания на собаку, Конвей обернулся и через плечо посмотрел на молчаливое, безжизненное тело на постели. Его напряженное лицо исказилось в ярости:

— Ты же опять провела меня, да? Ты знала, что будет, ведь ты же так умна. Ты думала, что я этого не пойму? Что ж, я разгадал твой обман. Ты ненавидишь нас, лжешь нам всем! Я же ненавижу тебя. Ты еще увидишь как.

Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом. Ланта не пошевелилась. Нежные печальные ноты голубя-плакальщика проникли в ее спящее сознание. Ласково и тихо они требовали, чтобы она очнулась.

Она лежала на боку. Вид смятой и скомканной белой простыни заставил ее мысли блуждать в прошлом, напомним о горе Отец Снегов, о белоснежных вершинах Гор Дьявола.

Ланта, Избранная, любила смотреть на эти горы, мечтая, как однажды оттуда прискачет за ней высокий красивый воин. Он увидит Жрицу Ланту и полюбит ее. Они будут нежно любить друг друга. Всегда.

Избранная исчезла, и на ее место пришла взрослая женщина. Жрица, полюбившая мужчину, который ненавидел ее. Который ее изнасиловал.

Она была полностью одета.

В те секунды, когда Ланта приходила в себя, ее единственной мыслью было то, что ее изнасиловали. Вернувшееся сознание принесло с собой понимание, что этого не случилось. Но ее горло болело, и все тело онемело. Сняв мантию, Ланта исследовала свое белье и себя саму.

Он касался ее горла, хотел задушить. Она видела в его глазах безумную похоть. Ярость. А потом он оставил ее одну, не сделав... ничего...

Чувство радости вспыхнуло в ней, на глазах от счастья появились горячие слезы. Но радость угасла, когда она поняла, что он просто изменил свои намерения. Вместо того, чтобы опозорить ее, изнасиловав, он унизил ее своим отказом от этого.

Презрение. Мэтт сказал, что презирает ее.

Никто не будет иметь дела с тем, кого он презирает, никто даже не воспользуется ею: просто не будет пачкать руки.

Она неуверенно встала. Солнце уже клонилось за горизонт — она пролежала без сознания большую часть дня.

Мир не знал, что с ней случилось: ему было все равно. Она должна продолжать жить дальше, притворяясь, что ей это тоже безразлично.

В доме исцеления имелись иголки и нитки, она сможет починить платье. Глядя, как сверкающая игла сначала погружается в ткань, а потом снова появляется, оставляя за собой ровный, почти незаметный след, Жрица успокоилась.

Теперь она была способна подумать о завтрашнем дне.

Никогда мир уже не будет таким, как прежде.

Мечь. Слово пульсировало в сознании, появляясь и исчезая в темных глубинах ее души.

«Нет! Довольно!» — Ланта отмела его. Мечь была причиной того, что случилось с ней.

Повесив Камень Истины на шею, она накинула мантию, закрывая себя и его. Плотная ткань хорошо умеет хранить тайны: никто не увидит ни камень, ни ее синяки. Она презрительно улыбнулась. Не все можно спрятать за тканью, но это и не обязательно: если

она подождет до сумерек, то никто не заметит стежков на платье. Еще один секрет. Счастливая Ланта! Столько вещей знает только она одна.

Глава 65

Когда лодка Ланты причалила к скалистому берегу, на форт уже опустилась ночь. В сумеречном свете маленькие волны разбивались о берег, превращаясь в светящуюся пену. Вдали мрачно вырисовывались массивные стены. Прямо над головой быстро пролетали кричащие чайки. Гладкие формы возникали из ничего, чтобы потом опять исчезнуть. Иногда до лодки доносился слабый стон, не похожий на обычные резкие вскрикивания чаек. В нем улавливались беспокойные, жалостные нотки.

Жнея стояла на одной из башен форта, наблюдая за приближением Ланты. Рядом с ней была рабыня, которая управляла слугами, работающими в гостиной Капитана. Она отпрянула, чтобы скрыться от посторонних взглядов. Жнея мягко заворчала на нее:

— Тебе не нужно быть такой осторожной. Никто не увидит тебя. В любом случае в этой ужасной желтой робе ты — простая рабыня.

Женщина запротестовала:

— Не рабыня. Твоя священная клятва. Ты ведь сказала мне: «Узнай, когда и каким образом должны бежать рабы». Я сделала это. Ты говорила о Доме Церкви; я должна пойти с тобой в Дом Церкви. Ты обещала. — Невидимая в темноте рука потянула Жнею за широченный рукав.

Жнея оттолкнула руку, притворившись, что хочет приобнять себя за плечи.

— Когда солнце прячется, становится так холодно. — Затем, смягчившись, она сказала: — Я помню свое обещание, не бойся. Ты верно служила мне. Ты заслуживаешь право стать богатой.

— Когда мы уедем?

— Как только Капитан разрешит нам. — Женщина в желтом отшатнулась, а Жнея торопливо продолжала: — То, что ты узнала, дает мне огромную власть. Чтобы получить эту информацию, Капитан согласится на все. Он наградит нас. Конечно, мне запрещено принимать дары, поэтому все получишь ты. Ты этого заслуживаешь. Ты хорошо поработала.

— Спасибо. Спасибо тебе, Жнея, — кланяясь, пробормотала женщина.

Жнея с трудом подавила в себе желание схватить ее за горло. Всматриваясь поверх стен в лодку Ланты, уже скрывающуюся в тоннеле под стеной, как бы между прочим она заговорила:

— Твой двоюродный брат; он может выяснить точно, где рабы должны сесть на корабль?

— Я никогда этого не говорила! — Голос рабыни затрепетал. — Он сообщил, что их будет двадцать человек и что они должны собраться около старых раскопок проклятых мест. Его предупредят за день до того, как придут последние рабы, чтобы он мог встретиться с ними. Я никогда не говорила, что он знает, когда должна прийти лодка, чтобы забрать их.

Отвернувшись от моря, Жнея решила проявить заботу:

— Хорошо, хорошо. Нет причин для переживаний. Я так беспокоюсь о том, чтобы ты получила свободу, что начинаю заговариваться.

— Ты должна быть более внимательной, Жнея. Одно неверное слово, произнесенное здесь, и акулы под Воротами набросятся на меня.

Совет, данный рабыней, чуть не вывел Жнею из себя. Она мысленно сопоставляла те признаки, которые могли бы выдать ее мысли стороннему наблюдателю — биение сердца, дыхание, выражение лица, поза, — и заверила себя, что все было безупречно. Хотя она знала, что Капитан бы заметил. Расширенные зрачки. Дрожь в руках. Что-нибудь.

Со злобой она подумала, что в чем-то рабыня была права. Спешка могла обернуться катастрофой. Подготовка людей к выполнению задачи — лишь малая часть ее успеха. Основное мастерство было в умении непредвиденные обстоятельства поставить себе на

службу.

Жнея позволила себе вздохнуть с сожалением. Процесс подготовки был ее развлечением. Ее слабостью. Человеку нравится наблюдать, как игроки, словно послушные марионетки, подчиняются его воле.

Сайла. Скоро придет ее черед.

Вот пример планирования. Глупышка попадется, как мышь в бочку. Правда, там осталось еще несколько дыр, но это грязное маленькое животное не сможет даже предположить, как найти дорогу.

Увидев улыбку Жнеи, рабыня затрепетала.

— Сейчас уже темно. Я хочу, чтобы ты попробовала снова вызвать Видение.

Качая головой, рабыня сделала еще шаг назад.

— Для меня было очень трудно вернуться в последний раз. Несколько дней у меня болела голова.

— Рядом с тобой не было меня. Со мной ты была бы в безопасности. А теперь поспеши. Возьми Искатель Души, который ты украла у Жрицы Сайлы, и другие вещи. Встретимся в доме исцеления.

Съежившись, рабыня неистово замахала руками.

— Только не там, Жнея. Там живут духи смерти. Может случиться, что, когда я уйду в Видение, они схватят меня и будут держать. Я боюсь. — Она замолчала. Затем окрепшим голосом, будто найдя сильнейший аргумент в свое оправдание, сказала: — Дом исцеления — это Церковь. Я не принадлежу Церкви. Тем, кто не принадлежит Церкви, запрещено вызывать Видения. Это знают все.

— Ты будешь работать на Церковь. — Положив руку на плечо рабыни, Жнея успокаивала ее. — Ты знала провидицу из провидиц, которая попала в Дальние Земли? Вот почему я так долго ехала из королевства Олы. Ланта — провидица. — Рабыня внезапно остановилась, Жнея придвинулась к ней поближе, продолжая толкать ее вперед и в то же время говорить: — О, да. Она, конечно, слабее. Возможно, по причине того, что находится возле человека, который сильнее. Возле тебя, моя дорогая. Может так быть? Нахожусь ли я рядом с новой провидицей? Осмелимся ли мы думать об этом?

— Нет, нет, нет. — Ее сопротивление убывало по мере того, как эта новая идея постепенно вытесняла страх.

— Возможно, ты права. Наверное, я прошу слишком много. — Жнея улыбнулась.

— Жнея слишком умна для такой ошибки. И добра. Как сильно ты рискуешь из-за меня. Я чувствую, что сила уже начинает расти.

— Отлично! — Жнея слегка подтолкнула рабыню в направлении ее жилища. — Я буду ждать тебя с нетерпением. — Она наблюдала за тем, как темнота поглощает женщину.

* * *

Одинокое ожидание в доме исцеления превратилось для Жнеи в тяжелое испытание. Она все еще слышала слова женщины: «Духи смерти царят там». Она пыталась не слушать звуки других голосов и шепот ночного ветра, который овеивал стены, и заняла себя тем, что начала занавешивать окно одеялом. Когда же с восточной стороны бухты в маленькую комнату вошла рабыня, Жнея все еще не могла избавиться от мыслей о крысах.

Несколько мгновений обе женщины стояли совершенно неподвижно, рабыня оглядывалась назад; Жнея — на занавешенный одеялом угол. Довольная тем, что они остались незамеченными, Жнея закрыла дверь.

В черной, как смоль, темноте Жнея еле улавливала шелестящие движения рабыни. Удар о кремень был совершенно неожиданным. Присев на корточки, рабыня разводила огонь, затем зажгла свечу. Жнея увидела небольшую кожаную сумку, сплошь разрисованную какими-то символами. Жнея заметила стилизованную голову быка, парящую птицу и глаз. Он как бы уставился на нее, и она быстро осенила себя Тройным Знаком.

В сумке лежал небольшой бубен диаметром не больше обычной шляпы и высотой примерно с палец. Для большей крепости он скреплялся крест-накрест. Упругая поверхность бубна была сделана из толстой кожи.

Рабыня провела бубном над огнем свечи, бормоча что-то себе под нос. С обратной стороны к нему были подвешены два ряда колокольчиков, по три в каждом. Их неритмичное позвякивание было еле различимо. Однако этот звук как-то воздействовал на Жнею. Он заставлял ее вспоминать о прохладном дуновении ветра. Она чувствовала, что забыла что-то очень важное, но не могла вспомнить что. Внезапно отведя бубен от огня, рабыня начала поднимать и опускать его, обводить им вокруг бедер. Закрыв глаза и откинув голову назад, она ударяла по инструменту. Нарастающие одиночные ноты были очень высокими, всепроникающими. Тон звука становился выше по мере того, как тепло огня воздействовало на кожу.

Рабыня подошла к сумке и вытащила шнурок от капюшона Сайлы. Она начала водить им над огнем. Наконец рабыня взяла его в зубы, концы шнура свисали.

Затем она начала играть. Она щелкнула пальцами, издавая своеобразный звук, похожий на хлопанье крыльев. Затем остановилась. Последовал один удар. После этого рабыня начала выбивать ритм. Нижней частью ладони она извлекала сильные пульсирующие ноты; ударяющие пальцы дополняли звучание короткими высокими тонами.

Жнее потребовалось немного времени, чтобы понять, что биение ее сердца в точности совпадает с ритмом бубна. Немного озадаченная, она напряглась, изменила темп сердцебиения и начала контролировать свое состояние.

Соблазнительное позвякивание колокольчиков и нарастающее звучание прекрасной музыки сломали сопротивление Жнеи. Как развлекающийся взрослый говорит с ребенком, бубен рабыни очаровал Жнею и увлек за собой прочь от реальности, в измененное восприятие.

Рабыня начала песнопения. Ее глубокий голос оставался тихим, но очень сильным.

В нем был страх. Волосы на шее Жнеи встали дыбом. В предплечье у нее закололо.

Маленький бубен зазвенел быстрее.

У Жнеи опять появилось чувство, что сердце подстраивается к этому ритму. Бубен требовал, чтобы она полностью подчинилась ему.

Песнопение оборвалось и сменилось звуками, схожими с хрюканьем, лаем и кашлем. Отвратительный, залитый слюной шнурок свисал из открытого рта рабыни. Ее глаза были широко распахнуты, взгляд сосредоточен в единственной точке. Барабан выскользнул из влажных рук, покатился и остановился в нескольких футах от хозяйки. В звуках колокольчиков слышалось неясное предупреждение.

Жнея услышала хриплый, скрипучий голос, который раньше никогда не слышала:

— Любовь, приведшая к страху, принесет Жнее Камень Истины. Церковь будет вечно воспевать Одил. — Губы рабыни стали тонкими, сложившись в жуткую улыбку.

— Спасибо. Спасибо тебе, — сказала Жнея. — Но что с Сайлой? Она там умирает? Я избавлюсь от нее?

Рабыня что-то невнятно забормотала. Своим собственным голосом. После нескольких неудачных попыток ей удалось произнести:

— Помоги мне. Дай мне лестницу, чтобы вернуться. Мой бубен. Пожалуйста.

Жнея потянулась за бубном, ударила в него. Зазвучала высокая нота, похожая на воющее вибрато.

— Расскажи мне о Сайле, — потребовала Жнея.

— Помоги мне. — Рабыня качалась.

— Расскажи мне. Скажи, что Сайла умрет здесь, в Косе.

Рабыня молчала, потом сильно закашлялась. Она покачала головой:

— Когда вернусь, расскажу. Помоги.

Взбешенная, Жнея занесла руку над натянутой шкурой барабана, затем ударила пальцами. Мягкие отзвуки прежней мелодии сменились ужасным стуком. Рабыня дернулась

и заметалась. Ее руки внезапно взметнулись вверх, хватая воздух, затем как бы пытаясь обхватить саму ее.

— Падаю. — Длинное, растянутое слово отозвалось мрачным эхом. Рабыня задергалась быстрее, лицо болезненно сморщилось. — Они видят меня. Пожалуйста, быстрее. Лестница. Лестница к дому. Они приближаются.

— Сайла! Скажи мне! — В беспокойстве Жнея забыла про бубен, он замолчал. Был слышен лишь звон колокольчиков.

Рабыня пыталась закричать, ее лицо исказила гримаса ужаса. Однако из ее рта вырывалось только шипение.

Внезапно испугавшись, Жнея начала бить в бубен так быстро и так часто, как только могла. На какое-то мгновение показалось, что рабыня начинает приходить в себя. Ее руки потянулись к горлу. Она боролась с невидимыми нападающими.

Жнея подбежала к ней и начала осматривать ее. Глаза женщины были неподвижными, отсутствующими, их взгляд проникал сквозь потолок, облака, дальше к небу. Струйка слюны стекала из открытого рта прямо на желтое платье. Пальцы чем-то напоминали затейливую тесьму: некоторые сцеплены, некоторые разжаты.

— Где бы ты ни была, останься там. — Усмехнувшись, Жнея вложила бубен в руки рабыни. — Ничего, кроме лжи и хвастовства. Я спрашиваю о Сайле, а ты говоришь мне о моей славе. Как будто я об этом не знала раньше. Дерзкая стерва. — Она медленно поднялась, осторожно проводя рукой перед остановившимися глазами женщины. Собравшись уйти, она накинула ей капюшон. Вздохнув, Жнея остановилась, потом закричала. Эхо ее предыдущих слов все еще витало меж каменными стенами, когда она вдруг заорала:

— Охрана! Охрана! Я поймала ведьму. Скорее!

Глава 66

Громкий приближающийся топот застал Сайлу и Ланту в самом разгаре приготовлений к обеду. Сайла, на которой были лишь нижняя полотняная сорочка с короткими рукавами и нижняя юбка, схватила с кровати свое платье и стала поспешно его натягивать. В это время раздался первый удар в дверь, и громкий мужской голос прокричал:

— Откройте! Приказ Капитана!

Сайла бросила взгляд в угол комнаты, где в деревянной кадке, сделанной по приказу Капитана в соответствии с ее указаниями, сжавшись в комочек, замерла Ланта. Сайла подумала, что скромница Ланта была в этот вечер, пожалуй, чересчур стыдлива. Она не только настояла на том, чтобы передвинуть кадку в самый темный угол комнаты, но и поставила перед ней два стула, на которые повесила одежду, превратив их в непроницаемую ширму.

В это время кулак прогрохотал во второй раз, и Сайла резким движением распахнула дверь. Следующий удар стоявший на пороге стражник наносил уже по уходящей от него двери, и вместо того, чтобы приложиться к деревянной поверхности мягким торцом кулака, он угодил по ней костяшками пальцев. Гримаса неожиданной боли сменила на его лице гневную маску облеченной властью персоны. Пока он не пришел в себя, Сайла вытолкала его в коридор, где толпились прибежавшие вслед за ним другие стражники. Выйдя из комнаты, Сайла решительно захлопнула за собой дверь. Она грозно выпрямилась и, сжимая руки, обрушилась на непрошенных гостей:

— Что вы так ломитесь? Вы что, банда разбойников, которым надо до смерти напугать свои жертвы? Вы не выполняете свои обязанности, и вас следует сурово наказать! Так что, пока я готова смотреть на ваше хамство сквозь пальцы, убирайтесь отсюда подобру-поздорову.

Шумно сглотнув, стражник попытался вернуть инициативу:

— Капитан приказал...

— Приказал?

— Н-ну, нет. Не совсем. — За его спиной кто-то, не сдержавшись, фыркнул. Лицо у стражника дергалось, как у разъяренного кота. Совладав с собой, он продолжил, стараясь говорить почтительным тоном: — Капитан предлагает вам прийти на допрос ведьмы.

Гнев Сайлы как рукой сняло:

— Что? Где?

— В доме исцеления. Это Жнея ее поймала.

— Передайте, что мы сейчас будем. — Когда Сайла повернулась, Ланта уже открыла дверь, стоя на пороге с обеими лекарскими сумками. — Это от Ясмалеи? Уже началось?

Сайла схватила свою сумку и быстрым шагом направилась в дом исцеления, рассказывая спешившей за ней Ланте об услышанном. Больше стражники ничего не могли разъяснить.

Первое, что увидела Сайла, когда ее провели мимо стражи в дверь дома исцеления, был взгляд сидевшей на корточках у оплившей свечи рабыни в желтом одеянии. Бессмысленный взгляд, направленный на дверной проем, заставил Жрицу застыть на месте. Безжизненные. Вот слово, которое пришло на ум Сайле, когда она посмотрела в глаза женщине. Глаза были застывшими, но Сайлу не покидало чувство, что они наблюдают. Но не в этом мире. Где-то еще. Рабыня не умерла, но жизнь ее протекала уже вне тела. За чем же она тогда наблюдает?

Церковь учила, что глаза человека могут рассказать о нем гораздо меньше, чем, например, его почка. Противоположная точка зрения считалась не только богохульной, но и бесполезной для врачебного осмотра. Но именно глаза рабыни притягивали Сайлу. Не обращая внимания на Капитана и Жнею, которая маячила на краю освещенной свечой площадки, она наклонилась вперед. Подняв свечу, Сайла провела ею перед лицом рабыни. Зрачки расширились и сужались, как положено, но они продолжали напряженно всматриваться перед собой.

Наклонившись еще раз, Сайла поставила свечу на место. Когда она выпрямилась, лицо ее оказалось в нескольких дюймах от глаз рабыни. Пораженная, Сайла не смогла сдержать приглушенный встревоженный возглас: зрачки продолжали реагировать так, будто перед ними все еще перемещали свечу. Остановив резким жестом рвущихся подойти Капитана и Жнею, она знаком подозвала Ланту. Когда Сайла, не проронив ни слова, продемонстрировала ей увиденное, женщины переглянулись, и обе беспомощно пожали плечами.

Ошеломленная Сайла опустилась на колени. Помимо ее воли в сознании стали возникать картины побега уличенной ведьмы. Наклонившись вперед, она бежала, прижимая к бокам локти. Вместо привычной желтой одежды на ней были широкие, ниспадавшие свободными складками блуза и шаровары малинового цвета. Ее окружала безликая нескончаемая пустыня, упиравшаяся во всех направлениях в ровную линию горизонта. По небу быстро бежали тяжелые тучи, но на земле воздух был неподвижен. Тучи пятнами закрывали небо, так что женщина оказывалась попеременно то в тени, то на солнце. На ее одежде были незнакомые Сайле едва заметные символы — красные на малиновом. Женщина поминутно проводила по ним рукой, словно пытаясь стряхнуть.

Опустив руку на плечо Сайлы, Каштан вернул ее в реальный мир. Он стоял рядом, опустившись на одно колено, его встревоженное лицо почти что касалось ее лица. Сайле удалось слабо улыбнуться ему. Капитан улыбнулся в ответ, с явным облегчением увидев, что она вновь начала осматривать рабыню.

Сайла и Ланта делали все, что могли, пытаясь добиться какой-нибудь реакции со стороны женщины. Ни острый запах трав, ни крики не заставили ее даже моргнуть. Пощипывания и шлепки дали тот же результат. Отчаявшись, Сайла остановилась. Все это напоминало издевательство над грудным ребенком. А самое главное, ее не покидал образ женщины в красных одеждах, которая бежала по бесконечной пустыне, раздавленная невыносимыми страданиями, которые обрушились на нее безо всякого предупреждения, без малейшей причины.

Методы Жнеи были более суровыми, чем у обеих целительниц. Вытащив из ножен изящный, украшенный камнями кинжал, она вонзила его острие в бедро рабыне. Обильно хлынула кровь, расплываясь пятном по желтому платью. Сайла и Ланта в ужасе отпрянули. Даже среди стражников послышался ропот. Выдернув резким движением клинок, Жнея коротко бросила Сайле:

— Перевяжи это. — Нахмурившемуся Капитану Одил сказала: — Она не притворяется. Очень плохо. Мы так и не выясним, почему она занималась своими черными делами. Что вы о ней знаете?

Капитан покачал головой:

— Служит в замке уже лет десять-двенадцать. Спокойная. Предана Церкви. Во всяком случае, я так думал. — Он пристально посмотрел в глаза Босу, который лишь испуганно вздрогнул. Повернувшись к Жнее, Капитан продолжил: — Как тебе удалось ее обнаружить?

— Мне помогла стража. Я услышала звук бубна и сперва подумала, что кто-то тренируется. Но потом мне удалось распознать скрытое в этих звуках зло. Я побежала на звуки и наткнулась на нее. Она кричала: «Я свободна! Всех рабов освободят!» А затем впала вот в такое состояние.

— Она прямо так и сказала, да? — Капитан выглядел мрачным и задумавшимся. — «Освободят»? Интересно. Ты уверена, что она ничего больше не говорила?

— Уверена. Да она сразу преобразилась, как будто покинула свое тело. Посмотри на нее. Словно листья на кукурузном початке — высохшая и пустая.

Капитан выпрямился:

— Для ведьм может быть только одно наказание. Предание воде.

Ответ Жнеи не заставил себя долго ждать:

— Церковь благодарит вас за содействие. Как старшее должностное лицо Церкви, я назначаю Жрицу Роз Сайлу и Жрицу Фиалок Ланту официальными свидетельницами.

Раздался голос Боса:

— Ты сама должна наблюдать за этим, Жнея. Этого требует закон.

— Какой закон? — окрысилась Жнея. — Для меня не существует никаких законов, кроме законов Церкви.

Вмешался Капитан:

— Бос говорит о законе Церкви. Он принят моими предками и твоими предшественниками, жившими среди нас. Смерть ведьмы должна быть засвидетельствована и подтверждена всеми представителями Церкви в форте. — Запнувшись, он попытался продолжить: — Если я должен... — Сайла заметила, что взгляд Капитана скользнул в ее сторону, замерев на полпути. Было видно, как он старается держать себя в руках. После некоторых колебаний Капитан стал отрывисто отдавать указания Босу: — Объявить о церемонии по всей Гавани. Послать зеркалами сигналы на все башни, находящиеся в пределах шести дюймов езды от города. Как можно больше зрителей. Как можно больше. Выбери удобное время. Это должно произойти после захода солнца через две ночи от сего дня. Вопросы?

— Нет.

— Выполняй.

Бос развернулся кругом. Сайла увидела, как вслед за ним поспешили члены Команды.

По приказу Капитана стражники схватили под руки безвольно обмякшую рабыню и подняли ее на ноги. Бессмысленный взгляд женщины был по-прежнему устремлен в пространство. Сайла шагнула вперед и попыталась положить руку на плечо Капитану, не обращая внимания на грозный скрежет мечей, которые стражники начали вытаскивать из ножен. Капитан остановил ее суровым взглядом.

— Отдай ее нам с Лантой, — сказала Сайла. — Ее нужно лечить. У нас нет доказательств того, что она ведьма. А если даже она и ведьма — ты же видишь, что разум покинул ее. Как можно наказать ее сильнее?

Сзади на нее обрушилась Жнея:

— Как это нет доказательств? А дьявольский бубен, нарисованный на ее сумке, — это ведь знак ведьмы! Как ты смеешь так нагло выступать против Церкви? Надо полагать, ты защищаешь себе подобную?

Среди стражников и тех случайных зрителей, что собрались за дверью, прокатился глухой ропот. Капитан нахмурился. Сайла обернулась к Жнее:

— Одил, ты рискуешь своей душой. Я не ведьма. Твои обвинения — явная ложь. Этим ты ставишь под удар не меня, а себя.

Последовал невозмутимый ответ:

— Я поймала эту мерзавку во время ее нечестивого ритуала. Я напугала ее до того состояния, в котором она сейчас находится.

Наконец заговорил Капитан.

— Жрица Розы, я доверил тебе Ясмалею, потому что полагал, что твоя магия дана тебе Церковью. То, что я сейчас услышал, очень меня тревожит. — Обеими руками он потер виски. Казалось, что это просто жест крайней усталости, но Сайла заметила едва уловимое изменение в выражении лица Капитана — словно в его глазах промелькнула мольба.

Что-то внутри подсказало Сайле, что Капитан просит ее найти еще доводы, которые он сможет поддержать.

Но почему, когда он так явно открывает свои чувства, ее сковывает леденящий страх? Почему это неявное выражение сочувствия и желания помочь ей пугает больше, чем его привычный образ тирана.

Прогнав прочь одолевающие сомнения, Сайла повернулась к Жнее.

— Я не использую никакой магии, никаких приемов ведьм.

— Мне говорили о другом, — сказала Одил Капитану. — Ее компаньонка — провидица, а Церковь относит провидение к магии.

Державшие рабыню стражники невольно ослабили хватку и отступили от женщины.

Капитан бросил на Жнею довольно неприязненный взгляд и снова обратился к Сайле:

— Зачем же вам эта женщина, если вы не хотите ее защищать?

— Но ведь если мы приведем ее в чувство, — воскликнула Сайла, — она сможет все объяснить!

— Конечно, объяснит, — насмешливо отозвалась Жнея. — Соврет, что просто забавлялась и онемела от удивления, когда ее накрыли. Вы еще только собираетесь спрашивать, а ведьмы уже знают и ваш вопрос и нужный ответ на него. Они ослепляют обычных людей и вершат свои темные дела прямо у них под носом. Только специально подготовленные представители Церкви способны вывести их на чистую воду. С ведьмами заодно только те, кто хочет перенять у них дьявольское искусство. Подозреваю, что у Сайлы могут быть тайные планы, связанные с будущими родами.

Капитан посмотрел на Сайлу:

— Ты должна ответить.

Сайла медленно выпрямилась. При этом она отступила на шаг от Капитана, вынудив поспешно ретироваться стоявших у нее за спиной воинов. Левой рукой она пригладила длинные черные волосы, волнами спадавшие по спине. Рукав ее платья скользнул вниз, обнажив изумительно белую руку с массивным золотым браслетом, подаренным настоятельницей Ирисов. Металл и вправленные в него аметисты переливались в лучах свечи.

— Я бы помогла этой женщине, как помогла бы каждому — пусть она даже и ведьма, — потому что Вездесущий защитит меня от любого зла. Если Одил так мастерски ловит ведьм, почему она вместе с нами всеми ела пищу, которую подавала эта женщина? Скажи мне, Капитан, кто рекомендовал меня в качестве целительницы для Ясмалеи? — Сайла мило улыбнулась Жнее.

Капитан взял маленький бубен и чехол и стал рассматривать символы. Не подымая глаз, он сказал:

— Твоя вера вдохновляет, Жрица Роз. Тем не менее я верю в справедливость слов

Жнеи о ведьмах и их ловкости. Эту прикуют к столбу злодеев перед казармами в Гавани на всеобщее обозрение. Стража отведет ее туда. Но она должна быть в целости и сохранности, понятно? Во время предания воде она должна быть живой, иначе вы разделите ее участь. Ступайте.

Стражники поволокли женщину из комнаты. Казалось, она никого не видит.

Через некоторое время за ними последовал Капитан. Перед ним торопливо семенила Жнея. У самой двери он обернулся. Его глаза искали глаза Сайлы. И снова в них была мольба. И печаль.

Сайла невольно подалась вперед, чтобы утешить, успокоить. Это был лишь намек на движение, меньше даже чем жест; Капитан повернулся и вышел из комнаты.

Глава 67

С наступлением темноты запылали факелы, установленные по ровной полуокружности, концы которой упирались в море. Вдоль нее толпились зеваки. Свет ближайших к воде факелов мерцающими бликами отражался от небольших перешептывающихся волн. Темные спокойные воды, казалось, передразнивают приглушенный ропот возбужденной толпы.

Предание воде было казнью. Не требовалось особой пронизательности, чтобы понять это. Сайлу не оставляло чувство, отдававшееся мучительной головной болью, что казнь эта не просто чрезмерное, а заведомо несправедливое наказание.

Подобные наказания смертью не вселяли особого ужаса в Сайлу, даже когда их вершили именем Церкви. В своей борьбе со злом Церковь должна была быть решительной, что, конечно, не исключало милосердия.

Сайла не могла избавиться от подозрения, что весь этот спектакль затеян не в назидание ведьмам, а в связи с борьбой за власть. Приговор вынес Капитан, но обвинение исходило от Жнеи. Сайла понятия не имела, почему Одил так жаждала смерти этой женщины. Но в том, что «разоблачение» было подстроено вероломной Жнеей, она даже не сомневалась.

Ей так никто и не рассказал, в чем состоит церемония. Даже сейчас, пробираясь вслед за стражниками Боса сквозь толпу, она не представляла, что ей предстоит увидеть.

Рядом с Сайлой коротким энергичным шагом шла Ланта. Подбородок ее был приподнят, плечи расправлены. Только те, кто близко знал ее, заметили бы расширившиеся глаза и бледную каемку вокруг губ. Но это мелочи, и Сайла надеялась, что сама она внешне выглядит также сдержанно и официально.

Шедшая позади них Жнея была откровенно раздражена мешавшей их продвижению толпой. Сайла знала, что Одил знакома с процедурой казни, как знала она все и о стенобое. Но она не предприняла ни малейшей попытки подготовить своих сестер к тому, что их ожидает.

Миновав, наконец, толпу, Сайла остановилась у очерченной факелами границы места казни. Когда стоявшие у самой воды стражники расступились, открывая пленницу, Сайла невольно отшатнулась.

Рабыня была одета в спадавшие широкими складками блузу и шаровары кроваво-красного цвета.

Почти точно такого, какой был в ее видении в лечебнице.

Может, ей показалось?

Стражники, сопровождавшие свидетельниц из Церкви, указали, где им велено ждать, и отошли в сторону. Мимо трех женщин прошел Капитан, пригласив их следовать за ним. Место, где он сказал им остановиться, было не далее трех шагов от рабыни. Вместо официального траурного одеяния на Капитане была рубаша с длинными рукавами и брюки довольно мрачных серых и белых тонов. Белым был искусно вышитый вытянутый овал, начинавшийся у колен и заканчивавшийся у самого горла.

Хоть и не сразу, Сайла поняла, что это акула.

Поведение обвиняемой женщины не изменилось. Все еще погруженная в мир, видимый ей одной, она не осознавала ничего вокруг. Она была связана, руки заведены на спину, лодыжки опутаны цепями.

Капитан шагнул в сторону. Пока один из воинов торопливо зажигал специально приготовленный факел, он достал из чехла уже знакомую трещотку. Без всякого вступления Капитан раскрутил ее над головой, давая сигнал к началу действия. Позади Сайлы над толпой вознесся стон. Прошло несколько мгновений, прежде чем она поняла, что это песнь, призывавшая море очистить людей от скверны.

Сайла и Ланта осенили себя Тройным Знаком.

Рука Капитана понемногу замедлилась, и трещотка замолкла. Но волны возбуждения уже подымались над толпой. Сотни ног шаркали о песок. Тесно прижатые тела терлись друг о друга, ткань шелестела, соприкасаясь с другой тканью. От нараставших позади звуков по спине Сайлы пробежали мурашки, ей пришла в голову мысль о голодном приносившемся звере. Даже на Жнею это произвело впечатление, и она несколько раз приговаривала: «Давай, давай». При этом она тщательно следила, чтобы ее слова не донеслись до Капитана, а взгляд не встретился с глазами Сайлы или Ланты.

По сигналу Капитана два стражника подхватили рабыню с двух сторон. Одной рукой каждый из них вцепился повыше локтя, другая рука держала женщину под мышкой. Они попытались поднять ее вертикально. В этот момент Сайла впервые увидела цепь, которая крепилась к ножным оковам. Звенья цепи были огромными, толщиной с руку. Вдоль высокого человека уместилось бы не более шести звеньев.

Из темноты ночного моря раздался необычайно громкий одиночный удар барабана. Сам барабан не был виден, но его голос заставил вздрогнуть каждого, до кого он донесся. Раздался еще один удар, затем еще. Под эти звуки стражники потащили рабыню к кромке моря.

Вслед за ними мимо свидетельниц от Церкви пробежали четверо рабов с длинными шестами. Они зажгли факелы на концах шестов и установили их в вырытые заранее отверстия по углам квадрата. В дополнительном свете показалось небольшое круглое возвышение из каменных блоков диаметром примерно в размах человеческих рук. В высоту блоки доставали до лодыжек.

Стражники подтащили обвиняемую ведьму к возвышению. Четверо рабов бросились подымать цепь, заталкивая ее внутрь круга, где она исчезала с лязгом. Закончив, рабы поспешили назад и смешались с толпой. Раздалось приглушенное восклицание Ланты, затем ее голос:

— Там яма.

Позади нее раздался смех Жнеи:

— Какая поразительная наблюдательность. Теперь-то вы догадались, зачем нужна цепь?

Ланта неуверенно молчала, и Жнея с явным удовольствием начала объяснять:

— Цепь послужит якорем. Удар барабана означал начало прилива. Вскоре море доберется до каменного круга. А через несколько минут оно будет у наших ног.

— Ее голова едва выступает над краем ямы! — воскликнула Ланта. — Они же утопят ее.

— В Косе не убивают ведьм, — ответила Жнея. — За них это делает море.

Толпа на флангах хлынула к месту казни, держа над собой зажженные факелы. Воины сдерживали разгоряченных людей, выстраивая их на положенных местах. Жнея продолжала:

— Видите, стражники повернули ведьму лицом к наступающей воде. А посмотрите, как все это нравится почтенной публике из Коса. Они стараются занять места, откуда они смогут получше видеть лицо ведьмы, когда та будет смотреть на подкрадывающуюся к ней смерть.

Волны неумолимо приближались. С почти человеческой жестокостью они поглаживали стены возвышения через небольшие промежутки. Между блоками начали просачиваться

струйки воды. Понемногу, с мучительной неторопливостью, море подбиралась к краю возвышения. И вот вода уже потекла через край, наполняя углубление.

Ланта подняла капюшон. Сайла обняла ее за плечи.

— Молись, чтобы рухнула стена, — сказала она. — По крайней мере, конец для нее наступит быстрее.

Мелькнув в воздухе, рука Жнеи юркнула под капюшон Ланты. Вцепившись ей в волосы, она заставила маленькую Жрицу выпрямиться. Ее взгляд метался от Ланты к Сайле, провоцируя их на ответную вспышку. Дребезжащим от едва сдерживаемой ярости голосом она обрушилась на Жрицу:

— Раз вы так думаете, то я уничтожу вас без всякого сомнения. Вы слишком слабы и невежественны, чтобы оказать мне серьезное сопротивление. Эта яма построена на века, ее стены из камня никогда не рухнут. У вас просто нет сил, чтобы противостоять реальному миру. И эта яма, и эта казнь — обыденные вещи. То, что происходит ежедневно. При этом вы дурачки улыбаетесь, хихикаете, надеясь, что мир со временем изменится к лучшему. Ничего не изменится. А в окончательной истории борьбы за Церковь о смерти одной ведьмы никто и не вспомнит.

Сайла спокойно разжала пальцы руки Жнеи, продолжавшей держать Ланту.

— Я уже это поняла, Одил. Эта беззащитная женщина для тебя — ничто. Ты оскверняешь все, за что борется Церковь. Ты ответишь за нее. Ты ответишь за все свои грехи. Клянусь. — Следующие движения Сайлы были настолько быстрыми, что Жнея успела лишь взвизгнуть и беспомощно замахать руками. Стремительная ладонь Сайлы коснулась ее лба, затем груди и обоих плеч.

— Нет! — Жнея побледнела и отпрянула назад. — Не смей! Ты... ты...

Голос Сайлы прозвучал жестко и решительно. Слова ее смешивались с настойчивым боем невидимого грозящего барабана.

— Я отметила тебя. Зло, которое тебя заполняет, теперь помечено, и я приложу все силы, чтобы тебя уничтожить. Вездесущий рассудит, кто из нас прав.

От изумления у Жнеи перехватило дыхание, она оцепенела. Наконец она неуклюже сделала шаг назад. Глаза ее были по-прежнему прикованы к Сайле. На втором шаге ее нога подвернулась, она покачнулась. В попытке удержать равновесие Жнея удалось разорвать сковывающие ее чары. Развернувшись, она поковыляла к толпе и через несколько шагов рухнула на колени. Страшный приступ рвоты выворачивал ее наизнанку.

Толпа загоготала.

Подчиняясь сердитому жесту Капитана, Бос с двумя стражниками бросились поднимать Жнею. Когда они вели ее сквозь толпу, женщину продолжало рвать.

— Мне, кажется, тоже сейчас будет плохо, — простонала Ланта, беспомощно прислоняясь к Сайле. Она подняла свой капюшон так, чтобы не видеть рабыню, когда вода уже доходила до ее подбородка.

Сайла обняла Ланту за плечи, удерживая ее на ногах. Кивнув в сторону толпы, она сказала:

— Нельзя показывать свою слабость им.

Ланта снова застонала.

— Я не вынесу этого. Сначала Остров, а теперь эта... — она вдруг замолчала, напуганная недозволенностью своих мыслей.

— Делай, что тебе положено, — приказала Сайла. Она была уже не в состоянии воспринимать слова Ланты. — Смотри на Капитана. Пусть и ему станет мерзко.

Это было невероятно, но стоявшая в воде рабыня зашевелилась. С каким-то невообразимым усилием она развернулась к толпе. Неожиданно к ней вернулось сознание, замутненное неистовым гневом.

— Эй ты! Всемогущий Капитан! — Вытягиваясь изо всех сил, чтобы рот оставался над водой, женщина продолжала кричать: — Радуйся моей смерти, как радовалась бы я, наблюдая твою смерть. Я не виновата. Меня предали точно так же, как предадут тебя — я

видела это! — Волна набежала на ее лицо, залив водой рот, закрыв все до бровей. Волосы веером разошлись по поверхности моря. Подымавшиеся пузыри собирались над ней тонкой сетью. Перекошенное от страданий и усилия лицо снова показалось над водой. Женщина кашляла и отплевывалась. — Меня уничтожили. Но знай: тебя тоже уничтожат. Ты — труп!

Гогот и улюлюканье заполняли продолжительные паузы между ударами барабана. После очередного удара море забрало свою добычу. Крик рабыни оборвался навсегда.

Глава 68

На следующий день после казни Ланта почувствовала резкий упадок сил.

Порядком испугавшись, она оперлась руками на стол, сомневаясь, что ей удастся удержаться на ногах. Услышав беспокойный возглас Ясмалеи, Ланта усилием воли заставила себя отпрянуть назад, чтобы не рухнуть на огромный живот, который вдруг замаячил у нее перед глазами, как снежный сугроб.

В этот момент она почувствовала, как подгибаются колени.

Страх уже прошел, и то, что она беспомощно оседает на пол, Ланта восприняла с полным спокойствием.

Чувство времени изменило ей. Она надолго погружалась в события, воспоминания о которых накатывали на нее из подсознания. Она думала о бессоннице в ночь после казни рабыни. Ее мучили воспоминания о болезни Конвея, об утонувшей женщине, о невообразимом, даже неприличном поступке Сайлы, отметившей Жнею крестом.

Сайла бросила вызов всему миру.

Даже намек со стороны женщины о том, что ей известно о религиозном значении креста, способен навлечь на нее гнев всех мужчин на свете. Все знали легенду о человеке, которого казнили, распяв на кресте, другие мужчины. И о котором с тех пор скорбели. Женщины, даже косвенно упоминавшие об этом событии, могли поплатиться за это жизнью. И многие поплатились.

Для женщин Церкви отметить кого-либо крестом было равноценно убийству. Ланте раньше не приходилось видеть этот ритуал. Ей рассказывали о нем несколько раз шепотом, по секрету, ее подружки Избранные в аббатстве.

Девичьи разговоры. Ланта вздрогнула. Трогательная невинность того времени казалась сейчас позором и издевательством. С того дня на острове самой трудной задачей для нее было сохранить секрет от Сайлы. Ланта гордилась тем, как ей удалось провести свою подругу.

Потом наступили ежедневные осмотры Ясмалеи.

Лежавшая на смотровом столе девица была огромна, как корова. Пышное, роскошное тело прямо трескалось от жира.

Этим утром Сайла взглянула поверх Ясмалеи на Ланту. В выражении ее лица промелькнуло нечто такое, что обдало Ланту холодком тревожного предчувствия. Сайла сказала:

— Ребенок родится через двадцать четыре, самое позднее тридцать шесть дюймов.

Эта простая фраза оказалась последним ударом, лишившим Ланту сознания.

Там, где розово-белая нагота Ясмалеи соприкасалась с полотном простыни, была ложбинка, как раз за ее ягодицами. Ланта изнемогала от зноя, и вся эта белизна напоминала ей мягкий, зовущий снег. Как хорошо прилечь и уснуть в этом месте.

Здесь ты будешь в безопасности. Тебя здесь не настигнет любовь, которую могут украсть и растоптать. Здесь не будет бесконечной череды бессонных ночей, когда, покрывшись липким потом страха, прислушиваешься к тяжелому сопению соглядатаев. Здесь ты будешь в безопасности от подруг, заявляющих о кровавой мести. И от лекарств для рожениц, которые угрожают жизни не только матери и ребенка, но и тем, кто эти лекарства назначает.

Ланта с благодарностью встречала наступавшее забвение.

Сайла рванулась раньше, чем Ланта успела скрыться из виду за телом Ясмалеи. Торопливо порывшись в своей лекарской сумке, она отыскала маленькую голубую керамическую бутылочку. Обегая вокруг стола, она вытащила пробку. Рядом забарахталась и заняла Ясмалея, но Сайле было не до нее.

Пары нашатырного спирта вернули Ланте сознание, чему она явно противилась. Находясь в полуобморочном состоянии, она умоляла оставить ее в покое. Приведя в чувство подругу, Сайла обратилась к Ясмалею, уже стоявшей рядом со смотровым столом, натягивая одежду и выговаривая за недостаточную почтительность. Опасаясь, что она не сможет выдержать подобную гонку, Сайла прислонилась к успокаивающей твердости каменной стены и закрыла глаза. Чувствуя, что мужество оставляет ее, она услышала свой собственный шепот: «Клас, я уже больше не могу. Я так одинока. Зачем я тебя покинула?»

Скрытый где-то глубоко в сознании голос прошептал в ответ: «Сайла ищет Врата. Слишком многое поставлено на карту. Слишком много выстрадано. Сайла должна продолжать».

Сайла с горечью возразила: «У каждого есть свои цели, о которых я могу только догадываться. Хотя я не позволяю себе думать об этом, иначе меня замучат бесконечные сомнения. Поручите поиски кому-нибудь другому, более сильному. Мне нужен отдых. Спокойствие.»

«Сайла. Потерпи еще немного. Цветок должен распуститься полностью. Соберись, возьми себя в руки».

Тишину разорвал мерзкий, скрипучий словно кто-то ногтем царапал шифер — голос Ясмалеи:

— Не верю, что мой ребенок родится так скоро. Слишком рано. Вы просто решили напугать меня. Я хочу домой, к маме. Вы обходитесь со мной хуже, чем с рабыней. Никакого сочувствия.

— Тогда уходи, — Сайла указала на дверь. — Пусть твоя мать узнает, как ведет себя ее дочь.

Сайла ожидала, что ее пациентка тут же пойдет на попятную, но вместо этого она выдала еще больший взрыв негодования:

— Ну вот видишь! Ты даже не слушаешь меня! Я ведь говорила уже, что не могу выйти из форта. Я даже не могу покинуть замок.

— Почему? Почему не можешь?

— Не хватало мне еще раз рассказывать! Все равно не будешь слушать.

Чувство неловкости в связи с тем, что она прослушала что-то, возможно, важное, пересилило желание наорать на обнаглевшую девицу. Недовольно надув губы, Ясмалея прихорашивалась перед полированным серебряным зеркалом. Сайла попробовала еще раз:

— Я тебя очень внимательно слушаю. Так почему же ты не можешь?

— А ты как думаешь? Потому что он беспокоится обо мне. Я рассказала, что его сын бьет меня ногами, как лошадь, мечется, поворачивается все время, и Капитан сильно расстроился. Он все время меня спрашивает, как меня лечат. — Бросив после этих слов многозначительный взгляд на обеих целительниц, она продолжала: — Я сказала ему, что терплю из последних сил, хотя меня уже совсем утомили все ваши глупые упражнения, от которых только потеешь. И еще я говорила, что уже достаточно взрослая, и могу есть все, что захочу. Он смеялся и сказал, что целительницы не могут знать всего на свете, а веду я себя абсолютно правильно. Он любит меня. — Ясмалея взбила волосы и, полюбовавшись на себя в зеркало, продолжила: — Это секрет. Никому не рассказывайте о словах Капитана. Если вы проболтаетесь, я скажу Капитану, что Ланта использовала чары Провидицы, чтобы узнать это, и вас накажут. И все, хватит! Никаких больше дурацких прогулок. А если мне захочется сладкого вина или медовых пирожных, чтобы тут же все это подавали!

Сайла опустила голову:

— Я не могу перечить желаниям и мудрости Капитана. Ты носишь его наследника. Мое вмешательство может только навредить.

Продолжая сидеть на полу, прислонившись к стене, Ланта изумленно смотрела на подругу. Ясмалея также метнула подозрительный взгляд в сторону Сайлы. Но не заметив даже тени насмешки, она встряхнула головой и бросилась вон из комнаты.

Цепляясь за стену и с трудом переводя дыхание, Ланта поднялась на ноги.

— Как ты могла согласиться на это?

— Нам надо торопиться. — Решительный голос Сайлы оборвал Ланту на полуслове. — В ту ночь, когда схватили бедную рабыню, Капитан повторил слова, которые Жнея приписывала женщине. Помнишь — «будут освобождены». Он подчеркнул «освобождены». Вчера та же женщина предсказала его гибель. Теперь мы слышали, что Ясмалею не выпускают за пределы замка, причем причину придумали такую глупую, что только сама Ясмалея способна в нее поверить. Что-то должно произойти, Ланта. Думаю, Капитан собирается пойти на сговор с лидерами рабов, чтобы как-то управлять ими.

Ланта склонила голову набок, напоминая маленькую птичку. Лицо после обморока было все еще бледным, но глаза лихорадочно блестели.

— Ты говоришь об управлении рабами. По-моему, речь идет о разгроме восстания. Ты и сама об этом раз обмолвилась.

Рука Сайлы взметнулась к щеке, словно пытаясь скрыть вспыхнувший на ней румянец. Запинаясь, она спросила:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да посмотри ты на этого Капитана! Он так же жесток, как Алтанар, такой же тиран, мучитель и убийца.

— Ему приходится быть суровым. И это не доставляет ему особого удовольствия. Он стремится быть более милосердным.

— В самом деле? Кто тебе об этом сказал? Он сам? Что-то я не припомню ни малейшего проявления его милости. Может быть, он будет подавлять эти волнения рабов, осыпая их подарками.

— Когда нет серьезных доводов, их заменяют сарказмом. Вспомни, я ведь не раз признавала, что он бывает слишком суров с рабами. А если тебя коробит от каких-то моих слов, я готова от них отказаться. Может, мы лучше поговорим, что нам делать с Ясмалеей?

Хотя уголки рта Ланты подрагивали, голос ее звучал спокойно:

— Конечно. Как я поняла, ты собираешься вскоре принимать роды.

— Это неизбежно. Посмотри, как она прибавляет в весе.

— Согласна. И я слышала, что Капитан препятствует выполнению наших указаний, заявляя Ясмалею, что она может вести себя, как захочет. Почему он не хочет поддержать нас?

— Ты же слышала — он любит ее. Думаю, это правда. И, как всякий мужчина, он считает, что свою любовь можно выразить, лишь переступая границы дозволенного.

— Возможно, я к нему несправедлива, — грустно сказала Ланта. — Может, он считает милосердие слабостью. Как снисходительность к отпетому мерзавцу.

В смехе Сайлы слышалось явное облегчение.

— Ты так думаешь? Знаешь, мы иногда слишком усложняем мужчин, на самом деле они устроены гораздо проще. Представь себе изнывающего от жажды быка, который почуял запах пресной воды — в этом весь мужчина со всем его глубокомыслием.

К изумлению и огорчению Сайлы, лицо Ланты после этого безобидного замечания исказилось необъяснимой яростью. Казалось, она вот-вот взорвется. Обе женщины напряженно застыли. Сайла видела, что ее подруга изо всех сил сдерживает бушующую в ней энергию, и она боялась пошевеливаться, опасаясь, что эта ярость вырвется наружу. С выгнутой, как у сердитого кота спиной, Ланта наконец направилась к двери. Проходя мимо Сайлы, она сказала:

— Да, они не очень сложны. Но движет ими не только жажда. Или доброта. Прости меня, мне опять нехорошо. Я скоро вернусь.

Выходя из комнаты, Ланта вцепилась в дверной косяк, стараясь удержать равновесие, душевное и физическое. Пришло время сказать Сайле всю правду; она должна увидеть

Капитана в его истинном обличье, даже если это разрушит их дружбу.

Как могла Сайла не видеть, что он собой представляет? Сайла, с ее проницательностью и интуицией, была слепа ко всему, что она не желала замечать.

А чем она, провидица, лучше? Вопрос этот для Ланты был как нож в сердце. Она пытается открыть Сайле глаза? А зачем? Все это — пустая трата времени, а результатом может быть лишь разрыв между ними. Кто она такая — жертва, которой стыдно признаться в этом и недостает мужества предупредить других, как опасно недооценивать мужчин? Не в силах обратиться к Сайле, Ланта закрыла лицо руками и выбежала из комнаты, отгоняя прочь готовые нахлынуть воспоминания и мучительные уколы совести.

Сайла смотрела вслед убежавшей подруге. Мысли и догадки беспорядочно кружили в ее сознании, подобно осенним листьям. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять причину ее гнева, как не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что, говоря о мужчинах, она имела в виду Конвея. Чем больше Сайла думала об этом, тем большее раздражение овладевало ей. Ланта, должно быть, столкнулась с ним во время поездки на остров. Возможно, она увидела Конвея вместе с Ти.

С Лантой надо поговорить начистоту. Конвей волен сам распоряжаться своей судьбой. Слепая ревность может стать навязчивой идеей и разрушить всю жизнь. Кроме того, все это может повредить поискам не меньше препон, которые ставит Капитан.

Среди медицинского снаряжения Сайла нашла чехол из оленьей кожи. Внутри было зеркало из полированной меди. Поправив ворот платья и уложив выбившиеся волосы, она подумала, что в поведении Ланты отсутствует логика. Это можно объяснить неразделенной любовью, но с точки зрения выживания это недопустимо. Страдая от того, что Конвей вновь сошелся с Ти, она считает всех мужчин неразумными. И даже жестокими.

Иногда этот мир вынуждает действовать жестоко, и у мужчин нет выбора.

Клас на Бейл был сильным мужчиной. С несгибаемой волей. Но тут же Сайла вспомнила, что он был и жестоким воином, который не отказывался от своей доли добычи.

Даже Клас мог поступать неверно. Но она любила его. Тосковала без него, жаждала его увидеть, услышать его голос, ощутить поразительную нежность его силы.

Встряхнув головой, Сайла прогнала прочь нахлынувшие фантазии и заставила себя вернуться к проблемам Ланты.

Думающий человек должен научиться докапываться до самой сути. Не позволять себе стать заложником опасных иллюзий, таких, как физическая привлекательность. Это поможет преодолеть многие трудности, в том числе и одиночество. Тот, кто прошел подготовку в Церкви, может не опасаться даже тех неудержимых тревог и страхов, которые возникают в самых дальних и потаенных глубинах сознания, где царит первозданный хаос чувств и инстинктов.

Вот почему Сайла могла иметь дело с такими людьми, как Капитан, а Ланта не могла. Бедная Ланта. Ей бы немного опыта, и она бы легко справлялась с такими пустячными проблемами, как неуместная любовь к Конвею.

С Капитаном нельзя порывать. Не на все вопросы получены ответы, не все тайные планы раскрыты. Он им нужен, как никто другой. Если и удастся отстранить Жнею от управления Церковью, то ключевую роль здесь должен сыграть Капитан. Ланте трудно возразить — он действительно жесток. Хотя нет, скорее суров.

Сайле хотелось, чтобы Ланта поняла его суть, посмотрела на него как на мужчину. Будь он кем угодно, но не Капитаном, его бы любили, ценили, дорожили бы его дружбой. Его суровость была чертой Капитана, а не его натуры. Любой другой, лишенный общения с людьми, их дружбы, стал бы точно таким.

Поправив последнюю складку на платье, Сайла придала своей осанке более уверенный вид и направилась в тронную комнату. Решительным шепотом она сказала себе: «То, что не в силах изменить, прими».

Эта фраза неожиданно поддержала ее. Настроение улучшилось. Она почувствовала, что на многое способна.

Глава 69

Весь день в форте царило необычное оживление. Вооруженные конные патрули проверяли, чтобы никто ни проник на полуостров и не покинул его без разрешения. Луч зеркальной установки, расположенной на стене, то потухал, то загорался снова. Вместо двоих вестников сегодня там было четверо.

В форте находились и другие вестники. Сайла вспомнила, как отзывался об этих людях Гэн Мондэрк, сравнивая их с птицами, питающимися падалью. Она поморщилась. Вестники, конечно же, не были столь плохи. Одетые в яркие плащи, они в основном бесцельно шатались по крепости. Некоторые развлечения ради гарцевали на своих прекрасных лошадях среди разъезжающих патрулей, выставляя напоказ свою свободу. Сайле показалось, что в последнее время количество вестников резко увеличилось, и слова Гэна снова всплыли в памяти, вызвав неприятные предчувствия. Она отвернулась.

Бухта, обычно переполненная рыбацкими лодками и другими судами, теперь почти опустела. Улицы Гавани также были пустынными. Даже вездесущие мальчишки оставили свою охоту за мелкими рыбешками и покинули доки. Клубы дыма, поднимавшиеся от очагов, и те как будто старались побыстрее растаять в воздухе.

Сайла беспокоилась о своих друзьях, которые все еще оставались на Острове купцов.

Днем Капитан был слишком занят, чтобы принять ее. Когда усталое солнце наконец скрылось за горами между фортом и Великим Океаном, в дверь постучали два воина. Один из них был чем-то сильно взволнован. Второй, более спокойный с виду, заговорил:

— Капитан требует, чтобы Жрица Роз немедленно присоединилась к нему.

Он сделал ударение на слове «требует» и, прежде чем повернуться, позволил себе многозначительную улыбку. Сайла осталась на месте, и первый солдат занервничал еще больше. Он покосился на своего товарища и жестом попросил Сайлу поторопиться. Второй, вняв его беззвучной мольбе, обернулся. Жрица не собиралась терпеть унижительное обращение простых воинов, ее охватил гнев.

— Я не привыкла к подобному обращению, Коссиар.

Мелодичный выговор Коссиара лишь усилил насмешку, написанную на его лице.

— Мы с Доро обычно не выполняем поручения, если они касаются нелюдей. Но ради тебя было сделано исключение.

Тот, которого звали Доро, не выдержал.

— Ладно, Хелдринг, перестань. — Это была скорее просьба, чем приказ.

Лицо Хелдринга исказилось от злости.

— Ты начинаешь меня раздражать, Доро. Она снюхалась с ведьмами, это ты понимаешь? Мне все равно, что хочет от нее Капитан, а мы всех ведьм убиваем.

— Из-за тебя нас обоих высекут!

Хелдринг ухмыльнулся.

— Я слышал полоумную болтовню этой Церкви. Нехорошо причинять боль людям, но у нелюдей нет ни чувств, ни прав. Здесь, в Косе, нам не нужна ни Церковь, ни сумасшедшие ведьмы. И если Капитан хоть пальцем до меня дотронется, он будет иметь дело со всеми воинами Коса, кроме тебя, конечно.

Доро проглотил обиду и беспомощно посмотрел на Сайлу.

— Нам надо спешить, Жрица. Капитан не любит ждать.

Они спустились в холл, затем миновали тронный зал. В конце коридора виднелась дверь. Сайла знала, что располагавшаяся рядом лестница ведет на крышу. Бос с двумя стражниками ждал у входа.

— Я не одобряю решения Капитана встретиться с тобой, однако не имею права вмешиваться, — начал он, — поэтому буду ждать здесь. Не давай мне повода войти.

— При тебе всего четыре воина? Это не слишком опасно? — с издевкой спросила Сайла.

Хелдринг сделал шаг вперед.

— Полегче, женщина. Церковь здесь не очень много значит.

Кулак Боса тяжело ударил его в челюсть. Хелдринг впечатался в дверь и, отлетев от нее, неуклюже повалился на пол. Сайла инстинктивно сделала движение, чтобы помочь ему встать, однако он не понял ее благих намерений и со злостью отстранился. Бос дернул Сайлу за плечо. Затем наклонился над Хелдрингом, чтобы ударить еще раз, но был остановлен звуком отворяющейся двери. Капитан мрачно разглядывал открывшуюся перед ним картину.

— Что здесь происходит? — прорычал он.

— Это я виноват, — сказал Хелдринг, поднимаясь. — Я хотел известить о прибытии Жрицы, но споткнулся о ногу Боса. Прошу прощения.

Сайла с возмущением указала на Боса. Тот прервал ее бессвязные восклицания и заговорил сам. Сайла так и не смогла забыть его полный ненависти взгляд.

— Воины рассержены, Капитан. Хелдринг вышел из себя. Твои бойцы не хотят, чтобы ты оставался наедине с этой защитницей ведьм.

Капитан повернулся к Жрице и протянул руку:

— Входи. Ужин накроют, как только мы будем готовы. Ты голодна?

Сайла попыталась рассказать правду об эпизоде у двери. Он медленно кивнул и сказал полупшепотом:

— Не обращай внимания. — Держа ее за руку, Капитан захлопнул дверь. И Сайла вдруг почувствовала, что за ней осталась вся враждебность, витавшая в воздухе. Они поднялись вверх по лестнице.

Держа Сайлу за руку, Капитан вывел ее на крышу. Там их ждал уютный столик, который освещали две свечи, скрытые за зубчатой стеной. На скатерти, расшитой затейливым узором, Сайла увидела две фарфоровые тарелки, изготовленные рукой искусного мастера.

Повернувшись, Жрица заметила в другом углу крыши небольшую кухню. Раб принес белый керамический сосуд, украшенный изображениями летящих журавлей. Сайла зачарованно наблюдала, как две хрупкие тонкостенные чаши наполняются изысканным красным вином.

Еще один мужчина держат поднос, на котором морские креветки кольцом окружали стоящее в центре блюдо с красным соусом. Взяв креветку, Капитан аккуратно отделил хвостик от головы и снял кожицу. Он опустил хвост в соус, приглашая Сайлу сделать то же самое.

— Остро, — произнес он, приподнимая брови.

Прекрасно приготовленные холодные креветки обладали нежным, сладковатым вкусом. Приятно жгучий соус был великолепен. Сайла сказала об этом. Капитан слабо улыбнулся, и она заметила, как дневное напряжение покидает его.

Рабы подавали все новые блюда, и вскоре Капитан совершенно расслабился. Он заговорил о прошлом, о своей любви к густым лесам и зеленым лугам родины. В детстве напряженная учеба почти не оставляла ему свободного времени.

— Педагоги, — это слово звучало в его устах как ругательство. — Каждый из этих самовлюбленных дураков был уверен, что войдет в историю как человек, воспитавший самого Капитана. Когда я наконец избавился от них и открыл для себя окружающий мир, то почти сразу понял, что никогда уже не смогу им наслаждаться. У меня было все, кроме личной жизни. Когда мой отец был еще жив, он следил, чтобы я постоянно был окружен девушками. Эти глупые надушенные существа считали огромной честью бывать рядом со мной. Придворные обращались с ними как с настоящими королевами. Они получали щедрые подарки. Это продолжалось и после того, как я стал Капитаном. Я был молод, наполнен чувством осознания собственной значимости и к тому же просто похотлив. Жизнь кипела во мне. Но вот однажды проснувшись в своей кровати рядом с девушкой, я не смог вспомнить, кто она такая. Не помнил абсолютно ничего, понимаешь? Для меня все они слились воедино, стали набором привлекательных мордашек и точеных ножек, призванных доставлять мне

удовольствие. И тут я испугался. Я наклонился над ней и попытался извлечь ее лицо из водоворота моей памяти. Она посапывала во сне, и из уголка ее рта на щеку и плечо стекала тонкая струйка слюны. — Капитан досадливо поморщился, потом поднял чашу и осушил ее. Раб немедленно заменил оба кубка другими, прозрачными и гораздо меньших размеров — величиной с большой палец. Взяв новую бутылку, Капитан наполнил их. На этот раз напиток, налитый из конусообразного сосуда с плоским дном, был светло-золотистым. — Мы любим заканчивать ужин солнечным вином. Свое название оно получило не только из-за цвета, но и из-за мягкого успокаивающего действия. Оно очень сладкое. Попробуй.

Сайла поднесла чашу к губам. От нее распространялся аромат ягод, цветов и трав. Вкус вина оказался еще более изысканным и сложным, хотя преобладал мед. Она почувствовала в удивительном напитке чабрец, апельсины и черную смородину. Сайла подняла свой кубок.

— Ты прав — оно в самом деле восхитительно. В моей стране нет ничего подобного, но если когда-нибудь я вернусь в Кос, то привезу в знак признательности наши лучшие вина.

Капитан вздрогнул. Сайла опустила руку.

— Я сказала что-нибудь не то?

Массируя виски одной рукой, он взмахнул другой, и капли золотистого напитка пролились из прозрачной чаши. Тягучая жидкость поблескивала на пальцах, отражая дрожащее сияние свечей. Он вздохнул и выпрямился в кресле, небрежно вытирая руку свисающим краем изящной скатерти.

— Никто не может предлагать пищу или напитки Капитану. Это может быть истолковано как взятка, а Капитану должно иметь чистую совесть и светлую душу. Почему, ты думаешь, Команда так старалась обеспечить меня женщинами? Пресыщенный мужчина не станет покушаться на то, что принадлежит другим. Однако все это теория. Один из моих дедушек так и не смог этого понять. Впрочем, это уже совсем другая история. Как-нибудь я тебе ее расскажу.

Он осушил свой кубок, перевернул его вверх дном и опустил на стол. Затем поднялся, сложил руки на груди и исчез в надвинувшемся сумраке. Ветер со стороны моря усилился, развевая его волосы.

Сайла решила, что он очень подавлен. Ведь он неуязвим. Он не будет уязвимым до тех пор, пока не остановится его сердце. Но Капитан чрезвычайно одинок. Теперь она понимала это со всей отчетливостью.

Нет, не понимала. Это вообще было невозможно понять. Но теперь она знала, что в этом нет вины самого Капитана.

— Они заставляют нас, — пробормотала она вслух и испугалась своего голоса.

— Что ты имеешь в виду?

Сайла подошла к нему и стала у стены. На небе ярко мерцали звезды. Легкий освежающий бриз. Растущие внизу розы были сосредоточением мягкости, рододендрон выглядел, как клуб белого дыма. Морские волны вдалеке переливались и играли в мягком сиянии луны. Когда ветерок тревожил ее волосы, Сайле казалось, что она взлетает с высокой крыши замка. Слова поднялись из таких глубин души, которых она сама раньше не осмеливалась касаться, тем более открывать их человеку, имевшему в своих руках такую невероятную силу. Она чувствовала, что эти слова вызовут подозрения, но, чтобы кто-нибудь поверил тебе, необходимо прежде всего довериться ему.

— Обстоятельства порабащают нас, превращают в своих слуг, мотивируя это тем, что мы выполняем наш долг. Со мной это сделали Церковь и Целительство, с тобой — управление Косом, компромиссы с Командой, защита земель. Может быть, мы не совершили бы ни одного из наших поступков, если бы обстоятельства оставили нас в покое. Но этого никогда не произойдет. Мы и дальше будем послушными марионетками.

— Я слышу призыв восстать против их величества обстоятельств?

— Нет. Никогда. — В ответ на его вопросительный взгляд Сайла продолжила: — Я люблю Церковь. Люблю после всего того, что она со мной сделала. Иногда я всей душой стремлюсь найти Врата, иногда проклиная это занятие. Но что бы ни произошло, я всегда

буду любить Церковь.

— Всегда, черноволосая Жрица, военная целительница? Мне кажется, «всегда» — это несколько дольше, чем ты себе представляешь. — Он посмотрел Сайле в лицо. Не выдержав испытующего взгляда, она придвинулась ближе к стене. Капитан не стал ее останавливать. — Если нами управляет кто-то другой, попаду ли я в Преисподнюю за то, что отдал приказ убить ведьму? А как насчет моих педагогов, ведь это они сделали меня таким, какой я есть? Они уже в Верхнем мире, и, наверно, сейчас кто-нибудь хлопает их по плечу, говоря: «Посмотрите, шалунишки, что вы натворили. Наверное, хотите вниз, в Преисподнюю?»

Произнеся эту шутку, он забрался в одну из бойниц. Повиснув на одной руке, он сделал вид, что собирается прыгнуть вниз.

Не на шутку испугавшись, Сайла схватила его за руку и со словами:

— Ты же разобьешься, сумасшедший! — потянула на себя. В последний момент ему удалось сохранить равновесие, и они, уцепившись друг за друга, со смехом сделали несколько неуклюжих па какого-то замысловатого танца.

Внезапно смех прекратился. Капитан внимательно посмотрел ей в глаза. Его руки начали сжиматься так медленно, что это давление поначалу было трудно заметить, но, когда он наконец заговорил, Сайла чувствовала боль.

— Я готов поверить, что ты действительно ведьма. Многие предупреждали меня, даже до того случая с рабыней. Одил была последней. — Не обращая внимания на попытки Сайлы освободиться, он взял ее за руки. — Ты привлекаешь мои мысли. Ты не одобряешь и даже оспариваешь мои принципы и убеждения и за это нравишься мне все больше. Ты ломаешь веками установленные обычаи моих людей, и я подчиняюсь. Но хуже всего, что ты делаешь меня счастливым. Каждый должен угождать Капитану, но никто не вправе возбуждать в нем чувство счастья. Никто. А тебе это удастся без всяких усилий. Попробуй доказать, что я не околдован.

Сайла вздрогнула, почувствовав, как тепло рук Капитана переливается в ее собственные. Она жала их.

— Я знаю, что такое находиться в состоянии постоянной войны с тем, что считается правильным. Мне пришлось это испытать в аббатстве Ирисов. Но Настоятельница спасла мою жизнь и мой разум. И если мне удастся тебе помочь, благодари ее.

— Если бы она была жива, я бы наверняка отомстил ей за это. Я бы сказал, что такая мудрость не должна оставаться без дела, и приказал бы ей стать Сестрой-Матерью.

Сайла улыбнулась:

— Моя настоятельница была самым упрямым человеком, который когда-либо появлялся на свет.

Капитан устало кивнул:

— Мне ли этого не знать. Я знаком с ее духовной дочерью. — Его глаза потухли. Он отпустил Сайлу, отвернулся и подошел к стене. — А теперь оставь меня. Уже поздно, а еще осталось много дел.

— Сначала ты скажешь, что тебя беспокоит.

Он резко повернулся. Лицо, еще недавно выражавшее добродушие, пылало гневом. Свет умирающих свечей окрасил его глаза в устрашающий огненный цвет.

— Капитан сам справляется со своими трудностями, и никто не вправе предлагать ему помощь! — Потом его лицо исказилось, он поднял руки, но тут же их опустил. — Прости. Я пытался прогнать тебя. Больше такого не повторится, но и оставаться здесь ты тоже не можешь.

— Почему?

— Почему? Потому, что ты противоречишь мне во всем. Ты сможешь уйти, как только утрясется проблема с рабами, я же проведу здесь всю оставшуюся жизнь. Все то, чем я владею, оказалось прогнившим до основания. Ты заметила сегодняшнюю суету? Жители города и фермеры подстрекают рабов поднять восстание. Как мне объяснить им, что к такой

реформе, как освобождение рабов, нужна долгая и серьезная подготовка? Ты — одинокий странник, преследующий цель, смысл и назначение которой тебе не понятны. Перед тобой человек, который никогда не может не быть одиноким, и у которого никогда не было друзей.

— Я предложила тебе свою дружбу. И делаю это снова.

Он подошел и мягко взял ее руки в свои. Потом поцеловал ее с удивительной страстью. Водоворот мыслей метался в голове Сайлы. Она заставила себя думать о Класе, ее муже, о его доверии и любви к ней.

Тело не слушалось Сайлу. Она почувствовала огонь, который до того мог разжечь в ней только Клас. Образ мужа уплывал от нее, оставляя лишь воспоминания. Жрица не должна была испытывать таких чувств.

Его губы медленно отодвигались от нее. Почти удивленная, Сайла уперлась руками ему в грудь и попыталась отстраниться, когда он прикоснулся к ее груди. Потом оттолкнула его со всей силой.

Внезапный гнев исказил черты его лица.

— Нет! Нет! — Заорал он, повторяя это снова и снова. Сайла закрыла уши руками. Отбросив ее в сторону, он огромными прыжками стал спускаться по лестнице. Когда Жрица пришла в себя, она обернулась и увидела то, что напугало Капитана.

Черное небо над Гаванью освещалось тремя огромными кострами, и вскоре к ним присоединился четвертый.

Глава 70

— Ты не смог бы найти меня и за тысячу лет, — сказал Додой.

— Может быть.

Второго мальчика звали Фрейлан, и он был на голову ниже Додоя. Фрейлан смотрел на Додоя таким взглядом, каким поклонник смотрит на своего капризного кумира.

Додой повернулся, уходя. Фрейлан поспешил за ним. Уверенный в том, что мальчик вскоре догонит его, Додой продолжал, не оборачиваясь:

— Ладно, я спрячусь. Ты должен найти меня до того, как песок в часах дойдет до этого уровня, — он поднял руку и показал ему два пальца, — иначе я ударю тебя по руке так сильно, как только смогу.

Фрейлан нахмурился; даже богам можно бросить вызов.

— Это нечестно. У нас нет часов. В любом случае, у тебя было больше времени, когда ты искал меня. Я тоже должен ударить тебя.

— Я изменил правила, потому что ты никогда меня не найдешь. Нам не нужны часы. Я могу сказать точное время, потому что я очень способный.

— Ты всегда так говоришь. Ты думаешь, что у тебя есть способности ко всему.

— Я лучше тебя. — Додой чувствовал преимущество старшего, чей жизненный опыт больше по крайней мере на год. — Так мы будем играть, или я оставлю тебя здесь, во дворе?

— Не уходи. Я буду играть.

— Я не знаю. Ты всегда споришь со мной. — Додой притворился, что все еще раздумывает. Пока Фрейлан умолял его остаться, Додой тщательно рассматривал двор в поисках лучшего укрытия. Ему пришло в голову, что нет особых причин оставаться внутри двора. С высоты балкона второго этажа он мог бы наблюдать за Фрейланом, который будет его искать. Додой мысленно представил лицо Фрейлана, когда он неожиданно возникнет, претворившись, что все это время прятался внутри двора. Затем он ударит этого маленького глупца. Додой сказал Фрейлану: — Ты стой здесь, повернувшись лицом к стене. Когда я крикну, сделай еще два вдоха, а потом иди меня искать. Не подглядывай, хорошо? Обманщиков не любят.

Маленький мальчик кивнул.

Додой побежал в дальний угол двора. Стоя позади рододендрона, он крикнул:

— Сейчас! — а затем нырнул в дверь.

Ступив на второй этаж, Додой понял свою ошибку. Все двери, ведущие на балкон, были закрыты. Со страхом осознав это, он заволновался. Он поспешил к самой первой двери, подергал за ручку. Дверь легко отворилась. Он постучал, готовый извиниться за ошибку и уйти. Никто не ответил, поэтому он открыл ее пошире и огляделся. Там стояли узкая кровать, небольшой стол и несколько кресел. Закрыв за собой дверь, Додой опустился на колени и пополз к перилам.

Он беззвучно смеялся, наблюдая, как Фрейлан бессмысленно мечется по двору. Прошло достаточно много времени, когда Додой вдруг подумал о тараканах в коробочке; Фрейлан был похож на одного из них. Только лучше. У тараканов не было лиц, которые выражали испуг, а Фрейлан был действительно напуган.

Это было настолько интересное зрелище, что Додой очнулся лишь тогда, когда услышал приглушенный голос по ту сторону двери. Ручка повернулась. Годы жизни среди Скэнов не прошли даром. Без малейшего сомнения он нырнул под кровать. Проявив завидную сообразительность, которая явилась следствием болезненного жизненного опыта, он потянул покрывало с кровати и спустил его до пола. Затем тихонько придвинулся к самой стене.

От голоса, уже не заглушаемого дверью, у него похолодело сердце.

Говорила Жнея:

— Мы можем побеседовать здесь. Во дворе нет никого, за исключением сумасшедшего ребенка. Что он может там искать?

Другой балкон расположен слишком далеко, это убережет нас от нежелательных слушателей.

— Такая секретность, — Капитан был одновременно озадачен и презрителен. — До тех пор пока ты не знаешь, где находятся убийцы, которые прошлой ночью подожгли дома своих хозяев и убежали от воинов, я не думаю, что тебе нужно быть такой осторожной.

— Я могу рассказать, почему, на мой взгляд, они организовали поджог. И даже больше.

Наступила долгая пауза, и Додой встрепнулся, почувствовав в нетерпеливом тоне Капитана угрозу:

— Ну?

— Пожар был спланирован, чтобы вызвать панику. Я ожидала большего.

— Чушь. Эти жалкие людишки раскрыли наш план подавления и опередили нас.

— Твои палачи не добились ни одного признания. Все рабы, которых мы схватили, клянутся, что ничего не знают о пожарах.

Капитан зашелся от смеха.

— А ты призналась бы, зная, что разгневаешь меня?

— Немедленно, если бы испытала такую боль, как они.

Со двора долетел тонкий голосок Фрейлана:

— Додой! Выходи! Я уже устал искать тебя.

Из своего укрытия Додой слышал все, о чем шептались Жнея и Капитан. Он видел подол черного одеяния, отделанного по низу зеленым и голубым. Человек в нем начал двигаться по направлению к стене. Голос Жнеи сказал:

— Вот оно что. Он ищет этого сироту, эту крысу, которая путешествует с Сайлой.

— Давай, выходи, Додой! Тебя даже здесь нет. Куда ты мог уйти?

Додой стал задыхаться от страха, осознавая, что начинает хныкать. Он закусил губы.

Снова шаги. Тяжелые и уверенные.

— Мальчик! Уйди со двора! — Приказ Капитана разнесся эхом.

— Но я должен найти его! — В этот вопль он вложил все свое детское горе, которое не различает рангов и титулов.

Додой надеялся, что Капитан прикажет воину убить его.

Неожиданно Капитан рассмеялся. Однако голос был жестким:

— Без возражений, маленький Фрейлан. Иди домой. Сейчас же.

Наступила тишина, Додой испугался еще больше; взрослые стояли так близко, что

могли услышать, как громко бьется его сердце.

Пола одеяния опять мелькнула возле кровати, и Жнея продолжила беседу:

— Я лечила мать Фрейлана, когда она порезала палец. Этот мальчик беспрестанно говорил о Додое. — Она мягко улыбнулась. — Я бы хотела иметь одного такого среди моих слуг. Если бы у меня были еще двое, чтобы следить за ним.

Капитан бесцеремонно прервал ее:

— Довольно. О рабах. Если тебе что-нибудь известно, позволь мне это услышать.

— Очень хорошо. — Жнея без предупреждения села на кровать. Под тяжестью ее тела кожаные ремни, поддерживающие матрас, провисли, едва не коснувшись Додоя. Он вжался в стену, стараясь не дышать и мысленно умоляя ее произнести хоть слово. — Сбежавшие рабы, которых ты искал еще до пожара, спрятались в раскопках проклятого места. Их планируют вывезти оттуда на лодках. Я предполагаю, что последний из них прибыл вчера ночью, и пожары были организованы лишь для того, чтобы увидеть твою реакцию. Все знают о том, что планируется масштабная акция против рабов. Причиной ее стали побеги и угроза восстания. Контрабандисты должны знать, где рыщут патрули и расположены посты на дорогах.

— Хорошо придумано. Завтра ночью начинается безлунный период. И поэтому Вал должен выйти в море следующей ночью. Он попросил, чтобы инспекция проверила его судно этим утром. Скажи мне, откуда ты получила такую информацию?

— У Церкви есть свои тайны и секреты. Так всегда было.

Капитан задел кровать носками туфель. Додоем едва хватило времени на вздох, как вдруг ремни прогнулись еще ниже. Одновременно он прямо над собой услышал булькающий звук. Затем кровать немного отодвинулась от стены. Почти незаметно, но его укрытие определенно сдвинулось в сторону.

Голос Капитана был грустным:

— Зачем ты провоцируешь меня? Мы намеревались управлять вместе, помнишь? Миссионеры Церкви и воины Коса. Разрушай и преодолевай. Никогда не позволяй себе говорить мне о секретах. Ты согласна со мной?

Снова бульканье. Тяжелое дыхание.

По-видимому, этот шум удовлетворил Капитана. Кровать вернулась в прежнее положение. Его ноги удалялись. Кровать перестала двигаться. Додоем потянулся, разминая затекшие конечности.

Вздохи не затихали еще несколько минут, затем Жнея внезапно поднялась и заговорила:

— Рабыня, о которой я говорила, была ведьмой. Она знала мастера, который собирал рабов на раскопки. Эта рабыня умела вызывать Видения. Она пыталась помочь мне — помочь нам — узнать больше. Но что-то не получилось.

— Я так и думал. Возле нее на полу нашли черный шнурок. Это знак Церкви, не так ли? Искатель Души, чтобы увидеть определенного человека. Сайлу.

— Шнурок от ее капюшона. Рабыня украла его у Сайлы, когда она первый раз обедала здесь.

— Если бы ты делилась со мной своими планами вместо того, чтобы лгать, то твоя рабыня-провидица, вероятно, до сих пор была бы жива, и ничего бы не случилось.

— Откуда я могла знать, что она сойдет с ума?

— Тебе положено знать две вещи, Одил. Знать, как контролировать свою Церковь. Знать, что мы с тобой сотрудничаем, и я за это в ответе. Я пообещал тебе Церковь и пообещал тебе Сайлу, когда сделаю, что хочу, но будь осторожна: только попытайся предать меня или воспрепятствовать мне еще хоть раз, и я выдам тебя Сайле и Церкви.

Голос Жнеи задрожал, но она выразила неповиновение:

— Сайла обречена. Я говорила тебе. Ясмалея и ее ребенок погибли. Ты сказал, что обвинят в этом Сайлу.

— Времена меняются. Благоразумный мужчина меняется вместе с ними. Сайла для

меня просто женщина, несмотря на свою болтовню о Церкви. Ее друзья — другое дело. Они любят ее, а Белый Гром и Черная Молния владеют огромной силой. Налатан стоит десятерых моих лучших воинов. Никто из ее группы не предаст ее и не будет служить мне. Хуже того, они все настолько ограничены, что попытаются отомстить за ее смерть. Я уже думал о том, как избавиться от них, а эта рабыня могла бы помочь мне.

Голос Капитана изменился. Додой мысленно представил его глубоко задумавшимся.

— Они останутся с Борбором, живущим с Валом, который хочет получить разрешение, чтобы выехать из Коса. Если я найду рабов, то устрою ловушку. Засаду. Против оружия-молнии я не готов сражаться в открытую. Пока не готов. Нужно найти их слабое место, разделить их. Я должен над этим поразмыслить.

Когда Жнея сменила положение, матрас скрипнул.

— Подумай о том, чтобы относиться ко мне с большим уважением. Я — одна из тех, кто находит важную информацию. Ты видишь, у меня есть источники. Я настаиваю на оказании мне того уважения, которого заслуживаю.

В этой пустой браваде Додой узнал свои обычные речи. Он ненавидел ее за это напоминание. Она опять зашевелилась, сдвигая матрас и заполняя его укрытие теплом и спертым воздухом.

Тараканы. Здесь пахло так же, как в том месте, где он прятал тараканов.

Капитан небрежно ответил:

— Я знаю, как Церковь наказывает тех, кто попустительствует нечестивым провидицам. — Его шаги удалялись, направляясь к двери. Он снова заговорил жестким тоном, который был так хорошо знаком Додою: — Или я могу просто перерезать тебе горло. — Дверь закрылась.

Додой не имел представления, сколько он пролежал под кроватью, пока Жнея наконец не ушла с балкона. Его все еще трясло. Перед тем как выйти, он осмотрел холл, затем пошел прочь, заставляя себя двигаться как можно более беззаботно. Очутившись в комнате, где он жил с Сайлой и Лантой, Додой бросился на кровать лицом вниз.

Он думал о Жнее, радуясь тому, что она попала в беду. Вскоре, однако, его больше начало занимать то, как она намеревается выпутаться. Он был уверен, что ей это удастся.

Когда вошли Жрицы, он повернулся и сел. С первого же взгляда они заметили его нервозность. Ланта спросила, что случилось. Сайла поинтересовалась, что же произошло. Додой заметил разницу. Он ответил Ланте, что план вывоза рабов раскрыт. Когда он добавил, что Жнея догадывается о времени нового побега, он подумал о том, что эта маленькая женщина выглядела больной. Ланта повернулась к Сайле:

— Мы должны предупредить их.

Сайла заходила по комнате, брови ее были сдвинуты. Когда она заговорила, тон ее голоса напомнил Додою Капитана. Это разозлило его, но он не мог объяснить почему. Сайла сказала:

— Ясмалее пришло время рожать. — И когда Ланта попыталась что-то вставить, она оборвала ее многозначительным взглядом. Додой тоже заметил его. Сайла продолжила: — Это наверняка будет весьма волнующее событие. А в результате появится ребенок. Уверена, ты понимаешь, о чем я говорю.

Ланта кивнула, хотя Додой, взглянув на нее, не был уверен, что она действительно все поняла. Затем она сказала:

— Как мы можем предупредить остальных? Капитан думает, что точно знает, где находятся рабы.

— За этим кроется опасность, — все еще вышагивая по комнате, заметила Сайла. — Он хочет большего, чем просто вернуть назад рабов. Он хочет найти тех, кто стоит за их освобождением. Сейчас он знает, что это кто-то с Острова купцов. Он будет атаковать. — Она остановилась напротив Додоя. — Тебя не было целых полдня. Что еще ты слышал?

— Он говорил, что будет сотрудничать со Жнеей, и она будет управлять Церковью.

— Что? Ты уверен? Он действительно так сказал?

Додой знал, что так произойдет. Недоверие. Всегда одно и то же. Он никогда ей не нравился.

Обе женщины были напуганы. Единственным человеком, кто был достаточно силен, чтобы помочь ему, была Тейт. Нужно забрать ее с Острова и перевезти поближе к нему. Он был уверен, что глупая Сайла узнает лишь то, что он сам захочет ей рассказать.

— Жнея говорила, что если что-нибудь случится с Ясмалеей и ее ребенком, то они во всем обвинят тебя. Затем Капитан сказал, что времена меняются. Он сказал, что все любят тебя, но он хочет добыть оружие-молнию. — Для Сайлы этого было достаточно. Это заставит Тейт приехать за ним, и они смогут убежать отсюда. В этом была необходимость. А если Сайла не захочет поверить, что Капитан намеревается избавиться от нее, то пусть она убедится в этом сама.

Сайла покраснела и сказала:

— Это означает не то, что Жнея будет владеть Церковью. Не совсем то.

— Это не важно, — ответила ей Ланта. — Мы должны бежать отсюда. Предупредить остальных.

— Нет, — Сайла покачала головой. — Я должна принять этого ребенка здоровым у здоровой матери. Если что-нибудь будет не так, Церковь может использовать это, и я должна спасти его для Капитана и для Церкви. Однако нам нужно доставить тебя на Остров купцов. Найдется ли раб, чтобы отвезти тебя? Нам нужен кто-нибудь, кто умеет управлять лодкой.

— Я могу, — сказал Додой.

Женщины застыли с открытыми ртами. Он огрызнулся:

— Я был рабом Капитана. Кто, по-вашему, был у него на посылках на маленькой шхуне? Я знаю все о мореплавании. В любом случае, где мы достанем лодку?

Сайла положила руку на его плечо, слегка надавив:

— Ты украдешь ее.

Глава 71

Ланта и Додой пробирались по темному дому исцеления в поисках часового, который должен был там находиться. В бухте с лодками царило мертвенное спокойствие, не нарушаемое ни единой волной. Черные лодки были едва различимы на темном фоне.

Донесся чей-то взволнованный шепот. Ланта была уверена, что слышала кашель. Додой был, в свою очередь, убежден, что Капитан, планируя акцию против рабов, снял всех воинов с форта, чтобы помочь тем, кто был на берегу.

Мальчик действительно очень им помог, узнав, что из-за сокращения охраны отменена дополнительная смена ночью, и воины остаются на посту до восхода солнца.

И Додой, и Ланта знали, что существуют защитные ворота, которые каким-то образом перекрывают выход в туннель к заливу. Если они охранялись, то бежать было практически невозможно.

Затекшие конечности требовали движения. Они неуклюже поползли дальше, касаясь друг друга. На краю бассейна Додой отделился от Ланты, оставив ее одну. Когда его затененная фигура бесшумно материализовалась возле нее и ледяная рука коснулась ее руки, она едва не лишилась чувств. Он придвинулся ртом к ее уху. От него пахло морской водой.

— Здесь есть двое ворот, по обоим концам туннеля. Я могу пройти между створками. Пойдем.

Треугольными воротами можно было управлять с помощью большого колеса. Ланта поймала себя на мысли, что никогда раньше не замечала этих ворот. Смущение от собственной невнимательности продолжало подтачивать ее уверенность в себе.

Додой опять зашептал:

— Ты откроешь ворота. Я возьму там лодку, отвяжу ее и вернусь. Затем ты выйдешь отсюда. Я опущу ворота и проскользну наружу.

Она схватила его, потянула назад.

— Почему бы мне не взять лодку и не подождать тебя? Это было бы быстрее.

Он грубо отпрянул.

— Если ты сделаешь какую-нибудь глупость, я буду снаружи и смогу убежать, вот почему. Дай мне дорогу.

Ланта должна была отпустить его или бороться с ним. Несколькими минутами позже она услышала мягкий плеск всколыхнувшейся воды. Она повернула колесо, чтобы дать Додой возможность взять лодку. К счастью, механизм был хорошо смазан. Несмотря на это, из появившейся между железными затворками щели полилась вода, ее звук напомнил Ланте плеск реки. Когда лодка ударилась о стену, в которой были ворота, она подумала, что стена рухнет.

Ланта еще не успела осознать все происшедшее, а ее товарищ уже вывел лодку на открытую воду. Ей захотелось кричать и петь. До тех пор, пока Додой не поднял парус. Подъемник заскрипел. Гул нарастал. Звук разбивающейся воды был похож на гром, белый парус был как маяк.

Мысль о том, что они должны проделать путь до Острова купцов, заставила Ланту содрогнуться. Затем она подумала, что им следовало бы вернуться назад и опять повторить все это. Она легла на спину. На некоторое время она была слишком озабочена, чтобы чего-то опасаться.

Ближе к берегу Острова купцов ее напряжение спало, и она вернулась в нормальное состояние. Додой управлял небольшой лодкой, пытаясь подойти к берегу. Ланта спрыгнула на сухое место. Они двигались по направлению к дереву, когда появились люди Борбора с факелом. Они встретили гостей с некоторым подозрением.

Зайдя в большой зал в доме купца, Ланта и Додой были приятно удивлены. Их приветствовали Тейт, Конвей, Ти и Вал. Налатан с Борбором были на собрании купцов. Когда люди Борбора ушли и Тейт удостоверилась, что никого из коссииарских слуг-шпионов поблизости нет, все расположились кружком у пылающего камина. Ланта объяснила цель приезда.

Она вздрогнула, увидев Конвея. Ланта не могла себя заставить встретиться с ним глазами, и первый же взгляд, брошенный на Мэтта, отозвался в сердце болью.

Она помнила безумный, животный взгляд этого мужчины, который ранил ее, как ничто другое. И сейчас она заметила промелькнувшую на его лице ненависть, похожую на язычки огня, плясавшие и вившиеся вокруг фитилей масляных ламп, расположенных на медной люстре.

Ненависть к ней, ненависть к самому себе.

Внезапно Ланте пришло в голову, что она уже освободилась от чувства стыда. Она была опозорена, но у нее нет причин стыдиться. У Конвея были. И поэтому он так злился.

Почему же, если она все это знала, его боль ранила ее почти так же, как собственная?

Тейт подошла к ней и опустила руку на плечо.

— У тебя все хорошо? Случилось что-то еще?

Ланту спасло самодовольное бахвальство Додоя.

— Ей было плохо всю дорогу. Море — не место для женщин.

Подойдя к огню, Конвей положил руки на мраморную каминную доску и молча уставился перед собой. Остальные ждали. Подняв руку, он указал на Ланту, потребовав:

— Мне нужны доказательства! — Его лицо лихорадочно покраснелось.

Ланта часто замигала, онемев. Ответила Тейт:

— Доказательства чего? Что операция провалена?

— Я слышал, что говорил Капитан. Я слышал, что говорила Жнея. Я был там. — Голос Додоя был полон негодования.

Конвей проигнорировал его. Он приблизился к Ти.

— Если бы кто-то выяснил, где спрятаны рабы, они уже были бы там. Капитан знает, что Вал — единственный человек, который просил таможеню провести осмотр. — Он повернулся к Ти и обратился к ней, глядя при этом на Ланту: — Ты рассказала Ланте о том,

что Танцующие-под-Луной успешно переманивают рабов. Потом Ланта вернулась обратно: Сайла хотела, чтобы она этому противостояла. Что ты сказала ей, Ти?

— Я сказала, что не советую ей в это ввязываться. Это вовсе не означает, что она врет.

— Нет, означает. Додой, что Сайла пообещала тебе? Или ты все это затеял, чтобы быть с Тейт, и придумал такой способ попасть сюда?

Покраснев, Додой закричал:

— Я не обманываю! Я просто не нравлюсь тебе. Я слышал, что сказал Капитан. Мне все равно, поверите вы мне или нет.

— Ланта, я знаю, что ты никогда не станешь нам лгать, — вступила Ти. — Но последняя группа рабов прибыла прошлой ночью. Если бы патруль приблизился к месту укрытия, то дозорный увидел бы его и забил тревогу.

— Они здесь? Их сопровождал тот же человек, который приводил всех остальных?

— Конечно, — ответил Конвей. — Проводник — один из нас. — Последнее слово он произнес со злобой.

Тон Ланты стал умоляющим:

— Разве вы не видите? Раб, который попал в беду, знал проводника. Палачи спрашивали обо всех, кого знала эта несчастная женщина. Они уже могут знать, кто это. Он скажет им. Он не сможет выдержать.

Тейт была глубоко взволнована:

— Может быть, ты должен прислушаться к Додою, Мэтт. Это звучит действительно ужасно.

Конвей и не собирался следовать ее совету.

— Мальчик просто хочет быть с тобой. Это все, что его беспокоит. Что касается тебя, Ланта, то, что ты сейчас говоришь, не совпадает с тем, что ты говорила раньше. Ты сказала нам, что обвиняемая ведьма открыла, где должны прятаться рабы и что их увезут на лодке. Теперь ты говоришь нам, что она услышала историю из уст самого проводника. Ты сказала это после того, как я говорил о том, что проводник был один и тот же. Ти, она выдумывает на ходу.

— Ты слишком много говоришь, Конвей, — сказал Вал. — Брось это. В любом случае мы не можем взять этих людей на борт сейчас. Таможенники разберут корабль на кусочки. Они найдут скрытый отсек.

Ти сосредоточенно нахмурила брови.

— Разбуди своих людей. Сегодня ночью прорубите дверь в скрытый отсек. Люди с таможи не появятся здесь до завтрашнего утра; когда они придут, то не увидят ничего, кроме люка, заполненного упакованными товарами. Ты выйдешь в море по графику, затем вернешься в залив, когда станет темно. Мы встретим тебя с рабами на маленькой лодке, пересадим их в твою шхуну, и ты уплывешь.

Все одновременно начали оживленно спорить.

Голос Ланты зазвучал громче остальных. Она встала, распростерла руки, слезы блеснули в ее глазах.

— Спасайтесь. Сделайте так, чтобы на корабле Вала было безопасно. Молитесь, чтобы рабов не нашли. Как это ни ужасно, но вам нельзя спасать их. Не сегодняшней ночью. Если они выживут до завтрашней ночи, то можете считать, что проводник умер, не открыв их местонахождение. Но даже тогда пытаться помочь им будет очень опасно. Капитан может оставить их там как приманку, чтобы поймать в ловушку вас.

— Ты определенно хочешь напугать Ти, чтобы она отказалась от своей миссии, — промолвил Конвей. — Ты не можешь спокойно наблюдать, как она делает то, чего ты и твоя такая чистая Церковь не может сделать, правда? Ты даже готова пожертвовать рабами. Они, может быть, уже принадлежат к культу Луны, так что пусть умирают, да? Признайся, что все это — ревность, твоя личная и твоей Церкви! Ты просто пытаешься досадить Ти.

Вал медленно поднялся, возвышаясь, как медведь на задних лапах, выясняющий, что же потревожило его покой.

— Я уже однажды говорил тебе о манерах, Мэтт Конвей. Интересно, твои кулаки так же быстры, как твой язык? — Он отстегнул пояс с мечом.

Ланта положила свою руку поверх руки Вала.

— Он не нарочно. Все хорошо.

Ти ухватила за плечо Конвея. Это немного охладило его, но выражение лица осталось прежним. С болью Ланте хотелось попросить его по крайней мере быть честным. Даже если бы она в самом деле искушала или смущала его, могло ли это оправдать его поступки? Признавая, что не может забыть случившееся, она хотела бы простить его. Она пыталась спасти его жизнь, жизнь женщины, которую он предпочел ей. «Что же мне еще оставалось делать?» — хотела спросить Ланта. Она одна была обиженной, только она страдала. Должны ли ее ненавидеть за это?

Извинившись, Вал успокоился.

— Тебе будет лучше вернуться обратно, Жрица. Этот Остров скоро станет очень опасным местом. Поэтому Сайле потребуется, чтобы рядом была храбрая подруга.

Додой припал к его ногам.

— Я останусь с Тейт. У меня нет никого, кто бы мог защитить меня в замке. Они опять сделают меня рабом.

Тейт подошла к нему, взяла лицо в свои руки. Она была очень серьезной.

— Ты пойдешь с Лантой. Ты будешь делать все, что тебе скажут Ланта и Сайла. Я останусь здесь с Налатаном. Как только мы разберемся с этой проблемой, ты вернешься. Я буду ждать. Не спорь со мной. Я люблю тебя, дитя мое, но клянусь, что свяжу тебя, как цыпленка, и отнесу в лодку, если это потребуется. Ты понимаешь?

Додой знал, что проиграл. Он направился к двери.

— Ты идешь? — медленно обернувшись, спросил он Ланту.

Быстро попрощавшись, она поспешила за Додоем.

В темноте обратный путь к воде был намного труднее. Ланта часто спотыкалась, раздражая Додоя. Всю дорогу он бурчал, разобрать слов было невозможно, но его тон не оставлял сомнений. Внезапно он остановился, удивленно воскликнув. Они были уже недалеко от пляжа, и Ланта подумала, что мальчик ступил на песок. Минутой спустя она почувствовала под ногами ровный грунт. На фоне слабо светившегося моря ей показалось, что Додой словно вырос на несколько дюймов.

Вдруг из темноты вынырнула рука, мягко сжавшая ее горло. Хватка была столь сильной, что Ланта не смогла закричать. Бороться было бесполезно. Ее несли, ноги болтались в воздухе. Чьи-то пальцы закрывали ей глаза. Отчаявшись и чувствуя, как сознание покидает ее, она нащупала кожу и погрузила в нее ногти. Мужской голос гневно вскрикнул. Сжимая руку вокруг горла, он чуть не переломал ей шею, но вовремя изменил хватку. Задышавшись, она выдавила из себя крик.

Давление усилилось, и она погрузилась во тьму.

Из ночи послышался голос. Издевающийся. Налатан.

— Осторожно, осторожно. Если вы убьете ее, то никогда не добьетесь ответа. И подумайте, что в этом случае с вами сделает Капитан.

Глава 72

Боль.

Она проникала в голову Ланты, вибрировала, лихорадила все тело, мускулы и нервы.

Движение.

Кольшущееся, поднимающее и опускающее, нерегулярное и непредсказуемое.

Послышался низкий голос:

— Шевелится. По-видимому, приходит в себя.

Другие звуки ускользали от ее сознания. Вода. Ветер.

Не двигаясь, Ланта медленно открыла глаза, чтобы оглядеться, насколько это было

возможно из-под глубокого капюшона. Она полулежала, прижавшись спиной к носу небольшой лодки. Чья-то рука держала румпель. Ближе к ней, между мачтой и штурвалом, кто-то смотрел на нее. Массивный, с большой бородой.

Ланта попыталась сориентироваться по звездам. Лодка двигалась на запад. Она не могла понять, проплывали ли они мимо форта. Так медленно, что мышцы стали подергиваться от нетерпения, она подняла левую руку, положив ее на живот. Черный рукав был неразличим на фоне черного платья. Проскользнув в рукав, пальцы легли на кинжал.

Ее мысли заполнили песнопения. Постепенно, мало-помалу, они подавляли страх, уводя его из сознания все дальше и дальше.

Она выхватила кинжал и ударила.

Бородатый мужчина вскрикнул, в низком голосе послышались боль и удивление. Ланта выдернула лезвие и ударила снова. Мужчина поймал ее предплечье одной рукой, другой схватив за запястье.

— Перестань. Больно же, — сказал он.

Она снова попыталась вонзить нож. Человек был явно раздосадован.

Это выглядело настолько нелепо, что у Ланты вырвался истерический смех.

Из глаз потекли слезы.

Сильные руки выхватили нож, и внезапно она оказалась в его объятиях. Он держал ее, как ребенка. Из массивной груди мужчины доносились низкие, успокаивающие звуки. Борода щекотала ей ухо, капюшон откинулся назад. Она чувствовала себя в безопасности.

Ланта решила, что она сошла с ума, но ей было все равно.

Послышался голос Додоя:

— Я говорил тебе, что она хитрее лисы. Ты мне не поверил. Никто мне не верит.

Ланта подняла голову.

— Додой? Ты здесь?

Додой презрительно ответил:

— Придержи язык. Где еще я могу быть? Ты же слышала, что сказала Тейт.

Собрав все свои силы, она вырвалась из объятий мужчины. Он и не пытался удержать ее. Как не пытался вернуть ей кинжал.

— Кто? Что? Где? — вырвалось у Ланты. Она тут же закусил губы, чтобы остановить бессмысленный поток слов.

— Я рад, что тебе лучше, Жрица, — ответил мужчина. — Пожалуйста, вернись на свое место в лодке. Есть некоторые вещи, о которых я должен тебе рассказать. Конфиденциально.

— Ты чуть не убил меня.

Сдавленный смех Додоя звучал подобно шепоту:

— Они с Налатаном спасли нас. Ты ничего не знаешь?

— Мужчина пытался задушить меня. Налатан сказал, что Капитан хочет видеть меня живой.

Мягко, но непоколебимо мужчина усадил Ланту на место. Присев рядом, он прошептал:

— Налатан перехватил нескольких слуг-шпионов, которые пытались похитить тебя и мальчика. Больше они никому не причинят вреда.

Ланта сглотнула, стараясь не думать о том, что означает последнее замечание, и спросила:

— Ты был там?

— Да, с Налатаном. Меня зовут Хелстар. Я с Острова купцов. Мы с Налатаном слышали, как вас схватили Коссиары, когда ехали предупредить Ти. Рабов нашли.

Ланта выпрямилась.

— Я их предупреждала. Капитан все знает.

— Капитан не знает, что восстание рабов начнется сегодня ночью. Вот почему я здесь с тобой и мальчиком. Я провожу Цветок до безопасного места.

— Я знаю, кто ты. Мои спутники говорили о тебе. Ты не из числа их друзей.

Спокойную усмешку Хелстара можно было принять за вздох облегчения. Он какое-то время молчал, затем переменял тему, как будто пытаюсь сбить Ланту с толку. Голос был тот же, но все остальное разительно изменилось.

— Мне приказали кое о чем тебе рассказать. Это другая причина, почему я здесь.

Ланта не знала, что ответить, и молчала, то ли потрясенная его словами, то ли просто из осторожности. Хелстар подумал о последнем.

— Мне больно быть подозреваемым, но я понимаю.

— Больно, — проговорила Ланта. — Ты же ранен. Я ударила тебя ножом.

Хелстар протянул ей нож.

— Такая маленькая штучка вряд ли смогла бы пробить рубашку, которую сделал кузнец Хелстар. Твой нож уколол меня, как жало.

— О, хорошо. Ты говоришь, что хочешь мне о чем-то сказать?

— О многом. Слушай внимательно. У нас мало времени. Есть люди, которые думают, что у тебя есть Камень Истины или, по крайней мере, тебе известно, где он находится. Все, что ты знаешь, держи при себе. Никому не доверяй. Те, кто провожал меня сюда, просили тебя использовать свои знания для того, чтобы увидеть, как Церковь выживет. Однако в настоящее время служи Цветку.

Когда он замолчал, чтобы передохнуть, Ланта набросилась на него с обвинениями:

— Ты осмеливаешься говорить со мной о том, что я знаю? Не знаю? Должна говорить? Не должна говорить? Я служу Сайле потому, что она моя подруга, потому что я верю в то, что она делает. Ты не можешь говорить о Церкви. Оставь меня.

— Жрица, послушай. Что бы ты ни думала, у Церкви есть глаза и уши. Я — единственный, кто помогает тебе. Это мое задание. Тебе выбирать. Мое второе задание — вывести тебя и Сайлу из форта.

Уверенность и чувство собственного достоинства Хелстара заставили Ланту замолчать. Если он говорил правду о коссарских слугах-шпионах, то получается, что он спас ей жизнь. Сейчас он претендует на то, что был послан, чтобы спасти еще и жизнь Сайлы.

Послан кем?

Чем больше ложь, тем правдоподобней она кажется.

— Почему ты говоришь, что восстание рабов начнется сегодня ночью?

— Весь Кос знает, что Капитан хочет подавить в людях всякую надежду. Рабы убеждены в том, что должны восстать в то время, когда государству угрожают кочевники. Они надеются, что кочевники помогут им.

— А они помогут?

Размышляя, Хелстар заговорил медленнее:

— Они говорят, что новый Сиа владеет оружием-молнией, которое мощнее того, что есть у ваших друзей. Они говорят, что он — сын Луны. Он сделает всех своими рабами. Его цель — Танец-под-Луной. Но рабы не обращают на это внимания. Нельзя заставить человека, бредущего в темноте, бояться жары и жажды, приносимой солнцем.

— Кочевники могут свергнуть Капитана?

— Кто знает? — Возникла пауза, затем послышался звук, похожий на смешок. — Мне говорили, что ты — провидица.

Она через силу улыбнулась.

— Есть вещи, которые мне не позволено открывать.

Предупреждающее шипение Додоя было подобно ледяному дуновению зимнего ветра. Хелстар и Ланта замерли. Как лесной кот, мальчик пробирался от румпеля, чтобы опустить парус. Лодка отклонилась от курса. Без хлопанья матерчатого паруса взрослые услышали то, что напугало Додоя. Голоса, много голосов, неразборчивое бормотание. Додой бросился к штурвалу, направляя лодку к берегу, и через минуту это ему удалось. Ланта и Хелстар легли на дно лодки, вжимаясь в него изо всех сил.

На фоне звездного неба обозначились силуэты четырех больших коссарских катамаранов. Ветер раздувал блеклые, как привидения, паруса, неся их на запад по белым

закручивающимся гребешкам волн. Заржала лошадь. Затем послышался грубый голос. Предупреждающим шепотом Хелстар произнес единственное слово:

— Воины. — Трое людей молча лежали на дне лодки, пока корабли не оказались вне зоны слышимости. Напряженно прислушиваясь, Додой стал осторожно поднимать парус.

Они легли на прежний курс, и оставалось пройти совсем немного, когда Хелстар дотронулся до руки Ланты:

— Стена. Вон там. Сиди тихо. Что бы ни случилось, помни: Цветок должна немедленно покинуть это место.

— Но ты говорил, что сам проведешь нас в безопасное место.

— Надеюсь, так будет, маленькая моя. Если не смогу, прости. Но беги первой, понимаешь?

Хелстар и Додой осторожно спустили парус. Пересекая прибой, они вошли в маленький канал, ведущий ко входу в туннель.

Ланта была уверена, что звук ее колотящегося сердца эхом отразится от стен.

Додой спрыгнул в воду без малейшего всплеска. Ланта наблюдала, как он приблизился к железным воротам и юркнул туда. Прошла вечность, прежде чем ворота задрожали, приподнялись и открылись. Додой вернулся и забрался на борт. Когда лодка вошла в туннель, Ланта сидела на носу. В одной из комнат над бухтой был виден свет. Она была уверена, что он светит прямо на их лодку.

Когда она посмотрела в сторону кормы, Хелстара уже не было.

Войдя в бухту, Додой подвел лодку к тому же кольцу, от которого он ее отвязал. Он вышел после Ланты и закрепил лодку. Закончив, он побежал в сторону, всем своим видом напоминая Ланте маленькое крадущееся животное. К тому времени, когда она вышла из лодки, внутренние ворота вернулись в исходное положение.

Хелстара не было видно.

Ее наблюдения была прерваны диким криком Додоя.

В тусклом свете окна Ланта увидела воина, стоящего около управляющего воротами колеса, и подумала было, что он испугал Додоя. Вглядевшись, она увидела, что мужчина держит мальчика. Тонкая маленькая фигурка безжизненно повисла на его руке.

Ланта повернулась, чтобы бежать. Но ее уже поджидал второй воин с обнаженным мечом. Его лицо искажил звериный оскал. Ланта заставила себя выпрямиться.

— Убери оружие. Я принадлежу Церкви. Никому не позволено нападать на меня.

Меч не исчезал.

— А Жнея сказала, что позволено.

Воин с Додоем в руке подошел к ним. Он встряхнул мальчика.

— Больше он не будет меня пугать.

Его друг издал хрюкающий звук.

— Тебе повезло, что они вернулись назад.

— Это был мой единственный шанс. Они уже были за воротами, когда я проснулся. Подними я тревогу, и все узнали бы, что я проспал. Но я же говорил тебе — эта Жрица никогда не оставит ту, вторую. Они как два пальца на одной руке.

— Тебе повезло, — сказал второй, поворачиваясь к Ланте, чтобы увести ее в замок.

Они остановились перед дверью, ведущей в замок. Крыша немного нависала над стеной, и под ней образовалось место, полностью погруженное во тьму. Ведущий Ланту воин взялся за ручку двери. Обернувшись, она увидела, как Хелстар что-то делает позади второго воина с Додоем в руках. Казалось, бородач пытается наложить заклятие. Он поднял руки над головой, потом скрестил их в запястьях. В каждой из них была короткая палка. Вытянув руки вперед, он все еще держал их скрещенными.

Мужчина, державший Додоя, выпустил его, чтобы освободить руки. Он не успел поднять их, как из открытой раны под подбородком хлынула кровь.

Ланта стояла в стороне, когда обернулся воин перед дверью. Меч его был поднят для защиты, как будто он ждал этого нападения.

Это спасло ему жизнь. Меч Хелстара с искрами и треском налетел на меч воина. Тот ударил его в пах. Хелстар присел от боли. Постепенно наступая, Хелстару удалось зацепить своим мечом левую руку воина.

Воин опять потерял равновесие. Хелстар пригнулся, прикрываясь и готовясь к захвату.

Но это был ложный маневр. Обманутый, глядя в другую сторону, Хелстар лишь в последний момент успел заметить опускающийся меч. Падая, он пытался прикрыться. Рукоятка коссарского меча ударила ему прямо в затылок. Хелстар упал головой вниз и лежал на земле без движения.

Воин стоял над ним, тяжело дыша, одной рукой прикрывая кровотокающий бицепс. Меч все еще был направлен острием в спину Хелстара. Ланта молилась о том, чтобы безумство борьбы кончилось до того, как Коссиар нанесет последний удар.

В темноте промелькнуло что-то, напоминающее маленькую серебряную летучую мышь. Воин успел лишь поднять глаза, в которых промелькнуло недоумение, как блестящее лезвие вонзилось ему прямо в лоб. Сила удара отбросила его назад. Он абсолютно четко выговорил:

— Я думал, ты... — и выронил меч. Упав прямо на Хелстара, меч отскочил и с негромким звяканьем покатился по дорожке. Закованный в металлические пластины воин смотрел на выпавшее оружие так, будто это было самое важное в мире. Он потерял сознание и умер с таким же напряженным выражением лица.

Додой рванулся вперед, чтобы выдернуть из своей жертвы маленький топорик. Ланта уже бежала к бассейну, чтобы намочить в холодной воде один из безразмерных рукавов. Пospешив обратно, она начала протирать лицо и запястья Хелстара. Он пришел в себя почти сразу. Потребовалось еще немного времени, чтобы он смог идти. Почти придя в себя, он взглянул на Додоя:

— Ты сделал это? Вот этим? — Он указал на небольшой топорик.

Додой кивнул. Ланта подумала, что в нем почти не заметно обычного самодовольства.

Подойдя к первому воину, Хелстар вытащил две небольшие дубинки. Ланта увидела проволоку, соединяющую их между собой. Заметив ее удивление, Хелстар быстро спрятал оружие в карман, пробормотав:

— Извини.

Хелстар и Додой потащили два тела к катамарану, затем провели судно через туннель. Подняв парус и направив лодку с жутким грузом в море, Хелстар положил руку на плечо Додою. Зарез над Островом купцов освещало коссарские корабли. Они побежали назад к Ланте.

Та повела их в замок.

Глава 73

В тихом безмолвии ночи цокот копыт Вихря по деревянному трапу напоминал ревущий гром. Конвей почувствовал облегчение, когда конь наконец ступил на твердую землю.

Нервы. Они реагировали на каждый звук, им чудилось движение за каждым деревом и кустом в окружающем лесу.

Он ехал позади Ти и трех человек из охраны Борбора. Седла поскрипывали. Цокали копыта. Ровное, глубокое дыхание коней наполняло ночь приятной густотой. Она сочеталась с мягким ароматом лошадиной кожи, острым запахом растительности и едкостью соляного болота. Карда бесшумно передвигался рядом. Конвей приподнялся и окинул взглядом колонну, не видя Микки.

Все шло хорошо.

Мысли Конвея вернулись к Ланте, которая пыталась помешать им уничтожить рабство. Лицемерие Церкви. Сначала Жнея хотела убить его, теперь Ланта пыталась нанести удар, используя его отношение к Ти.

Он не мог отрицать, что сам дал Ланте повод к мести. Но в этом была и ее вина. Он

ведь пытался быть ей просто другом.

Конвей покачал головой. Правда была в том, что он пытался быть для Ланты больше чем другом, но той до этого не было дела. Самое неприятное, что она просто манипулировала им и дразнила его, а он не понимал этого. Она даже никогда не уважала его. Человек так много берет на себя, а потом...

Это не значило, что он хотел отомстить ей. Она играла в глупые игры.

Ти спасла ему жизнь и поставила цель.

Ланта была обманщицей. Симпатичная — да, милая — да, но ничего больше. Сдержанная. Да. Если бы она могла просто поговорить с ним. У него было что сказать ей.

Он чуть не врезался в Ти. Они двигались по узкой тропе, и она немного приотсталала, ожидая его.

Проклятое место занимало обширное возвышение, окруженное болотами, с заливом на юге. Ти стояла на перекрестке двух дорог: узкой и широкой. Давным-давно рабы-шахтеры перевозили руду по широкой дороге с выдолбленной колеей на баржи, плававшие по реке.

— Мужчины Борбора пошли в разведку налево, туда, где широкая дорога выходит к ручью, — сказала Ти. — Мы подождем их здесь, а затем все вместе поедem вперед, в укрытие.

— Ты должна разрешить мне пойти в разведку, — начал раздраженно спорить Конвей. — С собаками и Вихрем мы сделаем это быстрее и лучше.

— Оружие-молния — наша сила. Если здесь в кустах кто-нибудь прячется, то ты поможешь мне защищаться.

В этом был здравый смысл. Однако Конвей закипятился:

— Раз ты так боишься, что нас схватят, зачем мы приехали сюда? Я думал, мы решили, что это безопасно.

— Именно ты говорил, что здесь безопасно. Ты просто не доверяешь Ланте. А я ей верю. — Она замолчала, потом продолжила: — Мы должны поговорить об этом. Тебе следует о ней кое-что узнать.

Мэтта заинтриговал ее серьезный, почти грустный тон. Когда же он попытался задать ей вопрос, Ти зашипела на него, попросив соблюдать тишину.

Быстро вернулись трое ушедших в разведку. Ведущий взволнованно зашептал:

— Сигнала безопасности нет на месте.

Сигнал безопасности был прост. Старая проезжая дорога заканчивалась возле раскопок дока. С проводником договорились: он притворялся, будто ловит рыбу в реке, которая протекала через болота. Если он не замечал поблизости воинов, то оставлял длинный шест возле кучи мусора.

Холодная змея подозрения обвила шею Конвея. Они должны победить. Должны.

— Может быть, шест упал, — сказал он. — Надо двигаться быстрее.

Лидер мужчин Борбора ответил:

— Сигнала безопасности нет. Мы поворачиваем. Вал говорил — маленькая Жрица Фиалок предупреждала, что так может случиться.

— Она лгунья. — Конвей не обращал внимания на сдавленное дыхание мужчин. — Вы не можете дезертировать сейчас.

— Мы следуем правилам, а одно из правил — сигнал безопасности. Ты ведь тоже подчиняешься им.

— Вы все можете оставаться здесь, — вмешалась Ти. — Я отправлюсь за ними одна.

— Это слишком опасно, — возразил мужчина. — Ты боишься попасть в ловушку, иначе ты не брала бы с собой Белого Грома. К тому же теперь у нас есть подтверждение этому.

Конвей едва мог видеть указывающий на него палец мужчины, но ему почудилось, что мужчина коснулся его. Он отшвырнул его в сторону. В тот же момент послышался скрежет металла — все трое выхватили оружие.

Собаки громко залаяли. Конвей схватился за «вайп» и щелкнул предохранителем.

Рука Ти остановила его. Трое мужчин отступили на шаг назад.

Конвей сказал:

— Вы не понимаете. Это больше, чем просто освободить несколько рабов. Ланта — представитель власти. Она ненавидит Ти. И меня. Она хочет, чтобы мы проиграли — ее Церковь подозревает, что беглые рабы могут быть Танцующими-под-Луной.

— Вы трое останетесь здесь, — повторила Ти. — Мы с Конвеем пойдем вперед. Если вы заметите опасность, возвращайтесь на лодку и предупредите остальных на Острове. Понятно?

Мужчины молча кивнули.

Взобравшись на коней, Ти и Конвей медленно двинулись через лес. Проехав около сотни ярдов, Конвей сделал знак остановиться. Кони оставались неподвижными, а собаки побежали вперед на разведку. Конвей лишний раз убедился, что все идет хорошо. Собаки вернулись и заняли прежнее положение. Конвей бросил победный взгляд на Ти. Он был разочарован, когда она просто поехала дальше.

Еще пятьсот ярдов, и они приблизились к месту, с которого виднелись хибарки, стоящие перед входом в шахту.

Собаки обследовали местность. Прямо напротив беспрестанно кричала болотная птица. Этот колеблющийся звук повышался, затем, достигнув высшей точки, обрывался и начинался снова. Конвей молча проклинал этот нервирующий плач.

Вдруг птица встревожилась и полетела в заросли шелестящего тростника.

Собаки вернулись. Обе были в замешательстве. Они бегали кругами, возвращаясь на место, откуда пришли, тихо полаивали. Карда подбежал к Конвею, поднялся на задние лапы, положив передние ему на бедро и ткнувшись мордой в Конвея. Пытаясь успокоить его, Мэтт потрепал пса по шее.

Ти прислонилась к Конвею с противоположной стороны.

— Что-то здесь не так. Оставайся тут. Я поеду к шахте и вызову людей наружу.

Конвей не возражал, потому что она не выходила из поля зрения. Усадив собак на земле, он зарядил «вайп» и «буп». Наконец, проверил пистолет и подвигал мечом в ножнах.

Ти быстро поскакала к домикам. Это удивило Конвея, а затем он понял, что пользы от этой уловки было немного. Поведение собак ясно показывало, что вокруг никого нет. Их замешательство, конечно, немного смущало, но в том, что они не обнаружили здесь людей, сомнений не было.

Ти вернулась назад галопом. Ее глаза в темноте казались белыми. Она ударила его по руке:

— Они не отвечают. В шахте. Оттуда вдет вонь. Я что-то слышала. Скребущееся. Визжащее. Я думаю, что это крысы.

Далекий крик прорезал ночь, заставив похолодеть Ти и Конвея. Крик не прекращался, в нем слышались страх и злость.

— Лодка, — сказала Ти. — Коссиары напали на лодку.

Как доказательство ее слов, в небо взметнулся столб огня.

Искры взлетали над темным лесом, разделявшим их и беглых рабов.

Грохочущий галоп оповестил о приближении людей Борбора. Подождав, пока они остановятся, Конвей сказал:

— Мы пойдем на восток, к высоким землям на другой стороне болота. Украдем лодку и вернемся на Остров.

Никто не ответил, и Конвей знал почему. Никто больше не надеялся на лучшее. Все знали, что коссиарские военные корабли уже курсируют, подобно акулам, ожидающим появления глупцов, которые выплывут на глубокие воды.

По затихающему шуму можно было догадаться, что происходило на горевшей лодке. Очевидно, что те, кто поджег ее, будут искать исчезнувших пассажиров. Это было лишь делом времени.

Группа пересекла заросли кустарника возле хибар. За ними опять начинался густой лес.

Замедляя шаг, прижимаясь друг к другу, пятеро людей продирались вперед. Конвей двигался первым, за ним Ти. Собаки исчезли далеко впереди. Вдруг они примчались обратно. Взволнованные псы сгрудились возле Вихря. Конь, всегда слушавшийся Конвея, забеспокоился, почти не реагируя на его команды.

Сбившись в кучу, всадники слушали Конвея:

— Собаки нашли кого-то впереди. Мы должны повернуть на север, в сторону от залива. Главный из охранников не согласился.

— На этом пути нам попадется поселение, где расположены Казармы воинов. Мы напоремся на их мечи.

— Наверное, воины сейчас заняты поисками, — заметила Ти. — Они ищут нас и охотятся за рабами.

— Их будет столько, сколько стеблей кукурузы на северных землях. Поэтому запад для нас единственный выход.

Ти наклонилась к Конвею:

— Возможно, он прав.

— Что ты знаешь о болотах, Ти? — спросил он. — Мы можем их перейти?

— Вероятно. Здесь есть одно место, где болото самое узкое. Я думаю, что смогу его найти.

— Могу побиться об заклад, что воины тоже знают об этом месте, — сказал один из мужчин, горько рассмеявшись.

— Они, наверное, уже сидят там.

— У нас нет выбора, — сказал Конвей. — Где дорога, Ти?

— Поворачивай направо. Будем искать гребень, параллельный берегу. Он похож на стену.

Они проехали совсем немного, когда заметили погоню. Со всех сторон слышался резкий свист. Горели факелы. Конвей проклинал деревья, которые превращали свет в неровное мерцание, отклоняя лучи.

Удача улыбнулась заговорщикам впервые за эту ночь, когда неожиданно они очутились около гребня. Конвей заметил, что гребень был очень крутым, ширина в основании и высота были примерно одинаковы. На какое-то мгновение он позволил себе подумать о том, что находится под землей и деревьями. Наверняка что-то сделанное руками человека. Как глупо и как замечательно эти давно умершие люди строили и разрушали.

Еще немного, и их группу уничтожат.

Ланта предупреждала их. Она умоляла Ти остаться на острове.

Ти могла последовать ее совету. Если бы он не убедил ее не обращать внимания.

Разве могла Ланта знать место, где будет засада? Или сказать это помешала верность Церкви?

Конвея озарило. Он физически чувствовал эту силу, силу своего сознания.

Ланта знала. Она не могла раскрыть себя, рассказав обо всех подробностях, но она знала.

Стрела над головой пропела мелодию смерти; музыка оборвалась глухим звуком, когда она уткнулась в дерево.

Конвей подозвал Ти.

— Они сбоку, справа от нас.

Пятеро всадников сбавили скорость, не желая скакать очертя голову и рисковать, пробираясь через лес в кромешной тьме. Крик боли свидетельствовал о том, что одного из мужчин ранили. Но они продолжали путь. Лидер подтолкнул Конвея:

— У Лоргана повреждено плечо. Он не сможет драться. Мы сделаем все, что сможем. Удачи.

Времени на разговоры не было. Прямо впереди послышалась команда. Конвей прищипнул Вихря. Когда он доскакал до Ти, она уже обнажила меч, пригнувшись к гриве коня. Конвей свистом созвал собак. Одной рукой держа «вайп», он бросил Вихря в галоп.

Они вылетели из плотной стены деревьев и ринулись в кустарник, росший перед болотом.

Разбросанные кусты и небольшие деревца скорее мешали, чем помогали. Постоянно рискуя вылететь из седел, всадники были лишь частично защищены от стрел. Многие из них свистели над головами, не причиняя вреда. Одна попала в Конвея, но ее движение было замедлено кустарником, и она лишь поцарапала жакет. Если бы он не видел ее, то решил бы, что это просто ветка.

Воины ждали беглецов на краю болота.

Перед Конвеем возник силуэт. Выстрел из «вайпа» отбросил Коссиара назад в тростник. В ответ с обоих флангов полетели стрелы, но Конвей быстро направил туда «буп». За звуками взрывов следовали крики боли и испуга. Собаки рванулись вперед. Следуя за ними, Конвей оглянулся, чтобы посмотреть на мужчин позади. Их было лишь двое. Он видел, что один из них еще держится в седле. Второй откинулся назад, удерживаемый стремениами. Животное в панике дико скакало и лягалось.

Заросли тростника поглотили Конвея. Впереди шел конь Ти, за ним Вихрь. Собаки быстро сообразили, что легче идти за конем, чем продираться самим по бокам от колонны. На беглецов злобным, смертоносным дождем осыпались стрелы.

Конвей потерял счет времени и расстоянию. Бережно расходуя боеприпасы, он лишь два раза стрелял назад, надеясь, что попадет в преследователей. Попытки, вероятно, закончились успешно, ему казалось, что звуки погони начинают затихать. Однако, когда он обернулся, чтобы посмотреть, как там остальные, его сердце екнуло. Сзади никого не было.

Когда они наконец выбрались из грязи и болота, коней шатало. Они ступили на луг. Конвей подъехал к Ти; ее натуральным образом качало в седле из стороны в сторону. Не оборачиваясь, она спросила:

— Как остальные? Они ранены?

— Им не удалось пробиться. Мне жаль. С тобой все в порядке? Твой голос звучит как-то странно.

Она не обратила внимания на его слова, медленно указывая рукой в сторону моря.

— Посмотри туда, на свет. Корабли Капитана. Ищи Вала, надеюсь, он придет за нами. Большинство из них, вероятно, направляется на Остров купцов. — Она тяжело облокотилась на него. — Это я провалила дело, да?

Конвей обнял ее.

— Не говори так. Мы выбрались. Смотри! Вон туда. Пожар. А там другой! Что там происходит?

Ти заставила себя привстать. Конвей заметил, что она опирается на руку, как будто ей не хватает сил. В ее голосе слышалось волнение.

— Оно началось, Мэтт. Рабы подняли восстание. Это не прошло даром. Я не проиграла. Не совсем проиграла.

— Не говори о провале. Ты заставила их понять, что они должны бороться за свободу. Так, как боролась ты. И они тоже победят. Как и ты.

Конвей посмотрел в сторону Острова купцов. Он удивленно вскрикнул:

— Гавань горит, Ти! Посмотри! Похоже, пылает весь город. Сигнальные огни, куда ни глянь.

Она хотела повернуться, но чуть не упала. Опираясь на него правой рукой, Ти сказала:

— Пожалуйста, возьми поводья. Поверни моего коня. Я хочу видеть это.

Повернув Вихря, он поставил двух коней бок о бок. Едва он закончил этот маневр, как огонь уже распространился на север. Доносились тревожные звуки колокола и бой барабанов.

— Это, вероятно, в бараках, о которых говорили люди Борбора, — сказал Конвей. — Вот почему они не погнались за нами. Они пытались спасти город и все остальное.

Ти едва смотрела на новые пожары. Ее внимание привлекло огненное небо позади Острова купцов.

— Это конец. Для кого-то начало, для кого-то конец. Колесо никогда не

останавливается. — Она отняла его руки от поводьев и сжала их. Затем подняла, посмотрела на них, приложила к щеке и начала целовать. В звездном свете, в зареве пожаров ее глаза блестели. Она так тяжело навалилась на его руку, что Конвею пришлось подставить плечо. Опустив голову, она сказала: — Я хотела любить тебя, Мэтт Конвей. Я хотела быть твоей женой, родить тебе детей. Ты знаешь о том, что заставил меня мечтать? Мечтать о камине, о еде, которая сделает тебя толстым и ленивым, о долгих прогулках, когда ни один из нас не произнесет ни слова, и мы оба будем счастливы? Ты знал, что я буду мечтать о таком? Я и не догадывалась.

— У нас все будет хорошо. — Конвей коснулся ее щеки, повернул лицом к себе, чтобы смотреть в глаза. — Мы поедем в Дом Церкви, встретимся там с остальными. Все будет хорошо.

Ти покачнулась в седле. Она закашлялась. Он едва удержал ее, когда она вдруг начала резко падать. Конвей обхватил ее за шею левой рукой и усадил, прислонив к плечу.

Она задохнулась, когда его рука наткнулась на стрелу, и резко отдернулась в сторону.

Конвей застонал. На две трети стрела вошла в ее тело. Несколько секунд он слышал только удары своего сердца. Немного придя в себя, он схватил поводья ее коня и тут же бросил их.

— Мы найдем помощь, — сказал он. — Здесь недалеко должна быть ферма или что-нибудь еще... Ты сможешь отдохнуть. Я поеду за... за... Сайлой. Я поеду за Сайлой.

— Пожалуйста, Мэтт, помедленнее. Это так больно. Не торопись. Это моя стрела; стрела, посланная мне. Хотя мне все равно. Найди место, где можно отдохнуть, пожалуйста. Мне больно, я устала. — Она попыталась взять себя в руки. — Я должна сказать тебе. Ланта. Я и Ланта.

Она опять закашлялась, и Конвей запротестовал:

— Я не хочу слышать о ней. Не сейчас. Никогда. Она во всем виновата. Она.

Ти покачала головой, ее душил кашель, и она не могла говорить. Она жестом показала, что хочет лечь. Он поспешно повел лошадей туда, где можно прилечь, спустил девушку на землю, уложив так, чтобы она могла видеть море. Слева и справа пожары освещали темноту. Коссиарские лодки быстро плыли к Гавани.

Конвей смочил лицо Ти водой из фляжки, и она закрыла глаза. Боясь заговорить, он опустился рядом с ней, взяв ее руку в свою, чувствуя, какая она слабая и холодная.

— Я никогда не смогла бы стать такой, какой мы оба хотели, — сказала Ти. — Я никогда не была той, какую ты хотел видеть и какой я надеялась стать. Но я изменилась. Ведь это так, правда?

— Не говори так, Ти. Я выведу тебя отсюда.

Она улыбнулась ему.

— Ты не замечаешь очевидных вещей. Раздраженный мужчина. — Она закашлялась. — Два мечтателя. Разные мечты. Несбыточные мечты. Слушай. Ланта. Хорошая женщина. Скажи ей. Бороться. За тебя. Вы еще будете счастливы.

— Не делай этого. Ти, я люблю тебя. Не оставляй меня. Я умоляю...

Мягко, осторожно она передвинулась на камне. Глядя в ее спокойное лицо, Конвей старательно избегал смотреть на плечо.

Вдруг лицо ее исказила гримаса страдания. Ти негромко вскрикнула, попыталась подняться, протягивая руки к нему. Он сжал их, как будто мог вытащить ее из поглощавшей бездны боли. Ти открыла глаза, в них отразилась вся ее душа. Она пристально посмотрела на него.

— О, Мэтт, почему всегда бывает так больно? Я люблю тебя. Я... Поцелуй меня. Обними меня. Крепко. Пожалуйста.

Глава 74

Дверь открылась, и Сайла удивленно уставилась на Ланту и ее промокших до нитки

спутников. Указывая на переступающего с ноги на ногу Хелстара, она почти жалобно спросила:

— Что...

Сквозь мокрую бороду Хелстара сверкнули белые зубы.

— Хорошо, что ты спросила, Жрица Роз, но мне больше нравится «кто», а не «что». Я — Хелстар, кузнец. — Он внимательно посмотрел на женщину и выжидающе улыбнулся. В душе Сайлы зашевелились подозрения. Манера разговора и одежда могла принадлежать какому-нибудь тупоголовому воину. Но под этой грубой оболочкой явно скрывалось что-то другое.

Ланта и Додой исчезли за перегородкой — им нужно было сменить мокрую одежду. Слушая рассказ Ланты о ночных событиях, Сайла напряженно изучала стоящего перед ней мужчину. Он отвечал ей тем же. Она чувствовала на себе взгляд, похожий на осторожный, но недвусмысленный взгляд тигра. Может быть, этот тигр и не был слишком агрессивен, но обладал удивительной способностью сливаться с окружающим фоном. Интуиция подсказала Сайле, что тут может незримо присутствовать сама Жнея. Она не могла сказать, чем вызваны такие подозрения, но ее интерес к Хелстару усилился.

Наконец из-за перегородки показалась Ланта.

— Я пыталась уговорить Ти и Конвея не идти за сбежавшими рабами. Это слишком опасно.

К ней присоединился Додой:

— Но Конвей оказался слишком глуп, чтобы поверить нам.

Хелстар поддержал Ланту:

— Я ничего тебе не рассказывал, Жрица, и приказал молчать мальчику. Когда мы с Налатаном наконец разобрались с коссиарскими шпионами и вернулись домой сообщить об этом, Ти и Конвей уже ушли за беглецами. Ти настояла на этом. Они взяли с собой троих бойцов и пять запасных лошадей и отправились в путь на большой лодке. Конечно, коссиарские военные суда могли перекрыть все дороги, но у твоих друзей еще может быть шанс.

— Что мы можем сделать? — спросила Сайла.

В голосе Хелстара появились унылые нотки:

— Боюсь, что ничего. Этой ночью до нас дошли плохие новости. Нашлись предатели, и вожаки схвачены. Теперь восстание начнется стихийно, и у них нет ни малейшей надежды. Месть Капитана будет ужасной. — Некоторое время он молчал, похрустывая пальцами. — Но восстание может помешать поймать твоих друзей. Начнутся пожары, расправы с рабовладельцами, дележ их имущества. На некоторое время Кос охватит паника. Все это и привело меня сюда.

— В этом у меня есть определенные сомнения, — сказала Сайла. Поняв ее намек, Хелстар смущенно улыбнулся. Она продолжила: — Если твоей целью было поднять мятеж в замке, то ты опоздал — все рабы, кроме нескольких девушек, заперты и закованы в цепи.

Хелстар коротко кивнул и обратился к Додою:

— Постереги дверь. Я проверю, чтобы ты не подслушивал.

— Не указывай, что мне делать, — огрызнулся мальчишка.

Хелстар протянул к нему мускулистую руку, и Додой быстро отпрянул, хотя между ними оставалось ярда два. Тем не менее отвага быстро покинула его, и он счел за лучшее повиноваться.

Когда дверь закрылась, Хелстар отвел женщин в дальний угол комнаты и прошептал:

— Начиная с первых Сиа, еще до Учителей, некоторые мужчины работали на Церковь.

— Ерунда, — парировала Сайла. — Только женщины могут принадлежать Церкви. Церковь залечивает раны, нанесенные миру мужчинами. Так было всегда.

— В мире много дорог, и на каждой из них много людей. Не все кузнецы принадлежат Церкви. Когда-то это было традицией, но такая система не оправдала себя. То же случилось и с нашими братьями, торговцами.

Ланта раскрыла рот от удивления.

— Да, маленькая Жрица, кузнецы и торговцы. Мы находим то, что не может увидеть сама провидица из провидиц. Даже Жнея не знает о нас ровным счетом ничего.

— Это невозможно, — прошептала Сайла и покачала головой, как будто пытаюсь отогнать знание, подрывающее все основы ее веры.

Хелстар был непреклонен.

— Может быть, ты еще помнишь Билстена, твоего старого спутника? Вспомни и те мертвые розы у двери в замке барона Джалайла. Тогда вы собирались бежать, и вас нужно было предостеречь. Теперь вам помогу я. Подумай, Сайла, ты в большой опасности.

Сайла стояла, не в силах вымолвить ни слова. Хелстар продолжил:

— Я не вправе сообщать тебе что-то еще. Запомни главное: ты должна продолжать поиски Врат. Мне поручено помочь тебе. Твои друзья уже покинули Остров купцов.

— Я не могу уехать сейчас.

Ланта побледнела.

— Ты мне не веришь, Жрица? — Лицо Хелстара залилось краской. — Если надо, то я готов поклясться историей о женщинах, которым запрещено осенять себя крестом, в том, что это правда. Ты — Цветок и должна остаться в живых. Поэтому нужно уходить.

Сайла колебалась.

— Ясмалея, — наконец выговорила она. — У нее скоро начнутся роды. Можно сказать, уже начались. Я пришла сюда за инструментами.

— Ты служишь Церкви, а не изнеженному ребенку этого чудовища, — рассерженно бросил Хелстар.

Сайла одарила его гневным взглядом.

— Изнеженному? Что ж, скоро мы сможем это проверить. Ребенок родится этой ночью.

— Так рано?

Сайла предостерегающе посмотрела на Ланту.

— Сегодня, никаких сомнений. — Она заметила, как изменилось выражение лица Хелстара — признак того, что секрет был раскрыт.

— Хорошо, — сказал он. — Цветок действительно оказался розой — шипы да и только. Делай, что считаешь нужным. Но помни, у нас должно остаться несколько часов темноты. Если роды начнутся слишком поздно и ребенок появится на рассвете, то это принесет нам смерть. Это так же верно, как то, что я кузнец. Могу я чем-то помочь?

Вместо ответа Сайла подхватила свои седельные сумки, попросив Ланту сделать то же самое. У двери она остановилась и позвала Додоя. Тот вынырнул из темноты.

— Я не подслушивал! — начал он, но Сайла знаком приказала ему молчать.

— Собери свои вещи, сюда мы больше не вернемся.

Передвигаясь как можно незаметнее и прячась при каждом шорохе, четверо людей добрались до покоев Ясмалеи.

Стражи у дверей не было. Сайла постучалась и назвала себя. Испуганная девушка-рабыня в желтом балахоне отодвинулась, пропуская их в комнату. Ясмалея лежала на широкой кровати, на ней был просторный сарафан бледно-голубого цвета. Матрас был украшен изображениями дельфинов и многочисленных рыбок всех цветов радуги. Не поворачивая головы, Ясмалея прикрикнула на рабыню за ее нерасторопность и пожаловалась на отсутствие Сайлы.

— Надо было послать за мной, — сказала Жрица. — Как идут дела?

— Тебе лучше знать, — ответила Ясмалея. — Ты — целительница. Ой! Видишь — схватки участились и становятся все сильнее. А кто этот старик? Уходи отсюда, слышишь! Я рожаю сына Капитана, и тебе здесь не место. Вон отсюда, или я прикажу тебя выпороть!

Сайла подтолкнула Ланту вперед.

— Зажги огонь, нагрей воду и прокипяти побольше ткани. Я готова поклясться, за день она стала гораздо полнее. Будет много крови. И проблем.

Потом она обратилась к Хелстару:

— У меня есть для тебя два поручения. Во-первых, найди одного из вестников, что шатаются неподалеку. Скажи, чтобы он скакал к Людям Собаки, к Класу на Бейлу. Пусть передаст Класу, что в Косе восстание и я отправилась в Дом Церкви. Клас должен послать нам навстречу своих бойцов.

Хелстар улыбнулся.

— Допустим, я действительно нашел какого-нибудь вестника, и никто из стражников не заметил меня и не снес голову. Чем я заплачу за услуги?

— Клас на Бейл — мой муж. Он щедро заплатит за новости обо мне.

— Всех нас очень вдохновляет твоя вера в мужей и вестников. Хорошо, я попытаюсь. Что еще?

— Возьми с собой Додоя. Найди винный погреб.

— Вино? — Хелстар удивленно моргнул.

— Слушай дальше и не перебивай. Откройте бочки. По бокам вы найдете кристаллы. Возьмите столько, сколько сможете унести. Это очень важно. Когда закончите, спрячьтесь в комнате, соседней с этой. Практически вся стража и придворные заняты рабами, но кто-нибудь все равно может прийти на ее крики.

Хелстар нервно подергал бороду. Его глаза бегали по комнате, то и дело останавливаясь на Ясмалее.

— Если она заорет, то это будет слышно через любые стены. Вы сможете спасти ее? Или хотя бы ребенка?

— Нет, если ты не перестанешь болтать и не займешься делом. Надо спешить.

Схватив Додоя за плечо, Хелстар выскочил из комнаты.

Когда Сайла присоединилась к Ланте, Ясмалея задыхалась и стонала. Пламя в трехногой жаровне уже лизало стенки медного котелка. На поверхности воды появились первые пузырьки. Сайла повернулась к рабыне.

— Ты свободна. Возвращайся в барак.

Ясмалея приподнялась, опершись на локоть, и перевернулась на бок. Свободный сарафан обнажил обвисшую грудь. Она не обратила на это внимания.

— Я хочу, чтобы она была здесь.

Сайла попыталась ее уговорить:

— Она только будет путаться под ногами. Пусть идет.

Хитрость и раздражение исказили бледное лицо Ясмалеи.

— Ты думаешь, я законченная дура? Думаешь, я не слышала историй о том, что ты ведьма и колдовством можешь излечить хворь моего ребенка? Или меня? Он просто большой и просится на свет слишком рано, но в остальном с ним все в порядке. И со мной тоже. Вот почему эта старая Жнея не захотела мне помочь. Она боится. Но ты все же была добра ко мне, пусть только потому, что тебе нравится мой муж. Видишь? Я знаю больше, чем ты думаешь.

Из-за усиливающихся схваток ее слова прерывались гримасами боли и стоном. Прежде чем продолжить, она глубоко вздохнула. Категоричный тон смягчился, не скрывая больше легкую грусть.

— Я слышала и другое. Что он не любит меня и не хочет этого ребенка. Моя мать говорит, он злой. Она считает, что ты — хороший человек, но такая же идиотка, как и все служители Церкви. Она ненавидит Капитана. И если со мной или с ребенком что-нибудь случится, он во всем обвинит тебя и твоих друзей. — Она глубоко и тяжело вздохнула, поймала руку Сайлы и сжала ее с необычайной силой. — Все, что я хотела, — это хорошо жить. Нельзя упрекать меня в этом. Но мне страшно, Сайла. Я слишком много не понимаю. Я хочу выжить и вырастить своего ребенка. Даже если это окажется девочка. Пусть малыш родится здоровым. Обещай мне, Сайла, пожалуйста, обещай.

Сайла мягко улыбнулась.

— Обещаю. Но теперь мне на время придется уйти, нужно подготовить все инструменты.

Высвободившись, Жрица отошла. В вызванных страхом откровениях Ясмалеи было много правды. Сайле вспомнилась ночь на крыше, ощущение близости Капитана. Она буквально разрывалась на части.

Потом ее наполнило чувство вины.

Эти слухи пустили намеренно. Ничего не случилось в ту ночь. И вообще никогда. И если слухи лгали о ее связи с Капитаном, то они наверняка искажали его слова. Люди просто не понимают. Он был слишком одинок, никто его не поддерживал. Почему они не хотят увидеть, что он просто человек, наделенный властью, и вся его жестокость надумана?

Ни одна женщина не согласилась бы воспитывать своих детей в мире, где их отца боятся и презирают.

Она должна была доказать людям, что в душе Капитан остался хорошим человеком. Здоровый ребенок и любящая его мать; они помогут лучше понять его натуру.

Он станет ее другом. Другом Церкви. Сайла, Жрица Роз, вернет его на правильный путь.

В ней проснулось чувство гордости.

Глава 75

Ланта повернулась к Сайле.

— Мне кажется, пора. Я проверю ее, как только мы все подготовим.

Ясмалея перевернулась на кровати и встала на колени. Ее лицо было напряжено.

— Вы можете что-нибудь сделать с болью? Мне кажется, это будет длиться вечно! — выдавила она сквозь стиснутые зубы.

Тихо шепча что-то успокаивающее, Сайла заставила Ясмалею снять сарафан и лечь. Она накрыла женщину хлопковой простыней. Ланта опустила в кипящую воду льняную ткань. Расставив стулья у котла с водой, она соорудила что-то наподобие сушилки для белья.

Сайла успела заметить, как Ясмалея глубоко вздохнула и как изменилось выражение ее лица. Жрица предотвратила готовый вырваться наружу крик боли, засунув в ее открытый рот кусок ткани. Наклонившись над испуганной женщиной, Сайла сказала:

— Это ребенок сильнейшего в Косе мужчины. Не вынуждай меня говорить ему, что ты была слаба. Такое начало станет плохим предзнаменованием для сына Капитана. Ты должна вытерпеть и родить его в тишине. Когда придет время, он воздаст тебе должное, а вместе с ним и весь мир. — С этими словами она вынула кляп и отступила назад. Потом тихо обратилась к Ланте: — Поблизости еще осталось несколько стражников. Если она закричит, мы обречены. Так что доставай маковый сон, и побыстрее.

— Ты уверена? — спросила Ланта, роясь в сумке. — Ты успела дать ей черноту?

— Да. И довольно давно. Я подмешала ее в тесто и напекла пирогов. Они удались, и Ясмалея с радостью их съела, что, впрочем, неудивительно. — Несмотря на насмешливый тон, в ее взгляде на лежащую на кровати фигуру сквозил страх. — Я никогда еще не использовала ее, не было даже времени правильно подобрать дозу. Мне страшно, Ланта.

Ланта сжала руки подруги.

— Если бы ты вообще ничего не делала, кто-нибудь из них, Ясмалея или ребенок, был бы мертв. Может, даже оба. Я слышала, что она говорила насчет Капитана и кого обвинят при неудаче. Поэтому нам просто ничего не остается, кроме как спасти и мать, и ребенка.

Высвободившись и ободряюще улыбаясь, Сайла сказала:

— Я возьму совсем немного макового сна. — Она вынула из сумки глиняный сосуд и продолжила, отмеряя дозу в небольшой чашке: — Я так волнуюсь за Ясмалею, что чуть не забыла, насколько ты искусна в музыке исцеления. Помогите мне, Ланта. Помогите ей.

— С удовольствием.

Сайла вернулась к кровати.

— Ясмалея, сейчас мы поможем тебе расслабиться. Доверься нам.

Ясмалея издала глухой стон и уронила голову.

Жрица поднесла ей чашку.
— Выпей. Это успокоит тебя.

Ясмалея широко раскрыла рот и жадно осушила ее. Сайла заговорила о мире и спокойствии. Неимоверным усилием воли подчинив разум лежащей на кровати женщины, она начала плести из слов невесомую прозрачную паутину. Ясмалея медленно расслабилась.

Остававшаяся до сих пор незамеченной Ланта принялась за свою работу. Медленно и плавно зазвучала песня. Сперва она казалась похожа на колыбельную, но, прислушавшись, можно было узнать в ней гимн жизни.

Ланта вынула из своей сумки блестящий осколок обсидиана и принялась тереть его куском железа, срезая острым краем тонкие прозрачные хлопья, которые сверкали всеми цветами радуги. Искристое сияние слило воедино хрустальную прозрачность камня и жажду жизни.

Тем временем из сумки появлялись другие приспособления. Щипцы с огромными стальными челюстями. Кожаный мешок с какими-то предметами, которые издавали металлический звон. Сайла предпочла спрятать их от глаз Ясмалеи: ложечное сверло, выгнутые петли и блестящая игла, огромные ножницы и, наконец, крюк с тупым жалом — крайние средства, орудия разрушения, нужные, чтобы умертвить ребенка, если не останется никакой надежды, и еще кое-что для матери.

Сайла не выдержала и снова спрятала инструменты.

В углу сжалась в комок рабыня. Ее застывшее лицо выражало непреодолимый ужас.

Сайла успокаивающе улыбнулась девушке. Она надеялась, что это выглядит достаточно убедительно.

Из большей сумки появилась игла с продетой хлопковой ниткой и исчезла в кипящей воде. Потом показали споры гриба-дождевика — лучшее средство, чтобы остановить кровь.

В последнюю очередь Ланта достала небольшой, величиной с тарелку, бронзовый круг, сделанный из концентрических колец разного диаметра. Соединенные вместе, они образовывали полый конус. Протянутая сквозь кольца плетеная веревка служила рукояткой. Чтобы извлечь звуки, нужно было постукивать по кольцам небольшим молотком с серебряной ручкой и обтянутой кожей головкой. На ручке красовались вырезанные изображения солнца. Использованная многими поколениями людей, вязь стерлась и стала гладкой, а чернота рисунка подчеркивала мягкое сияние серебра. Ланта обращалась с инструментом почтительно. Ритмичная мелодия наполнила комнату.

Ритм напоминал спокойное биение сердца.

Мажор, минор. Напряжение, затишье.

Песня окутала Ясмалею, уже расслабившуюся под действием макового сна. Напряжение и стресс уступили место размеренным физическим усилиям. Она все еще оставалась женщиной, в муках рождающей своего первенца, но наконец избавилась от страха, отступившего перед стараниями Жриц.

Сайла смочила руки спиртом и насухо вытерла их. Ее губы задвигались в беззвучной молитве. Не прекращая свою глубокую ритмичную музыку, Ланта присоединилась к ней. Сайла объяснила Ясмалею, что должна определить, как движется ребенок. Роженица кивнула и сосредоточенно уставилась на потолок.

Сайла обратилась к своей помощнице:

— Шейка матки раскрылась. Кожа мягкая и влажная. Ага, вот околоплодный мешок. Очень твердый. Проход хороший. — Она вытерла руку куском чистой ткани и отбросила его подальше в угол. — Прекрасно, Ясмалея. Нам нужно еще чуть-чуть пространства. Осталось не больше половины моего ногтя. Ты отлично держишься.

Ясмалея продолжала терпеливо смотреть вверх. Пульсация волшебной мелодии не прекращалась. Несмотря на судороги, ее голова едва заметно покачивалась в такт ударам маленького металлического гонга.

Немного погодя ее состояние резко изменилось. Отрешенность от происходящего

уступила место нетерпеливому возбужденному ожиданию. Она выбросила в сторону руку и притянула к себя Сайлу, потом жестом пригласила Ланту подойти поближе.

— Мне нужно тужиться. Я чувствую его. Моего сына. Он идет. Двигается... ой! — С необычайно сильным всплеском отошли воды, капли жидкости забрызгали стену. Рабыня вскрикнула и потянулась за тряпкой, чтобы вытереться.

Комнату наполнил сильный сладковато-кислый запах. Ланта прекратила удары и улыбнулась Ясмалею.

— Вот это да! Аромат появления на свет. — Она сморщила нос. — Если бы это не было связано с детьми, я бы сказала, это отвратительно. Но сейчас это прекрасно.

— Да, о да. — Слова роженицы более походили на стоны — ребенок начал изо всех сил пробиваться вперед. Прежде чем Сайла решилась взглянуть на малыша, они с Лантой обменялись быстрыми счастливыми улыбками. Теперь в голосе Жрицы было возбуждение:

— Показалась голова. Волосы белые. Ясмалея, у тебя будет блондин! Толкай, тужься сильнее, чтобы мы смогли увидеть его всего. Мы все хотим поддержать его на руках.

— Я толкаю, уж вы мне поверьте. — В голосе чувствовался здоровый юмор. Все мысли и старания Ясмалеи были сосредоточены на ребенке. Взмокшая от пота, лежащая на кровати, пропитанной околоплодной жидкостью, отвергая боль, она приближалась к достижению своей цели.

Сайла вытерла ее лицо чистой тканью.

— Ты прекрасно держишься. Я горжусь тобой и твоим сыном.

Ясмалея повернула голову.

— Ты уверена, что это мальчик? Как ты узнала?

— Я просто надеюсь, так же как и ты.

Тяжело дыша, Ясмалея выдавила сквозь сжатые зубы:

— Он будет сильным. Могучим. Из него выйдет настоящий правитель, вот увидишь.

Время шло. Длинные волосы роженицы спутались и заблестели. Нетерпение исчезло с ее лица, уступив место растерянности, а потом безотчетному страху. Глухие стоны стали резче и громче.

Снова зазвучала ритмичная мелодия. Сайла не отрывала глаз от напряженной, слабеющей Ясмалеи. Обе Жрицы стали обмениваться все более тревожными взглядами.

Наконец Сайла решительно выпрямилась и многозначительно нахмурила брови. Ее голос оставался спокойным:

— Ясмалея, это очень большой ребенок. Если я помассирую вокруг его головы, то думаю, мы немного ускорим процесс.

— Хорошо. — Слово прозвучало отрывисто, в голосе чувствовались нотки отчаяния и понимания.

Голова находилась в хорошем положении — лицом к спине матери, подбородок прижат к груди. Поэтому Сайла видела только маленький белый затылок. Ясмалея, которая, похоже, справилась с волнением, продолжала тужиться. Голова ребенка выпрямилась. Ясмалея толкнула сильнее и вскрикнула скорее от напряжения, чем от боли.

Наконец голова полностью высвободилась.

— Его головка на свободе! — Сайла кричала. — Твой ребенок идет, Ясмалея, толкай изо всех сил!

Задыхающаяся, обессиленная женщина попыталась.

Лицо ребенка застряло в плоти, которая не могла больше поддаваться. Сайла с ужасом наблюдала, как перед ней возникает еще одна тяжелая задача.

Плоть прямо под показавшейся головой была растянута до предела и уже не выдерживала нагрузки. Сайла пыталась массировать, но безрезультатно. Тогда она протянула руку к Ланте, и та подала ей обсидиановый нож.

— Ясмалея, это может вызвать боль.

— Все на свете причиняет боль, — с горечью ответила роженица. — Начинай.

Черное лезвие ножа скользнуло по натянутой коже. Поначалу была видна аккуратная

красная полоска размером с фалангу большого пальца Сайлы. Такое незначительное действие столь опасного инструмента казалось пугающим. А потом края раны раскрылись и хлынула кровь.

Ребенок все еще отказывался выходить. Перед глазами Сайлы встали воспоминания об отвратительных последствиях использования хирургических щипцов.

Мягкими, неслышными шагами к Ясмалею подкрадывалась смерть. Мальчик был слишком велик. Нет гибели трагичнее смерти при родах, когда обессилевшая мать уносит с собой в могилу ребенка, еще не успевшего познать радости и горести бытия.

Детское личико стало покрываться мертвенной синевой.

Ланта заметила растерянность подруги. Сдерживая истерические нотки в голосе, Сайла быстро заговорила:

— Мы должны дать ему больше пространства. Ланта, помоги мне подвинуть нашу девочку к концу кровати, ягодицами на самый край.

Когда с этим было покончено, Ланта присоединилась к осмотру. Теперь голова ребенка была повернута набок. С тревогой в голосе маленькая Жрица прошептала:

— Посмотри на цвет! Закупорка. Наверное, пережата плацента. Я проверю.

— Хорошо, — согласилась Сайла.

Просунув руку за голову ребенка, Ланта осторожно нащупала плаценту. Потом быстро выпрямилась.

— Плечи зажаты возле лобковой кости. Я была права. Ты сильнее меня, тяни. Тяни!

Сайла колебалась. Вокруг запавших глаз проступили черные круги. На щеке дергался мускул.

— Я боюсь. Старшие целительницы говорили, если тянуть, можно повредить плечо. Это может привести к смерти.

С шокирующей резкостью в голосе Ланта произнесла:

— Будь проклят твой страх! И после этого ты хочешь называться целительницей, быть лидером? Пока ты тут скулишь, умирают те, кто доверил тебе жизнь.

Недоумевающий, обиженный взгляд Сайлы был все еще прикован к маленькой Жрице, но руки потянулись к голове ребенка. Прикосновение к ней принесло необходимую решимость. Она ухватила обеими руками и потянула.

Ланта подошла к Ясмалею. В руках она снова держала свой музыкальный инструмент. Ритм теперь был более сложный, в него вплеталось биение уже двух сердец. Большое содрогалось и понуждало к действию, маленькое боролось. Комнату заполнила музыка жестокого сражения. Музыка любви, неистовой, непобедимой любви.

Голова Ясмалеи металась на подушке, но сквозь плотно сжатые губы пробивались лишь сдерживаемые стоны и скрип зубов.

Всхлиывая, Сайла опустилась на колени и заставила себя еще с большим усилием потянуть нежного, беззащитного младенца. Она снова потянула, кусая губы, чтобы заглушить чувства.

И вдруг почувствовала, что держит ребенка в руках.

Голова мальчика слегка напоминала по форме конус, но не была повреждена. Нос мог принадлежать разве что выдавшему виды бойцу, но работал. Ужасный цвет кожи исправлялся с каждым ударом сердца. Волосы на голове были редкими и коротенькими. Он был мокрый, липкий, от него дурно пахло, но Сайла вскрикнула и заплакала от радости, пораженная его удивительной красотой.

Ясмалею облегченно вздохнула. Издав торжествующий звук, инструмент Ланты замолчал.

Сайла посмотрела на новоиспеченную мать. Она расслабленно лежала на кровати, широко раскрыв глаза, и тяжело дышала. Ясмалею протянула руки к ребенку.

— Мои малыш. Мой сын. Дайте его мне.

Сердце Жрицы наполнилось гордостью. Несмотря на все свои недостатки и многочисленные ошибки, Ясмалею выдержала главное испытание.

— Сначала я его помою, — рассмеялась Сайла. — Это займет всего несколько секунд.

При повторном осмотре ребенка Сайла заметила, как неестественно, безжизненно висит его левая рука. Случилось то, о чем предупреждали старшие, — плечо было повреждено. Это могло привести к инвалидности. Или смерти.

Сайла была очень осторожна, пока они с Лантой обмывали малыша и перевязывали пуповину. Затем она осмотрела все конечности, решив заняться левой рукой в последнюю очередь. Выпрямляя правую руку, она поразилась силе, с которой этот маленький, но обладающий нестигаемой волей человек противился нарушению его неприкосновенности.

Левая рука была слабой, почти безжизненной. Крошечные пальцы были сжаты.

Ланта перерезала пуповину. Сайла подняла мальчика в воздух. Без всякого предупреждения он выгнул спинку, рассек воздух сжатым кулачком и пронзительным криком выразил свое крайнее неудовлетворение миром, который осмелился принять сына Капитана без должного почтения.

Ясмалея улыбнулась и протянула к нему руки. Как только малыш оказался в ее объятиях, они вдвоем удалились в свой собственный мир, в котором не было места страху и боли.

— Так бывает всегда, — сказала Ланта, и ее лицо зарделось. — Неважно, насколько трудными были роды, все матери выглядят именно так, когда первый раз обнимают своего ребенка. Триумф любви. Меня восхищает это.

Сайла заставила себя коротко рассмеяться в ответ: ей не давало покоя плечо мальчика. Она попросила Ланту заняться разрезом Ясмалеи, потому что во время родов потеряла слишком много сил. На самом деле Жрице хотелось еще раз осмотреть мальчика. Ланта принялась зашивать рану. Не обращая внимания на сдавленные вскрики Ясмалеи, Сайла повторно обследовала ручку. Рука не двигалась, но жрица вспомнила, что неподвижность — не самое главное. Сайле хотелось плакать от своей беспомощности, от недостатка знаний.

Ланта жестом подозвала подругу. Отодвинувшись от Ясмалеи, она прошептала:

— Я закончила, но у нее сильное внутреннее кровотечение. Это плохо.

— Может быть, кровь остановится, когда выйдет плацента, — предположила Сайла, немного подумав. Она осмотрела Ясмалею и удовлетворенно кивнула:

— Неплохо. Матка уже твердая, размером чуть больше моего кулака. Я чуть-чуть потяну... Ну вот. — Плацента вышла с большим сгустком крови. Женщины увидели, что и после этого кровотечение продолжается.

— Выход один, — сказала Ланта. — Надо сжимать матку. Если разрыв там, кровотечение иногда останавливается. Это очень больно.

— Нужно попробовать.

Ясмалея была слишком поглощена ребенком, чтобы обратить внимание на предупреждение Сайлы о возможной боли. Сайла почти улыбнулась — она и представить себе не могла, что малыш окажет такое сильное влияние на мать.

Она наклонилась, чтобы выполнить еще одну неприятную задачу. Ланта приказала Ясмалею взять в зубы кусок льняной ткани.

Ясмалея содрогнулась от боли, издав приглушенный крик.

Кровотечение продолжалось. В первый раз после окончания родов измученная женщина вздрогнула. Она все еще сжимала в руках ребенка, но тело ее постепенно расслаблялось. Она прилагала немалые усилия, чтобы держать глаза открытыми, однако перенесенные за короткое время мучения налили ее веки свинцом, и те медленно опустились.

— С ней все в порядке, — сказала Сайла. — Кровь скоро остановится.

Ланта кивнула.

Обе они избегали смотреть друг другу в глаза.

Быстро убрав комнату, женщины сменили постельное белье и связали старое в два больших узла. Некоторое время постояли в нерешительности. Согласно обычаю, материал должен быть немедленно сожжен, однако они молча засунули узлы подальше в угол,

осенили себя Тройным Знаком и больше не обращали на них внимания.

Когда с уборкой было покончено, Сайла поднесла к носу Ясмалеи маленький фарфоровый пузырек с нашатырем. Глаза роженицы широко открылись, но взгляду не хватало осмысленности. Ясмалея неуверенно улыбнулась — в ее голове продолжалась круговерть, вызванная стрессом и маковым сном. Несмотря на тяжесть перенесенного испытания, несмотря на присущие ей в жизни эгоизм и распущенность, мать стала баюкать малыша, глядя на него с любовью и гордостью, как всякая мать в любое время и в любой стране.

Внезапный звук заставил Сайлу и Ланту подскочить. Они резко обернулись и увидели в углу плачущую рабыню. Жрицы поспешили к ней. Девушка испуганно съежилась, но вскоре поняла, что никто не собирается ее бить.

— Малыш, — заговорила она. — Он так боролся. Он жаждет жизни. Как моя госпожа смотрит на него! Я никогда не думала, что она может быть такой нежной. — Рабыня замолчала, поглощенная нахлынувшими эмоциями.

Ланта потрепала ее за руку.

— Я понимаю тебя. Скоро мы уйдем. Ты поможешь ей ухаживать за ребенком?

— Конечно. Я буду ухаживать за ним так, как будто он мой собственный, — ее лицо помрачнело. — Если я когда-нибудь освобожусь, то обязательно заведу ребенка. Но я не хочу, чтобы он кому-то принадлежал. — Успокоенная их немым одобрением, она снова воспряла духом. — Он будет хорошим мальчиком. Видите, какой он большой?

— Да уж, мы заметили, — сухо сказала Сайла и повернулась к Ясмалею. Потом, обращаясь к Ланте, добавила: — Он еще и очень выносливый. Твердый, как камень. Ты правильно поступила, когда заставила меня тянуть. Больше я в тебе не сомневаюсь.

Ланта покраснела.

— Я не знала, что еще можно сделать. Ты простишь меня?

— Я прощаю тебя. Ты вернула мой разум назад из темных глубин. И ты единственная, кто доказал мне, что я не одинока. — Сайла потянулась, чтобы взять подругу за руки. Они стояли обнявшись, когда дверь в коридор распахнулась и в комнату ворвался Бос в сопровождении трех вооруженных воинов.

Глава 76

— Убить всех, — Бос обнажил меч.

— Стойте! — Повелительный окрик Сайлы заставил воинов замереть с мечами, наполовину вынутыми из ножен. Бос сделал неуверенный шаг вперед и остановился.

Левая рука Сайлы поднялась вверх, ладонью к нападавшим. Глаза, похожие на голубые льдинки, пронизывали фигуру Боса.

— Здесь находится мать ребенка Капитана.

Бос вернул меч в ножны. Его люди неуверенно переминались с ноги на ногу. Наконец их предводитель заплодировал, медленно и насмешливо. Его ухмылка удвоила страх Сайлы, она почувствовала, как подгибаются колени.

Бос заговорил небрежно, как будто присутствовал на дружеской вечеринке:

— Я знаю Капитана всю свою жизнь, но до сих пор он меня удивляет. Сегодня в Косе резня. Страна содрогается от восстания этих подонков рабов. И вдруг мой вождь отзывает меня и говорит: «Возвращайся в замок. Если при всей этой неразберихе Жрица окажется рядом во время родов, она их примет. Переворот был начат ведьмой, ведьмой он и закончится. Убей ее. Избавь меня от этой коровы Ясмалеи и ее выродка». Видишь, Жрица, Капитан ничего не делает зря. Он объявит тебя подружкой ведьмы, которую разоблачила Жнея. Жители Коса узнают, что ты убила мать и наследника, чтобы способствовать мятежу. — Взгляд Боса помрачнел. Он повернулся к своим людям: — Действуйте.

Крик Ясмалеи послужил сигналом.

Бос вынул меч из ножен. Сайла отшатнулась назад, Ланта вытянула вперед руки в

бессильной попытке защититься.

Неторопливость, сквозившая в действиях воинов, пугала больше, чем вопли.

Никто из них не успел увидеть или услышать Хелстара, шагнувшего в открытую дверь. Прежде чем нападавшие опомнились, один из них уже валялся на полу с раскроенным надвое черепом. Второй повернулся на звук и упал с перерезанным горлом.

Бос и оставшийся воин не собирались умирать так скоро.

Мгновенно оценив ситуацию, они вдвоем напали на Хелстара. Засвистели мечи, посыпались искры. Прекрасно владеющий оружием кузнец был вынужден защищаться. Почти не имея возможности наносить ответные удары, он вел бой, конец которого нетрудно было предвидеть.

Додой распахнул дверь смежной комнаты и включился в битву, размахивая над головой цепью с топором. Сайла с Лантой склонились к кровати, пытаясь собственными телами защитить Ясмалею и ребенка.

Сверкающий топор с глухим ударом врезался в незащищенную спину Боса. И, отскочив, упал на пол. У Додоя не хватило сил пробить кольчугу, надетую под рубашкой придворного. Как нож Ланты, ударивший когда-то Хелстара, топор не причинил вреда.

Бос наступил ногой на лезвие, нагнулся и дернул цепь. Додой взвизгнул, когда оружие вырвалось из рук. Глядя на ободранные пальцы, он продолжал кричать, пока не поднял глаза и не увидел занесенный над собой меч Боса.

Мальчик скрутился в визжащий комок и замер в ожидании.

С бешенством глядя на Ясмалею и ее сына, Бос отшвырнул Додоя в сторону. Меч был поднят для удара.

Фигура в желтом пронеслась через комнату и врезалась в предводителя слева. Бос отшатнулся и ударил мечом, рассекшим мягкую плоть руки рабыни от запястья до локтя. Задохнувшись, она зажала верхнюю часть раны второй рукой. Сквозь пальцы толчками пробивалась алая кровь.

Сайла бросилась к Босу, когда раненая девушка снова атаковала его. Обагренная кровью здоровая рука рабыни вцепилась в лицо противника. Это было самоубийство, но оно спасло Сайле жизнь. Вместо того чтобы раскроить Жрице череп, Бос ударил ее рукояткой клинка. Удар отбросил Сайлу к рабыне. Обе свалились на пол.

Ланта закрыла собой Ясмалею и ребенка. Кусая губы, с лицом, превратившимся в маску ужаса, она отвернулась от Боса, чтобы не видеть стекающих по клинку красных струй.

— Бос, не делай этого! — Неумоимо размахивая клинком, Хелстар осторожно двигался через комнату к противнику. Его лицо было рассечено от глаза до подбородка, локоть прижат ко второй ране на ребрах. Третий стражник корчился на полу позади своего убийцы. — Не делай этого, — повторил кузнец почти умоляюще.

Бос замер, обеими руками сжимая рукоятку занесенного меча.

— Я не знаю, кто ты такой, но я — Бос, второй человек после Капитана. Я выполняю его приказы. Если хочешь, я сделаю тебя богатым. Если ты раб, освобожу тебя. Куда ты денешься, если убьешь меня? Капитан настигнет вас, и тогда настанет время позавидовать мертвым.

— Мы хотим всего лишь уйти.

Ясмалея дернулась, пытаясь освободиться от Ланты, которая, все еще будучи не в силах оглянуться, продолжала защищать мать и наследника своим телом.

— Ты лжешь! Мой муж любит меня. И будет любить еще больше, когда увидит сына. Ты просто боишься потерять свое место. — Она повернулась и с болью посмотрела на Сайлу, которая пыталась подняться, опираясь рукой о стену. Жрица нашла в себе силы обернуться, когда Ясмалея выкрикнула ее имя. — Сайла, он врёт. Я ошибалась, когда говорила тебе те вещи. Я страдала и хотела заставить страдать и тебя. Останься, ты нужна мне.

Сайла попыталась оценить ситуацию. Голова раскалывалась, ноги подкашивались. Она обратилась к Ланте.

— Что мне делать? Капитана еще можно спасти. Я уверена в этом. Но у Ясмалеи кровотечение, и я не могу ее бросить. — Силы оставили Жрицу, и она снова прислонилась к стене.

Эта неожиданная реплика подсказала Босу выход.

— Возможно, ты права, Жрица. Если ты спасешь жизнь матери наследника, Капитан может передумать. Он даже может...

Слова прервались хриплым криком. Когда Сайла опомнилась, Бос падал на спину. Рядом, замерев после размашистого горизонтального удара, припал к полу Хелстар. Он сжимал меч обеими руками. Рухнув, Бос попытался подняться, потом рубанул мечом кровать.

Ясмалея завопила и прижала Ланту к себе.

— Малыш! Он пытается убить моего малыша!

Полуобернувшись, Бос вынудил кузнеца парировать стремительный удар и снова попытался дотянуться окровавленным клинком до женщины на кровати.

Хелстар с размаху опустил меч ему на плечо. Клинок выпал из внезапно ослабевшей руки Боса. Держась левой рукой за плечо, Бос растянулся на полу. Он больше не мог встать на ноги — колени были перерублены предыдущим ударом кузнеца.

К нему подскочила Сайла. Осматривая раны, она обратилась к Хелстару:

— Ты не должен был этого делать. Мы еще могли договориться. А теперь все кончено.

— Прочь! — Бос отшвырнул от себя Жрицу, стоявшую перед ним на коленях. Сайла тяжело упала на пол, не в силах сдержать крик боли. Хелстар сделал шаг вперед и снова занес меч. Его остановила кривая усмешка раненого. — Как ты догадался? — спросил Бос. — Еще мгновение, бородач, и я разнес бы всех троих на куски. Как ты догадался?

— Запаястья, Бос, ты слишком рано напряг их. Мне оставалось только лишить тебя ног. Может, стоит довести дело до конца?

Возбуждение битвы быстро покидало слабющего Боса, и место ярости заполнила боль. Он с трудом сглотнул.

Сайла поднялась на колени и ползком подобралась к раненому.

— Я могу остановить кровь. Могу спасти твою жизнь.

— Но не мои ноги. И не мою честь. Я подвел Капитана. — По его лицу скользнула гримаса, отдаленно напоминающая улыбку. — Я умираю. Скоро умрешь и ты. И эта толстая дура со своим отродьем. Но поверьте, моя смерть будет самой легкой. Я буду смотреть на вас из Преисподней и смеяться.

— Убей его! — Всех поразил пронзительный крик Додоя. — Проткни его, Хелстар. Заставь его замолчать.

Глаза Боса закатились, мышцы расслабились. Хелстар не обратил внимания на мальчишку.

— Надо спешить. Может быть, у нас еще есть шанс, — сказал кузнец.

Ясмалея подняла свободную руку. Второй она все еще прижимала к себе сына.

— Возьмите малыша с собой. Спасите его.

Обе Жрицы попытались протестовать. Ясмалея прервала их самым презрительным тоном, на который только была способна:

— Мать наследника не отвергнута. Лжецы. Я видела ваши лица, когда вы говорили о моем кровотечении. На них было написано именно то, что я сейчас чувствую. Приближающуюся смерть. — Непрошенные слезы, прозрачные, как хрусталь, показались у нее на глазах. — Эту мертвую свинью послали, чтобы гарантировать мою смерть. И смерть моего сына. Вы слышите меня? Спасите хотя бы ребенка.

Сайла задвигала губами, но не смогла произнести ни слова. Голова все еще продолжала болеть. Разум не мог до конца поверить, что она была настолько глупа, позволив Капитану сыграть на ее доверии. Теперь еще и это.

Ясмалея приподнялась на локте.

— Я не прошу. Я приказываю вам. Вы помогли мне привести его в этот мир, и только

вы сможете его здесь удержать. Возьми его. — Снова опустившись на подушки, протянула ребенка. Слезы текли по ее щекам. Лишенная трона и власти, Ясмалея плакала как простая мать, теряющая своего сына.

Сайла взяла малыша на руки.

— Мне не приходилось еще встречать такую мужественную женщину, — сказала она, поцеловав Ясмалею в щеку.

— А мне такую наивную дуру. Теперь торопитесь.

Слово «дура» ранило Сайлу. Она виновато посмотрела на Ланту и прочла в глазах подруги безграничное понимание и прощение. Сайла двинулась к двери.

Ее остановил окрик. Повернувшись и пропустив остальных, она посмотрела на Ясмалею.

— Его зовут Джессак, — твердо начала та. Она произнесла имя так, как будто звуку «ж» предшествовал «д», и с жесткостью, которая никак не вязалась с мелодичностью коссарского выговора. Ударение было сделано на втором слоге, и это придавало звукам сходство со свистом падающего кнута и треском взрыва.

— Джессак, сын Ясмалеи из дома Ванг. Он должен править. Его зовут Джессак.

Сайла повернулась и увидела, что стоит на пороге одна. Из коридора через сломанную дверную раму в комнату заглянула Ланта.

Хелстар ждал в холле, неуверенно переступая с ноги на ногу. Кровь отхлынула от лица, глаза находились в непрерывном нервном движении. Казалось, он готов в любую минуту вернуться назад, в комнату Ясмалеи. Кузнец все время что-то бормотал себе в бороду. Когда Сайла подошла поближе, ей удалось расслышать:

— Ужасно, ужасно.

Держа окровавленный меч в одной руке, а дорожный мешок в другой, Хелстар повел их под дрожащими канделябрами. Рядом с ним под весом огромной кожаной корзины согнулся Додой. В кровоточащей руке он сжимал позвякивающую цепь, с которой свободно свисал его маленький кровожадный топорик. Сайла и Ланта несли остатки вещей.

Внезапно тишину каменного коридора разорвал страшный пронзительный смех. Отражаясь от стен, он доносился отовсюду.

Звук остановил беглецов, как будто их накрыла и начала сжимать рука невидимого великана.

— Ясмалея, — прошептала Сайла дрогнувшим голосом.

Хелстар попытался было оглянуться, но сдержался. Сжав пальцы, глядя прямо перед собой, кузнец двинулся вперед. Сайла заметила, как он подавил готовый вырваться вздох.

— Смех отмщения, — пробормотал он. — Мне ли не знать. — Они снова двинулись в путь.

Хохот еще долго преследовал их.

Глава 77

Отряд Сайлы бросился из здания к лодкам в бухте.

Хотя стражников в форте осталось немного, беглецов заметили. Находящиеся в сигнальной башне, не в состоянии понять истинной причины беспокойства, зажгли факелы, означавшие большую атаку.

— Все знают определенные сигналы, но никогда не думал, что мне придется увидеть такой. Додой, Ланта, быстрее поднимайте ворота, — говорил Хелстар, закидывая швартовы на катамаран.

Сайла ступила на узкий корпус корабля, когда вернулись Додой и Ланта. Закинув снаряжение и помогая толкать, они с Хелстаром протащили катамаран через проход. Кузнец поднимал мачту, когда в акватории бухты показались факелы. Ланта и Хелстар взяли за рею, чтобы уравновесить судно. По команде Додоя полотнище быстро поднялось и надулось, увлекая судно вперед. Свежий бриз погнал корабль по волнам.

Гавань полыхала. Зарево было красным; клубы густого смоляного дыма и осколки горящих развалин заслоняли изгибающиеся стены.

Джессак закричал. Стараясь не обращать внимания на пламя, Сайла пыталась успокоить его.

На вершине стены появились новые факелы. Некоторые вырывались из туннеля, их свет выделялся на фоне зарева. За бортом свистели стрелы. Одна за другой они дырявили ткань паруса. Сайла передвинулась так, чтобы мачта защищала ее от стрел. С собой она прикрывала прижатое к груди маленькое тельце. Ланта стала рядом с Сайлой. Показав Додю курс, Хелстар повернулся, чтобы загородить собой обеих женщин. Защищенный планширом Додой повел корабль по звездам.

Через какое-то время смертельный шорох стрел прекратился. Хелстар почти прорычал:

— Всем быть настороже. Залив полон коссарских лодок, пытающихся поймать сбежавших с Острова купцов.

Невольно обернувшись, все посмотрели на Остров. Вспыхнул яркий огонь.

— Посмотрите, сигнал. Я уверена — это от Борбора. Вон его дом, — сказала Ланта.

Чтобы получше взглядеться, Хелстар нагнулся вперед. Сайла сделала то же самое. Они воскликнули одновременно:

— Пожар!

— Ты отправил вестника к моему мужу? — хрипло спросила Сайла.

— Я говорил с одним из них. Я старался убедить. Не могу обещать, что он это сделает.

Додой повернул руль так резко, что лодка дернулась. Его пассажиры схватились за борт, вскрикнув от неожиданности.

— Держитесь, — холодно обронил он, — надо убраться отсюда, пока нас не заметили.

— Почему бы нам не направиться к выходу из бухты? — спросила Сайла.

— А ты смотрела на запад? — задал встречный вопрос Хелстар.

Сайла повернулась и вздрогнула — выход из бухты, поперек которого курсировали коссарские лодки, был сплошь усеян огнями факелов. Вдалеке тоже были видны мерцающие точки. Рев громадного акульего рога донес приветствие варваров.

— Куда же нам плыть, если мы не в состоянии выбраться из залива? — спросила Сайла.

— К реке Охотник-на-Уток, — ответил Хелстар, показав рукой направление, и Додой повернул почти прямо на восток. — Мы присоединимся к Валу и остальным. Пойдем вверх по течению к его кораблю. На восточных землях Коссаров куда меньше, чем рабов на фермах. Я думаю, большинство рабов попытается бежать на север, в Пустоши.

— Они не попытаются присоединиться к кочевникам?

— Некоторые попробуют... — Он резко нагнулся, уворачиваясь от свистящей стрелы, затем прошептал: — Всем пригнуться! Ни звука!

Все послушно согнулись внутри низкого корпуса. Сайла укрыла голову Джессака пеленками и прижала его лицо к своему, но тщетно — младенец плакал от голода.

— Успокой его! — зарычал Хелстар.

Опустившись на самое дно, Сайла уложила Джессака на палубу. Она согнулась над ним так, чтобы ее тело и одежда заглушили плач.

Рядом прозвучал голос:

— Я что-то слышал. Вон там, между нами и Островом купцов. Двигайся сюда, может, разглядим их на фоне горящих зданий. Подводи лодку ближе к нашей. Помаши фонарем; где ты?

Яркий язычок пламени описал широкую дугу. Лодки были слишком далеко, чтобы обнаружить беглецов, но Сайла чувствовала себя беспомощной и от этого еще сильнее прижалась к дну и ребенку. Она почувствовала, как прямо на нее с шорохом опускается парус, и Хелстар хриплым шепотом отдает приказы Додю. Сайла отстранила от себя край паруса как раз в тот момент, когда мужчины опускали мачту.

Джессак продолжал плакать.

Голос снова позвал напарника:

— Я что-то слышал. Точно тебе говорю. И все еще слышу. — Последовала пауза, и голос зло продолжил: — Что с того, что тебе не слышно? Здесь кто-то есть. — Снова пауза, теперь уже дольше.

— Не будь дураком. Ты-то сам попытался бы прорваться сквозь такую кучу лодок? Любой умный человек увидит, что пролив заблокирован, и направится на юг. Там-то мы их и схватим.

Пристраиваясь рядом с Сайлой, Хелстар тихо простонал:

— Пираты-любители. Сначала убьют, а потом обыщут тела и лодку. Если нас увидят, я двинусь прямо на них. Дай, Додой, я стану у руля. Ты можешь успокоить ребенка? — резко бросил он Сайле.

— Убей его, — проскрежетал Додой. — Если он наведет на нас этих людей, мы все погибнем. Утопи его.

Сайла ничего не ответила. Крепче кутая Джессака, она обратилась к Хелстару:

— Я дам ему пососать палец. Это поможет.

— Молись, чтобы помогло. Ланта, Додой, гребите. Свесьте за борт и опустите руки в воду. Тихо.

Некоторое время с других лодок не раздавалось никаких звуков. Фонарь пропал. В густой темноте перемещались отдаленные огни. Печальное мычание акульего рога, мелькание светящихся точек в устье бухты — все выглядело каким-то нереальным и совершенно неважным. Внезапный выкрик прервал идиллию:

— Я вижу лодку! Там! Плывите сюда, они у меня на крючке. Быстрее!

Хелстар вытащил меч из ножен. Додой держал в руке топор.

Визг Джессака постепенно переходил в прерывистое сопение. Маленькая головка укрылась на груди у Сайлы. Она гладила его по спинке, напевая на ухо успокаивающую мелодию. Затем на нее снизошло какое-то необъяснимое, сверхъестественное спокойствие. Чувство, что она находится под защитой, в безопасности.

За глухим ударом дерева о дерево последовали дикие крики. Сайла и остальные всматривались в темноту. Угрожающе близко вспыхнули факелы. Крик Хелстара: «Вниз!» — заставил всех распластаться на дне лодки.

В воде беспорядочно двигались три лодки. Маленькую зацепили и подтаскивали к себе две большие. Все три столкнулись с треском и грохотом. Пронзительные, звенящие от возбуждения голоса время от времени перекрывали звуки ударов. Хлопали паруса. Призрачные фигуры карабкались, перебираясь на среднюю лодку. Внезапно ночь прорезал вопль отвращения и страха. Лодки продолжали толкаться друг о друга.

Затем кто-то воскликнул:

— Воины! Оба мертвы! Что это?

Его вопрос закончился на высокой от страха ноте. Другой голос завизжал:

— Акула! Еще одна. Две! Смотрите, они везде!

Разбойники подняли вверх полдюжины горящих факелов.

Красный свет очертил волнующееся море, которое сплошь и рядом прорезали длинные плавники. Их настойчивость таила в себе какой-то зловещий смысл.

Массивный плавник, более длинный, чем все остальные, скользил в кольце огня. Среди людей воцарилась мертвая тишина. Акула подплывала все ближе...

Надломленный голос закричал, чтобы перерубили абордажные канаты, но его не услышали. Около черного сверкающего плавника упала стрела. Ударившись о воду, она издала смешной булькающий звук. Мгновением позже стрела снова вернулась на поверхность перьями наверх, бесполезно качаясь как поплавок.

Громадный плавник пренебрежительно погрузился в воду.

Лодка, все еще привязанная к оставленному пиратами катамарану, накренилась вперед. Мачта прогнулась назад, как тростник на ветру. Люди закричали. Один, стоящий на носу корабля, с воплем свалился за борт. Едва коснувшись воды, он ловко схватился за борт рукой

и забрался обратно в лодку.

Там, где он только что находился, вода закипела. Водовороты говорили о присутствии чего-то громадного.

Корабли накренились в отчаянной попытке набрать скорость. Рассеивая искры факелов, оба судна достигли земли одновременно. Одиноким голос продолжал выкрикивать в ужасе бессвязные слова.

Хелстар отдавал приказы:

— Помогите мне поставить мачту, потом идите на корму, я хочу поднять нос лодки. — Через мгновение парус был поднят и все, кто был на судне, уже продирались сквозь раскиданные вещи. Хелстар продолжал всматриваться вперед.

Глава 78

По тому, как изменился воздух, Сайла поняла, что они уже в дельте реки. Свежая, чуть солоноватая атмосфера моря сменилась плодородным дыханием обильно орошаемых приливом земель. Оно напомнило ей едкий запах околплодной жидкости; в нем смешалось какое-то зловоние и аромат бурного, радостного обновления. Сайла убрала пеленки с крохотного заспанного личика Джессака.

Бдительность Хелстара не ослабевала.

— Вниз. — Нахмурившись, он указал подбородком на восток.

Сайла слегка хлопнула его по колену:

— Мы успеваем. — Хелстар упрямо не отвечал. Сайла улыбнулась: — Лучшего случая поприветствовать солнце мне и Ланте не представится. Я помолюсь и о твоей безопасности, мой друг.

Когда она отворачивалась, он наконец ответил:

— Пожалуйста. Я буду тебе за это признателен. И не забудь попросить за себя.

Его тон заставил Сайлу повернуть голову. Хелстар сделал вид, что внимательно рассматривает появившийся берег.

Сайла и Ланта постарались совершить ритуал омовения как можно лучше, погружая свои руки в медлительную реку. Сайле вспоминались живительные, холодные воды Внутреннего Моря и ручьи на землях племени Собак.

С трудом развернувшись и наклонясь, чтобы не заслонял парус, они наблюдали за восходом солнца. Заметив их затруднение, Хелстар поменял курс. Недовольно ворча во время их ритуала, Хелстар удовлетворенно фыркнул, только когда он закончился.

Затем Сайла объявила, что она собирается дать имя Джессаку. Хелстар установил руль прямо, возможность засады его уже не беспокоила.

— Не здесь, — он остановился и потерев бороду. Затем непонятно зачем дотронулся рукой до воды и попробовал ее на вкус. Его волнение немного улеглось.

— Надо дать мальчику имя, — сказала Сайла, — иначе как его будут звать в Дальних Землях, Хелстар? Это, конечно, ужасная мысль, но надо смотреть правде в глаза; этот мир опасен для него.

Хелстар зло рассмеялся. Вслух он произнес:

— Благодарю Бога, что море разбавлено чистой водой. Делай, что тебе велит Церковь. Ему уже ничего не поможет. — Сайла раздраженно подумала о том, какое это дурное предзнаменование. Ребенок еще не совершил никаких проступков, его нельзя обвинять за грехи отца. В конце концов его мать проявила характер, которым могли бы похвастаться немногие.

Появившееся у Сайлы предчувствие отозвалось холодом на щеках.

Ясмалея была мертва. Мать никогда не увидит Джессака взрослым и сильным, а вот Капитан увидит.

Откровение пришло и исчезло, испугав ее, словно падающая звезда.

Сайла держала Джессака, пока Ланта совершала обряд. Мокрый палец коснулся лба,

внешнего угла каждого глаза, затем подбородка. Женщины заговорили в унисон:

— Да наградит его Вездесущий умом, что дает жизнь правде и добродетели. Да наградит его Вездесущий глазами, чтобы находить в каждом справедливое и доброе. Да наградит его Вездесущий голосом, что восхвалит его и всегда будет говорить с честью.

Хелстар произнес свое благословение. Сайла снова уловила молниеносное движение его пальцев. Она была более чем когда-либо уверена, что это Тройной Знак. Но он не захотел ничего объяснить, и Сайла не стала расспрашивать.

Начинался день. Чем светлее становилось, тем более уязвимым чувствовал себя крохотный отряд. Густой тростник, склонившийся под легким ветром, позволял атакующим лодкам подкрасться незамеченными. Засада могла скрываться за каждым поворотом. Птицы приветствовали начинающийся день пением. Все беспокойно осматривались, живо представляя себе воинов, ожидающих сигнала к нападению.

Когда появился первый луч солнца и предметы начали отбрасывать тени, они были уже в настоящем тростниковом лесу. Река была глубокой и спокойной. Часто попадались впадающие ручьи и проходы в зарослях, и все без исключения могли таить опасность. Закусив губу, Сайла пыталась не лезть со своими замечаниями. Она была уверена, что один и тот же проход они проплывали уже второй раз, а может быть, и третий.

Против ее опасений, за плавным изгибом открылся остров. Он весь зарос деревьями, в некоторых местах подходящими к самой кромке воды.

Хелстар натянул парус и развернул лодку так, что в стороны полетели подхваченные ветром брызги. Висящие и раскачивающиеся ветви становились все ближе и ближе. Сайла вопросительно посмотрела на Хелстара.

— Всем вниз. Отмель, — сказал он.

Лодка нырнула в зеленую пелену. Упав в пахучую крошащуюся древесную шелуху, Сайла уже ничего не видела и не могла защитить Джессака. Они остановились с ужасным треском, и проснувшийся ребенок издал дикий вопль, замолкший так внезапно, что Жрица испугалась, не поранился ли он. Наскоро его осмотрев, она ничего не нашла. Глаза ребенка оставались закрытыми.

Она обнаружила, что сидит, уставившись на ровные доски из высушенного дерева, ловко скрепленные и проконопаченные шерстью и смолой. Сайла подняла глаза и увидела перед собой черные глаза, улыбку и темное лицо Доннаси Тейт.

— А мы уже начали волноваться за тебя, — сказала Тейт. Она указала на рваные листья и поломанные ветки, упавшие перед лодкой. — Великолепно въехали.

Сайла засмеялась. Она изумлялась своей любимой странной подруге, казалось освещавшей все вокруг. Ланта хихикнула, и даже Додой улыбнулся. Хелстар, в свою очередь, недоверчиво покачал головой.

Подойдя ближе к Тейт, он сказал:

— Вал говорит, что надо уходить. Пошли на корабль. — Вал приказал отдать швартовы и приготовиться веслами выталкивать судно из укрытия. Послышался топот ног на палубе.

Ланта и Додой проворно взобрались на корабль. Хелстар посадил Сайлу. Прямо перед ней оказался открытый люк в трюм. Скамьи для гребцов были компактно сложены вдоль бортов, чтобы как можно меньше загораживать проход. Мгновение спустя она поняла, что смотрит вниз на Рыжика, который был там вместе с остальными лошадьми. Впереди, на носу лодки, приветственно замахали хвостами Ошу и Танно.

Представив, что этим смелым животным придется перенести в Суши, Сайла почувствовала себя неуютно. Весна уже почти закончилась. Говорили, что лето в Суши напоминает скорее погоду в Преисподней, чем на земле.

Когда она посмотрела на катамаран, Хелстар уже сидел у румпеля. Заметив ее удивление, он улыбнулся:

— В Пустоши наверняка понадобится кузнец! — и подмигнул, выталкивая лодку из тростникового плена.

Подошла Тейт, и Сайла быстро передала Джессака Ланте. Не обратив внимания на

вопрос Тейт: «Где ты достала это?» — она протестующе повернулась к Хелстару:

— Коссиарские воины поймут, что ты помогал нам. А рабы не знают, что ты друг. Это слишком опасно, Хелстар. Останься с нами. Ты нам нужен. Ты нужен Церкви.

В его чертах мелькнуло раздражение. Попросив жестом подойти ближе и оглянувшись, чтобы их не подслушивали, Хелстар заговорил:

— Имя Джессака проклято. Люди говорят, что он в сговоре со злом и что он повелевает морскими чудовищами.

— Суеверие, — перебила Сайла.

— Легенда говорит, что он никогда не выбирал акулу, чтобы она сторожила Кос. Акула сама выбрала его. Говорят, что по его приказу оживали мертвые. Я принадлежу Церкви, жрица, и я, если надо, умру за нее, воспевая ее в гимнах. Но я видел, как пришел король акул, когда ребенок был в опасности. Я видел лодку, которую вели два мертвеца, и все для того, чтобы помочь ему. Я был там, — последние слова он буквально выдавил из себя, глядя сквозь нее.

Молодой моряк подошел к Сайле. Хелстар торопливо зашептал:

— Ну, хватит. Нет времени. Лечи его хорошо, Цветок.

В последних словах слышалась мольба. Затем нахмуренное лицо Хелстара расплылось в бесхитростной улыбке, обращенной к подошедшему моряку, который стоял теперь рядом, сворачивая плетеную кожаную сумку. Хелстар снова заговорил, его голос был громче и грубее. Теперь перед Сайлой стоял кузнец с Острова купцов. Он искоса поглядывал, что-то обдумывая. Он ссутулился, черты лица стали суровыми.

— Кузнец нужен везде, он идет туда, где есть работа. Во всяком случае, если я не смогу рассчитывать на свои собственные доспехи и ружье, разве я посмею их продать? Не беспокойся о Хелстаре. И никогда не сомневайся, что он твой друг.

— Я никогда не смогу сполна отблагодарить тебя.

Махнув рукой, Хелстар пошел прочь.

— Кристаллы, которые ты хотела получить, лежат в кожаной корзинке. Там же несколько бутылок лучшего вина Капитана. Прощальный подарок. — Он исчез в нагромождении листьев и ветвей, и скоро глаза Сайлы уже не могли найти то место, где он прошел.

Тейт положила ей руку на плечо, чтобы вернуть к действительности. Судно, слегка качнувшись, вышло на стремнину. Женщины разговаривали о ночных событиях. Ланта уже успела описать все, что с ними произошло в форте. Тейт, сама не своя, рассказывала об исчезновении Конвея и Ти. Ланта ничего не ответила, лишь, поникнув, отвела глаза. Тейт старалась держаться бодро. Но ее оптимизм по поводу их благополучного возвращения был слишком наигранным. Наконец ее голос печально умолк.

Обнявшись, Тейт и Ланта принялись утешать друг друга.

Корабль подхватило течением. Всем нужно было чем-то заняться, чтобы рассеяться и забыть о горе. Первой выпрямилась Ланта. Ее подбородок подался вперед, она смахнула слезы, как будто собиралась стереть неприятности из памяти.

— С ним все будет в порядке. Я не поверю ни во что другое. Нет. — Она повернулась к Сайле. — Завет Апокалипсиса гласит: *«Вера, и только вера, может победить прошлое, может создать будущее. Намерения без веры лишь размышления. Вера без постоянства — рискованна»*. Я верю. Мэтт Конвей будет жить.

Мягко, успокаивающе Сайла произнесла:

— Я тоже так думаю, Ланта. Он всем нам друг. Однако эти слова касаются лишь тех, кто верит в Вездесущего. Пожалуйста, взгляни правде в глаза. Я не вынесу, если это снова причинит тебе боль.

— Вера есть вера. Моя помогает и в мелочах, и в великих делах. Я знаю, Мэтт Конвей найдется. Я никогда не поверю, что он умер, не доведя до конца свою миссию. — Ланта закончила свою речь на высокой ноте.

Тейт обняла ее за плечи.

— Отлично. Я только послушала тебя, и мне уже стало легче. — Глядя через плечо Ланты, она улыбнулась Сайле. — Тебе не приходилось слушать проповедь целый день и обедать на земле. А я однажды ходила со своим отцом. Но это моя вера. Ланта и я: мы простые. Мы найдем этого упрямца Конвея, вот увидишь.

Это было произнесено так невозмутимо, что Сайла на мгновение ощутила ком в горле.

— Спасибо вам. Спасибо вам обоим. — Она взглянула на Ланту, делая вид, что еще злится. — Меньше чем за половину суток ты уже дважды вразумила меня. Я твоя вечная должница.

— Мы вместе сделали это. Сестра. — Затем, обнимая Тейт, Ланта добавила: — Сестры.

Налатан наблюдал за ними издали, пока Сайла не встретила с ним взглядом. Она помахала рукой. Налатан тоже попытался извиниться за то, что не остановил Конвея и Ти. Сайла прервала поток слов:

— Я знаю, ты сделал все, что было в твоих силах. А они поступили так, как, на их взгляд, было правильно.

Налатан поблагодарил ее, а затем указал вдаль.

— Вы заметили дым вон там? И там, дальше? — спросил он женщин, подходя к ним. — Это восстание. Мы в любое время можем наткнуться на засады. Вал и его люди постараются доставить нас вверх по течению хотя бы до первого большого места, проклятого Богом. Оттуда они пешком пойдут на север. Мы же двинемся на восток. Когда мы доберемся до восточных склонов Гор Дьявола, я предлагаю разбить лагерь. Там хорошая вода и множество дичи. К тому же надо будет отдохнуть. Мы должны встретить летнюю Сушь во всеоружии.

— Коссиарские патрули ищут нас? — спросила Сайла.

Налатан криво улыбнулся.

— В твоих руках новорожденный сын Капитана. Тебя будут обвинять в убийстве его жены и в том, что потворствовала рабам, которые режут своих хозяев. Рабов же сейчас обрабатывают проповедники культа Луны, которые распространяют слухи, что ты ведьма из Церкви. Да уж. Нас ищет каждый, кто может держать меч.

— Ты хочешь сказать, что мы ничего не можем поделать? — настойчиво спросила Тейт.

Вытерпеть смех Налатана было еще труднее, чем его улыбку.

— Мы их победим. Мы хитрые, безжалостные и везучие. Нам нужны все эти качества. Кроме того, у нас есть одно бесспорное преимущество.

— Какое? — нетерпеливо спросила Сайла.

— Человеческая природа. — Налатан лениво указал на поднимающиеся столбы дыма. — Эта резня идет во имя свободы, но, как только она закончится, снова начнется борьба, теперь уже за власть. Хотя множество рабов освободится, они начнут грызть друг друга глотки, чтобы узнать, кто из них главней. Они будут так заняты истреблением друг друга, что нас могут и не заметить, или будут настолько ослаблены разборками между собой, что мне с Тейт будет легче их убивать.

Сайла отскочила, оскорбленная и разгневанная. Ланта покраснела, смущенная последней фразой. Она занялась пеленками Джессака. И только Тейт заметила, как Налатан взглянул вверх и на восток, как будто он уже видел холодные недоступные горы.

Она была вне себя от его слов, так глубоко задевших Сайлу, но не могла спокойно смотреть на его страдания. Тейт до боли захотелось протянуть к нему руки, дотронуться до него.

И разочароваться.

В ней снова заговорило что-то, не позволявшее сближаться с ним. Ее руки остались на своих местах, слова застыли глубоко в сердце. Она знала, что ведет себя глупо, но ничего не могла поделать. Она слышала, как силы, которые управляют ею, смеются при виде ее покорности.

Тейт прислонилась к борту корабля. Перегнувшись через него, она наблюдала за водной поверхностью, которая закручивалась в водовороты, принимая бесконечные в своем

разнообразии формы.

Ее мысли упрямо уходили от проблем и опасностей, грозивших им на пути к Дому Церкви. К своему стыду, она никак не могла глубоко задуматься о Конвее и Ти.

Налатан. Почему она не смогла ему ответить на его чувство, хотя так отчаянно этого желала?

Тейт беспокоили его сегодняшние слова. Он был глубже и сложнее, чем она себе представляла. Что она знала о нем на самом деле? Может быть, подсознание от чего-то предостерегало ее?

Сомнения развеялись. Надо быть честной хотя бы перед собой. Она боялась любви к нему и боялась его потерять. Ее злейшим врагом была сама Доннаси Тейт.

Глава 79

Прижавшись к земле, два воина-кочевника наблюдали за одиноким всадником,двигающимся по узкой звериной тропе через плотные ряды сосен.

Отдаленная фигура, сгорбившись в седле, то появлялась, то исчезала из виду, совершенно безразличная к тому, куда направляется ее лошадь. Животное устало ковыляло по тропинке, еле переставляя ноги. Чуть ли не на каждом шагу копыта подбивали упавшие шишки, посылая их в заросли манзаниты.

Тот из наблюдателей, который был покрупнее и одет в темно-коричневую домотканую рубаху и штаны, спросил:

— Убьем его?

Второй, совсем еще мальчишка, бросил на него удивленный взгляд. Он был одет так же, как и его спутник, но в его длинные волосы были вставлены переливающиеся петушиные перья. Когда он поворачивался, на фоне гладких черных волос замелькали яркие краски. Он ответил:

— Да. Может быть, у него есть что-нибудь в сумках. Я заберу себе его лошадь.

— А по-моему, ни тебе, ни Лолалу она не достанется. И мне тоже.

Из-за нагромождения валунов появился третий мужчина, постарше. Его одежда отличалась от одежды товарищей: толстый кожаный жилет и кожаные шорты; на бицепсах и запястьях — украшенные бусами ленты. Высокие ботинки на шнуровке доходили до колена. Пригнувшись, он побежал к тому месту в зарослях, где прятались остальные. Глядя на всадника, он сказал:

— Это точно не торговец — нет выючных лошадей. Для сопливых красавчиков вестников одет слишком просто. — Немного подумав, он добавил: — Мы патрулируем последний день, поэтому возьмем его живым. Если он окажется беглым рабом или коссарским военным, мы заберем его с собой. Жрецу Луны нужны сведения.

— И потеха тоже! — Самый младший из тройки ухмыльнулся через плечо.

Старший нахмурился.

— Жрец Луны говорит, что пытки не только развлечение или практика для юнцов. Мы забираем силу у пленных. Чем сильнее они, тем дольше умирают, тем сильнее становимся мы.

Хихикая, паренек снова обратил свое внимание на ездока.

— Да тут нечего забирать! Он и так уже полумертвый. Видишь, как болтается его голова? Он спит.

— Все равно мы будем осторожны. — Пригибаясь, старший быстрым шагом направился к основному укрытию, где они оставили трех оседланных лошадей и одну выючную, привязав их к молодым деревцам. Остальные последовали за ним. Он сказал:

— Обгоните его и, подпустив поближе, покажитесь. Если вздумает убежать, всадите стрелу.

Высокий воин запрыгнул на чалую лошадь. Глядя вниз на Лолала, он произнес:

— Мне не нужно указывать, что делать, Лолал. То, что ты командир разведывательного

отряда, дает тебе право только определить, куда и когда мы идем и кто дежурит на посту. Вот и все.

Не поднимая глаз от острия толстого короткого меча, которое он осматривал, Лолал проговорил:

— Делай, как сказал.

Мужчины отъехали, обмениваясь усмешками. Лолал отложил в сторону оружие и посмотрел им вслед. Его хмурый взгляд выражал скорее озадаченность, нежели гнев. Когда они уже скрылись, он залез на свою пегую кобылу и осторожно повел вперед, пока не занял между двумя валунами позицию, удобную для наблюдения. Верховой, поднимаясь в гору, добрался до места, которое, как он и рассчитывал, отлично просматривалось с его точки.

Лолал сам не знал, что сделало его таким раздражительным. Они были в десяти днях езды от разведывательного лагеря, а главный лагерь располагался еще в десяти днях пути к северу. Семнадцать дней в разведке, и ни одного признака присутствия людей, если не считать заплутавшей измученной семьи рабов. Идущей пешком. Он не поверил бы, если бы не видел сам.

Его рука спустилась к мягкому кожаному мешочку на боку, погладила твердые кругляши коссиарских монет. В этом было что-то смешное, подумал он: отец семейства, предлагающий деньги, украденные у убитого им хозяина, за спасение своей семьи.

Когда ты оседаешь на одном месте и связываешь свою жизнь с землей, всегда возникают осложнения. Такие люди — это просто вещи, ничем не отличающиеся от их собственной кукурузы.

Резкий пронзительный крик птицы прервал размышления Лолала. Он раздраженно посмотрел по сторонам. Что за места, всаднику тут не по душе, только смелые черные и белые сойки чувствуют себя как дома. Узкие тропинки зажимают тебя между деревьями, растущими так близко, как волосы на задке у медведя. Впрочем, уже сегодня они начнут спускаться с этой горы по восточному склону.

Лолал снова посмотрел на тропинку вниз. Одиноким всадник не показывал вида, что слышал крик сойки.

Вот такие вещи и заставляют тебя нервничать, со злостью подумал Лолал. Нормальные люди всегда озираются, услышав потревоженную сойку. Не делать так было бы ошибкой. Лолал сплюнул. Все в этих горах было не по-людски. Слишком тихо, слишком пустынно и слишком мирно.

Он стал ждать, когда что-нибудь пойдет не так. Как будто это обязательно должно случиться.

Проверив упряжь вьючной лошади, он начал спускаться к извилистой тропинке и, проделав полукруг, вышел на нее. Следы оленей были практически стерты отпечатками подкованных копыт лошадей. Лолал стал их рассматривать. Животное здорово, но сильно устало. Большая выемка в подкове на передней левой ноге. Проезжая мимо свежего дымящегося навоза, Лолал от удивления осадил лошадь. Зерно! Немного, но все равно удивительно. Как же этот всадник умудрился кормить зерном своего коня тут, в горах, если у него не было вьючной лошади? Еще одна загадка.

* * *

Многие из знавших Мэтта Конвея вряд ли признали бы его в мужчине, наблюдавшем, как всадник на пегом коне выскользнул из леса на тропу.

И дело было вовсе не в том, что на нем была другая одежда. Да, из-за поддевой под кольчугу толстой рубахи его фигура казалась значительно грузнее, и длинные полы доспехов, защищающие его бедра, только усиливали это впечатление. Свежий шрам, идущий от правой ноздри через всю щеку к подбородку, придавал ему решительный вид.

Выражение лица этого человека чем-то напоминало яростную сосредоточенность охотящегося леопарда.

На груди кольчуги несколько колец были выровнены почти плоско. В центре же находилась рваная дыра, где пуля «вайпа» вырвала четыре кольца. То, что сотворили эти кусочки металла с воином, который носил раньше эту кольчугу, было сколь впечатляющим, столь и жестоким. Несколько ячеек на спине были прогнуты, покорежены, но не расцепились.

Конвей выследил второго воина, чтобы заполучить неиспорченную поддевку под кольчугу. После некоторого раздумья он содрал с него и кольчужную юбку. Меч у него остался еще с Олы, а нож он в свое время вынес из пещеры. Он носил его в ножнах на левом бицепсе в стиле, перенятом у Налатана.

Постоянно наблюдая за лесом, Конвей отсутствующе вытянул нож. Он ритмично стучал пальцем по его острию, считая до пятнадцати.

Пятнадцать дней прошло с тех пор, когда предали и убили Ти.

И Мэтт Конвей отомстит за нее.

Верховой впереди остановился. Конвей сошел с тропинки, Вихрь осторожно прокладывал путь через заросли, отлично понимая, что должен идти тихо.

Конвея волновало, что видны собаки.

Одетый в кожу человек что-то прокричал. Слов Конвей не разобрал, но тон был вопрошающий.

Ему в ответ раздались крики откуда-то сверху. Потом простучали копыта, и человек, за которым следил Конвей, встревоженно крикнул. Мгновение спустя лошадь без всадника проскакала мимо.

Легкий толчок заставил Вихря быстрее двигаться. Конвей достал «вайп». Стараясь не греметь, он снял его с предохранителя и загнал патрон.

Конвей издалека заметил место засады. Нагромождение скал вверх по горе возвышалось над прогалиной, которую проделала когда-то лавина. Подрост едва доходил до груди, так что для такой местности обзор был просто прекрасным. Продвинувшись вниз по холму, Конвей пересек прогалину вне поля зрения двух всадников, спускающихся вниз навстречу третьему, одетому в кожу. Он быстро скакал, держась вдоль скал, потом спешился и начал взбираться к месту, находившемуся всего в нескольких ярдах от троицы.

Двое мужчин слишком рано захлопнули ловушку. Все трое смотрели на валявшийся на земле предмет. Один потыкал в него своим луком.

— Отраз, я же говорил, чтобы ты дал ему возможность сдаться. А ты выстрелил без предупреждения. Напал из засады на мешок с зерном!

Один из верховых, с петушиными перьями, выглядел раздосадованным. Он сказал:

— Оно было похоже на человека, Лолал. У него даже было лицо. С носом.

Почти рассеянно Лолал ударил его тыльной стороной ладони. Младший пошатнулся в седле. Выпрямившись, он нацелил стрелу в голову командиру. Дрожа от напряжения, но удерживая лук наготове, он часто, хрипло дышал.

— Вряд ли ты сможешь убить меня, — сказал Лолал, не шевелясь. — Это чучело, набитое зерном, поднялось сюда не само по себе. Кто-то идет за ним. Вернитесь назад по тропе и найдите его.

Так и не сев на коня, Отраз сказал:

— Убей его, Нар. Никто не может безнаказанно бить нас.

Лолал по-прежнему был невозмутим.

— Опусть эту штуку. Человек, который провел вас, может в эту самую минуту следить за нами.

— Нар, он старается запугать тебя, как какого-нибудь молокососа. И ты это ему спустишь?

Нар снова натянул лук. Но Лолал больше не обращал на него внимания.

— Вот что, Отраз. Когда мы вернемся, я разберусь с тобой. За шатрами. Или ты пойдешь рассказывать, какой у тебя был командир. Решать тебе. Нар, прекрати маяться дурью, пока кто-нибудь не напал на нас всех.

Конвей едва заметил предательский удар Отраза. Рослый мужчина двинулся вперед, как если бы он собрался сесть на лошадь, потом взглянул на тропу. Вдруг он внезапно показал на что-то. Как и Лолал, Конвей было глянул туда, чтобы узнать причину беспокойства, но движение Отраза его остановило. Быстро шагнув вверх, Отраз очутился возле Лолала. Левой рукой подняв полу его жилета, он правой всадил ему в бок блеснувший на солнце нож. Конвей еще успел вспомнить блеск солнечного луча на крылышке стрекозы, как Лолал согнулся. Его удивленный крик эхом отдался в лесу. Дернув за поводья, он прищепил лошадь. Испуганная, она встала на дыбы, и Лолал упал с ее спины. Что-то громко треснуло. После нескольких резких конвульсивных движений он замер. Тишину нарушала лишь нервная поступь сбросившей его лошади.

Неверие в произошедшее превратило голос Нара в юношеский фальцет.

— Ты убил его! Что, если кто-нибудь появится? Что мы будем делать?

Отраз неестественно громко расхохотался. Его лицо покраснело.

— Тот, кто послал это вперед, повернул обратно, иначе мы бы уже слышали его. Помоги мне оттащить Лолала. Мы будем готовы, когда они сюда доберутся.

Нар продолжал смотреть на распростертую фигуру.

— Ты его убил, ты его и тяни. Я потяну чучело.

Отраз презрительно сказал:

— Да, его убил не ты. У тебя едва хватило смелости убить старуху рабыню. Помоги мне, мальчишка.

Нар сначала побелел, потом покраснел. Он поднял лук и натянул тетиву.

Отраз отступил на шаг.

— Ну хорошо, я погорячился. Ты тянешь чучело, а я — Лолала. Но поторопись.

Нар повернулся, чтобы положить оружие, и Отраз тут же бросился на него. Снова сверкнул нож, когда Отраз стащил его с седла. Нар отчаянно вырывался. Но Отраз ударял и ударял долго после того, как Нар затих. Последним мстительным ударом он перерезал ему глотку. Нар упал лицом на землю. Петушиные перья, шевелимые ветерком, радостно сверкали на солнце.

Отраз вытер нож о ногу Нара и засунул снова в ножны.

Неожиданно внизу на тропе раздался оглушительный рев. Отраз вскочил в седло. Он колебался, нерешительно направляя своего коня в сторону только что появившейся вьючной лошади, но не решился, снова услышав дикий рев. Прищепив лошадь, он скрылся.

Мгновением позже появились собаки Конвея. Они бежали быстро, постоянно оглядываясь, опустив головы и хвосты. Появившаяся на границе зарослей медведица встала на задние лапы и угрожающе зарычала. Медвежата толпились сзади, глядя на мать в молчаливом восхищении.

Когтей заверил упавших духом собак, что у него все в порядке. Медведица опустилась на четыре лапы и, рывкнув на медвежат, направилась обратно в лес.

Лошади кочевников шумно бродили по кустарнику, цепляясь поводьями за заросли. Конвей поймал и их, и вьючную лошадь. Не обращая внимания на тела, он снял дырявую рубашку с чучела, потом собрал рассыпавшееся зерно и вернул его на место. Улыбнувшись, Конвей снял с мешка пробитую круглую корзину, которая изображала голову. Забросив все остальное на одну из лошадей кочевников, он собирался уже вести их к Вихрю, когда слабый шорох остановил его.

За ним наблюдал Лолал.

Конвей вздрогнул.

— Я думал, ты мертв.

Лолал поморщился от боли.

— Еще нет. Ты видел? Отраз? Нар? — Он с трудом выговаривал каждое слово, но произносил их удивительно четко.

— Отраз ускакал. Мальчишка мертв.

— Жрец Луны сказал, что если мы умрем за него, то отправимся на Луну и будем

ждать его там. Надеюсь, что это так. Хочу повидаться с Отразом еще разок.

Он закрыл глаза, потом продолжил:

— Ты не Коссиар.

Конвей принялся объяснять, что он, в сущности, никто, человек сам по себе.

Лолал медленно открыл глаза, слабо улыбнувшись.

— Кон Вей. Белый Гром. Они говорили, что ты жив.

— Кто это говорил?

Лолал не обращал на него внимания.

— Чучело. Приманка. Ты сзади. Чертовски умно. Жрец Луны говорил.

— Мы слышали про нового Сиа.

— Сиа. Он делает нас сильнее. Многих людей. Сиа Танцующих-под-Луной. Мы знаем о тебе. Другая жизнь. Он рассказал нам. Иди на север. Он простит, стань одним из нас. Убей. Убей всех.

— Он меня знает? — Конвей присел возле мужчины. В живых остались только пятеро, которые знали его в «другой жизни». — Джонс? Его зовут Джонс?

— Жрец Луны. — Лолал резко выдохнул.

— У него шрам. Большой, над ухом.

— Тюр-бан.

— Это он, — ответил Конвей.

Лолал вздохнул. Его мышцы расслабились, щеки ввалились. Он улыбнулся — медленно и слабо. На жестком, суровом лице проступило блаженство.

— Луна победит. Вечная жизнь.

Прошло много времени, прежде чем Конвей наконец пошевелился. Так много, что, когда он встал, колени сердито хрустнули. Но все же ему хотелось завершить разговор с мертвым собеседником.

— У меня уже была вечная жизнь, дурак, и меня тошнит от этого. А север ничуть не хуже другого направления. Главное, чтобы быть подальше от Церкви.

Глава 80

Конвей сидел спиной к утесу, наблюдая, как ломаная линия спешившихся воинов-кочевников продвигается вверх по холму. Пыль клубилась вслед за ними, вздымаясь с усеянной солнечными зайчиками земли густого леса. Ниже сквозь узкое ущелье в мешанине осыпанных серебром и золотом хвойных деревьев с грохотом пробивался горный ручей. Там, где взметались брызги, миниатюрные радуги вспыхивали и гасли с такой быстротой, что их не всегда мог уловить глаз.

Сами же люди — Конвей насчитал их двадцать — привносили в картину свои цвета. Одетые в военную форму, с яркими повязками на головах, многоцветными щитами и ярко разрисованными лицами. На некоторых были чудовищные маски, предназначенные для защиты их носителя от оружия противника, не обратившегося в бегство при одном только их виде.

Заряжая «буп», Конвей не мог не отдать должное дикой, первобытной красоте этой сцены. Но блеск наконечников стрел и обнаженных мечей, плюс знание того, что охотятся именно за ним, заставлял поторапливаться.

Когда линия была в ста метрах от него, Конвей поднялся. Он поднял вверх обе руки в знаке солнца: указательные и большие пальцы соприкасаются, остальные широко расставлены. После того, как он убедился, что все его видели, он приставил руки ко рту и крикнул:

— Я пришел с миром! Я хочу встретиться со Жрецом Луны.

Один человек побежал вниз, к привязанным коням. Он вернулся верхом, ведя за собой еще двоих лошадей. Только тогда Конвей вдруг понял, что линия кочевников сильно уменьшилась. Из двадцати, которых он насчитал раньше, были видны только трое, включая

и человека с лошадьми. Эта тройка села на коней и, сделав знаки солнца, не спеша двинулась вперед.

Конвей свистнул собакам, чтобы они оставались в укрытии, потом подозвал к себе Вихря. Если кочевники хотят говорить, сидя на лошади, он тоже не собирается оставаться пешим. Надежно стреноженная пегая лошадь попыталась было следовать за Вихрем, но потом остановилась, смирившись с тем, что ее покинули.

Смотря на приближавшихся воинов, Конвей вспомнил вестерны, которые были древними еще до его рождения. Это было какое-то кино о ковбоях. Одиноким всадник смотрел на группу воинов, идущих на переговоры. На этом все сходство кончалось. Один из воинов носил медный нагрудник, отливающий на солнце золотом. У второго был изогнутый меч, как будто вышедший из еще более древних «Арабских ночей». На мужчине в центре, предводителе воинов, была пятнистая шляпа из скунса и кожаные доспехи. Его руки от запястья до локтя были защищены кожаными щитками, искусно украшенными бусами. Полированные стальные ленты укрепляли их по всей длине. Нарисованный глаз смотрел из середины лба.

Предводитель остановился перед Конвеем.

— Кто ты? Что ты делаешь на земле Летучей Орды?

— Я хочу увидеть Жреца Луны. Я — Мэтт Конвей.

Два других, воскликнув, даже привстали в седлах. Глаза предводителя расширились. Конвей продолжил:

— Я обошел ваш лагерь прошлой ночью, потом поднялся сюда, чтобы подождать вас. Я знал, что вы найдете мои следы и пойдете по ним. Как вас зовут?

— Меня называют Медной Рубашкой, человек справа — Смотритель Туч, второго зовут Кидателем Камней. Мы из племени Пожирателей Бизонов. Жрец Луны сказал, что ты пошел против него.

— Я его друг.

— У Жреца Луны нет друзей. Жрец Луны — святой.

Конвей слабо пожал плечами.

— Как тебе угодно. Отведите меня к нему.

Смотритель Туч подъехал вперед и, наклонившись, проговорил что-то на ухо Медной Рубашке.

— Жрец Луны сказал, что если Белый Гром или Черная Молния придут, то он будет говорить. Ты должен отдать нам свое оружие.

Криво улыбнувшись, Конвей сказал:

— Я не могу это сделать.

— Ты должен. — Рука Медной Рубашки упала на рукоятку его меча.

Нацелив «вайп» на грудь кочевника, Конвей спросил:

— Ты так спешишь умереть?

Медная Рубашка перевел взгляд с черной дыры ствола на глаза Конвея.

— Нет.

Конвей был ошеломлен невозмутимостью ответа. Ясно, что Медная Рубашка верил, что Конвей может убить его. Мужчина просто принимал смерть как нечто неизбежное и естественное, такое же, как свет или темнота. Получив такую власть над смертью, человек был волен отвергать ее.

Конвей вспомнил, как умер Лолал, восхваляя Луну, убежденный в том, что он попадет в другое место, чтобы ждать там воссоединения со своим господином. Медная Рубашка верил. Так же как и сотни других воинов Летучей Орды.

В глубине сознания Конвея что-то шевельнулось. Вихрь эмоций, слишком необычных для того, чтобы он смог понять их природу. Это могло быть уважение или отвращение. Зависть. Надежда?

Медная Рубашка произнес:

— Никто не должен умирать от оружия. Сейчас. Жрец Луны решит. Мы должны

поговорить еще об одной вещи. Ты пришел с юга. Три наших разведчика запаздывают с возвращением оттуда. Ты их видел?

Конвей сказал:

— Отраз убил Лолала и Нара. Он бросил их.

Медная Рубашка посмотрел прямо в глаза Конвею, без вызова, но явно предупреждая.

— Я вижу лошадь Лолала. Я задумывался над тем, как ты заполучил ее. Ты сказал, Отраз жив?

— Да.

Медная Рубашка кивнул.

— Отраз из племени Соль. Плохие люди. — Внезапно он усмехнулся. — Я думаю, мы его еще увидим. — Конвею показалось, что он уловил в голосе Рубашки скрытую иронию, как будто тот хотел посмеяться над чужаком. Это нервировало его.

Негромкий сигнал серебряного свистка сорвал Карду и Микку с места. Резко затормозив, они замерли, глядя на Медную Рубашку. Это был впечатляющий выход, и Конвей понимающе улыбнулся, увидев, как у того побелели костяшки пальцев на руках, сжимающих поводья.

* * *

Жрец Луны стоял на нижней медной ступеньке лунного алтаря. Его роба состояла из нескольких слоев просвечивающей ткани. Кое-где в ткань была вплетена серебряная нить, блестящая в сияющем свете солнца, так что вся ткань сверкала, когда легкий ветерок колыхал и развеивал ее. Белый тюрбан выгодно подчеркивал красоту полированного серебряного диска, помещенного посередине.

Каталлон выстраивал людей полукругом сзади и по бокам от Сиа. Лис и его группа воинов Гор следили за тем, чтобы никто из чересчур восторженных зрителей не вырывался вперед. Это было нетрудно: хоть они были самым небольшим племенем из составляющих Летучую Орду, с Людьми Гор считались и уважали их. Именно они привезли Жреца Луны к Каталлону в Летучую Орду. Они помогли Жрецу Луны построить сверкающий, крутящийся алтарь, который в мгновение ока лишал жизни во вспышке голубого пламени. И дрались они исключительно хорошо.

На плоской равнине у подножия Гор Дьявола люди Летучей Орды были построены в виде четверти луны. За толпой над беспорядочным сборищем небольших шатров возвышался красный шатер Каталлона. Шатер Жреца Луны был меньше, чем эта массивная конструкция. Тем не менее взгляд натывался именно на его белую ткань.

Первый раз Конвей заметил это снежное величие, спускаясь с горы. Его первой мыслью была чистота. Он представил шепот прохладной тени и загадки увиденного, но не понятого, во что верят и что тем не менее незримо.

Конвей отвел взгляд от шатра, но что-то заставило его взглянуть на него снова. Нервным движением он сдвинулся в седле.

В мозгу возникло еще одно слово — искушение.

Конвей добрался до небольшой возвышенности в четверти мили от границы лагеря. Вдалеке были видны другие лагеря, разбросанные по лугам этой большой равнины.

Около сопровождающих Конвея разведчиков из племени Пожирателей Бизонов бежали мальчишки. Когда юнцы подбегали слишком близко, один из воинов гнался за ними и, используя копье как дубинку, огревал ею свою жертву по плечам и голове. Окровавленные и полуголушенные, несчастные убегали к остальным, более умным друзьям и хвастались своим подвигом.

Достигнув толпы, сопровождающие остановились. К ним присоединились патрульные из Людей Гор. Пылкие ребята и их возбужденные, вращающие глазами скакуны поскакали вокруг толпы, чтобы наблюдать за событиями с обратной стороны. Вскоре Конвей продвигался вперед один. Когда он был в десяти ярдах от Жреца Луны, незримый сигнал

начал церемониальное приветствие. Вся масса людей запела с закрытым ртом. Низкие, высокие, средние ноты сливались в единое целое. Изгиб толпы фокусировал звук в точку, где стояли только Конвей с Вихрем и собаками и Жрец Луны. Внутренности Конвея напряглись под напором такой жизненной силы, направленной напрямиком на него.

Вихрь загарцевал, прижав уши, злой и испуганный. Карда и Микка стояли в напряжении, поводя головами в поисках источника угрозы. Они остановились на Жреце Луны. Уставившись на него, они вызывающе ожидали его движения, их губы дрожали от сдерживаемого рычания.

Жрец Луны не обращал на них внимания, лучезарно улыбаясь Конвею в радостном приветствии.

Хор постепенно умолк.

Карда и Микка откинули назад свои головы и завывли. Гордые и могучие голоса докатились до отдаленных холмов и эхом вернулись обратно. Жрец Луны отпрянул назад, подальше от вздетых морд.

Как и люди, собаки замолчали внезапно, без предупреждения или кульминации. Казалось, что они ожидают похвалы, и Конвей оправдал их ожидания, шепнув, что они великолепные певцы и замечательно приветствовали хозяина.

На лице Жреца Луны мелькнуло раздражение, но он любезно приветствовал Конвея:

— Прошло столько времени, старый друг. Мне тебя не доставало.

Конвей ответил:

— Спасибо за отличный прием. Я тоже рад снова встретиться с тобой. Ты отлично выглядишь.

— Кое-как свожу концы с концами, Мэтт, только и всего. Впрочем, любой делает то, на что он способен. Вот это — мои люди. Мои разведчики сообщили тебе, что я их Сиа. Я — бог.

Несмотря на обычный, простой тон, безумие окутывало этого странного, изменившегося человека так осязаемо, что у Конвея появилось впечатление, что протяни он руку и попытайся коснуться его, как рука запачкается в вязкой липкой грязи.

Более того, Конвей знал, что его испытывают. Его мозг вернулся к воспоминаниям о белом шатре. Это было опасное место. Одна мысль развеселила его.

— Ты нашел себя здесь?

— Был найден. Моя Мать признала меня, своего потерянного ребенка. Богоявление, Конвей. Не так, как обычные люди понимают это, или оскорбляют слово, но в истинном значении. Я дважды рожден.

Как и следовало, Конвей нагнул голову, но не настолько, чтобы уменьшить обзор.

— Я рад за моего старого друга. За нового Сиа.

Жрец Луны просиял, но улыбка исчезла так же быстро, как задутое пламя свечи. Он опустил свой взор на землю.

— Не все так хорошо. Мне нужен друг. Кто-нибудь, кто может понять мои заботы, кто способен оценить мой разум так же, как мою святость. Меня любят, Конвей. Любят, но не знают. Ты можешь понять это?

Осторожно выбирая слова, Конвей сказал:

— Думаю, что могу представить. Пусть даже все эти люди мудры достаточно, чтобы признать тебя тем, кем ты являешься на самом деле, но они все равно примитивны. По сравнению с тобой.

— Точно! Мой человеческий образ делает меня таким же смертным и уязвимым, как и любой из них, но даже как обыкновенный человек я бесконечно умнее. Я знаю мириады вещей, о которых эти несчастные дикари не имеют ни малейшего понятия. И у меня есть цели. Наиболее дальновидный из моих последователей не может подумать о том, что последует за ближайшим кровопролитием. Они — фантастическое оружие, но они слишком просты. Дубинка. Мне же нужен меч или рапира. Нет, не это. — Он отступил от алтаря и от круга на нем. Заложив руки за спину, он шагнул туда и обратно, неистово говоря, забыв про

все вокруг. — Пламенное лезвие, вот что мне нужно и что будет моим. Бич, которым можно будет очистить землю, чтобы Танец-под-Луной мог расти, став тем, чем он — и я — должны быть. Процветания для него недостаточно. Луна победит!

Полный сомнений, Конвей спросил:

— Победит кого? Пойми, Коссиары ожидают тебя, даже сейчас, когда рабы натворили столько бед. Восстание опустошает страну, но их армия по-прежнему очень сильна.

Жрец Луны прекратил шагать и скрытно улыбнулся Конвею.

— А почему ты спрашиваешь, на кого я нападу? — Он отрывисто хохотнул и посмотрел на Конвея с внезапно озабоченным видом. — Вот видишь, как должен работать мой мозг? Как я должен все рассматривать, чтобы понять скрытые истины, неожиданные откровения? Но я доверяю тебе. У истоков всех моих проблем стоит Гэн Мондэрк, но с ним я разберусь в свое время. Кос находится на грани развала. Три Территории энергичны и жаждут изменений и прогресса. Я должен их контролировать. Такая энергия должна по праву служить мне.

Эта мысль встревожила Конвея. Внимательно следя, чтобы голос оставался нейтральным, он спросил:

— Значит, ты пойдешь на Север?

— На юг. — Улыбка Жреца Луны лучилась чуть ли не детской радостью при виде искреннего удивления Конвея. — Церковь! Земные почести меня не интересуют, Мэтт Конвей, за исключением их помощи в моей миссии — привести человечество к моей матери, Луне. Время смертных не имеет для меня никакого значения, на земле нет для меня границ. В моем владении вся вечная Вселенная. Церковь же — это лживая потаскушка, отвращающая людей от их истинной Матери. И от меня. Я должен уничтожить даже память о существовании этих поедателей падали — черных воронов. — Отойдя назад, как будто плывя в серебряно-белой мантии, он воздел вверх обе руки, обратив свое лицо к небесам. — Луна победит!

Толпа незамедлительно принялась скандировать:

— Луна победит! Луна победит!

Жрец Луны опустил руки, рев продолжался. Он протянул их к Конвею, и тот понял, что должен их принять, тем самым поклявшись в своей преданности.

Жрец Луны стоял на медной пластине.

«... направляет молнии...»

Эти слова вспыхнули в его мозгу, прогнав все мысли, кроме одной: зачем предназначался алтарь.

Медные шипы на керамической поверхности круга. Руки, касающиеся металла. Провода. Цепь.

Молния.

Жрец Луны. Стоящий на изолированном металле. С протянутыми руками. Улыбающийся.

Мозг Конвея разрывался от множества мыслей. Это объятие могло оказаться смертельным. Речь шла о жизни и смерти, и аргументы яростно боролись друг с другом.

Ти мертва. Потому что Церковь не желает, чтобы люди обращались к культу Луны. Церковь предала восстание рабов.

Ланта.

Предательство.

Жрец Луны ожидал. Сегодня была первая ночь полнолуния. Так кем же он был — жертвой или желанным другом?

Танец-под-Луной. Война с Церковью. Возмездие.

Конвей спешил и сделал пару шагов к Жрецу, ощущая страх, граничащий с экстазом. Он шагнул в его объятия и обнял Жреца.

И был обнят. Невредимый.

Жизнь трепетала в венах Конвея, горячая, как расплавленное золото. Он жил! В

объятиях смерти, но он жил.

Летучая Орда слышала его резкий смех, пронзивший пульсирующий ритм их скандирования. Люди смотрели друг на друга и понимающе кивали.

Глава 81

Впервые услышав какой-то шорох — тихий, не громче трения плотной ткани о камень, — Конвей не обратил на него внимания и продолжал бриться.

Он устроился в дубовом кресле, сиденье и спинка которого были обтянуты бизоньей шкурой. Да и все кресло было стилизовано под бизона, причем очень искусно. Поначалу его вид несколько обескуражил Конвея. Он стал было подумывать, что недооценивал культуру Летучей Орды. Потом он решил, что кресло было трофеем. Несомненно, трофеем был и стоявший перед ним деревянный комод. Все соединения в нем были выполнены безупречно, выдвижные ящики идеально подогнаны. Полированная медь отделки комода и расставленной на нем посуды приглушенно сияла, отражая свет стоявшего сверху канделябра с четырьмя свечами. Рядом с канделябром примостилось стальное зеркальце, прислоненное к кобуре с пистолетом. На откидной полочке в специальном отверстии стояла медная чашка с горячей водой. Подымавшийся над ней пар с запахом малины клубился вокруг лица Конвея. Он ополоснул в чашке лезвие своего армейского ножа, заставив спокойные струйки пара изогнуться в неистовом танце.

Когда он поднес лезвие к щеке, шорох повторился.

На этот раз громче.

Конвей повернулся в кресле, бросив взгляд через одно плечо, затем через другое. Падавший на матерчатые стены скупой свет свечей делал комнату похожей на пещеру. Конвей окликнул предполагаемого гостя. Ответа не было. Казалось, стало еще тише.

К следующему шороху Конвей был уже готов. Скатившись с кресла, он перевернулся на полу и, поднявшись на четвереньки и держа перед собой нож, пополз к месту, откуда доносился подозрительный шум.

От стены позади деревянной кровати отделилась фигура человека, узнать которого в темноте было невозможно. Отступая от ножа, незнакомец в ужасе лепетал что-то, опасаясь и за свою жизнь, и что Конвей подымет тревогу.

Схватив незнакомца одной рукой, Конвей приставил к его горлу нож.

— Ты кто?

— Твой друг. Друг. Единственный в этом месте, Мэтт Конвей. Несправедливо обиженный, который готов поделиться с тобой своим печальным опытом.

Конвей подтащил не оказывавшего сопротивления мужчину ближе к свету. Незнакомец инстинктивно прикрывал свое лицо, словно существо, привыкшее жить в темноте. Конвей не верил своим глазам.

— Алтанар. — В голосе его не было сомнения, но было нескрываемое изумление. — Я слышал, что ты и Джонс... Жрец Луны...

Моргая ехидно поблескивающими глазами, Алтанар прервал его:

— А-а, похвально, Конвей, похвально. Вижу, ты быстро усвоил. Но еще не до конца. Учти — малейшая оплошность, и ты можешь оказаться в руках Человека-Который-Есть-Смерть. Имя Джонс забыто. Его нельзя произносить.

Опустив нож, Конвей спросил:

— Он отрицает, что был одним из нас? Одним из путешественников, что пришли в Харбундай и Олу?

Исполненным любезности жестом Алтанар указал на единственное в комнате кресло. Конвей сел, ожидая ответа. Бывший тиран, одетый сейчас в потрепанную фуфайку и мешковатые штаны, едва достававшие до середины икр, выпрямился в полный рост. Голова горделиво запрокинулась, подбородок подался вперед, и на какое-то мгновение показалось, что в комнате промелькнула тень могущественного короля Олы.

— Он не так прост, чтобы отрицать это. Он «полагает», что этот вопрос просто не должен обсуждаться. Важна только его жизнь. После второго рождения. — Последние слова Алтанар произнес, как шутку, но Конвей не увидел никаких признаков веселья на лице короля-оборванца. Он также отметил, что Алтанар выдержал минутную паузу, внимательно рассматривая лицо своего слушателя. Всё выглядело так, будто ночной гость провоцировал Конвея на выражение неверия либо непочтительности к Жрецу Луны.

Конвею было любопытно, догадывается ли сам Алтанар, насколько неуклюжи его попытки.

— Расскажи мне об этом втором рождении, — попросил Конвей, и Алтанар заговорщически наклонился вперед.

— Теперь понял? Тебе нужен друг. Разве ты не знаешь, что Лис настаивает на твоей смерти? Каталлон, напротив, хочет оставить тебя в живых. Его цель — выпытать у тебя все секреты, заставить тебя обучить кочевников делать оружие-молнию, научить их пользоваться им. И только тогда Лис может убить тебя.

Криво усмехаясь и обращаясь, скорее, к самому себе, Конвей произнес:

— Итак, все это — дело времени. — Затем спросил: — Говорил ли когда-нибудь Жрец Луны этому Лису, почему я нужен ему живым? Или Каталлон? И кто такой, в конце концов, Лис? И как тебе удалось так сблизиться с Джо... со Жрецом Луны? Честно говоря, по виду ты не тянешь на близкого друга нового Сиа.

Не без интереса Конвей отметил, что Алтанар все еще остро реагирует на непочтительное к себе отношение. Но было поучительно и то, как быстро он подавил свое недовольство. Конвей подумал, что Алтанар не изменился, но научился держать себя в руках. Заметил он и круглые рубцы на тыльных сторонах кистей рук Алтанара. Следы ожогов. Торчавшие из сандалий пальцы ног бывшего короля росли в разные стороны. Явно были сломаны и после этого их не лечили. Конвей отвел взгляд.

Алтанар наконец заговорил:

— Веди себя очень осторожно. Ты не сможешь здесь выжить без влиятельного союзника. Я слишком слаб, чтобы стать кому-нибудь союзником, и слишком презираем, чтобы быть кому-либо другом. Даже с бежавшими из Коса рабами обращаются лучше. Если они могут воевать и согласны принять культ Луны, то становятся свободными людьми. А я могу обратиться лишь к тебе, Мэтт Конвей. Когда-то мы были врагами, но я знаю тебя как человека мужественного и честного. Полагаюсь на твою милость. Стань мне другом, и клянусь, я буду служить тебе днем и ночью. Все, что я прошу взамен, — это сделать мою жизнь не такой мучительной. Ты был прав, когда не поверил, что я могу быть советником Жреца Луны. Он презирает меня. Я его добыча. Мое падение оттеняет его величие. Для него я — грязь. Но, как всякая грязь, я прилипчив. — Рука его потянулась вперед, неуверенно, словно мотылек, отыскивая свой путь. Она коснулась рукава Конвея и тут же отпрянула. — Я не стремлюсь к мести. Страдания превратили меня в созерцателя. Я довольствуюсь самыми простыми радостями. Но я не могу позволить, чтобы ты запутался в интригах Летучей Орды. В этом месте друг должен защищать друга. И я с радостью отдам жизнь ради друга, если обрету его.

— Похоже, с тобой обращались довольно мерзко.

— Сейчас уже не так плохо, как раньше. Уже не пытаются. Просто бьют, пинают. Постоянно унижают. Иногда я думаю о смерти, как об избавлении. Но я никогда не забываю, что Церковь не приемлет самоубийства.

— Меня не интересуют законы и желания Церкви, — оборвал его Конвей.

— Конечно, конечно. Они там перебирают. Чересчур лезут в душу. Но все равно, я еще не готов умереть.

— И я тоже. Поэтому я вспоминаю, каким ты был прежде. Хотя сейчас ты предлагаешь свою дружбу. Ну ладно, расскажи мне лучше, откуда взялся этот Жрец Луны.

Присев на корточках на плотно утрамбованном земляном полу, Алтанар стал рассказывать, покачиваясь на пятках и не спуская с Конвея немигающий гипнотический

взгляд. Он описал свой побег из Трех Территорий, завершившийся его рабством, свой союз с Лисом Одиннадцатым, Каталлоном и новым Жрецом Луны. Когда Конвей спросил его об алтаре, Алтанару стало явно не по себе. Напуганный до глубины души, он стал рассказывать о том, как появился алтарь, описал обряд жертвоприношения, припомнил ужасающие подробности его действия на жертвы.

Конвей продолжал слушать, но разум помимо его воли стал припоминать «новшества», внедренные в этом мире людьми его времени. В Оле Леклерк усовершенствовал подъемные краны, повысив их эффективность и безопасность. Сам он построил первые коксовые печи. В общем, каждый приложился. Лучшие оборонительные стены, лучшие мечи. Еще одним «чудом» с их стороны было повторное изобретение пороха. Масса других мелочей, которые сразу и не припомнишь. А теперь Жрец Луны покоряет Летучую Орду с помощью магии электрического генератора.

Конвей даже не подозревал о той горькой, волчьей ухмылке, появившейся на его губах при этих мыслях. Но Алтанар заметил ее и истолковал по-своему:

— Ты мне не веришь? Просто ты никогда не видел алтарь, не видел, как Человек-Который-Есть-Смерть выжигает жизнь из очередной жертвы. Не смейся над тем, чего не понимаешь.

Указав на «вайп», Конвей сказал:

— Я кое-что понимаю в том, как управлять молниями. Неужели ты полагаешь, что я не догадываюсь, зачем Жрецу Луны надо, чтобы мы с Тейт стали на его сторону? Обижаешь.

— Прости, я стал слишком раздражителен. Слишком. При таком обращении это не удивительно. В каждом жесте начинаешь усматривать оскорбление.

— Такое происходит и при истрепанных нервах. Я и сам разошелся. Скажи, а какие еще чудеса совершал Жрец Луны.

Алтанар был явно изумлен:

— Еще? Больше никаких! Зачем ему это? Он воскрес из мертвых. Я был при этом, видел своими глазами. И Лис тоже. Сила его духа заставляет подчиняться его приказам. Он приносит свет Луны, который убивает его врагов и неверных. Какие еще нужны чудеса?

— Так убивает лунный свет или молния?

— И то, и другое. Жрец Луны все нам объяснил. Когда Луна распределяет свой свет по всему миру, этот свет мягкий и благостный. А если его сконцентрировать в одном месте, он превращается в молнию и убивает.

— Понятно. Однако, несмотря на все свое могущество, Жрец Луны не правит в Летучей Орде. Ты упоминал об интригах. Кто тут против кого устраивает заговоры?

— Да никто. Пока. Но все вынашивают планы. Лис готовит ударные отряды разведчиков. В этих отрядах лишь его Дьяволы и Пожиратели Бизонов. Все знают, что это его личные войска, фанатично преданные Жрецу Луны. Каталлон ненавидит их. Ненавидит Лиса. Но они нужны ему для усиления могущества Летучей Орды. Каталлон подозревает, что Жрец Луны хочет занять его место, но еще не осмеливается выступить против него. Люди здесь пока колеблются. Жрец Луны для них Бог, но Каталлон — вождь. Большинство поклоняются Жрецу Луны, но многие из них тем не менее считают, что людские дела должны вершить сами люди. Бог, живущий среди обычных людей, опасен. Его боятся. Он распоряжается жизнью и смертью, не сдерживаемый ни своей совестью, ни страхом наказания в этом или будущем мире.

— Ладно, хватит об этом. Расскажи лучше, как ты сюда проник? Этот шатер — немыслимое сооружение, множество коридоров, комнат — конца ему нет. И вокруг стража. Как тебе удалось мимо них пробраться?

Алтанар неожиданно сгорбился, словно внутри у него сломался какой-то стержень. Вся его съежившаяся фигура источала неприкрытую злобу. Отступив в темноту, он сказал:

— Алтанар безобиден, он умеет прикинуться дурачком, когда его поймают. Почти все время он невидим. Алтанар знает, как ходить в темноте. Даже когда луна слепа. Да, слепа. Тогда он — невидимка, он неуловим. Разве можно пожелать лучшего друга?

С этими словами маленький согбенный человечек растворился во тьме. Когда Конвей последовал за ним, Алтанар опять стоял за кроватью.

— Подожди. — Слово это прозвучало, как команда. От удивления Конвей замер на месте. Затем, рассердившись на себя и на Алтанара, он решительно шагнул вперед и отодвинул кровать в сторону.

Раздался шелест ткани о землю. Звук этот в точности повторял тот, что предшествовал неожиданному появлению Алтанара.

Но теперь в нем чудился смех одобрения такого же безупречного исчезновения гостя. Конвей опустился на колени, поднял полог матерчатой стены и заглянул под нее. Соседняя комната была пуста. На неподвижной ткани стен ничто не выдавало маршрут ухода Алтанара.

Глава 82

Обеденный зал в замке-шатре Каталлона был просторной комнатой с алыми стенами, в которой за единственным столом могли разместиться человек сорок.

Конвей почувствовал, что не в состоянии по достоинству оценить украшавшие стены разноцветные щиты и трофеи. Довлевающий вокруг алый цвет напоминал ему траурные одежды Капитана, что отнюдь не улучшало аппетит.

Подобную реакцию новый Конвей относил к своим слабостям. Воспоминания о Капитане всколыхнули в нем дремавшие чувства — чувства утраты, гнева, печали. А вот это было хорошо. Все, что питало в его сердце огонь ненависти, он приветствовал.

А все, что открывало в новом Конвее остатки чувствительной натуры, заслуживало порицания.

Капитан был всего лишь одним из тех, кто сформировал нового Конвея. Ничто не помешает Конвею добраться до него. Здесь не важны ни время, ни средства. А в конце последует отмщение. Старый Конвей выжил, несмотря на то что за ним охотились по всему Косу. А потом он преобразился, превратился в нового Конвея. Сначала он боролся за выживание и скорбел о смерти Ти. Но к тому времени, как он перехитрил засаду в Горах Дьявола, он уже сам был охотником, а не жертвой. В каждом дыхании нового Конвея звучало имя убийцы Ти.

Задержав взгляд на алых стенах, Конвей вспомнил лицемерное раскаяние Капитана. Сохраняя невозмутимое выражение, он заставил себя осушить кубок с вином.

Дисциплина и самообладание.

Справа от Конвея сразу за Жрецом Луны сидел Каталлон. Массивность его фигуры подчеркивали расшитые бисером поперечные полосы на кожаном жилете. Запястья лежавших на столе рук закрывали золотые браслеты, на каждом пальце поблескивали золотые кольца. Он наклонился над деревянной дощечкой, которая в этом шатре служила вместо тарелки. Его поза выдавала внутреннюю агрессивность; он обратился к Конвею:

— Мне сказали, что твое оружие-молния поражает насмерть человека, который так далеко, что не каждый сможет его увидеть. Что-то мне не верится. Неужели это правда?

Конвей похлопал по стволу «вайпа», свисавшего со спинки его стула.

— Этот бьет не так далеко, но у него есть другие преимущества.

Жрец Луны выглядел обеспокоенным. Он заерзал в своем кресле, и серебряные нити на его белоснежной сутане волнами изогнулись в неярком свете свечей.

— А где еще один?

— У Тейт. Если она жива.

— Его могли потерять? Он мог достаться Капитану? — Жрец Луны повернулся в кресле, чтобы смотреть прямо в лицо Конвею. — Это тот карабин, которым можно убить сотни людей?

— Во-первых, для этого нужны боеприпасы, — возразил Конвей. — Во-вторых, нужно уметь с ним обращаться. Надо представлять себе, что такое солнечная энергия,

компьютерные чипы, электроника. Не думаю, что наши нынешние современники на это способны. Ведь так?

Сидевший напротив Лис нахмурился и поднял руку. Его свирепая физиономия гармонировала с мрачным кожаным одеянием. Единственным украшением были висевшие в ушах серьги из обсидиана на серебряных проволочках. Он сказал:

— Ты пользуешься неизвестными словами. Говори так, чтобы все тебя понимали.

Конвей продолжал нарочито спокойным тоном:

— Управление молниями — это великий дар. Жрец Луны и я знаем секретные слова, наделены способностью управлять. Но его могущество во сто крат больше моего. Я просто человек с оружием. Жрец Луны — святой. Никто не может сравниться с ним.

Лицо Каталлона засияло энтузиазмом, который он тут же обратил в тост:

— Подымите ваши кружки за Жреца Луны, принесшего нам победу.

Под одобрительные возгласы мужчин кружки в унисон взметнулись вверх. Каталлон продолжал:

— Так, значит, Черная Молния украла у тебя это специальное оружие?

— Когда нас предали, меня не было на Острове купцов. Оружие было под ее присмотром. Если она погибла, то и секрет оружия-молнии умер вместе с ней. — Никогда прежде Конвей не позволял себе думать о гибели Тейт. Не допускал он такой мысли и сейчас. То, что он говорил, не было даже возможным вариантом, просто абстрактным рассуждением. Никто из них не должен погибнуть. Даже Ланта, по вине которой все произошло.

— Жива Черная Молния или нет, — произнес Жрец Луны, — для нас это не имеет уже значения. С нами Белый Гром. Скоро все оружие будет принадлежать Летучей Орде и служить во славу Луны.

Каталлон встал. Он так резко взметнул над собой вновь наполненную кружку, что расплескал себе на голову почти все вино. Громогласно расхохотавшись, он швырнул кружку о стол и схватил кувшин с вином. Подняв его, он произнес:

— Завтра мы посылаем отряды, которые очистят от Коссиаров западные склоны Гор Дьявола.

Со всех сторон на Конвея обрушились волны неистового примитивного возбуждения. И эта радость четырех десятков жаждущих крови дикарей захватила и его самого.

В груди перехватило дыхание, сердце бешено колотилось.

Неожиданно его бросило вперед, едва не ударив лицом о поверхность стола. Когда Конвей выпрямился, он с изумлением увидел, что так сильно прижал ложку к столу, что переломил ее у самого углубления.

Каталлон все понимал. Он разразился одобрительным смехом, затем продолжил:

— Когда мы очистим горы от коссиарских койотов, когда ограбим их дома и заберем их женщин и детей, мы двинемся против Дома Церкви. Говорят, эта крепость неприступна. Бабы бредни.

Мы сметем эти стены и втопчем в грязь заносчивых сук, что прячутся за ними. Все сокровища истории будут нашими.

Слова эти были встречены боевыми кличами. За спиной Каталлона, будто театральный занавес, поднялась матерчатая стена шатра. Внутри потекли рабы с деревянными блюдами в руках. От изобилия снеди у Конвея зарябило в глазах. Несли свинину, говядину, дичь. Целиком зажаренные цыплята. Индейки. Следом шли рабы с круглыми буханками хлеба и маслом. Исходившие паром овощи подавались в медных котелках. В небольших чашках была соль, в совсем маленьких чашечках — молотый красный перец. Последняя приправа подавалась в кувшинах, закрытых деревянными пробками с дырочками. Конвей понюхал один из кувшинов и тут же убрал свой нос подальше. Наблюдавший за ним Жрец Луны рассмеялся.

— Уксус с перцем, — объяснил он. — Особенно хорош к жесткому мясу.

Конвей покачал головой:

— Я собираюсь есть мясо, а не огонь, на котором его жарили.

Слушавший их разговор Лис допил вино, вытащил пробку из кувшина с уксусом и наполнил кружку этой адской жидкостью. Целые стручки перца крошечными огоньками влажно поблескивали на поверхности напитка. Лис в молчаливом тосте поднял кружку, осушил ее и, пережевывая оставшиеся стручки, подмигнул Конвею.

— Можно подумать, что ты из железа, — проговорил Конвей.

Посмеиваясь, Лис похлопал себя по груди:

— У Людей Гор этим выкармливают младенцев, когда у их матерей пропадает молоко.

Шутка была встречена радостным гогом.

Конвей потерял счет кружкам вина, которые он осушил, и ломтям мяса, которые себе накладывал. Над столом постоянно поблескивали лезвия ножей — впившись зубами в мясо, едоки отхватывали ножом вмещавшийся в рот кусок. Кости бросали прямо на пол. Конвею поразило, с какой скоростью исчезли овощи и какое невероятное количество соли было съедено вместе с ними. Он припомнил все те запреты и предупреждения по поводу диеты перед тем, как они уснули в криогенных капсулах и проснулись в этом диком мире. Отдававшая в висках тоска охватила его с новой силой. Вцепившись рукой в край стола, Конвей отхлебнул еще вина.

Приступ отчаяния понемногу отступил.

Происшедшее с ним не ускользнуло от внимательных глаз Жреца Луны. Облаченная в белое фигура приблизилась к Конвею, облаком нависая над ним.

— Что-нибудь не так, Мэтт?

Конвей покачал головой, с удивлением обнаружив, что он с трудом владеет своим телом, даже глаза не слушаются. Мысль о том, что он упился почти до бесчувствия, слегка протрезвила его.

Он проклинал себя, продолжая по-прежнему улыбаться. У наблюдавшего за ним Лиса глаза блестели, как у его лесного тезки. Огромный тяжелый Каталлон сидел, задумавшись. Слева по подбородку у него текла алая, похожая на кровь струйка вина.

Раздался голос Лиса:

— Он слишком много пьет. Это не тот человек, который может повести за собой моих воинов.

— Воинов Летучей Орды, — сказал Каталлон. Несмотря на опьянение, Конвей перехватил ядовитый взгляд правителя, направленный на Лиса. Сам Лис ничего не заметил.

— Он поведет их, потому что я так решил, — вмешался Жрец Луны.

Конвей изо всех сил старался держаться прямо. Положив обе руки на стол, он наклонился вперед, окунувшись в атмосферу враждебности и презрения.

— Держу пари. Я с собаками и Вихрем... даже без м-молнии убью любых трех воинов, которых вы выберете. — Разбухший язык заплетался во рту. Конвей улыбался. Похоже, то, что он говорит, слишком умно для них. Мерзость так и лезет из Лиса и Каталлона, словно колючки из кактуса. Они заманивают его в ловушку. Зачем? Джонс... тьфу ты, черт, Жрец Луны нервничал, как кот, которому обстригли когти. Конвей пробормотал: — Не сейчас. Я пьян. Завтра днем. Утром будет болеть голова. — Неожиданно он испугался. В пьяном угаре он наговорил явно лишнего. Лишь в одном Конвей был уверен: ему надо как-то выпутываться из этой ситуации. Покачиваясь, он поднялся на ноги и заявил: — Слишком много выпивки. Глупо. Я ухожу.

Каталлон вспыхнул:

— Да вечер только начинается! Ты нас хочешь обидеть.

Конвей беспомощно махнул рукой, пытаясь оправдаться:

— Уйду — обижу. Останусь, наговорю черт знает чего — еще больше обижу.

Вмешался Лис:

— Отраз говорит, что ты убил Нара и Лолала.

Еще раз испуг на мгновение прочистил Конвею мозги. Враждебность Каталлона и Лиса стала наконец понятной. Никто прежде не вспоминал об Отразе. Теперь Конвей знал почему.

Знал он, и почему так Каталлон с Лисом рады, что он напился.

Жрец Луны покровительственно улыбался.

— Я собираюсь испытать Конвея. Всем нам нужна абсолютная преданность, но никто не знает, что у человека на душе. Итак слово нашего нового друга против слова Отраза.

Каталлон кивнул:

— Отраз — хороший парень.

Стараясь держаться прямо, Конвей сказал:

— Нет. Хорошим парнем был Лолал. Отраз заколол его. И Нара тоже. Я готов пройти любое испытание Жреца Луны. С радостью.

— Это будет справедливо, Каталлон, — заметил Лис. В ответ он получил еще один яростный взгляд, который на этот раз от него не ускользнул. Лис невозмутимо посмотрел в глаза Каталлону. И хотя он вскоре отвернулся, Конвей даже в своем затуманенном состоянии понимал, что Лис не испугался. Пока он считал противостояние преждевременным, иначе ни за что бы не уступил.

Сознание Конвея медленно вернулось к его собственным проблемам. Если этим испытанием будет заправлять Жрец Луны, все должно обойтись.

Щелкнув пальцами, Каталлон приказал двоим рабам проводить пошатывавшегося Конвея в его шатер.

Оказавшись у себя, Конвей поставил «вайп» за кровать и жестом отпустил рабов. Тяжело усевшись в своё кресло, он посмотрел на себя в зеркало и пробормотал:

— Идиот.

— По крайней мере, ты в состоянии признать этот факт. — Конвей сразу узнал этот бесстрастный, проникающий в мозг голос.

Он повернулся и стал осматривать комнату. На этот раз Алтанар и не думал прятаться, улыбаясь Конвею.

— Думаю, для тебя все не так плохо кончилось. Успел уйти, ни с кем серьезно не разругавшись.

— Напился. Совсем потерял осторожность. Ну и ладно. Ее мне все равно не вернуть. — Конвей опустил голову. Жгучие слезы утраты набежали на глаза.

— Ее? — В голосе Алтанара был нескрываемый интерес.

Глубокая печаль на лице Конвея сменилась раздражением:

— Не твое дело! Убирайся.

— Очень хорошо. Я просто хотел помочь.

— Прости меня. Прости. — Конвей прижал ладони к вискам. — Что тебе надо, мой друг?

Алтанар заколебался:

— Ничего. Пока. А может, и никогда ничего не понадобится.

Когда Конвей обернулся снова, Алтанар исчез, словно его и не было.

Рухнув на кровать, Конвей сделал вид, что засыпает. Издав несколько притворных храпов, он повернулся на бок и прислушался. С невероятным усилием Конвей заставил себя сесть, затем спустился на пол. С трудом удерживая равновесие, он вышел в коридор. Дальше он двигался от одного опорного столба к другому, буквально падая на них. При каждом его ударе о столб прикрепленная к нему сальная свеча вздрагивала, заполняя коридор таинственными, причудливо плясавшими тенями. С глубоким вздохом облегчения он выбрался из шатра.

Карда и Микка неистовствовали на своих цепях, словно надеясь, что умноженные радостью силы позволят им разорвать их. Неуклюже сев на землю, Конвей стал раскручивать болты на ошейниках. Казалось, что он никогда не закончит это занятие. Терявшие терпение собаки зажимали его между своими телами. Справившись наконец с болтами, Конвей повел собак за собой в шатер.

На пороге его комната собаки зарычали, предупреждая, что рядом кто-то есть. Конвей тихо спросил:

— Алтанар?

Ответил незнакомый голос:

— Нет, не Алтанар. — Раздался скрежет металла о металл. Конвей тут же спустил собак. Испуганный голос прокричал: — Скажи, чтобы они не кусали меня! Пожалуйста!

— Стань так, чтобы я мог тебя видеть. Кто ты? — Конвей держался за столб, стараясь перебороть действие алкоголя.

Вперед вышел раб — это видно было по сшитому из цельного куска ткани рубищу и цепи вокруг шеи. В руках у него был поднос с двумя металлическими предметами. Когда раб шел, они скользили по подносу, издавая звуки, которые Конвей принял за скрежет меча о ножны. Лицо незнакомца было обезображено страшным шрамом — от правого глаза по диагонали через все лицо. Рана задевала и смещенный набок нос. Натянутая шрамом кожа над верхней губой искривляла рот звериным оскалом.

— Тебе понадобится это утром, — объяснил раб. — Здесь в котелке чай. А под этой железной крышкой железная тарелка. Там хлеб с медом. Ты хочешь, чтобы я оставил это в комнате? — Конвей кивнул. Раб юркнул внутрь. Конвей последовал за ним, добрался до кровати и устало сел на нее. С порога раб сказал: — Меня зовут Человек-Огонь, я из племени Людей Черного Медведя. Это к северу от страны Пожирателей Бизонов. Воины Летучей Орды напали на лагерь Поедателей Бизонов как раз тогда, когда я был там. Не повезло. — Он подошел ближе, с опаской поглядывая на собак. Когда Конвей поднял голову, раб пристально посмотрел ему в глаза. — Ты меня не помнишь?

— Нет. Я не знаю, где страна Черного Медведя. Никогда не был. — Безобразный шрам был всего в нескольких дюймах от его глаз. Конвею не удавалось сосредоточиться, и ему казалось, что шрам двигался.

Человек-Огонь отошел к двери.

— Я помогал тебе выйти из трапезной. Тебе стоит меня запомнить. Человек-Огонь. Я принадлежу Каталлону. Если ты попросишь, он отдаст меня тебе. Я могу быть полезным.

— Все хотят помочь бедному Мэтту, — пробормотал Конвей, уже упав на кровать.

Человек-Огонь шагнул вперед, повернул голову и приложил ладонь к уху:

— Я тебя не слышу.

Но Конвей уже спал. Сопровождаемый бдительными взглядами собак раб вышел из комнаты. Он улыбался.

Глава 83

Утро было кошмарным. Голова у Конвея гудела, готовая взорваться. Стены плыли перед глазами. Желудок проделывал невероятные кульбиты — то подпрыгивал до самого горла, то плюхался вниз в полупереваренную жижу на уровне пупка. Язык на вкус напоминал изрядно подгнившую кочерыжку кукурузного початка.

Оставленная Человеком-Огнем вода притягивала, как магнит. Конвей налил полную кружку. Глядя на кристально-чистую струю спасительной жидкости, он невольно зачмокал губами. Сжав кружку обеими ладонями, Конвей поднес ее ко рту. Жадно выпив воду, он еще раз наполнил кружку и осушил ее снова.

Карда толкал его под локоть, как таран. Конвей обнял его за лохматую шею, а другой, потянувшись, потрепал за ушами Микку. Собака довольно зарычала. Поднявшись, Конвей заметил, с каким вниманием она следит за кружкой. Конвей вздрогнул:

— Да вы же хотите пить. Сейчас я принесу воды.

Надев штаны, которые он вечером не забыл-таки снять, Конвей вышел в коридор. Навстречу ему как раз шел Человек-Огонь. Он улыбнулся Конвею, но ничего не сказал.

— Где здесь можно найти какую-нибудь миску побольше? — спросил Конвей. — И воды для моих собак?

— Я обо всем позабочусь. Еще что-нибудь нужно?

Конвей покачал головой. Вернувшись в комнату, он подошел к комоду и поднял

металлическую крышку, которой был накрыт поднос. Ноздри защекотал терпкий запах хлеба, заставивший желудок панически сжаться. Конвей отвернулся и сглотнул слюну. Голод вернул его взгляд к подносу. На этот раз его чуть не доконал запах меда. Непонятно, что за цветочки посещали пчелы, но запах выворачивал наизнанку.

— Я голоден, — произнес Конвей, не заботясь о том, что в комнате никого больше не было и что ведет он себя, как капризничающий Додой.

Первый кусочек хлеба с медом был проглочен с большим трудом, но назад он не вернулся. Следующий пошел полегче. Конвей бросил немного хлеба собакам. К моменту возвращения Человека-Огня с едой было покончено.

Конвей приветствовал раба довольно жалкой улыбкой:

— Похоже, я буду жить.

Лицо Человека-Огня сохраняло невозмутимое выражение. Стараясь не смотреть Конвею в глаза, он заговорил:

— Ты помнишь, что происходило прошлой ночью? В лагере только и говорят об испытании. — Он поставил воду на пол. Собаки с жадностью посмотрели на миску, затем на Конвея. По его сигналу они начали шумно лакать.

— Вроде что-то там было об испытании, — сказал Конвей. — Кажется, в связи с Отразом.

— И с тобой тоже. Многие говорят, что ты убил Лолала и Нара.

— Я же сказал им, что это сделал Отраз. А что собой представляет это испытание?

— Люди считают, что лучше бы ты сразился с Отразом. Каталлон и Лис говорят, что тебя будет испытывать Жрец Луны.

— У Жреца Луны нет любимчиков, — попытался возразить Конвей.

Раб даже не пытался скрыть свое удивление.

— Мне бы пришлось сразиться с десятью такими, как Отраз, прежде чем меня бы испытывал Жрец Луны. Многие подозревают Отраза. Говорят, Жрец Луны будет на твоей стороне, потому что вы оба управляете молниями.

Собаки одновременно поднялись, настороженно глядя на дверь. Мгновение спустя из коридора послышался голос:

— Конвей. Мэтт Конвей, ты здесь?

Голос Лиса нельзя было спутать ни с чьим. Приказав собакам отойти в дальний угол, Конвей приветствовал вождя Людей Гор. Заметив Человека-Огня, Лис застыл на месте. Обернувшись, Конвей увидел, что раб стоит на коленях с опущенной словно в молитве головой. Лис взглянул снизу вверх на Конвея. Разница в их росте была незначительной — дюйма три, не больше, — но она явно раздражала Лиса, который проворчал:

— Давай выйдем отсюда. В этих шатрах полно ушей. И дерьма тоже. — Он посмотрел вниз на неподвижного Человека-Огня.

Указав на деревянный комод, Конвей сказал:

— Я еще не умывался.

— Это необязательно. Жрец Луны приказал построить купальни. Среди них есть одна особенная. Ты тоже будешь ею пользоваться. Я покажу тебе ее. Вообще-то я пойду туда вместе с тобой. Я еще сегодня не мылся. — Он помолчал, затем гордо добавил: — Я моюсь, потому что Жрец Луны считает это полезным. Теперь все Люди Гор стирают свою одежду. Моют руки, лица.купаются почти каждый день. Теперь они не так часто болеют.

Конвей вспомнил жалобы Сайлы на то, что привить чистоплотность Дьяволам сложнее, чем выдавить из камня воду.

Конвей повернулся, чтобы взять свой «вайп». Когда он снова посмотрел в сторону двери, Лис уже стоял над Человеком-Огнем. Взгляд раба был прикован к мокасинам Лиса. Лис спросил:

— Ты слышал, о чем здесь говорили?

— Нет.

— Запомни: ни имя Мэтта Конвея, ни мое имя не должны слетать с твоего паршивого

языка. Если ты хоть раз заговоришь о нас, я вскрыю твой мерзкий шрам и сдеру с твоей морды кожу. Все понял?

— Да.

Наклонившись пониже, Лис презрительно прошипел слуге прямо в ухо:

— Убирайся, раб. Или тебя прищипорить мечом? — Человек-Огонь поспешил вперед на четвереньках и, лишь выбравшись за дверь, выпрямился. Его босые ноги застучали по покрытому ковром полу коридора.

— В этом не было необходимости. — Конвей поставил «вайп» на предохранитель.

Лис вышел из комнаты. Не останавливаясь, он бросил через плечо:

— Жрец Луны говорил мне, как ты и твои приятели носитесь с рабами. Ты мало с ними сталкивался, иначе бы понял, что это за твари. Рабов надо держать в страхе, а то они сядут тебе на голову.

В голосе Конвея было больше сожаления, чем злости:

— Коссиары тоже так считали. А те, кому удалось уцелеть, наверное, и сейчас так думают.

Сопровождаемые трусившими позади собаками, мужчины добрались до главного лагеря. Ослепительное утреннее солнце осыпало косыми лучами шатры, серебра подымавшиеся дымки костров, расцветивая висевшие на шатрах знамена и щиты. Кудахтали бесчисленные куры, ржали и храпели лошади. Ближе к краю лагеря в воздухе висел сплошной перезвон колокольчиков — на пастбища гнали стада коз, овец, лошадей, коров и длинношеих пугливых лам. Туда и обратно шумно сновали маленькие ребяташки. Ремесленники открывали мастерские: кожевники, плотники, медники, два цирюльника, гончар и кузнец. Целый ряд шатров принадлежал обширному семейству мастеров, бывших войлок, вивших веревки, ткавших плотные ткани и строивших шатры. Лис мрачно рассказывал, что эти люди взяли под свой контроль изготовление шатров во всей Летучей Орде.

Затем Лис не без гордости указал на лавки, где были выставлены на продажу различные соленья и сушеные продукты. Он уверял Конвея, что с приходом лета полки будут ломиться от свежих овощей и фруктов.

Остановившись у северной границы лагеря Каталлона, Лис указал на шатер серого с сизоватым отливом цвета. Шатер стоял на берегу ручья в тени могучих сосен.

— Шатер-купальня. Здесь разрешено мыться почти всем мужчинам, которых ты видел на празднике у Каталлона. Для остальных построены другие шатры. Все лагеря устроены примерно одинаково.

— Насколько я понимаю, здесь все так же, как у Людей Собаки.

С застывшим взглядом Лис процедил сквозь зубы:

— Ты был на службе у этого Гэна Мондэрка. Я поклялся убить его и всю его семью. Если ты по-прежнему заодно с ним, то ты — мой враг.

Хотя Лис явно не шутил, но вся ситуация была настолько нелепой, что Конвей расхохотался. К его удивлению, засмеялся и Лис. Конвей спросил:

— Так, значит, ты меня сюда привел, чтобы вызвать на поединок?

Лис продолжал смеяться. Наконец, покачивая головой, он сказал:

— Да нет, у нас есть другие дела. Хочу, чтобы ты присоединился к моим воинам.

— Тебе нужно оружие-молния.

— Думаю, мы сможем понять друг друга. Я — правая рука Жреца Луны. Я охраняю его. От всех вокруг. Надеюсь, ты мне поможешь.

Не дожидаясь ответа, Лис направился к шатру. Конвей едва поспевал за ним. И не потому, что Лис пытался произвести на него впечатление — просто он шел своим привычным быстрым шагом. При этом Конвей отметил, что ноги воина Горных Людей, словно сами по себе, обходили на земле все то, что могло издавать шум, попадая под подошвы. Когда-то Конвей наблюдал за охотившимся леопардом. Хищная кошка передвигалась таким же образом — лапы опускались на землю так безупречно, словно у

каждой были свои глаза.

Проходя среди сосен, росших вокруг шатра-купальни, Конвей неожиданно ощутил слабость в коленях, ноги отказывались подчиняться. Испугавшись, он остановился, стараясь удержать равновесие. Во время бегства от Коссиаров эти приступы слабости беспокоили его не раз. Сейчас ему не удастся ни скрыть недуг, ни оправдаться. Его могут убить за то, что он принес в Летучую Орду опасную болезнь.

Обеспокоенный этими тревожными мыслями, Конвей почувствовал, как на него накатывает неудержимая щемящая тоска. Ему слышались голоса друзей детства, умерших много столетий назад. Их смех и крики отзывались в его памяти. Старые, старые песни, о которых он ни разу не вспоминал после пробуждения в яслях, зазвучали в его ушах. С необыкновенной ясностью перед его глазами возник магазин. Мороженое. Сахарная вата. Место, где он встречался с приятелями. Мальчики в курточках с буквами. Девочки, гордо демонстрировавшие яркие наряды. Смех. Иногда вынужденный, иногда притворный, но чаще всего — искренняя неудержимая звенящая беззаботность.

Ванильное мороженое.

Откуда до него доносится запах ванили?

Конвей украдкой вытер ладонью пощипывавшие глаза.

Ладонь пахла ванилью.

Рядом посмеивался Лис:

— Опять вино в голову ударило, а? Вот почему я стараюсь пить наше славное пиво. От него не так хмелеешь.

Не обращая на него внимания, Конвей поднес ладонь к носу. Затем, наклонившись к дереву, понюхал его кору. От нее шел тонкий, едва уловимый запах ванили. Но в то же время достаточно сильный, чтобы вызвать такой неудержимый приступ ностальгии.

Затем он повернулся к Лису:

— Да, это вино. Что-то с желудком.

— Сейчас будешь, как новый, — обнадежил его Лис.

Вскоре сбросивший одежду Конвей уже стоял под струей воды. В комнате не было привычных кабинок, но каждый из мывшихся мог потянуть за свою веревку, которая открывала заслонку в укрепленном в верхней части шатра баке с водой. Правда, вода лилась только холодная. Позже Лис провел Конвея в комнату с большим неглубоким бассейном, над которым клубился пар.

— Это для отмокания, — объяснил Лис, присоединяясь к погружившемуся в горячую воду Конвею. — Под душем моемся, здесь отмоемся. Первое дело для больных суставов и старых ран.

Взглянув на Лиса, Конвей понял, почему он с такой теплотой отзывается об этом месте. Оставленные врагами отметины покрывали все его тело — вверху они начинались на лбу, а самая нижняя пересекала левую ступню.

На накрывавшей шатер полупрозрачной серой ткани были вытканы бледные зеленые листья. Проходившие через нее солнечные лучи наполняли комнату мягким успокаивающим светом. Конвею припомнилась Ола, где в похожем полумраке он прожил долгую череду дней. Когда Конвей уже готов был раствориться в расслаблявшей горячей воде, Лис выбрался из бассейна со словами:

— А сейчас нас будут мстить, как тесто.

В третьей комнате шатра стояли прочные на вид кушетки высотой примерно до пояса. Закончив осматривать одну из них, Конвей обернулся и увидел у дальней двери двух молодых женщин. Они стояли молча, неподвижно, с абсолютно бесстрастными лицами. Конвей начал судорожно прикрывать наготу, не обращая внимания на хохот своего спутника. Давясь от смеха, Лис сказал:

— Да они слепые. Я так и знал, что ты ошалеешь.

— Слепые?

— Как кроты. Сюда допускают только слепых рабов.

Лис вытянулся на кушетке, щелкнул пальцами и произнес имя. Названная девушка быстрым шагом подошла к нему. В руках у нее была корзина, в которой Конвей заметил баночки. Он решил, что там кремы и целебные мази. Кроме того, в руках рабыни был кусок ткани. Она остановилась в нескольких футах от кушетки. Закрыв глаза, Конвей старался не думать, что вторая девушка уже стоит рядом с ним, готовясь приступить к своему делу.

Лис бубнил о необходимости использовать особо быструю легкую кавалерию для очистки западных склонов Гор Дьявола. Он говорил, сколько стрел должно быть у каждого всадника, сколько пищи, пресной воды, запасных лошадей. Конвей слушал, изредка давая односложные ответы. Утомившись собственной болтовней, Лис вскоре замолчал.

Вскоре Конвей услышал едва уловимый шепот девушки. Желая проверить, не ошибся ли он, Мэтт поднял голову. Рука девушки опустила ее на кушетку.

— Пожалуйста. — В ее голосе была мольба. — Я могу говорить с тобой?

Ладонь ее лежала у него на шее. Конвей кивнул. Девушка продолжала:

— Ты Мэтт Конвей? Белый Гром?

Он снова кивнул. В голосе рабыни звучали нотки доверия.

— Ты был с Цветком. Когда вы спасали детей. Племени Малых.

Измученный, Конвей повернулся к ней лицом. Жестом девушка велела ему молчать, прежде чем он успел задать вопрос. Конвей украдкой посмотрел на Лиса. Воин дремал. Он похлопал служанку по руке. Девушка продолжила:

— Я... была из Малых. Все знают, что ты сделал для нас.

— Вас взяли в плен кочевники?

— Да. — Она слегка приподняла голову, словно для того, чтобы ее незрячим глазам было удобнее вглядываться в прошлое. — На нашу деревню напали разбойники. Затем пришли кочевники, они убили разбойников. Мы вышли поблагодарить их и поняли, что сменяли волка на тигра. Вся моя деревня, мои люди, все погибли.

— Но ты ведь выжила. Сколько еще таких, как ты?

— Двенадцать. Женщины, дети. Все теперь рабы. Нас привезли сюда и сказали, что мы должны поклясться в верности Жрецу Луны.

— Видишь, ты все сделала правильно и осталась в живых. И помни, что надежда умирает последней.

Ее улыбка была как царапина на слоновой кости, как безобразная трещина, испортившая прекрасную вещь.

— Мне первой велели поклясться, потому что я была самая старшая. Ты прав, Мэтт Конвей, — я все сделала правильно. Я отказалась признавать Жреца Луны и его черную веру.

Конвей не мог смотреть на искаженное страданием лицо девушки. Он отвернулся, сгреб свою одежду и начал одеваться. Еще тише, чем прежде, почти касаясь его уха губами, рабыня прошептала:

— Ты можешь нам помочь, Мэтт Конвей? Нас семеро пленников, оставшихся в живых. Говорят, Каталлон боится Жреца Луны. Он ненавидит его воина, Лиса, того, с кем ты пришел. Ты помогал Жрице Роз Сайле и моим людям. Пожалуйста, если начнется борьба между Каталлоном и Жрецом Луны, помоги нам бежать отсюда.

Конвей ответил, продолжая натягивать брюки:

— Я не могу. Все должно измениться к лучшему. Посмотри, ты отказалась признать Танец-под-Луной, и они не убили тебя. Конечно, было бы хорошо, если б тебя освободили, не заставляя здесь работать. Но с другой стороны, не так уж сурово они здесь обошлись с тобой.

Девушка наклонилась, нащупывая свою корзину. Выпрямившись, она неуверенно вытянула вперед руку и коснулась груди Конвея. Она сказала:

— Я понимаю. У тебя свой путь. Я только надеялась... но это не важно. До того, как я отвергла культ Луны, у меня были карие глаза. И я не была слепой.

Девушка подошла к двери и скрылась за ней, а Конвей все еще не мог восстановить

перехватившее дыхание.

На своей кушетке зашевелился Лис. Конвей резко окликнул его и сказал, что хочет вернуться в свой шатер. Дружелюбно настроенный сонный Лис стал быстро одеваться. Выйдя из шатра, Конвей подумал, что неплохо бы еще стать под струю воды и попытаться напрочь смыть звучащие в ушах слова девушки.

Однако времени на это уже не было. У входа в шатер их встретил сердитый голос Каталлона. Глаза на гневном лице правителя глядели каким-то веселым блеском.

Жестом отпустив Лиса, Каталлон обратился к Конвею:

— Вот и славно, что ты смыл грязь и готов к встрече с чистой правдой. Испытание будет прямо сейчас. Для тебя и Отраза.

Глава 84

Внешние стены шатра Жреца Луны были изготовлены из двойного слоя войлока. Белый внешний слой отражал свет и жару. Клапаны на потолке позволяли быстро собрать импровизированные воздухозаборники, позволявшие улавливать малейший ветерок. Остальные служили для отвода тепла. Внизу войлок был скатан на высоту человеческой ступни; прохладный воздух поступал через эту щель и, нагревшись, поднимался вверх, создавая освежающий ветерок. Внутри было светло; казалось, что свет усиливается, отражаясь от множества серебряных лунных дисков, украшающих стены.

Конвей одиноко стоял в комнате, которая, по его прикидкам, была площадью добрых двадцать квадратных футов. Из-за войлочных стен доносился приглушенный гомон толпы.

Там собирались кланы и племена воинов Летучей Орды.

Испытание. Еще один способ доказать свои способности.

Но кому? Больше того, зачем?

Конвей знал, что убийство не имеет ничего общего с мужеством. Почему же тогда он так нервничает? Когда он спас Налатана, расстреляв при этом разбойников, словно бумажные мишени, то ликовал, обладая могуществом, почти равным божественному. Люди вдалеке спотыкались и падали, скорее простые призраки, чем создания из плоти и крови.

Теперь он стоял в текущем, переменчивом свете шатра и чувствовал дикий и пугающий пыл в крови. Он хотел увидеть Отраза. Хотел увидеть его лицо в момент, когда тот почувствует свою смерть. Он хотел почувствовать, как его собственная жизнь колеблется на чаше весов.

Жизнь не настолько пуста, чтобы потерять всякую ценность, говорил себе Конвей. Когда погибла Ти, его жизнь потеряла смысл, но эта же самая потеря обязывала его жить.

Ланта.

Он подумал о ней и тут же разозлился на себя за то, что забыл об ее ответственности за все это. Он решил для себя, что впредь будет внимательнее к таким вещам. Ему было стыдно за то, что он хоть ненадолго прекратил обвинять ее, даже если это произошло из-за стресса, связанного с судилищем.

Какой-то шум прервал размышления Конвея. Через поднятый рабом полог в шатер вошел Жрец Луны. На рабе была белая рубаша и свободные штаны, от правого плеча к левому бедру по рубаше диагонально сбегала черная полоса, на штанах она продолжалась от бедра к икре ноги. Когда раб повернулся и отпустил полог, Конвей заметил, что этот рисунок повторяется и на спине.

На Жреце Луны был все тот же белый с серебром халат и белый тюрбан. Он приветливо улыбался. Выражение его лица буквально кричало о какой-то тайне, на нем было написано то удовольствие, какое дает знание, недоступное другим.

Это неожиданное появление и странная улыбка вселили в сердце Конвея непонятный страх. Он с трудом поборол желание кашлянуть или хотя бы сглотнуть.

Медленно шагая на расстоянии примерно футов восьми, Жрец Луны описал вокруг него точный полукруг. Потом произнес:

— Мне было открыто нечто. Но не все. Моя Мать не позволит мне ошибиться, но она

хочет испытать меня, Мэтт. Это выматывает меня. Ты даже не можешь себе представить. Мать может быть любящей и щедрой, но она бывает также жестокой и требовательной. Чем больше ты узнаешь о ней, тем сильнее ты ее полюбишь. Вот увидишь. Однажды ты и все, кто истинно верен ей, встретятся с ней лицом к лицу. — Тут он остановился и, блаженно улыбаясь, посмотрел в небо. — Рай. Вечная жизнь.

Неожиданно исполнившись подозрений, Жрец Луны агрессивно наклонился вперед.

— А ты верен мне?

— Что? А, конечно.

Секундная пауза в ответе Конвея не прошла незамеченной. Глаза Жреца Луны сузились.

— Ты должен твердо в это верить, Мэтт. Я различаю в других сомнения, или мужество, или жажду — все вместе и каждое в отдельности — так же, как они ощущают их сами. И даже лучше. Тех, кто пытается обмануть меня, я уничтожаю. Прежде всего прочего я сострадателен. Однако моя миссия не допускает помех со стороны легкомысленных. Я — сталь. Те, кто не отдает мне всего себя, — обречены. Да будет так.

Конвей вздрогнул. Это была не битва, от которой может зависеть жизнь или смерть, это было какое-то безумие. Ни логики, ни смысла. Каждый спасался как мог.

— Я искал тебя, Жрец Луны. Я пришел, чтобы остаться с тобой.

Жрец Луны покачал головой. Его губы искривились в жалостной и одновременно разочарованной улыбке. Он снова покачал головой.

— Ты пришел, чтобы использовать меня, Мэтт. Но теперь ты увидел. Не до конца, но, надеюсь, достаточно. Твоя голова полна вопросов. Мне больно слышать, как ты думаешь, действительно больно. — Он остановился перед Конвеем, медленно протянул расслабленную руку. Конвею казалось, что она подкрадывается к нему. Ладонь мягко дотронулась до его рукава. — Вопросы — это хорошо. Это признак здорового ума. Он мне необходим даже сильнее, чем твое оружие. В мире, который я видел, оружие будет ни к чему. Мир. Гармония. Покорность. — Рука резко отдернулась, испугав Конвея. — Мы должны быть решительны. Прощение — для тех, кто его заслуживает.

Неутихающие звуки за стенами напомнили Конвею, что там его ожидает суд. Он махнул рукой в ту сторону:

— Я сказал правду об Отразе. Он убивал других людей. Если придется, я убью его. Надеюсь, это не создаст никаких проблем.

— Я верю тебе, — произнес Жрец Луны. — Подожди здесь Лиса и Каталлона. Помни, самое главное — чтобы моя Мать убедилась в том, что ты достоин ее. Отраз хорошо мне служил. Я не могу допустить, чтобы из-за пустяковой ошибки он лишился своего места подле меня, и тем не менее, он должен быть наказан, если он солгал мне.

Жрец Луны остановился у двери, повернувшись, чтобы договорить.

— Теперь ты чувствуешь мои трудности? Я был так счастлив раскрыть свою божественность. Глупость смертного. Как я завидую тебе. Божественность изматывает человека. Я, раньше боявшийся смерти, теперь вечно вынужден нести свое бремя. Ты можешь оценить иронию? Кроме тебя, здесь никто не может себе этого представить. Уже ради одного этого я готов объединиться с тобой.

Полог над входом тихо опустился за спиной Жреца Луны. Его последние слова остались висеть в светящемся воздухе комнаты.

Конвей слышал пронзительные звуки рогов, доносившиеся снаружи. Беспрерывные радостные крики возвестили о появлении Жреца Луны. Когда шум утих, послышалось пение. На удивление красивые голоса возносили хвалебный гимн. Но даже его слова не смогли успокоить Конвея.

Каталлон отбросил полог в сторону.

— Идем, — произнес он и снова вышел. Конвей торопливо последовал за ним.

Собаки, ожидавшие хозяина у входа, поднялись и пошли рядом с ним. Лис замыкал шествие.

Толпа расступилась перед Каталлоном. На мгновение Конвей удивило то уважение, которое оказывали этому человеку, но тут он понял, что раньше Каталлон единолично правил Летучей Ордой. А ведь Конвей уж было решил, что это Жрец Луны контролирует кочевников. Теперь он понял, что был не прав. Как говорила девушка из бани, Каталлон — это вождь, первый среди людей. Жрец Луны же, в качестве бога, повелевал лишь жизнью после смерти.

Затем Конвей увидел, как Каталлон посмотрел на Жреца Луны и отвернулся. На мгновение лицо Каталлона отразило едва уловимое выражение боли и ненависти.

У Мэтта перехватило дыхание от этого открытия.

Но у Конвей не было времени все обдумать. Они двигались к месту, расположенному как раз напротив Жреца Луны. Тот произнес:

— Оставь своих собак и оружие там.

Конвей хотел повиноваться, но остановился. Железные столбы, толстые, словно берцовые кости, были вколоты в землю перед самой толпой. Они были соединены цепью.

— Я их не буду привязывать, они останутся там, где я им прикажу, — ответил Конвей.

— Нет, они бросятся, если решат, что ты в опасности. Я уже давно знаю твоих животных. Привяжи их, — сказал Лис.

Конвей начал было возражать, но Каталлон оборвал его:

— Оглянись, все луки натянуты. Или ты привяжешь собак, или испытание закончится. И твоя жизнь тоже.

Жрец Луны был бесстрастен, непроницаем.

Чувствуя, что его предадут, Конвей медленно повел собак к стойкам, положил на землю оружие и обвязал цепь вокруг покорно подставленных шей. Псы, выслушав приказ, улеглись и непонимающе уставились на своего хозяина. Когда он отошел, собаки заскулили.

— Проиграй, ты, кусок дерьма! Я сделаю из твоих собак седла для моих сыновей! — выкрикнул голос из толпы у него за спиной.

Конвей вздрогнул, но не повернулся. Краем глаза он увидел, что справа от него из толпы выступил Отраз. Послышались приветственные крики. Конвей почувствовал себя уверенней, когда увидел, что поддержка толпы не стерла печати страха с лица Отраза. Они одновременно подошли к своим местам напротив Жреца Луны. Лис и Каталлон куда-то исчезли.

Словно вопль животного, прозвучал медный рожок. Толпа затихла.

Над толпой прогремел зычный голос Жреца Луны:

— Отраз обвиняется в измене Летучей Орде и убийстве двоих из нас. Его обвинитель — человек, которого я давно знаю, человек, который прошел через множество опасностей, чтобы соединиться с нами. Если бы это было обычное преступление, его бы рассудил Каталлон, но Отраз не обычный человек. Он служил мне и моей Матери так же, как и Каталлону. Я не видел Конвея вот уже много дней, возможно, это уже не тот человек, которого я помню. Перемены могут принести радость или печаль, так что Каталлон согласился с этим испытанием. Если умрет Отраз, мы будем знать, что он виновен. Однако он будет прощен мной и благословлен и будет оставаться с моей Матерью до того дня, когда мы все к нему присоединимся. Если же умрет Конвей, мы будем знать, что виновен он. Мы будем знать, что он лжец и убийца. Моя Мать отвергнет его на этом свете и в Дальней Земле.

Последние слова прогремели над толпой. Люди съежились от страха, но тут же воспряли духом, предвкушая состязание.

Карда злобно залаял. Цепь звякнула о сталь.

Жрец Луны простер руки вверх и взглянул на небо. Затем он медленно опустил их и сложил на груди. Отраз, стоя рядом с Конвеем, что-то пробормотал. Сам Конвей с трудом, но все же мог разглядеть выражение его лица, не отворачиваясь от Жреца Луны. Воин был бледен от испуга. Страх искривил его губы в оскале. Конвей едва успел снова сосредоточиться на Жреце Луны, чтобы заметить, как он погрузил руки под свою мантию.

Наружу они появились с двумя гремучими змеями.

Конвей перестал дышать.

Бормотание Отраза стало громче и быстрее. Конвей услышал «пожалуйста» и «сожалею». После этого он уже не видел ничего, кроме сворачивающихся в кольца змей.

В толпе начали петь. Величественная песня рассказывала о правде, о чести, о повиновении. Сквозь нее прорывался бешеный лай собак Конвея.

Мускулистые тела змей обвивали руки Жреца Луны. В воздухе то и дело мелькали раздвоенные языки. Вот он протянул змей к Конвею и Отразу, сделал шаг вперед. Змеи подались вперед. Ладони Жреца Луны были всего в каком-то футе от стоявших перед ним мужчин.

Конвей смотрел. Он не мог подавить дрожь, но не двигался. Змея прямо перед ним с зловещим треском приподнялась, ее голова находилась на уровне его глаз. Грубые чешуйки, казалось, были крупнее черепицы, глаза не уступали по размеру тарелкам. В сравнении с сухим земляным цветом чешуи язык казался даже ярче, чем был на самом деле, создавалось впечатление, что он светился. Когда смертоносная голова раскачивалась из стороны в сторону, коричневые, желтоватые и черные пятна сливались вместе.

Заговорил Отраз:

— Жрец Луны. — Слово прозвучало так, будто говорил заика. — Твои слуги пощадили меня. Этот человек лжет. Отошли меня назад к моему народу. Пожалуйста.

Обе змеи ужалили одновременно. Конвей даже не был уверен, видел ли он что-нибудь, но тут Отраз закричал и отшатнулся назад.

Теперь змеи были напротив Конвея. Двигаясь абсолютно синхронно, они уставили свои холодные, словно бриллианты, глаза в лицо Конвея и ждали. Ждали.

Руки Жреца Луны устали. Они начали дрожать. Треугольные ядовитые головы дернулись вперед. Шум их трещоток стал громче.

Неожиданно змея прямо перед Конвеем плавно изогнулась и, проскользив по своему собственному телу, мгновенно исчезла в глубинах мантии Жреца Луны. Вторая, секунду поколебавшись, последовала ее примеру.

Конвей заставил себя посмотреть. Он отвел взгляд от немигающих глаз Жреца Луны и увидел, как Отраз вцепился пальцами в две небольшие дырочки прямо под челюстью. Еще один след виднелся на его левом виске. Шатаясь, он отступал к толпе и, не дойдя до первых рядов всего пару шагов, упал на колени. Умоляюще протянул руку. Однако люди лишь отшатнулись от него.

Тогда умирающий повернулся к Жрецу Луны. Его раны уже потемнели и распухли. Конвей представил, как яд, скрывающийся за этой почерневшей кожей, попадает в кровь, как превращает ее в вязкую свернувшуюся массу.

Отвернувшись, он почувствовал на себе взгляд Жреца Луны. Тот улыбался. И за его улыбкой скрывалось все то же выражение тайного знания. Он произнес:

— Ты был честно испытан перед лицом моей Матери, и она объявила тебя невиновным. — Он жестом призвал гудящую толпу к тишине. Собаки продолжали яростно рычать и лаять, но Конвею удалось их утихомирить. Было слышно только прерывистое дыхание Отраза. Однако Жрец Луны не обращал на него никакого внимания. Хорошо поставленным голосом он говорил: — Теперь Отраз стал одним из моих братьев в Луне. Моя Мать проникла сквозь тенета его лжи, и он был наказан, однако она дарует ему вечную жизнь. Он ждет всех нас в раю. Слава Отразу.

Сотни людей подхватили его слова. Отраз задергался в агонии, его придушенные вопли были практически неразличимы на фоне общего славословия.

— Можешь идти за собаками, — сказал Жрец Луны.

Конвей побежал к столбам. Не обращая внимания на раны там, где цепи врезались в плоть, псы, словно сойдя с ума от радости, подпрыгивали и лизали его в лицо. Осмотрев шеи, Конвей удостоверился, что нет ничего серьезного. Однако это не принесло ему облегчения. Подняв оружие, он приказал собакам стоять по местам.

Тяжелая ладонь сжала его локоть. Резко развернувшись, Конвей освободился от

захвата. Только теперь он узнал Каталлона. Тот произнес:

— Успокойся. Опасность миновала. Нам нужно поговорить.

Каталлон отошел подальше от толпы. Жреца Луны нигде не было видно. Конвей следовал за ним. Наконец он спросил:

— Что мы можем сказать друг другу?

Вождь кочевников погладил подбородок, изучая Конвея.

Потом махнул рукой в ту сторону, где все еще слабо извивался Отраз.

— Мы в Летучей Орде считаем, что некоторые люди окружены проклятьем, словно крошечные осы, живущие в темных норах. Взрослая оса втаскивает туда живого паука и откладывает в него яйцо. Я сам это видел. Из яйца вылупляется личинка, понимаешь? Паук жив, но он не может двигаться. Личинка пожирает его. Живьем. Мы считаем, что некоторые люди похожи на таких ос. Они пожирают жизни других людей. Даже не зная об этом. Похоже, смерть стоит у тебя за спиной, Мэтт Конвей. Сначала два моих воина. Потом Отраз. И девушка.

— Девушка?

— Из бани. Девушка из Малых, которая делала тебе массаж. Дети нашли ее в реке. Она утопилась.

Книга третья Путь открытий

Глава 85

Натянув поводья, Сайла окинула взглядом раскинувшиеся перед ней просторы. От их потрясающей красоты захватывало дух, разрывалось сердце. После почти месяца тайного и пугающего путешествия через разоренные земли Коса эта красота манила к себе. В чистом и ясном воздухе зазубренные скалы и утесы Суши тянулись на запад, сколько хватал глаз.

Где-то в глубине этих мерцающих далей конец ее путешествия.

Их необъятность потрясала. Сморщенные, изломанные земли, нарисованные, казалось, в неисчерпаемой палитре серых цветов и чуть-чуть омытые голубым и пурпурным. Они поднимались дикими препятствиями на пути ее мечты. Этот свирепый пейзаж был врагом не хуже любого человека. И что страшнее всего, он был прекрасен. Она содрогалась при мысли о том, что должна будет пересечь эти иссушенные долины, взобраться на эти обожженные шпильки гор, и все же восхищалась их жестокой красотой.

К тому времени, как Тейт, Додой и Ланта с юным Джессаком догнали ее, Сайла уже успокоилась. Ланта вела за собой последнюю из украденных ими коз, которая давала молоко для Джессака. Это было мускулистое, длинноногое животное, покрытое черной, с белыми пятнами, шерстью. Она показала себя на редкость выносливой путешественницей. Двух других пришлось выпустить во время поспешных отступлений при встречах с крупными отрядами разбойников.

Джессак ехал в корзине. Сейчас она была привязана к седлу коня Ланты. Женщины передавали его друг другу. Каждый раз, держа его на руках, Сайла думала о силе, с какой цепляется за жизнь это крошечное беспомощное существо. Сейчас оба кулачка уже сжимались нормально, обе руки выглядели здоровыми. Несмотря на избыточный вес при рождении, теперь ребенок был чуть крупнее среднего, еще одно доказательство того, что его первоначальные размеры были скорее случайностью, чем передались по наследству. Он был хорошим мальчиком. Очень тихим.

Налатан, обычно охранявший тылы, был избавлен от необходимости нести ребенка. Во время бегства от банд Коссиаров, больше походивших на волчьи стаи, и толп освобожденных рабов они оставались в живых лишь благодаря его способностям. Но когда речь заходила о Джессаке, Налатана все немилосердно дразнили. Он все это воспринимал

спокойно. Обращаясь с ребенком, он чувствовал себя так неудобно, как может себя чувствовать только мужчина. И был явно благодарен, когда его освобождали от ухода за младенцем. Тем не менее он сознавал, что в этих шутках есть доля истины, и это не давало ему покоя.

Догоняя остальных, он внимательно глядел на северо-восток. Отрывисто взмахнул рукой.

— Коссиар, которого я допрашивал пару дней назад, говорил, что лагерь кочевников находится северо-восточнее Переменчивого Озера. Это недалеко. Путь кочевников от Дома Церкви к Косу проходит через эти земли.

— В какой стороне Дом Церкви? — спросила Тейт. Ее собак не было видно. У лошади остался уродливый шрам на груди, а еще пара шрамов поменьше украшала круп.

Налатан указал. Угадав следующий ее вопрос, он пристально посмотрел на ребенка.

— Нам придется ехать быстро. Время и расстояние не так важны, как вода или лошади.

— А как же кочевники? — вмешалась Ланта. — Они захотят остановить нас.

Улыбка Налатана стала извиняющейся.

— Пусть все идет своим чередом.

— А о том, что Жнея или Капитан могли послать по нашим следам погоню, ты тоже собираешься забыть? — поинтересовалась Сайла.

— Не вижу никакого смысла думать об этом. Наше спасение в скорости. Нам надо спешить.

— Они будут нас искать. — Додой был еще мрачнее, чем обычно. Он осел в седле. — Все они. Они сделают нас рабами.

Тейт придержала свою лошадь и, оказавшись рядом с мальчиком, произнесла:

— Никто нас не поймает, никто не причинит нам вреда.

Додой выпятил нижнюю губу.

— Сайла говорила, что хочет найти Врата. Еще до того, как мы встретили этого, — он указал на Налатана так, как будто в чем-то обвинял его, — я сказал ей, что там есть река. В Суши нет рек. Мы зря сюда приехали. Нам надо возвращаться к Гэну Мондэрку. С ним мы в безопасности.

Это замечание терзало душу Сайлы сильнее, чем она даже осмеливалась признать. Она может проложить себе путь к цели не хуже любого мужчины. Но, в отличие от мужчины, она не могла воспользоваться для этого мечом или луком. Ей придется быть умнее. И целеустремленнее.

То, что не в силах изменить, прими.

Врата — ее судьба. Ей суждено искать и найти их.

Налатан произнес:

— Думаю, как только мы найдем подходящее место для лагеря, вам надо там устроиться на отдых. Я поеду вперед и разведую дорогу. Если получится, раздобуду пару выючных лошадей.

— Это не опасно? — спросила Тейт. — Что, если кочевники уже добрались сюда?

Когда Сайла увидела, как откликнулся на жалкое подобие заботы этот сильный, гордый воин, ей стало больно за Налатана. Делая вид, что лишь слегка заинтересован, он ответил:

— Я буду осторожен. Я уйду дня на четыре, самое большее шесть. В Суши людей найти очень трудно. А дальше к югу их вообще лучше не находить.

— Они все враждебно настроены? — спросила Сайла.

— Всегда. К счастью, они еще и всегда бедны. — Налатан потряс мешком с коссиарскими монетами. — Вот это наши лошади и вода. Без денег и других вещей, которые их интересуют, нам придется красть воду или драться за нее.

— Звучит заманчиво, — проговорила Тейт. — Этот Дом Церкви — чудесное место.

— Так и есть. — Налатан был совершенно серьезен.

— Пора поискать место для стоянки, — сказала Сайла. — Пару дней отдыха нам не помешают. — Договорив, она прищипорила Рыжика. Ее внимание привлекло какое-то

движение вниз на склоне. Это бежал Танно.

Вдалеке зарычал леопард, долгий и громкий звук напоминал шум огромной тупой пилы. Испуганная, Сайла начала лихорадочно всматриваться в горы. Обычно леопарды двигаются бесшумно, а всего необычного следует бояться.

Всегда наблюдательный Налатан заметил ее озабоченность.

— Это брачный зов, — сказал он. — Сейчас мы беспокоим его меньше всего.

Она выдавила улыбку. Мысль о большом диком коте, ищущем себе пару, напомнила о ночи, проведенной на крыше с Капитаном.

Безумие.

Сколько бы она ни говорила себе, что никогда не предавала своего мужа, каждый раз ей приходилось вспоминать, что судьба, а не она сама все решила. Когда все кончилось, она оттолкнула Капитана. Если бы он захотел пойти дальше, она не смогла бы противостоять.

Это ли не предательство.

Путешественники забрались на одинокий уступ, хорошо укрытый и неподалеку от чистого источника. Целый ковер следов говорил об обилии дичи — оленей, коз, даже быков, а также леопардов и одного крупного медведя. Собаки ходили вокруг воды, рыча.

— Пусть собаки ночью остаются с вами, — предупредил Тейт Налатан. — Нет никакого смысла, чтобы леопарды или этот медведь учуяли их. Думаю, вам следует спать там, у камней. Мы нарубим бревен для навеса и загона для козы. Не давайте огню погаснуть. Все будет в порядке.

— Обещаешь? — Шутка Тейт была несколько неуверенной.

Налатан ухмыльнулся:

— Когда ночные охотники узнают, что здесь обосновалась Черная Молния, они сбегут в долины.

Она улыбнулась в ответ:

— Если уж придется побегать, то убери, пожалуйста, этих неуклюжих животных подальше с моего пути и тогда увидишь, что значит скорость.

Ночь прошла тихо. Навес, накрытый, казалось, вечным куском оланской ткани, был неплохим жильем. Налатан спал снаружи. Рядом с ним свернулись собаки.

Следующим утром, произнеся приветственные молитвы солнцу, Налатан уехал.

Большую часть утра Тейт провела, слоняясь около источника. Она так беспокоилась о Налатане, что это раздражало ее. Сначала она пыталась доказать самой себе, что он был их единственной защитой и именно поэтому ей не хватает его присутствия. Но это была явная ложь, и Тейт заменила ее историей о том, что нельзя не беспокоиться о таком замечательном друге. Когда наконец она все-таки осознала, почему волнуется за него, вернулась такая знакомая и запретная теплота. Тейт неуклюже вскочила и поторопилась к остальным женщинам, чтобы в их компании обрести покой.

Когда стемнело, ей стало еще хуже. Бодрствуя, она по крайней мере могла справиться с запретными видениями, вспыхивавшими в мозгу. Но стоило сомкнуть глаза, и сны начинали свое бесконечное шествие, от которого невозможно было убежать. Каждый раз она просыпалась с испуганным криком, заставлявшим остальных вскакивать с постелей. Тейт, напуганная и сбита с толку реальностью своих снов, лишь бормотала бессвязные объяснения и просила всех извинить ее.

Джессак, казалось, чувствовал растущее напряжение. Он капризничал намного сильнее обычного, так что, когда Тейт давала остальным женщинам передышку, он занимал ее место.

Утром, когда друзья вернулись после молитв и умывания измученные и невыспавшиеся, Тейт выглядела даже хуже их.

Сайла и Ланта занялись снаряжением своих аптек. Додой, увидев, как Тейт осматривает истрепавшиеся поводья своей лошади, показал ей, что испорченные места можно вырезать, а оставшееся сшить поновой. Потом отправился поупражняться со своим топором на цепочке. Он атаковал бревна так, будто сражался насмерть. Закончив, он аккуратно стер с лезвия смолу, смазал его и заточил.

Додой был настолько увлечен своим оружием, что это тоже беспокоило Тейт. В своей слепой надежде на то, что он приведет ее в место, где люди имеют общие с ней корни, она, вероятно, выдумала никогда не существовавшее общество. Она рисовала в своем воображении счастливых миролюбивых людей.

Они проезжали мимо разрушенных деревень, сожженных ферм. Выжившие. Больные, израненные люди, эти обломки восстания, видели в Сайле и Ланте единственное спасение. Они тянули к ним свои покалеченные конечности, обнажали раны, показывали своих больных детей. Целительницы делали, что могли. Она сама и Налатан постоянно были настороже.

Некоторые из выживших нападали. Культ Луны. Тейт довольно рано заметила, что, чем ближе они держатся к покинутым домам, тем меньше вероятность засады. Через пару дней они поняли почему. Они наткнулись на группу из семнадцати бывших рабов, сгрудившихся в выжженном остове когда-то роскошной усадьбы. Все они умерли или умирали от болезни. Тейт поняла, что зараза неотступно следует за войной; там, где людей было больше, она находила для себя благодатную почву.

Еще Тейт начало серьезно интересоваться, почему Сайла и Ланта используют медицинские термины, которые должны были исчезнуть много веков назад. При этом все их понятие о микробах заключалось в единственном слове «невидимые». Их познания в медицине были скорее недоразвитыми, чем просто неполными, создавалось впечатление, что их способности ограничивались теми инструментами, которые можно было найти в окружающем мире. Даже в тех областях, где они знали меньше всего, Жрицы не пытались призывать своих многочисленных божеств или творить заклинания. Тейт не могла понять, как могли их знания сохраниться в среде Церкви, в то время как для других даже простейшая арифметика и чтение считались опаснейшим злом.

Все было настолько запутано. Этот мир, казалось, весь состоял из жестокости и борьбы. Идеальной земли ее мечты не существовало, Тейт знала это. Но, несмотря ни на что, она должна была попытаться.

Когда в ее мозгу всплывало слово «наваждение», Тейт яростно отвергала его. Она знала, что друзей беспокоит ее состояние. Она страстно желала поговорить о своей проблеме с другими женщинами, но разве они смогут это понять? Когда им нужен был мужчина, их не волновали культурные или расовые предрассудки. Что она могла объяснить двум женщинам из этого мира о необходимости поддерживать связь со своим этносом?

На бездымном костре, сложенном из тщательнейшим образом отобранных сухих веток, Сайла испекла кукурузные лепешки и подрумянила последний кусочек вяленого мяса. Когда обед закончился, она предложила осмотреть окрестности, и в частности поискать оленьи рога.

— Оленьи рога? Ты что, собираешься нарезать пуговиц или еще чего? — спросила Тейт.

Сайла покачала головой:

— Мы растолчем их в порошок и растворим. Я приготовлю пробуждающее снадобье.

Тейт решила подождать и посмотреть, что все это значит.

Ланта с Додоем и Джессаком остались в лагере. Тейт даже обрадовалась возможности прогуляться вместе с Сайлой и собаками. Они обнаружили несколько пар рогов. Большая часть была изгрызена мышами.

Вернувшись. Сайла заставила всех растирать роговые стружки в мелкий порошок. Постепенно белая горка в металлическом горшке увеличивалась. Когда они натолкли достаточно порошка, Сайла добавила воды и разогрела смесь почти до кипения, потом отставила горшок в сторону.

— Зачем мы это делаем? — спросила Тейт. — Я знаю, что эти рога грызли мыши. Мы ведь не собираемся пить эту гадость?

Ланта и Сайла рассмеялись. Последняя сказала:

— Сушь будет нелегким препятствием. Пара капель этой жидкости, добавленные в

питьевую воду, укрепляют силы.

Тейт сомневалась:

— Укрепляет силы? Суп из рогов? — Она нагнулась, чтобы понюхать варево. И тут же выпрямилась, шокированная. — Что за черт? Это же нашатырь.

Сайла склонила голову набок.

— Странное слово. Как это? Ны-ша-тыр? Ты его так назвала?

Тейт потрясенно покачала головой.

— Да. Мы его так называем. И называли. Нашатырь. Ты его добыла из оленьих рогов. Что же я увижу следующим?

— Следующим? Из рогов я могу сделать только пробуждающее снадобье. А ты думала о чем-то другом?

Тейт вскинула руки и отвернулась от огня.

— Самое малое — плутоний. — Она снова повернулась. — Ничего. Так, глупая мысль. — Разговаривая сама с собой, она отошла в сторону.

Сайла с Лантой переглянулись, лица их выражали смирение. Потом они продолжили свои хлопоты по лагерю.

Теперь была очередь Тейт кормить ребенка. Держа его на руках, она еще раз полюбовалась приспособлением для кормления, изготовленным Сайлой. Небольшая керамическая бутылочка каждый раз тщательно очищалась и кипятилась перед кормлением. На ее конце сыромятным ремешком крепилась коническая кожаная соска. В ней были проделаны небольшие дырочки, каждая размером с кончик иголки дикобраза. Сайла настаивала, чтобы кожу тоже тщательно очищали. Джессаку трудно было сосать такой чужеродный предмет, но он все же делал это. Казалось, он понимал, что лишен настоящей груди, и накидывался на пищу с потрясающей решительностью, если не сказать с явным возмущением. Его кормление превращалось в целое событие. Несмотря на все опасности и тяготы походной жизни, Джессака уже начали портить чрезмерной заботой.

Для Тейт время кормления было самым мирным и спокойным. Все мысли о Налатане и его притягательности были забыты. Собаки лежали в ногах, а сама она сидела, прислонившись спиной к стене их общего жилища. Ошу зашевелилась, устраиваясь поудобнее и крепче прижимаясь к своей хозяйке.

Но даже собаки не чувствовали приближения огромного зверя, который прямо над ними крался от укрытия к укрытию с такой ловкостью, какой никак нельзя было ожидать от этой громадной туши. Он поднял свою полосатую морду, принялся к запаху отряда, сгрудившегося в своем лагере, и растянул пасть в молчаливой гримасе. Он нервно взмахнул хвостом.

Тигр был разъярен. Сначала этот нахальный леопард со своей подружкой забрались в его охотничьи угодья. Увидев тигра, они бежали со всех ног. А теперь еще новое беспокойство. Лошади. Собаки. Даже коза. Тигр тихо зарычал; коза — это хорошо. Легко убить.

И людей тоже.

Глава 86

Танно и Ошу быстро обнаружили, что неподалеку находится тигр. Обходя с Тейт окрестности, они очень неохотно удалялись от нее. Додой, размахивая своим топором словно какой-то чудовищной игрушкой, презрительно ухмылялся и называл их жирными и ленивыми. Тейт терпела его болтовню, пока наконец не взорвалась:

— Замолчи! Собаки уже две луны предупреждают нас, а ведь все это время кто-нибудь постоянно пытается нас убить. Хватит критиковать. Это раздражает.

Мальчик замкнулся в себе.

Вскоре животные остановились. Лес был нем. Птицы молчали. Ветерок не шевелил листву.

Тейт с Додоем подошли к источнику, собаки уже ждали их там. В этом месте вода просачивалась на поверхность. Ее не хватало до настоящего родника, но было вполне достаточно, чтобы превратить в грязь пару ярдов окрестной почвы и показать следы. Следы были огромными. Кожа Тейт покрылась мурашками. Она проследила за их направлением.

Тигр остановился на границе раскисшей почвы. Ярдах в двадцати ниже по склону холма лежал валун. Тейт ясно увидела, как огромная кошка попробовала опору под ногами, потом одним прыжком взобралась на горячий от солнца камень. Все это выглядело так, будто зверь специально прогулялся по грязи, чтобы все могли хорошенько рассмотреть его следы. А затем, чтобы продемонстрировать свою силу, взлетел на верхушку валуна.

Отпечатки все еще заполнялись водой. Тейт поспешила к камню. В тех местах, где лапы касались его поверхности, влага еще не просохла.

В том мире, который она оставила, не было диких тигров, а люди снимали фильмы про старые времена, когда они еще свободно разгуливали по земле. О тех временах даже писали книги. В них подчеркивалось, что тигры редко охотятся на людей, если только не настолько стары или больны, чтобы нуждаться в легкой добыче. Присмотревшись к следам повнимательнее, Тейт обнаружила, что одна из задних лап деформирована.

Вернувшись в лагерь, Тейт рассказала остальным о том, что видела, и добавила:

— Надо быть осторожнее, хотя я сомневаюсь, что этот тигр по-настоящему опасен.

Сайла сказала:

— Никто не должен ходить один или без оружия. И собак больше не надо оставлять сторожить по ночам. Пусть лучше они будут поближе, тогда смогут нас предупредить. Они защитят нас, а мы защитим их. Не думаю, что тебе захочется выпускать их против тигра, Доннаси.

Согласно кивнув, Тейт положила руку на загривок Ошу.

Этой ночью Тейт открыла последнюю бутылку вина и была весьма расстроена, обнаружив, что оно превратилось в уксус. Как ни странно, Сайла даже обрадовалась. Тейт от этого стала еще кислее, чем жидкость в бутылке:

— Что тут такого удивительного? Это было не очень хорошее вино, но оно хорошо утоляло жажду. — Она повернулась, чтобы выплеснуть остатки из своей кружки. Сайла схватила ее за руку. — Это нам понадобится.

— Чепуха. — Тейт скорчила рожу.

Сайла проговорила заговорщическим тоном:

— Подожди до утра. Узнаешь.

Верная своему слову, Сайла позвала Тейт, как только закончила доить козу.

— Иди глянь, — сказала она.

Тейт скептически наблюдала, как Сайла поставила котелок с молоком на огонь, оставив порцию для Джессака. Хорошенько помешав его и несколько раз попробовав пальцем, Сайла произнесла:

— Ты же знаешь, сколько молока пропадает только потому, что Джессак не хочет его пить.

— А как этому поможет нагревание?

Лукаво улыбаясь, Сайла развела ладони чуть шире плеч.

— Мне понадобится кусок ткани примерно такого размера. Та твоя хлопковая блузка чистая?

Тейт фыркнула:

— Я бы не стала брать с собой грязное, а пока мы тут убегали ото всех по очереди, я белое не надевала. — Отойдя в сторону, она бросила через плечо: — Что ты собираешься с ней делать?

— И еще веревка, — добавила Сайла. — Сыромятная тоже подойдет.

— Тебе нравится эта маленькая загадка, не так ли? — сказала Тейт, передавая Сайле заказанные вещи.

Рассмеявшись, та еще раз попробовала, достаточно ли нагрелось молоко. Потом, сняв

котелок с огня, откупорила бутылку с уксусом. Аккуратно вливая его тонкой струйкой в горячее молоко, она произнесла:

— Смотри.

— Оно должно свернуться. Даже я это знаю.

— Точно. А это означает сыр. Молоко больше не будет пропадать. По крайней мере, пока мы не истратим весь уксус.

Творог отделился на удивление быстро. Сайла накрыла блузкой Тейт еще один горшок и влила в него смесь, терзаемая при этом отчаянными жалобами хозяйки. Сайла заверила ее, что все следы отстираются.

Додою поручили повесить мешочек на дерево, чтобы вода могла стекать обратно в котелок.

— Ты разве не будешь выдерживать эту штуку? — поинтересовалась Тейт.

— Через час все уже будет готово. Сегодня вечером мы попробуем его.

— Так просто? Надо же.

— О, да. Тебе понравится. Мы можем нарезать его и зажарить, можем добавить в суп. Тебе это пойдет на пользу. И кроме того, я смогу растянуть запасы мяса. Теперь не придется ставить столько силков.

— Тигр. — Тейт задумчиво кивнула. — Я совсем про него забыла. Что-то мне и правда захотелось сыру.

Сайла рассмеялась.

— Вкусы — очень странная вещь, правда?

День мирно тянулся до самого вечера. Все поели перед наступлением сумерек, не желая рисковать и разводить костер в темноте. Они как раз убирались, когда коза почуяла тигра и истерично заблеяла. Женщины хором прошептали имя хищника, инстинктивно определив источник опасности. Собаки сгруппировались вокруг Тейт, шерсть на загривках стояла дыбом. Они угрожающе рычали в сторону окутанного тенью леса.

Тейт, с «вайпом» в руках, двинулась вперед.

— Я пойду за козой. Джессаку необходимо молоко. Если она будет тут вместе с нами, тигр не нападет на нее.

— Он может быть прямо там, стоять и ждать, — нервно произнесла Сайла. Она как-то неуверенно взмахнула подрагивающей рукой. — Этого не может быть. Мы так далеко зашли, избежали стольких опасностей. Теперь еще и это. Что нам делать?

На долгое мгновение все словно лишились дара речи. Такой перелом в настроении решительной Сайлы был совершенно непонятен. Они просто смотрели. Тейт почувствовала, как и в ее сердце поднимается ядовитая волна отчаяния. Заставив себя выглядеть уверенной, она сделала вид, что Сайла просто спросила совета.

— Будем делать то, что должны сделать. Ты сама это сказала.

Мы так далеко зашли. Ни одна кошка в мире не заставит нас отказаться от достигнутого.

Сайла, казалось, ничего не слышала. Ее широко раскрытые, как у испуганного дикого зверя, глаза всматривались в сгущающуюся тьму.

Коза совершенно сошла с ума от страха, она грызла привязь и надсадно блеяла от ужаса. Тейт бегом двинулась вокруг скалы, собаки неслись впереди. Увидев что-то припавшее к земле и рычащее, она мгновенно остановилась. Приказ собакам отойти назад был подобен мольбе.

Тигр стегал себя по бокам хвостом. Шея была вытянута, голова находилась у самой земли. Согнутые лапы были плотно прижаты к туловищу. Они начали медленно, почти нежно, выпрямляться.

На мгновение Тейт была зачарована, она представила себе, как огромная кошка наслаждается силой своих мускулов и сухожилий. Она заглянула в глаза тигра и увидела лишь дикую и чистую целеустремленность. И на ничтожную долю секунды позавидовала зверю.

Собаки отступали. С каждым шагом они все больше открывали тигру свою хозяйку. В лае послышалось раздирающее душу отчаяние.

Тигр чуть сдвинулся вперед. Он все еще нацеливался на Тейт, но тут Ошу не выдержала напряжения. Ее рык превратился в завывающий вопль.

Тигр встретил ее атаку, привстав на задних лапах и расставив передние в стороны, будто пытаясь сохранить равновесие. Ошу напала снизу, метя в бок противника. Тигр извернулся. Челюсти Ошу сомкнулись на мягкой плоти чуть пониже ребер. Тигр взревел от боли и ярости.

Огромная правая лапа с острыми когтями ударила Ошу прямо за ухом. Левая разорвала ей грудь. Молниеносно наклонившись вперед, тигр одним резким движением перекусил собаке хребет.

Продолжив уже начатое движение, тигр прыгнул к визжащей Тейт.

Танно метнулся к нему, пока тот еще был в воздухе.

Когда Ошу напала на тигра, Тейт не стала стрелять, чтобы не попасть в собаку, теперь ей помешал Танно.

Столкновение с Танно сбilo тигра с намеченного курса. Тейт не почувствовала выстрела, она даже не знала, попала она или нет. Зубы Танно приросли к горлу хищника. Тейт видела сузившиеся, застывшие глаза тигра и его влажную красную пасть. Сознание выхватывало самые невероятные подробности. Один клык подгнил и сломался. Вокруг него шла желтоватая кайма. Жесткие усы торчали во все стороны.

Удар лапы сбil Тейт с ног. «Вайп», крутясь, отлетел в сторону. Вскарабкавшись на четвереньки, Тейт увидела, как катится Танно; катится, завывая от боли. Тигр повернулся к своей жертве. Прекрасный, словно переливающаяся жидкость, он текучим движением изготовился к новому прыжку. Тейт подняла вверх руки, такие жалкие и бесполезные. Закричала.

Что-то промелькнуло мимо и остановилось перед ней. Черное. Неразличимое.

Тигр, взревев, отскочил. Снова двинулся вперед.

Сайла. Фигура в черном. Сайла, упирающая древко жалкого Налатанова копья в землю, направляющая самодельный наконечник на рычащий клубок ярости.

Тигр рухнул на нее. Оба свалились на Тейт.

Все вокруг взорвалось ураганом тел, воплей и криков.

Тейт открыла глаза. В ее спину уперся камень. Она протянула руку, чтобы подняться. Ладонь скользнула по чему-то мокрому. По телу разливалась боль.

Следы когтей покрывали всю левую руку от локтя до плеча. Блузка куда-то пропала. Спереди осталась глубокая кровоточащая царапина, едва не задевшая грудь. Правой рукой она нащупала рану на голове.

Перед глазами возникло лицо Ланты.

— С тобой все будет в порядке. Все хорошо. — Совершенно измученная, Тейт сдалась.

Проснувшись, она увидела Танно, лежащего на поверженном тигре. Из шеи зверюги торчал наконечник копья. Кровожадные глаза, блестящие, словно драгоценные камни, теперь стали похожи на простое стекло. Из-за отвисшей челюсти виднелись поломанные коричневые зубы. Где-то в стороне Ланта говорила с бледной окровавленной Сайлой. Тейт позвала их, скривившись от боли. Женщины поднялись — Сайла слегка пошатывалась — и подошли к ней.

Ланта заговорила:

— Тебе, наверно, ужасно больно. Извини. Кровеносные сосуды не повреждены. Все остальное зашито. Ты выздоровеешь. Отдыхай. — Она подняла к лицу черный рукав, покрытый пятнами крови.

— Спасибо, — ответила Тейт и посмотрела на Сайлу. — Копье. Ты спасла мне жизнь.

Правую сторону лица Сайлы закрывал багровый синяк. Правое плечо было забинтовано.

— Он уже умирал, когда прыгнул, — сказала она. — Молния попала в цель.

— Ты ведь этого не знала. Ты добила его. Спасла меня. — Тейт остановилась. Ее глаза широко раскрылись. — Ошу? Где она?

Сайла с Лантой переглянулись. Сайла произнесла:

— Прости.

Тейт заставила себя подняться. Перекатилась на четвереньки. Она кричала одно бесконечное слово «нет». Медленно продвигаясь вперед, она оттолкнула с дороги Сайлу и Ланту. К ней подошел Танно и озабоченно заскулил.

— Танно, найди Ошу, — прошептала Тейт. — Помоги ей. Пожалуйста, пожалуйста; кто-нибудь, помогите ей.

Она рухнула на землю ничком.

Сайла уже была рядом. Она подняла Тейт и начала баюкать ее. Она смотрела в застывшее печальное лицо Тейт, когда та вдруг снова открыла глаза. Она выпатила подбородок.

— Я тебе говорила.

Сайла все мгновенно поняла. Улыбнулась.

— И я никогда не забуду. Будь уверена. «Будем делать то, что должны сделать». Ты тоже спасла меня. Ты и старая добрая Ошу. Спасибо. Дорогая подруга.

Вместе разделив сердечную боль, разделив триумф, они помогали друг другу плакать, пока Тейт вновь не заснула крепким сном.

Глава 87

Убедившись, что приближающийся по крутому склону всадник, ведущий за собой трех вьючных лошадей, не кто иной, как Налатан, Додой поспешил к лагерю.

— Налатан идет! — прокричал он Ланте. Крошечная жрица удивленно оторвалась от своего занятия, она зашивала дырку на сутане. Додой призадумался над увиденным: он видел, как она зашивала ту же дыру раньше. Тогда в ее глазах стояли слезы.

— Скоро он будет здесь? — спросила Ланта.

— Сейчас он под большим деревом с обломанной верхушкой.

— Практически уже здесь, — сказала Сайла, выбираясь из своего нового убежища. В этом защищенном от ветра месте они с Тейт подставляли свои недавно зашитые раны солнцу и воздуху. За Сайлой последовала Тейт, натирая мазью распухшую руку. Совершенно не подходивший к этому месту морской запах лекарств щекотал ноздри Додоя. Сайла поставила на жаровню котелок с водой.

— Он наверняка захочет чаю.

Додой наблюдал за приближением Налатана из-за камней. Танно упруго поднялся на ноги и занял позицию между приближающейся лошадью и Тейт. Когда Налатан остановился, собака опустила голову к самой земле, вытянув шею насколько могла. В ее горле клокотало тихое глухое рычание.

Пристально глядя на забинтованных женщин, Налатан медленно спешил. Сначала он подошел к Танно, давая ему возможность заново привыкнуть к себе. Сайла улыбнулась, глядя, как глаза собаки неотрывно следят за мужчиной, глаза которого также неотрывно следят за Тейт. Налатан машинально погладил Танно по голове и шагнул дальше. И тут случилось такое, во что Сайла поверила с большим трудом. Впервые за время, прошедшее с нападения тигра, Танно отошел от Тейт и улегся на бок. Тяжело вздохнув, он закрыл глаза. Сайла готова была поклясться, что пес уснул в ту же секунду.

Все еще бледный и безмолвный, Налатан прикоснулся к забинтованной руке Тейт. Он дотронулся до густых блестящих волос, окружавших зияющую белизну бинта рядом с ее ухом. Бросив быстрый взгляд на Сайлу, он посмотрел Тейт прямо в глаза и спросил:

— Как?

Все три женщины заговорили одновременно. Налатан терпеливо дождался, пока они начнут рассказывать все по порядку, кивая и прихлебывая травяной чай. Когда Тейт

вызывающе произнесла, что Ошу «сожгли в огне, как подобает воину», Сайла и Ланта тревожно посмотрели на него, но Налатан лишь улыбнулся. Все расслабились. Наконец Тейт спросила:

— Разве ты ничего не собираешься сказать?

Некоторое время казалось, что так и есть. Наконец Налатан отставил в сторону кружку с чаем. Он обратился к Сайле.

— Я поклялся защищать тебя на пути к Вратам. Теперь ты спасла жизнь той, о ком я забочусь. И очень сильно. Ты рискнула ради нее своей жизнью. Я навеки твой должник.

Сайла залилась краской.

— Я ведь говорила: тигр уже умирал.

— Видел бы ты их, Налатан, — сказала Ланта. — Они были прекрасны, обе.

— И собаки, — добавила Тейт. Ее глаза заблестели от сдерживаемых слез. — Такие храбрые.

Сайла кашлянула. Ее вопрос был не ко времени:

— Что ты обнаружил?

Налатан ответил, уже подходя к лошадям.

— Я наткнулся на лагерь. Мужчина с семьей. Он хотел продать мне верблюдов, но я взял только лошадей. Никто не должен прикасаться к верблюдам. Уродливые. Подлые.

Вернувшись, он поднял покрывало с короба, навьюченного на лошадь.

— Колыбель для мальчика, — гордо произнес Налатан. Женщины сгрудились около нее. — Ее продала мне женщина из лагеря. Ее ребенок уже вырос. Боковые и нижние подушки снимаются и расстегиваются. Вы можете заново набивать их каждый раз, когда захотите, чтобы они приятно пахли. Те женщины использовали свежие листья мяты. Это лучше, чем корзинка. И вот еще посмотрите. — Из другого короба он достал квадратную коробку. Когда он снял с коробки крышку, разочарованию Тейт не было предела. — Солома? Коробка соломы?

Налатан с лукавым видом вытащил из коробки солому и отложил ее в сторону. Под ней скрывалась керамическая крышка. И если солома вызвала простое удивление, то благоухание, исходившее от лежавшего под ней глиняного горшка, повергло всех в совершенное изумление. Налатан стоял, словно удачливый фокусник. — Тушеное мясо. Куропатка, кролик, овощи, травы.

Я видел, как женщина готовила. Она все варила в горшке, потом надела толстые рукавицы и достала его из костра, поставила в ящик с соломой, а потом засыпала сверху еще соломы. Если накрыть сверху крышкой, то горячее весь день. Это она приготовила вчера. Сегодня утром оно еще теплое. Мы можем делать то же самое, и не придется жечь костры по ночам.

Последняя фраза заставила Сайлу повернуться к нему.

— Разве нам так важно оставаться незамеченными?

Налатан невесело кивнул.

— Та семья говорила, что они видели дозоры кочевников. Новый Сиа называет себя Жрецом Луны, как будто это он придумал всю религию. Он говорит, что собирается уничтожить Дом Церкви.

Сайла и Ланта осенили себя Тройным Знаком. Сайла произнесла:

— Это означает войну, какой еще никогда не было.

Тейт едва удержалась, чтобы не поправить ее. Вместо этого она спросила Налатана:

— Те люди, с которыми ты говорил, они слышали что-нибудь о Косе? Что-нибудь о Конвее и Ти?

— Ничего.

Последовало гнетущее молчание, потом Сайла сказала:

— Жнея слыхала об этих угрозах Жреца Луны. Будьте уверены. Она направилась в Дом Церкви.

И тут Ланта произнесла то, что они больше всего боялись услышать.

— Капитан пошлет на помощь все свободные силы. Он не позволит Танцующим-под-Луной захватить такую крепость, как Дом Церкви.

Сайла молча кивнула.

Их разговор прервал капризный вопль Джессака. Все старательно избегали смотреть друг на друга. Налатан сказал:

— Не уверен, что с ребенком мы сможем двигаться достаточно быстро. Это все коза. Ей надо пастись.

— Знаю, знаю. — Сайла вяло махнула рукой, потом приложила ладонь ко лбу. — Я не могу его бросить.

Налатан деликатно кашлянул.

— Семья, где я купил лошадей, может его взять. Если мы заплатим.

Сайла вопросительно поглядела на него.

— Ты им доверяешь?

Перед тем, как ответить, Налатан посмотрел на Тейт.

— Я только обдумываю варианты, Сайла. Что касается меня, то я бы им даже грязи не доверил. Но если Жнея сейчас на пути к Дому Церкви, то мы не можем гнаться за ней и в то же время заботиться о Джессаке.

— Игры только в городе, солдат, — сказала Тейт. Налатан озадаченно посмотрел на нее, впрочем, в последнее время это выражение было у него на лице почти постоянно. Она добавила: — Если это можно сделать, то ты это сделаешь. Дело в том, что мы не бросим нашу Сайлу. Или Джессака. Или любого другого. — Она повернулась к Сайле. — Если ты в состоянии ехать, то я тоже готова. Завтра?

— Я займусь делами по лагерю, — произнесла Ланта. — А вы вдвоем поправляйтесь.

Голос Сайлы дрожал, когда она заговорила:

— Какие глупцы мои друзья. Какие чудесные, драгоценные глупцы. Что я такого сделала, чтобы заслужить вашу дружбу?

Голос Тейт был не тверже, чем у Сайлы, но она все-таки смогла придать ему свое собственное неповторимое звучание.

— Правда в том, что ты не заслужила ее, но сейчас нам все равно больше нечего делать. Как только нам предложат что-нибудь получше, мы тебя бросим и забудем. Так ты лучше поймешь. — Она обняла Сайлу здоровой рукой с одной стороны, Ланта повторила ее жест с другой.

Налатан почесал в затылке, наблюдая, как они уходят к костру.

* * *

Больше всего они походили на компанию беженцев. Налатан настоял на том, чтобы выступить в путь еще до рассвета, так что к Суши они начали спускаться спотыкаясь и сонно бормоча. Все время, пока они паковались и навьючивали лошадей, Джессак проспал. Едва успев покормить его, женщины уже ехали верхом. В тусклом свете звезд тропа казалась почти неразличимой полоской земли, лишь чуть светлее окружающего фона. Тем не менее Налатан ни разу не сбился с пути.

Первые лучи солнца осветили уже совершенно другой ландшафт. Деревья стали ниже и выглядели какими-то усохшими. Листья кустарника, даже стебельки травы — все встречало день с мрачной решимостью. Сайла подумала о больных, чьи тела теряли влагу быстрее, чем могли ее восстановить; они казались такими же усохшими. Потом она впервые в жизни увидела верблюдов. Они прекрасно сочетались с окружающей природой. Четыре верблюда наблюдали за людьми с такой же сосредоточенностью, с какой наблюдала за ними Сайла. Их челюсти синхронно двигались вверх вниз и из стороны в сторону. Потом, словно по волшебству, вдруг остался только один из них. Остальные слились с окружающими кустами. Когда Сайла увидела, насколько неуклюже двигается последний оставшийся верблюд, исчезновение предыдущих удивило ее еще больше. Совершенно невообразимый горб

колыхался, словно до отказа набитая подушка.

Поздним вечером они остановились на берегу холодного ручья. Спешившись, напившись и смыв с себя дорожную пыль, женщины и Додой радостными криками подтвердили свое восхищение. Налатан произнес:

— Пользуйтесь, пока есть возможность. Завтра к этому времени мы уже вступим в настоящую Сушь. Я знаю, где найти воду, но такого мы уже не увидим до самого Дома Церкви.

— Ты хочешь сказать, что там, в этих горах, нет ни ручьев, ни источников? — спросила Тейт.

— Есть, но очень мало. Вы должны понять одно, в Суши никто не пьет без разрешения.

— Чьего разрешения? — обеспокоенно спросила Ланта.

— Того, кому принадлежит вода в этом месте.

Тейт фыркнула.

— А откуда нам знать, кого спрашивать? Что, если мы напьемся без разрешения? Они заставят нас все выплюнуть?

— Это смертельное оскорбление. — Налатан был до мрачности серьезен. — Люди в Суши живут разрозненными племенами, состоящими из крупных семейных групп. Большинство из них прочные сторонники Церкви. — Он остановился, виновато взглянул на Сайлу и резко продолжил: — Семья, у которой я покупал лошадей и все остальное, поддерживает Жнею. Они сказали, что так делает большая часть их племени. Они считают, что она именно тот сильный лидер, какой сейчас необходим.

Ланта раздраженно произнесла:

— Она ведь противоречит самим основам Церкви. Мы должны рассказать им правду.

Налатан пальцем раскидал несколько камешков.

— Я сказал им, что мы едем из Коса перед Жнеей, чтобы все приготовить к ее прибытию.

Голос Сайлы перекрыл разъяренное шипение Ланты.

— Неужели действительно настолько плохо?

— Им приказано захватить Цветок и доставить к Жнее.

— Они поверили тебе?

Налатан ухмыльнулся.

— Они поверили в то, что у меня есть деньги, чтобы заплатить. А что еще надо? — Он красноречиво пожал плечами.

Сайла кивнула.

— Еще две ночи, и будет полнолуние. Мы сможем ехать.

Налатан горячо одобрил это предложение:

— К тому же ночью прохладнее.

— Прохлада. Это тоже важно. — Сайла поднялась. — Я собираюсь искупаться, пока еще можно. Ланта? Тейт? — Остальные женщины последовали за ней. Сайла потянулась за Джессаком и его бутылочкой и передала их Налатану. Очаровательно улыбаясь, она сказала: — Ты целый день не держал его на руках. Мы заберем его, когда вернемся. Благодарю.

Сайла никак не могла удержаться от мысли, что сейчас он двигает челюстью, как самый настоящий верблюд.

В мягком свете сумерек на берегах ручья качалась трава. Вдали на ночной охоте выли койоты. На фоне заходящего солнца мелькали ласточки и летучие мыши.

Когда они присели, пугающе холодная вода достала до пояса.

Тейт окунулась первой, она откинулась назад, опираясь на поврежденную руку. И осталась ею вполне довольна. Выгнувшись так, что затрещала спина, она медленно опустила локти, и над водой осталась только грудь, голова и колени. Вода вокруг завивалась крошечными водоворотами.

Сайла последовала примеру Тейт, она повернулась навстречу потоку, и бегущая вода развеивала за спиной волосы, словно плащ. Ланта забила по воде руками, делая вид, что

плывет. Волны, которые она подняла, захлестнули Тейт, и та изобразила, что тонет, потом плеснула в нее водой. Никого не выделяя, Сайла окатила обеих. Плескаясь и хохоча, словно дети, они отдались во власть момента, забыв об окружающем мире, каким бы он ни был.

Позже, сухие и одетые, они сустились в умирающем свете в поисках мягких мохнатых листьев растения, которое Ланта называла «малл». Она объяснила, что это прекрасные пеленки для Джессака. Закончив с поисками, они улеглись на берегу ручья и стали следить за первыми звездами.

Тейт села, повернувшись к остальным лицом.

— Могу я задать вам один вопрос? — спросила она. — Вы не подумаете, что я сумасшедшая?

Сайла засмеялась.

— Все зависит от вопроса. — Однако, когда Тейт не развеселилась, Сайла тоже посерьезнела. — Что тебя беспокоит?

— Мне снится сон. Часто. Один и тот же.

— Многие считают, что сны переносят нас в другие места и времена. И я тоже, — ответила Ланта, взглянув на Сайлу. — Церковь говорит, что мы не должны этого делать, но Церкви нужны все провидицы, а некоторым из нас снятся сны.

— Я согласна, — сказала Сайла. — Мы не должны бояться только потому, что не понимаем этого. Ты боишься?

Тейт кивнула, ее брови нахмурилось.

— Не знаю почему; он ведь не такой уж страшный. Стоит палящий знойный день, я стою в прохладной тени дерева, со мной лошадь. Она тощая, кожа да кости. И мне от этого грустно. На дереве вырастает лицо и говорит, что я должна скормить его листья лошади. Я собираю те, что кажутся мне самыми лучшими, но, когда предлагаю их лошади, она тычет меня мордой и все листья разлетаются в стороны. Потом я оглядываюсь по сторонам и вижу, как отовсюду сбегаются лошади и ловят их. Им нравятся листья. Потом дерево снова говорит со мной.

Она остановилась и подозрительно взглядела в своих слушательниц.

— Вам не смешно?

Ободрив ее, Ланта и Сайла попросили продолжать.

— Ну ладно, дерево говорит: «Ты должна срубить меня и сжечь. Только так я смогу помочь». Сначала мне кажется, что так и надо поступить. Потом я делаю шаг назад, всего один шаг, но оказываюсь далеко, очень далеко оттуда — и я вижу все дерево целиком, и вижу, насколько оно красиво. Я говорю: «Теперь лошадь будет есть. Я знаю это. Она мне верит. Мне не нужны дрова». Потом я вынуждена сказать что-то совершенно иное. Вынуждена. Я говорю: «Комфорт, который ты дашь, будет вечным, как тень деревьев остужает жар лета». И тут я просыпаюсь, мне так грустно, что хочется плакать, и я дрожу от страха.

Обхватив себя руками, Ланта начала раскачиваться из стороны в сторону.

— Это очень сильный сон.

— Никто из нас не умеет толковать сны, — произнесла Сайла. — Но в нем ты одинока. А здесь — нет. И никогда не будешь.

— Здесь скрыто намного больше, — тихо сказала Ланта. — Я это чувствую. Сон говорит об ошибках. Я чувствую горе. И меня он тоже пугает. — На остальных она не смотрела.

Глава 88

Нападение последовало на другой день, во время полуденной стоянки.

Как обычно, стреноженные вьючные лошади паслись неподалеку. Вокруг не было ни одного места, где можно было бы спрятаться. Тем не менее, когда Сайла подняла глаза от еды, то увидела, как три лошади цепочкой удаляются через кусты. Она тревожно закричала.

Вскочив на лошадей, Налатан и Тейт тут же бросились в погоню.

Тейт и Танно рванулись вперед, но Налатан перехватил их, отталкивая вбок. Боевой конь Тейт злобно куснул лошадь Налатана. Тейт была сбита с толку, но все же подчинилась Налатану и резко свернула в сторону, приказав Танно следовать за собой.

Смысл действий Налатана стал ясен через несколько секунд. Слева поднялись четверо мужчин, замаскированные ветвями, в руках у них были натянутые луки. Если бы Тейт продолжала преследование по прямой, то оказалась бы прямо перед этой четверкой. У них за спиной поднялись еще четверо. Налатан плечом вытолкнул Тейт из смертельного коридора.

Стрелы первой четверки просвистели мимо, не причинив никакого вреда. Тейт в возбуждении перевела «вайп» на автоматическую стрельбу. Мгновенная очередь из шести выстрелов сразила одного из нападавших. Пожалев о пустой трате патронов, Тейт снова поставила переключатель на одиночные выстрелы. К тому времени остальные уже исчезли, и лишь колышущиеся кусты выдавали их существование.

Налатан, обогнавший Тейт, уже почти пересек верхушку небольшого скального гребня, за которым скрылись вьючные лошади. Неожиданно он развернулся, так резко натянув поводья, что из-под копыт лошади в разные стороны полетели камни, и понесся обратно к лагерю. Не успел он проехать и двадцати ярдов, как из-за гребня показалась первая верблюжья голова. Животное, несущее на себе всадника, и еще двадцать других неслись с устрашающей скоростью. Вслед Налатану полетели стрелы.

Тейт тщательно прицелилась. Это был самый простой выстрел, прямо перед движущейся мишенью. Выстрел сорвал седока с высокого наседа на спине верблюда; он покатился по земле. Остальные развернулись и исчезли так же быстро, как и появились. Верблюд, лишенный всадника, замедлил свой бег. Он шагал с видом оскорбленного достоинства, потом поспешил за своими товарищами.

Озабоченный Налатан остановился рядом с Тейт. За отступившими вилась пыль.

— Итак, мы остались с одним бурдюком воды.

Хотя Танно не проявлял признаков настороженности, Тейт продолжала осматриваться.

— Мы очень далеко от воды?

— Мы можем добраться до следующего колодца, о котором я знаю. Все дело в том, что они тоже будут знать, куда мы направляемся.

— Есть какое-нибудь другое место? Может быть, в другом направлении? Мы можем так поступить, поехать в другую сторону.

— Я должен поспать.

Еще до того, как ошеломленная Тейт смогла открыть рот, Налатан уже был на пути обратно в лагерь. Тейт последовала за ним, лицо ее становилось все мрачнее с каждым шагом. Когда они добрались до лагеря, она больше напоминала дикий ураган. Однако пока он описывал произошедшее, Тейт хранила молчание. Налатан закончил свой рассказ словами:

— Отряд в двадцать или тридцать человек, это очень много и весьма необычно для народов Суши. Ты очень нужна Жнее, Сайла.

Та восприняла его оценку спокойно.

— Они нападут? Что ты предлагаешь делать? — Она совершенно не ожидала ядовитого сарказма, прозвучавшего в словах Тейт.

— Он сказал, что собирается увидеть во сне колодец.

Налатан покраснел, нервно вздрогнув. И вдруг рассмеялся.

— Они не будут нападать до тех пор, пока видят, что мы готовы к нападению. Они знают об оружии Тейт. И вообще они предпочитают неожиданное нападение, а не планомерную осаду. А что до колодца, да. Я собираюсь увидеть его во сне, раз уж Доннаси так говорит.

Он отошел в сторону и уселся в самой густой тени из тех, что были поблизости. Скрестив ноги и положив руки на колени, он с ухмылкой взглянул на Тейт.

— Ни один человек не может познать Сушь целиком. Но братства знают ее. Все тропы,

все источники воды. Познавший сидит перед учеником, как я сижу здесь. Они поют песнь знания. Познавший держит кусочек обсидиана на цепочке. Другой смотрит, как сверкающий камень раскачивается из стороны в сторону. Когда он заснет, будет пропета песнь знания. Вскоре оба засыпают, спев песнь. Хороший сон позволяет ученику увидеть все, что видел познавший. Трое спали со мной. Теперь я засну и узнаю, куда идти.

Голова Тейт звенела от слов вроде «гипноз» или «телепатия». В этом странном месте, где пытаются и убивают за то, что ты выучил простое сложение, воины-монахи свободно рассуждают о прямом обмене информацией из мозга в мозг. И что еще хуже, Сайла и Ланта улыбаются и кивают, словно речь идет о цене на бобы в следующем году. Тейт решила оставить все как есть. Она устроилась поудобнее и приготовилась наблюдать.

Когда Налатан закрыл глаза, Жрицы отодвинулись от него. Пальцы его согнулись, тело оставалось прямым, хотя Тейт заметила, как расслабились под кожей все мышцы. Неожиданный взрыв звука напугал ее, а глубина и звучание заставили волосы на руках и затылке встать дыбом. Глубокий, переливающийся обертонами, звук исходил из Налатана, как будто его тело было единым инструментом. Ритмически пульсирующее звучание становилось все медленнее. И еще медленнее.

Тейт вытерла со лба пот, заливавший и разъедавший глаза. На Налатане его не было. Кожа его была прохладной и приятной на ощупь.

Песнь замедлялась. Затихала.

Схватив Сайлу за руку, Тейт спросила:

— С ним все в порядке? Мы должны его разбудить. Мне страшно за него.

Сайла кивнула.

— Мне тоже, Доннаси. Мы тоже поем песнопения, используем транс. Но я еще никогда не видела настолько глубокого погружения. Но если мы его разбудим, то последствия могут быть еще опаснее. Доверься ему. Это все, что нам остается.

— Довериться ему? Сайла, я люблю его, — выпалила Тейт.

Сайла накрыла ее ладонь своей. Ланта горько и одновременно радостно улыбнулась. Сайла произнесла:

— Теперь, сказав об этом мне, подумай о той радости, которую получишь, сказав ему. Скажи ему. Будь честна с собой. Ради вас обоих.

— Я не могу. Я никогда этого не говорила, Сайла. Пожалуйста. Но не дай ему умереть.

— Ты делаешь ошибку, — сказала Ланта. Последовавшее покорное: «Поверь мне» — задело Тейт за живое не меньше, чем ее собственный отказ.

— Я не могу смотреть. — Тейт отвернулась. — Я пойду на тот пригорок, буду охранять. Позовите меня, когда с ним все будет нормально.

Скрываясь за кустами, Тейт поспешила к ближайшему холмику, Танно бежал рядом с ней. До того, как подняться на вершину, она осмотрелась, потом ползком пробралась к переднему склону и заняла там наблюдательную позицию. Отсюда она видела гораздо дальше. Единственные оказавшиеся поблизости живые существа кружили над головой. Стервятники: черные парящие вестники терпеливой ярости Суши. Птицы смерти, называл их Налатан.

Их было слишком много. Обычно бывало два, три. Сейчас Тейт насчитала пять. Откуда-то сзади появился шестой и присоединился к остальным.

Что-то умерло. Стервятники знали об этом. Налатан говорил, что, если даже они не видят добычу, они чувствуют ее. Друг за другом они тоже следили. Блестящие глаза были предназначены для одной цели: видеть на невообразимых расстояниях. Один спускается к пище, а другой видит его спиральный спуск. И все слетаются туда.

Тейт не имела ничего против. Она не слишком боялась смерти. Она была профессиональным солдатом в своем мире, а тот, где она сейчас находилась, был не лучше. Единственное, что ее пугало, — растратить жизнь зря.

Так почему же Доннаси Тейт влюбилась в Налатана? Почему все вдруг стало таким сложным?

Танно повел ушами, неуверенно глядя, как Тейт раз за разом с силой опускает на землю кулак.

Чуть позже резкий свисток Сайлы вызвал Тейт в лагерь. Нерешительность и озабоченность все еще оставались в ее мозгу, но, окруженные прочной клеткой, они могли лишь надоедливо зудеть.

Налатан уже был на ногах. Весь мокрый. Тейт коснулась его руки, чтобы убедиться, что кожа снова стала теплой.

— Куда мы идем? — спросила она.

Он указал.

— Боюсь, в ту сторону. Там есть хороший источник, примерно в дне пути. Дело в том, что воины Суши тоже знают, куда мы направимся. Оставшейся у нас воды едва хватит на день, и они наверняка постараются, чтобы мы добирались туда как можно дальше.

— И больше ничего? — спросила Сайла.

— К западу от источника. Колодец с плохой водой. — Он пожал плечами. — Лучше попытаться счастья на пути к хорошей.

Сайла порылась в поклаже и достала раздутый кожаный мешок. Взвесила его на руке.

— Это кристаллы из винных бочек. Мне их принес Хелстар. Скажи: в этом колодце обычная плохая вода Суши? Или она отравлена?

Глядя на Сайлу с нескрываемым скептицизмом, Налатан покачал головой. Та улыбнулась ему в ответ.

— В таком случае мы можем ею воспользоваться. Она будет не очень хороша на вкус, но все же лучше, чем ничего. Этот порошок позволит нам пить ее. А если добавить пару капель пробуждающего зелья, то она восстановит наши силы. Вот так.

Налатан снисходительно проговорил:

— Наше братство поколениями жило здесь. Мы знаем тайны Суши. Кто бы ни посоветовал тебе выпить плохую воду, он тебе не друг.

— Церковь была тут еще раньше твоего братства, мы пересекали Сушь каждый раз, когда уходили или возвращались в Дом Церкви. Похоже, что у каждого свои собственные тайны. — Сайла открыла мешок и продемонстрировала желтоватые кристаллы. — Вот так мы одурачим жителей Суши. Мы не настолько ограничены, как им кажется.

— Может быть, они нас и не преследуют, — сказала Ланта. — Может, они хотели только получить наших лошадей и вещи.

— Хотел бы я, чтобы все так и было, — ответил Налатан. — Они будут кружить вокруг нас, пытаться застать врасплох. Они оставят двоих или троих, чтобы те следили за нами и сообщили, если мы поменяем направление. Я попытаюсь уничтожить преследователей. Мне не хочется с боем прорываться через засаду только для того, чтобы добыть плохой воды. Не то чтобы я не доверял твоим средствам, Сайла. — Он зловредно ухмыльнулся. Сайла фыркнула в ответ и спрятала мешок.

Тейт поглядела на Джессака, крошечного и розового в своей колыбели. Его невероятно темные, широко раскрытые голубые глаза доверчиво смотрели на нее.

Глава 89

Сайла сжала луку седла. Та была обжигающе горячей. Она с радостью встретила боль. Все, что угодно, чтобы отвлечься от горьких, жестоких слов, которые необходимо произнести: «Налатан поедет один, Тейт». Видя, как лицо подруги предательски наливается кровью, Сайла поспешила прочь.

— Он прав. Мы не можем допустить, чтобы кто-то нас выследил. Мы с Лантой не рискуем ехать одни. Значит, тебе придется сопровождать нас, а Налатан займется преследователями.

Разъяренная Тейт ответила:

— Они ведь не убегут просто так, Сайла. Они будут драться. Ему понадобится помощь.

И не меньше, чем вам.

Сайла внутренне скривилась от ее слов. Однако выбора у нее не было. Налатан — воин, и он понимает, что должен воспользоваться своим шансом. Тейт тоже воин; но, кроме того, она должна понять, что успех их миссии — самое главное. Сайле была ненавистна мысль о том, что именно она должна все это объяснять. Она расправила плечи и придала своему взгляду жесткость.

— Сейчас не время для дискуссий. Налатан, ты готов?

— Да. — Он осенил себя Тройным Знаком. — Вы уверены, что сможете выполнить мои указания? Вы запомнили приметы?

— Ты очень хорошо объяснил. С нами все будет в порядке.

Налатан посмотрел на Тейт. Секунду он не опускал глаз, ожидая. Сайла задержала дыхание, она страстно желала, чтобы один из них заговорил, надеясь, что они все же найдут мужество признать то, что было уже давно известно всем остальным. Под тяжестью горделивого, но такого беспомощного взгляда Налатана Тейт ссутулилась в седле. И все же оба молчали. Под стук копыт Налатан скрылся из вида.

Тейт привстала в стремянах. Ее ладонь поднялась во взмахе, обращенном к пустоте: Налатан ни разу не обернулся. Адресованное Сайле выражение лица было смертельно ядовитым.

— Не время говорить. Вы готовы?

Сайла произнесла:

— Доннаси, мы...

Тейт рывком развернула коня, оборвав Сайлу. Остальным пришлось поторопиться, чтобы поспеть за ней.

Пока они ехали, небо раскалилось до серебряно-голубого цвета, напомнимшего Сайле о перегретой стали, сыплющей искрами на точиле. Заросли кустарника доставали ей до лодыжек, иногда до колен. Жесткие листья и тонкие упругие ветки цеплялись, словно когти. Но еще хуже был бесконечный шорох зарослей. В нем она слышала то издевательский хохот, то приглушенные рыдания. И страшнее всего были моменты, когда ей чудился голос, произносящий слова, которые вели ее вперед, наставляли ее, заставляли закончить свое путешествие.

Она обернулась, чтобы взглянуть на колыбель, притороченную к седлу. Расправив одеяло, она подняла нависающий наподобие палатки верх, чтобы взглянуть на Джессака. Он улыбнулся, и по телу Сайлы пробежало знакомое ощущение, будто она тает. Грех гордыни думать, что он улыбается мне охотнее, чем другим, сказала она себе. И в то же время она решила, что нечего скрывать от себя правду. Он действительно улыбается больше, когда она с ним.

Обернутый в пеленку, набитую последними остатками листьев мулла, довольный Джессак бил ножками и ворочался. Сайла еще раз отметила, что мальчик переносит жару с почти неестественным благодушием. Днем он без всяких жалоб трясся на лошади, а ночью спал, словно медведь зимой. Шумел он, только когда хотел есть, и свое молоко высасывал с неизменной жадностью.

Сайла припомнила реакцию Хелстара на имя мальчика и его суеверный рассказ о значимости этого имени. Улыбнулась. Если бы он был сейчас здесь и видел, как чудесно ведет себя малыш, ему бы пришлось взять свои слова обратно. Или, что скорее, он придумал бы какую-нибудь глупость о тайных силах.

Крик Ланты прервал ее мысли. Сайла оглянулась. Ланта отчаянно жестикулировала, ее лицо было искажено страхом. Додой, ехавший рядом с Сайлой, тоже заметил это. И тоже оглянулся.

Вдалеке на западе зловеще кружил стервятник. Другой, поближе, лениво хлопал крыльями, подбираясь к первому. А посередине между ними и птицами виднелся одинокий всадник, выбравшийся из ложбины, мимо которой они недавно проезжали, Додой поспешил мимо Ланты к Тейт, чтобы быть поближе к ней и ее оружию.

Сайла передала новость Тейт как раз тогда, когда к ней подъехал Додой. Тейт придержала коня, позволив Сайле и Ланте подъехать поближе.

— Думаю, это Налатан, — сказала она. Потом открыла футляр со снайперской винтовкой и положила его себе на колени. Посмотрев через прицел, она кивнула. — Это он. Пустим лошадей шагом, пускай немного отдохнут. Он скоро нас догонит. Следите внимательно, чтобы его не преследовали.

Глядя, как Тейт возвращается на свое место впереди, Сайла погрузилась в воспоминания о том отчаянном путешествии через Горы Дьявола на севере. Там им угрожали снег и лед. Теперь жара и жажда. Однако климат — не главное отличие. Самое важное — это Тейт. В теперешней Тейт появилась уверенность, которой та Тейт похвастаться не могла.

Но за радостью от достигнутого скрывалась печаль — боевые навыки Тейт необходимы. Сайла задумалась, сможет ли когда-нибудь ее подруга научиться чему-то иному.

По коже Налатана ручьями катился пот, оставляя темные пятна на одежде. Его безрукавка, расстегнутая на жаре, открывала глазу полосу черных волос, покрытых бисеринками пота. Он шел пешком, ведя лошадь на поводу. Когда он отпустил поводья, позволив руке свободно упасть, на покрытом пылью предплечье пот прорезал русла, изгибавшиеся на выступах рубцов и шрамов.

Тейт передала ему бурдюк. Изрядно отхлебнув, Налатан произнес:

— Теперь позади нас никого нет. — Однако выражение его лица было странным. Сайла чувствовала, что он хочет в чем-то ее обвинить. Налатан продолжал: — Основная часть разбойников движется к источнику, как я и предполагал. За нами оставили следить троих.

Сайла еще не успела раскрыть рта, как Тейт спросила:

— Ты?.. — И не закончила фразы.

Налатан продолжал смотреть на Сайлу.

— Я их нашел. Они все были мертвы. — Он запустил руку в седельный мешок и достал оперенную половинку стрелы. Она была белой.

— Блюстители, — Ланта и Сайла выдохнули это слово одновременно.

Налатан тихо произнес:

— Конвей рассказывал мне о человеке, пытавшемся похитить Додоя. Он говорил о белой стреле и блюстителях, которых вы только что упоминали. Этих людей здесь быть не должно. А если бы они и были, у них нет никаких причин помогать нам. Я спрошу только один раз: кто-нибудь хочет мне что-нибудь сказать? — Он по очереди взгляделся в лица всех трех женщин.

Сайла подумала о Хелстаре, но тут же отбросила эту мысль.

Если бы он захотел последовать за ними в Сушь, то должен был по крайней мере поближе познакомиться с ней. Но кто бы еще это мог быть? Думать о том, что это настоящий блюститель, было еще невероятнее, чем подозревать Хелстара.

Все это невероятно.

Сайле хотелось забиться куда-нибудь и хорошенько подумать. Или забыть. Все забыть, не тревожить себя, не раздумывать, не подозревать.

Налатан терпеливо наблюдал. Терпеливо, как сама смерть, подумала Сайла и взглянула на остальных. Они тоже ждали.

Когда она наконец заговорила, слова как будто произносил какой-то незнакомец. Быстро, почти неразличимо.

— Нам нечего тебе сказать. Тут не может быть никакой связи. Это смешно. Ты сам сказал: жители Суши постоянно враждуют друг с другом. Это лишь один из таких случаев, вот и все.

Налатан натянуто улыбнулся, что красноречивее всяких слов показывало его скептицизм. Он отхлебнул еще один глоток.

— Это не местная стрела, Сайла. Эти мертвецы задали больше вопросов, чем я могу

ответить, и из-за этого я чувствую себя не очень-то уютно. Я не знаю, кто нас сейчас преследует и почему. — Обратившись к Тейт, Налатан сказал: — Оставайся впереди, я буду в арьергарде.

Та кивнула.

— Я рада... — Она закашлялась, попыталась начать сначала. — Я рада, что не произошло ничего опасного. Для тебя.

Он улыбнулся. Облегчение от того, что он вернулся, неожиданно стало ошеломляющим, породило радость и беспечность. Тейт кликнула Танно и одним прыжком вскочила в седло.

Вернувшись на свое место и обдумав все произошедшее еще раз, Тейт задумалась, почему Сайла выглядела такой расстроенной, когда Налатан задал свой вопрос. Сайлу очень трудно напугать. А тут ее ответ больше напоминал детский лепет. И было что-то еще.

В мозгу Тейт вспыхнуло нужное слово. Скрытность. Вот именно. Скрытность еще никогда не отражалась на лице Сайлы.

Но все же именно Ланта реагировала наиболее резко. От вопроса Налатана она дернулась, будто ее ударили ножом в спину, глаза ее смешно расширились, а рука взлетела к груди.

Свесившись с седла, чтобы потрепать Танно за уши, Тейт сказала:

— Получается, что наши леди в черном что-то скрывают, большая собака. Что ты об этом знаешь?

Танно посмотрел на нее снизу вверх. Он тяжело дышал, язык свесился набок, хвост мотался из стороны в сторону. Тейт обвиняюще произнесла:

— Ага. Значит, не хочешь говорить? Думаешь, такой сильный? — Она хлопнула собаку по спине и выпрямилась в седле. — Лучше быть сильным, дружок. Посмотри на эти земли впереди. Они кажутся ненасытными. — Тейт покачала головой.

И никакой пользы. Знание о том, что Сайла и Ланта что-то скрывают, уже не уйдет само собой.

Все это не очень ее радовало.

Через пару дней погоня вновь обнаружила их. Всю следующую неделю Налатан вел непрерывную шахматную партию смерти на иссушенных горах и в раскаленных долинах. Преследователи не пытались сократить расстояние. Только по ночам они подбирались поближе, но лишь чтобы выкрикивать угрозы и оскорбления. Днем их постоянное присутствие раздражало. Из силуэты торчали вдали над равниной или вдруг кто-то пускал стрелу или камень из укрытия.

Путь в Дом Церкви стал объектом непрерывного спора. Оружие Тейт позволяло им проложить дорогу силой, но под раздражающим и непрерывным обстрелом. Каждая лошадь получила уже по крайней мере одну рану. Из-за больших расстояний повреждения были незначительные. Тем не менее ежедневные переходы, когда не знаешь точно, откуда и в какой момент свистящий снаряд заставит твою лошадь встать на дыбы в припадке боли и ярости, очень изматывали. Однако до сих пор ни один человек еще не пострадал, как и Танно.

Однажды вечером Тейт достала снайперскую винтовку. Воин Суши, уверенный в своей недостижимости, взобрался на край раскаленного ущелья, по которому тащился маленький отряд, и устроился там, наблюдая. Действуя скорее от отчаяния, чем в надежде изменить ситуацию, Тейт открыла солнечную батарею и уселась поудобнее. Глядя через мощный телескопический прицел, она навела перекрестье на середину его груди.

Палец застыл на спусковом крючке. Она вспомнила Конвея, ему было так стыдно за то, что он позволил соблазнить себя богоподобной мощностью этого оружия. Она подумала, на что же это похоже.

Воин улыбнулся. Он наверняка не мог даже представить себе, что Тейт сможет разглядеть выражение его лица. Тем не менее он смотрел прямо в трубку прицела и улыбался, это была жестокая улыбка превосходства, обещавшая тем, за кем он наблюдал,

пытки и смерть. Он взмахнул рукой. Полуотвернулся, чтобы поговорить с кем-то невидимым.

В пронзительной тишине знойного полдня эхо выстрела раскатилось, словно неожиданный гневный крик. Через мгновение массивная пуля припечатала воина к скале. Будто внезапно лишенный суставов, он какой-то миг балансировал на краю уступа, а потом медленно пополз под откос. Он падал все быстрее и быстрее, крутясь так, что руки и ноги плетью хлестали по камням. Вскоре тело уже оторвалось от земли и касалось ее лишь для того, чтобы снова отскочить, поднимая в воздух клубы пыли.

Когда эхо стихло, остальные все еще наблюдали за оставшимся пустым местом. Ничего не говорило о том, что здесь стоял человек, и уж тем более, что он умер.

Хриплым от жажды голосом Налатан приказал двигаться дальше.

Этим вечером они разбили лагерь у горячего источника. Зная, что за ними наблюдают, женщины все же сумели искупаться. Охлажденную воду из источника можно было пить, но для чая она не годилась. Позже последовал новый поток угроз, несравнимый ни с одним предыдущим. Хотя они и расположились на ночлег под покровом темноты, как делали всегда, стрелы сыпались на лагерь всю ночь. Падая почти вертикально, они вонзались в землю с глухим звуком, вроде того, какой бывает, если ударить кулаком.

Утром восьмого дня Сайла оторвала взгляд от губ Джессака, которые смачивала мокрой тряпицей, и увидела на склоне дальней горы какое-то пятно. Или ей так показалось. Оно было слишком расплывчатым, чтобы сказать наверняка. Она подозвала Налатана. Прищурившись, он заслонил глаза ладонью и пристально всмотрелся в даль.

— Большой отряд, быстро движется, — произнес он.

Тейт достала снайперскую винтовку и передала ее Налатану. Он почтительно принял ее, понимая, что должен приложить глаз к прицелу. Заглянув в него, Налатан вскрикнул, чуть не уронив винтовку. Он сделал Тройной Знак, не виденный ранее его попутчиками: сначала поцеловал костяшку большого пальца правой руки, потом по очереди прикоснулся им ко лбу, губам и обоим глазам. Потом снова заглянул в прицел.

— Сорок человек. Коссиары. Жнея. — Он передал оружие Тейт, рука любовно задержалась на прикладе. Он облизнул губы и сглотнул, чтобы говорить четче. Взглянув на Сайлу, произнес: — Мы не можем возвращаться к горячему источнику; его невозможно защищать. Если пойдем вперед, то можем не успеть добраться до воды, не столкнувшись с ними.

Сайла смочила губы тряпицей Джессака. Крошечные трещинки жгли, словно искры.

— Они могут передрались между собой?

Налатан покачал головой.

— Эти койоты ждали прибытия Жнеи. Мы должны бежать, Сайла.

Глава 90

Растревоженный шумом битвы и клубами едкого дыма, поднимающимися над горячей деревней крепостью, Вихрь дрожал под успокаивающими прикосновениями ладоней Конвея. Кочевники кружили вокруг стен словно волки, добывающие свою уже искалеченную жертву. Время от времени один из защитников крепости высовывался в бойницу, чтобы выкрикнуть вызов. Однако таких стало намного меньше после того, как Конвей убил троих одного за другим. Боевые крики, доносившиеся из-за стен, теперь были пронзительны от сквозившего в них отчаяния. Вопли кочевников, наоборот, теперь превратились в простые насмешки и угрозы.

Мысль о том, что судьба битвы должна вскоре решиться, привлекла внимание Конвея к сосновой рощице справа от деревни. Там расположился штурмовой отряд Варналала. Воины в боевой раскраске спокойно сидели на конях, ожидая приказа своего молодого вожака.

Варналала обучал боевому искусству Лис, который, собственно, и создал штурмовой отряд, собрав людей со всей Летучей Орды. Чтобы как-то их объединить, всех посвятили в

веру Людей Гор. Люди Гор не были ортодоксами, они смешивали веру Церкви со своими собственными таинствами. Даже сейчас, целиком обратившись в Танцующих-под-Луной, они все же сохранили некоторые древние обряды. Одним из них была боевая раскраска. Воин Гор верил, что, покинув этот мир, он попадет в следующий. Ожидая смерть, они раскрашивали свои лица, потому что верили: путь из небытия в Верхний Мир воин должен пройти с боем.

Рисунок изображал ослепительно белый череп с черными провалами глазниц. Рот разрисовывался красным, превращаясь в клыкастую пасть, из уголков которой сбегали кровавые ручейки. Конвей подумал, какое леденящее душу зрелище представляет такое лицо, внезапно появившееся на расстоянии вытянутой руки и с горящей в глазах яростью битвы.

Один из воинов перехватил взгляд Конвея. Он издали отдал салют, подняв и вновь опустив свой меч.

Конвей повторил те же движения, но с «вайпом».

Еще до того, как в лунном свете протянутся тени, один из них, а может, и оба, возможно, уже будут мертвы. Эта мысль отозвалась в мозгу Конвея грустной нотой. Он подумал о другом человеке. Сам он умирать не хотел. Да и не собирался. Человеческий ум способен на поистине беспредельное лицемерие. Каждый воин, видевший смерть своих товарищей, считал их гибель доказательством невезения или ошибки. И подтверждением своего бессмертия.

Особенно справедливо это было для Варналала и его отряда. Они звали себя Ураганом, смеясь и рассказывая всем, что после них даже земля остается лежать мертвой. Ураганом восхищались во всей Летучей Орде. Лис и его воины обучали их владению оружием. Конвей объяснял, как прикрывать друг друга, как маневрировать, командовать и поддерживать связь. Железная дисциплина и постоянные тренировки, да еще для людей, воевавших с самого рождения, позволили создать поистине ужасный ударный отряд.

Прежний Конвей считал сражения частью истории, войну — социальным психозом. Новый Конвей припоминал такие подробности, о каких раньше даже не подозревал.

Ударил боевой барабан.

Все это входило в план осады, разработанный Ураганом. Каждый барабан — а их было семь — звучал отдельно и в определенной последовательности. Начинал всегда барабан на востоке; потом северный и дальше по кругу, пока все не возвращалось к исходному. Конвей как раз наблюдал за ближайшим, тот располагался слева неподалеку. Он был диаметром с размах человеческих рук. Подвешенный на кожаных растяжках, он представлял собой трубу из продольных деревянных планок, склеенных между собой и обвязанных поверху витыми кожаными веревками. Кожаная поверхность была туго натянута, навощена и отполирована, напоминая цветом мед. Барабан был поднят футов на пять над землей. Барабанщик сидел на телеге и орудовал прямыми палочками без набалдашников. Когда до него доходила очередь, он должен был бить так сильно и быстро, как только мог. Потом начинал играть соседний.

По долине словно кружил гром. За последним аккордом последовала густая зловещая тишина. Потом восточный барабан задал новый ритм и все остальные присоединились к нему. Их хор бил по деревне, словно молот.

Конвей поглядел на дальний холм, с которого Каталлон командовал своими отрядами. Над ним все еще развевался флаг, обозначающий подготовку к осаде.

Флаги, как и сигнальные зеркала, придумал Конвей. Кочевники годами воевали с Коссиарами, однако никто из них не догадался воспользоваться зеркалами по примеру своих врагов. Во время споров по этому вопросу наиболее твердолобые противники перемен даже устроили нападение, из-за чего Конвею два дня пришлось сидеть в своем шатре.

Галопом прискакал Варналал, его боевая маска блестела от пота. Увидев его, Карда и Микка напряглись, ожидая сигналов Конвея. Глаза Варналала расширились от возбуждения, он непрерывно моргал.

— Каталлон слишком осторожен, — выдохнул он. — Я... мои люди устали ждать.

Конвей взглянул на поросший лесом овраг. Лошади беспокойно переступали и вставали на дыбы. Многие воины достали мечи и размахивали ими в воздухе, разминая мышцы. Спокойно улыбаясь, он произнес:

— Даже Ураган не может пройти сквозь стену. Терпение. Смотри, вот уже и пролом.

Частокол из сосновых стволов горел в нескольких местах. Тонкая голодная улыбка раздвинула губы Варналала, когда над рухнувшим участком поднялось облако искр. Слишком узкая, чтобы атаковать прямо сейчас, брешь будет расширяться по мере того, как пламя охватит новые бревна. Варналал обернулся к Конвею.

— Ты поедешь с нами?

— А как же. Только без оружия-молнии.

Варналал посерьезнел.

— Мы знаем, что ты должен хранить свою силу.

Жрец Луны объяснил кочевникам, что он и Конвей, метая молнии, черпают для этого духовную энергию внутри себя, но использование такого могущества быстро истощает. Все видели, как убивает алтарь Жреца Луны. Они видели, как убивает «вайп» и «буп». Все, что сказал Жрец Луны, было принято беспрекословно. Но сейчас Конвей призадумался над этими словами. Каждое утро он просыпался с мыслью о том, что запас патронов постепенно уменьшается. Он был еще достаточно большим, но ведь замены никогда не будет.

Из-за деревьев, прикрывавших Ураган, показался мужчина на белом коне. Он ехал галопом.

— Посыльный, — сказал Варналал. — Сообщить Каталлону о брешах в стене. Белые лошади были удачной мыслью. Все знают, что их седоки везут важные сообщения, и освобождают перед ними дорогу.

На дальней стороне холма с укреплениями появилась еще одна белая лошадь. У Варналала сразу испортилось настроение. Конвей рассмеялся.

— Еще один посыльный, значит еще один пролом, Варналал. А если даже и так, ты же знаешь, Каталлон собирается послать вперед Урагана.

Варналал раздраженно замолотил пальцами по седлу.

— Мы заслужили право быть первыми. — Он огляделся. Убедившись, что никто не подслушивает, он все же подвинулся поближе к Конвею. — Каталлон нам не доверяет. Он думает, что Жрец Луны слишком сильно на нас влияет. И Лис тоже.

Внутренне напрягшись, Конвей поглядел на Варналала.

— Это ложь. Кто так говорил? Ты уверен, что этот человек не испытывал тебя? Что, если он доложит Каталлону, что ты ничего не ответил? Или согласился?

Варналал вздрогнул.

— Я не согласился. Действительно. Я только сказал, что Каталлон — наш вождь в жизни и битве, а Жрец Луны наш вождь в жизни и жизни после смерти. — Потом лицо его посветлело, и он добавил: — А еще я сказал: «Жрец Луны повинуется Каталлону». Я точно помню, что сказал это.

Барабаны убыстрили ритм. Конвей и Варналал посмотрели на крепость, откуда вырывались облака дыма, поднимавшиеся над скрытыми за частоколом горевшими домами. Но стена еще была чересчур прочной. Флаги, возвещающие о начале атаки, оставались свернутыми.

Варналал не обратил на смену ритма никакого внимания. Задумчивость заставила размазанную маску смерти гротескно скорчиться. Конвей смягчился.

— Не думай об этом. Это просто очередной дурак открыл рот не к месту. Кто это был?

Варналал потупился, разглядывая свои руки, сложенные на седле. Он смутился, словно мальчишка, уличенный во лжи.

— Один из моих людей. Но он сказал, что слышал это от кого-то другого. — Молодой воин умоляюще взглянул на Конвея, не желая продолжать. Однако тот настаивал:

— От кого же он это услышал?

— От Человека-Огня.

Конвей в испуге отшатнулся. Вихрь, и без того возбужденный, затанцевал, выгнув шею. Успокоив лошадь, Конвей с ледяным спокойствием спросил:

— Это сказал мой раб?

Варналал отвел глаза. Неожиданно выпрямившись, он указал рукой на холм:

— Флаг! Каталлон готов. — Потом обернулся к Конвею: — Сегодня он увидит, что значит настоящая верность. И ты тоже. Я знаю, ты во мне не сомневался, но я поступил глупо. Посмотри, как я искуплю свой проступок. — Поднявшись в стременах, Варналал развернул коня, казалось, одной лишь своей силой и поскакал к Урагану. По дороге он издал крик, сочетавший в себе человеческий голос с яростью дикого зверя. Сотня глоток Урагана ответила ему тем же. Варналал даже не остановился. Наоборот, он разогнал лошадь и подъехал к своему отряду, как раз когда желтый флаг ожидания опустился, а на его месте взмыл черный, извещавший о начале атаки. Снова закричав так, что эхо отразилось от ближнего леса, Варналал галопом понесся к полуразрушенной стене. Его люди потоком потекли за ним.

Выбираясь из-за деревьев, они двигались тремя разрозненными колоннами, скорее длинными, чем широкими. Но пройдя всего пару шагов, они выстроились в четкие ряды, каждый по четыре воина. Средняя колонна была значительно гуще, чем боковые, ее голова шла вровень с их серединой. В боковых колоннах воины стояли намного реже. Со стороны весь строй был похож на вилку с двумя длинными тонкими боковыми зубьями и одним коротким и толстым в центре.

В проломе уже толпились защитники. Стена была всего в два человеческих роста и не давала осажденным значительных преимуществ. Но лучники на ней были защищены, хорошо вооружены и дрались с отчаянием обреченных. Они выкрикивали приближающемуся Урагану угрозы и осыпали кочевников стрелами. Люди и кони падали, вопили, спотыкались, некоторых затаптывали те, кто ехал следом.

Всадники их боковых колонн были примерно шагах в семидесяти от укреплений, когда начался ответный огонь. Стреляли только те, кто ехал в первом ряду, но они с невероятной скоростью выпускали стрелу за стрелой. После третьей стало понятно, почему в этих колоннах воины стояли так редко. Каждый всадник, выстрелив, разворачивался налево и отъезжал назад, уступая место следующим рядам. Над колонной взлетал непрерывный поток стрел, они утыкали стены, некоторые пролетали сверху, но некоторые находили себе жертвы среди защитников.

Галопом подъехав к дымящемуся пролому в стене, воины центральной колонны подняли над головами щиты. Возбуждение, страх, жажда крови — все смешалось в их завываниях. Конвей спешил к самой стене. Вместе с собаками он ворвался в пролом одновременно с центральной колонной. Варналал уже был тут, он обернулся к стене, отдавая своим людям приказы. Половина ударила направо, остальные двинулись влево, оттесняя защитников от пролома. Конвей ринулся в битву, кипевшую слева. Варналал поднял красный флаг, давая понять, что остальные должны ехать дальше и прорываться к центру поселка. Вскоре красный вымпел сменился черно-белым. Воины, увидевшие его, спешили и укрывались около стен. Эти цвета означали, что они теперь ожидают сигнала к контратаке и должны оставаться на местах, пока не понадобятся.

Понадобились они всего через пару секунд. Конвей как раз был занят крупным воином в плохо пригнанных коссарских доспехах, когда начали появляться первые воины Урагана из тех, кто двинулся к центру. За ними по пятам неслась вопящая разъяренная толпа. Люди были вооружены как и чем попало, от кос до лучших коссарских мечей, и дрались, совершенно не заботясь о своих жизнях. Воины Варналала косили их, словно траву, но на место одного убитого, казалось, вставали двое. Ураган теснили численным превосходством.

Конвей сделал шаг назад и едва обернулся, собираясь отступить с остальными, как его противник нанес быстрый удар. Сбоку внезапно очутился Карда и схватил руку с мечом у самого запястья. Воин закричал, звук словно продолжил хруст ломаемой кости. Конвей добил его ударом в горло и кинулся за остальными.

Шаг за шагом они отступали, пока не уперлись во все еще тлеющие бревна. Карда и Микка словно сошли с ума.

Черно-белый флажок опустился, его сменил красный. Кочевники поднялись из укрытий и атаковали с фланга смешавшиеся ряды защитников.

В кожаные доспехи Конвея ударилась стрела и, пропахав зловещую борозду, отскочила. Ее древко гнусаво дребезжало, пока стрела не ударилась о каменную стену.

Неожиданный удар в спину чуть не сбил Конвея с ног. Мгновенно развернувшись и приготовив меч к удару, он встретился с побелевшими дикими глазами Вихря. Надсадно ржа и молотя воздух копытами, конь буквально требовал, чтобы хозяин взял его с собой. Расхохотавшись в возбуждении, граничившем с сумасшествием, Конвей вскочил в седло. Человек, собаки, конь стали единым демоном разрушения.

Глава 91

Осев в седле, прислушиваясь к тяжелому дыханию коня и глядя, как словно мехи поднимаются и опускаются бока Карды и Микки, Конвей внезапно заметил, насколько удлинились тени.

Он подумал, как быстро пролетело время, и перевел взгляд на руку с мечом. Справа все его тело было забрызгано кровью. Пятна слева показывали, когда он брал меч в левую руку.

Он ничего не помнил.

Первые его мысли были омрачены виной. И всплыли дурные предчувствия, совершенно необъяснимые, ведь битва уже кончилась и они победили. Сейчас время праздновать.

Конвей закрыл глаза, и на него надвинулись воспоминания. Сверкание отточенных клинков. Глухие удары по дереву. Звонящий гул доспехов, отразивших очередной удар.

Копыта, топчущие чей-то шлем. Рычание собак, их клыки.

Кто-то потянул его за штанину, и Мэтт открыл глаза. Кто бы это ни был, Конвей не обратил на него внимания. Он смотрел прямо перед собой. Там, на другой стороне чего-то, что раньше было рынком, полыхал дом. Волны жара омывали лицо Мэтта.

Кто-то еще раз потянул его за штаны и заговорил. Улыбающееся лицо Человека-Огня было повернуто к Конвею.

— Все рассказывают о том, как ты дрался.

Пропустив его слова мимо ушей, Конвей произнес:

— Ты говорил, что Каталлон не доверяет Урагану, что Жрец Луны и Лис слишком сильно влияют на Варналала.

Человек-Огонь съежился от страха.

— Пожалуйста, хозяин, не так громко. Ты замолвил за меня словечко перед Каталлоном, и с тех пор я служу тебе верой и правдой. Не подвергай меня опасности. Кто предал меня?

— Это твой рот подвергает тебя опасности, а не я.

Несмотря на искаженные черты, на лице Человека-Огня появилась хитринка.

— Правда не может быть изменой, хозяин. Правители могут так говорить, но правда — это только правда, и ничего больше.

Устало, с трудом сдержав стон, Конвей слез с лошади. Человек-Огонь подскочил к нему, чтобы помочь выбраться из доспехов. Он одобрительно закивал, рассматривая зарубки и вмятины, ощупывая их с таким знанием, что Конвей невольно обратил на это внимание. Но Мэтт слишком устал, чтобы долго думать об этом. Когда доспехи наконец забросили поперек седла, Человек-Огонь взял поводья. Конвей направился к колодцу, у которого собралось попить и умыться уже немало воинов, слуга очутился рядом с ним. Конвей спросил:

— Кто тебе сказал, что Каталлон не доверяет Урагану?

— Каталлон сказал жрецам, друзьям Виппарда — того, который вызвал Жреца Луны на

поединок и погиб.

В вопросе Конвея звучал неприкрытый сарказм.

— А жрецы сказали тебе?

— Мне рассказал об этом раб Каталлона.

Конвей резко остановился. Перед ним всплыл образ девушки-рабыни из племени Малых, работавшей в банях. Он решил, что она утопилась из-за его отказа помочь ей бежать из Орды. Но она ведь упоминала о трениях между Жрецом Луны, Лисом и Каталлоном. Если Лис только притворялся, что дремлет, если на самом деле он все слышал, ее наверняка убили. Но почему убили? Почему не казнили в назидание другим?

Потому что разногласия действительно существуют.

Принимая все это во внимание — Конвей проклял свое нежелание связываться ни с одной фракцией Летучей Орды, — убийцей, вероятно, был Лис. Но Лис никогда бы не сделал такого, не посоветовавшись со Жрецом Луны.

Облокотившись о каменную стенку, окружавшую колодец, Конвей наблюдал, как Человек-Огонь крутит лебедку. Деревянный барабан жалобно поскрипывал. Подходившие воины смеялись, ухмылялись и превозносили доблесть Конвея. Он отвечал им тем же, но мысли его были заняты другим; он размышлял о причинах конфликта между Жрецом Луны и Каталлоном.

Окатив себя водой из скользкого от мха ведра, Конвей передал его Человеку-Огню, чтобы тот снова наполнил его. Конвея не интересовали жизнь Каталлона или Жреца Луны. Летучая Орда была для него лишь инструментом и пристанищем, местом, где можно набраться сил.

Мсть. Конвей ел, пил, спал, видя перед собой одно лишь это слово. Ти переборола свою любовь, потому что хотела, чтобы человек, любивший ее, мог вести полноценную, свободную жизнь. Но не Ланта. Такие женщины будят в мужчине худшее, самое худшее, а потом печально смотрят на него.

Глаза, словно кинжалы. Они врезаются в человека, вспарывают его душу.

Человек-Огонь потянул ведро на себя. Когда Конвей, все еще пребывая в задумчивости и не выпуская его, яростно посмотрел на раба, тот быстро отступил и показал рукой через плечо.

— Другие ждут, хозяин. Ты не движешься с места.

— Посмотри на меня; я весь покрыт грязью. Налей еще. — Он сунул ведро Человеку-Огню.

Присоединившись к Конвею, Варналал произнес:

— Я сегодня обещал показать тебе настоящую преданность. Но ты превзошел меня. Ты превзошел всех.

— Ты отлично командовал Ураганом. А я позволил себе ввязаться в драку. Ты заслуживаешь похвалы. Я заслуживаю наказания.

Никем не замеченный, к ним подошел Лис. Он тихо усмехнулся, заставив Конвея с Варналалом обернуться. Лис отошел от обычаев своего народа и теперь вместо бармала носил кольчугу. Кольца скользили друг по другу с металлическим звуком, напомнившим Конвею о гремучих змеях.

— Ни один человек, который бился, как ты сегодня, не подвергся бы наказанию. У тебя нет своего отряда, мы уже говорили об этом. Ты бьешься или даешь советы тогда, когда считаешь это необходимым. Я полагаюсь на твоё решение.

Самое время проверить то, о чем говорил Человек-Огонь. Конвей спросил:

— Думаешь, Каталлон доверит бы мне командование, если бы я попросил? Дом Церкви сделан из камня, а не из бревен и глины. Пошли к Каталлону, ты предложишь создать еще один отряд вроде Урагана и обучить его для атаки на Дом Церкви. Или крепость Коса.

Лис бросил взгляд на Варналала. Тому явно хотелось присоединиться к разговору, но он так боялся сболтнуть лишнее, что буквально давился проглоченными словами. От странности происходящего Конвей даже покачал головой. Храбрость Варналала в бою была

неоспоримой. Сейчас он лишь смотрел на Лиса с такой мольбой, какую увидишь в глазах голодного щенка. Лис повернулся к Конвею.

— Если дорожишь жизнью, ничего не говори Катааллону. И никому другому. Если мне понравится эта мысль, я обговорю ее со Жрецом Луны. Он управляет Катааллоном, как когда-нибудь будет править миром. Катааллон скорее убьет нас всех, чем признается, что потерял свое положение.

— Это опасный разговор, — сказал Конвей. — Ты знаешь, я — человек Жреца Луны, как, впрочем, и ты. Змеи доказали это. Я не думаю, что готов участвовать в свержении Катааллона.

— Никто и не собирается, — с холодным неодобрением сказал Лис. — Жрец Луны восхищается Катааллоном. Я хочу работать с Катааллоном. Ты видел, как я тренировал разведчиков и Ураган. Разве я действовал без должной преданности? Жрец Луны желает, чтобы Летучая Орда завоевывала. Мы должны помочь Катааллону, а не сражаться с ним. Ты слышишь меня?

— Слышу, — выпалил Варналас. Конвей повторил его ответ чуть помедленнее, позволив себе незаметно улыбнуться. Ему показалось, что Лис втайне сделал то же самое.

— Я пришел, чтобы сообщить тебе о захваченных нами пленниках, — снова заговорил Лис. — Один из них утверждает, что знает тебя.

— Меня? — Конвей был потрясен. — В таком случае это кто-то из Коса. Но что здесь делает Коссиар, здесь, вместе с рабами?

— Он дрался. Теперь он умирает.

Конвея поразила та простота, с которой Лис произнес эти слова, будто сказал: «Он светлый» или «Он высокий». Но Лис уже двинулся в сторону.

Конвей повернулся к Человеку-Огню.

— Выведи Вихря, вымой его хорошенько и потом выскреби. На ноги горячие припарки, чтобы залечить все сегодняшние раны. И покорми его вечером.

Дорога к месту, куда сгоняли пленников, напоминала ад. Являясь частью Коса, это селение до мятежа не укреплялось. Впереди возвышалась грубая стена, кое-где она прогорела насквозь. Узкий парапет устилали мертвые тела. К целому участку стены привалился лучник, его мертвые руки все еще сжимали лук.

Когда-то это было мирное селение. Теперь среди домов бушевало пламя. Разрушенная улица, по которой шагали Конвей, Лис и Варналас, находилась ближе к центру, а значит, на ней были лавки купцов. Везде валялись поломанные, разграбленные товары, изуродованная мебель, обеды. На ветру трепыхались обрывки тканей.

Обогнув угол, Конвей со спутниками вышли к конюшням. Воины Орды охраняли людей, стоявших в загончике неподалеку. Около тридцати женщин и детей сбилось в один тугой клубок, рассевшись на земле. Несколько девушек, скрывавшихся в центре группы, пытались прикрыть обрывками одежды свою наготу. Конвей быстро отвернулся, но все же он успел заметить синяки и опустошенные лица, показывавшие, что эти девушки уже испытали на себе набег Летучей Орды.

Десяток пленников-мужчин стоял на другой стороне загона. Двое держали раненого, чья голова свесилась на грудь. В кольчуге зияла дыра, рана под ней была смертельна. Колени раненого подгибались, грозя отказать совсем.

Лис махнул рукой в его сторону и произнес:

— Вот он.

Перебравшись через ограду, не обращая внимания на выкрики охранников, Конвей подошел к раненому Коссиару и устроил его поудобнее. Потом поднес к его губам фляжку и сказал:

— Я никогда раньше не видел тебя. Если ты скажешь, что знаешь меня, это тебе не поможет, Копье. Самое большее, я могу спасти тебя от пыток.

Тот выдавил улыбку.

— Не думаю, что тебе это удастся. Я лишь хотел повидать тебя. Мне сказали, что ты в

Летучей Орде. — Его взгляд потерял четкость, глаза уставились куда-то вдаль. Губы презрительно изогнулись. — Ты бросил своих друзей. Ради этого отребья.

— Эти люди помогли мне отомстить за себя Косу и Церкви. Коссиары вроде тебя убили ту, которую я любил. И я видел, что стало с Коссиарами, когда рабы добрались до них. Милосердия не существует, нет никакой разницы между Косом и Летучей Ордой. Ты спросил меня: почему я бросил своих друзей и ушел к этому сброду?

— Я уроженец внутреннего Коса, из живущих на Борту. У нас были свои счета с Командой. Многие жители Борты присоединились к восставшим.

— Как такое могло случиться? Я видел поселки, в которых побывали рабы. Резня.

— Все это были крайности. Большинство из нас — беглые рабы, противники Команды и немногочисленные противники рабства — хотели лишь освободить Кос. Жизнь в кулаке у Капитана была настоящим рабством.

Конвей презрительно фыркнул:

— Крайности. Скорее бойня. Я это видел.

Склонившаяся было голова раненого вызывающе поднялась, напрягая его и без того уже истощенные силы. Долгие паузы разделяли слова.

— Любой раб в Косе мог бы рассказать свою историю о проданных детях, разлученных супругах и родственниках. Я не могу простить месть рабов. Но я понимаю ее. А ты? С какой несправедливостью борешься ты? — Молодой голос дрожал от сдерживаемых чувств. Внезапно раненый захрипел и забился в припадке дикого кашля. Со стоном он обхватил свое раненое тело руками. Из рта потекла красная струйка. Подолом своей рубахи Конвей утер раненому лицо, потом предложил еще воды. Копье с трудом глотнул, снова закашлялся, давясь кровью. Когда Конвей потянулся к нему, чтобы снова вытереть кровь, тот раздраженно отодвинулся, намереваясь сначала высказать все, что накопилось у него на душе. — Никто бы не подумал, что ты станешь похож на них. Мне жаль тебя. Смешно. Я умираю. И жалею тебя.

Воин откинулся на изгородь, голова его повисла. Грудь вздымалась и опадала короткими резкими рывками, пока умирающее тело боролось за последний глоток воздуха.

Конвей посмотрел на его руки. Одна сжимала окровавленную рубашку. Другая вцепилась во фляжку. Он отбросил рубаху в сторону, потом сделал долгий глоток из фляги.

Раненый не дышал. Жилка на его горле дрогнула и застыла. Поднявшись на ноги, Конвей повернулся, чтобы уйти. И буквально столкнулся с Каталлоном. Вождь Летучей Орды, казалось, поглотил силу удара, оставшись стоять неподвижно, пристально глядя на Конвея со странным, беспокойным выражением. Единственное слово, которое Конвей смог подобрать для него, было — испуганное, — но оно не имело никакого смысла. Конвей отступил назад.

— Прошу прощения. Не знал, что ты здесь.

Каталлон фыркнул.

— Ты знал его? — Он ткнул острием меча в руку мертвого Копья.

— Нет. Он запомнил меня еще с Коса. Мы никогда не встречались.

Каталлон отложил оружие в сторону.

— Я уже говорил, смерть идет за тобой по пятам.

— Был бой. Многие погибли.

— Все мы для этих людей незнакомцы. Только один знал кого-то из нас. Люди, которые тебя знают, не задерживаются на этом свете. Странно. — Каталлон встал и отошел до того, как Конвей смог что-нибудь ответить.

Стоя внутри загона, Конвей наблюдал, как воины поднимают женщин и детей и уводят их. Слышались беспомощные крики тех, кого подгоняли кончиками мечей.

Другие воины стаскивали трупы защитников в дома, находившиеся на пути пожара. Тут они и сгорят. Кочевников сносили к погребальному костру, сложенному из бревен и обломков стены. Когда Конвей проходил мимо, его как раз поджигали.

Он пошел дальше, раздумывая, сколько из них знали его имя.

Перед ним возникло лицо Копья, растворилось. Какой глупец; жалеть живого человека. Глупец.

Пламя погребального костра ревело. Густой тягучий черный дым поплыл мимо Конвея. Он скапливался в ложбинках и ямах, извиваясь и закручиваясь, прокладывал путь сквозь заросли кустов.

Конвей вдруг вспомнил, что так и не спросил у утонувшей девушки-рабыни ее имя.

Глава 92

Жрец Луны вальяжно раскинулся на мягком диване. Он спроектировал его сам. В длину дивана как раз хватало, чтобы Жрец Луны мог вытянуться во весь рост. Две белые подушки, больше похожие на облака, чудесно сочетались с чуть более темными спинкой и сиденьем, которые были обтянуты свиной кожей. На набивке из гусиного пуха сиделось удобно. Жрец Луны даже придумал название для кожи, он называл ее «обивкой».

Кочевники, считавшие излишней роскошью даже стулья, шепотом рассказывали об этом устройстве. Большинство утверждало, что бог может сидеть где угодно и на чем пожелает. Другие, правда тайно, говорили, что бог, требующий страданий, выносливости и лишений во имя похода за веру, должен переносить все это наравне со своими последователями. Такие люди говорили, что Жрец Луны лишь использует Летучую Орду. Они даже предполагали, что он скорее человек, чем бог, и в любом случае не очень-то хороший. Они ухмылялись и издевательски рассказывали об ублажении задницы. И намекали, что это совсем не по-военному.

Жрец Луны лишь рассмеялся, узнав об этих слухах. Но он прекрасно понимал, какая смертельная опасность скрывается за этими шутками, и намерен был срочно что-то предпринять.

Но что?

Жрец Луны коснулся своего тюрбана. Открыто обвинить Каталлона? Это чересчур. Нет никаких доказательств, что именно Каталлон возглавляет недовольных. Он знал это, но не мог доказать. Кроме того, у Каталлона много приверженцев. Жрец Луны вздохнул: после всего, что он сделал, чтобы объединить вокруг себя кочевников Летучей Орды, многие все еще преданы Каталлону. Им никак не понять, что тот лишь статуя, скрывающая за собой другого.

Но даже если так, благоразумный человек не станет стоять под статуей, сталкивая ее вниз.

Выпрямившись, Жрец Луны подошел к корзинам, стоявшим в самом темном углу шатра. Змеи наблюдали. Темные блестящие раздвоенные языки пробовали воздух, пока наконец не узнали знакомый запах. Жрец Луны присел на корточки и заглянул в корзину, тихо приговаривая:

— Такие прекрасные, гибкие ленты, полные силы. Смертоносные, смертоносные, смертоносные. Весь день, каждый день. Меня окружают бахвалы и обманщики. Они выставляют напоказ свои мышцы. Или оружие. Они показывают нам свои ужасные рожи. Но никто из них не приближается к вам, мои бесчувственные, смертоносные дети. И ни один из них не может нанести удар так точно и быстро. Мое оружие. Будьте начеку. Будьте готовы. Жрец Луны придет за вами.

Обе змеи одновременно зашевелились. Каждая проползла по своей корзине и свернулась у входной дверцы.

Жрец Луны вернулся к дивану. Вошел раб, чтобы зажечь свечи в искусно отделанных подсвечниках. Он не зажег и половины, когда Жрец Луны отослал его прочь. Раб чуть поколебался, неуверенный, какой приказ ему следует выполнять, и Жрец Луны с ругательствами поднялся на ноги.

— Думаешь, богу необходимы эти жалкие язычки пламени? Ты видел, как я вызвал огонь больший, чем все свечи в этом лагере, вместе взятые, лишь для того, чтобы убить

одного человека. Ты что, не слышишь? Убирайся!

Раб бежал, ни разу не оглянувшись. Посмотрев на сдвинутый его ногами ковер, Жрец Луны побелел от ярости. А потом неожиданно развеселился. Свалившись обратно на диван, он размахивал руками, будто отбиваясь от невидимого противника. Наконец он постепенно успокоился. Когда через входной клапан внутрь заглянул Алтанар, Жрец Луны уже расслабился и сидел, улыбаясь.

Увидев Алтанара, он выпрямился. Улыбка исчезла, и лицо стало длинным и тонким. Выступили скулы. Нос, казалось, вытянулся. Глаза превратились в щелки. Лицо, на котором только что было мягкое отсутствующее выражение, вдруг превратилось в маску дикой энергии. Под тяжестью его взгляда Алтанар беспокойно заговорил:

— Мы уже здесь, Жрец Луны. Нас никто не видел.

— Введи нашего гостя, — приказал тот.

Человек, которого Алтанар впустил внутрь, был с головы до ног укутан в грубое шерстяное одеяло. Из-под одеяния виднелись мягкие кожаные сапоги. Осторожно, при каждом шаге пробуя землю ногой, посетитель позволил Алтанару вести себя дальше. Жрец Луны махнул рукой, и они остановились. Жрец Луны поднялся с дивана навстречу гостю и одним движением сорвал одеяло. Алтанар на мгновение застыл от испуга, потом стремительно присел, чтобы избежать удара. Незнакомец оказался женщиной. Высокая, со светлыми волосами, с пропорциональной, несмотря на плохо сидящую одежду, фигурой, она была красива твердой, скорее даже мужской красотой. Когда с нее сдернули покрывало, она подняла руки в слабом ищущем жесте. Тело ее при этом даже не шелохнулось. Даже копна заплетенных волос, перекинута через правое плечо вперед, не сдвинулась ни на миллиметр. Она просто стояла, подбородок был слегка приподнят, глаза плотно закрыты.

Жрец Луны, пригнувшись, обошел вокруг нее. Остановившись слева, произнес:

— Ты долго работала в банях, Бак. — Его слова прозвучали утверждением.

— Да. — Голос женщины был мелодичным. Как ни странно, слова Жреца Луны, казалось, ослабили ее внутреннее напряжение.

Зайдя справа, Жрец Луны сказал уже громче:

— Ты была там в тот вечер, когда твоя подруга покончила с собой.

Долгое мгновение Бак медлила с ответом. К тому времени, как она заговорила, Жрец Луны уже нахмурился.

— Зики была моей помощницей, но не подругой. Я не верю, что она убила себя. Да, я была там.

— Слепая рабыня смеет противоречить мне?

— Нельзя ожидать от бога настолько человеческого, что он даже принял облик человека, всезнания, и все же любое решение бога должно вести к лучшему. Моя обязанность — предоставлять верную информацию.

— Умно сказано. Мне это нравится.

— На мне благословение. — Женщина произнесла эти слова безжизненно, без всякой интонации. Тем не менее они жалили, словно оса. Жрец Луны придвинул свое лицо почти вплотную к ее.

— Существуют вещи похуже слепоты. Попробуй разозлить меня, и ты о них узнаешь.

— Я уже близко знакома со многими из них. Меня будут пытаться? За что?

— Расскажи мне то, что я хочу узнать, и тебе нечего будет бояться.

— Я не боюсь. Как могу я отвергать вопросы божества? Спрашивай. И получишь ответы.

Слегка покраснев, Жрец Луны отодвинулся от нее. Подозрительно посмотрел на абсолютно спокойную женщину.

— Каталлон был твоим мужем.

Бак кивнула.

— Он устал от тебя.

Еще один кивок, мышцы на шее чуть заметно напряглись.

— Он проиграл тебя другому мужчине.

— Да. Тот изнасиловал меня. Я убила его, пока он спал. В наказание меня ослепили. Каталлон сделал меня своей рабыней. Я мою в банях важных людей. Вся Летучая Орда знает об этом.

— Разве ты настолько любила Каталлона, целительница?

Губы Баек дрогнули. На мгновение между ее бровями пролегла складка боли.

— Я так думала. Это одно и то же.

— Нет, нет, нет. — Жрец Луны, ухмыляясь, обошел ее сзади. — Такие ошибки порождают нечто большее, чем смирение. В рабство попадали и другие Жрицы Церкви. И гибли. Тебя пощадили. Использовали, а потом бросили. Ты ненавидишь Каталлона.

Щеки Баек покрылись румянцем чуть более ярким, чем бледная роза. Над верхней губой в свете свечей блестел выступивший пот.

Жрец Луны снова придвинулся к ней вплотную, его губы почти касались ее шеи сразу за ухом. Он вдохнул. Запах этой женщины и запах ее занятия и так уже наполнили небольшую комнатку. Но здесь аромат был глубок и неотразим. Привкус масел и кремов. Можжевельник, и сосна, и эвкалипт смешивались с розами, сиренью и жимолостью. И еще. Ощущение женственности в воздухе, будто ее знак. Только ее одной.

Тяжелый и мягкий канат ее волос тек, словно мед. Жрец Луны протянул к нему руку и провел ладонью в воздухе. Мягко. Словно намекая. Длинные чувствительные пальцы были совсем рядом.

«Возможно», — подумал Жрец Луны.

В конце концов, он ведь в теле мужчины.

Теперь она должна знать лишь одного бога. Только его голос. Во тьме. Полная, унижительная зависимость. Тайна, внушающая ужас.

Медленно выдохнув, он прошептал:

— Другая банщица, Зики, была ослеплена за то, что отказалась отречься от Церкви и обратиться в культ Луны. Задолго до нее ты отрелась от Церкви, но отвергла и Луну. Скажи мне, почему. — Отступив на шаг, он взглянул на ее руку и широко улыбнулся, заметив, что от его дыхания у нее поползли мурашки. Потом подошел к корзинам со змеями.

Баек сказала:

— Я думала, что сумела найти лучшую цель жизни. Я думала, что покидаю Церковь. Но она никогда не покидала меня. Церковь была — и есть — мое сердце. — Впервые за все время в ее голосе прозвучало сомнение, и она поправилась: — Мое настоящее сердце.

Жрец Луны присел на корточки и запустил руки в корзины. Взяв в каждую руку по змее, он медленно достал их, позволяя рептилиям привыкнуть к своему новому положению. Когда он выпрямился, змеи смотрели прямо вперед. Они смотрели прямо на женщину, их языки мелькали в воздухе, пока Жрец Луны медленно и молчаливо приближался к ней. Оказавшись прямо перед Баек, он спросил:

— Ты слышала о Цветке?

Последовала бесконечно короткая пауза. Затем, неожиданно, снова почувствовалось ее облегчение.

— Да. Сайла, Жрица Роз. Она ищет Врата. Ее сопровождает Ланта, Жрица Фиалок, провидица. Есть еще чужеземка по имени Тейт, она чернокожая, и вместе с ней путешествует мальчик. И монах воин Налатан.

— Точно. Кто еще знает об этом?

— Что знают Коссиары или рабы, то быстро узнают и остальные.

— И ты тоже узнала от них?

— Да. И по-другому тоже. У рабов есть свои способы.

— Связанные с Церковью?

Баек улыбнулась. Блаженное выражение, бывшее тут совершенно не к месту. Змеи, зажатые в вытянутых руках, подняли головы и тихо закачались из стороны в сторону.

— Те, кто слышал. Рабы делятся информацией с другими рабами. Весточки надежды.

Жрец Луны был слишком удивлен, чтобы скрыть это.

— Ты близка к тому, что может принести весьма неприятную смерть. Имена вытянут из тебя с помощью пыток.

— Неприятная смерть? Мне? — Тихий смех Баек был полон искреннего веселья. Тем не менее у Жреца Луны от него похолодела спина. Змеи выше подняли головы и стали раскачиваться сильнее.

— Никакая боль не вырвет из меня имена. Я говорю, зная о том, что ты — Жрец Луны. Ты убиваешь Церковь. Я все еще принадлежу Церкви. Я пыталась отринуть ее, я презирала ее. Я прокляла ее. И она простила меня. Я молю о смерти.

Жрец Луны наблюдал, как успокаиваются змеи. Несмотря на жару, стоявшую в комнате, они почти оцепенели. Это было совсем не похоже на них. Он вытянул руки, ткнув змей прямо в незрячее лицо со вздернутым подбородком. Испугавшись резкого движения, те напряглись, приготовившись жалить. Языки постоянно мелькали в воздухе, едва не касаясь белой кожи, казалось, они облизывают лицо Баек. Но ни одна не загремела. Жрец Луны был заинтригован. Он произнес:

— В таком случае я вынужден тебя разочаровать. Я хочу спасти Церковь, хочу честно бороться с ней за людские души. Я не желаю уничтожить ее. Мы должны существовать оба, ради общей пользы.

Повернув голову, Баек еще выше подняла подбородок.

— Какая жестокость заключена в этом! Ты пытаешься искушать меня. Даже Каталлон был настолько милосерден, что, выкалывая мне глаза, проклял меня. Делай, что хочешь. Я прощаю тебя.

— Тогда помоги мне. Каталлон собирается найти Цветок и убить ее. Я говорю, что Церковь и культ Луны должны бороться за души в мире. Пусть люди выбирают, пусть увидят, что может дать им моя Мать. Война между нами станет пределом мирского зла.

— Ты убил тех, кто противился тебе. Люди говорят, что ты никого и ничего не прощаешь.

— Если люди не будут подчиняться мне безоговорочно, как смогу я их направлять? До тех пор, пока вся Летучая Орда не познает боль, приносимую излишествами, пока дети не запомнят, что нельзя съесть слишком много и не страдать, они не познают путь любви и умеренности. Путь прощения, полного и всеобъемлющего. Загляни в свое сердце. Ты считала, что любишь Церковь, ты считала, что любишь Каталлона. Пока Каталлон не научил тебя ненавидеть, ты не способна была ценить любовь, дарить свою любовь. Задумайся, что ты сейчас чувствуешь к Церкви. Вот любовь. Вот что я несу Летучей Орде. Не задающую вопросов, глухую к мольбам любовь. Помогите мне опутать ею души Летучей Орды, и я обещаю, что твое имя Церковь запомнит навечно.

— Я была прощена раньше. Я прощена теперь. — Женщина будто послала эти слова вверх, мимо Жреца Луны. Тот с раздражением обнаружил, что отшатнулся от нее, будто какой-то суеверный проситель, тело которого могло их задержать.

Он выпрямился во весь свой рост. Она ничего не поняла; голова ее так же пуста, как и глазницы. Он снова поднес к ней змей. Те нервно зашевелились, чешуйки с легким шипением терлись друг о друга.

Растерянная, испуганная, Баек спросила:

— Если я помогу примирить Церковь и культ Луны, смогу ли я вернуться в Дом Церкви? Припасть к ногам Сестры-Матери? Ты замолвишь за меня словечко?

— Да, да. Разве не обещал я тебе вечности? — Он задумался, не обманывает ли женщина. За этим мраморным лицом она может тайно издеваться над ним.

Змеи напряглись.

Баек глубоко вдохнула.

— Люди Летучей Орды верят в тебя. Они не могут выбрать между верой в этом мире и верой в следующем. Став одновременно богом и человеком, ты предоставил им слишком большой выбор. Ты и Каталлон, один из вас должен быть уничтожен, и, лишь победив его

силу, ты сможешь по-настоящему восторжествовать в их глазах.

Жрец Луны чуть вздрогнул. Потом метнул резкий взгляд в сторону Алтанара, и тот тихо вышел из комнаты.

Эта женщина — настоящий бриллиант. Ее мысли в точности повторяли его собственные. Он снова начал ходить кругами, еще сильнее заинтригованный. Как такая редкая личность могла оказаться в этом забытом богом месте? Потом вновь вернулся к самому важному.

— Я бы предпочел видеть Каталлона своим союзником. Я смотрю в его сердце и вижу там крупинку добра. Но его жажда власти подавляет добро. Я хочу взрастить эту доброту. Но если я не смогу, тогда он отправится к моей Матери, дожидаться меня в раю.

— Каталлон будет поклоняться тебе. Он прикажет своим людям поклоняться тебе. Но он никогда не станет подчиняться тебе.

Жрец Луны понизил голос до угрожающего шепота:

— Он осмелится не повиноваться? Он бросит вызов богу?

— Каталлон живет, чтобы бросать вызов. Что может быть для него лучше, чем погибнуть в битве с богом?

Вот в чем суть! Жрец Луны вдруг с досадой понял, что никогда не задумывался об этом.

Дилемма. У Каталлона были свои планы, и он использовал Летучую Орду, чтобы их исполнить. Если позволить ему заполучить преданность людей, которая по праву должна принадлежать культу Луны, то его популярность превзойдет популярность истинного вождя.

Планы. Они могут не исполниться. Их можно извратить.

Но Каталлон не прост. Он умен. Женщина, Бак, сказала: «Живет, чтобы бросать вызов». Отвратительно.

Все это невыносимо.

Вызов, брошенный богом, сделает из Каталлона мученика, если бог победит, и уничтожит бога, если победит Каталлон.

Вызов, брошенный телом, в котором сейчас обитает Жрец Луны, даже не стоит принимать во внимание.

Каталлон никогда не доверится алтарю.

Никакие ухищрения не помогут; Летучая Орда никогда не примет Жреца Луны, который обманом победил Каталлона.

Жрец Луны крутил свой тюрбан, шагал и думал.

Сила. Вызов. Конфликт дикарей. Конфликт ради конфликта.

Жрец Луны улыбнулся. Захихикал. Все решилось так просто.

Глава 93

Летучая Орда застыла в ожидании. Конвей не мог припомнить, когда еще лагерь был настолько тих, настолько насыщен смутными предчувствиями. Его окружали сотни людей, и все же всего в нескольких футах, там, где царила ночь, их будто и не существовало. Эти люди, казалось, не издавали никаких звуков, не имели четких очертаний.

Где-то впереди возвышались шесть куч дров, они были разложены по кругу. Младшие жрецы культа Луны притащили и разложили топливо и теперь обходили лагерь, созывая всех на церемонию.

Появление Каталлона должно совпасть с восходом полной Луны. Ходили слухи, что он собирается объявить о начале атаки на Дом Церкви.

От этой мысли Конвея пробирала дрожь.

Он понимал, что поступает неправильно, испытывая потаенную злобу. Если Церковь окажет сопротивление, пострадает множество невинных. Вот в чем заключается весь ужас столкновения религий. Люди могут верить во что угодно и при этом никого не трогать. Но когда фанатики начинают заставлять их верить или не верить во что-то одно, неминуемо

появляются несогласные. А потом начинается избиение. Некоторые называют его войной. Другие конфликтом. Кое-кто до того извращает природу вещей, что называет это «устранением разногласий».

В этой затаившейся в ожидании тьме мысли Конвея пронеслись по столетиям. Смутно, будто сквозь туман, он увидел женщину. Детей. Они заулыбались, узнавая его.

Слабые, неверные образы. Он любил их, но теперь уже не знал.

Они были невинны. Они не знали, что должны умереть, чтобы стать кому-то примером.

Проревели медные трубы.

Конвей оторвался от своих мыслей и увидел, что серебряный краешек Луны уже показался над уступами восточных гор.

Звуки труб копытами пронзили тьму. Конвей узнал этот инструмент по звуку; он выглядел, как, по его представлениям, должны были выглядеть первые охотничьи рожки. Медная труба, согнутая в кольцо и расширяющаяся на конце. И никаких клапанов. Летучая Орда пользовалась такими, чтобы подавать сигналы во время отдыха или в походе, но не в бою. Этот звук был Конвею незнаком. Первая нота была низкая и очень короткая. Вторая бесконечно тянулась на самом верхнем пределе звучания инструмента.

Трубач превосходно знал свои обязанности. Звуки второго сигнала были чуть ниже, чем первого. Он отзвучал как раз в тот момент, когда от гор вернулось отраженное эхо первого. Сочетание звуков, контраст между жестким гудением металла и далеким мягким эхом создали удивительную и пугающую гармонию.

Волосы Конвея встали дыбом.

В тех местах, где были сложены кучи дров, замелькали огни. Тщательно просушенное дерево вспыхнуло мгновенно. Лица людей купались в свете костров. Он заливал пустой круг, в котором одиноко стоял Каталлон. На нем был кожаный жилет и обтягивающие штаны, заправленные в высокие сапоги. Поверх была накинута шкура леопарда с раскрытой в немом рыке пастью и полированными агатами в глазницах. Передние лапы были связаны у Каталлона на груди, задние свободно спадали на спину.

Треск пламени подчеркивал напряженное шуршание окружающей толпы, люди нервно шевелились.

Каталлон поднял руки над головой.

— Летучая Орда! — Это прозвучало, словно вызов. Толпа, будто огромный зверь, что-то пробормотала. Послышались разрозненные голоса. Каталлон снова закричал, подняв к небу сжатый кулак: — Летучая Орда завоевывает! — Ночь содрогнулась от диких криков радости и боевых кличей. После того, как шум начал утихать, Каталлон жестом попросил тишины. Когда воцарилась полная тишина, он двинулся вперед. Он двигался с важным, неестественным видом, выпятив грудь вперед и напряженно переставляя негнущиеся ноги. У любого другого это смотрелось бы комично, глядя же на Каталлона, никто не засмеялся. Он демонстрировал себя, как другие мужчины выставляли напоказ оружие, лошадей или драгоценности. Сделав за время речи полный круг, он отдал должное всем племенам, потом похвалил отряды дозорных и разведчиков Лиса. Наконец поздравил Ураган.

Когда он закончил, боевые кличи и победные вопли еще долго не смолкали.

Каталлон снова потребовал тишины. Где-то в лагере забил барабан, аккомпанирующий словам Каталлона.

— Я, ваш вождь, долго думал о Доме Церкви. Слушал рассказы о золоте, серебре, драгоценностях, которые копились там на протяжении поколений. Черные жрицы ходят среди людей и обманом отбирают их имущество. И все стекается в их гнездо, этот Дом Церкви. Никто никогда не захватывал его. Женщины на высоких стенах своей твердокаменной крепости смеются над нами. Но я — Каталлон, я сломя их, заставлю их подчиниться. Летучая Орда завоевывает! — Кулак снова взлетел в небо, а последовавшая за этим какофония воплей, воя и рыка грозила расколоть ночь на кусочки.

Когда снова стало тихо, Каталлон продолжил:

— Наши воины очистили западные склоны Гор Дьявола от Коссиаров. Они, хоть и

самый богатый народ, бегут прочь от наших набегов. — Он поднял сжатые кулаки. — Набегов. Не от нашей армии, а лишь от набегов. А теперь подумайте о Доме Церкви, лишившемся своего сильнейшего союзника. Что, если вместо него мужем Церкви станет Летучая Орда? Разве жена хранит семейные богатства? Это делает муж. Мы разрушим Кос. А когда он прекратит существовать, Дом Церкви станет уже не крепостью, а тюрьмой. Церковь признает культ Луны единственной истинной верой. Летучая Орда возьмет ее сокровища в приданое как залог вечной защиты. Ты. И ты. И все вы. Каждый, кто присутствует здесь. У вас будет денег и лошадей столько, что вы не сможете их сосчитать. Я, Каталлон, говорю вам это.

Толпа взорвалась. Мечи застучали о щиты. Загремели барабаны. Из глубины раскачивающейся массы кочевников выбежала группа из пятнадцати человек с барабанами и направилась к центру окруженного пламенем пространства, в котором находился Каталлон. Они быстро расселись по местам, повернувшись лицами к восходящей луне. Как только начал бить маленький барабан, все звуки за пределами круга смолкли. За ним заговорил густой, низкий бас инструмента побольше.

Каталлон взмахнул рукой, и от толпы отделилась еще одна группа, тоже направившаяся в круг. На этот раз она состояла из женщин, все они были одеты в блузы и юбки, расшитые бисером, и различные головные уборы, у кого из рогов, у кого из перьев. Те, на ком были костюмы животных, тоже несли барабаны. Эти инструменты издавали резкие металлические звуки. Остальные танцоры, примерно по одному на десяток зверей, были одеты охотниками, на их одежде красовалась яркая вышивка бисером.

Танец прославлял охоту. Подкрадываясь, нападая, отпрыгивая назад, охотники плели сложный узор вокруг внутренней группы — дичи. Конвей отметал с кривой ухмылкой, что большинство женщин из этой группы особенно усердно имитируют то, как у убегающих животных сверкает сзади белый мех. То, что для спасающих свои жизни животных было сигналом опасности, сейчас привлекало не меньшее, но совершенно иного рода, внимание к танцовщицам. Тем не менее женщины имитировали повадки и поведение животных с пугающей точностью, при этом они все время декламировали длинную печальную повесть о погоне и убийстве.

Конвей отвернулся, неприкрытая сексуальность танца обожгла его мозг огненным потоком образов, воспоминаний, эмоций. Он прокладывал себе путь через толпу, машинально отвечая короткими резкими кивками на улыбки и приветствия. Кочевники были слишком возбуждены речью Каталлона и предстоящим праздником, чтобы оскорбляться из-за его невнимания.

Выбравшись из толпы, Конвей повернул к своему шатру. Решив, что возникшая перед ним фигура — еще один участник торжества, он отошел в сторону. Темный силуэт загородил ему дорогу. Конвей остановился. Улыбаясь, Алтанар смотрел на него снизу вверх, его лицо было еле различимо в тусклом свете факела, пробивавшемся через стену шатра.

— Каталлон поведал нам удивительные вещи, не так ли?

Не заботясь о том, что подумает Алтанар, Конвей фыркнул.

Однако это не помогло от него отделаться. Алтанар увязался за Конвеем. — Это дурная затея. Церкви не нужен Кос. Летучей Орде не нужны силы Коса для того, чтобы захватить Дом Церкви. Если ты поверил всему тому, что он сказал, то это означает лишь уменьшение доли для остальных. Я говорю, он никогда не нападет на Дом Церкви.

Последнее утверждение прозвучало настолько уверенно, что заинтересовало Конвея. Он остановился и огляделся. Сейчас они были среди шатров, и света как раз хватало, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. Подойдя к Алтанару поближе, глядя в его узкое лицо, Конвей почувствовал, как учащается его пульс. Инстинкт говорил ему, что беседа с Алтанаром в это время и на эту тему означает неминуемое участие в заговоре. Конвей произнес:

— У меня нет настроения играть в игры. Говори, чего тебе надо, и отстань от меня.

По лицу Алтанара расплзлась улыбка.

— Все вокруг — игра, друг мой. Ставки в ней ужасны, но все же это игра. Со своими ходами, контрходами и фигурами.

— И ты сам составляешь правила по ходу игры.

— О, ты еще не играл, но следил внимательно.

Конвей с трудом сумел сохранить маску спокойствия на лице. Неприкрытая двуличность Алтанара была смешна. Смертельна, но смешна.

— Ты никогда бы не пришел ко мне с подобными разговорами, если бы тебя не послал Жрец Луны. Почему он не может просто обратиться ко мне?

— Он считает себя великим интриганом, знает все, о чем думают другие. И из соображений безопасности. Если я поговорю с тобой и ты доложишь об этом, он будет отрицать свою причастность к этому.

— Ты это так говоришь, будто думаешь, что он не сможет этого избежать.

Алтанару удалось мгновение казаться невероятно коварным и сразу же вслед за этим совершенно искренним. Два этих выражения настолько плавно сменяли друг друга, что к тому моменту, как Алтанар ответил, Конвей уже не мог понять, что же он видел на самом деле.

— Я бы даже не заговорил с тобой, не зная заранее, как ты отреагируешь. Я не люблю подобных случайностей. Тебе стоит это запомнить.

— Он приказал тебе проверить меня, не так ли? А если бы ты понял, что я рассержусь и расскажу обо всем Катааллону?

— Я бы солгал. Сказал бы Жрецу Луны, что поговорил с тобой и ты выгнал меня прочь.

— Ты все это мне рассказываешь и думаешь, что я после этого стану тебе доверять?

— Доверяют идиоты. Только страх способен держать нас всех вместе. Когда ты знаешь, что я могу уничтожить тебя, а я знаю, что ты можешь уничтожить меня, мы можем чудесно работать вместе, чтобы уничтожить кого-то третьего.

— Очаровательно. Каков же наш следующий шаг?

— Я отведу тебя к Жрецу Луны. Он сейчас в ярости, так что будь осторожен. Если он подойдет к этим своим проклятым корзинам, готовь громовое оружие. И ни в коем случае не подходи к лунному алтарю.

Сила, прозвучавшая в словах Алтанара, поразила Конвея.

— Ты мне очень помог. Я ценю это. Ты ответишь, если я спрошу: почему?

— Мое существование связано со Жрецом Луны. Все, что идет на пользу ему, идет на пользу и мне. Просто.

— Все ли, Алтанар? — Но тот уже отвернулся и пошел вперед. Вопрос оказался адресован его спине.

Тусклый свет отразился от глаз Алтанара, создав впечатление почти животного взгляда.

— Все. Ты знаешь, я не всегда был слугой... кому бы то ни было. Однажды Жрец Луны снова возвысит меня до того положения, которое я заслуживаю. Я служу ему, ибо моя награда в его руках. — Договорив, он снова отвернулся, и в его походке словно скрывалось осознание того, что он сказал больше, чем хотел. Разговор был окончен.

Конвей был удовлетворен. Еще столько надо обдумать до того, как начнется противостояние со Жрецом Луны.

Глава 94

Алтанар ввел Конвея в комнату, где Жрец Луны принимал гостей. Тот сидел на диване, возбужденно теребя свой тюрбан. Конвей вздрогнул. Каким бы любезным ни хотел показаться Жрец Луны, но рука, постоянно тянувшаяся к уродливому шраму на голове, была неоспоримым доказательством его отвратительного настроения.

Пламя свечей дрожало над подсвечниками, поднимающийся ветер колыхал потолок.

Пойманный в замкнутое пространство шатра дым перемешивался и свивался кольцами. В его глубинах пламя свечей казалось живым и даже разумным.

Конвей понял, что эту сцену долго готовили. Обычно свечи Жреца Луны не дымили, так как были сделаны из пчелиного воска. И свое жилище он всегда проветривал.

Обернувшись, Конвей заметил, как Алтанар потихоньку отходит к двери. Жрец Луны произнес:

— Не спеши, Алтанар. Ты еще можешь мне понадобиться. Ты мне нужен, ты же знаешь. Принеси Конвею стул.

Алтанар кинулся в угол шатра, принес оттуда стул и поставил его в том месте, куда указал Жрец Луны. Тот взмахнул рукой, и Конвей сел. Правая рука Жреца Луны снова взялась за тюрбан. Конвей вдруг обнаружил, что пристально следит за этими движениями. Он вспомнил дыру в черепе, там, где Сайла удалила кость.

— Тебе нравится, когда тебя дурачат, Мэтт? — спросил Жрец Луны.

Щеки Конвея загорелись. Потом за ними последовало горло. Зная, что его злость отлично заметна, Конвей перешел в наступление:

— Решение Каталлона отложить нападение на Дом Церкви нарушает и твои планы.

— Планы. — Жрец Луны беззаботно махнул рукой. — Я могу придумывать планы с такой же легкостью и быстротой, с какой общаюсь со своей Матерью. Нет, мне жаль тебя. Я хотел разозлить тебя. Плохой психолог. Ты уже был зол. Для тебя жизнь иная. Планы важнее. Я не могу видеть, как твоими мотивами столь бессмысленно управляют.

Конвей рассмеялся. Но ему не было весело, и он сам прекрасно слышал горечь в своем смехе.

— Каталлон надул нас обоих. У меня были свои причины уничтожить лицемерие Церкви, но он помешал мне. А ты должен добиться, чтобы кочевники Каталлона атаковали Дом Церкви, ведь другого способа изменить существующую систему у тебя нет.

Жрец Луны спокойно произнес:

— Тебя могут убить за то, что ты слишком много думаешь о моих целях и планах.

— Я нужен тебе. У меня есть своя молния, ты ведь помнишь? Молния, которая убивает.

Жрец Луны с ревом вскочил на ноги.

— Довольно! Как ты можешь говорить о священных предметах, дарованных нам моей Матерью, перед рабом? — Жрец Луны ткнул пальцем в Алтанара. — Оставь нас. Нам с братом надо поговорить.

Алтанар, пятась, вышел из комнаты. Жрец Луны продолжал всматриваться в колышущийся полог. Показав пальцем на рот и шевеля челюстью, он дал Конвею понять, что тот должен говорить. Погода была относительно безопасной темой. Жрец Луны прокрался к выходу. Подождав немного, он издал звук, точь-в-точь похожий на гремучую змею. Потом закричал и прыгнул в проход. Вскоре послышались крики Алтанара, а затем звуки ударов. Алтанар пытался оправдаться, выкрикивая между ударами, что он ничего не слышал.

Когда Жрец Луны с шумом ворвался обратно, Конвей криво усмехнулся.

— Что тут такого смешного? — требовательно спросил тот.

Успокоившись, Конвей задал ответный вопрос:

— Зачем тебе Алтанар?

— Мне необходимо развлечение. Любой другой не смог бы с ним справиться. А мне он помогает отвлечься от дел. Никто не может обмануть меня. — Его лицо потемнело. — Но меня можно огорчить и разочаровать. И я могу быть беспечен. Моя Мать не любит беспечности. Она так усердно трудится. И когда ее сын забывает о своих обязанностях, мне стыдно. — Он склонил голову в припадке угрызений совести.

Не глядя вверх, будто обращаясь к своим ногам, Жрец Луны продолжал говорить свистящим шепотом:

— Они — непослушные дети. Они пытаются избежать моей воли. Воли моей Матери. Они знают, что я ее сын. Сколько уже раз я доказывал это. И все же они не хотят понять, что я все вижу, что я понимаю их интриги еще до того, как они сами их поймут.

Конвей глубоко вздохнул и сам удивился тому, как сильно вдруг стал ему необходим воздух.

— Ты знаешь планы Каталлона?

Жрец Луны слегка скривился, скорее от досады, чем от раздражения.

— Ничто не может укрыться от Жреца Луны. Единственная моя вина в том, что я никак не могу поверить, что все строят козни против меня. Разве ты не видишь? Это бесцельно, бесцельно; я не могу заставить себя серьезно прислушиваться к предупреждениям моей Матери. Она сказала, что Каталлон собирается причинить ей вред. Я услышал, но ничего не сделал.

— Но он не делал ничего, направленного непосредственно против тебя. Возможно, война с Косом займет меньше времени, чем мы рассчитываем. И мы в любом случае возьмем Дом Церкви.

— Я рад, что ты сказал — мы возьмем Дом Церкви. Но этого не произойдет, пока Летучей Ордой правит Каталлон. Разве ты не понимаешь его намерений? Ему не нужны люди из Коса, чтобы завоевать Дом Церкви. Монахи-воины, охраняющие это гнездо шлюх, заслуживают уважения, но мы превосходим их по численности самое меньшее в четыре раза. Тесные связи между Косом и Домом Церкви сложились давно и полезны для обоих, но не являются необходимыми для их выживания. — Он резко остановился, требовательно взглянув на Конвея.

Это было испытание, и Конвей знал об этом. Он попытался встретиться со Жрецом Луны взглядом. Глаза того, казалось, остекленели от напряжения, и это сломило упорство Конвея. Он отвернулся и произнес:

— Каталлон не сможет напасть на Дом Церкви, пока не окончит поход на Кос.

Улыбка Жреца Луны была подобна лезвию ножа.

— Наполовину верно. Но никакой атаки на Дом Церкви не будет. Жнея будет следующей Сестрой-Матерью. Она жаждет власти. Летучая Орда может отправиться куда угодно. Если Жнея пожелает распространить влияние Церкви, Летучая Орда станет ее орудием. Если она отвергнет предложение Каталлона о защите, ее Жриц переловят и перебьют, словно кроликов. Если он умен, а мы это знаем, он будет контролировать Церковь, в то же время имея огромное влияние на последователей культа Луны.

— Ты позабыл про Сайлу и ее Врата.

— Никаких Врат не существует. И никогда не существовало. — Конвей потрясенно моргнул. Жрец Луны продолжал: — Я именно тот, кем себя называю. Я спрашиваю и узнаю все. Тебя заботит эта ведьма — Сайла? Капитан и Жнея еще и сейчас преследуют ее. Все ее труды были бесцельны еще в самом начале. Теперь они закончатся. — Из тонких губ вырвался сухой шелестящий смешок. — Она и другая ведьма, Ланта, выкрали первенца Капитана. Только представь себе это. Самонадеянные дуры. На этот раз Сайла заплатит за свое высокомерие. И высшей ценой.

— Ланта? Украла ребенка? — Конвей заметил во взгляде Жреца Луны мгновенный проблеск сумасшествия. Всерьез разозлившись на себя за то, что его могут волновать поступки Ланты, и не желая раздражать Жреца Луны, Конвей резко произнес: — Это на нее похоже. Она слишком хорошо знает, что нужно другим. Подвергать остальных опасности, это она умеет лучше всего. А что слышно об остальных? Что с Тейт? С Налатаном?

— Они решили последовать за ней. Они помогали ей. Они заслужили все то же, что выпадет на ее долю.

— Должен существовать какой-то способ остановить все это. Дай мне Лиса и двадцать воинов. Десять. У Тейт снайперская винтовка, «вайп», пистолет, патроны. Налатан — настоящая боевая машина. Женщины-целительницы. Нельзя допустить, чтобы все это пропало зря.

Жрец Луны положил руку на плечо Конвея. Она мягко опустилась, сначала пальцы, потом сама ладонь. Конвей наблюдал за движением краешком глаза, как наблюдал бы за пауком, которого боишься потревожить. Когда Жрец Луны заговорил, Конвею

потребовалась вся сила воли, чтобы оторвать взгляд от руки и сосредоточиться на лице собеседника.

— Ход твоих мыслей правилен. Не думай, что я не ценю это. Но все же я должен сказать, что разочаровался в тебе. Разве ты не можешь понять, мне никто не нужен. И ничто. Моя Мать послала меня в этот мир, чтобы я научил его поклоняться ей. Она помогает мне, но всю работу делаю я. И первой моей задачей стала Летучая Орда. Мать сказала, что я должен ее заполучить. Тогда она тоже получит ее. Я бьюсь с Каталлоном не на жизнь, а на смерть. Если я не смогу справиться с ним, значит, я — плохой сын. Ты, наверное, думаешь, что раз я — Бог, значит, могу поразить его небесной карой. Мне бы тоже этого хотелось. Но поскольку здесь я пребываю в смертном теле, то, значит, я должен победить Каталлона в борьбе смертных. Уничтожить его или подчинить, это ее не интересует. Ее единственная уступка мне заключается в том, что я могу победить его с помощью своего разума. Но лишь как человек, не как бог.

Он наклонился и сжал голову руками, печально покачал ею.

— Мне бы хотелось помочь тебе. Но сначала я должен победить Каталлона.

Конвей чувствовал, как его самообладание слабеет, он представил, как внимательно слушает этого мошенника, лепечущего о неминуемой гибели Сайлы и всего ее отряда. Образ поразил его. Он удивился, какое наваждение могло заставить его хоть чуть-чуть поверить словам Жреца Луны. Разве только он и сам такой же сумасшедший, как и жрец.

То, что он хотел — и обязан был — сделать, требовало участия сумасшедшего.

— Избавься от Каталлона. Ты же не позволишь умереть одному из нас. Тейт пришла в этот мир вместе с нами.

От Жреца Луны исходил тяжелый дух коварства.

— Как только я получу власть, проси меня, о чем хочешь. Но до тех пор я должен заниматься своей главной задачей.

Конвей вывернулся из-под руки, лежавшей на его плече. Впереди возвышался стул, на него он излил свою ярость. После удара ногой обломки разлетелись по всей комнате. Конвей схватил ножку и запустил ею в стену, но мягкая ткань издала только тихий хлопок, который еще больше вывел Конвея из себя. Он выхватил пистолет и выстрелил в злосчастную деревяшку. Ткань стен поглотила часть звука, приглушив выстрел до глухого раската. Ножка стула разлетелась на куски. Во все стороны полетели щепки.

Жрец Луны вскочил на ноги, уши зажаты руками, глаза зажмурены. Он сделал несколько шатающихся, неуверенных шагов. Дымящаяся дыра указывала на место, где пуля прошла через ковер и застряла в земле.

Обернувшись к Жрецу Луны, Конвей увидел, что тот смотрит на него округлившимися от потрясения глазами. Конвей направил пистолет ему в живот.

— Ты говоришь о смерти как о какой-то абстракции. Она реальна. И она вечна. Я предлагаю тебе сделку: помоги мне выбраться отсюда, чтобы я мог попытаться помочь остальным, а я решу твой вопрос с Каталлоном.

В шатер ворвался Алтанар. Он сразу заметил Жреца Луны, стоящего перед ним Конвея и ищущий глаз пистолетного ствола. Лицо его мгновенно побледнело. Он пал ниц.

— Я слуга, раб. Я пришел к своему хозяину. Пожалуйста, отпустите меня. Я ничего не видел. Я ничего не хочу.

— Заткнись и пошел вон. — К удивлению Конвея, Жрец Луны быстро восстановил самообладание. Краем глаза он заметил, как Алтанар метнулся к двери. Жрец Луны вернулся на свой диван, двигался он так, будто движение причиняло ему боль. Как ни в чем не бывало уселся. — Это было глупо. И опасно.

Конвей извинился:

— Мой характер. Похоже, он становится хуже. Извини.

— Понимаю. Мы окружены варварством. Через какое-то время оно проникает в душу. Мы все время должны опасаться его. наших проблем не решить с помощью пороха.

— Я уже извинился.

С неожиданной мягкостью Жрец Луны произнес:

— Все же мы из одного рода. Мы должны работать вместе.

Конвею почему-то вспомнилась пара котов. До самого момента драки, коготь за коготь, зуб за зуб, они тоже изображали холодное безразличие.

Ветер снаружи сделался сильнее. Он раскачивал и раздувал стены шатра. Ткань вздыхала и стонала. Растяжки тихо шептали, время от времени пронзительно жалуясь. Внутри свеча гасла за свечой, оставшиеся освещали зловещее серое облако дыма.

— Мы должны уничтожить Каталлона, — сказал наконец Конвей. — Даже если мы его унизим, проблема все равно останется. Таких людей нельзя победить. Убить можно, но победить — нет. Если ты прикажешь идти на Дом Церкви, Каталлон начнет противиться твоей воле. Твоим именем я вызову его. На мечях.

— Он изрубит тебя на кусочки. Даже если твои обожаемые собаки будут с тобой и ты будешь верхом на этой лошади, от которой без ума все дикари вокруг.

Сдержавшись, Конвей засунул пистолет в кобуру.

— Я мог бы удивить вас обоих. Но я предпочитаю играть наверняка. Когда ты собирал свой лунный алтарь, тебе на ум не приходили слова «Клетка Фарадея?»

Жрец Луны тупо повторил фразу, потом, вернув своему лицу суровый вид, произнес:

— Моя Мать не говорит таких слов. Они ничего для меня не значат.

— Но будут значить.

Жрец Луны презрительно фыркнул. Конвей не попался на эту удочку.

— Потребуй, чтобы Каталлон немедленно напал на Дом Церкви. Скажи ему, что твой брат — то есть я — требует доказательств его верности Жрецу Луны. Я буду готов через три дня, самое большее — через четыре. Я хочу видеть Дом Церкви в руинах. Что ты и твоя Мать будете делать после этого, меня совершенно не касается. Я выхожу из игры. Ты можешь дать мне слово, что все так и будет? Как только я разделаюсь с Каталлоном, мы идем к Дому Церкви?

— Сразись с Каталлоном, и ты умрешь.

Рука Конвея непроизвольно двинулась к кобуре.

— Слово. Я хочу его услышать.

Подавив лицемерный вздох, Жрец Луны сдался:

— Я дам тебе слово. Я помолюсь за тебя.

— Чудесно. Премного благодарен. — Конвей развернулся и вышел.

Оставшись один, Жрец Луны некоторое время поглаживал свой тюрбан. Осталось всего две свечи, пятна света прыгали вокруг колышущихся язычков пламени. Жрец Луны дважды хлопнул в ладоши. Складки ткани у него за спиной разошлись в стороны, и в комнату скользнула белая, похожая на привидение фигура. Баек вышла и встала перед Жрецом Луны. Она повертела головой, подвинулась на шаг вправо и поклонилась.

Жрец Луны ухмыльнулся:

— Ты удивляешь меня. Ты точно знаешь, где я нахожусь. Колдовство.

Она мягко улыбнулась:

— Никакой магии. Многие слепые могут чувствовать, где стоят другие люди. От тебя веет силой. Я слышу тебя, слышу звук бегущей воды. Ветра. Это звуки гор.

Скрестив руки на груди, Жрец Луны одобрительно кивнул.

— Правда? Горы. Ты никогда не говорила об этом. Какая чудесная мысль. — Он неохотно вернулся к серьезным делам: — Ты слышала моего брата?

По ее лицу пробежала быстрая тень неодобрения.

— Он говорил слишком самоуверенно, даже если он искренне хотел тебе помочь. Он жесток, но внутри у него умирает хороший человек. Кто причинил ему такую боль?

— Все, что от него требуется, это помощь. Мне. Нам. Культ Луны.

— Ты бесподобен. Но разве он сможет победить Каталлона? Убить его для тебя?

Жрец Луны поднялся навстречу Баек. Положив руки на ее плечи, он легонько поглаживал их, продолжая говорить:

— Мой брат один из тех, кто выжил. В этом его талант. Каталлон умрет. Моя Мать предопределила это. А потом мы соединим Церковь и Танец-под-Луной в мире и согласии.

Баек накрыла ладонями его руки, остановила их. Потом, загадочно улыбаясь, она медленно поднесла их к своей груди, прижала к ней. Ее голос стал низким и густым:

— Я соблазняю тебя. Я исповедуюсь и хочу получить твое прощение до того, как заговорю. Я ужасна, не правда ли?

— Ужасна. — Слою было больше похоже на карканье. Лицо Жреца Луны покрылось бисеринками пота. Он попытался вырваться, попытался увести ее отсюда. Она держала крепко, положила руки на старое место. Прижавшись к нему всем телом, она произнесла:

— Прости меня. Сначала.

Он засмеялся, звук получился грубый и натянутый.

— Искушительница. Что это за великий грех, о котором я должен узнать? Ты же знаешь, я ни в чем не могу тебе отказать.

Улыбка исчезла, сменившись неподдельной заинтересованностью.

— Девушка, работавшая со мной, та, которую убили. Зики. Я знаю, кто ее убил. Не надо было этого делать. Она была просто маленькой девочкой, никому не причинявшей вреда.

— Это все? — На этот раз он облегченно рассмеялся. — Я знал, что ты знала. Это необходимо было сделать. Она была всего лишь рабыней, и притом шпионкой. Бедная Баек, малышка, ты напрасно беспокоилась. — Жрец Луны прижал ее к себе, потом отступил на шаг и указал на разрез в стене. — Человек во мне желает твоей тайны. Бог во мне знает о тебе все. Какая женщина может хотеть большего? И как мне повезло, что моя Мать направила тебя ко мне.

Двигаясь рядом с ним, Баек одной рукой обняла Жреца Луны.

— От тебя ничего не скроешь, верно? Я жду того момента, когда смогу предстать перед твоей Матерью. Какой чудесный день. Мы действительно вместе отправимся к ней?

— Когда отправлюсь я, ты последуешь за мной. Обещаю. — Он придержал полог и поторопил Баек. Идя следом за ней, Жрец Луны стягивал с себя мантию.

Потом, вглядываясь во тьму своей спальни, он вспомнил все события сегодняшнего вечера и решил, что все идет невероятно гладко. Он вытянулся, наслаждаясь этим. Власть. Могущество. Секс. Как удивительно, как восхитительно все перемешалось. Совершенно неотлично. Удовольствие, полученное от одного, увеличивало удовольствие, доставленное другим.

Баек. Вселенная удовольствий.

Умная. Как это она сказала? «Маленькой девочкой, никому не причинявшей вреда». Грязная шпионка, вот она кто. Обманула Баек. Это просто: она так доверчива. Надо отдать ей должное, учитывая все, что ей пришлось вытерпеть. Грязная шпионка. Лис слышал. Лис слышит все. Глупая женщина, говорила с Конвеем в его первый день в Орде. Ну ладно, эта проблема тоже скоро решится. Конвей присоединится к своей маленькой утонувшей подружке, как там ее.

Вздохнув, Жрец Луны перекатился на бок и положил руку на мягкое, гибкое тело, лежавшее рядом с ним. Стоило ему закрыть глаза, как он тут же уснул.

Глава 95

Человек-Огонь осторожно нагнулся перед входом в шатер Конвея.

— Хозяин?

Говорил он тихо. После яростного спора между Жрецом Луны и Каталлоном находиться в рядах их явных сторонников стало небезопасно. Кое-кто уже погиб из-за того, что называл Каталлона неверующим; те, кто звал Жреца Луны чужаком и лжепророком, тоже не задерживались на этом свете.

Измученный Конвей выглянул наружу, его лицо было заспанным. Он огляделся, потом

жестом пригласил Человека-Огня внутрь.

Раб присел на корточки у небольшого кухонного очага. Конвей зачерпнул из блестящего котелка в миску мяса и подал Человеку-Огню. Тот взял миску в обе руки и благодарно улыбнулся. Покачивая головой, произнес:

— До того, как прийти сюда, я был у шатра Каталлона. Этим утром его рабам не дали мяса.

— Почему? — Конвей наложил себе полную миску и уселся напротив Человека-Огня. Карда ползком подобрался поближе к нему. Микка осталась на месте, но ее глаза были прикованы к рукам Конвея. Но он лишь посоветовал собакам перестать выпрашивать подачки. Те положили головы на пол, явно оплакивая себя, как жертв голодной смерти и запустения.

Человек-Огонь сказал:

— Несколько Танцующих-под-Луной этой ночью подобрались к шатру Каталлона и пели в темноте гимны. Каталлону это не понравилось: «Они были достаточно близко, чтобы не только петь, но и пускать стрелы». Всех охранников отослали в их лагерь с приказом выслать на замену воинов получше. Рабов выпороли.

Ухмылка Конвея блеснула белым в сумраке шатра.

— Большинство отдает предпочтение мне или Каталлону?

Покачивая головой, Человек-Огонь вдруг посерьезнел.

— Об этом не распространяются. Они ждут.

— Чтобы увидеть, кто же победит?

— Да. — Человек-Огонь неловко пошевелился и принялся рассматривать свою миску, будто ожидал увидеть в ней какую-нибудь гадость.

— С этим покончили. — Конвей ткнул пальцами в колено Огня. — Что еще?

— Ну, они ждут, кто же выиграет. Я говорю правду. — Он быстро взглянул в глаза Конвея и решил открыть все сразу: — Они считают, что Каталлон убьет тебя одной левой. Что их интересует на самом деле, так это что же будет потом? Если Каталлон может убить брата бога, может ли он убить самого бога? Поразит ли бог Каталлона? Что станет с Летучей Ордой? Не станет ли бог мстить всем подряд за смерть своего брата? Вот что всех волнует.

Конвей прикончил последнюю ложку рагу и со стоном поднялся.

— Мне необходимо выспаться. Я почти всю ночь на ногах. — Он улыбнулся угрюмому собеседнику. — Чего беспокоиться? Сегодня ночью я умру. И тогда уж отдохну.

Человек-Огонь отставил миску и встал на колени.

— Ты считаешь меня человеком, Мэтт Конвей. Здесь, с тобой, я больше не раб. Я служу тебе потому, что это моя обязанность. Послушай меня сейчас, как слушал бы другого человека, человека, повидавшего многое. Воспользуйся оружием-молнией. Я видел, на что оно способно. Убей Каталлона. Ты слишком хороший человек, чтобы умирать за Жреца Луны.

— Я не собираюсь ни за кого умирать. — Конвей извлек из кожаного мешка две коровьих берцовых кости и бросил их собакам. Те вскочили на ноги и удалились с добычей в дальний угол. Вскоре оттуда донеслись хруст и чавканье. Конвей продолжил: — Я борюсь с Церковью. Она разрушила мою жизнь.

Человек-Огонь вскочил на ногу.

— Ты и раньше так говорил. Но мне трудно в это поверить. Церковь всегда была добра ко мне.

— Да, но не ко мне. Не надо больше об этом. Когда я убью Каталлона, Жрец Луны поведет Летучую Орду на штурм Церкви. Если бы Каталлон сам хотел сделать это, я бы никогда не стал ссориться с ним. Вот все, что тебе нужно знать.

Человек-Огонь стоял перед Конвеем. Он нервничал, неуверенно переступал с ноги на ногу, руки совершали бессмысленные движения. Подбородок агрессивно выдвинулся вперед. В конце концов Конвей потерял терпение. Он сердито произнес:

— Ну давай же. Что там еще? Мы что, все утро так будем стоять, ты словно под

тяжестью чего-то, а я пытаюсь выяснить, о чем же ты думаешь?

Собаки у себя в углу внезапно замолчали. Не обращая внимания на этот явный признак настороженности или просто не замечая его, Человек-Огонь произнес:

— Возможно, пришло время поделиться некоторыми новостями. Я не так невежествен, как кажусь. И не глуп. Я знаю о тебе. — Увидев, как Конвей отступил на шаг назад, Человек-Огонь начал говорить быстрее: — Около лагеря Людей Длинного Неба остановился торговец. Рабы и торговцы чувствуют, что они — родственные души. Так всегда бывает с теми, кого презирают. Они обмениваются слухами. Любой раб в Летучей Орде и почти каждый человек, живущий между этими местами и Гаванью, знают о том, как ты потерял женщину по имени Ти.

Зарычав, Конвей потянулся к горлу Человека-Огня. Собаки вскочили со своего места и с лаем кинулись в атаку. Только увидев их, Конвей пришел в себя. Он едва успел спасти Человека-Огня. Развернувшись на месте, он собственным телом заслонил раба от разъяренных псов, одновременно приказав им лежать. Продолжая рычать, собаки все же повиновались.

Человек-Огонь, облизывая губы, попятился назад.

— Кто-то должен был передать тебе слова торговца: маленькая жрица не предавала тебя. — Человек-Огонь чуть присел, готовый прыгнуть к выходу. Собаки рычали, словно далекая гроза.

Конвей устало проговорил:

— Ты ничего не знаешь. Торговец ничего не знает. Убирайся с моих глаз. Иди к рабам Каталлона, передай им, что я возвращаю тебя. Еще раз подойдешь, я спущу на тебя собак. — Отвернувшись, Конвей наклонился подбросить дров в огонь.

Из своего укрытия в десяти шагах от жилища Конвея Алтанар видел, как Человек-Огонь поспешно выскочил из шатра, как он, нервно оглядываясь через плечо, пошел прочь от него. Когда Человек-Огонь поравнялся с лошадьми, за которыми скрывался Алтанар, тот вышел из укрытия и загородил ему дорогу. Человек-Огонь мгновенно остановился и занял оборонительную позицию.

Об улыбку Алтанара, казалось, можно порезаться.

— Ты сказал ему, что знаешь о женщине? — Человек-Огонь кивнул. Алтанар протянул руки и ухватил ладонь Человека-Огня. Упершись большими пальцами в тыльную сторону ладони и переплетя остальные снизу, он вывернул руку вниз и назад. По лицу Человека-Огня пробежала волна боли. Он дернул руку, но не настолько сильно, чтобы освободить ее. — Никогда не трясись передо мной своей пустой башкой, — произнес Алтанар. — Мне нужен нормальный ответ. Не обязательно разумный, но по крайней мере такой, который я могу услышать. — Выпустив ладонь, он продолжил: — Как он реагировал?

Человек-Огонь угрюмо опустил голову.

— Он схватил меня. За горло. Собаки бросились на меня. Я чуть не погиб.

— Чуть. — Алтанар повторил это слово нараспев. — Конвей во всем винит Церковь?

— Да.

— Хорошо. Это объясняет сразу несколько вещей; видимо, Торговец говорил правду. Да, когда Конвей будет драться с Каталлоном, он воспользуется оружием-молнией?

— Нет.

— Ты уверен? — Это был скорее вызов, а не вопрос.

— Он так сказал.

— В таком случае нам нечего бояться. Каталлон убьет его. — Алтанар нагнулся вперед и похлопал Человека-Огня по больному запястью. — Никогда не забывай о манерах. Сломанные запястья редко срастаются правильно. — Он двинулся прочь пружинистым шагом, насвистывая какую-то мелодию.

Человек-Огонь провел по лицу ладонью. Она оставила след на блестящей пленке холодного пота. Поглядев на руку и увидев, как она трясется, он раздраженно покачал головой и двинулся дальше, пробормотав сам себе:

— Величайшее желание Конвея — уничтожить Церковь. Величайший враг Жреца Луны — Церковь. Алтанар, который существует лишь благодаря Жрецу Луны, хочет уничтожить Конвея. Это значительно ослабит позиции Жреца Луны и может даже погубить его. Алтанар может причинить вред кому угодно и в любое время. Да. Я знаю об этом. Но Жрец Луны умнее. Так зачем же уничтожать Конвея?

Немного не доходя до бараков, в которых жили рабы Каталлона, Человек-Огонь оглянулся. Вроде бы за ним никто не шел. Он быстро проскользнул между двумя шатрами и развернулся, чтобы проверить, нет ли преследователей. Какие-то дети заметили его и стали, смеясь, тыкать пальцами. Женщина, стоявшая у входа в шатер, крикнула, чтобы он убирался отсюда.

Выбравшись из-за шатров, Человек-Огонь направился к кустам, росшим на берегу ручья, протекавшего позади купальни. Двигаясь по течению, он подобрался к самому шатру. Убедившись, что поблизости никого нет, громко крикнул, подражая ястребу. Потом улегся и стал ждать.

Вход в шатер открылся. Вышла Баек. Сделав несколько шагов, она встряхнула перекинутую через руку тряпку и вернулась внутрь.

Убедившись, что все спокойно, Человек-Огонь пополз вперед, прячась от посторонних глаз. Подобравшись к самому шатру, он одним прыжком преодолел расстояние между кустами и полотняной стеной. Бросившись на землю и нырнув под ткань, вкатился внутрь. Он поднялся на ноги, затем настороженно присел. Его приветствовал мягкий смех.

— Баек? — Глаза силились хоть что-нибудь разглядеть в неверном свете.

— Конечно. Что случилось?

Человек-Огонь поведал об утренних событиях, закончив рассказ словами:

— Что же они задумали? Какую выгоду могут Алтанар или Жрец Луны получить от смерти Конвея?

Баек надолго задумалась. В конце концов пожала плечами.

— Если нам все удастся, то это не имеет значения.

— А если нет?

Смех Баек громом раскатился по сумрачной комнате. Услышав его, Человек-Огонь сморщился. В нем звучали расставание, меланхолия, вызывавшая у него образы бесконечных дорог, покинутых лагерей, погасших и остывших костров.

Рука Баек коснулась его губ. Потом ее пальцы пробежали вдоль шрама, который, казалось, уже знали наизусть.

— Мой самый дорогой друг. Как легко мне бывает предвидеть твое поведение, и какое счастье, что никто другой не видит в тебе того хитроумного интригана, которым ты являешься.

Мягко отстранив ее руку и сжав ее в своей, Человек-Огонь произнес:

— Я видел в шатре Конвея его новую кольчугу. Она достаёт ему до колен. Ее вес замедляет движения. И Каталлон это обязательно заметит.

— Конвей знает, что доспехи не заменят ему потери подвижности. Может быть, мы здесь не единственные обманщики? — Она изобразила крайнее удивление.

Покачивая головой, Человек-Огонь ответил:

— Иногда твое новообретенное спокойствие меня пугает. — Ее ладонь напряглась, и мужчина крепче сжал ее в своей. — Я не то хотел сказать. Я буду помогать тебе во всем. Просто, по-моему, над этим не стоит смеяться.

Голос Баек тут же сделался сочувственным:

— Я все время забываю, что для тебя все по-другому. Я так хочу, чтобы ты мог разделить мое спокойствие, мою радость. Это не конец, на самом деле. Это — начало. Попробуй в это поверить.

— Я верю, что для тебя это так. Если так будет и для меня, то я только обрадуюсь. Коль скоро я могу освободить от него этот мир, я встречу собственную судьбу без сожалений.

— Такая ужасная цена. Я бы хотела...

— Нет, нет, нет, — оборвал ее Человек-Огонь, — никаких желаний, никаких «что, если». Все уже решено.

— Как хорошо, что можно вот так это сказать. Нет больше ни страха, ни боли, ни стыда. — Она прижалась к нему, обвила руками, прижалась щекой к груди. — Конец тьме. Я очищусь, Человек-Огонь. Я снова соединюсь со своими сестрами. Они простят меня. И Церковь тоже.

— Дорогая Баек, они уже давно простили тебя. Ты заплатила за все свои ошибки, и не один раз.

Она запрокинула голову, глядя ему прямо в лицо. Он вдруг почувствовал, что что-то большее, чем простое зрение, позволяет ей заглянуть в его чувства. Она заговорила:

— Ты тоже страдал. И заплатил. Разве ты не можешь почувствовать хоть чуточку счастья при мысли, что все плохое кончается?

— Я даже не могу вспомнить, что такое счастье. Все, что мне надо, — это удовлетворение. Оно нужно мне даже больше, чем свобода.

Снова прижавшись к нему, она заговорила тихим, задумчивым голосом:

— Иногда я думаю о том, что мы делаем. Это неправильно. Мне не нравится думать, что мы — плохие. Но это необходимо сделать, не так ли? Я не просто жестока, ведь так? Иногда по ночам, когда я совсем одна и кругом тихо, я думаю о том, что произошло, и мне хочется, чтобы они ощутили боль. Как я. И я не могу гордиться такими мыслями.

Человек-Огонь раскачивался на месте, баюкая ее в своих руках.

— Тише. То, что мы делаем, необходимо сделать. Для нас, да. Для других, тех, кого мы никогда не узнаем, да. Для Церкви, да. Мы нанесем злу удар.

Глава 96

Темное небо нависло над долиной, служившей Летучей Орде домом. Прямо над головой и на востоке были видны бесчисленные звезды. На западе их свет был несколько приглушенным, а зубчатая линия гор нечеткой. Несколько жрецов уже высказались по этому поводу, интерпретируя это явление, как тайные туманы, и упоминая о надвигающемся сражении добра и зла.

Телохранители Каталлона нашли их. Жрецам твердо дали понять, что Каталлон в любом случае представляет собой добро. Больше никаких разговоров о добре и зле не было.

Тем не менее погода, как и все, касавшееся сражения между Каталлоном и Конвеем, была необычной. Животные вели себя странно. Не одни только жрецы повторяли, что к жизни пробудились неведомые силы.

Люди с факелами текли из соседних лагерей сначала ручейками, потом потоками и, наконец, слились в три пылающие реки. Все собирались на вершине плоского холма. С него было отлично видно всю долину. В любое другое время движение огней во тьме представляло бы собой картину несравненной красоты.

Конвей, одиноко стоявший на краю обрыва, размышлял об огненных змеях. И о Жреце Луны.

В его разум уже начали закрадываться подозрения и сомнения. И чего бы они ни касались, всюду оставался осадок страха. Его не покидали те же дурные предчувствия, что и после битвы, в которой погиб молодой Коссиар. И что еще хуже, вернулось ощущение вины.

Вокруг толкались люди, толпа возбужденно шумела. Лаяли собаки, носившиеся вокруг извивающихся колонн. Несмотря на темноту, всюю кричали петухи.

Но во всем чувствовалось какое-то судорожное напряжение. Когда собаки натыкались друг на друга, обычное тьяканье и рычание тут же выливалось в кровавую схватку.

В смехе слышалось подавляемое напряжение. Люди тоже сталкивались друг с другом в темноте, и эти мелкие неприятности тоже становились причиной жестоких ссор.

Даже за полотняными стенами шатра Каталлона нельзя было скрыться от этого всеобщего чувства хрупкого равновесия. Младшие вожди племен сидели кружком. В их

собрании присутствовала какая-то необычная отдаленность между людьми, каждый старался подальше отодвинуться от соседей. Казалось, будто все они ожидают удара в спину.

Каталлон прошел к своему креслу. На нем была кожаная куртка до пояса, а поверх нее кольчуга. Сотни стальных колец тихо звенели в такт его шагам. К кожаным штанам были пришиты вертикальные металлические полосы, защищавшие ноги от рубящих ударов. В ножнах, висящих за спиной, был меч. Его рукоятку украшали фазаньи перья, развевавшиеся на ветру.

Вытащив из ножен, висящих на боку, длинный тонкий кинжал, Каталлон вонзил его в стул, на котором обычно сидел Вождь Войны. Все судорожно вздохнули; в шатре Каталлона никто не обнажал оружия. Запрет вряд ли касался самого Каталлона, но, сколько они себя помнили, он уважал его. Каталлон произнес:

— Я уже беседовал с каждым из вас наедине, прося вашего совета. Но пока я не вошел в эту комнату, я не принял решения. Некоторые предлагали пойти со Жрецом Луны на компромисс. Вы говорили, и совершенно верно, что мне достаточно победить Конвея, чтобы доказать, что вождь Летучей Орды может противостоять богу. Так или иначе, но вызов Жреца Луны направлен на то, чтобы захватить власть над Летучей Ордой. Я умру до того, как он поделится этой властью со мной. Если Конвей изберет в этом споре сторону Жреца Луны, он должен готовиться умереть за него. Все согласны с тем, что Жрец Луны — святой. Но Конвей? Должны ли мы верить, что любой пришелец, владеющий магией, является богом? Жрец Луны говорил, что, когда его время вне Луны кончится, он умрет человеческой смертью. Но кто может сказать, когда и как оно кончится? Что касается меня, то если я не буду тем Каталлоном, каким являюсь сейчас, то предпочту быть мертвым Каталлоном.

Вождь Людей Длинного Неба медленно встал. На нем была четырехцветная куртка, соответствующая его званию. На штанах и башмаках были бисером вышиты священные символы, связанные со скитаниями племени до того, как оно стало частью Летучей Орды. Прежде чем заговорить, он приложил руку к сердцу, это значило, что он ручается за свои слова честью.

— Отвага, мужество и искусство Каталлона всегда вели нас к победе. Над людьми. Все мы сражались бок о бок с ним. Мы убивали людей. Забирали людей в рабство. Если Каталлон желает сразиться с божеством, мы лишь можем затаить дыхание. Ни у одного из нас нет его отваги.

Каталлон ухмыльнулся.

— Ни у одного из вас нет и твоей отваги, иначе бы ты не был сейчас одинок в споре со мной. Все вы боитесь того, что произойдет в случае моего поражения.

Вождь Длинного Неба вздрогнул.

— Или твоей победы. Убей Конвея, и что сделает с нами гнев Жреца Луны?

— Конвей ненавидит Церковь. Ты знаешь, почему? Он обвиняет целительницу в смерти своей шлюхи-рабыни. Говорят, он любил ее. Брат какого бога будет любить шлюху или рабыню? Чтобы выполнить наказ своей Матери, Жрецу Луны необходимо всюду заменить Церковь культом Луны. Он не может сделать этого без помощи Летучей Орды. Я собираюсь захватить Дом Церкви, но сам и лишь в то время, когда это будет нужно мне. Жрец Луны надеется, что его «брат» убьет меня лишь потому, что это позволит ему достичь своей цели. Помните мои слова: когда я убью Конвея, со Жрецом Луны будет намного легче справиться.

Вождь Длинного Неба упорно не соглашался.

— Мы не можем помочь тебе. Мы не хотим останавливать тебя. Ты — Каталлон. Мы уважаем твое право выбирать между жизнью и смертью. Но мы просим, чтобы ты поговорил со Жрецом Луны. Скажи ему, чтобы он не обрушивал свою месть на твоих последователей.

— Я сделаю это. — Каталлон выдернул кинжал из деревянного стула. — Жрец Луны стоил мне хорошего друга и много хороших воинов. Я принял это, как все люди принимают прихоти богов. Конвей — совсем другое дело.

Поднялся еще один вождь. Он нервничал, и от этого его речь стала быстрой, а голос

хриплым. Его поведение было жестким контрастом мрачному достоинству вождя племени Длинного Неба.

— Собаки. Конь. Что с молнией?

— Жрец Луны говорил только о мечах. И ножах. Если на меня нападут собаки или лошадь, убейте их.

Вождь торопливо вернулся на свое место. Вождь Длинного Неба бросил на него холодный взгляд и обратился к Каталлону:

— Почему Жрец Луны поставил на месте состязания алтарь Луны?

— Таким образом Жрец Луны и его новообретенный «брат» будут связаны со своей Матерью-Луной.

Потом, будто только что заметив, Каталлон посмотрел на Лиса. Между ними повисла суровая холодная тишина. Напряжение в комнате было подобно искре, которой недостает лишь легкого ветерка, чтобы взорваться ослепительной вспышкой. Вождь Длинного Неба сказал Каталлону:

— Мы уже говорили о Лисе Одиннадцатом. Он сделал Ураган отрядом наших лучших дозорных и охотников. Мы уважаем его и доверяем ему.

Каталлон произнес:

— Мы в чем-то схожи, Лис и я. Как я есть Летучая Орда и Летучая Орда есть я, так он принадлежит Жрецу Луны.

Встал Лис, на нем была куртка из шкуры антилопы и штаны, одежда была расшита узором из шкурок кролика, изображавшим лианы. Когда он жестикулировал, мускулы на обнаженных руках перекачивались и жестокость, дремавшую внутри, невозможно было не заметить.

— Командовать может один только Каталлон. Все согласны с этим. Жрец Луны никогда не утверждал противного. Он лишь говорил, что Церковь — это всеобщий враг, и Каталлон должен в первую очередь напасть на Дом Церкви.

Собравшиеся вожди настолько пристально наблюдали за Каталлоном, что, казалось, окаменели. Каталлон рассмеялся.

— «Жрец Луны говорил». Посмотрите на себя. У всех на уме одна и та же мысль: что, если Каталлон умрет? Но Каталлон не умрет.

Каталлон вышел из своего шатра. Воин тут же зажег факел, прикрепленный к шесту рядом со входом. Другой подхватил боевое черно-красное знамя Каталлона, готовый последовать за ним. Каталлон двинулся вперед, направляясь по освободившейся дороге к месту состязаний. Через пятьдесят шагов другой воин зажег еще один факел на шесте. Продвижение Каталлона отмечалось все новыми и новыми факелами, и с каждым разом толпа все громче и громче выражала свое одобрение.

Но за этим естественным возбуждением скрывалось какое-то предчувствие.

Разговоры были слишком громкими и быстрыми. Дети капризно плакали, иногда безо всякой причины.

К тому моменту, как Каталлон с вождями добрались до отгороженного места, на ветру полыхало тридцать факелов. Приветствия уже превратились в монотонный рев: Ка-тал-лон, Ка-тал-лон. Ночь содрогалась от этих слов. Заговорили барабаны.

Каталлон поднял свое знамя и вышел на арену. Он воткнул древко в землю в нескольких шагах от алтаря. На арене горел всего один небольшой факел, но и он располагался далеко, где-то за алтарем. Факелы, которые принесли с собой люди, тушили, как только их хозяева добирались до арены. На этом настоял Жрец Луны. Народ согласился. Эта битва должна была подтвердить или опровергнуть мощь Луны. Нельзя осквернять ее светом факелов.

Появился Жрец Луны. Каким-то образом ему удалось пробраться сквозь толпу незамеченным, и теперь он, словно по волшебству, оказался под одиноким факелом. Одетый в белый халат из плотной ткани и тюрбан, он несколько секунд неподвижно стоял, неодобрительно глядя на толпу.

Приветствия стихли. Один за другим смолкали барабаны. Когда затих последний, над ареной повисла тишина, какая обычно следует за пошлым замечанием. Жрец Луны подошел к алтарю. Из-за развевающегося халата казалось, что он плывет. В вытянутой руке на серебряной цепочке раскачивался массивный лунный диск. Символ его могущества, он поймал свет луны и засверкал такой же холодной красотой. Один из зрителей в истерике разорвал рубаху и закричал, чтобы это сияние поглотило его душу. Воин, чьи волосы были заплетены на манер конской гривы, запрокинул голову, в экстазе повторяя имя Жреца Луны.

Теперь толпа приветствовала человека в белом. Снова забили барабаны, теперь они выбивали две ноты подряд: сильный удар, потом слабый. И медленнее. Скорее вкрадчиво, чем настойчиво.

В едином с ними ритме затопали ноги. Гром, порожденный сотнями тяжелых сапог, прокатился по земле, угрожающий грохот, аккомпанирующий приглушенным голосам:

— Жрец Луны! Жрец Луны!

Конвей не приближался к алтарю до тех пор, пока там не показался Жрец Луны, стоящий на нижней медной ступени. Два воина Гор, сидя на своих сиденьях, крутили рычаги. Диск раздраженно гудел, понемногу набирая обороты. Щеточки с шипением скользили по ободу.

Жрец Луны ступил на алтарь, чтобы проверить, как он работает.

Первый взрыв смеха заставил его рывком выпрямиться.

Шагая так, словно у него болят ноги, Конвей направлялся к центру арены. С непокрытой головой, одетый в до смешного длинную свободную кольчугу, он сжимал в бронированных перчатках тяжелый меч. Сапоги были явно ему велики.

Вид у него был скорее шутовской, чем божественный.

В толпе послышалось хихиканье, подавляемые приступы смеха, сначала в одном месте, потом в другом. Какой-то ребенок закричал:

— Что это? — и пошатнувшаяся плотина уважения рухнула под напором веселья.

Жрец Луны так разъярился, что, казалось, сейчас рухнет с алтаря. Нагнувшись к Конвею, чтобы его слова не слышали воины, крутящие колесо, он сказал:

— Ты делаешь дураков из нас обоих. Мое достоинство, мой престиж...

— Твоя задница. — Конвей был бледен и так же мрачен, как Жрец Луны — зол. — Сейчас я участвую в представлении, а не ты. Прицепи эту штуку так, как я тебе говорил. — Он протянул Жрецу Луны медную проволоку, тщательно скрывая ее и от толпы, и от воинов, крутящих колесо. Жрец Луны с ворчанием отошел. Остановился перед кувшином, в котором стоял Человек-Который-Есть-Смерть. Прикрепив проволоку к металлу, он отступил назад и исподтишка взглянул на Конвея.

Когда тот двинулся от алтаря, проволока у него за спиной начала разматываться. Это была тонкая проволока, невидимая в лунном свете. Чтобы скрыть последние следы обмана, поднявшийся ветер начал раскачивать пламя факелов. Освещение превратилось в головокружительный хоровод теней. Даже сама ночь помогала скрыть обман. Туман, который раньше закрывал звезды на западе, теперь висел прямо над головой. Своей пеленой он окутал Луну, сделав ее свет мертвенно-бледным.

На этот раз, когда кто-нибудь начал показывать на чудесным образом затянувшееся туманом небо и шепотом говорить о знамениях, ответом ему были проклятия и раздраженные советы прекратить пугать маленьких детей.

Глава 97

Каталлон вытащил меч. Сжав тяжелую рукоятку двумя руками, он поднял его над головой и прокричал свой вызов:

— Я — Каталлон! Я — Летучая Орда! Кто хочет испытать меня?

Едва различимый в колеблющемся свете, он напоминал быка, увенчанного гипнотизирующим блеском стального клинка.

Услышав первый выкрик Каталлона, Конвей невольно отступил назад. Покраснев, огляделся. Все взгляды были прикованы к Каталлону.

Все, кроме Жреца Луны. Тот лукаво прошептал:

— Он внушает уважение, не так ли? Пугает. Никто не знает, скольких он убил, даже он сам.

Конвей, кивнув в сторону алтаря, проговорил уголком рта:

— Эта штука заряжается?

— Заряжается? Если ты имеешь в виду, что небесные врата к моей Матери открыты и я нахожусь в контакте с ней, то да. Когда тебе понадобится ее сила, ты получишь ее. Если только не нанесешь Матери оскорбление.

Конвей, раздраженный словами Жреца Луны, отвернулся от Каталлона. Глаза Жреца были словно крошечные точки посреди блестящих белков. Угловатое лицо агрессивно повернуто к Конвею.

Безумие всего этого спектакля наконец преодолело стену ненависти, окружавшую Конвея. Он убедил себя в том, что этот безумец ему необходим. Теперь он доверился ему и зависел только от его милости.

Конвей горько сказал себе, что заслужил такого Жреца Луны. Они делили друг с другом прошлое, делили настоящее. Теперь они делят будущее. И оба во власти безумия.

Почему?

Настойчивая дробь небольшого барабана проникла в глубину его поглощенного собой сознания. Этот звук вызвал новые видения. Он увидел Ти, как она умирает, то, что он не мог и не хотел видеть с самого момента ее гибели. Теперь, когда перед ним, возможно, стоял его собственный убийца, Конвей вспомнил ее храбрость и ее преданность.

Уничтожение Церкви, месть Лайте — как бы на это смотрела Ти?

Стал бы задавать сейчас себе этот вопрос по-настоящему храбрый человек?

Стал бы рационально мыслящий человек в одиночку разрушать столь явно правильную организацию, какой являлась Церковь?

Внезапно Конвей осознал, что все вокруг смолкли. Слышно было, лишь как потрескивает на ветру одинокий факел да шепчет лунный диск на алтаре.

— Слишком испуган, чтобы отвечать? — поддразнил его Каталлон. Его меч описывал круги в воздухе. — Может быть, слишком испуган, чтобы двигаться?

— Я могу двигаться. — Ответ прозвучал жалко. Конвей попытался добавить ему силы, сделав горизонтальный выпад мечом. Каталлон, увидев медлительность его движений, хищно усмехнулся и двинулся вперед.

Конвей тайком проверил, хорошо ли прикреплена проволока к его доспехам.

Жрец Луны, держась за резные шесты, стоял у вращающегося диска. Он широко улыбался Конвею.

Каталлон скользнул вперед, шаги его были обманчиво быстрыми. Меч со свистом опустился, пытаясь раскроить Конвею череп. Тот торопливо поднял свой клинок, чтобы парировать удар.

Сила удара заставила его зашататься. Колени чуть подогнулись.

И больше ничего.

Скрипучий смех Жреца Луны прозвучал, словно дикий вопль предателя.

Бороться за свою жизнь в поединке, которого вообще никогда не должно было произойти. Конвей будто смотрел на себя со стороны.

Ланта. Я так и не сказал ей, что виноват.

В передних рядах толпы, у самой натянутой веревки, Лис раздраженно отпихнул от себя навалившегося на него человека. Обернувшись, он узнал Алтанара и схватил раба за руку, заставив того от боли привстать на цыпочки. Почти касаясь губами уха Алтанара, Лис произнес:

— Где ты был? Ты видел, что произошло? Что ты сделал? Жрец Луны сказал, что его Мать насмерть поразит Каталлона, как только он прикоснется к Конвею. Ты, наверное,

осквернил шатер Жреца Луны. Или алтарь. Или еще что-то. Что ты сделал?

— Ничего! Клянусь. Я бы ни за что не осмелился прикоснуться к алтарю.

— Тогда почему Каталлон все еще жив? Посмотри, Конвею едва удастся защищаться. Каталлон играет с ним.

Алтанар попытался разжать пальцы Лиса. Неохотно, не отрывая взгляда от поединка под лунным светом, Лис выпустил его. Он продолжал недовольно ворчать:

— Мне было обещано оружие-молния. И все силы Летучей Орды. Сам Жрец Луны так сказал. Он не может ошибиться. Если, конечно, ты чего-нибудь не сделал.

Потирая руку, Алтанар произнес:

— У него свой план. Ты там был, ты слышал, как он говорил, что его Мать желает смерти Конвея. Молния убьет Каталлона, а святая вода — Конвея. — Чтобы придать веса своим словам, Алтанар распахнул плащ и продемонстрировал туго завязанный бурдюк с водой. — Ты там был, ты слышал, как Жрец Луны сказал мне: «Как только Каталлон будет мертв, ты выскочишь из толпы и заявишь, что Конвей — нечистый. Брось в него бурдюк с водой. Моя Мать заберет его». Вот что он говорил нам. Ты слышал. Не вини меня за это. — Он кивнул на арену, где звон ударов Каталлона, отскакивавших от Конвея, больше напоминал стук молота по наковальне. Толпа восторженно ревела.

За спиной Лиса и Алтанара в толпу скользнула пара фигур. Некоторые зрители начали возмущаться. Другие промолчали или даже охотно дали дорогу, чтобы потом занять освободившееся впереди место. Вскоре двое уже были далеко от возможных наблюдателей. Человек-Огонь стянул с головы капюшон.

— Можно говорить, но только тихо. И не показывай свои волосы. О чем они говорили?

— Лис был раздражен. Они думали, что Конвей убьет Каталлона, но теперь они беспокоятся. Жрец Луны обещал отдать оружие-молнию Конвея Лису; это я хорошо слышала. Алтанар что-то говорил о том, что святая вода должна убить Конвея. Вот все, что я разобрала. Я не подвела тебя?

Человек-Огонь, погрузившись в размышления, нахмурился. Когда он заговорил, голос его был уверенным:

— Я не понимаю, что происходит. Если ты собираешься нанести удар Жрецу Луны сегодня, ты должна ожидать его в шатре. Ты очень помогла. У тебя слух, как у совы.

Она пожала плечами:

— Но, думаю, не такой, как у Лиса. Так или иначе, боюсь, что я все только запутала. Что ты теперь будешь делать?

— Убью его. Тем или иным способом. Он слишком опасен, чтобы жить.

— Но что, если...

Человек-Огонь взял ее за локоть и нежно, но уверенно, развернул к шатрам.

— Он умрет. Сегодня. Все остальное будет так, как должно быть. Теперь поспеши.

Баек задержалась ровно настолько, чтобы встать на цыпочки и поцеловать его в щеку.

— Сегодня странный воздух. Я чувствую это. Это значит, что у нас все получится, мой верный друг. Желаю тебе удачи.

Жрец Луны продолжал завывать от удовольствия. Перегнувшись над краем алтаря, буквально свисая со столбика, он размахивал руками, пародируя битву, происходившую внизу.

— Стойте! — Неожиданно серьезный приказ Жреца Луны разнесся, перекрывая рев толпы. Все остальные звуки мгновенно стихли.

Конвей, пошатываясь, отступил назад. Тяжело дыша, весь мокрый от пота, он, казалось, готов был рухнуть на землю. Каталлон, который дышал глубоко, но без напряжения, поднял свой меч, словно дровосек, готовый срубить дерево одним ударом.

Жрец Луны повторил свой приказ.

— Каталлон, остановись. Я требую.

Злобно глядя на него, Каталлон несколько расслабился. Жрец Луны сошел с алтаря. Величаво, словно плывя, он подошел к тому месту, где противники стояли друг против

друга. Вытянув перед собой руку и обратив ладонь к Каталлону, Жрец Луны произнес, обращаясь к толпе:

— Когда мы встретились в первый раз, я предоставил лже-жрецу, Виппарду, последний шанс прийти к моей Матери. Теперь я даю этот шанс тебе. Ты честно бился с Конвеем. Я говорю тебе, что ты уже проиграл, хоть и не можешь этого заметить. Но если ты будешь противостоять мне, моей Матери и дальше, Каталлон перестанет существовать.

Каталлон презрительно улыбнулся, все еще во власти битвы.

— Жрец, я не верю тебе. У тебя есть магия. У меня есть мой меч. Отойди с дороги. — Кожанный жилет под кольчугой Каталлона натянулся, когда напряглись его мускулы.

Конвей потянулся к Жрецу Луны, но тот с грациозной быстротой отскочил. Глаза его расширились от внезапного приступа страха, и Конвей плюнул в него. Но Жрец Луны снова оказался быстрее. Он отступил еще дальше. Конвей нервно переводил взгляд с недобро косившегося на него Каталлона на Жреца Луны. Наконец произнес, обращаясь к последнему:

— Ты подставил меня. Ты обрезал провод, или заземлил его, или еще что-то сделал.

Не веря своим глазам, Конвей смотрел, как губы Жреца Луны раздвинулись в улыбке, тусклый свет Луны засверкал на зубах. Жрец Луны произнес:

— Ты думал, что учишь бога. Я тоже знаю, что Клетка Фарадея заключает все свое содержимое в электрическое поле, если только не подведет изоляция или ток не заземлят. — Постепенно безумец сумел восстановить самоконтроль. Открытое зло сменилось простой жестокостью. — Бог дает тебе клятву: Каталлон умрет.

Конвей посмотрел на Каталлона, встретился с ним взглядом.

Жрец Луны поспешно отступил к своему алтарю. Ветер подхватил полы его халата и опутал ими ноги. Жрец Луны раздраженно дернулся.

Конвей произнес:

— Мы с тобой пара идиотов, Каталлон. И надо сказать — ты честнее.

Каталлон выставил левую ногу вперед, развернулся, чтобы размах был максимальным. Его намерение было очевидно. Он собирался попросту разнести защиту Конвея в клочья.

Зарывав от напряжения, Каталлон нанес удар. Конвей поднял свой меч, защищаясь.

В воздухе сапфирами рассыпались искры. Шипящий звук, наподобие свиста кнута, поглотил звон металла о металл. Предсмертный вопль Каталлона был жалок, словно тявканье пса, которому перебили хребет. Он отлетел назад и, несколько раз дернувшись, рухнул кучей тряпья.

Конвей опустел меч. Казалось, он сейчас уронит его, а может, и сам свалится на землю. Ослепленный, ошеломленный, он отшатнулся от своей жертвы. До него донесся голос Жреца Луны, низкий и настойчивый:

— Осторожнее, сын мой. Не позволяй проволоке, или мечу, или чему-нибудь другому коснуться земли. На тебя может напасть кто-нибудь еще.

Невероятно, но кто-то так и поступил. Услыхав какой-то шум, Конвей повернулся в ту сторону. К нему неслась неуклюжая, тяжело нагруженная фигура. Раздался крик, голос был знакомым:

— Нечистый! Прочь от нашего духовного вождя, Конвей! Нечистый!

Алтанар. Конвей был истощен, мысли бешено крутились, реакцией на эту неожиданную угрозу была ярость берсерка. Выкрикнув что-то неразборчивое, он ринулся вперед, поднимая свой меч.

За спиной Алтанара появилась еще одна фигура. Этот человек бежал, и притом намного быстрее. Он догнал Алтанара у того места, где торчало из земли знамя Каталлона. Поднял нож. Конвей приготовился встретить обоих нападающих.

Поднятая рука опустилась. Алтанар остановился. Покачнулся. Выронил на землю бурдюк. Он лопнул, и вода растеклась у него под ногами огромной лужей. Алтанар закричал:

— Жрец Луны! — Крик вырвался, словно под пыткой, так кричат крутящиеся пыльные духи Суши.

Мужчина еще раз ударил Алтанара, потом подбежал к Конвею. Тот мог только

смотреть.

— Человек-Огонь? Почему?

Оправившись от потрясения, толпа зашевелилась.

— Кто это был? Кого убили? — И самое опасное: — Схватить его.

Человек-Огонь произнес:

— Хватай Жреца Луны. Он подослал Алтанара, чтобы убить тебя.

Конвей глупо вытаращился на него. Даже поднимающаяся над толпой волна угроз не могла пробить его отупение. Он повернулся к алтарю. Жрец Луны закричал от страха. Наконец в его воплях послышалась человеческая речь:

— Алтанар! Поднимайся! Лис! Ко мне. Летучая Орда! Защитите своего Сиа!

Толпа ринулась вперед, словно сжимающийся кулак.

Конвей резко выпрямился. Лунный диск у него за спиной остановился, люди, крутившие его, исчезли. Он оборвал провод, присоединенный к кольчуге, и приготовился бежать, хотя еще и не знал куда.

Следующее, что он осознал, был жар. Вселенная вокруг него вспыхнула и раскалилась до белого каления. Сам воздух ожил и зловеще шипел. Жар опалил открытое лицо. Вокруг что-то трещало, словно ломали сухой хворост. Отвратительный запах обжог ноздри, высушил горло. Закашлявшись, Конвей повалился на четвереньки.

В его мозгу лениво плавали какие-то слова, однако на поверку они оказались холодными и рациональными.

— Настоящая молния. — Где же он это слышал? Сколько веков назад? Неважно. Они отлично объясняли произошедшее.

Жрец Луны мог направлять энергию своего примитивного генератора. В начале поединка он направил ток в землю вместо Клетки Фарадея. Ночной туман наверняка был заряжен. На этом холме, со знаменем Каталлона вместо громоотвода, природа сумела соединить все эти факторы и ударила настоящими молниями.

Конвей потерял интерес ко всему. Все это неважно.

Вопли, раздававшиеся вокруг, были песком, бьющимся о его твердое, как камень, желание оказаться отсюда подальше. Он разочаровался в себе.

Так и не попросил прощения.

Еще один удар молнии, раскат грома.

Его грудь переполнил воздух. Он вонял. У него был запах чужого, чудовищного мира. Он вернул его к жизни.

Стоя на четвереньках, раскачивая головой, Конвей осмотрелся. У основания знамени Каталлона клубами поднимался дым от груды мертвых тел. Выжившие, разбегаясь в разные стороны, разбросали факелы. Шатры были охвачены огнем. Вокруг холма паника была ничуть не меньше. Во всех лагерях вспыхивали огни.

Конвей сорвал с себя необъятные сапоги. Из них вывалились пучки сухой соломы. Человек-Огонь в немом изумлении смотрел на него. Конвей произнес:

— Помоги мне. Поторопись. Карда и Микка; они сидят на цепи в моем шатре.

Помогая друг другу, они вместе поднялись. Человек-Огонь протянул руку. Конвей увидел запятнанный, измазанный землей халат Жреца Луны, который двигался в сторону шатров. Перекинув руку Конвея через плечо, Человек-Огонь бросился в погоню со словами:

— Я не вижу Лиса. Мертв, надеюсь. Они собирались тебя убить.

Конвей испугался, осознав, что услышанное его совершенно не волнует. Не то чтобы он совсем не удивился или не понял всей подоплеки этой ситуации.

Он был слишком переполнен болезненным гневом на себя самого, чтобы ненавидеть кого-то другого.

Глава 98

Огромный шатер Каталлона был охвачен пламенем. Целые листы пылающего войлока

отрывались от него и, разлетаясь во все стороны, заставляли кочевников разбегаться в панике. Но еще большую опасность представляли взбесившиеся от огня лошади. Некоторые из них налетели на Конвея и Человека-Огня, когда те пробирались к шатру Конвея. Они отбросили людей прямо к полыхающей стене соседнего шатра и мгновенно скрылись в дыму.

Конвей и Человек-Огонь продолжали свой путь.

Белый шатер Жреца Луны стоял нетронутым посреди пожарища. Переменчивый свет, отблески огня и порывы ветра, казалось, заставляли его жить собственной жизнью. Конвею почему-то подумалось о чертях, которые, как говорят, водятся в тихих омутах.

Что-то в лае собак заставило его резко остановиться перед самым входом в шатер. Человек-Огонь налетел на него, и они оба едва устояли на ногах. Конвей осторожно ткнул мечом прикрывавший вход полог. Ответный выпад изнутри шатра распорол ткань и едва не достал до живота Конвея. Поднырнув под клинок, Конвей кинулся вперед, сбивая нападавшего с ног. Они боролись до тех пор, пока тот вдруг не прекратил сопротивляться. Выбравшись из-под тела, Конвей узнал в лежащем Лиса. Криво улыбаясь, Человек-Огонь растирал ладонь.

— Ничуть не хуже, чем дубиной.

Подбежав к собакам и переждав первый всплеск бурной радости, Конвей отвязал цепи он новых кожаных ошейников. Вбитые в землю железные столбики были погнуты.

Человек-Огонь произнес:

— Твоя лошадь где-то сзади. Она на грани паники. Мне прикончить этого? — Вытащив нож, он пнул Лиса ногой. Тот что-то пробормотал и моргнул. В следующий момент он уже был в сознании. И опасен. Конвей инстинктивно отпрыгнул назад. Выставив перед собой нож, Человек-Огонь проделал то же самое.

Лис медленно поднялся. Конвей про себя поразился. Обычный человек еще долго был бы не в себе даже после того, как сознание вернулось к нему. Голос Лиса был ясен и тверд:

— Жрец Луны сказал, что я заполучу тайну твоего оружия. Я поведу Летучую Орду к славе и новым походам. Ты не спасешься от него.

Конвей указал острием меча сначала на цепи, потом на Лиса. Человек-Огонь связал уверенного и не сопротивляющегося воина Дьяволов.

По спине Конвея вдруг пробежала холодная волна страха. Лис сказал: «тайну твоего оружия». С тревожно бьющимся сердцем он осмотрел «вайп» и пистолет.

Бойки исчезли. Снаружи раздался цокот копыт.

— Я должен найти Жреца Луны, — тихо произнес Конвей.

Зловещая улыбка Человека-Огня была предназначена скорее Лису, чем Конвею.

— Надеюсь, ты не собираешься с ним разговаривать.

Конвей напрягся.

— Что бы это значило?

Человек-Огонь заметил его состояние. В его ответе послышался вызов.

— Жрец Луны мертв. Баяк поджидала его в шатре.

Лис бешено забился в цепях. Конвей, кликнув собак, ринулся наружу. Человек-Огонь последовал за ним, таща за собой Лиса.

Прямо впереди замаячила какая-то белая фигура. Подойдя поближе, Конвей узнал Жреца Луны.

— Конвей! — Ему пришлось кричать, чтобы слова можно было услышать за царившим шумом. — Ты беспомощен. Приди ко мне, я прошу тебя.

Человек-Огонь взвыл за спиной Конвея. Жестом приказав ему оставаться на месте, Конвей медленно приблизился к Жрецу Луны. При этом он осматривался по сторонам.

Шатер Жреца Луны виднелся где-то слева. Посреди груд углей и столбов пламени он мягко светился от горевших внутри свечей, что казалось жестокой насмешкой. Несколько шатров позади жилища Конвея тоже избежали пожара. Однако они были темны.

Конвей остановился и крикнул:

— Отдай мне бойки! Не заставляй меня отбирать их силой! — Он взмахнул мечом.

— Ты просто не хочешь понять. Ты считаешь меня сумасшедшим. Я бы никогда не пришел сюда один.

Справа от Конвея вдруг, откуда ни возьмись, появилась тройка лучников. Даже зная, что теперь враги превосходят его числом и к тому же окружают, Конвей не мог не позавидовать способности людей Гор прятаться. Обратившись к Жрецу Луны, он произнес:

— Я недооценил тебя. Но ты, похоже, не допустил в моем отношении подобной ошибки. Ты знаешь, что я скорее сломаю свое оружие, чем отдам его тебе. — Он снял с плеча «вайп» и перехватил его за ствол.

Жрец Луны поднял руку.

— Не спеши. Мы можем договориться.

— Убей его! — прорычал Человек-Огонь.

Конвей кивнул.

— Никаких сделок. Отдай бойки, и мы уйдем. Никаких неприятностей. Если придется, я убью Лиса, а потом займусь тобой. Ведь Люди Гор не станут вынуждать меня убивать их вожака.

Однако Лис разбил его надежды:

— Пошлите меня к моей Матери. Пусть они убьют меня.

— Глупец. — Конвей резко ударил его локтем в живот. Но слова уже прозвучали. Лучники, держа стрелы наготове, медленно двинулись вперед.

— Не убивайте их! — Этот возглас, к тому же раздавшийся оттуда, откуда никто его не ожидал, заставил воинов остановиться. Все посмотрели на шатер Жреца Луны. Там, четко видный на фоне подсвеченной стены, стоял Алтанар. Он держал Баек. Его рука казалась черной полосой на ее безупречно белом халате. Другой рукой он прижимал к ее горлу нож. Баек стояла в неуклюжей позе, ее голова была неестественно отклонена в сторону.

Человек-Огонь издал звук, похожий на всхлип.

— Нет. Нет. Я же убил его.

Алтанар закричал в диком приступе радости. Повернувшись вместе с Баек, он продемонстрировал им свою спину.

— Видишь те места, куда ты меня ударил? Здесь. И здесь. — Он снова развернул Баек так, чтобы она прикрывала его, потом продолжил: — Даже эта слепая сучка ударила меня. Подумала, что это ты, Джонс, когда я вошел в твой шатер. Вот какой ты всевидящий. Всезнающий. Поддельный. — Неожиданно Алтанара скрутил припадок кашля, и Конвей напрягся. Однако нож оставался на своем месте. Алтанар отдышался и продолжил: — Молния подарила мне жизнь. Она убила всех вокруг меня, но сам я переродился. Посмотрите, как обгорела моя одежда. Посмотрите, в башмаке дыра насквозь. И все же я жив. Трижды ударенный ножом. Я жив. Я родился заново. Алтанар — Жрец Луны.

Воины остановились и теперь тихо переговаривались между собой.

— Нет. Существует только один Жрец Луны! — выкрикнул Лис.

Человек-Огонь швырнул его на землю и занес меч.

— Еще одно слово — и ты умрешь.

— Лис, ничего не говори! — закричал Алтанар. — Ты нужен мне. Нам, Лис. Летучая Орда принадлежит нам. Лживый Жрец Луны похитил у Конвея тайну оружия-молнии, но заполучил ее я. Моя Мать, Луна, показала мне, где надо искать. — Алтанар протянул к ним руку, которой до этого держал Баек. На его ладони блестели три продолговатых кусочка стали.

Баек выскользнула из-под ножа. Ухватив Алтанара за протянутую руку, она погрузила в его запястье свои зубы. Бойки, словно искры, закружились и исчезли во тьме.

Алтанар завопил и отшвырнул Баек. Дрожа, он обеими руками высоко поднял нож.

Беззвучно, словно ангел мщения, Человек-Огонь огромными прыжками кинулся к Алтанару и, перехватив удар, бросил бывшего короля на спину. Продолжая движение, Человек-Огонь склонился над Алтанаром и приподнял его, одновременно уперев колено в

спину. Одной рукой он откинул голову Алтанара вверх и назад. Другой прижал к его горлу меч Лиса. За какую-то секунду Алтанар превратился из нападающего в жертву; теперь его тело заслоняло Человека-Огня от лучников Дьяволов.

Баек перекаtilась по земле и спряталась за спиной Человека-Огня.

Тот крикнул Жрецу Луны:

— Теперь они оба у нас! Твой воин и твой шпион-раб!

Жрец Луны рассмеялся.

— Лис только рад умереть за меня. Алтанар? Режь этого ублюдка-предателя. Посмотрим, насколько он бессмертен.

— Спаси меня! — Мольба Алтанара захлебнулась в тот момент, когда меч коснулся его.

— Я долго ждал, Алтанар, — произнес Человек-Огонь. — Из-за твоих приказов лишилась жизни моя жена, а я принял это как должное. Твой приказ заставил меня запятнать мою честь, и я принял это, как послушный солдат. Когда ты почти лишил меня слуха, я больше не мог терпеть. Кто бы мог подумать, что изуродованное ухо может открыть кому-то глаза. Узнай же мое имя перед тем, как умереть. Я — Эйтал, и я был твоим капитаном.

Алтанар извивался у него в руках.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. Я не помню никакого Эйтала. Я никогда не причинял тебе вреда. Я не помню. Клянусь.

Конвей был потрясен до глубины души. Он тихо сказал:

— Это тот самый человек, который захватил нас и доставил к Алтанару, когда тот еще был королем Олы. Как такое могло произойти?

Лис услышал его слова.

— Этого ты не узнаешь никогда. Когда ты и рабы будете мертвы, мы найдем тайные предметы, которые потерял Алтанар. Слава Жреца Луны возрастет многократно. Я говорю тебе это.

Конвей рывком поднял Лиса и поставил перед собой. Однако он понимал, что это будет защищать его лишь до тех пор, пока воины не подойдут достаточно близко.

Человек-Огонь сейчас не замечал ничего, кроме Алтанара. Он недоверчиво рычал.

— Ты не помнишь? Ты разрушил мою жизнь. — Он вздернул подбородок Алтанара так, что кожа на горле туго натянулась. Бывший король молил о пощаде.

Внезапно Баек потребовала тишины. Она указала на что-то за своей спиной:

— Кони. Несутся в панике. Послушайте.

Остальные, напряженно вслушиваясь, замерли на своих местах. Жрец Луны насмешливо произнес:

— Ты лжешь. Там ничего нет.

Пригнувшись, натянув луки, воины снова двинулись вперед.

Пока не послышался шум. Грохот, постепенно набирающий силу. Жрец Луны начал подгонять лучников. Таща за собой Лиса, Конвей отступил поближе к Человеку-Огню.

Первые лошади врезались в толпу на ужасающей скорости. Удар Человека-Огня, который должен был перерезать Алтанару горло, превратился в тщетную попытку подхватить Баек и оттащить ее в сторону. Лошадь сбила его с ног. Алтанар исчез под тяжелыми копытами.

Воины выпустили свои стрелы и тоже скрылись под массой лошадей. Табун, словно река, отделил Конвея, Человека-Огня и Лиса от Жреца Луны.

Буйная радость сменилась ужасом, когда Конвей вдруг осознал, что не видит Баек.

Потом он разглядел ее. Ее белый халат, блестевший словно лунное серебро, виднелся где-то в самом центре потока летящих тел. Вот она упала на землю. Конвей боролся с обезумевшим Человеком-Огнем. Когда Баек вновь поднялась, никто вначале не поверил своим глазам. Она триумфально подняла сжатый кулак.

Конвей и Жрец Луны одновременно поняли, что она держит.

— Бойки, — пробормотал Конвей и тут же открыл рот от удивления, когда Баек

двинулась к Жрецу Луны. Теперь ее рука была протянута вперед, словно она несла дар.

Чистая и невозмутимая, она грациозно приближалась к нему. Поток конских тел обтекал ее, лошади спотыкались и падали лишь для того, чтобы обойти ее стороной. Белый халат, коса белокурых волос, безмятежное лицо — она была островом спокойствия в этом море безумия.

Она подняла вторую руку, в ней был зажат брошенный нож Алтанара. Она усмехнулась, будто различив гримасу страха на лице Жреца Луны.

Ничего не слыша за грохотом копыт, Конвей и Человек-Огонь могли только наблюдать.

Жрец Луны попятился. Баек двинулась к нему. В левой руке она держала бойки. Правая сжимала нож. Когда Жрец Луны начал обходить ее слева, Баек немного помедлила, склонив голову набок, затем повторила его маневр. Жрец Луны отступал к бегущим лошадям. Баек шла за ним. И чем ближе они подходили к табуну, тем неувереннее становились ее движения. Наконец она остановилась, нервно ощупывая воздух вокруг, ее слух был бессилён. Улыбаясь, Жрец Луны начал подкрадываться к ней.

Лошадей теперь стало меньше, однако шум, производимый ими, исходил из-за спины Жреца Луны, создавая обманчивую завесу звуков. Баек двинулась назад.

Неожиданно, со скоростью, которая и прежде пугала Конвея, Жрец Луны бросился в атаку. Он коснулся плеча Баек, а когда та развернулась, нанося удар ножом, брезгливо поймал ее запястье. Другой ладонью он обхватил кулак, сжимавший бойки. Вывернув руку, он развернул Баек к себе спиной. Правая рука все еще сжимала нож. Сейчас она была выгнута назад и прижата к ее собственному животу.

Человек-Огонь рванулся к потоку лошадей. И был отброшен, словно щепка бурным течением.

Широко улыбаясь, Жрец Луны высоко поднял кулак Баек, скрывавший в себе бойки. Она заплакала. Женщина, которая стойко встречала несущихся во весь опор лошадей, была сломлена.

Медленно отступая к своему шатру, Жрец Луны тащил за собой безвольную Баек. Когда Человек-Огонь в ярости ударил мечом по земле, он лишь расхохотался. Топот копыт поглотил звук.

Конвей кликнул собак и побежал к шатру Жреца Луны. Увидев это, тот несколько порастерял самообладание. Нахмурившись, он прибавил шаг. Баек сопротивлялась. Жрец Луны грубо ткнул ее. Лицо женщины скривилось, по халату начало медленно расползаться темное пятно.

По команде Конвея собаки бросились на лошадей. Размахивая мечом, он присоединился к ним. Карда и Микка доводили перепуганных животных до умопомрачения, они подскакивали, вцепляясь в глотки, отпрыгивали, хватали за ноги. Лошади словно сошли с ума. И так уже достаточно измученные, они прикладывали последние силы, чтобы спастись от мучителей.

Оставшиеся неохотно разворачивались и, спотыкаясь, разбегались. Одна зацепила растяжку шатра Жреца Луны. Колышек вылетел из земли. Участок полотняной стены провис. На мгновение внутреннее свечение затуманилось. Потом огонь вновь расцвел, но уже хищным красным цветком.

Конвей радостно закричал. Рукой он изобразил движение змеи, потом указал на шатер.

Жрец Луны, поняв смысл этого жеста, закатил глаза. Он отбросил Баек и рванулся ко входу.

Человек-Огонь подхватил Баек и поднял на руки. Она снова скривилась, руки нащупывали рану. Несмотря на это, она спросила:

— Конвей? Он жив? Металлические штуки у меня. Он здесь?

— Здесь. — Конвей поддержал ее протянутую руку. Она разжала кулак. Бойки были в крови. Конвей содрогнулся, подумав о символичности происходящего. — Надо убираться отсюда, — резко сказал он. — Человек-Огонь, нам понадобятся лошади для вас двоих.

— Я с Баек спрячусь в овраге за лунным алтарем. Ты наверняка скоро поймашь Вихря.

В той стороне расположены загоны. Если в Летучей Орде еще остались лошади, то они наверняка там.

Проезжая мимо шатра Жреца Луны, Конвей бросил на него взгляд, пытаясь разыскать хозяина. Сам шатер превратился в чадающую грудку развалин. На мгновение Конвею показалось, что Жрец Луны погребен под ними. Но он ошибся. Еле различимый в дыму и сгущающейся тьме, тот что-то крикнул ему. Расстояние, ярость и сумасшествие сделали его слова совершенно неразборчивыми. Собаки, пробегаая мимо, что-то злобно прорычали в ответ.

Дорога к загонам проходила в стороне от жилищ, так что они без особых проблем раздобыли себе лошадей. Бак настояла на том, чтобы ехать самой; ее рана была неглубокой, хоть и болезненной.

Они пересекали лагерь. От пожара в нем уцелело лишь несколько шатров, все они были брошены, темны и бесшумны. Где-то вдалеке слышались голоса их обитателей. Они распевали гимны культа Луны в надежде отвести от себя ее гнев. Тихо пробравшись в покинутые шатры, троица вскоре обзавелась седлами, упряжью и пищей. Бак прихватила для себя подходящую для верховой езды одежду, оставив взамен свой окровавленный белый халат.

* * *

Навторой день после бегства из Летучей Орды они все еще ехали на юго-восток. Смеркалось. Конвей, едва не падая с седла от бессонницы, наблюдал, как ночь, словно густое багряное вино, заполняет долину. За мгновение до того, как тьма поглотила все цвета, зелено-коричнево-серая земля внизу, казалось, вспыхнула радугой, словно демонстрируя свою жизненную силу.

Въехав на вершину хребта, уходящего на юге и севере куда-то вдаль, Человек-Огонь дождался Конвея. Махнув рукой, он произнес:

— Сушь. И Дом Церкви. Где-то там. Ты не замечал признаки погони?

Конвей покачал головой. Усталое лицо было мрачно.

— Они все равно гонятся за нами. Лис наверняка займется этим, даже если не сможет Жрец Луны.

Человек-Огонь согласился:

— Вероятно, большую часть дня они будут искать след. Здесь им придется выбирать. Преследовать тебя, или преследовать меня.

— Куда ты отправишься?

Бак выпрямилась. Усталая и ослабевшая, она тем не менее говорила уверенно:

— Сначала на запад. Потом на север, туда, где Пустоши и Малые. Я слыхала, что там нет целительниц.

Хотя Человек-Огонь был не меньше измотан, улыбка, которую он адресовал Конвею, была полна гордости, заботы и смирения. Он ничего не сказал. Однако Бак усмехнулась.

— Человек-Огонь подшучивает надо мной, ведь так? Он хочет, чтобы все считали его жестким, словно сталь. Я говорила тебе, что, по моему мнению, ты должен был умереть вместе со Жрецом Луны и Алтанаром? Он был с этим несогласен.

— Я? Умереть?

— Ты ненавидишь Церковь. Ты собираешься причинить ей вред. Я благодарна за то, что ты спас Человека-Огня и меня, однако я принадлежу Церкви. Падшая и опозоренная, но принадлежу. Я живу в надежде, что смогу еще послужить ей. Защитить ее.

Когда Конвей попытался заговорить, Человек-Огонь, отчаянно жестикулируя, заставил его замолчать.

Они поужинали, и Бак заснула. Только тогда Конвей осмелился снова затронуть эту тему. С горечью он прямо спросил:

— Она все еще хочет видеть меня мертвым, не так ли? Не отвечай. Ты все равно

солжешь. Но скажи мне вот что: почему ты защищал меня?

— Трудно сказать. — Человек-Огонь явно старался быть честным до конца. Конвей приготовился к неприятному разговору. Бывший раб поворошил кучку углей, оставшуюся от костра. — Слепота — это больше, чем просто слепота. Если сердце не видит — или, еще хуже, не хочет видеть, — глаза не помогут. Она не позволяла мне прикасаться к себе, понимаешь? Она спала со Жрецом Луны. Из-за Церкви, говорила она. Возможно. Из-за мести; я уверен в этом, хотя она этого и не признает. Каталлон заставил ее предать Церковь. Жрец Луны — враг Церкви. — Дрожащими руками он потер виски. — Она не может принять меня. Я знаю, что происходит, но не могу этого объяснить. Почему же я сказал ей, что не буду помогать убивать тебя, и не убью тебя сам? Потому что ты похож на нее. Вы оба рассказываете о любви, но живете ненавистью. Ты говорил, что Церковь и Ланта предали женщину по имени Ти. Ты живешь для того лишь, чтобы уничтожить их. Величайшей мечтой Баек было увидеть мертвым Каталлона и Жреца Луны. Я не верю в то, что та Жрица причинила тебе вред. Жрец Луны сам никогда не причинял вреда Баек. Возможно, я надеюсь, что вы оба поймете правду о самих себе. Может быть, я хочу, чтобы ты жил потому, что хочу, чтобы жила она. — Человек-Огонь потушил уголек, разгоравшийся на кончике ветки, и встал. Теперь он обвинял: — Я заглянул в твою душу и увидел там то же, что и в ее душе. Мне жаль тебя. Я отдам Баек свою любовь, попытаюсь вернуть ее к жизни. Однако боюсь, что ты не позволишь никому сделать это с собой. Если так, то ты глупец, Мэтт Конвей. Возможно, я ошибся, спасая тебе жизнь.

После того как Человек-Огонь ушел, Конвей еще долго смотрел на угли.

От его взгляда не ускользнуло то, что Человек-Огонь не упомянул о своем собственном желании во что бы то ни стало отомстить Алтанару. Никто не желает видеть своих недостатков.

Когда Конвей повалился набок, пепел костра уже остыл. Огромные псы нервно подергивались во сне, они никогда раньше не слышали от своего хозяина таких звуков. Они никогда не слышали, как он плачет.

Когда он наконец заснул, оба пса облегченно вздохнули. Они прижались к нему. Это был единственный известный им способ ободрить его, да и самих себя.

Глава 99

Запах сосновой хвои придавал свежесть утреннему воздуху. Воздев руки в молчаливом приветствии, Сайла встречала просыпающееся солнце. По правде говоря, она боялась рассвета, который вскоре превратится в сверкающий день и принесет с собой еще одни сутки бега через Сушь.

Бег. Горделивая иноходь лошади, стремительный полет лани — вот что такое бег. Они же который день тащились от одного продуваемого ветром ущелья к другому, стараясь при этом оставаться незамеченными. Это было утомительно.

В последний раз взмахнув рукой, Ланта закончила обряд. Поймав на себе взгляд подруги, она проворчала:

— Если Вездесущего действительно волнует вопрос, умываются ли его Жрицы перед утренней молитвой, он вполне может ниспослать нам немного воды.

Сайла весело подмигнула.

— Промочи горло и возноси молитвы, либо помойся и давайся от кашля. Даже Он не сможет добыть воды и на то и на другое сразу.

Ланта не смогла оценить этот черный юмор.

— Не будь такой легкомысленной. Дела могут обстоять куда хуже, чем ты думаешь.

Необычайная мрачность Налатана заставила Жриц замолчать. Повернувшись, они увидели, как монах подправляет только что изготовленные для себя и Тейт кепки. Свернутые из кожи, они обеспечивали неплохую защиту от солнца, одновременно предохраняя от палящих лучей и шею. Он повернулся к востоку и объяснил:

— Коссиары. Среди деревьев. У них нет особых причин прятаться, наверно, просто поджидают основную часть эскорта Жнеи.

Сайла рванулась к лагерю, на ходу поднимая капюшон своей мантии. Мгновенный окрик Налатана остановил ее:

— Бежать некуда! Я только что с дозора. При последнем осмотре я заметил главные силы. Подозреваю, что дорога на север тоже перекрыта. — Он замолчал и зло сплюнул. — Лагерь Жнеи совсем рядом, в том ущелье. Мы останемся здесь и постараемся подготовить им теплую встречу.

— Не нужно принимать решения за меня, — холодно прервала Сайла. — Ты не можешь доказать, что мы окружены.

— Мое дело посоветовать, — ответил уязвленный монах. — С нетерпением жду твоих указаний.

— Извини. — Сайла оставила капюшон в покое, и тот упал с мягким шелестом. — Мне трудно признать поражение, Налатан. Бери Тейт и Додоя и уходи. Вы сделали все, что было в ваших силах.

— Не могу. Да и Тейт не захочет. Впрочем, в этом вообще нет смысла.

Последние слова заинтересовали Сайлу. Подняв голову, она подождала, пока Налатан снизойдет до объяснений.

— У Жнеи не меньше пятидесяти человек. Мы окружены, а они между тем не атакуют. Значит, Жнея хочет поговорить.

— И что же ей от нас надо? — Сайла в притворном удивлении оглядела лагерь.

Ланта прервала ее:

— Тебя. Она знает, рано или поздно ты найдешь Врата. Ей нужно урвать свой кусок.

— Смотрите! — вскрикнул Налатан, и они повернулись к восточному склону. Ничуть не таясь, там прогуливались люди. Обнаженные мечи сверкали на солнце. От походных костров подымались клубы черного дыма. — Хотят напугать нас. А что же на севере? Ага, взгляните. Там. И там. Рассеялись между холмами, видите? Прекрасная позиция, ничего не скажешь. Придумавшие это люди либо непроходимо глупы, либо просто демонстрируют свою силу. — Налатан еще раз осмотрел местность. Взяв Сайлу и Ланту под руки, он повел их к лагерю. — Жнея скоро заявит о себе. Предполагается, что этот цирк должен произвести на нас впечатление.

Сайла отдернула руку.

— Ну что ж, мы примем ее, — произнесла она скорее задумчиво, чем взволнованно. — Если Жнея начнет торговаться, я попробую выиграть время. Чем больше, тем лучше. Если же мы ввяжемся в бой и убьем ее, я не смогу смотреть в глаза своим сестрам. Она предоставляет мне шанс, неважно по какой причине. Шанс выполнить задание. Кажется, я знаю, чего хочет Жнея. А она не имеет представления о силах, вступивших в игру. — Обменявшись быстрыми взглядами, Налатан с Лантой дружно закивали.

Прибытие Жнеи было зрелищным. Боевые рога и трубы ревели, не умолкая ни на мгновение. Потом показалась и сама виновница переполоха. Во главе колонны конных Коссиаров она приблизилась к Сайле и ее спутникам.

Следом за Жнеей ехал человек с белым флагом в руке.

В ответ Сайла помахала обрывком светлой ткани. Над ущельем разнесся громоподобный голос Налатана:

— Мы ждали тебя, Жнея. Добро пожаловать. — Эхо все еще отражалось от горных склонов, когда один из спутников Жнеи наклонился к своей хозяйке и что-то зашептал. Налатан хитро усмехнулся. — Видите, как неуверенно топчутся на месте их лошади? Животные чувствуют настроение своих седоков. Начало за нами, Сайла. Они растеряны.

Когда Жнея подъехала к лагерю, на ее лице больше не было удивления. Приподнявшись в седле, она резко натянула поводья и уставилась сверху вниз на поджидающих ее людей. Несмотря на внешнее спокойствие, Жнея была встревожена. Доказательством служил стоящий рядом Копье.

Мужчина не сводил глаз с Джессака. Мальчик лежал на руках у Ланты. Сидящая на валуне рядом с маленькой Жрицей Тейт не спеша протянула руку. Малыш ухватился за нее своими ручонками, выбрал себе палец по вкусу и принялся шумно сосать. Когда офицер все же нашел в себе силы отвести взгляд, на его лице появилась смесь страха и чувства вины.

— Вы опозорили Церковь, — произнесла Жнея.

Сидящий выше Тейт Налатан резко вскочил с камня. Его угрожающий вид заставил Коссиаров потянуться за мечами и луками. Не удостоив их вниманием, монах повернулся к Жнее.

— Ложь! Кос и без того заправляет вашими делами. Будь твоя воля, Церковь уже давно стала бы наложницей Капитана.

Жнея продолжала смотреть на Сайлу, как будто Налатана рядом вообще не было. Затем медленно перевела взгляд на монаха и нахмурилась. Раздался ровный, холодный, но полный угрозы голос:

— Заткни пасть, собака. Ты лучше всех здесь знаешь, сколько я сделала, чтобы возвысить Церковь. — Не дожидаясь реакции Налатана, она снова заговорила с Сайлой: — Мы можем договориться, Жрица. Было бы глупо предлагать тебе дружбу, но ты нужна Церкви. Через три дня я стану Сестрой-Матерью. Тебе лучше быть на моей стороне.

— Теперь ты мой враг, Жнея. Ты пыталась убить меня. Моих друзей. Возможно, даже убила Конвея. Я не подчинюсь тебе. Никогда.

Жнея слушала молча. Выражение ее лица едва заметно изменилось, но лишь на мгновение.

— Не беспокойся о Конвее. Он жив.

Эта новость удивила Сайлу.

Ланта не смогла скрыть облегчение. Увидев реакцию Жнеи, Сайла поняла, что перед подругой встал выбор. Жнея считала любовь самым опасным и верным оружием.

— Тебе нужно быть осмотрительней, — произнесла Сайла. — Конвей не менее опасен, чем я.

— Да, но зато он вас ненавидит. Кажется, он недавно потерял рабыню. Ти, если я не ошибаюсь. Торговец поведал мне, что Конвей проклинает Церковь, и в особенности тебя. — Старуха повернулась к маленькой Жрице, и ее холодная улыбка заставила Ланту побледнеть. — Если ты не вернешься под защиту Дома Церкви, Конвей найдет тебя, правда? Сейчас он в Летучей Орде. Присоединился к Танцующим-под-Луной, они умеют заглушать боль. Пойдемте со мной. Я помогу вам восстановить бывшее могущество. Мы найдем Камень Истины, Ланта. Это всего лишь символ, но он является тайным сердцем Фиалок. Без него я не смогу подчинить ваш Орден. Принеси мне камень, и ты станешь Хранительницей. А еще провидицей из провидиц.

Жнея наклонилась и перешла на шепот. Ощущение конфиденциальности разговора было настолько сильным, что Сайла почувствовала неудобство, как будто подслушивала беседу с глазу на глаз. Неторопливые, сладкие, как мед, слова заворожили Ланту.

— Мы отыщем Конвея. Я знаю, как это сделать, поверь. Мы откроем ему правду. Он будет принадлежать тебе.

За спиной Жнеи Коссиар старательно делал вид, что он всего лишь часть окружающего пейзажа. Неосторожно повернувшись, он скрипнул седлом. Жнея наградила его испепеляющим взглядом.

— Забирай своих воинов и уходи. Вы мне больше не нужны.

Как только отряд скрылся за поворотом, Сайла потянула лошадь Жнеи за повод, приглашая наездницу к огню.

— Может, выпьем по чашке чаю?

Пожилая женщина спешила и отрицательно покачала головой:

— Не стоит, Жрица. Не будем отвлекаться. Ваши запасы и так подходят к концу. — Она присела у огня. Налатан нарочито громко прочистил горло. На виске у Жнеи пульсировала синяя жилка. — Капитан назначил награду за ваши головы, — продолжила

она.

— Это из-за ребенка. О Ясмалее что-нибудь известно?

— Да. Она мертва. Да вы и сами это знаете.

— Когда мы уходили, она еще была жива. Это Капитан убил ее?

Жнея нетерпеливо сморщилась.

— Капитан, роды — какая разница? Ее не воскресить. Забудем об этом. Лучше расскажи мне, как развивалась беременность. Почему ребенок рос так невероятно быстро?

Наступил черед удивляться Сайле:

— А ты разве не знаешь?

— Повитуха намекнула, что кое-что знает. Что роды будут смертельными.

— И ты ее убила.

Сдвиг с платья пылинку, Жнея проговорила:

— Ты слишком много возмущаешься, Сайла. С тобой становится скучно. А теперь послушай-ка меня внимательно.

Сайла вскочила и угрожающе склонилась над собеседницей.

— Не пытайся мне приказывать. Больше я этого не потерплю. Я найду Врата, что бы за ними ни скрывалось. Это что-то настолько важно, что наши сестры ушли из жизни только ради того, чтобы не открыть своей тайны. Мое аббатство — аббатство Ирисов — приказало мне искать и найти Врата. Я выполню задание. Не становись на моем пути.

— Вы с этим монахом — интересная пара. Он брешет, как собака, ты шипишь подобно дикой кошке. Похоже, я со всех сторон окружена животными. — Жнея поднялась. Медленно поворачивая седую голову, она обвела взглядом хозяев лагеря. — Ну что ж. Я дам вам еще один, последний шанс. Мы не поднимем на вас оружия. Я прикажу отряду ждать. Ваши языки распухнут. Пустыня засыплет ваши глаза песком. Приходилось ли кому-нибудь из вас видеть сожженные солнцем, потрескавшиеся губы умирающих от жажды? Покрытые язвами рты? Или слышать, как они стонут, не в силах попросить такой нужной им воды?

Сверкнув блестящим одеянием, Жнея повернулась. Зеленое с голубым платье переливалось в лучах утреннего солнца, навевая воспоминания о полумраке зеленых лесов и хрустальной чистоте родниковой воды. В голосе старухи появились заискивающие нотки.

— Тейт, пойдем со мной. Ты проведешь всю оставшуюся жизнь в роскоши. Помогите мне, Жрицы. Вместе мы подчиним и Капитана, и Гэна Мондэрка, и Класа на Бейла, и Три Территории. Подумайте о могуществе, об авторитете. Не пытайтесь мне противостоять. Ваши выдуманные сокровища того не стоят. Но я дам вам целый год, чтобы закончить поиски. Мне знакомы ваши мечты и надежды, поверьте.

Прижав руки к груди, Ланта сделала произвольный шаг назад. Остальные не шелохнулись.

— Отдайте хотя бы ребенка, — вздохнула Жнея. — Не заставляйте страдать невинного. У каждого из вас есть повод меня ненавидеть. Но я не убиваю детей.

— Ты ими торгуешь, старая свинья, — парировала Тейт.

— Ты сделала детей моего братства сиротами, — добавил Налатан.

— Да, в твои планы входила смерть Ясмалеи и ее ребенка, — кивнула головой Сайла.

Властное лицо Жнеи залилось краской.

— Вы украли этого ребенка. А я верну его. Церковь снова сможет проповедовать, исцелять, спасать жизни. Я могу взять с собой и Додоя.

— Додой останется со мной, — сказала Тейт. — У нас с ним еще есть дела.

Жнея поджала губы.

— Да неужели? Когда пустыня высосет последнюю воду из твоего иссушенного тела, вспомни эти слова. Ты возненавидишь мальчишку, когда будешь делить с ним последнюю каплю драгоценной влаги, каплю, которая могла достаться только тебе. Что ж, подари Додою эту страшную смерть.

— Ты дашь слово, что Капитан сохранит мальчику жизнь? — спросила Сайла.

— Так это мальчик? Да. Капитан хотел сына.

— Разве никто, кроме нас, не знает пол ребенка?

Жнея отвела взгляд от полных сомнения глаз Сайлы.

— Ясмалея не удосужилась ничего сообщить.

Ланта схватила подругу за руку.

— Она не ответила ни на один наш вопрос. Не отдавай ребенка. Лучше попробуем скрыться.

Взгляд Сайлы потяжелел.

— Ты знаешь, нам трудно будет убежать, имея на руках не только новорожденного ребенка, но и выжившую из ума Жрицу. — Несмотря на жесткость слов, ее рука нежно поглаживала крошечную головку Джессака. Она повернулась к Жнею. — Ты не станешь убивать малыша — он нужен тебе, чтобы договориться с Капитаном. Как предусмотрительно. А теперь слушай. В этом ребенке есть загадка, которую ни тебе, ни мне не дано разгадать. И все же он умрет, если останется со мной. Поэтому я вынуждена поручить заботу о нем тебе. Точнее, твоим корыстным интересам. Сердце подсказывает, что малыш должен идти с тобой. По крайней мере, сейчас. — Сайла повысила голос. — Слушайте, Коссиары! Я препоручаю вам первенца Капитана. Я дарю ему мое благословение. С этой минуты Жнея несет ответственность за его жизнь. Обеспечить сохранность наследника — ваш первейший долг.

Остановив Ланту испепеляющим взором, Жнея сделала шаг вперед и взяла ребенка. Руки маленькой Жрицы бессильно повисли.

В голове Сайлы снова проснулся голос. Любовь и строгость слились в нем воедино. Найди реку. Найди ущелье. Там Врата. Все остальное подождет.

Сайла ответила словами, поднявшимися из самых глубин души:

— Я слышу тебя. Врата так близко. Не оставляй меня. Только не сейчас!

Жнея снова была в седле.

— Ты слишком медленно соображаешь, Сайла. А ведь Тейт говорила тебе, зачем мне понадобился этот ублюдок — торговаться. У вас был шанс остаться в живых. — Она натянула поводья, и лошадь послушно повернулась. Жнея не спеша направилась в сторону своего эскорта. Проехав половину пути, она обернулась и подняла голову. — У мальчика есть имя?

— Джессак! — крикнула Сайла. Она успела заметить волнение в рядах коссиарских воинов. Некоторые кланялись. Жнея уставилась на орущего ребенка, как будто пыталась сделать трудный выбор: то ли забрать его с собой, то ли вернуть, пока еще не стало слишком поздно.

Джессак перестал плакать. Вскинув свои крошечные кулачки, он принялся яростно ими размахивать. Создалось впечатление, что новый опекун пришелся ему не по нраву.

Побледнев, старуха посмотрела на Сайлу.

— Ты, наверно, думаешь, что перехитрила саму Жнею? Ты и эта твоя ведьма Ясмалея, черт бы вас всех побрал? — Яростно хлестнув лошадь кнутом, она заставила животное перейти на галоп.

Глава 100

Скорпион приближался медленно; его органы чувств доложили, что прямо перед ним находится нечто большое и теплое. Глаза и примитивный мозг насекомого не были приспособлены для того, чтобы обнаруживать и воспринимать людей.

К несчастью, Тейт точно знала, что находится впереди. Ее разум не зарегистрировал температуру существа. Тем не менее он абсолютно достоверно зафиксировал его и определил, что между насекомым и ее носом расстояние примерно в ладонь.

Ее разум также сказал ей, что это не предвещает ничего хорошего. Там, где ее щека соприкасалась с землей, Доннаси чувствовала, как в нее врезается гравий. Распухший язык с трудом помещался во рту. Все тело болело. Никто даже не предупредил ее, что жажда

превратит все тело в огромный ноющий нерв. К этому еще добавлялась перспектива вонзающегося в ее лицо ядовитого жала. Это было бы слишком жестоко.

Тейт еще раз сказала себе, что идея прорыва через окружающие их силы Коссиаров была явной попыткой самоубийства. Единственное, что она могла принести, это боевую славу.

Грязный скорпион отнимет у нее даже это. Тейт знала, что закричит, заорет, завизжит, — в общем, сделает что-нибудь, если бугристая желто-серая тварь хотя бы попытается ее коснуться.

Раскатистый храп ближайшего воина раздавался на расстоянии чуть большем длины руки.

Восходящее солнце заставило скорпиона искать укрытие. Какое-нибудь. Вокруг не было ничего. За исключением Тейт.

Маленькие членистые ножки скорпиона как будто вибрировали; он был уже на полпути к ее лицу. Крошечные хватательные клешни угрожающе покачивались.

Что-то бесконечно медленно, спокойно покачиваясь, возникло на самом краю ее поля зрения. Первой мыслью было — Змея. Она похолодела. Тейт вспомнила, что как раз там должен был быть Налатан. Появилась его рука. Он резко зажал хвост скорпиона между указательным и большим пальцами. Рука и извивающаяся тварь исчезли.

Сделав глубокий вдох, Тейт закрыла глаза. Она бы хотела еще заткнуть уши, чтобы не слышать треска разламывающегося панциря.

Потянув за плечо, Налатан развернул ее лицом к себе. Показав вправо, он провел рукой по горлу. Темневшее на его указательном пальце пятно свидетельствовало о кончине ядовитого насекомого. Она сглотнула и почувствовала, как ее разбирает дикий смех при мысли о том, что кто-то может быть таким сострадательным к погибшему скорпиону, когда речь идет о выборе между убить или быть убитым.

Истерика вскоре перешла в депрессию. Пятьдесят Коссиаров. Двадцать пять на каждого. Эти числа не были случайны, это была печальная арифметика; не слишком часто два равнялось пятидесяти.

Тейт почувствовала, как позади нее Танно поставил лапу на ее сапог.

Она ощутила, как в ней поднимается ненависть к врагам. Через несколько мгновений воины будут убивать Танно, стараясь прикончить его. Тейт обрадовалась, почувствовав, как горит горло. Это было совсем другое ощущение, абсолютно не похожее на иссушающее жжение жажды. Это была боевая злость, несущая силу, сосредоточенность, волю к победе.

Рука еще раз сжала ее плечо. Затем еще раз.

Это был сигнал.

Тейт и Налатан в молчании вскочили и пошли в атаку. Первые четверо умерли даже не проснувшись. Затем один из воинов открыл глаза. Доннаси поспешила к нему со штыком наперевес; Танно, оскалившись, бежал рядом. Она мысленно представила себе, как это выглядит, с точки зрения воина. Выпученные глаза. Шея напряжена, словно переплетение стальных кабелей. Рот оскален в зверином рыке. Мужчина завопил. Тейт ответила свирепым криком, втыкая в него блистающий на солнце штык.

Поднялась тревога. Приказы перемежались проклятиями. Мимо Тейт и Налатана просвистела стрела. Но в кольце Коссиаров была пробита брешь. Налатан проговорил:

— Подходят остальные. Воспользуйся молнией. Заставь их отступить.

Сайла, Ланта и Додой выскочили из скрывавшей их долины. Каждая из Жриц держала поводья еще одной лошади, скачущей рядом.

Один из бойцов приближался к Тейт. Прежде чем она успела прицелиться в наглеца, мимо нее пролетел Танно. Мужчина оказался храбрецом. Он продолжал двигаться вперед, размахивая мечом в сторону собаки. Она увернулась, прыгнув на Коссиара справа. Человек и животное упали, сплетаясь в рычащий клубок. Вопли резко стихли.

Налатан закричал, указывая на еще одну группу из четырех всадников, скачущих наперерез быстро приближающимся лошадям. Двумя выстрелами из винтовки Тейт сбила

одного из Коссиаров и заставила остальных обратиться в бегство. В следующий момент Жрицы уже передавали Налатану и Тейт поводья. Додой проскакал мимо. В Рыжика попала стрела, и он в бешенстве поднялся на дыбы. Налатан выдернул стрелу, и Сайла тотчас же успокоила лошадь. Преследуемая градом стрел, четверка помчалась вниз по гряде вслед за Додоем.

От этого места до спасительных холмов им предстоял длинный перегон. Вскоре стало ясно, что тяготы долгого пути и недостаточные еда и питье в последние три дня сказались на лошадях самым печальным образом. Они явно замедляли свой бег. Глядя через плечо на приближающихся Коссиаров, Тейт умоляла своего коня собраться с последними силами. Мудрые глаза Танно встревоженно смотрели на нее.

Налатан предупреждал об этом. Он горячо поддерживал предложение Сайлы переждать немного перед тем, как пытаться пробить кольцо окружения — демонстрация их уныния и слабости должна будет усыпить бдительность стороживших Коссиаров. Но и обратил их внимание на то, что они сами становятся с каждым днем все слабее и слабее. И вне зависимости от того, насколько неожиданным оказалось их нападение на лагерь, все еще нужно было первыми доскакать до безопасного места.

Их могла погубить та же тактика, которая позволила им освободиться.

Налатан заметил, что местность, расстилающаяся перед первой линией холмов, как будто создана для засады.

Подбадривая коня из последних сил, Тейт вдруг неожиданно и совершенно не к месту задумалась над тем, откуда Налатан это знает.

Впереди была небольшая канава. Додой натянул поводья, пытаясь замедлить бег своей лошади. Та присела на задние ноги, вынудив его спешиться и подхлестнуть животное, заставляя его подняться. Налатан крикнул остальным, что они должны перепрыгнуть через препятствие.

Конь Тейт споткнулся. «Вайп» больно ударил ее по голове. Не обращая внимания, она пыталась рассчитать движения животного. Сейчас он сменил ногу и шел с левой. Он мог хорошо прыгнуть лишь с правой, она это знала точно, а канава приближалась. Она быстро перенесла вес влево, а затем снова переместилась на правый бок. Он слегка поартачился, но пошел с правой и, когда канава оказалась у него прямо под носом, прыгнул. Рядом взметнулся Танно. Оба животных упруго приземлились на другой стороне. Тейт похвалила их. Глянув по сторонам, она увидела, что ее друзьям также удалось преодолеть препятствие.

А еще увидела приближающихся Коссиаров.

Налатан указал на дорогу в каньон. Проскочив поворот, они оказались перед выбором — попытаться прорваться через завалы крупных булыжников или быстро погибнуть. Налатан невозмутимо бросился вперед. Остальные поехали следом. Немного продвинувшись вперед, он подал знак Тейт. Она поняла. Настало время немного припугнуть преследователей. Развернувшись, она взяла под прицел въезд в каньон.

Вскоре в него стали въезжать Коссиары.

Глухой звук выстрела потонул в грохоте копыт. Зато идеально сферический разрыв не прошел незамеченным. Красно-оранжевое пламя вспыхнуло и исчезло среди поднявшейся пыли и дыма. Трое Коссиаров вместе с лошадьми превратились в тошнотворную однородную массу. Еще двое, не успев остановиться, влетели прямо в нее. Тейт ускакала прочь, пытаясь криками заглушить вопли умирающих людей и животных.

Через пятьдесят ярдов она сглотнула комок. Обе дороги, начинавшиеся на этой развилке, уходили ярдов на сто вперед, но ни на одной из них не было видно ее спутников.

Уже основательно напуганная, она подхлестнула коня. С обеих сторон от нее вздымались отвесные стены, упирающиеся в чистое безоблачное небо. Она продвигалась вперед, пытаясь заметить хоть какой-нибудь намек на то, какую дорогу ей следует избрать.

Они должны были подождать ее. Должны.

Внезапное появление Налатана заставило ее вскрикнуть. Он ждал ее на правой дороге. Махнув рукой, монах развернул свою лошадь и двинулся вперед.

Подъехав к расселине, Тейт поняла, почему он ее не дождался. Следуя за ним, она молча проклинала его выбор пути. Здесь не было места даже для того, чтобы обернуться. Затем, совершенно неожиданно, узкая тропинка резко повернула. Показывая знаками, что ей следует молчать, Налатан вывел ее к крутому склону вздымающегося плато. После того как все поднялись, грунт с предательским шумом посыпался вниз. Удерживая поводья, Налатан тянул коня вперед, в то время как Тейт толкала его сзади. Совершенно выбившись из сил, они выскочили на поверхность, выбравшись из узкой расселины. Конь стоял опустив голову, его бока тяжело вздымались. На помощь поспешили Жрицы. Передавая им поводья, Тейт встряхнула головой и отправилась на поиски удобного наблюдательного пункта. Сайла и Ланта вернулись назад к ожидавшему их Додою, совершенно исчезнув из поля зрения. Налатан спустился на спасительную тропинку.

Поспешив ко входу, он быстро уничтожил следы их пребывания. По свистку Тейт он присел, скрывшись из поля зрения появившихся на дороге. Спрятавшись в углу, он обнажил свой меч и замер в ожидании. Коссиары вереницей въезжали в расселину. Против первоначальных десяти или двенадцати их было теперь как минимум вдвое больше. Они остановились у развилки.

Тейт наблюдала за ними, надвинув шляпу до бровей и просунув голову между двумя примерно одинаковыми по размеру камнями. Еще один камень, лежащий на земле прямо перед ней, скрывал левую и нижнюю части лица.

Налатан расположился прямо под ней.

Предводитель отряда спешил, изучая следы на земле.

Тейт медленно повернулась и увидела Сайлу, лежащую на плато прямо за ней.

— Они ищут следы. Если они действительно умеют это делать, у нас могут возникнуть серьезные проблемы, — прошептала Тейт.

Сайла отвечала также тихо:

— Налатан говорил, что здесь много диких лошадей. Он сказал, что дно расселины очень трудно прочитать.

— Будем надеяться. Тебе лучше отодвинуться назад. Они приближаются.

Разделившись на две равные группы, Коссиары начали исследовать ущелья. Опасаясь еще одной засады, они держались края расселины, постоянно осматривая нависающие утесы. Такая тактика позволяла им быстро укрыться в случае, если они попадут под огонь. Это также означало, что одна из групп пройдет в опасной близости от того места, где прятался Налатан.

Тейт изучала грунт около его укрытия, пытаясь смотреть на него с точки зрения преследователей.

Четкий след подкованного копыта бросился ей в глаза. Видный даже с вершины утеса, для всадника он будет так же заметен, как сверкающий глухой ночью маяк. Она привлекла внимание Налатана, бросив в него камешком, а затем хрипло прошептала:

— Отпечаток копыта. Снаружи, справа.

Он, не понимая, нахмурился.

— Железной. Подковы. — Она вложила в слова как можно больше настойчивости. Налатан подбежал к выходу. Упав на живот, он выполз наружу. Указывая пальцем направление движения, она показывала ему дорогу. Полуобернувшись, он следил за ее указаниями. Наконец, так же случайно, как и Тейт, он все-таки добрался до злополучной отметины и провел по ней рукой.

Тем временем воины уже были от него в нескольких ярдах.

Налатан заскочил назад в трещину лишь мгновением раньше, чем первый всадник въехал на небольшое возвышение и посмотрел на место, где только что лежал монах.

Коссиар остановился и спешил. Созвав остальных, он проговорил:

— Я думаю, достаточно. Они сбежали.

С другой стороны раздался голос командира второй группы:

— Копье сказал прочесать все как следует.

— Я уже и так все прочесал. Если эта сумасшедшая старуха так хочет заполучить этих людей, пусть охотится на них сама.

— Полегче. Она большая шишка в Церкви.

Уставшие воины начали роптать. Некоторые засмеялись. Набравшись смелости, их командир сказал:

— Все хотят выпить, сейчас самое время. Затем мы вернемся назад и скажем Копью, что обыскивали развилку до тех пор, пока уже ничего не смогли различить в темноте. Все согласны?

Раздалось согласное мычание, вскоре переросшее в спокойные разговоры.

Ехавший впереди всадник, потягиваясь и кряхтя, передал свои поводья стоящему рядом воину. Некоторое время он прогуливался, потирая спину. Затем снова начал лениво рассматривать дно ущелья, двигаясь к тому месту, где прятался Налатан.

Тейт закусила губу.

Нагнувшись, мужчина что-то поднял.

Тейт переложила «вайп» поближе к правому боку. Вопрошающий взгляд Налатана помрачнел, как будто он мог видеть, как растет ее напряжение. Повернувшись к обрывистому входу в узкую расщелину, он весь погрузился в слух.

Отбросив в сторону привлечший его внимание камешек, воин развернулся, решив осмотреть стену каньона. Он заметил пролом. Подозвав мужчину, державшего его лошадь, он сказал:

— Смотри-ка, похоже пещера или что-то в этом роде. А может, это путь к тем самым Вратам, за которыми охотится сбежавшая Жрица.

Тот рассмеялся, подъезжая поближе. Он взгляделся в проход.

— Как, по-твоему, куда он выходит?

Его спутник пожал плечами:

— Он сразу же обрывается. Куда он может вести? — Он ступил внутрь.

Налатан вжался в землю.

Тейт сняла «вайп» с предохранителя.

Мужчина расстегнул ширинку и помочился на стену.

На расстоянии человеческого тела Налатан, поднявший отточенный как бритва меч, напрягший мускулы, словно стальные веревки, недоуменно открыл глаза при ни на что не похожем звуке журчащей воды.

Еще один шаг, и Коссиар увидит выход на вершину плато. Это будет последнее, что он увидит, но за ним придут его друзья.

Закончив, воин вышел наружу.

— А ничего. Похоже на офицерские уборные на базе.

Его собеседник добавил:

— За исключением гремучих змей. Здешние места, должно быть, кишат ими.

— Это не смешно, — отозвался первый, усаживаясь в седло. — Почему ты раньше ничего не сказал? Поехали, мы возвращаемся назад.

Оживленно беседа, они отправились прочь.

Группа выжидала еще несколько часов. Умирая от жажды, они маленькими глоточками пили оставшуюся у каждого воду, вслушиваясь, не возобновится ли погоня.

Додой это наскучило еще раньше, чем думала Сайла. Найдя расщелину между двумя булыжниками, он протиснулся в нее как можно дальше, скрываясь от солнца и всего остального, что могло прийти. Его крики наконец стали достаточно громкими для того, чтобы привлечь внимание Тейт. Отступив к краю, она заползла к нему:

— Я здесь. Все в порядке. Все будет в порядке.

— Это неправда! — мальчик кричал ей в лицо, тряся головой. Огромные круглые глаза смотрели сквозь нее. — Они вернутся. Они хотят схватить меня. Мы не можем убежать. Я хочу пить.

Тейт дотронулась до него. Додой еще глубже вжался в расщелину. Высокий голос

поднялся до визга:

— Спрячь меня! За кучами камней. Грязи. Не дай им найти меня.

Тейт вздохнула и, отстегнув свою фляжку, протянула ее мальчику. Схватив, он жадно припал к ней губами. Протирая лицо, он проговорил:

— Сколько еще мы должны оставаться здесь? Это вся наша вода?

— Скоро мы уходим. Мы должны быть осторожны. Сейчас мне нужно сходить и повидаться с Налатаном. Просто посиди чуть-чуть спокойно, дорогой. Мы скоро уходим.

— Останься со мной. Мне нужна ты, а не он. Он большой.

Тейт пристегнула фляжку назад. Когда она прикоснулась к нему, Додой забился еще дальше. Тейт ушла.

Сайла наблюдала за произошедшей сценой. Подойдя к мальчику, она попыталась достать до него. Он проворчал:

— Ты закрываешь мне воздух, — и толкнул ее.

Сайла осталась на месте.

— Додой, мы все очень напуганы и устали. Не только ты. Тейт тоже боится. Но она больше боится за тебя, чем за себя, вот в чем дело. Так всегда бывает, когда любишь кого-то. Быть храбрым не значит не думать или не беспокоиться. Быть храбрым значит беспокоиться о ком-то еще, забывая про себя. Быть храбрым значит любить, Додой, и ты делаешь то, что должен делать, потому что ты любишь.

Додой отвернулся. Тем не менее Сайла была уверена, что заметила проблеск понимания в его глазах. Но она не знала, насколько близко к сердцу он воспримет ее слова.

Возвращаясь к Ланте, она встряхнула своим бурдюком, обнаружив в нем лишь пару капель драгоценной влаги. Возможно, у мальчика уже не будет времени учиться.

Глава 101

Рискнув передвигаться без спасительного прикрытия темноты, отряд продолжил свое бегство от Коссиаров ранним вечером. Их единственным попутчиком был одинокий ястреб. Он сопровождал их некоторое время, то пикируя, то паря в воздухе без видимых усилий. Идущая между Сайлой и Налатаном Тейт указала на птицу:

— Интересно, где она берет воду для питья?

— Налатан знает, — ответила Сайла. — Правда?

Он улыбнулся. Его потрескавшиеся губы придали улыбке болезненный вид.

— Мы не доберемся к воде до следующего вечера. На заре будет тень. Я оставлю вам всю воду, которая еще есть, а сам пойду поищу еще. Когда я один, то быстрее двигаюсь.

— Мы не будем разделяться, — твердо сказала Сайла. Налатан начал было возражать, но она прервала его: — В этом нет необходимости. Разве мы еще не на землях твоего племени?

Налатан остановился.

— Откуда ты это знаешь? Ланта? Видения?

— Не святотатствуй. Ты говорил, что твоя деревня находится возле Дома Церкви. Когда пришли Коссиары, ты повел нас на запад, хотя мог пойти на север. Затем, сегодня утром ты снова настоял, чтобы мы ехали на запад. И ты точно знал, где расположено место, в котором можно спрятаться. Ты думаешь, мы так глупы?

Пытаясь казаться обиженным, Налатан произнес:

— Я собирался сказать вам об этом сам. — Глазами он незаметно искал Тейт. У Сайлы сложилось впечатление, что его слова предназначались скорее для Тейт, чем для нее. Не изменяя манеры поведения и тона, он продолжал: — Я хотел многое рассказать вам о своем народе, но у нас просто не было времени. Я надеялся, что охотники племени заметят нас и помогут. Дело в том, что от этого места и до моей деревни нет воды — кроме не пригодной для питья. Мой план — наша единственная надежда.

— Я — Цветок. — В голосе Сайлы чувствовалась сила. — Я молилась. Я говорила

Вездесущему, что мои друзья сделали все, что было в человеческих силах. Если Он хочет, чтобы Его Врата были найдены, то лучше бы Ему нам помочь. Я говорила с Ним все время, пока мы ехали оттуда.

— Верхом на лошади? — спросил Налатан. — И это молитва? Ты ставишь ему условия.

— Утверждать очевидное — не значит ставить условия. В любом случае, разве что-нибудь стало меняться в худшую сторону?

Покачивая головой, Налатан обратился к Тейт:

— Я не уверен, что мне это будет интересно, если мы выживем. Может быть, стоит умереть просто для того, чтобы услышать, что она скажет, когда мы достигнем Дальних Земель.

Сайла улыбнулась и похлопала Тейт по руке.

— Они действительно неразвиты, ты же знаешь. Мужчины. Когда им приходится худо, они, словно мальчишки, все до одного верят в силу своих мускулов и какой-то там железной игрушки, которая у них есть. Смешно.

Рассмеявшись, Тейт согласилась с ней. Налатан шел вперед с оскорбленным видом.

— Становится темно. Этот мальчишка будет идти впереди, чтобы вы — совершенные личности — не переломали себе ноги.

После этого они обменялись несколькими словами. Налатан прокладывал путь в ночи уверенными шагами, которые буквально пожирали расстояние при минимальной затрате сил. Несмотря на это, все они — и люди и животные — были на грани изнеможения.

Рассвет застал их у подножия уходящего ввысь горного склона. Тейт оглянулась на Налатана, ее взгляд был умоляющим. Он понял все и покорно сказал:

— Там, за ними. Вода. Селение моего народа. Я вернусь послезавтра. Около полудня.

Сайла указала вверх.

— А там наверху, случайно не человек из твоего народа?

Потрясенный, Налатан поднял взгляд. Высоко над ним стоял человек. Налатан помахал ему рукой, издав хриплый звук. Наблюдатель тоже помахал ему. Странное завывание, похожее на песню койота, зазвучало в горах. Схватив мех с водой, Налатан освежил рот. Затем, откинув голову назад, завизжал, как первобытный человек. Когда он замолчал, то заметил, что его попугачики уставились на него в недоумении.

— Мой народ, — с гордостью сказал он. — Мы в безопасности. Теперь нам не о чем беспокоиться.

В тот же момент на вершине горы, кроме человека, который кричал, как койот, появились другие люди. В случае необходимости они готовы были атаковать. Они начали спускаться в низину, размахивая большими изогнутыми луками и без малейших усилий перепрыгивая с камня на камень. Это напомнило Тейт полет козодоя в ночи. Их одежда была одного цвета с землей, а лица разукрашены странными, асимметричными рисунками.

Один из них сунул в руки Тейт мех, наполненный водой. Невзирая на боевую раскраску, мужчина был привлекательным. Он улыбнулся ей:

— Вода свежая.

Тейт потянулась.

— Вода — это все, что мне нужно. Спасибо.

Слова получались грубыми и сухими. Мужчина рассмеялся, однако он стал более серьезным, увидев, что она сперва протянула наполненные водой руки собакам и лошади. Лишь потом она позволила себе длинный, роскошный глоток и глубокий, расслабленный вдох. Мужчина ждал, пока она закончит.

— Меня зовут Малый Пес.

— Доннаси Тейт. Рада познакомиться с тобой.

Мужчина с бородой, в которой проблескивала седина, пробиравшись сквозь толпу воинов. Его шаг был пружинистым, но ему не доставало акробатической гибкости людей, которые перед этим спускались в долину. Молодые воины расступались перед ним. Сперва мужчина подошел к Налатану. Они соприкоснулись кулаками, приветствуя друг друга. Налатан указал

на Сайлу.

Выступив вперед, Сайла приветствовала бородатого мужчину поднятыми руками, большие и указательные пальцы рук были соединены, изображая знак солнца. Как только мужчина ответил ей этим же жестом, она назвалась и представила остальных. Мужчина открыто улыбался.

— Торговец сказал, что настроенные против Церкви Коссиары намеревались напасть на вас и могли преследовать вас. Мы вас ждали. Мы из племени Звездочетов, меня зовут Орион.

Сайла обернулась.

— Против Церкви? Торговец?

— Мерзавец, — Орион осенил себя тройным знаком. — Обычно мы не обращаем на них внимания. Все они лжецы и воры.

— Он говорил вам о Коссиарах? — Сайла улыбалась Ориону. — Почему они должны были напасть? Почему преследовали нас?

— Он сказал, что вы едете впереди Жнеи, чтобы подготовить Дом Церкви к ее приезду. Коссиарам нужны рабы.

Налатан заморгал, открыв рот. Тейт представила все это так, будто он поперхнулся глотком воды, развернулась и изо всех сил хлопнула его по спине. Возникшее замешательство позволило Сайле направить разговор в нужное русло:

— Он что-нибудь говорил о Цветке?

— Нет, но все знают об ее поисках.

— Да, это она, — вставил Додой. Все посмотрели на него, а потом туда, куда он указывал. Сайла продолжала смотреть на Ориона. Ее улыбка вдруг стала извиняющейся.

— Я бы предпочла, чтобы вы не знали этого. Отношения внутри Церкви сейчас слишком сложны; вас не должно это беспокоить. Если мы сможем пополнить здесь запасы свежей воды, то вскоре продолжим свой путь.

— Это абсолютно невозможно. — Орион был суров. Тейт заметила, что Налатан неприятно удивлен. Она медленно отодвинулась от его правой руки и положила ладонь на рукоять пистолета. Орион продолжал: — Звездочеты поддерживали Церковь с самого начала. Мы перенесем и эту бурю, как выдержали все остальные. Мы сердечно приветствуем Цветок на нашей земле.

Неожиданно спавшее напряжение освежало даже лучше, чем вода. Через минуту все уже поднимались в гору.

Налатан с Орионом шли во главе колонны. Мужчина, подавший Тейт воду, присоединился к ней, когда они пробирались между огромными камнями. Она спросила:

— Здесь все мужчины названы именами звезд или созвездий?

Когда он заговорил, в его голосе слышалось искреннее удивление, и Тейт была рада, что он не мог в этот момент рассмотреть ее лицо и заметить, насколько она испугалась совершенной ошибки.

— Ты употребила наше слово для звездных рисунков? Больше никто этого не делает. Ни Кос, ни Церковь. Мы слышали, что ты и твои друзья пришли к Людям Собаки из неизведанных земель. Может быть, ваш Сиа знал нашего?

Тейт пробормотала что-то в ответ.

— Все мужчины Звездочетов носят имена звезд. Это наша обязанность наблюдать за звездами в честь гигантов, которые улетели туда. Женщины, конечно, носят женские имена, а мужчины, которые вступают в братство Первой Звезды, как Налатан, получают новые имена от Главы братства.

Тейт, скрипнув зубами, пропустила мимо ушей «женские имена».

— У вас существуют легенды о людях, которые отправились к звездам?

Отвечая, Малый Пес смотрел вверх:

— Давным-давно, перед началом всех начал, гиганты ушли за небо. Из Суши. Здесь находится то место, куда они вернутся. — Тейт улыбнулась сквозь боль. Малый Пес не мог

представить себе постройку космодрома в Неваде. А Тейт уже не могла вспомнить его название или название ближайшего города. Малый Пес заговорил снова: — Большинство племен, которые живут в Суши, были вытеснены сюда более сильными племенами. Звездочеты — нет. Это наша земля.

Тейт всмотрелась в лицо Малого Пса. Именно в нем она почувствовала жесткую силу и ужасную красоту этой страны, внушающую благоговейный страх, даль, вид которой мог испугать смотрящего. Она вдруг поняла всю привлекательность этого места, бросившего вызов человечеству. Места, которое открывало свое прекрасное сердце только тем, кто мог принять его условия.

До того, как Тейт смогла что-либо сказать, Налатан обернулся и улыбнулся ей. Взгляд, брошенный им на Малого Пса, был не очень дружелюбным.

Эта реакция задела Тейт. Налатан продолжал держать все в секрете. Он говорил только в тех случаях, когда это было необходимо, не чаще. Кто он такой, чтобы делать вид, что имеет на нее какие-то права?

Заметив ее реакцию, Додой нахмурился. Это только прибавило подозрений, что с Тейт происходит что-то серьезное. Сайла говорила, что опасается за нее. Додой был уверен, что этот страх как-то связан с Налатаном, но он не мог точно понять, как именно. Они оба изменились. Раньше они смотрели друг на друга так, как будто были голодны. Но сейчас, если Налатан ловил на себе взгляд Тейт, она отворачивала голову. Он вел себя точно так же.

Страх. Может быть, это был он. Сайла сказала, что храбрость исходит от любви, но если ты любишь кого-то, то беспокоишься о том, что с ним происходит.

Если Тейт любит Налатана и боится за него, то это значит, что она намного меньше переживает за Додоя.

Образ Жнеи пронесся в его мыслях. Она никого не любила. Хотя знала, чего хотела. Додой улыбнулся, вспоминая, как Капитан запутал ее. Глупый. Он думает, что одержал победу. Даже всемогущий Капитан не может понять, что такую женщину можно победить, лишь убив ее.

Капитан и Жнея. Тейт и Налатан. Ланта и Конвей. Никто в действительности не заботился ни о ком. Что касается его, все они думали, что он знает что-то о том, где находятся Врата, знает, где живут люди, такие, как Тейт. Если бы не это, они бы давно продали его.

Пугающая мысль. Додой боролся с ней. Скоро он должен найти то место, откуда он родом.

Все это было слишком утомительно. Додой немного подался вперед, сидя в седле, и лег на шею лошади. Он даже не вздрогнул, когда Тейт подъехала к нему, чтобы снять с коня и пересадить себе на колени.

Когда они достигли вершины горы и тропа расширилась, Сайла поехала вперед, чтобы догнать Налатана и Ориона. Когда она подъехала, Орион заметил:

— На самом деле у нас были два торговца. В течение двух дней. Обычно нам не доводилось видеть их больше раза в год. Встречаются не чаще, чем крысы. Говорили, что Летучая Орда может напасть на Дом Церкви. Жрица, есть ли что-нибудь за Вратами, что может остановить их?

— Я не знаю. Я верю в то, что мне предопределено найти их, открыть их и узнать их тайну. Но я не знаю, что это за тайна.

— Власть. — Орион сказал это слово с особым ударением, так что оно прозвучало как нечто непристойное. — Все ищут ее.

— Но ни одна женщина не имеет ее. Я намереваюсь изменить такой порядок вещей.

Улыбка Ориона стала снисходительной.

— К тому времени, когда ты станешь такой же старой, как я, ты откроешь не одни врата, и многие из них ты захочешь закрыть снова.

— Врата были тайной Учителей. Я не боюсь того, что они оставили нам.

— Нам?

Смутившись, Сайла выпалила ответ:

— Церкви. Женщинам. Нам.

— Власть. — Печаль изменила прежний смысл этого слова. Орион хлопнул в ладоши, будто стирая весь разговор. — Но ничто из сказанного не тревожит нас. Мы — хорошая компания, живущая в мире и согласии. Разве это не достаточный повод для улыбки?

Вечером следующего дня колонна преодолела последний холм на пути к уютной деревне. Чистая, манящая прохладой река быстро несла свои воды мимо маленьких пастбищ и полей. Стада коров, лошадей, овец и лам паслись по всей долине до самых дальних склонов гор. Стада коз занимали более высокие и бедные земли; молодой пастух пинками отогнал своих подопечных с дороги. Очистив путь, парень сложил руки рупором у рта и закричал так же, как делали это воины. Далеко внизу люди бросили заниматься своими делами и подняли головы, чтобы взглянуть вверх. Некоторые замахали руками. Большинство просто вернулось к своим делам.

— Я должен был объяснить это раньше, — обратился Налатан к Сайле. — Вой — это язык войны и воинов. Мы можем говорить так, что никто посторонний нас не поймет. Все мужчины владеют этим языком. Пастух просто оповестил деревню о том, что мы приближаемся. Сколько нас, и с какой скоростью мы едем. Он сказал, что мы выглядим уставшими.

Сайла поблагодарила его. Ее мысли перенеслись к Класу, она вспомнила безмолвный язык жестов его Людей Собаки.

По углам геометрически правильного лагеря возвышались прямоугольные здания. В центре деревни располагались конические шатры, однако самым примечательным было здание, возвышавшееся над всем остальным поселением. Это было двухэтажное прямоугольное строение с плоской крышей, сооруженное из камня и дерева. Сайла решила, что оно построено для обороны поселка. Подумав о Косе, она сморщилась.

После тяжелого перехода по Суши деревня Звездочетов казалась мечтой. Орион представил их главе и старейшинам. Люди улыбались, приветствуя их. Но вскоре оставили их в покое.

В этот первый вечер, после обильного ужина с зажаренной индейкой и свежими овощами, женщины сидели снаружи, прислонившись к шатру, который отвел для них Орион. Тейт предложила приготовить на завтрак свежий козий сыр. Сайла и Ланта, в свою очередь, подумали о том, какие бы мучения устроить для нее в отместку за это.

Когда они замолчали, воцарилась тишина, какая может возникнуть лишь в компании проверенных друзей. Сайла закрыла глаза и погрузилась в состояние блаженства. Открыв их, она обнаружила, что сидит лицом в направлении к Дому Церкви.

Она чувствовала близость Врат. Тихий тайный голос, который направлял ее, теперь беспрерывно шептал, неразлично, без слов, он тем не менее говорил, что Врата где-то там. Он заставлял ее думать о них.

Пугал ее.

Громкий голос Ориона вернул Сайлу к действительности. Она подняла голову и увидела, как он вступает в освещенный круг. Ее не удивило то, что он был один. Она уже заметила, что даже глава деревни относился к нему почтительно. Немного побеседовав о еде и жилье, она спросила:

— Почему ваш вождь решил поселиться в этом месте?

— Он привел сюда наших предков с запада, но мы не знаем, где они начали свой путь. Это тайна, которая умерла вместе с нашими предками. Мы уже были здесь, когда появился Дом Церкви; мы знаем это. Первое братство для его защиты составляли мужчины из Звездочетов.

— Я никогда не слышала об этом. — Заинтригованная, Сайла наклонилась вперед. — Звездочеты обучали другие братства?

— Мы набирали для них людей, — гордо сказал Орион. — Наши мужчины всегда защищали Церковь. Я столько знаю об этом потому, что я — сказитель легенд. Со мной

сейчас живут три молодых воина. Они станут мужчинами, которые обернут наше племя в паутину легенд. Мы не похожи на других людей. Мы уважаем своих предков, и сказители легенд знают о том, как они жили. Малый Пес — лучший из моих людей. Вы познакомились с ним вчера.

Вступая в разговор, Тейт сказала:

— У меня есть своя собственная цель, кроме того, что я помогаю Сайле в поисках Врат. — Она указала на Додоя, едва различимого рядом с дальним шатром. — Я думаю, что его похитили из Суши. Как вы думаете, такое могло случиться?

Горькие воспоминания омрачили лицо Ориона:

— Все племена теряют детей, которые потом становятся рабами. Сколько ему лет? Десять? Двенадцать?

Тейт пожала плечами.

— На нас был налет семь лет назад, — сказал Орион. — Мы потеряли много женщин и детей. Я узнаю.

Тейт преклонила перед ним колени:

— О, да. Пожалуйста.

Испуганный таким проявлением чувств, Орион отпрянул.

— Но поймите, что семья могла умереть. Мы потеряли многих, многие оказались в плену. Река на два дня стала черной.

— Стала черной? — переспросила Сайла. — Пепел от сожженных шатров?

— От погребальных костров. — Орион посуровел. — Мы сжигаем погибших, как это делают все. У нас есть, однако, своя традиция — сбрасывать пепел в реку. Она дает нам жизнь. Поэтому, когда мы умираем, ее воды уносят нас в Дальние Земли.

— Отсюда и до самого моря, — пробормотала Ланта. В ее словах послышались не то зависть, не то страстное желание. Сайла повернулась к ней и мягко коснулась ее руки, однако то, что произнес Орион, заставило Сайлу похолодеть.

— Не в море. Эта река впадает в другую. В течение многих дней они несут свои воды на запад. В месте, которое мы называем Конец, они все поглощаются Сушью. Наш пепел исчезает в земле вместе с животворной водой. Мы называем нашу реку Пожиратель.

* * *

Появившийся из темноты Малый Пес подошел к Ориону.

— Ты узнал что-нибудь еще, или это была простая беседа?

— Я не вытягивал из них ничего насильно, — отвечал Орион. — Она — Цветок, Малый Пес. А это подразумевает великую силу.

— Она говорит, что она — Цветок. Старая песня. Кого ты пошлешь сообщить, что Сайла здесь, когда Жнея вернется в Дом Церкви?

— Появление Цветка среди нас и ее предназначение вовсе не старая песня, как ты это сказал. Как бы там ни было, я не думаю, что мы должны вмешиваться в дела Церкви. Пусть они сами разбираются. Мы поддержим того, кто победит. А остальное вне наших полномочий.

Малый Пес подошел ближе к Ориону.

— У нас уже был разговор на эту тему. Ты понимаешь меня лучше, чем мой отец. Звездочеты всегда поддерживали Церковь; я знаю это. Почему же Церковь не должна платить благодарностью? Если мы передадим так называемый Цветок Жнее, то сможем потребовать особых привилегий для братства Первой Звезды. Последнее время появилось много торговцев. Они должны платить, чтобы пересечь Сушь. Вода здесь стоит дорого; мы можем контролировать большинство источников. А объединившись с другими братствами — все. Удача сама идет к нам в руки.

Орион засомневался.

— Мы предложили им наше гостеприимство, Малый Пес. Я сказал ей и ее друзьям, что

мы рады их видеть.

Молодой человек тихо хохотнул.

— Мы не смогли бы получить от них пользы, если бы не сделали этого.

— Это нечестно. Ты ведь не хотел этого говорить. Мы дали слою.

— Ты никогда не смеешься. Не будь таким серьезным. Если ты хочешь о чем-то побеспокоиться, то подумай о воздействии на наших женщин этих трех особ женского пола, которые бродят по Суши с монахом. Вот тебе проблема морального плана.

— Жрицы. Женщины с несомненной репутацией. Черная беспокоится только о том, чтобы найти родителей мальчика и помочь Цветку. Было бы хорошо, если бы ты заметил их характер, их верность. Налатан — вне подозрений.

Малый Пес убрал руку.

— Я не думаю, что они настолько чисты. Я не доверяю ни одной из них, и я думаю, что мы должны всегда в первую очередь заботиться о себе.

К этому времени они подошли к своему шатру. Когда они вошли внутрь, откуда-то донесся низкий вопрошающий крик совы.

Глава 102

Собравшись в тесный кружок вокруг единственной свечи, три женщины заботливо поддерживали ее слабый свет. Прижав палец к губам, Сайла приподняла бровь и взглянула на Тейт, потом указала на вход в шатер. Тейт кивнула. Откинув полог, она огляделась и выскользнула наружу.

Не произнося ни слова, даже не глядя друг на друга, Сайла и Ланта сидели в ожидании. Вернувшись, Тейт произнесла:

— Вокруг никого нет. Танно стоит на страже.

— Хорошо, — с облегчением прошептала Ланта. — А теперь объясни, Сайла. Река Пожиратель, о которой сказал Орион, это та самая река, о которой говорила Настоятельница Ирисов? Почему ты ущипнула меня? Я хочу расспросить его и о других вещах. К чему такая секретность?

Сайла почувствовала, как кровь прилила к лицу, и обрадовалась, что в тусклом свете ничего не видно.

— Я не знаю. — Признание несколько облегчило ее состояние. — Орион. Он говорит не то, что думает на самом деле. Его глаза: он может смотреть вам в глаза, но мышцы на его лице слишком часто напрягаются. Когда он говорил нам, что очень рад приветствовать нас на своей земле, я впервые заметила, что его зрачки то расширяются, то сужаются. Странно. Может быть, это от напряжения, а может, он лжет. Я не знаю. Но я хочу, чтобы все были очень осторожны. Что касается реки, то ее название еще ничего не доказывает. Река Пожиратель может быть и не одна.

На лице Ланты было написано недоверие.

— А завтра мы можем проснуться от музыки, которую издают летающие свиньи, — пробормотала Тейт.

Ланта рассмеялась, прикрыв рот рукой. Борясь со смехом, Сайла произнесла:

— Тейт, я говорю вполне серьезно.

— Я тоже. Поверь. Однако я согласна с Лантой: к чему такая секретность?

— Доннаси, мы подобрались так близко. Разве ты не чувствуешь? Мы совсем рядом.

— Рядом с чем? — вызывающе спросила Ланта. — Если это не та река, то мы ничего нового не открыли. Если же это все-таки именно та река, то почему мы сидим здесь, в темноте, и спорим без всякого смысла?

— Потому что мы должны быть уверены. Не в наличии Врат и не в том, что сказала настоятельница. Мы должны быть уверены в Орионе, в Звездочетах. Мы вчетвером противостояем всему миру. Если кто-то действительно знал, где находятся Врата, то он столетиями хранил эту тайну. Уже этого достаточно, чтобы вести себя осторожнее.

Тейт вздохнула.

— Что же ты собираешься предпринять?

— Мы учимся. Вспомните последние слова настоятельницы: «Возле Дома Церкви, за ужасной пустыней и рекой-пожирательницей, к югу от страны, где солнце может убивать, к тому месту, где солнце никогда не светит».

— Она сказала еще, — заметила Ланта, — ... «гиганты постановили, что темноты не должно быть никогда». И еще что-то о чудовищах, убивающих взглядом.

— Ты догадалась, — произнесла Тейт. — Если существует место, которое Звездочеты считают запретным, то это оно.

— Точно. Предания племени могут оказаться для нас самыми лучшими знаками. Однако мы не можем допустить, чтобы они следили за нами. У Жнеи, вероятно, и здесь есть свои люди. Будьте бдительны. Пожалуйста.

Ее подруги пробормотали что-то в знак согласия. Сайла задула свечу.

Утром за завтраком к ним присоединился Налатан. Трое мужчин ожидали их. Все были верхом на отличных конях — интересных животных с тонкими передними ногами и массивными задними. Налатан спокойно перенес обнюхивание Танно и сказал:

— Меня пригласили поохотиться. Сайла, ты не будешь возражать?

— Конечно, нет. Это просто чудесно — видеть тебя среди твоего народа.

Налатан покраснел. Слегка, но все это заметили. Он обернулся к Тейт.

— Ты проедешь со мной верхом попозже? Здесь есть такие места, на которые стоит посмотреть. И люди, с которыми стоит поговорить. — Его взгляд, не задерживаясь, скользнул по Сайле и Ланте. Он пытался не замечать их присутствия. На его висках поблескивали капельки пота. — Есть вещи, о которых я давно уже собирался тебе рассказать. Я имею в виду Звездочетов.

Тейт поднялась и подошла к нему.

— В любое время.

Он усмехнулся и поспешил к своим друзьям.

Вскоре после его отъезда прибыла неофициальная делегация женщин племени Звездочетов. Гостеприимные и дружелюбные, они расположились, чтобы побеседовать.

Лидера этой группы звали Тида. Подобно остальным, на ней была хлопчатая блуза свободного покроя с короткими рукавами, на ткани были вышиты цветы, животные и геометрические фигуры. Юбка доходила до верхнего края массивных, тяжелых ботинок. На каждом запястье красовалось по меньшей мере десять узких стальных браслетов. Во время разговора женщины активно жестикулировали, и палатка наполнялась тихим металлическим звоном. Сайлу от него почему-то пробирала дрожь.

После вступительных слов Тида долго собиралась с духом и наконец обратилась к Тейт:

— Мы много говорили о тебе, Доннаси. Для нас ты — загадка.

Тейт напряглась. Сайла приготовилась вмешаться. Однако реакция Тейт была обманчиво мягкой:

— Вы хотите что-нибудь спросить о цвете кожи?

— А, это. — Тида отмела эту догадку одним взмахом звенящей руки. — Что нас интересует, так это твое племя. Они действительно позволили тебе путешествовать или даже просто ходить одной? Правда ли, что тобой никто не владеет?

— Владеет мной? — Тейт проговорила эти слова также мягко. Сайла и Ланта, обеспокоенные явно прозвучавшим в вопросе предположением, вдруг поняли, что Тейт начинает закипать. Сайла придвинулась поближе, чтобы чувствовать бок своей воинственной подруги. Тейт продолжала: — Я не уверена, что правильно поняла тебя. Владение кем-то похоже на брак?

— В общем, да, и даже больше. — Тида была довольна проницательностью Тейт. — У тебя такое хитроумное оружие; оно не может принадлежать примитивному племени, которое позволяет женщине бродить одной, без хозяина. Особенно учитывая то, как наш Налатан

расхваливает тебя всем, кто его слушает. Может, ты принадлежишь Конвею — Белому Грому? Тайно? И в этом причина того, что Налатан до сих пор не предложил тебе перейти к нему? Кое-кто говорит, что Конвей, возможно, владеет тобой как своей сестрой. Женщинами Звездочетов раньше тоже никто не владел, это было несколько поколений назад. До тех пор, пока наши мужчины не поняли, насколько мы нуждаемся в любви и защите. Не всеми женщинами владеют от рождения до смерти. Я не понимаю, как коссарские женщины и женщины из Летучей Орды живут без защиты и делают многое, даже не спрашивая разрешения. И Церковь; такие женщины до безумия храбры. Как вы переносите все это?

Тида сочувственно положила руку на колено Сайлы. От толчка сверкающие браслеты съехали вниз, потом, позвякивая, остановились. В Сайлеросло отвращение. Цепи. Звяканье стали напомнило ей о цепях.

Она осторожно произнесла:

— Наши обычаи не совсем такие, какими вы их себе представляете. Никто не владеет Тейт. Никаким образом. Мы поговорим об этом позже. Что касается Ланты и меня, то Церковь защищает нас точно так же, как это делают ваши мужчины. Кстати: чтобы совершить обряд молитвы, как того требует Церковь, нам нужно вымыться.

Как только Сайла упомянула о купании, Тида настояла на том, чтобы показать им женскую купальню.

Прошло немало времени, пока тройка женщин закончила купаться, сушиться и знакомиться с остальными. Выйдя из палатки, они увидели, как Орион и Малый Пес выходят из дверей форта. Орион взмахнул рукой. Тида с подругами поспешили прочь. Мужчины быстро подошли. Сайла успела прошептать Ланте и Тейт:

— Сейчас начнется. Узнайте все, что сможете. И осторожнее.

Тейт начала беседу с легкостью, которая даже слегка напугала ее. Изящество и хитрость, которыми она пользовалась на вечеринках и в офицерских клубах, давно ушли в прошлое. Несмотря на это, работали они ничуть не хуже. Малый Пес отошел от Ориона и приблизился к ней. Она отметила его ожерелье из серебряных пластин ручнойковки, в центре каждой блестел опал. Голубые, красные и зеленые лучи вырывались из самого центра камней.

Он замедлил шаг, описывая расположение каньона, в котором были найдены камни. Они отстали от остальных. Расстояние все увеличивалось. Одновременно Малый Пес придвигался к Тейт все ближе. Когда он спросил, не желает ли она осмотреть весь поселок, Тейт согласилась. Они свернули в сторону.

Танно, с его длинными лапами, приходилось замедлять шаг, чтобы подстроиться к походке людей.

Малый Пес развлекал ее. Поначалу Тейт встревожил его очевидный интерес к ней. Пытаясь понравиться ей, он то вел себя агрессивно, то боялся обидеть ее. Невзирая на это, Тейт вынуждена была признать его привлекательность. Она вдруг поймала себя на мысли о Налатане, его упрямом нежелании снова быть вовлеченным в нечто похожее на тот вечер на острове. Воспоминание раздражало ее.

Она подзадоривала Малого Пса. Однако говорила себе, что это не похоже на обман. Существовали вещи, о которых она должна была узнать. Когда же разговор окончится, они снова пойдут разными дорогами.

Они остановились перед разукрашенной палаткой. Грубые рисунки изображали повседневную жизнь. Женщины готовили еду, качали малышей, вязали. Мужчины охотились, выделывали кожу, сражались. Там даже была изображена ткачиха. И гончар.

Глядя мимо Малого Пса и рисунков на безмятежно дремлющую деревню, Тейт почувствовала укол зависти. Однако это вскоре прошло. Такая жизнь была возможна, она могла даже представить ее себе. Однако у Доннаси Тейт были свои требования. Более того. Обязательства.

Малый Пес взял ее руку и положил на кожаную куртку. Захваченная своими мыслями, Тейт даже не помнила, как подошла ко входу в шатер. Куртка висела на шесте, проходившем

через рукава. Кожа была непередаваемо мягкой и такой белой, что блестела на солнце. Ворот, спереди и сзади, был сделан так, чтобы задерживать дождевую воду. Каждая полоска заканчивалась круглым, отполированным агатом. Камни были огненно-красного и белого цветов. Все они были просверлены, и сквозь отверстия были продеты полосы кожи, завязанные узлом. По обеим сторонам груди было вышито желтым бисером солнце с лучами. Свободной рукой Тейт приподняла куртку, чтобы осмотреть спину. Там разными оттенками зеленого была изображена стилизованная ящерица.

Малый Пес радостно улыбался.

— Это работа лучшего дубильщика из Звездочетов. Сделал ее из шкуры антилопы, которая принадлежит мне. Если ты надолго останешься у нас, то я сделаю такую же куртку и для тебя.

Когда Тейт обернулась к нему, то заметила в улыбке тончайший намек.

Тейт не хотела, чтобы их отношения зашли так далеко. Она ответила:

— Если мы столько здесь пробудем.

Удовлетворенный, он произнес:

— Хочешь посмотреть на наших коней? Я бы хотел показать тебе моего любимца. Не думаю, что кто-нибудь сможет обогнать Шомпола.

Тейт остановилась.

— Что?

Рот мужчины приоткрылся от неожиданности.

— Я сказал, что мой конь сможет обогнать твоего.

— Имя. Как ты назвал его?

Малый Пес расслабился.

— Шомпол. У наших лошадей древние имена. Как и у людей. У моего отца было шесть Шомполов. У деда и того больше. Когда один умирает, следующий получает его имя.

— А... — Тейт снова горько разочаровалась. Опять этот сумасшедший жестокий мир вызвал в ней воспоминания о ее собственном времени, ее собственном мире. А затем разбил вдребезги затеплившуюся было надежду.

Тем не менее эта боль заставила ее еще сильнее сосредоточиться на выяснении родины Додоя. Тида считала, что черная кожа не стоит особого внимания. Раньше этого никогда не случалось. Она с головой погрузилась в расспросы, интересуясь в первую очередь легендами Звездочетов о прошлом.

— Ах, да. — Открывая ворота загона, Малый Пес не заметил переживаний Тейт. К тому моменту, когда он повернулся, ее лицо уже снова выражало спокойный интерес. — Налатан расспрашивает людей об этом, — сказал он. — Орион говорил ему, что наши легенды рассказывают о странных людях. С разным цветом кожи. С разным цветом волос. Даже с разными глазами, если это можно себе представить. Когда торговец сказал, что ты черная, я думал, просто темная, как Большой Пес или Ящерица.

Тейт все еще достаточно хорошо контролировала свой голос:

— Большой Пес и тот, другой, похожи на меня?

Взгляд Малого Пса стал смелее, его смех был слегка неприятным.

— Думаю, нет. Они мужчины. — Оглядевшись, он указал на коня. — Цвета Бродяги, точно.

Когда он вновь взглянул на Тейт, выражение его лица изменилось. В его взгляде она почувствовала силу. Поведение теперь стало вызывающим. Он произнес:

— Все знают, что ты хочешь вернуть Додоя в его племя. Он не такой уж темный; почему для тебя так важно, что они темные? Ты будешь сильнее любить его, если он станет темнее? Или меньше, если ты сама вдруг станешь блее?

Это были старые вопросы. На самом деле она все чаще и чаще задавала их себе. Действительно, одной из страшнейших опасностей расизма в ее мире было то, что он отравлял ум своих жертв подозрениями так же наверняка, как и оскорблял их.

Но если идеалом было беспрекословное согласие, то почему же Налатан задавал

вопросы? Он не был обеспокоен судьбой Додоя. Однако он беспокоился о Доннаси Тейт. Малый Пес сказал, что среди преданий Звездочетов о племенах есть и такие, которые рассказывают о различиях рас. Может ли Налатан интересоваться черными людьми, их характером, их славой? Возможно, скрываясь от Жнеи в землях своего племени, он думал не об одном только спасении? Где еще мог он обнаружить ключ к ее характеру? Или порокам. Какие знания о расах скрываются здесь? Поэтому ли та женщина, Тида, не обратила внимания на цвет ее кожи? Щекотливая тема.

Она чисто машинально взобралась в седло и поехала вслед за Малым Псом. Ее мысли были далеко отсюда.

Малый Пес придержал коня на опушке соснового леса. Он остановился так близко от Тейт, что их колени соприкоснулись.

— Ты где-то витаешь. — Его тон был веселым и в то же время мягко укоряющим. Он скорее звал ее обратно, чем критиковал. — Ни одна женщина из Звездочетов не поехала бы с мужчиной одна, но, по-моему, если бы какая-нибудь осмелилась это сделать, то она бы наверняка разговаривала.

Тейт хотела ответить ему, но не знала как.

— Я отрицаю в себе некоторые вещи. Я хочу быть свободна от всего того, чем я, по мнению людей, должна быть и какой они хотят меня видеть. Даже мои друзья считают, что мне нужно лишь одиночество. Я терпеть этого не могу.

— Я вижу, как ты одинока. — Она резко взглянула на него, но он выдержал этот взгляд. — Я думал, что тебя обидели. Я думал, что ты боишься. Но это не так.

Она улыбнулась, понимая, какой вымученной должна казаться эта улыбка, и отвернулась. Он промолчал. Когда она снова посмотрела ему в лицо, то увидела выражение, которое было ей очень хорошо знакомо. Это был мужчина, жаждущий, возбужденный. Это привлекло ее. Ей хотелось, чтобы ее утешили, ободрили, успокоили, хотелось расслабиться, подчинившись чужой силе. Но лишь на мгновение.

Налатан. Его лицо явственно появилось в ее воображении, тревожный образ, который не имел ясных очертаний, но тем не менее обвинял ее.

У него не было права делать это. Он умалчивал о том, что уже давно должен был ей рассказать. Именно он отступил.

Однако он заботился. Действительно заботился.

Налатан.

Малый Пес наклонился ближе. Его рука сжала ее бедро. Она поразилась тому, насколько яркими стали его голубые глаза. Румянец на его щеках говорил о пламени, бушующем внутри.

Она откинулась назад, оперевшись руками на круп лошади. Закрыв глаза, она отступила. Сдалась.

Запах лошадей. Резкий запах хвои, сожженной, сухой травы. Жара. Раскаленные камни, земля.

Его дыхание. На ее щеках, на шее. Руки на ее подбородке, на шее.

Жар Суши был внутри ее. Ошеломленная, слабая, она была переполнена удовольствием, желанием. Она выгнула спину назад. Солнце светило ей прямо в лицо, касалось ее открытого рта, вырывая из нее резкие вздохи. Ее обнаженные груди, глядящие в небо. Малый Пес гладил ее тело. Она смотрела на него. Он уставился на нее прищуренными глазами, лицо его горело.

Лошадь, не привычная к Тейт, резко рванула вперед, когда та изо всех сил ударила ее пятками в бока. Взбрыкнула. Колено Тейт зацепилось за колено Малого Пса. Сила прыжка отбросила его ногу вверх. Потеряв равновесие, он издал испуганный крик и вывалился из седла.

Тейт одной рукой управляла лошастью, а другой поспешно застегивала пуговицы на блузке. Мгновение она смотрела на сосны, тяжело дыша, постепенно приходя в себя. Когда она обернулась, Малый Пес шагал к ней. Выглядел он злым и озадаченным. Более того, на

его лице и в сгорбленной позе все еще была заметна похоть.

Подняв руку, Тейт заставила коня попятиться.

— Прости. Я не могу. Я не хотела, чтобы что-нибудь произошло. Действительно не хотела.

Его подбородок прижался к груди. Глядя из-под насупленных бровей, он пристально рассматривал ее.

Испуганная Тейт развернула своего коня и позвала:

— Танно. Ко мне. — Пес занял позицию между ней и приближающимся мужчиной. Широко расставив лапы, опустив голову, Танно зарычал. Оскаленные зубы угрожающе заблестели.

Малый Пес остановился. Положив руку на рукоять меча, он размышлял. Когда он снова взглянул на Тейт, та держала в руках «вайп», направленный в его сторону.

— Послушай, — произнесла она. — Ничего не было. Понимаешь?

Он медленно выпрямился. Взгляд потерял сосредоточенность. Наконец улыбнулся. Слабо, но самоуверенно.

— Я не привык к женщинам, которые ведут себя так, как ты. В другой раз будь осторожна с мужчинами Звездочетов. Никто из нас не «поймет», как ты выразилась.

— Другого раза не будет.

Улыбка Малого Пса была натянутой.

— Мы должны возвращаться. Люди могут что-нибудь подумать. — Он говорил, поддразнивая ее. Эти признаки злобы обеспокоили Тейт. Приветливость, дружелюбие их разговора исчезли без следа. Тейт с беспокойством подумала, были ли они искренними.

Всю дорогу вниз по холму она думала о Налатане. Временами она надеялась, что он никогда не услышит об этой глупой истории. Временами казалось, что во всем виновато полное отсутствие у него решительности.

Глава 103

Ланта рыдала.

Одна в шатре, словно прибитая к окружающей тьме лучом света, пробивающимся сквозь отверстие в потолке, она раскачивалась в молчаливом страдании. Отсутствие каких-либо звуков придавало ее горю жуткий оттенок.

Вначале она начала плакать от безысходности. Здесь, в тишине, у нее наконец появилось время, чтобы подумать, и теперь собственные мысли жестоко терзали ее. Она представляла себе, как отдаляется от Конвея. Даже когда рациональная часть ее ума настаивала на том, что она ничего не делала, чтобы настроить его против себя и заслужить такую жестокость, другая половина утверждала, что все-таки она что-то совершила, раз заслужила такое обращение. Логика была не в силах остановить ее.

Ее мозг кипел.

Ти.

Просьбы Ясмалеи о том, чтобы роды принимала Сайла, а не она.

А теперь Тейт помогала Сайле добывать информацию, касающуюся Врат. Ланта снова была никем и ничего не делала.

Мэтт Конвей был той мечтой, которая могла все это изменить. Быть любимой тем, кого любишь, — значит быть личностью. Быть для кого-то важной, и не в качестве уродца, который читает тайны будущего, или адепта таинственного искусства исцеления, а в качестве человека, полного надежд, тревог и каждодневных забот. Ради этого стоило жить.

Жена Мэтта Конвея. Его пара.

Ей хотелось навсегда остаться молодой и невинной Избранной. Там, по крайней мере, была анонимность. Времена довольства. В детях тоже есть своя озлобленность и подлость, но ничто не сравнится с жестокостью зрелища, когда мечту взрослого втоптывают в грязь.

Когда Ланта подумала о том, как много времени прошло с тех пор, как у нее было

последнее Видение, в ее сердце зашевелился страх. Излечило ли время потерю?

Видения могли помочь Сайле больше, чем все эти опасные расспросы. Что, если она раскроет истинные намерения Жнеи? Цели Капитана?

Конвей. Сможет ли она увидеть его?

Она до сих пор содрогалась, каждый раз вспоминая его среди ужаса смерти и разрушения.

Она уже однажды воспользовалась своим даром Видения неподобающим образом, какое наказание придумает Церковь для нее, если она снова попытается сделать это? Сколько раз можно низвергнуть человека в Преисподнюю?

Разве там больше несчастий, чем здесь?

Незванные слова заклинания возникали в ее мозгу, вплетались в ритм ее раскачивания. Она начинала расслабляться — мускул за мускулом, нерв за нервом. Она чувствовала медленное погружение внутрь себя. Амплитуда ее движений уменьшалась.

Солнце сместилось. Она осталась в темноте. Округлое пятно света перед ней было подобно ослепительно блестящей луже. Ее полужакрытые глаза сосредоточились на его центре. Внутренне зрение сменило отвратительный окружающий мир. Пятно стало бездной жидкого металла. Внутри ее передвигались какие-то тени. Ланта поняла, что они хотят напугать ее. Она с холодным безразличием отвернулась от них.

На нее снизошел покой, исключаящий все остальное.

Это не было ее обычным состоянием. Уверенность была окружена жестокостью.

Вершина горы. Вся в снегу, покрытая льдом. Ветер ревет, словно все вместе взятые бушующие реки мира. Но Ланте тепло. Она стоит на самом краю обрыва, ощущая бесконечность залитых солнцем горных перевалов, раскинувшихся вокруг.

Видение пришло.

По-старому. Быстрая и непроглядная тьма. Слова в языках золотого пламени.

Ты, и только ты, должна знать, что Цветок не будет расти без пищи. Она расцвела с помощью наставника, не полагаясь на изменчивость природы. Знай также, что Цветок все еще может потерпеть неудачу. Ее победа, триумф черного и белого, рожденный человеком-тьмой и человеком-огнем, все еще лежит впереди. И даже ее победа, если она наступит, не остановит эту борьбу за мир и равенство. Самые сладкие победы приносят самую горькую зависть. Врата — это не конец, это лишь начало. Еще много грядет испытаний. Даже наиболее подверженная злу, та, которая толкает на преступление саму Церковь, — должна быть умиротворена, если это необходимо для того, чтобы Цветок мог одержать победу. В конце Цветок, который поглощает всю эту пищу, будет расти и приносить Цветы. Человек принесет себя в жертву, другой вынесет невыносимое для того, чтобы Цветок выполнил свое предназначение. Хотя каково предназначение Цветка, кроме как произвести семена? И, произведя их, останется ли Цветок таким, каким был раньше? Ланта избрана из всех для того, чтобы познать музыку, которая будет нести славу Церкви во веки веков.

Золотые буквы начали сливаться вместе в один огромный, пылающий шар, который разрастался, разрастался, а затем понесся на нее. Поглотил ее. Она закричала, обожженная.

Открыв глаза, она сначала не могла вспомнить, где находится. Ее первым чувством было чувство тепла. Она лежала на боку, уткнувшись лицом в землю. Заставив себя встать на четвереньки, Ланта поняла, что лежала в луче солнца. Пот пропитал ее одежду. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Силы постепенно возвращались к ней. С трудом поднявшись на ноги, она перебралась из света в темноту.

Жители деревни с благоговейным страхом осенялись Тройным Знаком, когда крошечная черная фигура во второй раз за это утро устало брела к женской купальне. Многие заметили, что одежда ее была мокрой от пота, едва видимое из-под объемного капюшона лицо блестело на солнце. Другие шептались о ее странных глазах. Когда один из мальчиков засмеялся и сказал своей матери, что эта женщина похожа на человека, увидевшего привидение, она шикнула на него. А затем снова осенила себя Тройным Знаком.

Сайла с Орионом шли по берегу реки. Она заметила, как Ланта подходила к купальне, и

удивилась этому вторичному посещению. Но у нее не было времени, чтобы подумать об этом. Орион говорил:

— Никто из Церкви до сих пор не изучал наши легенды. Я часто задавал себе вопрос, есть ли подобные легенды у других племен. Мы столько потеряли. Люди в начале... — Он замолчал, покачал головой: — Они ничего нам не оставили. Несколько имен, несколько ремесел. Какими невежественными они, должно быть, были. Если бы наш Сиа не пришел к ним, они бы погибли.

— Это справедливо по отношению ко всем племенам. Некоторые, например, как Люди Гор с севера, разделились, когда Сиа покинул их. Это привело к очень запутанной истории.

Орион согласился. Он огляделся, затем придвинулся к Сайле поближе.

— Я иногда думаю о том, что мы принимаем за правду. Мы наблюдаем за звездами, потому что знаем: в один из дней гиганты вернутся. Если гиганты смогли добраться до звезд, почему мы не можем летать? Хотя бы через реку? — Выпрямившись, он прочистил горло и нахмурился: — Конечно, я не принадлежу к неверующим. Это просто то, чего я не понимаю. Всем интересно, как же они это делали.

— Конечно. — Сайла была рада, что этот вопрос замялся. Она подумала, что вопросы, подобные этому, приходят в голову не одному лишь Ориону, у нее самой их было в избытке. — Вот почему я этим интересуюсь. Если Церковь узнает легенды всех племен, то, возможно, мы сможем установить связь, родство между некоторыми племенами. Или даже между всем.

Орион снисходительно улыбнулся ей.

— Оставим это Церкви — собирать всех под одну крышу. Это еще более странная мечта, чем летающие люди. И вредная, дитя мое. Скажи людям из Звездочетов, что они как-то связаны с людьми из Длинного Неба, или Соли, или с Хентами, и ты услышишь изъяснения на таком языке, о котором Церкви лучше не знать.

— В следующий раз, когда я буду вытаскивать из мужчины стрелу, приходи; нет таких слов, которых бы я не слышала.

Он усмехнулся.

— А ты обманчива. Как хорошая кожа, мягкая и красивая, но прочная. Гибкая. Я не удивлен, что ты смогла выбраться из Коса. Я бы хотел, чтобы ребенок остался у тебя. Ты бы лучше его воспитала, чем эти идиотки в Доме Церкви.

— Я бы тоже хотела. Мы опасались, что он умрет. Он быстро рос. Почти не плакал. Удивительно. — Она вздохнула. — Теперь я, вероятно, никогда больше не увижу его. Бедный маленький Джессак; потерял свою мать, а затем и тройку самозванных тетюшек.

— Кто?

Орион, шедший позади нее, остановился. По его тону Сайла поняла: что-то не так. Обеспокоенная, она обернулась. Его глаза были широко открыты и недоверчивы. Сайла спросила:

— Малыш? Его имя? Джессак. А что?

— Ты сама назвала его так?

Сайла рассмеялась. Это была попытка рассеять его тревогу, однако смех получился нервным. Ей вспомнились слова Хелстара. Она произнесла:

— Это имя, конечно же, дала ему мать. Это было последнее слово, которое она прокричала, когда мы убегали. Тебе знакомо это имя? Мне говорили, что оно предвещает дурное.

Орион пристально наблюдал за ней, поглаживая свою бороду. В конце концов, приняв решение, он пошел дальше, взяв ее за руку. Они шли рядом. Он произнес:

— Этот ребенок — рычаг, Сайла. У кого бы он ни находился, этот человек может весьма выгодно торговаться с Капитаном. Тебе следовало бы подумать об этом серьезнее. Жнея же сделала это. Вы лишь укрепили ее положение на выборах Сестры-Матери. С другой стороны, вы подвергли ее серьезной опасности. Кое-кто так и скажет.

В его последней фразе чувствовалась недосказанность, будто мысль пришла в голову

слишком поздно. Орион замолчал, думая что сказать, затем двинулся дальше. Теперь он говорил рассудительно, будто просчитывая варианты:

— Это древнее имя Коссиаров. Легендарное, основное имя в преданиях племени. Вы знаете Кос лишь в качестве союзника и оплота Церкви. Однако там существуют и другие верования. Не совсем религия, но вера в другие вещи. В духов. В привидения. В животных, с которыми связаны определенные люди.

— Акулы. — Сайла вспомнила акулы пасти на стене и таинственное появление этих тварей перед тем, как жертва стенобоя упала в море.

Когда Джессак был в опасности, появились акулы.

— Да, акулы, — произнес Орион. — Человек, который рассказал мне легенду о Джессаке, нарисовал одну. Ужасное создание. Я никогда не отправлюсь к Великому Океану, а если и отправлюсь, то ни за что не подойду к нему близко. По крайней мере тигра или змею можно увидеть. — Его передернуло. — Они верят в то, что акулы — посланцы Короля Демонов, который живет под морем. Его магический лук посылает пылающие стрелы. Одна стрела может сжечь целую деревню. Акулы защищают короля, поэтому они священны для Капитана. Иногда Король Демонов выходит на землю. Чтобы зачать сына. Если ребенок достигнет зрелости, то судьбой ему предназначено убить своих родителей, которые, конечно, не знают, что он — сын демона. Ребенок прекрасен. Так прекрасен, что многие ненавидят его. И хорошо, потому что под этой красотой и дружелюбием скрывается чудовищное зло. Иногда зло прорывается наружу, и жизнь ребенка подвергается огромной опасности. Все, кто помогут ему, не зная его истинной сущности, будут вознаграждены. Все, кто знает о нем или подозревает и использует или обманывает его, ожидая вознаграждения, получают в награду его бессмертный гнев.

Сайла вскинула голову.

— Значит, я в безопасности. Я не знала, что этот бедный малыш — часть легенды, и моя вера в Церковь слишком сильна, чтобы поверить в демонов или околдованных детей.

— Хм-м. — Орион предостерегающе поднял палец. — В этих древних историях есть доля правды. Однако нам нужно быть достаточно сообразительными, чтобы увидеть ее. Иногда мне кажется, что именно так Вездесущий видит наши попытки познать мир: дети гонятся за бабочками. Посмотри на себя. Ты же веришь в пророчество, в легенду Церкви.

— Признаюсь. Я близка к Вратам, Орион. Я не знаю почему, но я знаю, что это так.

Орион снова взял себя за бороду, его улыбка стала загадочной.

— Многие слышали ту же легенду, Сайла. Но никто ничего не нашел. Некоторые исчезли во время поисков; знаешь ли ты об этом?

— Нет. — В признании Сайлы прозвучал страх. Настоятельница никогда не упоминала об исчезновениях. Она продолжила: — Никто не нашел Врата лишь потому, что я — единственная, кому предназначено сделать это. Я — Цветок, Орион. Именно я.

— Другие тоже так говорили. — Он тихонько засмеялся, заметив ее удивление, и добавил: — Провидица из провидиц предсказала, что вскоре придет Цветок. Чтобы завоевать славу, с помощью черного и белого. Путешествуя с теми, кто зовется Белым Громом и Черной Молнией, ты добавляешь значительные аргументы в свою пользу.

— Я никогда не слышала о черном и белом. Клянусь тебе. Откуда ты узнал о предсказании Провидицы из провидиц?

— У нас были тесные взаимоотношения с братством, которое охраняло Дом Церкви. Мы обменивались новостями.

Они находились на берегу реки, у самого изгиба. Напротив них, от кромки воды начиналось болото, выжывая все, что можно, из пробегающего мимо потока. Черные дрозды взлетали и опускались в отблесках черного и желтого. Равнодушная, большая голубовато-серая цапля бродила по мелководью. Высокий тростник качался под дуновением слабого ветерка. На расстоянии нескольких футов от ближайшего берега в воде стоял мальчик с копьем и ловил рыбу. Неподвижный, словно камень, он терпеливо ждал. Позади его тонких ног образовывались танцующие водовороты. Медленно двигаясь, они уплывали

вниз по течению, где подхватывались величавым движением реки.

— Мы с друзьями вскоре уйдем отсюда, — сказала Сайла. — Мы направимся на восток. Туда. — Она махнула рукой, понимая, насколько неопределенно это звучит.

Орион забеспокоился:

— Будьте осторожны. В той стороне лежат запретные земли. Никто там не живет. И никогда не жил. Это место, где даже животных совсем мало. Ужасные утесы. В наших легендах говорится о чудовищах и о ущельях столь глубоких и узких, что солнце никогда не достигает дна. Причудливые истории, но, как я уже говорил, во всех старых историях есть доля правды. Советую тебе избегать тех мест. Если ты все же пойдешь туда, умоляю тебя быть осторожной.

С учащенным пульсом Сайла убеждала себя не подавать вида, что ей интересно. Она пыталась прочесть его, увидеть в нем искреннюю обеспокоенность, но все было перемешано с волнением, так что она лишь еще больше запуталась.

Здесь скрывался обман. Она была уверена в этом.

Но почему? И в чем?

По дороге в деревню Сайла увидела Тейт и Малого Пса, возвращающихся с прогулки. Налатан приблизился к ним с противоположной стороны. Даже на таком расстоянии в позе монаха-воина было заметно напряжение, от вида которого волосы на затылке Сайлы зашевелились.

Глава 104

Тейт не желала замечать подавляемый Налатаном гнев. Малый Пес, наоборот, буквально излучал злобу и враждебность. Приветствуя Налатана, Тейт вздрогнула.

— Налатан. Улыбнулась ли тебе удача? — Она сделала ударение на слове «тебе».

Внезапно все вокруг замерло. Тейт почувствовала во рту привкус металла.

Пришпорив лошадь, она вклинилась между двумя мужчинами. Ее натянутая усмешка казалась нарисованной. Она начала болтать, слыша, что слова получаются хрупкими, какими-то незначущими.

— Налатан, ты должен побывать там, наверху. Оттуда открывается чудесный вид. Дома кажутся маленькими игрушками.

Налатан смотрел сквозь нее, на Малого Пса.

— Мы убили двух диких коров. И койота. Ты ведь знаешь, как они скалятся и прячутся в кустах в надежде что-нибудь стащить, пока люди не смотрят.

Малый Пес побелел. Его улыбка искривилась.

— Мальчишки убивают диких коров. А совсем малыши убивают койотов.

— Я видела несколько красивых накидок, сделанных из шкуры койота, — сказала Тейт. — Люди Собаки постоянно носят их.

Налатан бросил на нее отсутствующий взгляд. Когда он снова посмотрел на Малого Пса, тот казался сонным. Тейт не могла подобрать другого слова для этого обманчиво тяжеловесного выражения лица. Она пришпорила лошадь, направляясь к шатру. Тейт крикнула мужчинам, обернувшись через плечо, однако никто из них не шевельнулся:

— Я еду домой. Кто-нибудь из вас поедет со мной?

Не говоря ни слова, оба поспешили за ней.

Это была жуткая процессия. Налатан ехал слева от Тейт. Малый Пес справа. Другие всадники, завидя эту троицу, уступали дорогу. Несколько молодых мужчин, одного возраста с Малым Псом, поехали следом за ним. Он разговаривал с ними. Однако внимание его было приковано к Налатану.

Тейт горела. Что говорила Сайла? Что-то о мальчишках и их железных игрушках.

Они убивали.

Малый Пес обменивался со своими друзьями замечаниями, которыми он явно хотел раздразнить Налатана.

— Наши девушки должны стать похожими на Доннаси Тейт. Она умеет разговаривать с мужчиной. Она многое понимает. Немудрено, что мужчины нашего племени полагаются на ее советы.

Скрипя зубами, Тейт отказывалась воспринимать происходящее: Малого Пса, молчаливого, но готового взорваться Налатана, грубое хихиканье ротозеев, замыкавших процессию. Не поворачивая головы, она скосила глаза на Малого Пса. Тот ехал с выпяченной грудью и задранным кверху носом. На какое-то мгновение ей стало жаль его.

Из-за шатров впереди вышли Сайла с Орионом, остановись в ожидании. Тейт хотелось закричать, поторопить их, чтобы они быстрее подошли к ней. Напряжение было невыносимым. Доносились приглушенные разговоры и смешки молодых воинов, наблюдавших за происходящим со стороны. Танно у нее за спиной неуверенно заворчал. Тейт наклонилась и успокоила ее.

Малый Пес тут же заметил ее действие.

— Вы видели это, воины? Она коснулась животного, и оно подчинилось. Как вы думаете, Налатан тоже так поступает? Может быть, ему просто нужно прикосновение посылнее.

Налатан ускакал вперед и подъехал к Ориону, опередив Тейт и Малого Пса. Резкие слова перебили готовившегося приветствовать его Ориона:

— Орион, я не буду спрашивать тебя, почему ты не научил этого курносого дурака хорошим манерам. Зачем говорить об ошибках природы? Я тебе должен сказать вот что. Он оскорбил эту женщину. Я... забочусь о ней. Мы вместе прошли через многие опасности, и я не могу видеть, когда к ней относятся неподобающе. Я говорю это тебе — не ему и не его щенкам-друзьям, — а тебе, взрослому мужчине, к тому же обладающему умом. Если он еще раз заговорит с Тейт, я научу его всему тому, что ты упустил.

От начала до конца этого спокойного, почти флегматичного монолога на лице Ориона отражалась гамма самых разных чувств. Воина глубоко задело, что ему указали на его ошибки. Он смутился от того, что Малого Пса обвинили в грубости. В конце он побагровел от ярости, слыша, как публично опозорили одного из его лучших учеников.

Осознав серьезность сложившейся ситуации, Малый Пес возмутился.

— Я не сказал ничего неподобающего. Мои друзья подтвердят это. — Со стороны группы, которая к этому времени значительно возросла, донесся одобрительный гул. Люди все прибывали и прибывали.

Скрипучим голосом Орион произнес:

— Ты обвинил Малого Пса в том, что он не прав, сделав это нелучшим образом. Это весьма осложняет дознание.

— Если ты говоришь, что я лгу, мы можем забыть о мальчишке и решить это дело между собой.

Вперед выступила Сайла.

— Налатан. Звездочеты спасли наши жизни. Мы в долгу перед ними.

Жарким утром стрекоза с ближайшего болота выбрала именно этот момент, пролетев в самом центре напряженного действа. Отливающая зеленым металлом, с хрустальными крыльями, она кружила из стороны в сторону между Налатаном и Орионом. Потом внезапно повернула и уселась прямо на морду коня Налатана. Животное удивленно заржало и дернуло головой, застучало передними копытами по земле. Налатан успокоил коня. Это движение что-то в нем переменило. Тейт увидела, как поднялась его грудь от глубокого вдоха, а затем медленно опала. Он наклонил голову, потом снова поднял ее медленным, спокойным кивком.

— Я приношу свои извинения Звездочетам. Я прошу, чтобы вы передали Малому Псу мое требование: держаться от Тейт подальше.

— Это сложное решение, — ответил Орион. Он быстро обернулся, обращаясь к Тейт: — Это то, чего ты хочешь?

Застигнутая врасплох, Тейт замешкалась. Если она согласится, то вся толпа будет

думать, что она «принадлежит» Налатану. Если откажется, то даст Малому Псу возможность и дальше себя преследовать. Она попала в одну из тех ужасных ситуаций, когда кажется, что время раздваивается. Конечно, она не хотела иметь ничего общего с Малым Псом. Ждали ли они, что она публично откроет свое сердце, провозгласит свою любовь к Налатану?

Это было так. Любовь. Признание.

Люди вокруг нее улыбались. Слышались приглушенные смешки.

— Я не знаю. Я не думала...

Громкий хохот прервал ее речь. Пытаясь сосредоточиться, она стала заикаться еще больше.

Малый Пес объехал ее и направился к Ориону. Со строгим благородством в голосе он произнес:

— Я не намеревался создавать такие сложности. Пусть Налатан владеет ею. У меня нет ни малейшего желания есть пищу с тарелки другого мужчины. Особенно пищу, которая мне не по вкусу и к тому же подгорела.

Тейт ударила его по лицу. Костяшки пальцев глухо стукнули о хрящ.

Малый Пес вскрикнул, закрыл лицо рукой и рванул на своем коне в сторону.

Налатан спешил очень медленно, но его медлительность была обманчивой. Он подал поводья Сайле. А Ориону сказал:

— Теперь я ничего тебе не должен. Он — мой должник. — Когда Налатан повернулся, чтобы идти, Орион окликнул его:

— Легенды, Налатан. Он изучает Звездочетов.

Налатан вытащил меч.

— Пусть тогда кто-нибудь расскажет о нем. Мы все должны учиться на ошибках дураков. — Стоя напротив коня Малого Пса со стороны, где не было меча, Налатан произнес: — Я предупредил тебя, мальчишка. Тебе следовало ограничиться оскорблениями, которые относились ко мне. Я бы тогда не вызвал тебя. Сейчас слишком поздно. Слезай. Умри красиво.

Малый Пес, уставившись на Ориона, медленно и неловко выбрался из седла. Какая-то женщина закричала:

— Это же мальчик! Монах убьет его!

Вторая ответила ей:

— Это право монаха. Все видят, что она принадлежит ему. Малому Псу следовало бы это знать.

К ним присоединилась еще одна:

— Налатан на два года старше. Я знала его мать.

Молодые мужчины призывали Малого Пса:

— Покажи ему, как сражаются воины Звездочетов. Или, может быть, черная хочет занять его место? Может ли она драться вообще?

Налатан отступил от Малого Пса. Взглядом он искал автора последнего замечания, его лицо было красным и воинственным.

— Ты? — спросил он.

Мужчина понял, выпрямился.

— Да, я. Если Малый Пес не прикончит тебя, я брошу тебе вызов.

Налатан улыбнулся.

— Никуда не уходи.

Монах-воин перестал быть Налатаном. Его мускулы напряглись так, что выступила сетка голубых вен, затем снова расслабились. Мужчины осенили себя Тройным Знаком и отвернулись в разные стороны, чтобы совершить свои ритуалы. Закончив, они достали мечи и встали друг против друга.

Медленно, готовый атаковать или защищаться, Налатан начал наступление.

В противовес каменному спокойствию Налатана Малый Пес двигался быстрыми, резкими скачками. Внезапно закричав, Малый Пес атаковал. Его удар отбил меч Налатана к

земле, его кончик зарылся в пыль. Налатан еще не успел вновь поднять меч, как последовал новый размашистый удар. Налатан спокойно ступил внутрь сверкающей дуги. Он лишь прикоснулся к запястью Малого Пса. Воспользовавшись силой удара и приложив свою собственную, Налатан отпрыгнул за пределы досягаемости.

Возбужденный мнимым отступлением Налатана, Малый Пес продолжил атаку.

Стоя возле боковой линии, Тейт сжимала руку Сайлы:

— Разве ты не можешь остановить их? Пожалуйста, Сайла. Сделай что-нибудь. Если его ранят, я умру.

Сайла обняла Тейт за плечи:

— Если в твоей стране есть молитвы, читай их. Если ты собираешься когда-нибудь признаться в своей любви к нему, то сейчас это время пришло.

Тейт посмотрела на нее с болью в глазах. Больше она не говорила. Но Сайла заметила, что губы ее непрестанно шевелились.

Никто не уловил, когда атака Малого Пса превратилась в защиту. Меч Налатана пробудился к жизни. До того времени ни один из противников не был ранен. Внезапно Малый Пес издал специфический хрюкающий звук и быстро отступил назад. Но Налатан был еще быстрее. Кончик его меча мелькал слева, справа, опять слева. Малый Пес кричал от боли, отступая и размахивая перед собой мечом. Все же ему удалось отразить последний колющий удар клинка. Налатан замедлил темп. Малый Пес опустил взгляд, чтобы рассмотреть порез на своем правом плече. Слева на ребрах виднелись две раны поглубже.

Он посмотрел на Налатана. Вопрошающе. Потом понимающе.

Малый Пес был храбр. Он вновь атаковал. В этой атаке было отчаяние, но также смелость и решимость.

Сайла перестала молиться о спасении жизни Налатана. Теперь она с таким же жаром молилась о том, чтобы он увидел то, что видела она. Увидел человека, который выставил себя на посмеище. Сайла отказывалась верить в то, что Налатан убьет такого человека.

Малый Пес упал. Его сбил на землю мощный удар, нанесенный двумя руками, который он, однако, отразил. Окажись Малый Пес чуть медлительнее, и он был бы уже обезглавлен. Вместо этого лезвие меча повернулось боком, плоской стороной ударив его по виску. Едва не потеряв сознание, он камнем рухнул на землю. Меч с глухим звоном выпал из его руки. Взвилось облако пыли.

Все еще держа меч обеими руками, с отсутствующим выражением Налатан шагнул вперед. Малый Пес сел, его руки обвисли, ноги протянулись вперед. По его куртке, по рукам струилась кровь. Кровоточащий кусок кожи свисал над левым ухом. Широко расставив ноги, Налатан занес меч. Мертвые, жесткие глаза примерились к затылку склоненной головы.

Стон Ориона остановил сокрушающий удар. Налатан взглянул на него. Орион поднял подбородок, закрыл глаза. Налатан снова повернулся к своей жертве.

— Не надо.

Тейт знала, что это был ее голос, хотя не была уверена, что действительно что-то произнесла.

Налатан был уверен. Он опустил меч, с намеком уперев его в шею Малого Пса.

— Нет? — почти прошептал он. Из толпы не доносилось ни единого звука, теперь здесь собралось все племя.

— Не надо. — Это все, что Тейт позволила себе произнести. Она мысленно молила о том, чтобы Налатан заглянул внутрь ее и узнал о том, чего она не может высказать вслух. Она страстно желала, чтобы он увидел женщину, которая любит его и не может выносить этого зрелища, когда его гордость унижается кровавым убийством. Она хотела, чтобы он увидел женщину, которая любит Налатана таким, какой он есть.

Налатан отвернулся от нее, посмотрел на толпу. Он тщательно всматривался в лица. Потом подошел к краснолицему болтуну. Пристально на него посмотрел.

Мужчина начал отступать в толпу.

Налатан оглянулся на Тейт. Он поднял свой меч над стонущим, дергающимся Малым

Псом.

— Получай его. Это подарок.

С мечом в руке, Налатан покинул поле боя через проход в толпе. При его приближении люди расступались. Но уже не вставали на свои места.

Глава 105

Конвей знаками приказал Карде не двигаться. Стоящий на другой стороне узкого каньона пес встряхнулся, как будто хотел поспорить с ним, но не знал как. Посыпался песок. Взлохмаченная шерсть переливалась в свете солнечных лучей. Тем не менее Карда остался на месте.

Микка лежала у ног хозяина. На расстоянии нескольких ярдов стояли Вихрь и выючная лошадь. Конвей предусмотрительно насыпал им немного зерна в торбы, чтобы они своим ржанием или фырканием не выдали засаду.

Два дня назад Микка вернулась с тропы, по которой они только что проехали, со вздыбленной на загривке шерстью и тревожно зарычала. Это могло означать лишь одно — их кто-то преследовал. Конвей удивился, обнаружив, что это не один из отрядов Летучей Орды.

Человек, следовавший за ним, определенно был знатоком своего дела. Конвей опробовал все способы, о которых слышал; он возвращался по своим следам, пытался заметать их за собой, ходил кругами, подстерегая преследователя. Ничто не могло обескуражить того. У Конвея не оставалось иного выбора, кроме как убить его и покончить с этим.

Он не мог больше попусту терять время, если, конечно, хотел найти Сайлу и ее спутников.

Сейчас преследователь должен был находиться примерно в миле от поджидавшей его засады. Конвею было интересно, как тот выглядит. Он чувствовал, что уже почти знаком с ним после двух дней взаимной погони. И вот сейчас он был так близко, как никогда ранее.

Вскоре Конвей смог рассмотреть коня незнакомца. Серовато-коричневый, с черной гривой и хвостом. Он двигался низкими, размашистыми прыжками. Ехать на такой лошади казалось не удобнее, чем катиться вниз по лестнице, но мужчина сидел в седле, как влитой.

Конвей почувствовал, как к горлу медленно подступает ярость. Возможно, он стал бы уважать своего преследователя. Конвей никогда не узнает этого всадника, никогда не выяснит, что же все-таки вынудило этого человека преследовать его. Это было нечестно — нападать из засады. И никогда не было честно.

Но сражаться с Каталлоном было еще подлее.

Конвей признал это, почувствовав вкус желчи во рту. Каталлон был дикарь, убийца и работорговец. Но с Конвеем он дрался по правилам.

Как и мужчина, спускающийся в ущелье, Каталлон не имел понятия, против кого он пошел.

Мэтт Конвей. «Головорез из Другого Мира».

Кем бы ни был Мэтт Конвей до того, как попал в этот мир, у него не было причин для стыда.

Прежде.

Ланта обвинила его в трусости, и он устыдился, но лишь потому, что он не смог рассказать ей всей правды. Если бы он потратил минуту-полминуты на то, чтобы объяснить ей, что он был приписан к тому вертолету, который она видела, у него, вероятно, еще сохранилось бы немного гордости.

После того, что он сделал с ней, обмануть Каталлона не представляло труда. Это было так легко. Как там говорилось в старом анекдоте? Убив человека, легко потом скатиться до отмачивания негашеных марок с конвертов? Что-то в этом роде.

Ланта не заслуживала обмана со стороны человека, которого она искренне считала

своим другом.

Если Конвей хотел загладить вину, ему необходимо было найти ее.

И никакой, даже самый выдающийся охотник-преследователь не мешает ему в этом.

Конвей занял удобное положение, положив «вайп» в расщелину, образованную двумя валунами. Глядя с севера, преследователь сможет заметить лишь некоторую неправильность формы камня. При таком ландшафте это вряд ли привлечет внимание.

Медленно прицелившись в грудь мужчины, в точку, расположенную прямо под его объемистой бородой, Конвей снял «вайп» с предохранителя.

Он уже почти спустил курок, но мужчина опередил его, спешившись. Разразясь проклятиями, Конвей дал выход овладевшему им гневу.

Его цель скрылась за лошадьё, рассматривая передние копыта животного. После минутного осмотра всадник, одетый в свободную рубашку и брюки желтовато-коричневого защитного цвета, повел прихрамывающего коня к месту, где он смог бы сесть на большой камень и подробнее осмотреть копыто. Добравшись туда, он снял свою мягкую серую шляпу, вытер лицо и медленно начал обмахиваться ею, после чего продолжил начатое дело.

Конвей продолжал щуриться, глядя через прицел. Как бы он ни менял своего положения, ему так и не удавалось хорошенько прицелиться. Мужчина скрывался либо за конем, либо за камнем, появляясь из-за них лишь на считанные секунды. Последней каплей было то, что, продолжив наконец свой путь на юг, мужчина повел коня не с той стороны, практически полностью закрывшись от Конвея. Единственной доступной целью оставались его ноги.

Вдруг каким-то магическим образом серый конь остался в одиночестве. Он стоял, опустив голову, подергивая ушами и отгоняя мух хвостом. Поводья свободно болтались.

Всадника нигде не было видно.

Несмотря на палящий зной, мгновенная дрожь пробежала по спине Конвея.

Люди не исчезают. Тем более не при свете дня и не в Суши, где человек может со своей вечерней стоянки рассмотреть место утренней.

Микка поднялась и начала подталкивать Конвея. Она скулила.

Конвей пробормотал:

— В следующий раз я буду стрелять, что бы там ни показалось. Неважно, если это будет откровенным убийством.

Тени на дне ущелья удлинились. Пот пропитал рубаху Конвея. Границы мокрых пятен стали белыми от высохшей соли. Напротив него лежал Карда, его грудь была мокрой от слюны, капающей из открытой пасти. Вихрь и выючная лошадь, давно съевшие свое зерно, били копытами землю и ржали, пытаясь привлечь внимание хозяина и получить хоть немного воды.

Маленький серо-коричневый конь, казалось, был рад провести всю свою жизнь, стоя на одном месте.

Вдруг каньон наполнился глухим, рокошущим голосом:

— Мэтт Конвей, ты проделал неплохую работу. Я не вижу тебя, но знаю, где ты. Я читал твои следы, видел, где ты останавливался, чтобы глянуть вперед, а где останавливался и оглядывался назад. Где-то между теми камнями ты и эти огромные собаки. Я пришел, чтобы помочь.

Присев на корточки, чтобы его не было видно, Конвей крикнул в ответ:

— Разворачивайся и езжай на север!

— Не могу. Я уже два дня пытаюсь тебя догнать. Меня направили в Летучую Орду для выяснения кое-каких вопросов. Я приехал к ним. В поисках тебя. Они были не в духе. Недружелюбны. Забрали моего ослика. Забрали все. Я был почти уверен, что наши дороги уже пересекались, и повернул назад, на юг, за тобой. Ты знал обо мне. Заметал следы. Сдваивал их. Скакал по камням. Ты мог задеть меня, так явно давая понять, что не хочешь меня видеть. Это не очень-то вежливо по отношению к человеку, который хочет тебе помочь.

— Помочь в чем?

— Найти твоих друзей. Ты ведь туда сейчас направляешься, не так ли? Ищешь Цветок, Тейт, Налатана. И Фиалку — Ланту. Любой человек должен помогать Церкви, не правда ли? Даже торговец. Можно даже сказать — особенно торговец.

Занимая свою прежнюю позицию, Конвей сказал:

— Дай-ка мне посмотреть на тебя. Руки вверх, сделай знак солнца.

— Это как раз то, что я и собирался сделать.

Конвей осмотрел землю вокруг коня на расстоянии приблизительно десяти ярдов. Вскоре он заметил какое-то движение тридцатью ярдами южнее. Незнакомец шел по направлению к нему, с западной стороны каньона. Откликаясь на какие-то невидимые и неслышные команды, серо-коричневый конь, прихрамывая, присоединился к своему хозяину.

Конвей сделал пару шагов, чтобы тоже показаться незнакомцу. Не было причин не делать этого, мужчина смотрел прямо на его укрытие. Потом поднял руки и сделал знак солнца над головой.

Это смутило Конвея. Он покраснел. Остановившись на возвышении, незнакомец поднял голову, улыбаясь и весь буквально излучая дружелюбие.

— Я не часто вмешиваюсь в чужие дела. Все будто помешались на этом Цветке, я вот тоже решил: помогу, чем смогу.

— Для начала скажи, кто ты такой? — спросил Конвей, угрожающе покачивая «вайпом». Мужчина сконфуженно наклонил голову.

— По-твоему, это хороший способ задавать вопросы? Стоит только человеку пожить среди дикарей подольше, и все хорошие манеры улечиваются, словно дым. Меня зовут Билстен. Торговец. Как мой отец и отец моего отца. — Он остановился, наклонив голову. — Мы не очень-то популярны. Это тебя не пугает?

— Мне все равно, будь ты хоть ведьмой. Что ты знаешь о моих друзьях?

Билстен огляделся, как будто вокруг затаилась толпа слушателей.

— Не говори о ведьмах. Не так громко. Нельзя говорить такие вещи. Что же касается твоих друзей, то Жнея гонится за ними. От самого Коса. С воинами. Она не догнала их. Пока.

Слова вылетали из этого человека подобно искрам из печи. Ни одно из них ничего не значило. Конвей взял себя в руки:

— Ты говорил, что можешь помочь. Ты имел в виду что-то плохое. Рассказывай. — Вспомнив о Карде, Конвей свистнул. Собака выбежала из глубины каньона, направляясь к Билстену, стоявшему на ее пути. Торговец подскочил к своему коню и взлетел в седло. Такое проворство уже пожилого человека даже испугало Конвея, но потом он вспомнил о пресловутом недавнем исчезновении. Он решил, что явно недооценил Билстена.

Улыбка Билстена стала вкрадчивой.

— Тяжела жизнь торговца, Мэтт Конвей. Вечная бедность. Как говорится, зубы на полку. Да, зубы на полку. Кочевники из Летучей Орды отобрали у меня все пожитки лишь потому, что ты их разозлил. Можно сказать, что ты теперь мой должник. Ну ладно, теперь о твоих друзьях. Они близко. Двигаются медленно, направляясь на юго-запад земель Звездочетов. Племя Налатана. Я могу показать тебе дорогу прямо к деревне.

— Чего ты хочешь взамен?

— Вот это по-деловому. О, я ценю твою прямооту. — Убедившись, что Карда присел возле Конвея, Билстен спешился и устроился на удобном пригорке. Он откинулся назад, сложив руки на коленях. — Кстати о твоей выючной лошади. Хорошее животное. Она тебе подходит. По качеству. Я бы хотел иметь такую. Если хочешь, можешь добавить и поклажу.

— Что? — Конвей захрипел от возмущения. — За информацию? — Схитрив, Конвей продолжил: — Ты говорил мне, что они близко. На юге. Я сам найду их.

Билстен поднялся, выпрямился.

— Это трудно. О, это очень трудно. Человек пытается проявить доброту, просто по-

соседски, ведь нас тут всего двое, ты да я. Присел поговорить, а с него уже три шкуры дерут. Трудно жить.

Конвей улыбнулся:

— Ты сам виноват. Не жадничай. В любом случае, если мои друзья с людьми Налатана, мне не так уж и нужно спешить туда.

— Может быть. Надеюсь, что это так. — Билстен удрученно направился к своему коню.

В его голосе слышались раздраженные нотки. Конвей спросил:

— Что ты имеешь в виду, говоря, что ты надеешься? Ты от меня что-то скрыл?

— Я? — Билстен удивленно пожал плечами. — Я сказал тебе все, что знал. Разве что не упомянул о Звездочетах. Какой смысл? Как ты и говорил, племя Налатана. За исключением сказителя — хранителя истории племени, если ты не знаешь. Люди говорят, что он не уверен, кого следует поддерживать — Цветок или Жнею. Шаткое положение. Хотя я бы не беспокоился.

Конвей заскрипел зубами.

— Где эти Звездочеты? Как я могу попасть к ним?

Билстен уже оседлал своего коня.

— Не думаю, что мы сможем поладить. Не думаю, что мне следует говорить с тобой. Мне кажется, что ты просто вытягиваешь из меня сведения. Ничего не говоря о том, сколько мне будет стоить этот разговор. Та выючная лошадь уже была у меня в руках, пока мой рот и твое ухо не облапошили меня.

— Ты — жадный клоун. Мои друзья, быть может, в опасности. Ладно. Лошадь. Забудь о поклаже. У меня там посуда, одежда, дополнительное снаряжение. Я не могу потерять все это.

Билстен с грустным видом отвел своего коня на несколько шагов вперед.

— Я не могу сделать этого, Мэтт Конвей. Наживаться на тебе. Если я возьму лошадь, то ты просто не сможешь увезти все свои вещи. Ты уже не сможешь ускакать от преследователей, если что-нибудь случится. Но я добросердечный глупец. Я все равно помогу тебе. Юг. Восток. Не очень далеко. Кого-нибудь ты найдешь. Вероятно, это будут Звездочеты. А может быть, и Летучая Орда. Если увидишь шлемы, хорошо. Верный знак. Спасайся бегством; это будут Коссиары. Ну, до свидания. И удачи тебе. Ты — хороший торговец. Рад был с тобой познакомиться.

— Подожди. — Конвей покачал головой. — Мне следовало бы застрелить тебя. Не нравится? Ладно. Возьми лошадь. Возьми поклажу. Как я могу найти своих друзей?

— Я могу подойти за лошадью? Собаки не укусят меня?

— Не тебя, хорек. Даже если бы ты был поджарен на масле. — Конвей отступил назад, отвязал от куста веревку и передал ее торговцу.

Серо-коричневый конь, хромая, поднялся на холм. Билстен с улыбкой и поклоном взял в руки веревку. Вернувшись назад, вниз, он сказал:

— Езжай в конец каньона. Там есть большая равнина. Увидишь впереди горы, перед ними поверни на запад. Скачи прямо: сегодня, завтра. На закате ты проедешь по крутому спуску, там прямо напротив откроется вид на маленькую долину. — Он развернул своего коня на север. — Там будет неплохое место для стоянки. Советую не разводить костер. Лучше подъехать к Звездочетам как можно незаметнее. Узнать поточнее, что у них там происходит. Они ждут налета Коссиаров, поэтому сейчас несколько нервные, знаешь ли.

Билстен удалялся довольно быстро.

— Как далеко находится деревня от крутого спуска? — закричал Конвей.

Билстен поскакал еще быстрее. Он обернулся и крикнул в ответ:

— Я могу показать тебе! — Он нащупал сбоку свой лук, натянул его. Секунду спустя он выпустил стрелу. Она пересекла каньон и улетела за спину Конвея. Билстен все больше и больше удалялся на север. Его голос отражался от стен ущелья: — На расстоянии в четыре раза большем.

Не веря своим ушам, Конвей уставился на удаляющегося Торговца. Он закричал:

— И это все? Полтора дня езды и расстояние в четыре полета стрелы? Я бы сам нашел это место. Ты мошенник! Ты вор! Моя выючная лошадь. Мои вещи. Ты... Ты...

Эхо издевалось над ним. Хуже того, торговец хохотал, довольный совершенной сделкой. На какое-то мгновение Конвею показалось, что он уже слышал этот смех раньше. Где-то. Там, где был страх. Смерть.

Он покачал головой. Слишком много было таких мест. В любом случае, что мог знать о Церкви и о дружбе этот старый человек, одинокий торговец?

Конвей вскипел от гнева и пришпорил коня, Вихрь припустил крупной рысью мимо белой стрелы, торчавшей из каменистой почвы Суши. Обжигающий ветер трепал ее белоснежное оперение. Отрывочные образы один за одним всплывали в памяти Конвея, пытаясь отвлечь его от тягостных размышлений об опасности, грозящей его товарищам.

Конвей обернулся через плечо, разглядывая Билстена. Издалека маленький серый конь скакал довольно проворно и, как показалось Конвею, совсем не прихрамывая.

Глава 106

Додой спрятался за шатром. Большая часть камней пролетела мимо, не причинив никакого вреда. Остальные глухо ударились о туго натянутую шкуру, заставив Тейт и Ланту в испуге выскочить наружу. Услышав их брань, Додой опасливо выглянул из своего укрытия. Дети, которые гнались за ним, разбежались, смеясь и весело улюлюкая. Ланта, оперев руки в бедра, проводила их ядовитым взглядом. Тейт увидела Додоя и подбежала к нему.

Мальчик не пытался избежать ее объятий, но и энтузиазма по этому поводу не показывал.

— Они ничего не понимают, Додой, — начала Тейт. — Племя рассержено на Налатана и меня, люди считают, что мы опозорили Малого Пса. Все будут рады тому, что он жив.

Додой молча слушал. Объятия Тейт не оставляли ему большой свободы действий.

Мысли метались в голове.

Если бы она отпустила его со Жнеей, как Джессака, он смог бы весело проводить время в прохладных горах у Дома Церкви, где есть чем заняться, вместо того чтобы сидеть весь день в палатке, опасаясь выйти даже в отхожее место.

— Знаю, тебе трудно это вынести, — продолжала Тейт. — Но больше так продолжаться не будет. Мы снова отправляемся искать Врата. Там никто не будет тебя дразнить.

По крайней мере он прижат к ней достаточно близко, чтобы не смотреть в глаза. Опять искать Врата. Именно то, что нужно Коссиарам. Они угодят прямо в пасть ко льву.

Впрочем, что бы с ними ни случилось, они это заслужили.

Ведь они сами не дали ему остановиться. Может, он поначалу и хотел этого, хотел уйти из Олы и найти подходящее для житья место. Этим местом мог стать Дом Церкви. И даже Кос, если бы у Жриц хватило ума не ссориться с Капитаном. От них только одни неприятности. Все портят.

Его мысли вернулись к детям Звездочетов. Ненависть к ним исчезла. Теперь он даже завидовал им — у них есть дом. И если они кидают камни в чужаков, то, наверно, знают, за что. Такие, как Тейт, и были чужаками. Одинокий странник должен обладать силой нескольких человек, чтобы что-то собой представлять. Он удивился, что всему можно найти такое простое объяснение.

Додой осторожно отстранил от себя Тейт и вскоре уже вовсю занимался чем-то возле палатки, на время проявив завидное трудолюбие.

Чтобы освежить воздух в палатке, полог приподняли до уровня колен. Лежа в центре, Додой свободно наблюдал за окружающими, в то время как снаружи никто не мог его разглядеть. В непосредственной близости оставалась только группа детей поменьше. Додой

выскользнул из палатки с противоположной стороны.

Спешащие по своим делам люди не обращали на него внимания. Однако в нескольких шагах от цели тяжелая рука опустилась сзади на его плечо. Мальчишка вздрогнул и попытался выкрутиться. Хватка стала сильнее, и Додой почувствовал сильную боль. Упав на колени, он обернулся, чтобы узнать, кто его держит.

Малый Пес скривил губы в злорадной усмешке.

— Потерялся, крысеныш? А может быть, они послали тебя попросить еще времени? Или воды? Я отвечу — нет.

Додой снова попытался вывернуться, скорее от злости, чем от боли. Попасться опозоренному мужчине было для него унизительно.

— У меня новости для Ориона! — выкрикнул он. — Пропусти. Ты и так увяз по уши.

И это действительно было правдой. Но с точки зрения тактики мальчишка допустил серьезную ошибку. Малый Пес побледнел и сжал кулаки. Додой завопил.

Сильные руки предотвратили удар, Малый Пес охнул и потерял равновесие. Он обернулся, чтобы встретить противника лицом к лицу.

— Мальчик говорит правду, — произнес Орион. — Посмотри вокруг.

Обернувшись, Малый Пес обнаружил вокруг людей, с явным неодобрением наблюдавших за сценой. Додой позволил себе самодовольно улыбнуться. Занесенная для удара рука опустилась, кулак разжался. Лучшим выходом для Малого Пса было бы на том и закончить, однако вместо этого он подобрался, поднял голову и заговорил:

— Не ждите извинений. Обо мне говорят неправду, и с этим трудно мириться. Скоро вы услышите, как все было на самом деле, и увидите мою месть.

Все без исключения женщины в толпе были испуганы. Большинство мужчин с суровым видом кивнули. Многие улыбнулись. Додой понял смысл этой улыбки. Так улыбаются те, кто любит причинять боль.

Орион прервал его размышления:

— Что ты здесь делаешь, мальчик?

Убедившись, что их не подслушивают, Додой прошептал:

— Есть вещи, которые тебе нужно знать. Я сожалею о том, как мои спутники обошлись с Малым Псом.

Рука Пса схватила его за горло, и фраза закончилась сдавленным визгом.

— Ты, маленькое ползучее насекомое... — начал мужчина.

Орион оттолкнул его в сторону со словами:

— Сдерживай свои чувства, Малый Пес, нам нужна информация. — Он провел обоих в свою палатку, уселся и приготовился слушать.

— Однажды, когда Сайла разговаривала с Капитаном, я спрятался у нее за дверью, — начал Додой. Малый Пес пробормотал что-то насчет шпионов. Додой предпочел не слушать, полностью сосредоточившись на предстоящем разговоре. Орион кивком велел ему продолжать. — Сайла обещала прислать Капитану вестника, как только она найдет дверь. Капитан вышлет войско, и они вдвоем покорят весь мир. — Додой был уверен, что уловил проблески интереса в глазах слушателей, и пошел ва-банк: — Сайла упоминала о Звездочетах.

Орион резко наклонился вперед и засыпал его вопросами:

— Что она о нас говорила? А о других племенах? И братствах, тех, что за нее, и тех, что против? Что она говорила насчет Жней? Твои спутники тоже часть плана?

— Я не слышал всего. Мне кажется, когда она говорила о Звездочетах, она произнесла слово «уничтожить». Или что-то похожее. Впрочем, то же самое она говорила и о Жнее. Сайла и остальные придумали это еще в Оле.

Малый Пес присел на корточки так, чтобы смотреть Ориону в лицо.

— Гэн Мондэрк. Мы должны были знать. Он спит и видит себя завоевателем. Представь себе амбиции этого Человека Собаки.

Орион поднялся. Он навис над Додоем как сова, отслеживающая мышь.

— Значит, коссарский эскорт Жнеи собирается убить ее, как только Сайла раскроет секрет Врат. Какое грязное предательство. Но потом настанет наш черед действовать, а к нам присоединятся все независимые монашеские братства. Я думал, Жнея жестока, но Сайле она и в подметки не годится. «Цветок». Ха! Меня от этого тошнит. Интуиция предупреждала меня, что она просто еще одна жадная сучка. Ты знал это сразу, Малый Пес. Мне надо было тебя послушать. Ну хорошо, Додой, теперь скажи, зачем Белый Гром отправился в Летучую Орду?

Об этом Додой не подумал. Он совсем забыл о Конвее. Грязном, глупом Конвее. Холодок стал распространяться от желудка мальчишки и сковал легкие, дышать стало трудно. Он попался. Не смея двинуться от ужаса, он уставился на Ориона.

Рука мужчины протянулась к нему, схватилась за рубашку, и мальчишка оказался с Орионом лицом к лицу.

— Это часть их плана? Говори. Ты слишком далеко зашел, чтобы теперь остановиться. Белый Гром и Жрец Луны посланы в Летучую Орду, чтобы убедить их напасть на Дом Церкви, правда? Гэн, Люди Собаки, Сайла и ее друзья — все они хотят, чтобы Кос с Летучей Ордой сначала задавили маленькие племена вроде Звездочетов, а потом перегрызлись между собой, как волки из-за куска мяса. Ну а потом Король Гэн собирается уничтожить победителя и сделать Сайлу Сестрой-Матерью Церкви. Так они хотят поступить? Я прав?

— Да, — прошептал Додой. Его мысли метались, как поднятая ветром дорожная пыль. Если он подтвердит догадки Ориона, возможно, ему сохранят жизнь. Может, даже разрешат возвратиться к Тейт. Она постарается его защитить.

Слезы застилали глаза, искажая окружающие предметы.

— Не убивайте меня, пожалуйста, — выдавил Додой.

Орион отпустил его. Мальчишка упал лицом вниз. Сильные руки подняли его с пола. Малый Пес. Додой завизжал и бешено замолотил ногами.

Малый Пес погладил его по голове. Додой завопил сильнее. Он знал, Малый Пес собирается ударить. Горло мальчика свела судорога, и крики прекратились. Ему оставалось только беззвучно рыдать. Сердце вырывалось из груди.

— Ты правильно поступил, — заговорил Орион. — Прийти к нам было очень смелым поступком. Это самый важный момент из тех, что тебе довелось пережить. — Обращаясь к Малому Псу, он добавил: — Вознагради мальчика и отправь обратно. Нам надо все обдумать.

Немногим позже Додой вернулся к своей палатке с вымытым лицом и вычищенной одеждой, в то время как с противоположного конца деревни приблизились вождь, старейшины, Орион и огромная толпа жителей. Завидев мальчишку, Тейт поспешила привлечь его к себе.

Одежда вождя производила впечатление: светло-голубой жилет с блестящими пуговицами, полосатые зелено-голубые брюки. Раздавался мелодичный перезвон множества крошечных бронзовых колокольчиков, прикрепленных к одежде. Он нес тяжелый посох, который был на голову выше своего владельца. Жезл венчало изображение красного лучистого солнца.

Воткнув посох в землю, вождь заговорил:

— Жрица Роз Сайла. Жрица Фиалок Ланта. Доннаси Тейт. Звездочеты предписывают вам покинуть деревню завтра на рассвете. Мы кормили вас. Давали вам приют. Мы спасли ваши жизни. Вы отблагодарили нас тем, что опозорили одного из лучших наших братьев, человека, достойного уважения. Многие здесь ненавидят вас. Ненависть порождает страх. Вы уйдете ранним утром. С этой минуты вам запрещается покидать палатку до прибытия конвоя. Не разводите огня, не зажигайте света. Еду вам принесут, чтобы никто не смог обвинить Звездочетов в недостойном обращении с гостями.

Орион махнул рукой, и вперед вышла женщина, согнувшаяся под весом огромного дымящегося котелка. Оно поставила его в палатку и поспешила обратно, под прикрытие толпы.

— Вы не должны так поступать с моими друзьями, — начала Тейт. — Не они отвергли вашего несостоявшегося насильника. Это сделала я.

Щеки и лоб Ориона вспыхнули. Борода ошетибилась.

— Здесь присутствуют люди, готовые выпустить вам кишки. Не дразните их. — В доказательство его слов из толпы вылетел камень и гулко ударился о тент палатки. Вздвогнув от неожиданности, три женщины придвинулись ближе друг к другу, но стояли гордо, без тени страха в глазах.

Орион прикрикнул на бросившего камень, затем снова повернулся к ним и сердито сдвинул брови при виде их реакции на происходящее. Когда люди стали расходиться, Сайла крикнула ему:

— Вода! Нам понадобится вода!

Вождь посмотрел на Ориона. Тот бросил, не оборачиваясь:

— У вас есть суп. Наша вода предназначена только для друзей. Наберите воды в реке, но только сделайте это до рассвета, чтобы Звездочеты не видели вас. — С этими словами они ушли. Возле палатки повисло тяжелое, подобное тишине Суши безмолвие, тревожное от предчувствия надвигающейся опасности.

Тейт отметила, что суп все же заслуживает похвалы. Сайла и Ланта согласились с ней. Даже Танно присоединилась к общему мнению, с жадностью проглотив свою долю и с надеждой в глазах глядя на людей.

Додой есть отказался, мотивируя это неладом с желудком. Тейт заставила его пойти спать. Благодарно улыбаясь, мальчишка позволил себя уговорить. Однако спать он не пошел, а лежа на своем месте принялся наблюдать за женщинами и собакой своими хитрыми любопытными глазами.

Глава 107

Мягкие объятия сна сковали Сайлу, прервав воспоминания о видении, которое явилось ей, но ушло безвозвратно.

Каждый зарождающийся день неизменно поднимал ее с постели, бодрствовать и двигаться было для нее одним и тем же. Однако сегодня тело охватила непонятная вялость.

Глубоко в ее голове, там, где нет места логике и причинности, что-то шевелилось. Маленькие, злобные существа. Они не были похожи на скорпионов, о которых Тейт что-то бормотала сквозь глубокий сон.

Сайла слышала и собственные крики, напоминающие просьбу о помощи.

Она испугалась. Впрочем, существа внутри тоже боялись всего окружающего. «Спи, — говорили они. — Засни навечно». В их голосах была гармония и соблазн. Но твари не смогли ее провести. Она видела их острые когти, сверкающие зубы.

Голоса стали пронзительными.

— Если ты не хочешь поступить разумно и заснуть, что ж, беги. Спасай свою жизнь. Зови Класа. Проси милосердия.

Сайла открыла глаза. Вырывавшийся наружу крик задержался в ее груди. Стоял яркий солнечный день.

Подручные страха источали ликование и тянулись к ней, пытаясь поймать.

Сайла повернула голову, чтобы избежать слепящего солнца. Взгляд упал на кожаные ремни, связывающие ее руки. Вторая веревка тянулась к груди, обвиняла шею. Третья сжимала лодыжки, причем так, что она не смогла бы идти, даже если бы поднялась на ноги.

Волна ужаса пришла на смену мысли о том, что движение не так уж и необходимо.

Стараясь побороть дремоту, Сайла с трудом приняла сидячее положение и поняла, что уже давно перевалило за полдень. Голова буквально раскалывалась от боли. Желудок сжался и провалился куда-то вниз.

Слева от нее вытянулась Ланта. Тейт спала справа. Недалеко от нее лицом вниз лежал Налатан. На затылке монаха темнела запекшаяся кровь. Глубокое дыхание пошевеливало

зеленую траву возле его рта.

Откуда-то появился Орион, обошел Ланту и остановился позади Сайлы. Попытка дотянуться до него кулаком потерпела неудачу. Жрица попыталась сглотнуть, закашлялась. Во взгляде Ориона проступало плохо скрываемое чувство стыда. Сайла упрямо заговорила:

— Друзья. Я вижу, мы свободны и можем уйти. Усыпили нас. Лгали все это время.

Правое веко Ориона дернулось.

— Обманывать лжеца — не грех. Вы первые хотели провести нас. Но мы оказались хитрее.

— Провести вас? Каким образом?

— Мальчик оказался неподкупным. Он слышал, как ты договаривалась со своим союзником Капитаном.

Гнев покинул мечущееся сознание Сайлы, исчез, оставив после себя удивление проигравшего.

— Додой? Неподкупный? Вместе эти слова — самая большая глупость, когда либо существовавшая в этом мире. Несчастный дурак. Стала бы я забирать у своего союзника единственного наследника. А по дороге сюда нас пытались убить коссарские воины. Может быть, неподкупный Додой объяснит, что я выиграю от такого союза?

— Не притворяйся невиновной. — Он сплюнул у ее ног. — Власть — вот за чем охотятся такие, как ты. Я уже было поверил твоей лжи. Все вы тут заодно. Та черная чуть не убила Малого Пса. А ты хотела низвергнуть свою собственную Церковь.

Разум Сайлы стал по невидимой спирали беспомощно уходить в гремящую пустоту. Сознание покидало ее подобно песку, просачивающемуся сквозь скрюченные пальцы. Несмотря на это, она все же расслышала собственный ответ.

— Твой поступок оскорбителен. Ты не должен мне врать. Ты ведь знаешь — я Цветок. Помни Завет Апокалипсиса: *«Ложь врага может унести жизнь. Ложь, сорвавшаяся с собственных губ, погубит душу своего хозяина»*. Ты наследник священной веры и не смеешь ею помыкать. Почувствуй безмолвную мудрость вечных истин.

Затуманенное сознание мало-помалу просветлело. Орион все еще стоял перед ней, но теперь заметно ссутулившийся, мертвенно-бледный, как человек, на которого тяжелым бременем навалилась старость. Страх сдавил его руки, сковал мускулы.

Сбоку к нему подошел Малый Пес.

— Угрозы. Оружие женщин. У Тейт одни, у тебя другие. Но мы вас от этого отучим. Всех. — Он пнул Налатана в ногу, вызвав у монаха-воина стон.

Сайла пропустила лишние слова мимо ушей. Она обнаружила, что может отодвинуть их в тот далекий уголок сознания, куда отправила жажду и боль. Малого Пса бесило самообладание Жрицы. Он ударил и ее.

Сайла опрокинулась на спину и услышала слова, адресованные Ориону:

— А ты хотел просто казнить их. Это высокомерие следует называть изменой, неотступно сопровождающей женщин. Теперь ты понимаешь, почему вождь и совет согласились, что Налатан — предатель и все они виновны в равной степени?

Сайла снова села и обратилась к Ориону:

— Ты говорил, что передашь легенды Звездочетов Малому Псу? Он только осквернит их.

Малый Пес намеревался ударить еще раз.

— Стой, — сказал Орион. — Правила ясны. Никаких оскорблений.

С явной неохотой Малый Пес позволил себя увести. Тейт пошевелилась и пробормотала что-то неразборчивое. Мужчина посмотрел на нее, в его улыбке появилась угроза. Он покачнулся на каблуках и ушел.

— Ну так что, Орион, — спросила Сайла. — Что вы собираетесь с нами делать?

Орион сходил за кожаным мехом и наполнил водой кружку, сделанную из высушенной дыни. Стараясь не смотреть Жрице в глаза, он протянул ей сосуд. Сайла сделала маленький глоток. После этого он заговорил:

— Мы послали за Жнеей. Чтобы она все подтвердила.

Сердце Сайлы наполнилось презрением.

— Ну конечно. Пресмыкающееся. Для тебя Церковь — лишь страх. Поэтому мы предстанем участниками ужасающего представления, которое ты устроишь для своих людей. Ты будешь доказывать самому себе, насколько могущественно племя Звездочетов. И ты соберешь народ посмотреть, как мы будем мучиться. Налатан — бесстрашный воин, а не презренный трус вроде тебя. И мы, три женщины, бросившие тебе вызов. Бросившие вызов мужчинам. В этом наша вина? — Она остановилась, чтобы перевести дух, но непрошенные и неожиданные слова рвались из груди. Голос окреп, в нем появились повелительные нотки. — Бедняга. Ты ждал так долго только для того, чтобы стать человеком, который отравит землю, не успевшую изведать радости плодоношения. Лжец Орион знает правду. Скоро он узнает горе и возмездие.

Орион опустил плечи. Его голос дрогнул.

— Это неправда. Ты пытаешься меня околдовать. — Он отшатнулся и стал удаляться от Жрицы. — Ведьма. Оставь меня в покое. Жнея — верный служитель Церкви, она найдет способ защитить меня. — Он перешел на бег.

Сайла попыталась определить, где они находятся. Позади был угрожающе крутой склон. Напротив — тщательно очищенная от растений и камней площадка в форме полукруга. Ее размеры были ограничены возвышающейся рядом скалой с крутыми склонами. Чуть дальше, за кустом, открывалась равнина, простирающаяся на пятьдесят ярдов и упирающаяся в соседний холм. Над холмом поднимался дымок — деревня была там.

Все пути к отступлению были перекрыты многочисленными лучниками.

Мех с водой остался лежать рядом. Сайла потянулась к нему. Она смочила губы Тейт, промыла рану Налатана. У ее локтя зашевелилась Ланта. Без лишних слов Сайла протянула ей мех. Та сделала жадный глоток и передала воду просыпающейся Тейт.

Тейт было нелегко прийти в себя. Всеобщими усилиями ее удалось приподнять и прислонить спиной к стене их естественного амфитеатра. Некоторое время ей было плохо. В конце концов все три женщины уселись рядом.

Первой заговорила Ланта:

— Чтобы доставить нас сюда без лишних хлопот, они подсыпали нам лошадиную дозу снотворного. Что у них на уме? Ты проверяла веревки? Прежде чем завязывать, они смочили кожу, и теперь она не мягче стали.

Сайла воспроизвела свой разговор с Орионом, не упоминая роли, которую играл во всем этом Додой. Взмолвленная Тейт попыталась докричаться до ближайших лучников, чтобы узнать что-нибудь о своем любимце. Они не ответили. Жрицы успокоили подругу, заверив, что Звездочеты не сделают с мальчиком ничего плохого. Сайла заметила, как старательно Ланта избегает говорить о деталях, не вошедших в рассказ.

— Это я во всем виновата, — устало сказала Тейт и посмотрела на лежащего без сознания Налатана. — Я все сделала не так. — В голосе прозвучало легкое удивление, подобное смущенному раскаянию обманутого ребенка. — А ведь все было так просто. Я любила его. И думала, что любовь взаимна. Но ведь это не обязательно, правда? Я хотела, чтобы он знал о моих чувствах. Почему я ничего ему не сказала? Ничего не предприняла? По крайней мере, у меня было бы хоть что-то. А теперь... — Она пыталась отыскать в лицах друзей недостающую ей мудрость.

Сайла подвинулась ближе, взяла сжатые руки Тейт в свои. Раздался окрик охранника:

— Прекратить! Я должен все время видеть веревки или буду стрелять.

Ланта с трудом поднялась на ноги и ответила неожиданно сильным голосом:

— Стреляй! Стреляй и будь проклят! Да у тебя кишка тонка!

Воин исчез.

Тейт удивленно вытаращила глаза. Потом рассмеялась.

— Кишка тонка? Будь проклят? Где это ты выучилась так разговаривать?

— Ты прекрасно знаешь где. Не обращай внимания. Теперь тебе легче?

Тейт кивнула.

— По крайней мере, я почувствовала себя сильнее. Спасибо.

— Тогда Расскажи ему все, что поведала нам. — Сайла указала на Налатана. — Разбуди его и Расскажи.

На лице Тейт появился ужас, глаза забегали в поисках выхода. Внезапно она сказала:

— Танно. Кто-нибудь его видел?

— Нет, — твердо ответила Ланта. — Не отвлекайся. Пока еще есть шанс все объяснить.

Последние слова заставили Тейт резко поднять голову.

— Значит, уже дошло до этого... — задумчиво произнесла она. — ...Шанс.

— Что бы они ни собирались с нами сделать, мы будем помогать друг другу, сестры. Договорились? — сказала Сайла.

Ланта и Тейт наклонились, чтобы поцеловать ее в щеки. Несмотря на всю безрадостность положения, Тейт воспрянула духом и принялась приводить в чувство Налатана. Вымыв предварительно руки, она кончиками пальцев смочила губы монаха. Его язык принялся слизывать влагу. Тейт снова опустила пальцы в воду и повторила процедуру. Налатан стал медленно приходить в чувство.

Когда его глаза наконец открылись, был уже поздний вечер. При виде Тейт он улыбнулся. Рука инстинктивно потянулась к голове, чтобы ощупать рану, но была остановлена кожаным ремнем. Монах замер.

В следующее мгновение Тейт уже лежала на спине. Налатан со связанными ногами стоял над ней, готовый нападать или обороняться. Изгибая тело под немыслимыми углами, он сделал несколько резких рывков.

Доннаси с трудом поднялась. Монах повернулся и посмотрел на нее. Его лицо превратилось в нечеловеческую маску. На Тейт нахлынули воспоминания. Сверкающие глаза тигра, излучающие жажду убивать.

Правильно выбранный тон имел сейчас такое же большое значение, как и слова.

— Налатан, это я, Доннаси. Пожалуйста, поговори со мной. Или просто послушай.

Он неуклюже ворочался. Руки, словно ослепленные дикие звери, царапали веревку. Тейт просила, умоляла. За спиной она чувствовала присутствие остальных женщин и молилась, чтобы они не попытались вмешаться. Кроме того, за пленными следили лучники. До сих пор они не обнаруживали своего присутствия, но если кому-нибудь из них вдруг захочется пострелять... Тейт отогнала эту мысль.

Наконец напряжение покинуло лицо Налатана. Руки опустились. Тейт заговорила быстрее и настойчивее. Монах перестал переминаться с ноги на ногу и покачиваться. Он удивленно оглядел веревку, связывающую руки. Потом перевел взгляд на Тейт. В его глазах мелькнуло узнавание. Он поднял руки.

— Они усыпили нас, — обратилась к нему Тейт. — А тебя кто-то ударил по голове. Ты ел то, что они принесли?

— Я пил воду. У нее был странный вкус. — Он прижал связанные руки к животу. — Дурак!

Спотыкаясь, Тейт подобралась к нему, положила руки ему на голову и вскрикнула от испуга. Глаза монаха, еще недавно метавшие молнии, закатились. Если бы она не поддержала его, он упал бы.

Налатан быстро пришел в себя, но Тейт все равно заставила его прилечь. С усталой улыбкой на лице он повиновался.

— Проста, что напугал тебя. Нас обучают бороться до последнего. Когда силы кончаются, ты падаешь, как подкошенный.

Тейт шикнула на него, села рядом и положила голову монаха себе на колени. Он посмотрел вверх. Убирая волосы с его висков, Доннаси проговорила:

— Я снова с тобой. Так и должно быть.

— Я неправильно себя вел. Я имею в виду с Малым Псом, — сказал Налатан. — Неправильно понял его слова. К тому же он, кажется, тебя интересовал. — В голосе были

умоляющие нотки.

— Мне интересны многие мужчины. И будут интересны — Тейт заметила разочарование на лице монаха и продолжила: — Но есть один, которого я сама хотела бы заинтересовать. Мне следовало сказать это много дней назад. Еще той ночью на острове.

Налатан сел и посмотрел вдаль.

— Это было, когда я решил при первом же удобном случае привести тебя к своим. Когда Жнея преследовала нас у Дома Церкви, это показалось мне знамением. С тех пор, как мы сюда прибыли, я расспрашивал, существуют ли в нашем племени истории про чернокожих.

— Ты должен был мне сказать, — Тейт старалась говорить спокойно.

— Я хотел сказать тебе все сразу. Ты так озабочена прошлым, своим и Додоя. Я хотел, чтобы ты поняла, что жизнь не стоит на месте и нельзя рассматривать настоящее и будущее через призму прошедшего. Что-то всегда меняется, и по-другому быть не может. Но мы обязаны воспринимать эти перемены как неизбежные и привыкать к ним. Я не знаю, что у тебя позади. Раньше я не знал, хочешь ли ты быть со мной. Но я всегда понимал, что новое нельзя создать, не затронув при этом старого. Ты не похожа на женщин моего народа, и я не хочу тебя ни к чему принуждать. Я хотел, чтобы ты присоединилась к нам лишь потому, что пожелала этого сама.

Разум Тейт наполнился образами, полными стыда воспоминаниями о неуместных и недостойных чувствах, которые заставили Малого Пса решиться на то, что он совершил. Она вспомнила слова Сайлы о том, что Доннаси Тейт хочет управлять всеми вокруг. Этот навязчивый самоанализ мучил ее даже сейчас, в минуты долгожданной нежности.

Потому что все сказанное было правдой. Что она не могла оставить точку зрения ушедшего в небытие времени. Что она хотела выйти замуж и вырастить детей лишь потому, что этого требовали обычаи. Налатан не мог осознать всю подноготную вставшей между ними проблемы, но инстинктивно чувствовал, что любовь сможет преодолеть препятствия. Он ждал, пока Тейт сама придет к нему. Доберется собственной дорогой.

Ее дорогой.

Налатан протянул руку, чтобы потрогать ее. Ремень воспрепятствовал ему. Она нагнулась. Держа ее подбородок в своих связанных руках, он прошептал:

— Я люблю тебя.

Тейт поцеловала его. Медленно. Нежно. В поцелуе была преданность и страх расставания.

Ланте стало стыдно, но она продолжала смотреть. Голова наполнилась воспоминаниями о Видении... Цветок, который поглощает всю эту пищу, будет расти и приносить Цветы.

Ланта потихоньку подняла руку к груди. Сквозь одежду она нащупала Камень Истины и сжала его рукой. Она начала сомневаться, стоят ли Врата тех жертв, которые будут принесены ради их поисков.

Если Врата — источник какой-то тайной силы, они этого не узнают. По крайней мере сейчас.

Сила Камня Истины известна всем.

Жнея отдаст все что угодно, чтобы заполучить эту силу.

По дороге к Камню она будет сеять смерть.

Останется ли Цветок таким, каким был раньше? — сказано в Видении.

Что, если изменение, которое должно произойти с Цветком, окажется пагубным?

Должны ли они все умереть, чтобы подарить кому-то счастливое будущее?

Глава 108

Ритмичное вздрагивание ночной темноты и громоподобные звуки боевых рогов возвестили о прибытии Жнеи. Каждый из трех рогов обладал собственным неповторимым

голосом. Вместе они наполнили долину всепроникающим вибрирующим ревом.

Сайле показалось, что она слышит тоскливый вой зверя, потерявшего своих детенышей.

Ее внутренний голос молчал с тех пор, как Звездочеты совершили свое предательство. Неужели он покинул побежденную хозяйку?

Не обращая внимания на боль, вызванную тем, что ее руки и ноги оставались связанными весь день и половину ночи, Сайла выпрямилась и расправила плечи. Она сделала все, что было в ее силах. Она боролась до конца. И если голос, приведший ее так близко к Вратам, хотел успеха, он должен был помочь и теперь.

Немного подумав над этим, Сайла решила, что имеет полное право возмущаться. Врата были недалеко. Почти под носом.

Она раздраженно заерзала. Сплетенная из кожи веревка, прижимающая ее к земле, доставляла много неудобств. На мгновение Сайле удалось забыть о своем незавидном положении. Она должна была благодарить Звездочетов за то, что они не покончили с чужаками еще днем раньше.

Налатан объяснил им, почему племя выбрало это место и это время. Собравшись на ночную расправу, люди окружают прижатых спинами к крутому склону пленников, чтобы все могли поучаствовать в наказании.

Сайла поинтересовалась, в чем заключается участие. Налатан ответил.

Звездочеты закидывали виновных камнями.

Не страх и не разочарование наполнили ее глаза слезами. Скорее это было крушение надежд. Потрачено так много сил. Так много веры. И не только своей собственной. Ланты. Тейт. Налатана. А еще Гэна, и этого хитрого торговца Билстена. Хелстара.

А главное, Класа. Класа, верившего в нее настолько, чтобы позволить ей идти. Кто еще может похвастаться таким мужчиной?

Все кончено. Все пропало.

Новый голос пробился сквозь плач рогов. Подобная стремительному полету стрелы песня трубы.

На гребне холма между деревней и амфитеатром ярким пламенем загорелся факел. За ним вспыхнул другой. Вскоре ими была усеяна вся вершина. Помедлив, люди в беспорядке двинулись вниз по склону. Достигнув подножия, они собрались в отдаленное подобие круга и замерли в ожидании у границы расчищенной площадки.

Сайла спрашивала себя, почему люди не подходят ближе к месту предстоящего развлечения.

Подъехавший слева одинокий всадник ответил на ее безмолвный вопрос. В высоко поднятой левой руке он тоже сжимал факел. Всадник наклонился вниз, слегка съехав набок. Пока он втыкал заостренную рукоятку факела в землю, Сайла успела заметить на нем облегающий жилет, зашнурованный спереди и по бокам. Так же как и свободные брюки, жилет казался серым. Головной убор представлял собой высокий расширяющийся по краям шлем с гребнем посередине. По краям шлема, полукругом от уха до уха, свободно свисали маленькие блестящие предметы. Верхушки их мерцали рядом с серебристой полосой, также отражающей свет факелов. Лук без тетивы и колчан со стрелами висели за спиной воина, у правого бедра виднелся короткий меч. Когда он повернулся к пленникам спиной, проезжая мимо торчащего из земли факела, Сайла успела разглядеть на жилете три черные вертикальные полосы.

— Монах-воин, — сказал Налатан. — Братство Опала — видишь камешки на его шапке? Самое большое братство, больше ста человек. Многих из них я знаю.

Тейт подняла голову.

— Они помогут нам?

— Я думаю, в силах помочь. Да они и сами это знают. Но пока ничто не угрожает Жнее, они будут просто наблюдать. — Налатан повернулся к Сайле. — Это их долг, Сайла. Сами они могут думать и по-другому.

Она выдавила улыбку.

— Я знаю.

— Похоже, они не уступают Танно в скорости, — сказала Тейт. — Я начинаю волноваться. Они ничего не сделают собаке?

Ее спутники как по команде закивали головами.

— Звездочеты любят свободу, — проговорил Налатан. — Я думаю, они просто отпустили его.

Тейт уцепилась за эту надежду:

— Танно это нравится. Даже здесь, в Суши. Я имею в виду, бродить. Вы ведь знаете, как он обожает бегать. Если кто-нибудь будет к нему добр, то, слово Человека Собаки, я оставлю животное ему.

Сайла покачала головой:

— Не получится. Он теперь твой. Он никогда не признает другого.

— Тогда он умрет. Так же, как и мы. Теперь, когда Жнея здесь, они не будут тянуть резину.

— Резину? — переспросила Сайла.

Но Налатан понял смысл.

— Не обращай внимания, — проговорил он.

— Ты всю жизнь провел в ожидании случая умереть за свое дело, — с горечью ответила Сайла. — Я не могу относиться к скорой смерти с таким энтузиазмом.

На споры больше не оставалось времени. В конце долины появилась цепочка факелов. Вскоре люди разделились, образовав две колонны. Как только группа подошла достаточно близко, раздались приветственные крики. Ланта вздрогнула и отвернулась. Сайла потянулась к ней и взяла руки подруги в свои. Ладони охваченной отчаяньем маленькой Жрицы были холодными.

С другого фланга показались еще люди с факелами — приближались старейшины Звездочетов. Две группы встретились как раз напротив Сайлы и ее друзей. Зашелестев богатым одеянием, Жнея спешила. Вождь племени поприветствовал ее, осенившись Тройным Знаком. Он сделал знак человеку, несущему большой узел. Узел развязали, и из него показалось оружие Тейт.

Орион стоял в стороне, молча наблюдая за происходящим, пока Жнея не повернулась к нему. Сайла попыталась расслышать слова, но расстояние было слишком велико.

Секундой позже Орион поднял факел и помахал им над головой. Приветственные крики усилились. Толпа двинулась вперед. Сайла в испуге отшатнулась. Среди пришедших были только мужчины и мальчики. Каждый нес корзину, доверху наполненную камнями.

К пленникам подтащили боевые трубы. Их тонкие конусоподобные тела, каждое много выше роста самого высокого человека, отливали начищенной медью. Каждую несли по два воина. Все они остановились на краю расчищенной площадки и повернулись к пленникам спиной. Первый из каждой двойки водрузил трубу себе на плечо. Второй приложил губы к инструменту. Все три трубы зазвучали разом.

Орион подошел и остановился возле левой пары. Как только стихло эхо, он заговорил:

— Мы собрались здесь, чтобы покарать предавших Звездочетов и Церковь. Жнея присутствует на суде с целью засвидетельствовать лояльность правосудия нашего племени к ее Церкви. Пленники будут закиданы камнями. Мои люди будут следить, чтобы никто не пытался использовать камни слишком большого размера.

Тейт подтолкнула Налатана.

— О чем это он? Я имею в виду камни.

Он посмотрел ей в глаза.

— Большие камни приносят смерть слишком быстро.

Тейт застонала. Монах привлек ее к себе.

— У меня в запасе есть средство на этот случай, мы называем его «махн». Это похоже на гимн, звучащий в голове. Он придает спокойствие.

— Транс, — кивнула Сайла. — К сожалению, Тейт не прошла нашей школы.

Тейт на секунду представила, каким стало бы лицо офицера Морской Пехоты, внеси она предложение обучить новобранцев входить в состояние транс, помогающее умереть с улыбкой на лице. Горло сдавил истерический смех.

— Сядь рядом со мной, — предложил Налатан.

Вскоре к ним подвинулись Сайла с Лантой. Даже перед лицом смертельной опасности Тейт не переставала восхищаться выдержкой друзей.

Настоящих друзей.

Прильнув к Налатану, Тейт наблюдала возбужденное шевеление толпы.

— Это не та смерть, какой бы я себе пожелала, но рядом со мной люди, умереть бок о бок с которыми — большая честь. С нами нет только Конвея. — На ее лице заиграла улыбка. — Хотела бы я увидеть, что он сделает с этим сбродом, когда узнает о случившемся. Да, еще Клас, как я могла забыть! Надеюсь, они будут действовать сообща. Хорошенько приглядишься к этим дуракам, Налатан. Им осталось недолго жить.

Монах рассмеялся. Когда Тейт повернула голову, он сказал:

— Ты отличный боец. Жаль, что мы сами не сможем им отплатить. Но зато мы можем умереть с честью. И помочь в этом друг другу.

Тейт поцеловала его и вернулась к созерцанию вопящей толпы.

Вскоре крики стали резче. Она отдернулась от Налатана и направила взгляд туда, куда смотрела большая часть толпы. Раздался крик.

Четверо человек несли Танно, привязанного к шесту. Избитый до полусмерти, он затравленно смотрел по сторонам. Мальчишка швырнул в него камень, пес рванулся к нему и щелкнул зубами. Толпа отшатнулась. Один из взрослых оттолкнул мальчика подальше, хотя тот и без этого был вне пределов досягаемости Танно.

Тейт в испуге схватилась за Налатана. Ей не раз приходилось слышать голос смерти. Однако в угрожающем ворчании толпы чувствовалось нетерпение убийцы, вселявшее ужас, подобного которому ей еще не доводилось испытывать.

Трубы непрерывно ревели. Вопли усилились.

Сайла положила руку Тейт на плечо. Ей пришлось кричать, чтобы та ее услышала:

— Они хотят сломать нас, Доннаси! Так бывает всегда! Не смотри!

— Танно ведь просто собака, Сайла, бедная верная собака. Они не могут с ней так поступить.

Испытывая горечь бессилия, Жрица заслонила Тейт спиной. Тейт немедленно оттолкнула ее.

Четверо человек взяли канаты, затянутые вокруг шеи и тела пса. Носильщики с размаху бросили Танно на землю. Потом перерезали веревки, привязывающие его к жерди. Танно немедленно вскочил. Связанные лапы сдерживали его, делали движения неуклюжими. Веревки натянулись, удерживая собаку в центре.

Камень ударил его. Пес зарычал и удвоил усилия, стараясь достать своих мучителей. Второй камень, побольше, сшиб его с ног. Задышавшись, собака повисла на натянутых канатах.

Толпа взорвалась криками.

Танно боролся за то, чтобы снова встать на ноги. В него летели камни. Многие достигали цели. Пес не хотел сдаваться. Огромные умные глаза наблюдали за противником. Он попытался уворачиваться от потока летящих камней, но их было слишком много.

Тейт перебрала все проклятия и ругательства, которые ей приходилось слышать. Ей удалось отбросить от себя Сайлу и Налатана, но вскоре она потеряла равновесие и упала на траву. Налатан поднял ее и прижал к себе.

Хотя это происходило довольно далеко от Танно, он почуял хозяйку, повернулся и залаял. Втащив удерживающих его воинов под дождь камней, пес чудом прорвался к Тейт. Он упал рядом с хозяйкой, положив голову ей на колени.

Воины выпустили канаты. Пока они поспешно покидали зону обстрела, толпа замерла. Повисла тяжелая пауза.

Кто-то чертыхнулся. Камень пересек площадку и ударил Тейт в голову, как раз над глазом. Доннаси вскрикнула и отшатнулась. Танно напрягся и бросился к обидчикам. Истекая кровью, закрыв один глаз и подняв перебитую лапу, пес приготовился к бою. С громовым рычанием обнажив клыки, он врезался в толпу, волоча за собой брошенные веревки. Затапывая своих же товарищей, люди в панике бежали прочь.

С негромким предательским свистом скользя от куда-то сбоку, одинокая стрела пронзила грудь собаки. Огромное сердце остановилось. Танно обрушился на землю, повернувшись к врагам своей хозяйки.

Над долиной воцарилась зловещая тишина. Безмолвнее обычного затишья, она принесла с собой ощущение несмываемого позора. Когда Тейт поднялась на ноги, послышался судорожный вздох — признак осознания содеянного. Медленно, раскатисто Тейт зааплодировала.

— Хорошая собака. — Ее голос дрогнул. — Молодчина, Танно. Стойкое сердце. Непревзойденная храбрость. Таких, как ты, больше никогда не будет, мой Танно. Мой дорогой верный Танно. — Она остановилась и медленно обвела толпу взглядом, заставившим мужчин опустить глаза и уставиться в грязь у своих ног. Те четверо, которые раньше держали ненужные теперь канаты, отвернулись и смешались с толпой. Одна лишь Жнея смогла выдержать взгляд, полный боли и ненависти.

— Смотрите, отважные воины Звездочетов. И заставьте смотреть сыновей, чтобы они навсегда запомнили доблесть своих отцов. Где же ты, храбрец, пустивший последнюю стрелу? — Ее глаза остановились на Малом Псе, все еще сжимающем в руках лук. — А вот и он! Слишком слабый, чтобы сражаться с мужчинами. Вижу, ты уже прошел весь путь от трусливой лжи до убийства из-за угла.

По толпе пронесся шорох. Услышав его, Жнея шепотом отдала команду Ориону. Сообщив что-то Малому Псу, тот поспешил к пленникам. Остановившись у склона, он поднял руки и заговорил:

— Эти предатели не заслужили права на смерть от достойного оружия. Церковь требует закидать их камнями. Камнями. Камнями. Камнями. — При каждом повторе его рука указывала на одного из пленников.

Вне себя от ярости Малый Пес выскочил вперед. Повернувшись лицом к собравшимся, он произнес.

— Отдайте черную мне. Теперь она принадлежит племени, и я имею право покончить с ней в одиночку. Так говорят древнейшие законы. Я убью каждого, кто встанет на моем пути.

Отрицательно покачав головой, Орион попытался возразить, но крики разъяренных воинов заглушили его слова. Все новые люди загорались жадой убийства. Вскоре толпа снова бушевала.

Малый Пес махнул рукой, и его многочисленные сторонники бросились к пленникам. Большинство пытались добраться до Налатана. С Тейт сорвали веревки, и вскоре она лежала на земле перед Малым Псом. Он протянул руку.

Тейт позволила ему поднять себя ровно настолько, чтобы встать на ноги. Потом обеими руками схватила его за жилет и резко дернулась назад. Застигнутый врасплох, мужчина неуклюже рухнул вниз. Тейт приземлилась на спину и уперлась ступнями ему в живот. Затем молниеносным движением разогнула ноги и, чуть позже, отпустила одежду. Малый Пес взлетел в воздух. Над местом его падения поднялось облако пыли.

По толпе пронесся удивленный вздох.

Тейт приземлилась на ноги лицом к своим друзьям. Те пребывали в нерешительности.

Во внезапно наступившей тишине прозвучал смех Сайлы. Даже Жнея обернулась и удивленно уставилась на Жрицу. Ткнув пальцем в сторону лежащего мужчины, Сайла прервалась ровно настолько, чтобы выговорить:

— Еще одна демонстрация мастерства, великий чемпион Звездочетов? Хочешь ее? Советую передумать, пока ты еще мужчина. Она сделает из тебя калек.

Слезы ярости покатались по лицу Малого Пса, и он вскочил на ноги. В его руке

показался нож.

Его друзья разразились свистом и улюлюканьем.

— Выпотроши ее! — прокричал один из них. — Посмотри, какого цвета ее кишки! — Они отошли, образовав вокруг противников кольцо. Малый Пес двинулся вперед. Заняв оборонительную позицию, Тейт ждала.

— Что ты натворила? — закричал Налатан Сайле. — Он ведь не собирался ее убивать, только помучить!

Взгляд Жрицы был прикован к маневрирующим противникам.

— Стань у меня за спиной. В первый раз с того времени, как нас усыпили, за нами никто не наблюдает. Попробуй перегрызть ремни на руках. И молись за Доннаси.

Налатан не стал спорить. Вскоре она услышала его сосредоточенное сопение.

Крики подхлестнули Малого Пса. Он забавлялся. Играл. Несмотря на это, его первый выпад был молниеносен.

Вскоре в шуме толпы появились грозные нотки. Умелая оборона Тейт ставила под сомнение исход поединка. Сайла знала, что осталось совсем немного времени, прежде чем снова засвистят камни. Или, что еще хуже, дружки Пса захотят расправиться с пленными собственноручно.

Зрители оправились от временного замешательства. Они хотели крови, и немедленно.

Глава 109

Вжавшись в почти отвесную поверхность утеса, Конвей бессильно наблюдал за Тейт, пытающейся уклониться от ножа Малого Пса.

Учуяв близость цели, Карда и Микка забеспокоились. Конвей погладил их. Он должен был успокоить, придать им уверенности; один неправильный шаг, и собаки покатались бы прямо в пропасть.

Единственным козырем Конвея была внезапность. И он собирался использовать ее сполна. В груди закипела ярость. Он видел, как умирал Танно. Конвей жаждал мести.

Вместе с собаками он пополз вниз. Ближе...

Тейт отразила удар, но это был всего лишь обманный маневр. Как только она сделала выпад, Малый Пес развернул нож и ударил снизу. Она инстинктивно отклонилась, открыв горло. Напряженное, блестящее от выступившего пота, оно как будто притягивало нож.

Пленники, привязанные к столбу, в ужасе закричали. Толпа взревела. Конвей едва удержался от вскрика.

Тейт пошатнулась, однако быстро взяла себя в руки, зажав рану рукой. Между пальцев обильно текла кровь.

Конвей медленно выдохнул: она была ранена, но не в горло, а в челюсть. Снова заняв оборонительную стойку, Тейт не сводила глаз со своего врага.

Привязанный к столбу Налатан весь съежился. Он был, казалось, совершенно подавлен происходящим. Лишь присмотревшись внимательно, Конвей увидел, что тот яростно пытается разорвать зубами связывающие его путы. Сайла наблюдала за неравной схваткой с железным самообладанием. Ланта закрыла глаза руками.

Малый Пес снова сделал выпад. Тейт ударила его левой рукой в предплечье. Повернувшись на одной ноге, она увернулась от ножа. Затем, описав полный круг, она оказалась у него сбоку. Потеряв равновесие, воин неловко выбросил вперед руку, отчаянно пытаясь ее настигнуть.

В этот момент Тейт ударила его локтем по почке. Он замер, парализованный острой болью. Сделав пируэт, Тейт переместилась налево от Пса. Во второй удар она вложила всю свою силу, отбив вторую почку.

На этот раз он дико закричал и зашатался, прижимая руки к бокам. Только нож в руке все еще защищал его.

Мужчины, как один, разгневанно вскочили на ноги, подбадривая Малого Пса и

проклиная Тейт.

Конвей подбирался все ближе и ближе. Всего в нескольких ярдах от него спиной к холму стоял Орион. Крепко сжав винтовку, Конвей приготовился к броску.

Тейт ударила противника в лицо. Пытаясь закрыться, он поднял нож. Другой рукой Тейт схватила его за запястье. Оружие выпало. Он беспомощно потянулся за ним. Тейт двинула его в ухо и кинулась к ножу. Когда она повернулась с оружием в руке, он, уже теряя сознание от боли и схватившись за бока, рухнул на колени.

Тейт подошла, чтобы прикончить его.

Из толпы, сжимая в руке нож, выбежал еще один воин.

Крик Налатана предупредил Тейт об опасности. Повернувшись, она увидела, как враг яростно бросился вперед. Решение пришло мгновенно. Она развернулась и прыгнула к Малому Псу. Все еще не веря, он смотрел, как она всадила в него кинжал, несмотря на умоляюще поднятые руки. Вытащила и снова воткнула.

Атакующий воин был уже слишком близко, чтобы она могла высвободить кинжал и защищаться.

Но тут в ход событий вмешался «вайп» Конвея.

Все еще согнувшись, Тейт посмотрела через плечо.

Ободренный, Налатан выпрямился.

Сайла неподвижно застыла.

Ланта сжалась, глядя сквозь плотно сжатые пальцы.

Пораженная толпа онемела.

Голова воина резко дернулась от удара пули, будто оборачиваясь в ответ на чей-то зов. В мгновение ока — так быстро, что не верилось глазам — череп разлетелся. Выпученные глаза, надутые щеки. Розовый дымок из виска мужчины расцветил воздух и исчез высоко вверх. Нога воина подкосилась, и он безобразной кучей свалился на землю.

Пуля, отклонившаяся, проходя через кости и плоть, просвистела над головами собравшегося племени. Поднялся безумный вой. Люди пали ниц, толкая за собой своих детей. Многие с воплями бежали. Испугавшиеся лошади вставали на дыбы, сбрасывая седоков, и скакали прочь.

Конвей с собаками подошел к ошарашенной Тейт. Он бросил ей винтовку:

— На. Держи.

В следующее мгновение он схватил Ориона и приставил ему нож к горлу.

— Никому не двигаться, иначе он умрет! — крикнул Конвей и толкнул своего пленника по направлению к старейшинам.

Жнея привстала в стреланах.

— Стоять, иначе, клянусь, ты будешь первой, — сказала Тейт, направляя на нее «вайп» и поспешно прячась за беззащитного вождя Звездочетов.

Казалось, сам воздух вокруг Жнеи излучал ненависть. Даже теперь было видно, как она все взвешивает и обдумывает. Выражение лица истекающей кровью, истощенной женщины, глядящей на нее через прицел «вайпа», убедил ее. Повернув голову по направлению к своему эскорту, она, не выпуская Тейт из виду, произнесла:

— Люди Опала. Что бы со мной ни случилось, ничего не предпринимайте. Я приказываю. Защищайте Дом Церкви. — Она снова опустилась в седло.

Взяв нож Тейт, Конвей подтащил Ориона к пленникам. Он передал оружие Сайле.

— Освободи Налатана, чтобы он мог взять оружие-молнию. — Конвей посмотрел на Ланту. Она рванула веревки на запястьях: натертая кожа лопнула. Они обменялись счастливыми улыбками по поводу благополучного освобождения.

Друзья собрались вокруг Тейт. Ланта жестом указала Сайле быть начеку, а сама принялась обрабатывать рану. От ее манипуляций у Тейт сузились глаза и дернулись уголки губ. Винтовка оставалась направлена точно на Жнею.

Глава и старейшины в смятении стояли кругом. Воины племени заволновались. Они перешептывались, кидая на бывших пленников косые взгляды.

Налатан подобрал оружие Тейт. Засунув оба пистолета внутрь куртки, Конвей убрал нож, взяв Ориона на прицел. Ланта перевязывала рану Тейт и охраняла снайперскую винтовку, стоя на ее чехле.

— Они скоро на нас нападут, боевой дух моего племени сломлен, но они не трусы, — с грустью сказал Налатан. Конвей подумал, что тот наверняка надеялся больше никогда не встречаться с людьми своего племени после этой ночи.

— Я думаю, вы не настолько глупы, чтобы действительно надеяться на то, что вам удастся бежать отсюда, — сказала Жнея.

— Ну почему же, у нас куча заложников, — возразил Конвей.

Сайла подошла поближе и положила ладонь на плечо Конвея. Она почувствовала в словах Жнеи больше, чем презрительное предупреждение.

— Ведь ты сюда пришла не для того, чтобы увидеть, как нас убьют, — сказала Сайла.

Жнея горько улыбнулась:

— Ты на редкость проницательна. Мне бы, конечно, доставило удовольствие видеть, как вы умираете, но это не оправдало бы поездку в это гнездо недотеп.

— Так какова же причина?

— Спасение Дома Церкви.

Сайла презрительно отвернулась. Жнея продолжала:

— Ты думаешь, ты одна беспокоишься о судьбе Церкви? Ты думаешь, я чудовище лишь потому, что хочу ею управлять?! А разве не того же хочешь и ты? Посмотри мне в глаза и скажи, что ты не знаешь, как будет лучше для нее. Скажи мне, что твои сказочные Врата на самом деле ничего здесь не решают. Ты можешь говорить себе, что твои намерения абсолютно чисты. Я вижу твою покрытую трещинами душу. Власть. Влияние. Авторитет. Называй это как хочешь, но ты домогаешься права управлять Церковью. Единственное наше различие в том, что я это признаю, а ты — нет.

— Лгунья. — Сжав кулаки так, что побелели костяшки, Сайла шагнула вперед. — Я ищу мира, а за тобой, где бы ты ни была, тянутся смерти. Ты убийца.

— Да, я убиваю. А это что? И это? — Из черного рукава медленно высунулась бледная рука Жнеи и указала на мертвых Малого Пса и второго воина.

— Это не одно и то же. Я сожалею о том, что произошло. Но это совсем разные вещи.

— Они тебе противостояли. Они мертвы. Смерть есть смерть. Один не более мертв чем другой, не лучше и не хуже. Никого из нас это не минует, а Церковь будет жить вечно. Вот что привело меня сюда. — Она указала на Ориона: — Этот хныкающий дурак знает: умереть должны были только Налатан и Тейт. А ты и Ланта попали бы ко мне. Мне нужна помощь, для того чтобы спасти Церковь.

— А кто спасет Церковь от тебя? — прервал ее Конвей.

Жнея не отводила от Сайлы пристального взгляда.

— Я тебе говорю, нам надо побеседовать. Отошли этих тупых Звездочетов назад в их ульи; мне не нравится их шум.

Сайла смутилась, осознав, что она полностью забыла о людях племени. Взглянув на них, поняла, что допустила ошибку. Воины приближались. Многие из них были вооружены, все держали в руках камни. Конвей, Налатан и собаки внимательно следили за ними. Тейт по-прежнему не сводила глаз со Жнеи.

— Они нападут, если им прикажет вождь. Но мы все еще принадлежим Церкви, и наши люди не собираются убивать Жрицу, кто бы им это ни приказал, — прервал свое молчание Орион. Он смотрел на Жнею, но, встретившись с ней взглядом, вздрогнул и быстро отвернулся.

— Снаряжение. Лошади. Верните нам наше имущество, — резко сказала Ланта. Орион жалко кивнул, а затем передал условия вождю. Старейшины племени приказали воинам отправляться в деревню. К тому времени, как последний факел исчез за гребнем холма, показалось трое юнцов с вещами, которые потребовала Ланта.

Среди них был привязанный к седлу своей лошади Додой. Тейт не видела его с тех пор,

как ускакал эскорт. Яростно крича, она побежала обрезать веревки, которыми он был связан. Затем она повернулась к Ориону:

— Зачем ты это с ним сделал?

— Пожалуйста, Доннаси; нам вернули Додоя. Давай лучше сложим вещи, ведь воины могут вскоре вернуться, — прервала ее Сайла.

Тейт не обращала внимания на ее слова.

— Я обращаюсь к тебе, Орион. Отвечай.

Орион посмотрел на Додоя.

— Они заставили меня сделать это, — Додой спрыгнул с лошади и прижался к Тейт. — Не отдавай меня. Они снова будут пытаться. Возьмите меня с собой.

Тейт ткнула Ориона дулом винтовки. Зубы ее сжались, и из вновь открывшейся раны сквозь повязку начала сочиться кровь.

— Мне следовало бы убить тебя, — сказала Тейт.

Ориона кинуло в холодный пот. Он старался изо всех сил, пытаясь сохранить самообладание.

— Только не за то, что я причинил боль Додю. Он сам к нам пришел. Он рассказал нам о планах Сайлы, — Орион пожал плечами. — Хотя это не важно. Мы хотели верить ему. Ты можешь считать, что я лгу. Он хвастался по всему селению, как он вас надул. Спросите любого. А связан он только потому, что отказался возвращаться к вам.

— Тут ведь все Звездочеты. Они подтвердят все что угодно, чтобы спасти твою жизнь.

— Лучшая часть меня уже мертва. Сын, которого у меня никогда не было. Дай мне присоединиться к нему, если это доставит тебе удовольствие. Я лгал ему, себе, Сайле. Я сделан из лжи. Хочешь верь, хочешь не верь всему, что я сказал о парне.

Голос Жнеи заставил Тейт повернуться:

— Всадники, которых послал ко мне Орион, только и говорили что об откровениях мальчишки. Этой ночью вождь и старейшины подтвердили это. — Пожилая женщина хищно склонилась над Додоем. — Ты ничтожество, парень. Меньше чем пыль. Но твоё вранье осложняет мне жизнь. Я хочу положить этому конец. Черная Молния простит тебе любые прегрешения. Я даю тебе последний шанс. Если ты меня обманешь, я буду твоим смертельным врагом на всю жизнь.

Тейт вытянула вперед винтовку.

— Прекрати, ты его пугаешь.

Жнея продолжала смотреть на Додоя.

— Успокойся, Доннаси, ты все равно меня не убьешь. По крайней мере пока не узнаешь правду. Да и потом, потому что нам надо поговорить. Так что говори, парень. Твой единственный шанс.

Тейт опустила винтовку, повернувшись к Додю. Тот не смотрел на нее. Доннаси опустилась на колени и положила руки ему на плечи.

Додой осознавал присутствие Тейт, но его сознанием завладела Жнея. Мелькающие перед ним образы замутили его взор, возвращая его в прошлое. Женщина Капитана. Ее глаза также буравили взглядом, как и глаза Жнеи.

Но в голове у той были перемешаны боль и наслаждение. Додой погрузился в бездонный взгляд Жнеи и увидел лишь полное безразличие. Ни любви, ни страдания, ни похотливой страсти.

Он не знал слов, которые могли бы описать эти образы. Ни за что на свете он не смог бы рассказать о том, что он увидел. Однако интуитивно он понял, что стоял лицом к лицу с безграничной жестокостью, и его внутренняя сущность склонилась перед ней словно перед божеством.

Дрожь пробежала по его спине. Жнея поняла, что ему нужно лишь одно — иметь хозяина и служить ему.

— Но почему, Додой? Я ведь люблю тебя, — мягко сказала Тейт.

— Меня никто не любит, потому что я маленький и безобразный.

— Так ты врал те. Обо мне, Ориону. Всем. — Все отвернулись, изумленные прозвучавшим в ее словах прощением. Только Жнея продолжала смотреть на мальчика. Увидев это, Додой вздрогнул. — Да. Я хотел... чтобы я был кому-нибудь нужен. Вы все меня ненавидите. Я ненавижу вас. Ты не любишь меня. Ты мне тоже врала.

— Я врала себе самой. Я уверила себя в том, что ты приведешь меня к людям, которые похожи на меня. По крайней мере выглядят так же, как я. Чувствуешь разницу? Я не смотрела внутрь, туда, где начинается личность человека. Я слишком сильно хотела найти их. Быть может, однажды я и найду то, что хочу. Но это уже не ослепит меня. Я получила урок. Никто не любит кого-то лишь потому, что он этого хочет или потому, что должен. Он просто любит, и все. Ты понимаешь? — Она повернула его голову и, взяв за подбородок, заставила его встретиться с ней взглядом. — Я изменилась, и ты мне в этом помог. Я думаю, ты тоже изменился, хотя бы немного. Вспомни, когда мы сидели рядом и я тебя крепко прижимала — это было хорошее время, ведь правда?

— Может быть. — Боль искадила худощавое лицо Додоя. Он отвернулся.

Тейт снова повернула его к себе.

— Ах, Додой, бедное дитя. Что же мне делать с тобой?

— Оставь его мне, — выступил вперед Орион.

Посмотрев на Жнею, Додой отпрянул. Взглянув глубоко в его глаза, она удовлетворенно улыбнулась. Разговор измотал его. Жнея знала: у него теперь будет семья, племя, место. И кроме того, он будет служить ей. Она даст ему возможность кому-то принадлежать. Ему хотелось броситься к ней, но это раскрыло бы тайну, их тайну.

Тейт перевела винтовку на Ориона. Сказитель побледнел, но сохранил самообладание.

— Это еще один шанс для нас обоих. Нам многое придется искупить, многое узнать о себе. Кто знает? Может, он тоже станет сказителем. В конце концов он может вернуться домой.

Жнея улыбнулась Додою.

Смахнув слезы, Тейт взяла себя в руки. Если Додой хотел верить Ориону, как она могла ему запретить? Да и как она могла быть уверена в том, что действительно руководствуется лишь интересами Додоя. Звездочеты и Орион предлагали ни много ни мало спокойную, оседлую жизнь. Она не могла ему предложить такого. Но тут был некоторый риск.

— Я не знаю, Додой. Тут происходят всякие нехорошие вещи. Эти люди чуть не убили нас.

— Это была ужасная ошибка. Мы с Додоем нужны друг другу. Мы сможем простить и поддержать друг друга. Он станет мужчиной, таким, каким и должны были быть я и Малый Пес. — Орион бросил быстрый взгляд на Жнею и решительно продолжал: — Вождь, который говорит о добре, но забывает, что доброта проявляется в малом, а не в большом, приносит больше всего зла.

Жнея продолжала пристально смотреть на Додоя.

Додой повернулся к Тейт. Его длинные пальцы теребили пуговицы на кожаном жилете.

— Я изменился. Я думаю, я должен остаться. Можно? Я буду себя хорошо вести, — отрывисто прошептал он.

Тейт улыбнулась, скрывая свою боль.

— Только если ты скажешь, что тебе будет меня не хватать. Ты должен подсластить эту пилюлю. — Додой обнял ее за шею. Выглядывая из-за его головы, она посмотрела на Ориона. В этом кающемся лице она увидела себя. Орион боялся, но это уже был страх осознанной ответственности. Тейт хотелось выразить ему свою симпатию. Они оба проиграли. И оба выиграли.

Когда Додой отошел назад, стараясь смотреть в землю, он на секунду взглянул на Жнею. Она теперь выглядела по-другому — удовлетворенно. Тейт одновременно плакала и улыбалась. Она поцеловала его в лоб.

Уже отправившись вслед за Орионом, Додой почувствовал какую-то слабость,

неуверенность. Он не повернулся, чтобы помахать на прощание. Орион положил ему на плечо руку. Стараясь подладиться под огромный шаг своего нового спутника, Додой пошел навстречу своей новой жизни.

Тейт упала в объятия Налатана. Оба они сотрясались от ее рыданий.

Жнея нагнулась, делая вид, что поправляет стремя. Ее плечи тряслись в беззвучном смехе.

Посмотрев на нее, Ланта еле слышно пробормотала:

— Кое-кто многим пожертвует, не желая смириться с тем, что Цветок может восторжествовать. — Эти слова оставили у нее во рту неприятный привкус.

Глава 110

Услышав заунывный вой волка, лошади, принадлежащие братству Опалов, всполошились. Они занервничали, начали беспокойно ржать и бить копытами. Но люди, собравшиеся вокруг огромного пылающего костра, не обращали на это внимания.

Тейт отрицательно покачала головой в ответ на предложенную Налатаном руку. Слезы на ее щеках блестели, словно звезды на ночном небе. И все же ее лицо сохраняло гордое и надменное выражение, черты заострились, казалось, что наложенная Сайлой повязка сильно натянула кожу на ее лице.

Несмотря на то что внешне она стоически восприняла смерть Танно, душа ее была полна горя по утерянному другу. Ее скорбь по собаке была подобна скорби воина по погибшему товарищу, печали по потерянной дружбе.

Несмотря на то что Жнея все время находилась под прицелом «вайпа» Конвея, она была совершенно спокойна и мысли ее витали где-то далеко. Только раздавшийся в темноте барабанный бой на мгновение вывел ее из задумчивости. Настойчивый и тревожный, он напоминал биение сердца. Пламя костра, подымающееся высоко в небо, освещало дорогу между лагерьем и деревней.

Заметив отблеск, Тейт сказала безо всякого сожаления:

— Звездочеты сжигают погибших.

— Да, жгут людей, — проговорила Жнея. — Святой обряд.

— Они оба не стояли даже лапы Танно. Малый Пес убил его. А я убила Малого Пса. Явно неравноценный обмен.

Сайла заметила быстрые, заговорщические улыбки, которыми обменялись Конвей и Налатан. В их взглядах смешались гордость и мрачное веселье воинов. Боясь оскорбить мужчин, она сделала вид, что ничего не заметила. Сайла завидовала не безрассудной решимости Тейт мстить, а тому, что мужчины принимают ее как равную. В душе Сайла знала, что никакая женщина никогда не любила мужчину больше, чем она любила Класа на Бейла. Но Доннаси Тейт была той женщиной, которая, хотя и не знала Класа достаточно хорошо, понимала его так, как не понимала его даже она, его жена. Когда Тейт была в хорошем расположении духа, она была интересна, внимательна и доброжелательна. Просто друг. Как Клас. Когда же она была не в духе, то была вспыльчива, горяча, даже смертельно опасна. Как Клас.

Взаимопонимание между Доннаси Тейт и Налатаном было более глубоким, чем между ней и ее мужем Класом. Сайла завидовала им обоим. Но и жалела их.

— Жрица, ты идешь с нами? — спросила Жнея. — Твои друзья уже покинули нас. Да ты не слышишь меня!

Все уже собрались возле Карды и Микки, охраняющих оружие братства Опалов. Сайла со Жней отошли от Тейт и присоединились к остальным, стоявшим в крохотном круге света, который отбрасывал уже почти догоревший факел. Тейт медленно последовала за ними, заняв место между Конвеем и Налатаном. Казалось, она была где-то далеко и даже не замечала окружающих.

— Я задумалась и не слушала тебя, — ответила Жнея Сайла.

— Это и понятно. Я сказала, что мне нужен помощник.

— Я? В роли помощника? — горько рассмеялась Жрица. — Да ты же при любом удобном случае убьешь меня.

— Это мы уже обсуждали, — отмахнулась Жнея. — Сейчас мы должны либо объединиться, либо пожертвовать Церковью в угоду своему честолюбию и амбициям.

— У меня нет честолюбия. В том смысле, в котором об этом говоришь ты.

— Неужели ты не понимаешь? Я говорю о разрушении Дома Церкви, о смерти или порабощении всех находящихся там. А ты споришь о четкости определений. Не перебивай. Слушай. Я сейчас управляю Домом Церкви. И все с этим согласны. — Она сложила руки на груди, высоко подняв свою седую, отливающую серебром голову. — Или почти все. Фиалки не признают меня. Из-за этого братство Тигров тоже колеблется. Они присягнули на верность Дому Церкви. Но я не могу доверять им. И только братство Опалов и мои немногочисленные Коссиары повинуются мне.

— Мое братство больше не будет подчиняться тебе. Хватит, — возразил Налатан. — Твои шпионы отравили нас, когда мы заявили, что не будем более поощрять твою жадность. Братства Тигров и Опалов тоже должны отказаться от тебя.

Не отреагировав на его слова, Жнея обратилась к Сайле:

— Летучая Орда уже на подступах к нашей твердыне. С каждым днем их разведывательные отряды подбираются все ближе и ближе к Дому Церкви. Я предлагаю заключить временное перемирие. Фиалки будут поддерживать меня, если Цветок попросит. Более того, Фиалки, так же как и мы, знают, что Ланта должна быть Единственной. С поддержкой братств Опалов и Тигров и с оружием-молнией Дом Церкви будет неуязвим и неприступен.

— Моя цель — Врата, — ответила Сайла. — А что касается тебя... Ты раскалываешь Церковь, ты разрушаешь ее. И если все отвергнут тебя, как это сделала я, то вполне возможно, что Летучая Орда окажется той силой, которая сможет преобразовать, а не разрушить ее.

Сайла ожидала вспышки гнева в ответ на свои слова, но вместо этого Жнея лишь пристально посмотрела на Жрицу. Выражение ее лица постепенно, чуть заметно стало смягчаться. На нем даже появилось что-то похожее на улыбку. Улыбку печали. Но Сайла была уверена, что в глазах Жнеи блеснуло и тут же погасло что-то еще. Что-то похожее на мимолетное воспоминание, нежданно вырвавшееся из самых потаенных уголков ее сердца. Все это было совсем не похоже на обычное поведение Жнеи, и это зрелище заставило Сайлу внутренне содрогнуться.

— Тебе нечего больше сказать? — спросила она.

— О, я еще многое должна сказать тебе, Избранная, — ответила Жнея после короткого размышления. Она остановилась, освобождаясь от овладевших ею воспоминаний, а затем продолжила с присущей ей твердостью и решительностью: — Ты говорила о своей судьбе. Так вот, ты ничего не знаешь о своей судьбе. Она решила в ту ночь, когда рабы вывалили тебя из корзины перед моей сестрой. Грязную. Мерзкую. — Внезапно вспыхнув злобой, она рванулась вперед так стремительно, что товарищи Сайлы встревоженно подхватились. Жнея же продолжала, погруженная в свои мысли и ощущая только присутствие молодой Жрицы. — Да, Сайла, тебя бросили на пол словно кучу отбросов. И моя сестра выбрала тебя.

— Моя настоятельница? Настоятельница Ирисов? Она выбрала меня?

— Да, и никто другой, — повернувшись к Сайле фыркнула Жнея, и губы ее растянулись в отвратительной, притворной улыбке. И вдруг истерический хохот сотряс эту женщину. — Ты все еще слышишь его, не так ли? И ты не удивлена? — продолжала она. — Настойчивый голос, который направляет тебя на поиски Врат, который поддерживает тебя, когда все кажется потерянным, и который ругает тебя, когда ты колеблешься. Ты думаешь — это судьба? Как бы не так, это — настоятельница. Ее голос, ее решения и ее желания — все это тщательно заложено ею в твоём подсознании с помощью методов, разработанных ею же. Методов, противных природе Церкви. Она лично встречалась с нашей дорогой, но уже

мертвой, Сестрой-Матерью и с этой слабоумной ведьмой, которая называла себя Единственной. И все тайны, в которые они были посвящены, и все знания, которыми они владели, умерли вместе с ними. А что касается тебя, то у тебя никогда не было судьбы. Ты Избранная. Ты — собственность. Нет, хуже. Твое мнение — это результат чужих мыслей. Ты — вещь.

— Нет. — Это слово лишило Сайлу последних сил. Нервы ее натянулись, как тетива. И, не выдержав такого напряжения, она, потеряв сознание, стала безвольно оседать на землю.

Ланта вовремя подхватила Сайлу, защищая ее своим телом.

— Ты старая, глупая женщина, ослепшая от жадности. — Неуклюже развернувшись, она говорила со Жней через плечо. — Сайлу привели к настоятельнице Ирисов. И настоятельница прекрасно понимала, что она верна и предана и без всяких сомнений достойна обучения. Настоятельнице нужен был Цветок. Нужен для Церкви. Тебе же нужна только власть. Сайла гораздо совершеннее любой из нас. И у нее есть не только ее собственный опыт, но и мудрость многих.

Не обращая внимания на негодование Ланты, Жнея всматривалась в лицо Сайлы.

— Да, Сайла, — ядовито произнесла она. — И немного о тебе лично. Ты действительно настолько чиста? Неужели у тебя нет ни единой мысли о том, чтобы самой воспользоваться тайной, скрывающейся за Вратами? И ты никогда не задавала себе вопрос, что же ты получишь в результате всего этого? О, да, Сайла. Я знаю о твоём драгоценном принципе. И намного, намного больше, чем ты думаешь. И не надо изображать из себя оскорбленную невинность. Посмеешь ли ты поклясться своим друзьям и Вездесущему, что ты воспользуешься этой тайной исключительно для всеобщего блага, не оставив ничего для себя? Посмеешь ли ты поклясться? Посмеешь ли? — Жнея все ближе и ближе придвигалась к Сайле.

Осторожно, как если бы ее кости вдруг стали хрупкими, как стекло, а мышцы бессильными, Сайла высвободилась из заботливых рук Ланты. Разбитая словами Жнеи, испуганная этим призывом признаться в терзающих ее сомнениях в собственной неподкупности, Сайла выпрямилась. Как во сне она сделала несколько шагов назад. Ланта что-то говорила ей, успокаивала и утешала, но Жрица ничего не слышала. В памяти у нее звучало лишь сказанное когда-то Лантой: «Твоя воля — это не твоя судьба». А сейчас оказалось, что даже ее судьба на самом деле дело рук других людей.

Сайла почувствовала, как холод постепенно пронизывает ее тело. Все услышанное страшно угнетало ее, и только сейчас Жрица Роз поняла, как устала.

Ланта встряхнула ее за плечи. Сайла удивленно посмотрела на нее. Миниатюрное личико Ланты сейчас было повернуто к той, которую она так яростно защищала.

— Сайла, послушай меня. Жнея не учла один факт, очень важный факт. Пророчество Цветка существовало поколениями. Жрицы рождались, жили, умирали, и их было много. Но не одна из них не была Цветком. Ты же была рождена для того, чтобы быть им. Попытайся найти Врата. Используй для этого всю свою силу и мужество. Твое сердце подскажет тебе. Веди нас. И даже если ты потерпишь неудачу, мы будем вспоминать о тебе с уважением и почтением. Мы, наши дети и внуки, будем помнить твою верность и преданность. Если же ты поддашься коварным козням, послушаешь эту предательницу и проявишь слабость, то имя твое навеки будет проклятием для всех нас. — Выражение мольбы на ее лице исчезло. — Эти мои последние слова... — твердо произнесла Ланта. — Решай.

Ужасный шум заполнил голову Сайлы. Низкий, тяжелый, он напоминал удары волн, бьющихся о непокорные скалы. И еще она почувствовала, что уже не боится. Ужас, вызванный откровениям Жнеи, начал проходить. Сайла задумалась: была ли такая реакция на слова Жнеи заложена в ее подсознание настоятельницей Ирисов? Поразмыслив, она пришла к выводу, что это не должно ее тревожить. Ей вообще не стоит беспокоиться о подобных вещах. Ланта была права. Настоятельница Ирисов не управляла ею, она лишь усовершенствовала ее. И вообще, какое все это имеет значение?

Цветок был избран.

И Цветком была Сайла.

— Я — Цветок, — немного придя в себя под тяжелым взглядом Жнеи, решительно произнесла она. — И я выполню все, что в моих силах. Чего бы мне это ни стоило. Цветок нужен Церкви. И Врата откроются лишь перед Цветком. Я сделаю все, что должна.

— Впервые в истории Дом Церкви может пасть, — отвернувшись, чтобы не видеть Сайлу, произнесла Жнея глухим, напряженным голосом. — И если это случится, то неверующие войдут в нашу твердыню. Сестры наши будут убиты прямо в своем святилище. И если это должно стать моей судьбой, то я умру там.

— Если это будет угодно Вездесущему.

— Церковь предала сама себя, — повернувшись к Конвею и Тейт выдохнула Жнея. — Я взываю к милосердию чужестранцев.

И Конвей, и Тейт, не сговариваясь, отрицательно покачали головами.

— Я буду бороться с тобой так же, как борюсь со Жрецом Луны, — добавил Конвей.

— Так вы хотите борьбы? Хорошо, вы ее получите! — Жнея резко засмеялась. — Знайте же, когда Летучая Орда займет Сушь, они обыщут каждую расщелину, заглянут в каждую впадину, обследуют каждую вершину — они найдут вас. Мы же предлагаем вам убежище и защиту. Дом Церкви обеспечит вам приют, кров и сохранит ваши жизни. Вне наших стен Жрец Луны настигнет вас, подбираясь так же хладнокровно, как его змеи подбираются к ничего не подозревающему кролику. Что же касается Дома Церкви, то тут Летучая Орда способна только на осаду. Если братство Тигров предаст нас, то мы не сможем оказать сопротивление и будем разбиты. И тогда все силы, которыми кочевники располагают, будут брошены против вас. И против Цветка. Независимо от того, владеет ли она тайной Врат или нет, она будет оставаться последней надеждой Церкви. Они не смогут позволить себе оставить ее в живых.

Не в силах вынести установившегося гробового молчания, Ланта отвернулась, наблюдая, как поднимается тепло от потухшего погребального костра Танно. Темнота придавала зловещий вид даже самым обычным предметам. Кусты на дальней стороне насыпи словно в мольбе протянули вверх свои опаленные, лишённые листьев ветви, похожие на вытянутые руки скелета.

Потери.

Танно мертв. Додой брошен.

Конвей и Тейт отвергли Дом Церкви.

Братство Тигров и Фиалки скорее оставят Церковь, чем придут к согласию со Жней.

Ланта, которая должна была стать Единственной.

Камень Истины.

Кто-то должен потерять больше всех.

Даже наиболее подверженная злу, та, которая толкает на преступление саму Церковь, должна быть умиротворена, если это необходимо для того, чтобы Цветок мог одержать победу.

Приняв решение, Ланта повернулась к остальным. Долго и внимательно всматриваясь в лицо Конвея, она изучала линию его рта, вьющиеся волосы, выглядывающие из-под воротника. Когда он шевельнулся, Ланта быстро отвела взгляд, пытаясь найти глазами Жнею. Это не составило большого труда. Та смирила ее взглядом.

— Если Фиалки присоединятся к тебе, братство Тигров выступит в защиту Дома Церкви?

Жнея на некоторое время погрузилась в размышления, пытаясь угадать, что же задумала Ланта.

— Да, — бросила она настороженно.

Ланта прекрасно осознавала опасность ловушки, прозвучавшей в этом единственном слове. Пути назад не было, но она все же попыталась в последний раз уклониться от своего плана.

— Есть ли кто-нибудь еще, кроме Цветка, кто сможет привлечь на нашу сторону

Фиалок? Существует ли какой-нибудь другой способ сделать это? — спросила она с надеждой.

— Почему ты хочешь помочь этой убийце? — прервала ее Сайла.

— Наши сестры не должны умереть, — заставив себя смотреть только на Жнею, ответила Ланта. — И если Дом Церкви отвлечет на себя все силы Летучей Орды, у Цветка появится возможность найти Врата.

— Мы не можем ничего с этим поделать. — Сайла была ужасно рассержена упорством Ланты. — Даже если Летучая Орда будет разбита, то нами займется Одил. Я уже достаточно хорошо изучила ее характер. Смертельная борьба между нами продолжится, а ты хочешь вложить в ее руки оружие, которым она нас затем сокрушит.

— Мы боремся не против добродетельной и непорочной Церкви. — Незаметно пошарив под рясой, Ланта нащупала Камень Истины, висевший на золотой цепочке. Ей показалось, что он завибрировал в ее ладони. Перед ней появился яркий образ Сайлы, отдающей Джессака. Отогнав от себя эту мысль, она позвала вождя братства Опалов, который выступил вперед вместе со своими бойцами. Сжимая одной рукой Камень Истины, она подняла взгляд на подошедшего к ней монаха-воина. — Братство Тигров присягало в верности Церкви, а не лично Сестре-Матери. А Опалы?

Это был не простой вопрос, и мужчина нахмурился. Среди сопровождавших его монахов наступила мертвая тишина.

— Опалы не отвечают перед целительницами, маленькая жрица, — прочистив горло, после довольно продолжительной паузы, сказал он. — Мы...

— Мы в гневе, — язвительно прервала его Ланта. Эти слова шокировали монаха, и он застыл в изумлении. — Сейчас я узнаю твой ответ и твою душу, — более жестоко, чем когда-либо, решительно продолжила она. — Скажи, что ты думаешь. Говори. Раскрой свою душу, прямо сейчас. Ради истины.

— Церковь, сестра, — избегая пристального взгляда Жнеи, выпалил монах. — Опалы живут и умирают только ради Церкви. Не ради кого-либо из людей.

— Хорошо. Вы все свидетели. Для сохранения Церкви, а не ради службы Жнее, Жрица Фиалок — товарищ Цветка делает это. — Достав талисман, Ланта протянула сжатую в кулак руку Жнее. Драматичным жестом она раскрыла его, показав лежащий на ладони аметист. — Дом Церкви будет спасен. Цветок позаботилась и об этом.

Даже в неярком свете оплывшего факела смертельная бледность Жнеи бросалась в глаза. Схватив Камень Истины, она стала пристально его разглядывать, пока не увидела волшебный знак в глубине. Прижав его к груди, она закрыла глаза, на ее лице отразилось страдание. Она издала такой резкий и пронзительный крик, что собаки, которые лежали рядом, подняли головы и стали водить ушами. Замолчав, она согнулась так, что подбородок почти касался колен. После некоторой паузы она приглушенно, сквозь зубы заговорила:

— Ты насмехаешься надо мной. Отягощаешь каждый мой вздох, поручив мне Джессака и его проклятое имя. Вручила мне Камень Истины, зная, что этим подарком ты уничтожишь мой триумф. Все будут говорить, что Ланта, друг Цветка, во имя Цветка же спасла Дом Церкви.

Она встала, пошатнувшись. Воин из братства Опалов попытался помочь ей. Но она сама обхватила его плечо рукой. Силы стали возвращаться к ней.

— Ты хочешь, чтобы Церковь узнала, чем я обязана тебе. Да будет так. Пойми же, что Сайла была права. И после Летучей Орды следующим твоим врагом и врагом всех вас стану я. Я буду преследовать вас до самой смерти. Запомните мои слова.

И долго еще, после того как затих стук копыт лошади, увозившей Жнею, вокруг факела никто не решался произнести ни слова.

Только волк продолжал свою песню.

Вдруг Налатан указал на гребень горы. Вдалеке показалось неуверенное мерцание факела, кто-то приближался. Но подходившие были скрыты от глаз все еще стоявших в молчаливой растерянности людей.

— Наконец-то они набрались храбрости и решили напасть, — заметила Тейт и вставила патрон в «буп».

Конвей сделал то же самое. Все отошли подальше от света.

Постепенно мерцание становилось все ярче и ярче. Наконец появилось пламя.

— Только один человек? — с удивлением спросила Сайла у Налатана.

— Или кто-то, чтобы отвлечь наше внимание.

— Я скоро вернусь, — сказал Конвей, кликнув собак. Шорох поглотивших их кустов вскоре замер, утонув в мертвенной тишине ночи.

Это был Орион. Оставаясь невидимыми, они наблюдали за ним. Орион был невозмутим. Подойдя, он поставил свой факел возле старого, уже почти потухшего и издающего последнее предсмертное шипение факела.

— Я один, — объявил он в окружающую его тишину. — Я поговорил со всеми наиболее влиятельными воинами нашего племени. Не бойтесь, вас не потревожат.

Он съежился, когда перед ним неожиданно выросла Микка, и не смог сдержать испуганный крик, когда, попятившись назад, наткнулся на Карду. Конвей возник из темноты, вешая на плечо свой «вайп».

— Он действительно один, за ним никого нет, — сказал Конвей, присаживаясь около Ориона. Все остальные вернулись на свои места.

— Жнея ушла? — От удивления глаза Ориона расширились.

Сайла рассказала ему обо всем, что случилось, а Ланта добавила, что нашелся Камень Истины.

— Ничто не значило так много для Ланты, как Камень Истины, — сказала в заключение Сайла. — Мне не хватает слов, чтобы выразить всю свою любовь и признательность моим друзьям за то, что они сделали. — Взяв руки Ланты в свои, Сайла окинула взглядом своих друзей. Глядя, как Конвей смотрит на Ланту, ей захотелось сказать ему, что она понимает его боль, его страдания, которые он делил с маленькой провидицей. Но Сайла прекрасно понимала, что любое слово, любой намек может нанести непоправимую рану рождающимся чувствам. Она могла только надеяться.

— Я пришел рассказать вам то, что я видел и слышал. — Нервно кашлянув, Орион обратился к Сайле: — Во времена Учителей племя Звездочетов было наиболее известным и почитаемым из всех племен.

Тейт тяжело вздохнула.

Орион виновато взглянул на нее и продолжил:

— Мы гордились равенством в нашем обществе. Звездочеты ненавидели войну и, если это было возможно, всегда шли на компромисс. И мы были великодушны к побежденным. Мы предлагали убежище угнетенным из других племен. Легенды говорят, что у Звездочетов находили прибежище остатки целых народов, преследуемых врагами, которые потом, через некоторое время, становились частью нашего племени. Из-за постоянных войн нам пришлось уйти с насиженного места. Наш вождь привел нас сюда, в Сушь, обучил нас орошать и использовать эту землю. Дом Церкви существовал еще до нашего прихода сюда. Но, узнав друг о друге, мы стали действовать заодно. Налатан говорил тебе, что наши воины стали первыми монахами братства. Но даже он не знает, что многие из наших женщин были Учителями.

Сайла и Ланта осенили себя Тройным Знаком. Признание связи с Учителями, даже через столько поколений, было самоубийственным.

— Когда по миру прокатилась волна гонений на Учителей, племя Звездочетов не смогло им помочь, — рассказывал дальше Орион. — Среди нас были предатели. — Он ненадолго замолчал. — Однако ни один человек из нашего племени не участвовал в истреблениях. Ни один. Звездочеты укрывали в течение нескольких лет небольшую группу Учителей. Потом они были преданы. Легенда говорит, что наше племя решило: оно не может противиться ветрам перемен. Учителя бежали в горы. И только один человек дрался за них. Но его убили. Учителя скрытно передали свои реликвии нашему старшему сказителю. Когда

он умирал, то сказал, что кто-то должен прийти за ними. И с тех пор сказитель нашего племени ждет. Мы — я — храним реликвии в священной надежде. Про них не знает даже вождь. Старший сказитель должен был передать их... — он заколебался. — Я должен был передать их Малому Псу. Когда-нибудь.

— Что они собой представляют? — спросила Сайла. — Где они? — Снова появившись в ее подсознании, Голос торжествующе рассмеялся.

— Немногие знают, насколько жестокими были великие гонения. Для того чтобы избежать обвинения в укрытии Учителей, Звездочеты изменились. Мы стали обращаться с нашими женщинами так, как это делали другие племена. Мы стали воинами и признали войну. Хотя старший сказитель всегда знал правду, никто до сих пор не боролся за возвращение на истинный путь. Из-за этого я потерял того, кто был для меня дороже всего на свете. Мои люди снова изменятся. Мой долг — позаботиться об этом.

— Реликвии! — напонила Сайла с нетерпением. — Расскажи мне. Пожалуйста.

Орион что-то поискал в своем жилете и вытащил прямоугольный кожаный пакет, перевязанный грязным потрепанным шнурком. Открыв его, он проговорил: — Учителя сказали, что его получит тот, кто принесет в наш мир весну возрождения.

Сайла в нетерпении перебирала пальцами, ей не сиделось на месте. Сейчас голос был переполнен счастьем, золотая песнь, простая мелодия радости.

В этом пакете были завернуты две вещи. Ветхий, почти превратившийся в лохмотья листок бумаги и полированный предмет из стали, который был размером с руку человека и напоминал собой вилку с тремя длинными неровными зубцами. Средний зубец был длиннее боковых. Полированная деревянная ручка была немного толще, чем металлические штыри.

Не успел Орион развернуть бумагу до конца, как Ланта, пронзительно крича, резко отступила, натолкнувшись на Конвея. Лишь осенив себя Тройным Знаком, она вернулась назад.

Сайла же не сдвинулась с места. Она захотела дотронуться до этой бумаги, которая выглядела сейчас, словно разноцветный квадрат.

— Здесь что-то написано, — сказала она с огромным интересом. — Значит, Учителя владели письменностью. И числа. Смотрите. Там. И там. И здесь. Всюду. Слова. Числа. Священные знаки. Везде. О, Учителя! — Ее голос дрогнул. Благоговейно она осенила себя Тройным Знаком, затем подошла к Ланте. — Не бойся. Никто не может причинить нам вреда. Только наши друзья знают, что мы рассматривали бумагу древних времен. Это изумительно. Ты только подумай, много поколений назад Учителя держали эти вещи в своих руках. Читали их. Пользовались ими вместе с другими Учителями.

Тщательно свернув бумагу, Орион положил ее на старое место и закрыл пакет.

— Ты это видела? — Конвей осторожно подошел к Тейт.

Она кивнула в ответ.

— Космический снимок, масштаб один к пятидесяти, сделан на воценой непромокаемой бумаге. Расширенная компьютером цветовая гамма, отпечатано на лазерном принтере. Кто-то очень часто им пользовался. Надписанные от руки азимуты, опорные точки. Напечатанный снизу текст описывает все модули, идентификатор штаба и уровень систем безопасности. Проблема состоит в том, что невозможно соотнести этот снимок с местностью, не зная исходных данных. Может быть, ты их видел?

— Нет. И чего я не могу понять, так это того, что здесь делает этот странный трезубец.

— Посмотри на Сайлу, — кивнула Тейт. — Она на вершине блаженства, приятель. Держу пари, что завтра мы будем искать холмы, изображенные на этом снимке.

— И спорить не о чем. Ты готова?

Тейт удивила его, оглянувшись, чтобы найти Налатана, прежде чем отвечать. Когда она снова повернулась к нему, ее слова «на вершине блаженства» сами собой повторились в его сознании, и Конвей в который раз удивился тому, как в одном человеке смогли ужиться такая резкость, иногда даже грубость, и столько любви. Конвей услышал, что она согласна. Он машинально улыбнулся, поскольку знал, что должен был это сделать.

Его мысли были далеко. Они были с Лантой. Он знал, что они теперь всегда будут с ней. Хотя она и отвернулась от него.

Глава 111

Сайла беспокойно переминалась с ноги на ногу позади Тейт и Конвея. Тейт держала снимок. Сайла заглядывала ей через плечо. Не в силах сдерживать нетерпение, она вцепилась рукой в Доннаси.

— Ну что, это здесь? Должно быть здесь. Мы ведь совсем рядом, да?

Тейт обернулась. Сайла была измучена, глаза ее покраснели. Напряжение обострило черты лица, состарило ее.

Доннаси коротко кивнула:

— Да, я в этом почти уверена. Мы в двух сутках быстрой езды от Звездочетов; Орион говорил, что, по преданию, Учителя рассказывали, что живут они именно на таком расстоянии. Основные ориентиры тоже совпадают. — Тейт вытянула руку. — Вот гора с седловиной, а вон та дальше — с горбом. Не знаю, где там Врата, но находимся мы здесь. — Она ткнула пальцем в карту. Стоявший рядом Конвей кивнул в знак согласия.

Сайла состроила гримасу.

— Теперь, когда вы рассказали мне про эту бумагу, она пугает меня не меньше, чем Ланту. Почему эти черные линии опутали землю? Почему здесь такие яркие цвета? И откуда можно знать, как выглядит мир с небес, с Верхнего Мира?

— Дар Учителей не может нести зло, — ответила ей Тейт.

— А что это за железная штука? Мне она тоже непонятна. — В ее косом взгляде, брошенном на Тейт и Конвея, был какой-то вызов. Однако тут же Сайла отвернулась, явно недовольная собой. Это все от переутомления. Радость, с которой были встречены эти предметы из прошлого, обернулась в подозрительность.

Восхищение друзьями сменилось недовольством и раздражением, пыл и рвение превратились в нетерпение.

Ощущение близости Врат переполняло Сайлу. Голос звучал, не умолкая. Слов не было — все та же радостная музыка. Когда ей удавалось задремать, ее бесцеремонно будило бессмысленное ощущение счастья.

Иногда посреди этой музыки коварным злобным лицом дьявола ей являлась мысль о безумии.

Сайле хотелось запрокинуть голову и заорать на эти молчаливые равнодушные горы. Столько пройти, столько рискнуть и все для того, чтобы в конце лишиться разума?

Боковым зрением она уловила движение. Карда поднял голову, всматриваясь в даль.

Развернув лошадь, Налатан поскакал назад по дороге, по которой они ехали. Он спешил и стал взбираться по склону. Продвигаясь так, чтобы его фигура не была видна на фоне неба, он скрылся среди нагромождения скал. Вскоре он появился вновь, подбежал к своей лошади и погнал ее галопом навстречу товарищам.

— Кочевники. Трое. Осматривают наши следы у ручья.

— Значит, нам нечего опасаться? — спросила Сайла.

Налатан стал терпеливо объяснять:

— Орион сказал, что это запретная земля. Вряд ли бы воины из Летучей Орды что-нибудь здесь вынюхивали, если бы не считали это крайне важным. Они нашли следы пятерых всадников и двух собак. И поскакали за помощью.

Голос Сайлы прозвучал чересчур резко:

— Да откуда ты знаешь, что они не одни?

— Знаю. С ними не было выючных лошадей, а у них с собой никаких припасов. Это значит, что остальные совсем рядом.

Ударив каблуками Рыжика, Сайла подумала, что совсем потеряла голову. Ей надо взять себя в руки и найти мужество извиниться.

Ее догнала Ланта.

— Мы все понимаем, — сказала она и неожиданно для Сайлы улыбнулась. — Все знают, что цель рядом. Это так тяжело для тебя.

Прежде чем Сайла смогла что-либо ответить, все переживания и тревога выплеснулись неудержимым плачем, у нее перехватило в горле, из глаз потекли слезы. Она наклонилась вперед, не в силах сдерживать рыдания.

Ланта подставила подруге плечо, чтобы та смогла на него опереться. Обе женщины перестали следить за тем, куда они едут. Трое их спутников были полностью поглощены опасностью возможной погони. Никто не обратил внимания на то, что Сайла и Ланта покинули главную долину и оказались в узком каньоне. Подняв глаза, Сайла увидела, что они едут по узкому проходу, ведущему из главной долины в окруженный крутыми склонами тупик, похожий на воронку. Растерявшись, Жрица резко натянула поводья. Рыжика от неожиданности бросило в сторону. Чтобы не выпасть из седла, Сайла ухватила за Ланту и потащила ее за собой. Лошадь Ланты поднялась на дыбы, сбросив на землю лекарскую сумку своей хозяйки.

Сумка ударилась о большую скалу и отлетела вперед. И вдруг та вспыхнула.

От огромного валуна с треском отлетали осколки камня. Камень плавился, оглушительно шкворча, словно жарившийся бекон. Над остекленевшей ямкой подымался серо-голубой дымок. Нос и глаза разъедала едкая вонь жженой земли. Из отверстия на боку лежавшей на земле кожаной сумки било пламя и валил дым.

Арьергард группы спешил на помощь Жрице. Первой подроспела Тейт. Продолжая успокаивать дрожавших, но неврежимых женщин, она внимательно осматривала следы происшедшего. Рядом осаждали лошадей мужчины.

— Что случилось? — спросил Налатан. — Зачем вы сюда забрались?

— Случайно. — Тейт схватила Конвея за руку, стащила его с лошади и отвела в сторону. — Посмотри на сумку. И скалу продырявило. Не могу поверить, что такое может быть.

Раздался уверенный голос Сайлы:

— Нас пытался убить дракон. Ланту и меня. Чувствуете запах его дыхания?

Налатан осенил себя Тройным Знаком.

Тейт снова развернула карту.

— Посмотри, видишь этот круг? Это прямо здесь. Теперь смотри на край карты. Числа. Азимуты, Мэтт. Следи, куда ведет первый. Прямо к этому валуну, видишь? Линия зрения упирается в прожженную ямку.

Словно во сне Сайла обвела рукой долину.

— Это место из моего пророчества. Я пришла к Вратам.

Конвей догадался.

— Лазер. Прошил сумку с содержимым и ударил в скалу. Невероятно. — Мэтт прошел немного вперед и остановился как вкопанный. В нескольких ярдах слева от дымившейся лекарской сумки были заросли высокой полыни. Старые перекрученные стебли росли среди разбросанных костей. Взгляд Конвея наткнулся на оскалившийся человеческий череп. Рядом лежали кости поменьше, виднелась ржавая лопата, меч и куча кремниевых наконечников от стрел.

Рядом раздался голос Налатана.

— Кости эти старые, как мир, Мэтт Конвей. И здесь не только человеческие. Вон койота. Птицы, кажется, канюка. Гиблое место. Легенда была права.

Конвей медленно продвигался вперед. Вдалеке, на возвышении в конце долины что-то тоже перемещалось. Громким шепотом Конвей обратился к Тейт:

— Видишь? Вон там повыше, слева за уступом. — Он бросил вперед небольшой камень. Описав в воздухе дугу, камушек ударился о землю и отскочил в сторону. Ничего не произошло. Нахмурившись в нерешительности, Конвей подобрал камень побольше и изо всех сил швырнул его вверх.

Что-то ударило в камень, выбивая из него с воем разлетавшиеся осколки, и Ланта пронзительно закричала. Камень упал, с его поврежденной поверхности шел дым. Изумленные путники молча смотрели на булыжник, который потрескивал, словно разговаривая сам с собой.

— Точно, лазер, — сказала Тейт.

— Автоматический. Управляется датчиком. Но кто это все устроил? — Конвей явно недоумевал.

— Дракон. — В спокойном голосе Сайлы не было ни малейшего сомнения. — «Убивает огненным взглядом» — так говорится в легенде. Настоятельница Ирисов не верила, и здесь она ошибалась. А в остальном, все так, как она и говорила. Врата где-то совсем рядом. Идем же.

С улыбкой на губах она прошла мимо Конвея.

Заметив вдалеке движение, он схватил Сайлу и потащил ее назад.

После секундного сопротивления Сайла остановилась. Когда она взглянула на Конвея, он почувствовал произошедшие в ней изменения и медленно разжал руки. На щеках у Сайлы вспыхнул румянец. В глазах появилось какое-то озорство.

— Я веду себя глупо. Вера должна подкрепляться хоть каплей здравого смысла, верно? — Она прислонилась спиной к прохладному камню, скрестив поудобней ноги и опустив руки ладонями вверх на колени. Затем она прислушалась к песне, звучавшей в ней и погружавшей ее в этот отбиравший разум экстаз.

Глупая повторявшаяся музыка накатывала волнами, терзала ее волю. Наконец она затихла. Возвращение к медленным привычным ритмам тела было наслаждением. Она успокоилась, расслабилась.

Она была одна в своей рощице, где сквозь тенистые кроны невообразимо высоких деревьев пробивались лучи солнца.

Разум снова вернулся к ней.

Долина не была такой уж неприступной. Цветок должен открыть Врата. Где-то есть ответ. Она не смогла найти его, потому шла на поводу у чувств, не думала.

Учителя оставили предметы из прошлого у Звездочетов с тем, чтобы ими могли воспользоваться. Эта штука, которую Конвей и Тейт называют то снимком, то тактической картой, привела их сюда. Однако никто из них двоих не был Цветком; им дано было видеть, но не понимать.

Чтобы овладеть могуществом Врат, требовалась вера. Нужные ответы существовали, но найти их было дано не каждому. Для того чтобы открыть Врата, надо было рисковать собственной жизнью. Учителя оставили ключ, но воспользоваться им сможет тот, у кого достанет мужества и понимания.

Ключ.

Сайла мгновенно очнулась и вскочила на ногу.

— Ключ!

Друзья пристально смотрели на нее, опасаясь новых приступов душевного расстройства. Лицо Сайлы осветила, как она надеялась, успокаивающая улыбка. Она достала из глубокого кармана платья металлический трезубец и стала размахивать им над головой.

— Магия Учителей подсказывает мне, что Врата здесь. Мы пока всего не понимаем, но вскоре пойдем. С помощью этого. Это — ключ от Врат.

В голосе Тейт звучали нотки снисходительности.

— Может быть. Но где же сами Врата?

Сайла выглядела блаженно беззаботной.

— Я знаю, вернее, я чувствую, что знаю. — Она рассмеялась, желая, чтобы все присоединились к ее веселью, беззаботной радости полного успеха. — Ответы есть, только я слишком глупая, чтобы их увидеть. Но мы найдем их.

Карда и Микка зарычали и помчались вместе к устью каньона. Все замолчали. Налатан закрыл глаза и стал прислушиваться.

— Много лошадей. Скачут во весь опор.

Музыка вновь зазвенела в голове у Сайлы, неся в себе тот же восторг. Сайла уже ненавидела ее. Подняв руки, она закрыла уши ладонями. Ланта с тревогой подбежала к ней, и Сайла улыбнулась ей с благодарностью. Но голос выдавал вновь охватившую ее тревогу.

— Неужели нам надо было столько пройти, чтобы потерпеть неудачу? Почему моя настоятельница оставила меня всего в одном шаге от успеха?

— Это испытание. Самое трудное. И не только для тебя, но для тех, кого ты выбрала помогать тебе. Мы все победим или все проиграем.

— Причем очень быстро. — Это был снова Налатан. — Времени почти не осталось. Твоя настоятельница установила очень жесткие правила.

Конвей и Тейт зарядили свое оружие, лязг металла эхом отзывался в каменном молчании древнего каньона. Эти звуки лишь усилили бушевавшую внутри Сайлы музыку. Она повернулась к Ланте:

— Эта мелодия мешает мне думать. Я не могу сосредоточиться. Она меня доконает. Мне надо слушать команды.

— Музыка? — переспросила Ланта. — Ты слышишь музыку?

— Не совсем. Всего несколько нот — дам, ди, да.

С расширившимися испуганными глазами Ланта подняла вверх три пальца. Не произнося ни слова, она показала на трезубец в руке Сайлы.

Сайла посмотрела на Ланту, затем мимо нее, мучительно постигая смысл ее жеста. Наконец у нее вырвался крик радости, эхом прокатившийся по долине. Звук этот вызвал какое-то едва уловимое движение на склонах холмов и странные вспышки света, абсолютно неуместные в этой запыленной иссушенной местности. Конвей и Тейт обменялись беспокойными взглядами. Налатан, заметивший последствия крика, сжал рукоятку меча и встал перед Тейт.

Уверенной, свободной походкой Сайла направилась к невидимому, таящему опасность месту. Она подняла ключ.

— Этот ключ откроет Врата, откроет нам путь к их тайнам. — Подняв с земли булыжник, Сайла ударила им по трезубцу. Три ноты прозвучали единым аккордом. Но в ярком солнечном свете вибрации каждого тона сверкали ослепительными нитями.

Зловещие вспышки на склонах холмов погасли. Сайла направилась вперед, произнося на ходу заклинания.

Остальные обменялись тревожными взглядами. Налатан указал на дорогу позади них.

— У нас нет выбора. Там много лошадей, много всадников. Нам лучше отправиться за ней.

Ланта была более решительной.

— Мы пойдем за ней, потому что мы ее товарищи. Потому что это наш долг.

Конвей свистом подзвал собак. Все взяли поводья своих лошадей. Конвей также повел Рыжика. Единой колонной, с Конвеем и Налатаном в арьергарде, они шли, ссутулившись и опустив головы, вслед за ликовавшей Сайлой.

— Выполнила, — сказала Тейт, глядя в спину подруге.

— Что ты сказала? — спросила, обернувшись, Ланта.

— Ничего. Так, мысли вслух. — Тейт бранила себя: ни одно слово на свете не смогло бы сильнее ранить Ланту.

— Я слышала. «Выполнила». Ты имела в виду Сайлу, ее предназначение. Ты права. — Ланта обернулась к мужчинам. — Я думала о нас с тобой. Врата уже рядом. Вскоре мы узнаем их секрет. Как-нибудь нам удастся уйти от кочевников.

Позади них у входа в долину пронзительный триумфальный боевой клич известил о приближении воинов Летучей Орды.

Вливаясь через узкий вход, кочевники заполняли долину. У Конвея екнуло в груди. Ураган. Лучшие в Летучей Орде — к его стыду. Свирепые маски никогда прежде не выглядели такими грозными.

Конвей передал поводья Вихря и Рыжика Налатану. Два выпущенных снаряда рассеяли ряды атакующих, заставив уцелевших всадников броситься к укрытиям.

Первые, пока еще не очень прицельно пущенные стрелы полетели в сторону медленно продвигавшейся группы. Сайла продолжала вести остальных за собой. Рядом с ней в землю вонзилась стрела. Она отшвырнула ее ногой в сторону. Впереди начинался резкий подъем. Справа и слева их окружали такие же крутые склоны. Ничего вокруг даже отдаленно не напоминало Врата.

Прогрохотал «вайп» Конвея. Раздался отчаянный крик, и поток стрел заметно поредел.

Страх мурашками пополз по спине у Сайлы. Не оборачиваясь, по нараставшему шуму могла она судить, что долину, из которой не было выхода, заполняет большой отряд кочевников. То, что мгновение назад было для них прибежищем, целью, превратилось в ловушку.

Услышав крик Тейт, Сайла отпрянула в сторону, едва не потеряв равновесие. Со злобным свистом стрела прошла там, где только что вырисовывался ее силуэт. Вонзившись в землю, стрела с гулом завибрировала.

— Да ищи поскорей ты эти Врата! Похоже, дело принимает скверный оборот.

Выстрелы из обоих «вайпов» несколько разрядили ситуацию.

Вспомнив о пещере, в которой он провел столетия, Конвей прокричал Налатану и Сайле:

— Смотрите, нет ли на скалах подозрительных мест! Врата замаскированы!

Недоумевающая, откуда у Конвея такая уверенность, Сайла заметила справа от себя у самого основания отвесной стены участок, который выглядел каким-то бесцветным. Она указала на него Налатану. Тот пробурчал что-то недовольно себе под нос, но отправился проверить. Пройдя всего несколько шагов, он, улыбаясь, обернулся.

— Вижу граничную линию. Это крышка. — Он прокричал о находке остальным, и все поспешили к месту открытия.

Кочевники поняли, что произошло что-то важное. Лучники умножили свои усилия. Появились метатели с пращами. Первые камни размером с кулак загудели в воздухе, осыпая землю вокруг Сайлы с товарищами. Конвей приказал собакам спрятаться в укрытии, выбор которых был около них крайне скуден.

Налатан внимательно осматривал границу маскировочного покрытия. Кто-то постарался на славу — покрытие до мельчайших деталей повторяло все изгибы находившейся под ним скалы. Налатан попытался подцепить его острием меча. Он пытался, наваливаясь всем телом, понемногу расширяя зазор по периметру подозрительного участка. Вдруг с громким хлопком покрытие отскочило от скалы.

Все увидели Врата.

С криками радости Тейт, Ланта и Конвей бросились к Сайле и Налатану.

Идеально отполированная нержавеющая сталь зеркалом сияла на солнце. Не было видно ни ручки, ни выступа; единственным изъяном на безупречной поверхности были небольшие отверстия — три ряда по три отверстия.

Сайла держала в руке ключ, растерянно разглядывая находку. Она примерила ключ к отверстиям, пытаясь понять, как его следует вставлять — горизонтально, вертикально или по диагонали. Что-то мрачно пробормотав, Конвей бросился к укрытию и выпустил снаряд по добравшимся до подножия холма кочевникам.

Чертыхнувшись, Налатан указал вниз рукой. Группа кочевников толкала перед собой в долину большой фургон. За ним, как за укрытием, тащили еще что-то. Пришел черед выругаться Конвею.

— Дело дрянь, Доннаси. Я знаю, что у них там — катапульта. Большой лук с такой же стрелой. Достанут нас здесь, как пить дать. Сайла, да пробуй ты наконец ключ! Нам надо

срочно лиять отсюда.

Позвякивая зубцами ключа о сталь, Сайла ответила:

— Я боюсь. Наверное, ключ можно вставить только одним способом. Любая ошибка может стать роковой.

— Конвей! — Громкий крик, казалось, заполнил всю долину. Эхо повторило имя еще несколько раз. — Конвей! Жрец Луны будет говорить с тобой.

Над фургоном на высоком шесте взметнулся белый флаг. Державший его воин, облаченный в роскошные чешуйчатые доспехи и высокий сверкающий стальной шлем, выступил вперед. Конвей криво ухмыльнулся.

— Лис. Час от часу не легче.

У фургона показался Жрец Луны в своем сияющем белоснежном одеянии. Наклонившись, Лис поднял брошенную лекарскую сумку. Жрец Луны осмотрел ее. Воин привлек его внимание к лежащим скелетам. Медленно поворачивая голову, Жрец Луны разглядывал мрачно нависавшие стены долины-воронки.

Конвей простонал. Встретив вопросительный взгляд Тейт, он сказал:

— Джонс псих, но не дурак. Похоже, он уже понял, что проход простреливается лазером, как и то, что мы нашли способ проскочить сюда.

Словно прочитав его мысли, Жрец Луны прокричал ему:

— Конвей, у меня для тебя кое-что приготовлено!

Выбежавший из-за фургона воин зарядил установленную катапульту. Раздался громкий хлопок. Просвистев в воздухе, стрела ударила в землю в нескольких ярдах от Конвея.

— Ты понял, что сопротивляться бесполезно. Дом Церкви уже мой. Сдавайся и присоединяйся ко мне. Мы можем забыть прошлое.

Конвей кивнул Тейт:

— Слышала?

— Как у тебя дела с боеприпасами, приятель? — спросила Тейт.

— Маловато. А у тебя.

— Не лучше. Разрывные снаряды побереги напоследок. Бей из карабина крупнокалиберными только по группам из двух-трех человек. И никаких пленных, понятно? — По выражению лица Тейт Конвей увидел, что она не шутит.

— Понятно. Победа или смерть.

Раздался возбужденный крик Ланты:

— Сайла, посмотри! Здесь, в самом низу Врат. Крохотные слова!

Опустившись рядом с подругой, Сайла сказала:

— Они едва заметны. — Проводя под словами пальцем, она начала читать:

— «Вы на пороге открытия, но надо пройти еще несколько важных шагов.

Если вы узнаете, что скрывается за Вратами, хвала вам; ступайте с миром и используйте, что нашли и что сможете.

Если вы поймете, что скрывается за Вратами, хвала вам; ступайте с миром и используйте, что узнали и чем владеете.

Кто бы вы ни были, входите с именем Единого в Двух Лицах, рожденного женщиной».

Сидевшие на корточках женщины встревоженно переглянулись. Сайла напряженно размышляла:

— Все это очень опасно. Нас кто-то предупреждает. Нет — угрожает.

Ланта кивнула.

— Ключ можно использовать несколькими способами. И нужно выбрать только один правильный.

В резком голосе Жреца Луны слышна была явная угроза.

— Конвей, не задерживай нас. Отвечай. Немедленно.

— Нам нужно подумать. — Конвей поднялся, чтобы еще потянуть время, и увидел, что катапульта сработала во второй раз. Он бросился за валун, крикнув об опасности Сайле и Ланте. Стрела угодила в скалу в нескольких футах над Вратами. Удар был устрашающим.

Сверху посыпались осколки скалы попеременно с деревянными щепками.

Сайла с криком выпрямилась. Из спины у нее почти вертикально торчал метровый кусок древка. Сайла вцепилась в него обеими руками.

Жрец Луны ликовал:

— Луна победит! Луна!

Подхватив крики, кочевники бросились в атаку. Тейт стреляла хладнокровно, методично. Двумя выстрелами она уложила двоих. Но остальных атакующих это нимало не смутило.

Затаившаяся смерть встретила бежавших по склонам воинов. Из укрытых в скалах бойниц лазеры жгли своими лучами все, что двигалось.

Торчавший из спины Сайлы кусок древка срезало наполовину. Над обугленным концом плясал язычок пламени.

Налатан толкнул Сайлу на землю, успев выхватить у нее ключ и ударить им о стальную дверь. Среди ужасающего скрежета лазеров и криков умирающих воинов мелодичный аккорд прозвучал как-то неуместно и в то же время необыкновенно сильно, разносясь по всей долине.

Оружие Врат замолчало.

Друзья бросились к Сайле. Подолом платья Ланта сбила пламя с торчавшего древка. Схватив Ланту за запястье, Сайла закричала:

— Достань его. Ну, тащи!

Мгновение поколебавшись, Ланта вцепилась в древко и рванула вверх.

С трудом удержав крик боли, Сайла молилась, чтобы эта рана не завершила ее поиски.

И в этот момент она вдруг увидела разгадку последней на их пути тайны.

Она увидела путь к открытию.

Ланта заметила произошедшие в подруге перемены. Состояние Сайлы передалось ей, тревоги исчезли, сердце наполнило волнующее предчувствие.

— Ты что-то поняла? Ключ?

Налатан продолжал держать Сайлу. Пот страха перед неведомыми силами покрывал его лицо, рука продолжала выбивать повторявшиеся аккорды.

Сайла взяла у него ключ.

— Солнце всходит на востоке. Солнце всходит и движется справа налево. Вот путь Единого в Двух Лицах, — сказала она и вставила ключ, развернув его так, чтобы зубцы шли от правого верхнего угла к левому нижнему. Что-то заскрипело, затем раздался едва слышимый звук трения полированного металла о полированный металл. Сайла толкнула сверкающую сталь.

Врата открылись.

На мгновение все замерли, глядя внутрь.

Стрела из катапульты снова ударила в скалу, осыпая их осколками камня и дерева. Друзья решительно бросились внутрь. Новая атака кочевников была не менее отчаянной.

Замыкавшие группу Конвей и Налатан успели подбежать к лошадям и стащить с них оружие и припасы. Вместе с собаками они проскочили в узкую щель за закрывавшимися Вратами, всего на пару секунд опередив авангард атакующих кочевников. Уже не было времени думать, почему на этот раз лазеры не сработали. Под звуки ударов мечей о сталь двери Конвей с Налатаном навалились на Врата, пытаясь закрыть их. Крики и топот с другой стороны говорили, что силы их противников несравненно больше. Женщины пришли на помощь мужчинам. Вместе они отвоевали дюйм. Второй.

И потеряли все, что выиграли.

Не веря в успех сопротивления, Сайла оглянулась в поисках спасения.

Они находились в небольшой комнате, представлявшей собой идеальный квадрат, если не считать выхода в стене слева от нее. Вдоль этой же стены стоял длинный стол. Сайла подумала, что этим столом можно попытаться заблокировать дверь. Позвав за собой Ланту, Сайла побежала к двери. Заглянув в проход, который вел в самое сердце горы, женщины

застыли от изумления. Коридор был наполнен светом, который испускали белые камни, закрепленные прямо на стенах. Свет был чистым, бездымным и ровным, как от солнца. Чудо это заставило их позабыть на мгновение об опасности, стучавшей в дверь позади них.

Стол оказался еще одним чудом — он был целиком сделан из стали. Читая нараспев молитву против черной магии, женщины потащили его к упиравшимся из последних сил троим товарищам.

Но дверь была уже слишком широко раскрыта, и заблокировать ее столом не было возможности.

Конвей отскочил назад и поднял оружие. По его сигналу отступили и Тейт с Налатаном, позволив двери распахнуться.

Грохот выстрелов в небольшой комнате был ужасающим. Но еще более страшными были последствия разорвавшихся в гуще тел снарядов. Кочевников, а точнее жалкие остатки тел многих из них, отбросило назад.

Конвей и Налатан бросились освобождать дверной проем от трупов. Тейт прикрывала их огнем до тех пор, пока им не удалось снова закрыть Врата. Но как только друзья втроем вновь навалились на дверь, вопли и топот известили их о новой атаке.

Между косяком и дверью со скрежетом вошел клинок меча одного из кочевников. Сайла и Ланта, развернув стол, загнали его между дверью и противоположной стеной. Налатан, Тейт и Конвей отступили. Кочевники были надежно отрезаны.

Отступив в коридор, уходящий в глубь горы, группа собралась вместе. Впереди в узком зазоре между дверью и косяком сверкали клинки. От воплей и боевых кличей кочевников кровь стыла в жилах, но стол пока надежно удерживал Врата.

— Почему лазеры не перерезали этих мерзавцев? — спросила Тейт.

— Похоже, что при открытой двери лазерная защита блокируется, — предположил Конвей.

Налатан, нахмурившись, окинул взглядом коридор.

— Эти драконы — ну те, что вы называете лазерами, — похоже, живут здесь. Если кочевники не смогут забраться сюда, то и мы никогда не сможем выбраться отсюда. Нам надо искать другую дверь.

— Прежде всего надо осмотреть рану Сайлы, — сказала Ланта.

Шум снаружи неожиданно затих. Ровный злобный голос Жреца Луны заполнил комнату:

— К двери тащат таран. Я даю вам последний шанс. Выходите немедленно. Обещаю, что вам не причинят зла.

Конвей деланно рассмеялся.

— Не можете же вы сидеть тут вечно. Таран не справится со стальной дверью.

Голос Жреца Луны звучал выше, напряженнее. Конвей услышал в нем безумие, такое же явное, неоспоримое, как дыра на дорогой ткани.

— У нас есть запасы воды и пищи. А ведьма Сайла ранена, она там умрет. А что же ваша провидица? Она еще осмеливается утверждать, что способна заглядывать в будущее, после того, как угодила вместе с вами в ловушку? Не дури, Конвей. Иди ко мне. Ты же уже служил мне верой и правдой. Давай опять будем друзьями. Позволь мне спасти тебя.

— Скорее я подружусь с твоими змеями, Лунатик. Я собираюсь снова включить лазеры. У тебя не так уж много времени, чтобы смыться.

Бледная измученная болью Сайла встала рядом с Конвеем. Жрец Луны заговорил снова. Он обращался к Сайле, словно мог видеть через Врата.

— Я обращаюсь к тебе, Цветок. Твои друзья слишком преданы и не оставят тебя. И ты допустишь, чтобы они умерли? За мной будущее. Моя Мать Луна — единственная вера. Мы несем мир. Мои люди умирают рядом со мной — им нанесли страшные раны ради тебя. Они молят о помощи.

Конвей встретил полный мучительного страдания взгляд Сайлы.

— Кровь. Всегда. Даже теперь, спустя столько поколений, кровь продолжает обгагрять

Учителей. Как это ужасно несправедливо. Неужели нужны такие жертвы?

Конвей попытался ответить. Коснувшись его губ, Сайла заставила его замолчать и обратилась к Жрецу Луны:

— Я здесь вместе с Учителями. Я чувствую их присутствие. Моя жизнь — ничто, всего лишь краткий миг. Но я отдам ее, защищая этих прекрасных людей. Прими Церковь. Приди сюда с миром или приди сюда погибнуть. Выбор за тобой.

Протяжный вопль Жреца Луны был воплощением самой ненависти.

Глухие удары тарана рассыпали по стальной поверхности похожие на жилы морщинки.

Глава 113

Смешившую по коридору группу встречали открытые пасти распахнутых дверей. Видневшиеся за ними комнаты были абсолютно пусты.

Раздававшиеся за их спинами глухие удары тарана рисовали в воображении Сайлы огромное сердце, бившееся в этой горе. Она чувствовала одушевленность этого места, ощущала его древность, слышала трепет надежды, затаившейся в пещерах.

Просунув голову в один из дверных проемов, Тейт вскрикнула и позвала остальных. Подоспевшая первой Сайла застыла от изумления, позабыв о болевшей ране. Комната сияла, металлические панели были усыпаны драгоценными камнями, еще более чудесным, чем те, что сверкали в коридоре. И что самое невероятное — они мерцали: вспыхнув на короткое мгновение необыкновенно ярким светом, они потухали, чтобы затем загореться вновь.

Зеленые, желтые, красные. Неисчислимое количество. И все они гудели. Комната, словно пчелиный улей, была наполнена непрерывным успокаивавшим гулом. У Сайлы закружилась голова.

Конвей подошел к стене, покрытой мириадами самоцветов. Когда он дотронулся до нее, Ланта, Налатан и Сайла тревожно придвинулись друг к другу. Конвей нежно провел ладонью по поверхности стены. Вокруг было чистейшее стекло. В окошках идеальной сферической формы сновали черные стрелки. Огромные пласты целого, без единой трещинки стекла.

— Сокровище, — только и смог вымолвить Налатан. — Наверное, никто такого и не видывал.

Тейт кивнула Конвею:

— Генераторная. Но нигде нет предупреждающих табличек о ядерном реакторе. Разве еще что-нибудь способно так долго снабжать это место энергией?

Конвей задумался.

— Перед тем, как «уснуть», я читал о новых солнечных технологиях. Они основаны на принципе разности температур. Наверное, все «камни» вокруг этого места служат приемниками солнечной энергии. А насколько я помню, тепло солнца можно преобразовать в электричество с помощью устройств, где практически нет подвижных частей.

— Да ведь любое устройство должно изнашиваться за такое время, Мэтт. Любое.

— Только не те, что работают в режиме ожидания. Они заряжают конденсаторы большой емкости и замирают на месяцы, может, на годы. Немного энергии, чтобы восполнить утечки, — и система готова к работе.

— А эти лампы? Ни одна ведь не может гореть столетия.

Конвей кивнул:

— Для меня это тоже загадка.

К ним подошла Сайла.

— Пойдем, Учителя не могли умереть, охраняя волшебные камни и стекло. И — послушай — удары тарана уже звучат по-другому.

— Она права. Нам надо спешить, — согласился Конвей.

Коридор заканчивался широкой, уходившей вниз лестницей.

Группа спустилась по ней в следующее помещение, похожее на большую аудиторию.

Вся комната была заставлена столами, каждый из которых венчал пустой видеоэкран. Безупречно ровные ряды столов тянулись от стены до стены. Внизу сужавшейся комнаты они почтительно упирались в огромный безмолвный белый экран. Несколько открытых дверей вели в тускло освещенные коридоры. Тейт схватила Конвея за руку, указывая вниз.

— Там, прямо напротив нас. Видишь, свет выбивается из-под запертой двойной двери.

Раздался спокойный голос Сайлы:

— Учителя. Они ждут нас. — У Конвея по спине пробежали мурашки.

С оружием наготове они спустились вниз. Неловко перехватив «вайп», Тейт потянулась к ручке двери. Оттеснив ее в сторону, первым вошел в комнату Налатан.

В маленьком кабинете за огромным деревянным столом, ссутулившись в обитом тканью кресле, сидела маленькая фигурка. На ней было черное платье служительницы Церкви с вышитой золотом буквой У слева на груди. В поднятом капюшоне платья виднелась высохшая мумифицированная голова. Потускневшие седые волосы обрамляли обтянутые кожей щеки. Веки смежил вечный сон. Узкие губы слегка раскрылись, обнажив безупречно белую полоску зубов. Скрещенные руки лежали на коленях. Кисть одной руки была разжата, и сквозь почти прозрачную кожу виднелись кости. Высохшие согнутые пальцы напоминали когти.

На столе лежал лист пожелтевшей бумаги и черная пластмассовая ручка. Обойдя Налатана, Сайла взяла со стола бумагу. Выцветшие буквы едва виднелись на желтоватом фоне. Быстро просмотрев бумагу, Сайла протянула ее Тейт. Со стороны этот жест выглядел очень торжественным — одна Жрица передавала другой древнюю святыню.

Тейт начала читать вслух:

«Читающего эти строки приветствую из дома Учителей. Я — последняя из них. Уже несколько лет, как ни одна из моих сестер не возвращается домой. Иногда мне кажется, что я слышу их голоса, и каждый раз понимаю, что это ошибка. Часто я слышу свой собственный голос, и я плачу, когда эхо убегает от меня, покидая меня в моем страшном одиночестве.

Когда-то я надеялась, что сестры вернутся. Теперь я боюсь этого больше всего на свете. Это бы означало, что кто-то из нас не выстоял и выдал тайну нашего дома тому, кто проводил Чистку.

Кто бы ты ни была, я молюсь в надежде, что ты истинный Цветок.

Есть в Церкви те, кому известно, что это место существует, но они не знают, где оно. Даже мне, последней хранительнице, не дано знать, кому доверена тайна нашего местонахождения. Вырывшие эти непроходимые пещеры и создавшие эти ужасные смертоносные машины уже давно умерли. Как бы они страдали, увидев, что мы сделали с их творением. Я надеюсь лишь, что больше не придется использовать губительную силу лазеров. Но Учителей надо было охранять от всего, что представляло для них угрозу. Величайшая ирония в том, что наше тайное достояние включает необходимость в разрушительной силе оружия. Воистину невежество причиняет человеку массу неудобств. И беда в том,

что он стремится превратить свои временные преходящие обстоятельства в вечные незыблемые догмы.

Через многие поколения после нас Учителя могут возродиться. Мудрейшая и преданнейшая из сестер должна решить, готова ли почва для того, чтобы туда заронить семя. И будет избран Цветок».

Услышав, как кто-то всхлипнул, Тейт прекратила чтение.

Сайла хотела попросить Тейт продолжать, но одна мысль задержала ее. Ненавистное прежде слово «Избранные» обрело вдруг новый смысл. Настоятельница Ирисов — конечно, это она, мудрейшая и преданнейшая. Дом Учителей будет возрожден.

Истинное понимание всей величины ее ответственности стало доходить до Сайлы. Она словно впервые увидела восход солнца — это простейшее свидетельство неопишемого величия. И жестокости.

По сигналу Сайлы Тейт продолжила чтение:

«Силы зла и невежество неразделимы. Цветок никогда не будет в безопасности ни от одной из этих сил. И тем не менее средства для возрождения мира находятся здесь. Когда я умру, будет отключено электропитание от всего, кроме датчиков и оружия защиты, которые установили наши ученые и инженеры. Они говорят, что только ключ может открыть нашу дверь, заблокировать оружие и включить свет. Они говорят, что только Цветок способен совершить все это. Посмотрим. Мы уже знакомы с заверениями и изобретениями „сильных мира сего“ и их искушенных в политике обезьян — именно они привели мир к его нынешнему состоянию.

Я умру за моим столом (чистым в первый раз и чистым навеки — это моя последняя шутка) вместе с моими самыми дорогими сокровищами, коллекцией прекраснейших драгоценностей Церкви. Когда моя жизнь начнет угасать, я буду ласкать их (мои глаза уже не такие, какими были прежде) и молиться, чтобы Цветок самоотверженно нес миру мудрость, которую мне доверили охранять. Мне стыдно признаваться, что мы прятали это — то, что должно стать главным в жизни каждого родившегося человека.

Обязанность Цветка — убедиться в том, что наши жертвы не принесены напрасно. Цветок не сможет обеспечить урожай, его задача — сеять.

За мной — все.

Перед тобой — гораздо больше».

Закончив читать, Тейт прокашлялась.

— Здесь нет подписи.

Ланта тихо всхлипнула. Бросив настороженный взгляд на подошедшего к ней Конвея, она прижалась к его груди.

Сайла приблизилась к столу. Осторожно, стараясь не задевать мумифицированное тело, она потянула за ручку, выступающую из стола рядом с креслом. Неожиданно легко из стола вышел необыкновенно хитро упрятанный там ящик. Сайла вздрогнула.

Тейт подошла взглянуть в ящик.

— Она сказала: «Самые дорогие сокровища». Конвей, иди взгляни. — Опустив руку, она достала из ящика какую-то прямоугольную вещь, верхняя часть которой поворачивалась, как на петлях. Когда Тейт подняла ее, Сайла увидела, что вся она сделана из бумаги.

Со словами.

Осенив себя Тройным Знаком и прижимая руку к груди, Сайла отступила к стене.

Не подозревающие о ее страданиях, Тейт и Конвей продолжали поиски. Они достали еще несколько похожих предметов из ящика, который Конвей называл шуфлядой. Сайле понравилось это слово, хотя она раньше никогда не слышала, чтобы кто-нибудь прежде называл так какую-нибудь металлическую вещь. Собрав все свое мужество, она спросила:

— Эти вещи, которые вы достаете, — что это?

Конвей на мгновение выглядел озадаченным, затем в его взгляде появилось сочувствие. Тихим голосом он начал объяснять:

— Книги, Сайла. Так они называются. Учителя берегли их, как сокровище. — Он начал показывать их ей по одной. — «Полный курс математики». «Машиностроение: теория и практика». Вот эта — по основам химии. Это — физика. И последняя... — Справившись с комком в горле, он закончил: — «Поэзия столетий».

Обращаясь к Тейт, которая обошла тело наставницы с другой стороны, Конвей спросил:

— Там есть еще что-нибудь?

— Ничего.

Сайла взглянула на Тейт, заподозрив ее в неискренности. Она, наверное, увидела еще что-то и скрывает это. Но это уже неважно.

Важнее всего были книги.

Слова на бумаге.

Страшные предчувствия одолевали Сайлу, заставляя усомниться в святости этого места. С самого начала Церковь настаивала, чтобы все слова, оставленные гигантами, были уничтожены. Был даже ритуал, называемый Возвращением, во время которого они сжигались.

Если тайна Врат связана как-то со словами на бумаге, они должны быть преданы анафеме.

Но в завещании сказано ясно: «За мной — все. Перед тобой — гораздо больше». Это было их самым дорогим сокровищем.

Ни одна из наставниц не могла нести зло, и тайна Врат не могла быть злом. Учителя умерли, потому, что они хранили тайну и чего-то боялись.

Цветок будет жить ради этой тайны. Какой бы она ни была.

— Я понесу эти книги. — Сайла не обратила внимания на испуганный всхлип Ланты. — Они принадлежали одной из лучших среди нас. Церковь будет свято хранить это сокровище. Для меня большая честь нести их.

Без колебаний Конвей протянул ей все пять фолиантов. Сайла опустила их в глубокие карманы своей мантии.

Наблюдая за ней, Ланта и Налатан нервно осенили себя Тройным Знаком.

Сайла поспешила к двери за спиной Наставницы. Остальные последовали за ней. На пороге новой комнаты все остановились. Тишину нарушил голос Тейт:

— Библиотека. Хранилище видеодисков. Тысячи дисков, сотни тысяч.

В голосе Конвея звучало благоговение:

— Знания всего человечества. Здесь должно быть все. Все.

Тихо обращаясь к одному Конвею, Тейт сказала:

— Это объясняет их глубокие познания в медицине. И вот откуда у Учителей такая уверенность в своих силах.

Конвей вытащил один из ящиков. Тускло поблескивали видеодиски.

Голос Тейт дрожал от возбуждения:

— Здесь как в пещере с капсулами. Где-то есть источник питания. Мэтт, мы сможем собрать сюда учеников со всего света. Это будет величайший университет, такого нигде и никогда не было!

Ее энтузиазм передался Конвею. С горящими глазами он обходил ряд за рядом, поглаживая ящики. Тейт едва попевала за ним. Они называли названия предметов, авторов, источники. Наконец Доннаси издала полный восторга клич:

— Книги! Они здесь, в углублении. Старые, добрые их величества книги. Тысячи, целые полки. Геология. Гидравлика. Океанография.

Конвей не выдержал и побежал к ней. Взявшись за руки, они плясали, прыгали и кричали, как дети.

Сайла и Ланта обменялись встревоженными взглядами.

— Я ничего не понимаю из того, что они говорят, — сказала Ланта. — Ты же Цветок — что все это значит?

— Я не знаю. — В признании Сайлы слышна была обида. Это ведь были Врата. И все тайны должны принадлежать ей. Почему эти пришельцы понимают то, что она не может понять? Почему эти плоские блестящие диски так важны? Что имела в виду Тейт, когда говорила «источник питания»? Кто здесь питается? Все абсолютно непонятно. И это их почти истеричное состояние начинает ее тревожить.

Ланта и Налатан остановились рядом с Сайлой. Ланта прошептала:

— Вот этого я и боялась. Книги — зло. Они сводят людей с ума. Учителя, должно быть, были хранителями зла.

— Это невозможно. — Сайла так крепко схватила Ланту за предплечье, что та вскрикнула от боли. Отпустив руку, Сайла продолжила, даже не думая извиняться: — С Конвеем и Тейт было все в порядке, пока они не начали читать. Вот где главная опасность.

Разве вы не видите? Люди должны обращаться с книгами очень осторожно. Конечно, наши друзья сошли с ума. Они проглотили сразу больше, чем способны были воспринять. Слишком поспешили. Им нужна помощь.

Сайла надеялась, что ни вид ее, ни голос не выдадут одолевавший ее страх. Ей стало ясно, как знание обращало гигантов против их рабов. Это был урок, который она поклялась запомнить навсегда; она никому не позволит повторить эту ошибку.

Но даже безумная радость товарищей не помешала Сайле почувствовать скрытую мощь окружавших ее предметов, огромный разум, заключенный в них. Она схватила Тейт за плечо и развернула ее к себе лицом. То, как быстро безумная дикая радость исчезла из глаз Доннаси, немного успокоило ее. Чуть погодя успокоился и Конвей. Они церемонно принесли свои извинения.

И ни один из них не обратил внимания, что глухие удары вдалеке вдруг прекратились.

— Таран! — Обернувшись, Сайла посмотрела в огромную аудиторию. Из коридора доносились вопли кочевников.

Тейт схватила Сайлу за руку.

— Скорее. Бежим отсюда!

— Нет! — Вырвавшись, Сайла прижалась спиной к стене. — Ты же слышала. Мне нужно выполнить свой долг.

Ответ прозвучал довольно резко.

— Мертвой ты его вряд ли выполнишь. Да и наша помощь тогда тебе не понадобится. — Тейт закричала Конвею: — Ты сможешь с собаками задержать их? Налатан понадобится только в ближнем бою, так что он пока поможет нам отыскать выход отсюда. Вопросы есть? — Ее оживленное встревоженное лицо с белой повязкой на раненой челюсти делали ее похожей одновременно на воина и на человека, посвященного в духовный сан. Конвей подумал, как много она для него значит.

— Лазеры, — сказал он. — Они должны обслуживаться изнутри. Может, нам удастся выбраться через амбразуру. Если, конечно, мы найдем ее.

Тейт кивнула:

— Я думала об этом.

— Отлично. — Конвей повернулся к двойным дверям. Он проверил боеприпасы. Двенадцать патронов в пистолете. Пятьдесят зарядов в «вайпе». Десять в «бупе», один из них бронебойный и два разрывных. Двадцать патронов в снайперском карабине. Он прислонился к косяку двери, откуда просматривалась вся большая комната со ступеньками.

Первые двое кочевников показались на ступеньках, как мишени в тире. Когда затихло эхо дважды прогрохотавшего «вайпа», Конвей услышал страшную ругань и угрозы, доносившиеся из-за темного дверного проема. Конвей криво ухмыльнулся. Похоже, схватка сейчас примет новый оборот. Под землей, в заколдованном месте трудно ждать от них прежней храбрости. Но, переполнившись страхом, они могут впасть в дикий неудержимый кураж и остановить их будет невозможно. Нужно быть предельно бдительным. Он успокоил собак, готовых броситься в атаку.

Группа из пяти кочевников, промчавшись по ступенькам, рассыпалась по комнате, прячась за столами. Пять выстрелов поразили лишь одного из них. Следующая пятерка оказалась еще более удачливой, миновав пять выстрелов без потерь.

С жавшимся от страха сердцем Конвей услышал приближавшийся рев. Он с тревогой еще раз пересчитал боеприпасы.

Пробежала следующая пятерка. Трое из них были сражены наповал. Конвей приободрился. Рядом с ним просвистела стрела и, отскочив от стены, упала в нескольких футах от двери. Не раздумывая, Конвей выстрелил по тому месту, откуда ее выпустили, а затем обругал себя за глупую расточительность.

Новые звуки донеслись до его слуха. Шум, треск. Крик боли. Затем раздался голос Жреца Луны:

— Нет! Нет! Идиоты! Не смейте...

Погас свет.

Наступила крошечная тьма. По комнате разносились панические крики и стоны кочевников.

Голос Жреца Луны звучал теперь успокаивающе:

— Тише. Тише. Спокойно, дети мои. Жрец Луны с вами. — Гул понемногу затих, и Жрец Луны продолжал: — Моя Мать даровала нам эту тьму. Чтобы стрелять, оружиемолнии нужен свет.

Конвей разрядил «буп» в сторону доносившегося голоса. После разрыва последовала длительная пауза, и Конвей был готов поздравить себя с успехом, но тут снова послышался самодовольный голос.

— Он слеп, дети мои. Наш враг потерял свою силу. Помните, это Конвей. Тот, кто притворялся нашим другом. Предатель, погубивший ваших жен и детей. Атакуйте тихо, бесшумно, как змеи. Летучая Орда победит. — Последние звуки перешли в долгое, леденящее душу шипение.

Глава 114

Конвей протянул руку и дотронулся до жесткой шерсти.

— Атака, — произнес он и невольно вздрогнул, когда две массивные собаки исчезли бесшумно, словно привидения.

Позади него где-то в отдалении иногда было слышно, как его друзья обо что-то спотыкались в темноте.

Внезапно темноту пронзили крики и рычание. Потом звуки разрываемой плоти. Так же неожиданно, как и возник, шум прекратился. Раздались мучительные крики. Мужчины звали друг друга. В конце концов прорезался один голос, он звал:

— Видба? Видба? Да ответь же мне! Ты где?

Хриплый грубый голос отозвался справа от Конвея так близко, что тот испугался:

— Нет Видбы. Всем быть парами. Чтобы никто не оставался один.

Конвей выстрелил на звук. В ответ прилетела стрела, царапнув стену справа от него. Он перезарядил «буп». На шум прилетела другая стрела, на этот раз ударившись ближе.

Конвей свистнул собакам.

Он вздрогнул от голоса Тейт, чуть не разрядив в нее ружье.

— Мэтт. Пошли. — сказала она.

— Иду. — Он вытянул вперед руку. Дотронулся до собаки. Только одна. Испуганный, он схватился за нее, протянул дальше ищущую руку. Вторая. Приглушенным голосом он скомандовал им идти следом. Конвей осторожно закрыл двойные двери. Расплющив каблукон пустой конец магазина от «бупа», он забил получившийся клин под дверь.

Выставив вперед руки, он позвал Тейт. Она хлопнула в ладоши.

— Иди на звук. — Мгновением позже он коснулся ее и пошел следом.

Вскоре они услышали охрипший голос Налатана:

— Доннаси?

— Тут. Что нового?

— В дальнем конце этой комнаты есть лестница, ведущая в длинный зал. Я там посмотрел, но света не обнаружил.

Позади них пронзительно заскрежетал металлический клин, когда кто-то попробовал открыть двери. Из-за них пробивался слабый оранжевый свет. Конвей заметил:

— Они таки достали факелы. Что ж, пойду попробую добыть один.

Ланта схватила его за руку.

— Это слишком опасно. Мы и так найдем дорогу.

— Если они смогут видеть, а мы — нет, то с нами будет покончено. — Конвей освободил руку.

Налатан сказал:

— Я пойду с тобой.

Позвав собак, они вернулись назад. Шкафы, заполненные видеодисками, и полки с книгами, достававшие Конвею до плеча, превращали библиотеку в настоящий лабиринт проходов. На одном из перекрестков Налатан махнул Конвею, чтобы тот оставался на месте, а сам перебежал на другую сторону.

По перпендикулярному к ним проходу быстрым шагом шел воин-кочевник, несший с собой факел. Конвей заметил улыбку Налатана.

Приближающийся человек быстро шел вперед и осознал присутствие Конвея, только миновав его. Когда он повернулся, Налатан ударил его дубинкой; что-то резко треснуло. Конвей выхватил факел из бессильных пальцев растянувшегося на полу воина Урагана.

Конвей и Налатан были уже на ступеньках, когда человек застонал и позвал на помощь. Преследователи незамедлительно бросились в погоню.

«Буп» Тейт выпалил дважды. Послышались стоны и проклятья. Тейт и Налатан бежали обратно изо всех сил, крича на ходу.

— Там их целая куча, в том зале! Беги вверх по лестнице! Давай! — Она повернулась и выстрелила. Факел упал. По стенам и потолку бешено заметались отблески пламени.

Отстреливаясь и убегая, они пытались выиграть время. Они нашли много дверей, но все были заперты.

Стрела ударилась в кольчугу Конвея. Даже не причинив вреда, она заставила понять, насколько близка погоня.

Свет нашел Налатан. Он недоверчиво спросил, боясь ошибиться:

— Это что, свет факела?

Тейт вбежала в комнату вместе с ним, протянула руки и втащила Сайлу. Конвей схватил Ланту, захлопнув стальную дверь за вбежавшими собаками. Снаружи загрохотали шаги, потом преследователи замедлили шаг, опасаясь засады. Тейт всадила свой кинжал под дверь.

— Может быть, это продержится дольше, чем тот магазин.

Факел высветил безликую комнату с квадратным металлическим ящиком посередине и металлическим шкафом до потолка справа от двери. Провода из черного ящика тянулись к потолку; черная трубка, около половины дюйма в диаметре, шла от него к стене напротив входа.

— Лазер, — сказала Тейт. — Именно то, что ты думал, дружище. — Она похлопала по ящику, показав на место, где трубка входила в стену.

— В этом месте расположен круговой шарнир. Посмотрите сюда; ящик тоже передвигается. Это позволяет поворачивать или поднимать ствол всего на несколько градусов, но зато как расширяет зону обстрела! Умно сделано.

Конвей с трудом разделял профессиональное восхищение Тейт.

Через шарнир просачивался крошечный лучик света. Налатан упал на колени, изогнулся и попытался рассмотреть поближе. Когда он распрямился, его улыбка поведала обо всем.

— Долина. Мы сможем удрать.

Сайла посмотрела на дверь и подошла к ней.

— Учителя. Мой долг. — Она обернулась к друзьям, взглянула на них с безмолвной мольбой. — Наставница сказала, что я обязана нести в мир волшебство, заключенное в этом месте.

— Она сказала, что ты должна взрастить семя. Мы должны уходить, — ответила Ланта.

Конвей задушил в себе стон. Ее наивность была просто потрясающей.

Налатан уже расширял дыру своим мечом. Материал был ничуть не мягче камня. Конвей заметил другие места в стене, сделанные из того же вещества. Он не мог понять их назначения. Сайла и Ланта достали ножи и, присев рядом с Налатаном, стали ему помогать. Ланта так устроила Сайлу, что та могла работать, практически не напрягая раненую спину. Конвей и Тейт в ожидании смотрели на дверь.

От зала донесся голос, который Конвей мгновенно узнал.

— Конвей, я Лис Одиннадцатый. Ты должен знать, кто убьет тебя.

— Но ты должен знать, что я еще жив.

Лис засмеялся.

— Вы все умрете здесь. Жрец Луны так решил. Мне приказано передать тебе его слова: «Знание, не принадлежащее одному мне, должно быть уничтожено». Он сказал, что ты разбираешься в этих странных штуковинах, которые мы тут нашли, и что ты поймешь смысл слов.

— Возвращайся к своему господину. Передай ему, что вскоре я разберусь с вами.

— Для меня будет большим удовольствием взять тебя живым, Мэтт Конвей. Есть много вещей, которые ты должен увидеть. Дом Церкви разрушен. Те женщины сейчас познают цену гнева мужчин. А еще рад тебе сообщить, что на Трех Территориях свирепствует чума.

Казалось, Карда и Микка поняли его. Обе собаки поднялись, завывая. Расстроенные, они ходили из угла в угол с высоко поднятыми головами.

В зале раздался шум, вдалеке кто-то прокричал команду. Ей ответили другие голоса. Зазвучали шаги. Потом тишина. Все в комнате обменялись озадаченными взглядами. Работа над дырой продолжалась, она выросла до размеров кулака.

Собаки подошли к Конвею, тыкаясь в него носами. Он резко приказал им отойти. Опустив хвосты, они неохотно повиновались.

Тейт сказала:

— Я больше не слышу никого снаружи.

— Ты только открой эту дверь, и услышишь сколько душе угодно, — ответил Конвей.

Снова в комнате раздавался лишь стук ножей о камень и металл. И вой собак. Конвей раздраженно утихомирил их.

— Чем это пахнет? — Налатан оторвался от дыры и принюхался.

— Продолжай долбить, — сказала Тейт, — хватит принюхиваться... — Фраза оборвалась, сменившись задумчивой тишиной. Каждый исследовал воздух.

— Дым. — Страх вкрался в голос Налатана. — Это не факелы.

— Яд, — бросила Тейт. — Провода. Пластик. Краска. Это место буквально напичкано разной отравой. — Она повернулась к Налатану. — Надо выбраться отсюда. Когда?

Дыра практически не увеличилась. Тот пожал плечами:

— Не скоро.

Похожий на кружево серый завиток дыма струйкой проскользнул под дверью. Охваченные ужасом, все смотрели, как он проплыл к дыре и выскользнул наружу.

Тейт спросила:

— Там есть кто-нибудь на равнине?

Налатан посмотрел.

— Конюхи. Много лошадей. Я вижу Врата. Возле них три стражника. О! Люди выходят. Оборачиваются. Разговаривают со стражами.

Конвей выдернул обратно кинжал Тейт.

— Я не сгорю живьем. Ни за что. Прикройте меня. — Он рывком распахнул дверь, прыгнул вперед, упал и, перекатившись, замер, прицелившись. Зловещая дымка тонким слоем стелилась по полу.

Остальные молча последовали за ним. Быстрым шагом они возвращались назад. Внизу лестницы, ведущей в покинутую библиотеку, они заглянули в колодец дыма. Пульсируя, он, казалось, собирался с силами, что нахлынуть на них. Высоко вверху, едва видимая под самым потолком, зло клубилась пелена более прозрачного дыма. Через дверь, ведущую в кабинет, виднелись оранжевые отблески, освещавшие нижние ступеньки лестницы и пол. Когда они начали спускаться вниз, раздавшийся глухой взрыв свалил всех с ног.

Крики невидимых людей из огромной аудитории пробивались сквозь пыль и дым. Они раздавались громче, чем раньше, так как в стене между ней и библиотекой появились

проломы. Сквозь эти бреши вырывалось нетерпеливое пламя. Люди орали, чтобы кто-нибудь открыл дверь на лестницу и выпустил их. Остальные просто вопили без слов.

Ланта встала на ноги, опустилась на пару ступенек вниз и повернулась лицом к друзьям. Она держала факел, и в его колеблющемся свете лицо ее было бледно, полно мрачной решимости.

— «Невежество и зло», вот против чего предостерегала Наставница. Они уничтожили все наследство с тех далеких времен, оставив нам только то, что мы взяли с собой. Но семена будут возвращены. Пошли.

Конвей и Тейт обменялись отчаянными взглядами. Спасенные книги являлись только крошечной частицей хранившихся здесь знаний, но видеодиски и электричество для их просмотра уничтожены. Единственный путь наружу из подземелья был обрушен и объят пламенем. Все уже кашляли и вытирали слезы от ядовитого дыма.

Тем не менее голос Сайлы внушал надежду. Ее решимость была непоколебима и заразна. Налатан первым заковылял за ней. Вся группа послушно последовала за Сайлой.

Наверху лестницы Жрица остановилась и бросила последний тоскливый взгляд на то, что Конвей и Тейт называли библиотекой. Ее друзья спешно прошли мимо, стремясь поскорее выбраться наружу. Она поморщилась, когда в лабиринте шкафов с видеодисками пламя вспыхнуло с новой силой. Ее испугал рокошующий звук. Сайла глянула вверх, опасаясь, что потолок стал оседать, но увидела, как вниз опускается черная стена. Тяжело остановившись, она создала барьер между видеодисками и книгами. Пламя, как будто поняв, что у него отнимают часть его добычи, рванулось через промежуток к стене, лизнув преграду. Стена стояла прочно.

Яростный жар заставил Сайлу последовать за своими друзьями.

Комната с лазером была наполнена дымом. Его удушливое присутствие заставило всех отчаянно торопиться. Повязка Тейт развязалась и болталась из стороны в сторону. Та раздраженно сорвала ее и бросила в угол.

Тяжело дышащие собаки лежали возле металлического шкафа. Конвей ободряюще потрепал их по головам. Посмотрев на шкаф, он подумал, что там могут быть инструменты, способные помочь им разрушить стену. Он открыл его.

— Смотри, Тейт! Боеприпасы. Заряды для «вайпа», для «бупа». Сам «вайп». И почему мы сюда раньше не посмотрели? Так вот зачем эти зацементированные отверстия — это запечатанные бойницы. Как это мы не догадались, что это патроны для «бупа»? Загружайтесь. Все. — Он раздавал заряды пригоршнями. Когда они набрали столько, сколько могли унести, он сказал: — Ну, все. В зал. Мы уходим отсюда.

Прицелившись из «бупа», он зашел за угол, сказав:

— Осколков быть не должно, но...

В зале что-то двигалось. Карда и Микка, пошатываясь, задыхаясь от кашля, поднялись на ноги возле Конвея. Конвей вопросительно крикнул. Пригнувшись, Налатан с Конвеем стали в проходе.

Клубился дым, то выявляя очертания какой-то фигуры, то полностью ее скрывая. Наконец что-то проявилось, медленно и неуверенно продвигаясь вперед. У Тейт перехватило дыхание, она отступила на шаг.

Конвей вынул меч из несопротивляющихся пальцев человека и помог ему сесть, оперевшись о стену. Посмотрев на Конвея, тот жестом попросил воды. Большая ее часть пролилась мимо его обожженных губ. Там, где вода смыла копоть и грим, показалась опаленная плоть. Обуглившаяся одежда по-прежнему дымилась. Закончив пить, он медленно заговорил, с трудом выговаривая слова:

— Я... из Урагана. Хорошо, что ты ушел. Жрец Луны. Поджег все. Закрыв лестницу, когда все занялось. Закрыв двери. Лис. Остальных. Бросили нас. Жертвоприношение, сказал Жрец. — Его голова обмякла, качаясь из стороны в сторону.

Он напомнил Сайле несчастного ребенка. Жрица рванулась к нему, вслед за ней Ланта.

Воин обмяк в их руках. Налитые мукой глаза искали Конвея:

— Жрец. Убей его. Уничтожь зло.

Он удовлетворенно вздохнул. Сайла с Тейт посмотрели пульс, проверили рефлексy. Они нежно опустили его на пол. Ланта сказала:

— Умер. Ты знал его?

Конвей покачал головой:

— Нет. Он из Урагана. Я тренировал их. — Он помолчал, боль, которую он старался не показывать, отразилась на его лице. — Все назад, я стреляю.

Хватило пяти раздрающих уши выстрелов, чтобы проделать достаточно большую дыру. Первым выбрался Налатан с мечом в руке. Потом женщины, за ними собаки. Последним был Конвей. Падая, карабкаясь и кашляя, они выскочили из дыма, сочившегося через проделанную ими дыру.

Прогремел еще один взрыв, низким гулом отдавшись в горах. Дым вырвался из лазерных блиндажей по всей долине. Врата накренились вперед, из-за них повалил дым. Они рухнули. С низким гулом тоннель за ними обрушился, извергнув струю дыма, на многие ярды пронесшуюся параллельно земле и только потом поднявшуюся в небо. Мгновением позже соскользнул весь склон, погребая под собой Врата.

Прочистив легкие и протерев глаза, измученные и удрученные друзья стали спускаться с холма. Конвей выслал вперед на разведку собак. Когда безо всяких происшествий те добрались до начала каньона, он отозвал их обратно. Группа медленно продвигалась по проходу, ведущему к равнине. Они были уже на стыке ущелья с долиной, когда воины Урагана напали из засады.

Видимо, их насторожили собаки, которые добежали до входа в долину и повернули обратно. Конвей выругался. Это были воины, которых он сам тренировал, готовые умереть за Сиа, не знаящие, что он приговорил их товарищей к лютой смерти от удушья. Глаза воинов фанатично блестели на лицах, разрисованных боевыми масками. Тейт и Конвей выжимали из своих «вайпов» все, что могли. Налатан поджидал с мечом в одной руке и боевым посохом в другой. За те несколько секунд, пока атакующие скакали к ним, «вайпы» успели произвести изрядное опустошение в их рядах.

Собаки напали на лошадей, заставляя тех вставать на дыбы и метаться из стороны в сторону. Передние всадники рухнули на землю. Сзади напирал следующий ряд, топча упавших и ввергая остальных в безудержный вихрь схватки.

Посох Налатана свистел и крутился, как живой, круша и раздирая. В другой руке меч пел свою песню смерти. Конвей и Тейт обнажили свои мечи, отдав «вайпы» Сайле и Ланте, чтобы те защищали тюки.

Тройку неотвратимо теснили назад. Визжа о вечной жизни, воины Урагана в религиозном исступлении отдавали свои собственные.

Микка взвизгнула и проковыляла к Конвею, волоча сломанную ногу. Налатан получил мечом по животу. Он пошатнулся. К нему подскочила Тейт и перерезала глотку нападавшему. Налатан пришел в себя и, окровавленный, согнувшись от боли, снова ринулся в схватку. Микка оставалась рядом с Конвеем, защищая его с левого бока. Карда продолжал рвать зубами лошадей.

Издалека донесся голос Жреца Луны:

— Убейте церковных шлюх! Достаньте мне это оружие! Быстро! Луна победит!

Мужчина рванул мимо Тейт, намереваясь добраться до Сайлы. Та подняла свой нож. Напрасно, потому что Микка бросилась на воина. Сайла вскрикнула, пытаясь не глядеть на то, что творилось у ее ног.

Конвей упал от удара в голову. Оглушенный, не видя ничего вокруг, он пытался встать на ноги. Микка разобралась с воином, повалившим ее хозяина. Карда проследил за тем, чтобы у Конвея было время и место, чтобы оглядеться. Завывая, кочевник напал на него. Конвей парировал, ударил сам, почувствовав, как удар отдается в руке, разворачивая его. Не было времени посмотреть на результат. В брешь, образованную упавшим воином, вклинился

еще один.

Конвей услышал зовущий его голос. Ланта. Остатки адреналина встряхнули его тело, вызволив последние запасы сил. Он двинулся на голос, отчаянно ловя ее слова. В конце концов он пробился достаточно близко, чтобы уловить смысл, и, когда понял его, отчаяние дохнуло на него лютым холодом.

— Они идут, Мэтт! Они идут! — она показывала туда же, куда и Сайла. Женщины улыбались. Конвей решил, что они сошли с ума.

Когда он снова обернулся, едва не падая от усталости, то увидел только своих собак, Тейт и Налатана. На ногах не осталось ни одного из бойцов Урагана. Три отставших конника скакали вверх по склону заполненной дымом долины. Как странно, что они отходят в этом направлении, подумал Мэтт.

Они не промолвили ни слова, только хрипло и устало дышали, глядя на приближавшуюся волну новых всадников. Поддерживая друг друга, Конвей и Тейт заряжали «вайпы», готовясь к последней схватке.

Ланта схватила за ствол оружие Конвея, опустив его вниз. Тейт, пошатываясь, проходила мимо, когда ее остановил Налатан. Ланта смеялась, плакала, целовала Конвея от счастья и облегчения.

— Это же воины Собаки, Мэтт. Вестник, которого отправила Сайла, добрался. До дома. И мы туда пойдем. Мы пойдем домой.

Глава 115

Звук тихих голосов из лагеря наполнил пробуждающегося Конвея ощущением радости бытия, которое граничило с эйфорией. Закрыв глаза, он вспоминал встречу со спасшими их воинами Собак. Это было всего несколько часов назад, но ему казалось, что с тех пор прошли столетия. Эпизоды схватки были все еще яркими, но он не мог восстановить последовательность событий.

Самым приятным было воспоминание об охватившей их тогда радости. Он снова слышал гам радостных приветствий, всеобщее возбуждение, восторженное восхищение жизнью.

Обдумывая последнее ощущение, Мэтт посерьезнел. Битва за Врата не была похожа на остальные. Наконец-то он увидел все сделанное и почувствовал себя очистившимся, как если бы смыл с себя вину за все недостойное, что совершил раньше.

Он отчаянно хотел, чтобы так было на самом деле. В этот раз он защищал доброе дело. Это было больше, чем просто выживание. Больше, нежели туповатое доказательство своей сноровки, больше, чем извращенное чувство мести.

Нашел ли он в себе того человека, каким, как надеялся, мог бы стать? Был ли он достаточно сильным, чтобы противостоять дикой силе, не становясь дикарем? Был ли он достаточно мудр, чтобы идти на компромиссы, чтобы, обладая гордостью, не стать высокомерным?

Вряд ли кто-нибудь полностью обладал этими качествами.

Мэтт Конвей вздохнул, сознавая, что подошел к этим целям близко, как никогда.

Что-то прикоснулось к его лицу. Нежное. Влажное, восхитительно прохладное, с запахом трав.

Он открыл глаза. Рядом с ним сидела Ланта, подобрав под себя ноги, напоминая заботливую кошку, ухаживающую за своими котятами. Приветливо улыбнувшись, она выжала тряпку в миску, стоявшую на земле, и продолжила обтирать его лицо. Материя зашуршала о его жесткие усы, и она рассмеялась.

Все еще лежа на спине, Мэтт посмотрел ей в глаза и сказал:

— Знаешь, о чем я думал, спускаясь с того холма, в лагере Звездочетов, когда вы все были привязаны к столбу?

Ланта покачала головой, держа тряпку наготове. Ее поза говорила о том, что она готова

убежать в любой момент.

— Я должен сказать тебе это, — проговорил он. — Весь путь вниз я повторял себе: что бы ни случилось, я скажу тебе, как мне стыдно. Меня не волновало, что я мог умереть; я хотел, чтобы ты знала. А потом я был слишком пристыжен, чтобы сказать вообще что-нибудь. Сейчас я могу это сделать. То, что я сделал, непростительно. Я даже не могу выразить, как сильно я сожалею о том, что обидел тебя. Я виноват.

Ланта продолжила обмывать его лицо. Мэтт вздрогнул от прикосновения к раненой левой щеке. Ланта помедлила, долго разглядывая тряпку. Потом она снова посмотрела на него, почти вопросительно, но твердо ответила:

— Не непростительно. Человек может простить все. Было время, когда я пыталась убедить себя, что я в этом тоже виновата, но на самом деле это не так. Пока я не признала этого, пусть даже и желая, я не могла простить тебя.

— Вот это-то я и должен был сказать тебе. Я никогда не буду просить тебя о прощении. Все, чего я хотел, — это чтобы ты знала. Это моя вина. Моя ошибка.

Ланта внезапно оживилась:

— Тогда, значит, все уже сказано.

Конвей открыл было рот, чтобы добавить еще кое-что, но, взглянув на нее, передумал. Тем же тоном она продолжала:

— Микка порвала свою повязку, пока ты спал, так что Сайле пришлось делать ее по-новому. У Налатана все отлично. За ним присматривает Тейт.

Конвей сел. Пламенеющий закат освещал отдаленные холмы. Изможденное солнечным днем небо было покрыто тонкой пеленой облаков, нетерпеливо ожидая несущего успокоение покровы тьмы. Он с удивлением обнаружил, что не помнит, как сюда добрался. Налатан, скрививший губы в усмешке над болью. Стоически хромающая Микка. Сайла, стройная и высокая, высокомерно не обращающая внимания на рану, окровавившую ее спину.

Конвей вспомнил Сайлу, разговаривающую с предводителем Собак. Конвей еще спросил у Тейта его имя.

Незнакомый голос раздался за его спиной:

— Я знаю тебя, Мэтт Конвей. — Появившийся молодой человек был хорошо сложен, на обнаженных руках бугрились мускулы. Он широко и открыто улыбнулся. — Мы уже встречались после того, как разбили Алтанара в Оле. Меня зовут Дарбаннен Вайяр, я ночной дозорный Людей Собаки. — Он взглянул куда-то мимо Конвея. Обернувшись, Мэтт увидел приближающихся Сайлу, Тейта и Налатана. Последние явно проснулись совсем недавно. Улыбнувшись им, он приветствовал Дарбаннена по всем правилам племени, потом поинтересовался, как воины Собаки попали сюда.

Тот кратко ответил, явно не в первый раз:

— Вестник от Жрицы Роз Сайлы прибыл к Класу на Бейлу. До нас и раньше доходили слухи, что Летучая Орда двинулась на Дом Церкви. Туда же направилась и Жрица. Мы нашли сожженный лагерь Орды, когда кочевники его покидали, и последовали за ними.

Конвей подозвал псов. Они прибежали, Микка ковыляла на забинтованной лапе. Конвей заставил ее лечь рядом, желая ободрить собаку. Она удовлетворенно вздохнула. Он мог бы поклясться, что она насмехается над надменным, гордым Кардой.

Снова посмотрев на Дарбаннена, Конвей сказал:

— Ты видел Дом Церкви. Насколько там плохо?

Дарбаннен покачал головой:

— Они прекратили атаку, потом главная часть их войск осадила город. Жрец Луны с небольшим подразделением отправились искать вас. Мы сразу и не заметили, что Жрец уехал. Когда мы это обнаружили и бросились в погоню, было слишком поздно. Так что он скрылся с большей частью отряда.

Тейт подошла к Дарбаннену, взяла его за руку.

— Тут не в чем извиняться. Вы успели как раз вовремя. Если бы вы не погнались за ним и его шайкой, то мы сами разобрались бы с ними, не оставив для вас и крупинки славы.

Сейчас же можете хвастаться, что спасли нам жизнь. Мы это подтвердим.

Подмигнув Налатану, Дарбаннен спросил:

— Она что, всегда такая?

Тейт повернулась к воину-монаху, хитро улыбнувшись:

— Ответ человеку правильно, дорогуша: от этого многое для тебя зависит.

Налатан вспыхнул, запнувшись. Дарбаннен хрипло рассмеялся. Испытывая одновременно смущение и гордость, Налатан улыбнулся, немного вспотев.

Дарбаннен неожиданно помрачнел. Его внезапная серьезность оборвала смех.

— Есть еще новости. Я не хотел их говорить, пока вы не отдохнули. Мне стыдно за свой смех и веселье. Я позволил себе забыться от радости. Дома чума. Скэны нагледят с каждым днем. Гэн Мондэрк сражается с ними.

Голос Сайлы дрожал от невысказанной мольбы:

— Эта чума. Все ли живы те, кого я... мы... Многих она унесла?

— Когда мы отправлялись, с твоим мужем все было в порядке. Болезнь убивает только младенцев, стариков, ослабевших людей. Лихорадка. Слабость. Она длится долго, но большинство крепких взрослых поправляются.

Пятерка искавших Врата переглянулись. Никто не проронил ни слова. Все вспомнили Конвей. Симптомы были похожи.

Дарбаннен продолжал:

— В Летучей Орде тоже мор. При осаде Дома Церкви кочевники умирали от него; погребальные костры горели днем и ночью.

— Ты слышал что-нибудь о том, что творится в самом Доме? — спросила Сайла.

— Нет. Но я думаю, что чума заставит Орду отступить.

— Мы тоже здесь не задержимся, — решительно сказала Сайла.

— Пробудем ровно столько, сколько потребуется, чтобы все смогли держаться в седле. Дарбаннен, ты обеспечиваешь охрану. Мы остановимся вверх по ручью. Нам надо кое-что обсудить. Ты понимаешь.

— Секреты. Как же, понимаю. — Дарбаннен подмигнул Тейт, двусмысленно улыбнувшись. Теперь пришлось смутиться уже Тейт. Пока она собиралась с мыслями, чтобы ответить надлежащим образом, ночной дозорный ушел, удовлетворенно хихикая.

Сайла выбрала в стороне достаточно уединенное место, и вскоре на костре уже готовилось несколько кроликов. Собрав группу, Сайла задала волновавший всех вопрос:

— Тейт. Конвей. Вы лучше в этом разбираетесь. Какова ценность спасенных нами книг? Из того, что я поняла о «видеодисках» и «библиотеке», следует, что сокровища Врат были огромны. То, что мы вынесли, мне кажется просто жалким. Я ошибаюсь?

Конвей с Тейт принялись бодро убеждать ее в обратном, но холодный прагматизм Сайлы заставил их замолчать.

— Что в этих книгах?

Она вытянула пять книг из импровизированной сумки, сделанной из завязанной узлом церковной мантии. В черных обложках, они были одинаковыми по размеру, различаясь только по толщине. Конвей держал их с нежностью, переворачивая страницу за страницей.

Он положил их на колени Тейт и импульсивно обнял Сайлу. Держа ее на вытянутых руках, он посерьезнел.

— Все пророчества о возвышении Церкви могут сбыться при помощи этих книг. Все, что надо знать, чтобы построить здание, воспитать человека, преобразовать целый мир, — вот тут, в этих книгах. Однако любое знание можно осквернить. Ты делаешь большое дело, Сайла. Будь осторожна, но не сомневайся. Продолжай свою миссию. Ты избрана, чтобы быть Цветком. Ты преуспела в этом.

— Тут есть еще кое-что, что ты должен увидеть. — С чуть ли не благоговейной осторожностью она протянула ему тоненькую книгу в красной обложке. На ней не было названия, только колонка небрежно от руки написанных цифр на пластиковой обложке. Он вопросительно посмотрел на нее и заметил, что ее глаза блестели от едва сдерживаемых слез.

Отвернувшись, она сказала:

— Это было в другом ящике стола. Когда я увидела, что это такое, я едва не оставила ее там, но подумала, что все-таки следует взять ее с собой. Для записей, наверное. Я не знаю. — Она слабо пожала плечами и махнула рукой, как будто отпуская его.

На внутренней обложке было напечатано: **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**. Конвей перевернул страницу. Он задохнулся от волнения и тяжело сел на землю. Едва слышно он произнес:

— Месторасположение пещер с криогенными капсулами. Имена добровольцев. Даты. Пять мест. Наше, Аризона, Мичиган, Джорджия, Нью-Хемпшир. Тысячи таких, как мы. Погибли. Только мы. Единственные, кто выжил.

Остальные тоже замолчали, смотря на своих странных друзей. Те отошли в сторону. Тейт наконец сказала:

— Мы не знали, что мы единственные выжили. Так же, как мы не знали о Вратах.

Конвей кивнул, продолжая переворачивать страницы.

— Ты права. — Он тяжело вздохнул. — Неплохо за один день. Ну и к чему же мы пришли в конце концов, Доннаси?

Пытаясь волевым усилием выйти из затруднительного положения, Тейт выпрямилась, расправила плечи, подняла подбородок. Конвей ошеломленно смотрел, выжидая. Она сказала:

— Ты хотел сотворить самого себя. Я хотела узнать о культуре этого нового мира. Что ж, наши стремления сбываются. Господь помог нам.

— Вездесущий помог нам, — поправил Конвей. Его улыбка вполне могла бы быть насмешливой и ранящей. Но он добавил: — В сущности, это элегантный способ именовать высшее существо. — Он встал на ноги. Вместе с Тейт они подошли к остальным. Он сказал им: — Эта книга о наших людях — моих и Тейт. Она очень важна для нас. Могу я вас всех попросить забыть о том, что ее вообще нашли? Пожалуйста. Ее не существует. — Он засунул ее себе под рубашку.

Три головы утвердительно кивнули в ответ, не задумавшись ни на мгновение. Продолжая разговор, Сайла сказала:

— С этим разобрались. Сейчас мы должны поесть и отдохнуть. Мы нужны Трем Территориям.

Они медленно ели, иногда перебрасываясь друг с другом парой слов. После еды Сайла увидела, как Налатан и Тейт, взявшись за руки, уходили вверх по холму от света костра, и надвигающиеся сумерки сгущались вокруг них. В нескольких ярдах от нее Ланта и Конвей готовились ко сну. Она не смогла сдержать улыбки, увидев, на каком целомудренном расстоянии были разложены их постели и как в конце концов они неизбежно встретились в середине. Сидя бок о бок на траве и взявшись за руки, они разговаривали с искренностью влюбленных, планирующих свое будущее.

Эта четверка пробудила в Сайле острое чувство жалости к самой себе. Она поборолла слезы, осознав свое одиночество. Свою муку.

Где же сейчас был тот музыкальный, подбадривающий, требующий, льстивый голос? Одиночество.

Если это победа, то уж лучше бы разгром.

Врата. Как это сказал Конвей? «Все, что тебе потребуется, чтобы изменить мир, находится тут, в этих книгах». Что-то такое. Простые слова. Но огромная ответственность.

Жизнь для всех, ничего не оставляющая ей самой?

Я не буду никому принадлежать.

Слова звенели в ее ушах, пока благодетельный сон не принес облегчения.

* * *

Через два дня Налатан объявил, что готов к путешествию, и отказался дальше

обсуждать эту тему. И снова Сайла восхитилась своими товарищами. Тейт, побитая, вся в шрамах. Налатан, отчаянно отрицающий, что у него что-то болит, даже если ему приходится сгибаться, чтобы облегчить боль. Конвей и Ланта. Пострадавшие больше всех, хоть нет шрамов, чтобы подтвердить это. Все страстно желают отправиться на север.

Для нее. Потому что это было то, что она должна сделать. Потому что она так отчаянно хотела быть вместе со своим мужем.

Утром третьего дня они уходили, отправив разведчиков далеко вперед, сосредоточив главные силы около Сайлы и ее драгоценного груза. Микка как-то ухитрялась прыгать рядом. Она возмущенно взывала, когда Карда с важным видом ушел к Конвею, но Тейт с Лантой быстро примирили ее с судьбой мученицы.

Двумя днями позже, когда солнце было прямо над головой, на гребне к востоку появилось белое знамя. Налатан крикнул Дарбаннену:

— Ты видишь его? В шлеме. Коссиар или кочевник с добычей.

Дарбаннен хмыкнул, потом заявил:

— Как я жалею, что мы не взяли с собой собак. Мы опасались, что переход через северную Сушь убьет их. Сейчас бы нам пригодилось их умение разведывать. Мы движемся так медленно, что можно без особого труда устроить на нас засаду.

В разговор вмешалась Сайла:

— Это же символ мира. Смотрите, он идет к нам один.

Дарбаннен мрачно заметил:

— Это действительно символ мира. Но я не могу сказать подобного об этом человеке. Добираясь сюда, мы проехали через множество стран, покоренных кочевниками, и знаем, на что они способны. Вот еще три человека на этом склоне; кто знает, сколько их за западным, а, Жрица? — Он отрывисто скомандовал охране занять оборону.

Всадник-Коссиар остановился в нескольких ярдах от Сайлы и, приветствовав ее согласно обычаю, сказал:

— Сестра-Мать Одил просит о встрече. Примете ли вы ее с миром?

Налатан выдал ответ прежде Сайлы:

— А придет ли она сама с миром?

Посланник вздрогнул, и Сайла позволила ему немного поволноваться, прежде чем ответила сама:

— Передай Одил следующее: никаких сделок или уговоров. Сайла не забыла, что она пометила Одил. Или почему. Сайла говорит: «Пусть отступница придет».

Развернув своего скакуна, всадник галопом помчался к гребню. Троица оставила его позади, приближаясь быстрым шагом. Ланта отошла от Конвея, став поближе к своей подруге. Вместе они встретили своего врага, выпрямившись, с непокрытыми головами, вызывающие. За ними встали Конвей, Налатан и Тейт.

Одил не тратила времени на приветствия.

— Я пришла, чтобы забрать то, что принадлежит мне. Эти мужчины являются гарантией того, что все будет так, как должно. — Она махнула через плечо. — Глава братства Опалов. Второй — предводитель Тигров.

— У меня нет ничего, что ты могла бы назвать своим. Если это все, что ты хочешь мне сказать, то возвращайся туда, откуда явилась, и не мешай нам путешествовать. — Сайла произнесла это властным тоном, как будто Одил просто докучала ей.

Невозмутимая, Одил хитро и зловеще ухмыльнулась.

— Каждый воин-монах знает о клятве Налатана убить человека, называемого Белым Громом. Я пришла сюда, чтобы убедиться, что честь братств не оскорблена.

— Почему? — В восклицании Ланты было слышно искреннее горе.

— По той же причине, по какой я уничтожу и тебя, когда придет для этого время, изгнанная Жрица. Он помогает моему врагу. — Снова посмотрев на Сайлу, Одил продолжила: — Ты пометила меня. До смерти, сестра моя. — Внезапно она поднялась в стременах, обведя их костлявым обвиняющим пальцем: — Все вы обречены. Церковь

отвергает Три Территории до тех пор, пока те не отрекутся от зла. Когда ваши люди станут умирать от болезней и ран, а рядом не будет никого, кто мог бы их вылечить, вините в этом Сайлу. Когда ваши беззащитные души будут пожраны темными силами, вините в этом Сайлу. Я всегда готова вас простить. После того, как вы отречетесь от нее.

Дарбаннен побледнел. Он возвысил голос, стараясь не выказать слабость:

— Я повинуюсь Вождю Людей Собаки Класу на Бейлу. Мы знаем, что Жрица Роз Сайла чиста душой. Мы принадлежим ей, так же, как и она принадлежит нам.

Одил приготовилась ответить, но Сайла, подтолкнув коленом Рыжика, подъехала к ней почти вплотную, сказав испуганной Одил:

— У нас нет ничего для тебя. Налатан и Конвей самые лучшие друзья.

Быстро оправившись, Одил сказала:

— Налатан должен драться с Конвеем. Один из них должен умереть.

Сайла подала свою лошадь назад, посмотрев сначала на Налатана, а потом на Конвея. Налатан не обратил на это внимания, пристально разглядывая Одил. Конвей сказал:

— Я не буду с ним драться.

Смеясь, Одил произнесла с подчеркнутой медлительностью:

— Скажите этому человеку, так легко меняющему стороны, что такое честь.

Лидер Опалов сказал:

— Налатан должен убить тебя, согласно своей клятве, или же он осрамит все братства. Мы должны будем убить его, если он струсит.

— Струсит? Он самый храбрый человек, какого только можно встретить. Вы хотите драться? Отлично. Налатан и я — на вас двоих. Прямо сейчас.

Глава Тигров пожал плечами.

— Это была его клятва. Мы должны проследить за ее исполнением.

— На радость этой извращенной старой ведьме? Забудьте об этом. Я освобождаю его от клятвы. Я сдаюсь ему. Я боюсь драться с ним. Я прошу защиты у Жрицы Роз Сайлы.

На лицах воинов Собаки появились слабые ухмылки. Ланта победно улыбнулась.

Лицо Налатана стало пепельно-бледным, он весь дрожал. Его голос прерывался, когда он заговорил с Лантой:

— Ты должна понять. Я не могу жить дальше с этой клятвой. Но я не могу убить друга. Мои слова были греховны, и я должен заплатить за них. — Тейт была настолько потрясена, что даже не ответила, когда Налатан повернулся к Конвею. — Я умру здесь. Я не могу вынудить этих людей сделать это. Все мои бывшие братья будут опозорены. Ты победишь. Так и должно быть.

— Секундочку, — ледяной тон Тейт требовал повиновения. Все посмотрели на нее. Сайла заметила, как черная женщина повернулась, небольшое движение, и пустой глаз «вайпа» оказался нацеленным на главу Опалов. Сайла промолчала, гадая, следует ли ей разрешить то, что должно последовать за этим.

Тейт продолжила:

— Эй ты, с опалами. И ты, Тигр. Вы поклялись защищать Сестру-Мать, верно?

Оскорбленные, оба коротко кивнули. Тейт сказала:

— Я делаю вам предложение. Освободите Налатана. Признайте, что была совершена ошибка, что эта клятва уже не действенна. Наложите на него епитимью или что там еще, но отпустите. А иначе я убью вас. Потом я возьму эту старуху с собой в Орду и продам ее. Поразмыслите над этим: Сестра-Мать продана в рабство, когда вы ее охраняли. Так как насчет бесчестья?

Одил тщательно осенилась Тройным Знаком.

— Я не могу обратиться к душе, которой у тебя больше нет. Но все же я могу задеть тебя. Я изгоняю Налатана. Я утверждаю, что он зачарован тобой, ведьма.

Тейт не сводила взгляда с воинов.

— Изгоняешь? Это значит, что он больше не один из братьев. Его клятва аннулирована. Не так ли, братья?

Повернувшись в седле, Одил рывкнула на мужчин позади нее:

— Ради сохранения своих душ, соглашайтесь. Я же могу изгнать и вас.

— Если ты это сделаешь, то они больше не будут обязаны защищать тебя. — Внезапно Тейт повернулась к Налатану, ее лицо смягчилось. — Помоги мне, Налатан, ну пожалуйста. Скажи своим братьям, что ты хочешь освободиться. Все знают, что твоя честь безупречна. Не оставляй меня одну. Я люблю тебя. Не покидай меня. Не старайся доказать то, что не нуждается в доказательствах. Пожалуйста.

Конвей заговорил с Налатаном, несмотря на то что тот смотрел только в глаза Тейт, не обращая внимания на окружающее.

— Вот так люди вроде Одил разделяются с такими, как мы. Они разрушают наше единство, пользуясь им же самим. Не дай ей проделать это с тобой.

Прилагая отчаянные усилия, сражаясь с укладом всей своей жизни, посвященной Церкви, с многовековыми традициями, Налатан пытался заговорить. Пунцово-красный, отчаянно сглатывая, он наконец хрипло произнес:

— Я отказываюсь от своей клятвы. Я сглупил. Я не буду усугублять эту глупость. Одил. Я отвергаю тебя.

Та пронзительно, едва не завизжав, прокричала:

— Монахи, делайте, что должны! Повинуйтесь Церкви!

Те посмотрели друг на друга. Подъехав ближе один к другому, они подали назад лошадей. Перешептываясь, не обращая внимания на гневные проповеди Одил, они советовались. Когда они наконец были готовы, глава Опалов огласил их решение:

— Белый Гром прав. Я никогда еще не видел такой отваги. Налатан отрекся от клятвы, потому что он справедливо рассудил, что настоящему мужчине нельзя безоговорочно подчиняться всем правилам. Любое из братств может даровать прощение за действия, вынужденные обстоятельствами, если они были совершены на благо братства, или Церкви, или обоих. Так было всегда. Первой клятвой Налатана был обет защищать Цветок в его поисках Врат. Мы полагаем, что этот поиск еще не завершен, так что до его окончания Налатан не может исполнить вторую свою клятву.

Сайла и все остальные ликовали, поздравляя ошеломленного Налатана. Но их радость постепенно угасла.

Главы братств ожидали с каменной невозмутимостью. Одил смотрела на них со злобной надеждой. Глава Тигров сказал ей:

— Сестра-Мать, мы поклялись в своей верности Церкви, но мы не причиним зла Налатану. Тем не менее он публично отрекся от своей клятвы. Этого нельзя допускать. Впредь он уже не один из нас. Все же, Налатан, мы провозглашаем тебя храбрецом из храбрецов. — Обратившись к Сайле, он добавил: — Мы — оружие в руках Церкви. Мы надеемся, что в следующий раз мы встретимся друзьями. А если нет, что ж, пусть Вездесущий хранит вас до этого момента. — Он помолчал, потом многозначительно добавил: — Всех.

— Я запрещаю! — Одил была вне себя от злости. Она потрясла сжатыми кулаками. Пузырящаяся белая пена текла из уголков ее рта, капала на мантию. — Они не могут благословить тебя. Я Сестра-Мать и... — Она остановилась. В той быстроте, с которой она взяла себя в руки, было что-то сверхъестественное. Черты лица расслабились, оно стало гладким, хладнокровным и белым, не поддавшимся солнцу. Все ее тело расслабилось. Когда она заговорила, ее слова были ужасающе спокойными: — Я разгромлю тебя, Сайла. Что бы ты ни вынесла из разрушенных Врат, это не принесет тебе добра. Ты похитила секреты Церкви. Теперь даже твоя смерть не утолит мою ненависть. Твои друзья, твоя любовь — я уничтожу их. Всегда помни о Джессаке. Он вырастет, слыша каждый день о том, как ты похитила, а потом бросила его. Задолго до того, как я разрешу тебе умереть, ты взмолишься о милосердном забвении. Иди, изгнанница, со своей вонючей шайкой. Иди, зная, что все силы Церкви последуют за тобой, будут ждать и искать тебя. Иди. — Медленно и надменно Одил развернулась и поехала обратно. Ее эскорт ненавязчиво последовал за ней.

Никто не пошевелился, пока троица не исчезла за восточным гребнем. Конвей нарушил долгое, тяжелое молчание, сказав Дарбаннену, что пора трогаться в путь. Молодой воин охотно отдал приказы. Казалось, его громкие команды вывели людей из оцепенения. Все разом заговорили. Тейт отвела в сторонку хмурого Налатана. Ланта помчалась к Конвею, смеющаяся и счастливая, чтобы рассказать ему, как она им гордится.

Сайла осталась одна. Впрочем, она не возражала против одиночества. Раньше ее друзья редко уединялись со своими любимыми. Сейчас же это было многообещающим знаком. Для них. Для нее.

Она дотронулась до тюков с книгами. Ланта когда-то упомянула о том, что она видела удачное завершение их поиска. Она поведала это весьма сдержанно. Она явно увидела больше, чем захотела рассказать. Что ж, это вполне приемлемо. Кое о чем Ланта и сама не хотела знать.

Сайла припомнила слова Одил и, поевшись, прогнала их.

Книги. Будет нелегко уговорить мужчин — и женщин — согласиться на обучение. Из всех запрещенных вещей это была самая страшная.

Это будет. Людей можно изменить. Она убедилась в этом сегодня, на примере Налатана и Конвея. Гордость не должна быть слепой. Храбрость не должна быть бездумной. Она видела это.

Так же, как и Одил. Сняв капюшон, Сайла откинула голову назад, вдохнула полной грудью воздух, неожиданно пахнувший холодными, высокими соснами. Она возвращалась домой. Не как Жрица Роз. И не как Цветок. В этих именах были заключены отзвуки битв прошлого и тех, которые еще грядут.

Сайла. Жена Класа.

Домой.